РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

ЕЖЕГОДНИК

РУКОПИСНОГО ОТДЕЛА ПУШКИНСКОГО ДОМА

на 2023 год

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
2023

УДК 82.09
ББК 83.3(2Рос=Рус)
Е36

Издание осуществлено при финансовой поддержке Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации

Редакционная коллегия:
В. Е. Багно, чл.-корр. РАН, *В. В. Головин*, д. ф. н., *А. В. Лавров*, академик РАН, *С. И. Николаев*, академик РАН, *М. М. Павлова*, д. ф. н., *Т. С. Царькова*, д. ф. н., *Ю. М. Чихалова*

Ответственный редактор:
Т. С. Царькова

Секретарь редакционной коллегии:
Ю. М. Чихалова

Рецензенты:
Л. П. Громова, д. ф. н. (СПбГУ),
Н. Ю. Грякалова. д. ф. н. (ИРЛИ РАН)

Е36 Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2023 год / ИРЛИ РАН; отв. ред. Т. С. Царькова. — СПб.: ООО «Полиграф», 2023. — 848 с., ил.

Очередной выпуск старейшего серийного издания ИРЛИ РАН «Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2023 год» сохраняет свою традиционную структуру, включающую разделы: «Статьи. Сообщения», «Публикации», «Текстология», «Информация» и отвечает главному своему предназначению – представлять новые архивные материалы, текстологически выверенные, снабженные обстоятельными вступительными статьями и комментариями.

Наибольший читательский интерес несомненно вызовут публикации мемуаров Т. М. Глаголевой-Берхен о Бестужевских курсах, писем Д. И. Блудова к В. А. Жуковскому, письма 1941 г. из блокадного Ленинграда Я. Л. Бабушкина к Г. М. Фридлендеру о судьбе О. Ф. Берггольц, дневника В. В. Тимофеевой (Починковской), который она вела в трудные и голодные послереволюционные годы в Пушкиногорье, комплекс материалов о «певце “седого”, “тихого” Дона» писателе Ф. Д. Крюкове и др.

Высокую филологическую ценность имеют работы, помещенные в разделе «Текстология». Это — первый вариант перевода трагедии У. Шекспира «Антоний и Клеопатра», выполненный А. Н. Островским и впервые публикуемый здесь в юбилейный для драматурга год, а также варианты перевода текста Ф. Шиллера «Дон Карлос», осуществленного А. И. Куприным и впервые опубликованного в «Ежегоднике Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2022 год».

Раздел «Информация» знакомит читателей с новыми поступлениями и прошедшими в этом году научно-техническую обработку материалами.

Издание адресовано филологам, историкам, искусствоведам, преподавателям и студентам, всем читателям, интересующимся отечественной культурой и судьбами ее создателей.

ISBN 978-5-91868-038-4

© Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, 2023
© ООО «Полиграф», макет, 2023

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF RUSSIAN LITERATURE
(PUSHKIN HOUSE)

YEAR BOOK

OF THE MANUSCRIPT DEPARTMENT OF PUSHKIN HOUSE

for 2023

SAINT-PETERSBURG
2023

Editorial Board:
V. E. Bagno, A. V. Lavrov, S. I. Nikolaev, M. M. Pavlova,
T. S. Tsar'kova, Yu. M. Chihalova

Editor-in-Chief
T. S. Tsar'kova

Reviewers:
L. P. Gromova, N. Yu. Gryakalova

Е36 Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2023 год / ИРЛИ РАН; отв. ред. Т. С. Царькова. — СПб.: ООО «Полиграф», 2023. — 848 с., ил.

The *Yearbook of the Manuscript Department of Pushkinskij Dom for 2023* is the new issue in the oldest series published by the Institute of Russian Literature. Traditionally, the volume contains the following sections: *Articles and Short Communications*, *Publications*, *Textology* and *Information*, and fulfils its stated aim to present new archival materials, providing authoritative texts, substantial introductions and commentary.

The following publications will be sure to attract the reader's attention: T. M. Glagoleva-Berkhen's memoirs upon the Bestouzhev Courses; D. I. Bludov's letters to V. A. Zhukovsky; Ya. L. Babushkin's letters to G. M. Friedlaender about Olga Bergholtz written in 1941 during the Leningrad Blockade; the diaries of V. V. Timofeeva (Pochinkovskaya) which she wrote in Pushkinskiye Gory during the hard post-revolutionary and famine-struck years, and the complex of materials on the "Singer of the 'grey', 'quiet' Don", F. D. Kryukov, etc.

Of significant scientific value are the papers in the section *Textology*. The section presents for the first time the earliest version of A. N. Ostrovsky's translation of Shakespeare's tragedy *Antony and Cleopatra*, as well as a listing of textual variants to A. I. Kuprin's translation from Schiller's *Don Carlos* which was originally published in the *Yearbook of the Manuscript Department of Pushkinskij Dom for 2022*.

The section *Information* gives a review of new arrivals to the manuscript collections and of the materials that have newly undergone scientific and technical processing procedure.

The book is meant for philologists, historians, art historians, teachers, students, and all academic readers interested in the Russian culture as well as in the biographies of its renowned representatives.

I. СТАТЬИ, СООБЩЕНИЯ

DOI: 10.31860/978-5-918680-384-7-21

Л. К. Хитрово

В. А. ЖУКОВСКИЙ И ГЕРХАРД ФОН РЕЙТЕРН: «БИОГРАФИИ ИХ НЕРАЗДЕЛЬНЫ...»

Аннотация: Публикуется единственный эпистолярный автограф художника Герхарда фон Рейтерна, хранящийся в Рукописном отделе Пушкинского Дома: письмо из Франкфурта-на-Майне от 15/27 августа 1852 г. с откликом на смерть В. А. Жуковского и перезахоронение его праха в Александро-Невской лавре. Адресованное П. А. Плетневу письмо тематически связано с картиной художника «Святое семейство. Поклонение Марии Младенцу Христу с Иоанном Крестителем» (1858). В статье показано, что замысел полотна напрямую связан с важной для Жуковского вестью, полученной в последние минуты его жизни, — решением жены поэта, Елизаветы Жуковской, перейти из протестантского вероисповедания в православие.

Ключевые слова: В. А. Жуковский, Герхард фон Рейтерн, картина «Святое семейство. Поклонение Марии Младенцу Христу с Иоанном Крестителем», Е. А. Жуковская (урожд. Рейтерн), захоронение, Александро-Невская лавра.

Abstract: The only epistolary autograph of the artist Gerhard von Reutern, kept in the Manuscript Department of the Pushkin House, is published for thirs time: a letter from Frankfurt am Main dated August 15/27, 1852 with a response to the death of V. A. Zhukovsky and the reburial of his ashes in the Alexander Nevsky Lavra. The letter addressed to P. A. Pletnev is thematically connected with the artist's painting «The Holy Family. The Worship of Mary to the Infant Christ with John the Baptist» (1858). The article shows that the idea of the canvas is directly related to the important news for Zhukovsky received in the last minutes of his life — the decision of the poet's wife, Elizabeth Zhukovskaya, to switch from Protestant to Orthodoxy.

Keywords: V. A. Zhukovsky, Gerhard von Reutern, painting «The Holy Family. The Worship of Mary to the Infant Christ with John the Baptist», E. A. Zhukovskaya (nee. Reutern), burial, Alexander Nevsky Lavra.

Известный русско-немецкий художник Герхард фон Рейтерн,[1] близкий друг и родственник Жуковского, был моложе Василия Ан-

[1] Разрозненные биографические сведения о нем см.: *Сомов А. И.* Рейтерн Евграф Романович // Энциклопедический словарь: в 86 т. / изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. СПб., 1899. Т. 52. С. 510—511; *Майков П. М.* 1) Рейтерн Евграф (Гергард) Романович // Русский биографический словарь / изд. Имп. Рус. ист. о-ва. СПб.: тип. Имп. Академии наук, 1913. Т. [16]: Рейтерн — Рольцберг. С. 1—4;

© Хитрово Л. К., 2023

дреевича на 11 лет. Он родился 6 (17) июля 1794 г. в родовом имении Рестгоф Дерпского округа, неподалеку от города Валка Лифляндской губернии и был младшим из четырех сыновей в протестантской дворянской семье обрусевших прибалтийских немцев: Христофора-Германа Рейтерна (1744—1802), служившего камергером Саксонского двора, и его жены, урожденной Шарлотты фон Фишбах. Первоначальное образование Герхард получил дома. С детских лет увлекался рисованием. После смерти отца он вместе с матерью переехал в Петербург, где с 4-го класса стал учиться в школе при лютеранском приходе Святых апостолов Петра и Павла. По ее окончании (в 1810 г.) поступил в Дерптский университет, в котором помимо изучения естественных и военных наук брал уроки мастерства у профессора живописи К.-А. Зенфа.

В начале Отечественной войны 1812 г. Герхард ушел добровольцем в действующие войска. В составе лейб-гвардии Гусарского полка участвовал в заграничных походах против армии Наполеона и его союзников: 17 авг. 1813 г. — в сражении под Кульмом,[2] 4 окт. 1813 г. — в «битве народов» под Лейпцигом, в котором после тяжелого ранения в плечо лишился правой руки. Но желание рисовать у 19-летнего Рейтерна было так велико, что уже через четыре месяца он стал писать, а затем и рисовать левой рукой. Пером и акварелью Герхард создал несколько первых Рейнских пейзажей.

Летом 1814 г., находясь на лечении в Веймаре, он, мечтая стать художником, решился познакомиться с Гете, чтобы представить ему свои работы. Гете оценил его дарование и посоветовал всерьез заняться живописью. Поверив в свое предназначение, начинающий художник в чине полковника покинул (в 1819 г.) военную службу и для знакомства с европейским искусством предпринял путешествие по городам Германии и Италии, где посещал мастерские разных художников. Впоследствии он, развивая свой талант и приобретая профессиональное мастерство, обучался у профессоров Кассельской Академии художеств К. Глинцера, И. Родена и прошел весь образовательный курс в Дюссельдорфской Академии художеств, занимаясь у профессоров Ф. Шадова и Т. Гильдебрандта.

В 1820 г. «безрукий красавец», как позднее называл его Жуковский, женился на Шарлотте фон Швертцелль (17 дек. 1760—1854), в браке с которой имел трех сыновей: Александра (1824—1879), Вильгельма-Василия (1829—1897), Христофора-Евграфа (1836—1918); и трех дочерей: Элизабет-Елизавету (1821—1856, будущая жена Жу-

2) Русский художник в Германии // Русский вестник. 1894. Т. 234, сент. С. 219—237; Т. 235, окт. С. 3—16; Государственный Русский музей: Живопись XVIII — начала XX в.: каталог / под ред. В. А. Пушкарева. Л.: Аврора; Искусство, 1980. С. 92, каталог № 1398.

[2] В Государственном Русском музее (Санкт-Петербург) находится портрет Г. фон Рейтерна с Кульмским крестом Т. Гильдебранта. 1838. Холст, масло.

ковского), Шарлотту (1823—1847, будущая жена Юлиуса фон Вульфа) и Августу.

После женитьбы Рейтерн пытался жить на родине в Лифляндии. Но холодный климат усиливал боли в покалеченном плече. По этой причине он, по совету врачей, жил с семьей в Швейцарии в родовом поместье жены в Виллинсхаузене и лечился за границей. И за разрешениями на долгое там пребывание через каждые 5 лет был вынужден приезжать в Россию. Летом 1826 г. Герхард находился в Эмсе (Бад-Эмс), в городе-курорте, знаменитом своими целебными серными источниками.

11 мая 1826 г. на корабле из Петербурга через Копенгаген и Гамбург «отыскивать здоровье» выехал в Эмс и Жуковский. Накануне отъезда он составил духовное завещание, отправив его А. И. Тургеневу.[3] И сообщил близкой родственнице А. П. Киреевской о причине своего спешного выезда в Германию: «Надо сказать правду: во все это время болен и так болен, что вместо Москвы[4] еду на воды, в Эмс. <...> В моей болезни нет ничего опасного, ни мучительного, но надобно заранее остановить ее успехи, иначе вся машина совсем и навсегда расстроится»,[5] — писал Жуковский 20—26 апр. 1826 г. И в следующем письме от 29 апр., пытаясь успокоить взволнованную А. П. Киреевскую, пояснял: «Вы напрасно так сильно испугались слухов: моя болезнь требует лечения и незапущения, но в ней нет ничего теперь опасного. Я очень ослабел от (как бы сказать поучтивее) потери крови: слабость, одышка, когда всходишь на лестницу, бледность мертвеца баллады, впрочем, нет ничего опасного. Мне советуют пить Эмсские воды и в тоже время прожить несколько времени без заботы...»[6]

В этот тяжелый для Рейтерна и Жуковского период жизни и началась история их долголетней дружбы. Возвращаясь памятью к событиям знакомства с Герхардом Рейтерном, Василий Андреевич писал ко всем родным 5 (17) сент. 1840 г. из Дюссельдорфа в Муратово: «В 1826 году в Эмсе, где я медленно воскресал от смертельной болезни, в одно утро я встретился <...> с моим Дерптским безруким красавцем; но он в эту минуту был изнурен болезнью. И горе, и забота о будущем своем и семьи своей, бременили его. <...> На другой год та же

[3] Письмо от первой трети мая 1826 г. Петербург // Письма В. А. Жуковского к Александру Ивановичу Тургеневу. М.: издание «Русского архива», 1895. С. 212.

[4] Жуковский должен был выехать в Москву для участия 22 авг. 1826 г. в коронации императора Николая Павловича.

[5] Письмо В. А. Жуковского А. П. Киреевской от 20—26 апреля 1826 г. // Уткинский сборник / под ред. А. Е. Грузинского. М.: печатня А. И Снегиревой, 1904. [Т.] I. С. 42—43.

[6] Письмо В. А. Жуковского А. П. Киреевской от 29 апреля 1826 г. // Там же. С. 43—44.

причина свела нас опять в Эмсе. Вместе докончили мы свое лечение. И он, и я воскресли для жизни...»[7]

Выехав из Эмса и путешествуя по Европе, они вместе в начале сентября 1827 г. посетили в Веймаре И.-В. Гете.[8] Но летом 1832 г. здоровье Жуковского ухудшилось, и ему вновь понадобились лечебные процедуры. На этот раз из Петербурга он выехал 18 (30) июня 1832 г. и прибыл 4 (16) июля на Эмсские воды. Затем, желая «дойти до своей цели, до выздоровления», продолжил курс водного лечения сначала в Вейльбахе (с 3 (15) августа), затем в Веве (с 22 (4) сентября) и в Верне (с 15 (27) ноября). Однако от назначенных ему водных врачебных процедур улучшения здоровья не последовало. Поэтому Жуковский после посещения доктора 22 декабря (3 января следующего, 1833 г.), убедившись в необходимости принятия другого, радикального метода лечения, оставил в своем дневнике запись: «Решение сделать операцию. Странное меланхолическое и приятное чувство».[9]

На протяжении всего этого непростого для него периода жизни Жуковский не испытывал давления «мрачности и тоски», так как был окружен заботой и вниманием друга. «Я не один. Со мною живет Рейтерн и все его семейство», — замечал он в письме от 4 (16) янв. 1833 г. великому князю Александру Николаевичу.[10] Начиная со встречи в Висбадене при переезде Жуковского из Эмса в Вейльбах, и позднее в Швейцарии, друзья, несмотря на занятость Василия Андреевича лечебными процедурами, находили возможность для совместных прогулок, осмотра достопримечательностей, визитов; тогда же возникло между ними и родство творческих устремлений. Здесь Рейтерн написал серию акварельных рисунков с видами Женевского озера. Жуковский же, переняв его колористические приемы, сделал свой цикл акварелей с видами Женевского озера. В Вейльбахе и в Швейцарии Герхард с чувством особого творческого подъема создал пять разных портретов Жуковского.[11] Однако к началу 1833 г. уже у переутомлен-

---

[7] Письмо В. А. Жуковского к Е. Ф. Протасовой и ко всем родным. Дюссельдорф. 10 (22) августа 1840 г. — 5 (17) сентября. Опубл.: Русская беседа. 1859. Кн. 3. Отд. I. С. 17.

[8] См. подробнее: *Никонова Н. Е.* В. А. Жуковский о его немецкие друзья: новые факты из истории российско-германского межкультурного взаимодействия первой половины XIX в. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2012. С. 112—121.

[9] См.: *Жуковский В. А.* Полн. собр. соч. и писем: в 20 т. Т. 13: Дневники. Письма-дневники. Записные книжки 1804—1833 годов / сост. и ред. О. Б. Лебедева и А. С. Янушкевич. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 342; Жуковский был прооперирован в Верне доктором Майором в 1833 г. после возвращения из путешествия по Италии вместе с Рейтерном: первая операция состоялась 13 (25) июля, вторая — 28 (10) августа. См.: Там же. С. 384—385.

[10] Там же. С. 343.

[11] См. подробнее: *Либман М. Я.* Жуковский и немецкие художники // Взаимосвязи русского и советского искусства и немецкой художественной литературы. М., 1980. С. 311—312.

ного работой Рейтерна, судя по дневниковым записям Жуковского, стали возобновляться болезненные состояния.[12] Герхарда мучили боли в покалеченном плече, временами возникающая слепота и «неверность будущего», оттого что заказные работы не приносили ему верного дохода, а военной пенсии, которую он получал как участник войны 1812 года, на содержание многодетной семьи и на необходимое для него продолжительное лечение не хватало.

Рейтерн расположил к себе Жуковского дружеским вниманием, внутренней жизнестойкостью и художническим даром, который, по его мнению, отличался «поэтичностью, достоверной изобразительностью, без излишней стилистической вычурности и манерности».[13] Особенно высоко Жуковский ценил работы Рейтерна-портретиста. «До сих пор я не знаю подобных рейтерновым портретам, — писал Василий Андреевич К. К. Мердеру в январе 1833 г. из Верне в Петербург. — Многие с первого взгляда приятно нарисованы; но в ком найдете теплое чувство натуры: у него весь портрет, каждая складка, каждая пуговица, все отделано особенно и все вместе в величайшей гармонии. <...> Какая верная натура в каждой мелочи, но ничто не мешает целому; все отработано смелою кистию; но особенное достоинство портретов Рейтерна есть то, что он заставляет забывать искусство; не думаешь о живописце; видишь перед собою живого человека в настоящую минуту его жизни...»[14]

Принимая во внимание затрудненные обстоятельства жизни талантливого художника, Василий Андреевич, возвратившись в начале сентября 1833 г. к исполнению своих должностных обязанностей при царском дворе, своей бескорыстной заботой, «осторожной и терпеливой попечительностью», нашел возможность помочь Герхарду. Члены августейшей семьи через посредничество Василия Андреевича стали приобретать картины Рейтерна в свои частные коллекции. Так, в одном из писем 1833 г. Жуковский сообщал художнику: «Радостно мне было на вечере у государыни показывать всему обществу твои работы. Они заслужили одобрение и доказательством тому уменьшение числа их. Уполномоченный тобою, я просил их величества выбрать и взять, что им понравится; сам видишь, что они не скупы. Государь восхищался головами солдат; он всех их узнал. Павловский гренадер отдан мною шефу этого полка, великому князю наследнику.[15] Словом,

---

[12] *Жуковский В. А.* Полн. собр. соч. и писем: в 20 т. Т. 13. С. 321, 342, 348, 352—353.

[13] См.: *Майков П. М.* Русский художник в Германии // Русский вестник. 1894. Т. 234, сент. С. 233.

[14] Подборка копий писем В. А. Жуковского к разным лицам // РО ИРЛИ, ф. 184 (Б. Л. Модзалевский), оп. 3, без №, л. 49.

[15] Имеется в виду серия акварельных рисунков Рейтерна 1832 г. с изображением нижних чинов Семеновского и Павловского полков русской Императорской гвардии. В настоящее время находится в Государственном Русском музее.

успех полный, и я уверен, что ты не пожалеешь о твоих рисунках. У государыни будет особый альбом, наполненный произведениями Рейтерна...»[16]

12 мая 1837 г. Герхард фон Рейтерн, работы которого заслужили «одобрение» у царского семейства, был по представлению Жуковского произведен в звание Живописца Императорской фамилии с прибавкой к пенсии 8 тысяч рублей ассигнациями. У него появилась необходимая по состоянию здоровья возможность постоянно проживать, профессионально совершенствоваться и воспитывать детей за границей. Получив это звание, он вплоть до конца жизни не принимал частных заказов, и все его работы становились собственностью августейшего семейства.

Двумя годами ранее, в 1835 г., за работы «Портрет Василия Андреевича Жуковского (стоит у окна с видом на Женевское озеро)» (4 (16) янв. 1833 г. Верне. Бумага, акварель, собственность В. А. Жуковского)[17] и «Две картины из Семейной жизни» художнику присвоили звание «назначенного» в академики Императорской Академии художеств.

Вскоре он получил звание академика Императорской Академии художеств.[18]

«Бог помог мне быть для него орудием земного блага»,[19] — признавался Жуковский, когда ему удалось помочь Рейтерну справиться с материальными заботами.

В 1841 г. Жуковский породнился с Г. Рейтерном. Старшая дочь Герхарда Элизабет (Елизавета) стала женой Василия Андреевича.

21 июня (3 июля) 1841 г. Жуковский сообщал А. И. Тургеневу о поворотном моменте в своей жизни: «Я еще никому в Россию не писал о себе, пишу к тебе первому. Вот моя история. <...> Сделалось то, что редко на свете случается. Все, что мы предположили, исполнилось в точности. Я назначил день своего венчания 21 мая, так и сделалось.

---

[16] *П. Б.* [*Базаров И. И., протоиерей*]. Г. Р. Рейтерн // Русский архив. 1894. Кн. 3, вып. 9. С. 571—572.

[17] П. А. Плетнев писал в очерке «О жизни и сочинениях В. А. Жуковского»: «Теперь 4 янв. (стар. ст.) 1833 г. был сделан и прекрасный портрет Жуковского. Поэт стоит перед открытым окном; его сигара дымится, и он в задумчивости смотрит на возносящиеся перед ним вершины гор». Цит. по изд.: В. А. Жуковский в воспоминаниях современников / сост., подгот. текста, вступ. статья и коммент. О. Б. Лебедевой и А. С. Янушкевича. М.: Наука; Школа «Языки русской культуры», 1999. С. 404. В настоящее время этот портрет В. А. Жуковского (бумага, акварель, в свету) находится в Литературном музее Пушкинского Дома (ПД Муз. И. 4246). Воспроизведен в изд.: «Тень Пушкина меня усыновила...»: Музей А. Ф. Онегина. СПб.; Болонья; Кембридж, 1999. С. 75.

[18] См.: Юбилейный справочник Императорской Академии художеств, 1764—1914: [в 2 т.] / сост. С. Н. Кондаков; Имп. Санкт-Петербургская Академия художеств. Пг.: Товарищество Р. Голике и А. Вильборг, [1915]. Ч. II. С. 160.

[19] См.: Русская беседа. 1859. Кн. 3. Отд. I. С. 17.

21 мая из Лудвигсбурга, где мы ночевали, приехали мы рано поутру в Канштат. Я тотчас отправился за русским священником в Штутгарт, а Рейтерн все устроил для лютеранского обряда, и в 5 часов после обеда на высоте Ротенберга, в уединенной надгробной церкви св. Екатерины совершился мой брак тихо и смиренно; в Канштате был совершен лютеранский обряд...»[20] В 1842 г. у Жуковских в Дюссельдорфе 30 окт. (11 нояб.) родилась дочь Александра (умерла 14 сент. 1899 г. в Носсене), 1 (13) янв. 1845 г. во Франкфурте-на-Майне — сын Павел (умер 26 авг. 1912 г. в Веймаре).

Семейные отношения поэта и художника укрепили сложившуюся между ними «верную дружбу» и «проникновенную братскую любовь». «Оба они, и Жуковский, и Рейтерн были людьми благоволения. Биографии их нераздельны», — отмечали современники.[21] Среди их общих знакомых были такие известные личности своего времени, как дерптский художник Ф.-Л. Майдель; «назареец», «христианский живописец» И.-Ф. Овербек; дипломат, религиозный деятель Й.-М. фон Радовиц и др.

В 1840—1850-е гг. у Жуковского и Рейтерна с особой силой проявились присущие им обоим религиозно-философские устремления и созвучные творческие интересы в поиске особого языка образов и представлений, которые приближали бы искусство и поэзию к отражению духовной жизни. Жуковский написал «Повесть об Иосифе Прекрасном» (1845), поэму «Египетская тьма» (1846), стихотворение «Апокалипсис» (1851), перевел весь Новый Завет (1844—1845). В 1851 г. он, уже непоправимо больной и ослепший, намеревался завершить поэму «Агасфер, или Странствующий жид».

В 1842 г. Г. Рейтерн и Жуковский ко дню празднования серебряной свадьбы имп. Николая I Павловича и имп. Александры Федоровны (1 июля) подготовили совместный подарок. Императорской чете была преподнесена написанная Герхардом картина на религиозный сюжет «Святой Георгий Победоносец» и стихотворение Жуковского под названием «1-ое июля 1842» («Встает Христов знаменосец...»).[22]

В 1849 г. Рейтерн создал картину «Авраам приносит Исаака в жертву» и передал ее в дар имп. Николаю Павловичу (находилась в Эрмитаже). В 1858 г. завершенную картину «Святое семейство. Поклонение Марии Младенцу Христу с Иоанном Крестителем» художник преподнес имп. Александре Федоровне, супруге имп. Николая Александровича (Фермерский дворец. Александрия. Петергоф).

Чувством глубокого духовного сопереживания пронизано и письмо художника П. А. Плетневу из Франкфурта-на-Майне в Петербург

---

[20] Письма В. А. Жуковского к Александру Ивановичу Тургеневу. С. 291.

[21] *П. Б.* [*Базаров И. И., протоиерей*]. Г. Р. Рейтерн. С. 578.

[22] Подробнее об атрибуции картины и об истории ее бытования см.: *Иванникова А. П.* Вновь определенное произведение Е. Р. Рейтерна в собрании Эрмитажа // Эрмитаж. СПб., 2020. Том LXXVIII. С. 70—77.

от 15 (27) авг. 1852 г., несмотря на то что Жуковский и Рейтерн были людьми разных религиозных вероисповеданий. Текст письма написан на немецком языке. Это единственный автограф Герхарда фон Рейтерна, который хранится в Рукописном отделе Пушкинского Дома.[23]

Его содержание связано с церемонией перенесения по воле императора Николая Павловича праха Жуковского из пригородного Баденского кладбища и предания его земле на Тихвинском кладбище Александро-Невской лавры в Петербурге. Церемония состоялась 29 июля (10 авг.) 1852 г. в присутствии духовника императорских высочеств, протопресвитера Василия Борисовича Бажанова; преосвященного Макария, епископа Винницкого; товарища министра народного просвещения А. С. Норова; царственного воспитанника Жуковского, великого князя Александра Николаевича с его августейшею сестрою вел. княгиней Марией Николаевной, а также известных литераторов, ученых и студентов.[24] Ее устроителем и координатором всех необходимых приготовлений был друг Жуковского, ректор Петербургского университета и близкий к императорскому двору человек П. А. Плетнев. Знаток творчества Жуковского, он в последний, 11-летний, заграничный период жизни поэта являлся его посредником и доверенным лицом в литературных делах. Как устроитель печального обряда погребения Жуковского Петр Александрович вступил в переписку с родственниками поэта. Он приглашал его вдову и тестя принять участие в церемонии 29 июля (10 авг.) 1852 г. в Александро-Невской лавре. Однако по своему нездоровью Жуковская и Рейтерн выехать в Россию из Германии не имели возможности и о событиях в Петербурге они узнавали из сообщений Плетнева.

После получения от П. А. Плетнева известия о состоявшемся захоронении праха Жуковского Г. Рейтерн отправил ему ответное письмо с откликом на смерть своего друга и зятя. Герхард фон Рейтерн писал:

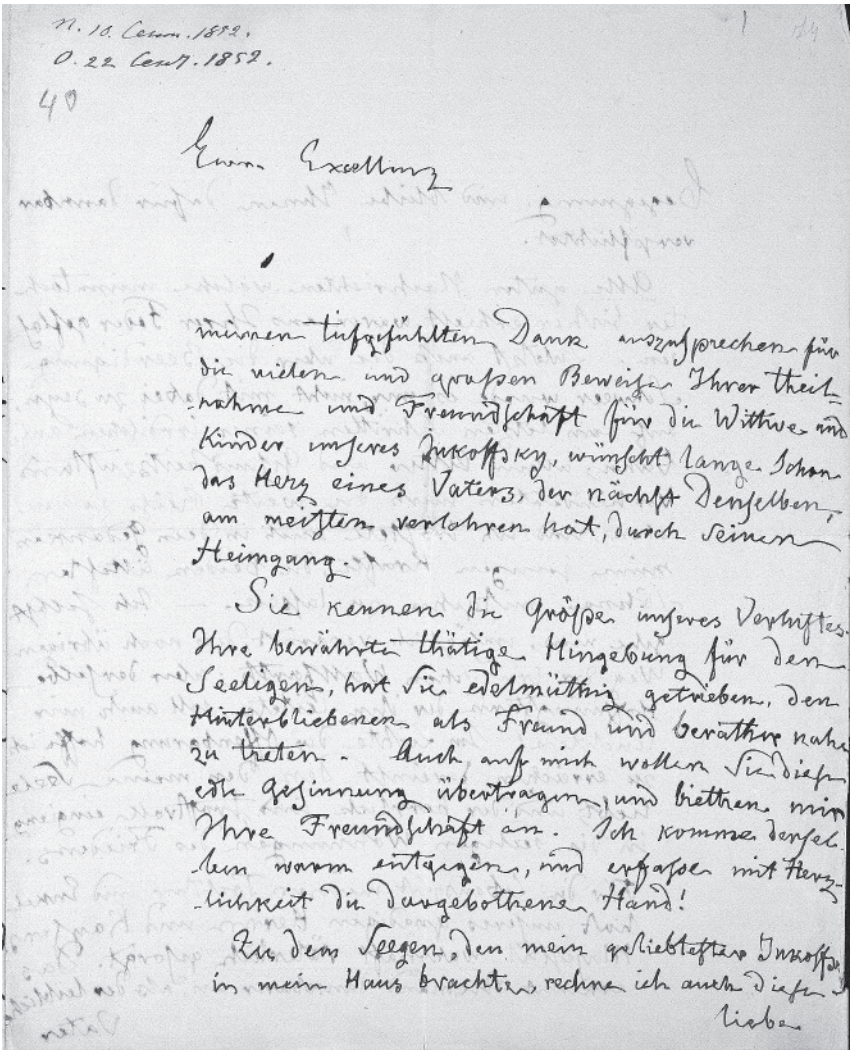
«Ваше превосходительство,

высказать Вам глубоко прочувствованную благодарность за многочисленные проявления Вашего участия и дружбы по отношению к вдове и детям нашего Жуковского уже давно желает сердце отца, который с его смертью потерял больше, чем самого себя. —

---

[23] РО ИРЛИ, ф. 234 (П. А. Плетнев), оп. 1, ед. хр. 153/10, л. 1—2. Письмо Г. Рейтерна П. А. Плетневу, которое среди других документов после смерти Петра Александровича находилось в распоряжении Я. К. Грота, было опубликовано в его статье. См. отд. отт.: *Грот К. Я.* Несколько дополнений к рукописям В. А. Жуковского. СПб.: тип. Имп. Академии наук, 1901. С. 12—14. В этой статье К. Я. Грот не комментировал письмо Г. Рейтерна и не рассматривал его в контексте взаимоотношений художника и поэта. Для настоящей публикации текст письма Г. Рейтерна к П. А Плетневу дается в переводе Т. М. Двинятиной.

[24] См. подробнее отд. отт.: *Грот К. Я.* Несколько писем по поводу смерти и погребения В. А. Жуковского // Литературный вестник. СПб., 1904. Кн. 4. С. 1—11.

Начало письма Герхарда фон Рейтерна к П. А. Плетневу от 15/27 авг. 1852 г. (РО ИРЛИ, ф. 234, оп. 1, ед. хр. 153/10, л. 1)

Вы знаете, как велика наша потеря. Вы благородно пронесли свою заботливую и деятельную преданность покойному, став и для родственников их другом и близким человеком. Вы и на меня хотите перенести этот благородный душевный порыв и предлагаете мне Вашу дружбу. Я охотно иду ей навстречу и сердечно пожимаю протянутую мне руку!

К счастью, которое привел в мой дом мной горячо любимый Жуковский, я отношу и эту дорогую мне встречу и глубоко благодарен Вам за это.

Все (здесь и далее курсив в тексте письма Г. Рейтерна. — *Л. Х.*) добрые вести, которые до сих пор получала моя дочь, вылетели из-под *Вашего* пера. В последний раз — и о погребении. Тяжело мне было не присутствовать при последних шагах его земного пути, и только возраст и здоровье помешали мне проделать дальнее путешествие; но мысленно я следовал за моими юными силами; я послал туда обоих старших сыновей.[25] Сам я совершаю оставшийся путь земного странствия, несказанно обеднев, но тот самый светоч надежды, который руководил им, должен светить и мне! В свете откровения я надеюсь когда-нибудь достигнуть *Того*, *Кого* любит моя душа и Который прекрасно и утешительно входит в блаженные обители покоя.

О жизни моей дочери и внуков позаботился Его Величество всемилостивейший Государь наш *поистине отечески*.[26] Никто не может оценить это благодарнее, чем сам любящий их отец. Да вознаградит его Господь Бог за это, воздав его собственным августейшим детям! Аминь.

Есть у меня еще одна забота: может быть, нет необходимости для моей дочери совершить путешествие в Россию этой осенью? Мы сильно надеемся на прибытие нашего дорогого молодого Государя Наследника, чтобы получить окончательное решение об этом. Дай Бог, чтобы это путешествие могло быть отсрочено до будущей весны; потому что после таких тяжелых потрясений, при очень слабых силах, быстрое вступление в зиму было бы для нее определенно очень опасным! — Так как я отвечаю Вашему Превосходительству на Ваше французское письмо по-немецки, то прошу в том извинения. Может быть, я скорее смогу найти у Вас прощение, если сошлюсь на то, что мы с Жуковским всегда переписывались именно *так*. Так каждому из нас было наиболее удобно. Лучше *всего было* бы, если бы я мог бы писать Вам по-русски, но только я, к сожалению, слишком плохо знаю русский язык!

В заключение я должен упомянуть об одном письме Плюшара, которое я прилагаю.[27] Согласно ему, я заказал художникам сделать ри-

---

[25] Имеются в виду сыновья Рейтерна: Александр — в то время адъютант кн. Ф. И. Паскевича и Вильгельм-Василий (второе имя получил в честь Жуковского) — дерптский студент.

[26] В тисках вынужденных обстоятельств оказалась вдова Жуковского вместе с несовершеннолетними детьми. Е. А. Жуковской было назначено 5 тыс. рублей ежегодного денежного пенсиона из сумм государственного казначейства при условии проживания вместе с детьми в России. С июля 1853 г. она с Александрой и Павлом жила в Москве.

[27] *Плюшар Адольф Александрович* (1806—1865) — петербургский книгопродавец и книгоиздатель, владелец типографии. В арх. П. А. Плетнева письмо Г. Рейтерна А. А. Плюшару, датированное 15/27 авг. 1852 г., не сохранилось.

сунки, что потребовало много времени, теперь они отправлены по адресу Вашего Превосходительства с приложением писем художников, по которым Плюшар увидит их пожелания.[28] Ответ снова может придти на мой адрес, и я передам его Г. Функу,[29] который живет здесь во Франкфурте.

Примите уверения в совершенном уважении и благодарной преданности, с которыми я имею честь быть

Вашего Превосходительства

Преданный слуга и друг

Герхард фон Рейтерн.

Франкфурт-на-Майне, 15/27 августа 1852».

Отвечая Плетневу, Рейтерн выражал тяжесть прощания и явно ощущал свое присутствие на церемонии в Александро-Невской лавре рядом со своими старшими сыновьями Александром и Вильгельмом-Василием. Вспоминал он и о том, как во время последней болезни в Баден-Бадене Жуковский собирался и ушел из жизни в Светлый понедельник, на второй день православной Пасхи, 12 (24) апр. 1852 г.

В последний день земной жизни, после причащения Святых Тайн, прощаясь с родственниками, Василий Андреевич удостоился виде́ния Иисуса Христа и услышал о благой для него вести: жена Елизавета «после долгой внутренней борьбы» решилась на переход из протестантской веры в православие. По свидетельству духовника поэта, протоиерея Иоанна Базарова, Жуковская в беседе с ним призналась, что, прощаясь с мужем, почувствовала, что «теперь ее место при детях не только в их спальне и в учебной, но и в их церкви». И. И. Базаров в «Воспоминаниях о В. А. Жуковском» писал: «В последние дни его жизни готовилось ему самое радостное событие в его семействе, которым он не успел насладиться, радость близкого исполнения оного он взял с собою во гроб. Событие это было следствием долгой внутренней борьбы любимой им особы. Он страдал вместе этою борьбою, но его уважение к самому характеру этой священной борьбы, место которой есть святилище души, не позволяло ему положить на весы колебавшихся мнений полновесную истину его собственных убеждений, которая одна решила бы участь избрания».[30]

12 (25) сент. 1852 г. в Висбаденской церкви, ближайшей к Дармштадту и Франкфурту, был совершен обряд присоединения Елизаветы Жуковской к православному вероисповеданию. Восприемниками при миропомазании стали великая княгиня, цесаревна Мария Александровна и государь-наследник Александр Николаевич.

---

[28] Г. Рейтерн вел переговоры с П. А. Плетневым об отдельном издании очерка «О жизни и сочинениях В. А. Жуковского» с рисунками немецких художников.

[29] В.-Г. Функ — немецкий художник.

[30] Цит. по изд.: В. А. Жуковский в воспоминаниях современников. С. 447—448.

Восприняв значимость духовного обновления дочери, нареченной Елизаветой Алексеевной, и обращаясь памятью к событиям предсмертного, проникнутого высоким религиозным чувством последнего дня земной жизни Жуковского, Герхард Рейтерн создает в 1858 г. картину «Святое семейство. Поклонение Марии Младенцу Христу с Иоанном Крестителем».

Традиционно художники, обращаясь в своих работах к схожему религиозному сюжету, изображали рядом с Богородицей Иоанна Крестителя и Младенца Иисуса сообразно их малому возрасту веселыми и озорными.

Рейтерн в своей картине преобразил и переосмыслил иконографический сюжет и, соединив его с семейной жизнью Жуковских, наполнил его живописной символикой.

В образе Марии он изобразил Елизавету Жуковскую. Она угадывается по одному из хорошо известных портретов К.-Ф. Зона 1840 г. По заказу Жуковского он был исполнен художником перед венчанием с невестой. В образе белоголового Младенца Иисуса узнаётся сын Жуковских Павел. Он идентифицируется даже по поздним фотопортретам, которые хранятся в коллекции А. Ф. Онегина Литературного музея Пушкинского Дома.[31] Так же дочь Александра по характерным очертаниям округлого лица, по линии подбородка на более поздних фотографиях[32] узнаётся на картине в образе Иоанна Крестителя с черными вьющимися волосами, такими они были с малых лет у самого Жуковского.

Изобразительная метафорическая система позволила Рейтерну выразить идею созданного им полотна: лоно семьи одновременно является и лоном храма. Как Младенец Иисус связан с Богородицей своим естеством и верой, так и крещенные в православии дети Павел и Александра связаны со своей матерью, Елизаветой Алексеевной Жуковской.

Раскрытая перед ней Библия являет собой символ пути, по которому она вошла в «духовный храм» православных детей. Сакральный замысел работы художника дополняется целым рядом других изображенных на ней символов. В ногах, на покрывале детской кроватки, на которой лежит Младенец Иисус, изображены цветы пассифлоры. Они являются символом страстей Христовых. Рядом с пассифлорой изображен плющ — символ воскресения, вечной жизни и преданности. У руки спящего Младенца находится роза, красно-белый цвет которой символизирует одновременно страдание и радость.

В проеме окна на перекладине с отодвинутой шторой сидит трогательная малиновка. Согласно существующему апокрифу, она от рож-

---

[31] См.: П. В. Жуковский. 1860-е годы. Фотография на паспарту. Литературный музей Пушкинского Дома: Муз. И. 4321/8.

[32] См.: А. В. Жуковская. 1860-е годы. Фотография на паспарту. Литературный музей Пушкинского Дома: Муз. И. 4321/9.

дения была маленькой птичкой в сером оперении, которая изо всех своих возможных сил старалась облегчить страдания распятому на кресте Иисусу. Выклевывая шипы из тернового венца, она преобразилась: ее грудка, окропленная кровью Христа, стала малиновой.

Из раскрытых окон дома видна река. Очевидно, художник изобразил Рейн с его берегами. Именно с Рейном связано важное событие в жизни Жуковского. 9 июня 1840 г. во время путешествия по Германии с императором Николаем I на корабле «Виктория», который курсировал по Рейну, Василий Андреевич впервые вместе с просьбой об отставке от должностных назначений сообщил государю о своем решении жениться на Елизавете Рейтерн.

У спинки кровати со спящим Иисусом изображен маленький Иоанн Креститель с бамбуковым крестиком. Он, по замыслу художника, уже допустил Младенца Иисуса к крещению, и безгрешный Младенец после утренней молитвы Матери, сложив Свои детские пальчики в троеперстие, готов осенить Себя и Марию крестным знамением и принять на Себя все грехи мира.

27 нояб. 1856 г., когда художник еще продолжал работу над своей картиной, в Москве умирает его дочь, Елизавета Алексеевна Жуковская. Ее похоронили рядом с мужем в Александро-Невской лавре. Это событие также нашло отражение в композиции картины. В ближней перспективе раскрытого окна изображено древо жизни. На нем сидит одна горлица, к которой подлетает другая. Таким образом Рейтерн передал воссоединение душ ушедших из жизни православных супругов — Василия Андреевича и Елизаветы Алексеевны Жуковских.

Так Герхард фон Рейтерн, личная и творческая судьба которого во многом определилась встречей, дружбой и родством с В. А. Жуковским, письмом к П. А. Плетневу и созданием картины «Святое семейство. Поклонение Марии Младенцу Христу с Иоанном Крестителем» откликнулся на смерть Жуковского, на церемонию перезахоронения его праха в Александро-Невской лавре и на переход его жены в православие.

В 1858 г., по завершении работы, художник передал картину в собственность императрицы Александры Федоровны. До 1909 г. она находилась в Фермерском дворце в Петергофе. Позднее из Зимнего дворца полотно было передано в Русский музей. В настоящее время картина «Святое семейство. Поклонение Марии Младенцу Христу с Иоанном Крестителем» находится в филиале музея, в Мраморном дворце, в кабинете великого князя Константина Константиновича, личный архив которого находится в Рукописном отделе Пушкинского Дома.

Рейтерн умер 22 марта 1865 г. во Франкфурте-на-Майне, пережив Жуковского на 13 лет. На его могильном камне, согласно желанию художника, была сделана эпитафия: четыре первых стиха из 103-го псалма: «Благослови, душе моя, Господа...».

В 1894 г., в год 100-летнего юбилея со дня рождения Герхарда фон Рейтерна, усилиями его родственников в Петербурге была проведена первая персональная выставка работ художника.[33] На ней, впервые собранные вместе, были представлены работы Рейтерна, которые находились в разных частных собраниях, в том числе и в императорских дворцах: пейзажи, портреты, полотна на религиозные сюжеты; акварельные, пером, карандашом (более 73); масляными красками (более 107), офорты (12), литографии и др.

В настоящее время работы художника хранятся в собраниях: Государственного Эрмитажа, Государственного Русского музея, Всесоюзного музея Пушкина, Государственного литературного музея, Музея-квартиры А. А. Блока, Литературного музея ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН, а также в частных коллекциях.

Библиографический список

1. «Тень Пушкина меня усыновила...»: Музей А. Ф. Онегина. СПб.; Болонья; Кембридж, 1999.
2. В. А. Жуковский в воспоминаниях современников / сост., подгот. текста, вступ. статья и коммент. О. Б. Лебедевой и А. С. Янушкевича. М.: Наука; Школа «Языки русской культуры», 1999.
3. Государственный Русский музей: Живопись XVIII — начала XX в.: каталог / под ред. В. А. Пушкарева. Л.: Аврора; Искусство, 1980.
4. *Грот К. Я.* Несколько дополнений к рукописям В. А. Жуковского. СПб.: тип. Имп. Академии наук, 1901.
5. *Жуковский В. А.* Полн. собр. соч. и писем: в 20 т. Т. 13: Дневники. Письма-дневники. Записные книжки 1804—1833 годов / сост. и ред. О. Б. Лебедева и А. С. Янушкевич. М.: Языки славянской культуры, 2004.
6. Каталог посмертной выставки рисунков и картин Г. Р. Рейтерна в память столетней годовщины его рождения, устроенной в доме Имп. Общества поощрения художеств в пользу учащихся в рисовальной школе Общества, в 1894 году, С.-Пб., в типогр. Киршбаума. СПб., 1894.
7. *Либман М. Я.* Жуковский и немецкие художники // Взаимосвязи русского и советского искусства и немецкой художественной литературы. М.: Наука, 1980.
8. *Майков П. М.* Рейтерн Евграф (Гергард) Романович // Русский биографический словарь / изд. Имп. Рус. ист. о-ва. СПб.: тип. Имп. Академии наук, 1913. Т. [16]: Рейтерн — Рольцберг.
9. *Майков П. М.* Русский художник в Германии // Русский вестник. 1894. Т. 234, сент.; Т. 235, окт.
10. *Никонова Н. Е.* В. А. Жуковский о его немецкие друзья: новые факты из истории российско-германского межкультурного взаимодействия первой половины XIX в. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2012.

[33] См.: Каталог посмертной выставки рисунков и картин Г. Р. Рейтерна в память столетней годовщины его рождения, устроенной в доме Имп. Общества поощрения художеств в пользу учащихся в рисовальной школе Общества, в 1894 году, С.-Пб., в типогр. Киршбаума. СПб., 1894. С. 1—11.

11. Письма В. А. Жуковского к Александру Ивановичу Тургеневу / Изд. «Русского архива» по подлинникам, хранящимся в Имп. Публичной библиотеке. М., 1895.
12. Письмо В. А. Жуковского о браке его с девицею фон Рейтерн, писанное в Дюссельдорфе, с 10 августа по 5 сентября 1840 года и посланное в Муратово к Е. Аф. Протасовой и ко всем родным // Русская беседа. 1859. Кн. 3. Отд. I.
13. *Сомов А. И.* Рейтерн, Евграф Романович // Энциклопедический словарь: в 86 т. / Изд. Ф. А. Брокгауз и И. А. Ефрон. СПб., 1899. Т. 52.
14. Уткинский сборник / под ред. А. Е. Грузинского. М.: печатня А. И. Снегиревой, 1904. [Т.] I.

DOI: 10.31860/978-5-918680-384-22-29

П. Р. Заборов

АКАДЕМИК А. Н. ВЕСЕЛОВСКИЙ И ЕГО СИЯТЕЛЬНЫЙ УЧЕНИК

Аннотация: В основе сообщения — комплекс писем графа Андрея Александровича Бобринского (1859—1930) к его университетскому учителю, а затем коллеге, академику Александру Николаевичу Веселовскому. В использованных и цитируемых письмах получили отражение научная деятельность А. А. Бобринского и его активное участие в жизни Неофилологического общества, председателем которого являлся А. Н. Веселовский.

Ключевые слова: история французской литературы, Гадальная книга, Неофилологическое общество.

Abstract: The report is based on a corpus of letters addressed by count Andrey Alexandrovich Bobrinsky (1859—1930) to his University professor and later colleague Alexandr Nickolaevich Veselovsky. The letters that are being used and cited here reflect Bobrinsky's academic interests and his active engagement with the Neophilological Society headed by Veselovsky.

Keywords: a History of French literature, Divination book, Neophilological society.

Тридцатилетняя профессорская деятельность Александра Николаевича Веселовского (1838—1906), возглавлявшего кафедру всеобщей литературы, а затем романо-германской филологии на Историко-филологическом факультете Петербургского университета, — одна из блестящих страниц в истории этого высшего учебного заведения. Воспитанная им плеяда талантливых и высокообразованных филологов оставила глубокий след в культурной жизни страны, в преподавании у нас западноевропейских языков и литератур, в создании отечественной школы художественного перевода.

Имена учеников Веселовского, внесших особенно ценный вклад в нашу филологическую науку, хорошо известны: это Ф. А. Браун, Ф. Д. Батюшков, Д. К. Петров, Е. В. Аничков, В. Ф. Шишмарев и ряд других. Однако через «школу Веселовского» прошли также люди, успешно проявившие себя — полностью или частично — на других поприщах. К ним принадлежал, например, граф Андрей Александрович Бобринский (1859—1930).

 © Заборов П. Р., 2023

Прямой потомок Алексея Григорьевича Бобринского (внебрачного сына Екатерины II), возведенного в графское достоинство Павлом I, представитель знатного и притом очень богатого семейства, он прошел весь курс обучения в Петербургском университете, и поскольку интересовался только или, во всяком случае, по преимуществу историей французской литературы XIV—XV вв., продвигался он по этому нелегкому пути под руководством Веселовского, которому, скорее всего, был обязан выбором специальности вообще.

Как складывались их отношения в бытность Бобринского студентом (1877—1881), неизвестно, хотя можно предположить, что Веселовский и тогда уже обратил на него внимание — и не столько потому, что его учеником оказался титулованный аристократ (что для Веселовского было, надо полагать, не так уж важно), сколько ввиду его интеллектуальных и человеческих достоинств. О характере же их общения в дальнейшем мы можем говорить с большей уверенностью, ибо в архиве ученого сохранилось 15 писем к нему его сиятельного ученика, относящихся к 1881—1890 гг.

Переписка их началась осенью 1881 г., когда Бобринский уже трудился над своей кандидатской диссертацией. Из письма от 11 (23) нояб. 1881 г. мы узнаем, что, приступая к работе, он не рассчитывал выполнить ее и подать к назначенному сроку (1 декабря), заранее предупредил об этом Веселовского и получил его согласие. Однако продления срока не потребовалось, и Бобринский, находившийся тогда во Флоренции, сообщил Веселовскому о скором окончании диссертации, а также о ее теме, следовательно, выбранной им вполне самостоятельно, хотя направление его разысканий было ему все же подсказано Веселовским. Посвящена она была Антуану де Ласалю, французскому прозаику первой половины XV века. «Я убежден, что в моей работе найдется много пробелов: это происходит оттого, что, будучи принужден заниматься ею во Флоренции, я не мог иметь под рукою все те источники и пособия, при пользовании которыми эти пропуски, вероятно бы, не оказались. Однако в здешних библиотеках я нашел самые важные для моей темы сочинения, и это дает мне повод надеяться, что в разбираемых мною вопросах эти пробелы не слишком значительны», — писал Бобринский и добавлял, как бы извиняясь: «К сожалению, мне невозможно было представить описание любопытной рукописи “Quinze joies de marriage”, хранящейся в петербургской Публичной библиотеке и на которую Вы мне указали прошлою зимою».[1]

Под несомненным влиянием Веселовского заинтересовался Бобринский французской гадальной книгой XV века, к изучению которой для последующей ее публикации он обратился после окончания университета. Во всяком случае, именно Веселовский указал ему на единственную известную рукопись этого своеобразного литературного

[1] РО ИРЛИ, ф. 45, оп. 3, ед. хр. 147, л. 1—2.

памятника, попавшую в Публичную библиотеку благодаря П. П. Дубровскому, который включил ее в свой «музей» под названием «Jeu d'amour» («Любовная игра»). Веселовский отвечал на различные вопросы Бобринского; более того, он, наряду со своим учеником и университетским приятелем Бобринского, а впоследствии видным ученым — филологом, педагогом и литератором, Ф. Д. Батюшковым, принял участие в подготовке рукописи к печати и затем к правке корректур, поскольку Бобринский в Петербурге довольно долго отсутствовал, находясь в своем украинском имении Смела, а затем — в любимой им Ницце.

Так, в письме от 27 нояб. 1885 г. из Смелы он сердечно благодарил Веселовского за интерес к его работе и соглашался с предложенными «изменениями в тексте и словаре», причем просил в дальнейшем исправлять замеченные погрешности без его разрешения и не посылать ему еще раз корректур,[2] а 2 (14) янв. 1886 г., уже из Ниццы, благодарил «за проверку текста», на сей раз, по-видимому, окончательную. «Надеюсь только, что она не отняла у Вас слишком много времени. Без сомнения, Вы нашли в тексте некоторые неточности, которые без такого пересмотра вошли бы в мою книгу», добавлял он, а со своей стороны, поскольку по пути в Россию собирался остановиться на несколько дней в Париже, предлагал выполнить какие-нибудь просьбы Веселовского, например, по части приобретения нужных ему книг (что он делал и позднее).[3]

Процесс издания этого старинного текста оказался не таким уж простым. Печатание ученого труда, к тому же принадлежавшего перу столь высокопоставленного автора, было остановлено Цензурным комитетом ввиду «непристойности» двух строф этой гадальной книги, не случайно озаглавленной Дубровским и вслед за ним Бобринским «Jeu d'amour». Правда, Бобринский ввел в заголовок необходимое разъяснение: «Французская гадальная книга XV века», но это цензоров не удовлетворило, так что требовалась чья-то помощь. Раздражению Бобринского не было предела, но участвовать в преодолении этих неожиданно возникших трудностей он не мог, поскольку проживал в это время в Смеле. Надежда была на Веселовского, к которому он и обратился 7 марта 1885 г.: «Многоуважаемый Александр Николаевич, типография Балашева, в которую я отдал "Jeu d'amour", меня извещает, что Цензурный Комитет воспретил печатание этого произведения. Оказывается, что господа цензоры знают древне-французский язык и нашли в моем памятнике какой-то потаенный смысл, от меня ускользнувший и свидетельствующий о "неблагонамеренности" его автора», — писал Бобринский и далее приводил два вполне невинных стиха из 20-й и один из 153-й строф.

---

[2] РО ИРЛИ, ф. 45, оп. 3, ед. хр. 147, л. 7—8.

[3] Там же, л. 9—10.

«Следовало бы теперь предать сожжению самую рукопись? — продолжал он. — Во всяком случае, мне остается сделать одно из двух: или вычеркнуть из текста те строфы, которые способны оскорбить их чутье, или же печатать за границей в будущем? Быть может, Вы найдете возможным заступиться за “Jeu d’amour”? Ваше слово и Ваш авторитет в данном случае должны много значить? Впрочем, я ставлю эти вопросы наудачу, мне совсем не известно, может ли быть изменен раз произнесенный Цензурным Комитетом приговор? И от кого это зависит?»[4]

Пришлось ли Веселовскому к кому-то обращаться или дело устроилось без его вмешательства, неясно, но вскоре разрешение было получено, и 31 марта 1885 г. Бобринский поспешил сообщить об этом Веселовскому, поблагодарив за помощь, хотя и не зная точно, кому он этим обязан.[5] Между тем, во вступлении к книге он принес ему благодарность «за полезные указания», не уточнив, в чем они, собственно, состояли.[6]

Начиналось же это вступление характеристикой памятника, о котором было известно лишь специалистам. «Французская Гадальная книга, которую мы ныне издаем по рукописи, хранящейся в Санкт-Петербургской Публичной библиотеке (Fr. Q. XIV.5), — писал Бобринский — содержит двести тридцать два кратких стихотворения. Во главе каждой строфы начертаны игральные кости в том виде, как они изображены в издаваемом тексте. Из содержания некоторых строф видно, что для гаданий собиралось целое общество. Каждый поочередно бросал на стол кости, две или три вместе, и прочитывал строфу, соответствующую данному сочетанию полученных очков. Характер строф преимущественно любовный».[7] Надо добавить, что строфы состояли из четырех или шести стихов каждая, и, поскольку в игре участвовали и мужчины, и женщины, многие стихотворения адресовались одновременно и тем, и другим.

Далее следовали описание рукописи, сведения о ее возможном происхождении из северо-восточной Франции, словарь, необходимый ввиду обилия в рукописи диалектальных элементов, вышедших из употребления и изменивших значение слов, а также пространное приложение «Об игральных костях в Древнем мире и в Средние века». Завершало книжку факсимиле 9-го листа рукописи, позволявшее лучше понять смысл и назначение этой старинной игры.

Естественно, что такой ученый труд мог заинтересовать немногих, и, стремясь привлечь к нему внимание и поддержать молодого авто-

---

[4] Там же, л. 4—5.

[5] Там же, л. 6.

[6] Jeu d’amour: французская гадальная книга XV века / издал по рукописи Императорской С.-Петербургской Публичной библиотеки граф А. Бобринский. СПб.: тип. В. С. Балашева, 1886. С. X.

[7] Там же. С. V—VI.

ра, Веселовский, фактически руководивший работой, решил сообщить о ней и дать ей оценку в печати, и не на страницах ведомственного журнала, а в широко распространенном и читаемом «Вестнике Европы». При этом небольшая рецензия превратилась у него в содержательную статью, не случайно озаглавленную «Гадательные книги на Западе и у нас», статью, в которой его колоссальная эрудиция и склонность к обобщениям проявились в полной мере. Признав, что труд Бобринского «обогащает наши сведения не столько по литературной, сколько по бытовой истории старой Франции», он кратко наметил эволюцию этого жанра: «Бытовая сторона лежит в древнем обычае гадания, удержавшемся по традиции до позднего времени, но изменившем свой первоначально обрядовый, серьезный характер в применении к новым общественным отношениям: обряд, таинственный спрос судьбы, обратился в jeu de société» (т. е. светское развлечение). А затем проиллюстрировал это положение на примерах, почерпнутых в истории бытования этого явления на Руси и в Италии эпохи Возрождения. Примечателен заключительный пассаж этой рецензии, в котором Веселовский сформулировал свою любимую мысль о важности изучения западной культуры для понимания русской: «Подобные труды в области западных литератур не отвлекают русские научные силы от изучения родной старины, а приготовляют к ее более зрелому пониманию, и в этом смысле всегда желательны».[8]

Сходным образом отозвался об этой книжке Ф. Д. Батюшков, посвятивший ей обширный критический очерк в «Журнале Министерства народного просвещения», где утверждал, «что издание гр. Бобринского и с внешней стороны, и по тщательности и умелости, с которой оно выполнено, заслуживает внимания и может быть причислено к числу хороших критических изданий»; самый памятник же он находил интересным «по языку и по стилю, по бытовым аллюзиям и народным поговоркам, в него внесенным».[9]

Откликнулся на это событие и другой ученик Веселовского, недавно выпущенный из университета, Е. М. Гаршин, будущий видный литератор и педагог: «В общем, — заключал он свою краткую рецензию, помещенную в “Историческом вестнике”, — небольшая книга графа А. Бобринского представляет значительный вклад в нашу научную литературу, не лишена общего интереса, но особенное значение имеет для западных исследователей, которым дает в руки любопытный памятник, бывший до сих пор малодоступным даже для самых выдающихся в Европе знатоков старо-французской литературы».[10]

Что же касается Бобринского, то он продолжил свои разыскания в избранной им области и в июле 1887 г. опубликовал в «Журнале

[8] Вестник Европы. 1886. Т. 2, № 4. С. 895—898.

[9] Журнал Министерства народного просвещения. 1886. Ч. 244, апр. Отд. II. С. 426—437.

[10] Исторический вестник. 1886. Т. 24, апр. С. 238—239.

Министерства народного просвещения» большую статью «Роман о Фовеле», которая свидетельствовала о его свободной ориентации во французской средневековой литературе и умении работать с рукописями (статья явилась итогом изучения им восьми списков из парижской Национальной и одного из петербургской Публичной библиотек), а также — что, впрочем, было обязательно для учеников Веселовского — о хорошем знании им старофранцузского языка.[11]

Одновременно Бобринский совместно с Батюшковым занялся анализом неизданной лицевой рукописи, хранившейся в парижской Национальной библиотеке, по своему содержанию близкой к роману о Фовеле. Однако статья их на сей раз увидела свет не в министерском журнале, а в первом выпуске «Записок Романо-германского отделения Филологического общества при Императорском Санкт-Петербургском университете», вышедшем весной 1888 г.[12] Общество это (позднее переименованное в Неофилологическое) было основано по инициативе Веселовского, который его фактически возглавлял до конца жизни, но деятельного участия в его организации Бобринского не следует преуменьшать. Особенно существенна его роль в издании «Записок», поскольку министерство, несмотря на все старания Веселовского, отказалось его субсидировать, и Бобринский буквально спас его, заплатив необходимую сумму.

Подробности этой истории мы узнаем из письма к Веселовскому от 18 марта 1888 г. «Многоуважаемый Александр Николаевич, — писал Бобринский, — вчера вечером я заходил к Вам, чтобы переговорить о нашем предстоящем хождении по министрам, но, к сожалению, не застал Вас дома. Собственно, я желал Вас видеть, чтобы разубедить Вас в необходимости подобного хождения, не только в необходимости, но и в благопристойности; я стою за “честь” отделения и, обдумав, нахожу, что просить подаяния нам не подобает, тем более что сам далеко не убежден в обязанности Правительства нам, романо-германистам, помогать. Наше общество вообще имеет лишь одну raison d’être, самостоятельно удовлетворять известным потребностям, научным задачам космополитического характера, что своего рода роскошь, которая должна оплачиваться собственными средствами, а издание “Записок” — пробный камень, который докажет живучесть общества, просить для “Записок” субсидий все равно что заранее предрешать этот вопрос в отрицательном смысле, а это обидно. А потому предлагаю следующее: счет типографии Балашева заплачен <...> со временем, если касса пополнится, секретарь мне вернет эти деньги; во всяком случае, если угодно, эти 140 рублей могут считаться долгом,

[11] Журнал Министерства народного просвещения. 1887. Ч. 252, июль. Отд. I. С. 30—48.

[12] Записки Романо-германского отделения Филологического общества при Императорском С.-Петербургском университете. СПб., 1888. Кн. 1. С. 89—117.

подлежащим уплате в течение 14 лет, по 10 р. в год?»[13] При этом он не претендовал ни на какую публично выраженную благодарность и вообще предлагал, если такое решение будет принято, сохранить его в тайне.

В последующие годы Бобринский исправно посещал заседания общества и время от времени заменял Батюшкова, выполняя обязанности секретаря, т. е. вел переговоры с докладчиками, согласовывал с Веселовским темы выступлений, рассылал повестки и т. п.[14] Но связь его с Веселовским по какой-то причине ослабевала и почти сошла на нет.

Некоторое охлаждение, которое произошло в контактах Бобринского с Веселовским, ученика с учителем, не означало, однако, спада активности графа, который и в молодые годы сочетал филологические штудии с сочинением музыки, а кроме того, был избран предводителем дворянства как владелец Смелы. Теперь он все больше уходил в государственную и промышленную деятельность, занимал различные должности в Государственном совете и в течение многих лет возглавлял Всероссийское общество сахарозаводчиков. Весьма выразительна характеристика его в книге П. А. Бурышкина «Москва купеческая»: «Это был человек тонкой и глубокой культуры, редкой внутренней чистоты и светлости, подлинный старый русский барин в лучшем смысле» — и добавлял: «Мало кто пользовался таким единодушным уважением» (С. 271). Не забудем и о его придворном звании — камергера, предполагавшего выполнение каких-то, пусть и ритуальных, обязанностей.

После революции граф Андрей Александрович Бобринский покинул Россию и, подобно многим своим столь же достойным и незаурядным соотечественникам, обосновался во Франции, где и скончался.

Библиографический список

1. Jeu d'amour: французская гадальная книга XV века / издал по рукописи Императорской С.-Петербургской публичной библиотеки граф А. Бобринский. СПб.: тип. В. С. Балашева, 1886.
2. *Батюшков Ф. Д.* Французская гадальная книга // Журнал Министерства народного просвещения. 1886. Ч. 244, апр. Отд. II.
3. *Бобринский А.* Лицевая история Fauve: неизданный памятник французской литературы XIV века // Записки Романо-германского отделения Филологического общества при Императорском С.-Петербургском университете. СПб., 1888. Кн. 1.
4. *Бобринский А.* Роман о Фовеле // Журнал Министерства народного просвещения. 1887. Ч. 252, июль. Отд. I.
5. *Бурышкин П. А.* Москва купеческая. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2016.

[13] РО ИРЛИ, ф. 45, оп. 3, ед. хр. 147, л. 23—24.
[14] Там же, л. 14—16.

6. *Веселовский А. Н.* Гадательные книги на Западе и у нас // Вестник Европы. 1886. Т. 2, № 4.
7. *Е. Г.* [*Гаршин Е. М.*]. Jeu d'amour. Французская гадальная книга XV века. Издал по рукописи Императорской С.-Петербургской публичной библиотеки граф А. Бобринский. СПб., 1886 // Исторический вестник. 1886. Т. 24, апр.

DOI: 10.31860/978-5-918680-384-30-52

В. А. Лукина, В. И. Симанков

НЕИЗВЕСТНЫЙ АДРЕСАТ И. С. ТУРГЕНЕВА: ВОЗВРАЩАЯСЬ К НАПЕЧАТАННОМУ

Аннотация: В статье вновь рассматривается вопрос об адресате мюнхенского письма И. С. Тургенева от 3 (15) июля 1875 г. Письмо это, обращенное к некоей «Катерине Владимировне» и рассказывающее о времени, проведенном писателем в Карлсбаде, было впервые напечатано на страницах «Ежегодника Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2005—2006 годы», однако в первой публикации адресат тургеневского письма остался неустановленным. Новые разыскания, предпринятые авторами настоящей статьи, показывают, что загадочная «Катерина Владимировна» — это одна из младших дочерей графа В. А. Соллогуба, сведения о которой в литературе практически отсутствуют. Реконструкция точных данных о детях В. А. Соллогуба составляет одну из задач настоящей публикации.

Ключевые слова: И. С. Тургенев, Карлсбад 1875, граф В. А. Соллогуб, Александр Конди Стивен.

Abstract: The article revisits the question of who was “Katerina Vladimirovna”, an addressee of Ivan Turgenev’s letter of 3 (15) July 1875. The letter was originally published in *The Yearbook of the Manuscript Department of Pushkinskij Dom for 2005—2006*; the addressee in question, however, was not identified at the time of publication. New findings discovered by the authors clearly suggest that “Katerina Vladimirovna”, an enigmatic correspondent of Turgenev and his Karlsbad vis-à-vis, is one of the youngest daughters of the writer Count Vladimir Sollogub. The essential information about the girl is painfully meagre, as well as the information about other Sollogub’s children in general. The reconstruction of the family line of the once-popular Russian writer presents an additional research challenge.

Keywords: Ivan Turgenev, Karlsbad 1875, Count Vladimir Sollogub, Alexander Condie Stephen.

В 2009 г. в очередном выпуске «Ежегодника Рукописного отдела Пушкинского Дома» одним из авторов настоящей статьи было впервые напечатано письмо И. С. Тургенева от 3 (15) июля 1875 г. к некоей «Катерине Владимировне», личность которой тогда так и осталась неразгаданной.[1] Действительно, среди известных корреспондентов

[1] См.: Неизвестное письмо И. С. Тургенева / публ. В. А. Лукиной // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2005—2006 годы. СПб.: Дмитрий Буланин, 2009. С. 434—442.

 © Лукина В. А., Симанков В. И., 2023

писателя мы не найдем ни одной «Катерины Владимировны», которая отвечала бы всему набору контекстуальных характеристик, содержащихся в указанном письме. Каких-либо новых данных на этот счет не появилось и после выхода публикации. Казалось бы, перед нами неразрешимая задача — однако, если заново обратиться к обстоятельствам пребывания Тургенева в Карлсбаде в 1875 г. и проанализировать круг его тамошних знакомых, то можно отыскать по меньшей мере одну «Катерину Владимировну», которая, на наш взгляд, и выведет нас из тупика. Примечательно, что имя ее не только не фигурирует в списке уже установленных адресатов Тургенева, но и вовсе не упоминается на страницах как первого, так и второго Полного собрания сочинений и писем писателя.

Прежде чем перейти к делу, напомним еще раз текст «неизвестного письма И. С. Тургенева»:[2]

HÔTEL DE BAVIÈRE
MUNICH

Мюнхен.
Четверг, 15-го июля 75.
10 часов вечера.

Пишу к Вам из Вашего соседства, любезнейшая Катерина Владимировна, в ответ на Ваше милое письмецо. В последнее время я так захлопотался в Карлсбаде, что решительно минуты не мог улучить свободного времени. Мы с Толстым задумали дать литературно-музыкальный вечер в пользу погорельцев в Моршанске — и он состоялся третьего дня — весьма удачно: *чистой прибыли* мы получили 1603 гульд<ена> 9 крейц<еров>. Ничего подобного, говорят, еще не было в Карлсбаде! Лабицкий с своим оркестром играл из Глинки и Рубинштейна, Толстой читал свои баллады, я — «Живые мощи» и «Льгов». Жара была страшная — никто ничего не слышал — но все казались довольны.

Сегодня я в 12 часов выехав из Карлсбада и переночевав здесь, пускаюсь завтра ранехонько через Баден-Баден в Париж, оставив Зеегенов, Головнина, баронессу Вревскую, брата и Шлоссбрунн, который пользы принес мне мало: мне едва ли не хуже, чем когда я приехал. Но это всё исправится.

Радуюсь, что вам всем хорошо в Рейхенгалле — и что даже Вы называете его *раем* — (хотя, увы, княгини нет!). Передайте мой дружеский поклон Вашему батюшке, матушке и сестре — и скажите им, что я часто с великим удовольствием вспоминал о днях, проведенных вместе.

Я передал Ваш поклон mlle Marie. Если позволите, я Вам напишу из Парижа — а теперь жму Вам крепко руку, желаю Вам всего хорошего и остаюсь

искренне Вам преданный
Ив. Тургенев.

[2] Подлинник ныне хранится в Рукописном отделе ИРЛИ: р. I, оп. 29, ед. хр. 441. Комментарии к письму, которые даны в первой публикации, здесь не воспроизводятся.

Как следует из приведенного выше письма, в июне н. ст. 1875 г. загадочная корреспондентка Тургенева должна была находиться в Карлсбаде, причем вместе со своими родителями и сестрой, где они и повстречались с писателем. Кто бы это мог быть? Еще раз восстановим карлсбадское окружение Тургенева и бегло перечислим имена тех русских знакомых, среди которых он оказался по приезде в этот курортный городок. Так, из письма Тургенева к П. В. Анненкову от 25 мая (6 июня) 1875 г. мы узнаем, что, помимо уже упомянутого графа А. К. Толстого, писатель успел застать и его супругу, графиню С. А. Толстую, а также графа В. А. Соллогуба и княгиню М. А. Барятинскую.[3] Из письма же А. К. Толстого к жене, к тому времени покинувшей Карлсбад,[4] выясняется, что граф Соллогуб был на водах не один, а со своей супругой. «Затем отказался от вечера у Соллогубов и пошел с Тургеневым к Зеегенам», — сообщал он С. А. Толстой 2 (14) июня 1875 г.[5] Отталкиваясь от этих весьма скудных данных, можно предположить, что Соллогуб прибыл в Карлсбад не только в сопровождении своей супруги графини С. М. Соллогуб (урожд. Вielьгорской), но и с кем-то из своих детей.

Что нам известно о детях В. А. и С. М. Соллогуб? Заглянув, например, в словарь «Русские писатели», мы узнаем, что «у супругов было пятеро детей: София (1841—50), Аполлинария (1849—50), Матвей (1852—94), Михаил (1854—88), Анна (1856—57)»,[6] причем все упомянутые дочери умерли в раннем возрасте. Трудно сказать, к какому источнику восходят эти сведения,[7] однако во всяком случае они не учитывают не только двух младших дочерей: Екатерину (1860—1918;

---

[3] Ср. фрагмент из указанного письма Тургенева к П. В. Анненкову из Карлсбада: «Любезнейший Павел Васильевич, я только вчера попал сюда по случаю полудобровольной задержки в Нюренберге <...> Из русских здесь обрел Толстых (А. К. и его жену), Соллогуба и очень милую княгиню Барятинскую (Кокону)» (*Тургенев И. С.* Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. Письма: в 18 т. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Наука, 2003. Т. 14. С. 99; далее ссылки на это издание приводятся сокращенно: *ПССиП(2)*, с указанием серии, номера тома и страницы). Ср. также фрагмент из письма Тургенева к А. В. Топорову от 25 мая (6 июня): «Здесь из русских — развалина Соллогуб и граф А. К. Толстой — тоже развалина. Да я и рад: мне хочется быть одному» (Там же. С. 102).

[4] Так, двоюродной сестре Толстого княжне Е. В. Львовой Тургенев сообщал 6 (18) июня 1875 г.: «Графиня уехала на днях, но Алексей Константинович остался и еще не скоро собирается нас покинуть» (Там же. С. 106).

[5] Из переписки гр. А. К. Толстого, 1851—1875 гг. // Вестник Европы. 1897. Т. 4, № 7. С. 125.

[6] *Немзер А. С.* Соллогуб В. А. // Русские писатели, 1800—1917: биографический словарь. М.: Большая российская энциклопедия, 2007. Т. 5. С. 724.

[7] К примеру, в «дополнительных листах» к формулярному списку Соллогуба 1856 г., указание на которые дано в архивной справке, сопровождающей словарную статью о писателе: «РГИА, ф. 1349, оп. 5, д. 3082 (ф. с. 1856 г.) [справка М. С. Левиной]» (Там же. С. 729), сведения о детях отсутствуют вовсе.

в замуж. Вульфиус) и Наталью (1861 — ок. 1935; в замуж. княгиня Чичуа),[8] которые родились впоследствии, — но и еще троих детей Соллогубов: Александра (1845 — ок. 1902),[9] Елизавету (1847—1932; в замуж. Сабурова)[10] и Марию (1851—1917; в замуж. княгиня Гага-

[8] Подробнее о Екатерине и Наталье Соллогуб — см. далее в статье.

[9] Ср. фрагмент из письма А. М. Виельгорской к Н. В. Гоголю от 23 авг. 1845 г.: «Любезный Николай Васильевич, я вам объявляю большую новость: у Софьи Михайловны <Соллогуб> родился сын 17 числа сего месяца, и его назвали Александром» (цит. по: Н. В. Гоголь и Виельгорские в их переписке, 1839—1849 г. / [сообщил] В. Шенрок // Вестник Европы. 1889. Т. 6, № 11. С. 95. Здесь же помещено и ошибочное примечание В. И. Шенрока, получившее широкое распространение в литературе о Гоголе: «Александр Владимирович Соллогуб, скончавшийся в Москве в декабре 1888 г.». На самом деле «в Москве в декабре 1888 г.» скончался не Александр, а его родной брат Михаил. См.: Русская родословная книга / [сост.] князь А. Б. Лобанов-Ростовский. 2-е изд. СПб.: изд. А. С. Суворина, 1895. Т. 2. С. 246). Граф А. В. Соллогуб был женат на О. Н. Челищевой (1845—1909) и имел от нее двух сыновей и дочь. Дата смерти жены уточняется нами по некрологу: «Графиня Ольга Николаевна Соллогуб скончалась 26-го июня, в 12 ч. ночи, о чем с глубоким горем сыновья покойной извещают родных и знакомых. Панихиды в 2 ч. дня и в 8½ ч. вечера на квартире покойной. Манежный пер., 17» (Новое время. 1909. 28 июня. № 11958. С. [1]). Как и его отец, граф А. В. Соллогуб был не чужд литературе. См.: 1) Русские типы: выписки из моего дневника / А. В. Салванаренко [= граф А. В. Соллогуб]. СПб.: тип. Тренке и Фюсно, 1873. Вып. 2; 2) Сочинения графа А. В. Соллогуба. СПб.: тип. О. И. Бакста, 1877. Т. 1 (вкл. ранее опубл. «Русские типы»); 3) Зарница: художественно-литературный сборник / под ред. графа А. В. Соллогуба и А. И. Ботезат. СПб., 1883—1884. Вып. 1—3; 4) Светлана: рассказ графа А. В. Соллогуба // Нива: ежемес. лит. прил. 1894. № 4 (16 апр.). Стб. 631—652. В мае 1894 г. жизнь камер-юнкера графа А. В. Соллогуба круто перевернулась — он был обвинен по «делу о грибановских миллионах», получившему небывалый резонанс в обществе. Материалы судебного процесса освещались на страницах «Нового времени» чуть ли не ежедневно в течение целого месяца. См.: [Дело о духовном завещании Грибанова] // Новое время. 1894. 4—25 мая. № 6529—6550. См. также: *Лесков А.* Жизнь Николая Лескова. М.: ГИХЛ, 1954. С. 562—563. Ср. еще фрагмент из воспоминаний В. Б. Бертенсона «За тридцать лет»: «Прокутив все свое состояние и сойдясь с какими-то проходимцами, вследствие, быть может, нужды, а главное — собственной бесхарактерности, <А. В. Соллогуб> подделал или участвовал в каком-то подлоге, был судим и сослан в Сибирь на поселение, где вскоре и умер» (Исторический вестник. 1912. Т. 128, июнь. С. 801). Точная дата смерти графа А. В. Соллогуба нуждается в уточнении. Год смерти реконструируется нами на основании данных из справочника «Весь Петербург на 1903 год» ([СПб., 1903]. С. 620), в котором графиня О. Н. Соллогуб, жена А. В. Соллогуба, впервые обозначена как «вд<ова> кам<ер>-юнк<ера>». Ср. также крайние даты (1867—1897) переписки графа А. В. Соллогуба с сестрой Елизаветой Сабуровой: ГАРФ, ф. 1974 (Сабуровы), оп. 1, д. 1375.

[10] Ср. некролог, напечатанный в парижской газете «Возрождение» (1932. 4 сент. № 2651. С. [1]): «Елизавета Владимировна Сабурова (рожд. гр. Соллогуб) тихо скончалась в пятницу, 2 сентября в 9 час. веч., о чем извещают дочери и внуки. — Панихида на дому 13, Av. de Versailles в воскр. в 3 ч. дня и 8 ч. веч. Погребение на кладбище Русского дома S-te Geneviève des Bois в понед. 5 сент. после литургии, которая начнется в 10 час. утра». Несколько дней спустя на страницах той

рина),[11] родившихся до 1856 г. Между тем и Елизавета, и Наталья, и, возможно, Мария — все эти «несуществующие» дочери графа Соллогуба прямо или косвенно фигурируют в переписке Тургенева за 1870-е гг. Так, о вечере, проведенном в Петербурге с «дочерью Соллогуба, г-жой Сабуровой», то есть Елизаветой Владимировной, Тургенев сообщал Полине Виардо в письме от 13, 15 (25, 27) мая 1874 г.[12] В другом своем письме к Полине Виардо, от 19 (31) мая 1874 г., Тургенев упоминает об обеде у князя Оболенского «с князем и княгиней Гагариной»,[13] то есть, вероятно, с Марией Владимировной Гагариной

же газеты появился еще один, более пространный некролог, принадлежавший П. Е. Ковалевскому: «Скончавшаяся в Париже Елизавета Владимировна Сабурова, дочь писателя гр. Владимира Соллогуба, автора “Тарантаса” и близкого друга Пушкина, и гр. Виельгорской, в своем детстве часто видала Гоголя и Жуковского, постоянно бывавших в их доме, и была их любимицей. В царствование императора Александра II, когда ее муж, Андрей Ал. Сабуров, был министром народного просвещения, Елизавета Владимировна играла уже в петербургском культурном обществе первую роль. Дом их, где встречались не только весь свет, но и писатели, ученые и музыканты, был долго одним из центров общественной жизни столицы. / Елизавета Владимировна не прекратила своей общественной и благотворительной деятельности и после смерти мужа. Она высоко несла знамя русской культуры и образованности и была до последних дней символом величия русской культуры. Все посещавшие ее в эти три последние года (Елиз. Влад. только в 1929 году покинула Россию) уходили очарованными ее умом и переносились невольно в те времена, о которых она так удивительно умела вспоминать» (*Ковалевский П.* Памяти Е. В. Сабуровой // Возрождение. Париж, 1932. 6 сент. № 2653. С. 4). См. также: *Философов Д.* Невозвратное время: памяти Е. В. Сабуровой // Молва. Варшава, 1932. 8 сент. № 128. С. 2; *Куломзина С. С.* Миры за мирами: воспоминания русской эмигрантки. М.: Изд-во ПСТБИ, 2000. С. 101, 153.

[11] Ср. некролог, напечатанный в петроградском «Новом времени» (1917. 9 мая. № 14772. С. [1]): «Княгиня Мария Владимировна Гагарина, рожденная графиня Соллогуб, скончалась в Одессе 7-го мая. В день похорон 9-го мая будут отслужены заупокойная литургия и панихида в церкви свв. Захария и Елизаветы (Захарьевская улица). Начало службы в 10 ч. утра». Княгиня М. В. Гагарина похоронена «при Вознесенской ц. на Среднем Фонтане в Одессе <...>. Владелица им. Дашковцы Литинского у. Подольской губ. и им. в Тираспольском у. Херсонской губ.» (Дворянский Календарь: справочная родословная книга российского дворянства. СПб.: Изд-во ВИРД, 2003. Тетрадь 11. С. 68). Там же — «при Вознесенской ц. на Среднем Фонтане» — похоронен и ее муж, князь Анатолий Евгеньевич Гагарин (1844—1917), скончавшийся четырьмя месяцами ранее.

[12] *ПССиП(2)*. Письма. Т. 13. С. 77, 281. В комментариях к первой публикации указанного письма Тургенева к П. Виардо «дочь Соллогуба, г-жа Сабурова» была ошибочно отождествлена с Н. В. Соллогуб (см.: *Tourguénev I.* Nouvelle correspondance inédite / Introduction et notes par A. Zviguilsky. Paris, 1971. T. 1. P. 206). Вслед за первой публикацией эти же неисправные сведения перекочевали в «Летопись жизни и творчества И. С. Тургенева (1871—1875)» (СПб.: Наука, 1998. С. 193; автор-составитель Н. Н. Мостовская).

[13] *ПССиП(2)*. Письма. Т. 13. С. 82, 286. Предположение о том, что под «князем и княгиней Гагариной» в письме Тургенева имеются в виду князь А. Е. Гагарин и его супруга, принадлежит первому публикатору письма — А. Я. Звигильскому

(урожд. Соллогуб). Известна, наконец, и одна небольшая записка Тургенева, обращенная к юной Наталье Владимировне Соллогуб,[14] о которой составителям первого академического издания не удалось собрать практически никаких данных.

Как видим, сведения о детях Соллогуба в целом далеки от полноты даже в фундаментальной справочной литературе. Тем удивительнее, что сохранились документы, из которых однозначно следует, что летом 1875 г. в Карлсбаде Соллогубы были не одни, но с двумя дочерьми — с 14-летней Екатериной и 13-летней Натальей. Сообщение об этом впервые появилось на страницах журнала «Литературная Грузия» в 1958 г.[15] Его автор — Парнаоз Котетишвили, молодой сотрудник Литературного музея Грузии, уже опубликовавший ряд автографов русских поэтов и писателей,[16] — был предельно краток. В миниатюрной заметке грузинского исследователя не наберется и пяти абзацев, однако сведения, заключенные в ней, будут иметь для нас первостепенное значение.

> «Лето 1875 г., — говорилось в заметке, — В. Соллогуб вместе с семьей провел в Карлсбаде, где в это время находились также И. С. Тургенев и А. К. Толстой. Писатели часто собирались вместе, читали свои новые произведения. В один из таких вечеров, когда А. К. Толстой читал свою неопубликованную сатиру “Сон Попова”,[17] дочери В. Соллогуба — старшая Екатерина, отличавшаяся веселым, жизнерадостным характером, и младшая Наталья, серьезная, задумчивая, непомерно степенная для своих 14 лет девочка — получили от И. С. Тургенева на память записки. На английском переводе поэмы Лермонтова “Демон” Тургенев написал: “Милейшему вулканчику графине Екатерине Владимировне Соллогуб на память Карлсбадского житья от горсти потухшего пепла”. А Наталья

(см.: *Tourguénev I.* Nouvelle correspondance inédite. T. 1. P. 208). Предположение это, однако, нуждается в минимальной аргументации.

[14] *Тургенев И. С.* Полн. собр. соч. и писем: в 28 т. Письма: в 13 т. Л.: Наука, 1968. Т. 13, кн. 2. С. 224, где письмо напечатано с расширенной датой: «1870-е годы (после апреля 1874)».

[15] Автограф И. С. Тургенева в Литературном музее Грузии / [сообщил] П. Котетишвили // Литературная Грузия. 1958. № 2 (Март—апр.). С. 132—133.

[16] См., например: 1) Неизвестное письмо А. Блока [= Письмо к М. А. Ковалеву (Рюрику Ивневу) от 17 нояб. 1911 г.] // Литературная газета. 1956. 7 авг. № 93. С. 3; 2) Из писем К. Бальмонта о переводе «Витязя в тигровой шкуре» // Литературная Грузия. 1957. № 6 (Дек.). С. 112—116.

[17] Когда именно Толстой читал в присутствии семейства Соллогубов свою сатирическую поэму «Сон Попова», написанную летом 1873 г. и при жизни его оставшуюся ненапечатанной, точно неизвестно. Если предположить, что на этом чтении присутствовал Тургенев, то в таком случае оно состоялось в период между 24 мая (5 июня), датой приезда Тургенева в Карлсбад, и 8 (20) июня 1875 г., датой отъезда Соллогубов в Рейхенгалле. Сам Толстой прибыл в Карлсбад, по всей видимости, накануне приезда Тургенева — не ранее 23 мая (4 июня) (см. его письмо к М. В. Волковой от 22 мая (3 июня) 1875 г. из Мюнхена: *Толстой А. К.* Полн. собр. соч. и письма: в 5 т. М.: Классика, 2018. Т. 5. С. 537).

получила такую шутливую записку: “Юной философке, благоразумнейшей и милейшей графине Наталье Владимировне Соллогуб на память Карлсбадского житья от легкомысленного старца И. С. Тургенева. Карлсбад / 1875. 30-го июня”».[18]

В заключительной части заметки сообщалось о том, что «Н. В. Соллогуб-Чичуа почти всю свою жизнь провела в Грузии», где жила сначала в Ахали Сенаки, затем в Гори и Тбилиси, и что незадолго до смерти она «передала хранившийся у нее автограф И. С. Тургенева Литературному музею Грузии».[19]

Не вызывает сомнений, что указанные сведения во многом восходят к рассказам самой Н. В. Чичуа-Соллогуб либо же напрямую опираются на ее воспоминания, оставшиеся ненапечатанными. Так, в Российском государственном архиве литературы и искусства хранятся воспоминания Н. В. Чичуа-Соллогуб, записанные с ее слов И. К. Ениколоповым, грузинским историком-пушкинистом и одним из основателей Литературного музея Грузии. В этих воспоминаниях (запись велась в конце 1933 г.) содержится тот же рассказ о пребывании Соллогубов в Карлсбаде, который лег в основание публикации в «Литературной Грузии»:

> «Часто мы выезжали за границу. Особенно запомнилась мне одна из [таких] поездок в 1875 г. Тогда мы были всей семьей в Карлсбаде. Был также там и И. С. Тургенев, граф Алекс. Толстой, курская помещица Барятинская — женщина очень интересная, и много русских. Собирались не раз у Толстого. Как-то собрались у нас; Алексей Толстой читал в рукописи свой “Сон Попова”, который считался тогда запрещенным, т. к. касался министра гр. Валуева. Чтением остались все очень довольны; вечер прошел оживленно. Присутствовал на нем и Тургенев. Он подарил [тогда] моей сестре книжку, свой <так!> перевод “Демона” на англ. языке и на заголовке написал: “Милейшему вулканчику графине Екатерине Владимировне Соллогуб на память Карлсбадского житья от горсти потухшего пепла”. Я попросила тогда Тургенева и мне что-нибудь оставить на память; тогда он мне написал на листе бумаги: “Юной философке благоразумнейшей и милейшей графине Наталье Владимировне Соллогуб на память Карлсбадского житья от легкомысленного старца”.[20] Это было 30 июня 1875 г. Такая надпись Тургенева объяснялась тем, что сестра моя была очень живая, а я очень серьезная для своих лет».[21]

---

[18] Автограф И. С. Тургенева в Литературном музее Грузии. С. 132—133. Здесь же на с. 132 воспроизведено факсимиле памятной надписи, адресованной Н. В. Соллогуб. Текст надписи уточнен и исправлен нами по фотокопии: РО ИРЛИ, р. I, оп. 29, ед. хр. 349.

[19] Автограф И. С. Тургенева в Литературном музее Грузии. С. 133.

[20] К данному фрагменту относится примечание И. К. Ениколопова: «Этот автограф Тургенева приобретен и хранится в Мтацминдском Музее писателей (в Тифлисе)» (РГАЛИ, ф. 1337, оп. 1, ед. хр. 239, л. 4).

[21] РГАЛИ, ф. 1337, оп. 1, ед. хр. 239, л. 3—4 (в квадратных скобках воспроизводятся слова, зачеркнутые в рукописи).

Основанная на воспоминаниях Н. В. Чичуа-Соллогуб заметка в «Литературной Грузии» до сих пор остается единственным источником наших представлений как об обстоятельствах, при которых автографы писателя оказались в руках юных сестер Соллогуб, так и о самом существовании английского издания «Демона», подаренного Тургеневым Екатерине.

Из публикации П. А. Котетишвили и воспоминаний Н. В. Чичуа-Соллогуб становится очевидным, что именно 14-летняя «Катерина Владимировна» Соллогуб и является тем самым неизвестным адресатом мюнхенского письма Тургенева. Содержащаяся же в нем просьба передать «дружеский поклон» «батюшке, матушке и сестре» относится соответственно к В. А. и С. М. Соллогуб, а также Наталье. Установление адресата письма позволяет прояснить имена некоторых других упомянутых в нем лиц, ранее также оставшихся нераспознанными.[22] Необходимо, впрочем, отметить и то, что некоторые факты, приведенные в заметке Котетишвили, как и в воспоминаниях самой Н. В. Чичуа-Соллогуб, не вполне соответствуют действительности, что может объясняться аберрацией памяти мемуаристки, повествующей о событиях полувековой давности.

Прежде всего, обращает на себя внимание дата записи, адресованной Наталье — 30 июня 1875 г., то есть тот самый день, когда, по ее словам, состоялось чтение поэмы «Сон Попова» и когда обе сестры получили от Тургенева памятные подарки. Между тем из карлсбадского письма Тургенева к П. В. Анненкову от 8 (20) июня 1875 г. мы узнаем следующее: «И скучаю я — тоже сильно!! Не знаю, отчего. На этот раз здесь находится несколько интересных личностей, в числе которых стоит сереброволосая княгиня Барятинская.[23] Ну, граф А. К. Толстой большого веселья не распространяет. Жена его уехала. Соллогуб уехал тоже».[24] Таким образом, Соллогубы, по всей видимости, покинули Карлсбад и перебрались в Рейхенгалле до 8 (20) июня 1875 г., то есть десятью днями ранее 18 (30) июня. Не исключено, конечно, что сам Соллогуб по какой-то причине покинул Карлсбад первым, а спустя некоторое время за ним последовала графиня с обеими дочерьми. В таком случае они должны были уехать из Карлсбада не

[22] Так, не исключено, что под «mlle Marie» имелась в виду французская актриса Мари Дюма (1846—?), с которой Тургенев познакомился еще в 1871 г. В 1872 г., когда М. Дюма собралась с гастролями в Петербург, писатель рекомендовал ее через П. В. Анненкова русским знакомым, в том числе Соллогубу (подробнее см.: *ПССиП(2)*. Письма. Т. 15, кн. 2. С. 405). Примечательно, что Тургенев упоминает «девицу Marie Dumas» и в письме к Соллогубу от 3 (15) янв. 1877 г. (Там же. С. 9).

[23] Возможно, именно к княгине М. А. Барятинской относится и следующий ответный пассаж из письма Тургенева к Е. В. Соллогуб: «Радуюсь, что вам всем хорошо в Рейхенгалле — и что даже Вы называете его *раем* — (хотя, увы, княгини нет!)».

[24] *ПССиП(2)*. Письма. Т. 14. С. 108.

позднее 22 июня (4 июля) 1875 г.,[25] когда Тургенев и Толстой деятельно приступили к подготовке литературного чтения в пользу жителей Моршанска, пострадавших от пожара. Из письма же Тургенева к Екатерине Соллогуб явствует, что о намерении устроить благотворительный вечер ей не было известно.

Как бы то ни было, версия о раздельном отъезде Соллогубов из Карлсбада представляется менее вероятной. Более уместно в данном случае предположить, что томик Лермонтова с дарственной надписью Екатерине и «шутливая записка» Наталье могли быть отправлены Тургеневым уже после отъезда сестер из Карлсбада, возможно в ответ на просьбу Екатерины, содержавшуюся в ее предшествующем письме. Не случайно Тургенев не только передает «дружеский поклон» всем членам семьи, гостившим в Карлсбаде, но и прибавляет: «...скажите им, что я часто с великим удовольствием вспоминал о днях, проведенных *вместе*» (выделено нами. — *В. Л., В. С.*).

Во всяком случае, несомненно одно — 18 (30) июня 1875 г. Тургенев преподнес или отправил почтой обеим сестрам Соллогуб памятный подарок о совместном пребывании в Карлсбаде. Любопытно, что «милейшему вулканчику» Екатерине досталась книжная новинка — первое английское издание лермонтовского «Демона»[26] в пере-

[25] Именно этой датой помечено самое раннее письмо Тургенева (адресованное П. В. Анненкову), в котором он сообщает о будущем чтении в пользу моршанских погорельцев (см.: Там же. С. 112), равно как и письмо Толстого к М. М. Стасюлевичу, где указано также, что чтение «совершится в будущую субботу», то есть 28 июня (10 июля) (*Толстой А. К.* Полн. собр. соч. и письма. Т. 5. С. 540). По всей видимости, тогда же, 22 июня (4 июля) 1875 г., были достигнуты все необходимые договоренности о предоставлении залы и получено официальное разрешение на проведение благотворительного вечера. Ср. письмо Толстого к жене: «...я <...> пошел к Тургеневу, чтобы условиться с ним о чтении, которое мы произведем в пользу города Моршанска (он сгорел). Мысль принадлежит Тургеневу. С ним я пошел к Татищеву в König's Villa, и все втроем пошли к "Пупу", чтобы нанять у него залу; но он дает ее даром и даже осветит на свой счет» (впервые: Вестник Европы. 1897. Т. 4, № 7. С. 125—126, во фрагменте (автограф неизвестен), с датой: 23 июня 1875 г.). Вошло в изд.: *Толстой А. К.* Полн. собр. соч. и письма. Т. 5. С. 538, с датой: «11 (23) июня 1875 г.», которая вызывает сомнения, так как входит в противоречие с дальнейшим содержанием письма, в частности со следующим фрагментом: «Чтение будет в будущую субботу, а сегодня воскресенье». Прежде всего, 23 июня н. ст. в 1875 г. выпадало на среду, а не на воскресенье. Более того, чтение фактически состоялось 1 (13) июля, во вторник. Принимая во внимание, что по каким-то причинам оно могло быть перенесено на три дня (или даже на неделю и три дня) с субботы на вторник, от предполагаемой даты письма 11 (23) июня его в любом случае отделяет почти три, а не одна или две недели. О том, что первоначально чтение было назначено на субботу, свидетельствует и упомянутое выше письмо Толстого к Стасюлевичу. Вероятнее всего, в «Вестнике Европы» была допущена ошибка или опечатка, и письмо следует датировать воскресеньем 22 июня (4 июля) (по крайней мере тот его фрагмент, который напечатан в журнале) или понедельником 23 июня (5 июля).

[26] The Demon: A Poem. By Michael Lermontoff / translated from the Russian by Alex-r Condie Stephen. London: Trübner and Co., 1875.

воде Александра Конди Стивена (1850—1908),[27] вышедшее в свет во второй половине апреля 1875 г.[28] Перевод этот примечателен, в частности, своим посвящением: «Dedicated to Ivan Sergeivitch Tourguéneff, with feelings of affection and esteem» («Посвящается Ивану Сергеевичу Тургеневу с чувством сердечной преданности и почтения»). С будущим дипломатом и переводчиком Тургенев познакомился, по-видимому, в 1870 г., во время своего пребывания в Веймаре,[29] и впослед-

[27] Биографические сведения об А. К. Стивене весьма скудны. См., например, его краткую автобиографию (по состоянию на 1884 г.) в локальном английском журнале «The Meteor», из которой следует, что Александр Конди Стивен, кавалер ордена свв. Михаила и Георгия и кавалер ордена Бани, младший из сыновей Оскара Лесли Стивена (Oscar Leslie Stephen) и Изабеллы Биркмайр (Isabella Birkmyre), родился в 1850 г.; частное образование получил в Рагби (Rugby); в авг. 1876 г. поступил на дипломатическую службу в качестве атташе; весной следующего года занял место при посольстве в Петербурге; в октябре 1878 г. повышен в должность третьего секретаря; в июне 1879 г. переведен в Константинополь. Здесь же указано, что «г. Стивен неоднократно получал вознаграждения за знание русского, турецкого и персидского языков» (см.: The Meteor / edited by Members of Rugby School. 1884. March 6. № 199. P. 17—18). Ср. также некрологи в английской и французской прессе: 1) Sir Condie Stephen [Obituary] // The Times. 1908. May 12. № 38644. P. 10; 2) Mort de sir A. Condie Stephen // Le Temps. 1908. 13 mai. № 17124. P. 2. См. также: Stephen, Sir Alexander Condie / [By] H. S. [= Sir Herbert Stephen, Bart.] // Dictionary of National Biography. Second Supplement. London, 1912. Vol. 3. P. 398.

[28] Под предисловием переводчика проставлены лондонский адрес и дата: «Whitehall Yard, April 8th, 1875» (The Demon: A Poem. By Michael Lermontoff. P. 19). Одна из первых английских рецензий на перевод «Демона» была напечатана уже 15 мая 1875 г. См.: The Athenæum. 1875. May 15. № 2481. P. 651—652 (без подписи). По данным П. Уоддингтона, автором анонимной рецензии в лондонском «Атенее» был В. Рольстон (см.: *Waddington P.* A bibliography of the writings of W. R. S. Ralston (1828—89) // New Zealand Slavonic Journal. 1980. № 1. P. 9).

[29] Ср. фрагмент из рецензии на английское издание «Демона», составленной весьма осведомленным анонимным корреспондентом петербургской газеты «Голос» (Я. К. Гротом?): «По собранным нами сведениям, оказывается, что г. Стефен еще весьма молодой человек — ему 25 лет; воспитывался он в училище Рёгби (Rugby) и окончил образование в Германии, в Веймаре. Здесь он познакомился с И. С. Тургеневым, захотел учиться русскому языку и начал брать уроки в Лондоне, у профессора Риона (Риола. — *В. Л.*, *В. С.*), два года назад. Позже он приехал в Россию, пробыл несколько месяцев в Петербурге и в Москве и скоро стал понимать простой разговорный язык. Нет сомнения, что скорым успехом своим в изучении совершенно чуждого ему языка г. Стефен обязан, прежде всего, своим редким способностям; но ему, конечно, помогла та настойчивость и те радикальные средства, которые он употребил, чтоб достигнуть цели. Не находя в светском обществе, в котором он вращался в Петербурге и Москве, случая говорить по-русски и слышать одну только русскую речь, он удалился в одну из подмосковных деревень, поселился у сельского священника, и тут, по словам его, “с матушкой, за чашкой чая”, он практиковался в течение нескольких недель в разговорах, а с “батюшкой” — в чтении» (Голос. 1875. 14 сент. № 254. С. 2. Раздел «Внутренние новости. Хроника»). Почти все сведения, представленные в «Голосе», уникальны и не

ствии неизменно принимал живое участие в судьбе «очаровательного молодого человека»,[30] а также состоял с ним в дружеской переписке, из которой, к сожалению, не сохранилось ни одного письма. В самые сжатые сроки откликнулся Тургенев и на выполненный Стивеном перевод лермонтовского «Демона», присланный ему, очевидно, самим переводчиком тотчас по выходе книги в свет. Его небольшая, но лестная рецензия была написана, по всей видимости, сразу же по возвращении из Карлсбада в Париж, а уже 8 (20) авг. 1875 г. она появилась на страницах «С.-Петербургских ведомостей»,[31] откуда была тотчас перепечатана другими петербургскими газетами.[32]

перекрываются никакими иными источниками. Вероятным информатором петербургского корреспондента был В. Рольстон. Под «профессором Риола» имеется в виду Henry Riola, автор учебника «How to learn Russian» (London, 1878; с предисловием В. Рольстона). См. также: *Алексеев М. П.*, *Левин Ю. Д.* Вильям Рольстон — пропагандист русской литературы и фольклора. СПб.: Наука, 1994. С. 66.

[30] В рекомендательном письме к Ю. П. Вревской от 8 (20) марта 1877 г. Тургенев так аттестовал своего молодого британского друга: «Позвольте мне как только могу горячо рекомендовать вам подателя сего письма, моего друга г-на Александра Конди Стивена, который только что назначен атташе английского посольства в Петербурге. — Это очаровательный молодой человек, хорошо знающий русский язык (он опубликовал превосходный перевод “Демона” Лермонтова) <...>» (*ПССиП(2)*. Письма. Т. 15, кн. 2. С. 93—94, 321. Подлинник по-фр.). Ранее писатель столь же горячо рекомендовал своего друга и Вильяму Рольстону: «...он очень хороший и любезный молодой человек. Он хочет изучать русский язык!! Это довольно смелый подвиг — но почему бы и нет?» (Там же. Т. 11. С. 194, 366. Письмо от 30 дек. 1871 (11 янв. 1872). Подлинник по-англ.). Известны также рекомендательные письма к А. Ф. Онегину, Е. И. Рагозину, В. А. Черкасскому от 3 (15) дек. 1873 г. (Там же. Т. 12. С. 250—251). Часть рекомендательных писем, по-видимому, до нас не дошла.

[31] *Тургенев Ив.* [О новом переводе «Демона» на английский язык] // С.-Петербургские ведомости. 1875. 8 авг. № 208. С. 2, с редакционной подводкой: «Мы получили следующее письмо от И. С. Тургенева о новом переводе “Демона” на английский язык <...>». См. также: *ПССиП(2)*. Соч.: в 12 т. Т. 10. С. 271. О том, что рецензия Тургенева была написана уже после возвращения из Карлсбада, свидетельствует авторская помета: «Париж. Июль, 1875 г.». Как известно, во Францию писатель вернулся 5 (17) июля 1875 г. (см.: Летопись жизни и творчества И. С. Тургенева (1871—1875). С. 270). До 1980-х гг. считалось, что автограф этой тургеневской статьи неизвестен. Между тем в 1985 г. затерянный автограф «всплыл» в одном из букинистических магазинов Москвы и впоследствии был передан в тургеневский фонд ГЛМ (ф. 17, оп. 1, д. 5). Подробнее см.: *Варенцова Е. М.* Тургеневские материалы в отделе рукописных фондов Государственного литературного музея // Иван Сергеевич Тургенев и Москва. М.: Русский путь, 2009. С. 169—170. Авторское название статьи Тургенева: «О новом переводе “Демона” на английский язык» в первой публикации было опущено.

[32] См.: 1) Новости. 1875. 9 авг. № 216. С. 2 (с редакционной подводкой: «“С.-Петерб. вед.” получили следующее письмо от И. С. Тургенева о новом переводе “Демона” на английский язык <...>»); 2) Биржевые ведомости. 1875. 10 авг. № 218. С. 2 (с редакционной подводкой: «“С.-Петербургские ведомости” получили следующее письмо от И. С. Тургенева о новом переводе “Демона” на английский язык <...>»).

О своей высокой оценке английского перевода лермонтовского «Демона» Тургенев сообщил и самому переводчику. Это следует, в частности, из письма А. К. Стивена к М. М. Стасюлевичу от 25 июля 1875 г. (письмо написано по-русски):

5 Whitehall Yard.
London.

25 июля 75.

Любезный г-н Стасюлевич,

Имею удовольствие послать Вам экземпляр моего перевода «Демона», который прошу принять в знак моего искреннего уважения.

Будучи первым и единственным переводом русского стихотворения на английский язык, он, может быть, будет интересовать русскую публику и удостоится критики, и если перевод мой Вы найдете достойным критики в Вашем всем известном журнале — «Вестнике Европы», то я сочту такое внимание с Вашей стороны за большую честь.

Перевод мой был благосклонно принят английскою публикою, и очень рад, что я могу сказать, что даже достойный Иван Сергеевич Тургенев одобрил мой труд.

Если Вам случится увидеть критику в каком-нибудь журнале, то я буду Вам очень обязан, если Вы мне пришлете ее.

С истинным почтением и совершенною преданностью
остаюсь
Ваш покорный слуга
A. Condie Stephen.[33]

Дополнительные подробности об участии Тургенева в судьбе английского издания «Демона» обнаруживаются в переписке А. Н. Пыпина с М. М. Стасюлевичем за июль—август 1875 г. Так, из письма Пыпина от 13 (25) июля 1875 г. явствует, что еще до получения книги от самого переводчика один экземпляр «Демона» был, по просьбе Тургенева, доставлен в редакцию журнала П. В. Анненковым,[34] при-

[33] РО ИРЛИ, ф. 293 (М. М. Стасюлевич), оп. 1, ед. хр. 709. На первой странице письма, в левом верхнем углу, помета Стасюлевича: «27/9» (предположительно дата ответа).

[34] Встреча Анненкова и Пыпина состоялась 11 или 12 июля ст. ст. 1875 г. Ср. фрагмент из письма Анненкова к Пыпину от 10 июля ст. ст. 1875 г.: «...спешу известить Вас, что если бы послезавтра, в субботу 12 июля и к 12-му часу Вы пожаловали ко мне на Елагин, то, истинно Вам говорю, исполнили бы душу мою великой радостию. / Завтра в пятницу я обедаю у <Н. Н.>Тютчева, который обитает на той же Старо-Парголовской дороге, что и Вы — только в Лесном. Я мог бы от него заехать к Вам, если бы не боялся лишить Вас вечерней прогулки, которой все так дорожат здесь на дачах — и по всей справедливости. Я же сделался калекой от ревматизма в ноге и не могу быть товарищем никому по пешеходству. Во всяком случае заеду, но прошу не стеснять себя, так как встреча между нами есть уже дело решеное» (РНБ, ф. 621, ед. хр. 28, л. 2).

бывшим из Баден-Бадена в Петербург.[35] «Видел я Анненкова, — писал Пыпин Стасюлевичу, находившемуся за границей. — <...> Он привез мне, или собственно Вам, две вещи, которые и будут Вас дожидаться в редакции. Одна — английский перевод лермонтовского "Демона" — некоего Стефена <так!>; эту книгу посылает Вам Тургенев, которому Стефен посвящает свой перевод. Тург<енев>, вероятно, желал, чтоб о книжке было что-нибудь сказано в журнале. Перевод — довольно хорош, насколько могу судить по отзыву, читанному мной уже давно в "Атенее": самого перевода еще не читал».[36]

В другом своем письме к Стасюлевичу, от 9 (21) авг. 1875 г., написанном на следующий день после публикации тургеневской рецензии, Пыпин прибавлял: «Тург<енев> напечатал, как мне говорили (сам не видел), в "С.-П<етер>б<ургских> вед<омостях>" заметку о переводе "Демона", Стифена <так!>. Я Вам писал об этой книжке. Что бы ему и заметку прислать в "Вестник", — и что бы вообще не иметь в журнале места для таких даже мелочей, которые могут быть любопытны (напр<имер>, в "Известиях")».[37]

По-видимому, лишь после отправки данного письма в Булонь, где в это время находился издатель «Вестника Европы», Пыпин ознакомился, наконец, и с приведенным выше письмом Стивена от 25 июля (6 авг.) 1875 г.,[38] две с лишним недели, должно быть, пролежавшим в редакции. Так, уже 13 (25) авг. 1875 г., информируя Стасюлевича о предполагаемом составе будущей октябрьской книжки, Пыпин сообщал: «Вероятно, я напишу еще одну (небольшую) статейку, во 2-й от-

---

[35] Не исключено, что Тургенев успел передать книгу Анненкову в Баден-Бадене, куда прибыл проездом в Париж 4 (16) июля 1875 г. Ранее, по-видимому ошибочно, было принято считать, что Анненков выехал в Россию около 8 июля н. ст., не повидавшись с Тургеневым (ср.: *Анненков П. В.* Письма к И. С. Тургеневу: в 2 кн. / изд. подгот. Н. Н. Мостовская, Н. Г. Жекулин. СПб.: Наука, 2005. Кн. 2. С. 188, примеч. 2 к письму 198; Неизвестное письмо И. С. Тургенева. С. 441, примеч. 7). Как следует из письма Анненкова к Пыпину от 8 июля ст. ст. 1875 г., в Петербург он прибыл 6 июля ст. ст.: «Третьего дня я приехал <...> в Питер и конечно не проеду его, не исполнив моего искреннего желания — и даже зарока — переговорить с Вами. Но так как расстояние между нашими квартирами суть почти астрономическое, то я и решился предварительно спросить, когда, в какой день и час можно Вас застать дома. Времени у меня свободного здесь не очень много (дела!) и было бы конфузливо отойти от Ваших дверей ни с чем. Поэтому и прошу пару слов ответа на заданный вопрос, который и перешлите по следующему адресу: "*Елагин остров, во дворец, квартира коменданта № 14, такому-то*". Я уж не стучусь в квартиру М. М. Стасюлевича, полагая его за границей. Если ошибаюсь, то опять умоляю приписать, что это заблуждение: я тотчас же и исправлюсь» (РНБ, ф. 621, ед. хр. 28, л. 1—1 об.).

[36] РО ИРЛИ, ф. 293, оп. 1, ед. хр. 1188, л. 36 об.

[37] Там же, л. 46.

[38] Свое письмо из Лондона в редакцию «Вестника Европы» А. К. Стивен не только написал по-русски, но и, по всей видимости, датировал «на русский лад», то есть поставил дату по юлианскому, а не по грегорианскому календарю.

дел, по поводу вышедшей на днях новой книги о Новикове. Придется, вероятно, написать и другую — заметку об упомянутом мною прежде переводе “Демона”. Автор этого перевода прислал в редакцию *еще* экземпляр своей книги (один уже был получен от Тургенева), с письмом, из которого явствует, что ему очень желательно иметь отзыв “Вестн<ика> Европы” о своем труде».[39]

Рецензию на «новую книгу о Новикове»[40] А. Н. Пыпин так и не написал, а вот его сочувственная рецензия на английский перевод «Демона» действительно появилась на страницах октябрьского номера «Вестника Европы».[41] В своем критическом и фактографическом анализе Пыпин ориентировался не только на заметку Тургенева из «С.-Петербургских ведомостей», но и на рецензии «компетентных судей» из таких английских еженедельников, как «The Athenæum» и «The Saturday Review».[42]

Кем на самом деле был Александр Конди Стивен — до сих пор неизвестно. Несмотря на блистательную дипломатическую карьеру, проделанную этим молодым человеком; несмотря на все ордена, звания и титулы, собранные им в кратчайшие сроки; несмотря, наконец, на очаровательный образ культуртрегера и пропагандиста русской литературы, явившийся на свет благодаря поэтическому переводу «Демона» на английский язык, необходимо признать, что мы о нем почти ничего не знаем. Те же немногочисленные биографические данные, которые имеются в нашем распоряжении, показывают, что А. К. Стивен обладал несомненным даром расположить к себе собеседника (не в последнюю очередь благодаря своему амплуа чудака-полиглота) и в довольно короткие сроки сумел обзавестись самыми разнообразными влиятельными знакомствами в русском и английском обществе. Так, среди его «приятелей» и «друзей» можно отыскать не только Тургенева или Рольстона, но и герцогиню Эдинбургскую и Саксен-Кобург-Готскую. О высокой оценке перевода Стивена, данной дочерью Александра II (урожд. великой княжной Марией Александровной), сообщил, в частности, специальный английский корреспондент бельгийской газеты «L’Indépendance Belge»:

---

[39] РО ИРЛИ, ф. 293, оп. 1, ед. хр. 1188, л. 47 об.—48.

[40] Речь идет о следующей книге, на которую появилось свыше десятка откликов в различных повременных изданиях: Николай Иванович Новиков, издатель журналов 1769—1785 гг.: исследование А. Незеленова. СПб.: тип. В. С. Балашева, 1875. В «Вестнике Европы», однако, эта книга не рецензировалась.

[41] Английский перевод лермонтовского «Демона» / А. Н. [= А. Н. Пыпин] // Вестник Европы. 1875. Т. 5, № 10. С. 884—887. Ср. также: Литература о жизни и творчестве М. Ю. Лермонтова: библиографический указатель, 1825—1916 / сост. О. В. Миллер. Л.: БАН, 1990. С. 77 (здесь, вслед за И. Ф. Масановым, автором рецензии ошибочно указан К. К. Арсеньев).

[42] 1) The Athenæum. 1875. May 15. № 2481. P. 651—652 (без подписи; автор — W. R. S. Ralston); 2) The Saturday Review. 1875. August 7. № 1032. P. 177—178 (без подписи; вероятный автор — W. R. S. Ralston). См. также примеч. 28 выше.

«Молодой поэт, г. Александр Конди Стивен, перевел стихами на английский язык поэму Лермонтова “Демон” и столь изящно исполнил эту трудную задачу, что удостоился заслуженных восторгов. Здесь даже поговаривают — и я охотно этому верю — будто бы сама герцогиня Эдинбургская изволила похвалить г. Конди Стивена за точность перевода и верность духу подлинника, которую тот сумел сохранить. “Демон” — поэма весьма необычная, и остается только недоумевать, как такое произведение, сильное по замыслу и восхитительное по языку, могло родиться в голове ребенка. Первые фрагменты этой поэмы, вышедшей в 1834 году <так!>, были написаны в 1829-м; скончался же Лермонтов в 1842-м <так!>, когда ему было всего-то 26 лет отроду. Одним словом, “Демон” столь же прекрасен, как “Падший ангел” Ламартина или “Каин” Байрона».[43]

Вернемся, однако, к экземпляру английского «Демона», подаренному Тургеневым юной Екатерине Соллогуб. К сожалению, его настоящее местонахождение неизвестно. Из статьи Котетишвили может сложиться впечатление, что этот экземпляр находился в Литературном музее Грузии, однако это не так. Вопрос о тургеневских автографах, хранившихся в фондах тбилисского музея, был поднят уже в 1960-е гг. По инициативе Н. В. Измайлова, 15 нояб. 1961 г., еще во время подготовки первого академического издания, заместителем директора ИРЛИ В. В. Тимофеевой был направлен специальный запрос в Литературный музей Грузии на имя директора И. К. Какабадзе:

[43] Ср.: «Un jeune poëte, M. Alexandre Condie Stephen, vient de traduire en vers anglais *le Démon* de Lermontoff et il s’est acquitté de cette tâche ardue de façon à mériter de légitimes éloges. On m’a dit, et je le crois sans peine, que la duchesse d’Edimbourg avait complimenté M. Condie Stephen sur la fidélité de la traduction et l’énergie qu’il a su conserver à la pensée de l’auteur. C’est un étrange poëme que celui du *Démon* et on se demande comment, si puissant de conception, si admirable de langage, il a pu sortir du cerveau d’un enfant. Car c’est en 1829 qu’ont été composés les premiers morceaux de ce poëme, qui a paru en 1834, et lorsque Lermontoff est mort en 1842, il n’avait que vingt-six ans. Pour tout dire, *le Démon* est aussi beau que *l’Ange déchu* de Lamartine et le *Caïn* de Byron» (Nouvelles d’Angleterre // L’Indépendance Belge. 1875. 25 juin. № 173. P. [3]). В России слова о герцогине Эдинбургской остались неотмеченными. Ср. краткую выжимку из бельгийской газеты во «Всемирной иллюстрации» (1875. 28 июня. № 339. С. 15): «Лондонский корреспондент газеты “Indépendance Belge” сообщает, что молодой английский поэт, г. Александр Конди Стефен, перевел английскими стихами “Демона” Лермонтова и исполнил эту трудную задачу самым блистательным образом». Любопытно, что в 1878 г. тот же корреспондент «L’Indépendance Belge», извещая о назначении Стивена на новую должность в английском посольстве в Петербурге, напомнил при этом о своей беглой заметке трехлетней (!) давности: «“London Gazette” сообщает о назначении г. Александра Конди Стивена третьим секретарем посольства в Санкт-Петербурге. Этот молодой дипломат и есть тот самый поэт, который, как я уже писал вам три года назад, превосходно переложил стихами на английский язык поэму Лермонтова “Демон”, подлинный шедевр русского Байрона». Ср.: «La *London Gazette* annonce la nomination de M. Alexandre Condie Stephen comme troisième secrétaire d’ambassade à Saint-Pétersbourg. Ce jeune diplomate est le poète dont je vous signalais, il y a trois ans, l’excellente traduction en vers anglais du *Démon* de Lermontof, le chef d’œuvre du Byron russe» (Nouvelles d’Angleterre // L’Indépendance Belge. 1878. 22 nov. № 326. P. [2]).

«В “Известиях” от 4 ноября с. г. № 263 (13809) была помещена статья “Автографы великих людей”, где указывалось о письмах И. С. Тургенева, хранящихся в Вашем музее.[44] Просим возможно быстрее сообщить нам, какие это письма (кому адресованы, их даты, автографы или копии) и нет ли в Вашем музее еще материалов, связанных с Тургеневым (письма <так!> к нему, документов). Все эти сведения нам крайне важны, так как Институт русской литературы предпринял издание многотомного Полного собрания сочинений и писем И. С. Тургенева, из которого вышли в свет 2 тома писем и 2 тома сочинений. / Для осуществления этого издания Институт собирает фотокопии и микрофильмы всех известных в настоящее время рукописей Тургенева, находящихся не только в Советском Союзе, но и за рубежом. Поэтому просим Вас выслать на адрес Института наложенным платежом фотокопии или микрофильмы имеющихся у Вас автографов Тургенева».[45]

12 марта 1962 г. пришел ответ из Тбилиси, от зав. рукописным отделом С. Лекишвили: «Высылаем фотокопию *единственного* автографа И. С. Тургенева, хранящегося в фондах Государственного литературного музея Грузии. / Автограф адресован Наталии Владимировне Соллогуб <...>. / Об автографе статья опубликована в 1958 году в журнале “Литературная Грузия” № 2. / Просим извинения за опоздание, вызванное техническими причинами».[46]

Присланная из Литературного музея Грузии фотокопия ныне хранится в Рукописном отделе Пушкинского Дома. И характер, и внешний вид автографа дают все основания предположить, что он также мог представлять собой не записку, а дарственную надпись Тургенева на какой-то книге, подаренной им младшей сестре (как «дарственная надпись на книге» значится он и в архивном описании). Вероятно, по этой причине, данная записка не вошла в оба академических собрания писем Тургенева. Обе записи оказались пропущены и в соответствующем томе «Летописи жизни и творчества И. С. Тургенева».[47]

---

[44] В заметке «Автографы великих людей» (Известия. 1961. 4 нояб. № 263. С. 4), представляющей собой сообщение анонимного корреспондента из Тбилиси, говорилось, в частности, следующее: «Литературный музей Грузии недавно отметил свое 30-летие. Среди 25 тысяч экспонатов этого музея особое место занимают автографы — рукописи художественных произведений, письма, посвящения, поздравительные адреса. Здесь хранятся автографы выдающихся грузинских писателей — А. Церетели, А. Чавчавадзе, Важа Пшавела, Н. Николадзе и многих других. Большой интерес представляют оригиналы писем И. Тургенева, А. Дюма, Г. Успенского, В. Короленко, М. Горького, В. Маяковского, А. Барбюса. <...> Большой интерес представляет автограф неопубликованного стихотворения В. Брюсова, переданный в 1924 году автором для перевода на грузинский язык поэту А. Мирцхулава».

[45] РО ИРЛИ, ф. 150 (Архив Тургеневской группы). Переписка за 1961 г.

[46] РО ИРЛИ, р. I, оп. 29, ед. хр. 349. Выделено нами. — *В. Л., В. С.*

[47] Единственным «тургеневским» изданием, в котором были зафиксированы сведения о статье П. А. Котетишвили, является «Библиография литературы

В заключение скажем еще несколько слов о сестрах Соллогуб, героинях настоящей статьи. Именно о них, по всей видимости, идет речь в единственном известном в настоящее время письме В. А. Соллогуба к Тургеневу. Как следует из содержания письма, оно было написано в Париже и предположительно относится к тому же «карлсбадскому» 1875 году:

Любезный Иван Сéргиевич!

Я думал выехать сегодня в Ниццу провести русские праздники с детьми, но мне представили такие *бесстыжие* счеты особенно в гостинице, что я стою как рак на мели. — Я знаю, что от Ваших построек и у Вас в кармане не густо, — но Вы раз сказали мне, что хозяева Café de l'Opéra Вам предлагали целые лопаты денег. Не можете ли Вы мне сосводничать этим путем заем в 1000 фр. или даже более. — Завтра с утра я буду бегать. Но если в 3 часа Вы дадите мне ответ, премного обяжете.

В<есь> В<аш>
Соллогуб.[48]

Не вызывает сомнений, что «дети», с которыми Соллогуб намеревался провести «русские праздники» в Ницце — это младшие сестры Екатерина и Наталья Соллогуб.

Что нам известно о Екатерине? Увы, немногое. Графиня Екатерина Владимировна Соллогуб родилась 8 сент. 1860 г.[49] Вышла замуж за Александра Вульфиуса (1854—1940), дворянина из прибалтийских немцев, и родила от него восемь (по другим данным — девять) детей.[50] Будучи православной, Екатерина Вульфиус, тем не менее, кре-

о И. С. Тургеневе 1918—1967» (Л.: Наука, 1970. С. 94. № 1255; отв. ред. А. Д. Алексеев, Л. Н. Назарова). Во втором академическом издании обе записи будут учтены в разделе «Дарственные надписи» в 18 томе серии Писем.

[48] Bibliothèque nationale de France. Slave 81, f. 37. Письмо датируется 1875 г. на основании фразы, в которой упоминается о «постройках», потребовавших значительных денежных затрат от Тургенева. Несомненно, речь идет о приобретении писателем (совместно с семейством Виардо) загородного дома в Буживале и строительстве шале. Ср., например, письмо Тургенева к брату Николаю от 25 янв. (6 февр.) 1875 г.: *ПССиП(2)*. Письма. Т. 14. С. 18.

[49] Соллогуб. Графы и дворяне / [сообщили: графиня Н. М. Соллогуб и В. В. Румель] // Русская родословная книга / [сост.] князь А. Б. Лобанов-Ростовский. 2-е изд. СПб.: изд. А. С. Суворина, 1895. Т. 2. С. 247.

[50] Подробнее о детях Е. В. Вульфиус см.: Deutschbaltisches biographisches Lexikon, 1710—1960. Köln; Wien, 1970. S. 892—893. См. также: *Тименчик Р.* Забытые воспоминания о Гумилеве // Даугава. 1993. № 5. С. 157—160 (републикация и атрибуция статьи: Русский конквистадор: воспоминания о поэте Гумилеве / А. М. [= Анатолий Матюшкин = Анатолий Вульфиус] // Слово. Рига, 1926. 9 мая. № 144. С. 6). Некоторые представленные здесь сведения о детях Вульфиусов, в частности о Екатерине, нуждаются в коррекции. Так, по словам Р. Д. Тименчика, «стихи Екатерины Вульфиус печатались в 1920—1930 гг. в рижской периодике» (с. 158). Действительно, у Вульфиусов была дочь Екатерина, однако она родилась

стила своих детей по лютеранскому обряду.[51] Последние годы жизни она провела в своем латгальском имении Сальнево,[52] где и умерла 8 окт. 1918 г. в возрасте 58 лет.[53] По-видимому, она оставила по себе добрую память среди ближайших родственников — во всяком случае, через 10 лет после ее смерти в Кафедральном соборе Риги кем-то из родных была заказана панихида за упокой ее души.[54]

в 1893 г. Между тем талантливая поэтесса, о которой говорит Р. Д. Тименчик, родилась в 1914 г. и была, вероятнее всего, дочерью Анатолия Вульфиуса, внука В. А. Соллогуба, а не дочерью Е. В. Вульфиус-Соллогуб. Ср. редакционное предисловие к публикации стихов Е. Вульфиус под заглавием «Юный латгальский поэт» в рижской газете «Слово» (1926. 16 мая. № 151. С. 4): «В глуши Латгалии, в Сальнево, живет семья русского эмигранта Вульфиус <так!>. На его дочь, Екатерину Вульфиус, ученицу Корсовской русской основной школы, обратили внимание преподаватели: Е. Вульфиус с удивительн<ым> для детск<ого> возраста чувством ритма и образностью пишет стихи. Сегодня мы даем ее “Сказку” и “Осень”, написанную Е. Вульфиус 12 лет от роду». Стихи юной Екатерины Вульфиус печатались не только в газете «Слово» в 1926—1928 гг., но и в журнале «Школьные годы» (1928—1929). Впоследствии два ее стихотворения появились в еженедельнике «Для вас» (1938), после чего наступила тишина. В 1939 г. Е. Вульфиус вышла замуж за Николая Пинского (см.: Зарегистрированные браки // Сегодня. 1939. 14 окт. № 284. С. 6). Дальнейшая ее судьба неизвестна. Сводный список стихотворений Е. Вульфиус, опубликованных в рижской периодике, см.: *Абызов Ю.* Русское печатное слово в Латвии, 1917—1944 гг.: био-библиографический справочник. Stanford: Department of Slavic Languages and Literatures, Stanford University, 1990. Ч. 1. С. 304.

[51] Ср.: «Так, например, у дворянина Александра Вульфиуса, женатого на православной графине Екатерине Соллогуб, не возникало никаких трудностей с регистрацией детей ни в 1885 г., ни в 1887 г., ни в 1888 г. Все они были крещены по лютеранскому обряду в Курляндской губернии. Проблемы появились лишь в 1890 г., да и то в связи с переездом семьи в Волынскую губернию, когда епископ Волынский и Житомирский Модест (Стрельбицкий) отверг ходатайство Е. Вульфиус о разрешении ей окрестить новорожденного по протестантскому обряду» (*Веременко В. А.* Межконфессиональные браки в России во второй половине XIX — начале XX вв. // Гендер и общество в истории. СПб.: Алетейя, 2007. С. 226—227. Источник сведений: Дело о разрешении браков православных с протестантами и крещении детей от них с отступлением от установленных законов (1867—1901) // РГИА, ф. 821, оп. 10, д. 617а, л. 63—63 об.).

[52] В настоящее время поместье Сальнево, некогда принадлежавшее помещице Екатерине Вульфиус и располагавшееся в десяти верстах от станции Корсовка Санкт-Петербургско-Варшавской железной дороги, носит название *Салнава* (латыш. *Salnava*, в Карсавском крае Латвии).

[53] Ср. некролог, помещенный в газете «Rigasche Zeitung» (1918. 17. Okt. № 241. S. 8): «Am 8. Oktober 1918 um 3 Uhr nachmittags verschied sanft nach kurzem Krankenlager auf ihrem Gute Saluewo <*sic!*> Katharina Wulffius, geb. Gräfin Sollohub. / Die Hinterbliebenen» («8 октября 1918 года в 3 часа пополудни, после непродолжительной болезни, в своем имении Сальнево тихо скончалась Катерина Вульфиус, урожд. графиня Соллогуб. / Родственники покойной»).

[54] Ср. объявление о панихиде в рижской газете «Сегодня» (1928. 17 окт. № 282. С. 7): «Завтра, 18-го октября, в десятую годовщину смерти Екатерины Владимировны Вульфиус, урожденной графини Соллогуб, в Кафедральн. соборе в 8 ч.

О Наталье, самой младшей из сестер Соллогуб, также известно немного. Графиня Наталья Владимировна Соллогуб родилась 22 дек. 1861 г.[55] В 1899 г. ее имя впервые появляется в списке фрейлин «Их Императорских Величеств Государынь Императриц».[56] 11 янв. 1902 г. в церкви свв. Захарии и Елизаветы в Петербурге фрейлина графиня Н. В. Соллогуб (40 лет) обвенчалась со штабс-капитаном 259-го пехотного Горийского полка князем Леваном Николаевичем Чичуа (48 лет).[57] В 1904 г., во время Русско-японской войны, княгиня Н. В. Чичуа занималась благотворительностью в Гори, поддерживая Красный Крест.[58] В 1905 г. у супругов Чичуа родилась единственная дочь — Мария.[59] В 1910 г. княгиня Чичуа овдовела.[60] Всю последнюю

в. будет отслужена панихида». Ср. также: Незабытые могилы: российское зарубежье: некрологи, 1917—1997: в 6 т. / сост. В. Н. Чуваков. М.: Пашков дом, 1999. Т. 1. С. 624 (с ошибкой в дате смерти Е. В. Вульфиус, произошедшей из-за механического отождествления дня, на который была назначена панихида, с днем кончины).

[55] Соллогуб. Графы и дворяне. Т. 2. С. 247.

[56] Адрес-календарь: общая роспись начальствующих и прочих должностных лиц по всем управлениям в Российской империи на 1899 год. Пг.: Инспекторский отд. собственной е. и. в. канцелярии, 1899. Ч. 1. Стб. 46. Ср. также: Вся Россия. <...> Адрес-календарь Российской империи. [СПб.], 1900. Т. 1. Стб. [34].

[57] Подробнее см. метрическую книгу церкви свв. Захарии и Елизаветы Кавалергардского ее величества государыни императрицы Марии Федоровны полка на 1902 г.: ЦГИА СПб, ф. 19, оп. 128, д. 651, л. 26 об.—27. Поручителями бракосочетавшихся здесь указаны: «По женихе: Собственного Его Величества конвоя сотник светлейший князь Давид Константинович Дадиани и сотник князь Николай Владимирович Амилахвари. По невесте: коллежский асессор Дмитрий Андреевич Симуков и штабс-ротмистр Михаил Александрович граф Соллогуб» (л. 27).

[58] Ср. сообщение из Гори в тифлисской газете «Кавказ» (1904. 27 марта. № 82. С. 3): «В самом начале настоящей войны в Гори образовался небольшой частный кружок местных дам, в состав которого входят: А. П. Берлис, А. В. Картвелова, В. П. Кривицкая, кн. В. А. Вачнадзе, Е. Ф. Шепф, кн. М. К. Херхеулидзе, кн. Т. Г. Макаева, Н. В. Павленкова, кн. Н. В. Чичуа и З. Б. Алиханова-Аварская. Собираясь друг у друга по вечерам, дамы эти работают на Красный Крест и сегодня отправили в его кавказское отделение первую партию своих работ, состоящую из 220 следующих предметов: рубах 100, кальсон 50, платков 12, вязаных шарфов 6, портянок 22 пары и полотенец 30. Кружок намерен посвящать и впредь свои досуги благому делу посильной помощи нашим больным и раненым воинам на Дальнем Востоке».

[59] Ср. выписку из метрической книги церкви Св. вмч. Георгия Победоносца в м. Ново-Сенаки, Сенакского уезда, Гурийско-Мингрельской епархии (РГВИА, ф. 400, оп. 17, д. 19085, л. 3), в которой, в частности, зафиксировано, что 13 июня 1905 г. у супругов Чичуа родилась дочь Мария и что 19 июля 1905 г. она была крещена по православному обряду. Восприемниками при крещении значатся: князь Константин Николаевич Чичуа (родной брат Л. Н. Чичуа) и княгиня Мария Владимировна Гагарина (родная сестра Н. В. Чичуа). Материалы из фондов РГВИА впервые введены в оборот на генеалогическом сайте geni.com.

[60] Ср. выписку из свидетельства о смерти мужа: «Означенный в сей паспортной книжке из князей отставной полковник Леван Николаевич Чичуа 20 сентября

часть жизни она прожила в Грузии. В 1933 г., незадолго до смерти, она оставила, как уже упоминалось выше, примечательные мемуары, в которых содержатся любопытные сведения о семействе Соллогубов.

В 1960-е гг. И. К. Ениколопов разыскал в Тбилиси внучку В. А. Соллогуба, Марию (Майю) Левановну Чичуа (1905—1988), и также записал ее воспоминания:

> «Дед мой и после правления Воронцова жил некоторое время в Тбилиси. Моя мать поселилась в Тбилиси навсегда. Она говорила мне, что любовь деда к Грузии сохранилась у него на всю жизнь. Об этом свидетельствовали и обстановка его кабинета, и картины. Он постоянно был связан с друзьями из Грузии. Любовь к Грузии еще больше окрепла, когда его зятем стал мой отец, Леван Чичуа.
>
> Из сохранившихся у нас после смерти дедушки вещей мама передала Литературному музею несколько семейных портретов, четверостишие — автограф Тургенева, а журналу "Литературное наследство" — миниатюры своей матери, урожденной Виельгорской, и ее родителей, которые были связаны большой дружбой с Лермонтовым, Жуковским, Вяземским и через них с Пушкиным. М. Ю. Виельгорский положил на музыку "Черную шаль", "Шотландскую песню" и другие стихотворения великого поэта. В 1830—40 гг. дом Виельгорского был одним из центров культурной жизни Петербурга».[61]

В воспоминаниях внучки писателя сразу же бросается в глаза ряд несоответствий с уже известными нам фактами. Так, фраза о том, что любовь В. А. Соллогуба к Грузии «еще больше окрепла», когда его

1910 года волею Божиею умер, а 23 сентября совершен чин погребения в Христо-Рождественской церкви села Фатеевки, Дмитриевского уезда, Курской губернии, и в метрики вписал за № 16 1910 года 23 сентября священник Алексей Андреев» (РГВИА, ф. 400, оп. 17, д. 19085, л. 5). Село Фатеевка (оно же — Луизино, по имени графини Луизы Карловны Виельгорской) — давнее имение Виельгорских. Ср. фрагмент из воспоминаний Н. В. Чичуа-Соллогуб: «Жили Виельгорские большею частию в Петербурге. Михаил Юрьевич прежде был женат на старшей сестре Бирон; после ее смерти женился на родной ее сестре Луизе. Вскоре впал в немилость, был сослан в Курскую губернию, где Биронам дали землю, взамен отобранной Курляндии. Там дед основал усадьбу, разбил парк, фруктовый сад, оранжереи, пруд. В честь бабушки назвал ее имение "Луизино". Там долго они жили и там родилась моя мать София. Одно или два лета я жила там с матерью. Помню, ближайшей ж<елезно>д<орожной> станцией была Льгов и 77 верст ехали лошадьми до имения. Имение составляло собственность моей матери, после смерти дяди и бабушки» (РГАЛИ, ф. 1337, оп. 1, ед. хр. 239, л. 7). Подробнее о князе Л. Н. Чичуа (по состоянию на 1905 г.) см.: *Жордания О.* Материалы для биографического словаря офицеров Кавказской армии (1901—1914 гг.). Подполковники // ცხუმ-აფხაზეთის მეცნიერებათა აკადემიის შრომები. 2014. № VII—VIII. გვ. 374 (источник сведений: Список генералам и штаб-офицерам Кавказского военного округа. Исправлен по 1-е сентября 1905 года. Тифлис: тип. Штаба Кавказского военного округа, 1906. С. 120).

[61] *Ениколопов И.* Всей душою Грузию любя... [Граф В. А. Соллогуб и Грузия] // Заря Востока. Тбилиси, 1967. 17 авг. № 191. С. 4.

зятем стал Леван Чичуа, содержит в себе непреодолимое хронологическое противоречие. Дело в том, что бракосочетание графини Н. В. Соллогуб и князя Л. Н. Чичуа состоялось, как было сказано выше, только в 1902 г., то есть через два десятилетия после смерти В. А. Соллогуба, скончавшегося, как известно, в 1882 г.

Не вполне корректны слова Марии Чичуа и о «четверостишии» Тургенева, которое ее мать передала Литературному музею Грузии. Очевидно, что здесь подразумевается та самая «шутливая записка», которую Тургенев адресовал 13-летней Наталье Соллогуб и которую впервые опубликовал П. Котетишвили в 1958 г. В воспоминаниях Марии Чичуа записка эта, графически состоящая из четырех строк, действительно могла трансформироваться в четверостишие. Память же о других автографах Тургенева, некогда хранившихся в семье Чичуа, у внучки В. А. Соллогуба, по-видимому, не сохранилась.

Обнаружение письма, адресованного Екатерине Владимировне Соллогуб, не только вводит еще одно имя в перечень установленных адресатов Тургенева, но и неопровержимо свидетельствует о том, что его переписка с Соллогубами была гораздо более обширной, чем принято считать. Не исключено, что со временем могут обнаружиться новые письма как к «Катерине Владимировне», так и к другим членам многочисленного семейства автора знаменитого «Тарантаса».

Библиографический список

1. *Абызов Ю.* Русское печатное слово в Латвии, 1917—1944 гг.: био-библиографический справочник. Stanford: Department of Slavic Languages and Literatures, Stanford University, 1990. Ч. 1.
2. Автографы великих людей // Известия. 1961. 4 нояб. № 263.
3. Адрес-календарь: общая роспись начальствующих и прочих должностных лиц по всем управлениям в Российской империи на 1899 год. Пг.: Инспекторский отд. собственной е. и. в. канцелярии, 1899. Ч. 1.
4. *Алексеев М. П.*, *Левин Ю. Д.* Вильям Рольстон — пропагандист русской литературы и фольклора. СПб.: Наука, 1994.
5. *Анненков П. В.* Письма к И. С. Тургеневу: в 2 кн. / изд. подгот. Н. Н. Мостовская, Н. Г. Жекулин. СПб.: Наука, 2005. Кн. 2.
6. *Бертенсон В. Б.* За тридцать лет // Исторический вестник. 1912. Т. 128, № 6.
7. Библиография литературы о И. С. Тургеневе, 1918—1967 / отв. ред. А. Д. Алексеев, Л. Н. Назарова. Л.: Наука, 1970.
8. *Варенцова Е. М.* Тургеневские материалы в отделе рукописных фондов Государственного литературного музея // Иван Сергеевич Тургенев и Москва. М.: Русский путь, 2009.
9. *Веременко В. А.* Межконфессиональные браки в России во второй половине XIX — начале XX вв. // Гендер и общество в истории. СПб.: Алетейя, 2007.
10. Весь Петербург на 1903 год. [СПб., 1903].
11. Внутренние новости. Хроника // Голос. 1875. 14 сент. № 254.

12. Всемирная иллюстрация. 1875. 28 июня. № 339.
13. Вся Россия: русская книга промышленности, торговли, сельского хозяйства и администрации: торгово-промышленный адрес-календарь Российской империи. [СПб.], 1900. Т. 1.
14. Дворянский Календарь: справочная родословная книга российского дворянства. СПб.: Изд-во ВИРД, 2003. Тетрадь 11.
15. [Дело о духовном завещании Грибанова] // Новое время. 1894. 4—25 мая. № 6529—6550.
16. [Е. В. Вульфиус. Сообщение о панихиде] // Сегодня. 1928. 17 окт. № 282.
17. [Е. В. Сабурова. Некролог] // Возрождение. 1932. 4 сент. № 2651.
18. *Ениколопов И.* Всей душою Грузию любя... [Граф В. А. Соллогуб и Грузия] // Заря Востока. Тбилиси, 1967. 17 авг. № 191.
19. *Жордания О.* Материалы для биографического словаря офицеров Кавказской армии (1901—1914 гг.). Подполковники // ცხუმ-აფხაზეთის მეცნიერებათა აკადემიის შრომები. 2014. № VII—VIII.
20. Зарегистрированные браки // Сегодня. 1939. 14 окт. № 284.
21. Зарница: художественно-литературный сборник / под ред. графа А. В. Соллогуба и А. И. Ботезат. СПб., 1883—1884. Вып. 1—3.
22. Из переписки гр. А. К. Толстого, 1851—1875 гг. // Вестник Европы. 1897. Т. 4, № 7.
23. Кавказ. 1904. 27 марта. № 82.
24. *Ковалевский П.* Памяти Е. В. Сабуровой // Возрождение. Париж, 1932. 6 сент. № 2653.
25. *Котетишвили П. А.* Автограф И. С. Тургенева в Литературном музее Грузии // Литературная Грузия. 1958. № 2 (Март—апр.).
26. *Котетишвили П. А.* Из писем К. Бальмонта о переводе «Витязя в тигровой шкуре» // Литературная Грузия. 1957. № 6 (Дек.).
27. *Котетишвили П. А.* Неизвестное письмо А. Блока [= Письмо к М. А. Ковалеву (Рюрику Ивневу) от 17 нояб. 1911 г.] // Литературная газета. 1956. 7 авг. № 93.
28. *Куломзина С. С.* Миры за мирами: воспоминания русской эмигрантки. М.: Изд-во Правосл. Свято-Тихон. гуманит. ун-та, 2000.
29. *Лесков А.* Жизнь Николая Лескова. М.: ГИХЛ, 1954.
30. Летопись жизни и творчества И. С. Тургенева (1871—1875) / авт.-сост. Н. Н. Мостовская. СПб.: Наука, 1998.
31. Литература о жизни и творчестве М. Ю. Лермонтова: библиографический указатель, 1825—1916 / сост. О. В. Миллер. Л.: БАН, 1990.
32. *Лукина В. А.* Неизвестное письмо И. С. Тургенева // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2005—2006 годы. СПб.: Дмитрий Буланин, 2009.
33. Н. В. Гоголь и Виельгорские в их переписке, 1839—1849 г. / [сообщил] В. Шенрок // Вестник Европы. 1889. Т. 6, № 11.
34. Незабытые могилы: российское зарубежье: некрологи 1917—1997: в 6 т. / сост. В. Н. Чуваков. М.: Пашков дом, 1999. Т. 1.
35. *Незеленов А. И.* Николай Иванович Новиков, издатель журналов 1769—1785 гг. СПб.: тип. В. С. Балашева, 1875.
36. *Немзер А. С.* Соллогуб В. А. // Русские писатели, 1800—1917: биографический словарь. М.: Большая российская энциклопедия, 2007. Т. 5.

37. [О. Н. Соллогуб. Некролог] // Новое время. 1909. 28 июня. № 11958.
38. [*Пыпин А. Н.*]. Английский перевод лермонтовского «Демона» / А. Н. [= А. Н. Пыпин] // Вестник Европы. 1875. Т. 5, № 10.
39. Русская родословная книга / [сост.] князь А. Б. Лобанов-Ростовский. 2-е изд. СПб.: изд. А. С. Суворина, 1895. Т. 2.
40. [*Соллогуб А. В.*]. Русские типы: выписки из моего дневника / А. В. Салванаренко [= граф А. В. Соллогуб]. СПб.: тип. Тренке и Фюсно, 1873. Вып. 2.
41. [*Соллогуб А. В.*]. Светлана: рассказ графа А. В. Соллогуба // Нива: еженед. лит. прил. 1894. № 4 (16 апр.).
42. [*Соллогуб А. В.*]. Сочинения графа А. В. Соллогуба. СПб.: тип. О. И. Бакста, 1877. Т. 1.
43. Список генералам и штаб-офицерам Кавказского военного округа. Исправлен по 1-е сентября 1905 года. Тифлис: тип. Штаба Кавказского военного округа, 1906.
44. *Тименчик Р.* Забытые воспоминания о Гумилеве // Даугава. 1993. № 5.
45. *Толстой А. К.* Полн. собр. соч. и письма: в 5 т. М.: Классика, 2018. Т. 5.
46. *Тургенев И. С.* Полн. собр. соч. и писем: в 28 т. Письма: в 13 т. Л.: Наука, 1968. Т. 13, кн. 2.
47. *Тургенев И. С.* Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. Письма: в 18 т. М.: Наука, 2000—2014. Т. 12—15.
48. *Тургенев Ив.* [О новом переводе «Демона» на английский язык] // С.-Петербургские ведомости. 1875. 8 авг. № 208; Новости. 1875. 9 авг. № 216; Биржевые ведомости. 1875. 10 авг. № 218.
49. *Философов Д.* Невозвратное время: памяти Е. В. Сабуровой // Молва. Варшава, 1932. 8 сент. № 128.
50. Юный латгальский поэт // Слово. 1926. 16 мая. № 151.
51. Deutschbaltisches biographisches Lexikon, 1710—1960. Köln; Wien, 1970.
52. [Katharina Wulffius, geb. Gräfin Sollohub] // Rigasche Zeitung. 1918. 17. Okt. № 241.
53. Mort de sir A. Condie Stephen // Le Temps. 1908. 13 mai. № 17124.
54. Nouvelles d'Angleterre // L'Indépendance Belge. 1875. 25 juin. № 173.
55. Nouvelles d'Angleterre // L'Indépendance Belge. 1878. 22 nov. № 326.
56. *Riola H.* How to learn Russian. London, 1878.
57. Sir Condie Stephen [Obituary] // The Times. 1908. May 12. № 38644.
58. Stephen, Sir Alexander Condie / [By] H. S. [= Sir Herbert Stephen, Bart.] // Dictionary of National Biography. Second Supplement. London, 1912. Vol. 3.
59. The Athenæum. 1875. May 15. № 2481.
60. The Demon: A Poem. By Michael Lermontoff / translated from the Russian by Alex-r Condie Stephen. London: Trübner and Co., 1875.
61. The Meteor / edited by Members of Rugby School. 1884. March 6. № 199.
62. The Saturday Review. 1875. August 7. № 1032.
63. *Tourguénev I.* Nouvelle correspondance inédite / Introduction et notes par A. Zviguilsky. Paris: Librairie de cinq continents, 1971. T. 1.
64. *Waddington P.* A bibliography of the writings of W. R. S. Ralston (1828—89) // New Zealand Slavonic Journal. 1980. № 1.

II. ПУБЛИКАЦИИ

DOI: 10.31860/978-5-918680-384-55-117

«ЛЮБЕЗНЫЙ ДРУГ ЖУКОВСКИЙ...» (ПИСЬМА Д. Н. БЛУДОВА К В. А. ЖУКОВСКОМУ, 1801—1817)

(Вступительная статья и примечания С. В. Березкиной, подготовка текста С. В. Березкиной и Н. Л. Дмитриевой)

Аннотация: Публикация двадцати восьми писем Д. Н. Блудова к Жуковскому за 1801—1817 гг. содержит большой комплекс новых фактов биографического и историко-литературного характера. Биография Блудова, видного государственного деятеля николаевской России, обогащается сведениями о прохождении им служебной карьеры на раннем этапе. Письма передают неизвестные факты увлечений и творческих замыслов молодого Блудова, захваченного антикарамзинскими настроениями Дружеского литературного общества. Письма 1815—1817 гг. содержат многочисленные отголоски, связанные с деятельностью общества «Арзамас», в том числе подробное сообщение (своего рода протокол) о неизвестном заседании «арзамасцев» в 1817 г. Отражения жизни Жуковского в письмах Блудова касаются его творческой работы, проясняя историю многих из написанных им в это время сочинений. Одно из сообщений Блудова уникально, поскольку касается перевода Жуковским в 1802 г. либретто оратории Й. Гайдна «Времена года», позволяя атрибутировать текст и ввести его в корпус произведений поэта.

Ключевые слова: биография Д. Н. Блудова, Дружеское литературное общество, биография Андрея Тургенева, общество «Арзамас», переписка и произведения В. А. Жуковского.

Abstract: The publication of twenty-eight letters of D. N. Bludov to Zhukovsky for 1801—1817 contains a large complex of new facts of a biographical and historical-literary nature. The biography of Bludov, a prominent statesman of Nicholai's 1st Russia, is enriched with information about his career at an early stage. The letters convey unknown facts of the hobbies and creative ideas of the young Bludov, captured by the anti-Karamzin sentiments of a Friendly Literary Society. The letters of 1815—1817 contain numerous echoes related to the activities of the Arzamas society, including a detailed report (a kind of protocol) about an unknown meeting of the Arzamas in 1817. Reflections of Zhukovsky's life in Bludov's letters relate to his biography and creative work, clarifying the history of many of the works he wrote at that time. One of Bludov's messages is unique, since it concerns Zhukovsky's translation in 1802 of the libretto of the oratorio by J. Haydn's "Seasons", allowing you to attribute the text and enter it into the corpus of the poet's works.

Keywords: biography of D. N. Bludov, Friendly Literary Society, biography of Andrey Turgenev, Arzamas Society, correspondence and works of V. A. Zhukovsky.

© Березкина С. В., Дмитриева Н. Л., 2023

Графу Дмитрию Николаевичу Блудову (1785—1864) посвящено современными исследователями большое количество работ, в том числе диссертационных, связанных с его многообразной служебной деятельностью и широким спектром тех исторических процессов и событий, к которым он был причастен.[1] Для историков литературы Блудов интересен, в первую очередь, как член общества безвестных людей «Арзамас» (1815—1818).[2] В «послеарзамасские» годы творческие занятия Блудова ограничивались историческими работами, связанными как с изданием в 1828 г. посмертного тома «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина, так и статьями по секретным материалам Государственного архива, опубликованными после его смерти.[3] Большой интерес для историков литературы имеют записки Блудова, писавшиеся по заданию правительства и вызванные такими важными историческими событиями, как восстание декабристов и смерть Николая I.

В близкий Блудову круг входили люди, занимавшие видные позиции в общественно-политической и культурной жизни Российской империи. По рождению он не принадлежал к родовой знати.[4] Его блестящая карьера опиралась на большие личные способности, прекрасное домашнее образование, высокие этические принципы, наконец, прочные дружеские связи, сыгравшие определенную роль (на протяжении первой четверти века, до 1826 г.) в ряде удачных поворотов его служебного поприща. Блудов неоднократно занимал министерские посты и становился председателем различных комиссий и комитетов Государственного совета. Закончил он свою карьеру кавалером ордена Св. апостола Андрея Первозванного, высшего ордена Российской империи, в чине действительного тайного советника. При этом на

---

[1] См., например: *Долгих Е. В.* К проблеме менталитета российской административной элиты первой половины XIX века: М. А. Корф, Д. Н. Блудов. М.: Индрик, 2006; *Ружицкая И. В.* 1) Просвещенная бюрократия (1800—1860-е гг.) / ИРИ РАН. М.: Ин-т русской истории, 2009. С. 108—156; 2) Законодательная деятельность в царствование императора Николая I / ИРИ РАН. М.: Ин-т русской истории РАН; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2015. По Указ.; 3) Государственный совет при Николае I: особенности функционирования / ИРИ РАН. М.: Ин-т русской истории РАН; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2018. По Указ.

[2] См.: Арзамас и арзамасские протоколы / ввод. ст., ред. и примеч. М. С. Боровковой-Майковой. Л.: Изд-во писателей в Ленинграде, 1933; «Арзамас»: в 2 кн. М.: Художественная литература, 1994. По Указ.; *Майофис М. Л.* Воззвание к Европе: литературное общество «Арзамас» и российский модернизационный проект 1815—1818 годов. М.: Новое литературное обозрение, 2008. С. 348—365, 479—486, 737—741 и др.

[3] См.: *Песков А. М.* Блудов Дмитрий Николаевич // Русские писатели, 1800—1917: биогр. словарь. М.: Советская энциклопедия, 1989. Т. 1. С. 283—284.

[4] См.: *Шилов Д. Н.* Государственные деятели Российской империи: главы высших и центральных учреждений, 1802—1917: биобиблиогр. справочник. 2-е изд. СПб.: Дмитрий Буланин, 2002. С. 89. См. также примеч. 4 к письму от 12 янв. 1805 г.

всем своем жизненном пути Блудов не терял связей с тем кругом друзей, которые стали для него близки в пору ранней юности. С этой точки зрения чрезвычайно интересны неопубликованные письма Блудова к Жуковскому 1801—1817 гг., передающие яркие черты этой незаурядной личности на этапе ее становления.[5]

В первой же биографии Блудова, написанной Е. П. Ковалевским и вышедшей в 1866 г. (не окончена), были прослежены взаимоотношения его с Жуковским примерно с 1799 или 1800 г., когда поэт еще учился в московском Университетском благородном пансионе. Их переписку Ковалевский не использовал, но привел в разделе «Мысли и замечания графа Блудова» недатированную запись о поэте: «О Жуковский, если бы я не имел к тебе чувства дружбы, сего чувства, в коем все сливается, и почтение к благородной душе твоей, девственной от всех порочных побуждений, и бесценное ощущение твоей любви, наконец и воспоминание первых лет и надежд, Жуковский, я бы еще любил тебя за минуты, в которые оживляюсь твоими стихами, как увядающий цветок возвращенным свежим воздухом».[6] Судя по письмам Блудова, это отношение к Жуковскому оставалось в нем неизменным на протяжении всей его жизни.

Первые сохранившиеся записки Блудова к нему относятся к 1801 г., когда он уже служил в Московском архиве Коллегии иностранных дел. Среди учеников Университетского пансиона и молодых чиновников архива Жуковский и Блудов обрели друзей, остававшихся для них таковыми и в дальнейшем. В ранних записках и письмах Блудова из Москвы и Петербурга постоянно встречаются имена братьев Тургеневых и Кайсаровых, Д. В. Дашкова, Ф. Ф. Вигеля, С. Е. Родзянки и др. Отклики Блудова на новости русской литературы, звучащие в его ранних письмах к Жуковскому, отражают тот комплекс идей и воззрений на ее будущее, который характеризовал настроения Дружеского литературного общества, собиравшегося в Москве в 1801 г. В публикуемых письмах это нашло отражение в антикарамзинских настроениях молодого Блудова, открытие которых можно назвать сенсационным по своей неожиданности историко-литературным фактом. Неприятие сентиментализма во всех его формах было в высшей степени характерно для Блудова, разделявшего самые острые выступления против карамзинского литературного направления, которые звучали в Дружеском литературном обществе из уст Андрея Кайсарова и Андрея Тургенева (см. письмо от 22 янв. 1803 г., примеч. 8). Блудов пытался найти поддержку у Жуковского, обратившись в конце 1802 г. к сочинению

[5] Письма Блудова к Жуковскому известны в публикации, осуществленной П. И. Бартеневым, только за 1819—1831 г.: Русский архив. 1902. Вып. 6. С. 341—348.

[6] *Ковалевский Е. П.* Граф Блудов и его время: (Царствование императора Александра I). СПб.: в тип. Второго отделения собственной е. и. в. канцелярии, 1866. С. 251.

комедии «Чувствительный», которая, как он убеждал его, была направлена не против Карамзина. Эта комедия упоминалась Блудовым в письмах к Жуковскому в начале 1803 г. (см. п. 10 (примеч. 6—8), 11 и 12). Блудов ставил возможность завершения комедии в зависимость от одобрения им тех двух действий «Чувствительного», которые были ему высланы. Ответное письмо Жуковского не известно, но Блудов, вняв, по-видимому, его совету, оставил свой антикарамзинский замысел. С именем Карамзина связаны и две другие записки Блудова, в которых говорится о состоявшемся, наконец, знакомстве с ним, причем с уточнением времени, когда это произошло, — ноябрь 1804 г. Эти записки вводят рассказ о жизни Блудова в русло того широко известного пиетета к Карамзину, который он питал к нему в дальнейшем на протяжении всей своей жизни.

15 авг. 1802 г. Блудов писал Жуковскому: «...я всегда боюсь, чтобы ты не усмехнулся, когда я говорю как автор, однако же скажу, что и у меня в голове много планов» (п. 6). После 1803 г. из этих писем исчезли упоминания о творческих замыслах, будораживших его ум. По позднейшему признанию Блудова, «область творческого ума» была для него «землей обетованной», в «пределы» которой он не решился войти.[7]

Письма ярко передают «чрезвычайно пылкий» характер молодого Блудова, приводивший его порой к сложным ситуациям. По утверждению Ковалевского, этот характер изменился под влиянием «тесной дружбы с Карамзиным и Жуковским, людьми в высшей степени кроткими и благодушными».[8] Но и с Жуковским у молодого Блудова бывали серьезные объяснения, когда на кону оказывалась их дружба. Именно о дружбе писал Жуковский, требуя объяснений от Блудова осенью 1803 г. в связи с его необъяснимым молчанием в каком бы то ни было письме о смерти Андрея Тургенева. Блудов написал, наконец, ему в ноябре-декабре 1803 г. два письма (см. п. 14—15 и примеч. к ним), которые можно оценить как новые, весьма ценные источники сведений о смерти их друга (см. примеч. к этим письмам).

Удивительная по чистоте история любви открывается в упоминаниях Блудова о своей будущей жене в письмах к Жуковскому. Письмо, написанное ему семнадцатилетним Блудовым в 1802 г. о княжне Анне Щербатовой, дышит страстью романтической юности (см. п. 4). И вот письмо, написанное через десять лет, перед их свадьбой, в котором Блудов в шутку называет свою невесту «старухой», выражая, однако, при этом все ту же, что и в 1802 г., любовь (см. п. 24). Анна Щербатова была старше мужа на восемь лет и, конечно же, поблекла за 1802—1812 гг., в течение которых он добивался ее руки. Умерла она раньше мужа, и М. А. Корф упомянул о жене Блудова в своем дневнике как

[7] *Ковалевский Е. П.* Граф Блудов и его время. С. 254.
[8] Там же. С. 21.

о «женщине тихой и кроткой и очень обыкновенной, но при всем том нежно им любимой».[9] История Дмитрия и Анны Блудовых — это история любви редкостного благородства и верности.

Три письма Блудова 1815—1817 гг. к Жуковскому связаны с «Арзамасом»[10] и дают ряд новых сведений из его истории. Письмо Блудова от 1 мая 1817 г. представляет собой остроумнейший образец изложения событий, разворачивающихся в кругу «арзамасцев». Успешное разрешение возложенного Жуковским на Блудова поручения помочь поэту А. И. Мещёвскому было связано с заседанием «Арзамаса» 29 апр. 1817 г., о котором, помимо данного письма, нет иных документальных свидетельств, хотя именно в этот день заслушивалось членами общества обращение к ним Жуковского, известное под названием «В общее собрание Нового Арзамаса от действительного секретаря Его Превосходительства всепокорнейшее завывание».[11] Письмо Блудова, полное юмористических подробностей о заседании «арзамасцев» 29 апр. 1817 г. и их восприятии «всепокорнейшего завывания» секретаря Светланы, можно рассматривать как своего рода набросок ненаписанного «арзамасского» протокола.

Комплекс публикуемых писем представляет большой биографический и историко-литературный интерес в отношении как Блудова, так и Жуковского. Письма Блудова содержат многочисленные свидетельства об истории произведений Жуковского. Так, в них сохранилось поистине уникальное (поскольку оно является единственным!) эпистолярное свидетельство о переводе поэтом в 1802 г. либретто оратории Й. Гайдна «Времена года», вызывавшем споры в жуковсковедении на протяжении более ста лет (см. п. 6, примеч. 2). Публикации писем, позволяющие восстановить в полном объеме двустороннюю переписку корреспондентов, всегда дают большое приращение биографических фактов. Свидетельством плодотворности исследовательской усилий такого рода являются письма Блудова, дополняющие публикации писем к нему Жуковского.

Письма Блудова к Жуковскому за 1801—1817 гг. хранятся в Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, № 21823: это 29 писем, одно из которых (л. 39—39 об.) не вошло в публикацию, поскольку не поддается прочтению из-за выцветших чернил на ярко-синей глянцевитой бумаге. Последовательность (под-

---

[9] *Долгих Е. В.* К проблеме менталитета российской административной элиты... С. 222.

[10] О плодотворности пополнений истории общества «Арзамас» на основании новых архивных находок свидетельствует ряд современных работ, например: Литературное общество «Арзамас»: история и современность. Арзамас: б. и.; Нижний Новгород: Растр, 2015; *Панов С. И.* Из литературной почты «Арзамаса» // Литературный факт. 2016. № 1/2. С. 179—198.

[11] См.: *Жуковский В. А.* Полн. собр. соч. и писем: в 20 т. М.: Языки славянской культуры, 2016. Т. 11 (1). С. 52—53.

борка) писем в архивной единице не соответствует действительной хронологии, восстановленной в публикации аналитически; письма печатаются в следующем порядке: л. 47—49, 19—19 об., 1—11 об., 37—38, 18—18 об., 46—46 об., 12—17 об., 21—21 об., 44, 45, 43, 34—35 об., 40, 49, 26—27 об., 22—25, 36, 28—33. Орфография и пунктуация публикуемых писем приведены в соответствие с современными нормами, но с сохранением некоторых особенностей оригинала.

1

27 сентября 1801. Москва

27 сентября.[1]

Il est assez cruel, mon cher ami, que depuis deux grands jours je n'ai de vous aucune nouvelle. J'ai été dans l'impossibilité de venir vous voir, mais vous n'y étiez pas à mon égard: vous n'y êtes pas au moins aujourd'hui. Venez si vous pouvez dîner avec moi. J'aurai l'occasion de vous ramener en allant chez Malinovsqui à qui je compte tenir enfin parole. Adieu. Vous avez emporté mes promenades avec mon chapeau, car le vôtre est trop *petit pour moi*, mais honni soit qui mal y pense.

Перевод:

Достаточно жестоко, мой дорогой друг, не прислать мне ни одной весточки за два длинных дня. Я не мог навестить тебя, но и ты не был расположен к тому, по крайней мере, ты и сегодня не расположен. Приходи, если сможешь, отобедать со мной. Я смогу отвезти тебя по дороге к Малиновскому, в отношении которого рассчитываю наконец сдержать слово.[2] Прощай. Ты лишил меня прогулок заодно с моей шляпой, потому что твоя мне мала, но позор тому, кто дурно об этом подумает.

---

[1] Вероятнее всего, записка была написана в 1801 г. Только в 1801 г. Жуковский и Блудов (до его женитьбы в 1812 г.) находились 27 сент., как это обозначено в тексте записки, в Москве (чтобы отправиться по просьбе Жуковского к А. Ф. Малиновскому — см. ниже). Предположительно к тому же периоду самого раннего приятельского общения Блудова с Жуковским, т. е. к 1801—1802 гг., отнесены нами и две другие недатированные записки Блудова к нему на французском языке, несомненно связанные, как и французская записка от 27 авг. 1801 г., с его жизнью до женитьбы. Таким образом, в архиве Жуковского сохранились три записки к нему Блудова, относящиеся ко времени службы поэта в московской Главной соляной конторе, из которой он был уволен 30 апр. 1802 г., после чего, получив указ об отставке, уехал в Белев в последних числах мая 1802 г.

[2] *Малиновский Алексей Федорович* (1762—1840) — чиновник Московского архива Коллегии иностранных дел, в 1814 г. ставший управляющим этого архива.

Желание Жуковского увидеться с ним, по-видимому, было связано с интересом к его переводческим, историческим, театральным работам и публикациям (см.: *Долгова С. Р.* Малиновский Алексей Федорович // Словарь русских писателей XVIII века. СПб.: Наука, 1999. Вып. 2. С. 267—271). Блудов поступил на службу в московский архив в 1800 г. юнкером и в октябре 1801 г. был пожалован чином коллежского асессора.

2

Вторая половина мая 1802. Москва

Mon ami, c'est aussi trop fort! Restez trois jours sans se voir, *ni s'entendre*, ni se donner aucun signe de vie: on ne fait pas de telles choses quand on s'aime.

Demain l'on donne *Le château du Diable*: ce sera un spectacle infernal; mais il faut voir ça.

Перевод:

Друг мой, это уж чересчур! Три дня не видеться,[1] не слышать друг друга, не подавать ни малейших признаков жизни: так не поступают, когда любят.

Завтра дают *Замок Дьявола*: это будет адский спектакль, но нужно это увидеть.[2]

---

[1] О предположительной датировке трех писем на французском языке Блудова, отнесенных нами к московскому периоду жизни Жуковского 1801—1802 гг., см. п. 1, примеч. 1. Письма 2 и 3 написаны Блудовым почти в один день и датируются второй половиной мая 1802 г. по упоминанию в п. 3 майских номеров журнала «Вестник Европы» (см. примеч. 3 к нему).

[2] По-видимому, речь идет о мелодраме *Л. А. Лоэзеля де Треогата* (Loisel de Tréogate; 1752—1812) «Замок дьявола» («Le Château du diable», пост. 1792). В Москве начала 1800-х гг. была небольшая французская труппа, игравшая в Петровском театре; сведений о постановке на его сцене «Замка дьявола» обнаружить не удалось. Негативный отзыв о спектакле см. в п. 3.

3

Вторая половина мая 1802. Москва

Mon cher bon ami, je n'ai pu venir chez vous hier, et le spectacle ne valoit pas la peine d'être vu. Vous n'avez rien perdu. Je vous écris aujourd'hui pour vous demander un service essentiel. Vous possédez La Harpe ou du moins Mr. Tourgurneff le possède. Ayez la bonté de m'envoyer le premier tome où se trouve Mélanie. Vous m'obligerez plus que vous ne pouvez penser. Joignez y le 9me et le 10me volume du *Courier de l'Europe*. Adieu, passez chez moi ce soir, si vous en avez le temps.

Перевод:

Мой дорогой добрый друг, я не смог прийти к тебе вчера, а спектакль не стоил того, чтобы его смотреть.[1] Ты ничего не потерял. Пишу сегодня, чтобы попросить тебя о важной услуге. У тебя есть Лагарп, или, по крайней мере, он есть у г. Тургенева. Окажи любезность, пришли мне первый том, где находится Мелания.[2] Ты окажешь мне величайшее одолжение. Приложи еще 9-й и 10-й том «Вестника Европы».[3] Прощай, зайди ко мне вечером, если будет время.

---

[1] Записка Блудова была написана через день после той, которая приглашала Жуковского в театр на спектакль «Замок дьявола» (п. 2, примеч. 2). В это время Жуковский готовился к отъезду в Белев Тульской губ. после получения им отставки из московской Главной соляной конторы.

[2] Речь идет о трагедии французского поэта, критика, драматурга *Жана-Франсуа Лагарпа* (Laharpe; 1739—1803) «Мелани» («Mélanie», опубл. 1770, пост. 1791), знаменитой своим антиклерикальным пафосом. В письме от 22 янв. 1803 г. к Жуковскому в Мишенское Блудов дал о ней восхищенный отзыв. Книгу, о которой просил Блудов в записке, Жуковский нашел в своей библиотеке. Впоследствии он неоднократно в письмах к Александру Тургеневу и Блудову за 1805—1807 гг. упоминал о своем требовании вернуть ему этот том (*Жуковский В. А.* Полн. собр. соч. и писем: в 20 т. М., 2018. Т. 15. С. 28, 30, 57). Речь в этих письмах, несомненно, шла о шеститомном издании Лагарпа 1778 г., сохранившемся в библиотеке поэта с лакуной, — в нем отсутствует именно первый том, о котором писал ему Блудов (см.: Библиотека В. А. Жуковского: (описание) / сост. В. В. Лобанов. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1981. № 2678; ср. примеч. к указанным нами письмам: *Жуковский В. А.* Полн. собр. соч. и писем. Т. 15. С. 608—609, 612, 628, где просьбы связываются с другим изданием в его библиотеке). Вигель, вспоминая молодого Блудова, писал, что для него Лагарп был «законодателем» (*Вигель Ф. Ф.* Записки. М.: Захаров, 2000. С. 131). Его «Лицей, или Курс древней и новой литературы» («Lycée, ou Cours de littérature ancienne et moderne», 1799—1803), написанный с позиции строгого классицизма, был тем теоретическим трудом, к которому обращались русские литераторы. Жуковский пристально изучал «Лицей», о чем свидетельствует конспект одной из глав его первого тома (см.: *Жуковский В. А.* Полн. собр. соч. и писем. Т. 12. С. 456—467).

[3] Блудов интересуется свежими номерами (№ 9—10, за май 1802 г.) журнала «Вестник Европы».

4

3 (15) июля 1802. Москва

Москва. Июля 3/15 1802-го года. Вечер.

Вообрази, брат, я пишу к тебе перед портретом Нанины.[1] Смотрю на образ милой и беседую с другом: кажется, будто счастье. Однако ж я несчастен и очень.[2] Ей-богу. Ох! как сегодня я плакал; я читал «Ольбана»,[3] и плакал, и глядел на портрет. Право, «Ольбан» очень трогателен. Все не зря чувствительные это знают, но все удивятся, что меня

более всего тронуло слово Нины, в последнем явлении: *Он умер! Он застрелился!* А! когда подумаешь, что Нанина с отчаянным голосом то же скажет, так придет охота идти на Воробьевые горы[4] и там, приложась к портрету, умереть; но скажет ли она? — и как? — Боже! она чувствительна, она верно пожалеет обо мне, да только пожалеет; — нет, буду еще недолго жить, для того чтобы взять во гроб приятную мысль:

Что никогда твоя Темира не забудет.[5]

Я хотел было писать к тебе журнал мой[6] с тех пор, как мы расстались, но смертный жар; я оставляю его до будущей почты. Прости, пиши мне свой; я теперь вместе с Губаревым.[7] Буду еще при свете луны любоваться портретом; тогда как не мечтать, как не думать иногда, что обладаешь ее прелестями, что — также при свете луны — буду некогда смотреть на нее, на ее милинькие глазки, закрытые; на ее щеки, где играет румянец самый милый, самый розовый, на грудь ее... ах! тогда в восхищении буду целовать ее, будить, может быть, буду целовать так, как я теперь только портрет целую; как она проснется, взглянет на меня усталыми, томными глазами, улыбнется, пожмет мне руку, которую я поцелую, и в то же время я почувствую горячие ее уста на щеке моей, и в то же время я прижмусь к ее груди, почувствую биение ее сердца — и в то же время ужасное слово: jamais раздается в душе моей; ах! несчастный, смотри на портрет, смотри на нее издали и терзайся. Я смотрю еще на портрет, еще целую ее и в слезах, в отчаянии — засну.

Блудов.

<Приписка В. И. Губарева:>

Здравствуй, брат Жуковской!

Я здесь ночую и тебе кланяюсь, что, брат, — imaginez-vous, je viens d'arriver de la campagne et je suis malheureux,* а как и от чего после узнаешь.

Adieu!

Goubareuff.**

<Приписка Блудова:> Изъяснение: а как? и от чего? в следующем письме.

---

[1] Наниной Блудов называл княжну *Анну Андреевну Щербатову* (1777—1848), свою будущую жену. Написание имени «Нанина» в письмах Блудова было столь похоже на фамилию «Панина», что это вызвало со стороны осведомленного о его чувстве Жуковского «комическое» замечание в письме к нему от начала августа 1804 г.: «А Панина? Эта милая, милая, комическая Панина?» (*Жуковский В. А.* Полн. собр. соч. и писем. Т. 15. С. 24; см. примеч. на с. 605, где указывается на ошибку первого публикатора письма Жуковского, назвавшего «Панину» возлю-

---

* представь, я только что вернулся из деревни и несчастен (*фр.*).

** Прощай! Губарев (*фр.*).

бленной Блудова (*Трофимов И. Т.* Поиски и находки в московских архивах. М.: Моск. рабочий, 1982. С. 63), но не объясняется ни появление в письме Жуковского этого слова (возможно, с ударением на втором слове: Пани́на), ни его «комизм»). Разобраться с этим словом помогают написания его в разных письмах Блудова, где очень редко, но встречается четкое «Нанина».

[2] Блудов впервые увидел фрейлину Анну Щербатову в Москве во время коронации Александра I в 1801 г. и тут же влюбился в нее. В это время он жил с матерью рядом с домом Щербатовых. Княжна, которая была на восемь лет старше Блудова, относилась к нему как к незрелому юноше и не придавала значения живому общению между ними. Тем не менее, это было то глубокое чувство любви, которое, став постепенно взаимным, позволило им пройти множество испытаний до соединения в браке в 1812 г.

[3] Имена Ольбана и Нанины в письме Блудова напоминали о героях комедии Вольтера «Нанина» (1749). Однако он, несомненно, говорил о другом произведении — о «драматическом отрывке» «Ольбан», вышедшем в русском переводе М. М. Вышеславцева в 1795 г. и затем отдельным изданием в 1798 г.; героями этого «отрывка» были Сенваль, в прошлом Ольбан, и Нина, когда-то его возлюбленная, а ныне жена Серси; слова героини «Он умер, он застрелился», которые вспоминает Блудов, см.: Приятное и полезное препровождение времени. М.: Унив. тип., у Ридигера и Клаудия, 1795. Ч. 8. С. 204. Источником перевода было сочинение *Л. Рамон де Карбоньера* (Ramond de Carbonnières; 1755—1827) «Ольбан» (1777). См.: *Рак В. Д.* Вышеславцев Михаил Михайлович // Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 1. С. 182—183.

[4] Воробьевы горы — это высокий (до восьмидесяти метров) правый берег в излучине Москвы-реки.

[5] Источник цитаты о Темире (условно поэтическое имя, встречающееся в произведениях И. Ф. Богдановича, И. И. Дмитриева, Н. М. Карамзина, Я. Б. Княжнина, Г. П. Каменева, Ю. М. Нелединского-Мелецкого, Д. И. Хвостова и др.) не установлен.

[6] Имеется в виду дневник, писавшийся для друга.

[7] *Губарев (Губарёв) Воин Иванович* (1781 — ок. 1868) — соученик Жуковского по московскому Университетскому благородному пансиону, помещик Кромского уезда Орловской губернии. О месте Губарева в «младшем тургеневском кружке» см.: Архив братьев Тургеневых. СПб.: Отд-ние русского языка и словесности Имп. Акад. наук, 1911. Вып. 2: Письма и дневник А. И. Тургенева геттингенского периода (1802—1804 гг.) и письма его к А. С. Кайсарову и братьям в Геттинген 1805—1811 гг. / с введ. и с примеч. В. М. Истрина. С. 48—49. Губарев и его сестра А. И. Лагривова оставили след в биографии И. С. Тургенева, поскольку были близкими людьми для его матери В. П. Тургеневой. В «Литературных и житейских воспоминаниях» (1867—1869) Тургенева дан колоритный портрет Губарева (см.: *Тургенев И. С.* Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. Соч.: в 12 т. М.: Наука, 1983. Т. 11. С. 69—70, 360—361).

5

28 июля (9 августа) 1802. Москва

Москва. Июля 28 дня / Августа 9 дня 1802 года. Ввечеру.

Я вчера только приехал из деревни, где был неделю и где получил второе письмо твое.[1] Я во все время не мог к тебе писать, как для это-

го отъезда, так и для других неприятных дел. Многому мешала лень, и теперь мешает она же. Скажу только, что я не сержусь на бранчливое письмо твое и на *того*, который удостоивает меня разговором только *пера своего*; правда, и сердиться не за что. На первой почте буду отвечать plus au long;* и расскажу тебе (многие интересные) новости, которые тогда, может быть, будут уже не новостями. Прости! Губарева загадка[2] состоит в том, что он, будучи в деревне, нашел свою Юлию холодною, хотел застрелиться, но вместо того — стал есть мороженое; теперь же помирился и est on ne peut pas mieux.** Прощай. Пиши ко мне.

[1] Письма Жуковского к Блудову за 1802 г. неизвестны.
[2] См. приписку Губарева на п. 4.

6

15 августа 1802. Москва

Москва. Августа 15 дня 1802.

Я сей час получил письмо твое, писанное не знаю когда,[1] и с ним тетрадь к Керцеллию:[2] он их получит завтра, а теперь уже вечер. Я желал бы чаще писать к тебе, но сперва не мог за хлопотами; потом за деревнею, потом за лению, а ныне молчал от болезни; а был болен целые две недели и лежал в постеле. Стану отвечать на все письма твои понктуально <так!>, но прежде опишу, что со мною случилось; а случилось очень много вещей.

Теперь, брат, я могу тебе сказать *вообрази*: ибо вообрази, что я уж тебя не увижу, по крайней мере, очень долго; увидишь как.[3]

Не хочу описывать тебе, как меня мучил Юрш <?> и другие заимодавцы; как я их обманывал и как чуть не был обманут Севенаром; как я решился заплатить долги свои, не занимая большей суммы, как я решился работать и не мотать уже,[4] как я в деревне наслаждался — неделю, как я теперь тебе и *тогдашнему себе* завидую; какие сцены имел я с матушкой, но скажу только, что я был грустен и болен, что эта грусть и болезнь, вместе с решительностию и твердостию, сделали, что я поеду в Петербург с мешком скоро; *с мешком...*[5] Ты удивляешься, но точно так: я не подумал, что мне надобно заплатить свои долги прежде отъезда, и теперь желал бы его отсрочить на два месяца или, по крайней мере, на один; но я, может быть, и месяца уже здесь не пробуду; всё приготовляется, кибитка уже куплена, я еду один... вообрази. Надобно подумать о распоряжении своих дел. Этим-то глу-

* подробнее (*фр.*).
** поживает лучше некуда (*фр.*).

пым делам, мой друг, приписывай всегда мое молчание. Я надеюсь, что в Петербурге их у меня не будет, и там я буду исправно к тебе писать, исправно и с великим удовольствием. Там и *Губарева* нет, то я буду очень рад с кем-нибудь, хотя на бумаге, говорить так, как я в Москве говаривал, то есть языком сердца. Там, мой друг, буду я писать тебе о литературе, о всех не известных нам французских произведениях, особливо театральных, о неизвестных тебе тамошних актерах; это будет очень весело. Хотя я всегда боюсь, чтобы ты не усмехнулся, когда я говорю как автор, однако же скажу, что и у меня в голове много планов, я ничего не могу сказать тебе прежде Петербурга, потому что занят совсем другим, и верно напишу galimathias.* Анд<рея> Ива<новича> Элегия[6] fait beaucoup de bruit;** под этим названием расспрашивают меня об авторе, а я, не без самолюбия, говорю: он редкий молодой человек, он обещает быть некогда гением, *он мой друг.*

Теперь я перевожу кое-что из Diction<naire de> Phil<osophie>:[7] <5 нрзб.>; я уже перевел и, *кажется*, недурно. Новость ли для тебя, что Кам<енский> фельд<маршал> принят в службу, конечно не для миру?[8] Новость ли для тебя, что труппа французская будет из Вильны в Москву?[9] Есть одна вещь, которой бы я очень желал и которая до сих пор есть еще неверная новость. Говорят, что Ив<ан> Влад<имирович> сделан Г<енерал>-Прокурор<ом>.[10] Я желал бы и по его особе, и по тому, что ты и Губарев могли бы быть в Петербурге; я думаю, что я тогда был бы счастлив; но каково же Анд<рею> Ив<ановичу>.[11] Ты, Губ<арев>, я, вместе, в прекрасном городе, на дороге новостей, и в городе, где умеют, если не честить, то по крайне мере награждать авторов. A propos de cela j'en parlerai à la première poste.***

<Приписка на полях:> Может быть, для тебя интересно знать, что Дюсис сочинил трагедию: Махбета. Приехавши в П<етер>б<ург>, я постараюсь найти ее и прислать к тебе. Она тебе поможет, если в самом деле захочешь сделать Махбета русского.[12]

---

[1] Письмо Жуковского неизвестно.

[2] *Керцеллий (Керцелий)* — так в русских изданиях конца XVIII в. передавалась фамилия музыкантов из семейства Керцелли, предположительно австрийского происхождения, с середины 1760-х гг. жившего в Москве. Об этом семействе см.: Музыкальная энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1974. Т. 2. С. 782 (статья И. М. Ямпольского); Музыкальная библиография русской периодической печати XIX века / сост. Т. Н. Ливанова. М.: Музгиз, 1960. Вып. 1: 1801—1825. По Указателю, на имя Керцель (Керцелли). В письме речь идет об *Иване Францевиче Керцелли* (Jean Joseph Koerzl, Kerzel, Kerzelli, Cherzelli; 1760? — 1819 или 1820), скрипаче, композиторе и дирижере, с 1801 г. старшем капельмейстере Петровско-

---

* чепуху (*фр.*).

** наделала много шуму (*фр.*).

*** Об этом я напишу с первой же почтой (*фр.*).

го театра в Москве. По инициативе И. Ф. Керцелли, 25 февр. 1803 г. состоялась московская премьера оратории Й. Гайдна (1732—1809) «Времена года» («Die Jahreszeiten»; исп. 1801; публ. 1802) по либретто Г. ван Свитена (van Swieten; 1733—1803), опиравшегося на одноименную поэму («The Seasons», 1726—1730) английского поэта Дж. Томсона (Thomson; 1700—1748). Из письма Блудова можно сделать вывод, что перевод либретто Жуковский сделал по заказу И. Ф. Керцелли для исполнения «Времен года» в Петровском театре. Объявление о предстоящем концерте было дано в «Московских ведомостях» 4 февр. 1803 г. от лица Керцелли, тут же сообщавшего: «Слова сей оратории можно получить напечатанные в книжных лавках содержателей Университетской типографии, по 50 коп. каждый экземпляр». Речь идет о следующем анонимном издании перевода: Четыре времени года: музыка сочинения Гайдена. М.: в Унив. тип., у Люби, Гария и Попова, 1802. 33 с.; на с. 2 указаны исполнители партий: Артамон Прусаков (Симон, откупщик), Елизавета Сандунова (Лиза, дочь его; в оригинале Ханна), Михаил Зубов (Лука, молодой крестьянин; в оригинале Лукас). О московской премьере оратории см.: *Финдейзен Н. Р.* Музыка Гайдна в России (историческая справка) // Русская музыкальная газета. 1909. № 20/21. Стб. 520; *Вольман Б. Л.* Наследие Гайдна в России // Советская музыка. 1959. № 6. С. 87—88; *Штейнпресс Б. С.* Музыка Гайдна в России при жизни композитора // Музыкальное исполнительство. М., 1970. Вып. 6. С. 297—300, 305. Имя Жуковского как переводчика либретто было раскрыто в 1805 г. в газетных сообщениях о продаже книги (Московские ведомости. 1805. 1 марта. № 17. С. 343; и др.), откуда попало в изд.: *Сопиков В. С.* Опыт российской библиографии. СПб.: тип. Имп. театра, 1816. Ч. 4. С. 381 (№ 10338, с ошибкой в годе издания; описание начинается со слов: «Пер. В. Жуковского»). Четыре части оратории живописуют сезонные занятия крестьян, их труды и развлечения, с яркими описаниями природы. Объединяющим началом сезонных сюжетов является понимание целесообразности того жизненного цикла, который оправдан христианскими верованиями и надеждой на благодатную помощь Творца. Перевод, вышедший в 1802 г., несет на себе отпечаток незаурядной творческой индивидуальности и дает многообразное идейно-стилистическое отражение русской литературной традиции конца XVIII — начала XIX в. На протяжении XIX в. перевод трижды переиздавался: Четыре времени года: музыка сочинения г. Гайдена = Die Jahreszeiten von Joseph Gaydn. М.: тип. Н. Степанова при Имп. театре, 1830 (с параллельным немецким текстом); То же: Оратория, положенная на музыку Гайденом. [2-е изд.]. СПб.: тип. К. Крайя, 1836; Времена года: оратория И. Гайдена. Митава, 1893. Об этой переводческой работе Жуковского иных свидетельств в его переписке, помимо письма Блудова, не имеется. См.: *Березкина С. В.* Перевод либретто оратории Й. Гайдна «Времена года» — неизвестное произведение В. А. Жуковского // Имагология и компаративистика. 2022. № 18. С. 34—58.

[3] Речь идет об отъезде Блудова из Москвы в Петербург осенью 1802 г. в связи перемещением по службе в Коллегии иностранных дел.

[4] Биограф сообщал о том, как Блудов боролся со своей «врожденной страстью» к карточной игре: «...дал себе обет — не пользоваться выигранными деньгами, а отдавать их, все сполна, бедным <...> Блудов перестал, даже разучился играть. Когда приходилось иногда сделать исключение для кого-нибудь <...> то играл так дурно и рассеянно, что ему очень редко предлагали карту. В доме его никогда не играли» (*Ковалевский Е. П.* Граф Блудов и его время. С. 82). Эти усилия Ковалевский относил ко времени после женитьбы Блудова. Однако письма к Жуковскому показывают, что уже в возрасте семнадцати лет он имел карточные долги и понимал необходимость борьбы со своей страстью к картам.

[5] В русских пословицах мешок — это вместилище для денег, например: «Был бы мешок, а деньги будут» (см. статью на слово «Мех» в словаре В. И. Даля). В начальную пору своей петербургской жизни Блудов жил очень стесненно.

[6] Речь идет о только что напечатанной с подписью «—в» «Элегии» («Угрюмой осени мертвящая рука...») *Андрея Ивановича Тургенева* (1781—1803), вышедшей с примечанием Карамзина, в котором выражалась надежда, что в будущем поэт «найдет способ говорить по-своему» (Вестник Европы. 1802. № 13. С. 52).

[7] Имеется в виду трехтомное издание *Ж.-А. Нежона* (Naigeon; 1738—1810) «Словарь древней и современной философии» («Dictionnaire de philosophie ancienne et moderne», 1791—1794); входит в издание «Encyclopédie méthodique, ou par ordre de matières», 1782—1832.

[8] *Граф Каменский Михаил Федотович* (1738—1809), генерал-фельдмаршал, в отставке до 17 июля 1802 г., вернулся на службу в должности санкт-петербургского генерал-губернатора, в 1806-м главнокомандующий армией, женат на княжне *Анне Павловне Щербатовой* (1749—1826), тетке будущей жены Блудова.

[9] Надежды Блудова на приезд в Москву французской труппы из Вильны не оправдались. См. п. 2, примеч. 2.

[10] *Лопухин Иван Владимирович* (1756—1816), тайный советник и сенатор в московских департаментах Сената (1797), участник ревизий в ряде губерний Российской империи, известный масон. Блудов говорит о слухах вокруг назначения Лопухина после воцарения Александра I на должность генерал-прокурора, главы Правительствующего Сената. В действительности же Лопухин был назначен в 1802 г. председателем Комиссии для разбора споров по землям и определения повинностей на Крымском полуострове.

[11] Речь идет об Андрее Тургеневе, командированном в это время в русскую дипломатическую миссию в Вене. И. В. Лопухин был по-особому близок и любим в семье Тургеневых.

[12] Упоминания того или иного французского драматурга в письмах Блудова нередко были связаны с какими-то творческими планами, которыми он хотел увлечь Жуковского. Во второй половине 1802 г. в письмах Блудова дважды встречаются заинтересованные упоминания о трагедии Шекспира «Макбет», что, несомненно, было связано с переводом «Макбета» (не сохранился), над которым весной того же года работал Андрей Тургенев, сообщавший о нем Жуковскому в письмах из Вены (см.: *Вацуро В. Э., Виролайнен М. Н.* Письма Андрея Тургенева к Жуковскому // Жуковский и русская культура. Л.: Наука, 1987. С. 401—402, 406—409). Работа вызвала критику со стороны Жуковского, направленную на одну из сцен (с ведьмами) шекспировской трагедии, которую он считал излишней и нехудожественной. Полемика о «Макбете» по сообщениям в этих письмах и записям в дневнике Тургенева оценена исследователями как эпизод, «характерный именно для преромантического литературного сознания» (Там же. С. 353; см. также: *Заборов П. Р.* От классицизма к романтизму // Шекспир и русская культура. М.; Л.: Наука, 1965. С. 83—85; *Левин Ю. Д.* Шекспир и русская культура. Л.: Наука, 1988. С. 16—17). Письмо от 15 авг. 1802 г. вносит в него неожиданный штрих, связывая интерес Жуковского к «Макбету» с его творческими планами. В письме Блудова речь идет об адаптированном переводе шекспировской трагедии, изданном в 1784 г. французским драматургом *Ж.-Ф. Дюси* (Ducis; 1733—1816). Обещанную книгу Дюси Блудов выслал Жуковскому из Петербурга в конце декабря 1802 г. (п. 9).

7
12 (24) сентября 1802. Москва

Москва. Сентября 12-го / 24 дня 1802-го года.

Любезный друг Жуковский, думал, может быть, по моему молчанию, что я уже уехал в Петербург, по мне — что заключить из *его* молчания? Забыл ли он о мне, болел ли он (сего и другого не дай Бог), или ленив, или занят. Если это происходит от лени, то я сердечно прощаю тебе. Если же Музы тебе помешали, то прощаю еще охотнее, ибо чего не простишь любимцу *милых наших*, но ..... <так!> то я рассержусь. Еще же более огорчишь меня, если не станешь писать ко мне в Петербург; сделай милость, вспомни, когда тебе будет лень, что ты отнимаешь у меня одно из первых утешений. Из числа оных будет также удовольствие писать к тебе — всякую почту. Буду писать тебе всё, что я увижу важного, примечательного и любезного, всё, что со мною случится, и даже всё, что буду чувствовать, ожидая с покорностию твоей моральной брани за *романтизм*.

Скажу тебе, что я еду очень скоро в желанный город,[1] что ты часы и медали найдешь у Губарева: я хотел их сдать Рахманову,[2] но он сам едет в Петербург, на сих днях; получа письмо сие, адресуй свои письма в архив на имя мое;[3] если они не застанут меня, то будут верно отосланы; приехав в Петербург, я пошлю к тебе мой адрес, но прежде того ты еще получишь от меня письма, если не из Москвы, то из Твери, из Новагорода[4] и проч. Я еду совсем один, приеду и тотчас побегу в театр, ежели тот день будет спектакль, если нет — пойду бродить по городу, смотреть монумент Петра Великого, Румянцова, Суворова[5] и проч., смотреть и тебе описывать; на другой день увижу Нанину, на третий поеду к ученому Озерову — брату того, которого ты видел,[6] на четвертый явлюсь в Коллегию, на пятый пойду к Державину[7] и так далее. План хорош, но, говорит Вольтер, ничто в свете не случается — точно так, как желают.[8]

Из твоих знакомых (новых) я знаю, то есть видел раз, только барона Черкасова, который мне очень полюбился, славно говорит по-французски, славно поет и, помнится, путешествовал.[9] Чичерина блистает у вас,[10] но ведь она un corps opaque* и в Москве, и в столице не видна между истинными солнцами. Я уверен, что новая твоя элегия «На родине» будет хороша и что мы поставим ее en pendant à l'Epître à Lamoignon.**[11] Но как тебе не стыдно, что ты, переведши Грееву элегию,[12] не пришлешь ко мне копию; или ты думаешь, что я в тебе (и следственно в твоих творениях) не интересуюсь, или ты сам во мне не интересуешься. Пришли, сделай милость, поскорее, я доро́гой буду твердить ее и в столице превознесу до небес. Нового скажу тебе, что

* темное тело (*фр.*).

** в пандан к Посланию к Ламуаньону (*фр.*).

Ко<нстантин> Булгаков, ехав курьером в Неаполь, был на возвратном пути атакован двумя разбойниками.[13] Он застрелил одного, а другой убежал. *Славно!* Vive les archivistes!* Бумага вся, а еще много бы писать. J'aurai la précaution d'écrire à la capitale, sur du plus grand papier.** Прости!

<Запись на вложенном обрывке:> Молодой человек Ильин сочинил драму Лиза; ее играли в Петербурге, и автора вызывали по-парижски. Он показался в ложе, и ему с восторгом хлопали.[14]

---

[1] Речь идет об отъезде Блудова в Петербург.

[2] *Рахманов Петр Александрович* (1779—1813) — музыкант-любитель, математик, с 1808 г. член Ученого комитета по артиллерийской части, в 1810—1813 гг. издатель «Военного журнала», в 1813 г. полковник л.-гв. Преображенского полка. В начале 1800-х гг. Рахманов, офицер пионерного полка, входил в круг московских знакомых Жуковского. У него Блудов хотел оставить выкупленные им медали и часы, которые были заложены Жуковским при отъезде из Москвы в мае 1802 г., поскольку в это время он находился в крайне стесненных обстоятельствах.

[3] Московский архив Коллегии иностранных дел, где служил Блудов до перевода в Петербург.

[4] Тверь, Новгород — города по дороге из Москвы в Петербург.

[5] Блудов называет петербургские достопримечательности — памятник Петру Великому (работы Э. Фальконе, на Сенатской площади, 1782), обелиск «Румянцева победам» (работы В. Бренны, в честь гр. П. А. Румянцева, ныне в Румянцевском саду на Васильевском острове, 1799) и А. В. Суворову (работы М. И. Козловского, ныне на Суворовской площади, 1801).

[6] Одним из упомянутых Озеровых (двоюродных братьев Блудова) был, несомненно, драматург *Озеров Владислав Александрович* (1769—1816), в 1802 г. живший, однако, не в Петербурге, а в тверском имении. Его Блудов характеризует в письме как человека, которого Жуковский уже «видел». В Петербурге же Блудов намеревался посетить, по-видимому, *Озерова Петра Александровича* (1762 — после 1803), советника правления государственного Ассигнационного банка, одного из участников издания в 1788—1789 гг. журнала «Утренние часы» (см.: *Рак В. Д., Степанов В. П.* Озеров Петр Александрович // Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 2. С. 379—380). О братьях Озеровых см.: *Сиверс А. А.* Родословие Озеровых. СПб.: тип. Мор. м-ва, 1911. С. 75—77.

[7] Поэт *Г. Р. Державин* приходился Блудову двоюродным дядей.

[8] Источник цитаты из произведения Вольтера обнаружить не удалось.

[9] Последний абзац письма Блудов посвятил откликам на сообщение Жуковского в неизвестном письме к нему о круге своего общения на родине, а также творческих занятиях. Первым назван *барон Иван Петрович Черкасов* (ок. 1761 — после 1841), белевский сосед Жуковского, владелец имения Володьково, адресат его посланий 1806 и 1814 гг.

[10] Блудов пишет Жуковскому о какой-то Чичериной, блистающей в родных краях Жуковского, но при этом связанной и с Москвой, и с Петербургом. По-видимому, речь идет о *Чичериной Елизавете Петровне* (род. 1767), урожд. Деми-

---

* Да здравствуют архивисты! (*фр.*)

** Буду писать в столицу на бумаге больших размеров (*фр.*).

довой, писательнице и переводчице, принадлежавшей по происхождению к приближенным ко двору семействам; после замужества она жила в тульском имении (см.: *Данилевский Р. Ю.* Демидова (в замуж. Чичерина) Елизавета Петровна // Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 1. С. 248—249). Блудов с иронией отзывается о возможности сравнения Демидовой-Чичериной с «истинными солнцами» высшего общества двух столиц (сама возможность такого сравнения говорит о том, что она была там известна). Что же касается семейства ее мужа, то об одном из Чичериных Жуковский упоминал в автобиографической дневниковой записи, посвященной его жизни в Туле в 1795—1796 гг. (*Жуковский В. А.* Полн. собр. соч. и писем. Т. 13. С. 33).

[11] Элегия Жуковского 1802 г. под названием «На родине» неизвестна. Судя по словам о ней Блудова, она еще не была к тому времени написана, а лишь очерчена Жуковским в письме к нему как некий волнующий его замысел. Это вызвало у Блудова ассоциацию с VI посланием *Н. Буало* (Boileau; 1636—1711) «К Ламуаньону» («À M. de Lamoignon», 1677), повествующим о прелестях деревни. У Буало деревня предстает как убежище от жизненных тягот, дарующее истинное спокойствие духа. Описание сельского пейзажа и мирных деревенских досугов украшается в послании приходом Музы, любящей лесную тишь (см.: *Песков А. М.* Буало в русской литературе XVIII — первой трети XIX в. М.: Изд-во МГУ, 1989. С. 86; *Богданович Е. В.* Дружеское послание 1810-х годов: образцы и источники // Вестник Пермского ун-та. 2011. Сер.: Рос. и заруб. филология. Вып. 2 (14). С. 133—134). Содержательно с мотивами послания Буало пересекаются «Стихи, сочиненные в день моего рождения. К моей лире и к друзьям моим» Жуковского, датируемые (по дню рождения) 27 янв. 1803 г. (см.: *Жуковский В. А.* Полн. собр. соч. и писем. Т. 1. С. 58, 438). Замечание Блудова может быть основой комментария к этим стихам Жуковского.

[12] Имеется в виду элегия Жуковского «Сельское кладбище», датируемая маем-сентябрем 1802 г.; верхняя граница датировки определяется по помете в копии А. А. Протасовой (Воейковой): «1802 года в сентябре» (Там же. С. 436). Письмо Блудова от 12 сент. 1802 г. из Москвы подтверждает это свидетельство. «Сельское кладбище» представляло собой перевод знаменитой элегии английского поэта-сентименталиста *Томаса Грея* (Gray; 1716—1771) «Written in a Country Church-Yard» (1751). Копия элегии, о которой Блудов просил Жуковского, была вскоре ему выслана (не сохранилась). Высокий отзыв Блудова о стихотворении см. в п. 9.

[13] *Булгаков Константин Яковлевич* (1782—1835), сослуживец Блудова по Московскому архиву Коллегии иностранных дел, был причислен в 1802 г. сверх штата к русской дипломатической миссии в Вене, что стало началом его успешной карьеры в Министерстве иностранных дел; впоследствии занимал должность московского почт-директора (1816—1819) и петербургского почт-директора (1819—1835). Его брат *Булгаков Александр Яковлевич* служил с марта 1802 г. секретарем посольства в Неаполе. В его письмах, известных в публикации с мая того же года, нет упоминаний о приезде брата Константина в Неаполь, о котором повествует Блудов.

[14] Имеется в виду драма «Лиза, или Торжество благодарности» (1802, публ. 1803) *Н. И. Ильина* (1777 или 1779 — 1823). См.: *Кочеткова Н. Д.* Трагедия и сентиментальная драма начала XIX в. // История русской драматургии, XVII — первая половина XIX века. Л.: Наука, 1982. С. 217—218; *Рогов К. Ю.* Ильин Николай Иванович // Русские писатели, 1800—1917: биогр. словарь. М.: Большая российская энциклопедия, 1992. Т. 2. С. 413—415.

8

31 октября 1802. Петербург

St. Petersbourg. Le 31 d'Octobre 1802.

Читая твое письмо,[1] подумаешь, что я в самом деле был и есть виноват. Вот что делает красноречие! Если бы я хотя немного меньше был уверен в своей добродетели, то я думаю, что ты убедил бы и меня самого. Но теперь посмотрим, может ли истина сразиться с красноречием и — победить его. Я пишу к тебе одно письмо из Москвы, в котором уведомляю о моем отшествии из оной:[2] получаю в ответ три строчки, наполненные *возбуждением* <по> выкупу твоих медалей и *повелением* ожидать от тебя длинного письма;[3] я не получаю его; признайся, что это досадно: пишу еще письмо; нет ответа; досадно! Пишу, чтоб ты прислал мне свою элегию, думаю, хотя этак заставить тебя отвечать,[4] но нет; очень досадно! Пишу об разных переменах и прошу сказать мне прости: ты и этого не хотел. Наконец написал я отсюда грозную грамоту,[5] и на нее нет ответа; я думал, что ты умер; признайся, что это было бы уж очень досадно. Quoi me disois-je, quoi! Etoit-il capable de me jouer ce tour-là! De mourir!* Ты жалуешься, что я не даю тебе адреса; ну, господин философ и лирик, признайся, что ты бестолков. Разве ты не знаешь, что в Иностранной коллегии меня всегда найти можно, а что квартеры мои меняются; однако ж ныне адресуй: *на Вознесенской улице, в доме Иванова под № 92.* Если ж, чего быть не может, если все сии истины не в состоянии уверить тебя, то да решит наш спор *Марья Николаевна*,[6] некогда, а может быть, и ныне важная в сердце г<осподина> лирика, которая мне сама говорила, сидя в постеле своей и будучи по крайней мере очень слаба, что ты очень ленив, что ты, однако ж, не умер, ибо надписывал, а не писал одно письмо к ней, и что должно *нам всем* (это слова ее) *собраться бранить тебя.* Я, как уже известно, исполнил ее волю, прежде приказания; сказал ей об этом и уверен, что, будучи на твоем месте, я решился бы даже досаждать ей, *pour le plaisir d'être puni.*** Теперь ты побежден, и я оставляю *слог разъяренного человека*, который, не знаю каким образом, я имел. Скажу тебе, что будучи впервой у твоей *Темиры*, со мною случилась странность, но такая странность, которой... я не ожидал и которая сделала первый раз — последним.[7] Но я тебе расскажу это после, расскажу также все странности, которые со мною здесь были и которых, к насчастию, было много. Слава Богу, однако же, что они все кончились очень хорошо; скажу о театре, о новостях литературы и наконец (car on garde le meilleur morceau pour la fin***) о милой, о священной Нанине;[8] но я не знаю, в состоянии ли я буду

---

* Как! — думал я. Может ли он выкинуть такую штуку! Умереть! (*фр.*)

** ради удовольствия быть наказанным (*фр.*).

*** потому что лучшее оставляем на конец (*фр.*).

рассказать тебе о последней. Я часто удивляюсь, отчего так легко чувствовать и так трудно описывать чувства; *например*, я никак не могу тебе изобразить моего желания сделаться тебе полезным: но время сказать каким образом. (Car j'ai beaucoup parlé, sans rien dire*) Г. Каразин, ныне правителем в канцелярии Министерства просвещения[9] (я после скажу тебе о моих связях с ним), говорил мне, узнав о твоей отставке и знав прежде о твоих талантах (он старается всеми способами иметь молодых людей с талантами, а особливо стихотворцев (хороших, разумеется), потому что он сам этого здесь не мастер). Итак, он говорил мне, что он очень желал бы знать, пойдешь ли ты в службу!

— Я не знаю и не приметил в нем сего; но если бы он хотел, то ныне так трудно найти хорошее место...

— Ах, нет! он так хорошо стихи пишет.

— Он же не богат и не мог бы жить в Петербурге своими доходами!

— Ему можно определить хорошее жалование.

— В таком случае... может быть...

Так кончился наш разговор. Любезный друг! не рассердись на меня, что я предлагаю тебе — быть твоим адвокатом, и сделай милость, скажи мне, можешь ли, хочешь ли и каким образом служить при М<инистерстве> П<росвещения>.[10] Отвечай поскорее и обрадуй меня. Я думал, что тебе будет приятно служить в таком месте, где тебе сделают должность из славных твоих склонностей, где ты можешь быть очень полезен и где (не ошибся ли я, думая, что сие не будет неприятно) ты будешь служить вместе с добрым твоим Блудовым; но это еще *тайна*: le doigt sur la bouche!** Я думал также, что если определят тебе рублей тысячу жалованья, то ты можешь жить порядочно. Сделай милость, отвечай поскорее и, сделай милость, согласись. В последнем случае ты можешь написать письмо к Каразину или во всем положиться на меня. Стой перо, бумага вся.

Письмо к Родзянке я отдал М. С. Кайсарову, который обещал отдать его.[11] Найдешь здесь Prospectus du poème du Malheur et Pitié;*** но Бонапарте запретил печатать его.[12] То-то свобода!

---

[1] Письмо Жуковского, на которое отвечает Блудов, неизвестно; возможно, оно было написано 15 сент. 1802 г. (см. упоминание о нем в п. 10).

[2] Имеется в виду п. 6.

[3] Письмо Жуковского к Блудову в «три строчки» по поводу каких-то медалей, заложенных им в Москве, неизвестно. Поскольку ответом на него было письмо Блудова от 12 (24) сент. 1802 г., сообщавшее о судьбе этих медалей, можно предположить, что письмо Жуковского было написано в конце августа — первых числах сентября 1802 г.

---

* потому что я много говорил, ничего не сказав (*фр.*).

** приложим палец к губам (*фр.*).

*** изложение поэмы о Несчастье и Сострадании (*фр.*).

[4] См. п. 7, примеч. 12.

[5] Речь идет о несохранившемся первом письме Блудова к Жуковскому из Петербурга, написанном, по-видимому, в конце сентября — начале октября 1802 г.

[6] Блудов имеет в виду племянницу Жуковского *Свечину Марию Николаевну* (ок. 1781—1821), урожд. Вельяминову, предмет его юношеского увлечения. С 1801 г. она жила с мужем и сестрой в Петербурге. В начале 1800-х гг. Жуковский писал Свечиной письма, передававшиеся ей Андреем Тургеневым, а затем Блудовым, из которых ни одно не сохранилось. Тургенев сообщал Жуковскому в своих письмах разговоры со Свечиной о нем, поскольку они, по-видимому, его очень интересовали (см.: Жуковский и русская культура. С. 378 и след., по Указ.). См. п. 11, примеч. 2.

[7] Темирой Блудов называет Свечину. Несмотря на какую-то оплошность Блудова во время первого визита к Свечиной, он бывал у нее и впоследствии.

[8] *Нанина* — княжна Анна Щербатова.

[9] Имеется в виду *Каразин Василий Назарович* (1773—1842), заслуживший особую доверенность Александра I в начальный период его царствования благодаря изложению своих идей о путях реформирования Российской империи, в том числе о необходимости создания Министерства народного просвещения. Во вновь учрежденном министерстве он занял видное место, став в 1802 г. правителем дел канцелярии и комиссии об училищах, однако вскоре впал в немилость и был уволен в 1804 г. с чином статского советника. Блудов сблизился с Каразиным в момент наивысшего его подъема и в 1803 г. пытался, как об этом пишет его биограф, перейти в Министерство народного просвещения (*Ковалевский Е. П.* Граф Блудов и его время. С. 36). Об ожидании «места при министре просвещения» Блудовым см. в п. 10.

[10] Впоследствии, когда в 1818 г. Жуковский был назначен на должность наставника в русском языке при великой княгине Александре Федоровне, он был причислен именно к этому министерству.

[11] Жуковский называет своих соучеников по Университетскому пансиону, живших в Петербурге: *Родзянко Семена Емельяновича* (1782—1808?) и *Кайсарова Михаила Сергеевича* (1785—1825). Письма, адресованные Жуковским к Родзянко в Петербург в 1801—1803 гг., неизвестны.

[12] Имеется в виду поэма *Ж. Делиля* (Delille; 1738—1813) «Несчастье и сострадание» («Le Malheur et la Pitié», в сокращ. 1803, полностью 1804), в которой поэт, сторонник монархии Бурбонов, излагает свои политические взгляды. Какое издание было приложено Блудовым к письму Жуковского, неизвестно. См. п. 15, примеч. 5.

9

Конец декабря 1802. Петербург

Хожу в театр и восхищаюсь.[1] У нас теперь первая французская актриса для маленьких опер: Madame Philis Andrieux.[2] Она играет роли г-жи Dugazon.[3] Если нужно будет, то расскажу тебе о ней и вообще о театре как можно более в первом письме. Что касается до всех происшествий особенных, я не писал к тебе; то может об них тебе рассказать *Рахманов*, ибо рассказывать легче, нежели описывать.

Я отдаю и верно отдаю твои письма *Родзянке*, кроме последнего, которое я возил, но, нашедши комнату запертою, принужден до сих пор держать у себя. Я был у него однажды, сидел долго и счел прият-

ностию, он мне показывал свой перевод Драйденовой оды, *Александрова торжества*,[4] я позволил себе сделать некоторые замечания, он их принял как должно, и мы, кажется, расстались хорошими знакомыми. Я нашел в нем всё, чего ожидал, а ожидал многого. Он немного странен,[5] но с ним я очень легко могу ужиться, имея сам некоторые из его странностей. Я давно уже отказался от острословия, не только с ним, но везде, и так, что уже не умею говорить остроты, если бы и захотел. Вижу теперь, что все зависят более от привычки, нежели от ума. *Родзянка* всё боится смерти и уверял, что не проживет шести месяцев. Я напрасно уверял его в противном, хотя сам видел, по всем признакам, что он в чахотке. Я искренно жалею его, хотя знаком недавно.

Но я, заговорясь о себе, забыл сказать тебе что-нибудь о твоей элегии;[6] выраженное одобрение, конечно, не нужно для тебя. Я скажу, однако ж, что выключка некоторых малых, очень малых, как мне кажется, погрешностей (напр<имер>, *глас утра золотова*[7] и две или три другие), она превосходна, и, не льстя тебе, скажу, что стихи твои — а уж и я знаю, как назвать их, чем больше <читаю>, тем больше вижу сходство в них с Буаловыми стихами.[8] Такая же *полность*, так сказать, почти везде такая же чистота, такие же обороты и *важная гармония* (harmonie grave). Я всегда удивляюсь *полности* этой строфы: Как часто их серпы, и проч. И этой: Таить в душе своей...[9] и проч. на многих других. Вообще, мой друг, твоя элегия не только для твоих лет, но и для всяких лет *прекрасна*. Я назвал ее chef-d'oeuvre* другому, но из твоих сочинений — она не должна быть chef-d'oeuvre.[10] Сделай милость, сообщая мне всё, что сделаешь нового, я с истинным удовольствием учу твои стихи наизусть. Жаль, что ты переменил последнюю строфу твоей элегии; сначала она была прекрасна, а напечатана, не погневайся, право, не хорошая.[11] Родзянка в этом и почти во всем согласен со мною.

Я умею исполнять свое слово и посылаю к тебе Дюсисова «Махбета»[12] и Prospectus** Делилевой поэмы, которую Бонапарте запретил.[13] Прости, мой друг, я уж очень записался, но ты хоть не в один раз прочти мое письмо. Прости, пиши ко мне и адресуй: на Литейную, в дом г-на Арнобольди под № 230. Поклонись Губареву, я скоро стану писать к нему и к Рахманову.

---

[1] Письмо датируется концом декабря 1802 г. по отзыву в нем на публикацию элегии Жуковского «Сельское кладбище», появившуюся в последнем декабрьском номере «Вестника Европы». Восхищение Блудова французским театром, выраженное в письме, было вполне оправданным, поскольку в Петербурге в это время, вплоть до 1811 г., была великолепная французская труппа. См.: *Финдейзен Н. Ф.* Боальдьё и придворная французская опера в С.-Петербурге в начале XIX в. //

* шедевром (*фр.*).

** Изложение (*фр.*).

Ежегодник Императорских театров. 1910. Вып. 5. С. 14—41; *Семенова М. Б.* Французская императорская драматическая труппа // Три века Санкт-Петербурга: энциклопедия: в 3 т. СПб.: Филол. факультет С.-Петерб. гос. ун-та, 2009. Т. 3, кн. 7. С. 407—414.

[2] О молодой певице французской труппы *Жаннетте Филлис-Андриё* (Phillis-Andrieux; 1780—1838), вызывавшей повсеместное восхищение, см.: *Жихарев С. П.* Записки современника / ред., ст. и коммент Б. М. Эйхенбаума. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955. С. 272—273 («...отличный голос, но, сверх того, какая очаровательная актриса!»), 517—518, 670; *Гозенпуд А. А.* Музыкальный театр в России: от истоков до Глинки. Л.: Музгиз, 1959. С. 337.

[3] Имеется в виду оставившая сцену по болезни певица *Луиза Дюгазон* (Dugazon, наст. имя Луиза-Розали Лефевр, Lefebvre; 1755—1821), жена актера французской труппы в Петербурге *Дюгазона* (наст. имя Жан-Анри Гурго; 1743—1809).

[4] Речь идет об оде английского поэта *Джона Драйдена* (Dryden; 1631—1700) «Пир Александра, или Сила музыки» (1697), написанной в честь дня святой Цецилии. В 1812 г. к ее переводу обратился Жуковский (см. примеч. к стих. «Пиршество Александра, или Сила гармонии», здесь же см. о других русских переводах Драйдена, появившихся к тому времени: *Жуковский В. А.* Полн. собр. соч. и писем. Т. 1. С. 581—584). Перевод С. Е. Родзянки, о котором сообщал Блудов, не сохранился.

[5] Все друзья Родзянки, начиная с Университетского пансиона, отмечали странность как отличительную особенность его характера. К середине 1803 г. всем стало ясно, что это сумасшествие (см.: Архив братьев Тургеневых. Вып. 2. С. 45—48). О судьбе писем Жуковского к Родзянке см. п. 8, примеч. 11.

[6] Имеется в виду элегия «Сельское кладбище» — см. п. 7, примеч. 12.

[7] Приводимый Блудовым вариант «глас утра золотова» неизвестен, как неизвестно и то, в каком стихе элегии (вероятно, ближе к финалу) он был ранее. Жуковский вносил изменения в текст «Сельского кладбища» и впоследствии, вплоть до последнего прижизненного издания (см. об этом: *Жуковский В. А.* Полн. собр. соч. и писем. Т. 1. С. 437).

[8] Блудов имеет в виду не какое-либо конкретное стихотворение Буало, а чрезвычайно высоко ценившееся им достоинство всей его поэзии. См. также п. 7, примеч. 11.

[9] Речь идет о строфах седьмой («Как часто их серпы златую ниву жали ~ И по́том их лица кропилася земля!») и девятнадцатой («Таить в душе своей глас совести и чести ~ Дары небесных Муз гордыне посвящать»).

[10] Т. е. не должна быть последним из лучших стихотворений Жуковского.

[11] Последняя строфа в первой публикации «Сельского кладбища»: «На утро пение я слышу гробовое: / Несчастного несли в могилу положить! / Приближься и прочти надгробие простое / На диком камне сем, под коим он лежит» (Вестник Европы. 1802. № 24. С. 324).

[12] См. п. 6, примеч. 12.

[13] См. п. 8, примеч. 12 и п. 14, примеч. 5.

10

22 января 1803. Петербург

Генваря 22-го дня.[1]

Благодаря любезного друга за то, что он — несмотря на все мои вины — еще не забывает меня, я хочу принести ему единственное стра-

дание, которое — всегда могу с ним иметь: я ленив, любезный друг, и ленив неописанным образом; вздумай только, что я от лени двадцать два дни не был у Нанины; после этого, кажется, я могу сказать, что нет в свете человека ленивее меня. Прошу тебя, любезный друг, простить меня и быть прилежнее. Твои письма доставляют мне великое — я скажу — счастие; но они слишком коротки и только *взманивают*. Пиши побольше и чаще, не сердись, если они будут иногда оставаться без ответа, ибо мне гораздо больше пользы от твоих писем, нежели тебе от моих; для того, что тебе нет никакой, а я получаю письма *Великого* человека, кажется, сам становлюсь умнее. Будь уверен, однако ж, что я преодолею лень свою и стану писать, может быть, так часто, что наскучу тебе. Твое письмо от 15-го сентября,[2] в котором ты — может быть, в шутку — велишь мне воспламениться и писать пиесы, обрадовало меня как ребенка. Но как бы ни было, я скажу тебе, что, несмотря на лень и на ужасный холод моих покоев, у меня в голове вертится много планов, au risque d'être raillé j'ai toujours des démangeaisons de devenir auteur.* Признаюсь, однако ж, что еще никогда я не сомневался столь мало в своих силах и не был столь мало доволен собою. Это чувство вместе с ленью мешает мне сделать что-нибудь. Я показывал свою комедию *Полночь*,[3] которая, однако ж, совсем не занимает меня, многим здешним. Ее хвалят, но мой несчастный характер заставляет меня думать, что все лгут. Озеров, который, хотя дурной автор, но разумеет в комедиях,[4] me presse de la faire jouer** и заставил прочитать *Дмитриевскому*,[5] который me pressant aussi,*** говорил несколько раз, что я должен писать для театра и не ленясь, хотя из жалости к тому, что у нас нет ни одного театрального даже изрядного автора; но он, конечно, говорил также из жалости к молодому автору. Я могу положиться на одного любезного *Жуковского*, который, кажется, еще не обманывал меня; для того написать что-нибудь, а прежде всего доставлю тебе, au risque de vous ennuyer,**** и прошу тебя, ради Бога, не пропускай моих пороков и не допусти мне сделаться скупым писателем, или скучным, что всё равно. Скажи мне на будущей почте,[6] отдавать ли мне *Полночь* на театр, и рассмотри план Комедии чувствительного (*неисправленный*), я написал два действия плану <так!>, а третий <план действия?> не пишу от лени, хотя уже сделал давно. Рахманов <перешлет> тебе как-нибудь третие действие.[7] Я не утерпел прочитать его кое-кому, он нравится, но я не верю. Если он годится, то отошли мне его (у меня нет копии), если же нет, то сожги в своей печке и скажи только, что он не годен; с душевною скорбию (*отца*) я перестану об нем думать. Но мне кажется, если я не ошиба-

* рискуя показаться смешным, страшно хочу стать сочинителем (*фр.*).

** торопит меня ее поставить (*фр.*).

*** также торопя меня (*фр.*).

**** рискуя тебе наскучить (*фр.*).

юсь очень грубым образом, что это не случится; не думай, чтоб в число глупых чувствительных я включал *Карамзина*; нет, я имею довольно ума, чтоб сердечно уважать его и его сочинения. Даже если б моя пиеса *сделалась* хороша, то я намерен, pour éviter toute application,* посвятить ее ему. В самой пиесе я буду стараться избегать всего, что он может взять на свой счет.[8] Дурно бы было смеяться над человеком, без которого мы бы, может быть, еще писали варварским слогом *Елагина* и *Сумарокова*.[9] Но, может быть, я становлюсь смешон с своими планами и для того не стану говорить о других, ожидая, что ты скажешь об этом. Если — чего я едва смею надеяться — он полюбится тебе, то я сообщу тебе, написав, третье действие и всё, что я думаю сделать из *Арианы*, *Ариста* и *Подозрительного*.[10] Прости мне, любезный друг, мою беспрестанную сомнительность; она, право, врожденная, и я ей рад от того только, что она уменьшает самолюбие; по крайней мере обо мне нельзя будет сказать: L'ignorance toujours est prête à s'admirer.**[11]

Моя жизнь течет в монотонии, ожидаю места при министре просвещения и так привык ждать, что мне едва ли хочется видеть решение.[12] Прочитал Анахарзиса[13] и научился в нем многому, прочитал Лагарповых *Varvic, Mélanie и Barméides*,[14] душевно удивляюсь двум последним, от которых сам Расин[15] не отказался бы, прочитал множество других трагедий и теперь читаю Бюффона. Удивительный гений, удивительная пылкость воображения и удивительный слог; хотя его система прохождения миров и гипотеза, но прекрасная гипотеза.[16]

---

[1] Комедиографическим опытам Блудова посвящены два его письма, первое из которых отмечено датой «22 января»; следующее письмо, связанное с ним и написанное вскоре после первого, не имеет даты, однако содержит свежую новость — о смерти Ж.-Ф. Лагарпа (см. п. 11), что позволяет оба письма отнести к 1803 г.

[2] Письмо Жуковского к Блудову от 15 сент. 1802 г. неизвестно. См. о нем п. 8, примеч. 1.

[3] Комедия Блудова «Полночь», написанная, по-видимому, в Петербурге в конце 1802 — начале 1803 г., неизвестна.

[4] О драматурге *В. А. Озерове* см. п. 7, примеч. 6. Характеристику «дурной автор» Блудов относил, по-видимому, к его немногочисленным ранним стихотворениям. В январе 1803 г., когда он упомянул об Озерове в письме к Жуковскому, его первая трагедия «Эдип в Афинах» (пост. 1804) еще не была закончена. В 1805 г. Жуковский был посредником в передаче авторского экземпляра «Эдипа...» для постановки в Москве (см. п. 19, примеч. 3).

[5] *Дмитревский Иван Афанасьевич* (1736—1821) — петербургский актер, переводчик, педагог и драматург, пользовавшийся большим авторитетом у авторов сочинений для театра. См.: *Всеволодский-Гернгросс В. Н.* И. А. Дмитревский: очерк истории русского театра. Берлин: [Петрополис], 1923; *Кукушкина Е. Д., Старико-*

---

* во избежание любых толков (*фр.*).

** Невежество всегда готово восхищаться собой (*фр.*).

ва Л. М. Дмитревский Иван Афанасьевич // Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 1. С. 266—268.

[6] Письмо Жуковского, в котором он выразил свое мнение о написанной Блудовым комедии «Полночь», неизвестно.

[7] Сохранился автограф подробного плана комедии «Чувствительный» (без названия, известного только из писем Блудова), поскольку Жуковский, в согласии с прозвучавшей в письме просьбой, вернул ему рукопись: РО ИРЛИ, № 21856, 6 л. Автограф включает план только двух действий комедии; третье же, которое Блудов обещал выслать Жуковскому, если он одобрит замысел, не сохранилось. О комедии Блудова см.: *Рогов К. Ю.* Идея «комедии нравов» в начале XIX века в России: дис. ... канд. филол. наук / МГУ. М., 1992. С. 91—92; *Майофис М. Л.* Консервативное крыло общества «Арзамас»: литературная и общественно-политическая позиция С. С. Уварова, Д. Н. Блудова, Д. В. Дашкова: дис. ... канд. филол. наук / РГГУ. М., 2002. С. 289—294 (текст комедии); *Майофис М. Л.* Воззвание к Европе: литературное общество «Арзамас» и российский модернизационный проект 1815—1818 годов. М.: Новое литературное обозрение, 2008. С. 356—359; *Березкина С. В.* Театральные замыслы молодого Дмитрия Блудова (по неопубликованным письмам к В. А. Жуковскому 1802—1804 гг.) // Вестник Томского гос. ун-та. 2022. № 479. С. 41—49. Комедия «Чувствительный» задумывалась Блудовым как выпад против распространяющейся в обществе моды на сентиментализм. Острие сатиры в «Чувствительном» было направлено против «Путешествия в полуденную Россию» (1802) В. В. Измайлова. Жуковский не одобрил замысел комедии «Чувствительный», что остановило работу Блудова. Письмо Жуковского к нему о «Чувствительном» неизвестно. См. п. 12, примеч. 9.

[8] Характеристика замысла комедии в письме Блудова показывает его критичное отношение к творчеству Карамзина, созвучное настроениям большинства членов московского Дружеского литературного общества, которое собиралось в 1801 г. (входивший в него Жуковский не разделял эти настроения). Впервые, что важно, в круг критиков Карамзина попадает молодой Блудов. По мнению В. Э. Вацуро, «и в литературной, и в более общей литературной области участники Дружеского литературного общества ощущали себя как единство, противопоставленное не только “карамзинистам”, но во многом и самому Карамзину. П. И. Шаликов, В. В. Измайлов для них — образцы “ложной чувствительности”» (*Вацуро В. Э.* Лирика пушкинской поры. «Элегическая школа». СПб.: Наука, 1994. С. 23; см. также с. 20—36, с литературой по этой теме). Блудов намеревался показать в своей комедии, как «чувствительность» уродует жизнь дворянского дома. Критичное отношение к Карамзину отразилось и в письме Блудова от 1 февр. 1804 г. Оно изменилось после личного знакомства с Карамзиным, о чем свидетельствуют его письма от начала и затем конца ноября 1804 г.

[9] Ср. в письме от конца февраля 1803 г. (п. 12). Блудов упоминает *И. П. Елагина* (1725—1793) и *А. П. Сумарокова* (1717—1777) как литераторов, отличавшихся грубостью устарелого русского языка. Ту же литературную репутацию Елагина использовал Пушкин в эпиграмме 1825 г. «Литературное известие» (см.: *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч. и писем: в 20 т. СПб.: Наука, 2019. Т. 3, кн. 1. С. 695—696 (примеч. С. В. Березкиной и Н. А. Карпова)).

[10] Название второй пьесы, из которой восемнадцатилетний Блудов хотел что-то «сделать» для русского театра, вряд ли возможно связать с каким-то конкретным произведением, поскольку Арист — это условное поэтическое имя, встречающееся во многих французских комедиях. Определеннее можно высказаться о двух других произведениях, вдохновлявших Блудова. Первое из них («Ариана») — это, по-видимому, трагедия *Т. Корнеля* (Corneille; 1625—1709) «Ариадна» («Ariane»,

1757; в переработке П. А. Катенина была поставлена на русской сцене в 1811 г.), второе («Подозрительный») — комедия «Недоверчивый» («Le Méfiant», пост. 1785) Бореля (Borel).

[11] Цитата из «Поэтического искусства» («L'art poétique», 1669—1674) Н. Буало, песнь I; пер. Э. Л. Линецкой: «Пристало лишь глупцу себя хвалить всегда».

[12] О попытке Блудова перейти на службу в Министерство народного просвещения см. п. 8, примеч. 9.

[13] Имеется в виду книга *Ж.-Ж. Бартелеми* (Barthélemy; 1711—1795) «Путешествие младшего Анахарсиса по Греции...» («Voyage du jeune Anacharsis en Grece...», 1788), одно из самых популярных сочинений конца XVIII в., содержащее беллетризованное описание истории, культуры и философии Древней Греции (первый том книги в русском переводе вышел в середине 1803 г.).

[14] Блудова, увлеченного Лагарпом, привлекают в его обширном трагедийном наследии различные по тематике сочинения: «Мелани» (см. о нем п. 2, примеч. 2), «Граф Варвик» («Le comte Warwick», пост. 1763) по сюжету из истории войны Алой и Белой розы (в 1814 г. трагедия вышла в русском переводе О. С. Ширяева; в 1811 г. была поставлена в Петербурге французской труппой), «Бармакиды» («Les Barmécides», пост. 1778) о падении могущественного древнеперсидского рода.

[15] Блудов сравнивает Лагарпа, трагедии которого отличались искусным построением и богатством исторических сюжетов, с *Ж.-Б. Расином* (1639—1699), великим французским драматургом.

[16] Имеется виду известный французский натуралист *Ж.-Л.-Л. Бюффон* (1707—1788), автор многотомной «Всеобщей и частной естественной истории» («Histoire naturelle, générale et particulière», 1749—1788), вышедшей в русском переводе в 1789—1790 гг. (2-е изд.: 1792—1794) и пользовавшейся большой популярностью в России. Бюффон, захваченный идеей единства органического мира и изменчивости видов, писал в ней о формировании Земли и земной поверхности, описывал животных, растения, минералы. Гипотезам о происхождении миров, заинтересовавших Блудова, посвящены его «Теория земли» («Theorie de la terre», 1749) и «Эпохи природы» («Les epoques de la nature», 1778).

11

10—12 февраля 1803. Петербург

Je vous salue!*[1]

Не входя в подробности и не ища причины твоей лени, я скажу только, что я не уступаю тебе в оной. Письмо pour la Madame Laura** я как-нибудь отдам. Прошедшее у нее.[2] Ты получишь с этим письмом портреты *Петрарха*[3] и *Делиля*. Что касается до моего: то <1 нрзб.> я буду довольно счастлив, что *Нанина* спишет его для себя, так я попрошу ее и для тебя сделать копию.[4] Твою книгу (1) <сноска в виде единицы в скобках, внизу:> Esprit de l'Histoire*** поищу, но без надежды.[5] О первой же ты ко мне никогда не писал. Досадно, что ты всегда обещаешь писать много и ничего не пишешь.

---

* Приветствую тебя! (*фр.*)

** для мадам Лауры (*фр.*).

*** Дух истории (*фр.*).

Тургенев здесь.[6] Его грубое и глупое острословие несносно. Он давно в ссоре с Родзянкой;[7] а вчерась и я с ним поссорился.

С печалию уведомляю тебя, что *Лагарп* умер.[8]

Adieu.*

Скажи мне что-нибудь о моем *Чувствительном*.[9]

---

[1] Письмо датируется 10—12 февр. 1803 г. по сообщению о приезде Андрея Тургенева и смерти Лагарпа (см. ниже). «Je vous salue» — первые слова молитвы «Ave Maria» во французском переводе.

[2] Речь идет о М. Н. Свечиной, которую Блудов называет «Madame Laura», намекая на незатухающую любовь к ней Жуковского. Письма его к Свечиной за 1803 г. неизвестны. См. п. 8, примеч. 6.

[3] «Петрарх» — традиционная для XVIII в. русская огласовка имени итальянского поэта эпохи Возрождения *Франческо Петрарки* (1304—1374). Интерес к его поэзии обостряется в России в 1790—1800-х гг. (см.: *Пильщиков И. А.* Петрарка в России: (очерк истории восприятия) // Петрарка в русской литературе. М.: Рудомино, 2006. Кн. 1. С. 21). Среди петербургских приятелей Блудова был автор двух переводов из Петрарки, опубликованных в 1798 и 1801 гг. и пользовавшихся большой популярностью среди членов Дружеского литературного общества, которые любили их распевать на своих встречах (см.: *Кайсаров М. С.* Сонет. Подражание Петрарху; Сонет. Вольный перевод с италианского из Петрарка // Там же. С. 70—71).

[4] По-видимому, речь идет о каком-то сочинении Блудова, которое просил переписать Жуковский.

[5] Имеется в виду четырехтомный труд французского публициста и политического деятеля *А.-Ф.-К. Феррана* «Дух истории, или Письма отца к сыну о политике и морали...» («L'esprit de l'Histoire, ou Lettres politique et morales d'un pere a son fils...»), появившийся в Париже в 1802 г. Блудов выслал Жуковскому два первых тома, после знакомства с которыми Жуковский решил перевести труд Феррана и увлек этим замыслом Андрея Тургенева. Два последних тома были отосланы Блудовым в октябре 1803 г. — см. п. 14, примеч. 3.

[6] Блудов говорит о возвращении Андрея Тургенева в Петербург 1 февр. 1803 г. Жуковский узнал об этом не от Блудова, а, вероятнее всего, от самого возвращавшегося в Россию Тургенева. Далее Блудов упоминает «грубое и глупое острословие» Тургенева, что, по-видимому, подразумевает характерную для него в это время склонность к грубым фразеологизмам.

[7] Нелады в отношениях Андрея Тургенева с С. Е. Родзянко начались в ту пору, когда он, приехав в Петербург в 1801 г., поселился с ним на одной квартире. Через месяц он был вынужден уехать от Родзянко из-за постоянных ссор. В 1803 г. Тургенев писал А. Кайсарову: «Родзянка с жаром, слезами жалуется, что я злодей его, что я очернил его перед всеми общими нашими приятелями <...> вся моя вина в том, что я иногда только шутил над ним, и то не иначе как в глаза» (*Зорин А. Л.* Появление героя: из истории русской эмоциональной культуры конца XVIII — начала XIX века. М.: Новое литературное обозрение, 2016. С. 472).

[8] Ж.-Ф. Лагарп умер 30 янв. (11 февр.) 1803 г. О чувстве большой потери в связи с его кончиной свидетельствуют три посвященные Лагарпу статьи, которые поместил в 1803 г. Карамзин в «Вестнике Европы» (см.: *Кочеткова Н. Д.* Пере-

---

* Прощай (*фр.*).

вод книги Ж.-Ф. Лагарпа «Ликей, или Круг словесности древней и новой», осуществленный Российской академией // Чтения Отдела русской литературы XVIII века. СПб., 2009. Вып. 5. С. 133).

[9] Речь идет о плане комедии «Чувствительный» — см. п. 10, примеч. 6—8.

12

Конец февраля 1803. Петербург

Я пишу к наибеднейшему <?> другу только спеша исполнить его поручение.[1] Но ты знаешь, что по смешной неосторожности Рахманова я не могу сам взять твоего письма без Свечиной, и следственно Андрей Ив<анович> получит оба письма.[2] Родзянка получил твое письмо и поэму, ибо я ее видел у него с твоими поправками.[3] Прости.

Я вдруг получил оба письма свои,[4] ибо переменил квартеру: я живу *в Захарьевской улице у Таврического дворца в доме генерал-лейтенанта Котепина* <?>. Пиши ко мне чаще и не таким каноническим слогом.[5] Пиши мне о Москве, а еще больше о себе и своих произведениях. Что делает Элоиза и Абелярд?[6] Не будь ленив ко мне теперь отправить 1-й № Вестника, а я спешу его читать.[7] Скажу тебе (называй меня странным или чем хочешь), что у меня с некоторого времени великое сомнение: имею ли я способность писать или нет; если нет, то лучше провести жизнь в весельях, нежели трудолюбием попасть в пару Тредиаковскому;[8] и я не знаю, что делать. Осмелюсь ли я спросить решения у тебя, у тебя, который... но я не хочу досаждать твоей скромности.[9]

---

[1] Написано Блудовым в конце февраля 1803 г. — после письма, датируемого 10—12 февр. 1803 г., с сообщением Жуковскому о приезде Андрея Тургенева (см. п. 11, примеч. 1). В комментируемом письме, отнесенном к концу февраля 1803 г., Тургенев упоминается Блудовым уже без указания на его появление в Петербурге. Кроме того, письмо, сообщавшее в конце февраля об адресе Блудова, несомненно, предваряло апрельское письмо 1803 г., где речь вновь шла о его переезде (п. 13).

[2] Письмо Блудова от конца февраля 1803 г. написано после получения им письма Жуковского, ошибочно датированного в издании серединой ноября 1801 г. (см.: *Жуковский В. А.* Полн. собр. соч. и писем. Т. 15. С. 13, 599). Ошибочность этой датировки доказывается тем, что Блудов, находившийся в ноябре 1801 г. в Москве, назван в самом тексте письма среди живущих в Петербурге друзей Жуковского, что является явной биографической погрешностью. По-видимому, правильная датировка письма Жуковского, напечатанного в издании, — начало февраля 1803 г. В нем поэт извещал Блудова: «Теперь я расположил свою корреспонденцию так, что ты, Анд<рей> Ив<анович> и Родзянка будете получать мои письма через две почты...» (Там же. С. 13). Это сообщение объясняет путаницу с письмами от Жуковского, о которой Блудов сообщает ему в письме от конца февраля 1803 г. о невозможности получить «письма» из-за какой-то «неосторожности» Рахманова. Одно из этих писем адресовалось, несомненно, к М. Н. Свечиной и было послано Жуковским с письмом к Блудову.

[3] В этом же письме от начала февраля 1803 г. Жуковский спрашивал Блудова о С. Е. Родзянко: «...получил ли он мое письмо, в котором я послал ему The traveller, Гольдсмитову поэму» (Там же. С. 13). Отвечая ему в конце февраля, Блудов удостоверяет получение Родзянкой сделанного им перевода поэмы, причем с поправками Жуковского. Об интересе Жуковского к поэме *О. Голдсмита* (1728—1774) «Путешественник» (1764) см.: Там же. С. 599.

[4] Имеются в виду два письма Жуковского, адресованные Блудову.

[5] Стиль краткого письма Жуковского от начала февраля 1803 г., действительно, можно характеризовать формулой Блудова «канонический слог».

[6] Блудов имеет в виду работу Жуковского над стихотворным «Посланием Элоизы к Абеляру» (опубл. 1901), являющимся свободным переводом эпистолы *А. Попа* (Pope; 1688—1744) «Eloisa to Abelard» (1717). «Послание...» было начато Жуковским в 1802 г. и оставлено незавершенным в 1806 г. (см.: Там же. Т. 1. С. 455—457).

[7] Желание Блудова читать первый номер «Вестника Европы» за 1803 г. было, по-видимому, намеком на какую-то планировавшуюся, но не осуществленную публикацию Жуковского.

[8] Имеется виду поэт, переводчик и филолог *В. К. Тредиаковский* (1703—1768). См. п. 10, примеч. 9.

[9] Еще одна попытка Блудова побудить Жуковского дать отзыв о его комедиях «Полночь» и «Чувствительный», о котором он просил его 22 янв. 1803 г. (п. 10, примеч. 6—8) и 10—12 февр. 1803 г. (п. 11, примеч. 9).

13

Апрель 1803. Петербург

Надписывай ко мне: в Садовой улице, против ворот Михайловского замка, в доме Петра Ивановича Турчанинова.

Андрей Ивановича пожитки только что привезли в мою квартиру: он будет жить со мной вместе; я этому очень рад.[1] Приезжай к нам!

---

[1] Автограф представляет собой отрезанную приписку от какого-то письма к Жуковскому и датируется апрелем 1803 г. В письме от начала февраля 1803 г. Жуковский просил Блудова о передаче письма Андрею Тургеневу с оговоркой: «Ты знаешь ведь, где он остановился» (*Жуковский В. А.* Полн. собр. соч. и писем. Т. 15. С. 13; о датировке этого письма см. п. 12, примеч. 2). Последующий переезд Тургенева к Блудову, о котором говорится в комментируемой приписке, произошел, по-видимому, в апреле 1803 г. (возможно, после отъезда из Петербурга в феврале-марте 1803 г. родителей Тургенева, приезжавших повидаться с ним). 28 мая 1803 г. в канун отъезда Блудова в Москву, где ему предстояло провести около месяца, Тургенев писал Жуковскому: «С Блудовым мы славно здесь поживали, хотя часто спорили <...> Ты бы приехал, брат, в Петербург, хоть на месяц с Блудовым, когда он будет возвращаться»; здесь же он писал, что ему «жаль <...> расстаться» с ним (Жуковский и русская культура. С. 427); по-видимому, об этом их совместном проживании идет речь и в письме Тургенева к Жуковскому от начала мая 1803 г. (Там же. С. 426). На этой же квартире 8 июля 1803 г. Андрей Тургенев и умер — см. следующее письмо и примеч. к нему. Дом около Михайловского замка принадлежал известному масону *П. И. Турчанинову* (1737—1824).

14

20 ноября 1803. Петербург

Из Петербурга
Сего ноября 20-го.

Наконец я могу писать к тебе, любезный друг, и следственно, просить у тебя прощения.[1] Для чего я не писал к тебе до сих пор, для чего, казалось, забыл тебя?.. Ответ известный: для того, что ленился; и теперь тороплюсь писать и пишу мало, для того, что не перестал быть ленивым. Вероятно, никогда не перестану, однако ж буду писать к тебе и часто, ибо дружба побеждает все трудности. Если б ты знал, как ужасно было для меня не получать о тебе никаких известий и, по обыкновению, сомневаться в твоей дружбе (хотя ты мне запретил это делать), то, конечно, простил бы мне мою вину, которая меня сама уже наказывала. Впрочем, я имел причины молчать: сначала для того, чтоб не возвещать тебе о потере друга, после для того, что не знал, как себя извинить в беспечности непростительной, в рассуждении нашего доброго и любезного Андрея Ивановича, за которую ты по справедливости на меня сердился и которой я сам не понимаю и не прощу себе (надеюсь, однако ж, что *ты* меня простишь и что гнев будет гневом друга; vous ne pouvez pas m'en dire plus, que je ne m'en dis moi-même, et nous nous parlons si rarement, qu-il ne faut pas perdre le temps en reproches*). После... не писал оттого, что должен был написать письмо длинное; такое, как теперь. Сделай милость, помирись со мною, то есть отвечай мне: брани меня, или лучше не брани, потому что я жалок. Надеюсь, друг мой, что ни отдаление, ни долгое молчание, ни мои глупости не лишат меня твоей дружбы; надеюсь, если могу судить о тебе, по себе самому.

Желал бы сказать тебе что-нибудь об Андрее Ивановиче, то есть о моих сожалениях, но не могу, потому что пришел сейчас от *одной женщины*; et quand la tête est remplie de frivolités, d'obscenités peut-être, ce n'est pas le temps de parler d'amis morts.** Скажу только, что я стал любить его гораздо больше с тех пор, как нет его; по крайней мере мне так кажется; может быть, также сожаление *уведомило* меня о всей моей привязанности к нему и о всех его достоинствах. Замечаю также, что я и тебя люблю гораздо больше, когда мы розно, нежели, когда вместе. Прости, друг мой, люби меня столько же, как я тебя, пиши больше; пиши обо всем, что касается до тебя, о твоих делах бессмертных (à propos, est-il vrai, que *vous* serez le rédacteur du Courrier d'Europe?***[2]), о всех своих упражнениях. Прости. Ты, я думаю, полу-

* ты не можешь сказать мне об этом больше, чем я сам себе говорю, а мы разговариваем так редко, что незачем тратить время на упреки (*фр.*).

** а когда в голове фривольности, может быть, даже непристойности, не время говорить об умерших друзьях (*фр.*).

*** кстати, это правда, что *ты* будешь редактором Вестника Европы? (*фр.*)

чил L'Esprit des lois, два последние тома,[3] и своего Телемаха,[4] и поэму La Pitié, которая (par parenthèse*) не годится никуда.[5] Прости. Je vais retrouver une Nymphe qui m'attend.**

---

[1] Письма Блудова к Жуковскому от 20 нояб. и 10 дек. 1803 г. посвящены смерти Андрея Тургенева, скончавшегося 8 июля 1803 г. от сыпного тифа. Обстоятельства ее освещены в изд.: *Истрин В. М.* Из архива братьев Тургеневых: смерть Андрея Ивановича Тургенева // Журнал Министерства народного просвещения. 1910. № 3. Отд. II. С. 1—36; *Зорин А. Л.* Появление героя. С. 480—488. В этих работах остались неучтенными, во-первых, письма Блудова от 20 нояб. и 10 дек. 1803 г., а во-вторых, письмо Жуковского к нему от 7 нояб. 1803 г. (*Жуковский В. А.* Полн. собр. соч. и писем. Т. 15. С. 18—19 (1-я публ.), 602—603); до знакомства с письмами Блудова не было известно, что с апреля 1803 г. он жил с Тургеневым на одной квартире (см. предыдущее письмо и примеч.), поэтому слова в письме Жуковского «ты <...> видел его в последние минуты его жизни» (подлинник по-фр.) остались без комментария. Блудов, однако, иначе обозначил свое местонахождение в день смерти Тургенева, ответив Жуковскому, что он о ней «узнал» (т. е. с ним рядом его в этот день не было) — см. п. 15, примеч. 4. Жуковский был возмущен тем, что Блудов не написал ему о смерти Тургенева. По-видимому, до Блудова дошли слухи от кого-то из петербургских приятелей (вероятнее всего, от братьев Кайсаровых) о том, что Жуковский «сердился» на него за «беспечность непростительную, в рассуждении нашего доброго и любезного Андрея Ивановича», что, наконец, и побудило его написать 20 нояб. 1803 г. письмо к нему с извинениями за молчание. 10 декабря Блудов отправил ему еще одно письмо о смерти Тургенева, поскольку получил от Жуковского письмо от 7 нояб. 1803 г., поставившее под сомнение их дружбу и содержавшее горькие упреки ему. В письме от 10 дек. 1803 г. Блудов назвал свое предшествующее послание Жуковскому «письмом вертопраха» (подлинник по-фр.). Ответом ему стало умиротворенное письмо Жуковского от 21 янв. 1804 г. (Там же. С. 20—22). См.: *Березкина С. В., Дмитриева Н. Л.* О смерти Андрея Тургенева по неопубликованным письмам Д. Н. Блудова к В. А. Жуковскому 1803 года // Русская литература. 2023. № 3. С. 107—117.

[2] Вопрос Блудова свидетельствует, что уже в конце 1803 г. появились слухи о Жуковском как редакторе журнала «Вестник Европы». Они, несомненно, были связаны с приездом Жуковского к Карамзину в мае 1803 г., когда он жил у него на даче в подмосковном Свирлове. Редактором журнала, однако, Жуковский стал только в 1808 г.

[3] Речь идет о посылке книг Жуковскому, которую Блудов не сопроводил письмом к нему. Именно этот жест недовольный Жуковский назвал в своем письме к Блудову от 7 нояб. 1803 г. «пантомимой» (*Жуковский В. А.* Полн. собр. соч. и писем. Т. 15. С. 18). Среди полученных им книг были последние два тома труда Феррана «Дух истории, или Письма отца к сыну о политике и морали...» — см. п. 11, примеч. 5. Перевод «Духа истории...», планировавшийся Жуковским совместно с Андреем Тургеневым, неоднократно упоминался в его письмах весной 1803 г. (см. об этом: *Жуковский В. А.* Полн. собр. соч. и писем. Т. 15. С. 602—603). Блудов в письме привел название труда Феррана с ошибкой, вызванной воспоминанием о книге «De l'Esprit des loix» («О духе законов», 1748) *Ш.-Л. Монтескье* (Montesquieu; 1689—1755); о том, что им выслан был именно Ферран, свидетельствует

---

* в скобках (*фр.*).

** Иду к одной Нимфе, меня ожидающей (*фр.*).

письмо Жуковского от 7 нояб. 1803 г., где приведено точное название его труда (Там же. С. 18). Посылка томов Феррана Блудовым могла быть связана с какой-то предсмертной просьбой Тургенева. В библиотеке поэта издание не сохранилось.

[4] Имеется в виду роман *Ф. Фенелона* (Fénelon; 1651—1715) «Приключения Телемака» (1699), сохранившийся в библиотеке Жуковского только в русском издании 1839 г. Возвращение Жуковскому какого-то принадлежащего ему издания («...ты, я думаю, получил <...> своего Телемаха...») могло быть связано с разбором книг Андрея Тургенева.

[5] Поэма Ж. Делиля была опубликована в 1803 г. под названием «La Pitié» («Сострадание»), в 1804 г. — под названием «Le Malheur et la Pitié» («Несчастье и сострадание»). См. п. 8, примеч. 12, а также п. 9.

15

10 декабря 1803. Петербург

10 Décembre

Je vous écris à la hâte, mon bon ami, et je vous écris avec de l'encre rouge n'en ayant pas d'autre dans l'instant. Je vous demande bien des pardons pour mon silence, et je vous en demande bien d'autres pour ma dernière lettre, que vous devez avoir reçue et qui est celle d'un étourdi. Je sens bien que ce n'étoit là le ton, dont devoit être une lettre qu'on écrit à un homme affligé; surtout quand on doit l'être soi-même et qu'on l'est en effet malgré les apparences. Mais je vous écrivois dans un de ces accès de gaieté folle, qui me viennent fort rarement et qui me viennent toujours mal-à-propos. J'espère que vous voudrez bien me pardonner tout cela, du moins en faveur de ma sincérité; j'espère que vous ne voudrez pas me juger d'après quelques étourderies, où j'ai paru plus coupable que je ne l'étais.

J'ai maintenant à vous parler de votre lettre que j'ai reçue un mois après son départ. (C'est bien du plaisir retardé.) Je vous remercie et vais vous répondre comme je pourrai.

Vous me grondez et vous avez raison. Vous me pardonnez et vous avez bien raison encore, car je le mérite au moins autant que les reproches. Vous me demandez si je veux *rester* votre ami? Cette demande seroit impardonnable dans une autre occasion: elle n'est peut-être que juste en celle-ci. En tout cas la réponse n'est point douteuse: j'entends trop mes intérêts pour me priver de l'amitié *d'un homme tel que vous* et surtout de *votre* amitié. Cette phrase est précieuse, mais n'importe, elle rend bien ma pensée, et je vous aime autant pour vous-même que je vous estime pour votre mérite. Ne doutez pas de mes sentiments, mon ami, et laissez-moi douter tout seul, puisqu'enfin la nature m'a fait douteur. Je ne sais pas, si c'est par politesse que vous me reprochez de ne vous avoir consolé sur la mort de *notre* ami. Je sais bien toujours que ce n'est pas là mon affaire et je ne suis pas plus en état de consoler les personnes vraiment affligées, que celles qui ne le sont pas. Le premier emploi est impossible, le second est ridicule. Vous n'êtes pas dans la règle générale, mais vous ne pouviez pas non plus être consolé

ni par moi, ni par personne. Ce qu'il falloit faire? C'etoit de nous affliger ensemble, et en ne le faisant pas, j'ai beaucoup perdu. Ce n'est pas, mon cher, par froideur, mais bien par intérêt que j'ai laissé à d'autres à vous apprendre la nouvelle de la mort de Tourguénef. Mettez-vous un moment à ma place et jugez s'il n'étoit pas possible de vous annoncer un événement auquel pourtant je n'ai pu croire, lorsqu'on me l'apprit, et auquel je ne puis encore penser sans douleur. Non, mon cher, ce n'est point aux affligés à s'apprendre le sujet de leurs pleurs: ce soin est mieux rempli par un homme indifférent, ou du moins par un homme qui ne fait que *prendre part* à notre douleur.

Je sens que ma lettre sera trop longue, mais j'ai tant de choses à vous dire... Bornons-nous à celles qui vous consernent. Votre commission étoit remplie avant que je reçoive votre lettre. Les papiers d'A... sont encore ici. Les Mrs Kayssaroff doutent s'ils les renverront à son père, ou à son frère, qui les redemande, et je serais pour le dernier. Je ne sais pas exactement en quoi ils consistent, mais il s'y trouve une partie de son journal et des différentes lettres qu'il a reçues: le reste est encore à Vienne. D'ailleurs Kayssaroff n'a voulu entrer avec moi en aucun détail sur tout cela, peut-être par discrétion. Une chose assez singulière et que je puis vous apprendre: à vous sans craindre d'être ridicule c'est qu'à la dernière feuille de son journal écrite quelques jours avant sa maladie il parle longtemps de la mort et dit qu'il trouve la plus grande douceur à y songer. Je ne veux pas en faire preuve pour les pressentiments auxquels j'ai toujours tenu, comme vous le savez bien; mais peut-être il est consolant pour ses amis de penser qu'il a reçu le trépas sans s'effrayer et que sa mort n'a été un mal que pour les autres. Vous apprendrez sans doute avec plaisir que cet excellent ami étoit encore l'homme le plus bienfaisant. Vous le saviez déjà peut-être; pour moi je ne l'appris qu'après sa mort et pourtant je le voyois tous les jours. Nous avons beaucoup perdu, mon ami, et nous ne sommes pas les seuls: nous ne ferons sans doute pas d'élégie sur sa mort, mais malheur à nous, si jamais nous oublions combien nous lui devons de regrets.

Que vous dirai-je de Rodzianka. Il est à la campagne chez son père; toujours malade (d'esprit), mais qui, dit-on, va mieux. Avant son départ il vous a écrit une lettre, dans laquelle il disoit qu'il rompoit avec vous et que vous étiez le plus perfide des hommes. Kayssaroff l'a détourné de vous l'envoyer. Vous ne vous en fâcherez pas et c'est pour cela que je vous le dis. On m'a appris encore que son père avoit le dessein de le marier. A moins qu'il n'ait entièrement changé, je crois qu'une femme lui sera insupportable, et *in vice versa*. En tout cas il est bien malheureux. Il n'a point eu de fièvre brulante, mais la cause de sa maladie a été son entière solitude et surtout son inaction. Il faut avouer que les jeunes gens de quelques talents sont bien embarassés sur le genre de vie. Soyez du monde et vous devenez frivoles, et adieu les talents; vivez seul et vous perdez l'esprit. Heureux qui comme vous peut passer une partie de son temps dans une agréable solitude et l'autre dans la société des gens de lettres.

Vous dites que vous ne faites rien et c'est bien mal faire. Je ne sais pourquoi cette oisiveté, mais si c'est de douleur, j'en suis bien plus fâché encore que du reste. Mon ami, c'est aux occupations à nous consoler, et c'est même le seul moyen de l'être.

...Exilés dans ce séjour profane
Cultivez les arts enchanteurs.

Occupez-vous, mon cher, pour votre bien, et pour le notre et m'écrivez du moins quelques fois. Ignorant si vous êtes à Belief ou à Moscou j'adresse ma lettre à Bosniak. Vous trouverez mon adresse. Pour celle de Kayssaroff elle est inutile: je le vois souvent et puis lui remettre vos lettres.

Mon adresse:

За Литейной улицею, в новой Италианской слободе, в доме Татаринова.

Перевод:

10 декабря

Тороплюсь написать тебе, мой добрый друг, пишу красными чернилами, поскольку других нет под рукой. Прости меня за молчание, и еще более за последнее письмо, которое ты, должно быть, получил, и это письмо вертопраха.[1] Чувствую, что тон письма не тот, каким должен бы быть тон письма, обращенного к скорбящему человеку, тем более что и автор письма должен скорбеть, и так оно и есть на самом деле, вопреки видимости. Но я писал к тебе, когда на меня напал приступ безумного веселья, что со мной случается крайне редко и всегда некстати. Я надеюсь, ты простишь меня за все это, хотя бы ради моей искренности. Я надеюсь, ты не станешь судить меня за мое легкомыслие, я кажусь более виноватым, чем я есть на самом деле.

Теперь хочу поговорить о твоем письме, которое я получил через месяц после его отправки.[2] (Вот отложенное удовольствие.) Благодарю тебя и отвечу, как сумею.

Ты меня ругаешь, и ты прав. Ты меня прощаешь, и ты опять прав, так как я этого заслуживаю, по крайней мере, не меньше, чем упреков. Ты меня спрашиваешь, хочу ли я *оставаться* твоим другом.[3] Этот вопрос был бы непростителен при других обстоятельствах: возможно, он справедлив в данной ситуации. В любом случае не следует сомневаться в ответе: я слишком дорожу своими интересами, чтобы потерять дружбу *такого человека, как ты*, и особенно *твою* дружбу. Эта фраза получилась манерной, ну и пусть: она верно передает мою мысль, и я равно люблю тебя самого и уважаю тебя за твои достоинства. Не сомневайся в моих чувствах, друг мой, и позволь мне одному сомневаться, потому что я от природы человек сомневающийся. Не знаю, из вежливости ли ты упрекаешь меня в том, что я не утешал тебя по поводу смерти *нашего* друга. Я знаю, что это не моя стихия, и я не умею утешать как тех, кто действительно скорбит, так и тех, кто рав-

нодушен. Первое невозможно, второе нелепо. Ты — особый человек, но ни я, ни кто другой не в состоянии тебя утешить. Что же нужно было делать? Скорбеть вместе, и я, не сделав этого, многое потерял. Дорогой мой, то, что я решил, чтобы другие сообщили тебе о смерти Тургенева, — это не из-за равнодушия, а, напротив, из сочувствия. Поставь себя на мое место и подумай, каково сообщить тебе такую новость, которой я не мог поверить, когда я ее узнал,[4] и о чем и сейчас не могу думать без страдания. Нет, мой дорогой, сообщать друг другу о горестных событиях следует не тем, кто скорбит: лучше это поручить незаинтересованному лицу или тому, кто только *соболезнует* нашему горю.[5]

Чувствую, что мое письмо получится слишком длинным, но мне столько всего надо тебе рассказать... Ограничимся тем, что касается тебя. Твое поручение было выполнено раньше, чем я получил твое письмо. Бумаги А<ндрея> еще здесь. Кайсаровы колеблются, отослать ли их его отцу, или брату, который их запрашивает.[6] Я за последний вариант. Не знаю точно, что они включают, но там есть часть его дневника и разные письма к нему.[7] Все остальное еще в Вене.[8] Впрочем, Кайсаров не захотел сообщить мне подробности обо всем этом, возможно из соображений корректности. Есть одна особенная вещь, которую я могу тебе рассказать: именно тебе, не боясь показаться смешным, — на последней странице его дневника, где он писал за несколько дней до болезни, он много говорит о смерти и спокойно размышляет о ней.[9] Я не хочу говорить тут о доказательстве предчувствий, в которые я всегда верил, как ты знаешь; но, может быть, утешительно для его друзей думать, что он ушел в мир иной без страха и что его смерть оказалась горем только для других. Без сомнения, ты с удовольствием узнаешь, что этот прекрасный друг был благодетелем.[10] Возможно, ты уже это знал: я об этом узнал только после его смерти, а ведь я его видел каждый день. Мы многое потеряли, мой друг, и не мы одни: мы, конечно, не станем писать элегию на его смерть,[11] но горе нам, если мы забудем, как нам его не хватает.

Что сказать тебе о Родзянке? Он в деревне у отца; по-прежнему болен (душевно), но, говорят, ему лучше. До отъезда он написал тебе письмо, в котором говорил, что порывает с тобой и что ты самый коварный из людей. Кайсаров уговорил его не отсылать письма. Ты на это не рассердишься, потому я тебе об этом и сообщаю. Мне сказали еще, что его отец имел намерение женить его. Если только он совершенно не изменился, думаю, жена для него невыносима, и *in vice versa.** Так или иначе, он очень несчастен. У него не было горячки, но причина его болезни — полное одиночество и, главное, бездеятельность.[12] Надо признать, что молодые люди, наделенные хоть какими-то талантами, оказываются в затруднении перед жизнью. Живите

* наоборот (*лат.*).

в свете и станете легкомысленны, и тогда прощайте, таланты; живите в одиночестве и лишитесь ума. Счастлив тот, кто, как ты, может проводить часть времени в приятном одиночестве, а другую — в обществе литераторов.

Ты говоришь, что ничем не занимаешься и что это плохо.[13] Не знаю, отчего эта праздность, но, если это от горя, это еще более досадно, на мой взгляд. Друг мой, утешения надо искать в занятиях, и это единственный способ для этого.

...Теперь томяся в злой стране сует и муки,
Старайтесь изучать приятные науки.[14]

Найди занятие, мой дорогой, для твоего блага и для нашего, и пиши мне иногда. Не зная, в Белеве ты или в Москве, посылаю письмо Бошняку.[15] Ты найдешь мой адрес. Что касается адреса Кайсарова, он не нужен: я его часто вижу и могу передать ему твои письма.

Мой адрес:

---

[1] «Письмом вертопраха» Блудов называет свое первое письмо к Жуковскому о смерти Андрея Тургенева от 20 нояб. 1803 г. (п. 14, примеч. 1); вторым было письмо от 10 дек. 1803 г.

[2] Речь идет о письме Жуковского к Блудову от 7 нояб. 1803 г. с упреками в молчании по поводу смерти Андрея Тургенева.

[3] Жуковский писал Блудову: «Я не могу заставлять любить меня, это твое дело или, лучше сказать, дело твоего сердца. Но если я могу полагаться на свое впечатление, я верю, что ты мне друг, по крайней мере, ты мне казался другом. Теперь твое дело меня разубедить. Мне нужно всё или ничего. В дружбе не бывает середины. Будь добр написать, если ты не переменился в отношении ко мне» (*Жуковский В. А.* Полн. собр. соч. и писем. Т. 15. С. 19, подлинник по-фр.).

[4] Слова Блудова о том, как он воспринял «новость» о смерти Андрея Тургенева, когда «ее узнал», были возражением на обращенное к нему в письме Жуковского утверждение, будто он «видел его в последние минуты его жизни» (Там же). И. П. Тургенев, отец Андрея, в письме к Жуковскому от конца июля — начала августа 1803 г. с восхищением и благодарностью упомянул только о Петре Кайсарове, поскольку он не испугался заразной болезни сына (сыпной тиф) и был с ним до конца (Архив братьев Тургеневых. Вып. 2. С. 288). Тем не менее, трудно предположить, что слова Жуковского о близости Блудова к Тургеневу в период его предсмертной болезни не опирались на какие-то свидетельства друзей. Болезнь Тургенева была скоротечной, и оправдание Блудова можно связать с тем, что он видел его больным, но не ожидал, что развязка наступит так быстро. Блудов не написал Жуковскому о том, где он находился в последние два-три дня жизни Андрея Тургенева.

[5] Жуковский в письме от 7 нояб. 1803 г. с сожалением писал Блудову о том, что узнал о смерти друга от «чужих».

[6] «Поручение», о котором говорит Блудов, было дано ему в письме Жуковского от 7 нояб. 1803 г.: «...нужно узнать, куда делись бумаги и письма Андрея Т<ургенева>; у кого они остались; сделай одолжение, извести меня по этому поводу. Отправь мне <...> адрес Петра Кайсарова» (*Жуковский В. А.* Полн. собр. соч. и пи-

сем. Т. 15. С. 19, подлинник по-фр.). Блудов в ответном письме говорит о Кайсаровых, живших в этом время вместе в Петербурге, имея в виду братьев *Петра* (1777—1854), чиновника Министерства внутренних дел, и *Михаила* (1780—1825), чиновника Коллегии иностранных дел (двух других братьев Кайсаровых, Андрея и Паисия, в Петербурге в это время не было). Желание видеть бумаги и письма Тургенева было связано с намерением Жуковского издать их, которое он выразил в двух письмах к И. П. Тургеневу; первое из них не сохранилось, во втором, написанном 11 авг. 1803 г., он писал: «Осмелюсь напомнить Вам <...> о моей просьбе переписать письма и другие интересные бумаги покойника. <...> Итак, Вы позволите мне быть издателем его писем, которые посвящу Вам; Вы позволите приобщить мне к ним краткую историю жизни его: пускай все знают, кто он был и что он был для тех, которые были с ним связаны тесными узами. Вот памятник его достойный!» (Там же. С. 16—17; в письме на с. 16 сделано ошибочное раскрытие «П. С.» как Паисия Сергеевича Кайсарова, хотя речь шла о Петре Кайсарове).

[7] Судьба архива Андрей Тургенева оказалась сложной (о лакунах в нем см.: *Зорин А. Л.* Появление героя. С. 484). Александр Тургенев спрашивал о нем у Жуковского 1 (13) февр. 1804 г. из Геттингена: «...уведомь меня, где бумаги братнины, мои письма, книги его, платье и всё, всё; у Батюшки ли всё это или еще в Петербурге? Сохраните все его остатки» (Архив братьев Тургеневых. Вып. 2. С. 272). 7 марта 1805 г. Ал. Тургенев сообщал А. С. Кайсарову из Москвы: «Из братниных бумаг я почти ничего не получил, только письма наши, и то не все. Желтой книги нет» (Там же. С. 335); под последней подразумевался, по-видимому, какой-то неизвестный дневник или тетрадь Тургенева с сочинениями, переводами и т. п. Впоследствии, в связи с редакторской работой в «Вестнике Европы», Жуковский не раз обращался к Ал. Тургеневу с просьбой о тех или иных бумагах брата, но никаких публикаций по ним так и не появилось (см.: *Жуковский В. А.* Полн. собр. соч. и писем. Т. 15. С. 54, 61, 77, 625, 630, 644).

[8] Имеется в виду время службы Андрея Тургенева в Вене в русской дипломатической миссии (1802—1803). Возможно, эти бумаги так и не были возвращены в Россию.

[9] О последних дневниковых записях Тургенева в июне 1803 г. см.: *Зорин А. Л.* Появление героя. С. 478—479.

[10] Речь идет о каких-то проявлениях благотворительности Тургенева.

[11] После похорон Андрея Тургенева в Москву для встречи с его отцом ездил Петр Кайсаров, поэтому можно предположить, что Блудов мог знать от него о написанной Жуковским элегии «На смерть А<ндрея Тургенева>», датируемой 17—20 июля 1803 г. (*Жуковский В. А.* Полн. собр. соч. и писем. Т. 1. С. 59, 439—440). Жуковский отправил элегию с письмом к И. П. Тургеневу (*Истрин В. М.* Из архива <...> Смерть Андрея Ивановича Тургенева. С. 4), однако тот вернул ему стихи со словами «не пошлю их Карамзину», хотя и подчеркнул свое разрешение напечатать их «в утешение» себе (Архив братьев Тургеневых. Вып. 2. С. 288); это могло означать, что Карамзин отказался печатать стихи в «Вестнике Европы». Поэт ответил И. П. Тургеневу 11 авг. 1803 г., выразив косвенное согласие с мнением Карамзина: «А стихов моих не должно печатать: я горд именем его друга, но такими ли стихами я должен почтить кончину его? Они писаны для меня и для Вас. Публика смотрит на стихи, а не на чувства. Она не поймет меня» (*Жуковский В. А.* Полн. собр. соч. и писем. Т. 15. С. 17; письмо к И. П. Тургеневу, которое можно датировать, как и посланную с ним элегию, 17—20 июля 1803 г., в этом томе издания пропущено, хотя учтено в примеч. к элегии: Там же. Т. 1. С. 440). То, что Блудов написал о смерти Андрея Тургенева, не могло удовлетворить Жуковского, поскольку он ожидал от него сообщения, включавшего в себя, в соответствии с культурно-

эпистолярной традицией, какие-то слова умирающего, упоминания о родных и друзьях, распоряжения, просьбы, а главное — о последней исповеди и причащении. Из сохранившихся описаний этим ожиданиям отчасти отвечало лишь письмо А. Ф. Мерзлякова к Ал. Тургеневу, написанное в конце 1803 г. и призывающее его «воскресить» брата Андрея «в самом себе» (автор письма знал о смерти Андрея Тургенева из рассказов его отца и друзей): «Сам он, отходя от нас, поручил тебе эту священную должность! Сам он запретил тебе предаваться излишней печали» (*Истрин В. М.* Из архива <...> Смерть Андрея Ивановича Тургенева С. 9). Среди писем о смерти Андрея Тургенева нет ни одного, где упоминалось бы последнее причащение; можно предположить, что его и не было (по-видимому, из-за какого-то опоздания); о нем не говорится и в письме митрополита Платона (Левшина), написанном 23 июля 1803 г. в утешение И. П. Тургеневу и упоминающем лишь об «истинной вере», «благой надежде» и воспитании «в благочестии, утвержденном благонравием» (Там же. С. 14). Отсутствие последнего церковного напутствия могло смутить Блудова, который и в молодые годы, вопреки модным веяниям, не скрывал своей религиозности (см. п. 28, примеч. 5).

[12] О сумасшествии С. Е. Родзянки Жуковский писал Блудову: «Ради Бога, не забудь мне сказать, что случилось с Родзянкой: мне ничего не известно о его судьбе. Где он? Как его дела? Он очень несчастлив! Дай Бог, что его состояние всего лишь какая-то кратковременная болезнь. <...> Он всегда был незаурядным человеком» (*Жуковский В. А.* Полн. собр. соч. и писем. Т. 15. С. 19). Отвечая ему, Блудов упоминает о «бездеятельности» Родзянки, который не служил, и его отце Емельяне Семеновиче Родзянко, помещике Полтавской губернии. Архив Родзянки не сохранился. См.: *Лямина Е. Э.* Родзянко (Родзянка) Семен Емельянович // Русские писатели, 1800—1917. Т. 5. С. 312—313.

[13] Ср. в письме Жуковского: «Я по-прежнему в Белеве. Строю дом, засаживаю сад и ничего не делаю» (*Жуковский В. А.* Полн. собр. соч. и писем. Т. 15. С. 19).

[14] Строки из гимна Ж. Делиля «Дифирамб бессмертию души» («Dithyrambe sur l'immortalité de l'âme», 1794). В 1806 г. Жуковский перевел «Отрывок из Делилева Дифирамба на бессмертие души» (опубл. 1807). О работе над ним поэта, в контексте других русских переводов стихотворения того времени, в том числе А. Ф. Лабзина 1804 г. (он использован в переводе (см. в сноске) письма Блудова), см.: Там же. Т. 1. С. 469—471. О «Дифирамбе» Делиля Андрей Тургенев писал Жуковскому 9 марта 1803 г. (Жуковский и русская культура. С. 422).

[15] *Бошняк Александр Карлович* (1786—1831) — воспитанник московского Университетского благородного пансиона, где учился с 1799 г. и где близко сошелся с Жуковским и его кругом; с 1804 г. чиновник московского архива Коллегии иностранных дел (см.: *Бочков В. Н.* Бошняк Александр Карлович // Русские писатели, 1800—1917. Т. 1. С. 323); Блудов пользовался его посредничеством в своей переписке, поскольку дом Бошняка находился рядом с домом его матери.

16

1 февраля 1804. Петербург

1 Février

Bien des grâces pour votre lettre: je l'ai trouvée bien courte; surtout vu le temps qu'elle s'est fait attendre. En revanche je l'ai relue bien des fois; pour moi-même et pour tous ceux qui vous connaissent, et je prenois

toutes sortes de pretextes pour la relire. Moquez-vous de cela, si vous voulez, mais c'est la vérité pure. C'est ainsi que je suis fait, je n'aime rien qu'avec transport; mes amis sont pour moi, ce qu'à peine seroit une maîtresse pour les autres. Mais que dis-je mes amis! Je serois bien embarassé d'expliquer ce pluriel. Enfin tranchons d'inutiles discours; j'ai bien mal à la tête, et je sens que ma lettre s'en sentira. Vous avez déjà lu des sottises, appretez-vous à en lire bien d'autres. Je reviens d'un opéra françois, j'y ai vu débuter une nouvelle actrice et jamais encore je ne me suis ennuyé si fort; pas même aux lectures de *Tchebyshoff*. Votre lettre m'a appris quelque chose sur vous: mais vous avez oublié une chose essentielle c'est de me donner votre adresse ; Où êtes-vous, à Moscou ou à Belieff. Que fait Mr. de Karamsine? Est-il vrai qu'il est historiographe de Russie? Est-il vrai qu'il est remarié? J'attends avec impatience le dernier numéro de son journal, surtout depuis votre lettre. Je m'attends à quelque chose de bon, et je suis sûr que la *nouvelle de Vadim* fera oublier la tragédie. Mais pourquoi avez-vous abandonné votre poème: *Марьина роща*. Le nom devroit vous intéresser davantage: j'en promettois beaucoup de plaisir; j'en promettois à tout le monde et vous trompez ainsi les gens. Mais pardon, mon cher ami, mon mal de tête devient affreux; je ne puis plus vous rien dire, si ce n'est de vous prier de m'écrire au plus vite. Ecrivons-nous sans règle et plus souvent qu'une fois de mois. C'est trop rare. N'abusez pas surtout (vous qui avez pris le trente) de privilège que vous donne ce mois composé de 29 jours. Adieu, mon cher, jeudi je vous écris une lettre plus longue si je puis. Répondez-moi. Adieu.

Je m'adresse encore à Бошняк pour vous remettre ma lettre. Excusez-moi devant lui et faites lui mes compliments.

Перевод:

1 февраля[1]

Очень признателен за твое письмо: я его нашел слишком коротким; особенно принимая во внимание, сколько времени его пришлось ждать.[2] В воздаяние того я его перечел много раз; как для себя, так и для всех тех, кто тебя знает, и придумывал разные предлоги, чтобы его снова перечитывать. Можешь смеяться, если хочешь, но это чистая правда. Таков уж я, я ко всему отношусь с чувством; едва ли кто так ценит свою возлюбленную, как я — моих друзей. Но что это я говорю «моих друзей»! Мне было бы затруднительно объяснить это множественное число. Словом, прекратим бесполезные разговоры; у меня очень болит голова, и чувствую, это заметно по моему письму. Ты уже начитался глупостей, приготовься прочитать еще много других. Только что вернулся из французской оперы, видел дебют новой актрисы и никогда так сильно не скучал, даже на лекциях *Чебышева*.[3] Из твоего письма я кое-что о тебе узнал, но ты забыл главное — дать мне свой адрес. Ты где, в Москве или в Белеве?[4] Что поделывает г. Ка-

рамзин? Правда ли, что он пишет историю России?[5] Правда ли, что он снова женился?[6] С нетерпением жду последний номер его журнала, особенно после твоего письма. Ожидаю чего-нибудь хорошего, я уверен, что *повесть о Вадиме* заставит забыть трагедию.[7] Но почему ты забросил свою поэму *Марьина роща*?[8] Название должно бы особенно тебя завлекать: я ждал тут много удовольствия и другим обещал, а ты обманываешь людей. Однако извини, дорогой друг, моя головная боль делается ужасной; не могу ничего больше тебе написать, только лишь просить тебя отвечать мне скорее. Давай писать друг другу, не следуя правилам, и чаще, чем раз в месяц. Это слишком редко. А главное, не злоупотребляй (тебе достался месяц из тридцати дней) преимуществом, которое тебе представляет месяц, состоящий из 29 дней.[9] Прощай, мой дорогой, в четверг напишу письмо подлиннее, если смогу. Отвечай мне. Прощай.

Я снова адресуюсь к Бошняку, чтобы передать мое письмо. Извинись за меня перед ним и кланяйся ему.

---

[1] Год написания письма определяется по сообщениям, во-первых, о женитьбе Карамзина, а во-вторых, о том, что он был високосный.

[2] Имеется в виду письмо Жуковского к Блудову от 21 янв. 1804 г. (*Жуковский В. А.* Полн. собр. соч. и писем. Т. 15. С. 20—22).

[3] Лицо неустановленное. Какого-то Чебышева Жуковский упомянул в плане своих автобиографических записок, относящихся к московскому периоду его жизни (начало 1800-х гг.) (см: Там же. Т. 13. С. 33).

[4] Ср. в письме Жуковского: «...я строюсь и даже начал строить дом в Белеве...» (Там же. Т. 15. С. 21, подлинник по-фр.).

[5] Императорским указом Карамзин был пожалован в историографы 31 окт. 1803 г.

[6] 8 янв. 1804 г. Карамзин женился на Екатерине Андреевне Колывановой, побочной дочери князя А. И. Вяземского (первая его жена умерла в 1802 г.). Тон вопрошения об этой свадьбе в письме Блудова намекает на пародийное «Описание бракосочетания господина К<арамзина>» А. С. Кайсарова, созданное в пору Дружеского литературного общества: это была «вольная юмористическая персифляция церковного обряда бракосочетания, написанная литературным тоном нежно-чувствительного настроения, в котором, однако, чувствуется ирония, дерзновенное осмеяние сентиментального карамзинского стиля» (*Резанов В. И.* Из разысканий о сочинениях В. А. Жуковского. Вып. 1. С. 150).

[7] Речь идет о письме Жуковского от 21 янв. 1804 г., в котором он сообщал Блудову о публикации в «Вестнике Европы» (1803. Ч. 12. № 23—24) своей повести «Вадим Новгородский». В августе 1804 г. Жуковский сообщил Блудову: «А “Вадима” я бросил; мне все говорят, что он есть подражание “Марфы Посадницы”. Не хочу выходить на сцену подражателем, даже толковым» (*Жуковский В. А.* Полн. собр. соч. и писем. Т. 15. С. 24).

[8] Повесть «Марьина роща» была напечатана Жуковском в 1809 г. Первое упоминание о ней с цитацией двух стихов, не оставивших, однако, следа в окончательном тексте, обнаруживается в письме Жуковского к И. П. Тургеневу от 11 авг. 1803 г. (Там же. С. 17). Письмо Блудова дает ценные дополнительные сведения по истории повести: во-первых, к 1804 г. она была не просто написана в какой-то

своей части, но уже и оставлена автором, который ее «забросил», а во-вторых, «Марьина роща» на этом этапе была, по-видимому, стихотворной, о чем можно заключить по именованию ее в письме поэмой (ср.: Там же. Т. 10 (2). С. 597—598).

[9] Ср. в письме Жуковского от 21 янв. 1804 г.: «...будем писать друг другу раз в месяц <...>. На себя я беру 30 число каждого месяца, а ты бери 15...» (Там же. Т. 15. С. 22, подлинник по-фр.).

17

<Около 20 октября 1804. Москва>

Нет, любезный друг, боюсь быть нескромным и лучше хочу лишить себя приятного знакомства, нежели кому-нибудь доставить знакомство скучное.[1] Если б Карамзин жил один так, как Дмитриев, тогда бы в самом деле моя привязанность к его сочинениям дала мне право к нему приехать, но *Ка<терина> Ан<дреевна>* и *князь* не должны страдать за чужую славу.[2] Если, однако ж, ты сегодня без всякой аффектации найдешь случай выпросить у нее позволения для меня, то чувствительно одолжишь своего друга. Поедем завтра к Дмитриеву. А сегодня ввечеру я постараюсь быть у тебя.

---

[1] В письме говорится о представлении Блудова Карамзину через посредничество Жуковского. Об этом же идет речь и в записке к Жуковскому от конца октября (не позднее 26-го) 1804 г. Карамзина, определившего дни для этого посещения (РО ИРЛИ, № 28033, л. 6; Русский архив. 1870. Кн. 2, вып. 8/9. Стб. 1682). «Дмитрий Николаевич любил вспоминать об этом первом знакомстве, прибавляя, что ни прежде, ни после того ни одна личность не произвела на него такого глубокого впечатления <...> Он воротился домой очарованный беседою ученого историографа столько же, как и его простым открытым обхождением, и некоторое время находился в каком-то лихорадочном состоянии. С тех пор Дмитрий Николаевич искал уже встречи с Карамзиным; он бывал у него всякий раз, как приезжал в Москву...» (*Ковалевский Е. П.* Граф Д. Н. Блудов и его время. С. 40). Описывая их первую встречу, Ковалевский назвал 1805 г., что нельзя не признать ошибкой, поскольку в этом году не было момента, когда Блудов и Жуковский одновременно жили в Москве. Существует и другое мемуарное свидетельство, исходящее от *К. С. Сербиновича* (1796—1874), близко знавшего Блудова, который относил его знакомство с Карамзиным к 1804 г. (см.: *Беспалова Е. К.* «Прямой наследник Н. М. Карамзина» Дмитрий Николаевич Блудов // Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции. Ульяновск, 2019. С. 43—45). Поздней осенью 1804 г. Блудов приезжал в Москву, чтобы проведать заболевшую мать, и в это время активно общался с Жуковским. См. п. 18, примеч. 1.

[2] В письме Блудова упоминаются следующие лица: не обремененный семьей поэт *Иван Иванович Дмитриев* (1760—1837), жена Николая Михайловича *Екатерина Андреевна Карамзина* (1780—1851) и ее отец (она была его побочной дочерью) *князь Андрей Иванович Вяземский* (1754—1807), который в это время был уже вдовцом (в противном случае церемонный Блудов помянул бы еще и княгиню).

18

Конец ноября 1804. Москва

Вот тебе моя брючина: скажи, на что она тебе; скажи, в котором часу мы должны ехать к Карамзину.[1] Я остаюсь в Москве, до 5 или 6-го числа, постарайся окончить дифирамб к этому времени.

[1] Записка продолжает тему знакомства Блудова с Карамзиным — см. п. 17, примеч. Она датируется по сообщениям, которые подтверждаются в следующем письме Блудова к Жуковскому, написанном из Петербурга: во-первых, это указание в записке на свой отъезд из Москвы «5 или 6-го числа» декабря (ср. в письме 19, от 12 янв. 1805 г.: «...после моего отъезда; знаешь ли ты, что прошло больше месяца...»); во-вторых, прозвучавшая в записке просьба окончить стихотворение, которое Блудов называет «дифирамбом» и которое, как следует из письма 19, поэт так и не закончил к его отъезду (см. примеч. 6).

19

12 января 1805. Петербург

Le 12 Janvier

Oh! Mon cher, mon bon ami: j'avois tant de choses à vous dire, mais j'ai déjà écrit tant de lettres, et il m'en reste encore tant d'autres, que vraiment je ne vous dirai rien, ou à peu près.

Je te dirai donc d'abord, que tu es un homme dénaturé! Comment ne pas m'écrire depuis mon départ; sais tu bien qu'il y a plus d'un mois. Je ne t'ai pas écrit non plus: mais quelle différence! La fatigue du voyage, le service, la société, les théâtres, l'amour et surtout les lettres, dont j'ai toujours une quantité incroyable à expédier: tout cela peut bien empêcher d'écrire, surtout à quelqu'un qui de son côté garde le silence. Mais toi! qui grâce au ciel, n'es pas au service et grâce au ciel n'es pas amoureux, tu n'as pas de raisons à me donner de ce silence détestable. Vraiment je ne connois que ta mort qui puisse t'excuser. Il faut bien en ce cas que je te désire sans excuses. Oui, mon ami, sois impardonnable tant que tu voudras, je te le pardonnerai toujours, pourvu que tu ne cesse pas de m'aimer, et j'ose l'espérer. A ça! Je babille déjà trop. Je ne veux pas parler aujourd'hui pour moi, mais seulement pour mon cousin Ozeroff. Il a voulu vous écrire, mais il ne l'a pu étant parti subitement pour la campagne. Vous avez reçu le manuscrit corrigé de sa tragédie, qui fait ici beaucoup de bruit, et qui selon moi le mérite à beaucoup d'égards. Portez-le, ce manuscrit à Volconsqui: dites que l'auteur consent à prendre la seconde présentation pour bénéfice, qu'il s'en remet entièrement au Prince lui-même pour la recette et qu'il le prie de donner la somme qu'elle fera à ma mère. Tu vois, mon ami, que tu auras bien moins d'embarras que tu n'as cru. Fais moi savoir tout ce que le Prince te dira;

quand la pièce pourra être jouée, quels acteurs la joueront; tous ces détails feront grand plaisir à l'auteur et à moi aussi par conséquent. Adieu! Mon ami, écris-moi, parle-moi de ton dithyrambe, sais tu bien qu'en le relisant ici je l'ai trouvé encore plus charmant; que même le commencement de la tirade que j'ai critiquée est fort bien, jusqu'à ces vers:

Во мраке сих лесов убежище Сильвана.

Adieu, encore une fois, mon cher frère, et mon cher confrère, travaille bien, attrape la gloire, mais ne quitte pas ton ami, aime le, comme il t'aime. Tu m'aimeras beaucoup.

Prend garde à mon cachet, il t'apprendra que mes sentiments ne changent pas.

Перевод:

12 января[1]

О, мой дорогой, добрый друг! Мне столько всего надо было тебе сказать, но я написал уже столько писем, и еще столько должен написать, что, по правде говоря, ничего тебе и не скажу, или почти ничего.

Во-первых, скажу тебе, что ты жестокосердый человек! Как не написать мне после моего отъезда; знаешь ли ты, что прошло больше месяца.[2] Я тебе тоже не написал: но это совсем другое дело! Усталость после путешествия, служба, общество, театры, любовь и, главное, письма, которые мне постоянно нужно отправлять в немыслимых количествах. Все это мешает мне писать, особенно тому, кто со своей стороны хранит молчание. Но ты! Ты, который, благодарение небу, не служишь и, благодарение небу, не влюблен, ты не можешь назвать мне причины твоего гнусного молчания. Право, только, если б ты умер, это было бы извинением. В таком случае я жду твоего ответа без извинений. Да, мой друг, оставайся непрощенным, сколько захочешь, но я тебя всегда извиню, лишь бы ты не перестал меня любить, на что я осмеливаюсь надеяться. Так, я слишком разболтался! Не хочу сегодня говорить о себе, а только о моем кузене Озерове. Он хотел тебе написать, но не смог, потому что внезапно уехал в деревню. Ты получил исправленную рукопись его трагедии, о которой здесь много говорят, и которая, на мой взгляд, этого заслуживает во многих отношениях. Отнеси эту рукопись Волконскому:[3] скажи, что автор согласен взять второе представление для бенефиса, что он полностью полагается на самого князя в том, что касается сборов, и просит его отдать сумму, которая получится, моей матери.[4] Видишь, мой друг, у тебя будет не так много забот, как ты думал. Сообщи мне, что тебе скажет князь; когда пьеса может быть сыграна,[5] какие актеры будут в ней играть; все эти подробности доставят большое удовольствие автору и, следовательно, мне. Прощай! Друг мой, пиши мне, расскажи мне о твоем Дифирамбе, знаешь, перечитывая его здесь, я нашел его еще

более прелестным, и даже начало тирады, которое я критиковал, очень хорошо, до этих стихов:

Во мраке сих лесов убежище Сильвана.[6]

Прощай еще раз, мой дорогой брат и мой дорогой собрат, трудись, завоюй славу, но не бросай своего друга, люби его, как он тебя любит. Ты станешь много меня любить.

Обрати внимание на мою печатку, она подтвердит, что мои чувства неизменны.

---

[1] Год определяется по ответному письму Жуковского к Блудову, в котором он дал отчет о данном им поручении в связи с рукописью В. А. Озерова (см. ниже). Письмо с отчетом Жуковского отнесено к маю-июню 1805 г. в изд.: *Жуковский В. А.* Полн. собр. соч. и писем. Т. 15. С. 25—26, 608—609; судя по письму Блудова от 12 янв. 1805 г., датировку письма Жуковского можно ограничить маем 1805 г.

[2] Имеется в виду отъезд Блудова из Москвы 5—6 дек. 1804 г. (см. п. 18 и примеч.).

[3] Речь идет о трагедии В. А. Озерова «Эдип в Афинах», вышедшей отдельным изданием в Петербурге в 1805 г. Однако к Жуковскому для передачи директору театра при Воспитательном доме кн. М. П. Волконскому была отправлена не книга (так в примеч. к письму: *Жуковский В. А.* Полн. собр. соч. и писем. Т. 15. С. 608), а исправленная рукопись трагедии для ее постановки в Москве. Жуковский не смог выполнить поручение Блудова, о чем написал ему в мае 1805 г.: «Теперь скажу тебе несколько слов об “Эдипе” Озерова <...> Ты прислал его ко мне в Москву, когда я был в деревне. Тургенев, не Александр, но Николай, тотчас отправил его ко мне в Белев, но его не приняли на почте <...> Николай Тургенев оставил его на почте у одного своего знакомого, который дал ему слово прислать его ко мне. Между тем я приезжаю <в Москву>; спрашиваю об “Эдипе”, сказывают, что он на почте <...> Этого человека, у которого он остался, нет; я через два дня после моего приезда в Москву уезжаю в Петербург, давши комиссию Николаю Тургеневу взять “Эдипа” у своего знакомого и отдать его Волхонскому <...> в уверении, что пиеса, конечно, отдана Волхонскому, я сказал В<ладиславу> А<лександровичу>, что ее отдал; но приезжаю в Москву и узнаю, что пиеса не взята, что этот человек, которому ее отдали, в Рязани, что он приедет скоро <...> Между тем Тургеневы уехали в Липецк; следовательно, “Эдип” не прежде возвратится как по их возвращении. Скажи это всё Вл<адиславу> Алекс<андровичу> и скажи ему, ради Бога, что я ни в чем не виноват <...> Представление, однако ж, отложено до зимы» (*Жуковский В. А.* Полн. собр. соч. и писем. Т. 15. С. 25—26). Об Озерове см. п. 7, примеч. 6; п. 10, примеч. 4.

[4] *Блудова Антонина Воиновна* (1754—1807), урожд. Тишина (см.: *Шилов Д. Н.* Государственные деятели Российской империи: главы высших и центральных учреждений. С. 89). Е. П. Ковалевский называл мать Блудова Екатериной Ермолаевной (*Ковалевский Е. П.* Граф Блудов и его время. С. 9).

[5] Московская премьера состоялась в Петровском театре 27 сент. 1805 г. (см.: *Жуковский В. А.* Полн. собр. соч. и писем. Т. 15. С. 608).

[6] Приведенный Блудовым стих «Во мраке сих лесов убежище Сильвана» отсутствует в известных ныне текстах Жуковского, в том числе среди вариантов и редакций. Блудов относит его к «Дифирамбу», что можно было бы связать с «Отрывком из Делилева Дифирамба на бессмертие души» Жуковского, опубликован-

ным в 1807 г. (см. п. 15, примеч. 11). Однако и в «Дифирамбе на бессмертие души» Делиля, т. е. в оригинале, откуда Жуковский взял отрывок для перевода, опорного стиха о Сильване и «мраке сих лесов» не имеется. Можно предположить, что «Дифирамбом» Блудов называет программное стихотворение Жуковского «К поэзии», начинавшееся с обращения: «Чудесный дар богов!». Работа над ним была завершена в декабре 1804 г., и Блудов, действительно, уехал из Москвы, не дождавшись его окончания. Ср.: *Жуковский В. А.* Полн. собр. соч. и писем. Т. 1. С. 444, где стихотворение датировано декабрем 1804 г. по первой публикации и помете в одной из копий; письмо Блудова от 12 янв. 1805 г. позволяет заключить, что стихотворение было начато в ноябре 1804 г. (о том же свидетельствует и записка Блудова от конца ноября 1804 г. — см. п. 18, примеч. 1). Критическое замечание Блудова было учтено Жуковским, и в стихах дифирамба «К поэзии» с упоминанием леса и «мирного луга», о которых поет «лапландец, дикий сын снегов», фигурировал уже не Сильван с его «убежищем», а «возы, скрыпящи под снопами» (Там же. С. 62).

20

29 мая 1807. Село Никольское Оренбургской губ.

Из села Никольского, <1 нрзб.> 29 мая.[1]

Посылаю к тебе, любезнейший друг мой, деньги, об которых мы условились. Может быть, ты получишь их немного позднее 1-го июня, но думаю, что это не сделает какой-то расстройки твоему немцу-дудланину.[2] Я теперь живу в оренбургской деревне своей и, как можешь сам вообразить себе, живу в превеликой муке и тоске: сделай милость, если ты что-нибудь знаешь, то сообщи мне известие. Дай Боже! чтоб было хорошее.[3] Прости, добрый и почтенный друг, не забывай о шалуне, своем друге: я пробуду здесь не более недели, потом буду в Оренбурге. Отвечай мне, дай знать, где я тебя увижу, в Белеве или в Москве,[4] и адресуй письмо свое в Казань, в дом губернского предводителя Молостова.[5] Adieu.* В половине июня надеюсь обнять тебя, или <1 нрзб.>.

[1] Письмо относится ко времени отпуска Блудова, который он был вынужден взять для устройства дел в имениях после смерти своей матери, скончавшейся 1 янв. 1807 г. (об этом отпуске известно из его послужного списка: *Долгих Е. В.* К проблеме менталитета российской административной элиты первой половины XIX в.: М. А. Корф, Д. Н. Блудов. М.: Индрик, 2006. С. 233). О замысле этой поездки Жуковский писал Тургеневу: «Я поехал было с Блудовым в Оренбург, хотел видеть некоторую часть православной Руси, но в двадцати верстах от Москвы наша коляска была опрокинута; я ушиб руку; Блудов здоров и теперь странствует один» (*Жуковский В. А.* Полн. собр. соч. и писем. Т. 15. С. 55); в поездку Блудов и Жуковский отправились, по-видимому, в первых числах мая 1807 г. Письмо от 29 мая 1807 г. из оренбургской деревни не было первым письмом Блудова к Жуковскому из этой поездки. Ранее Блудов написал ему письмо с «реляцией о <...> путешествии», о чем известно по ответному письму Жуковского, откликнувшегося на со-

* Прощай (*фр.*).

общения в нем о том, что он где-то тонул, скучал и, наконец, намеревался освятить в какой-то из своих деревень новую церковь (Там же. С. 53). Из этого можно сделать вывод, что письмо Жуковского с откликом на «реляцию» Блудова следует датировать предположительно концом мая 1807 г., и оно еще не было получено Блудовым в «оренбургской деревне», когда он написал ему оттуда второе письмо 29 мая 1807 г. (ср. в издании Жуковского, где письмо о «реляции» Блудова отнесено к концу июня 1807 г.: Там же. С. 624).

[2] О каком «немце-дудланине» (возможно, от англ. doodle, т. е. болван) идет речь, неизвестно. Это, по-видимому, был протеже Жуковского, который сумел увлечь Блудова идеей помощи ему. В конце мая 1807 г. Жуковский писал Блудову в ответ на «реляцию», содержавшую и какую-то его просьбу относительно помощи этому немцу: «Твое поручение беру на себя с радостью — готов быть твоим поверенным по части *благих* дел <...> Назначь сумму и пришли ее ко мне: я буду искать и действовать, а вам отдавать во всем подробнейший отчет. Немцу нашел квартиру, и он уже ее занимает...» (Там же. С. 53). То, что письмо Жуковского от конца мая и письмо Блудова от 29 мая 1807 г. не согласовываются в словах, касающихся «немца-дудланина», свидетельствует, что Блудов выслал деньги для него из оренбургской деревни еще до получения письма Жуковского с просьбой о назначении нужной суммы. О продолжении осуществления Жуковским благотворительной помощи на средства Блудова, по его поручениям, свидетельствует письмо из Лондона от 19 (31) марта 1819 г.: Русский архив. 1902. Кн. 2, вып. 6. С. 341—342.

[3] Возможно, речь идет о княжне А. А. Щербатовой и претендентах на ее руку, которые время от времени появлялись рядом с ней и к которым благоволила ее мать.

[4] В письме от конца мая 1807 г., написанном из Москвы, Жуковский известил Блудова, что уезжает в деревню, т. е. в Белев (*Жуковский В. А.* Полн. собр. соч. и писем. Т. 15. С. 53).

[5] У Блудова были имения (более 800 душ) в Спасском и Чистопольском уездах Казанской губернии (см.: *Шилов Д. Н.* Государственные деятели Российской империи: главы высших и центральных учреждений. С. 90). В письме упоминается *Порфирий Львович Молоствов* (1760—1808), в 1807—1808 гг. казанский губернский предводитель.

21

22 сентября 1807 <?>. Москва

Из Москвы
22 сентября.[1]

Я не получал от тебя ответу на мое письмо, однако ж, любезный друг, не думай, чтоб я хотел тебя пенять за это. Не имею права и не хочу. Будучи уверен, что ты меня любишь, ибо моя дружба к тебе мне в том порукой, зная от Ивана Ивановича Дмитриева, что ты здоров,[2] могу быть спокоен и только жалею о том, что не знаю, как ты проводишь время и в каком состоянии твое сердце и голова. Чтоб узнать обо всем этом, я желал бы получать от тебя несколько строчек; но я вздумал способ, который еще лучше, который, может быть, обстоятельства мне позволят употребить; но надобно и твое согласие на это. Хочу приехать к тебе — на несколько часов, к несчастью, не более. Но

могу ли надеяться, что ты дашь себя похитить и привезти по крайней мере в Москву.[3] Все желают этого искренно; а я больше всех. Право, любезный друг, я не привык жить так долго без тебя и не хочу привыкать. Если глупые дела, о которых ты пишешь к Дмитриеву, только денежные, то не беспокойся; а если другое мешает тебе оставить Белев, то скажи, могу ли по крайней мере я приехать увидеться с тобою. Отвечай поскорее и адресуй в Москву, в наш дом. Если я приеду к тебе, то не позже, как в октябре.

---

[1] Год определяется предположительно по времени продолжительного отпуска Блудова в 1807 г., данного ему в связи с устройством дел после смерти матери (см. п. 20, примеч. 1).

[2] Речь идет о неизвестном письме Жуковского к И. И. Дмитриеву.

[3] Поездка Блудова в Белев с целью «похитить» Жуковского и привезти его в Москву не состоялась, поскольку он, по-видимому, получил от него какое-то уведомление о планируемом им приезде туда. Это произошло в конце октября 1807 г., когда Блудов уже уехал в Петербург (см. п. 22, где Блудов выразил удивление в связи с неожиданным появлением Жуковского в Москве, и примеч. 1).

22

29 октября 1807. Петербург

St. Petersbourg
Le 29 Octobre[1]

Я узнал от своего [человека] живописца,[2] что ты приехал в Москву.[3] Благодарен, я очень благодарен ему. Вероятно, что без него никогда не знал, где существует мой друг Жуковский; и разве одна из многочисленных труб славы возвестила бы мне о том, что он существует. Оставим шутки. Не стыдно ли тебе, любезный друг, быть ленивее меня. Не стыдно ли оставлять мои письма без ответа и даже не сказать, что ты получил деньги, которые я послал к тебе для *жида*:[4] разве ты не знаешь, каково писать к безответным. Кстати, об жиде, он приходил жаловаться ко мне на твою неисправность: говорит, что умирает с голоду. Будучи в Москве, я дал Гасу 30 рублей в ожидании денег от тебя. Не забудь же зачесть этих денег за будущий год.

Что сказать тебе нового? Случилось многое с тех пор, как мы расстались; но ты знаешь обо всем, а повторять приятно только радостные вести. Может быть, ты не знаешь об явлении новой кометы,[5] но желал ли ты и знать об этом. У вас поныне есть хороший астроном, и тебе покажут комету так же хорошо, как нам ее показывал Шуберт.[6] Но скажу тебе, что такой примечательной не было с 1769 году, с которой родился Наполеон Первый.[7] Изъясняя это, пожалуй, не сочти меня отгадчиком или суевером: я тебе повторяю то, что Шуберт сказал сей год Тургеневу и мне. Что у вас нового в литературе? Знаешь ли ты

Пожарского, который сделался знаменем шишковианцев?[8] Будешь ли ты издавать Вестника и с каким планом,[9] и *Господь благословит ли венец лета славы твоей*?[10] Где ты живешь? В. А. Озеров давно желает писать к тебе, благодарить за твое письмо и прислать тебе по экземпляру своих трагедий.[11] Пришли мне свой адрес, хотя для него, если не для моих писем. Если ты собираешься быть издателем Вестника, то не хочешь ли отрывков из путешествия Тургенева; а заставь его прислать к тебе кое-что, разумеется, пропусти наперед сквозь чистилище.[12] Прости; что делает твоя Муза и делает ли что-нибудь?

Присылай, что сделал; я уверен, что твои поэтические новости будут лучше политических.[13]

<Приписка А. И. Тургенева:>

И я на всё то ожидаю твоего ответа, о чем тебя спрашивает Блудов, с той разницею, что сбираюсь давно бранить тебе за твои упреки в письмах к единственным С<оковниным>.[14] Я по крайней мере на твое письмо ко мне отвечаю им в надежде, что они сообщат тебе всё, что до тебя касается. Но ты, любезный ленивец, ты ни слова ни к Блудову, ни ко мне. Если мы к тебе редко пишем, то по крайне мере часто пишем твои стихи (и сейчас Бл<удов> списывает для Хвостовой твой «Вечер»,[15] а я везу ей твою «Дубраву»[16]), мы о тебе говорим часто; а тебе ни говорить о нас не с кем, ни стихов наших писать нельзя: первое, потому что их нет; второе — но и первого довольно.

Итак, что же для друга остается — писать к тем, которые его любят. Прости и, если вспомнишь меня, бывая часто на Пречистенке,[17] то уверь, что я не честолюбец; уверь, что мною управляют другие страсти, что дружба их, что дружба твоя — о милый друг людей и еще немногих, для меня драгоценнее креста володимерского, который теперь вешают на тех, которых за 1806 лет на крест вешали.[18] Прости и пиши к нам.

Тургенев.

---

[1] Год письма от 29 октября определяется по ответу Жуковского Тургеневу и Блудову из Москвы от конца ноября 1807 г. В нем Жуковский обратился к Блудову с просьбой, касающейся его долга ему (об этом долге идет речь в первом абзаце письма Блудова, кончающейся словами: «Не забудь же зачесть этих денег за будущий год»): «Еще не забудь, — ответил ему Жуковский, — прислать мне записку о том, сколько и в которое число и сколько лет уплачивать мне тебе свой долг. Ты забыл это сделать, а мне нужно непременно знать заранее, чтобы приготовить нужное число денег вовремя и быть исправным» (*Жуковский В. А.* Полн. собр. соч. и писем. Т. 15. С. 57). Тургеневу Жуковский написал и отдельно в ответ на его приписку в письме от 29 окт. 1807 г., в которой он, названный «ленивцем», получил от него выговор за письма к Соковниным («...сбираюсь давно бранить тебе за твои упреки в письмах к единственным С<оковниным>»): «...будучи ленив неподражаемым образом, — написал ему на это Жуковский, — ты еще меня хочешь наказывать за леность <...> ты не доставил мне своего адреса, и я принужден <...> посылать

через Соковниных» (Там же. С. 42; это письмо в издании датировано ноябрем 1806 г., хотя в действительности оно было написано в конце ноября 1807 г.).

[2] Судя по зачеркнутому слову («мой [человек]»), этот «живописец» был дворовым человеком Блудова.

[3] Письмо Блудова из Петербурга от 29 окт. 1807 г. позволяет заключить, что Жуковский приехал в Москву, по-видимому, в начале последней декады октября 1807 г.

[4] Речь идет о ростовщике по фамилии *Гас*. Возможно, он был держателем заемного письма Жуковского, выданного ему Блудовым. См. примеч. 1.

[5] Имеется в виду большая комета, появившаяся в Северном полушарии в начале осени 1807 г. и видимая невооруженным глазом.

[6] Речь идет о *Федоре Ивановиче Шуберте* (1758—1825), заведовавшем академической обсерваторией в Петербурге. Здесь же Блудов упоминает «хорошего астронома» — *Фридриха Гольдбаха* (1763—1811), с 1804 г. ординарного профессора имп. Московского университета, устроившего в одной из комнат своей квартиры собственную временную обсерваторию.

[7] Год 1769, когда родился Наполеон, был ознаменован появлением большой кометы.

[8] Речь идет об одном из героев поэмы *князя С. А. Ширинского-Шихматова* (1783—1837) «Пожарский, Минин, Гермоген, или Спасенная Россия» (1807). Поэма, повествующая о народном ополчении 1612 г., встретила, с одной стороны, восторженные отзывы рецензентов консервативного литературного лагеря, в том числе А. С. Шишкова, наиболее яркого его представителя и будущего главы Беседы любителей русского слова, а с другой — ряд язвительных эпиграмм близких Карамзину литераторов. Отзыв Блудова, прозвучавший в этом ряду одним из первых, отражает взгляд на поэму карамзинистов.

[9] Имеется в виду «Вестник Европы», который Жуковский начал редактировать в 1808 г. На вопрос Блудова о журнале и его будущем Жуковский ответил в письме к друзьям, Тургеневу и Блудову, от конца ноября 1807 г., призывая их к присылке материалов для публикации в нем (*Жуковский В. А.* Полн. собр. соч. и писем. Т. 15. С. 56—57).

[10] Видоизмененная цитата из тропаря на церковное новолетие (1 сентября), восходящая к стиху 12 псалма 64.

[11] Письмо Жуковского к В. А. Озерову 1807 г., упоминаемое Блудовым, неизвестно. В 1807 г. вышли отдельными изданиями его трагедии «Фингал» и «Димитрий Донской», несколько ранее, в 1805 г., «Эдип в Афинах». «По экземпляру» этих книжек и намеревался поднести Озеров Жуковскому (ни одной из них, однако, в его библиотеке не сохранилось). В письме к Тургеневу от 15 сент. 1809 г. Жуковский с восхищением отозвался о трагедии «Фингал», настаивая, что «Озеров с великим талантом и чувством» (Там же. С. 77).

[12] Отрывок из журнала заграничного путешествия Тургенева под заглавием «Путешествие русского на Брокен в 1803 году» и с подписью «А. Т...в» был напечатан Жуковским в «Вестнике Европы» (1808. Ч. 42, № 22. С. 77—93). См.: *Тургенев А. И.* Хроника русского. Дневники (1825—1826 гг.) / изд. подгот. М. И. Гиллельсон. М., Л.: Наука, 1964. С. 447; *Жуковский В. А.* Полн. собр. соч. и писем. Т. 15. С. 617.

[13] «Политической новостью» в это время оставался Тильзитский мир, который был заключен Наполеоном и Александром I 25 июня 1807 г. и который тяжело переживался русским обществом. Отзвук тех настроений передан в стихотворении Пушкина «Наполеон» (1821): «Тильзит!.. (при звуке сем обидном / Теперь не побледнеет росс)» (*Пушкин А. С.* Полн. собр. соч. и писем. Т. 2, кн. 1. С. 215).

[14] См. примеч. 1. Тургенев имеет в виду сестер Варвару и Екатерину Соковниных.

[15] Возможно, Тургенев ошибся в названии стихотворения, которое переписывал Блудов, поскольку опубликованная в феврале 1807 г. элегия «Вечер» (1806) едва ли могла быть новостью для петербургской дамы (*Жуковский В. А.* Полн. собр. соч. и писем. Т. 1. С. 465). Хвостова — лицо неустановленное.

[16] «Дубравой» Тургенев называет романс «Тоска по милом» Жуковского, начинающийся стихом «Дубрава шумит...». По-видимому, тот текст, с которого Тургенев копировал стихотворение, не имел заглавия, как и черновой автограф Жуковского, и первая публикация его 1808 г. (Там же. С. 514).

[17] На Пречистенке в Москве жили Соковнины.

[18] Тургенев возмущен пожалованием какому-то лицу ордена святого Владимира.

23

Февраль 1808 г. Петербург

<Адрес:> Его Благородию Милостивому Государю моему Василью Андреевичу Жуковскому.

Пишу к тебе одно слово,[1] мой добрый, любезный Жуковский, потому что спешу отправлять <слово густо зачеркнуто чернилами>,[2] а это письмо должно с ним ехать, к тебе. Сделай милость, постарайся избавить этого глупца, не скажу от его глупости, ибо это невозможно, но по крайней мере от бедственных ее следствий. Запиши его опять в университет, или в какое-нибудь другое место и сделай с ним расчет об назначенном пансионе; не забудь меня хотя строчкой обо всем уведомить.[3]

Не сердись, любезный друг, за то, что пишу к тебе редко. Не думай, чтобы я забывал о тебе. Поверь, что помню и о твоих поручениях. Ты, надеюсь, уж получил Джонсона и Расина.[4] Я к тебе писал, что книги для Дмитриева нельзя сыскать в Петербурге, но Тургенев потерял мое письмо. Итак, повторяю, что ни одной из нужных книг Ив<ану> Ив<ановичу> нет у здешних книгопродавцев. Только у Клостерманна я нашел: Œuvres complettes de Cochin, avocat au Parlement.* И не смел их взять, потому что Дмитриеву надобны Œuvres choisies.**[5]

Прости: изъяви мое усердное почтение Дмитриеву, Карамзину и Антонскому. Продолжай своего Вестника: я читаю его с удовольствием. Кажется, могу надеяться, что оно будет возрастать час от часу; и публика может так же думать. Прости еще раз: обнимаю тебя от всей души. Нужно ли уверять, что люблю тебя также.

Я, может быть, скоро буду в Москве: если позволят мои здешние дела, а московские требуют моего приезда.[6]

---

* Полное собрание сочинений адвоката Парламента Кошена (*фр.*).

** Избранные сочинения (*фр.*).

[1] Письмо датируется по письмам к Блудову Жуковского с просьбами о присылке ему из Петербурга книг Джонсона и Кошена (см. примеч. 4—5). Письмо Блудова относится ко времени начала редактирования Жуковским «Вестника Европы» в 1808 г., когда Блудов уже познакомился, по крайней мере, с двумя январскими номерами журнала (ср.: «Продолжай своего Вестника: я читаю его с удовольствием»), что позволяет датировать письмо февралем 1808 г.

[2] Слово, залитое чернилами, не поддается прочтению, однако здесь, несомненно, фигурирует некий *Томашевский*, о котором известно из переписки Жуковского 1807—1808 гг. лишь то, что он был иностранцем и пансионером гимназии при Московском университете или же студентом в нем (см.: *Жуковский В. А.* Полн. собр. соч. и писем. Т. 15. С. 624). По-видимому, это был сын «учителя новых языков», как его характеризует И. П. Тургенев, «немца» Томашевского (Томашевича), который учил младших Тургеневых в 1802—1803 гг. (см.: Архив братьев Тургеневых. Вып. 2. С. 468, 476).

[3] Во второй половине февраля 1807 г. Жуковский переслал обращенное к нему письмо Томашевского А. Тургеневу. О нем Жуковский написал Тургеневу: «Этот бедняк жалок: попался в комнату каких-то шалунов, которые не дают ему покою, дразнят его и даже бьют. <...> Томашевский очень странен; он не может говорить по-русски и приписывает ненависти к иностранцам те насмешки, которыми потчуют его за странность. <...> Томашевский, кажется мне, второй том Родзянки» (*Жуковский В. А.* Полн. собр. соч. и писем. Т. 15. С. 52); упоминание С. Е. Родзянки в письме — намек на умственное расстройство Томашевского. Жуковский предлагал Тургеневу обратиться к инспекторам Московского университета или же к его попечителю М. Н. Муравьеву, чтобы Томашевского переселили «в другую горницу», причем предлагал намекнуть, что этим студентом интересуется сам попечитель: «...впрочем, — добавлял Жуковский, — против странности не скоро найдешь лекарство» (Там же). В конце декабря 1807 — начале января 1808 г. его имя вновь всплывает в письме Жуковского к Тургеневу: «Томашевский едет в Петербург. Я ему отдал все деньги» (Там же. С. 62). По приезде в Петербург протеже Тургеневых был передан для обустройства Блудову, не вынесшему, однако, общения с ним и отправившему его обратно в Москву. В конце марта 1809 г. Жуковский попросил Тургенева сообщить Блудову: «...я исправно плачу Томашевскому определенные им сто рублей» (Там же. С. 70). По-видимому, вскоре Томашевский покинул Россию и оказался в Германии. Н. И. Тургенев упоминает Томашевского в одном из январских писем 1811 г. к брату Александру как «неопытного юношу», который проходит лечение от какой-то венерической болезни в Карлсруэ (Архив братьев Тургеневых. СПб., 1911. Вып. 1: Дневники и письма Н. И. Тургенева за 1806—1811 годы / под ред. и с примеч. Е. И. Тарасова. С. 403). Нелицеприятные отзывы о Томашевском находим в письмах Н. И. Тургенева 1816 г. из Германии, свидетельствующих, что Тургеневы продолжали оказывать ему помощь, — см.: Декабрист Н. И. Тургенев: письма к брату С. И. Тургеневу. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1936. С. 169, 170, 172—173 («Животное!»).

[4] О присылке трехтомных «Жизнеописаний наиболее выдающихся английских поэтов...» («The lives of the most eminent English poets...», 1779—1781) *С. Джонсона* (Jonson; 1709—1784), в немецком или французском переводе, Жуковский просил своих друзей дважды, в письме к Тургеневу и Блудову от конца ноября 1807 г. и к Тургеневу от конца декабря 1807 — начала января 1808 г. (*Жуковский В. А.* Полн. собр. соч. и писем. Т. 15. С. 57, 61). В библиотеке Жуковского это издание не сохранилось, поэтому можно предположить, что Блудов послал ему какую-то другую книгу Джонсона (см.: Там же. С. 627). Письмо Жуковского к Блу-

дову, содержащее просьбу о каком-то издании французского драматурга Ж. Расина, неизвестно.

[5] Список книг для И. И. Дмитриева Жуковский сообщил в письме к Тургеневу и Блудову от конца ноября 1807 г. В списке фигурировали издания Ф. де Нёфшато, А. Кошена и А. Ж. Буше (Там же. С. 58, 628). Блудов нашел в Петербурге только полное собрание сочинений знаменитого французского адвоката *А. Кошена* (Cochin; 1687—1747), изданное в 1751 г., в то время как Дмитриев просил о приобретении его избранных произведений в двух томах, вышедших в Париже в 1773 г. В связи с поиском нужных изданий в письме упоминается *Г. И. Клостерманн* (1756—1838), преуспевающий петербургский книгопродавец и издатель, торговец художественными произведениями.

[6] О времени приезда Блудова в Москву в 1808 г. сведений не имеется.

24

27 апреля 1812. Петербург

Петербург
1812 27-е апреля.[1]

Любезный, добрый друг мой! пишу к тебе только два слова для того, чтобы уведомить тебя, что на этой же почте от меня получишь посылку довольно странную, именно: *два портрета моей невесты.* Один в наряде, другой во вседневном ее платье.[2] Оба, особливо последний, очень похожи, и точно потому не нравятся моей невесте. Она требовала, чтобы я их бросил: я должен был обещать, но не знаю, отчего мне не хочется их истребить. Вот причины, по которым я решился их отослать к тебе. Сделай одолжение, милый друг, не показывай их никому и побереги у себя, пока время не сделает жены моей благоразумною. Тогда ты мне возвратишь их. Я не могу уже держать эти портреты у себя; завтра наша свадьба, и ты увидишь, или отгадаешь по портрету, какие удовольствия обещает мне завтрашняя ночь. Прости: когда ты получишь мое письмо, я буду уже на век прикован к своей старухе,[3] — итак, как ответ твой придет ко мне при ней, то не говори ничего искренно. Поздравь и скажи, *что получил посылку.* Прости, любезный, неоцененный друг; верь, что ни в каком случае, ни в каком состоянии чувства мои к тебе не могут перемениться. Обнимаю тебя: прости.

Б<лудов>.

---

[1] Свадьба Д. Н. Блудова и княжны А. А. Щербатовой состоялась 28 апр. 1812 г. в Петербурге. Из письма можно заключить, что в день свадьбы Блудова Жуковский был далеко от него (а именно — в Орловской губернии), хотя и был записан шафером.

[2] Портреты невесты Блудова, посланные Жуковскому, неизвестны. Сохранился только один портрет А. А. Блудовой, причем 1820 г., работы неизвестного художника.

[3] О шутливом наименовании своей невесты «старухой» см. вступ. статью, с. 58.

25

Ноябрь 1815 — март 1816. Петербург

Я приходил сказать тебе, что дал за тебя и себя слово обедать завтра у графа С. П. Румянцева; а сегодня не хочешь ли обедать у меня. Если хочешь, то приходи в п<ятом> часе, не позднее.

Твой Д. Блудов Кассандра

Записка датируется временем после создания «Арзамаса». Можно предположить, что она относится к ноябрю 1815 г. — марту 1816 г. (до отъезда Жуковского в Дерпт), когда всё, что было связано с «Арзамасом», в том числе прозвище «Кассандра», поставленное Блудовым в конце записки, было для него свежо и ново.

В записке речь идет о приглашении к *графу Сергею Петровичу Румянцеву* (1755—1838), дипломату, историку. В конце весны 1816 г. Румянцев посетил Жуковского в Дерпте. 4 июня 1816 г. Жуковский писал Тургеневу: «Через Дерпт проехал граф Сергей Петр<ович> Румянцев. Он был у меня, потом я просидел у него целый вечер с Моргенштерном и Парротом <профессора Дерптского университета>. Мы много говорили о нашем Николае М<ихайловиче>, которому он кланяется» (*Жуковский В. А.* Полн. собр. соч. и писем. Т. 15. С. 489). В январе 1818 г. Жуковский послал С. П. Румянцеву первый выпуск сборника «Для немногих» в письме к Тургеневу со словами: «...право, имею к нему особенное чувство привязанности и всегда люблю вспоминать о его ко мне дружеском расположении» (Там же. Т. 16. С. 8; см. также упоминание о нем в письме от 11 февр. 1823 г., подразумевающее встречи с ним в Петербурге: Там же. С. 179). В июне 1827 г. Жуковский посетил С. П. Румянцева в Париже (Там же. Т. 13. С. 268, 556). Сообщение в записке Блудова является самым ранним свидетельством знакомства с ним Жуковского.

На обороте письма запись Жуковского о трех французских изданиях: «Les Enfants par P. Guizot née Meulan / Le livret des Etrennes de Cadmus / Le Berquin anglais par Bertin». Имеются в виду, во-первых, вышедший в 1812 г. сборник сказок «Дети» французской писательницы и автора педагогических сочинений Полины Гизо (Guizot; 1773—1827), урожд. де Мелан (см. о ней: *Жуковский В. А.* Полн. собр. соч. и писем. Т. 10 (2). С. 608); во-вторых, «Книга подарков Кадмия» для обучения детей чтению (Кадм, или Кадмий (Cadmus) — персонаж греческой мифологии, которому приписывают изобретение греческого алфавита); в-третьих, «английский Беркен в изложении Бертена», т. е. вышедшее в 1803 г. четырехтомное издание «Le nouvel ami des enfants, ou le Berquin anglais par Thomas Day et autres écrivains distingués. Traduction de l'anglais de T.-P. Bertin» («Новый друг детей, или Английский Беркен, написанный Томасом Деем и другими знаменитыми писателями. Переведено с английского Т.-П. Бертеном»). *А. Беркен* (Berquin; 1749—1791) — французский писатель, драматург, педагог. Его книга «Друг детей» («L'ami des enfants», 1782—1783; рус. пер. 1799) — сборник детских рассказов — была удостоена премии Парижской Академии. Издание, названное Жуковским, — французский перевод сочинения английского писателя, аболициониста, педагога *Т. Дея* (Day; 1748—1789) и других авторов. В эпистолярно-творческих текстах и дневниковых записях Жуковского следов интереса к этим трем французским изданиям не обнаружено.

Там же запись Жуковского дневникового характера: «К Плещеевой / К Румянцеву / Послать за посылкой / К Елиз<авете> Марк<овне> / К Кубе <Ниже:> Посылка / К Тургеневу / Деньги С. Флорану / К Кубе / Оленину <?> о долге». В записи упоминаются *Н. Ф. Плещеева* (1768—1855), урожд. Веригина, впоследствии

близкая приятельница Жуковского (по-видимому, первое упоминание о ней в письмах поэта), *гр. С. П. Румянцев*, *Е. М. Оленина* (1768—1838), урожд. Полторацкая, жена упоминаемого ниже *А. Н. Оленина* (1763—1843), директора имп. Публичной библиотеки, *Л. И. Кубе* (1785—1855), впоследствии лифляндский генерал-губернатор (первое свидетельство о знакомстве с ним Жуковского, причем еще в Петербурге), *А. И. Тургенев*, петербургский книгопродавец *Ф. Сен-Флоран* (первое свидетельство о контактах с ним Жуковского). О какой посылке, а также о каком долге Жуковского Е. М. Олениной идет речь в записке, неизвестно.

26

1 мая 1817. Петербург

СПБ. 1-е мая 1817-го года.

Любезный, сердечный и добрый баловень Арзамаса, пишу к тебе немного строчек, потому что к сердечной радости узнал о твоем намерении быть к нам. Приезжай, друг, приезжай и не забудь, что ты дал мне слово не тесниться у Эоловой арфы, а жить на просторе у Кассандры.[1] Приезжай скорее и не сердись; во-первых, потому что на друзей никогда сердиться не должно; во-вторых, и потому что сердиться, по крайней мере, на них тебе не за что. Твое поручение в рассуждении Мещевского[2] давно с моей стороны исполнено: я как скоро получил твое письмо, то вздумал печатать его «Наталью», но мы были больны оба, т. е. Кавелин[3] и я, а в переписке не умели объясниться. Когда я выздоровел, то проехал к нему и на первое предложение получил ответ, что в его типографии печатать нельзя,[4] не только «Наталью», но и твои «12 спящих дев», зане-де сия типография занята Столетним Вестником и другими отличными произведениями в сем роде.[5] Что же мне оставалось делать? Печатать в другой типографии? Кроме того, что это станет гораздо дороже, нежели ты полагал, для этого нужно более тех денег, нежели сколько их было у меня одного. Итак, я решился пригласить на *помочь* других арзамасцев. Эти другие арзамасцы объявили, и все единогласно, что они рады давать деньги, но только бедным людям, а не богатым типографщикам; что если напечатать печатью, то Арзамас пожертвует несколькими сотнями рублей, а Мещевский едва ли получит несколько копеек; потому что его «Натальи» покупать не будут. Одним словом, что лучше просто собрать деньги и отправить их в Оренбург или к тебе. Я представляю арзамасцам, что ты желал сделать несчастному Мещевскому не только пособие деньгами, а сверх того еще одобрение в трудах литературных, и что для этого ты хотел, чтобы он получил не подарок, а плату за сочинение. Но арзамасцы стояли крепко в своем мнении и наконец поручили Арфе уведомить тебя и просить твоего согласия.[6] Не знаю, что сделала Арфа; только мы не очень давно получили твое соборное послание. Оно еще недель пять валялось в кармане Арфы. Наконец, третьего дня (только и не прежде) сообщено *Собранью*.[7] В нем нет ни-

какого согласия и никакого совета; но есть твоя обыкновенная бесценная галиматья. Все помирали со смеху, а смех расположил к жалости. Кассандра этим воспользовалась и сделала следующее предложение. Дадим денег Мещевскому, не оскорбляя его самолюбия, то есть уверим его, что «Наталья» куплена каким-то книгопродавцем, или кем хотите, будет напечатана когда-нибудь, сумму, нужную для напечатания, перешлем через Светлану к нему. Сказано, сделано: все согласились, к счастью Мещевского; я забыл привезти с собою твой расчет[8] и вместо 350 рублей, коих ты требовал, мы собрали *650* рублей, разумеется, полагая в то число твои 50 рублей, *Двух Рук* и *Асмодеевы,*[9] хотя признаюсь, с него грех брать 50 рублей. Нам сказывал Жихарев, что Асмодей послал уж к Мещевскому и не 50, а 500 рублей.[10] Впрочем, воля твоя и его: во всяком случае верных *600*, а собранных *350*, именно от *Арфы*, *Варвика*, *Пустынника*, *Чу!*, *Кассандры*, *Громобоя* и *Рейна*. Не заплатили еще *Резвый Кот*, *Старушка*, *Ивиков Журавль*, *Две огромных руки* и сам ты, бессменный Секретарь![11] Собранные деньги я хотел сегодня к тебе отправить, но вчера узнал, что ты к нам будешь. За тем останавливаю их здесь, а может быть, к твоему приезду соберу и последние со здешних членов. Надеюсь, что тебя привлекают сюда из Дерпта не неприятности. От Тургенева я не добился толку. Прости, друг любезный, прости до свидания. Сердись на меня или нет, а всё по-прежнему твой и навсегда

Б<лудов>.

---

[1] Ответа на письмо Блудова от 1 мая 1817 г. написано Жуковским не было, поскольку 2 мая он выехал из Дерпта в Петербург (см.: *Жуковский В. А.* Полн. собр. соч. и писем. Т. 15. С. 543). В мае-сентябре 1817 г. Жуковский жил, как и предлагал Блудов, «у Кассандры» в его доме на углу Невского проспекта и набережной Фонтанки (см.: *Шубин В. Ф.* Литературный Петербург пушкинской эпохи: адресный указатель // Дома у Пушкина. СПб.: АО «Арсис», 1994. С. 109. (Арс: российский журнал искусств. Темат. вып. № 1); *Жуковский В. А.* Полн. собр. соч. и писем. Т. 15. С. 952). До этого обыкновенным его пристанищем в Петербурге была квартира Тургенева (Эоловой арфы).

[2] Речь идет об *Александре Ивановиче Мещёвском* (ок. 1792 — ок. 1820), воспитаннике московского Университетского благородного пансиона, где высоко ценилось его поэтическое дарование. В 1812 г. Мещёвский поступил на военную службу юнкером, однако вскоре оставил свой полк, за что как дезертир был сослан в 1814 г. в Оренбургский гарнизонный полк без права выслуги, жил там в бедности, зарабатывая уроками, и умер от чахотки (см.: *Зыкова Г. В.* Мещёвский Александр Иванович // Русские писатели, 1800—1917. Т. 4. С. 37—38). Известно четырнадцать писем Жуковского за октябрь 1816 — апрель 1817 г. к А. П. Елагиной, А. И. Тургеневу Д. Н. Блудову и П. А. Вяземскому, в которых говорится о помощи Мещёвскому (*Жуковский В. А.* Полн. собр. соч. и писем. Т. 15. С. 501, 509, 516, 520—522, 525—526, 531—536, 538—539). Лейтмотивом его писем в Петербург было недовольство равнодушием и медлительностью друзей-«арзамасцев». Последние упоминания о Мещёвском обнаруживаются в письмах Жуковского к Вязем-

скому и Тургеневу в апреле 1818 г., в которых он благодарил их за денежную помощь ему (Там же. Т. 16. С. 14, 16—17).

[3] Блудов имеет в виду письмо Жуковского, датируемое предположительно серединой января 1817 г. В нем Жуковский сообщал о своем плане помощи Мещёвскому посредством издания его поэмы «Наталья боярская дочь»: «Я послал к Кавелину рукопись “Натальи”, поэмы Мещёвского <...> дело о помощи и нравственной, и материальной бедному несчастливцу, который имеет дарование и может быть со временем и поэтом, и человеком, если только несчастье не убьет его, а просто поучит. Чтобы оно не было убийцею, а учителем — это забота “Арзамаса”. “Наталья” посвящена Карамзину: хорошее знаменование для судьбы автора <посвящение в издании было снято>. <...> Я предписал, как законодатель, должность Пустыннику <“арзамасское” прозвище Д. А. Кавелина>. Вот что предписываю Кассандре: для напечатания “Натальи” нужны деньги, и вот сколько <далее следуют расчеты на издание, итог в рублях:> 467. Эти деньги надобно собрать с арзамасцев, с некоторых (Вяземский, я, два Тургеневы, Уваров, ты) не надобно делать сбор в полном “Арзамасе”, дабы никого не принуждать; а тем, кого ты выберешь кроме назначенных (ибо эти не должны отказаться), сказать келейно, взять с них деньги и передать Кавелину — его *вклад* будет состоять в *заботе о напечатании*. За Вяземского и за меня заплати ты: я бы послал сию же минуту, но у меня нет гроша (думаю, что и Северин не откажет, и Дашков — но об этом переговори с ними сам). На первый случай довольно 360, итак, по 60 рублей, а если пристанут Дашков и Северин, по 50 с брата. Твое дело собрать деньги, передать их Кавелину...» (*Жуковский В. А.* Полн. собр. соч. и писем. Т. 15. С. 521).

[4] Речь идет о Медицинской типографии, которая находилась под началом Кавелина (Пустынника).

[5] Отказ Кавелина в печатании поэмы Мещёвского был связан не с какими-то сложностями в работе Медицинской типографии, которая печатала разнообразнейшие по тематике издания. Жуковский выпустил в ней и свое первое издание стихотворений 1815—1816 гг., и «Собрание образцовых русских сочинений и переводов в стихах» (ч. 1—6) 1815—1817 гг. Уверение Кавелина в невозможности печатания в Медицинской типографии даже «Двенадцати спящих дев» также не соответствовало действительности, поскольку именно в ней появилось в 1817 г. первое издание этой баллады Жуковского. Ссылка Пустынника на то, что «типография занята Столетним Вестником», подразумевает, по-видимому, журнал «Чтение в Беседе любителей русского слова», последний выпуск которого вышел в 1816 г. Кавелин мог исходить из понимания заведомой неудачи издания поэмы Мещёвского, и его мнение отражено в письме Блудова как уверенность «арзамасцев» в том, что ее «покупать не будут». Повесть в стихах «Наталья боярская дочь» (подпись: А. М.) вышла в Морской типографии в 1817 г.; ценз. разр. 24 авг. 1817 г. По-видимому, работа по изданию «Натальи» была энергично продвинута вперед после приезда в Петербург Жуковского в мае 1817 г.

[6] После писем Жуковского, где он писал Тургеневу о своем плане издания поэмы Мещёвского в середине января 1817 г. («Мещёвский должен быть приемышем “Арзамаса”. Я писал к Кавелину и к Блудову о том, что я располагаю сделать с его поэмою <...> Переговори с ними об этом деле <...> Будь деятелен: дело идет о сотворении поэта и спасении человека» — *Жуковский В. А.* Полн. собр. соч. и писем. Т. 15. С. 522) и затем около 18 февр. 1817 г. (с возмущением о его молчании — там же. С. 532—533), Тургенев, наконец, послал ему письмо (в печати неизвестно). Жуковский с неодобрением отнесся к предложению Тургенева (в письме от 1 мая 1817 г. об этом предложении напомнил ему и Блудов). Жуковский писал 24 февр. 1817 г. Тургеневу, нехотя соглашаясь с ним: «Вы собираетесь сделать сбор для на-

печатания Мещёвского поэмы <...> Послать эти деньги Мещёвскому и поэму продать — это скорее и менее хлопот. Правда! Но зато менее и денег. Я бы думал: напечатать 600 экземпляров на счет “Арзамаса”, 300 распродать самим по 5 рублей экземпляр, остальные 300 продать рубля по два гуртом в лавку: вышло бы 2000 рублей с лишним. Впрочем, сделайте, как сами рассудите, только сделайте, и поскорее» (Там же. С. 534).

[7] «Соборным посланием» Жуковского Блудов называет его «В общее собрание Нового Арзамаса от действительного секретаря его превосходительства всепокорнейшее завывание», написанное, по-видимому, на предпоследней неделе Великого Поста (т. е. в середине марта 1817 г.), с напоминанием о близящейся Пасхе (ср.: *Жуковский В. А.* Полн. собр. соч. и писем. Т. 11 (1). С. 643). Во «всепокорнейшем завывании» Жуковский писал о медлительности «арзамасцев» в решении вопроса об издании поэмы Мещёвского. Письмо Блудова содержит доныне неизвестное сообщение о собрании «Арзамаса» 29 апреля (воскресенье) 1817 г., когда в нем было прочитано и обсуждено «всепокорнейшее завывание» Жуковского (ср. с датой письма Блудова, где говорилось: «третьего дня (только и не прежде)»).

[8] О письме Жуковского с расчетами по типографии см. примеч. 3.

[9] Две огромные руки — А. Ф. Воейков, Асмодей — П. А. Вяземский.

[10] Уже в марте Жуковский знал о помощи, оказанной Мещёвскому Вяземским, о чем писал ему: «Обнимаю тебя за Мещёвского! Ты — истинный арзамасец! Другие наши братья — петербургские бздуны. Я писал к ним не один раз, а десять раз, во всяком письме пишу одно и то же — никто ничего не делает!» (*Жуковский В. А.* Полн. собр. соч. и писем. Т. 15. С. 539). В письме Блудова к Жуковскому называется та денежная сумма (500 руб.), которую Вяземский послал Мещёвскому в Оренбург. Он помогал ему и в дальнейшем, о чем свидетельствует письмо Жуковского к Вяземскому от 17 апр. 1818 г. (Там же. Т. 16. С. 16).

[11] Под арзамасскими прозвищами названы *Александр и Николай Тургеневы* (Эолова арфа и Варвик), *Д. А. Кавелин* (Пустынник), Д. В. Дашков (Чу!), *Д. Н. Блудов* (Кассандра), *С. П. Жихарев* (Громобой), *М. Ф. Орлов* (Рейн), *Д. П. Северин* (Резвый кот), *С. С. Уваров* (Старушка), *Ф. Ф. Вигель* (Ивиков журавль), *А. Ф. Воейков* (Две огромные руки), *В. А. Жуковский* (Светлана, он же Бессменный секретарь Арзамаса).

27

10 октября 1817. Петербург

<Адрес:> В. А. Жуковскому.

Из Петербурга 10 октября 1817.

Посылаю к тебе, друг милый, оставленные тобою здесь деньги. Надеюсь, что их получишь еще не слишком поздно, хотя отправленными позднее условленного между нами.[1] Право, в прошедший понедельник мне было не до того, чтобы думать об отправлении этих денег. Твоя кума Антуанета[2] нас очень напугала; у нее сделалась болезнь, которую сегодня доктор называет по-немецки: Friesel,* то есть летучею или фальшивою корью, но первые два дни почитал за насто-

* просовидная сыпь, потница (*нем.*).

ящую корь, или даже за скарлатину. Мне тебя нечего уверять, что я очень беспокоился: беспокоюсь и теперь, ибо не смею еще поверить новому имени этой болезни, весьма похожей на корь; однако ж вижу, что жар уменьшился и что, следственно, можно полагать и уменьшение самой болезни.

Прости, любезная Светлана! желаю, чтобы твои деньги и мое письмо застали тебя здоровым, счастливым и чтобы все худые вести были так же ложны, как вести о мнимой опасной болезни Принцессы. Прости: здесь нет нового. С. О. глуп и постарел.[3] Пиши. Соарзамасцы все здоровы.

P. S. Тебе кланяется, между прочим, граф Румянцев, который недавно приехал: оба его открытия же ты, вероятно, узнаешь в Москве.[4] Не позабудь за меня от сердца поклониться всем московским арзамасцам, природным и избранным,[5] также и посреднику нашему Булгакову.[6] Получил ли Северин мою записку и знает ли, что я хотел заочно, но усердно поздравить его.[7]

Б<лудов>.

---

[1] Речь идет о деньгах, которые Жуковский оставил у Блудова в Петербурге, когда 4 окт. 1817 г. отправился в Москву. В письме, написанном около 9 окт. 1817 г. (еще до получения письма Блудова от 10 окт. 1817 г.), он упрекал его за свою глупую «осторожность» в ответ на уговоры Блудова оставить деньги из опасения нападения на него «разбойников»: «...а ты когда пришлешь их ко мне, Бог ведает» (*Жуковский В. А.* Полн. собр. соч. и писем. Т. 15. С. 548).

[2] Антуанетой звали в семье старшую дочь *Блудову Антонину Дмитриевну* (1813—1891).

[3] О ком идет речь, установить не удалось.

[4] Имеется в виду *граф Николай Петрович Румянцев* (1754—1826), неутомимый коллекционер русских древностей. Год 1817-й был переломным в деятельности румянцевского кружка, когда на средства мецената стали проводиться обследования всего документального архивно-библиотечного комплекса того или иного региона в ходе специальных археографических экспедиций. В 1817 г. началась Подмосковная археографическая экспедиция К. Ф. Калайдовича и П. М. Строева, принесшая сенсационные открытия, в числе которых был Сборник князя Святослава Ярославича 1073 г., являющийся вторым по древности памятником славянорусской письменности и книжности (см.: *Козлов В. П.* Колумбы российских древностей. М.: Наука, 1981. С. 69—73). Какие-то из этих находок имел в виду Блудов, когда писал Жуковскому о двух открытиях Румянцева. Жуковский был представлен ему в мае 1815 г. В письме к А. П. Елагиной от 11 июня 1815 г., сообщавшем новости о круге его петербургских знакомств, говорилось: «Два раза обедал я у канцлера, который очень хотел меня узнать и очень обласкал» (*Жуковский В. А.* Полн. собр. соч. и писем. Т. 15. С. 367). В письме к Вяземскому от 27 янв. 1817 г. поэт писал о Румянцеве: он «показывает мне особенную и весьма драгоценную ласку» (Там же. С. 525).

[5] Избранными «московскими арзамасцами» были кн. П. А. Вяземский (Асмодей), В. Л. Пушкин (Вот я вас), Д. В. Давыдов (Армянин). Природные «московские арзамасцы» — Н. М. Карамзин и И. И. Дмитриев. В Москве Блудов и Жуков-

ский встретили еще и П. И. Полетику (1778—1849), «арзамасца» по прозвищу Очарованный челнок.

[6] *Булгаков Александр Яковлевич* (1781—1863). См. п. 7, примеч. 13.

[7] *Северин Дмитрий Петрович* (1792—1865) — дипломат, член общества «Арзамас». См. п. 28, примеч. 3.

28

29 ноября 1817. Петербург

С.П.Б. Ноября 29-е 1817.

Милый, неоцененный друг мой, я получил твое письмо[1] и спешу отвечать несколькими словами. Сказать, что Антуанета моя, хотя еще не совсем здорова, но, слава Богу, кажется, вышла из опасности. Сказала, что поблагодарит тебя от всей души и от самой глубины души за твое участие. Оно послужило бы, смею думать, утешением для меня в несчастии; а теперь прибавляет новую сладость к чувству милости Небесной. Никогда, друг любезный, никогда твои прекрасные стихи не действовали на меня столь сильно, как полученная мною вчера несказанно красноречивая проза: в ней видна самая лучшая связь, та, которая существует между нашими сердцами и которая будет вечно существовать: кажется, в этом можно ручаться за будущее. Прости, друг и брат! Надеюсь обнять тебя в Москве, но это удовольствие куплено будет дорогою ценою.[2] И ты еще говоришь о моем счастии или выгодах! Нет, милый друг, расстаться на несколько месяцев со всем тем, что драгоценно, и потом — несколько лет не видать многих любезных людей и предметов; нет, этого нельзя назвать счастием. А выгоды? Будут ли в раю, и не хочу знать. Я бы стал краснеть, если б выгоде пожертвовал хотя одною радостию сердца, хотя одною милою привычкою; нам можно и должно жертвовать, но только тому, что мы почитаем обязанностию. Мой отъезд в Лондон есть обязанность и требует жертв; потому я на всё согласился. Может быть, я ошибаюсь, но так думал, когда отвечал Северину; кажется, и теперь еще так же думаю. Впрочем, всякая жертва тому, что мы хотя по ошибке почитаем за долг, не есть ли уже изрядное дело? И тот вернее приносит плод. Например, я теперь же за свою награжден весьма приятным чувством, ибо она мне добавила случай хорошенько узнать добрую ревностную дружбу нашего Резкого Кота.[3] Что касается до будущего, скажу еще раз с тобою:

Тут будет то, что должно быть,[4]

и с тобою же:

Всё в жизни к прекрасному средство.[5]

Дай Бог скорее и благополучнее дойти к сему прекрасному, то есть к *тихому* гробу; но дотоле, однако ж, дай Бог! пожить с тобою и с дру-

гими друзьями, *близкими к тебе.* Одному из них, Батюшкову, я показывал твои стихи: думаю, что они были некоторым утешением в его печали. Бедный болен, расстроен и потерял отца. Говорит, что этот родитель был похож на отца Жихарева, но, к несчастию, Батюшков не имеет Громобоевой философии.[6]

Еще раз прости, мой друг не только любезный, но и полезный, истинно полезный для ума и души; я в эту минуту чувствую себя лучшим и всякий раз в беседе с тобою, писать к тебе, даже об тебе думать, производит на меня такое действие. Прости, обними всех наших. Ивану Ивановичу мое почтение.[7]

Б<лудов>.

---

[1] Письмо Жуковского, на которое отвечает Блудов, неизвестно.

[2] Выздоровление четырехлетней дочери позволило Блудову с семьей вскоре приехать в Москву, где он оказался около 10 (не ранее) декабря 1817 г. и жил до апреля 1818 г. Здесь он близко общался с Жуковским (см.: *Ковалевский Е. П.* Граф Блудов и его время. С. 117—118). Переезд был связан с подготовкой Блудова к новой должности: он был определен советником, а затем поверенным русского посольства в Лондоне, где служил в 1818—1820 гг.

[3] Речь идет о Северине, который, как свидетельствует письмо Блудова, способствовал получению им новой должности.

[4] Блудов цитирует с изменением (или же приводя вариант другой, неизвестной редакции) послание Жуковского «Стихи, сочиненные в день моего рождения. К моей лире и к друзьям моим» (1803) — ср.: «Пусть будет то, что должно быть!» (*Жуковский В. А.* Полн. собр. соч. и писем. Т. 1. С. 58).

[5] Цитата из стихотворения Жуковского «Теон и Эсхин» (1814) — ср.: «Все в жизни к великому средство»; вариант, приведенный Блудовым (с заменой «к прекрасному»), использовался и Жуковским, и его дружеским окружением как своего рода жизненный девиз (Там же. С. 384, 729). Ни у кого из них, однако, не встречается толкование «прекрасного», подобное данному в письме Блудова, как «тихого гроба», к которому движется человеческая жизнь. Это подтверждает воспоминания Вигеля, восхищавшегося смелостью и независимостью Блудова: в то время, когда «неверие почиталось непременным условием просвещения», а целомудрие — «верным признаком слабоумия», он не скрывал ни своих убеждений, ни своих чувств (*Вигель Ф. Ф.* Записки. С. 129—131; см. также: *Ружицкая И. В.* «Просвещенная бюрократия» (1800—1860-е гг.). М.: Ин-т российской истории, 2009. С. 112).

[6] Речь идет о переживаниях К. Н. Батюшкова в связи со смертью его отца Николая Львовича (1755—1817). Блудов сравнивает Батюшкова с С. П. Жихаревым, который, по-видимому, немногим ранее или в том же году также потерял отца: *Петр Степанович Жихарев* (род. 1755), секунд-майор в отставке, помещик Рязанской и Тамбовской губ.; год его смерти неизвестен, но на основании свидетельства в письме Блудова можно считать, что это было не позднее 1817 г. «Громобоевой философией» Блудов называет жизнелюбие С. П. Жихарева, которым Батюшков, действительно, не обладал.

[7] И. И. Дмитриев.

Библиографический список

1. «Арзамас»: в 2 кн. М.: Художественная литература, 1994.
2. Арзамас и арзамасские протоколы / ввод. ст., ред. и примеч. М. С. Боровковой-Майковой. Л.: Изд-во писателей в Ленинграде, 1933.
3. Архив братьев Тургеневых. СПб.: Отд-ние русского языка и словесности Имп. Акад. наук, 1911. Вып. 1: Дневники и письма Н. И. Тургенева за 1806—1811 годы / под ред. и с примеч. Е. И. Тарасова.
4. Архив братьев Тургеневых. СПб.: Отд-ние русского языка и словесности Имп. Акад. наук, 1911. Вып. 2: Письма и дневник А. И. Тургенева геттингенского периода (1802—1804 гг.) и письма его к А. С. Кайсарову и братьям в Геттинген 1805—1811 гг. / с введ. и с примеч. В. М. Истрина.
5. *Березкина С. В.* Перевод либретто оратории Й. Гайдна «Времена года» — неизвестное произведение В. А. Жуковского // Имагология и компаративистика. 2022. № 18.
6. *Березкина С. В.* Театральные замыслы молодого Дмитрия Блудова (по неопубликованным письмам к В. А. Жуковскому 1802—1804 гг.) // Вестник Томского гос. ун-та. 2022. № 479.
7. *Березкина С. В., Дмитриева Н. Л.* О смерти Андрея Тургенева по неопубликованным письмам Д. Н. Блудова к В. А. Жуковскому 1803 года // Русская литература. 2023. № 3.
8. Библиотека В. А. Жуковского: (описание) / сост. В. В. Лобанов. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1981.
9. *Богданович Е. В.* Дружеское послание 1810-х годов: образцы и источники // Вестник Пермского ун-та. 2011. Сер.: Рос. и заруб. филология. Вып. 2 (14).
10. *Вацуро В. Э.* Лирика пушкинской поры: «Элегическая школа». СПб.: Наука, 1994.
11. *Вацуро В. Э., Виролайнен М. Н.* Письма Андрея Тургенева к Жуковскому // Жуковский и русская культура. Л.: Наука, 1987.
12. *Вигель Ф. Ф.* Записки. М.: Захаров, 2000.
13. *Вольман Б. Л.* Наследие Гайдна в России // Советская музыка. 1959. № 6.
14. Времена года: оратория И. Гайдена. Митава, 1893.
15. *Всеволодский-Гернгросс В. Н.* И. А. Дмитревский: очерк истории русского театра. Берлин: [Петрополис], 1923.
16. Декабрист Н. И. Тургенев: письма к брату С. И. Тургеневу. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1936.
17. *Долгих Е. В.* К проблеме менталитета российской административной элиты первой половины XIX в.: М. А. Корф. Д. Н. Блудов. М.: Индрик, 2006.
18. *Долгова С. Р.* Малиновский Алексей Федорович // Словарь русских писателей XVIII века. СПб.: Наука, 1999. Вып. 2.
19. *Жуковский В. А.* Полн. собр. соч. и писем: в 20 т. М.: Языки славянской культуры, 1999—2018. Т. 1, 10 (2), 11 (1), 12, 13, 15.
20. *Заборов П. Р.* От классицизма к романтизму // Шекспир и русская культура. М.; Л.: Наука, 1965.
21. *Зорин А. Л.* Появление героя: из истории русской эмоциональной культуры конца XVIII — начала XIX века. М.: Новое литературное обозрение, 2016.

22. *Истрин В. М.* Из архива братьев Тургеневых: смерть Андрея Ивановича Тургенева // Журнал Министерства народного просвещения. 1910. № 3. Отд. II.
23. *Ковалевский Е. П.* Граф Блудов и его время: (царствование императора Александра I). СПб.: в тип. Второго отделения собственной е. и. в. канцелярии, 1866.
24. *Козлов В. П.* Колумбы российских древностей. М.: Наука, 1981.
25. *Кочеткова Н. Д.* Перевод книги Ж.-Ф. Лагарпа «Ликей, или Круг словесности древней и новой», осуществленный Российской академией // Чтения Отдела русской литературы XVIII века. СПб., 2009. Вып. 5.
26. *Кочеткова Н. Д.* Трагедия и сентиментальная драма начала XIX в. // История русской драматургии, XVII — первая половина XIX века. Л.: Наука, 1982.
27. *Левин Ю. Д.* Шекспир и русская культура. Л.: Наука, 1988.
28. Литературное общество «Арзамас»: история и современность. Арзамас: б. и.; Нижний Новгород: Растр, 2015.
29. *Майофис М. Л.* Воззвание к Европе: литературное общество «Арзамас» и российский модернизационный проект 1815—1818 годов. М.: Новое литературное обозрение, 2008.
30. *Майофис М. Л.* Консервативное крыло общества «Арзамас»: литературная и общественно-политическая позиция С. С. Уварова, Д. Н. Блудова, Д. В. Дашкова: дис. ... канд. филол. наук / РГГУ. М., 2002.
31. Московские ведомости. 1805. 1 марта. № 17.
32. Музыкальная библиография русской периодической печати XIX века / сост. Т. Н. Ливанова. М.: Музгиз, 1960. Вып. 1: 1801—1825.
33. Музыкальная энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1974. Т. 2.
34. *Панов С. И.* Из литературной почты «Арзамаса» // Литературный факт. 2016. № 1/2.
35. *Песков А. М.* Блудов Дмитрий Николаевич // Русские писатели, 1800—1917: биогр. словарь. М.: Советская энциклопедия, 1989. Т. 1.
36. *Песков А. М.* Буало в русской литературе XVIII — первой трети XIX в. М.: Изд-во МГУ, 1989.
37. Петрарка в русской литературе. М.: Рудомино, 2006. Кн. 1.
38. Приятное и полезное препровождение времени. М.: Унив. тип., у Ридигера и Клаудия, 1795. Ч. 8.
39. *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч. и писем. СПб.: Наука, 2004. Т. 2, кн. 1.
40. *Резанов В. И.* Из разысканий о сочинениях В. А. Жуковского. СПб.: Сенатская тип., 1906. Вып. 1.
41. *Рогов К. Ю.* Идея «комедии нравов» в начале XIX века в России: дис. ... канд. филол. наук / МГУ. М., 1992.
42. *Ружицкая И. В.* Государственный совет при Николае I: особенности функционирования / ИРИ РАН. М.: Ин-т русской истории РАН; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2018.
43. *Ружицкая И. В.* Законодательная деятельность в царствование императора Николая I / ИРИ РАН. М.: Ин-т русской истории РАН; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2015.
44. *Ружицкая И. В.* Просвещенная бюрократия (1800—1860-е гг.) / ИРИ РАН. М.: Ин-т русской истории, 2009.

45. Русские писатели, 1800—1917: биогр. словарь. М.: Советская энциклопедия (Большая российская энциклопедия), 1989—2007. Т. 1, 2, 5.
46. Из писем к В. А. Жуковскому. Письма графа Д. Н. Блудова // Русский архив. 1902. Кн. 2, вып. 6.
47. *Семенова М. Б.* Французская императорская драматическая труппа // Три века Санкт-Петербурга: энциклопедия: в 3 т. СПб.: Филол. факультет С.-Петерб. гос. ун-та, 2009. Т. 3, кн. 7.
48. *Сиверс А. А.* Родословие Озеровых. СПб.: тип. Мор. м-ва, 1911.
49. Словарь русских писателей XVIII века. СПб.: Наука, 1998—1999. Вып. 1—2.
50. *Сопиков В. С.* Опыт российской библиографии. СПб.: тип. Имп. театра, 1816. Ч. 4.
51. *Трофимов И. Т.* Поиски и находки в Московских архивах. М.: Моск. рабочий, 1982.
52. *Тургенев А. И.* Хроника русского. Дневники (1825—1826 гг.) / изд. подгот. М. И. Гиллельсон. М., Л.: Наука, 1964.
53. *Тургенев А. И.* Элегия // Вестник Европы. 1802. № 13.
54. *Тургенев И. С.* Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. Соч.: в 12 т. М.: Наука, 1983. Т. 11.
55. *Финдейзен Н. Р.* Музыка Гайдна в России (историческая справка) // Русская музыкальная газета. 1909. № 20/21.
56. *Финдейзен Н. Ф.* Боальдьё и придворная французская опера в С.-Петербурге в начале XIX в. // Ежегодник Императорских театров. 1910. Вып. 5.
57. Четыре времени года: музыка сочинения г. Гайдена = Die Jahreszeiten von Joseph Gaydn. М.: тип. Н. Степанова при Императорском театре, 1830.
58. Четыре времени года: музыка сочинения Гайдена. М.: в Унив. тип., у Люби, Гария и Попова, 1802.
59. Четыре времени года: оратория, положенная на музыку Гайденом. [2-е изд.]. СПб.: тип. К. Крайя, 1836.
60. *Шилов Д. Н.* Государственные деятели Российской империи: главы высших и центральных учреждений, 1802—1917: биобиблиогр. справочник. 2-е изд. СПб.: Дмитрий Буланин, 2002.
61. *Штейнпресс Б. С.* Музыка Гайдна в России при жизни композитора // Музыкальное исполнительство. М.: Музыка, 1970.
62. *Шубин В. Ф.* Литературный Петербург пушкинской эпохи: адресный указатель // Дома у Пушкина. СПб.: АО «Арсис», 1994. (Арс: российский журнал искусств. Темат. вып. № 1).

DOI: 10.31860/978-5-918680-384-118-142

«С БОЛЬШИМ УДОВОЛЬСТВИЕМ СОГЛАСЕН СОДЕЙСТВОВАТЬ...» Ф. А. ВИТБЕРГ — ИНИЦИАТОР, ОРГАНИЗАТОР, ЭКСПОНЕНТ ВЫСТАВОК

(Вступительная статья, подготовка текста и комментарии А. Г. Носовой)

Аннотация: Одной из сторон научно-просветительской деятельности Ф. А. Витберга являлось его участие в создании выставок. В статье на основании имеющихся в его архиве документов показано, каков был его личный вклад в эту работу, как она велась, его отношение к исполняемому делу. Впервые публикуется ряд документов, освещающих данный вид деятельности Ф. А. Витберга.

Ключевые слова: Ф. А. Витберг, выставки, инициатор, организатор, экспонент, личный вклад, собрание Ф. А. Витберга.

Abstract: One of the aspects of F. A. Vitberg's scientific and educational activity was his participation in the creation of exhibitions. The article, on the basis of the documents available in his archive, shows what was his personal contribution to this work, how it was carried out, his attitude to the work being performed. For the first time, a number of documents covering this type of activity of F. A. Vitberg are published.

Keywords: F. A. Vitberg, exhibitions, initiator, organizer, exhibitor, personal contribution, F. A. Vitberg's collection.

В 2021 г. исполнилось 175 лет со дня рождения Федора Александровича Витберга (1846—1919), педагога, литератора, библиографа, собирателя документов по истории России XVII—XIX вв., сына архитектора А. Л. Витберга, автора неосуществленного проекта храма Христа Спасителя на Воробьевых горах в Москве.[1]

[1] См. о нем: Рус. педагог-литератор Ф. А. Витберг (1869—1909 гг.) // Светлый луч. 1909. № 9 (отд. отт.: СПб., 1909); К 40-летнему юбилею педагогической и литературной деятельности Федора Александровича Витберга, 1 сент. 1869—1909: краткая биография и список литературно-педагогических статей и заметок. СПб.: изд. Н. Г. Мартынова, 1909; Ф. А. Витберг: некролог, составл. Б. Л. Модзалевским: приложение к протоколу III заседания Общего собр. Рос. Академии наук. 8 марта 1919 г. // Изв. Академии наук. 6 сер. 1919. № 12—15; Переписка Б. Л. Модзалевского с Ф. А. Витбергом / публ. А. Г. Носовой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1996 год: Борис Львович Модзалевский: материалы к науч. биографии. СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. С. 168—219; *Носова А. Г.* Витберг Федор

© Носова А. Г., 2023

В данной работе мы коснемся отдельных сторон его научно-просветительской деятельности: его участия в различных выставках как инициатора, организатора и, главное, как экспонента.

В собрание Ф. А. Витберга входили: «рукописи разнородного содержания и разных эпох», портреты писателей, художников, композиторов, ученых, исторических деятелей (в основном гравюры); иллюстрации к литературным произведениям; библиотека с изданиями произведений А. С. Пушкина и других писателей; книги, брошюры, газеты и журналы, вырезки со статьями историко-литературного содержания и портретами писателей и др. Все это богатство он щедро использовал и при создании выставок.

Из документов, хранящихся в фонде Ф. А. Витберга, известно о тринадцати выставках,[2] в которых он участвовал (сам он перечислил в списке только семь),[3] и одном музейном проекте, который он разрабатывал. О самых известных выставках, устроенных Императорской Академией наук, в которых участвовал Витберг, подробно говорить не будем, они достаточно освещены в литературе. Это «Выставка в память И. С. Тургенева», «Выставка в память А. В. Кольцова», «Ломоносов и Елизаветинское время». Но на основании имеющихся документов архива, касающихся личного участия, личного вклада Витберга в организацию и подготовку выставок, можно показать, как велась работа, добавить новые сведения к известным фактам; узнать топографию выставки, ее состав, особенно когда выставка была менее известная или по ее окончании не был издан каталог.

Период с 1908 по 1912 г. самый насыщенный в работе Ф. А. Витберга над выставками, которая, помимо основной педагогической, литературной деятельности, сотрудничества в РБС, в различных комиссиях и др., требовала очень много времени и сил. Он никогда не отказывался от предложений участвовать в создании выставок, будь то грандиозные проекты или более скромные, отмечая, «что с большим удовольствием согласен содействовать», и относился к этому с величайшей ответственностью и вниманием.

Некоторые документы, касающиеся выставочной деятельности, помощи экспонатами вновь образованным музеям, дают представление о личных качествах Ф. А. Витберга, о его исключительно ответственном отношении к исполняемому делу.

Александрович. Фонд 52 // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2009—2010 годы. СПб.: Дмитрий Буланин, 2011. С. 1095—1100; см. также об упоминаемых выставках: *Кочнева Е. В.* Археограф и искусствовед: к истории взаимоотношений Б. Л. Модзалевского и Н. Н. Врангеля // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2015 год. СПб.: Дмитрий Буланин, 2016. С. 21—46 (далее: *Кочнева Е. В.*); *Носова А. Г.*, *Епифанова Л. М.* // Литературные музеи России: энциклопедия. М.: ГМИРЛИ им. В. И. Даля, 2022. Т. 1: А—Л. С. 193—195.

[2] См.: РО ИРЛИ, ф. 52, оп. 2, ед. хр. 2; ед. хр. 87—90.

[3] Там же, ед. хр. 2, л. 38: Выставки. Тургеневская, Кольцовская, Елизаветинская, Царскосельская, Морская, Гоголя, Аксакова.

Если в собрании Ф. А. Витберга имелись дубликаты материалов по определенной теме, он всегда был готов поделиться, передать их в дар для создания нового музея или в экспозицию уже существующего. Когда же на просьбу о передаче в музей каких-либо материалов он вынужден был по объективным причинам ответить отказом, то, видно, чувствовал себя неловко, пытался все-таки что-то придумать, чем-то помочь. Об этом говорят зачеркнутые строчки в ответе на письмо Музея Старого Петербурга: «Что касается до помещенного в конце письма приглашения содействовать задачам Музея, то я, вполне сочувствуя этим задачам...»

Будучи сам очень внимательным и безукоризненным в деловых отношениях с людьми, с которыми сотрудничал, был вправе и от них ожидать того же. Иногда проявление небрежности, халатности вызывало искреннее недоумение, даже чувство оскорбления, а деликатность не позволяла напрямую сделать замечание.

Вот такой случай. Ф. А. Витберг написал письмо в канцелярию Союза драматических и музыкальных писателей:

> «На днях в газетах напечатано б<ыло> сообщение о том, что при Союзе драм<атических> и муз<ыкальных> писателей учреждается театральный музей. Сообщение это сопровождалось просьбой содействовать пополнением этого музея.
>
> Вполне сочувствуя учреждению музея по разным специальностям, в том числе и по театральному делу, я позволяю себе предложить для вновь открываемого музея небольшую пачку дубликатов из моего собрания по истории театра в России. Если что-либо из предложенного мною окажется ненужным, покорнейше прошу возвратить мне.
>
> Ф. В.
>
> 1 марта 1907. Сув<оровский> пр-т, 4 ул., д. 9/18, кв. 15».[4]

19 марта 1907 г. он получил ответное письмо из канцелярии правления Союза драматических писателей:

> «Милостивый Государь
>
> Федор Александрович,
>
> Приношу Вам глубокую благодарность за присланное для музея при Союзе драматических и музыкальных писателей.
>
> Портреты и вырезки из газет, несомненно, могут составить впоследствии обширный и довольно ценный материал для истории театра. Примите уверение в совершенном почтении и преданности.
>
> Ваш покорный слуга».[5]

Письмо было не подписано. На обороте этого письма Витберг пишет:

---

[4] РО ИРЛИ, ф. 52, ед. хр. 90, л. 32—32 об.

[5] Там же, л. 33.

«Благодарность эта есть образец российской невоспитанности: благодарящий не потрудился даже подписать — кто он, т. е. председатель, секретарь, а, может быть, просто лакей. Нет и фамилии. Понятно, что таким господам я больше никогда ничего не дам. Пусть сначала научатся вести себя».[6]

Итак, судя по сохранившимся в архиве Ф. А. Витберга документам, он участвовал в организации тринадцати выставок. Возможно, это не все сведения, дошедшие до нас, о его участии. Но и они позволяют отметить его огромный вклад в очень значимые культурные события тех лет, показать его роль не только как инициатора, организатора, но и в каждой из этих выставок как экспонента.

Следует высоко оценить вклад Ф. А. Витберга в формирование фондов вновь учреждаемых музеев Петербурга: Музея А. В. Суворова (1904), Пушкинского Дома (1905), Театрального музея при Союзе драматических и музыкальных писателей (1907), Музея изобретений и усовершенствований (1910), Музея Л. Н. Толстого (1911) и др. Они пополнялись его дарами.

Публикуемые материалы воспроизводятся по документам, хранящимся в архиве Ф. А. Витберга (ф. 52). Орфография и пунктуация приведены в соответствие с современными нормами. В официальных документах частично сохранено устаревшее написание слов с заглавной буквы.

Описания выставок даны в хронологическом порядке. Указанное количество экспонатов из собрания Ф. А. Витберга в описании выставок было выявлено и подсчитано по разделам изданных каталогов.

1
«В память Н. В. Гоголя и В. А. Жуковского»[7]

В списке, где Ф. А. Витберг перечислил выставки, в которых он участвовал, названа выставка Гоголя, но без указания года, когда она проходила. Сначала было предположение, что это «Выставка по поводу столетнего юбилея Н. В. Гоголя», которая проходила в Московском публичном и Румянцевском музее в 1909 г.[8] Но в Указателе выставки не отмечено, кем были предоставлены материалы. Других сведений об участии Витберга в этой выставке у нас нет.

---

[6] Там же, л. 34 об.

[7] См.: Каталог выставки в память Н. В. Гоголя и В. А. Жуковского, 1852—1902. М.: товарищество тип. А. И. Мамонтова, 1902; Альбом Выставки в память Н. В. Гоголя и В. А. Жуковского, устроенной Обществом любителей российской словесности в залах Исторического музея 21-го февраля 1902 — апреля 12-го, 1852—1902. М.: типолит. Н. И. Гросман и Г. А. Вендельштейн, 1902.

[8] См.: Указатель выставки по поводу 100-летнего юбилея Н. В. Гоголя, 1809—1909. М.: тип. «Общественная польза», 1909.

15 нояб. 1901 г. на 23-м Общем Собрании Русского Библиологического Общества, посвященного в том числе и вопросу о чествовании памяти Н. В. Гоголя и В. А. Жуковского, по случаю исполняющегося в 1902 г. пятидесятилетия со времени их смерти, Ф. А. Витберг выступил с предложением устроить выставку Гоголя и Жуковского и предоставить для нее имеющийся у него значительный материал.[9]

Выставка была устроена Обществом любителей российской словесности в Москве, в залах Императорского Русского исторического музея (РИМ) имени императора Александра III. Была открыта с 21 февр. по 12 апр. 1902 г., Ф. А. Витберг, судя по каталогу, предоставил предметы для экспонирования, но, видимо, из-за «значительного материала» в каталоге не стали указывать, что они из собрания Витберга.

2
«Выставка в память И. С. Тургенева»[10]

В октябре 1908 г. Ф. А. Витберг представил в Отделение русского языка и словесности записку, в которой предложил организовать в память исполнившегося 22 авг. 1908 г. двадцатипятилетия со дня кончины И. С. Тургенева выставку, посвященную памяти писателя. Отделение передало его заявление в Разряд изящной словесности, который избрал Комитет по устройству выставки,[11] в его состав вошел и Витберг.

Задачу этой выставки он определил так:

> «Выставка в память или в честь какого-либо лица есть не что иное, как иллюстрация к его жизни и деятельности и, вместе с тем, наглядный комментарий к ним. Каждый выставленный предмет должен указывать на ту или другую подробность в жизни и деятельности данного лица, должен быть поводом для того, чтобы вспомнить эту подробность. Чем важнее и крупнее данное лицо, тем и выставка в его память или честь должна быть богаче и подробнее. В этом отношении должно исходить из того взгляда, что наука мелочей не знает: для нее все важно, все может привести к тому или другому важному научному выводу. А что может показаться никуда негодною мелочью в данный момент, то может оказаться очень важным или очень пригодным впоследствии, когда накопится побольше аналогичных данных.
>
> Исходя из такого взгляда на задачу выставки, можно составить следующий план выставки в память И. С. Тургенева».[12]

Работа над ней началась.

---

[9] См.: Известия о деятельности Русского библиологического общества // Литературный вестник / изд. Рус. библиол. о-ва. 1901. Т. II, кн. VIII. С. 71.

[10] Каталог выставки в память И. С. Тургенева в Императорской Академии наук. Март 1909 / сост. Б. Л. Модзалевский, Ф. А. Витберг. СПб.: тип. Имп. Академии наук, 1909.

[11] См.: Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1996 год. СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. С. 211.

[12] РО ИРЛИ, ф. 52, оп. 2, ед. хр. 87, л. 1—1 об.

Выставка была открыта 8 марта 1909 г. в С.-Петербурге, в Большом конференц-зале Императорской АН, за 12 дней ее посетили около 3500 человек. Инициатор и один из организаторов выставки, Ф. А. Витберг, предоставил из своего собрания для экспонирования около 613! предметов: портреты И. С. Тургенева (копию, выполненную Н. Ф. Витберг в 1890 г. с портрета работы А. А. Харламова, фотографии, литографии, гравюры на дереве и на стали, фототипии, цинкографии, гравюры из печатных изданий); 2 письма И. С. Тургенева А. Я. Гюбеннету (автографы); факсимиле автографов писателя; публикации его сочинений и писем (в журналах и газетах, отдельные издания; с 1843 г.); иллюстрации к его произведениям (рисунки, автотипии, литографии, фотогравюры в печатных изданиях); ноты музыкальных произведений на слова и переводы Тургенева, либретто опер по его произведениям и др.; портреты лиц, имеющих отношение к жизни и деятельности Тургенева (фотографии, литографии, фототипии, автотипии, гравюры; факсимиле автографов); литературу о писателе (с 1844 г.) и др.

Совместно с Б. Л. Модзалевским составил каталог выставки. Витберг — автор литературно-библиографической части).

За инициативу и устройство выставки 11 июня 1909 г. Ф. А. Витберг был награжден Отделением русского языка и словесности Императорской Академии наук Золотой Пушкинской медалью.

3
«Выставка для устройства Музея им. Л. Н. Толстого в Петербурге»[13]

Выставка, положившая начало созданию Толстовского музея в С.-Петербурге, проходила с 15 марта по 20 апр. 1909 г. в Театральном клубе на Литейном проспекте, 42. Организована Обществом Толстовского музея. Ф. А. Витберг предоставил для нее 19 экспонатов из своего собрания: портреты Л. Н. Толстого (офорты, литографии, гравюры из печатных изданий); иллюстрации к его произведениям (снимки с рисунков); фототипии открытых писем писателя; диплом почетного члена Общества вспомоществования нуждающимся ученикам Елизаветопольского горного училища; типолитография «К 80-летнему юбилею Л. Н. Толстого (1828—1908)»; Юбилейный лист с текстом и иллюстрациями.

После окончания выставки ему было направлено письмо:

«Милостивый Государь
Федор Александрович

Комитет Толстовской выставки считает приятным долгом выразить Вам горячую признательность за присылку Ваших экспонатов, так много

[13] См.: Каталог выставки для устройства музея имени Л. Н. Толстого в Петербурге. СПб.: О-во музея им. Л. Н. Толстого, 1909.

содействовавших успеху выставки и распространению идеи необходимости создания Дома-музея имени Л. Н. Толстого в Петербурге.

Вместе с тем, озабочиваясь делом возвращения Вам Ваших экспонатов в полной исправности, Комитет покорнейше просит Вас безотлагательно известить его (СПб., Литейный, 42, Комитет Толстовской выставки): 1. не найдете ли Вы возможность пожертвовать какие-либо из Ваших экспонатов в Музей, и если да, то какие именно; 2. по какому адресу и каким способом следует возвратить Вам остальные экспонаты?

К благодарности Комитета выставки за Ваше отзывчивое участие позвольте присоединить и мою личную, как председателя Комитета.

Готовый к услугам Мих. Стахович».[14]

В ответном письме в Комитет Толстовской выставки от 13 апреля 1909 г. Ф. А. Витберг пишет:

«Спешу уведомить Комитет, что из своих экспонатов я ничего пожертвовать для Дома-музея имени гр. Л. Н. Толстого не могу. Но у меня могут найтись дублеты, которые я охотно доставлю в Дом-музей имени Толстого и впредь готов доставлять.

Что касается способа возвращения моих экспонатов, то я бы просил сделать это через Всев<олода> Изм<айловича> Срезневского,[15] через которого они и доставлены на выставку.

С искренним уважением

Ф. Витберг».[16]

4
«В память С. Т. Аксакова» к 50-летию со дня смерти

О чествовании памяти С. Т. Аксакова Ф. А. Витберг писал:

«Что касается Петербурга, то он, отпраздновав юбилей гр. Толстого и Гоголя, слабо отозвался на юбилей Аксакова. Не было устроено никаких чтений, не заметно было почти никакого общественного проявления памяти, внимания и сочувствия! И едва ли не единственным более или менее выдающимся проявлением общественного внимания к памяти Аксакова в эти дни в Петербурге следует считать Аксаковскую выставку...»[17]

Она была открыта 30 апр. 1909 г. в книжном магазине Н. Г. Мартынова[18] на Александринской пл., 5. По-видимому, главным органи-

---

[14] См.: РО ИРЛИ, ф. 52, оп. 2, ед. хр. 90, л. 63.

[15] *Срезневский Всеволод Измайлович* (1867—1936) — историк литературы, археограф, палеограф, библиограф, член-корр. Петербургской академии наук с 1906 г.; затем РАН и АН СССР.

[16] РО ИРЛИ, ф. 52, оп. 2, ед. хр. 90, л. 63—63 об.

[17] См.: *Витберг Ф. А.* Сергей Тимофеевич Аксаков: (чествование его памяти по поводу пятидесятилетия со дня его кончины 1859 — 30-го апр.—1909) // Правительственный вестник. 1909. 15 июля. № 151. С. 2; РО ИРЛИ, ф. 52, оп. 1, ед. хр. 31: *Витберг Ф. А.* «Аксаковская выставка. Обзорная статья».

[18] *Мартынов Николай Гаврилович* (1843—1915) — владелец издательско-книгопродавческой фирмы.

затором этой выставки был Ф. А. Витберг, в его архиве сохранились материалы по ее устроению. Документы для выставки были представлены частными лицами: «портреты, рукописные и печатные произведения» Аксакова и членов его семьи; «самые важные и интересные материалы» были получены от внучки Аксакова, О. Г. Аксаковой; родственника жены его племянника, А. Н. Аксакова (спирита), М. А. Бутлерова; С. П. Панаева. Все остальное было от Н. Г. Мартынова, Б. Л. Модзалевского, Б. В. Струве и Ф. А. Витберга.[19]

Самостоятельного каталога этой «любопытной» выставки выпущено не было, поэтому подробный обзор в указанной статье Ф. А. Витберга вполне может заменить его.

5
«В память А. В. Кольцова»[20] к 100-летию со дня рождения

Выставка была открыта 1 нояб. 1909 г. в Петербурге, в Малом конференц-зале Императорской Академии наук. Ф. А. Витберг был одним из ее организаторов. Из своего собрания он предоставил около 160 экспонатов: портреты поэта (гравюры на стали и на дереве, литографии, фототипии, цинкографии, гравюры и рисунки из печатных изданий); альманахи и журналы с публикациями его произведений и отдельные издания сочинений (1856—1910); портреты знакомых и современников поэта (литографии, цинкографии, гравюры из печатных изданий; рисунок Т. Г. Шевченко, карандаш, 1858); портреты исследователей Кольцова и переводчиков, композиторов, писавших музыку к его произведениям, и художников, иллюстрировавших его произведения (фотографии, цинкографии, литографии, гравюры на дереве, гравюры из печатных изданий); лубочные картины по его произведениям; ноты музыкальных произведений, написанных на стихотворения Кольцова; переводы стихотворений Кольцова на иностранные языки; юбилейную литературу о нем и др.; Совместно с Б. Л. Модзалевским и А. И. Лященко Ф. А. Витберг составил каталог выставки.

4 дек. 1909 г. он получил письмо с благодарностью за участие в выставке:

> «Глубокоуважаемый
> Федор Александрович.
> Отделение русского языка и словесности в заседании своем 28-го сего ноября поручило мне выразить Вам свою живейшую признательность за то деятельное участие, которое Вы приняли в устройстве Кольцовской вы-

[19] См.: *Витберг Ф. А.* Сергей Тимофеевич Аксаков... С. 2—3.

[20] См.: Каталог выставки в память А. В. Кольцова в Императорской Академии наук / сост. Б. Л. Модзалевский, Ф. А. Витберг, А. И. Лященко. СПб.: б. и., 1909.

ставки, давшей Императорской Академии наук возможность познакомить широкие слои русского общества с рукописями и изданиями нашего народного поэта и с окружавшею его обстановкою.

Прошу Вас, Милостивый Государь, принять уверение в совершенном почтении и преданности.

Председательствующий А. Шахматов».

6
«Памяти А. В. Кольцова»[21]

В письме от 15 дек. 1909 г. Воронежская ученая комиссия, членом которой с 1911 по 1918 г. был Ф. А. Витберг, сообщалось, что

«предполагая устроить в г. Воронеже 6, 7, и 8 января 1910 г. при участии Императорской Академии наук выставку “Памяти А. В. Кольцова”, имеем честь покорнейше просить Вас, Милостивый Государь, принять в этом деле участие присылкой предметов, относящихся, как лично к поэту — рукописи, издания, художественные произведения и др., так и вообще к эпохе А. В. Кольцова (1809—1842) в г. Воронеже — портреты современных деятелей, предметы этнографии и проч<ее>, а также указанием лиц и учреждений, к которым Архивная комиссия могла бы обратиться с подобною же просьбою, в целях лучшего устройства выставки.

Председатель Комиссии гр. Петр Апраксин.
Правитель дел Комиссии священник Зверев».[22]

Ф. А. Витберг принял участие в этой выставке. Выставка состоялась с 6 по 10 февр. 1910 г. в помещении Дворянского собрания. Он предоставил из своего собрания около 110 экспонатов: портреты поэта (фотографию, литографии, фототипии, гравюры на дереве, гравюры на стали из печатных изданий); гравюры из печатных изданий с изображениями памятников и видов Воронежа; издания сочинений Кольцова; ноты музыкальных произведений на его стихотворения; портреты друзей и знакомых поэта (литографии, цинкографии, фототипии и гравюры из печатных изданий); портреты исследователей и переводчиков его сочинений, композиторов, писавших музыку на его произведения, художников, иллюстрировавших Кольцова (фотография, фототипии, цинкографии, гравюры на дереве, гравюры и рисунки из печатных изданий); иллюстрации к его произведениям (рисунки и гравюры из печатных изданий); лубочные картинки по его произведениям.

---

[21] См.: Каталог II очередной юбилейной выставки в память А. В. Кольцова. Воронеж: изд. Воронежской ученой архивной комиссии, 1910.

[22] См.: ИРЛИ, ф. 52, оп. 2, ед. хр. 90, л. 57.

7
«Историческая выставка архитектуры и художественной промышленности»[23]

С 15 мая по 1 окт. 1908 г. в Петербурге проходила Международная Строительно-художественная выставка, устроенная Обществом гражданских инженеров, которая расположилась на обоих берегах Большой Невки со стороны Новой Деревни и на Каменном острове.[24] Она должна была состоять из восьми отделов. Но «организация последнего “Исторического отдела” (в котором участвовал Витберг. — *А. Н.*) на выставке не осуществилась. Предположено открыть отдел осенью 1908 г. в залах Академии художеств, но неопределенный характер отдела и отсутствие большинства руководителей, знатоков исторической старины С.-Петербурга, едва ли не оставят за флагом сделанные некоторыми энергичными членами Общества гражданских инженеров начинания».[25]

Однако работа по организации выставки продолжилась, и 1 июня 1908 г. Ф. А. Витберг получил письмо от Комитета Строительно-художественной выставки:

«Милостивый Государь,
Федор Александрович.

Комитет Исторической выставки Архитектуры обращается у Вам с покорнейшею просьбою разрешить из любезно представленных Вами альбомов А. Л. Витберга вырезать и вставить под стекло несколько нижепоименованных рисунков и набросков, представляющих особый интерес.

Рисунки эти, таким образом, могли быть выставлены для публики наравне с прочими вещами Вашего талантливого отца, тогда как в альбоме их пришлось бы держать в витрине на замке и показывать лишь заинтересовавшимся специалистам.

В надежде на благосклонный Ваш ответ, Комитет свидетельствует Вам свое искреннее уважение.

Комиссар выставки Ив. Фомин
Секретарь выставки Л. Ильин

Список рисунков А. Витберга, предполагаемых к окантовке под стекло

Из альбома № 1. Семь перспективных набросков.
1. Фасад церкви в селе Величове.
2. Разрез и план той же церкви.

[23] Каталог исторической выставки архитектуры и художественной промышленности, устроенной в залах Императорской Академии художеств Обществом архитекторов-художников / сост. И. А. Фомин. СПб.: тип. «Сириус», 1911.

[24] См.: Иллюстрированный альбом Международной строительно-художественной выставки. СПб.: тип. «Север», 1908. С. 5.

[25] Там же. С. 7.

Из альбома № 2 3. Перспективный набросок арки.
4. Павильон в селе Усове.
5. Два эскиза к храму Спасителя в Москве».[26]

10 июня 1908 г. вновь пришло письмо из Комитета Строительно-художественной выставки:

«Многоуважаемый
Федор Александрович
Прошу Вас выдать посланному рисунки и чертежи, которые мы вчера у Вас выбрали.
Уважающий Вас и преданный
Л. Ильин».[27]

В итоге Ф. А. Витберг предоставил для этой выставки 2 альбома с рисунками и чертежами своего отца, архитектора А. Л. Витберга, его вещи.

Осенью 1908 г. выставка так и не была открыта, однако она все же состоялась, но позже первоначально предполагаемого срока.

Уже для вновь готовящейся выставки организатор, Общество архитекторов-художников, обратилось к Ф. А. Витбергу 31 янв. 1909 г.:

«Милостивый Государь,
Федор Александрович.
Комитет Международной Строительно-художественной выставки Общества гражданских инженеров обращался к Вам в свое время с просьбою предоставить некоторые из находящихся в Вашем распоряжении чертежей и рисунков для предполагающегося Исторического отдела выставки, на каковую просьбу последовало Ваше любезное согласие.
Ныне дело устройства упомянутой Исторической выставки перешло от Общества гражданских инженеров в Общество архитекторов-художников, и выставка состоится по значительно расширенной программе в конце сего 1909 года.
Его Императорское Высочество вел. кн. Владимир Александрович соизволил взять под свое Августейшее покровительство означенную выставку, переименованную в силу новой программы в «Историческую выставку архитектуры и домашнего убранства после Петровского периода».
Вследствие сего мы, председатель Комитета Международной Строительно-художественной выставки и председатель Общества архитекторов-художников, просим Вас полученные от Вас чертежи и рисунки, в настоящее время переданные в Общество архитекторов-художников и хранящиеся в Императорской Академии художеств, оставить в распоряжении Общества для предстоящей выставки.
Льстим себя надеждой, что с Вашей стороны не встретится препятствий в удовлетворении настоящего нашего ходатайства.

[26] РО ИРЛИ, ф. 52, оп. 2, ед. хр. 90, л. 40—40 об.
[27] Там же, л. 41.

Председатель Комитета Международной Строительно-художественной выставки Л. Шмеллинг.

Председатель Общества Архитекторов-художников академик гр. Сюзор»[28].

Ф. А. Витберг написал:

«В Общ<ество> архит<екторо>в-худ<ожнико>в.

В ответ на полученное мною уведомление от Об<щества> арх<итекторов>-худ<ожников> о переходе к вам дела устройства исторического отдела архитектурной выставки и всего заготовленного с этою целью материала, я спешу сообщить Об<щест>ву, что с удовольствием предоставляю в его распоряжение выданные мною с той же целью Об<щест>ву гражд<анских> инж<енеров> чертежи и рисунки моего отца.

По этому поводу мне бы желательно было переговорить с кем-либо из распорядителей предстоящей выставки, и потому я позволяю себе покорнейше изволить сообщить мне, когда и к кому могу я обратиться для переговоров».[29]

Выставка была открыта в залах Академии художеств 13 марта 1911 г. В зале первом — «Эпоха императора Александра I» — Ф. А. Витберг предоставил 12 экспонатов: Неизвестный. Портрет арх. А. Витберга; деталь проекта храма Христа Спасителя в Москве; проект храма Спасителя в Москве (одно из последних решений); несколько вариантов проекта храма Спасителя в Москве; несколько набросков храма Спасителя в Москве; проект домовой церкви Московского сиротского института (ныне Александровское юнкерское училище).[30]

В 1907 г. Обществом архитекторов-художников был основан Музей Старого Петербурга. В 1909 г. председатель совета Музея А. Н. Бенуа и секретарь Н. Е. Лансере обращаются с просьбой к Ф. А. Витбергу: принести в дар произведения его отца, А. Л. Витберга.

Письмо из Музея Старого Петербурга на фирменном бланке:

«Милостивый Государь,
Федор Александрович.

Зная Ваше постоянное содействие всем культурно-художественным начинаниям, дирекция Музея Старого Петербурга обращается к Вам со следующей просьбой.

Нам известно, что у Вас сохранились произведения Вашего покойного отца, знаменитого художника времени Императора Александра I, которые явились бы как нельзя более желательным украшением Музея Старого Петербурга. Если почему-либо Вы не найдете возможность расстаться

[28] Там же, л. 64—64 об.

[29] Там же, л. 65—65 об. Черновик письма.

[30] Каталог исторической выставки архитектуры и художественной промышленности... С. 12—13.

с этими документами и принести их в дар Музею, то, быть может, Вы разрешите снять с них фотографические копии.

Музей Старого Петербурга позволяет себе надеяться, что Вы не откажете в своем ценном содействии его задачам, подробно изложенным в прилагаемом при сем Положении.

Примите, Милостивый Государь, уверение в моем глубоком уважении.

Председатель Совета Музея

Александр Бенуа

Секретарь Н. Лансере

11 декабря 09».[31]

На фирменном конверте — штемпель: 11.12.09, второй штемпель не читается.

В ответ на это письмо Ф. А. Витберг пишет:

«Мил<остивый> Гос<ударь>

Ал<ександ>р Никол<аевич>.

Прежде всего, покорнейше прошу извинить меня, если мое письмо напрасно обеспокоит Вас, т. е., если Вы не то лицо, которому я должен ответить.

Вчера я получил письмо от дирекции Музея Старого Петербурга, подписанного Вашим именем и фамилией. На это письмо мне надо ответить, но адреса на нем никакого не означено. Поэтому я должен был навести справку во “Всем Петербурге”, но и там “Музея Старого Петербурга” нет. Значит, я должен ответить тому, кто подписал, полученное мною письмо. Т. к. председателем художественного музея вернее всего может быть художник, то я и решаюсь направить мое письмо к Вам. В полученном мною письме дирекция Музея Старого Петербурга спрашивает меня, не соглашусь ли я пожертвовать музею произведения моего отца, художника и архитектора А. Л. Витберга, или позволить снять с них фотографические копии.

На этот вопрос спешу ответить, что рисунки моего отца принадлежат не мне одному, и составляют общую собственность всех, еще здравствующих членов его семейства. Ни я сам, ни остальные родственники А. Л. Витберга не можем согласиться пожертвовать его произведения Музею Старого Петербурга и даже не можем дозволить снять с них, какие бы то ни было, копии. [Думаю, что]

[Примите уверение]

[Что касается до помещенного в конце письма приглашения содействовать задачам музея, то я, вполне сочувствуя этим задачам,]

Примите уверение в [искреннем], глубоком моем почтении, с коим остаюсь готовым к услугам

Ф. Витберг».[32]

---

[31] РО ИРЛИ, ф. 52, оп. 2, ед. хр. 90, л. 25—27.

[32] Там же, л. 28—29 об. Черновик письма, зачеркнутые слова и фразы заключены в квадратные скобки. Как уже отмечалось выше, даже при отказе в просьбе по объективным причинам, Витберг, видимо, все же пытался найти выход и чем-то помочь.

Но Общество архитекторов-художников все же не оставляет надежды получить для музея «исключительных по своему значению» работ А. Л. Витберга. После состоявшейся выставки, 1 июля 1911 г., Общество вновь обращается с просьбой пожертвовать в музей некоторые работы знаменитого архитектора:

«Милостивый Государь.
Федор Александрович.

Общество архитекторов-художников, выражая Вам глубокую благодарность за любезное предоставление на Историческую выставку архитектуры исключительных по своему значению работ Вашего отца, Александра Лаврентьевича Витберга, поручило мне обратиться к Вам с покорнейшею просьбою, не найдете ли Вы возможность пожертвовать некоторые из принадлежащих Вам архитектурных чертежей и рисунков А. Л. Витберга в основанный Обществом архитекторов-художников Музей Старого Петербурга, посвященный не только архитектуре и быту старого Петербурга, но и истории русской архитектуры, начиная с эпохи Петра Великого.

Выдающиеся работы Вашего отца, А. Л. Витберга, сделавшиеся доступными для изучения и обозрения в Музее всем лицам, интересующимся архитектурою, займут почетное место в Музее среди знаменитых русских архитекторов времени расцвета русской архитектуры.

Примите уверение в совершенном почтении и преданности

Председатель Общества. Академик Императорской Академии художеств гр. Сюзор».[33]

Ответа Ф. А. Витберга на это письмо в архиве не сохранилось.

8
«Выставка Морских изданий и видов, устроенная Комитетом морских экскурсий»[34]

Выставка была открыта в Санкт-Петербурге, на Мойке, 12, где тогда размещался Комитет морских экскурсий. Закрылась она 15 февр. 1911 г. Из своего собрания Ф. А. Витберг представил на ней «коллекцию картин, портретов и гравюр из морской старины; народные издания времен Крымской кампании; карикатуры времен Крымской кампании».[35] Ему был присужден Диплом на Золотую медаль, о чем свидетельствует письмо из Комитета морских экскурсий от 22 февр. 1911 г., сохранившееся в его архиве:

«Милостивый Государь
Федор Александрович,

Согласно постановлению Комитета морских экскурсий Выставка морских изданий и видов закрыта 15-го с<его> / м<есяца>, но вместе с тем,

[33] Там же, л. 66—66 об.

[34] См.: Краткий каталог выставки Морских изданий и видов, устроенной Комитетом морских экскурсий. 2-е изд. СПб., 1910/1911.

[35] Там же. С. 13, 15.

ввиду многих высказываний, решено оставить в настоящем помещении возможно большее число предметов, которые положат основу Морскому отделу учреждаемого Музея Изобретений и Усовершенствований,[36] а также морским библиотекам Комитета морских экскурсий.

Вместе с тем Комитет имеет честь сообщить, что Экспертная комиссия присудила Вам диплом на ЗОЛОТУЮ медаль.

Прошу принять уверения в совершенном почтении и преданности
Генеральный комиссар Ю. Руммель».[37]

9
Историко-археологическая и художественная выставка «Памяти Н. И. Костомарова»[38]

21 дек. 1910 г. Ф. А. Витберг получил письмо из Воронежской ученой архивной комиссии[39] с предложением принять участие в предполагаемой в январе-феврале 1911 г. выставке «Памяти Н. И. Костомарова» «при участии Императорской Академии наук и наследников историка Костомарова», которая будет проходить в Воронеже. Выставка была приурочена к 25-летию со дня его смерти (1885 г.).

Организаторами выставки была проделана огромная предварительная работа: еще до открытия выставки был составлен и издан каталог (1910 г.) Выставка была открыта с 27 по 29 марта 1911 г. в помещении Дворянского собрания. Ф. А. Витберг предоставил 19 предметов: портреты Костомарова (цинкографии, автотипии, ксилографии, фототипии, гравюры на дереве, литографии из печатных изданий); могила историка на Волковом кладбище и его погребение (рисунки из печатных изданий); сочинения (вырезки из печатных изданий); газеты.

«За портретами шли снимки с его могилы, портреты друзей, родных и современников, — виды местностей, где он жил и работал. Их было 100. Многие из них мелки, стары, но ценны по сохранности и связи с историком (из собрания В. Г. Котельникова и Ф. А. Витберга из Петербурга)».[40]

---

[36] Музей учрежден в 1910 г.

[37] РО ИРЛИ, ф. 52, оп. 2, ед. хр. 90, л. 68.

[38] См.: Каталог III очередной юбилейной выставки в память Н. И. Костомарова, 1885—1910. Воронеж, 1910; Отчет Воронежской ученой архивной комиссии, 1910 — 1 дек. — 1911. Воронеж, 1912. С. 18—20 (далее: Отчет Воронежской ученой архивной комиссии); *Алленова В. А.* Из истории организации памятных мероприятий в городе Воронеже: «Костомаровские дни» 1911 года // Вестник ВГУ. Серия: История. Политология. Социология. 2017. № 3. С. 20—26.

[39] См.: РО ИРЛИ, ф. 52, оп. 2, ед. хр. 90, л. 59.

[40] Отчет Воронежской ученой архивной комиссии. С. 18—19.

10
«Царскосельская юбилейная выставка» к 200-летию Царского Села[41]

26 мая 1911 г. Ф. А. Витберг был приглашен к участию в выставке:

«В состоявшемся 20 сего мая заседании Художественно-исторического отдела предстоящей юбилейной выставки в Царском Селе, подробные сведения о коей при сем препровождаются, заведующий Артиллерийским историческим музеем полковник Д. П. Струков сообщил о близком знакомстве Вашем с предметами, касающимися памяти Державина и Карамзина.

Ввиду того, что в названном отделе намечается к устройству секция, посвященная памяти Державина и Карамзина,[42] я, позволяя себе надеяться, что Вы не откажете прийти на помощь в деле организации этой секции с надлежащею полнотою, отвечающею исключительному значению выставки, имею честь покорнейше просить Вас посвятить свой труд на пользу выставки принятием на себя устройства названной секции и соблаговолить пожаловать в совещание по вопросу об организации художественно-исторического отдела выставки <...>».[43]

Витберг отвечает:

«Пользуясь оказанным мне вниманием, я спешу уведомить Вас, что с большим удовольствием согласен содействовать Комитету выставки по устройству вышеозначенного отдела».[44]

Была проведена большая работа по подготовке материалов к выставке, но на последнем этапе не обошлось без накладок, о чем свидетельствует письмо Ф. А. Витберга от 7 авг. 1911 г.:

«Многоуважаемый
Сергей Николаевич.[45]

В пятницу, будучи в Царском, я просил секретаря художественно-исторического отдела выставки прислать ко мне человека за книгами и рисунками для Жуковского и Карамзина. Он сказал, что в субботу или воскресенье утром, до 12 ч., ко мне заедет на моторе человек и заберет вещи. Но до сих пор (теперь 4 ч. дня) никто не был. Самому мне послать эти вещи не с кем. Поэтому, если от администрации выставки никто не явится, то отдел Жуков<ского> и Карамз<ина> останется не открытым. А между тем,

---

[41] Каталог Царскосельской юбилейной выставки 1911 г., 1710—1910. СПб., 1911.

[42] Секция выставки была посвящена Н. М. Карамзину и В. А. Жуковскому.

[43] РО ИРЛИ, ф. 52, оп. 2, ед. хр. 89, л. 21—21 об.

[44] Там же, л. 24 об.

[45] Имеется в виду *Вильчковский Сергей Николаевич* (1871—1934), подполковник, председатель распорядительного комитета и генеральный секретарь выставки.

у меня все готово, и если вещи от меня возьмут, то я в несколько часов все развешу и разложу.

С совершенным уважением, готовый к услугам.

Ф. В.

Т. к. во вторник я, по некоторым своим обстоятельствам, приехать в Царское не могу. Поэтому надеюсь, что завтра, в понедельник 8 авг., утром до 12 ч. Вы найдете возможность прислать ко мне человека за вещами, а я приеду завтра же к 4 ч. дня и все устрою».[46]

По-видимому, речь идет об экспонатах, принадлежащих Ф. А. Витбергу, из его собрания. Но еще не были доставлены экспонаты, принадлежащие Академии наук.

8 авг. 1911 г. письмо из Распорядительного комитета выставки:

«В Канцелярию Императорской Академии наук.

Ссылаясь на отношение г. министра Народного Просвещения к министру Императорского Двора от 29 мая с. г. за № 17763, в копии при сем прилагаемым, Распорядительный Комитет выставки позволяет себе обратиться в Канцелярию Императорской Академии наук с покорнейшей просьбой не отказать в выдаче члену Комитета выставки действительному статскому советнику Федору Александровичу Витбергу материалов, касающихся Жуковского и Карамзина для экспонирования на выставке.

За Генеральн<ого> комиссар<а> Щербаков.
За секретаря Комитета Кн. Чагадаев».[47]

До открытия оставалось 2 дня, но, несмотря ни на что, он успел все закончить к означенному дню!

«Царскосельская юбилейная выставка» проходила в Царском Селе: были задействованы Екатерининский и Александровский парки, Екатерининский дворец, смежные с парком манежи, конюшни, оранжереи, здание Городской ратуши. Открылась она 10 авг. 1911 г. Ф. А. Витберг был членом комитета выставки и принимал непосредственное участие в организации размещенного в павильоне «Эрмитаж» в Екатерининском парке художественно-исторического отдела с секцией, посвященной В. А. Жуковскому и Н. М. Карамзину.

Из своего собрания Ф. А. Витберг предоставил портреты (гравюры), издания сочинений, иллюстрации к произведениям, журнальные вырезки со статьями, ноты: среди них — «Памятник Карамзину // Художественная газета. 1841. № 18», «Василий Андреевич Жуковский (к пятидесятой годовщине смерти). Портрет и краткая биография на одной странице // Славянский век. 1902. Вып. 42»; «В. А. Жуковский. Лит<ография К. Эргот>. Из книги: “Несколько избранных лирических стихотворений русских поэтов. Подарок детям”. Выход 1-й. Москва, 1862»; «Василий Андреевич Жуковский. Род. 29-го янв. 1783 г.;

[46] РО ИРЛИ, ф. 52, оп. 2, ед. хр. 89, л. 35—36 об.

[47] Там же, л. 37.

ум. 12-го апр. 1852 г. Экспед<иция> Заготовл<ения> Госуд<арственных> Бум<аг>. Ценз. пом. СПб., 4-е апр. 1902 г.»[48] и др.

За организацию выставки награжден золоченым «Знаком в память 200-летия Царского Села» (1912).

Каталог художественно-исторического отдела издан не был, тем более интересно краткое описание выставки, составленное самим Ф. А. Витбергом, и обозревателями выставки.

«...В числе множества отделов, на которые распалась выставка, есть и литературный отдел, в котором выставлены предметы, относящиеся к русским писателям, имеющим отношение к Царскому Селу. Таких писателей оказалось пять: А. С. Пушкин, воспитывавшийся в Царскосельском лицее; М. Ю. Лермонтов, служивший в Царскосельских гусарах; В. А. Жуковский, живавший с Царским семейством в Царскосельском дворце и гостивший в Павловске у Импер<атрицы> Марии Федоровны; Н. М. Карамзин, живший в одном из Китайских домиков в Царском Селе, где дописывал свою “Историю Государства Российского”, и Ф. И. Тютчев, живший в Ц. Селе.

Витрина Ф. И. Тютчева наполнена портретами, вещами его, присланными его внучкой фрейлиной Тютчевой, и собранием стих<отворени>й Ф. Тютчева из библ<иотеки> Ф. А. Витберга <...>.

Второй этаж этого здания (павильон «Эрмитаж». — *А. Н.*) состоит из большой центральной комнаты, из которой четыре небольших коридора ведут в четыре угловые комнаты. В этих угловых комнатах и расположен литературный отдел: в одной — А. С. Пушкин, в другой М. Ю. Лермонтов, в третьей В. А. Жуковский. В проходной комнате, ведущей в комнату Жуковского, помещен Карамзин. Для Ф. И. Тютчева не оказалось отдельной комнаты, т. к. вещи, напоминающие <так!> Тютчева, доставлены были накануне открытия выставки, когда уже все комнаты были заняты; да и самих вещей так мало, что все они поместились в одной витрине, выставленной на одном из столов в центральной комнате, перед входом в проходную комнату, ведущую в комнату Жуковского.

Комната Пушкина уставлена вещами из Музея Пушкина при Имп<ераторском> Алекс<андровском> Лицее.

Комната Лермонтова — вещами из Лермонтовского музея при Николаевском Кавалерийском Училище.

Комнаты Жуковского и Карамзина заняты: во-первых, альбомами из собственного Его Имп<ераторского> Вел<ичества> библиотеки с портретами и картинами, относящимися к В. А. Жуковскому, и, во-вторых, из портретов, картин, книг и нот из собрания Ф. А. Витберга».[49]

Приведем также сведения из печатных изданий:

«В маленьком коридорчике, ведущем отсюда в угловую комнату, посвященную Жуковскому, витает дух Карамзина. Вот полное собрание его сочинений 1820 г., вот целая коллекция его портретов <...>. В комнате Жу-

[48] Там же, л. 12—15.

[49] Там же, л. 1—3 об. («Для Н. Г. Мартынова в “Книжн<ый> Вестн<ик>”»).

ковского <...> собраны почти все его сочинения в самых разнообразных изданиях, кончая академическим; там целое собрание нот романсов на слова Жуковского <...>, большая коллекция портретов поэта и иллюстраций к его произведениям <...>. Собранные в Эрмитаже коллекции представляют безусловно большой интерес. И нужно сказать, что своей полноте это отдел весьма обязан Ф. А. Витбергу, печать которого сплошь и рядом встречается на выставленных предметах».[50]

«В галерее, ведущей в комнату Жуковского, выставлено было много интересного, связанного с именем великого историографа Карамзина. Здесь были выставлены коллекции Ф. А. Витберга, этого хранителя многих ценных собраний по истории русской литературы. С любовью знатока г. Витберг собирал по возможности все, что связано с именем Карамзина и его жизнью в Царском Селе, где на лето Карамзину был отведен особый домик, в так называемой Китайской деревне, находящейся в Царскосельском парке. <...>

В этой галерее, посвященной Карамзину, много было его сочинений в первых изданиях с собственноручными подписями и пометками, многочисленные гравюрные изображения его и снимки с памятников, поставленных ему в разных местностях России. <...>

На стене, среди гравюр и журнальных вырезок со статьями, относящимися к Карамзину, находилась открытка с собственноручной надписью, которой историк как бы сам себя охарактеризовал. “Я писал с любовью к Отечеству, к благу людей в гражданском обществе и к святым уставам нравственности”.

В комнате Жуковского отсутствовали личные реликвии поэта, но зато там были собраны почти все его сочинения в самых разнообразных изданиях, кончая академическим. Здесь было целое собрание нот, среди которых находилась авторская рукопись львовского гимна ”Боже, Царя храни”, целое собрание романсов на слова Жуковского и очень большая коллекция портретов поэта и иллюстраций к его произведениям. <...>

Этой комнатой великого поэта заканчивается описание художественно-исторического отдела, помещенного в Эрмитаже. Отдел этот был очень интересен, несмотря на крайнее разнообразие выставлявшихся экспонатов».[51]

11
«В память И. С. Никитина». К 50-летию кончины поэта

20 сент. 1911 г. Воронежская ученая Архивная комиссия присылает Ф. А. Витбергу письмо:

«16 октября сего года, в пятидесятилетие кончины поэта И. С. Никитина, имеет быть в гор<оде> Воронеже, на родине поэта, открытие ему па-

[50] Шаг за шагом по павильонам: путеводитель. Царскосельская выставка. СПб., 1911. С. 15—16.

[51] См.: Художественно-иллюстрированный исторический альбом Царскосельской юбилейной выставки 1911. СПб.: Клебанов, 1911. С. 105.

мятника, сооруженного на средства, собранные по всероссийской подписке.

В тот же день вечером в зале Воронежского Дворянского Собрания состоится торжественное заседание Воронежской ученой Архивной комиссии, посвященное памяти И. С. Никитина.

Желая собрать к этому торжеству для обозрения публики рукописи, книги, брошюры, издания, а также портреты поэта и снимки местностей, связанных с его именем, ученая Архивная комиссия имеет честь покорнейше просить Федора Александровича Витберга принять участие в этом деле присылкой соответствующих материалов, которые, по миновании надобности, будут с благодарностью возвращены.

И. д. председателя Комиссии И. Кодетовский.
Правитель дел Комиссии Священник Ст. Зверев».[52]

Ф. А. Витберг принял участие в этой выставке, которая состоялась 16 окт. 1911 г. в Воронеже, в помещении Дворянского собрания. В этот же день был торжественно открыт памятник поэту.

«Недостаток времени, — писалось в отчете Архивной комиссии, — не позволил развернуть выставку в размерах, подобных предыдущим (Петровской, Кольцовской и Костомаровской), но, тем не менее, жизнь поэта, его творчество и условия этого творчества, сюжеты, мотивы и типы его произведений, круг родных, друзей, современников и почитателей, степень распространения сочинений поэта: все это было представлено на выставке в достаточной степени».[53]

Из своего собрания Ф. А. Витберг предоставил несколько иллюстраций к произведениям И. С. Никитина.

12
«Русские писатели XIX в.»
(выставка не состоялась)

«Для усиления фонда на постройку Пушкинского Дома, по инициативе члена Комиссии А. А. Бахрушина, предлагалось устроить в 1910 году, в Москве, выставку “Русские писатели XIX века”. Подготовительные работы для организации этой выставки выяснили наличность такого обширного материала для нее, что было признано необходимым перенести выставку на будущий, 1911 г., для того, чтобы Комитет выставки мог возможно тщательнее подготовиться к устройству ее и открыть таковую 1 декабря 1911 г.».[54]

---

[52] РО ИРЛИ, ф. 52, оп. 2, ед. хр. 90, л. 60.

[53] Отчет Воронежской ученой архивной комиссии, 1910 — 1 дек. — 1911. Воронеж, 1912. С. 21—22.

[54] См.: РО ИРЛИ, ф. 150, оп. 15, ед. хр. 2, л. 10 об. (Отчеты о работе Пушкинского Дома за 1905—1919 гг. Из общих отчетов Академии наук). Затем снова выставку «было признано необходимым отложить до конца 1912 г., ввиду того, что

18 янв. 1911 г. Ф. А. Витберг получает следующее приглашение к участию в очередной выставке:

«Милостивый Государь
Федор Александрович

Состоящая при Императорской Академии наук Высочайше учрежденная Комиссия по постройке памятника А. С. Пушкину в С.-Петербурге, желая наглядно ознакомить русское общество с задачами проектируемого ею Пушкинского Дома и имея в виду усилить средства на сооружение его, устраивает в Москве, с 1 декабря 1911 г. по 1 февраля 1912 г., выставку, посвященную истории жизни и творчества русских писателей XIX века по прилагаемой при сем программе.[55]

Вследствие сего, я по поручению Августейшего председателя Комиссии, Его Императорского Высочества великого князя Константина Константиновича, имею честь покорнейше просить Вас прийти на помощь Комиссии предоставлением на вышеупомянутую выставку из принадлежащего Вам собрания тех предметов, которые будут подходить к задачам ее.

Примите уверение в совершенном моем почтении и таковой же преданности

Нестор Котляревский».[56]

Выставка должна была расположиться в залах Исторического музея в Москве. Витберг мог предоставить огромное количество материала из своей коллекции, видимо, готовил их к означенному сроку, но она несколько раз была перенесена и так и не состоялась.

13
«Ломоносов и Елизаветинское время»[57]

В 1911 г. «по его <Ф. А. Витберга. — *А. Н.*> мысли, одобренной Императорской Академией Наук, последняя устроила, имевшую большой успех выставку “Ломоносов и Елизаветинское время”, удо-

---

она иначе совпала бы с открытой уже в Москве выставкой, посвященной графу Л. Н. Толстому. Материалы для означенной выставки почти окончательно выяснены» (л. 12). Далее: «Предполагавшаяся в конце отчетного года в Москве выставка “Русские писатели XIX века” не могла быть устроена в назначенный срок ввиду того, что персонал Академии, который должен был работать над выяснением и собиранием материалов для выставки и над устройством ее, был отвлечен работой по выставке “Ломоносов и Елизаветинское время” <...>. В настоящее время признано более целесообразным перенести устройство упомянутой выставки в С.-Петербург, приурочив ее к предполагаемому в 1914 году празднованию столетнего юбилея со дня рождения М. Ю. Лермонтова» (л. 14).

[55] См.: РО ИРЛИ, ф. 52, оп. 2, ед. хр. 85, л. 29—31 (выставка должна была состоять из 11 разделов, в список, по подсчетам, было включено 242 имени писателей); см.: *Кочнева Е. В.* С. 23—24.

[56] РО ИРЛИ, ф. 52, оп. 2, ед. хр. 85, л. 29—31.

[57] См.: Каталог выставки «Ломоносов и Елизаветинское время». СПб.: тип. Имп. Академии наук, 1912.

стоившуюся принятия под высочайшее Государя Императора покровительство».[58] Витберг был членом комиссии по устройству выставки и принимал деятельное участие в ее организации. 26 мая 1911 г. <в день рождения Пушкина по ст. стилю. — *А. Н.*> ему было выдано удостоверение:

«Дано сие члену Комиссии, действительному статскому советнику Федору Александровичу Витбергу, в том, что Комиссия командировала его по распоряжению Августейшего Президента Императорской Академии наук, в Архангельскую губернию для осмотра мест, связанных с памятью о Ломоносове, а также для подробного ознакомления с ризницею Соловецкого монастыря с целью выяснения предметов исторического и художественного значения, подходящих к задачам Выставки, почему просить учреждения и частных лиц, с которыми войдет в сношение г. Витберг, оказывать ему всякое законное содействие к успешному выполнению возложенного на него научного поручения.

Председатель Комиссии,
Непременный секретарь
Императорской Академии наук
Академик Сергей Ольденбург
За секретаря Комиссии бар. ...А. Штакельберг».[59]

И еще удостоверение от 24 нояб. 1911 г.:

«Дано сие <...> Федору Александровичу Витбергу в том, что он уполномочен Комиссиею к осмотру и выбору предметов, хранящихся в церквах С.-Петербурга и имеющих отношение к задачам Выставки. При этом Комиссия, обращаясь к лицам, в ведении которых находятся храмы С.-Петербурга, с просьбою об оказании г. Витбергу содействия в выполнении возложенного на него поручения, считает долгом сообщить, что соизволение Государя Императора по докладу Обер-Прокурора Святейшего Синода на предоставление для Выставки предметов, хранящихся в учреждениях ведомства Православного Исповедания, последовало 20 мая с. г., о чем и опубликовано в “Церковных Ведомостях”, а о разрешении протопресвитера военного и морского духовенства на участие подведомственных ему учреждений и лиц в Выставке объявлено в “Вестнике военного и морского духовенства”.
За председателя, Академик А. Шахматов.
Секретарь Б. Модзалевский».[60]

Выставка была открыта 17 апр. 1912 г. в залах Императорской Академии художеств. Из своего собрания Ф. А. Витберг предоставил свыше 30 экспонатов: разные книги издания 1747—1761 гг., портреты Ломоносова (гелиогравюры, литографии, гравюры на дереве), порт-

[58] См.: РО ИРЛИ, ф. 52, оп. 2, ед. хр. 2, л. 13 (Памятная записка).
[59] Там же, ед. хр. 88, л. 4—4 об.
[60] Там же, л. 9—9 об.

реты его покровителей, родственников и знакомых (гравюры); издания его сочинений (1751—1884); снимки с его автографов; иллюстрации с сюжетами из жизни Ломоносова (гравюры из печатных изданий, лубочную картинку) и др.; Витберг являлся одним из составителей каталогов и путеводителя.

14
Музей «Дом Романовых»
(проект не реализован)

В 1889 г. Ф. А. Витберг составил и представил на рассмотрение Костромского городского управления «Проект музея Дома Романовых». Он отмечал, что во второй половине XIX века сильно возрос интерес «ко всему родному», появляется множество различных музеев. Общество начинает понимать, что необходимо «собирать и хранить всякие остатки старины». Он считал, что среди уже существующих музеев особо важное место мог бы занять музей Дома Романовых, «с воцарением которых связаны все важнейшие события нашей исторической жизни за последние 300 лет», тем более что в 1913 г. будет праздноваться 300-летие царствующего дома. Но этот проект не был принят. Об этом Витберг получил уведомление городского головы от 12 февр. 1903 г.

15 нояб. 1901 г. на заседании Русского библиологического общества он вновь предложил аналогичный проект. Музей должен был состоять из 12 отделов, куда вошли бы все литературные, научные, художественные и музыкальные произведения царствовавших особ, очерки о событиях из их жизни и деятельности; их речи и проповеди, манифесты, резолюции, музыкальные и художественные произведения, посвященные им; их портреты и картины, сюжетно связанные с их биографиями, журнальные и рукописные сведения об их жизни и т. п.[61] Но этот проект так и не был реализован.

Библиографический список

1. *Алленова В. А.* Из истории организации памятных мероприятий в городе Воронеже: «Костомаровские дни» 1911 года // Вестник ВГУ. Серия: История. Политология. Социология. 2017. № 3.
2. Альбом Выставки в память Н. В. Гоголя и В. А. Жуковского, устроенной Обществом любителей российской словесности в залах Исторического музея 21-го февраля — 1902 — апреля 12-го. 1852—1902: [рис. худож. Боклевского, Моллера, Мамонова и др.] / исполнено и издано худож. фототипией К. А. Фишер. М: типолит. Н. И. Гросман и Г. А. Вендельштейн, 1902.

[61] См.: Известия о деятельности Русского библиологического общества. С. 72—73 (2-я паг.); РО ИРЛИ, ф. 52, оп. 1, ед. хр. 17.

3. *Витберг Ф. А.* Сергей Тимофеевич Аксаков: (чествование его памяти по поводу пятидесятилетия со дня его кончины 1859 — 30-го апр. — 1909) // Правительственный вестник. 1909. 14 июля. № 150. С. 2—3; 15 июля. № 151.
4. Известия о деятельности Русского библиологического общества // Литературный вестник / изд. Рус. библиол. о-ва. 1901. Т. II, кн. VIII.
5. Иллюстрированный альбом Международной строительно-художественной выставки. СПб.: тип. «Сириус», 1908.
6. К 40-летнему юбилею педагогической и литературной деятельности Фёдора Александровича Витберга, 1 сент. 1869—1909: краткая биография и список литературно-педагогических статей и заметок. СПб.: изд. Н. Г. Мартынова, 1909.
7. Каталог II очередной юбилейной выставки в память А. В. Кольцова. Воронеж: изд. Воронежской ученой архивной комиссии, 1910.
8. Каталог III очередной юбилейной выставки в память Н. И. Костомарова, 1885—1910. Воронеж, 1910.
9. Каталог выставки «Ломоносов и Елизаветинское время». СПб.: тип. Имп. Академии наук, 1912.
10. Каталог выставки в память А. В. Кольцова в Императорской Академии наук / сост. Б. Л. Модзалевский, Ф. А. Витберг, А. И. Лященко. СПб.: б. и., 1909.
11. Каталог выставки в память И. С. Тургенева в Императорской Академии наук. Март 1909 / сост. Б. Л. Модзалевский, Ф. А. Витберг. СПб., 1909.
12. Каталог выставки в память Н. В. Гоголя и В. А. Жуковского, 1852—1902. М., 1902.
13. Каталог выставки для устройства музея имени Л. Н. Толстого в Петербурге. СПб., 1909.
14. Каталог исторической выставки архитектуры и художественной промышленности, устроенной в залах Императорской Академии художеств Обществом архитекторов-художников / сост. И. А. Фомин. СПб., 1911.
15. Каталог Царскосельской юбилейной выставки 1911 г., 1710—1910. СПб., 1911.
16. *Кочнева Е. В.* Археограф и искусствовед: к истории взаимоотношений Б. Л. Модзалевского и Н. Н. Врангеля // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2015 год. СПб., 2016.
17. Краткий каталог выставки Морских изданий и видов, устроенной Комитетом морских экскурсий. 2-е изд. СПб., 1910/1911.
18. *Носова А. Г.* Витберг Федор Александрович. Фонд 52 // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2009—2010 годы. СПб., 2011.
19. *Носова А. Г., Епифанова Л. М.* // Литературные музеи России: энциклопедия. М., 2022. Т. 1: А—Л. С. 193—195.
20. Отчет Воронежской ученой архивной комиссии. 1910 — 1 дек. — 1911. Воронеж, 1912. С. 21—22.
21. Переписка Б. Л. Модзалевского с Ф. А. Витбергом / публ. А. Г. Носовой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1996 год: Борис Львович Модзалевский: материалы к науч. биографии. СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. С. 168—219.
22. Рус. педагог-литератор Ф. А. Витберг (1869—1909 гг.) // Светлый луч. 1909. № 9 (отд. отт.: СПб., 1909).

23. Указатель выставки по поводу 100-летнего юбилея Н. В. Гоголя, 1809—1909. М., 1909.
24. Ф. А. Витберг: некролог, составл. Б. Л. Модзалевским: приложение к протоколу III заседания Общего собр. Рос. Академии наук, 8 марта 1919 г. // Изв. Академии наук. 6 сер. 1919. № 12—15.
25. Художественно-иллюстрированный исторический альбом Царскосельской юбилейной выставки 1911. СПб., 1911.
26. Шаг за шагом по павильонам: путеводитель. Царскосельская выставка. СПб., 1911.

DOI: 10.31860/978-5-918680-384-143-195

ТАТЬЯНА МАТВЕЕВНА ГЛАГОЛЕВА-БЕРХЕН И ЕЕ ВОСПОМИНАНИЯ О БЕСТУЖЕВСКИХ КУРСАХ

(Вступительная статья, подготовка текста и комментарии А. В. Вострикова)

Аннотация: Воспоминания Татьяны Матвеевны Глаголевой (в замужестве Берхен) посвящены ее обучению (1901—1907) и последующему преподаванию (1907—1916) на С.-Петербургских высших женских (Бестужевских) курсах. Автор рассказывает о преподавании на историко-филологическом отделении Бестужевских курсов, о профессорах, оказавших наиболее сильное влияние на нее как на молодого ученого, исследователя русской литературы XVIII века (в частности, С. Ф. Платонове, И. А. Шляпкине и в особенности В. В. Сиповском). Значительное внимание мемуаристка уделяет подробностям повседневной жизни Бестужевских курсов: переходу на предметную систему обучения, организации семинарских и просеминарских занятий, литературным вечерам и елкам для детей, экскурсиям, жизни в общежитии и пр. Во вступительной статье обобщены биографические сведения о Т. М. Глаголевой-Берхен и изложены обстоятельства написания воспоминаний и судьба архива автора.

Ключевые слова: Татьяна Матвеевна Глаголева-Берхен, Василий Васильевич Сиповский, С.-Петербургские высшие женские (Бестужевские) курсы, Антиох Кантемир, предметная система обучения, семинарий, просеминарий.

Abstract: The memoirs of Tatiana Matveevna Glagoleva (Berkhen by marriage) focus on her studies (1901—1907) and subsequent teaching (1907—1916) at the St. Petersburg Higher (Bestuzhev) Courses for Women. The author describes teaching in the Humanities Division of the Bestuzhev Courses and the professors who had the greatest influence on her as a young scholar of eighteenth-century Russian literature (Sergey Platonov and Ilya Shlyapkin in particular and especially Vasily Shipovsky). The author devotes considerable space to the details of everyday life at the Bestuzhev Courses: the transition from required courses to an elective system, the creation of seminars and proseminars, literary gatherings, Christmas parties for children, trips, dormitory life, etc. The introductory article presents biographical information about Glagoleva-Berkhen; it also lays out the circumstances under which she wrote her memoirs and recounts the fate of her archive.

Keywords: Tatiana Matveevna Glagoleva-Berkhen, Vasily Vasilievich Shipovsky, the St. Petersburg Higher (Bestuzhev) Courses for Women, Antioch Kantemir, elective system, seminar, proseminar.

© Вострикова А. В., 2023

Т. М. Глаголева-Берхен. Фото 1918 г. (РО ИРЛИ, ф. 723)

Татьяна Матвеевна Глаголева[1] родилась 9 янв. 1885 г. в Варшаве, в семье военного врача; Таня была младшей из 5 детей. Отец вскоре умер; семья в 1892 г. перебралась в С.-Петербург. После окончания

[1] Предварительный вариант этой статьи был представлен в качестве доклада на XXIII Научных чтениях Рукописного отдела Пушкинского Дома 23 октября 2019 г. См.: *Обатнина Е. Р.* XXIII Научные чтения Рукописного отдела Пушкинского Дома // Русская литература. 2020. № 2. С. 236. Биографические сведения о Т. М. Глаголевой в значительной степени почерпнуты из анкеты, заполненной ею 23 дек. 1959 г. для Московского объединения бестужевок и впоследствии приобщенной к ее архиву (РО ИРЛИ, ф. 723, папка 1 («Личные документы»); далее: *Глаголева. Анкета*), а также из публикуемых ниже автобиографии и воспоминаний; подробнее см. комментарии к этим публикациям. При ссылках на документы, принадлежащие архиву Т. М. Глаголевой-Берхен, находящемуся в настоящее время в обработке в Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский Дом), мы указываем номера и названия папок, присвоенные им при описании в Комитете бестужевок перед передачей.

Василеостровской женской гимназии в 1901 г. Татьяна поступила на историко-филологическое отделение С.-Петербургских высших женских (Бестужевских) курсов (далее ВЖК); во время учебы специализировалась на русской истории, а затем на истории русской литературы, занималась под руководством профессоров К. А. Иванова, С. Ф. Платонова и В. В. Сиповского; последний стал для Глаголевой и учителем, и научным руководителем, и другом. Окончила ВЖК в 1907 г.: срок обучения затянулся из-за того, что в 1903-м, а затем в 1905 и 1906 гг. нормальная деятельность курсов прерывалась студенческими волнениями и революционными событиями.

Для подготовки реферата в семинарии В. В. Сиповского Глаголева избрала темой творчество А. Д. Кантемира. Закрытие курсов и приостановка занятий дали возможность развернуть студенческую работу в полноценное научное исследование; по рекомендации Сиповского Глаголева была допущена к работе в петербургских и московских архивах, где ей удалось обнаружить неопубликованные сочинения Кантемира и другие интересные материалы. В результате была написана статья «Материалы для полного собрания сочинений кн. А. Д. Кантемира», опубликованная в «Известиях Академии наук».[2] В дальнейшем она продолжила научные исследования и в течение последующих 10 лет опубликовала несколько статей о Кантемире, Ломоносове и др. В 1910-е гг. Глаголева воспринималась как один из ведущих специалистов по Кантемиру; показательно, что С. А. Венгеров, редактор «Нового энциклопедического словаря» Брокгауза-Ефрона, статью о Кантемире заказал именно ей. Спустя почти полвека, уже после ее смерти, П. Н. Берков писал: «<...> Т. М. Глаголева оставила след в литературоведении, внеся в изучение Кантемира и Ломоносова небольшой по объему, но ценный по характеру вклад, дающий ей право на наше благодарное внимание».[3]

После окончания ВЖК в 1907 г. Т. М. Глаголева была оставлена при курсах, а в 1909 г. принята на службу преподавателем для ведения практических занятий: руководила просеминарием для первокурсниц, а затем семинариями, посвященными русской литературе XVIII в., а также творчеству А. Н. Островского, «поэтов-эстетиков» (А. А. Фет, А. Н. Майков и др.), эпистолярному наследию русских писателей и др. Кроме того, Глаголева принимала самое деятельное участие в культурной жизни курсов, в подготовке и проведении экскурсий, литературных концертов и праздничных вечеров.

В семье Татьяна самые близкие отношения поддерживала с братом Николаем, журналистом и книгоиздателем, а также инженером и ави-

---

[2] Подробнее о научных трудах Т. М. Глаголевой см. ниже в примеч. к «Автобиографии».

[3] *Берков П. Н.* Т. М. Глаголева, одна из первых исследовательниц русской литературы XVIII века. [Машинопись] // РО ИРЛИ, ф. 723, папка 1 («Личные документы»).

атором-любителем. Татьяна помогала ему в его издательстве (1904—1909), выступала в качестве официального издателя журнала «Вестник воздухоплавания», который он редактировал (1912—1914), участвовала в газете «День» (1913), а во время войны заведовала петроградской конторой издательства И. Д. Сытина. В 1916 г. Глаголева впервые выступила в печати и как поэтесса, но этот опыт оказался эпизодическим.[4]

В 1916 г. Т. М. Глаголева уволилась с Бестужевских курсов и вскоре уехала в Бердянск, где ее брат занял должность на авиамоторном заводе и устроил сестру в бухгалтерию.[5] В Бердянске в 1919 или 1920 г. Татьяна вышла замуж за инженера-авиаконструктора Семена Наумовича Берхена (?—1950); у них родилась дочь. Роды были тяжелые, у Татьяны произошло заражение крови, дочка погибла.

В 1922 г. супруги Берхен вернулись в Петроград. Татьяна попыталась возобновить научные занятия: опубликовала несколько рецензий в журнале «Печать и революция», а также выступила в Обществе любителей древней письменности с докладом «Феофан Прокопович и Антиох Кантемир».[6] Доклад этот, написанный еще в Бердянске в 1918 г., она переработала в статью, но распорядиться ею не успела.

В 1924 г. Татьяна снова пережила неудачные роды и гибель ребенка. Повторная трагедия тяжело отразилась на психике Глаголевой, она заболела, долго лечилась, в 1927—1928 гг. лежала в психиатрической больнице.[7] В 1928 г. семья переехала в Москву. С. Н. Берхен за-

[4] Глаголева писала стихи с ранней юности: самые ранние из сохранившихся стихотворений датированы 1898 г. В феврале 1916 г. она послала несколько своих стихотворений А. А. Блоку с просьбой высказать мнение (РГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 217, л. 1—2; на письме помета: «отв. 24.II»; мы благодарны Александру Львовичу Соболеву за сообщение нам этих, а также ряда других ценных сведений). Ответ был, вероятно, по крайней мере ободряющий, и в течение последующего года Глаголева напечатала несколько стихотворений в петроградских журналах «Лукоморье» и «Русская будущность», однако на этом ее поэтические публикации прекратились. В дальнейшем она продолжала писать стихи до конца жизни: в архиве сохранились четыре общие тетради с перебеленными в хронологическом порядке стихотворениями (с перерывом с 1945 по 1957 г.); последнее датировано 4 февр. 1960 г. О поэтическом творчестве Т. М. Глаголевой, а также о ее литературно-критических публикациях см.: Венеция в русской поэзии: опыт антологии, 1888—1972 / сост. А. Л. Соболев, Р. Д. Тименчик. М.: Новое литературное обозрение, 2019. С. 608—611; там же (с. 231) опубликовано стихотворение Т. М. Глаголевой «В Венеции» (1913).

[5] «Старший помощник бухгалтера в конторе воздухоплавательного завода “Майпас” в г. Бердянске» (*Глаголева. Анкета*). Очевидно, имеется в виду авиастроительный завод Матиаса («Вдова Матиас и сыновья»), работавший в Бердянске в 1917—1919 гг. См.: История отечественной авиапромышленности: серийное самолетостроение 1910—2010 гг. М.: Русавиа, 2011. С. 26, 58, 69.

[6] См.: Краткий отчет о деятельности Общества древней письменности и искусства за 1917—1923 годы. Л.: ОЛДП, 1925. С. 4.

[7] См. в письме ее сестры А. М. Глаголевой к Н. А. Морозову от 11 февр. 1927 г.: «У меня есть сестра, Татьяна Матвеевна, которая, к сожалению, после родов забо-

нял должность в Гипроавиа, а затем профессорскую кафедру в МАИ. Татьяна Матвеевна нигде не служила, первое время пыталась продолжить научную деятельность, собирала материалы для статей по современной рабочей женской поэзии (многочисленные выписки, конспекты и черновики составляют около трети сохранившегося архива), однако «усвоить современной манеры и стиля, вроде “неполадки”, “на ять”, “бузить” и т. п.» и «установить связи с московской ученой братией» ей так и не удалось, и в 1933 г. она призналась, что на литературные дела «махнула рукой».[8] Новых друзей Глаголева не завела, из старых переписывалась только с М. С. Боровковой-Майковой[9] и (изредка) с Г. К. Крыжицким.[10] В 1933 г. умерла мать, О. И. Глаголева; в 1937 г. был арестован и через год погиб в лагере брат Николай.[11] Во время войны Глаголева была в эвакуации без мужа (видимо, занятого на производстве), и ее стихотворения того времени в основном посвящены теме подавляющего одиночества.

лела психически и вот уже 3-ий год не может поправиться. Она находится в больнице Фореля за городом <...>» (АРАН, ф. 543, оп. 6, ед. хр. 149, л. 5—6). Первая в России специализированная психиатрическая больница Всех Скорбящих была открыта в 1832 г., размещалась в выкупленных и переоборудованных дачах на 11-й версте по Петергофской дороге (современный адрес главного здания: пр. Стачек, д. 158). После революции 1917 г. больнице было присвоено имя швейцарского психиатра Огюста Фореля (1848—1931). Во время Великой Отечественной войны больница была ликвидирована, здания в значительной степени разрушены; после войны сохранившиеся и восстановленные корпуса образовали так называемый «Кировский городок».

[8] Выражения из писем к М. С. Боровковой-Майковой конца 1920-х — первой половины 1930-х гг. (СПбФ АРАН, ф. 738, оп. 4, ед. хр. 4, л. 34 об., 42, 78).

[9] *Боровкова-Майкова Мария Семеновна* (1879—1942) — выпускница ВЖК (1904; ист.-фил.), историк, автор работ о Ниле Сорском, после революции — о литературе и общественной мысли первой половины XIX в. Здесь и далее в биографических справках о слушательницах ВЖК указываются год выпуска, отделение (факультет) и группа (для окончивших по предметной системе); сведения взяты из опубликованных списков выпускниц: Бестужевка в цифрах = Bestuževki en chiffers: к 130-летнему юбилею Санкт-Петербургских Высших женских курсов (1878—1918 гг.) / сост. О. Б. Вахромеева. СПб.: ИЦ «Академия», 2008 (далее: *Бестужевка в цифрах*); при необходимости сверены по ежегодным отчетам ВЖК: С.-Петербургские высшие женские курсы за... СПб., 1879—1916 (до 1906 г. выходило под заглавием: Общество для доставления средств ВЖК. Отчет за...; далее при цитировании: *Отчет ВЖК* с указанием отчетного учебного года и года издания).

[10] *Крыжицкий Георгий Константинович* (1895—1975) — режиссер и театровед; обстоятельства их знакомства с Т. М. Глаголевой неизвестны.

[11] Двое старших братьев окончили военные училища и служили в армии. *Федор* (1875—1927) — полковник артиллерии, в 1915 г. попал в плен, в 1919 г. освобожден, умер в Югославии (см.: *Чуваков В. Н.* Незабытые могилы. Российское зарубежье: некрологи, 1917—1997. М.: РГБ, 1999. Т. 2. С. 108); *Иван* (1878—?) закончил Мировую войну полковником, затем служил в Вооруженных силах Юга России; в октябре 1920 г. командир 1-го Донского запасного батальона (указано на сайте С. В. Волкова); дальнейшая его судьба неизвестна.

Т. М. Глаголева и Г. К. Крыжицкий.
Фото середины 1950-х гг. (РО ИРЛИ, ф. 723)

В 1950 г. от инфаркта умер С. Н. Берхен. Пенсии по утрате кормильца[12] едва хватало на жизнь, поэтому с ранней весны до поздней осени Татьяна Матвеевна переходила на подножный корм, т. е. уезжала из профессорской квартиры на Сретенке — на дачу (она это называла: «перебралась в хату»),[13] половину которой стала сдавать жильцам; выращивала овощи на пропитание и цветы на радость душе. Круг общения сузился до минимума: в Москве — пасынок[14] и одинокая старшая сестра Александра (умерла в 1954 г.), на даче — собаки, которых любила как людей. А вечерами Татьяна Матвеевна, по ее признанию чуть ли не единственной своей корреспондентке того времени,

[12] «Пенсия научного работника за мужа 700 р.» (*Глаголева. Анкета*).

[13] В письмах к Т. И. Немчиновой (см. ниже) упоминается название: «42-й километр». Можно предположить, что имеется в виду платформа «42-й километр» (с 2020 г. «Есенинская») Рязанского направления Московской железной дороги, находящаяся на границе г. Раменское и пос. Кратово. Возле платформы располагается дачное товарищество «Научные работники», образованное в середине 1930-х гг.

[14] *Берхен Сергей Семенович*, «сын, вернее пасынок Глаголевой» назван в письме члена Московского бюро бестужевок А. И. Эттингер к К. П. Язевой от 4 марта 1962 г. (РО ИРЛИ, папка 5 («Материалы о ВЖК»)). Кроме того, Сережа, сын С. Н. Берхена, студент технического вуза, регулярно навещающий Глаголеву, упоминается в ее письмах к Т. И. Немчиновой 1950-х гг. (см. ниже). Другими сведениями о С. С. Берхене мы не располагаем.

бывшей старосте первого бестужевского просеминария Т. И. Немчиновой,[15] перебирала перевезенный на дачу архив, перечитывала дневники, которые вела с ранней юности, — и сжигала после прочтения.[16]

Вероятно, именно через Немчинову Глаголева связалась с Московским объединением бестужевок. Объединения выпускниц ВЖК в Москве и Ленинграде стали формироваться в конце 1950-х гг. 21 марта 1959 г. в Ленинградском университете состоялось торжественное собрание, посвященное 80-летию ВЖК; на нем был сформирован комитет под руководством Н. П. Вревской. Тогда же было образовано Московское объединение бестужевок во главе с С. И. Стриевской, работавшее в полном контакте с ленинградским комитетом.[17] Одной из важнейших задач, поставленных перед ленинградским комитетом и московским бюро (руководившим деятельностью объединения), была подготовка сборника, посвященного истории Бестужевских курсов. Глаголева с воодушевлением восприняла приглашение принять участие в работе объединения и написала развернутую автобиографию и два текста для будущего сборника.[18] Однако написанные Глаголевой воспоминания не устроили редакционную комиссию по целому ряду причин.

---

[15] *Немчинова Татьяна Иеронимовна* (урожд. Ясинская; 1890—1974) — дочь И. И. Ясинского; с 1909 г. была слушательницей ВЖК (ист.-фил.), а затем Высших женских историко-филологических курсов В. А. Полторацкой; с 1914 г. жена революционера и деятеля высшего образования Ивана Васильевича Егорова (1887—1971); журналист, политработник (в Красной армии), музейный работник; с 1931 г. библиотекарь, с 1932 по 1934 г. зав. библиотекой Пушкинского Дома; персональный пенсионер союзного значения с 1951 г. См.: Пушкинский Дом: материалы к истории, 1905—2005. СПб.: Дмитрий Буланин, 2005. С. 494; Сотрудники РНБ — деятели науки и культуры: биографический словарь. URL: http://nlr.ru/nlr_history/persons/info.php?id=666 (дата обращения: 05.11.2023) (статья О. Е. Кургановой, Г. В. Михеевой). Письма Т. М. Глаголевой-Берхен к Т. И. Немчиновой за 1950—1961 гг. см.: ОР РНБ, ф. 273, ед. хр. 294 (далее: *Письма к Немчиновой*).

[16] Ср.: «<...> вечером — читаю вообще, а в частности “роман моей жизни”, т. е. перечитываю свои дневники за много лет: кое-что ликвидирую, кое-что пока оставляю, но много думаю в связи с этим, переоцениваю <?> свой жизненный путь. Результаты не мрачные, но очень трезвые; отсюда и спокойный прогноз на будущее о невозможности каких бы то ни было реальных путей активной работы вне моей “монастырской кельи”. Приятелей и друзей у меня никаких не водится (это ответ на твой вопрос) — имеются только в ограниченном числе добрые знакомые: старых не осталось на свете больше никого, кроме Крыжицкого, а вновь дружиться с людьми...» (*Письма к Немчиновой,* л. 44—44 об.).

[17] Подробнее см.: *Вахромеева О. Б.* Их дань Бестужевским курсам: (объединенная деятельность бывших бестужевок в 50—70-е годы XX века). СПб.: Лема, 2015.

[18] Ср.: «<...> пишу воспоминания <...> — быть в роли Пимена не так уж, оказывается, просто — нет еще холодного бесстрастия. <...> напишу, а потом среди ночи просыпаюсь оттого, что в мозгу теснится столько людей и фактов — просто жуть берет, и все переживаешь вновь. “И много лиц, и много встреч”» (*Письма к Немчиновой*. Л. 51—51 об.; письмо от 23 янв. 1960 г. Цитата — из стихотворения В. В. Гофмана «Летний бал», 1905).

Т. М. Глаголева-Берхен. Фото середины 1950-х гг.
(РО ИРЛИ, ф. 723)

Во-первых, редакционные комиссии ориентировались преимущественно на жанр объективированного тематического «очерка преподавания», подразумевавшего хронологическую полноту, опору на устоявшиеся репутации и оценки, обращение к печатным и архивным источникам. Именно такие очерки впоследствии составили больше

половины объема сборника.[19] По-видимому, и перед Глаголевой была поставлена задача написать в целом о преподавании в группе русской филологии. Однако она, опираясь только на дневники и собственную память, охотно и подробно писала о том, с чем сталкивалась непосредственно, что видела собственными глазами или в чем лично участвовала, а во всем прочем ограничивалась перечислением имен и названий курсов, да и то подчас с ошибками.

Во-вторых, воспоминания Глаголевой не подходили и в качестве «воспоминаний о любимом педагоге» (второй по популярности жанр): рассказ непосредственно об учебе и научной работе под руководством В. В. Сиповского показался недостаточно цельным и выразительным, а сама его фигура была давно вытеснена на периферию истории отечественной науки.[20]

Но, в-третьих, самым главным недостатком воспоминаний Т. М. Глаголевой оказалось их общее (в первую очередь, идеологическое) несоответствие духу работы бестужевских ветеранских организаций. Увековечение памяти о ВЖК подразумевало встраивание бестужевской истории в историю русской жизни, точнее, в сложившуюся концепцию освободительной борьбы против царизма. Курсистки должны были занять свое место в рядах революционного студенчества. Составленный С. И. Стриевской очерк «Участие бестужевок в революционном движении» впоследствии оказался самым объемным и подробным и в сборнике был размещен перед обзорами учебного процесса. Показательно и содержание мемориальной доски, установления которой на здании Бестужевских курсов на 10-й линии Васильевского Острова настойчиво добивались ветераны: «Здесь с 1885 г. по 1918 г. помещались Высшие женские (Бестужевские) курсы, на которых учились Н. К. Крупская, А. И. Ульянова, О. И. Ульянова, К. Н. Самойлова, П. Ф. Куделли, Л. А. Фотиева и другие видные участницы революционного движения в России».[21] Глаголева и во время учебы, и во время преподавания на курсах была далека от политической

---

[19] Санкт-Петербургские высшие женские (Бестужевские) курсы (1878—1918 гг.): сб. статей / под общ. ред. проф. С. Н. Валка [и др.]. Л.: ЛГУ, 1965; Санкт-Петербургские высшие женские (Бестужевские) курсы, 1878—1918: сб. статей / под общ. ред. проф. С. Н. Валка [и др.]. 2-е изд., испр. и доп. Л.: ЛГУ, 1973 (далее: *ВЖК. Сб. статей. 2-е изд.*).

[20] Впрочем, отбор персонально выделенных преподавателей происходил достаточно случайно. Так, из филологов именными портретами в сборнике оказались отмечены только Н. К. Пиксанов, С. А. Венгеров и Д. Н. Овсянико-Куликовский, а, например, об А. Н. Веселовском и И. А. Шляпкине было сказано только в общих обзорах.

[21] Доска была установлена в 1966 г. Отметим, что на ней не нашлось места не только для ученых и деятелей культуры, но и для казненных революционерок А. К. Венедиктовой, А. М. Мамаевой, Л. А. Стуре, А. М. Шулятиковой, и даже для М. Ф. Ветровой, чье самоубийство в Петропавловской крепости в 1897 г. послужило причиной самых масштабных студенческих волнений в стране. В рамках насто-

жизни и по своей позиции стояла гораздо ближе к «реакционным» академисткам, чем к революционному активу.[22] В 1905 г. она занималась архивными исследованиями, в 1917 г. устраивала личную жизнь в глухой провинции, и все свое участие в революционном движении исчерпала рассказом о нелегальных традициях семьи да случайным знакомством с В. Д. Бонч-Бруевичем.

Более того, воспоминания Глаголевой были написаны человеком, почти полвека сторонившимся общественной жизни, не усвоившим, согласно приведенному выше признанию, «современной манеры и стиля», не обучившимся приемам советской исторической публицистики, в которой частные наблюдения или воспоминания имеют право на существование только в качестве иллюстраций для теоретических положений классиков марксизма.

Присланные тексты были прочитаны составителями и редакторами, обсуждены и возвращены Глаголевой с приложением высказанных замечаний:

> «1. То, что интересно, есть в ряде других статей. Очень слабо по языку.
> 2. Ненужные анекдоты из жизни ученых. Хаотические подробности <?>.
> 3. Неправильные оценки <...> о Сиповском, <...> о Шляпкине (противоречит тому, что говорится о его лекциях в других статьях). Недостаточная характеристика Шляпкина как ученого.
> 4. Много чисто автобиографического материала, не представляющего интереса (с. 10 и др.).
> Статью надо ОЧЕНЬ сократить, ИСПРАВИТЬ ЯЗЫК».[23]

Весьма вероятно, что Глаголева была готова внести необходимые сокращения и изменения, и в конечном счете ее воспоминания в том или ином виде были бы включены в сборник. Однако в это время ее самочувствие ухудшилось, и в январе 1962 г. Татьяна Матвеевна Глаголева-Берхен умерла.

После смерти Глаголевой Московское бюро предприняло шаги, чтобы получить в свое распоряжение ее архив (сбор архивов бестужевок был одним из направлений деятельности организации). Кроме того, заинтересованность в материалах Глаголевой проявил П. Н. Берков (узнавший о ее смерти, возможно, от Н. К. Пиксанова): он ознако-

---

ящей статьи мы не касаемся взаимоотношений ветеранских объединений бестужевок с курировавшими их работу советскими и партийными органами.

[22] В этом смысле показательны совпадения воспоминаний Т. М. Глаголевой с мемуарными очерками К. М. Милорадович (как раз деятельной участницы Академического союза слушательниц ВЖК), написанными в середине 1930-х гг. и выявленными совсем недавно. См.: *Милорадович К. М.* У меня есть моя истина...: избранное / сост. Н. Х. Орловой; коммент. Н. Х. Орловой, А. В. Вострикова. СПб.: Парадигма, 2020.

[23] РО ИРЛИ, ф. 723, папка 5 («Материалы о ВЖК»); выделено в тексте.

мился с ее автобиографией и приложенным к нему списком трудов и составил для бюро справку под заглавием «Т. М. Глаголева, одна из первых исследовательниц русской литературы XVIII века».[24] Подчеркивая научную ценность ее работ (в особенности хорошо ему знакомых дореволюционных статей), Берков, по-видимому, надеялся, что архив, или по крайней мере его научная часть, будет препровожден в ИРЛИ, где он заведовал Сектором по изучению русской литературы XVIII века.

В апреле 1962 г. архив Т. М. Глаголевой оказался в распоряжении Московского объединения бестужевок, однако последующая его разборка заняла годы. Тем временем была подготовлена выставка, посвященная Бестужевским курсам; в 1961 г. она открылась в МГУ, а затем переехала в Ленинград (весной 1962 г. в ЛГУ, а в 1963 г. — в Музее истории города); редакционные комиссии были заняты подготовкой сразу нескольких книг: в 1965 г. вышло первое издание названного выше сборника статей и воспоминаний, а затем библиографический указатель «Высшие женские (Бестужевские) курсы» (М.: Книга, 1966) и сборник «Бестужевки в рядах строителей социализма» (М.: Мысль, 1969); в Ленинграде заметным культурным событием стало открытие мемориальной доски (1966). Было принято решение об аккумуляции всех бестужевских материалов в ЛГУ, в Музее истории университета, и все московские собрания были перевезены в Ленинград.

Деятельницы Московского бюро и Ленинградского комитета, разбиравшие архив Глаголевой, были уже немолоды, часто болели, и работа переходила из одних рук в другие; новичкам требовалось время, чтобы вникнуть в материал, а потом не хотелось с этим материалом расставаться. В архиве сохранились три описи, сделанные разными людьми. К одной из них, составленной М. А. Шильниковой в апреле 1968 г., была приложена сопроводительная записка:

> «Посылая оставшиеся материалы из архива Т. М. Глаголевой, хочу сказать, что при желании (и силах) кто-либо из бестужевок мог бы написать статью о духовном облике бестужевки по ее архиву.
>
> Что особенно примечательно: удивительная целенаправленность в работе, в достижении намеченного пути ученого или в стремлении с детских лет стать ученым (по всему архиву в целом). Аккуратное, бережное отношение ко всем документам от гимназических лет, все свидетельства отличных успехов, рабочие тетради, дневники, альбомы, тетради стихов, все черновики научных работ, записи прочитанных книг по годам — все это при внимательном, неторопливом подборе могло бы дать поучительную картину духовной работы хорошей русской женщины, ее образцового трудолюбия, нравственной чистоты и аккуратности во всем.
>
> Чего стоит одна запись прочитанных книг! В последней папке есть запись прочитанных книг за 1928—32 годы. Интересно бы знать, многие ли

[24] Справка впоследствии была приобщена к архиву Глаголевой: РО ИРЛИ, ф. 723, папка 1 («Личные документы»).

ученые могут похвалиться такой богатой эрудицией, как Т. М. Глаголева! Вот поэтому я считаю, что архивы Т. М. Глаголевой надо сохранить для кого-либо из внимательных и дружественно настроенных исследователей истории ПВЖК.

Болезнь мешает мне заняться этим, а материал интересный и, как говорят, — стоит, чтобы над ним поработать».[25]

И все же в феврале 1972 г. состоялись переговоры между руководителями Комитета бестужевок (К. П. Язевой, Ж. А. Мацулевич и др.), с одной стороны, и представителями Рукописного отдела Пушкинского Дома М. И. Маловой и Л. П. Архиповой, с другой, и 29 февр. 1972 г. архив Т. М. Глаголевой, «состоящий из рукописей ее стихотворений, работ по истории русской литературы XVIII—XIX вв. и материалов к ним, писем к ней разных лиц, биографических материалов и пр.», поступил в Рукописный отдел и был зарегистрирован в книге поступлений за № 48 с присвоением фонду номера 723.[26] А в мае 1974 г. Комитет бестужевок в окончательном протоколе отчитался: «дело Т. М. Глаголевой по просьбе члена-корреспондента Беркова передано в Пушкинский Дом для работы».[27]

За то время, когда бестужевки обрабатывали, перевозили и передавали архив Глаголевой, скончались и запрашивавший его П. Н. Берков, и хорошо помнивший Глаголеву Н. К. Пиксанов (оба в 1969 г.). Ее незаконченные работы и неопубликованные материалы не привлекли внимание исследователей, и фонд 723 так и не был востребован.

Невостребованными оказались и воспоминания Глаголевой о ВЖК. Они не были использованы ни в первом, ни во втором, дополненном издании сборника статей о курсах, хотя ее имя было названо и в списке слушательниц, занимавшихся научной работой, и в списке выпускниц-преподавателей.[28] Тексты, отвергнутые редакционными комиссиями, не были скопированы для Фонда ВЖК и не попали в поле зрения последующих исследователей бестужевской истории.[29]

За прошедшие полвека вышло немало работ, посвященных истории Бестужевских курсов, судьбам отдельных преподавателей и вы-

---

[25] РО ИРЛИ, ф. 723, папка 1 («Личные документы»).

[26] См.: *Архипова Л. П.* Обзор архивных материалов XIX—XX вв., поступивших в Рукописный отдел Института русской литературы за 1972—1973 гг.: новые фонды // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1974 год. Л.: Наука, 1976. С. 90—91.

[27] Музей истории СПбГУ. Фонд ВЖК.

[28] См.: *ВЖК. Сб. статей. 2-е изд.* С. 106—107.

[29] См.: *Вахромеева О. Б.* Университетский музей в СПбГУ как хранитель памяти о Бестужевских курсах // Вопросы музеологии. 2016. № 2 (14). С. 77. В статье фонд Глаголевой представлен как научный архив бывшей слушательницы и преподавательницы, в полном объеме переданный в «профильное учреждение», т. е. «Институт русской литературы и искусства» (так!); о материалах по истории ВЖК не упомянуто.

пускниц. Изменилось наше отношение к этой истории: теперь нам хочется, чтобы строгие хронология и систематика были наполнены (или по крайней мере дополнены) живыми описаниями и деталями, не искаженными идеологическими стереотипами. Именно таким наполнением (или дополнением) могут послужить воспоминания Т. М. Глаголевой. Сейчас нам легко быть снисходительными к очевидным недостаткам текста, к неровностям стиля и фактическим ошибкам, и на первый план выходят достоинства. Основанные на дневниковых записях автора, воспоминания сохранили неповторимые аутентичные детали бестужевской жизни, жаргонные словечки и прозвища, слышанные от профессоров истории, и легенды курсовой жизни, те самые «ненужные анекдоты», которые, по мнению строгих редакторов, подлежали устранению. Беллетризованная, немного архаичная (не только для нас, но и для 1950-х гг.) импрессионистическая манера Глаголевой отразила ее желание не столько изложить события и факты, сколько передать настроение, особый бестужевский дух, к которому она в свое время была причастна на протяжении 15 лет, сначала как слушательница, и затем как преподаватель. Глаголева как будто перенеслась в те лучшие годы своей жизни, когда она была востребованным исследователем и педагогом, и ее воспоминания в не меньшей степени, чем ее статьи, заслуживают нашего благодарного внимания.

Автобиография[1]

Я поступила на ВЖК в 1901 г. после окончания Василеостровской женской гимназии в СПБ.

Родилась в г. Варшаве. Мой отец был старшим врачом Уяздовского военного госпиталя. Отец умер, когда мне было всего 2½ года, так что детство и юность прошли всецело под влиянием матери — человека очень чуткого, интеллигентного и либерального.[2]

Когда моя старшая сестра,[3] окончив гимназию, решила поступить на Бестужевские курсы, мы в 1892 г. переехали в СПБ, где я позднее и училась в гимназии.

Переход от гимназии к Курсам был для меня само собой разумеющимся продолжением образования, тем более что Курсы были близки с детства: моя мать, чтобы приработать на семью к пенсии, давала домашние обеды курсисткам. Наша столовая частенько (особенно во время студенческих волнений) превращалась в своеобразный клуб: спорили, горячились, выявлялись различные точки зрения. Хорошо запомнились мне (тогда 13-летней девочке) характерные споры между юными общественницами и О. А. Добиаш[4] — впоследствии видным ученым — профессором наших курсов, магистром истории, уже в студенческие годы убежденным человеком науки.

Атмосфера нашей семьи была насыщена политикой: «сидели» в Предварилке[5] то брат, то сестра; мне были хорошо знакомы обыски, прятание нелегальщины, поездки с передачами в Предварилку — все это стало настолько привычным и даже будничным, что Курсы привлекали, главным образом, не общественной жизнью, а интересами науки.

Я поступила на историко-филологический факультет: склонность к литературе проявлялась еще в детстве, а в последнем классе гимназии я довольно серьезно для моего возраста занималась по русской истории, писала с одобрения учителя (автора учебника по русской истории К. В. Елпатьевского)[6] сочинения, для которых приходилось посещать даже Публичную библиотеку.

Немудрено, что, поступив на Курсы, я подпала под обаяние лекций проф. С. Ф. Платонова, нашего большого ученого и изумительного лектора, и слушала его везде, где только могла: на своем I курсе, на IV курсе, на практических занятиях.[7] В практических его занятиях я, как первокурсница, участвовать не имела права, а так как хотелось не только слушать, но и самой работать, — я стала заниматься у К. А. Иванова по истории Греции, написала реферат.[8]

Перейдя на II курс, получила возможность работать у Сергея Федоровича: группа наша, участвовавшая в практических занятиях, была серьезная и слаженная. Слушательница М. А. Островская впоследствии была оставлена при кафедре русской истории, защитила диссертацию на степень магистра, но психическая болезнь прекратила ее дальнейшую научную деятельность.[9] Очень много давал нам Сергей Федорович критическим обсуждением наших рефератов и помогал ценными указаниями, так что когда я на III курсе переменила специальность — перешла работать у проф. В. В. Сиповского[10] по русской литературе, то определенно чувствовала, какой нужный фундамент для исследовательской работы дало мне руководство С. Ф. Платонова.

С 1904 г. я работала по XVIII веку уже не в рамках курсовой учебы: занималась в различных архивах исследованием литературной деятельности А. Д. Кантемира, результатом чего явилась моя первая напечатанная статья (Изв<естия> Ак<адемии> Н<аук> 1906 г.): «Материалы для полного собрания сочинений А. Д. Кантемира».[11]

Перейдя на предметную систему как более углублявшую знания (моему курсу можно было оканчивать Курсы еще по старой системе преподавания),[12] я закончила Курсы в 1907 году, была оставлена при кафедре русской литературы[13] и организовала — с согласия В. В. Сиповского — необязательный просеминарий для начинающих (почему-то программой вначале не предусмотренный). В 1908 году он был мне поручен уже факультетом, как оплачиваемый, а в 1909 г. я была назначена постоянной преподавательницей по кафедре новой русской литературы, вела и просеминарий и семинарий.[14]

В 1907—1913 гг. я вела еще практические занятия на курсах Н. П. Раева (б<ывшего> директора ВЖК).[15] В 1913 г. занятия по русской литературе на этих курсах были отменены.

Научная и литературная деятельность за эти годы выразилась в продолжении работы над Кантемиром, в работах о Ломоносове; в ряде небольших статей и рецензий в 1912—13 гг. в газете «День».[16]

Летом 1913 года побывала за границей; цель моей поездки была Италия — знакомство на местах с памятниками итальянского искусства: еще будучи на I курсе, я с большим интересом слушала лекции проф. А. В. Прахова по истории искусств.[17]

Для увеличения своего заработка, а отчасти для души, я еще курсисткой заведовала агентурным отделом в издательстве моего брата:[18] там доводилось встречаться с интересными людьми. Так, например, частенько захаживал к нам в издательство В. Д. Бонч-Бруевич, возглавлявший издательство «Наука и знание».[19] Во время войны была заведующей конторой книгоиздательства И. Д. Сытина — Петроградского отделения.[20]

В 1916 г. я по личным причинам оставила Курсы и после февральской революции стала лектором Василеостровской районной Думы, выступая с лекциями в различных клубах.

В основном сотрудничала в «Литературной энциклопедии»[21] до самого ее прекращения, отчасти в «Мал<ой> Сов<етской> энциклопедии»;[22] позднее, в 1951 г., в «Большой Советской Энциклопедии».[23]

В 1944 г. было столетие со дня смерти А. Д. Кантемира; прочитала доклад о его дипломатической деятельности; дала небольшую статейку в Информбюро, но ничем существенным в научной области этот период моей жизни не ознаменован.

Затем большое удовлетворение доставило мне издание в «Библиотеке поэта» стихотворений Ант. Кантемира (под ред. П. Н. Беркова, Л-д, 1957): в нем напечатаны все найденные некогда мной стихотворения и переводы Кантемира, учтены мои поправки и замечания, — словом, спустя 55 лет работа, проделанная юной бестужевкой, выдержав испытание временем, оказалась пригодной и в наши советские дни.[24]

Декабрь 1960 г.

---

[1] РО ИРЛИ, ф. 723, папка 1 («Личные документы»). Машинопись (не 1-й экземпляр).

[2] *Глаголев Матвей Федорович* (1828—1887) — из духовного сословия; получил образование в духовной семинарии, а затем в Московском университете, последние годы состоял на должности врача 6-го армейского корпуса (Варшавский военный округ); действительный статский советник (1879). Жена (с 1872 г.) — Ольга Ивановна, урожд. Нелидова, дочь генерал-лейтенанта. См.: Русский биографический словарь / изд. Имп. Рус. ист. о-ва. М.: тип. Имп. Академии наук, 1916. Т. [5]:

Герберский — Гогенлоэ. С. 243 (статья О. Жуковой); *Волков С. В.* Высшее чиновничество Российской империи: краткий словарь. М.: Ун-т Дмитрия Пожарского, 2016. С. 167). В семье было 5 детей: Александра (1873—1954), Федор (1875—1927), Иван (1878—?), Николай (1880—1938), Татьяна.

[3] *Глаголева Александра Матвеевна* (1873—1954) — выпускница ВЖК (1896; ист.-фил.); общественная деятельница (преимущественно в области женского движения), фольклористка, литератор.

[4] *Добиаш-Рождественская Ольга Антоновна* (1874—1939) — выпускница ВЖК (1899; ист.-фил.); впоследствии преп. ВЖК (1907) и С.-Петербургского университета (1915); магистр всеобщей истории (1915); член-корр. АН (1929). Здесь и далее в справках об упомянутых преподавателях мы приводим сведения только о работе на ВЖК и в С.-Петербургском университете. Сведения даются по изд.: *Вахромеева О. Б.* Преподавание наук на Высших женских (Бестужевских) курсах (1878—1918): со вступительным очерком «Границы женской эмансипации в дореволюционной России»: к 140-летию Бестужевских курсов. М.: РОССПЭН, 2018 (далее: *Вахромеева. Преподавание наук...*), с уточнением в отдельных случаях по отчетам ВЖК, а также по электронному «Словарю профессоров и преподавателей Санкт-Петербургского университета (1819—1917)» на портале «Биографика СПбГУ». URL: https://bioslovhist.spbu.ru/university.html (дата обращения: 06.11.2023).

[5] «*Предварилка*» — Дом предварительного заключения, первая в России специальная тюрьма для содержания подследственных; располагалась на Шпалерной ул., д. 25.

[6] *Елпатьевский Константин Васильевич* (1854—1918) — историк, педагог, литератор; был инспектором С.-Петербургской Василеостровской женской гимназии, где училась Т. М. Глаголева, а также преподавал в ней историю; автор изд.: «Учебник русской истории: с приложением родословных и хронологических таблиц и указателем личных имен» (в 2 ч.; СПб.: тип. М. М. Стасюлевича, 1888—1889; 14-е изд.: 1915).

[7] *Платонов Сергей Федорович* (1860—1933) — историк, преп. ВЖК (1883) и С.-Петербургского университета (1888); директор Женского педагогического института (с 1903 г.); член-корр. АН (1909), академик (1920).

[8] *Иванов Константин Алексеевич* (1858—1919) — историк и филолог-классик, педагог, переводчик; преп. ВЖК (1897—1902). На ВЖК читал курс лекций и вел практические занятия для 1-го курса по истории Греции. См. о нем: *Гете И. В.* Фауст / впервые в пер. Константина Иванова [...]. СПб.: Имена, 2005. С. 7—14, 588—636.

[9] *Островская Мария Андреевна* (1884 — не ранее 1927) — племянница драматурга; выпускница ВЖК (1906; ист.-фил.), первая женщина — магистр русской истории (диспут 16 марта 1914 г.), первая женщина — приват-доцент С.-Петербургского университета (с осени 1914 г.). Память подвела Глаголеву: С. Ф. Платонов не оставлял Островскую при курсах и отказал ей в руководстве при написании магистерской диссертации (руководителем Островской стала А. Я. Ефименко). Осенью 1925 г. у М. А. Островской было выявлено психическое заболевание («психическое расстройство на почве тяжелых переживаний»), она лечилась в психиатрической клинике им. И. М. Балинского; осенью 1927 г. признана недееспособной; обстоятельства смерти (вероятно, не позднее 1929 г.) неизвестны. См.: *Востриков А. В.*, *Панченко Е. З.* Историк Мария Андреевна Островская // Петербургский исторический журнал. 2021. № 3 (31). С. 191—209.

[10] *Сиповский Василий Васильевич* (1872—1930) — историк литературы; преп. ВЖК (1902) и С.-Петербургского университета (1902); впоследствии член-корр. АН (1921).

[11] Научные занятия потребовали от Глаголевой поездки в Москву, к которой она серьезно готовилась. 1 апр. 1905 г. она писала И. А. Шляпкину: «Многоуважаемый Илья Александрович! Василий Вас<ильевич> Сиповский говорил мне, что у Вас великолепная коллекция указателей. Вследствие того, что я работаю над сатирами Кантемира и еду в скором времени в Москву ради этой работы, — мне крайне необходимо собрать точные указания относительно рукописей Кантемира. Поэтому очень прошу Вас, будьте добры назначить мне день, когда я могу приехать к Вам на 2 часа, — только собрать необходимые справки. Буду очень благодарна за разрешение воспользоваться Вашей коллекцией» (РО ИРЛИ, ф. 341, оп. 1, ед. хр. 1087, л. 2—3). Впоследствии В. В. Сиповский предоставил сведения о работе Глаголевой для включения в ежегодный отчет ВЖК: «Под руководством проф. Сиповского слушательница III курса Т. М. Глаголева, изучающая жизнь и творчество Антиоха Кантемира, работала по рукописям в Имп. Публичной Библиотеке, в Имп. Академии Наук, в О<бщест>ве люб<ителей> древн<ей> письменности, — на свой счет ездила в Москву и в имение гр. Уваровой, чтобы заниматься в тамошних архивах. Ей удалось найти несколько интересных неизданных рукописей сочинений Ант. Кантемира» (*Отчет ВЖК 1905—1906. СПб., 1907*. С. 69—70). Кроме названных архивов, Глаголева работала с рукописями, хранившимися в С.-Петербургской духовной академии и Обществе любителей древней письменности; в Москве — в Румянцевском Музее, Московском архиве Министерства иностранных дел и Московском историческом музее; а также в собрании графа А. С. Уварова, хранившемся его вдовой П. С. Уваровой в подмосковном имении Поречье. Упомянутая статья: *Глаголева Т. М*. Материалы для полного собрания сочинений кн. А. Д. Кантемира // Известия Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук, 1906. Т. XI, кн. 1. С. 177—217; Кн. 2. С. 98—143; также отд. отт.: СПб., 1906. 86 с.

[12] С 1906 г. на ВЖК была введена предметная система обучения (вместо существовавшей ранее курсовой): были отменены переводные (с курса на курс) экзамены, установлены на каждом факультете группы наук (на ист.-фил. первоначально: философия, германская, романская и русская филология, всеобщая и русская история; впоследствии количество групп было расширено); для каждой группы был установлены обязательные общие курсы, а также специальные отделы (курсы); из числа последних каждая слушательница могла выбирать по собственному усмотрению; аналогично устанавливались и практические занятия; слушательницы могли сдавать экзамены в течение всего семестра; для получения свидетельства об окончании слушательница должна была сдать (в произвольном порядке) все обязательные курсы и установленное количество специальных отделов. Организационная перестройка в соединении с приглашением широкого круга преподавателей и значительного увеличения читаемых курсов должна была обеспечить специализацию обучения и углубленное освоение избранной специальности («группы») на научной основе. См.: *Быкова Т. А*. История преподавания на историко-филологическом факультете // *ВЖК. Сб. статей. 2-е изд.* С. 82—84; Наша дань Бестужевским курсам: воспоминания бывших бестужевок за рубежом. Париж: изд. «Объединения б. бестужевок за рубежом», 1971. С. 40—41, 144—145 (далее: *Наша дань*); см. также: *Вахромеева. Преподавание наук...* С. 280—281. Т. М. Глаголева пишет, что перешла на предметную систему; ниже, в «Воспоминаниях преподавателя ВЖК», она еще более определенно высказалась, что окончила курсы в 1907 г. «первая и единственная в тот год по предметной системе». Однако и в ежегодном отчете (см.: *Отчет ВЖК 1906—1907. СПб., 1908*. С. 60), и в списках выпускниц (см.: *Бестужевка в цифрах*. С. 138) Глаголева, как и все другие выпускницы 1907 г., обозначена как окончившая курсы по курсовой системе. Право вы-

бора системы, по какой закончить обучение, было предоставлено слушательницам 1902 и 1903 г. поступления.

[13] Практика оставления особенно успешных в научных занятиях выпускниц при кафедрах была введена на ВЖК по аналогии с университетом и другими вузами. В университете целью оставления, по официальной формулировке, была «подготовка к профессорскому званию»: оставленные сдавали магистерские экзамены, писали диссертации, после чего те из них, кто успешно прошел все необходимые этапы, приобретали ученую степень и могли пополнить штат приват-доцентов и профессоров как в своем, так и в других вузах. На ВЖК цель оставления чаще всего обозначалась как неопределенное «продолжение научных занятий» (допуск к магистратуре стал возможным для женщин только в 1910-е гг., и воспользовались им единицы); оставленные получали право испрашивать разрешение работать в библиотеках и архивах от имени ВЖК и в будущем имели шанс стать лаборантами, ассистентами или преподавателями на ВЖК — в качестве собственных выпускниц. Тем не менее, статус «оставленной при курсах» был весьма престижным: это было формальное признание научного потенциала; кроме того, оставленные имели право пользоваться курсовой библиотекой, посещать лекции и практические занятия. Решение об оставлении принималось факультетом по представлению профессора. Кроме Т. М. Глаголевой, В. В. Сиповский в 1907 г. оставил при курсах Екатерину Павловну Херсонскую (урожд. Куняеву) (см.: *Отчет ВЖК 1906—1907. СПб., 1908*. С. 75).

[14] Согласно официальным сведениям, Т. М. Глаголева состояла преподавателем ВЖК по русской литературе с 16 июня 1909 г., с вознаграждением 400 руб. в год. См.: Список лиц, состоящих на службе в С.-Петербургском учебном округе к 1 января 1911 года. СПб.: тип. В. Д. Смирнова, 1911. С. 43.

[15] *Раев Николай Павлович* (1855—1919) — сын священника, будущего митрополита С.-Петербургского и Ладожского Палладия; окончил специальные курсы Лазаревского института восточных языков (1878); директор ВЖК с 1894 по 1905 г.; впоследствии директор учрежденных при поддержке министерства Высших женских курсов Н. П. Раева (1905—1916); действительный статский советник (1896); обер-прокурор Святейшего Синода (с 30 авг. 1916 по март 1917 г.).

[16] К автобиографии был приложен машинописный «Список научных и литературных трудов Т. М. Глаголевой-Берхен», в котором, помимо первой статьи, она указала следующие работы (сведения проверены нами по изданиям и приведены к современным библиографическим нормам): 1) К жизнеописанию князя Потемкина: повесть о Гардарике, князе Цимбрском // Русский архив. 1910. Кн. 2, вып. 5. С. 49—77; 2) Отзывы современников и потомства о литературной деятельности М. В. Ломоносова // М. В. Ломоносов, 1711—1911: сб. статей / под ред. В. В. Сиповского. СПб.: Изд-во Я. Башмаков и К° в Петербурге, 1911. С. 150—185; 3) К литературной истории сатир кн. А. Д. Кантемира. Влияние Буало и Лабрюйера // Известия Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. 1913. Т. XVIII, кн. 2. С. 143—187; 4) Кантемир Антиох Дмитриевич // Новый энциклопедический словарь / изд. Брокгауза и Ефрона. СПб., 1913. Т. 20. С. 757—760; 5) Сатиры кн. А. Д. Кантемира и русский быт первой половины XVIII века // Филологические записки. 1914. Вып. 3. С. 398—421; Вып. 4. С. 489—503; 6) Ломоносов как гражданин // Там же. 1915. Вып. 2. С. 205—222; 7) Раб, эллин и жрец: В. Г. Бенедиктов, Н. Ф. Щербина, А. А. Фет // Русская мысль. 1917. Кн. 2. С. 26—39. В сохранившемся в архиве Т. М. Глаголевой экземпляре далее на подклеенном бумажном фрагменте указаны неполные (и часто неточные) сведения о других работах: газетных публикациях, статьях в журналах и энциклопедиях советского периода. Сверка этих сведений и подробное рассмотрение научного и литературно-

критического творчества Т. М. Глаголевой не входила в наши задачи в настоящей публикации.

[17] *Прахов Адриан Викторович* (1846—1916) — историк искусства, археолог; преп. ВЖК (1900—1906) и С.-Петербургского университета (1873). А. В. Прахов читал лекции для 3-го и 4-го курсов.

[18] *Глаголев Николай Матвеевич* (1880—1938) — революционер, журналист, книгоиздатель; с 1904 по 1909 г. руководил собственным издательством, печатавшим книги преимущественно социально-экономической и исторической тематики; кроме того, участвовал в издании и распространении марксистской литературы (см.: Деятели революционного движения в России: биобиблиографический словарь. Т. 5: Социал-демократы, 1880—1904, вып. 2: В — Гм. М.: Всесоюз. о-во полит. каторжан и ссыльнопоселенцев, 1933. Стб. 1279—1282). Кроме того, Н. М. Глаголев был авиатором-любителем (под псевдонимом Волков); вел разделы о новостях воздухоплавания в различных изданиях, редактировал журнал «Вестник воздухоплавания», в котором в 1912—1914 гг. в качестве издательницы выступала Т. М. Глаголева. После 1917 г. работал как инженер, специалист в области авиадвигателей; автор нескольких пособий; арестован в 1937 г., умер в заключении в Ухтижемлаге.

[19] *Бонч-Бруевич Владимир Дмитриевич* (1873—1955) — этнограф, публицист, советский партийный и государственный деятель; в 1906—1917 гг. соединял нелегальную партийную работу с легальной издательской деятельностью; с 1908 по 1918 г. владел созданным им издательством «Жизнь и знание».

[20] *Сытин Иван Дмитриевич* (1851—1934) — один из крупнейших книгоиздателей дореволюционной России. «Товарищество печатания, издательства и книжной торговли И. Д. Сытина», располагаясь главной конторой в Москве, имело филиальные отделения во многих городах империи, в том числе и в Петрограде.

[21] «Литературная энциклопедия» выходила с 1929 г. в Москве под ред. В. М. Фриче, а затем А. В. Луначарского; издание прекратилось в 1939 г. после выхода предпоследнего, 11-го тома: «Стансы — Фортегуерри». Т. М. Глаголева для этого издания, согласно составленной ею автобиблиографии, написала статьи о Я. Б. Княжнине, В. И. Лукине, Ю. А. Нелединском-Мелецком, Н. П. Николеве, Н. П. Осипове, В. П. Петрове, П. А. Плавильщикове, А. А. Ржевском (Глаголева указала также В. И. Майкова, однако в энциклопедии помещена статья Л. И. Тимофеева). Кроме того, Глаголевой указаны написанные ею и «принятые редакцией», но не напечатанные статьи об А. М. Скабичевском, Д. И. Хвостове, И. И. Хемницере, А. С. Хомякове, П. И. Шаликове, А. А. Шаховском, А. С. Шишкове и И. А. Шляпкине.

[22] «Малая советская энциклопедия» вышла в 10 т. в 1928—1931 гг.; второе изд. (в 11 т.): 1936—1941, 1947; третье (в 10 т.): 1958—1960. Глаголева указала, что написала для нее статьи о Екатерине II, М. Н. Загоскине и А. Е. Измайлове.

[23] «Большая советская энциклопедия» вышла в 66 т. в 1926—1947 гг.; второе изд.: 1949—1958; третье изд.: 1969—1978. Глаголева указала, что написала для 2-го издания статьи об А. Д. Кантемире, Н. П. Николеве и Н. П. Осипове.

[24] Т. М. Глаголева ошиблась: это издание подготовил не П. Н. Берков, а З. И. Гершкович: *Кантемир А. Д.* Собрание стихотворений / вступ. ст. Ф. Я. Приймы; подгот. текста и примеч. З. И. Гершковича. Л.: Советский писатель, 1956 (вып. дан.: 1957). (Библиотека поэта. Большая серия. 2-е изд.). В издании, действительно, учтены материалы, выявленные Т. М. Глаголевой, а в текстологическом предисловии ее работы названы «богатыми находками разысканиями» (с. 432).

Воспоминания о Высших женских курсах[1]

Когда в 1901 г. я поступила на ВЖК, слушательниц было не так много, как в последующие годы; наше поступление составляло 400 чел. на историко-филологический факультет, 200 чел. на физико-математический.

Административный аппарат состоял из директора Н. П. Раева (в нашем курсовом просторечии «папы Раева»), секретаря Скрибы (тоже прозвище, фамилии ее никто не помнил, а некоторые новички простодушно считали, что «скриба» (от латинского)[2] и есть настоящая фамилия секретаря), аудиторной дамы, т. е. диспетчера, Юлии Николаевны (фамилии не помню) — приветливой, немного суетливой, но всегда готовой пойти навстречу желаниям слушательниц, — и инспектрисы Москалевой, ведавшей интернатом.[3]

«Папа Раев» был довольно добродушен, по-своему любил Курсы: во время студенческих волнений, которые обычно грозили забастовкой, директор приходил на наши сходки и начинал слезно умолять: «Пожалейте себя, если Курсы не жалеете!», но, разумеется, это был настоящий казенный администратор, снисходительный в вопросах отсрочки платы за право учения, но совершенно чуждый науке.[4]

Инспектриса Москалева, чопорная дама со стереотипной любезной улыбкой, типа начальницы столичной гимназии, надзирала за исполнением правил общежития в интернате. Интернатки — девушки, не имевшие в СПБ родственников, по большей части состоятельные (интернат был довольно дорог), не имели права принимать кого-либо у себя в комнате — для приема посетителей предназначалась общая гостиная.[5]

Интернатки помещались в комнаты по две, причем просто в алфавитном порядке, что часто влекло к неладам между соседками с несходными характерами и направлением. Так, на нашем I-м курсе ссорились Клочкова[6] — серьезная занимающаяся девушка, и Купчинская — красивая барышня с русалочьими глазами, которая нелепо трагически покончила жизнь самоубийством на американской дуэли с соперницей из-за поклонника.[7]

Среди интернаток была своеобразная прослойка из хорошеньких девушек (некоторые были настоящими красавицами — царицами студенческих балов, напр., Мухина,[8] Яковенко),[9] которые прозывались нами «Раевский кордебалет»: они бывали у директора и инспектрисы и, кажется, очень мало интересовались наукой.

Конечно, не эти слушательницы определяли физиономию курса, однако первое время мой курс в общественном отношении был плохо спаян. Провинциалок объединяли землячества; петербурженки, жившие в семьях, были разрознены и часто держались вместе только со своими старыми гимназическими подругами. В дальнейшем завязывались дружбы, создавались кружки с общими научными и обществен-

ными интересами, но той беззаботной студенческой жизни с шумными веселыми вечеринками, о которой я знала от моей старшей сестры — бестужевки 90-х годов, мне самой не довелось испытать. То поколение не столько слушало профессоров — любимцем был И. М. Гревс[10] за прогрессивные убеждения, совершенно не признавался консервативный И. А. Шляпкин,[11] симпатичный и уважаемый С. К. Булич[12] был просто «скучен» со своим русским языком, — сколько своих «богов» — авторитетных студентов, проповедовавших террор.

Мое время не знало таких перегибов: к научным занятиям относились серьезно и добросовестно; революционно настроенные курсистки, несмотря на яростные споры различных партийных группировок, в конечном итоге все были социалистками и мирно уживались между собой — «бэки» (большевики) с «мэками» (меньшевики) и даже с эсэрами.

Помню слушательницу Стурре, восторженную и, по-видимому, очень смелую девушку, которая погибла по обвинению в участии на покушение на ген<ерал->губернатора Трепова.[13]

Сестры Масловы[14] жили в квартире, помещавшейся над полицейским участком, и устраивали там конспиративные собрания, считая именно такое соседство безопасным. Действительно, все проходило благополучно и они ни разу не «влипли».

На курсе была у нас выборная депутатка на случай каких-либо необходимых переговоров с «начальством»; но она была какая-то неяркая, и память не сохранила ни ее имени, ни внешности. Зато заметным, обстоятельным и умным деловым человеком была наша кассирша, представительница курса в кассе взаимопомощи — Ан<на> Ив<ановна> Петрова,[15] связанная с партийными группировками. Она умела выделять суммы для помощи заключенным товарищам, выписывая фиктивную ссуду на имя кого-либо из слушательниц, конечно, с ведома и согласия того лица, чьим именем пользовалась. Так же удачно списывались на те же цели деньги с выручки от курсового бала. Выручка-то вообще проверялась полицией, но были суммы с почетных билетов — вне полицейского контроля.

Курсовые балы занимали видное место в жизни Курсов моего времени: артисты в концерте выступали бесплатно, почетные билеты, которые развозились видным людям — общественным деятелям, писателям — давали солидный доход, но самое устройство бала до 1905 г. было зачастую сопряжено с трудностями. Ехать самим за разрешением в градоначальство значило тянуть бесконечную волынку — надо было раскачивать «папу Раева», который мог легко добиться личного приема у градоначальника.[16] После долгих наших упрашиваний и кислых отговорок «папы» — «Вы думаете, мне очень приятно ехать с ним разговаривать?» — он, наконец, сдавался с тем условием, чтобы с ним ехала какая-нибудь курсистка (подразумевалось — хорошенькая, ибо «папа Раев» был очень неравнодушен к женской внешности). Надо

было соответствующе приодеться, занять микроскопическое местечко в собственной пролетке директора — пролетка была узенькая, а размеры «папы» достаточно солидные — и всю дорогу до градоначальства развлекать «папу» приятными разговорами, чтобы он приехал в градоначальство в хорошем настроении. Тогда разрешение на личном приеме получалось в несколько минут, но иногда ставились каверзные условия. Так, когда я была одной из главных распорядительниц бала, градоначальник потребовал, чтобы ответственными за бал было несколько профессоров. Мы срочно мобилизовали своих учителей, охотно давших согласие на наши просьбы.

Проф. Палладин[17] (позже академик, чудесный, симпатичнейший «дядя Володя») был завербован своей ученицей — ботаником Т. А. Красносельской[18] (впоследствии видным научным работником) и был ответственным за порядок в зале.

Проф. С. К. Булич, сам прекрасный пианист, ведал артистической, а В. В. Сиповский, мой учитель, самый младший из всех, охранял лестницу и вестибюль; чтоб ему не было очень уж скучно сидеть на верхней площадке лестницы, я помогала ему нести эту вахту, и мы провели много времени в разговорах.

Нашим ответственным распорядителям — профессорам мы придумали изящные значки, и они впоследствии посмеивались над своей необычной, навязанной «начальством» ролью.

Упомяну еще об одном обычае моих курсовых лет, — так сказать, филантропического характера: ежегодно на Рождество на Курсах устраивалась елка для бедных ребят Васильевского острова, не очень многочисленная — человек на 200, но с игрушками и полезными подарками, которые удавалось собрать путем пожертвований. В течение двух лет я была рьяной помощницей главных устроительниц; когда одна за другой они кончили Курсы, взялась за дело самостоятельно. Желания и энергии было достаточно, и, развив бешеную деятельность со своими помощницами, я добилась того, что мы сумели устроить елку на 600 ребят.

Елка была громадная, до потолка актового зала, вдоволь сластей, игрушки, полезные подарки — шапка, теплый платок, платьице, иногда даже теплое пальто. Кроме детей с билетами набежало много «зайцев» — которых наш добросердечный сторож Трофим после настойчивых просьб пропускал в здание и которым подарков уже не полагалось.

Но веселились все хорошо, смотрели с увлечением картины с волшебным фонарем, и никаких нарушений порядка не было, хотя шума, смеха, стрельбы из только что полученных игрушечных пистолетов, боя барабанов, писка всяких заводных животных было столько, что и на следующий день мы все, распорядительницы, были как очумелые.

На следующий год я уже усиленно работала по русской литературе и совершенно не могла уделить время елке. У новых устроительниц

было, очевидно, меньше пыла, и елка вышла уже не такой многолюдной. В 1905 году вообще уже было не до елки, и это начинание незаметно зачахло.

Уже во время войны в 1915 году подобную же елку, в несколько меньших масштабах, устроили в Горном институте. По старой памяти я приняла в ней участие, но уже не с прежним юношеским увлечением.

Обращаясь от быта к учебным занятиям наших курсисток, повторяю, что работали усердно, более или менее успешно в зависимости от способностей, к лекциям проявляли несомненный интерес и лишь по некоторым предметам, как, например, латинский язык,[19] готовились только к экзаменам.

Профессорский состав был замечательный — все крупные ученые — немудрено, что аудитории не пустовали!

Большим успехом пользовался профессор философии А. И. Введенский;[20] не только логику и психологию, но и трудные философские учения он, убежденный кантианец, умел излагать ясно и доходчиво, порой оживляя свою серьезную содержательную речь шуткой или остротой. Доводилось мне бывать и на его практических занятиях для старших курсов. Так, например, темой занятий была философия Шопенгауэра — проводил их профессор увлекательно интересно.[21]

Исключительными, на всю жизнь памятными остались лекции профессора С. Ф. Платонова (позднее академика). Как сейчас слышу его плавную речь, ясный с необычайно четкой интонацией голос, вижу его некрупную, но до старости ладную фигуру, седой бобрик над высоким лбом, умные зоркие глаза под стеклами очков. Вижу его сидящим на кафедре, облокотясь на ручку кресла, и спокойно-художественно, порой и с легкой иронией рисующим перед нами, его слушательницами, картины русской жизни далекого прошлого. Его обрисовка детства и юности Ивана Грозного, причины возникновения опричнины была изумительна по глубокому психологизму, была совершенным шедевром исторического анализа. А о Смутном времени, таким знатоком которого был Сергей Федорович, и говорить не приходится!

Кроме того, что С. Ф. Платонов был редким мастером-лектором, он — крупнейший ученый и педагог, очень много давал своим ученицам на практических занятиях, как-то незаметно искусно направлял мысли слушательницы по нужному руслу.

Практические занятия в те годы были необязательны, но вокруг профессора обычно сплачивалась группа наиболее серьезных слушательниц, работавших над рефератами по теме, указанной профессором. У С. Ф. Платонова на нашем курсе занималась очень хорошая и способная группа; в дальнейшем одна из участниц этих практических занятий М. А. Островская защитила диссертацию на степень магистра русской истории, но психическая болезнь навсегда прекратила ее научную работу. Из более позднего поколения бестужевок — уче-

ниц С. Ф. Платонова надо указать ныне здравствующую С. Ф. Айнберг,[22] научного работника крупного масштаба.

Однажды, будучи уже преподавательницей русской литературы на Курсах, я делала доклад в Обществе любителей древней письменности,[23] косвенно связанный с историей; на докладе присутствовал С. Ф. Платонов, и после его окончания полушутя сказал М. С. Майковой (бестужевка, жена секретаря О<бщест>ва, а в советское время — сама секретарь, научный работник по литературе со значительным количеством трудов):[24] «Чувствуется моя школа».

Он был совершенно прав в своей оценке, ибо тот исторический фундамент, который необходим и литературоведу, был заложен у С. Ф. Платонова, на практических занятиях, под его ценным руководством.

Сергей Федорович хорошо знал занимающихся у него и был к ним внимателен; на экзамене умел даже прямо проставить отметку, не спрашивая слушательницу. Когда я уезжала на лето в имение к тетке в Воронежскую губернию и знала, что не найду там научной литературы, я обратилась к Сергею Федоровичу с просьбой, нельзя ли с его помощью получить книги из нашей фундаментальной библиотеки. Заведующая библиотекой Е. В. Балобанова — старая бестужевка, автор чудесных легенд для юношества[25] — знала меня, но на каникулы курсисткам книг не полагалось выдавать. С. Ф. поручился за то, что выдаваемые мне книги будут сохранены, и я получила все, что хотела, увезла с собой целую кипу капитальных ценных трудов по русской истории.[26]

Позднее мне доводилось иногда встречаться с С. Ф. Платоновым у общих знакомых Майковых и по делу.

Была я и в хороших отношениях с Ниной Сергеевной, дочерью профессора, до самой ее смерти во время блокады Ленинграда, — (наша бестужевка, ученица Е. В. Тарле, автор ряда научных работ, в советское время печаталась в «Лит<ературном> наследстве», ред<актировавшемся> В. Д. Бонч-Бруевичем);[27] она многое рассказывала об отце, но главная острота впечатлений сохранилась от поры моей юности, и в благодарной памяти до конца моей собственной жизни остался образ любимого профессора, чуткого учителя, которому я обязана своей научной подготовкой.

Среди историков видное место занимал И. М. Гревс — кумир предшествовавших мне поколений. Европейски известный ученый (специальность — средние века), чрезвычайно прогрессивный человек, прекрасно относившийся к молодежи, после студенческих волнений 8 февр. 1899 г. был изгнан властями из Университета и с ВЖК.[28] Будучи восстановлен в 1902 г., в 1903 И. М. вернулся на Курсы. Возвращение пострадавшего любимого профессора было встречено восторженно; на первой его лекции слушательницы устроили настоящую овацию. Иван Михайлович был так тронут, что в приветствии его курсисткам

в его голосе слышались слезы. В дальнейшем, однако, успех И. М. Гревса бывал уже не так велик: слушательницы относились к нему с неизменным уважением и как к профессору, и как к декану факультета, но сильные симпатии вызывали теперь уже более молодые ученые: Э. Д. Гримм[29] и особенно М. И. Ростовцев (историк Рима),[30] горячий, увлекающийся самим процессом лекции. Он возбужденно двигался по кафедре, а когда раздавался звонок, возвещавший конец лекции, быстро собирал свои записки и почти сбегал с кафедры.

С большим темпераментом читал, также из «молодых», испанскую литературу проф. Д. К. Петров.[31] До его приглашения на Курсы западная литература была представлена Ф. А. Брауном,[32] солидным ученым, который своим ровным и спокойным чтением особенно многолюдной аудитории не привлекал.

Были еще профессора, читавшие спорадические курсы, не подлежавшие сдаче на экзаменах: маститый патриарх с длинной седой бородой, ученый, поэт и переводчик — П. И. Вейнберг, который из равнодушия к ученым степеням так до старости числился магистрантом.[33] П. И. Вейнберг читал курс о Байроне, просто, очень доступно, но увлекательно и образно.

О «старой веселой Англии» с неизменным пафосом повествовал Е. В. Аничков.[34]

До 1903 г. слабее других была представлена кафедра русской литературы: ею ведал один только профессор И. А. Шляпкин, специалист по древней русской литературе, — фигура чрезвычайно колоритная, но лектор не блестящий.

В 1903 г. с приглашением проф. В. В. Сиповского кафедра новой русской литературы, которую он возглавлял, пополнилась далее и другими лицами (Н. К. Пиксанов, Т. М. Глаголева), но о работе нашей кафедры я буду говорить на других страницах моих воспоминаний, — здесь я ограничиваюсь лишь годами моей личной курсовой жизни.

14.1.1961. Т. Глаголева-Берхен.

---

[1] РО ИРЛИ, ф. 723, папка 5 («Материалы о ВЖК»). Машинопись (не 1-й экземпляр). Здесь же рукопись, по содержанию идентичная машинописному тексту.

[2] Незаполненный пропуск в тексте. Имеется в виду: scriba — секретарь, писец (*лат.*). Ср.: «Скриба (Scriba) — у древних римлян название секретаря. С. составляли высший класс служащих» (Энциклопедический словарь. СПб.: Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон, 1900. Т. 30 (59). С. 268; статья Н. П. Обнорского). Слово употреблялось и в переносном ироническом значении. Ср.: «По одну сторону выводящей арки приютился “моментальный” фотограф, снимающий на арабесочном фоне мадрассы, по другую — расставивший на ковре свои калямы и свертки бумаги наемный скриба, строчильщик просьб и кляуз» (*Кржижановский С. Д.* Салыр-Гюль (1933)); «Прокламации изготовлял главным образом Никитский, Андрей Александрович, наш “скриба”, как мы его называли» (*Вишняк М. В.* Дань прошлому (1953)); «Составлял бюллетень Никитский, которого мы за это прозвали “Скри-

ба” <...>» (*Зензинов В. М.* Пережитое (1953)); примеры найдены с помощью Национального корпуса русского языка. Слово, возможно, воспринималось как имя собственное на фоне общеизвестной фамилии французского драматурга *Эжена Скриба* (1791—1861). Кроме того, псевдонимом «Скриба» активно пользовался в периодической печати литературный критик и журналист *Евгений Андреевич Соловьев* (1866—1905).

[3] Должности секретаря на ВЖК не было. В штат инспекции (т. е. административного персонала, подчинявшегося директору) в 1901—1902 гг. входили, помимо названных: выпускницы ВЖК (1882; ист.-фил.) *Юлии Николаевны Вощининой* (1861—?) и вдовы действительного статского советника, бывшей начальницы Елецкой женской гимназии *Софьи Александровны Москалевой*, — помощницы инспектрисы: выпускница ВЖК (1895; ист.-фил.) княжна *Зинаида Аркадьевна Мышецкая* и домашняя учительница *Зинаида Ивановна Неклюдова*, а также письмоводитель, личный почетный гражданин *Сергей Алексеевич Щеголев*. См.: *Отчет ВЖК 1901—1902. СПб., 1903.* С. 57. Все они покинули ВЖК в 1905 г. после упразднения инспекции. На приложенном к воспоминаниям Т. М. Глаголевой листке, видимо, рукой одной из членов редакционной комиссии написаны три фамилии: «Секретарь — ? Платонова Афанасия Михайловна; Москалева Софья Александровна; Вощинина Юлия Николаевна», однако А. М. Платонова покинула ВЖК весной 1901 г.

[4] О «директоре Р., по прозванию “папаша”» см. в мемуарном очерке К. М. Милорадович «Пир во время чумы»: «У папаши Р. была довольно примечательная наружность. Он мне немного напоминал Ставрогина, как тот описан у Достоевского, но более добродушного и взятого в бесконечно более мелком масштабе. Известно, что Достоевский описывает наружность Ставрогина как красивую и в то же время несколько отвратительную. Папаша Р. тоже был недурен. Его красное, с нафабренными черными усами лицо напоминало маску, а на голове он носил парик, или, по крайней мере, черные припомаженные волосы, разделенные ровным пробором посредине, — очень напоминали парик. Не знаю, какими судьбами он, человек без высшего образования, но очень богатый, стал во главе высшего женского учебного заведения. Когда впоследствии директор курсов стал выбираться из среды профессоров и Р—ву пришлось уйти, он открыл собственные частные, так называемые “Раевские” женские курсы, пользовавшиеся довольно хорошей репутацией, так как там преподавали тоже университетские профессора. Во всяком случае, без высшего женского учебного заведения под руками Р. жить не мог. Он был страстным любителем женщин. О его ухаживаниях ходили темные слухи, не опровергавшиеся непосредственным впечатлением от его личности, в которой было что-то кошачье и не совсем чистоплотное. Но были в его характере и положительные черты. Он всегда горой стоял за свои курсы и своих курсисток, в случае демонстраций и студенческих историй, вызывавших репрессии и аресты, — всегда стойко и с успехом защищал их перед властями, где имел связи, и никогда не оставлял нуждающихся без помощи. Умом он не отличался; отношение к нему слушательниц было добродушно-насмешливым <...>» (*Милорадович К. М. У меня есть моя истина...* С. 137—138).

[5] Общежитие ВЖК было учреждено вместе с возобновлением временно приостановленного приема на курсы в 1889 г. Впоследствии оно размещалось как в нанимаемых квартирах в соседних домах, так и в специально для него построенном в 1895 г. флигеле, а затем и в приобретенном соседнем доме, соединенном с главным зданием ВЖК внутренним переходом. При организации общежития предполагались следующие основания: «Общежитие должно предоставлять отвечающее санитарным требованиям помещение и здоровое питание. Обстановка его должна быть удобная, простая. Плата за общежитие должна покрывать все расходы по со-

держанию и применительно к существующим ценам назначается в 300 руб. За эту плату общежитие предоставляет лицам, пользующимся им, меблированное помещение с отоплением и освещением, прислугу, стирку, утренний и вечерний чай, завтрак и обед. <...> Внутренний строй общежития и надзор над слушательницами находился в ведении инспектрисы Курсов, назначенной Министерством Народного Просвещения» (С.-Петербургские высшие женские курсы за 25 лет, 1878—1903: очерки и материалы. [СПб.]: Комитет О-ва для доставления средств Высшим Женским курсам в С.-Петербурге, 1903. С. 198—199; см. также с. 209—213; далее: *ВЖК за 25 лет...*). Обстановка и распорядок жизни в общежитии при открытии были достаточно жестко регламентированы: «Обстановка для всех слушательниц полагается одинаковая: для каждой предоставлены железная кровать с матрацом и подушкою, комод, шкаф для платья, письменный стол, полка для книг, мягкое кресло, плетеный венский стул, лампа и подсвечник. Внутренний распорядок жизни в общежитии установлен следующий: с 9½ до 10¾ час. утра — чай или кофе в общежитии. В 12 часов, во время большой перемены между лекциями, завтрак. В 4 часа, по окончании лекций, обед в здании курсов. В 9 часов чай (в общежитии). Слушательницы, живущие в общежитии, могут принимать своих родственников и знакомых в свободное от занятий время в особой приемной, причем посетители и посетительницы вносят свои имена в заведенную для того книгу» (*Отчет ВЖК 1889—1890. СПб., 1891*. С. 48—49). В дальнейшем условия проживания и плата за проживание в общежитии варьировались в разные годы и в различных его подразделениях. Общежитие ВЖК было упразднено в янв. 1906 г.

[6] Неустановленное лицо. В списках выпускниц ВЖК отсутствует.

[7] *Купчинская Елена Петровна* (1882—1903) — слушательница ВЖК (ист.-фил.). Выразительный портрет Е. П. Купчинской («Лёли») содержится в очерке «Вампир» К. М. Милорадович, состоявшей с ней в дальнем родстве: «Леля К. <...> была очень красива. Правда, красота ее была несколько холодноватой и декоративной, но очень эффектной. Особенно хороша была у нее копна пепельных пушистых волос, а черное платьице “réforme”, которое она обычно носила, было ей чрезвычайно к лицу. Руководить Лелей в ее знакомстве с курсами не пришлось. Она отличалась большой самостоятельностью и пылкостью темперамента. Но наше знакомство, хотя и не перешло в более интимную связь, завязалось довольно прочно и было окрашено чувством взаимной симпатии. <...> наши встречи с Лелей стали довольно редкими, происходили обычно в здании курсов между лекциями на сходках, но сопровождались обыкновенно оживленным обменом мнений и впечатлений. Эти встречи сделались еще реже, когда Леля, увлекшись театром, поступила, не бросая высших курсов, в театральное училище. На лекциях она появлялась крайне редко, и был долгий период, когда я ничего не слыхала о ней» (*Милорадович К. М. У меня есть моя истина...* С. 110). Самоубийство Е. П. Купчинской 10 нояб. 1903 г. породило различные предположения и слухи: «Говорили, что К—ская и другая ученица театрального училища уговорились вместе покончить с собою. Что они достали револьвер и вчера вечером, запершись в Лелиной комнате, стреляли в себя. К—ская убила себя наповал, а другая стреляла неудачно, произошла осечка, и она осталась жива. Говорили, что был вызван брат К—ской и что он всю ночь провозился с бившейся в истерике второй неудачной самоубийцей» (Там же. С. 114). К этой же версии склоняется и Милорадович, приписывая спонтанное решение «импульсивной и жизнерадостной», но впечатлительной Купчинской влиянию на нее депрессивной и разочарованной в жизни подруги (идентифицировать которую нам не удалось). Причины смерти удалось скрыть, и Е. П. Купчинская была похоронена на Волковом кладбище по православному обряду. См.: *Саитов В. И.* Петербургский некрополь. СПб.: тип. М. М. Стасюлеви-

ча, 1912. Т. 2: Д — Л. С. 565; см. также: *Гордеев П. Н.* Ф. П. Купчинский — уполномоченный Временного комитета Государственной думы и Временного правительства по делам бывшей Придворной конюшенной части и бывшего Гаража его величества // Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность: международная научная конференция «Таврические чтения 2012». СПб.: ЭлекСис, 2013. Ч. 2. С. 41.

[8] Возможно, *Шаурова (урожд. Мухина) Мария Климентовна*, выпускница ВЖК (1904; ист.-фил.).

[9] Возможно, *Яковенко Надежда Павловна*, выпускница ВЖК (1904; ист.-фил.).

[10] *Гревс Иван Михайлович* (1860—1941) — историк-медиевист; преп. ВЖК (с 1892 г., с перерывом) и С.-Петербургского университета (с 1889 г., с перерывом).

[11] *Шляпкин Илья Александрович* (1858—1918) — историк русской словесности; преп. ВЖК (1890) и С.-Петербургского университета (1888); член-корр. АН (1907). Подробнее о нем см.: Илья Александрович Шляпкин в зеркале своих корреспондентов: письма А. А. Громова, 1904—1918 гг. [Ч. 1] / вступ. статья, подгот. текста и коммент. А. В. Вострикова // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2020 год. СПб.: Росток, 2020. С. 416—430.

[12] *Булич Сергей Константинович* (1859—1921) — филолог-русист, санскритолог, музыковед, композитор и музыкант-любитель; преп. ВЖК (1890) и С.-Петербургского университета (1885); последний директор ВЖК (1910—1918).

[13] *Стуре (Стурре) Лидия Августовна* (1884—1908) — слушательница ВЖК (физ.-мат.), член эсеровского Северного боевого летучего отряда. Отряд готовил покушение на министра юстиции Ивана Григорьевича Щегловитова (1861—1918); был выдан полиции Е. Азефом. 7 февр. 1908 г. Стуре была арестована во время тайного наблюдения за квартирой Щегловитова, при аресте стреляла в агента, но промахнулась. 15 февр. состоялся суд над Стуре и восемью другими членами группы, в том числе выпускницей ВЖК (1896; ист.-фил.) Анной Михайловной Шулятиковой (по мужу Распутина; 1874—1908). Смертный приговор в отношении семерых подсудимых (в том числе Стуре и Шулятиковой) был приведен в исполнение в ночь с 17 на 18 февр. 1908 г. 17 февр. состоялось экстренное заседание Советской комиссии ВЖК с единственным вопросом: «Обсуждалось положение вещей, созданное исполнением смертного приговора над слушательницей С.-Петербургских Высших Женских Курсов Лидией Стуре. Постановлено: уполномочить директора в случае необходимости отменить в понедельник 18 февраля на один день занятия на Курсах» (*Отчет ВЖК 1907—1908. СПб., 1909.* С. 126—127). Занятия на ВЖК 18 февр. 1908 г. действительно были отменены. См.: *Стриевская С. И.* Участие бестужевок в революционном движении // *ВЖК. Сб. статей. 2-е изд.* С. 57—60. Л. А. Стуре и ее товарищи стали прототипами героев повести Л. Н. Андреева «Рассказ о семи повешенных» (1908). Ошибка памяти Глаголевой, назвавшей объектом покушения петербургского генерал-губернатора (в 1905—1906 гг.) *Дмитрия Федоровича Трепова* (1855—1906), связана, вероятно, с общеизвестной историей о покушении на его отца, петербургского градоначальника *Федора Федоровича Трепова* (1812—1889), совершенном в 1877 г. *Верой Ивановной Засулич* (1849—1919).

[14] Вероятно, *Маслова Евгения Дионисьевна*, выпускница ВЖК (1907; ист.-фил.), и *Маслова Елена Дионисиевна* (1888—?), выпускница ВЖК (1916; ист.-фил.; русская филология, литература).

[15] *Петрова Анна Ивановна* (1887—?), выпускница (1914; ист-фил.; русская филология, литература). Подробнее о кассе взаимопомощи на ВЖК см.: *ВЖК. Сб. статей. 2-е изд.* С. 74—75.

[16] Должность с.-петербургского градоначальника с 1895 до конца 1903 г. исполнял *Николай Васильевич Клейгельс* (1850—1916); с февраля 1904 до 11 января 1905 г. — *Иван Александрович Фуллон* (1844—1920); с января по декабрь 1905 г. — *Владимир Александрович Дедюлин* (1858—1913), а после него — *Владимир Федорович фон дер Лауниц* (1855—1906). Описание посещения градоначальника за получением разрешения на благотворительный концерт в пользу нуждающихся курсисток содержится в воспоминаниях бестужевки *Елены Николаевны Верейской* (урожд. *Кареевой*; 1886—1966; ВЖК не окончила). Действие происходит в конце 1905 или начале 1906 г. «Я очень волновалась: сумею ли? Надев свой лучший костюм, отправилась к градоначальнику: добиваться встречи не пришлось: какой-то чиновник, даже не спросив, по какому я делу, провел меня по широким коридорам и остановился у высокой дубовой двери.

— Подождите минуту. Я доложу.

— Скажите, что представительница ВЖК.

Он сразу же вернулся и распахнул дверь.

— Пожалуйста!»

Героине удается обмануть чиновника (на самом деле деньги нужны для бегства скрывающейся от полиции подруги) и обойти выставленные им препятствия («артистам императорских театров мы не разрешим участвовать»; «все билеты должны быть проштампованы в градоначальстве» и т. п.). Показательна концовка эпизода:

«Ой, как трудно было удержать свои ноги, чтобы они шли степенным, неспешным шагом по ковровой дорожке к двери. Они рвались бежать, бегом бежать из этого гнусного места! А вдруг этот тип одумается, вернет, отберет разрешение! Так же степенно я заставила себя спуститься по лестнице мимо шнырявших по ней взад и вперед полицейских, но, выйдя на Гороховую улицу, я вскочила на первого извозчика и, ликуя, помчалась к подругам» (*Кареева-Верейская Е. Н.* Странички дневника // *ВЖК. Сб. статей. 2-е изд.* С. 258—260).

[17] *Палладин Владимир Иванович* (1859—1922) — ботаник и биохимик; преп. ВЖК (1900) и С.-Петербургского университета (1901), член-корр. АН (1905), академик (1914).

[18] *Красносельская-Максимова Татьяна Абрамовна* (1883—1950), выпускница ВЖК (1904; физ.-мат.; хим. разряд, биология); после окончания оставлена при курсах, с 1909 г. ассистент по кафедре анатомии и гистологии; впоследствии известный ботаник, доктор биологических наук (1935).

[19] «На моем курсе латинский яз<ык> читал Н. К. Гельвих — скучновато; зато у проф. И. И. Холодняка, который в дальнейшем читал еще и греч<еский> яз<ык>, дело обстояло иначе: слушательницы действительно выучивались языку. И. И. вел также для желающих занятия по итальянскому языку, причем согласился заниматься со старшей группой (хотя нас было только двое). Мы читали с ним Данте и позднее д'Аннунцио» (*примеч. Т. М. Г.-Б.*). В примечании упоминаются: *Гельвих Николай Августович* (Карлович) (1868 — не ранее 1929) — преп. латинского языка ВЖК (1893) и С.-Петербургского университета (1898—1904); *Холодняк Иван Ильич* (1857—1913) — филолог-классик, преп. латинского языка и литературы ВЖК (1889) и С.-Петербургского университета (1884). В 1903 г. И. И. Холодняк отмечал: «Возможность приложить свои познания по латинскому языку к ознакомлению с романскими наречиями слушательницы получили в последнее время в виде необязательного курса итальянского и испанского языков (итальянский читается проф. И. И. Холодняком, испанский — проф. Д. К. Петровым)» (*ВЖК за 25 лет...* С. 45). Ср. в некрологе И. И. Холодняка: «С 1901—2 г. И. И. взял на себя ведение элементарного курса итальянского языка. Курс этот вел он и в следующие

годы, присоединив к нему еще занятия по итальянским авторам» (*Отчет ВЖК 1912—1913. СПб., 1914*. С. 15). С 1909 г. на курсы был принят штатный лектор по итальянскому языку *Ринальдо Викторович Лоренцони* (1857—1924).

[20] *Введенский Александр Иванович* (1856—1925) — философ, логик; преп. ВЖК (с 1889, с перерывами) и С.-Петербургского университета (1887), председатель Философского общества при С.-Петербургском университете (1897—1923).

[21] Семинарий по Шопенгауэру А. И. Введенский вел в 1903—1904 учебном году: «По философии практические занятия на двух старших курсах производились под руководством проф. А. И. Введенского. Сначала они состояли в критическом изучении сочинения Шопенгауера “О четвероякомъ корне закона достаточного основания”. Слушательницы по очереди излагали письменно или устно (но не иначе как при помощи письменного конспекта) и совместно обсуждали все главы этого сочинения, сопоставляя их с некоторыми отрывками из гносеологических сочинений Канта, Юма и Милля. Таким образом, слушательницы имели возможность более или менее самостоятельно разъяснить и углубить приобретенные ими на лекциях сведения по гносеологии. Вслед за тем для углубления их познаний по этике подобным же путем изучались сочинения Шопенгауера “О свободе воли” и “Основы морали”, причем они сопоставлялись с отрывками из этических сочинений Канта» (*Отчет ВЖК 1903—1904. СПб., 1905*. С. 77).

[22] *Айнберг-Загряцкова (Ансберг) Сарра Филипповна (Сура-Фалик Рувимовна)* (1886—1963), выпускница ВЖК (1911; ист.-фил.; русская история); после окончания оставлена при курсах по кафедре русской истории, ассистировала проф. А. А. Кауфману в ведении семинария по исторической статистике (с 1914 г.). Впоследствии жена, помощница, а после смерти хранительница архива поэта и писателя *Гавриила Валерьяновича Добржинского* (1883—1946).

[23] Императорское Общество любителей древней письменности (ОЛДП) имело целью, согласно уставу, «издание славяно-русских рукописей, замечательных в литературном, научном, художественном и бытовом отношении, и перепечатывание книг, сделавшихся библиографической редкостью»; действовало в С.-Петербурге с 1877 по 1932 г. С 1894 г. до закрытия ОЛДП должность секретаря исполнял *Владимир Владимирович Майков* (1863—1942). Т. М. Глаголева регулярно посещала заседания ОЛДП и неоднократно в них выступала. Одно из заседаний она описала в стихотворении:

В О<бщест>ве Люб<ителей> Др<евней>
Письм<енности>. 15/I <1910>

Длинный стол, сукном затянут,
На стенах везде иконы;
Референт все тянет, тянет,
Голос мерный, монотонный.

Долго, долго он читает,
Говорит подробно, скучно,
А о чем — мой ум не знает,
Строгим рамкам непослушный.

Озабоченные лица, —
Этим людям интересно!
Мертвецов то вереницы,
Путь прямой им в рай небесный!

Не для них весна и лето,
Аромат цветов душистых,

Сказкой лунной лес одетый,
Солнца трепет золотистый.

Прочь из сети душно-тесной,
Мглы ученого обмана!
Прочь отсюда — в мир чудесный,
В царство радостного Пана!

Пусть все так же скучно льется
Речь ученого скелета, —
Прочь отсюда! Жизнь смеется:
Песнь моя еще не спета!
(РО ИРЛИ, ф. 723, папка 4 («Стихи. Тетрадь 2»)).

[24] М. С. Боровкова-Майкова была не только женой В. В. Майкова, но и его помощницей в ОЛДП (в том числе одно время занимала должность библиотекаря общества).

[25] *Балобанова Екатерина Вячеславовна* (1847—1927), выпускница ВЖК (1882; ист.-фил.) — библиотекарь ВЖК (1882—1918); филолог-кельтолог, автор перевода «Поэм Оссиана» Дж. Макферсона на русский язык (1891), а также ряда изданий для детей и юношества: «Западноевропейский эпос и средневековый роман в пересказах и сокращенных переводах» (3 т.; 1896—1900; совместно с О. М. Петерсон), «Легенды о старинных замках Бретани» (1896, 1899), «Рейнские легенды» (1897, 1898, 1902, 1912), «Из моих странствий и приключений» (3 ч.; 1901—1913), «Пятьдесят лет назад: воспоминания институтки» (1913) и др. См. о ней: Екатерина Балобанова, библиотекарь Бестужевских курсов: труды, документы, воспоминания / сост., автор статьи и коммент. А. В. Востриков. СПб.: СПбГУ, 2014.

[26] Сохранилось письмо Е. В. Балобановой к С. Ф. Платонову от 25 апр. 1903 г. по поводу этого эпизода:

«Многоуважаемый Сергей Федорович,

Я позволила себе дать Глаголевой не все те книги, которые Вами были назначены, потому что она девица очень неаккуратная. Я ей выдала лишь те, которых у нас имеются дублеты, и не дала ни Бильбасова, ни Шильдера. Я принуждена так действовать ввиду того, что за последние годы необычайно возрастает процент невозвращенных книг из числа взятых на имена профессоров, как в учебный сезон, так и на лето. За каждым почти профессором числится по нескольку взятых и не возвращенных книг с 1897 по 1902 г., и надежды на возвращение многих из них нет никакой. Ваши ученицы наиболее аккуратны, но и то <далее Балобанова называет несколько книг, утерянных ученицами Платонова. — *А. В.*>.

Слушательницы, берущие книги на имена профессоров, кроме того, никогда не считаются ни с количеством книг, которые могут отпускаться в одни руки, ни со сроками, определенными для возвращения их: за некоторыми числятся книги с 1899 г. “Книга у меня, она мне нужна”, — говорят они, и делу конец. Если же слушательница берет обыкновенным порядком на свое имя, то она обязана возвратить книгу перед отъездом; если же она берет ее на лето под залог — она ограничена и количеством и сроком возвращения. Из книг последней категории никогда не пропадало ни одной.

После же того, как оказались разрозненными коллекции справочных книг по химии, для пополнения которых нами затрачено 900 руб., я принуждена особенно внимательно относиться к спискам книг, требуемых слушательницами на имя профессора, а со своей стороны могу только покорнейше просить

самих гг. профессоров избегать давать разрешение на получение книг из библиотеки на свое имя.

Извините, что беспокою.

Преданная Вам Е. Балобанова <...>» (ОР РНБ, ф. 585, ед. хр. 2191, л. 11—12).

[27] *Платонова Нина Сергеевна* (1886—1942), выпускница ВЖК (1909; ист.-фил.; русская филология, литература) — историк (преимущественно Великой Французской революции), архивист, музейный работник. Н. С. Платонова печаталась в журнале «Анналы», выходившем в Петрограде под редакцией Ф. И. Успенского и Е. В. Тарле: «Накануне Французской революции» (1922. № 1) и «Критический момент в жизни Бомарше» (1923. № 3). После возвращения из ссылки она приняла участие в трехтомном издании «Русская культура и Франция», вышедшем в серии «Литературное наследство»: подготовленные ею материалы вошли в статью В. С. Люблинского «Наследие Вольтера в СССР» (М., 1937. Т. 1; Литературное наследство. Т. 29/30), а также составили самостоятельную публикацию «Вольтер в работе над “Историей России при Петре Великом”: новые материалы» (М., 1939. Т. 3; Литературное наследство. Т. 33/34). В. Д. Бонч-Бруевич редактировал сборники «Звенья», выходившие в Москве с 1932 г., а к изданию «Литературного наследства» отношения не имел.

[28] Весной 1899 г. в России произошли самые масштабные студенческие волнения, начавшиеся с разгона шествия студентов столичного университета полицией 8 февр. и последующими объявлением забастовки и прекращением занятий (10 февр.), введением в университет полиции (12 февр.), присоединением к забастовке студентов других вузов в разных городах страны, введением правил об отдаче отчисленных студентов в солдаты и т. д. Летом 1899 г. от преподавания в С.-Петербургском университете и на ВЖК по личному распоряжению министра народного просвещения Н. П. Боголепова были уволены И. М. Гревс и Н. И. Кареев; официально причины удаления популярных профессоров не были объявлены, но общественное мнение связывало его с их либеральным образом мысли и публичным осуждением полицейских мер. И. М. Гревс возобновил чтение лекций на ВЖК осенью 1902 г. («среднюю» историю — для 2-го курса, на котором училась Глаголева), Н. И. Кареев — в 1906 г. Подробнее см.: *Востриков А. В., Грачева Е. Н.* Reservatio mentalis, или И. М. Гревс и И. А. Шляпкин в 1899 г. // Сборник памяти Елены Владимировны Душечкиной. СПб.: Нестор-История, 2022. С. 169—178.

[29] *Гримм Эрвин Давидович* (1870—1940) — историк; преп. ВЖК (1899) и С.-Петербургского университета (с 1894, с перерывом); впоследствии проректор (1909—1910) и ректор университета (1911—1918).

[30] *Ростовцев Михаил Иванович* (1870—1952) — филолог и историк-классик, антиковед; преп. ВЖК (1898) и С.-Петербургского университета (1899).

[31] *Петров Дмитрий Константинович* (1872—1925) — филолог-испанист; преп. ВЖК (1902) и С.-Петербургского университета (1899). В мае 1928 г., оправляясь от болезни, Т. М. Глаголева писала М. С. Боровковой, расспрашивая об общих знакомых: «<...> черкните, от какой болезни умер мой “враг” Д. К. Петров — меня это известие как громом поразило» (СПбФ АРАН, ф. 738, оп. 4, ед. хр. 4, л. 13 об.; письмо от 22 мая 1928 г.).

[32] *Браун Федор Александрович* (1862—1942) — филолог-германист; преп. ВЖК (1893) и С.-Петербургского университета (1900).

[33] *Вейнберг Петр Исаевич* (1831—1908) — поэт, переводчик, историк литературы; преп. ВЖК (1901—1903) и С.-Петербургского университета (1887—1894); почетный академик по разряду изящной словесности (1905). После окончания Харьковского университета (1854) П. И. Вейнберг сдал магистерские экзамены

и в соответствии с этим пользовался званием магистранта. Занимаясь почти всю жизнь литературной и журнальной работой, магистерской диссертации он так и не написал и, когда был приглашен преподавать на ВЖК, вынужден был в официальных документах писаться «магистрантом», что в соединении с его возрастом и библейской внешностью выглядело несколько комично. Сходная (и, конечно, хорошо известная Глаголевой) ситуация была у историка Александры Яковлевны Ефименко (1848—1918), приглашенной на ВЖК в 1907 г.: окончив в свое время женскую гимназию, она пользовалась званием «домашней учительницы» до тех пор, пока Харьковский университет не удостоил ее докторской степенью honoris causa (1910), после чего она была избрана профессором ВЖК. — В тексте фамилия написана в немецкой огласовке: Вайнберг.

[34] *Аничков Евгений Васильевич* (1866—1937) — историк литературы, фольклорист; преп. ВЖК (1902—1908) и С.-Петербургского университета (1902—1917).

Воспоминания о группе русской филологии Высших женских курсов[1]

Когда в 1901 г. я поступила слушательницей на ВЖК, ист<орико>-фил<ологический> факультет не был еще разбит на более узкие специальности, а включал и исторические и филологические кафедры.

После проведения реформы преподавания и перехода на предметную систему я переключилась на нее, избрав группу русской филологии (хотя могла закончить Курсы по старой системе), ибо уже с 1904 г. специализировалась по русской литературе и в 1906 г. начала печататься;[2] (кончила ВЖК в 1907 г.).

С чистыми филологами я была мало связана и потому могу сказать о них немногое.

С. К. Булич — после В. А. Фаусека[3] — наш директор, прекрасный человек, талантливый музыкант-пианист и, конечно, крупный знаток своего предмета — русского языка, читал его несколько скучновато, так что, когда на кафедре появился новый даровитый специалист, молодой тогда еще доцент Л. В. Щерба,[4] слушательницы охотнее занимались у него, чем у С. К.

И. А. Бодуэн-де Куртенэ,[5] читавший введение в языкознание, ученый с очень большим именем, отличался необыкновенной скромностью и мягкостью; его просеминарий был обязательным для начинающих, и, кажется, не было ни одной курсистки, которой Ив<ан> Ал<ександрович> нашел бы возможным не зачесть работу или поставить «неуд.» на экзамене.

Из профессоров литературы профессор древней русской литературы И. А. Шляпкин — фигура чрезвычайно колоритная. Своеобразная наружность: большая голова, крупные черты лица, неестественная полнота (болезненная) и при этом быстрая, почти семенящая походка. Лицо ученого, но с некоторой чисто-русской хитринкой (Шляпкин — сын крестьянина); когда же И. А. улыбался или смеялся, его лицо, совсем некрасивое, становилось очень привлекательным.

Характерной чертой Шляпкина-ученого было кропотливое, детальное исследование; им было написано свыше 100 научных трудов (одна из лучших работ: «Царевна Наталия Алексеевна и театр ее времени»), но докторской диссертации он не удосужился защитить; зато получил почетную степень доктора honoris causae.[6]

По своим убеждениям человек довольно консервативный, И. А. Шляпкин хорошо относился к молодежи.

Большой популярностью его лекции не пользовались, отчасти по своим темам, отчасти потому, что читал И. А. в манере рассказа, что не всем нравилось. В частной беседе это был великолепный рассказчик: когда он, страстный собиратель различных древностей, знаток иконографии, рассказывал о своих находках, его можно было заслушаться.

Исключительный знаток русской старины, И. А. создал у себя на даче в Белоострове, где проживал постоянно, прекрасный музей. Библиофил, иконограф, И. А. не стеснялся хитростью затащить какую-нибудь редкость в свой музей или даже присвоить. Рассказывал, например, он такой случай: где-то на севере, то ли в самой Вятке, то ли в каком-то городке Вятской губ. (не помню точно), он натолкнулся, осматривая старую церковь, на статую Христа в алтаре. Православная церковь не признавала скульптурных изображений святых (в противоположность католикам), и такие скульптуры были величайшей редкостью: сохранились от полуязыческого древнего времени кое-где в старинных церквах маленьких городишек. И. А. «заговорил» местного священника и убедил отдать ему статую. Почему-то было удобно забрать ее во время богослужения, и вот И. А. прошел со своими спутниками в алтарь; закутали статую в простыню, укрыли, положили на носилки и под видом внезапно заболевшего человека пронесли при молящихся через всю церковь. Уложить на телегу и увезти, куда требовалось, было уже не так сложно: «Христос» прибыл благополучно на станцию Белоостров и составил одну из ценностей музея, которой хозяин весьма гордился. Были у И. А. Шляпкина и такие диковинки, как огромный диван-«самосон», принадлежавший некогда историку Погодину, на котором с успехом могли улечься 4—5 человек, различные портреты писателей и ученых XIX века с автографами, картины, вышивки и т. п.

В подвальном этаже музея — предметы, иконы, рукописи, относящиеся исключительно к древней Руси; потолок был выкрашен в голубой цвет (под цвет неба) с разбросанными на нем золотыми звездами и подвешенным выпуклым серпом — луны и шариком — солнце. Ведя гостей по этому этажу, И. А. приговаривал:

«На небе солнце — и в палатах солнце;
На небе месяц — и в палатах месяц;
На небе звезды — и в палатах звезды».[65]

В годы 1910—1912 по древней литературе читал еще проф. С. К. Шамбинаго о «Слове о полку Игореве».[8]

Из профессоров новой русской литературы С. А. Венгеров[9] и Д. Н. Овсянико-Куликовский[10] мало интересовались общей работой кафедры, особенно последний: я ни разу не видела его присутствующим на факультетских заседаниях. Известный тургеневед, проф. Овсянико-Куликовский вел необязательный семинарий[11] по Тургеневу; слушательницы, пройдя обязательный зачетный семинарий у проф. В. В. Сиповского и др., шли к Овсянико-Куликовскому работать, так сказать, дополнительно. Иногда профессор читал и другие курсы, так, например, в 1911/12 уч<ебном> году он читал «Происхождение мифа».

Пушкинист и тщательный библиограф проф. С. А. Венгеров создал у себя дома замечательную картотеку по Пушкину; его пушкинский семинарий в университете работал над составлением пушкинского словаря и вообще был ячейкой, из которой вышло целое поколение молодых ученых-пушкинистов (ныне уже маститых), объединенных венгеровской школой. На ВЖК он тоже вел интересный пушкинский семинарий, относясь к нему, как это было свойственно С. А., внимательно-требовательно; он привлек слушательниц и к работе над словарем, но настоящих ученых-пушкинисток из среды его семинария не выявилось.[12]

Проф. В. В. Сиповский возглавлял кафедру новой русской литературы; он читал обязательный общий курс и вел семинарий, темы занятий в последнем были разнообразные; для поступления в семинарий требовался или зачет пройденного просеминария, или устный коллоквиум.

Разносторонне одаренный человек[13] с необыкновенной трудоспособностью, В. В. Сиповский был буквально влюблен в науку: в периоды летнего отдыха, когда он проводил некоторое время без работы, В. В. очень скоро начинал рваться к книгам и, оставив семью на даче, возвращался в Петербург еще задолго до начала учебного года. С неизменным завидным трудолюбием он поглощал неимоверное количество материалов для своих исследований: им было написано множество мелких статей, которые потом объединялись и входили как главы в солидный труд. Крупными трудами В. В. Сиповского были его магистерская диссертация «Н. М. Карамзин, автор “Писем русского путешественника”», «Пушкин, жизнь и творчество» — любимая книга ее автора; диссертация на степень доктора филологических наук в 2-х томах: «Очерки из истории русского романа XVIII века», «Русская лирика XVIII в.» (курс лекций), «Русские повести XVII—XVIII вв.» и много других.

Все научное творчество В. В. Сиповского было объединено единой широкой темой; до последних дней своей жизни он продолжал работу над русским романом. Эрудиция В. В. была колоссальной, материал

по XVIII веку был им проработан богатейший, но, как ни грустно констатировать это мне, его ближайшей ученице, приходится признать, что в настоящее время имя В. В. Сиповского известно лишь литературоведам, труды его почти забыты. Проф. В. В. Сиповский остался одиночкой, школы он не оставил, хотя вокруг него группировались очень преданные и верные ему ученики и ученицы.[14] Надо полагать, что основной причиной устарелости трудов профессора — члена-корреспондента Академии Наук — явилась недостаточная четкость социологического подхода к поступательному движению литературы.

Как профессор Курсов В. В. Сиповский был популярен среди слушательниц, многие ценили тонкость его вкуса. Показательны строки из письма ко мне одной из участниц его семинария (Маликовой[15]); она писала: «Знаете, за что я люблю Сиповского? У него художественное чутье. А отсюда и вдохновение: знаешь, что все, что будешь выкладывать, поймется».

В. В. предоставлял занимающимся у него большую свободу инициативы; он утверждал, что, если человек хочет работать и обладает способностями, его не надо вести на поводу — он сам сумеет найти нужный путь. Не всегда, однако, это положение оправдывало себя; если некоторым полная самостоятельность была по характеру (как было в свое время и со мной), иные, менее уверенные в себе, по неопытности терялись и иногда отходили от работы, разочаровавшись в своих силах.

Не вполне устойчив (в педагогическом отношении) был В. В. во взгляде на научные занятия своих учеников; например, в раннем периоде моей работы под его руководством В. В. как-то писал мне: «Рад за Вас, что не теряете храбрости научной, но прошу, не очень наваливайтесь на науку: капризная штука! Людьми не пренебрегайте, в parties de plaisir участие принимайте. Благословляю Вас!»[16]

Так ему мыслился облик ученого, не уходящего от жизни; таким был он сам: живой, красивый, с умными яркими глазами, остроумный, порой даже с едким юмором (которого некоторые не прощали В<асилию> В<асильеви>чу), радушный хозяин, любивший в застольной беседе затронуть не только научную тему, но и поэзию и театр, любивший хороший смех и шутку...

А порою случалось, что В. В. Сиповский, став старше, начинал проповедовать ученый аскетизм, утверждал, что науке человек должен отдавать себя всего целиком, неодобрительно относился к частому посещению театра или концертов. Но что он всегда неизменно приветствовал и поощрял — это энергию в работе. Вот еще строки из другого его письма, более позднего: «Ваше бодрое, сильное письмо мне очень понравилось, и я его несколько раз в виде поучения читал двум студентам, которые у меня гостят. Давай Вам Бог энергии побольше, работайте, пока молоды».

Переходя в моих воспоминаниях к истории организации нашей кафедры, напомню, что она долгое время была представлена одним лишь профессором И. А. Шляпкиным. В 1903 г. В. В. Сиповский, тогда совсем молодой приват-доцент СПб. университета, был приглашен для чтения лекций на IV курсе ВЖК. В университете он имел дело с небольшой группой студентов (в несколько человек), у нас же впервые выступил перед довольно многочисленной аудиторией. Читал он о Пушкине хорошо, с увлечением, но и с некоторым романтическим пафосом; был скромен, застенчив, и курсистки отнеслись к нему чуть иронически, но тут же забросали вопросами относительно практических занятий. В. В. предоставил право выбирать темы рефератов самостоятельно, и вскоре был прочитан первый реферат слушательницей Кауфман[17] о поэзии Апухтина. Красивая, очень самоуверенная, Кауфман, не смущаясь, иногда даже резковато парировала замечания оппоненток и самого профессора.

Я не могла следить за дальнейшим ходом занятий у В. В. Сиповского, потому что сама работала над рефератом у С. Ф. Платонова,[18] но мысль о новом профессоре крепко меня занимала. Узнав осенью следующего учебного года, что он будет читать на нашем (III-м) курсе общий курс по литературе, я слегка поагитировала своих сокурсниц в пользу молодого профессора, которого они еще не слыхали. У нас встретили его тепло, по окончании первой лекции наградили аплодисментами, и все пошло нормально: В. В. больше не смущался, лекции вызывали интерес, и вскоре он предложил начать практические занятия, наметив несколько тем. Когда я, выбрав тему, обратилась к профессору с просьбой указать необходимую литературу, он назвал мне библиографический указатель Мезиер[19] и порекомендовал самой выбрать оттуда то, что мне нужно. Такой метод предоставления полной инициативы несколько удивил — я привыкла получать от проф. С. Ф. Платонова, у которого в те годы работала, точные директивы, — но понравился.

Получилось как нельзя лучше: реферат («Народность лирики А. К. Толстого») был прочитан, одобрен профессором,[20] но дальнейшего развития наши занятия в том году не получили: начались студенческие волнения, вслед за ними забастовка на Курсах — нормальный ход работы нарушился.[21]

Тем временем у меня установились с В. В., который держал себя очень просто, самые дружеские отношения; мы даже частенько после его лекций возвращались вместе пешком домой (жили в то время недалеко друг от друга)[22] и много беседовали. В результате на следующий уч<ебный> год я решила окончательно переключиться на литературу (склонность к ней у меня была с детства), тем более что С. Ф. Платонов для моего курса занятий не вел.

В. В. выработал план практических занятий, ведущая линия которых была связь русской литературы с западноевропейской; темы,

предложенные для рефератов, относились и к XIX-му и к XVIII векам. Группа занимающихся образовалась значительная; рефераты читались систематически, оппонентки заранее знакомились с материалами или даже с самим рефератом. Как «староста»-секретарь нашей группы, я следила за порядком докладов, знакомилась со всеми, прежде чем вынести их на суд профессора, иногда вносила поправки, которые обычно принимались референткой, помогала в подборе литературы.

Уже в этой первичной стадии моего педагогического опыта мне стало ясно, что многие слушательницы плохо разбираются в материале и после гимназического курса (особенно некоторые провинциальные) нуждаются еще в дополнительной подготовке для того, чтобы написать толковый реферат.

Сама я, выбрав из предложенных В. В. тем Кантемира, решила, ознакомившись с необходимым материалом, работать по первоисточникам; получила разрешение заниматься в рукописных отделениях Публичной библиотеки и Библиотеки Академии Наук и, целыми днями просиживая в архивах, на Курсах бывала лишь в дни лекций и практических занятий В. В. Сиповского.

В 1907 г. окончила Курсы (первая и единственная в тот год по предметной системе, что мне очень было приятно) и была оставлена при кафедре проф. В. В. Сиповского (аналогично современной аспирантуре). Тотчас же с согласия В. В. я взялась за осуществление своего намерения помогать новичкам в подготовке к семинарию (просеминариев по литературе тогда еще не существовало) и организовала занятия, на которых читались нетрудные по темам и материалу рефераты: слушательницы знакомились с мемуарами, письмами и т. п. источниками, давали характеристику их содержания.[23]

Новички охотно откликнулись на мой почин, шли работать и слушательницы постарше, считая такую проработку полезной для занятий в семинарии. Так как некоторые юнцы, однако, стали считать мои занятия обязательными, среди взрослых курсисток раздались голоса, протестующие против моей «самочинности». Дошло до декана — И. М. Гревса, — который запросил В. В. Сиповского, «что такое творится у Глаголевой?» В. В. объяснил сам и рекомендовал мне подать в факультет заявление с подробным изложением цели и порядка моих занятий, что и было сделано.

Заслушав мое заявление, факультет принял его целиком и поручил мне ведение одной группы просеминария — официально, с преподавательской оплатой.

На следующий год я была утверждена постоянной преподавательницей по кафедре новой русской литературы, число групп просеминария было увеличено до 2-х, а в дальнейшем, как потребовала того сама жизнь, и до 3-х (норма просеминария была 40 чел<овек>). Таким образом, мое дерзкое «своеволие» было узаконено. Темами просеми-

нариев были чаще всего авторы XVIII в. или первой четверти XIX в. В силу того, что мне уже было некогда помогать В. В., у него появились новые секретари, в частности, очень дельная В. С. Дороватовская (ныне Любимова)[24] и О. А. Покотилова,[25] в дальнейшем обе участницы нашего сборника «Ломоносов».[26] Секретарь вообще бывала правой рукой руководителя семинария; меня, например, когда я была секретарем, В. В. частенько просил просматривать работы, подававшиеся в письменном виде (всех прочитывать в аудитории не успевали, так как численность семинария была 25—30 чел<овек>), и сообщать ему, годятся ли для зачета; при одобрительном моем отзыве читал работу.

В некоторых случаях приходилось даже отвечать на вопросы слушательниц, какие найдены недостатки, если у профессора не хватало времени беседовать с участницами семинария лично.

Начиная с 1911 г. я вела и семинарий; этот первый мой семинарий (1911—1912 г.), занимавшийся творчеством А. Н. Островского, был самым мною любимым; состав его был очень удачный, работали серьезно, увлеченно, было прочитано несколько талантливых рефератов. Правда, я очень «нянчилась» со своими ученицами, зато ответом мне всегда было трогательно-дружеское тепло и неизменное уважение, хотя я была немногим старше, а в некоторых отдельных случаях даже и моложе своих слушательниц. Кроме рефератов некоторые участницы семинария работали еще над словарем Островского. Словарь не был закончен, и у меня не сохранился этот материал, на который было положено много труда слушательниц. Я провела еще семинарии по лирике Пушкинской эпохи, после Пушкинской, поэтов-эстетиков, по театру XIX в.

Добросовестное и честное отношение курсисток к занятиям сказывалось не только в семинариях, но и в ответах на экзамене, особенно по отделам.[27] За всю мою практику я только один раз столкнулась с небрежным отношением (потому мне и запомнился этот факт), когда сдававшая общий курс слушательница, обнаружившая полное незнание предмета, объясняла это тем, что она-де историчка и сдавать литературу (общий курс литературы был обязателен дополнительно и для историчек) только печальная необходимость. Пришлось поставить «неуд.»... Вероятно, потом она подтянулась, но ко мне на экзамен больше не пришла.[28]

Образцова была постановка работы в семинарии Н. К. Пиксанова; более строгий в оценках, чем В. В. Сиповский, Н. К. был внимателен к каждой мелкой ошибке, зато поощрял способных и усердных участниц семинария, охотно шел навстречу помощью и указаниями.[29]

Общий тон и метод преподавания у Н. К. и у меня был различный: Н. К. всемерно подчеркивал общественное значение того или иного писателя, соответственно подбирая и темы семинариев, у меня же главное внимание бывало обращено на выявление художественной

стороны, на художественную специфику того или другого литературного произведения. Слушательницы выбирали семинарий того или иного руководителя в зависимости от своих склонностей.

В семинариях бывали жаркие споры между референткой и ее оппонентками;[30] у меня это особенно часто случалось в семинарии по Островскому, когда две постоянные противницы — Семенова и Соколова, обе прекрасно работавшие, но совершенно противоположных характеров и точек зрения, разгоряченные, готовы были, казалось, вцепиться друг в друга. Приходилось вмешиваться и примирять расходившихся научных противников![31]

Н. К. Пиксанов возглавил литературный кружок из своих учениц. У меня кружки были на дому, занимались поэтами-символистами. Устраивали вечера со вступительным словом профессора — посвященные Пушкину, Гоголю и другим; на одном из вечеров, посвященном новейшей русской поэзии, небольшой доклад «Любовь в поэзии Блока, Бальмонта и Брюсова» был прочитан мною. Вечера происходили в большом зале, где обычно собирался Совет профессоров и изредка читались лекции профессоров с очень большой аудиторией, напр., Н. А. Котляревского.[32]

Участвовали в программе вечера и слушательницы и преподавательский состав: играл на рояле С. К. Булич, В. В. Сиповский мастерски выступал в сцене Хлестакова с Марией Антоновной (читала я); сцену из «Снегурочки» Островского — Берендей и Купава — исполняли С. К. Булич и я.

Годы 1911—1912 были особенно богаты такими публичными выступлениями. Силами моего семинария, занимавшегося Островским, был организован вечер, где слушательница Семенова повторила свой прекрасный поэтический реферат «Мифологический и психологический моменты в сказке Островского “Снегурочка”». Читались отдельные сцены из произведений Островского, пели арию Леля, исполнялась музыка Чайковского.

Двухсотлетний юбилей М. В. Ломоносова также был отмечен вечером; дать оценку Ломоносова-физика согласился проф. Байков (ф<изико>-м<атематический> факультет), о литературной деятельности Ломоносова должен был читать В. В. Сиповский, но почему-то (сейчас не помню причины) не смог приехать на вечер. Читала доклад ученица В<асилия> В<асильеви>ча В. С. Дороватовская (он был напечатан как статья в сборнике под ред. В. В. Сиповского «Ломоносов»); в художественной части исполнялось много стихотворений, посвященных в разные годы Ломоносову.[33]

Интенсивная широкая деятельность подгруппы русской литературы ослабела в 1914 г.; война направила многих на общественную работу — то ли помощи семьям запасных воинов, то ли в качестве сестер милосердия. На самых Курсах в новом здании был открыт лазарет.[34]

С самого начала введения обязательных практических занятий и тем самым увеличения контингента работающих стала замечаться недостача книг: фундаментальная библиотека не могла обслужить всех нуждающихся в научных пособиях. Мы стали собственными силами сколачивать библиотечку, получившую скоро права гражданства.

Библиотекарем была назначена О. П. Захарьина, были ассигнованы необходимые суммы, и книги стали выдаваться уже и на дом. Мой семинарий Островского приобрел на свои деньги бюст Островского, который был поставлен в читальне для придания ей уюта; в этой тихой комнате заниматься было приятно.[35]

В связи с вопросом о книгах необходимо упомянуть о лицах, не имевших к Курсам непосредственного отношения, но фактически оказывавших большую помощь занимающимся слушательницам. Это был персонал читального зала библиотеки Академии Наук. В самом начале моей курсовой жизни проф. С. Ф. Платонов поговорил по моей просьбе с директором библиотеки академиком А. А. Шахматовым о разрешении мне заниматься в академическом читальном зале. Познакомившись лично с акад. Шахматовым, я смогла даже брать книги на дом: он сам подписывал бланки выдаваемых мне книг. А. А. Шахматов был человек исключительно приветливый в обращении, деликатный, готовый на всякие добрые услуги, образцовый и опытный редактор журнала «Известия Академии Наук».[36]

Так как я вполне освоилась в библиотеке (получала книги еще и в журнальном и в славянском отделах), была в прекрасных отношениях с заведующей читальным залом Ант<ониной> Бор<исовной> Ламбиной[37] — строгим, но справедливым человеком, — то, сделавшись преподавательницей, стала сама направлять с рекомендацией в читальню своих слушательниц. Давали рекомендательные записки и другие профессора, но с бóльшим выбором; я же, не забывая, как отнесся ко мне, совершенно еще ему незнакомой первокурснице, С. Ф. Платонов (до конца его жизни глубоко мною уважаемый и ныне вспоминаемый с благодарностью), направляла к Ант<онине> Бор<исовне> всех, кому действительно были необходимы книги для работы. Ант<онина> Бор<исовна> шутила, что из моих визитных карточек с рекомендациями она составит целый том; я верила, что никто из курсисток меня не подведет, и так оно и получалось на деле. А помощь нашим семинаркам была от этого читального зала огромная!

Больше полувека прошло с тех пор, как я оставила работу на ВЖК; теперь это уже история, но индивидуально связанная с большими светлыми воспоминаниями. И теперь я не боюсь показаться сентиментальной и вызвать снисходительную улыбку, если закончу свои воспоминания, посвященные участницам моего семинария, несколь-

ко наивными стихами, написанными мной в 1912 г. и которые, разумеется, так и остались неизвестными тем, кому были посвящены.

В аудитории

Моим слушательницам

Сколько светлых и карих внимательных глаз
Под защитой воздушных девичьих ресниц!
Сколько бойких, наивных иль вдумчивых лиц,
Как люблю безгранично и нежно я вас!

Я люблю вас как мать, как сестра и как друг,
Я вдохну в вас свою золотую мечту,
Научу понимать и ценить красоту,
Увлеку в заповедный таинственный круг.

И пусть в жизни грядущей, в безвестные дни,
Так же ярко горят огоньки этих глаз,
Как теперь, в наш вечерний задумчивый час,
Ненаглядные, славные дети мои!

1961 г. Москва.

---

[1] РО ИРЛИ, ф. 723, папка 5 («Материалы о ВЖК»). Машинопись (не 1-й экземпляр) с авторскими исправлениями; неполный экземпляр (отсутствуют л. 6 и 7). Утраченный текст восстановлен по хранящейся там же черновой рукописи. В конце рукописи дата: 9/II 61.

[2] Здесь в тексте оставлен пропуск — вероятно, для вставки библиографической ссылки. Имеется в виду статья «Материалы для полного собрания сочинений кн. А. Д. Кантемира».

[3] *Фаусек Виктор Андреевич* (1861—1910) — зоолог, энтомолог; преп. ВЖК (1897) и С.-Петербургского университета (1892—1899); в 1905 г. был избран директором и оставался в этой должности до своей неожиданной смерти летом 1910 г. См.: Памяти В. А. Фаусека: сборник, изданный слушательницами Высших женских курсов. СПб.: тип. АО Брокгауз—Ефрон, 1911. Бюст В. А. Фаусека, изготовленный на средства, собранные слушательницами, в 1912 г. был установлен в актовом зале ВЖК.

[4] *Щерба Лев Владимирович* (1880—1944) — лингвист; преп. ВЖК (1909) и С.-Петербургского университета (1909); впоследствии член-корр. АН (1924), академик (1943).

[5] *Бодуэн де Куртенэ Иван Александрович* (1845—1929) — лингвист; преп. ВЖК (1907) и С.-Петербургского университета (1900).

[6] Имеется в виду изд.: *Шляпкин И. А.* Царевна Наталья Алексеевна и театр ее времени. СПб.: ОЛДП, 1898. (Памятники древней письменности и искусства; 128). История русского театра была одной из любимых тем Шляпкина, он читал по ней специальные курсы на ВЖК и в университете, тема была утверждена как «специальный отдел», экзамен по которому зачитывался для групп русской филологии ВЖК. Театром Петровского времени Шляпкин занимался до последних дней жизни; после его смерти выявленные и подготовленные им тексты были опубликованы: Старинные действа и комедии Петровского времени / извлечены из рукопи-

сей и приготовлены к печати И. А. Шляпкиным. Пг.: Академ. 12-я гос. тип., 1921. (Сборник отделения русского языка и словесности Российской академии наук; т. 97, № 1); исследование, к сожалению, утрачено. О своей научной работе Шляпкин писал в 1907 г.: «<...> думаю, что в ученом отношении разменялся на мелочи, но предполагаю самоуверенно, что и сие когда-нибудь и кому-нибудь пригодится» (*Шляпкин И. А.* Для немногих: автобиографическая заметка. СПб.: тип. Мартынова, [1907]. С. VIII). И. А. Шляпкин в 1891 г. защитил магистерскую диссертацию «Св. Димитрий Ростовский и его время (1651—1709 г.)»; в 1907 г. Харьковский университет присвоил ему звание доктора русской словесности honoris causa.

[7] Описание белоостровской усадьбы И. А. Шляпкина см.: *Горчинский П. А.* Библиофильский уголок в Белоострове // Вестник литературы. СПб., 1916. № 9/10. Стб. 162—168. Шляпкин регулярно принимал гостей, в том числе студентов университета и слушательниц ВЖК, с удовольствием показывал свои собрание древностей и библиотеку; по-видимому, Глаголева побывала в Белоострове с одной из таких экскурсий, однако подробности неизвестны. Наиболее многолюдное посещение состоялось в мае 1912 г. после чествования Шляпкина в университете и на ВЖК по случаю 30-летия его учено-педагогической деятельности. Подробное описание этой поездки содержится в дневнике Е. П. Казанович (ОР РНБ, ф. 326, ед. хр. 18, л. 18—33); см. также: *Грачева А. М.* Из истории контактов А. М. Ремизова с медиевистами начала XX века (Илья Александрович Шляпкин) // Труды Отдела древнерусской литературы. СПб.: Дмитрий Буланин, 1993. Т. 46. С. 158—169. В записи Казанович есть и пересказ его устной новеллы об украденном деревянном Христе, с незначительными отличиями от версии Глаголевой (л. 23—23 об.). Особенный диван упомянут в очерке «Пир во время чумы» часто бывавшей в Белоострове К. М. Милорадович: «Между полками с книгами расположился большой письменный стол Ш<ляпки>на, принадлежавший некогда Надеждину, т. к. большинство вещей Ш<ляпки>на представляли собою литературные реликвии. Тут же находилось его удобное кресло, хорошо охватывавшее обширную фигуру хозяина, и небольшой, но глубокий диван “самосон” для послеобеденного отдыха» (*Милорадович К. М.* У меня есть моя истина... С. 140). Слово «самосон» («диван-самосон» очевидно сходен со сказочными скатертью-самобранкой и ковром-самолетом) могло быть почерпнуто Шляпкиным из литературы. См.: «После обеда мы отправились пить кофе в гостиную, где стоял столь часто упоминаемый Тургеневым широкий, времен Империи, диван *самосон*, едва ли не единственная мебель в Спасском с пружинным тюфяком» (*Фет А. А.* Мои воспоминания, 1848—1889. М.: тип. А. М. Мамонтова, 1890. Ч. 1. С. 7; курсив автора). Приведенные Глаголевой слова Шляпкина — точная цитата из былины о Садке. Ср.:

«Стал Садке поторговывать,
Стал получать барыши великие.
Во своих палатах белокаменных
Устроил Садке все по-небесному:
На небе солнце — и в палатах солнце,
На небе месяц — и в палатах месяц,
На небе звезды — и в палатах звезды»
(Новгородские былины. М.: Наука, 1978. С. 150).

[8] *Шамбинаго Сергей Константинович* (1871—1948) — историк русской словесности, фольклорист; жил и работал в Москве; сведений о его преподавании на ВЖК не имеется. Т. М. Глаголеву подвела память: семинарий на ВЖК по «Слову о полку Игореве» вел *Дмитрий Иванович Абрамович* (1873—1955) — историк русской литературы; был принят на ВЖК в 1910 г., после изгнания из С.-Петербургской духовной академии.

[9] *Венгеров Семен Афанасьевич* (1855—1920) — историк литературы; преп. ВЖК (1910) и С.-Петербургского университета (1897—1899, 1906—1920).

[10] *Овсянико-Куликовский Дмитрий Николаевич* (1853—1920) — историк литературы и общественной мысли, а также религии и мифологии; преп. ВЖК (1907) и С.-Петербургского университета (1910—1911). Упомянутый ниже курс по истории мифологии Овсянико-Куликовский читал на ВЖК в 1910—1911 гг. См. о нем: *Казанович Е. П.* Д. Н. Овсянико-Куликовский на Бестужевских Курсах // Начала. 1922. № 2. С. 21—35.

[11] Здесь, а также в ряде случаев ниже Т. М. Глаголева вместо общеупотребительного в дореволюционной практике слова «семинарий» написала советское «семинар» (ставшее, видимо, привычным по рассказам мужа-преподавателя и пасынка-студента). Впоследствии почти все машинописные «семинары» она исправила от руки на «семинарии»; мы произвели ту же правку в единичных случаях, ускользнувших от внимания Глаголевой при редактировании текста.

[12] О деятельности пушкинского семинария С. А. Венгерова на ВЖК см.: Пушкинист: историко-литературный сборник / под ред. проф. С. А. Венгерова. Пг., 1916. Вып. 2. С. XVI, 272—281; Пушкинский сборник памяти профессора Семена Афанасьевича Венгерова. М.; Пг., 1923. С. XVII—XVIII. Т. М. Глаголева не занималась у С. А. Венгерова как преподавателя, но имела опыт работы с ним как с редактором. В 1912 г. планировалось переиздание сборника: «Русская поэзия» (СПб., 1897), первый (и единственный вышедший) том которого (в 6 вып.) был посвящен поэзии XVIII в.; подготовку текстов А. Д. Кантемира, а также вступительную заметку и комментарии, Венгеров заказал Глаголевой. Переиздание не состоялось. Спустя полтора года, весной 1914 г., Венгеров, уже как редактор литературного отдела «Нового энциклопедического словаря» издательства Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона, попросил Глаголеву переработать написанную заметку в словарную статью, что она и сделала. См. письма Глаголевой к Венгерову: РО ИРЛИ, ф. 377, оп. 4, ед. хр. 663, л. 1—9.

[13] «В молодости В. В. играл в любительских спектаклях; он прекрасно декламировал, писал стихи и стихотворения в прозе; когда под конец жизни он прекратил чтение лекций в университете, выйдя на пенсию, В. В. под псевдонимом писал небольшие повести и рассказы, один из которых был даже премирован на литературном конкурсе» (*примеч. Т. М. Г.-Б.*). О литературном творчестве В. В. Сиповского, в том числе о романах «Путешествие Эраста Крутолобова в Москву и Петербург в 30-х годах XIX столетия» (Л., 1929) и «Коронка в пиках до валета: тайна одной промышленной компании» (Л., 1930), опубликованных под псевдонимом «В. Новодворский», см.: Русские писатели, 1800—1917: биографический словарь. М.: Большая российская энциклопедия, 2007. Т. 5. С. 615—617 (статья А. Ю. Веселовой).

[14] Ср.: «Сиповский не создал, однако, школы <...>. Из учеников его следует указать Т. М. Глаголеву-Берхен (1885—1962), О. Н. Покотилову, Е. Грешищеву и других, работы которых объединены в сборнике статей под ред. В. В. Сиповского "1711—1911. М. В. Ломоносов" (СПб., 1911). <...> Из перечисленных выше лиц только Т. М. Глаголева-Берхен продолжала в дальнейшем заниматься исследованием литературы XVIII в. <...>» (*Берков П. Н.* Введение в изучение истории русской литературы XVIII века. Л.: ЛГУ, 1964. Ч. 1: Очерк литературной историографии XVIII века. С. 154—155).

[15] *Маликова Александра Петровна* (1889—?), выпускница ВЖК (1914; ист.-фил.; русская филология, литература).

[16] Partie de plaisir — увеселительная прогулка и, шире, вообще любое предприятие ради легкого времяпрепровождения (*фр.*); выражение неоднократно исполь-

зовалось в русской беллетристике, в частности, в «Войне и мире» Л. Н. Толстого и «Убежище Монрепо» М. Е. Салтыкова-Щедрина. См.: *Бабкин А. М.*, *Шендецов В. В.* Словарь иноязычных выражений и слов, употребляющихся в русском языке без перевода. М.; Л.: Наука, 1966. Кн. 2. С. 986—987. Процитированное письмо от В. В. Сиповского в архиве Т. М. Глаголевой не обнаружено.

[17] *Кауфман София Августовна* (1879—?), выпускница ВЖК (1908; ист.-фил.).

[18] С. Ф. Платонов был чрезвычайно загружен в различных учебных заведениях; с 1902 г. эти нагрузки увеличились административными обязанностями по Женскому педагогическому институту, в организации которого он принимал самое деятельное участие, а сразу по открытии (в 1903 г.) занял должность директора. Поэтому практические занятия под его руководством на ВЖК имели специфический характер: «По русской истории в 1903—1904 учебном году профессор Платонов ограничивался чтением общего курса, а практическими занятиями не руководил. Тем не менее, два кружка слушательниц просили его указаний и вели необязательные занятия по разработке различных тем. При этом три доклада, относящиеся к истории городского населения в России в XVII—XVIII вв. были слушательницами прочитаны в этом учебном году, а прочие рефераты отложены до осени 1904 года» (*Отчет ВЖК 1903—1904. СПб., 1905.* С. 81).

[19] Вероятно, имеется в виду изд.: *Мезьер А. В.* Русская словесность с XI по XIX столетия включительно: библиографический указатель произведений русской словесности в связи с историей литературы и критикой: книги и журнальные статьи: в 2 ч. СПб.: тип. А. Пороховщикова, 1899—1902.

[20] Ср.: «Профессор В. В. Сиповский читал на III курсе историю русской литературы XIII—XVIII вв. и историю народной словесности. Из тем, представленных для рефератов, взято было десять, но обработаны и доложены пять: 1) Лирика А. Толстого, 2) Герцен и его личность, 3) Любовь в народных песнях, 4) Индивидуализм в сочинениях Достоевского, Горького и Андреева и 5) Лирика Апухтина» (*Отчет ВЖК 1903—1904. СПб., 1905.* С. 79).

[21] О волнениях на ВЖК в весеннем семестре 1904 г., спровоцированных поспешным верноподданническим адресом, составленным администрацией курсов от имени профессоров и слушательниц по случаю объявления войны с Японией, см.: *Стриевская С. И.* Участие бестужевок в революционном движении // *ВЖК. Сб. статей. 2-е изд.* С. 45—48; см. также: *Бухановская Е. Я.* 1902—1907 годы на Бестужевских курсах // *ВЖК. Сб. статей. 2-е изд.* С. 236—238.

[22] Согласно адресным книгам «Весь Петербург», В. В. Сиповский до 1907 г. жил на Загородном пр., д. 26; Т. М. Глаголева в 1906—1907 гг. — в Гусевом пер. (теперь пер. Ульяны Громовой), д. 3; в справочниках 1901—1905 гг. ее адрес отсутствует.

[23] Е. П. Казанович в дневнике записала слышанный ею весной 1912 г. разговор двух первокурсниц в столовой ВЖК о неких рефератах:

«— Написали? — спросила та.

— Накатала! Сегодня вечером читать буду.

— Сколько времени вы его писали? Я свой в неделю приготовила.

— Ну, я в два часа. Три часа читала, а два писала, всего пять часов ушло на него. Боюсь только, что у меня одни стихи, весь реферат из стихов.

— Это ничего: у меня тоже были одни стихи; об нем нельзя ж писать без стихов, нужны цитаты.

— Вот еще плохо, — недовольно отзывается моя соседка, — она не указала никаких пособий, так что мне не с чего было списывать, пришлось все от себя выдумывать.

О ком был реферат, кто была эта “она”, не хотевшая указать пособий, — не знаю; думаю, не в просеминарии ли Глаголевой было дело, такими рефератами, верно, особенно богат ее просеминарий. Однако надо сознаться, что подобное отношение курсисток к работе не исключительный случай, а обычная, характерная для большинства вещь. Рефераты курсисток — в большинстве те же гимназические сочинения, а отношение к своему делу — чисто школьное, полудетское, полу просто недобросовестное» (ОР РНБ, ф. 326, ед. хр. 18, л. 7 об.—8; запись от 25 апр. 1912 г.).

[24] *Дороватовская-Любимова Вера Сергеевна* (1888—1955), выпускница ВЖК (1915; ист.-фил.; русская филология, литература) — впоследствии литературовед, литературный критик.

[25] *Покотилова Ольга Александровна* (1889—?), выпускница ВЖК (1912; ист.-фил.; русская филология, литература).

[26] М. В. Ломоносов, 1711—1911: сб. статей / под ред. В. В. Сиповского. СПб.: Изд-во Я. Башмаков и К° в Петербурге, 1911. 3, 187 с. В предисловии «От редактора» В. В. Сиповского говорится: «Сборник этот составлен из статей моих слушателей по Императорскому С.-Петербургскому университету и слушательниц по Высшим женским курсам (Бестужевским). Под моим руководством составился кружок лиц, интересующихся русской литературой XVIII-го века: я сосредоточил их интересы около одного лица, Ломоносова, и объединил будущих участников сборника приблизительно одинаковым пониманием личности Ломоносова и его исторического значения. Наметив темы, соответствующие индивидуальности каждого из участников сборника и сделав им самые общие указания, я предоставил каждому работать вполне самостоятельно. Очень сожалею, что в состав сборника не вошли по разным причинам еще другие предполагаемые статьи: “Ломоносов как гражданин”, “Л-в как драматург”, “Л-в как историк” и “Л-в в ряду западноевропейских поэтов”» (с. [1]). В сборник вошли статьи: *Попов А.* Наука и религия в миросозерцании Ломоносова; *Тукалевский Вл.* Главные черты миросозерцания Ломоносова (Лейбниц и Ломоносов); *Дороватовская В.* О заимствованиях Ломоносова из Библии; *Покотилова О.* Предшественники Ломоносова в русской поэзии XVII-го и начала XVIII-го столетия; *Грешищева Е.* Хвалебная ода в русской литературе XVIII в.; *Глаголева Т.* Отзывы современников и потомства о литературной деятельности М. В. Ломоносова. В воспоминаниях И. В. Егорова (мужа бывшей ученицы Глаголевой Т. И. Немчиновой) ее роль несколько преувеличена: «Через Сиповского я познакомился еще с одним знатоком русской литературы XVIII века, преподавательницей высших женских Бестужевских курсов Татьяной Матвеевной Глаголевой. Уже тогда ей принадлежало несколько трудов о творчестве одного из самых крупных поэтов начала XVIII века, князя Антиоха Кантемира. Сиповский поручил Татьяне Матвеевне подготовить сборник в честь 200-летия со дня рождения М. В. Ломоносова, торжественно отмечавшегося в 1911 году» (*Егоров И. В.* От монархии к Октябрю: воспоминания. Л.: Лениздат, 1980. С. 110—111).

[27] «Каждая слушательница группы русской филологии, подотдела литературы, сдавала экзамены по общему курсу и — значительно более углубленные — по тому или иному отделу из числа предложенных профессором» (*примеч. Т. М. Г.-Б.*).

[28] Ср. взгляд на сходную ситуацию с другой стороны экзаменационного стола: «Другим затруднением для всех историчек был <...> экзамен по языковедению, который, несмотря на курсовую систему, был обязателен для историчек. Предмет, специальный и трудный, надо было подготовить по каким-то литографированным запискам. Мы, наивные исторички, считали ниже нашего достоинства тратить время на подготовку этого курса: было принято за правило в критический момент сообщить профессору, что “мой ум не настроен филологически”. Как это ни стран-

но, но это нас часто спасало, в том числе и меня. Милый, умный Бодуэн-де-Куртенэ!» (*Шпилиотова К. А.* Тени прошлого // *Наша дань*. С. 139). Автор — *Шпилиотова Кира Андреевна* (урожд. Нилус; 1888 или 1890 — не ранее 1971), выпускница ВЖК (1914; ист.-фил., всеобщая история), ученица Л. П. Карсавина.

[29] См.: *Трифонов Н.* Семинарии Пиксанова // Вопросы литературы. 1979. № 5. С. 307—310; *Кислина М. С.* «Пушкинская студия» (1921) Н. К. Пиксанова: из истории жанра «семинария» в отечественной университетской традиции // Известия Саратовского университета. Новая сер. Сер.: Филология. Журналистика. 2013. Т. 13, вып. 4. С. 47—49.

[30] «В моих просеминариях и семинариях секретари вели протоколы занятий; не знаю, было ли это принято у Ник<олая> Кир<ьяковича>» (*примеч. Т. М. Г.-Б.*).

[31] Ср.: «Под руководством препод. Т. М. Глаголевой происходили занятия со слушательницами в одной семинарской группе (40 чел.) <...>. Семинарий работал над изучением творчества А. Н. Островского и его современников в области русской драматургии. Слушательницы проявляли большой интерес к занятиям, и прения после прочтения рефератов проходили очень оживленно. Всего было разработано 15 тем, причем по самостоятельности и вдумчивости особенно выделились рефераты слушательниц Семеновой («Мифологический и психологический момент в сказке Островского “Снегурочка”»), Гречихиной («Театральный быт в произведениях Островского»), Колесовой («Иван Грозный в обрисовке Мея, Ал. Толстого и Островского») и Поповой («Тургенев как драматург»). Кроме чтения рефератов часть слушательниц работала над составлением “словаря” Островского. Ввиду исполнившегося 25-летия со дня кончины А. Н. Островского семинарием было устроено открытое заседание, посвященное его памяти (на этом заседании были прочитаны реферат слушательницы Семеновой и ряд отрывков из произведений А. Н. Островского), и приобретен бюст писателя, пожертвованный ныне в читальню филологического семинария» (*Отчет ВЖК 1911—1912. СПб., 1913*. С. 81—82). Названы, вероятно, *Семенова Вера Константиновна* (1887—?), выпускница ВЖК (1914; ист.-фил.; русская филология, литература). В тот же год по той же группе и подгруппе окончили ВЖК 3 слушательницы по фамилии *Соколова: Анна Павловна* (1891—?), *Вера Викториновна* (1890—?) и *Ольга Сергеевна* (1889—?); возможно, имеется в виду одна из них.

[32] *Котляревский Нестор Александрович* (1863—1925) — историк литературы; преп. ВЖК (с 1890 г., с перерывами) и ряда других учебных заведений; почетный академик по разряду изящной словесности (1906), академик (1909); первый директор Пушкинского Дома.

[33] Ср.: «Тем же семинарием <под руководством Т. М. Глаголевой> было организовано чествование памяти М. В. Ломоносова по случаю исполнившегося 200-летия со дня его рождения, состоявшееся на Курсах 19-го ноября 1911 г.: речи на чествовании были произнесены профессорами А. А. Байковым и С. К. Буличѳм и преподавательницей Т. М. Глаголевой; реферат был прочитан слушательницей Дороватовской (“Влияние Священного Писания на поэзию Ломоносова”)» (*Отчет ВЖК 1911—1912. СПб., 1913*. С. 82). *Байков Александр Александрович* (1870—1946) — химик, металлург; преп. ВЖК (1907) и СПб. Политехнического института; впоследствии член-корр. АН (1928), академик (1932).

[34] Летом 1914 г. Общество для доставления средств ВЖК закончило постройку нового здания, в котором должен был расположиться Физико-химический институт ВЖК им. В. П. Тарновской; здание располагалось по адресу: Средний проспект, д. 41, и было соединено переходом внутри квартала со зданиями ВЖК по 10-й линии. После начала Первой мировой войны Общество предоставило здание городу для устройства в нем лазарета. Лазарет был открыт в декабре 1914 г., его содержа-

ние в значительной части взяло на себя Общество для доставления средств ВЖК. Не остались в стороне и сами курсы: «<...> лазарет в новом здании Высших Женских Курсов не явился учреждением для них чуждым. К работе в лазарете, попечителем которого был избран Председатель Комитета <Общества для доставления средств> проф. С. Е. Савич, примкнули педагогический и служебный персонал Курсов, слушательницы, члены Комитета и многие лица, так или иначе связанные с Курсами. Весьма ценным для лазарета явилось участие в деле специалистов. Персонал химич<еской> лаборатории принял на себя ведение дела в аптеке, в рентгеновском кабинете работали курсовые физики, причем для кабинета были предоставлены имевшиеся на Курсах аппараты. И для всех других отраслей дела в лазарете: хозяйства, канцелярии, патроната, устройства занятий и развлечений раненым — работники нашлись на Курсах» (*Отчет ВЖК 1914—1915. Пг., 1916*. С. 20).

[35] Ср.: «Управление семинариями устроено было таким образом. Каждый из них поставлен был под научно-учебное общее высшее руководство одного из профессоров соответствующего предмета, который и должен был при помощи своих ближайших коллег устанавливать списки приобретаемых книг и других пособий, вырабатывать порядок пользования семинарскими библиотеками и правила функционирования читален. В качестве помощников их избраны были факультетом для текущего наблюдения за жизнью исторического семинария преподавательница Н. С. Враская, для филологического — оставленная при Курсах Т. М. Глаголева и для музея искусств — преподавательница А. А. Константинова. Для ведения хозяйственной части всех историко-филологических семинарий <так!> приглашено было особое лицо: окончившая СПБ Высшие Женские Курсы О. П. Захарьина. На обязанности ее лежало много кропотливого и хлопотливого, очень ответственного дела по выписке книг и пособий, ведению отчетности, книг и инвентарей и забота о внешнем порядке помещений. Выполняя с полною своевременностью и точностью все указанные обязанности, она по собственной инициативе взяла на себя много и других важных дел: она общалась непосредственно с многочисленными работающими в семинариях слушательницами, оказывала им разнообразную помощь при выписке и доставлении книг, облегчала им сношения с руководителями семинариев, вообще, вносила в слагающийся быт семинариев объединяющую струю дружной взаимопомощи. Ею же с большим успехом привлечены к содействию при осуществлении работы в семинариях представительницы от индивидуальных занимающихся групп слушательниц. Последние, являясь выразительницами интересов семинариев, руководимых отдельными профессорами, давали материал для удовлетворения их назревавших нужд и несли на себе большой и непрерывный труд по дежурству в библиотеках и читальнях. Так<им> обр<азом>, согласным сотрудничеством различных категорий людей, причастных к семинариям, жизнь их потекла энергично, правильно и споро» (*Отчет ВЖК 1908—1909. СПб., 1910*. С. 79—80). *Захарьина Ольга Павловна* (1869—1961), выпускница ВЖК (1900; ист.-фил.) — заведующая библиотеками семинариев историко-филологического факультета ВЖК (1908), переводчица; с 1923 по 1953 г. сотрудница РНБ (в том числе во время блокады Ленинграда). См.: Сотрудники РНБ — деятели науки и культуры: биографический словарь, т. 1—4 (электронная версия) // URL: http://nlr.ru/nlr_history/persons/info.php?id=767 (дата обращения: 07.11.2023) (статья О. С. Острой, М. Д. Эльзона).

[36] *Шахматов Алексей Александрович* (1864—1920) — академик, председательствующий в Отделении русского языка и словесности АН; с 1899 г. исполнял обязанности директора I (Русского) отделения Библиотеки Академии наук. Ср. в дневнике Е. П. Казанович: «Известно, какие облегчения делает А. А. <Шахматов>

в библиотеке всем, кто только к нему обращается, учащимся же и начинающим ученым в особенности; известно то доверие и охотность, с какими он дает свое поручительство для получения на дом книг почти всякому.

Недавно я услышала, что в первое время своего заведывания книжными делами Академии он давал из склада бесплатно академические издания всем, кто заявлял, что работает над таким-то вопросом и имеет нужду в таких-то сочинениях, а уж о его собственных книгах и говорить нечего. Прошлый раз библиотекарша рассказывала, что у них был один экземпляр летописей с примечаниями Шахматова, и этот экземпляр постоянно брался на дом, так что в читальном зале его можно было получить только с трудом, урывками. Когда она обратилась к А. А. с просьбой запретить выдавать его на дом, т. к. интересы читального зала (справедливо, конечно) должны перевешивать, А. А., ни слова не говоря, принес еще один или два экземпляра специально для читального зала.

Так и во всем он дает реальную помощь, не ограничиваясь одними благими пожеланиями. <...> Много, конечно, хороших людей на свете, и многие помогают другим в нужде, но это в большинстве случаев делается мимоходом, как случится, если при этом не надо затрачивать много беспокойства и хлопот; многим, в сущности, очень мало дела до тех, кому они помогают, до мелочей их жизни, и помощь в таком случае является скорее для собственного спокойствия, или вследствие минутного доброго движения сердца, А. А. же доходит до глубины и помогает потому, что хочет помогать, что надо помогать, серьезно и сознательно» (ОР РНБ, ф. 326, ед. хр. 18, л. 70 об.—72; запись от 4 июля 1912 г.).

[37] *Ламбина Антонина Борисовна* (1860—1914) — сотрудница БАН с 1887 г., с 1912 г. — заведующая читальным залом. См.: Руководители и сотрудники Библиотеки РАН XVIII—XIX вв. СПб.: BODlib, 2006. С. 24.

Эпизод из воспоминаний[1]

В 1908 г. ист<орико>-фил<ологическим> фак<ульте>том ВЖК была организована экскурсия с участием профессоров в Новгород для осмотра его достопримечательностей.[2] После того, как я побывала в числе экскурсантов в Новгороде, я много рассказывала о виденном моим просеминаркам, и у нас возникла мысль поехать туда весной (1909 г.) небольшой группой. Одна из слуш<ательни>ц В. В. Сиповского — Е. Н. Грешищева[3] (впоследствии один из авторов сборника «Ломоносов» под ред. Сиповского), сама новгородка, поехав домой на каникулы, договорилась с Новгородской женской гимназией, в кот<орой> она училась до Курсов, предоставить нашей группе помещение для ночевки в гимназии.

Поехали мы группой человек в 10; целыми днями носились по городу, вечерами отдыхали в гимназии — игра на рояли, мелодекламация, кот<орой> я в ту пору особенно увлекалась, и потому захватила с собой, по просьбе моих учениц, ноты. Е. Н. Грешищева пристроила к нам и знакомого экскурсовода, но многое осматривали и самостоятельно, чтоб не стеснять себя временем и определенными рамками. Погода стояла дивная, и для осмотра храма Спаса Нередицы, находившегося на острове, — изумительного памятника древней русской

архитектуры (XII в.) с особым секретом исключительной акустики,[4] — мы поехали по Волхову на лодке. Случился тут и инцидент, напугавший немножко моих учениц. Когда после тщательного осмотра храма мы направились к берегу, монах-сторож, пьяный, не получив от нас на чай, погнался за нами с руганью. Я скомандовала быстрее садиться в лодку и попросила лодочника сейчас же отчаливать. Монах добежал до берега, когда мы уже плыли, и долго еще стоял, изрыгая всевозможные проклятия и насылая божьи кары на моих путешественниц. Мы заехали в Юрьев монастырь,[5] в ведении которого была Спасо-Нередица, я пожаловалась архиерею на поведение пьяного монаха и просила его как-нибудь приструнить, чтобы такие казусы не повторялись в будущем. Архиерей, бывший офицер,[6] чрезвычайно галантный, обещал наказать провинившегося, но... прибавил к этому, что эти монахи-сторожа страшно распущены и избалованы чаевыми. Таковы были порядки!..

Наша экскурсия длилась три дня, и в целом все остались очень ею довольны, унося с собой из Новгорода много незабываемых, красочных впечатлений.

Т. Глаголева.

---

[1] РО ИРЛИ, ф. 723, папка 5 («Материалы о ВЖК»). Рукопись.

[2] Легендарная экскурсия слушательниц ВЖК в Новгород под руководством И. А. Шляпкина и Н. П. Раева состоялась в мае 1900 г. (см.: *Отчет ВЖК 1899—1900. СПб., 1901*. С. 89). Опыт оказался настолько удачен, что впоследствии экскурсии неоднократно повторялись, с разными научно-образовательными целями и под руководством разных профессоров, но всегда с неизменным успехом. Рассказы о поездках в Новгород сохранились в воспоминаниях К. М. Милорадович (*Милорадович К. М.* У меня есть моя истина... С. 137—139), дневниках Е. П. Казанович (ОР РНБ, ф. 326, ед. хр. 18, л. 3—4) и других источниках. Некая экскурсия в Новгород под руководством проф. Д. В. Айналова (история искусств) упоминается в воспоминаниях К. А. Нилус-Шпилиотовой (*Шпилиотова К. А.* Тени прошлого // *Наша дань*. С. 141; год экскурсии мемуаристка не указала, но, судя по контексту, ее можно отнести к 1907—1910 гг.).

[3] *Грешищева Екатерина Николаевна*, выпускница ВЖК (1911; ист.-фил.; русская филология, литература) — родилась в Новгороде, окончила Новгородскую Николаевскую женскую гимназию, в которой должность врача занимал ее отец Н. Е. Грешищев; после окончания ВЖК была оставлена В. В. Сиповским при курсах по кафедре русской литературы; впоследствии вернулась в Новгород и преподавала в родной гимназии.

[4] «Гитлеровцами храм был совершенно разрушен» (*примеч. Т. М. Г.-Б.*). Имеется в виду церковь Преображения Господня на горе Нередице, построенная в конце XII в. В 1950-е гг. церковь была восстановлена.

[5] Юрьев (Свято-Юрьев) мужской монастырь; основан в XI в.

[6] *Архимандрит Анатолий* (в миру Георгий Яковлевич Юнгер; 1861—1912) после окончания гимназии учился на естественнонаучном отделении физ.-мат. факультета С.-Петербургского университета, а затем служил в армии в офицерском чине; после окончания Московской духовной академии (1893) занимал должно-

сти преподавателя в различных духовных училищах и семинариях, а с 1900 г. — настоятеля в различных монастырях. На должность настоятеля Новгородского Юрьева монастыря архимандрит Анатолий был перемещен 27 февр. 1909 г. См.: Анатолий (Юнгер) // Древо: открытая православная энциклопедия. URL: https://drevo-info.ru/articles/13680117.html (дата обращения: 08.11.2023).

Библиографический список

1. *Архипова Л. П.* Обзор архивных материалов XIX—XX вв., поступивших в Рукописный отдел Института русской литературы за 1972—1973 гг.: новые фонды // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1974 год. Л.: Наука, 1976.
2. *Берков П. Н.* Введение в изучение истории русской литературы XVIII века. Л.: ЛГУ, 1964. Ч. 1: Очерк литературной историографии XVIII века.
3. Бестужевка в цифрах = Bestuževki en chiffers: к 130-летнему юбилею Санкт-Петербургских Высших женских курсов (1878—1918 гг.) / сост. О. Б. Вахромеева. СПб.: ИЦ «Академия», 2008.
4. *Вахромеева О. Б.* Их дань Бестужевским курсам: (объединенная деятельность бывших бестужевок в 50—70-е годы XX века). СПб.: Лема, 2015.
5. *Вахромеева О. Б.* Преподавание наук на Высших женских (Бестужевских) курсах (1878—1918): со вступительным очерком «Границы женской эмансипации в дореволюционной России»: к 140-летию Бестужевских курсов. М.: РОССПЭН, 2018.
6. *Вахромеева О. Б.* Университетский музей в СПбГУ как хранитель памяти о Бестужевских курсах // Вопросы музеологии. 2016. № 2 (14).
7. Венеция в русской поэзии: опыт антологии, 1888—1972 / сост. А. Л. Соболев, Р. Д. Тименчик. М.: Новое литературное обозрение, 2019.
8. *Востриков А. В.* Евлалия Павловна Казанович и ее «Записки о виденном и слышанном» // История отечественной культуры в архивных документах: сб. статей. СПб.: РНБ, 2021. Вып. 2.
9. *Востриков А. В.*, *Грачева Е. Н.* Reservatio mentalis, или И. М. Гревс и И. А. Шляпкин в 1899 г. // Сборник памяти Елены Владимировны Душечкиной. СПб.: Нестор-История, 2022.
10. *Востриков А. В.*, *Панченко Е. З.* Историк Мария Андреевна Островская // Петербургский исторический журнал. 2021. № 3 (31).
11. *Глаголева Т. М.* К жизнеописанию князя Потемкина: повесть о Гардарике, князе Цимбрском // Русский архив. 1910. Кн. 2, вып. 5.
12. *Глаголева Т. М.* К литературной истории сатир кн. А. Д. Кантемира: влияние Буало и Лабрюйера // Известия Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. 1913. Т. XVIII, кн. 2.
13. *Глаголева Т. М.* Кантемир Антиох Дмитриевич // Новый энциклопедический словарь / изд. Брокгауза и Ефрона. СПб., 1913. Т. 20.
14. *Глаголева Т. М.* Ломоносов как гражданин // Филологические записки. 1915. № 2.
15. *Глаголева Т. М.* Материалы для полного собрания сочинений кн. А. Д. Кантемира // Известия Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. 1906. Т. XI, кн. 1—2; также отд. отт.: СПб., 1906.
16. *Глаголева Т. М.* Раб, эллин и жрец: В. Г. Бенедиктов, Н. Ф. Щербина, А. А. Фет // Русская мысль. 1917. Кн. 2.

17. *Глаголева Т. М.* Сатиры кн. А. Д. Кантемира и русский быт первой половины XVIII века // Филологические записки. 1914. Вып. 3—4.
18. *Гордеев П. Н.* Ф. П. Купчинский — уполномоченный Временного комитета Государственной думы и Временного правительства по делам бывшей Придворной конюшенной части и бывшего Гаража его величества // Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность: международная научная конференция «Таврические чтения 2012». СПб.: ЭлекСис, 2013. Ч. 2.
19. *Горчинский П. А.* Библиофильский уголок в Белоострове // Вестник литературы. СПб., 1916. № 9/10.
20. *Грачева А. М.* Из истории контактов А. М. Ремизова с медиевистами начала XX века (Илья Александрович Шляпкин) // Труды Отдела древнерусской литературы. СПб.: Дмитрий Буланин, 1993. Т. 46.
21. Деятели революционного движения в России: биобиблиографический словарь. Т. 5: Социал-демократы, 1880—1904, вып. 2: В — Гм. М.: Всесоюз. о-во полит. каторжан и ссыльнопоселенцев, 1933.
22. *Егоров И. В.* От монархии к Октябрю: воспоминания. Л.: Лениздат, 1980.
23. Екатерина Балобанова, библиотекарь Бестужевских курсов: труды, документы, воспоминания / сост., автор статьи и коммент. А. В. Вострикова. СПб.: СПбГУ, 2014.
24. Илья Александрович Шляпкин в зеркале своих корреспондентов: письма А. А. Громова, 1904—1918 гг. [Ч. 1] / вступ. статья, подгот. текста и коммент. А. В. Вострикова // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2020 год. СПб.: Росток, 2020.
25. *Казанович Е. П.* Д. Н. Овсянико-Куликовский на Бестужевских Курсах // Начала. 1922. № 2.
26. *Кантемир А. Д.* Собрание стихотворений / вступ. ст. Ф. Я. Приймы; подгот. текста и примеч. З. И. Гершковича. Л.: Советский писатель, 1956 (вып. дан. 1957). (Библиотека поэта. Большая серия. 2-е изд.).
27. *Кислина М. С.* «Пушкинская студия» (1921) Н. К. Пиксанова: из истории жанра «семинария» в отечественной университетской традиции // Известия Саратовского университета. Новая сер. Сер.: Филология. Журналистика. 2013. Т. 13, вып. 4.
28. М. В. Ломоносов. 1711—1911: сб. статей / под ред. В. В. Сиповского. СПб.: Изд-во Я. Башмаков и К° в Петербурге, 1911.
29. *Милорадович К. М.* У меня есть моя истина...: избранное / сост. Н. Х. Орловой; коммент. Н. Х. Орловой, А. В. Вострикова. СПб.: Парадигма, 2020.
30. Наша дань Бестужевским курсам: воспоминания бывших бестужевок за рубежом. Париж: изд. «Объединения б. бестужевок за рубежом», 1971.
31. Памяти В. А. Фаусека: сборник, изданный слушательницами Высших женских курсов. СПб.: тип. АО Брокгауз-Ефрон, 1911.
32. Пушкинский Дом: материалы к истории, 1905—2005. СПб.: Дмитрий Буланин, 2005.
33. Руководители и сотрудники Библиотеки РАН XVIII—XIX вв. СПб.: BODlib, 2006.
34. С.-Петербургские высшие женские курсы за 25 лет. 1878—1903: очерки и материалы. [СПб.]: Комитет О-ва для доставления средств Высшим Женским курсам в С.-Петербурге, 1903.

35. С.-Петербургские высшие женские курсы за... СПб., 1879—1916.
36. Санкт-Петербургские высшие женские (Бестужевские) курсы (1878—1918 гг.): сб. статей / под общ. ред. проф. С. Н. Валка [и др.]. Л.: ЛГУ, 1965.
37. Санкт-Петербургские высшие женские (Бестужевские) курсы, 1878—1918: сб. статей / под общ. ред. проф. С. Н. Валка [и др.]. 2-е изд., испр. и доп. Л.: ЛГУ, 1973.
38. Список лиц, состоящих на службе в С.-Петербургском учебном округе к 1 января 1911 года. СПб.: тип. В. Д. Смирнова, 1911.
39. *Трифонов Н.* Семинарии Пиксанова // Вопросы литературы. 1979. № 5.
40. *Шляпкин И.еА.* Для немногих: автобиографическая заметка. СПб.: тип. Мартынова, [1907].

DOI: 10.31860/978-5-918680-384-196-223

И. А. ГРИНЕВСКАЯ
ПУТЕШЕСТВИЕ В КРАЯ СОЛНЦА
(О ВИДЕННОМ, СЛЫШАННОМ И ИСПЫТАННОМ)

(Продолжение)

(Вступительная статья, подготовка текста и комментарии Е. А. Митник)

Аннотация: Данная публикация — продолжение очерковой книги И. А. Гриневской (1864—1944) «Путешествие в Края Солнца» <1911—1919>.[1] Это своеобразные путевые заметки о Турции, Греции, Египте и Палестине, где она познакомилась с бахаи — носителями идей ее поэм «Баб» и «Беха-Улла». В главах XIV—XVI описываются встречи писательницы с Абдул-Баха, ее поездка в Каир и впечатления о «виденном, слышанном и испытанном».

Ключевые слова: И. А. Гриневская, путешествие на Восток; Вера Бахаи, религиозно-философские поэмы И. Гриневской «Баб» и «Беха-Улла»; встречи с Абдул-Беха (Абдул-Баха); «мужчина и женщина на Востоке и у нас в России».

Abstract: This publication is a continuation of the essay book by I. A. Grinevskaya (1864—1944) *Journey to the Lands of the Sun* <1911—1919>. This is a kind of travel notes about Turkey, Greece, Egypt and Palestine, where she met the Bahá'ís — bearers of the ideas of her poems *Báb* and *Bahá'u'lláh*. Chapters XIV—XVI describe the writer's meetings with 'Abdu'l-Bahá, her trip to Cairo, and her impressions of «seen, heard and tested». In the introductory article and in the comments to the essay, excerpts from other archival documents are also made public for the first time.

Keywords: I. A. Grinevskaya, journey to the East; Bahá'í Faith, religious and philosophical poems by I. Grinevskaya *Báb* and *Bahá'u'lláh*; meetings with 'Abdu'l-Bahá; «a man and a woman in the East and here in Russia».

[1] Ранее мы предполагали, что над этим сочинением писательница закончила работу в 1914 г., однако удалось уточнить год: «У меня осталось на руках много ненапечатанных и законченных произведений <...> и "Путешествие на Восток" («Путешествие в Края Солнца». — *Е. М.*), куда я ездила по приглашению ныне покойного Абдул-Беха, главы бехаидов, мудреца. Это путешествие займет книгу в 550 страниц, если не более. Сообщаю об этом, чтобы в случае моей смерти литературный мир знал о существовании такой рукописи. "Путешествие" это было закончено в 1919 году, хотя моя поездка на Восток была совершена в декабре 1910 г. Вернувшись, я едва могла разобрать небольшую часть материалов, ибо я в <19>12 году была вызвана в Париж переводчицей моей поэмы "Баб" г<о-спо>жой Гальперин, и только по возвращении я могла отдаться этому труду. Печатанию его помешали война и прочие события <...>» (РО ИРЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 57, л. 42—43).

© Митник Е. А., 2023

Мы продолжаем знакомить читателей с очерковой книгой И. А. Гриневской (1864—1944) «Путешествие в Края Солнца» <1911—1919> (главы XIV—XVI). Во вступительной статье и в комментариях к ее сочинению обнародованы также ранее не публиковавшиеся выдержки из других архивных документов.

Быть может, у нас особое отношение к этому автору религиозно-философских произведений — бесстрашной женщине, отправившейся в 1910 г. на Восток? Вот мнение другого исследователя: «И. А. Гриневская представляет собой интересный тип пишущей туристки, которая в своем путешествии выступает еще и в роли паломницы бехаи. Туристический настрой преобладает над паломническим, а стремление к религиозно-философским рассуждениям — над религиозными настроениями, и сам выбор религии бехаидов вполне органичен для пространства культуры Серебряного века. В творчестве Гриневской можно наблюдать ориентализм в самом различном понимании этого термина. Во-первых, это увлечение Востоком и его романтизация, причем предметом для увлечения является “классический” персидский Восток. Однако писательницу привлекают не картины “Тысяча и одной ночи”, а молодое религиозно-общественное движение, которое проповедует объединение религий и единение человечества. Более того, Гриневская в тексте своих очерков борется с ложными представлениями о Востоке, возникшими на основании классических ориенталистских картин и описаний. Такой поворот отношения к Персии необычайно интересен и представляет собой своеобразное развитие линии классического ориентализма в соответствии с общими духовными поисками Серебряного века».[2]

Итак, писательница продолжает свое повествование «об удивительной личности» Абдул-Баха, которого Бахаулла назначил главой Веры Бахаи и единственным полномочным толкователем ее Святых Писаний, призывавшим всех и каждого «направить помыслы своего сердца на достижение любви и согласия». «Когда приходит мысль о войне, противопоставьте ей мысль о мире. Мысль о ненависти должна быть побеждена более могущественной мыслью о любви. Помыслы о войне разрушают всякую гармонию, благосостояние, спокойствие и радость». «Смотрите всегда на хорошее, а не на дурное. Если у человека есть десять хороших качеств и одно плохое, нужно сосредоточиться на десяти и забыть одно; а если у человека десять плохих качеств и одно хорошее, то надо видеть это одно и забыть о десяти».[3]

И. Гриневская сообщает, что Абдул-Баха «побывал в Лондоне, Париже, Нью-Йорке и других городах Европы и Америки, и везде он

---

[2] *Чач Елена Андреевна*. Ориентализм в общественном и художественном сознании Серебряного века: автореф. дис. ... канд. ист. наук / СПбГУ. СПб., 2012. С. 21.

[3] Абдул-Баха. Цит. по: Раскрывая наше духовное предназначение... СПб.: Единение, 2002. С. 173.

привлекал тысячами слушателей и обращал на себя внимание выдающихся лиц, светских и духовных». Вот что пишет ее спутник по поездке на Восток М. А. Мамедханлы (Нахджавани): «Дорогая Изабелла Аркадьевна! Вот уже 2-й день, как, слава Богу, Абдул-Беха вернулся опять в Нью-Йорк из путешествия по Калифорнии, сегодня только он мне разрешил отправиться в Россию, поэтому я 26 ноября отправляюсь в Берлин, оттуда желаю приехать к Вам в Петербург, но, боюсь, родные дома в Баку скажут: после такого несчастья, как потери жены и дочери, он домой раньше не приедет, а поехал в Петербург; поэтому колеблюсь, до Берлина обдумаю и напишу Вам оттуда о своем решении. Вашу книгу[4] <...> я не мог найти свободное время, чтобы читать для Абдул-Беха, но пересказал настолько, насколько мог, и попросил его сказать во время проповеди о Вашей книге несколько слов, он обещал это сделать в Лондоне или в Париже и велел мне сказать Вам об этом, чтобы Вы были покойны, что это будет сказано. <...> Сам Абдул-Беха отсюда на днях уедет в Лондон, Париж, Берлин, Вену и, кажется, если будет удобно, в Константинополь. О виденном и слышанном невозможно написать, надеюсь, увидимся и напишем вместе с Вами несколько рассказов об Абдул-Беха в Америке для меня».[5] В другом письме к Изабелле Аркадьевне Мирза Алекпер отмечает: «Слава <Богу>, Абдул-Беха здоров, а также все его семейство, все Вам кланялись. <...> Все проповеди Абдул-Беха в Европе и Америке изданы на всех европейских языках, народы после войны, может быть, только поймут, о чем Он говорил. Это всегда так бывает, когда человек здоров, советов доктора никогда не слушается, а когда заболеет, только тогда начинает слушаться».[6]

В главе XV Изабелла Гриневская задала нам очередную загадку, посетовав, что не знает языка «ученых мореплавателей» — английского. И далее она пишет: «...но с нами идет также 14-летний мальчик Фоузи, племянник Абдул-Беха. Мать его находится в Хайфе, и здесь о нем заботится миссис Стенар.[7] Она его уже воспитывает несколько

[4] Видимо, речь идет о поэме-трагедии в стихах «Беха-Улла».

[5] РО ИРЛИ, ф. 55, оп. 2, ед. хр. 785, л. 1—2 (нояб. 1912 г., Нью-Йорк).

[6] Там же, л. 87 (<1913>, Баку).

[7] Вероятно, речь идет о *Станнард Джин Е.* (Stannard Jean E.; 1865—1944) — английской бахаи (Гриневская упоминает о ней как об «американке-бехаидке»). По сведениям, любезно предоставленным Яном Яшоном, в Египте она жила в 1908 г., в Индии — с 1914 г. (несколько раз путешествовала в Индию), с Абдул-Баха встречалась в предместье Лондона 29 сент. 1911 г. и в Париже; г-жа Станнард участвовала во Всемирном конгрессе рас (июль 1911 г., Лондон). Она перевела «Сокровенные Слова» Бахауллы на английский язык (1921 г., Каир). В 1925—1928 гг. возглавляла Международный офис бахаи в Женеве (подробнее см.: *Jasion Jan Teofil*. 'Abdu'l-Bahá in the West: A Biographical Guide of the People Associated with His Travels. Paris: Librairie Bahá'íe, 2012). Из повествования И. Гриневской следует, что г-жа Стенар (Станнард) с Абдул-Баха познакомилась еще до его поездки на Запад.

лет. Фоузи говорит, к счастию, и по-французски и по-английски, и явился очень кстати драгоманом между нами» (между Гриневской и «учителем бехаидской школы»). И позже писательница добавит, что, «кроме goodbye (прощайте)», не знает «ни слова по-английски».

У нас даже возникла дружеская полемика по электронной почте с Яном Яашоном[8] относительно того, какими языками владела наша загадочная Изабелла Гриневская. Он считает, что ее «языковые способности странным образом связаны и задокументированы» («Grinevskaia's language abilities are strangely related and documented»); «домашние языки»: немецкий (первый перевод — 1898 г.) и польский (первый перевод — 1892 г.); в школе — русский; «от братьев Гуден» — французский (первый перевод — 1897 г.); итальянский (первый перевод — 1892 г.); английский (первый перевод — 1904 г.); армянский (первый перевод — 1905 г.); грузинский (первый перевод — 1904 г.). И далее Я. Яашон аргументирует: «Ее грузинский язык был на том уровне, что она не только переводила, но и читала лекции по грузинской литературе». Словом, он сомневается в том, что писательница не владела английским.

Однако нам известно, что И. Гриневская работала и с подстрочниками. Так, Ю. А. Веселовский (1872—1919), знаток и популяризатор культуры армянского народа, ей пишет: «У меня и у армянского поэта С. Шах-Азиза[9] явилась мысль выпустить вторым изданием мою книгу "Армянский поэт С. Шах-Азиз" <...> с приложением стихотворных переводов <...>. Я присылаю Вам <...> дословный и, конечно, нескладный перевод двух стихотворений поэта и очень прошу, зная Вашу всегдашнюю любезность, перевести эти две вещи стихами, пользуясь подстрочным переводом! <...> Размер армянских стихов силлабический, вроде французского и польского, я лично передаю его по-русски <...> или анапестом».[10]

Полагаем, что переводчице незачем было скрывать знание английского языка — скорее всего, она не владела им (во всяком случае, тогда). Что касается сонетов Шекспира и Байрона, переведенных И. Гриневской, то в начале 1900-х она вполне могла прибегать и к подстрочникам. В ее архиве (ф. 55) хранятся подготовительные материалы к переводам: тексты на английском, немецком, французском языках; с немецкого языка: переводы из Гейне, Гете, Буддо[11] и др.; с французского языка: переводы из Метерлинка, Гюго и др.; два

[8] Как уже сообщалось, *Яашон Ян Теофил* (Jasion Jan Teofil; род. 1945) — французский исследователь польского происхождения. Готовится к печати его книга «Presenting Izabella Arkadevna Grinevskaia, author of the play "The Báb"» («Представляем Изабеллу Аркадьевну Гриневскую, автора пьесы "Баб"»).

[9] *Шахазиз Смбат Симонович* (1841—1907/1908) — армянский поэт и педагог.

[10] Переписка Ю. Веселовского с И. Гриневской / публ. С. Ахумяна // Литературные связи: исследования и материалы. Ереван: ЕГУ, 1973. Т. 1: Русско-армянские литературные связи. С. 250—251.

[11] *О Буддо* сведения не найдены.

стихотворения, переведенные на французский язык; с польского языка: переводы из Балуцкого, Рыделя, Асныка, Конопницкой[12] и др.; с итальянского языка: переводы из Петрарки, Кардуччи[13] и др.; с английского языка: переводы из Тагора, Шелли, Байрона и др.; с персидского и татарского языков: переводы из Гафиза, Сюнчелея[14] и др.; с армянского языка: переводы из Левона Григорянца[15] и Ширванзадэ[16] (совместно с Л. Григорянцем); переводы с грузинского языка; переводы с японского и китайского языков;[17] переводы с испанского языка, латыни (Катулл), датского, сербского и узбекского языков. Вот где непочатый край работы для исследователя...

Сагит Сунчелей (Сюнчелей) перевел на татарский язык одно из самых значимых произведений И. Гриневской: «...Сюнчелей выполнил перевод "Баба" с большим успехом. Этот молодой талантливый татарский поэт насчитывает за собой более десятка лет литературной деятельности. Кроме многочисленных оригинальных произведений он известен рядом своих талантливых переводов из русских и западноевропейских авторов. Так, например, его перу принадлежат переводы трагедии "Альманзор" Гейне, "Шильонского узника" Байрона, "Галуба" Пушкина. Сюнчелей владеет гладким и своеобразным стилем. Перевод "Баба" по техническому выполнению стоит на высоте задачи. Перевод этот не дословный, а вольный: переводчик внес в поэму некоторые изменения в тексте по личному согласию на то самого автора. Таким образом, этот стихотворный перевод можно даже считать за оригинальное произведение Сюнчелея, так много труда и любви

---

[12] *Балуцкий Михаил* (псевд. Элпидон) (Michał Bałucki) (1837—1901) — польский писатель, беллетрист, поэт, сатирик; *Рыдель Люцьян* (Rydel Lucjan; 1870—1918) — польский поэт и драматург; *Аснык Адам* (Asnyk Adam; 1838—1897) — польский литератор, поэт и драматург; *Конопницкая* (Konopnicka; урожд. Василовская) *Мария* (1842—1910) — польская писательница, поэт, литературный критик и публицист, автор произведений для детей и юношества.

[13] *Кардуччи Джозуэ* (Carducci Giosue; 1835—1907) — итальянский поэт и литературовед второй половины XIX в.

[14] *Сунчелей (Сюнчелей) Сагит Хамидуллович* (1889—1937) — татарский поэт, переводчик и общественный деятель начала XX в.; автор стихов, пьес, сказок, статей, пособий по музыке для детей. Его имя много лет находилось под запретом; в 40 лет он был репрессирован, приговорен сначала к расстрелу, затем к 10 годам заключения; поэту еще не было и 50, когда его расстреляли.

[15] *Григорянц Левон Артемович* (?—?) — нет сведений. В архиве И. Гриневской хранятся его письма (2) к писательнице (РО ИРЛИ, ф. 55, оп. 2, ед. хр. 498; 22 июля 1913 и б. д.). В московском архиве также есть письма Л. Григорянца к ней (РГАЛИ, ф. 125, оп. 1, № 158; 5 июля 1910 — 29 авг. 1912).

[16] *Ширванзаде* (наст. фам. *Мовсисян*) *Александр Минасович* (1858—1935) — армянский писатель, народный писатель Армении и Азербайджана (1930).

[17] См.: *Гриневская И. А.* Перевод «Рыбачьих песен из Осака». <1914> / материал подготовлен М. Ю. Кореневой // Россия. Запад. Восток: культурные связи: документы и материалы из собраний Пушкинского Дома: альбом. СПб.: Нестор-История, 2018. С. 288; *Гриневская И. А.* «Из китайского». <1914?> // Там же. С. 289.

вложил он в него. Перевод сделан много лет тому назад, несколько раз проредактирован и, являясь вполне зрелым трудом, послужит ценным вкладом в татарскую литературу. Али Рахим Ф. Эмирхан. 22-го июля 1921 г.».[18]

А вот что написал в своем отзыве сам переводчик: «Это произведение глубокоуважаемой поэтессы Изаб<еллы> Аркад<ьевны> ГРИНЕВСКОЙ настолько завоевало симпатию нашей тюркско-татарской передовой интеллигенции и литераторов своим богатым содержанием и высокохудожественностью, что в <19>10-х годах ощутилась крайняя необходимость перевести поэму на татарский — самый распространенный тогда язык. <...>

Читал я свой перевод в среде наших ученых и писателей. Все высказывали восхищение книгой и придавали большое значение изданию ее. Всех нас волновало содержание книги, призывающей за раскрепощение женщины Востока от векового рабства, призывающей к борьбе с насилием над слабыми, бедными массами, к любви и братству. Поэма и теперь не потеряла своего значения и ценности. Я не нахожу слов, чтобы выразить автору "Баб" (и "Беха-Улла") <...> свое уважение, почтение и любовь за труды над своими поэмами. Не менее ценна и значительна другая поэма И<забеллы> Ар<адьевны> — "Беха-Улла", но перевести эту поэму мне не было суждено.

Я бы очень хотел, чтобы наши научные организации приняли живейшее участие в личной жизни глубокоуважаемой поэтессы, положившей столько труда на литературном поприще в течение десятков лет и посвятившей всю свою жизнь идеям братства, любви и свободы людей. Москва, Цекубу.[19] СЮНЧЕЛЕЙ. 17/IX-<19>26».[20]

Несколько лет назад мы попросили журналиста Шамиля Лотфулловича Фаттахова, живущего в Казани, найти информацию о Сагите Сунчелее (Сюнчелее) и его переводе поэмы «Баб». Шамиль поздравил всех нас с «ценной находкой» — перепиской И. Гриневской с известным татарским поэтом и переводчиком — и поговорил с Раисой Рашидовной Мусабековой (к. ф. н.), защитившей диссертацию на тему: «Сагит Сунчелей: Личность поэта и мотивы творчества» (2001). Среди источников ее исследования — неопубликованные стихотворения, письма, дневник С. Сунчелея, хранящиеся в фонде Национального музея Республики Татарстан (инв. № 1752), и архив И. Гриневской (РГАЛИ, ф. 125).[21] Р. Р. Мусабекова посоветовала обратиться к З. З. Рамееву (д. ф. н.), который работал непосредственно с рукописью С. Сун-

[18] Отзыв о драматической поэме «Баб» в переводе С. Сюнчелея // РО ИРЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 13, л. 78.

[19] Центральная комиссия по улучшению быта ученых при Совете Народных Комиссаров РСФСР (ЦЕКУБУ). Петроград. Москва (1921—1931). Комиссия содействия ученым при Совете Народных Комиссаров СССР. Москва (1931—1937).

[20] РО ИРЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 13, л. 76.

[21] Отрадно, что теперь свои изыскания исследователи могут продолжить и в фонде 55 Рукописного отдела Пушкинского Дома (единицы хранения архива

челея. Зуфар Зайниевич сообщил, что перевод пьесы «Баб» на татарский язык был сделан приблизительно в 1913 г., но не был опубликован; его рукопись хранится в вышеупомянутом музее.

«Путешествие в Края Солнца» печатается по машинописи с авторской правкой (РО ИРЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 10). Текст очерка приводится в соответствии с современными нормами орфографии, с сохранением отдельных пунктуационных особенностей оригинала. Трудно читаемые слова, сокращения и предполагаемые пропуски восстановлены в угловых скобках. Приносим глубокую благодарность Ю. А. Иоаннесяну, О. К. Мехтиевой, С. Ю. Митнику, Р. Р. Мусабековой, З. З. Рамееву, Ш. Л. Фаттахову, Я. Т. Яашону (J. T. Jasion), сотрудникам Рукописного отдела Пушкинского Дома и общине бахаи — за всемерную помощь.

И. А. Гриневская

Путешествие в Края Солнца (о виденном, слышанном и испытанном)

(Продолжение)

Глава XIV

Мои прогулки по Рамлэ со спутником. — Почему мы не могли долго отлучиться из отеля.[1] — Мое знакомство с американской бехаидкой у Абдул-Беха. — Как она узнала о бехаизме. — Абдул-Беха отпускает меня в Каир. — Канун отъезда моего в Каир. — Ханы у меня. — Рассказ старшего о том, как он стал бехаидом. — Как на моих глазах в этот вечер утвердился в бехаизме и младший брат. — Младший хан читает из Беха-Уллы: «Запутан, как в цепях, в твоих я волосах». — Мое душевное состояние в течение недели, проведенной в Рамлэ.

Я раньше рассказала, что мой спутник деликатно предостерег меня, чтобы я не уходила одна по городу. Отчасти я приняла его предостережение и осматривала городок в его сопровождении. Останавливалась перед всякой оградой, через которую свешивались апельсины и лиловые и красные цветы, заглядывала в сады сквозь решетки, в сады, полные роз... и это в декабре месяце, провожала всякого мальчишку на ослике, как будто я впервые вижу это смирное и терпеливое животное.

Мы не могли чересчур удаляться от отеля, ибо в каждую минуту мог явиться гонец от Абдул-Беха. Он вставал с зарей, занимался делами общины, до обеда. Остальное время он посвящал приемам, общению с последователями-бехаидами, которые жаждут его видеть как можно чаще и которые для этого приезжают из дальних стран. Он

И. А. Гриневской отражены в электронном каталоге; постоянная ссылка: URL: https://ro.pushkinskijdom.ru/stoks/64154 (дата обращения: 05.11.2023)).

разъясняет им их сомнения религиозного и житейского характера, напутствует их, поучает, благословляет. И все просто, близко, без разделяющей проповедника от паствы пышности, сопровождая подчас свои речи шуткой, но всегда изящно, красиво, мудро. Нередко вдохновенно, как говорят, в стихотворной форме.

Вот почему я вовсе не видела Александрии, ибо я ведь приехала к Абдул-Беха и не хотела пропустить ни единой возможности видеть и слышать этого нового вождя бехаидов и среду его последователей. Скажу здесь кстати, что за последнее время, после того как я побывала у него, этот проповедник мира и незлобия перенес свою проповедническую деятельность в Европу и Америку. Он побывал в Лондоне, Париже, Нью-Йорке и других городах Европы и Америки, и везде он привлекал тысячами слушателей и обращал на себя внимание выдающихся лиц, светских и духовных, разных религий.

Повторяю, я не могла совершать дальних прогулок даже и в Рамлэ, чтобы не лишать моего спутника лицезрения обожаемого им вождя.

Когда раз случилось, что в нашем отсутствии Абдул-Беха был в отеле — набожный Мирза Али Акбер даже заболел от огорчения. У него до того разболелась голова, что и этот терпеливец должен был лечь.

Но вот явился гонец и попросил нас к Абдул-Беха. Больной сразу выздоровел.

У вождя на этот раз были только мы и ханы.

Абдул-Беха предложил мне побывать в Каире. «Я бы не хотел, — сказал он отечески, — чтобы вы пропустили случай видеть этот интересный город Египта. Вас там будет ждать одна американка-бехаидка, говорящая по-французски, образованная дама. Кстати, вы получите возможность вдоволь наговориться с ней».

С этой американкой я тут же познакомилась, так как она приехала к Абдул-Беха по делам школы его имени в Каире, которою она заведовала и, кажется, была учредительницей ее.

Вошла дама еще довольно молодая, с умным, тонким и энергичным лицом. Типичная деловитая американка, привычная к путешествиям. Удобный, дорогой, но простой чечунчовый[2] костюм, удобные американские сапоги и, как я потом видела, шляпа с полями и вуалью — был ее костюм, шедший к ее решительному лицу, тонкой, сухощавой фигуре. Конечно, тут был и неизменный ридикюль,[3] в котором помещалось бесчисленное множество вещей.

В тех случаях, когда мы возим с собой сундуки и тюки, — американка или англичанка с таким ридикюлем может объехать полсвета, не нуждаясь ни в чем. Познакомившись с миссис Стенар, я тут же разговорилась с ней.

В то время как Абдул-Беха беседовал о чем-то с ханами, она рассказывала мне, как она пришла к охватившему весь ее дух учению. Это было на возвратном пути из Индии, где она изучала философию и религию индусов. Ее внимание привлек мавзолей над могилой Баба,

видневшийся с парохода.[4] Узнав о жизни этого персидского пророка и его учении, она осталась среди последователей Беха-Уллы и его сына Абдул-Беха, возродившего и окрылившего его учение.[5]

Теперь она, как я уже сказала, одна из главных деятельниц по устройству бехаидской школы в Каире. Она меня просила передать ей содержание моей драмы «Баб», которая живо ее интересует, и очень удивилась, что я написала трагедию «Беха-Улла». Она нашла, что написать трагедию из жизни Беха-Уллы — трудная, почти неодолимая задача. Баб более поддается драматизации, нежели Беха-Улла, который более всеобъемлющ. Также всеобъемлющ и Абдул-Беха, заметила она.

В этой беседе я, кажется, хорошо выдержала экзамен в глазах образованной, положительной, умной и дельной американки, глядевшей на меня своими пытливыми иссера-голубыми глазами.

В общей беседе она стала доказывать Абдул-Беха с апломбом женщины Запада, что надо было бы бехаидам участвовать в конгрессе рас, который предполагается в Лондоне и который, кстати, действительно состоялся.[6] Когда миссис Стенар вышла из комнаты, чтобы посетить женщин, все стали говорить о ней, но не так, как у нас говорят за спиной уходящего. «Душа ее светится в ее глазах», — говорили про нее, когда закрылась за нею дверь. «Душа походит на свет, который горит внутри фонаря. Чем душа яснее, чище, тем ярче она отражается в глазах, и, как свет фонаря, чем она сильнее, тем более светит окружающим», — можно сказать, продекламировал Абдул-Беха, ибо это были стихи.

— Что должен делать человек, который знает, что душа его загрязнена, и который хочет очиститься, но не может преодолеть себя, что он должен делать? — спросил Мирза Али Акбер.

— Кто не признает своей души скверной — тот погибший человек, для того ничто страдание и кровь брата, но тот, кто знает свое несовершенство, тот может достигнуть совершенства путем молитвы, пребывания в сфере святости и красоты, — ответил Абдул-Беха.

Так говорил ревностный последователь бехаизма Мирза Али Акбер с своим учителем, любовно и набожно глядя на старца и стараясь впитать в себя всякое его слово.

Накануне отъезда моего в Каир, вечером, зашли ко мне ханы и Мирза Али Акбер.

Старший хан говорил о благотворном действии для мира бехаизма, об удивительной личности Абдул-Беха. Он сказал: «Я был такой же кровопийца, как все; я слыхал, как муллы говорят: “Аллах, Аллах”, но Аллах был у них только на языке, я видел, что они не верят в него, а только красноречиво говорят о нем. Я сам был искусником в красноречии, но говорить красиво не значит еще быть правым.[7] Я искал успокаивающего душу слова, искал его везде, среди мулл, в софистической философии, среди дервишей, — везде находил несоответствие слова с делом. Один дервиш сказал мне: “Я знаю дервиша, который

удовлетворит вас, но он бехаид". У меня не было нетерпимости к чьим бы то ни было верованиям, и я познакомился с бехаидом, и я увидел, что человек этот точно осенен высшей Божественной силой, и его простые слова проникли мне в душу, и с первого же дня я стал бехаидом. Когда я прочел одну из книг Беха-Уллы, я решил поехать в Акку к Абдул-Беха, но я узнал, что он в Александрии, и вот как я здесь. Родные были против моего увлечения и поездки, и я уехал тайно от них. В погоню за мной отправился мой брат, чтобы удержать меня от "гибели", но тут и он понял истину и любовь, и он теперь разделяет мои взгляды». Тут младший хан покачал головой в подтверждение последних слов брата.

«Прочти нам что-нибудь из Беха-Уллы, — сказал старший хан, — хотя бы один стих». И младший брат, высокий, полный, как я уже сказала, лет 35 человек, послушно, как мальчик, отправился в свой номер за книгой и, вернувшись, вслух нараспев стал читать ее. Сначала Мирза Али Акбер переводил мне то, что он читал, а потом все так увлеклись чтением, что забыли о присутствии европейки, ничего не понимавшей из того, что с таким захватывающим интересом читалось. Но я смотрела со странным чувством на этих трех зрелых мужчин, которые при чтении Божественной книги находили такую радость, какую ощущает у нас только гимназист при первом выезде на бал. Мне приходилось видеть в оперетках и фарсах на дорогих местах скучающие лица, потухающие взгляды. Мне приходилось видеть сонных людей на представлениях Вагнера — на операх с участием Шаляпина, а тут поучение мудреца оживляло и бодрило этих сынов Востока.

«О, гордый, богатый, вы знайте:

"Богатство... богатство — ограда между желающим и желанным, меж влюбленной и влюбленным. Никогда богатый не приблизится к престолу святости и не войдет в город согласия и довольства.

Из них войдут в этот город только немногие. Итак, благо богатому, которого богатство не удаляет от святости вечной, не удаляет от вечного богатства. Клянусь своим величайшим именем, что свет такого богача озарит небожителей, как это солнце — жителей земли"».[8]

«О, богатые земли, бедные мои питомцы — я их поручаю вам, вечные богачи. Содержите их хорошо и не думайте только о вашем спокойствии...»[9] и т. д.

Он читал часа два, если не более, все более и более увлекаясь, весь во власти новой веры, как юноша во власти возлюбленной.

Раньше этого хан прочел мне стихи другого характера:

Запутан, как в цепях, в твоих я волосах,
Пленен их ароматом,
И мир я весь забыл, все звезды в небесах
И солнце пред закатом.

———

Так мысли все мои полны, полны тобой,
Что сна не знают очи...
Пришел теперь к тебе... пришел к тебе с мольбой,
Открой мне дверь средь ночи...

———

Хотя бы умер я, я все ж к тебе приду,
Как раб, как раб покорный.
Тебе поведаю, как Божьему суду,
Что мыслю ночью черной.

———

Коль пожелаешь ты — мне можешь сердце сжечь,
Мне радостны мученья!
Вели, что хочешь ты, вели мне мертвым лечь, —
Исполню повеленья...

———

— Чьи это стихи? Гафиза — кажется?

Но вопрос не получил ответа.

Я должна сказать, что всю эту первую неделю я чувствовала се<бя> так, как, наверно, чувствует себя пассажир на аэроплане. Хотя я написала две книги, в которых изображаются высочайшие сферы духа — представлены Божественные гонцы на земле, и эти подъемы к небесам должны были быть для меня обычны, тем не менее тут нервы мои были в необыкновенном напряжении. Когда я писала мои книги, я сама была наблюдатель, я имела возможность от времени до времени сделать спуск к гаражу,[10] я творила сама среду, — я не была сама предметом того воздействия, которое всегда живая среда производит на живого человека, кто бы он ни был. Когда я писала «Баба» и «Беха-Уллу», я взлетала на воображаемую мной высоту, а тут я должна была держаться в истинном воздухе — с риском упасть и разбиться. С этими искусными воздушными пловцами я витала над бездной зол и бед, и в то же время я должна была зорко изучать окружающее, ибо ведь для этого я приехала — я приехала проверить мою пьесу, а подобное изучение при подобном положении требует слишком большого напряжения сил и нервов. А силы мои были уже напряжены самой работой над колоссальным трудом, над моей трагедией («Беха-Улла»), над приготовлениями к отъезду, когда я должна была завершить другие труды ввиду ранее взятых мною обязательств. Так, перед отъездом, в две с половиной недели я написала статью «Мои первые шаги на литературном поприще», давно обещанную Ф. Ф. Фидлеру,[11] и перевела трагедию Сема Бенелли.*[12] Затем сам переезд, в котором было немало тревожных дней.

* в 4 действиях, в стихах, заказанной мне нашими знаменитыми артистами братьями Адельгейм. — *Примеч. И. Гриневской.*

Мое путешествие не было тем пикником, которое выпадает на долю баловней судьбы, беспечное и безмятежное. Великий дух или настроение среды — это те же стихии, стремящиеся бессознательно носителей их унести нас, поглотить, как море. Это стихии, с которыми бессознательно приходится бороться для сохранения вашей личности и нравственной свободы. Мы испытываем это в известной степени тоже бессознательно ежедневно в общении со всякими людьми; здесь же я испытывала это давление и эту борьбу в высшей степени, я ощущала то же, что и пароход под напором морского льда, что бедуин под влиянием горячего солнца и жгучих песков. Сами радости, которые я испытывала здесь при виде осуществления моих детских мечтаний — увлекали меня в объятия неведомого безвестного. И я даже страшилась их. И ночи мои были полны странных сновидений, в которых мне представлялся этот благостный, добрый и мудрый старец. После плохо проведенной ночи, я вставала для новых впечатлений, часто самых отрадных, а также и для труда, ибо записывание видимого отнимало много времени и требовало напряжения. Я хотела быть точной, и я думала, если мне придется написать это путешествие, то цель его слишком важна, чтобы ограничиваться общими фразами и легковесными замечаниями, а я должна быть по возможности ближе к истине.[13]

Глава XV

Нас зовут к Абдул-Беха. — Напрасные тревоги моего спутника. — Абдул-Беха благословляет меня в путь в Каир и выражает уверенность, что я долго останусь в памяти людей. — Мои мысли о памяти людей. — Что мне говорил Абдул-Беха об отношении русского правительства к бабидам и о заступничестве русского царя за Беха-Уллу. — Мой спутник меня провожает к поезду, увлекающему меня в Каир. Дорога от Александрии до Каира. — Араб — мой визави в вагоне — читает книгу «L'art oratoire».[14] — Другие пассажиры-арабы. — Мой новый знакомый советует мне посмотреть процессию в память Гуссейна. Миссис Стенар отказывается меня сопровождать на эту процессию. — По дороге из гостиницы к миссис Стенар. — Ужин у школьного учителя-бехаида. — Мой новый друг Фоузи — 14-летний мальчик. — Старый город Каир. Двор и квартира учителя. — Письмена на стенах. — Ужин учителя.

В 10 часов утра, накануне моего отъезда, явился араб Хосров и объявил, что Абдул-Беха просит нас к себе.

Мирза Али Акбер встревожился.

— Это не к добру, сказал он, — я думаю, он хочет меня уже отпустить от себя. Вчера он что-то давал мне разные наставления для будущей моей поездки и сказал: «Царь любит больше не тех, которые

топчутся возле него и не дают ему проходу, а тех, которые вдали от него исполняют его веления и распространяют его славу».

Мы быстро направляемся по обычному пути к Абдул-Беха. Нас сейчас вводят к нему. Он опять ласково меня встречает, говорит, что имя мое не будет забыто, как имя Хурет... Вот что значит отдаться духовному...

— Не люди влекут идеи, а идеи увлекают людей, — сказала я на это, сама еще не совсем понимая сказанных слов, — я сказала их, чтобы что-нибудь сказать.

— Занимайтесь дальше тем, чем вы занимаетесь, — я буду молиться за вас.

— Пишите лишь о том, что важно, — добавил вождь, видимо, прощаясь со мной.

— Пребывание мое здесь, во всех отношениях, принесет мне пользу, и я буду счастлива, если я сумею описать все виденное и слышанное.

— Я буду молиться об этом.

Он отечески отпустил меня, похлопав меня по плечу, и сказал: «Познакомившись с вами, я стал вас еще более уважать. Я хотел видеть вас перед отъездом вашим в Каир, и теперь да сопутствует вам Бог».

Этим разговором кончилась первая треть моего пребывания в Египте, в среде потомков героев моих трагедий. Доброе отношение вождя бехаидов, одного из великих людей нашего времени, человека, озаренного Божественным духом, — это хорошая награда за труды. Оно означало одобрение его. А ведь я поехала на Восток, главным образом, для проверки его! Оно дало мне удовлетворение, которое поддерживало мой дух, как в свое время меня осчастливило письмо нашего мудреца Л. Н. Толстого и похвалы еще одного очень значительного политического деятеля, познакомившего Англию с моими сочинениями. Это Веселитский-Божидарович.[15]

Мирза Али Акбер провожает меня на вокзал и дает мне наставления не потеряться в большом городе, твердо помнить, где правая рука и где левая, которую я будто все путала.

Дорога в Каир. Поезд мчится по чуждой местности... Мне вспоминаются иллюстрации к описанию этих стран, которые я жадно рассматривала когда-то детскими глазами и к которым устремлялось детское воображение. В связи с воспоминаниями детства звучат стихи дорогого поэта, которые когда-то с восторгом читались наизусть: «В песчаных степях аравийской земли три гордые пальмы высоко росли» — звучат строфы Лермонтова,[16] когда промелькнет на фоне лазурного неба горизонта купа этих причудливых деревьев.

Тут только понимаю их назидательный смысл... И я, и те, которые садятся сейчас в вагон с какой-то станции, все эти жизнерадостные арабы, в длинных дорогих лабаде, с открытыми шеями и с тюрбанами

на головах — все мы люди, идущие навстречу жизни, — наша участь та же, что и трех пальм — стать простым материалом для мчащейся вперед, вечно разрушающей и вновь созидающей этой самой жизни. Я гляжу на несущиеся мимо, точно нарисованные акварелью, пейзажи, облитые горячим солнцем, на эти странные селения, состоящие из домов, построенных из ила, как бы из глины, с плоскими кровами домов, имеющих вид ряда поставленных друг на друга ящиков, которые мне знакомы только по картинкам. Вот подъезжаем к станции какого-то довольно значительного города. Еще издали виднеются минареты мечетей. Вот и пестрый восточный торг, такой, какой уж был мною описан в «Бабе»... В моей драме-поэме, среди гомона и крика базарной толпы, вдруг раздалось старое и вечно новое слово «любовь» из уст загадочного человека, почитаемого теперь пророком, и этот-то пророк, которого я не ведала, не знала, был причиной моего пребывания на Востоке, моей этой поездки...

С этой станции садятся в мое купе загорелые статные красивые люди. Были тут и в европейских платьях, только с фесками на голове. Один из них сел против меня и стал читать книгу. С любопытством гляжу украдкой на заглавный желтый лист. На нем большими буквами по-французски было написано: «L'art oratoire».

Арабы, пальмы, мечети... Аллах, сеиды, персы, бабиды, фески... и вдруг «Ораторское искусство», Париж — в поезде, несущем меня из Александрии в Каир.

Когда дама заинтересовывается соседом — ей нет надобности самой начать разговор. Если она этого хочет — он первый сделает шаг к знакомству. Так как я путешествовала по чужой стране, которую мне было полезно всесторонне узнать, — то, естественно, я была рада соседству человека, который читает «L'art oratoire». Кстати, перед отъездом на Восток я читала именно в Ораторском обществе о моем новом сочинении и где я собиралась еще прочесть о «чарах Речей», о которых у меня говорится в монологе Баба и в трагедии «Беха-Улла»... Поэтому, когда сосед спросил меня по-французски, не опустить ли штору у моего окна, чтобы солнце мне не слишком светило в глаза, — я приветливо его поблагодарила и точно с удивлением заметила: «Comment, vous parlez français?»[17] Затем я спросила, что он читает, хотя это уже мне было хорошо известно. Он мне показал книжку, заглавие которой я даже уже записала в мой блокнот. Мой визави оказался адвокатом суда.

Я стала его расспрашивать о стране и людях. Ведь ради этого только я и хотела познакомиться с читавшим желтую французскую книжку человеком. Между прочим, я спросила у него, что это за люди, которые вошли в вагон. Он объяснил мне, что это богатые землевладельцы... арабы.

Когда я вслух прочла название какой-то станции, арабы спросили что-то у моего знакомого. На мой вопрос, что они говорят, он отве-

тил: «Они спрашивают, кто я, знаю ли я по-арабски, потому что хорошо произношу арабское слово “Benhe”».[18] Завязалась беседа и с арабами при помощи французского адвоката. Я выразила сожаление, что европейская культура вытесняет красивые восточные наряды. «Она пока не коснулась головы», — заметила я, показывая на феску одетого по-европейски адвоката, «и это хорошо»... «И се́рдца», — прибавил адвокат.

Арабам понравилось это замечание и, уходя, <они> попрощались со мной очень любезно и подали руку. Адвокат ехал в Каир и советовал мне сегодня же отправиться в старый город посмотреть процессию в память мучений Гуссейна. «Это очень интересно будет для вас», — настаивал он и дал мне свою визитную карточку, предлагая себя в качестве гида. Однако я не воспользовалась его услугой и ни разу не вызывала его в течение шести дней, которые я провела в Каире. Я поступила, как настоящая коварная европеянка, но совет его я приняла и увидела зрелище, которого не забуду до конца моих дней. Я бы, конечно, не знала о нем, и мои друзья, каирские бехаиды, не подумали бы мне его показать. Ибо, когда я заявила возвратившейся из Рамлэ и встретившей меня на вокзале миссис Стенар, что я хочу посмотреть вечером процессию, она стала меня отговаривать от исполнения моего намерения, заметив: «Это не для вас».

С вокзала мы поехали в гостиницу, где для меня была уже нанята комната. В гостинице должен был ждать нас американец, женатый на персиянке, мистер Спрег[19] — весьма тоже интересный человек, ревностный бехаид. Но он не пришел, хотя мы его и ждали довольно долго. А я хотела познакомиться с ним, хотела просить его, чтобы он повел меня вечером на процессию, которую я непременно хотела видеть, а миссис Стенар отказалась мне сопутствовать. «Тут нужен мужчина, и не один, — заметила она, — иначе опасно». «Пойдем ко мне, быть может, мистер Спрег у меня», — добавила она.

Едем трамваем. Она мне что-то говорит, а я смотрю по сторонам, на пестроту необычной для меня картины, хотя часть города, где помещалась моя гостиница, имела почти европейский характер. Как раз насупротив меня красовался первый отель в Каире «Чеперд Отель»,[20] где останавливаются богачи Европы и Америки, и конечно, и всемирные искатели приключений — эти артисты, играющие на человеческом тщеславии и глупости, эти всесветные «гоголевские ревизоры»...

Отель этот является притягательным местом и для местных аферистов, гидов, продавцов всякой всячины, по которым и с помощью которых с веранды Отеля приезжие изучают Восток и нравы его обитателей.

— Я живу одна без прислуги, — сказала мне спутница, — когда я удивилась, что она сама все делает по хозяйству.

— Как одни, и вы не боитесь?

— Чего?

— Да так, всего, — ответила я. — Я до этой поездки никогда не была в Париже, где мне довелось быть лишь недавно, а Берлин я видела очень поверхностно, и я не знала, что одинокие дамы среднего достатка в Европе часто живут без прислуг и ничего не боятся.

Миссис Стенар посмотрела на меня своими пытливыми глазами и ничего не сказала, но, видно, этот вопрос, как и другие, казались ей странными со стороны автора двух серьезных книг. Житейская беспомощность, не удивляющая никого в России, где женщины воспитываются, даже малосостоятельные, как принцессы под надзором гувернанток и слуг, — все более и более удивляла привыкшую справляться с жизнью дочь янки.

Из центра города мы скоро очутились в прилегающих участках. Большие магазины сменялись лавчонками, возле которых восточные лентяи малого достатка, среди бела дня, играют в кости, в домино и в карты.

Вот и квартира миссис Стенар. Она состоит из нескольких комнат, из которых лишь одна отделана в восточном вкусе. По стенам развешаны реликвии, вывезенные из путешествия этой образованной дамой, посетившей разные страны. На стенах, рядом с изображениями Христа, и портреты Баба, Беха-Уллы и Абдул-Беха. Далее — Рескин.[21] Под ним какие-то две туфли, значение которых мне неизвестно.

Мистер Спрег не пришел. А так как я настаивала на желании видеть процессию, то решено было не возвращаться в город для обеда в ресторане, а поехать ужинать к учителю бехаидской школы, который, кстати, тут же и явился.

Я осталась довольна этой комбинацией. Ресторанные обеды всякого сорта мне достаточно знакомы, а ужин школьного учителя, еще мусульманского, и бехаида[22] к тому же, — интересно! Я даже не знаю — а было бы интересно знать, — что едят учителя и у нас. Уверена, что горшок учителя играет большую роль в судьбе ученика.

Учитель бехаидской школы, молодой человек, среднего роста и симпатичной внешности, — оказался сыном «потерпевшего бабида».

Мы идем к нему. Он говорит по-английски — кроме персидского языка — а я... увы! не знаю языка «ученых мореплавателей», но с нами идет также 14-летний мальчик Фоузи, племянник Абдул-Беха. Мать его находится в Хайфе, и здесь о нем заботится миссис Стенар. Она его уже воспитывает несколько лет. Фоузи говорит, к счастию, и по-французски и по-английски, и явился очень кстати драгоманом между нами. Фоузи — милый, довольно рослый и сильный мальчик, с круглым, симпатичным лицом, не чисто персидским. Такие лица встречаются и среди французов, итальянцев, поляков.

Из прилегающих к центру улиц переходим в старый Каир, представляющий особый мир и по внешности, и конечно, и по внутреннему составу жителей. Мы идем по узким улицам между старыми дома-

ми, над которыми пронеслось немало веков, наверно, почти не задев их. Обвеянные их крылом, дома эти приобрели только особую загадочную красоту. Быстро спустилась ночь над старым Каиром. Зажглись уже фонари, громадные фонари, образчики которых я видела только где-то в музее древних вещей.

Фонари эти висят низко, на цепях, чуть ли не над головами сидящих у лавок восточных людей, за ларями фруктов и зелени и просто на узких тротуарах. Боковой свет их падает и на идущих посредине улиц: на статные фигуры то в тюрбанах, то в фесках, то в арабских шалях, в длинных белых рубашках и хламидах[23] и белых арабских плахтах, спускающихся с головы по спине.

Вот мы входим в какой-то двор, по каким-то лестницам. Пахнет сыростью со двора и стен. Вот и комната учителя при школе. Не досмотрели лампу, и она изрядно накоптила. Исправляется эта маленькая житейская беда открытием окна. Вскоре при свете водворенного в пределы огня лампы я вижу на стенах портрет патрона школы Абдул-Беха в юности, группы бехаидов, географические карты, изречения Беха-Уллы, Магомета и персидского поэта: «O, mon Dieu, faites de moi un serviteur fidèle. Il faut être patient car les fatigués arrivent»[24] — переводит написанное Ф<о>узи. «Надо иметь терпение, ибо усталые приходят», — переводит он же далее по-французски.*[25]

Вот подали ужин. Мы, т. е. учитель, Ф<о>узи, я и еще двое уселись за длинный стол, бедно убранный, но чистой комнаты. Что ели? Макароны с мясным соусом и соусом из кореньев и какие-то котлеты из зелени. Пили? Воду чистую и холодную. Никаких водок не было. Ни водки, ни вина не пьют учителя мусульмане и бехаиды. Бехаиды напоены вином из Сальсабиля,[26] райским вином мудрости и Божественного слова (см. трагедию «Беха-Улла»). Оно стоит дешево и не требует особых сосудов, чтобы его сохранять. Оно хранится в уме и сердце.

После ужина меня попросили к женщинам. Тут была мать Учителя,[27] жена[28] и еще одна девица, богатая бехаидка из Александрии, которая присела предо мной по-европейски. Все одеты по-европейски, только с платками на голове, накинутыми несколько по-восточному. И тут женщины были мне рады, сказали, что я осветила их дом, целовали меня и выражали всякое внимание.

Глава XVI

Иду на процессию шиитов в память мучений Гуссейна. — Толпа в ожидании процессии. — Квартира бехаида, из окон которого <так!> мы собираемся глядеть на процессию. — Кто хозяин этой квартиры. — Над-

---

* Вспоминаю мое стихотворение «Огоньки», в котором выражена та же идея. Оно было напечатано и внесено в мой сборник стихов задолго до того, что я прочла это изречение. — *Примеч. И. Гриневской.*

писи на ее стенах. — Портрет генерала Куропаткина[29] на стене квартиры бехаида. — Процессия. — Я возвращаюсь с процессии домой. — Бессонная ночь вследствие впечатлений от виденного.

После ужина мы тем же путем отправляемся в Каир. Вот мы опять проходим мимо дома токаря, где внизу в нижнем этаже помещается гробница святого. Над гробом горит свеча. Вот опять эти старые дома, хранящие в своих стенах тайны многих столетий, с окнами в решетках, как тюрьмы. Вот чудная мечеть с высоким минаретом, белеющим под луной, озаренная лентами фонарей. Улицы, не высохшие еще от последних дождей, теперь еще более полны народом. Сыны Востока, по нескольку и в одиночку мерными шагами сновавшие по улице, и живописные группы у лавочек белели и пестрели под гигантскими фонарями и в снопах их лучей. Все эти люди ждали для нас, европейцев, необычного зрелища. Шииты, живущие в Каире, праздновали память о днях мучений Гуссейна. Процессия готовилась в одном из домов этой улицы, принадлежавшем богатому шиите-персу. Она являлась и для всей этой наполнявшей улицу толпы одним только зрелищем, к которому многие из ее среды, без сомнения, относились даже враждебно, хотя и праздновавшие были одной с ними магометанской веры — лишь другого толка.

А нет худших врагов, чем люди одной надвое расколовшейся религии.

«Знай, для святого дела
Нет злейшего врага, чем враг,
Который из его же тела
Рожден, возрос...» —

говорится в трагедии «Беха-Улла».

Среди старших сновали дети.

Вот мы приближаемся к одному ярко освещенному дому, около которого толпится особенно много народу. У дома этого английские полицейские, просто плетками ударяя по чем<у> попало, разгоняют слишком любопытствующих. Получающие «предостережение» безропотно расходятся.

— Что здесь?

— Это дом шиита, который устраивает процессию. Она в этом году будет особенно торжественна. Он пожертвовал на нее нынче большую сумму, — объясняет учитель; Фоузи переводит.

Пройдя мимо дома, в приличном отдалении, вне сферы достижения английских плеток, я заглядываю вовнутрь его сквозь широко открытые двери и вижу там какие-то фигуры в белом.

— Что это такое?

— Это участвующие в процессии. Они настраивают себя к самоистязанию.

Меня ведут к дому бехаида; мимо этого дома пройдет процессия, и ее можно будет видеть в безопасности через открытое окно.

Вот лестница небольшого старого дома. Высокие ступени требуют гигантских ног. Я взбираюсь, как могу, при помощи трех провожатых: учителя, Фоузи и еще одного мальчика Ахмеда. Входим в узкую переднюю квартиры Хаджи Ниаз<а>, затем в узкую длинноватую комнату, все убранство которой состоит из узких низких диванов вдоль стен и из небольших столов по углам, покрытых вязаными салфетками. Хозяин, высокий, симпатичный старец, белый как лунь, с добродушной светлой улыбкой, в длинной серой лабадэ с красной феской, обернутой белым тюрбаном. После приветствий он показывает фотографии, развешанные по стенам. Конечно, Абдул-Беха в юности, группы бехаидов разных народностей, портреты разных знакомых христиан, а вот он сам, еще молодой человек... А вот... кто бы вы думали? Куропаткин. Оказывается, хозяин сопровождал когда-то русского генерала в Индию. А вот опять изречение из Беха-Уллы. Он меня спрашивает, как и все впервые видящие меня бехаиды, кто мне рассказал о Бабе. Я отвечаю ему — никто не рассказывал, я сама читала. «Это чудо», — заметил бехаид, пришедший к тому же заключению, что и малая Ауя. Для него чудо не только то, что выходит из пределов вероятия.

Нас угощают чаем в маленьких стаканчиках, и мы примащиваемся на подоконниках, чтобы видеть зрелище, как это делают у нас во время проездов иностранных гостей или в случаях погребения важных лиц, парадов и т. д.

Вспоминаю далекое прошлое из жизни в нашем отечестве. Вспоминаю о том, как мне пришлось глядеть из окна квартиры моих знакомых в Петербурге на иллюминацию в вечер дня коронации Николая II. Я видела, как толпа хулиганов и мальчишек, до 19-летнего, быть может, возраста, осаждала банкирскую контору Блока,[30] бросая с гиком в окна булыжники с мостовой, и как взвод казаков на нее налетал и рассеивал. Я отправилась к знакомым, жившим напротив, чтобы смотреть праздничную толпу, на иллюминацию — и увидела буйство. Я тут впервые поняла, что такое толпа, что такое темная толпа, вышедшая из пределов. Зрелище это потрясло меня и открыло мне бездны в истории народов, которые ранее мне представлялись совершенно в ином, розовом свете.

Вернемся к процессии в Каире.

Вот уже слышатся отдаленные удары вроде барабанного боя. Процессия уже началась, говорят, и приближается. Я насторожилась. Гляжу вниз. Толпа, наполнявшая середину улицы, расступилась по сторонам.

Я знала ранее о том, что мне придется видеть. О днях плача о Гуссейне — у меня говорится в «Беха-Улле» — уже с первого акта. В эти дни в Персии устраиваются представления, где изображается в лицах вся мистерия, все мучения, которым когда-то подвергался Гуссейн.

Зрители так проникаются зрелищем, что наполняют Текие (театр) или импровизированный шатер, раскидываемый во дворе для этой цели,[31] стонами и рыданиями. Мулла подходит с чашей к плачущим и собирает слезы в чашу. Слезы, пролитые в дни скорби об имаме, — считаются целебными. Мамед, по моей трагедии, домоуправитель Бе-ха-Уллы, — был, как я его изобразила, когда-то на родине любителем-актером, исполнявшим роль Гуссейна. Вот как он говорит найденному им у ворот своему разорителю и соотечественнику о времени, когда он, аптекарь по профессии, выступал в представлении:

Когда мучения Гуссейна
Я представлял, ты помнишь ли?
В дни Тезие[32] «Гуссейн, Али», —
Ты в Текие стонал. Казалось, два бассейна
Слезами, что из глаз твоих текли,
Наполнить было бы возможно,
Когда над головой моею поднял меч
Палач безбожный,
Казалось, что и печь,
Не так могла пылать огнем и жаром,
Как гневом ты пылал. Когда же в Текье старом
Мне голову отсек палач.
Поднял такой ты плач,
Что всех ты за собой увлек, и представленье
Остановили... Пришли все в умиленье
От слез твоих. Мулла тут с чашею тотчас
Поднес ее к твоим очам скорбящим,
Чтоб влагу всю собрать из льющих слезы глаз,
Потом ее поднес к другим глазам молящим.
Целебна всякая слеза,
Что проливается в дни скорби об имаме...

Я знала и о процессиях, которую я собиралась смотреть. Нам о них рассказывали еще в школе на уроках географии. Мне приходилось видеть и картинку истязующегося шиита, но все рассказы и изображения отступали перед действительностью, представшей предо мной во всем живописном ужасе.

Вот несколько рядов мальчиков, по 10 в ряд, в белом, несут высокие зажженные факелы. Пламя их, коптя, зловеще освещает путь и глазеющую толпу, среди которой много детей, взгромоздившихся на ларях. За мальчиками шествуют знаменщики с хоругвями... Впереди всех несутся в черных одеждах и черных фесках люди и с неистовыми жестами разгоняют уже посторонившуюся толпу. Они же поддерживают порядок в рядах. И факельщики и знаменщики идут под мерные выкрики, исходящие из десятков грудей: «Гуссейн Шахид». Безнадежным отчаяньем, страстной скорбью, мучительной жалобой звучит этот возглас.

А это что? Я вижу обнаженные затылки и спины. Два ряда статных сильных людей с голыми торсами движутся спинами вперед. Их белые и длинные рубашки закручены верхней частью у пояса и ниспадают до пят. Совершенно обнаженными мускулистыми руками, точно банными вениками, они ударяют себя пуками стальных прутьев с круглыми стальными наконечниками по обнаженным мускулистым смуглым спинам, наполняя воздух душераздирательными возгласами «Гуссейн Шахид». Вот один из них с таким неистовством стегает себя, так хлещет свою уже окровавленную спину, что к нему подбегает человек и начинает удерживать его... смирять его пыл. Самоистязатель вырывается из рук этого человека и вновь с воплем сильной рукой хлещет свою обнаженную побагровевшую спину, с которой стекают к поясу струи крови... Мне делается дурно, но я собираю все свои силы, заставляю себя смотреть, заставляю себя испить эту чашу до дна. Мне потом сказали, что за каждым из истязующихся идет надсмотрщик, на обязанности которого останавливать слишком увлекающихся в своем рвении верующих, желающих на самих себе испытать мучения, перенесенные некогда святым.

Вот звон оков... Вдоль улицы — по обеим сторонам шествия, боком п<p>одвигаются на одинаковом расстоянии друг от друга рослые люди в белом. Держа большие обнаженные мечи, мерно выкрикивая «Гуссейн Шахид», они ударяют себя острым концом меча по лбу обнаженной головы. Кровь струится по лицам и белым рубашкам этих людей, мнящих, что вместе с кровью, которую они проливают в память дней мучений имама, — они сливаются с ним самим.

— Вы видели, — сказал мне потом Фоузи, — что один нагнулся и ударил мечом и мальчика по лбу — это был его сын.

За этими истязующимися следовала громадная толпа. Как впереди нее, так и за ней шла английская стража, наготове защитить религиозное шествие от враждебных проявлений религиозных противников. Протесты суннитов в былые годы, как говорят, превращали шествия их собратьев-мусульман шиитского толка в кровавые побоища.

Вид этого страшного, адской красоты шествия — открыл мне многое в далеком прошлом и в переживаемом настоящем. Ничто не уничтожается в мире, все существует. В века далекой древности приносили человеческие жертвы богам. Что такое легенда об Аврааме Благочестивом? Праотец наш, желавший принесть в жертву Богу своего сына — заколол, по велению Всевышнего, подвернувшегося агнца. Более милостивый Бог уже отвергает человеческую кровь. Но былые века не исчезают, а просачиваются в грядущем, и требование человеческих жертв все еще существует в человечестве, и страстное желание принести себя в жертву горит и до сих пор пламенем в иных человеческих душах и когда-то молнией осветило весь мир с высоты Креста, на котором угасал за человечество Христос.

У меня изображена эта жажда избранных душ в лице Баба и Беха-Уллы, Атхара и Бедия. Бывает момент в жизни человечества, когда эта жажда эпидемически охватывает людские сердца. В наше время этим Богом добиблейского периода — языческим богом — является общество, государство, партия, «общее благо», наконец. Откуда — существующая мораль, требующая от одного принесение себя в жертву общему.

Бехаиды не признают самоистязания. Они смотрели на это зрелище как на нечто дикое. Гусейну, по их мнению, не нужна эта кровь естественная, он требует кровь сердца в виде любви к другим. Тем не менее каждый из них готов был бы пролить свою кровь, если бы это требовалось для дела воцарения мира на земле и если бы это повелел Абдул-Беха. Он, однако, запретил своим последователям подвергать себя опасности. А Беха-Улла повелел поддерживать тех, которые самоотверженно разносят свет. Я понимаю это повеление так:

Прекрасны те, которые жаждут приносить себя в жертву, но никто не должен принимать их (жертвы. — *Е. М.*), подобно идолу бесчувственному, безучастно.

«И сквозь страданья брата
Ты света в мир не рассылай...» —

сказано в трагедии «Беха-Улла».

Вот ученый, поэт, пожертвовавший своей жизнью служению людям... а вот люди, которые принимают эти жертвы, услаждая свою жизнь кровью гениев, забывая о них, топча их сердца. Сердцами великих людей устлана дорога принимающих жертвы. О, я поняла крик философа против спокойно упитывающихся кровью жертв. «Небо шлет земле свет, а она шлет пыль ему».* Надо, чтобы человечество вернуло гениям, жертвующим своими жизнями, тоже свет и жизнь, а не камни и смерть...

С этими и другими мыслями я вернулась с моими спутниками по утихшим и опустелым уже улицам домой. Уже во мгле тонули все эти ряды домов и возвышающиеся порой между ними мечети. Одна луна, глядевшая с высоты на совершавшееся, освещала дома и здания старого Каира. То там, то тут изредка мерцал огонек свечи, пробивавшийся сквозь окна у могилы какого-нибудь святого.

Я шла почти безмолвно. Разбитая и усталая, вернулась я домой. Но не могла, несмотря на усталость, лечь и заснуть. Я уселась на диван и, опершись о стол, погрузилась в раздумья. Я сидела одна так в целом мире, в этом чуждом городе — пока не забрезжило бледное утро. Тогда только я легла в постель и заснула тяжелым сном.[33]

* Из трагедии «Беха-Улла». — *Примеч. И. Гриневской.*

[1] В абреже, помещенном в начале очерка, эта тема выражена так: «Почему мы не могли надолго отлучаться из отеля» (подчеркнуто нами. — *Е. М.*).

[2] *Чечунчовый* (устар.) — чесучовый (чесуча — плотная шелковая ткань полотняного переплетения желтовато-песочного цвета).

[3] *Ридикюль* (*фр.* ridicule от *лат.* reticulum — сеточка) — ручная дамская сумочка.

[4] Местоположение для будущего храма определил Бахаулла (1891); гробницу построили под руководством Абдул-Баха; останки Баба похоронили 21 марта 1909 г. «После мученической кончины Баба Его останки вместе с останками Его преданного друга бросили на край рва за стенами города. На вторую ночь несколько баби отыскали их и на протяжении многих лет скрывали в тайниках в Персии, а затем, с величайшей опасностью и трудностями, их перевезли на Святую Землю. Теперь они похоронены в гробнице на живописном склоне горы Кармель, неподалеку от пещеры Илии, всего в нескольких километрах от того места, где Бахаулла провел Свои последние годы и где теперь покоятся Его останки» (цит. по: *Эсслемонт Дж. Э.* Бахаулла и Новая Эра. М.: Единение, 2008. С. 57). «Когда все было закончено и земные останки Пророка-Мученика из Шираза бережно поместили на вечный покой в самое сердце святой горы Божией, Абдул-Баха, сняв с Себя тюрбан и обувь, сбросив пальто, низко склонился над все еще открытым саркофагом — Его серебряные волосы развевались вокруг Его головы, Его лицо казалось преображенным и просветленным, — коснулся лбом края деревянного гроба и заплакал навзрыд, и таковы были Его рыдания, что все, находившиеся там вместе с Ним, тоже зарыдали. В эту ночь Он не мог уснуть, настолько сильны были охватившие Его чувства» (цит. по: Усыпальница Баба // Посещение Святых Мест Бахаи / пер. с англ. Хайфа: Всемирный Центр Бахаи, 2007. С. 4). Святилище над гробницей (ныне объект Всемирного наследия ЮНЕСКО) возвели под руководством Шоги Эффенди в 1949—1953 гг.

[5] Ср.: «Однако сколь бы ни было высоко положение Абдул-Баха, сколь бы ни были обильны хвалы, расточаемые Бахауллой Сыну в Его священных Книгах и Скрижалях, все эти превосходные отличия не следует считать основанием для того, чтобы приписывать Абдул-Баха статус, равный или подобный Положению Его Отца, Который был Самим Богоявлением. <...> Абдул-Баха не Богоявление; Его свет, Его вдохновение и сила исходят непосредственно из Источника Откровения Бахаи; в Нем, как в ясном и совершенном Зеркале, отражается лучезарная слава Бахауллы; Абдул-Баха не является воплощением той необъяснимой и в то же время всеобъемлющей сущности, которая отличает только Пророков; Его слова уступают по весомости Слову Бахауллы, хотя имеют такую же значимость <...> все эти истины находят дополнительное подтверждение и еще раз подчеркиваются в следующем высказывании Абдул-Баха <...>: “<...> то, что подразумевается в пророчествах под “Господом Сил” и “Обетованным Христом”, есть Благословенное Совершенство [Бахаулла] и Его Святость Возвышенный [Баб]. <...> Быть рабом Благословенного Совершенства — мой славный и сияющий венец, а служение всему роду человеческому — моя вечная религия...”» (цит. по: *Шоги Эффенди*. Законоцарствие Бахауллы. СПб.: Единение, 2004. С. 57, 60—61).

[6] Всемирный конгресс рас, собравший около 3000 человек, состоялся в Лондоне в июле 1911 г.

[7] Подчеркнуто И. Гриневской.

[8] Ср.: «О вы, возгордившиеся тленными богатствами! Знайте воистину, что богатство есть крепкая препона между ищущим и предметом его желания, между любящим и его возлюбленной. Богатые, за исключением немногих, никогда не достигнут двора Его присутствия и не войдут в град довольствия и покорности. Благо тому, кто, пребывая в богатстве, не отвращен богатством своим от вечного

царства и не отделен им от нетленного владения. Величайшим Именем клянусь! Сияние, исходящее от сего богатого человека, озарит обитателей небес, подобно тому как солнце освещает живущих на земле!» (*Бахаулла*. Сокровенные Слова. М., 2014. С. 57).

[9] Ср.: «О богатые сей земли! Бедные, что живут средь вас, — на Моем попечении; оберегайте находящихся на попечении Моем и не стремитесь лишь к собственному довольству» (Там же. С. 58). «О богатые люди земли! Не избегайте взора бедняка, распростертого во прахе, — напротив, придите к нему на помощь, и пусть он поведает вам об испытаниях, кои претерпел по неисповедимому Велению Божиему. <...> Когда вы будете общаться с ним, Горний Сонм воззрит на вас, заступится за вас, превознесет имена ваши и прославит ваше деяние» (*Бахаулла*. Крупицы из Писаний. М., 2009. С. 210).

[10] *Гараж* (*фр.* garage) — первое значение этого слова было «причал», «пристань» (от «gare» — «швартоваться», «причаливать»); от судоводителей термин перешел к шоферам; они начали называть «гаражами» сараи, куда убираются автомашины. В русском языке слово появилось в начале 1900-х гг., в словаре встречается с 1911 г.

[11] См.: Изабелла Аркадьевна Гриневская // *Фидлер Ф. Ф.* Первые литературные шаги: автобиографии современных русских писателей. М.: тип. т-ва И. Д. Сытина, 1911. С. 243—264.

[12] См.: *Бенелли Сем.* Ужин шуток = La cena delle beffe: драматическая поэма в 4 актах / пер. с итал. И. Гриневской, В. Нардуччи // *Бенелли Сем.* Драматические поэмы. Рваный плащ. Ужин шуток / вступ. статья А. Амфитеатрова, А. Луначарского. Пб.; М.: Гос. изд-во, 1923. С. 145—248.

[13] Разрядка И. Гриневской.

[14] «*L'art oratoire*» — «Ораторское искусство» (*фр.*).

[15] *Веселитский-Божидарович Гавриил Сергеевич* (псевд. Аргус; 1841—1930) — офицер, журналист, публицист, общественный деятель. Служил в гвардии и в Министерстве иностранных дел. В 1870-х гг. писал в «Московских ведомостях», «Голосе» и «Русском мире»; с 1882 г. состоял лондонским корреспондентом «Нового времени». Отдельно издал сочинения: «Die Judenfragre in Russland», «The Problem of Asia», «The Russian problem», «Anglo-Russian relations» и др. Веселитский-Божидарович прочел в Лондоне лекцию о пьесе И. Гриневской «Баб» (см.: *Митник Е. А.* Неизвестные материалы Изабеллы Гриневской: «Путешествие в Края Солнца» // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2005—2006 годы. СПб.: Дмитрий Буланин, 2009. С. 247—248).

[16] *Лермонтов М. Ю.* Три пальмы («В песчаных степях аравийской земли...», 1839).

[17] «*Comment, vous parlez français?*» — «Как, Вы говорите по-французски?» (*фр.*)

[18] *Benhe* — возможно, имеется в виду станция Banha (Банха, Бенха), город в Нижнем Египте.

[19] Вероятно, *Спрейг Сидней Робинзон* (Sprague Sydney Robinson; 1876—1943) — американский бахаи, воспитатель (педагог). Во время обучения в парижском университете Сорбонна он стал бахаи. В 1904—1905 гг. совершил поездку с Ипполитом Дрейфусом в Индию и Бирму. В 1909—1910 гг. был директором школы бахаи в Тегеране. В 1910 г. женился на *Фарахангиз-ханум* (Farahangize Khánum; 1891—1967), племяннице Абдул-Баха. *Дрейфус Барни Ипполит* (Dreufus/Dreyfus Barney Hippolyte; 1873—1928) — первый французский бахаи; Шоги Эффенди назвал его одним из 19 учеников Абдул-Баха. В архиве писательницы хранится ее переписка с Дрейфусом Барни: *Гриневская И. А.* Письма (6) Дрейфусу Барни (Dreyfus Barney), <редактору> // РО ИРЛИ, ф. 55, оп. 2, ед. хр. 48 (б. д.); *Дрейфус Х. Барни.*

Письма (6) из Парижа, на фр. яз. Гриневской И. А. // Там же, ед. хр. 553 (8 окт. 1910 — 28 сент. 1911; б. д.); см. также: *Дрейфус-Кардуа Инес*. Письмо из Парижа, на фр. яз. // Там же, ед. хр. 554 (б. д.). *Дрейфус Кардозо Инес Софи Мария Леа* (Dreyfus Cardozo Ines Sophie Maria Léa; 1848—1913) — мать Ипполита Дрейфуса.

[20] Видимо, отель «Shepheard» («Шепард», 1841).

[21] Вероятно, *Раскин (Ruskin) Джон* (1819—1900) — английский теоретик искусства, художественный критик, историк, публицист.

[22] «То, что процесс всеобщего признания самостоятельного статуса Веры Бахаи происходит довольно медленно, отчасти обусловлено неправильным восприятием ее со стороны первых исследователей этой религии. В ранних упоминаниях о Вере Бахаи она рассматривалась главным образом с точки зрения той религиозной и культурной среды, в которой зародилась, и поэтому ее называли сектой, или реформаторским движением Ислама» (*Гатинье Джек Мак-Лин.* Введение // *Шефер Удо*. Вера Бахаи: секта или религия? СПб.: Единение, 2003. С. 7).

[23] *Хламида* — здесь: накидка, плащ.

[24] «*O, mon Dieu, faites de moi un serviteur fidèle. Il faut être patient car les fatigués arrivent*». — Букв. перевод: «О мой Бог, сделай из меня верного слугу. Нужно быть терпеливым, ибо усталые приходят» (*фр.*).

[25] «Сквозь мглу далекого тумана / Мерцают тихо огоньки / И жертвам горя и обмана / Сулят забвенье от тоски. / Кто к ним дорогою тернистой / Усталый еле добредет, / Тот верный там покой найдет, / И сам беззвездной ночью мглистой, / В тумане трепетном, немом / Засветит тихим огоньком». (Это стихотворение вошло в книги И. Гриневской: Огоньки: рассказы, стихотворения и пьесы. СПб., 1900; Стихотворения. СПб., 1904.)

[26] «Салсабил: дословно “плавно текущий” — источник в Раю» (Словарь // *Бахаулла*. Китаб-и-Иган. Книга Несомненности. СПб., 2000. С. 211).

[27] *Асийа-ханум (Навваб)* (Ásíyih Khánum, Navváb; 1820—1886) — жена Бахауллы, мать Абдул-Баха.

[28] *Мунира-ханум* (Munírih Khánum; 1847—1938) — жена Абдул-Баха.

[29] *Куропаткин Алексей Николаевич* (1848—1925) — генерал-адъютант, генерал от инфантерии. В 1890 г. был произведен в генерал-лейтенанты с назначением начальником и командующим войсками Закаспийской области; за время его управления (1890—1897) в области стали развиваться торговля, промышленность, земледелие, появились города и селения. («Он был отличным хозяйственником, край при нем расцвел. Люди видели, что он и дома строит, и дорогу железную продолжает, и сады разводит; бахаи не трогает и даже поощряет их уклад жизни...» — из нашей переписки с *Ольгой Кудратовной Мехтиевой*, исследователем истории Ашхабада и его общины бахаи.) Военный министр (1898—1904); главнокомандующий русской армией на Дальнем Востоке в период Русско-японской войны, после проигрыша Мукденского сражения в марте 1905 г. смещен с этого поста. Осенью 1915 г. назначен командиром гренадерского корпуса, а позднее — главнокомандующим армиями Северного фронта. В июле 1916 г. стал туркестанским генерал-губернатором и командующим войсками Туркестанского военного округа.

В 80-х годах XIX в. Хаджи Мирза Мухаммад Таки, двоюродный брат Баба, приехал в Ашхабад, чтобы строить первый Машрик ал-азкар (с *араб.* «Место восхода хвалы Богу»; *англ.* «House of worship» — «Дом поклонения»). «Проект был подготовлен совместными усилиями иранских архитекторов-бахаи. Технические чертежи для строителей составил российский военный архитектор М. А. Волков. Однако само возведение храма началось лишь в 1902 г. На церемонии закладки первого камня, фотографии которой сохранились, присутствовал начальник Закаспийской области Д. И. Субботич. (См. подробнее: *Мехтиева О. К.* 1) Из исто-

рии общины бахаи в России и СССР: воспоминания очевидцев // Письменные памятники Востока. 2012. 1 (16). С. 174—187; 2) Монарх и узник. М., 2014. С. 68—80; *Иоаннесян Ю. А.* Вера бахаи. СПб., 2009. С. 124—126. В последнюю монографию вкралась неточность — присутствующим на закладке первого камня храма назван сменившийся к тому времени начальник Области А. Н. Куропаткин. <...>) В 1907 г. был воздвигнут купол храма, но и в последующие 14 лет с перерывами строительство храма продолжалось. Он был окончательно достроен к 1921 г. (Поскольку храм строился с перерывами, то определение года завершения строительных работ зависит и от того, какой этап постройки считать "окончательным". Видимо, этим обстоятельством объясняется некоторый разнобой в литературе в датировке данного события. <...> О. К. Мехтиева считает, что за таковую дату следует принять 1921 г. Конфискованный в 30-х годах XX в., частично пострадавший от землетрясения в 1948 г., храм был снесен в 1963 г.)» (цит. по: *Иоаннесян Ю. А.* Бахаи в Российской империи: первая организованная община за пределами Ирана // Страны и народы Востока / Ин-т вост. рукописей РАН. М.: Наука — Вост. лит., 2015. Вып. XXXVI: Религии на Востоке. С. 80—81).

А вот что пишет О. К. Мехтиева, дедушка которой прибыл из Йезда с группой баби: «На мониторе моего лаптопа десятки бесценных архивных фотографий. Многие из них собирал германский бахаи Фариборз Каземзаде, потомок первых переселенцев в Ашхабад. Рассказывая о своих корнях, он повествовал о первых делах бахаи на ашхабадской земле, о том, что "хаджи мирза сиййид Хасан, брат жены Баба <...> после того как в 1881—1882 гг. побывал в Акке у Бахауллы <...> передал своему сыну в Йезде сиййиду Ахмаду-афнану желание Главы Веры <...> купить землю в Ашхабаде. Тот нашел ответственное лицо, своего земляка хаджи Мухаммада Казем Исфахани <...> который помог осуществить намеченное важное дело. Покупку совершил его брат из иранского города Кучан хаджи Абдул Хусейн..." <...>. Так во владении общины бахаи появилась земля в Туркестане — окраине Российской империи, в новом городе, основанном русскими солдатами на месте старинного туркменского поселения» (цит. по: *Мехтиева О. К.* Из истории общины бахаи в России и СССР: воспоминания очевидцев. С. 176).

«В Иране их преследовали власти, и они покидали родину, свои дома в Йезде и других городах, они шли в одиночку и группами, ехали на арбах по дороге, которую проложил в своих мыслях Бахаулла <...> Кучанская дорога через таможню Баджгиран в Ашхабад означала избавление от террора и насилия, надежду на новую счастливую жизнь. <...> Переселенцы-бахаи в Ашхабаде впервые почувствовали себя защищенными. <...> Я вижу на архивном фото среди рабочих, заснятых при закладке первого камня храма, и начальника Закаспийской области. Но кто он, представитель русского царя? А. Н. Куропаткин, как это сообщается в некоторых исторических сочинениях? Да, тот, действительно, был начальником отряда в Ахалтекинской экспедиции, сражался вместе с генералом М. Скобелевым (*Скобелев Михаил Дмитриевич* (1843—1882). — *Е. М.*) против защитников крепости Геок-Тепе». (По словам О. К. Мехтиевой, «Куропаткин особо не проявил себя в военном деле. Скобелев ему говорил: будь на вторых ролях, больше пригодишься».) «Его имя дали главному проспекту нового русского города Асхабада (Куропаткинский проспект. — *Е. М.*). Но с 1898 по 1904 год, в том числе в интересующее нас время, он уже был военным министром России. Внимательно просматривая фотокопии номеров газеты "Закаспийское обозрение", узнаю, что в 1902 году командовал Вторым Туркестанским армейским корпусом и был начальником Закаспийской области *Деан Иванович Суботич* (1852—1920. — *Е. М.*). Ищу портретное сходство, сравнивая с теми, кто был в разное время на этом посту. Читаю воспоминания писателя Василия Яна (Янчевецкого) о внешности начальника Закаспий-

ской области, к канцелярии которого в то самое время он был прикомандирован. И только тогда полностью уверяюсь, что на снимке с “бахаинцами” запечатлен Деан Иванович Суботич. <...> все детали дела прояснила и расставила по местам заметка из газеты “Асхабад” за 29 ноября 1902 года, которая гласила, что “вчера в присутствии бывшего начальника Закаспийской области генерал-лейтенанта Д. И. Суботича состоялось торжество закладки Молитвенного Дома бабистов. Прежде всего, были прочитаны на русском и персидском языках записки с текстом, относящимся к данному событию, и положены таковые в фундамент. Затем один из бабистов громко прочел составленную на персидском записку, в которой указаны были несколько выдающихся случаев поддержки, оказанных Россией... Генерал-лейтенант Д. И. Суботич поздравил присутствующих со столь знаменательным для каждого из них событием, пожелал успешного окончания постройки и попросил главных руководителей выслать ему фотографический снимок, когда здание будет построено. <...> Здание строится фундаментальное и обещает быть очень красивым”. <...> Люди <...> сумели построить свой прекрасный храм, первый в мире Машрик ал-Азкар. <...> В Ашхабаде тридцатых годов было уже более 4 тысяч бахаи, когда в других странах мира было всего лишь с сотню представителей новой религии. <...> Роскошные резные двери Машрик ал-Азкара были открыты всем, независимо от цвета кожи и вероисповедания, ведь, как говорил Бахаулла, “все мы — плоды одного древа...”» (цит. по: *Мехти Ольга*. История Ашхабадского храма бахаи. URL: https://bahai-library.com/ОльгаМехти/_История_Ашхабадского_храма (дата обращения: 13.03.2021)).

[30] *Блокк Генрих Генрихович* (Блок Андрей Андреевич; 1861—1906) — петербургский банкир. Банкирский дом «Генрих Блокк» был хорошо известен в дореволюционной России, его владелец пользовался большой популярностью среди деловой публики, будучи главным лицом на Петербургской бирже по продаже выигрышных билетов (облигаций внутренних займов). Империя Блокка в основном специализировалась на работе с провинциальными клиентами. Он принадлежал к типу «невского банкира», как тогда было принято называть в бульварной прессе хозяев банкирских заведений, «стригущих клиентов» и создающих свое состояние на их разорении.

[31] «К началу мухррама в шиитских городах исламского мира сооружались такйе. В русскоязычной литературе это слово до сих пор фигурировало, имея несколько измененный звуко-буквенный ряд, и писалось <...> “текие или текье”. Такйе — это большие шатры, круглой или квадратной формы с помостом внутри» (цит. по: *Талыбзаде Айдын*. Театр и театральность в культуре ислама: поэтика форм проявления театра в средневековых странах Ближнего и Среднего Востока (X—XVI вв.). Баку, 2005. С. 121).

[32] *Тезие* — та’зие, персидский мистериальный театр, получивший к концу XVIII в. законченную драматическую форму. Сюжетами та’зие служили трагические события в Кербеле, гибель мучеников за веру Хусейна (Гуссейна) и Хасана, а также другие истории из жизни шиитских святых.

[33] Продолжение следует.

Библиографический список

1. *Бахаулла*. Китаб-и-Иган: Книга Несомненности. СПб.: Единение, 2000.
2. *Бахаулла*. Крупицы из Писаний. М.: ЦРО «Община последователей Веры Бахаи в России», 2009.
3. *Бахаулла*. Сокровенные Слова. М.: Новелла, 2014.

4. *Бенелли Сем.* Ужин шуток = La cena delle beffe: драматическая поэма в 4 актах / пер. с итал. И. Гриневской, В. Нардуччи // *Бенелли Сем.* Драматические поэмы. Рваный плащ. Ужин шуток / вступ. статья А. Амфитеатрова, А. Луначарского. Пб.; М.: Гос. изд-во, 1923.
5. Изабелла Аркадьевна Гриневская // *Фидлер Ф. Ф.* Первые литературные шаги: автобиографии современных русских писателей. М.: тип. т-ва И. Д. Сытина, 1911.
6. *Иоаннесян Ю. А.* Бахаи в Российской империи: первая организованная община за пределами Ирана // Страны и народы Востока / Ин-т вост. рукописей РАН. М.: Наука — Вост. лит., 2015. Вып. XXXVI: Религии на Востоке.
7. *Иоаннесян Ю. А.* Вера бахаи. СПб.: Азбука-Классика; Петербургское востоковедение, 2009.
8. *Мехти О.* Монарх и узник крепости Акко. М.: Продюсерский центр Александра Гриценко [и др.], 2014.
9. *Мехтиева О. К.* Из истории общины бахаи в России и СССР: воспоминания очевидцев // Письменные памятники Востока / Ин-т вост. рукописей РАН. 2012. 1 (16).
10. *Митник Е. А.* Неизвестные материалы Изабеллы Гриневской: «Путешествие в Края Солнца» // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2005—2006 годы. СПб.: Дмитрий Буланин, 2009.
11. Переписка Ю. Веселовского с И. Гриневской / публ. С. Ахумяна // Литературные связи: исследования и материалы. Ереван: ЕГУ, 1973. Т. 1: Русско-армянские литературные связи.
12. Раскрывая наше духовное предназначение... СПб.: Единение, 2002.
13. Россия. Запад. Восток: культурные связи: документы и материалы из собраний Пушкинского Дома: альбом. СПб.: Нестор-История, 2018.
14. Усыпальница Баба // Посещение Святых Мест Бахаи / пер. с англ. Хайфа: Всемирный Центр Бахаи, 2007.
15. *Чач Е. А.* Ориентализм в общественном и художественном сознании Серебряного века: автореф. дис. ... канд. ист. наук / СПбГУ. СПб., 2012.
16. *Шефер Удо.* Вера Бахаи: секта или религия? СПб.: Единение, 2003.
17. *Шоги Эффенди.* Законоцарствие Бахауллы. СПб.: Единение, 2004.
18. *Эсслемонт Дж. Э.* Бахаулла и Новая Эра. М.: Единение, 2008.
19. *Jasion Jan Teofil.* 'Abdu'l-Bahá in the West: A Biographical Guide of the People Associated with His Travels. Paris: Librairie Bahá'íe, 2012.

DOI: 10.31860/978-5-918680-384-224-268

БЫТОВАЯ ХРОНИКА «ПУШКИНСКОГО УГОЛКА» И ЕГО ОКРЕСТНОСТЕЙ (по материалам дневника В. В. Тимофеевой (Починковской) 1918—1921 гг.)

(Вступительная статья, подготовка текста и комментарии И. В. Кощиенко)

Аннотация: В статье представлена бытовая хроника Пушкиногорья в период становления советской власти, осложненный политической ситуацией, близостью фронта и оккупационным режимом в Псковской губернии. Хроника составлена на основе неопубликованного дневника писательницы В. В. Тимофеевой (псевд. Починковская) за 1918—1921 гг. Данный событийный свод позволяет не только обнажить основные проблемы переломного времени, проследить смену противоречивых настроений местного населения, но и точечно осветить трудности возникновения Пушкинского заповедника.

Такая выжимка фактов, историй, явлений, лиц из документально-мемуарного документа эпохи позволяет непосредственно представить динамику исторического процесса в конкретной местности — значимом национальном топосе.

Ключевые слова: Михайловское, Пушкинские Горы, В. В. Тимофеева, дневник, советская повседневность, хроника, революция, бытописание, провинция.

Abstract: The article presents a household chronicle of Pushkinogorye in the period of formation of Soviet power, complicated by the political situation, the proximity of the front and the occupation regime in the Pskov province. The chronicle is based on the unpublished diary of the writer V. V. Timofeyeva (pseudonym — Pochinkovskaya) for 1918—1921. This event code allows not only to expose the main problems of the tipping time, to trace the change of contradictory moods of the local population, but also to highlight the difficulties of the Pushkin reserve.

Such a squeeze of facts, stories, phenomena, persons from the documentary-memoir document of the era allows us to directly represent the dynamics of the historical process in a particular area — a significant national topos.

Keywords: Mikhailovskoye, Pushkinskiye Gory, Varvara Timofeyeva, diary, Soviet everyday life, chronicle, revolution, description of the daily life, province.

(Окончание. Начало см.: Бытовая хроника «Пушкинского уголка» и его окрестностей (по материалам дневника В. В. Тимофеевой (Починковской) 1918—1921 гг.) / вступ. статья, подгот. текста и коммент. И. В. Кощиенко // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2022 год. СПб.: Полиграф, 2022. С. 252—269.)

 © Кощиенко И. В., 2023

ТОМ 3

19 января 1919 г. «Пограничная стража стреляла в красноармейцев. “Призванные” красноармейцы, спрятав патроны в карманы, выходили с холостыми ружьями и *сдавались*.[1] Они же стреляли потом и в Красную армию. <...> Вильно и пограничные местечки, занятые союзниками, разбили Красную армию.[2] Сдавшихся привезут в Святые Горы — для суда над ними».

Местные жители не хотят вступать в коммуны, но на собраниях «безмолствуют» или «орут другое».

Слухи об аресте Ленина и его нахождении в г. Остров. «В Опочке бабий митинг разогнал совет. Троих выгнали. Хотели арестовать ораторшу (одна другой лучше говорила), но все бабы “вокруг нее *гробом* стали”: “Всех нас арестуйте, а ее не дадим!” В Вороните крестьяне дают попам на крестинах вместо обычных платков “господские салфетки” (из награбленных по имениям)».

21 января. Учителя комплектуют библиотеку в Вечах на собранные от спектаклей деньги, «и вот чего накупили: сочинения Герцена (хорошо!), Егера <так!>, Кропоткина, Ключевского (хорошо!), но ни Карлейля, ни Владимира Соловьева (“не понимают”)».[3]

28 января. В Земельном комитете, где Тимофеева писала заявление о выдаче дров, она стала свидетелем получения телефонограммы «из Псковского Центрального исполкома о прекращении рубки лесов и охранении памятников старины и искусств в Михайловском и Тригорском. “Надумались! — заметил тут же вслух председатель Васильев. — Когда там все уже вырублено и в сады рубить деревья пошли!”».

Описание быта одной из коммун в Святых Горах.

---

[1] К весне 1919 г. на северо-западе России сложилась неблагоприятная ситуация для большевистской власти. К этому моменту, после перехода эстонской и латвийской армий в контрнаступление, Красной армии пришлось оставить захваченные в ходе осенних и зимних боев территории Эстонии и Латвии.

[2] Речь идет о Советско-литовском вооруженном конфликте, когда РСФСР вступила в бои с Литвой и оккупировавшими ее немцами в 1918—1919 гг. К концу 1918 г. Красная армия заняла значительную часть Литвы, где установилась власть советов. Бои за город Вильно начались 4 янв. 1919 г., когда части Псковской дивизии и 5-го Виленского полка встретились с польскими отрядами Самообороны под командованием генерала Владислава Вейтки. После двухдневных боев Красная армия взяла Вильно. Наступление в Литве остановилось, лишь когда латышские и немецкие войска напали на красноармейские отряды у реки Вента. Советское командование было вынуждено 19 февр. 1919 г. образовать объединенный Западный фронт, поскольку с подходом польских частей к реке Неман на территории Литвы и Белоруссии началась уже Советско-польская война.

[3] В цитате, в частности, упоминаются: немецкий историк и педагог *Йегер Оскар* (1830—1910), революционер-анархист, географ *Кропоткин Петр Алексеевич* (1842—1921), историк *Ключевский Василий Осипович* (1841—1911), британский писатель, публицист и историк *Карлейль Томас* (1795—1881).

«Под Псковом бои и разгромы. Всех расстрелянных раздевали донага и, не закапывая, сваливали грудой. Снег засыпал трупы, а ноги торчат, и милиционеры не позволяют ходить смотреть на них. Духново сожжено и разграблено.[4] Софью Борисовну <Вревскую> увезли в Вильно».

3 февраля. Новость (телеграмма со станции Тригорского):[5] «Псков взят союзниками». Общее мнение среди крестьян: «Поскорее бы опять старые порядки вернулись».

Учителя жалуются на отсутствие новых учебников, а старые — «возмутительные».

8 февраля. Описание д. Железово и ее крепких хозяйств, куда Тимофеева ходила за помощью в доставке выделенных ей дров.

11 февраля (29 января — по ст. ст.). Тимофеева побывала на могиле А. С. Пушкина.

12 февраля. Выяснение отношений (скандал) между псаломщиком Григорием Муравейским[6] и о. Александром по поводу репутации первого.

16 февраля. «Под Псковом, говорят, бои. И оттуда бегут рабочие на мосту через Черёху (станция под Псковом)».[7]

19 февраля. «Бои под Псковом подтверждаются, но хорошего мало ждать надо от этих боев финнов, шведов и немцев... Ведь это сулит не только поражение большевизма или социализма (не по шерсти здешнему большинству), но и остатков дотла разоренной России...»

27 февраля. «Масленица у нас идет без блинов. <...> За деньги ничего не купить: цены нам недоступные».

4 марта. Годовщина сожжения Михайловского. «Опять собираются отбирать хлеб и скот для раздачи его (якобы) *неимущим*. Но неимущие остаются по-прежнему без скота и без хлеба, а “имущие” беднеют, ропщут и собираются “разгонять” замучившие их советы и комитеты. И никаких подвозов из “завоеванных” губерний для народа не объявляется».

***5* марта**. Газеты молчат. Церковный сторож: «Собирают новый набор, молодых и старых, которые не были еще в обучении, воевать

---

[4] Этому событию газета «Псковский набат» посвятила заметку «Неразумные поступки» (1919. 13 февр. № 60. С. 2), сожалея, что разрушенный дом, «разодранная» библиотека, поломанная мебель могли еще послужить народу.

[5] Железнодорожная станция «Тригорская» начала работу в 1916 г. Находилась она на 102-м километре Псковско-Полоцкой магистрали. Станция (д. Мехово) не сохранилась.

[6] *Муравейский Григорий Феодорович* (1877 — после 1922) — псаломщик, сын дьякона, обучался в Псковской духовной семинарии. Назначен псаломщиком в Воскресенскую церковь прихода Вороничи 10 нояб. 1910 г.

[7] Одноименное название станции и реки. Станция Черёха открыта в 1910 г., действует и сегодня. 7-й километр от Пскова, 281-й километр Варшавской дороги. Железнодорожный мост через р. Череха бывшей железной дороги Псков — Полоцк разрушен.

брат на брата. Только ничего из этого не выйдет. Не пойдут. Под Новоржевом три волости отказались. Пошли с пулеметами разбивать советы и комитеты. В Новоржеве теперь всех разогнали. Грабят и жгут. Идут волость за волостью — хотят, чтобы дружным скопом, не в одиночку действовать. И которые дер*евня* не согласны, тех зажигают с обоих концов. Идут прямо к союзникам — просить, чтобы пришли к нам сюда и навели свои порядки как следует. <...> Теперь уж сами русские обзывают дурачьем друг дружку за то, что села пожгли. <...> Сегодня, вчера и третьего дня годовщина сожжения».

8 марта. «В Новоржеве все тюрьмы полны восставшими мужиками. Все они отрекаются от восстания и сваливают вину друг на друга. <...> В Святые Горы пришла рота (с офицерами и пулеметами) для обучения призванных от 17 до 45 лет и для поимки дезертиров. В народе — ропот и глухое недовольство». Отказы вступать в коммуну.

10 марта. Рассказ очевидца об убийстве в Острове священника Ладинского.[8]

19 марта. Солдат, вернувшийся из плена, говорит, что дома хуже, чем в плену. Известие из Петрограда: умерла Клара Федоровна Княжевич («не иначе как от голода»), уже похоронили.[9] Описание быта Шелгуновых, Красуских, Княжевич в Петрограде (голодают).

20 марта. 13-й призыв в армию. Ночное движение поездов.

22 марта. В Михайловском, во флигеле колонии, живет коммуна из пяти семей.

24 марта. В Святых Горах чайная с названием «Коммуна» закрылась из-за недостатка мучных или паточных конфет и сахарного песку.

25 марта. «Атамана разбойного *ихняго* вчера в Святых Горах *хоронили.* Семен Тихонов звать его». Рассказ соседского мальчика о его смерти. «Россказни про Семена Тихонова — чистый вздор: не похоронен он в Святых Горах, так как все дело происходило в *Выборе*[10] (верст 35 за Крикшиным).[11] Может быть, и не выживет, но еще жив...» Еще одна история о поимке бывшего большевика: «теперь дознано, что все села сожжены и разграблены по приказу этого самого *каторжника*».

---

[8] *Ладинский Владимир Николаевич* (1862—1919) — сын священника Н. С. Ладинского, протоиерей, настоятель Свято-Троицкого собора г. Острова. Расстрелян за предание анафеме власти большевиков. Прославлен с Соборе святых новомучеников и исповедников Российских Русской Православной Церковью за рубежом.

Запись Тимофеевой уточняет дату гибели священника, ранее не установленную.

[9] До настоящего момента информации о дате смерти К. Ф. Княжевич (урожд. Компанион) не было, в генеалогических справочниках указывался только год рождения — 1834.

[10] Выбор — древняя крепость (псковский пригород) и одноименная деревня рядом с сохранившимся городищем в Выборской волости Новоржевского уезда.

[11] Крекшино — деревня на юге центральной части Порховского уезда.

1 апреля. «Вчера, говорят, на станцию (в Мехово) пришел вагон с мукой *для евреев*. Вагон тот был арестован “вероятно, комитетом (?) и, вероятно, в свою пользу”(?). Слухи о поездах с хлебом ничем не оправдываются. Для железнодорожников приходит “лавочка”, откуда им *крохами* <выдают. — *И. К.*> кое-какую провизию. В потребительской выдают самого последнего сорта вату по 10 руб. за фунт и дороже. А ни соли, ни сахару, ни муки для *нашей* пасхи нет».

«Немцы будто бы уже в Пыталове (первая станция за Опочкой), и их каждую минуту ждут в Острове и во Пскове».

3 апреля. Опровержение последних слухов о немцах. «Колчак движется из Сибири с монархической программой». Новости о С. Тихонове: выжил.

18 апреля. Страстная пятница. Псаломщик Гр. Муравейский уже прилюдно, в храме, продолжает обострять отношения с о. Александром.

20 апреля. Пасха. «Служили *галопом*...»

25 апреля. В ответ на угрозу наступления Колчака солдаты отвечают, что не все согласны воевать против него.

30 апреля. В Тригорском парке. «Все нити жизни спутаны или порваны, убита всякая связь с *этим* Прошлым. Не вспоминается уж и Пушкин. <...> на каждом шагу следы бессмысленно грубого разрушения: обрубленные вишни, выломанные с корнем дубы, изломанные в щепы скамейки... Вот в этом вся наша *прогрессивная эволюция*!»

25 мая. День в Михайловском: экскурсия для учителей и детей из близлежащих школ. Предложенные Тимофеевой «литературные собрания» встретили полное одобрение учителей: «в будущее воскресение уже проектировано собрание “Кружка” в Тригорском парке, в 10 утра. Будем читать Иванова-Разумника».

27 мая. Солдаты, показывавшие воззвание «латышей» (белогвардейцев): «Мы не бьемся теперь. Берем оружие и, как подойдем близко, бросаем и отступаем или переходим и сами туда».

2 июня. После взятия Пскова:[12] поезда ходят только до станции Сошихино, Опочка на военном положении, где «свои бьют своих, зеленые красных, белые зеленых... И совсем ничего не поймешь... Но мосты еще целы, и подвозят рожь, и войска посылают... Послали вчера полтораста человек, вернулось только двадцать. Разбежались в пути. А когда узнали, что те остались у белых — и эти остальные туда же ушли. Собираются бандами, нападают на поезда, отбирают оружие и бегут...»

«Нам все равно теперь, кто ни приди, — говорят здешние исполкомцы, — только бы кормили».

8 июня. Одна на могиле Пушкина под проливным дождем.

---

[12] 25 мая 1919 г. Псков вновь заняли белоэстонцы и белые отряды атамана С. Н. Булак-Балаховича.

9 июня. Поезда снова ходят до Пскова. «Сочиняют, кто во что горазд, что ни взбредет в праздную темную голову: и Остров берут, и Крюки опять берут, и Псков назад отобрали... И карательный отряд в Опочке расстреливает беспощадно коммунистов, большевиков, дезертиров. <...> И солдат мимо шел, сообщал: “Под Островом страшный бой идет, еле убег”».

18 июня. В газете «Известия» от 13 июня Тимофеева прочитала о смерти Розы Люксембург. Воспоминания о ее возможном знакомстве с Розой Люксембург в Петербурге.[13]

26 июня. Обыск у о. Александра.

«Из пушек стреляют по дезертирам, из ружей — по рыбе. Мосты будут рушить, когда пойдут сюда наступлением. В Святых Горах была назначена сходка для решения важных вопросов: будут переписывать всех “кто за кого”. <...> Крестьяне зажиточные хотят объявить себя *беспартийными*. “Мы всякому правительству покорствовать будем, кто ни приди, *только оставь нас в покое”*. <...> “Карпушку” на голову разбили красные: не устояли, отошли». (Под “Карпушкой” разумеются все эти сборные, разных цветов и названий *враги*)».

27 июня. «Ходят теперь и жгут, и расстреливают. Войдут в избу, увидят, что получше, оберут, подожгут и расстреляют...»

«Псков взят изменой семеновцев.[14] <...> Советская власть идет уже на большие уступки. Сама советская власть начинает сознавать неудобство чрезмерной децентрализации и предлагает помещикам возвращаться в свои усадьбы для ведения образцового хозяйства... на коммунальных началах. Новые помещики опять будут...»

Все мосты заминированы, «даже мостик Кокоринский, что у мельницы, через который ходят в Святые Горы...»

2 июля. Сведения о Прасковье Петровне Зубовой, бывшей хозяйке имения Голубово,[15] расположенного в 20 верстах от Михайловского.

---

[13] *Роза Люксембург п*осле четырехмесячного пребывания в варшавской тюрьме нелегально прибыла в Петербург 19 июля 1906 г., поселилась в Куоккала (под Петербургом) и пробыла там до начала сентября. Оттуда она часто ездила в столицу, где встречалась с русскими социал-демократами. Возможно, именно в этот приезд, Тимофеева могла с ней случайно познакомиться.

[14] 3-й Петроградский стрелковый полк, бывший полк внутренней охраны Петрограда (Семеновский), в количестве около 600 штыков, вместе со своим оркестром и двумя орудиями перешел на сторону белых 29 мая 1919 г. (*Богомазов Н. И.* Полк внутренней охраны Петрограда в 1918—1919 гг.: особенности формирования и переход на сторону белых // Вестник СПбГУ. 2011. Вып. 2. С. 81—83). Псков к этому времени уже был взят эстонскими войсками и затем, в середине мая, передан белогвардейцам. Поэтому к взятию Пскова «семеновцы» никак не могли быть причастны.

[15] *Зубова Прасковья Петровна* (1865 — не ранее 1922) — внучка Евпраксии Николаевны Вревской (Зизи), последняя хранительница писем и подарков А. С. Пушкина Вульфам и Вревским, попечительница и учительница Вревской церковно-приходской школы (1887—1894), начальница Псковского Епархиального училища

10 июля. «В 2 часа приходили в Воронич солдаты-разведчики. Завтра явится комиссар размещать сотню солдат на постой. Здесь будет бой и резня, грабежи и расстрелы... Весь Воронич в панике...»

12 июля. Солдаты не приходили, «может, и совсем не придут. Отступают они совсем. Эшелон привезли с пулеметами и назад теперь прут». Встреча с о. Даниилом — монахом из Святогорского монастыря.

13 июля. Убит ночной сторож коней. Расследование в Святых Горах.

Красноармейцы, хорошо снабжаемые продуктами, продают их населению по очень высоким ценам, поэтому «народ за солью во Псков ходит, к белым».

Смерть сторожа, скорее всего, случайная: «Это в Савкино завсегда с моста стреляют».

Сходка коммунистов в Тригорском: трудовая коммуна, которую поселили там для охраны, нарушает установленные порядки (выкосили чужой луг, ловят рыбу из прудов и присваивают себе вырученные деньги). Угрозы доложить обо всем в Опочку, «квартальному» Громову.[16]

«Вооружение — только у красных. Народ весь поголовно обезоружен. Даже холодного оружия нет ни у кого. Дезертиров к стенке ставили, если не выдавали оружия. Весь здешний рай, вся Псковская губерния захвачена латышами. Для русских недостает помещений. К Троцкому посылали с жалобой. Все захвачено латышами».

18 июля. Баба из Савкино принесла на продажу чернику в тарелках из бывшей колонии: «из сервизов барона Розена»[17] («белые с фестонами по краям и с зелененькими гирляндами вокруг них»).

Населению не платятся пенсии; рабочий с Путиловского завода, живущий на пенсию в Святых Горах: «Записано 80 процентов неработоспособности. Пенсию государственную дали 200 руб. в месяц. А теперь переписали на 150, в другую категорию. И те не высылают. Говорят, надо ехать самому в Петроград... Плохие порядки!»

(1894—1918). Недалеко от Пскова (ст. Серебрянки) ею был организован монастырь. В конце 1917 г. она приняла постриг с именем Арсения и закончила свою жизнь в удаленном Мало-Кирилловом скиту (под Великим Новгородом).

[16] *Громов Василий Васильевич* (1882—1927) — член Петроградского комитета партии, посланный в группе с коммунистами в г. Опочку в начале 1918 г. для налаживания работы Советской власти. Председатель Псковского губернского исполнительного комитета с октября 1918 г., член ВЦИК. С 7 февр. по 10 сент. 1919 г. Громов был откомандирован из Пскова в Опочку, где состоял Председателем Опочецкого уездного исполнительного комитета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов.

[17] *Розен Георгий Владимирович* (1849—1908) — помещик имения Гора (Гораи, Горай) Островского уезда, мировой судья Опочецкого уезда. Один из устроителей столетнего юбилея А. С. Пушкина в 1899 г. в Михайловском и реставрации в 1902 г. могильного холма А. С. Пушкина. В 1907—1908 гг. попечитель колонии для престарелых литераторов.

23 июля. Во время прогулки в Тригорское за грибами разговор Тимофеевой со сторожами о том, что можно или нельзя здесь рвать (вишни, яблоки, травы).

«В народе недолюбливают коммунистов. “Коммунист” — все равно что “барыня” и “княгиня” — нечто здесь ироническое вроде ласковой брани».

26 июля. В продовольственном комитете (располагался в доме Крестиных)[18] Тимофеевой выдан хлебный паек (мука) за счет пожертвований работников этого комитета («подписка на хлеб писательнице») — 15 фунтов за 21 рубль, что сама она воспринимает как долг. В просьбе устроить ее на работу ей отказывают, так как имеющаяся работа (ходить с переписью по деревням) не по силам пожилому человеку. Приходящим следом за ней — отказы в пайке. При взвешивании муки дома оказалось 10 фунтов.

31 июля. Вечером за рекой Сороть через Дериглазовский мост в сторону Носово обоз из «50 белых кибиток»: эстонские солдаты шли с Украины в сторону Врева.

1 августа. «На селе у нас ждут к воскресенью белых, но “известия”, которые выбрасывали из вагонов солдаты, оказались *прокламацией,* призывавшей крестьян “опомниться” и стойко защищать “одной грудью” надвигающуюся опасность, которую несут с собой вожди белых — Родзянко[19] и Балахович. <...> В семь часов все слышали пушечный выстрел, от которого в Святых Горах дома затряслись. Думали, мост в Ворониче взорван. Нет, мост еще цел».

2 августа. «Это бомбу бросали в озеро, рыбу глушили. Солдаты, бывшие здесь эстонцы, — все красные и все большевики, даже женщины. И Воронич начинает переходить на их сторону — из боязни разгромов и поджогов другого нашествия. Конца не видно нигде. Только твердые цены на хлеб (кто говорит 56 руб., кто — будто бы 29 за пуд) вызывают неудовольствие и неизбежность *припрятывания.* Перепись посева и скота уже началась. За каждую голову взимается налог в 10 руб.».

4 августа. Беспрерывная стрельба с раннего утра: «Говорят, это красноармейцы упражняются “для собственного удовольствия” из бронированных вагонов. А в бою “недостает им снарядов”, и они бегут. <...> С опросными бланками ездят и ходят по деревням те же учителя. Недавно в Шевели[20] прислали “молоденькую жидовку”, и никто

---

[18] *Крестины: Алексей Иванович, Яков Иванович и Виталий Яковлевич* — хозяева лавки в Святых Горах. Я. И. Крестин — член комитета по реставрации могильного холма А. С. Пушкина в 1902 г., с 1905 г. начальник Вольного пожарного общества Опочецкого уезда, А. И. Крестин состоял его членом.

[19] *Родзянко Михаил Владимирович* (1859—1924) — генерал, в 1918—1919 гг. командующий Южной группы Северного корпуса, в состав которой и входил полк атамана С. Н. Булак-Балаховича.

[20] Деревня недалеко от Святых Гор.

не хотел записаться. Прислали ее в другой раз, но уже не одну — с *красноармейцами.* <...> Все *против описи,* и не верят, что *не будут хлеб отбирать* “для поравнения неимущих с имущими” во имя принципов *Р.С.Ф.С.Р.* <...> “Коммунисты” в Тригорском ловят “воров” в вишнях и яблоках, ведут их потом на веревке и грозят “расстрелять”... Т. е. признают свое право на исключительное для одних себя владение уворованным или ограбленным ими местом».

Против Тимофеевой, которая все-таки хотела участвовать в так называемой «хлебной» переписи 1919 г., «уже поднялись голоса недовольных: “Пусть только сунется к нам, — мы ее в амбаре *заквасим*! И не выйдет оттуда!” Устроили себе сами собственное самоуправление и сами же вопиют и не хотят ему повиноваться. “Но ведь другие придут и заставят вас исполнить закон”. — “Пусть другие, только бы не наши отседова. Мы тех и ругать будем”».

6 августа. Знакомство Тимофеевой с Осипом Семеновым из д. Носово, бывшим учетчиком-контролером усадьбы Дериглазово — «первый поджигатель, грабитель и террорист-верховод, предлагавший “топить господ в Сороти, благо воды для всех много”, стращавший Анисью, что донесет на нее в комитет и у нее отнимут корову, если она не перестанет “кормить буржуек”».

7 августа. В Тригорском парке обломаны все ветки с фруктами. Снова встреча с «носовским Оськой» и его «компанией». Эти новоявленные коммунисты разрешили ей набрать с земли опавшие, с червоточинкой или гнилью яблоки. Спряталась от дождя под пушкинскую ель-шатер (внутри скамейка).

11 августа. Напрасные ожидания по нескольку часов в продовольственном комитете: отказ в выдаче пайка. Принесла свой долг за прошлый паек. Описание атмосферы в отделе: перебранки, толпы недовольных. Новости, услышанные в комитете на совещании: «на станции Пыталово нашли вагоны с двумя тысячами пудов печеного хлеба и не отправляли их будто бы потому, что пути были заняты. Обыск сделали у служащих, нашли мундиры с золотыми погонами... Очевидно, все это были саботажники».

15—16 августа. Землемер из д. Зимарева погиб, попав под поезд — хотел вскочить на ходу. Все ходят смотреть на него. Выставлен конвой — не пускают.

20 августа. Экскурсия по Тригорскому и Михайловскому: учителя и учительницы со всего уезда — «курсанты культпросвета с своим председателем», около тридцати человек. Знакомство Тимофеевой с лектором опочецких курсов В. М. Никифоровским,[21] приехавшим из

[21] *Никифоровский Василий Митрофанович* (1891—1942) — преподаватель русского языка и литературы в школе в г. Опочке (с 1919), с июня 1921 г. — в школе II ступени в Святых Горах, член комитета по охране могилы А. С. Пушкина, первый директор Пушкинского заповедника (с 1 июля 1923 г.), душеприказчик В. В. Тимофеевой.

Петербурга. «Экскурсия» по комнате Тимофеевой для нескольких учителей, чтение ее воспоминаний о Михайловском и его гибели. Никифоровский озабочен сохранением ее рукописи и советует переслать ее С. А. Венгерову[22] или Н. А. Котляревскому.[23]

В коммуне Михайловского, по мнению местных жителей, «живут теперь *осковерники* (осквернители, пакостники)».

21 августа. «Палят где-то из пушек и валят грудами беззащитных красноармейцев. Солдаты-дети с винтовками бродят по деревням в поисках куска хлеба. Поезда возят снаряды». От снарядов горят деревни.

Питание впроголодь: яблоки, грибы, молоко с ржаным кофе.

23 августа. В продкоме Тимофеевой выдали 5 фунтов муки; начальник милиции выступает в защиту «интеллигентствующих пролетариев»: «Из Опочки получено предписание: до апреля 20-го года хлеба продкому не выдавать, так как у всех теперь есть свой собственный... Ну, а нашему брату, интеллигентствующему пролетарию, да еще семейному — пять человек детей, остается теперь одно: совершить преступление, чтобы посадили в тюрьму и кормили на казенный паек!» Вдова погибшего зимаревского землемера вымолила 20 фунтов.

В келье о. Даниила: беседы о монашестве и новой власти.

26 августа. Полесовный из д. Буши рассуждает: «Когда это мы освободимся от *неверной-то силы*? Замучились все. Ничего *своего* у нас теперь нет. Придут, когда хотят, отберут все, что им надобно. У немцев в плену было лучше. Люди *куртуйные* (культурные). А тут все как есть фулиганы. А вот где белые, там белая жизнь».

28 августа. Слухи: «Кронштадт сдан матросами белым, красные будто бы присоединяются к белым, и Петроград сдают тоже. “Жизнь тогда восстановится сразу, все по-прежнему будет?” — говорит наша наивная квартирантка».

31 августа. Тимофеева впервые побиралась за хлебом по избам Воронича.

«Воронич послал баб во Псков за солью. По газетам и слухам Балахович “перешел к красным”, а штаб его весь разбежался.[24] Но солдаты Красной армии “побираются” солью и перехватывают ее у баб, платя им за фунт по *сто рублей*».

---

[22] *Венгеров Семен Афанасьевич* (1855—1920) — известный историк русской литературы, крупнейший библиограф, редактор многих изданий.

[23] *Котляревский Нестор Александрович* (1863—1925) — академик, литературовед, первый директор Пушкинского Дома.

[24] Н. Н. Юденич решил покончить с «атаманщиной» в лице С. Н. Булак-Балаховича: 22 авг. 1919 г. он направил в Псков крупный экспедиционный отряд, который, войдя во Псков, арестовал десять офицеров из окружения «батьки». Булак-Балахович укрылся в расположении штаба 5-го эстонского полка. Расценив подобные действия как дезертирство, Юденич исключил его из списков армии. См.: URL: http://gubernia.media/number_430/04.php (дата обращения: 15.04.2019).

1 сентября. Тимофеева ходила за хлебом в д. Дедовцы и Зимари. Рассказ Руфины Белокуровой, «телефонистки в комитете центрального инженерного управления, в отделе отправки грузов», о полной неразберихе в этом отделе и воровстве.

4 сентября. О. Василий и о. дьякон в шалаше стерегут груши и яблоки. Последний рассказывал о том, что видел под Псковом, в своей деревне: «Все разворочено, сожжено. Ничего не осталось. Только две избушки торчат. Живут в шалашах или прямо в поле. Эстонцы *изменили*. Объявили, что война надоела: "Не хотим больше воевать, воюйте вы одни (белые) с русскими, а мы не хотим, надоело!" Балаховича хотели арестовать и выдать красноармейцам. Но он получил 15 миллионов за измену и откупился».

Во Пскове «весь рынок заполнен жидами. Все у них есть, только ничего покупать нельзя: фунт хлеба — 27 руб., мыло — от 180-ти руб. Сапоги мужские хорошие — 1500, похуже — тысяча; женские ботинки — 250 руб. Торгуют вовсю, как прежде бывало. Шарманка играет, пляшут, поют. Народ жалеет об уходе белых и ждет их опять через 2 недели».

8 сентября. «Софья Борисовна умерла недавно в Ямбурге.[25] Комната у нее была хорошая, покойная. Жила она у родных и умерла от старости». Слухи о расстреле в Выборе Прасковьи Зубовой.

9 сентября. Разговоры с крестьянами: народ хотел бы посмотреть на новых правителей.

15 сентября. Ожидаемая мировая катастрофа: «газетное извещение об открытии (Н. А. Морозовым и Д. О. Святским) *новой кометы*, движущейся близко к земле, наполнило душу чем-то подобным восторгу затаенного ожидания...»

Даша из Савкина обратилась за помощью в деле против ее свекра, которого вызвали повесткой в Святые Горы и арестовали по уголовному делу о разграблении и поджоге Михайловского. «В Опочке опять забеспокоились. "Оттого, може, что хлеба у них нет, прижимать начинают". Возможно, что и так! "*В деревни — за хлебом!*" — читала я вчера в "Известиях". Обещала Даше подмогу своей аттестацией, и письменной, и личной».

18 сентября. Тимофеева «босиком» (как и все лето) ходила с Дашей в Святые Горы для дачи показаний «судейским», присланным из Опочки и остановившимся в доме Шукаловых. Дашу отпустили, записав показания обеих. Они навестили свекра (арестанты сидят в Волостном управлении). В заключении полно дезертиров.

---

[25] Точная дата смерти не была известна до настоящего момента (указывались 1920-е или 1920 г.). На основании дневника, можем утверждать, что это, скорее всего, август 1919 г. Местом упокоения указан г. Кингисепп, хотя правильно: Ямбург, только в 1922 г. переименованный в честь эстонского революционера Виктора Кингисеппа. По другим данным, С. Б. Вревская умерла в Риге (URL: https://www.liveinternet.ru/users/4000579/post277835910 (дата обращения: 22.06.2019)).

В продовольственном комитете сменился председатель: Фрола Иваныча Фролова, «с интеллигентной наружностью», после ревизии «препроводили» в Опочку. «Новый хлебный король» Илья Прокофьевич поставил резолюцию на ее заявлении «бывшая писательница, голодает!», ей выдали 12 фунтов зерна (последнее из ящика). Даша помогла донести мешок.

20 сентября. Поезда снова не ходят до Пскова. Визит к ней представителя Опочецкого отдела народного образования, Ильина, с киногруппой из Москвы для съемки наиболее интересных уголков Тригорского и Михайловского.

25 сентября. Весь Воронич занят приготовлением *к празднику* Воздвижения: «моют, чистят, скребут, колют и режут свиней и баранов, растворяют, пекут, и только и слышишь везде приглашения: “На праздничное жалуйте”. Дня три будут кормить десятки гостей... Едят, пьют одетые все по-праздничному, ходят взад и вперед толпами по улице, играют на гармонике, выкрикивая с натугой свои нелепые частушки, пересуживают друг друга, вздыхают или зевают, обмениваясь давно всем известными “новостями”: “Псков занят красными, и там все опять вздорожало” — опровергают ими же сочиненные легенды и т. д. и т. д. Легенда о расстреле Прасковьи Зубовой оказалась вздором. Бабе удалось ее переодетую переправить за Псков — туда, где проживает теперь и владыка Евсевий».[26]

2 октября. Разговоры среди крестьян: «Царя нужно нам, одного хозяина, чтобы порядок был...», а «белые или черные, теперь все равно»; «под жидовскою властью находимся, Евреи нами командуют...».

19 октября (воскресенье). Из Опочки приехала Е. Н. Кудрявцева, которая едет делегатом в Петроград на заседание отдела охранения памятников старины и искусства, где предполагается рассмотреть вопрос о Михайловском. Советуется с Тимофеевой, что нужно там реставрировать, и приглашает ее принять участие в этом заседании (хотя опасается из-за того, что Гатчина занята белыми):[27] «И это бы, конечно, лучше всего...» Писательница высказывает свое мнение о том, что «всякая реставрация теперь не имеет смысла (да и средств у них

---

[26] *Архиепископ Евсевий* (в миру Евстафий Сергеевич Гроздов; 1866—1929) — епископ Русской православной церкви и Эстонской Апостольской православной церкви. В августе 1919 г. покинул Псков вместе с отступавшими войсками Северо-западной армии, 12 сент. того же года прибыл в Эстонию. Вместе с ним прибыло духовенство псковского Троицкого собора и других церквей. В Нарве временно управлял епархией северо-западных областей России и служил епископом Северо-Западной армии генерала Н. Н. Юденича.

[27] С целью нанесения удара войскам Юденича директивой главкома от 17 окт. 1919 г. для 7-й армии была создана Ударная (Колпинская) группа. 21 окт. части 7-й армии перешли в контрнаступление. Под их давлением войска Юденича 23 окт. 1919 г. оставили Царское Село, а 26 окт. — Красное Село.

нет, да и нечего там совсем реставрировать, кроме *домика няни*). Желательно же одно: сохранять характер былой усадьбы поэта и вдохновлявшие его Михайловские рощи. Для этого необходимо: сознательное отношение всей округи к этому святилищу поэзии, носящему следы творческих замыслов, песен и дум его, нужна строгая охрана *без всяких насельников* в самой усадьбе; нужно оградить ее строжайшим запретом рубить, ломать и расхищать людьми и животными. Впоследствии на месте дома — постановка статуи поэта и павильон-музей».[28]

17 октября. По делу о разграблении Михайловского: «савкинских отпустили не иначе как за хорошую взятку... Так прежде велось. Так и всегда будет. Рука руку моет».

Рассуждения крестьян: «Все бы дело иначе пошло, кабы крестьянин, наш брат, во главе стоял. А то ведь кто же там над нами верховодит-то? Которые в тюрьмах, в острогах сидели. Они не знают, как и хлеб-то растет, какое же хозяйство завести они могут? По нашему делу, коли дали нам теперь земли и лесу, так нам больше ничего и не надо. А без капиталов нам тоже нельзя. Капиталы нужны для устройства жизни. Нет, они ладят же "Буржуев долой! Будем сражаться за наши права!". Какие тут права — своих ружьями бьем и без соли второй месяц сидим. А прежде и сахару, и соли сколько угодно было».

В Тригорском парке пасут коров и свиней.

20 октября. Тимофеева снова побирается. «Никто не отказался подать и "поберечь" (угостить). Но хлеб у всех плохой, с пелами». «Теперь все побираются».

Среди крестьян открытая неприязнь к «нонешним правам», противодействие им: «хоть стреляйте...» — «не дадим, не уйдем (от реки), не запишемся...»

26 октября. В отсутствие о. Александра, уехавшего в середине октября в Пруды[29] служить вместо больного священника, о. Гавриил распускает слухи, будто о. Александр остается в Прудах и распродает здесь все имущество, и агитирует своих прихожан устроить в его доме молитвенный дом. Постоянно приходят люди «торговать» дом или вещи. Только Даша из Савкина беспокоится: «А как же Варвара Васильевна? Ее куда?». Тимофеева расспросила ее «насчет арестованных подсудимых. Отпустили всех на поруки за десять тысяч. "Один, который за них там старался, выхлопотал это нашим савкинским. А других так и не отпустили"».

24 (?) **октября**. На почте: деньги (переводы, пенсии и пр.) не выдают: высланные «из Опочки пять миллионов «пропали по дороге сюда. Украл неизвестно кто (?!). Злоупотребления, вероятно».

---

[28] Эту же мысль впоследствии будут повторять первые руководители Общества по охране Пушкинского уголка и Заповедника.

[29] *Пруды* — погост Псковского уезда.

В продовольственном комитете: хлеба нет. «Из Опочки приехала комиссия. Хлеб возьмут на учет», «приходите в первых числах месяца. Будет порайонный сбор — по 10—15 фунтов на паек». Картофель выдают по 20 фунтов по 36 руб. за пуд.

Случайная встреча в доме Харенских[30] с Г. Ф. Богдановым,[31] его жизнь после революции.

«В Святых Горах размещают теперь кавалерию 11-ой дивизии, отличавшейся революционным духом еще в первый период войны».[32]

9 ноября. Кража со взломом вещей Зварковских.[33] Вызов Тимофеевой в Опочецкий комитет *подотдела Труда* для медицинского освидетельствования на право получения пенсии. Безрезультатно.

12 ноября. Приходившие с требами к о. Василию рассказывали, что в Новоржеве крестьяне разогнали «всех советских» из-за реквизиции хлеба и мобилизации рекрутов «на убой». Вчера ночью были присланы военные с пулеметами — «*усмирять*».

Дезертиры, прячущиеся у родственников, говорят «при всех без стеснения»: «Я свое отслужил — и буде. Семь годов на войне провел. При Николае под Львовом, под Люблином был; *билизован* опять тоже был. А с кем теперь биться надо — не знаю. Ушел». Подобные речи почти в каждой избе: «Я теперь никуда не пойду. Лягу на печку и буду лежать. Пусть приходят и заколют на печке. А летом вырою яму и буду лежать в яме днем, а ночью вылезать на свет божий...»

«В доме Крестиных водворилась военная комиссия и записывает теперь новобранцев. Исполком, продком и отдел социального обеспечения — все *три стола* рядом — перебрались в бывшее Волостное».

---

[30] *Харинский Павел Иванович* — крестьянин, державший до революции москательную лавку (москательные товары — устаревшее название предметов бытовой химии: красок, клеев, технических масел и др.). Вместе с братом, Александром Ивановичем Харинским, с 1905 г. состоял пожизненным членом совета Вольного пожарного общества Опочецкого уезда. 2 мая 1914 г. государь Император пожаловал П. И. Харинскому золотую медаль для ношения на груди на Аннинской ленте «За усердие». См.: *Фролова Л. А.* История пожарного дела Опочецкого уезда // Псков. 2005. № 23. С. 98—120.

[31] *Богданов Григорий Филиппович* (1862 (?) — после 1937) — управляющий с. Михайловским с 1899 по 1908 г., родом из сельца Матюшкина. Был назначен заведующим хозяйством Пушкинского уголка Опочецким уездным исполкомом 27 сент. 1921 г. (*Бурченкова Р. В.* Рождение Заповедника // Псков. 1998. № 9. С. 202) и сменен А. И. Щеголевым по распоряжению того же исполкома 1 авг. 1924 г. (ГАРФ, ф. А—2307, оп. 10, д. 185, л. 32).

[32] *11-я Гомельская кавалерийская дивизия* — соединение кавалерии РККА, созданное во время Гражданской войны в России 1918–1920 гг. Являлось маневренным средством в руках фронтового и армейского командования для решения оперативных и тактических задач.

[33] *Зварковские: Николай Александрович*, бывший управляющий колонии для престарелых литераторов в Михайловском, и его жена *Надежда Петровна* из-за срочности отъезда в ноябре 1917 г. оставили Тимофеевой свои пожитки (мебель, посуду и книги), с просьбой их продавать и отправлять им вырученные деньги.

Вместо уволенного Никифора Михайлова[34] — Сергей Федорович Зуев. Заведующий Фрол Иванович сидит в тюрьме в Опочке.

Новости от служанки доктора бывшей колонии — Екатерины Сергеевны Кабановой,[35] которую Тимофеева в воспоминаниях «Шесть лет в Михайловском» называла «Джиоконда»: «Карповские господа[36] все убежали в Гдов. Во Пскове только француженка их осталась. Лысогорская барыня[37] тоже убежала, вместе с генералом (А. В. Фок)[38] в Екатеринославле живут. А барин Корсаков[39] — тот пропал без вести. В Одессу уехал.

13 ноября. Закупка «комитетскими» хлеба для неимущих. Реакция крестьян: «Это по ихней-то цене, по 50 руб. за пуд, когда его давно продают по 600 и дороже! Нет, уж пусть они подальше ездят от нас, такие покупатели».

19 ноября. «Фельдшерица (Елена Дмитриевна Волкович), из Орла, поверяла свое прошлогоднее возмущение:

— У вас волосы поднимутся на голове, когда я вам скажу, что они тут хотели... Помните вы, в прошлом году, когда начались эти ноябрь-

---

[34] Пресса тех лет критиковала его бездеятельность именно в отношении работы библиотек: «Вот и избы-читальни: заброшены они, да их и не было; все это делается спустя рукава; главная вина падает на т. Михайлова, который состоял в культурно-просветительском отделе и ничего не сделал. Позор!» **(**Опочецкие известия. 1920. 24 нояб. № 12. С. 2). Тимофеева же упоминает об этом горе-начальнике как об усердно работавшем для своего кармана, который ходил в отдел только за газетами для обмена их на яйца и молоко (в записи от 1 марта 1920 г.). Читальня в Святых Горах, возглавляемая библиотекарем-писательницей, пользовалась большой популярностью, она стала своеобразным культурным центром поселка.

[35] *Кобанова* (в замуж. *Скарлато*) *Е. С.* — врач, окончила Высшие женские медицинские курсы в Петербурге.

[36] *Карпов Павел Федорович* (1850–1922) — начальник 1-го участка Опочецкого земства, попечитель колонии в 1914—1916 гг., помещик (имение Вече Опочецкого уезда). При Карпове в Святых Горах были открыты почта, телеграф, больница, школы в слободе и окрестных деревнях, построен мост через р. Великую, участок железной дороги Псков — Полоцк, железнодорожный вокзал на станции Тригорская и др.

[37] *Фок* (урожд. *Петропавловская*) *Александра Михайловна* — жена Фока Алексея Викторовича, владельца усадьбы Батово на Лысой горе (близ Тригорского) до 1909 г.

[38] *Фок Александр Викторович* (1843—1926) — генерал-лейтенант, последний владелец усадьбы Батово (с 1909 г.). В 1918 г. ушел в Белую армию, с 1920 г. жил в Болгарии. Его мать, Екатерина Ивановна Фок (урожд. Осипова; 1823—1908), — младшая дочь П. А. Осиповой-Вульф, хорошо помнившая А. С. Пушкина.

О судьбе семьи Фоков во время и после революции см. публикацию статьи А. А. Попова «Злой гений» (Псков. 2015. № 43. С. 90—124. Публикация В. Г. Никифорова).

[39] *Корсаков Георгий Георгиевич* (1878 — после 1917) — уездный предводитель дворянства (1907—1913), попечитель колонии (1908—1914), помещик Опочецкого уезда (имение Васильевское).

ские празднества (я тогда нарочно дежурство взяла, чтобы не участвовать), и застрелился тогда один телеграфист, речь свою позабывший, ну, так вот: *они хотели похоронить его в одной могиле с Пушкиным*! И похоронили бы непременно, да уж кто-то вступился, запротестовал. А председатель тогдашний исполкома, простой мужик, Иван Егоров, на все Святые Горы кричал одно только: "Наш пиет Пушкин! Наш пиет!"».

22 ноября. Воспоминания Тимофеевой о ноябрьских празднествах: «На "великокняжеской" арке (ставили ее в честь вел. кн. Марии Павловны младшей в 1915 г.), в прошлом (1918) увенчанной гирляндами хвои, висел портрет Пушкина. А нынче спрашиваю дорогой, кого они тут повесили (при самом въезде в Святые Горы), и мужик, подвозивший меня на дровнях, обернулся и досадливо промычал: "Нынче кого-то из *них,* либо Ленина, либо Троцкого: лысый". <...> Портреты наших "новых царей" вообще не пользуются популярностью. Бабы выкалывают глаза Троцкому, мужики отрывают им головы "на цыгарки". Были случаи привлечения даже к суду за "непочтительное отношение к власти" или "оскорбление величества", что-то в этом роде. Только один портрет Карла Маркса вызвал набожное настроение, но и тем обязан простодушному невежеству пришлых из дальних мест жителей. Когда портреты героев ноябрьских дней носились как знамя, в процессии, какой-то мужичок снял шапку и начал усердно креститься, умильно поглядывая на благолепного старичка с бородой. Он принял его за *Николая угодника*, мирликийского чудотворца. Сходство с изображением на монастырских воротах обмануло и не его одного».

2 декабря. Тяжелая моральная обстановка жизни Тимофеевой в отсутствие о. Александра в соседстве с попадьей. Переезд нового жильца, Евгения Ивановича Филимонова, брата новоржевского фотографа.[40]

30 декабря. Перевыборы в Волостном. Антон Михайлович Федотов (новый комиссар) вступается за Тимофееву, на заявления которой никто не обращает внимания. Ответ из опеки г. Опочки еще не получен, пришла за пайком — просят прийти за 10 фунтами на следующей неделе, в январе.

Крестьяне обязаны исполнять «наряды», например, пилить и возить дрова для школы (в Святых Горах она располагалась в монастырской гостинице). Детям в школах предписывают записываться в «Коммунию» — иначе их «учить не будут».

4 января 1920 г. Тимофеева не может никуда ходить, так как не позволяет обувь: оттепель, валенки быстро промокают.

6 января. В комитете Илья Прокофьич хлеба не дал. С. Ф. Зуев и Н. Михайлов уже не вступаются за нее.

---

[40] *Филимонов Николай Иванович* — новоржевский купец, фотограф, вдохновитель народного театра, устроитель кинематографа, член пожарного общества.

7 января. «Современные нравы. Ловят дезертиров, и, если не выдают, берут мать, отца, всех, кто налицо. Одному отцу, не выдававшему сына, сказано было:

— Раздевайся, сейчас стрелять буду!

Разделся.

— Куда тебя лучше стрелять: сразу смерть или медленная?

— В голову лучше, сразу.

Солдат отпустил его.

Матери одной сказали:

— Закрывай глаза, стрелять буду!

— Стреляй, говорит, закрою, когда помирать буду.

10 января. На вечере в школе, куда Тимофееву пригласили прочесть что-нибудь из воспоминаний о Михайловском, она произвела впечатление на председателя наробраза Бычкова.

Опасения учителей и знакомых за жизнь Тимофеевой, откровенные воспоминания которой на вечере понравились не всем жителям (присутствовали участники поджогов и грабежей).

В тот же день принесли письмо из Опочки от В. Никифоровского, К. Яковлевой и Е. Кудрявцевой с приглашением принять участие в литературном вечере памяти А. С. Пушкина.

Финал истории Семена Тихоныча (Тучинского): «били-били, ловили-ловили, судили-судили, а выздоровел — зачислили в агенты *ЧеКа*. Теперь общепризнано, что именно Тучинский, не кто другой, организовал сожжение сел».

13 января. Крестьянин из д. Корни: грабить и жечь «научали» советы, жгли не «наши», «Печанская волость[41] сюда понаехала. Она всем и орудовала тут».

ТОМ 4

23 января. Крепкие хозяйственники не хотят записываться в коммуны: «теперь всё и отнимают у нас. И скот, и землю уж отнимать хотят».

25 января. Ночью в Вороните сгорел дом Ивана Емельянова. Семья зажиточная, сыновья спекулируют: уверены, что быстро отстроятся, если леса дадут или купят «Лохов дом (где теперь школа)».

27 января. Дочь лакея Ф. Беляева, Анна Федоровна, снова говорит Тимофеевой, что чтение Тимофеевой «разочаровало» некоторых, когда она упомянула, что во время проживания в семье Муравейских ее ограбили.[42]

---

[41] Известен только погост Печане.

[42] Бóльшая часть вещей Тимофеевой пропала в марте-апреле 1918 г.: «Пока я ездила по комитетам за добыванием “пайков”, мои сердобольные хозяева обша-

28 января. Вечером за Тимофеевой приехали сани (по наряду от наробраза), чтобы отвезти ее на станцию Тригорская. Поезд после полуночи, ей встретился знакомый учитель В. Ф. Волков, который ехал в Опочку навещать жену. Ехали три часа. На вокзале — давка, неразбериха. Он проводил Тимофееву к Агафье Ивановне,[43] жившей рядом со станцией.

29 января. Утром Тимофеева пошла в г. Опочку (пять верст). Остановилась в бывшей гостинице Сергеевых (родственники сестер-учительниц Сергеевых из Зимарева).[44] За ней на станцию были посланы сани, но из-за суматохи Тимофееву не нашли.

Неделя в Опочке. «Читать мне приходится ежедневно: в народном доме, в школе 2-ой ступени, в реальном училище, у себя на дому, куда собираются “избранные” по духу, искренние любители “живого слова” и задушевных признаний».

Ее стали узнавать на улице, в аптеке; ученик реального училища взял в библиотеке ее воспоминания о Ф. М. Достоевском. Ей предложили остаться в Опочке, организовать музей «Пушкинского уголка» и сотрудничать «по народному просвещению». Но она не хочет связывать себя партийными обязательствами, необходимыми при такой работе.

Обратная дорога на санях. Ночевка в селе Захине в доме братьев Эдуарда и Альберта Тиме, владельцев турбиностроительного завода и собственной электростанции.

16 февраля. Аукцион вещей Тимофеевой и Зварковских. Почти все вещи скупил крестьянин Василий Клиш, председатель продовольственного комитета в 1918 г.

25 февраля. Книги повсеместно скупаются для раскуривания.

4 марта. «Мужики с возами нарубленных дров — потихоньку таскают их из лесу друг у друга. И православное духовенство чуть не во главе. Смута, разлад и вражда повсюду. О. Александра выжили из Нахлиц,[45] а здесь все выживают друг друга. Слово “коммунист” становится чем-то вроде “слово и дело” во времена Бирона: для одних это

ривали мою с добродушной доверчивостью незапертую корзину». Тимофеева догадалась об этом, читая неграмотной «старой дьяконихе» письма дочери из Петрограда, — случайно прочитала и ее благодарность за присланные вещи (кисейные платья, кружевные перчатки, кофточки, ленты и пр.).

[43] *Модестова Агафья Ивановна* — учительница пристанционной неполной средней школы № 41.

[44] В архиве Тимофеевой сохранилась сделанная ее рукой запись «Как зажигали Михайловское (рассказ очевидицы, П<елагеи> С<ергеевны> Сергеевой), в ночь с 18 на 19 февраля 1918 г.». См. публ.: *Кощиенко И. В.* Революционное Михайловское глазами В. В. Тимофеевой. С. 104.

[45] Известен только погост Знахлицы Псковского уезда, с церковью Покрова Божьей Матери, у Тимофеевой, очевидно, записано с произносительной ошибкой местного населения. Сегодня церковь действующая, расположена в д. Болотово.

равносильно смертному приговору, для других — пропускным билетом на всякое беззаконие».

10 марта. «Выучилась теперь печь и лепешки, сухие галеты». Ее паек не выдан за недостатком «забранного» хлеба. «Солдаты идут и идут... И по дороге забирают хлеб, скот, подводы...»

Чтобы отправить посылку сухарей Тимофеева брала разрешение в милиции: «У начальника в канцелярии вещи “селовые”: мебель из разных барских домов — будуарный диван и кресло, покрытые рытым бархатом; столик резной красного дерева, кресло кабинетное (спинка ясеневая, сиденье плюшевое цвета kert-mousse), а сидят и ходят там переодетые “интеллигентами” мужики и стараются подражать “господскому” обращению».

От бытовых проблем Тимофеева спасается чтением: «Зачитываюсь Пушкиным. Письма, мысли, критические заметки — точно говоришь с умным, интересным, живым и симпатичным человеком. Евангелие и Пушкин — с этим можно прожить, не ощущая скуки и голода, где угодно, хоть на необитаемом острове».

11 марта. Впечатления Тимофеевой от «присутственных мест» в Опочке и Святых Горах: «Народу много. Столы, столы... За каждым столом — особый делопроизводитель. За недостатком — в расходе оборотная сторона использованного бланка. И *ежемгновенно* нумеруется и выпускается новый приказ, указ, разрешение, удостоверение и пр. Одни строчат, другие — в ожидании — ходят и разговаривают, третьи прислушиваются (или *подслушивают?*). Редко увидишь пожилое лицо. Все исключительно безбородые и безусые или с голыми черепами (бывших каторжников, что ли? Или после-тифозных?)».[46]

Заведующий отделом внешкольного образования, Ильин (Алешковский),[47] старается подобрать писательнице подходящую работу: «агент по охране Пушкинского уголка».

16 марта. «Волков (учитель), Алексей Федорович <Федоров> (учитель), Столяров, святогорский обыватель, Федор Михайлович Беляев (бывший лакей) и наш Евгений Иванович записались в трудовую артель (она же “коммуния”) и собираются строиться там же, в Тригорском».

---

[46] Газета «Псковский набат» регулярно (особенно в феврале-марте 1919 г.) писала о жертвах эпидемии сыпного тифа в разных уездах губернии, о мерах профилактики: «В Опочецком уезде отмечены заболевания целыми семьями. В одной заболело 7 человек, из коих умерло 5» (1919. 16 февр. № 62. С. 2).

[47] *Алешковский Алексей Николаевич* (1879 — после 1926) — сотрудник Опочецкого уездного отдела народного образования (сентябрь 1919 — сентябрь 1921). С сентября 1921 г. во Пскове преподаватель по внешкольному отделению Института народного образования (ГАПО, ф 590, оп. 2, д. 264, л. 1—5).

Почему Тимофеева указала фамилию Алешковского в скобках рядом с фамилией Ильина, установить не удалось. Ильин упоминается еще несколько раз, Алешковский единожды.

Мужики обсуждают последние новости: наступление поляков. «Лучше или хуже будет — никто не знает, но все ждут и желают теперь одного: чтобы была перемена. Но коммунистов поляки будут расстреливать», «быть нам под Польшей».[48]

Со всего Воронича были собраны деньги за дрова, развозили их всего неделю и вдруг объявили запрет: «Вчера весь вечер солдаты стреляли в рубщиков леса. В пятницу, говорят, приедут сюда из Опочки депутаты, и в Тригорском состоится собрание, на котором "будут читать" *обо всем, что ждет нас и трудовые артели*».

19 марта (пятница). На этом собрании был сосед Тимофеевой Евгений Иванович: «Опочецкий депутат, председатель Панкратьев, объявил Тригорское *Трудовой Артелью, но не Коммунией,* а потом сам же назвал ее "Наша Коммуния". Одна *общая* постройка, одно общежитие, общее поле, общие орудия, общий посев и общая работа. Крестьяне не соглашаются и требуют "полосного" владения собственников».

23 марта. Антижидовские настроения среди крестьян.

27 марта. Рассказы Тимофеевой о Пушкине, декабристах для говельщиков, ночевавших в доме о. Александра. Пояснение реформ Александра II (1860-х гг.) поняли как «предвещанье Пушкина» о «нонешних временах». Расспросы крестьян о царе Николае («жив ли?») и вел. кн. Михаиле. «Клянут теперь все эту свободу». Среди ночующих два старика, служивших у Григория Александровича Пушкина сторожами. Они вспоминают об уважении к господам и их доброте, упоминается Федор Осипович Княжевич,[49] его предчувствия накануне перемен.

Никто не советует Тимофеевой переезжать в Опочку, так как «здесь покойнее будет» и удивляются: «Вот их там много сидит, что ж никто до того не додумался, как это дело решить (Пушкину памятник в Зуёво[50] поставить)». Из Опочки тоже пока молчат, но думают о своем: «Мыслью воспользовались, а шлют уже своего агента — "организатора охраны Пушкинского уголка" — из Опочки».

30 марта. Тимофеевой не выдают пайка и не считаются с нею: «Я "агент охраны" Михайловских рощ, а *они* (советы, комитеты) запродали и успели вывезти уже 700 пней из Михайловского (А. И. Ба-

---

[48] Эти настроения связаны со значительными успехами польской армии после неудавшихся мирных польско-советских переговоров (октябрь-декабрь 1919 г.). Боевые действия возобновились: в первых числах января 1920 г. польские войска взяли Двинск, 6 марта начали наступление в Белоруссии, захватив Мозырь и Калинковичи. Четыре попытки Красной армии отбить Мозырь не увенчались успехом, неудачей закончилось и наступление РККА на Украине.

[49] *Княжевич Федор Иосифович (Осипович)* (1861—1918) — генерал-майор русской армии, флигель-адъютатнт командующего 6-й армией К. П. Фан-дер-Флите (с 1915 г.), старший сын К. Ф. Княжевич. Расстрелян большевиками. Место его расстрела и захоронения неизвестно.

[50] Первоначальное название с. Михайловского, происходившее от гнездившихся в округе серых цапель — зуй.

кусов, подрядчик завода).[51] <...> все заручаются выгодными связями, знакомствами. Один сообщает о приезде к нему “организатора охраны” от уезда, другой — о приезде учетчиков хлеба и пр., и пр.».

4 апреля. Все живут слухами: «“Троцкий уехал за границу — это уже факт!”, “Троцкий и Зиновьев убиты, Ленин арестован — факт!” И потом все окажется “вздором”. А на самом деле правдиво тут только одно: всем и каждому настоящая жизнь стала до того нестерпима, что все жаждут, ловят и разносят все эти “слухи”, упиваясь хоть на минуту возможностью *перемены*... ожиданьем нового переворота... Почта не ходит, поезда не приходят — *может быть, там переворот*?.. Рыбу стреляют на озере целым сходом, с ружьями и винтовками — а нам *слышатся* орудийные залпы, и мы ждем — *не переворот ли*?!»

7 апреля. Благовещение. На церковном дворе по просьбам вороничских баб и мужиков писательница читала вслух канон Иисусу, «а вокруг с умилением слушали».

9 апреля. «Утреня с чтением 12-ти евангелий служилась чуть не в 8 часов. Вероятно, потому что свечей нет, а раньше в церкви темно. Свечи 3-копеечные продаются по 50 руб. И тяжело, и как-то *нехорошо* было видеть свечи только в руках духовенства и причта, да кое у кого из прихожан побогаче — да позапасливее. Многие изготовляют теперь свечи у себя на дому, где есть пчелиные ульи».

17 апреля. По словам Ф. Б. Борисова,[52] в Опочке нечего есть, оттуда бежит интеллигенция. В рабочую артель в Тригорском мечтают перебраться учителя, так как пайки урезаются и выдаются только «чернорабочим». Ильин отказался от заведования отделом внешкольного образования, «Никифоровский мечтает переехать в Глубокое (бывшее имение графа Гейдена)[53] и там пристроиться к библиотеке».

---

[51] *Бакусов Алексей Иванович* (?—1941?) — владелец кирпичного завода «Подкрестье», расположенного в четырех верстах от Святых Гор. В годы НЭПа А. И. Бакусов добровольно передал кирпичный завод государству.

[52] *Борисов Федор Борисович* (1879 — после 1925), родом из д. Середнино Вороничской волости Опочецкого уезда, из крестьянской семьи, окончил учительскую семинарию, работал учителем, в 1917 г. — член эсеровской партии, после революции — школьный инструктор, с 1919 г. — статистик: в губстатбюро заведовал земельной секцией. См.: ГАПО, ф. 590, оп. 2, д. 121, л. 446.

[53] *Гейден Петр Александрович* (1840—1907) — граф, тайный советник, член Санкт-Петербургской судебной палаты. С 1890 г. жил в имении жены, княжны Софьи Михайловны Дондуковой-Корсаковой. Имение Глубокое располагалось в Опочецком уезде у озера Глубокое.

Так, газета «Красный набат», выходившая в период белогвардейской оккупации Пскова в Великих Луках, в августе 1919 г. сообщала: «В Опочецком уезде есть имение Глубокое, оно отведено под советское хозяйство. Но барский дом в заброшенном виде, все ценные вещи разграблены. Имеющийся при имении фанерный завод также забыт и заброшен. Хорошие, новые станки, которые могли быть приспособлены к другой работе, стоят без применения, приходят в негодность. Была

21 апреля. Продовольственный отдел дал разрешение на покупку (фиктивную) третьей коровы на имя Тимофеевой, содержать которую будет Антон Михайлович Федотов, государственный контролер. За это согласие Тимофеева будет получать от него 2—3 бутылки молока в неделю.

22 апреля. Тимофеева, чтобы выжить, дает уроки немецкого и французского языков девочкам-крестьянкам, за которые они расплачиваются с ней продуктами.

26 апреля. Спор нескольких деревень за землю: «В Дериглазове семей 5, с “коммунистом” Макаром <Ереминым> во главе, собираются “*заводить коммуну*”, а носовцы и дедовцы не пускают. “Они хотят господами засесть, строиться на усадьбе, от домов новые дома здесь строят, а земли совсем мало. Начнут вытеснять нас тогда. С мужиками хуже, чем с господами — не сговоришься. Мы, говорим, свою барышню ждем;[54] мы ей норму дадим, она сама тут строиться буде”. <...>

Семен-рыбник,[55] собиравшийся “господ резать, коли обратно вернутся”, в новом настроении: “Переезжай ко мне. Кормить буду. Верное слово. И рыбки, и картошки, и хлебца — всего дадим! Переезжай! За то, что от Пушкина кормился всю жизнь, за то и “тебя кормить буду”».

Е. И. Филимонов принес наполовину раскуренную книгу, «добытую вчера из д. Ульяшки»: «Посмотрела — III том сочинений Пушкина. Одно из *посмертных* изданий, кажется 1838 г. Купленное для нашей “Пушкинианы” в Михайловском... Неполное, с рукописными добавлениями и вставками. Страница 7 (“Клеветникам России”), страница 528 (“Песни западных славян”). Вот как они *питаются* от *Пушкина*!»

На современные порядки жалуется крестьянин Иван Никандров: «конь транспортный был у него на корму — “заместо отобранного в милицию”. Выехал было с ним “орать” — встретил милиционера. Заарестовал плуг. Началась процедура в комитетах о возврате или замещении коня, так как у него один жеребенок, бессильный еще. Ну, и вот посылают из одного места в другое за разрешением: отсюда — в Опочку, из Опочки — сюда. А коня все-таки не дают. А время уходит... Рабочее время! “Прежде знал, к кому идти: стражник, урядник, пристав — из виновного невинным выведут. А теперь ходи возле них — не доберешься никак”».

на заводе динамо-машина, ее похитили. Винокуренный завод в имении также заброшен: паровые котлы разрушаются, слесарные принадлежности и части исчезают. Местные власти не принимают меры к охране» (Красный набат. 1919. 12 авг.).

[54] Речь идет о *Шелгуновой Анне Дмитриевне*. Эта бывшая помещица усадьбы Дериглазово, одна из сестер-наследниц, вскоре вернулась на разоренные земли с надеждой поселиться и работать там в новых условиях. Описываемая здесь ситуация разрешится в июле (см. ниже).

[55] *Семен Илларионович* — кучер имения Лысая Гора (поместье Фоков).

27 апреля. «В парке видела возмущающую душу картину: молодое деревцо (лозняк) с нежно-зеленеющими ветвями только что распустившейся листвы и с совершенно голым стволом, облупленным на *лыко*, из которого теперь предприимчивые вороничане выделывают кожу для обуви или дубильную кислоту для нее. Вот и охраняйте тут “Пушкинский уголок”!»

4 мая. Длинные военные поезда (до 50 вагонов) тянутся в одном направлении. Из одного такого неслись солдатские песни. «На убой так не едут. В газетах объявлено было возвращение войск по домам.[56] Но выстрелы продолжаются. Вчера бухали целый день вплоть до позднего вечера и совсем ночью». Общее настроение: «торопятся все урвать, захватить, забрать, отнять, вытеснить и ограбить... И строятся, и лесу нарубают чуть не на десять годов. И хлеб зарывают в ямы, и вещи закапывают в пруды...»

Во время прогулки по Тригорскому парку Тимофеева слушала соловья «подле *бывшего* “дивана Онегина”...»

11 мая. «В Михайловском — огромная площадь порубки. Заваленная срубленным лесом аллея... Две ели Пушкина срублены в этой аллее. На “кругу” цветника,[57] вместо цветов, пасутся коровы...»

Тимофеева стала свидетельницей поимки дезертира Василия Иванова из д. Бугрово (семья выдала его добровольно, чтобы избежать жерв и изымания скота):

— Солдаты эти еще хорошие, — говорили тут же про них в избе, — обыскивали легко, сами только руками все перетрогали — искали, нет ли солдатских вещей — ничего не брали. А другие берут — что полюбится им, то и возьмут. Хлеб тоже отберут, если спрятать.

— Пропадаем мы все теперь! Ничего своего у нас нет. Жизни надо лишиться от такого житья! — говорили в избе у Петра по уходе солдат.

— Мне бы только ситцу давали! — отшучивалась бойкая, разбитная Наташа. — А то вот все станы ткём, да все белые. Красить нечем. Шишками теперь красим — горазд темный цвет, а лыком осиновым — как рябины выходит. Всё не то, что торговые.

12 мая. Из Опочки вернулся сосед Тимофеевой Е. И. Филимонов: привезли хлеб для своей артели «тысяч на 12». Им обещано «полное благополучие во всех смыслах»

Красноармейцы сбегают и прячутся в лесах и подвалах, оттого что «не кормят совсем» и «незнамо с кем воевать».

В Опочке «все призваны к общественным работам в полях и на огородах. Евгений Иваныч сам видел бывшего земского начальника

---

[56] В феврале 1920 г., после закрытия Северного фронта, солдаты были отпущены по домам. Вскоре началась мобилизация «на польский фронт».

[57] Круглая площадка перед домом усадьбы Михайловское, вокруг которой располагались остальные флигели. Липы с вязом в центре были посажены в 1899 г. Григорием Пушкиным, младшим сыном поэта. Во времена поэта тут росли желтая акация, сирень и жасмин.

Бороздина — “вилами разбрасывает навоз старенький старичок”. Все учителя и учительницы, одним словом, *весь город* участвует в общих работах. “Красиво смотреть, как букашки, рассыпаны по земле. Барышни — в модных костюмах...”

Село *Высокое* (верст 8 за Опочкой), куда посылали их за зерном и картофелем — настоящая благоустроенная “коммуния”. Всех пайщиков там 85 человек. Всё у них *общее*: касса, инвентарь, скот и земля, с выдачей отдельных пайков на каждого из участвующих. Амбары под тремя замками. Ключи — у председателя, секретаря и делопроизводителя, или *казначея*, заведующего денежной частью. По отзывам их, все довольны, не жалуются ни на что. На работы выходят с 5-ти часов. Перемен тоже не ждут ниоткуда, только — “*быть нам под Латвией*”. Именье это из бывших помещичьих, захваченное, но не разграбленное. Самого помещика крестьяне отстояли, и все вещи его целы. Дом усадебный двухэтажный. Сам помещик живет наверху, коммуна — внизу».[58]

13 мая. На двух автомобилях приезжали «беженцы» из Пскова: генералы «из бывших на войне *при Николае*», с ними «молоденькая черномазая барышня». Осматривали Михайловское и Тригорское. Генералы «давали понять», будто «что-то знают насчет перемены...»

22 мая. Тимофеева принимает участие в экскурсии по Тригорскому и Михайловскому великолуцкой школы 1-й и 2-й ступени по просьбе ее преподавателя, Николая Николаевича Боголюбского; чтение лекции.

26 мая. В бывшей конторе колонии с. Михайловского поселились 22 человека (коммунисты), приводят в порядок помещения и обустраивают для житья.

Вечером Тимофеева рассказывала троим специально к ней пришедшим солдатам (из санитарного отряда) о пушкинской усадьбе, о Вороничской крепости: приятная беседа с начитанными, интересующимися историей и литературой «юнцами».

29 мая. Тяжело болеет (слегла) жена о. Александра, матушка Мария.

7 июня. Была в Михайловском, списала со стен Домика няни надписи (из посещений 1919—1920 гг.).

Получила извещение от 5 июня из Отдела народного образования с предложением места «заведывающей Святогорской библиотеки им. А. С. Пушкина».[59] Подписано завотделом Масленниковым.

---

[58] Имение принадлежало дворянину Петру Александровичу Яновичу. В апреле 1918 г. в национализированном имении Высокое из бывших батраков образовалась коммуна с одноименным названием. В коммуну вступили 16 семей с 76 едоками, из которых 37 были трудоспособными. См. подробнее: *Филимонов А. В.* «Высокое»: от имения к коммуне. URL: http://opochka.ru/article/vysokoe-ot-imeniya-k-kommune (дата обращения: 11.05.2019).

[59] После революции культурно-просветительская и политико-массовая деятельность приобретала все большее значение и размах. В городах такими центра-

Тимофеева в ответном письме спрашивает о возможности выполнения ряда условий для вступления в эту «желанную и почетную должность»: 1) удобное помещение в Святых Горах для нее и ее библиотеки; 2) размер вознаграждения, определение рабочего времени; 3) наличие пайка (дровами, хлебом, солью и др. продуктами); 4) отсрочка «вступления в должность за невозможностью переезда в горячую рабочую пору».

8 июня. Была в монастыре у обедни. Практически никого у могилы А. С. Пушкина; встретила молодоженов: бывшего доктора колонии Е. С. Кобанову («Джиоконду») с мужем.

12 июня. Приезд Анны Дмитриевны Шелгуновой, встреча ее с Тимофеевой. Новости для Тимофеевой: ей назначили две тысячи единовременного пособия от Литературного фонда. Н. А. Котляревский получил ее письмо о сдаче рукописи, но саму рукопись отвезет ему Никифоровский.

Узнав о приезде «дериглазовской барышни», «не здешние» коммунисты окончательно разрушили часовню в Дериглазове. «Икону вынесли в отхожее место в сторожке у железнодорожного моста и ругались над ней. “Бабы тут нарисованы!” А в Петрограде, на пасхе, в крестном ходе участвовали “все веры”, кроме магометанской и иудейской».

Наталья Княжевич вышла замуж за военного, поляка Владислава Сигизмундовича Волечек.

15 июня. «Вчера весь день в Святых Горах в поисках квартиры — безрезультатных — и я в положении *ни здесь, ни там.* Тысяча подвод, говорят, вытребована в Опочку для вывоза вещей и учреждений. Заведующий наробраза, Г. И. Сидоров, хлопочет о моем водворении в Святых Горах, но все квартиры вокруг заняты военными. Даже больница! Даже монастырские здания!»

17 июня. Из Опочки приехали В. М. Никифоровский с женой, Е. Н. Кудрявцева и две молодые учительницы, привезли «приношения» от четырехсот учащихся и учителей: «Рожь, ячмень, горох, мануфактура, деньги...» Ее радует «перспектива совместной жизни в Святых Горах, когда там организуется вторая ступень и Никифоровские переедут туда из Опочки. Вчера же получен и благоприятный ответ из отдела. Сегодня Анна Дмитриевна принесла известие от А. Т. Смирнова (библиотекаря): комната освободится на днях у Харенских, с уроками за стол».

ми являлись клубы и красные уголки, а в деревнях — народные дома, открытые в бывших имениях, и избы-читальни. К концу 1918 г. в Псковской губернии насчитывалось 634 культпросветучреждения, а в 1921 г. в деревнях действовали 1326 изб-читален (см.: *Иванов Е. П., Колосова И. О., Колотилова С. И.* Псковский край в истории России. 2-е изд., испр. и доп. Псков: Изд-во Псковского обл. ин-та повышения квалификации работников образования, 2001. С. 205).

В Вороните хоронили солдата, который «глушил рыбу ручной гранатой и по неосторожности и неумелости изуродовал сам себя. <...> И на засыпанной дружно могиле воткнули несколько веток, а на палке повесили красный флаг — вместо креста».

19 июня. «Объявлено — жителям городища по преимуществу, что завтра будет *стрельба с железнодорожного моста на вышку,* как проба фронтового ученья. Населению предлагается уходить отсюда часа на два, на три».

20 июня. Стрельбы практически не было (два-три «неумелых» выстрела). В Святых Горах стреляли с самого рассвета.

21 июня. Стреляли весь день: сначала из винтовок, потом из пулеметов.

В Святых Горах — «всем надоевшие солдаты, из них множество нечистоплотных татар (из-под Казани 6-я бригада). Много больных, тифозных по преимуществу. В больнице все занято».

Молодые женщины-врачи, успевшие побывать в Михайловском, хотели узнать, где тут «имение» Ленского? «Это, очевидно, легенда о могиле его на Савкинской горке...»

22 июня. Стрельба «порядком изувечила наши исторические “вышки” и насыпи. Ребята и взрослые весь день собирали осколки пуль и разрывных снарядов. В полосе мишени работавшие на вóзке позема вынуждены были ложиться на землю».

1 июля. «Действительная жизнь — слухи о новых расстрелах. Вчера в Святых Горах расстреляли Крыловского (из д. Крылова) прапорщика — за дезертиров (скрывал их!). В доме скрываемого разорили всю семью, расстреляли овцу и корову (!). Дезертиров выгоняют плетками. “Дисциплина пошла”. Вагон мертвых тел провезли во Псков, 250 раненых — в Святых Горах».

Тимофеева голодает третий день.

4 июля. «Тригорские липы вторично цветут...»[60]

«Шпиономания» — распространенное явление у поляков, «застрявших» в России.

Врач, осмотревшая матушку Марию, пришла к выводу, что у нее киста, срочно нужна операция.

Из Петрограда в Святогорскую богадельню привезли изголодавшихся пожилых интеллигентов, с которыми Тимофеева случайно встретилась по дороге из Святых Гор.

5 июля. «За соль берут теперь уже золотом (2 пуда за один золотой), и патрули пропускают не иначе как за взятки — деньгами или продуктами». Много беженцев из Петрограда, ищущих пропитание.

---

[60] Подобное явление в ботанической литературе не описано. Скорее всего, оно связано с тем, что липы различных видов цветут не одновременно. Также возможно, что сначала наиболее интенсивно цвели деревья, которые расположены на солнечных, открытых участках парка, а теперь наступила пора цветения в тенистых местах.

11 июля. Тимофееву пригласили на щедрые поминки после похорон крестьянина Кузьмы Романова из Носова, в доме семьи которого остановилась Анна Дмитриевна.

Жена о. Александра помещена в новоржевскую больницу.

12 июля. В 11 часов собрание союза работников просвещения («рабпроскульт»), Тимофеева участвует как члена союза. Обсуждается Устав союза, Никифоровский снят с должности председателя союза. Писательница отказалась от предложенной ей роли председателя, а также от самого членства и роли «корреспондента», сославшись на малоопытность в комитетской работе. Объективной же причиной такого поступка послужило заявление новой власти, прочитанное ею в газете, что «интеллигенция должна находиться под бдительным надзором политических работников, которые должны поддерживать в своих рядах дисциплину».

Федор Борисович Борисов, инструктор, жалуется на «умственную апатию» учителей, называя это «саботажем».

Вечером сцена, наблюдаемая Тимофеевой из окна комнаты: поймали дезертира, спрыгнувшего с поезда в реку, били до самого поезда, ожидавшего развязки ситуации за мостом.

Воспоминания Тимофеевой о рассуждениях по поводу идей социализма в конце 1870-х гг., сравнение с сегодняшним «социализмом».

20 июля. Получила официальное извещение о назначении «вторым библиотекарем» в Святых Горах,[61] с приглашением «явиться к месту службы». Свободного же помещения для жилья до сих пор нет.

22 июля. Военные могут занимать две служебные квартиры (например, комиссар Хватов имеет квартиру по месту службы в Опочке и для семьи в Святых Горах, хотя его родня живет в соседней деревне). Прошение Тимофеевой о жилье снова проигнорировано.

По делу об образовании артели в Дериглазовской усадьбе у Анны Дмитриевны возникли сложности: «коммунисты, захватившие землю, ездили в Опочку и получили утверждение на образование артели. Теперь и ей предстоит борьба. И ей надо ходить без конца в Святые Горы, подавать заявления в Опочку. Все эти заявления принимаются и откладываются... <...> Потом забываются, вновь вызываются. “Действовать можно только лично, стоя у них над душой...” Дедовцевы и носовцы только подавали заявления, а еременцы и коммунисты ездили сами в Опочку и *нажимали* и, вероятно или наверное, *смазывали. Ну, и получили, что нужно*».

25 июля. Утром о. Александру сообщили о смерти жены в больнице.

Воспоминания о ее жизни (со слов самой матушки Марии).

---

[61] Тимофеева была вторым библиотекарем, принятым в эту читальню, при этом исполняла обязанности заведующей, что отражено в документах ее личного архива (РО ИРЛИ, ф. 425).

27 июля. «Дериглазовской барышне ничего не дадут. Прошедший раз потешались над ней в комитетах. Из одного в другой посылали. Пусть, говорят, походит теперь. Прежде, говорят, на паре к крыльцу подъезжала, — пусть узнает, как *мы* к *ним* хаживали да у крыльца ждали...»

30 июля. О. Александр обосабливается ото всех «*для спасения*», ест и пьет в одиночку: «замышляет постройку себе кельи в амбаре, для чего собирается разрушить общую плиту и печурку, чтобы там, в амбаре, поставить печку для бани и для жилья».

1 августа. «Батюшка наш совсем непонятен. Всех запугал своими поступками. Встает в 2 часа ночи, бродит по дому и что-то бормочет. Днем ходит насупленный, отбирает мебель, посуду и запирает на ключ».

К о. Василию приехали из Иркутска дочь, зять и внучка. «Зять из полковых дьяконов, volens nolens,[62] попал в коммунисты (иначе не прожить) и прошел уже три курса общественного факультатива». Рассказ об их жизни во время революции.

2 августа. Тимофеева голодает. Батюшка не дает пользоваться даже самоваром.

Вчера к о. Василию приходили двое солдат, что вызвало переполох: ожидается реквизиция швейных машин в пользу швальни, организуемой в Святых Горах. Но солдаты зашли «попроситься обедать». Их накормили: «Пока нам, красноармейцам, живется хорошо, мы будем защищать и поддерживать. А когда надоест или совсем плохо станет, тогда мы восстанем».

6 августа. Тимофеева отчаялась в поисках новой квартиры: «Ни здесь, ни в Святых Горах не найти ни приюта, ни помощи. А в Опочку теперь не уехать. Да и там не устроиться мне. Никто теперь нигде не может устроиться».

ТОМ *5*

7 августа. В Святых Горах писательница встретила опочецких делегатов всероссийской конференции («такие юнцы!»).

Харенский Алеша[63] хлопочет о «красноармейском» пайке для Тимофеевой «тысяч в тридцать — за переписку театральных ролей для их музыкально-артистического кружка», что сомнительно из-за большой конкуренции. Он живет в двух больших комнатах и занимает «пятнадцать должностей сразу», иначе заберут в город, а здесь у него

---

[62] Волей-неволей, хочешь не хочешь (*лат.*).

[63] *Харинский Алексей Александрович* — брандмейстер (начальник) организованной в 1920 г. профессиональной пожарной команды. Его отец Александр Иванович и дядя Харинский Павел Иванович (владелец лавки) состояли членами совета Вольного пожарного общества Опочецкого уезда с 1905 г.

земля и семья. «И оттого бумажные “дела” у него всех родов: пожарное, театральное, санитарное “дело” лежат кучами на разных столах».

Из-за пайков «люди записываются теперь даже и в коммунисты, принимают на себя всякие работы — “мобилизируются” в штабы, клубы, театры... И уж таких театралов святогорские “буржуи” остроумно прозвали *селедочниками:* за каждый спектакль им выдают по паре селедок, по фунту хлеба, да два куска сахару и $^{2}/_{3}$ осьмушки *настоящего* чая. Времена и нравы! Еще бы не записаться! Такие редкостные сокровища в голодной нашей совдепии!»[64]

Стоявший в больнице рояль бывшего врача больницы, М. П. Карповой,[65] «один из таких театралов», член исполкома, Федор Иванович Иванов отобрал («от буржуев») для красноармейского клуба, устроенного в неосвященном приделе монастырской церкви.[66]

19 августа. Переезд Тимофеевой в Святые Горы, в дом о. Михаила Белгородского.[67]

24 августа. «Бедствую и зову: да мимо идет чаша сия! Все привычки нарушены: живу *вместе* с чужой семьей, хожу *за едой* в чужие дома... Без моих книг, без всяких удобств в обстановке. Только ширмами отгороженный угол возле окна. Посылаю заявление в отдел о выдачи мне порции из Детского сада, и говорят (мои сожители), что этого *не разрешат мне.* Тогда... опять бери суму свою и ходи по избам за подаянием, голодная, усталая, беспомощная семидесятилетняя старуха... И прощай, свобода! Прощай, литература! Прощай, жизнь!

---

[64] Эпизод говорит об уровне культурных мероприятий, когда любой желающий мог записаться в «коммунисты», чтобы получать за дополнительную занятость надбавку. Местные газеты постоянно сообщали о новых постановках, обсуждался репертуар, игра актеров, даже режиссерские методы. Поднимался и вопрос занятости непрофессиональных актеров после рабочего дня: создание так называемого пролетарского театра вместо буржуазного (см.: Опочецкая коммуна. 1918. 14 дек. № 1).

[65] Существует свидетельство об еще одном рояле, хранившемся в местной Святогорской больнице: в уведомлении от сотрудника областного отдела охраны памятников старины архитектора В. Нилендера, написанного 15 окт. 1920 г. для сотрудников святогорского отдела народного образования говорится о необходимости особой охраны «Пушкинского» рояля из Тригорского (Архив ПЗ, № 7-Д 20).

[66] Местом организации драматических коллективов, кружков, студий служили клубы, часто помещавшиеся в закрытых храмах. Видимо, желающих было немало, поскольку в 1921 г. в Псковской губернии действовало 76 таких самодеятельных театров (*Иванов Е. П., Колосова И. О., Колотилова С. И.* Псковский край в истории России. С. 207).

[67] *Белогородский Михаил Симеонович* (1855 — после 1925) — протоиерей, происходил из духовенства. После окончания Псковской духовной семинарии служил псаломщиком в Новоржевском уезде, священником в погосте Толвицы Псковского уезда. В Пятницкую церковь (Церковь святой великомученицы Параскевы Пятницы рядом со Святогорским монастырем; разрушена в годы Великой Отечественной войны) слободы Тоболенец переведен по собственному прошению в 1885 г.; в кафедральном соборе 15 мая 1916 г. за литургией Архипастырь возвел Михаила Белогородского в сан протоиерея священника селения Святые Горы.

В единственное окошко с выбитыми стеклами через запыленную дорогу смотрят монастырские деревья — такие же старые, высокие, запыленные, внизу засыхающие. Белеют зубцы ограды. За ней — близко, на подъеме горы — могила Александра Сергеича. А по ту сторону церкви, у монастырских ворот, спит спокойно другая «михайловская старушка» и «литераторша» — Надежда Владимировна Яковлева-Ланская».[68]

Приехали Ксения Михайловна Яковлева, преподаватель русского языка в гимназии им. А. С. Пушкина г. Опочки, и ее 14 учениц, расположились в Детском саду, читают повести Тимофеевой «Очерки прошлого» и «В шестидесятых годах», с которыми она в отрывках знакомила их в Опочке). Тимофеева у них в гостях: «закидали вопросами *обо всем*, и у всех жадно при этом горели глаза».

29 августа. В библиотеке весь день пробыли заведующий опочецкой библиотекой (К. С. Житков) и заведующий внешкольным отделом (Николай Васильевич Белов, бывший командир взвода пулеметной роты).

Знакомство с семьей Данилова (?) Александра Порфирыча (слесарем) и его женой Ольгой Михайловной Шахновой-Даниловой.

1 сентября. Тимофей Иванович Русин, преподаватель 2-ой ступени по физике, химии и математике, заехал к Тимофеевой за рукописью «Шесть лет в селе Михайловском» по поручению В. М. Никифоровского, который едет в Петроград и передаст ее в Пушкинский Дом.

20 сентября. Тимофеева передала бóльшую часть своих книг библиотеке: «Записываю книги мои в каталог, перебираю страницы — а там цветы, листки моих записей, отметки пережитых восторгов, страданий и дум... Терзаюсь, жалею этих брошенных, отданных на чужбину друзей моих, этих свидетелей моей жизни...»

О саде Алексея Ивановича Бакусова, где иногда отдыхала Тимофеева.

24 сентября. Тимофеевой разрешено Отделом наробраза обедать в Детском саду. По дороге она встретилась с Марьей Ивановной Тернер, «петроградской дамой» (инструктор библиотеки *баш-бригады,* стоящей на отдыхе в Острове). Она говорила, что бригадные собирались приглашать Тимофееву «прочитать курс о Пушкине»: Тимофеева накануне ездила с ними в Михайловское, «и этот комендант, юный крикун, грозил сторожам и крестьянам расстрелом за погром “святых мест”. Мне с трудом удалось успокоить его. И вот с тех пор я для него “интереснейший человек” и он “решительно от меня в восторге...”».

25 сентября. Владимир Иванович Нилендер[69] привел в библиотеку и познакомил Тимофееву с «небездарным певцом из народа» (по

[68] Тимофеева указывает место захоронения писательницы; ранее ошибочно: кладбище на Тимофеевой горке (см. выше).

[69] *Нилéндер Владимир Оттонович* (1883—1965) — переводчик, поэт, литературовед, организатор музейного и издательского дела.

мнению К. М. Яковлевой), с поэтом Никандром Алексеевым,[70] который пожертвовал читальне два экземпляра своей книги. Он торопился и выразил сожаление, что не может «поговорить» с Тимофеевой, о которой «давно много слышал».

Приехавший погостить сын о. Михаила, Валентин Михайлович Белгородский (хирург в Старой Руссе), сообщил Тимофеевой «как литератору, *интересную* новость: "В доме Достоевского, в его кабинете, теперь *помещен шоффер*"».

13 октября. Тимофеева тяготится тесной жизнью с соседями, политическим анкетированием. В «Псковском набате» (№ 372) она прочла, что в селе Вассиво открыт «дом старости, не обеспеченной ни продуктами, ни квартирой, ибо "советская власть, даже в условиях полной хозяйственной разрухи находит возможным оказывать помощь всем в ней нуждающимся: она помогает детям во имя будущего, инвалидам и старикам — за прошлые труды..." Я с чувством прочла это вслух в библиотеке, а сидевшие там чтецы подняли все это на смех. "Открыли, как же! На бумаге или разве на несколько дней. Через неделю все пойдет насмарку... Дело всем известное!"

«Тяготит и назначение меня от уезда в "охрану старины и культуры". Почет мне ненужный, и что я могу охранять, когда все уж разрушено и во мне, и вокруг!»

23 октября. «На днях потеряла сумку с деньгами и с нужными вещами — ключи, очки, карандаши, записная книжка, денежная повестка на мое имя... Потеряла по дороге из исполкома на службу в библиотеке, где меня ждал целый отряд допризывников, которым надо было рассказывать о Пушкине...»

«В библиотеке просят теперь "почитать — *что было прежде*". Все хотят знать наше прошлое. Все утратили почву под ногами...»

24 октября. О. Михаил надеется на близкий переворот: «И будет резня... И всех *их* вырежут... Весь народ, все мужики недовольны... Один старик мне сам говорил, кого первого своими руками убьет...» Тимофеева сомневается: «И ничего этого не будет. Все они — "переодетые": сегодня они коммунисты, завтра будут монархистами. И обратно. Не *дух*, а *шкура* — во всех современных селовых и местечных деяниях. Все *в масках*. Ветер подует в лицо — маски долой! Сами все разбегутся. А батюшки только тешат себя напрасной надеждой: "авось не вернется ли старое доброе времечко"».

29 октября. «Уже четвертый день как я в отдельной комнате, в зале о. Михаила. Отдельный ход, большая удобная печка, четыре окна. Свет, простор, тишина!»

30 октября. Тимофеева председательствует в комиссии по охране «Пушкинского уголка», «подала уже голос о признании его "заповед-

---

[70] *Алексеев Никандр Алексеевич* (1891—1963) — поэт, уроженец Опочецкого уезда (Сине-Никольской волости), старший унтер-офицер Русского экспедиционного корпуса во время Первой мировой войны, в 1920 г. вернулся из плена.

ным имением” и буду читать о значении Михайловского как памятника “былых вдохновений”».

5 ноября. Обыск у о. Михаила по обвинению в контрреволюционной деятельности, домашний арест.

6 ноября. По требованию политбюро его в ночь увезли в Опочку.

8 ноября. Батюшка в 6 утра вернулся из Опочки. Ночевал в тюрьме вместе с двумя другими священниками. Народ воспринял этот случай как факт мученичества: «Пострадал! <...> Чахоточный, всегда раздраженный на кого-нибудь Зуев, бывший псаломщик его, теперь коммунист, доказывал мне вчера в библиотеке: “Давно бы надо его в шлиссельбургскую засадить. Одной рукой молитву творит, другой — в карман полтинник сует. Фунты собирает пудами — и все ему мало. Всё жалуется на бедность... Всё народ виноват, худо платит”».

Крестный ход (в первом часу дня) через всю слободу с иконой Параскевы-Мученицы (приходский праздник 28 октября) во главе с о. Михаилом, «а потом пойдут по деревням, в так называемое здесь “праздничное”». Ночью, после всенощной, также крестный ход.

Деньги не имеют никакой цены и «не ходят нигде», любой труд оплачивается продуктами, прежней «ругой» или «натурой».

О рабочих отношениях между А. Т. Смирновым и Тимофеевой в библиотеке.

25 ноября. «Со вчерашнего дня на дверях в библиотеке и на стенах у разных домов расклеена афишка о сегодняшнем представлении.

“Кинематограф” — четверг 25 ноября.
В 5 час<ов> вечера.
“Заговорила кровь”. Драма в 4 част<ях>.
“Спорт Швеции”. Видовая.
После сеанса литераторша
В. В. Тимофеева
прочтет лекцию на тему:
“Культура и памятники былых вдохновений”
Цены местам: 60 руб., 30 руб. и 15 руб.»

Выступление Тимофеевой («мои мысли, плод размышлений моих над жизнью и совершающимися событиями»): заведующий, член наробраза, Г. И. Сидоров, провел ее на сцену, «поставили столик и стул; зажгли электричество».

26 ноября. Тимофеева в своем роде «святогорская достопримечательность», ее узнают на улице, здороваются незнакомые крестьяне.

Константин Сергеич Житков из Опочки посетил еще раз: нравственное «родство» с Тимофеевой.

28 ноября. Описание ее бытовой жизни. Ее мироощущение: «Здесь вокруг — мертвецы. Всюду здесь мертвечина: в школах, в церкви, в театре, в частных домах... Прошедшее умерло, но я *могу* его воскрешать. Новое еще не родилось... Только кричат о нем, бьются *за него* и *не знают* его».

4 декабря. «До чего осатанел теперь здешний народ — уму невероятно. Недавно вот тут у нас, в исполкоме, приготовлялись раму украсть со стеклами. Ну, их заприметили. Раму заколотили. Так что же они сделали? Вчера ночью нагадили на подоконник! Вот, дескать, вам, угощайтесь за наше здоровье!

И все хохочут. И никого это не возмущает: в порядке вещей...»

7 декабря. Стужа в комнате и в библиотеке. «Учреждения закрываются по недостатку топлива...» Отказы исполкома в дровах, и в ответ на жалобы писательницы, обещание устроить ей великолепные похороны с музыкой.

13 декабря. «Видно, еще нужны мои силы и немощи здесь, на земле, если поддержка является вовремя. Дрова не только доставлены мне, но сегодня уже напилены и расколоты, и наполовину перенесены к самым дверям».

Вместе с Ильей Григорьевичем из Березина (сторож Михайловского), который и привез ей эти дрова, ходила в милицию заявлять о четвертой порубке в Михайловских рощах.

14 декабря. Тимофеева упоминает о могиле няни, захороненной рядом с Ганнибалами и А. С. Пушкиным: «Крест няни — точно печерский угодник — ушел наполовину в землю...»[71]

18 декабря. Новые валенки стоят не меньше 30 тысяч руб.

22 декабря. Тимофееву вызывают на съезд для доклада о ее деятельности: «Сами ничего не делают, только рассылают все эти приглашения и вызовы, предписывания да предложения. И чтобы *в 24 часа* выросло повсеместно в России культурное просвещение, чтобы процвел ненавидимый всеми здесь коммунизм, чтобы воры, пьяницы, взяточники и мошенники превратились в самых ярых защитников, провозвестников».

Везде бюрократия: «Чтобы достать для общежития 2-ой ступени ножик и вилку, надо исходить 12 канцелярий и получить от каждой по 12 бумажек на право получения этих ножа и вилки».

1 января 1921 г. «Новый заведующий наробраза, Иван Кириллов из д. Кошкино, *малограмотный* коммунист. При нем член в секретарской должности, грамотный Михаил Никифоров из д. Забоева («из

[71] Подобное ошибочное предположение высказал И. Щеглов — о том, что в Опочецком уезде держатся предания, «будто бы безымянный простого тесаного камня крест, находящийся по правую руку могилы Пушкина (между памятником Пушкина и памятником игумена Святогорского монастыря Геннадия), и есть тот крест, о котором аллегорически вспоминает Татьяна» («Где ныне крест и тень ветвей Над бедной нянею моей»). В 1928 г. В. И. Чернышев писал, посетив Михайловское, «что есть предание, будто няня жила, но не ужилась с Павлищевыми и вернулась Михайловское. Там же она будто и скончалась и похоронена в Святогорском монастыре близ того места, где впоследствии был похоронен поэт, но могила не сохранилась» (см.: *Ульянский А. И.* Няня Пушкина. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1940. С. 59—60).

жандармов», по собственному признанию). Отдел народного образования помещается рядом с библиотекой, и все посетители его постоянно толкутся у нас, отнимая и время, и место. А на библиотекарей возлагается еще новая обязанность: сверхурочные два часа в день посвящать на обучение взрослых (ликвидация безграмотности). А учителя *гуляют*!»

Тимофей Иванович Русин, «святогорский жихарь», переехал в монастырский корпус с семьей, продуктами, библиотекой и физическим кабинетом для «хозяйничанья».

Жалованье библиотекарям задержат до апреля, потому что учителям выдано за просроченные месяцы.

«Спички выменивают здесь на молоко и свинину. Спички на паек выдают только тем “у кого нет посева” (как будто имеющие посевы сеют и спички!)...»

13 января. Долгожданный приезд Никифоровского.

14 января. «Дома — 6 градусов тепла и опять целая куча всяких хлопот с печкой, с кипятком и холодной водой и пр. Ложись в гроб живой и помирай! В голове ничего не занимается, совсем ничего. Не знаю, смогу ли я приготовить лекцию о Пушкине к 29-му января. Думать, читать про него — *для себя* — радостно и мило. Но для здешней публики!»

«В исполкоме все пьяны. За самогон добывается там у них все: рыба, сахарный песок, керосин и дрова. Самый лучший паек выдается по кумовству».

Пущен слух о близкой кончине мира. «Слышали, в Опочке лекцию читали: через пять лет Марс опустится на Землю? Стоит ли хлопотать теперь, добиваться, все равно все погибнем...» «Слышали, говорят, Марс горит?» А лектор в Опочке, говорят, повторил только вычитанное в газетах научное сообщение: «Орбита Марса приняла другое направление, кольца Сатурна отошли на ю<го>-в<остоке> на 60 градусов».

«Привезли керосин для волости. Три бочки оказались *замерзшими:* похищенный керосин заменили *водой*».

«Учитель Алексей Федорович, член нового союза Рабпроскульт (с которым мы так часто беседовали в Вороните на социальные темы), записал в декабрьскую ведомость паек (мануфактура и соль) на новорожденную (еще *не родившуюся*) дочь Елену. А у него в самый день рождества родился *сын* и в комитете исполкома окрещен *Олегом*».

«Ликвидация безграмотности объявлена еще летом. Но тогда некому было подумать о ней. Весь учащий персонал услан был на статистическую перепись вплоть до глубокой осени (до октября). В непогоду, распутицу, под проливными дождями, пешком, полубосые и совсем босоногие ходили из деревни в деревню учителя и учительницы, ча-

сто не имея куска хлеба в кармане и вместо угощения подвергаясь обидным насмешкам и оскорблениям. Теперь их морят стужей в холодных школах без дров, без керосина, впотьмах, без учебников... А библиотекарей и всех грамотных вообще отрывают от их собственных дел и привлекают к обучению взрослых, желая в две-три недели наверстать неисполненное *веками*!

Народ по-своему протестует на все это бесконечными виршами. Появился какой-то слепец, распевающий самим им сложенную рапсодию. О. Михаил говорит: "Листов пять чудесно сложено самородком-поэтом. И в таком духе, что на похоронах, на поминальном обеде, люди держались за животы от смеха. И все правда! Хотел пропеть в Опочке всем коммунистам в лицо («Пусть, говорит, посадят, ничего, все равно я слепой!») но ему отсоветовали"».

11 февраля (по ст. ст. 29 января). «29 января всё-таки справила "пушкинские поминки". И панихида ("Соборне") на могиле "болярина Александра", и хор монастырских певчих, поблагодаривших меня в свою очередь за то, что "вспомнили нам..."

— А нам не влетит за это? За то, что служить будем? — спрашивал меня у себя в келье (в саду кладбища) благообразный и благодушный о. Исаак, езжавший к нам когда-то в Михайловское. И мне же пришлось успокаивать робкого или запуганного монаха обещанием принять на себя всю ответственность... Вот времена!

Из молодых учителей и заведующих на панихиду никто не пошел. Только мы, старые "интеллигенты", в числе трех лиц (Преображенский,[72] Серебрянский[73] и я) стояли у могилы. И было солнце над могилой, и яркая зелень сосновых и еловых ветвей на блестящем снегу... И что-то свежее, живительное в воздухе, и что-то сродное поэзии в наших "староинтеллигентских" сердцах...

А вечером — чтение, декламация и ученический хор в помещении 2-ой ступени. Все это было "ново" и "необыкновенно" для здешних жихарей, привыкших все торжества заканчивать балалайками и танцульками.

А на другой день все, с кем ни встречусь, благодарят и уверяют, что "было так всем хорошо, что не хотелось уходить". Хор "Брожу ли я вдоль улиц шумных", исполненный чистыми детскими голосами, напоминал похоронное отпевание. Но сам Пушкин как живой стоял между нами... "И это я, я воскресила его тут для всех!" — думалось мне

---

[72] Вероятно, *Преображенский Иоанн Петрович* — сын диакона Покровской церкви г. Остров, священник Ильинской церкви погоста Добрывидки Псковского уезда (1908).

[73] *Серебрянский Николай Ильич* (1872—1940) — профессор Православной народной академии (1917), сын И. Серебрянского, протоиерея храма в д. Крекшино, Новоржевского уезда Псковской губернии. В 1921—1923 гг. преподавал в педагогическом техникуме в Святых Горах.

под звуки любимых моих стансов, и слезы туманили мне глаза и радостью, счастьем кипели на сердце...»

20 февраля. — Беспросветность, заботы, тревога, усталость. Ликвидация безграмотности — «что-то бестолковое и несуразное...»: «на улице вечером бабы — уже пожилые — идут и бормочут: *А-а! у-у*! Эва, две буквы заучили, слава тебе, Господи! Увидела меня одна и жалуется: "Памяти нет совсем, барыня. Пока домой иду — позабуду. 35 годов мне. Поздно начинать-то учиться, милая. Не до того нам"».

«На сходках выборных в Депо творится нечто невероятное. Общий галдеж. Не дают никому слова сказать, кричат все разом: "Не дадим! Не позволим! Не хотим!"»

24 февраля. «Слободские жители жуируют[74] здесь как ни в чем не бывало. Театр и кинематограф, игра в лото, угощенье пшеничными пирогами...»

В отдел наробраза назначен новый заведующий (третий за полгода работы Тимофеевой) — малограмотный «простой мужичок» из д. Бурлово.[75] Его секретарь — мальчик лет четырнадцати. Заведующий умеет ставить только свою подпись.

1 марта. Секретарь болеет вторую неделю, заведующий, «видимо, скучает бедняга, сидя как под арестом в своем отделе. И то вздыхает, то зевнет во все горло, то остановится на пороге и смотрит на нас, и слушает, с добродушно-поощрительной улыбкой. Эта новая должность, видимо, тяготит его, как докучная обуза, от которой он не нашел еще средства избавиться. "Газетки бы мне старенькой покурить!" — застенчиво признается он, под конец».

3 марта (запись после 5 марта). Новости о Ф. О. Княжевиче, сыне К. Ф. Княжевич: сумел выбраться во Францию.

Разговоры о назначении Жарова.

4 марта. Обсуждение нового назначения бывшего заведующего наробраза (около месяцев двух): «Изгнанный сельским (кошкинским) сходом, <Иван Кириллович> Жаров назначен *государственным контролером!* Как это объяснить? Виновный в нарушении законов (отбирал сено и лес у крестьян *для себя*) назначен *блюстителем законности!* Не для того ли, чтобы *подстать всем остальным* вершить ту же политику "коммунистического поравнения": набивать пустые карманы... *свои* и *своих*».

Крестьяне в открытую протестуют и отказываются выдавать семена для «коммунального» посева, поскольку понимают, что все семена разворовали исполкомцы.

5 марта. В Пскове обезоружен территориальный полк за то, что не пошел на усмирение восставших рабочих.

14 марта. Начало Великого поста: в Святогорском монастыре начались «чудесные» службы.

---

[74] Жуировать (*устар.*) — вести праздную, полную удовольствий жизнь.

[75] Деревня в Опочецком уезде, входит в состав Болгатовской волости.

20 марта. Поезда не будут ходить даже до Опочки из-за отсутствия топлива и транспорта. «Из Опочки прислано распоряжение: за пайками не ездить, получать их на месте, в кооперативе. А в кооперативе ничего нет. Библиотекари получили требование — к *концу марта* представить *февральский* отчет, с угрозой приостановить выдачу жалования и пайка. А *отчет послан в первых числах марта.* Третья бумага — напоминает о *желательности* празднования дня Парижской Коммуны (18 марта), с чтением о ней — получена *на другой день* самого празднования (19 марта)».

Один из рабочих при Святогорском монастыре, командированных Комитетом труда в Чесменскую богадельню, вернулся обратно «за неимением работы и продовольствия», там устроена рабочая мастерская «на коммунистических началах: двое рабочих и человек пятьдесят надзирателей над ними в канцелярии ("и все жиды"). На церкви вместо креста водрузили молот и серп».

22 марта. По рассказам Александра Тимофеевича: недавно Осип Семенов из Носова «плакался в исполкоме, что ему житья нет от деревенских парней. Поют озорные скверные песни про коммунистов и обзывают его "коммунистом", когда он "совсем не коммунист", и просит исключить его из тригорской рабочей артели, а на двери своей просит разрешить ему поместить объявление о выходе своем из партии коммунистов».

6 апреля. В. В. Философов[76] разыскивает В. В. Тимофееву: его открытка пришла с запросом о. Василию Черепнину, в Воронич с запросом о судьбе ее и села Михайловского.

7 апреля. На праздничной службе после всенощной «невыносимая давка и все время снующая взад и вперед толпа зевак и любителей праздничных зрелищ и крестных ходов». Тимофеева не выстояла обедни.

8 апреля. Проталиан Владимирович Вяхирев, полковник штаба топографов, и его жена Матильда Николаевна, помогают Тимофеевой дровами, продуктами, вниманием, т. е. помогают выживать (в течение всей зимы и весны).

«Новые буквари коммунистов для ликвидации безграмотных с наглядным выражением новых основ РСФСР (на тему крушения старого мира и нарождения нового) встречаются населением неприязненно. Дети с неудовольствием отворачиваются. Взрослые глядят на них с неохотой или прямо оплевываются». Учительницы вынуждены обучать по старым учебникам.

---

[76] *Философов Владимир Владимирович* (1857—1929) — с конца XIX века губернский предводитель псковского дворянства. По его инициативе на собранные по подписке средства у младшего сына Пушкина была приобретена в общественную пользу усадьба Михайловское с целью открытия в ней «какого-либо благотворительного учреждения». Почетный попечитель Михайловского и колонии для престарелых литераторов им. А. С. Пушкина.

В библиотеке частые просьбы «дать таких книжек, где бы про старую жизнь нашу писано...».

13 апреля. В Петрограде расстреливают матросов. В Опочке — аресты и обыски. Шпионы вокруг. Все говорят только шепотом на ухо.

24 апреля. Анну Дмитриевну Шелгунову Педагогическая школа пригласила в Святые Горы для преподавания уроков музыки и французского языка. Она согласилась, «но исполком грозит "казенной квартирой" — арестом и высылкой "бывшей помещицы"; и, вероятно, она не приедет».

25 апреля. Началась Страстная неделя. Бывший дьякон («сегодняшний иерей») читал Евангелие «себе под нос»: «Ни чувства, ни выражения, по обычаю».

6 мая. Вяхирева переводят в Ростов-на-Дону, его жена предлагает Тимофеевой переехать с ними: «дадут мне отдельную комнату и полный покой, и свободу для моих писаний... Что это: рука Господня или соблазны лукавого? Нет, от своей судьбы не уйдешь». Тимофеева отказывается.

8 мая. Тихон Федорович, «любимый учитель» Тимофеевой, застрелил из ревности Николая Ефимовича Алексеева, своего двоюродного брата, только что вступившего в должность заведующего наробраза. Это произошло «на гулянке» в д. Вече, где живет «предмет их общей страсти», учительница Лукашева.

12 мая. В библиотеку заходил профессор Н. И. Серебрянский, беседа Тимофеевой с ним о гонениях на интеллигенцию и ее настроениях.

Вечером виделась с убийцей-подсудимым и читала у судебного следователя его показания. Размышления Тихона о своем поступке.

16 мая. Тимофеева после прогулки в Михайловское, где ей попутно пришлось рассказывать двум приезжим интересующимся солдатам о роде Пушкина, констатирует: «Совсем зверята-дети, совсем тупые животные-взрослые. И все идут с громадными пучками сирени, которую рвут и бросают потом себе под ноги. Сирени в нынешнем году там гибель, но под кустами — свалка нечистот, отхожее место. Это наследие помещенной здесь трудовой артели».

Тимофеева, осознавая собственную беспомощность в делах по охране Пушкинского уголка, хочет уйти с председательской должности комиссии по его охране[77] и выйти из ее состава, но от Наробраза ей была послана «бумага с просьбой не оставлять комиссии».

---

[77] О сложности работы в Комиссии В. В. Тимофеева в конце 1921 г. писала: «Комиссией предприняты некоторые меры. Наняты сторожа, реставрирован Домик няни, подан проект о провозглашении Михайловского имения заповедным, сделано заявление Центротделу о высылке землемера для определения парков Тригорского и Михайловского с сохранением планов общих имений, намечены и некоторые другие мероприятия. Но одна комиссия не в состоянии осуществить

17 мая. «Опочецкий делопроизводитель Хватов, бывший совместитель двух квартир (одну — в Опочке, другую — у о. Михаила), явился сегодня с тремя милиционерами в запертую на замок квартиру (квартиранты ночью выехали в двухмесячный отпуск) и, сломав замок, вошел — чтобы занять помещение. Вот что значит быть родственником или "свояком" председателя исполкома. Батюшка с матушкой удручены и не смеют ничего сказать. *Собственности не существует!*»

«В отдел наробраза <...> назначен заведующим 15-летний мальчуган "Толя" (из монастырских служек, сирота), а секретарем к нему — такой же "подросток", сын дьякона, с которым председатель исполкома "самогон вместе курят". И в Опочке знают про это и молчат. <...> Начальник милиции (по фамилии Пушкин) и помощник его Собцов, и еще Вагин — в Захине — все попались в грабеже по *протоколам* реквизиции мебели, орудий, кожи и разных других предметов. Протоколы сжигались, и всякие следы потом исчезали, а отобранное имущество они перевозили к себе. <...> Вот член политпросвета (Фадеев) по отделу охраны памятников старины, приезжавший для расследования всех "дел" — простой приказчик какой-то лавки, развозивший по домам лимонад и развешивавший селедки, — без зазрения совести пытается что-то внушать, сообщать, назначать подведомых ему "деятелей" наробраза и других отделов для осмотра и подробного дознания. Побывали в Михайловском и нашли все "в отличном порядке". В Тригорском побывать "не успели" и послали вместо себя моего заместителя, Волкова, чтобы воспретить впуск скота в парк. А пускают в парк скот "хозяева", поселенные там коммунисты, которых поселил там не то земотдел, не то исполком. Разбирайте и действуйте!

Я затыкаю уши, закрываю глаза и молчу, но в душе волнуюсь и негодую. Жаль Пушкинского уголка!»

20 мая. Фадеев ездил в Михайловское «и нашел, что "все наврали" про беспорядки: "порубки сделаны *далеко*" (!?)... А ко мне опять приходили сторожа с жалобой на порубку крестьян *из Глазков* (за 5 верст!) и мудро решают: "Так и лесу ничего не останется — все уничтожат!" Везде и всюду вижу теперь эти повырубленные "Михайловские рощи". Не пойду я больше туда — одно мученье!»

своих целей, если само население в лице своих выборных представителей — будет оказывать противодействие. За невозможностью фактически охранять Михайловские рощи от бесконечных порубок, совершаемых и частными и служебными лицами, мне пришлось, скрепя сердце подать заявление в Культпросвет об освобождении меня от обязанности по охране памятников былых вдохновений» (*Тимофеева-Починковская В. В.* Среди памятников былых вдохновений: (письмо из с. Михайловского) // Вестник литературы. 1921. № 12. С. 17). На посту председателя Тимофееву сменил В. Ф. Волков (см.: *Бурченкова Р. В.* Из истории Пушкинского заповедника 1920-х годов // Михайловская пушкиниана. М., 1999. Вып. 2. С. 28—29).

24 мая. На вокзале станции Тригорская Тимофеева встретила группу учениц опочецкой школы 2-й ступени, ездивших на экскурсию в Петроград под руководством «*belle-mère* Никифоровского».[78]

25 мая. Тимофеева пытается разузнать подробности сноса часовни в д. Носово. Местная крестьянка Авдотья подробностей не знает, «говорят, снесли, когда усадьбу разоряли». Писательница отмечает парадоксальность «религиозного духа» народа: «Сегодня, должно быть, так называемое *Преполовение*.[79] День целый в колокола звонят. Вероятно, опять и крестный ход будет. И народу нашло и наехало отовсюду. Ну, а часовню все-таки разберут по кирпичику. Материала там на десятки тысяч. Майолика и мрамор в стенах. Не пощадили ничего — ни чувств, ни трудов, ни денежных жертв бывших "господ", наследников губернатора Шелгунова».[80]

25—26 мая. Экскурсия учителей и учительниц из Пскова. Среди них одна хорошо знакомая Тимофеевой, проживавшая в Михайловском в 1915 г. — Захарова Марья Степановна. Они навели порядок на площадке у памятника поэту и поинтересовались, что за могила некой «Нюни» находится рядом с могилой А. С. Пушкина.[81] Тимофеева пояснила, что никто толком не знает об этом, а все приезжие спрашивают о такой странности.

---

[78] Теща Никифоровского. В ноябре 1914 г. В. М. Никифоровский женился на *Наталье Яковлевне Якименко* (1891—1972). Имя матери жены установить не удалось.

[79] Преполовение Пятидесятницы, Преполовение Господне — христианский праздник, отмечаемый на 25-й день по Пасхе. Отмечается всеми Православными, а также Восточнокатолическими церквями византийского обряда

[80] *Шелгунов Павел Никанорович* (? — <после 1897?>) — минский губернатор в 1864—1868 гг., Могилевский губернатор в 1868—1870 гг., генерал-майор. Друзья и соседи родителей А. С. Пушкина Шелгуновы, владельцы усадьбы Дериглазово, куда после отставки переехал и П. Н. Шелгунов, значительные вклады делали в строительство окрестных церквей и часовен. Так, известно, что в 1869 г. в церкви Воскресения Христова в д. Дериглазово на средства помещика генерала Шелгунова был устроен новый иконостас (см.: Храмы и монастырь Опочецкого уезда Псковской губернии // Псковский паломник. Псков, 2013. Вып. 5. С. 72).

[81] Могила неизвестной. Эта могила упоминалась только в альбоме «Пушкинский уголок» (1899), составители которого писатель В. П. Острогорский и академик В. М. Максимов подробно описали место захоронения Пушкина в монастыре: «Рядом с могилой поэта, слева, ветхая плита с почти стершеюся надписью над могилой деда Пушкина, Осипа Абрамовича Ганнибала. <...> Рядом с Ганнибалом маленький новый каменный крестик с надписью: *Нюня* — умерла 8 июля 1889 г., а за "Нюней", у самого уже обрыва, древняя, совсем покосившаяся плита над бабушкой Пушкина, Марьей Алексеевной» (*Острогорский В. П.* Альбом «Пушкинский уголок». М.: изд. худож. фототипии К. А. Фишер, 1899. С. 100). Помимо этого захоронения рядом с семейным кладбищем Ганнибалов-Пушкиных также находились могилы М. А. Карповой и Шарлотты (Елизаветы) Егоровны Карповой (матери П. Ф. Карпова), появившиеся во время попечительства этого местного земского начальника. Данные сведения взяты из дневника Тимофеевой «Шесть лет в Михайловском» и из 3-го тома послереволюционного дневника.

Вечером, когда Тимофеева пришла к могиле поэта читать им свой реферат «Судьба и гений Пушкина», они показали ей убранный в кусты памятник «Нюни», от которого оставили только табличку рядом.

На следующий день перед отъездом экскурсанты пожелали после вечерни отслужить панихиду: отслужил о. Исаак.

28 мая. У Тимофеевой новая обязанность — читать сказки в Детском саду за обеды, которые здесь получает.

30 мая. Уехали Вяхиревы: «И такое чувство — точно все доброе и хорошее ушло из моей жизни».

2 июня. Тимофеева последние месяцы почти постоянно болеет из-за плохой пищи, сырости и холода в библиотеке. Переписывает статью о «Культуре и памятниках былых вдохновений» для журнала эсперантистов «по религиозным вопросам», «но перо выпадает из рук и глаза закрываются от слабости..... <...>. Под вечер пробралась-таки в лес с книжкой ("Записки Якушкина")[82] — и выздоровела!»

4 июня. Экскурсанты из Павловского института благородных девиц (Петроград) с несколькими преподавателями. По совету Тимофеевой, преподаватели предложили ученицам не участвовать при служении панихиды, но большинство остались: «Все отстояли панихиду у памятника, кроме двух или трех, отошедших в сторону (вероятно — из коммунисток). Преподаватели крестились и опустились на колени при пении "Вечной памяти"».

6 июня. «Постоянная сутолока с этими экскурсиями, мелькание новых, малоинтересных, но неизбежных лиц, все время в толпе, в разговорах, *на людях* — не моя это жизнь». Тимофеева жаждет уединения для спокойной работы.

9 июня. Краткая лития на могиле А. С. Пушкина, экскурсия в Михайловское с докторами из Новоржева и А. Н. Скарлато.[83] Из их разговоров: «Ничего впереди нельзя лучшего ожидать от этих "опытов" на живом теле. Крестьянство не привыкло думать. Интеллигенция слишком разрозненна и, следовательно, слаба»

14 июня. «Праздник Интернационала важнее или *страшнее* здесь воскресенья: *не*празднующие — заподозренные контрреволюционеры».

Тимофеевой встретился поломавшийся в дороге шарабан (бывший ранее у Пальмовых) с «реквизированной» где-то мебелью. По словам крестьянки, «коммунисты теперь поделались господами!»

18 июня. Накануне Троицы. Церковь пустеет: «Народу было мало. Монахи все старенькие, *отживающие* тут свои последние дни. Крестьяне тоже все пожилые».

---

[82] Вероятно, речь идет о третьем издании «Записок И. Д. Якушкина», выпущенном типографией Товарищества «Общественная польза» (М., 1905). «Записки» являются одним из самых интересных и ярких документов по истории восстания декабристов и распространения масонства в русской армии.

[83] *Скарлато Александр Николаевич* (1884 — после 1964) — моряк, судоиспытатель, отец О. А. Скарлато (1920—1994), зоолога и гидробиолога, академика РАН.

«Памятник сверху донизу увешан ветками и венками — приношениями экскурсий. Остановилась, стою — как у *родной* могилы, у милого *прошлого*. <...> Хорошо, что я здесь, возле Пушкина. Тут и умру».

Тимофееву знают все в округе: дети, монахи, крестьяне.

Монахов теснят и разоряют: «учителя, инструкторы и экономы отобрали все, что могли: и сад, и кладовые, и "лишних" коров, и даже колокол, сзывающий на трапезу, хотели отнять пожарные. Монахов (и вообще духовенство) называют "трутнями". Но ведь богослужение, церковные обряды — труд и, может быть, еще более тягостный и тяжелый, чем земледелие и все другие виды и отрасли мускульной работы, особенно теперь, когда из фабричного, рабочего и крестьянина создают что-то вроде кумиров и раболепствуют перед ними, как перед заправскими властелинами всей страны!»

21 июня. Тимофеева «навещала» дорогие ей места: «С тех пор, как побывала в Михайловском, в Тригорском и Вороничe, я точно *выздоровела духом, вернулась в самое себя*. <...> Никаких цветов уже не видать ни на Городище, ни в парке Тригорского. Свиньи нарыли ям под чудными деревами. Один из прудов весь затянуло тиной, как болото. Скамейки все до одной исчезли. Не оставили даже скамьи под знаменитой "Пушкинской" елью».

Тимофеева встретила там Ф. М. Беляева (бывшего лакея) и рассказала ему о сохранившемся портрете Евпраксии Николаевны Вульф, висящем теперь в библиотеке, «он обрадовался чуть не до слез. А потом вспомнил, как разыскивал портрет Софьи Борисовны и нашел только клочья его в избе у какого-то мужика».

«Учитель II ступени Екшурский и "словесница из гдовской II-ой ступени". Объяснения "Пушкинского уголка"...»

А. Т. Смирнов: «На кустарной выставке во Пскове <...> украли сапоги и обрезали выставленные образцы кож. "Что они нас дрязнят, что ли! — говорили на выставке. — Мы разутые ходим, а они сапоги за нас выставляют!"»

«Тихон-убивец (см. выше) разгуливает на свободе с веселым лицом и танцует на вечеринке в Депо. Вообще, по виду — как ни в чем не бывало. И это одобряется некоторыми товарищами из учителей и учительниц. "Что это за угрызения совести? Зачем? Пустяки какие! Не признаю!" — говорит наша кокоринская "суфражистка" (Анастасия Михайловна)».

26 июня. Из разговора Тимофеевой с крестьянкой:

— ...Вы тут главнеющие.

— С чего вы это взяли, милая? Я служу в библиотеке и получаю обыкновенный паек, совсем небольшой.

— Так что же! Все-таки знаем про вас...

Фельшерица Е. Д. Волкович, которая также особо опекала Тимофееву, жалуется, что мужики грубо относятся к медицинскому персоналу, считая врачей «буржуями» и слугами «их величеств» — *народа*!

А они зависят «всецело теперь от подачек и “гостинцев”, — и это называется теперь вместо “жалованья” — “самообложение”».[84]

27 июня. Рассуждение Тимофеевой о судьбах священничества в современных обстоятельствах,[85] она отмечает зависимость многих от собственничества и приходит к выводу: «Монастыри — настоящие, истинные хранители церковных наследий — нужны теперь, может быть, больше, чем прежде. С подвижниками, с обличительной безбоязненной проповедью, с реформацией всего обиходного быта, с поднятием умственной образованности, с чистотой, целомудрием нравов... Нужны *отповеди* верующих на современные рокотанья, глумления и безверие. Нужна *другая совсем религия*».

Общается со слепым монахом о. Владимиром (Дубровским), читает ему свои работы о философе А. А. Козлове и архимандрите Михаиле («Запрещенный апостол»).[86]

1 июля (в записи от 22 июня). «В “девятник” при крестном ходе мне указали девицу в пальто вишневого плюша с тисненным крестом на груди и спине. Очевидно, снято с аналоя или с иерейской ризы».

14 июля. Жизнь «без наслаждения и без надежд. И не вспоминается ни о чем. Много читаю, много говорю. Все на людях, все за едой, ради еды...» Многие ей сочувствуют как «пострадавшей» из Зуева, помогают продуктами или продают дешевле, чем остальным.

«В исполком теперь без самогонки лучше и не ходи. Ничего не добьешься. Сенокосы распределяются за самогон, свинину, масло и яйца. Хлебом завалены — не берут. Сенокосы получают *на мертвые души*, на заведомо убитых, умерших в плену или только что народившихся, новокрещеных младенцев. А у других не хватает на целую семью. <...> С сегодняшнего дня только и слышатся ахи да вздохи за новый железнодорожный тариф: *10 тысяч 800* — до Опочки, *38 тысяч* — до Пскова, *140 тысяч* — до Петрограда... Во Пскове и в Опочке 1 фунт мыла — 17—18 тысяч... Все это похоже на сновидения тифозных больных. <...> Умерщвляется самая *мысль* о движении, сообщении, отнимается вся-

---

[84] В газете «Красный Порхов» была напечатана заметка, с осуждающим заголовком «Обирала», посвященная данной проблеме, где фельдшер представлен как злостный вымогатель, получающий к тому же лишний незаконный паек. Анонимная заметка заканчивается характерным призывом: «Здравотдел, умерь аппетит лекаря, а Продком очнись!» (1920. 1 дек. № 76. С. 2).

[85] В газетах регулярно выходили статьи, где коммунисты изобличали попов не только в «одурачении» народа, но и порочили даже обычные, человеческие потребности священников. Заявлялось, например, что «поп блюдет только интересы своего желудка», комментируя факт сбора местными жителями 83-х пудов ржи для батюшки, который от голода уже не мог служить в своем приходе. Высказывалось сожаление о том, что этот хлеб мог быть передан в пользу Красной армии (Красный Порхов. 1920. 3 нояб. № 68. С. 2). Учитывая такую компрометирующую разноголосицу, Тимофеева приходит к мысли, что на переломе эпох как никогда возрастает роль монастырей как носителей истинной веры.

[86] Воспоминания не опубликованы.

кая надежда на возможность переезда, свидания с близкими, исчезает всякая *перспектива*... <...> Говорят, это — война с спекуляцией *на хлеб*... А на самом деле выходит порабощение всех и каждого...»

26—27 июля. Александр Тимофеевич собирается в Петроград, «надеется поступить в городскую лавку приказчиком, и рассказывает, как это *выгодно*.

— Никогда не бывает провеса. Известно, что гири торговые меньше аптекарских (!). Фунт всегда равняется 3/4 или около того. В остатке ежедневно фунтов 20, которые делятся между всеми торгующими и уносятся домой. Кроме того, ежедневный отпуск по карточкам на отсутствующих — в отъезде или бывших красноармейцев — остается целиком в пользу кооператива и тоже делится между членами. Таким образом, все обеспечены продуктами и живут припеваючи.

— Но ведь это неправильно, — заметила я, — и с этим надо бороться как с общественным злом.

— А куда же девать эти излишки? Если возвращать их в заготконтору, там все равно их раскрадут. Теперь борьба за существование. Всякий спешит урвать где что можно...

Так рассуждает человек, слывущий за "единственно порядочного" во всей слободе. Что же остается сказать о других?

Учителя 2-й ступени (Никифоровский, Русин, Екшурский) работают на покосах с раннего утра. Я им завидую: они *живут*...»

29 июля. *«23 копейки английских равняются 10-ти тысячам советских*. Так пишется теперь наша история. А в раскрытые окна несутся ароматы сжатых полей и лугов и бубенчики свадебных поездов. *Le roi est mort, vive le roi!* Какое дело *жизни* до истории *умершей* России! Жизнь делает свое дело: она творит новую жизнь. <...>

Хочется думать, читать и писать *свое*, а надо идти в Детский сад читать детям сказки. Но я полюбила ребят, и они так мило, по-детски жмутся ко мне и напрашиваются на ласку.

31 июля. «Вот сегодня нашла у себя (в Евангелии) подчеркнутое *еще в 1917 г. в январе*: "Смотрите, братия, чтобы кто не увлек вас философиею и пустым обольщением, по преданию человеческому, по *стихиям мира, а не по Христу*. Ибо в Нем обитает вся полнота Божества телесно..." Мир стихийный "есть *тень будущего*, а *тело во Христе*. Ибо вы умерли, и жизнь ваша сокрыта со Христом в Боге"».[87]

Библиографический список

1. *Бурченкова Р. В.* Рождение Заповедника // Псков. 1998. № 9.
2. *Бурченкова Р. В.* Из истории Пушкинского заповедника 1920-х годов // Михайловская пушкиниана. М., 1999. Вып. 2.

[87] Из «Послания Святого Апостола Павла к Колосянам»: «Предостережение от увлечения обольщением» (Кол. 2: 8—19; 3: 3).

3. *Кощиенко И. В.* Революционное Михайловское глазами В. В. Тимофеевой // Русская литература. 2017. № 3.
4. *Иванов Е. П., Колосова И. О., Колотилова С. И.* Псковский край в истории России. 2-е изд., испр. и доп. Псков: Изд-во Псковского обл. ин-та повышения квалификации работников образования, 2001.
5. *Острогорский В. П.* Альбом «Пушкинский уголок». М.: Изд. худож. фототипии К. А. Фишер, 1899.
6. Храмы и монастырь Опочецкого уезда Псковской губернии // Псковский паломник. Псков, 2013. Вып. 5.
7. *Тимофеева-Починковская В. В.* Среди памятников былых вдохновений: (письмо из с. Михайловского) // Вестник литературы. 1921. № 12.
8. *Ульянский А. И.* Няня Пушкина. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1940.
9. *Фролова Л. А.* История пожарного дела Опочецкого уезда // Псков. 2005. № 23.
10. *Богомазов Н. И.* Полк внутренней охраны Петрограда в 1918—1919 гг.: особенности формирования и переход на сторону белых // Вестник СПбГУ. 2011. Вып. 2.

DOI: 10.31860/978-5-918680-384-269-297

ПЕРЕПИСКА Ю. Д. ЛЕВИНА И К. И. ЧУКОВСКОГО

(Вступительная статья, подготовка текста и комментарии Н. Д. Кочетковой)

Аннотация: Публикуемая переписка Ю. Д. Левина с К. И. Чуковским, а также дополняющие ее материалы содержат новые сведения об альбоме, принадлежавшем Д. С. Левину и включавшем записи и рисунки писателей и художников, связанных с издательством «Всемирная литература», основанным М. Горьким. В ходе переписки, длившейся с 1959 по 1969 г., выявилось много общих научных интересов ее участников (творчество Н. А. Некрасова; проблемы художественного перевода; Шекспир в России и др.). Корреспонденты делились планами, обменивались вышедшими из печати своими книгами и статьями.

Ключевые слова: Ю. Д. Левин, К. И. Чуковский, альбом Д. С. Левина, творчество Н. А. Некрасова, проблемы художественного перевода, Шекспир в России.

Abstract: This publication deals with the correspondence of Ju. D. Levin and K. I. Chukovskij (1959—1969). Some letters are connected with the history of the of D. S. Levin's album. The others letters demonstrate the common scientific interests of both authors: N. A. Nekrasov's work, problems of literary translation, Shakespear' perception in Russia.

Keywords: Ju. D. Levin, K. I. Chukovskij, D. S. Levin's album, N. A. Nekrasov's work, problems of literary translation, Shakespear in Russia.

Первое знакомство Юрия Давидовича Левина (1920—2006) с Корнеем Ивановичем Чуковским (1882—1969) произошло в 1937 г. Об этом сохранился рассказ Ю. Д. Левина в «Послесловии» к публикации «фантастической повести» «Дантес выстрелил», написанной на рубеже 1936—1937 гг. тремя школьниками: Борисом Пинесом, Юрием Левиным и Исайей Френкелем, десятиклассниками 15-й школы Дзержинского района Ленинграда.[1] Повесть создавалась в период широкой подготовки к памятной дате — столетию со дня смерти Пушкина. В ходе этой подготовки среди множества мероприятий и выступлений были и неудачные, грешившие откровенной вульгаризацией, которую

[1] *Пинес Б., Левин Ю., Френкель И.* Дантес выстрелил: фантастическая повесть // Звезда. 1994. № 8. С. 194—207. Ранее, 12 дек. 1992 г., Ю. Д. Левин выступал с чтением этой повести во Всероссийском музее А. С. Пушкина.

© Кочеткова Н. Д., 2023

школьники и решили осмеять «с юношеским бесстрашием».[2] В их повести Пушкин оживает и с удивлением слушает речи о себе, присутствует на посвященных ему конференциях и торжественных банкетах. Чуковский, посетивший школу, с интересом отнесся к этой повести, которую ему показали авторы, и взял рукопись с собой в Москву. В газете «Правда» от 13 февр. 1937 г. он опубликовал статью «Племя младое», где с большим одобрением отозвался о повести, хотя и не назвал имен авторов, которые не указали в рукописи своих фамилий. Чуковский писал: «Сами школьники поняли, благодаря длительному и плодотворному общению с Пушкиным, всю лживость метода вульгарных социологов. <...> Эта школьная сатира — урок для педагогов и критиков: если уж сами школьники заявляют протест против такого опошления Пушкина, значит, можно надеяться, что вульгарному социологизму действительно близок конец».[3] Академик Н. П. Горбунов, которому Чуковский показал повесть, предлагал ее напечатать, но публикация так и не состоялась, поскольку критики нашли, что в повести «нет ничего положительного». Юные авторы стали дописывать новые главки и читали их Чуковскому, когда он снова приехал в Ленинград и пригласил их к себе домой. Но публикация так и не состоялась. Юрий Давидович вспоминал сказанную Чуковским фразу: «Вы знаете, я много в жизни писал и каждый раз убеждался: вычеркнешь — станет лучше».[4]

Через двадцать с лишним лет, когда Юрий Давидович работал в Пушкинском Доме, началась его переписка с Чуковским, связанная с историей замечательного альбома, который возник в 1919—1925 гг. благодаря отцу Юрия Давидовича Левина — Давиду Самуиловичу Левину. Этот альбом, хранящийся ныне в Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН в фонде Ю. Д. Левина (ф. 840), неоднократно привлекал внимание исследователей, изучавших деятельность писателей, публиковавших свои произведения в основанном А. М. Горьким издательстве «Всемирная литература». Публикация материалов альбома (как записей, так и рисунков) была осуществлена Д. М. Климовой.[5] В этой публикации подробно прослежена история альбома и тщательно прокомментированы содержащиеся в нем материалы: «В комментариях к каждой записи приводятся краткие сведения об авторе, далее указываются первые публикации текстов как альбомных инскриптов, затем наиболее значимые пере-

---

[2] *Левин Ю. Д.* Послесловие // *Пинес Б., Левин Ю., Френкель И.* Дантес выстрелил: фантастическая повесть. С. 205.

[3] Там же. С. 206.

[4] Там же. С. 207.

[5] См.: Альбом Д. С. Левина как элемент литературного быта Петрограда в первые годы советской власти / публ. Д. М. Климовой // Ежегодник Рукописного Отдела Пушкинского Дома на 2005—2006 годы. СПб.: Дмитрий Буланин, 2009. С. 756—796. Далее сокращенно: Ежегодник, 2009.

печатки (как правило, имеющие разночтения). Библиографические данные приводятся с возможной полнотой, включая имена составителей, текстологов, комментаторов и названия издательств. Это особенно важно в тех случаях, когда тексты и комментарии разных изданий дополняют или противоречат друг другу. В заключение поясняются имена упомянутых лиц, а также малоизвестные слова и реалии».[6] Об одном из рисунков из альбома Д. С. Левина Д. М. Климова пишет: «До сих пор не опубликован любопытный рисунок, помеченный 1923 г., с нерасшифрованной пока подписью. Атрибуция его впереди, а до того выставочная этикетка под ним могла гласить: “Неизвестная за самоваром с кошкой”».[7]

Между тем публикуемое в «Приложении» письмо Ю. Д. Левина от 18 марта 1991 г. Е. Ю. Гениевой (?) по поводу факсимильного воспроизведения альбома[8] помогает определить автора этого рисунка. Это Яков (Жан) Абрамович Шапиро (1897—1972) — художник и писатель.[9]

Хотя факсимильное издание альбома Д. С. Левина так и не состоялось, письмо Юрия Давидовича — еще одно из свидетельств того, как он дорожил и этим альбомом, и памятью о своем отце.

Важным источником, использованным в комментарии Д. М. Климовой, была статья Ю. Д. Левина «Поэты о дровах», в которой он сообщал о своем отце: «Хозяйственно-техническим отделом издательства заведовал Давид Самуилович Левин (1891—1928). К тому времени за плечами 27-летнего молодого человека были студенческие годы в Германии, затем участие в Первой мировой войне, когда он служил в русской армии вольноопределяющимся-артиллеристом. Демобилизованный по контузии, он начал работать в редакции газеты “Новая жизнь”. Именно здесь на него обратил внимание Горький и привлек к участию во “Всемирной литературе”. В морозную зиму 1919/1920 года важнейшим делом Д. С. Левина было обеспечение издательства и “всемирных литераторов” дровами. Именно в ту зиму и возник альбом, основой которого стали дрова».[10] Статья сопровождалась воспроизведением служебного удостоверения с фотографией Д. С. Левина, а также его экслибриса. Давид Самуилович был человеком очень начитанным, ценившим книги и обладавшим очень хорошей библиотекой.

---

[6] Там же. С. 778.

[7] Там же. С. 777.

[8] Письмо адресовано Екатерине Юрьевне.

[9] Я. А. Шапиро в 1919 г. руководил рисовальной школой в Екатеринославе. В начале 1920-х гг. перебрался в Петроград, работал декоратором: оформлял постановки К. С. Станиславского и В. Э. Мейерхольда. В 1925 г. уехал в Париж, там стал обитателем колонии художников «La Ruche» («Улей»), где жили и работали А. Модильяни, П. Пикассо, М. Шагал и др. Сотрудничал с С. П. Дягилевым. В 1930—1940-е гг. состоялись персональные выставки Я. А. Шапиро.

[10] *Левин Ю. Д.* Поэты о дровах // Прометей: историко-биографический альманах. М.: Молодая гвардия, 1967. Т. 4. С. 415.

Писатели и художники издательства «Всемирная литература» охотно откликнулись на его предложение что-то написать или нарисовать: на страницах альбома завязалась даже шуточная переписка, имеющая несомненный историко-литературный интерес. С 1923 г. Д. С. Левин возглавлял Северо-западное отделение издательства «Гудок», и в выходившем при нем журнале «Смехач» традиция «дровяного альбома» получила некоторое продолжение.[11] В статье Ю. Д. Левина были опубликованы тексты значительной части альбомных записей: стихи Н. О. Лернера, А. А. Блока, К. И. Чуковского, Н. А. Оцупа, А. В. Амфитеатрова, М. А. Кузмина, И. К. Пруткова (псевдоним Б. В. Жирковича), А. д'Актиля (псевдоним А. А. Френкеля); запись в прозе Ф. Д. Батюшкова, а также воспроизведены рисунки Ю. П. Анненкова и Н. Э. Радлова. В то время, когда публиковалась эта статья, имена Н. С. Гумилева и Ф. К. Сологуба были еще под запретом, и лишь в 1996 г. Ю. Д. Левин смог напечатать и их тексты.[12]

К. И. Чуковский впервые рассказал об истории этого альбома в своей книге «Из воспоминаний» (М., 1959), но в этой публикации допустил ряд неточностей, что в результате могло быть неверно истолковано, поскольку Д. С. Левин был назван «неким хозяйственником». Юрий Давидович обратился к Чуковскому, подробно излагая известные ему факты, чтобы достойно защитить честь своего отца. Замечательно, что Чуковский не только не стал вступать в спор, не оставил письмо без внимания, но тотчас ответил, проявив и понимание, и обещание исправить ситуацию. Он это сделал при новом, 2-м издании своих воспоминаний в книге «Люди и книги» (М., 1960), и во все последующие издания вошел уже следующий текст: «Один из технических работников "Всемирной" Д. С. Левин, очень милый молодой человек, каким-то чудом добывавший для нас, "всемирных литераторов", дрова, однажды обратился к Александру Александровичу с просьбой написать в его альбом какой-нибудь стихотворный экспромт. Блок тотчас же исполнил его просьбу. С такой же просьбой Левин обратился к Гумилеву. Гумилев тоже написал несколько строк. Очередь дошла до меня, и я, разыгрывая из себя моралиста, обратился к поэтам с шутливым посланием, исполненным наигранного гражданского пафоса <...>».[13] Далее Чуковский цитировал свое стихотворение («За жалкие корявые поленья...») и ряд других, не только помещенных в альбоме, но и тех, которые были связаны с этой шутливой полемикой.

Рассказ о Д. С. Левине и его альбоме уже в исправленном виде был приведен также в рукописном журнале Чуковского «Чукоккала», издан-

[11] *Левин Ю. Д.* Поэты о дровах. С. 420.

[12] *Левин Ю. Д.* Николай Гумилев и Федор Сологуб о дровах // Труды Отдела древнерусской литературы. СПб.: Дмитрий Буланин, 1996. Т. 50. С. 646—648.

[13] *Чуковский К.* 1) Люди и книги. 2-е изд., доп. М.: Гослитиздат, 1960; 2) Собр. соч.: в 6 т. М.: Художественная литература, 1965. Т. 2: Современники. С. 300.

ном факсимильным способом,[14] а также в его «Дневнике», опубликованном и прокомментированном внучкой писателя Е. Ц. Чуковской.[15]

Найдя взаимопонимание у К. И. Чуковского, Ю. Д. Левин послал ему одну из своих работ о Некрасове, и это стало началом их обсуждения интересовавших обоих корреспондентов историко-литературных вопросов, а затем и проблем художественного перевода. Эта переписка продолжалась до 1969 г. (28 окт. 1969 г. К. И. Чуковский скончался).

Обмен письмами между Ю. Д. Левиным и внучкой К. И. Чуковского Еленой Цезаревной Чуковской (1931—2015), дочерью Лидии Корнеевны Чуковской и Цезаря Самойловича Вольпе, произошел в 1991 г. Е. Ц. Чуковская по решению деда унаследовала права на творческое наследие К. И. Чуковского. Она помогала ему в работе над рукописным альманахом «Чукоккала», много лет тщательно работала над архивом своего деда, и ее, очевидно, заинтересовала эта переписка. Ю. Д. Левин, со своей стороны, внимательно знакомясь с текстами «Дневника» Чуковского и «Чукоккалы», счел нужным сообщить Е. Ц. Чуковской о некоторых своих уточнениях.

ПЕРЕПИСКА Ю. Д. ЛЕВИНА С К. И. ЧУКОВСКИМ

1

Ю. Д. Левин — К. И. Чуковскому.
11 ноября 1959. Ленинград[1]

Многоуважаемый Корней Иванович!

Вынужден обеспокоить Вас вследствие крайне неприятного для меня недоразумения.

В последнем издании Вашей книги «Из воспоминаний» («Советский писатель», М., 1959) в воспоминаниях об Александре Блоке Вы рассказываете о том, как Блок написал экспромт в «альбомчик» «некоего хозяйственника, по фамилии Левин, служившего у нас во «Всемирной» (стр. 4). Я сын этого Левина и мне было очень тягостно читать строки, в которых мой отец изображен в виде какого-то мало чистоплотного дельца. Правда, Вы не употребляете таких слов, характеризуя его, но Вы слишком опытный стилист, чтобы не понимать, какое впечатление на читателя произведут выражения «некий», «помочь в добывании», «услуга за услугу!» и т. д.

---

[14] Чукоккала. М.: Искусство, 1979. С. 215—220.

[15] Дневник К. И. Чуковского / подгот. текста и коммент. Е. Ц. Чуковской. М.: Советский писатель, 1991. В комментариях на с. 487 упоминалось письмо Ю. Д. Левина, написанное после выхода книги Чуковского «Из воспоминаний» (1959) и сообщалось, что это письмо и приложенная к письму статья «Поэты о дровах» хранятся в архиве Чуковского (ОР РГБ, ф. 620; карт. 66, ед. хр. 81).

То, что память об отце дорога для сына, — дело обыкновенное, и я не стал бы писать Вам об этом, если бы написанное Вами соответствовало действительности. Но я смею утверждать, что Вы, по какой-то причине, исказили факты. Хочется думать, что это только результат ошибки Вашей памяти.

Я еще не родился, когда Блок писал стихи моему отцу,[2] и кроме Вас, сейчас уже нет в живых людей, оставивших свои записи в альбоме Д. С. Левина. Поэтому мне придется ссылаться не на воспоминания, а на документальные данные.

Давид Самойлович Левин (1891—1928) был не «неким хозяйственником», а заведующим хозяйственным отделом издательства «Всемирная литература», о чем свидетельствует выданное ему за подписью М. Горького удостоверение от 22 июня 1921 г. № 2339.[3] Слово «некий» выглядит тем более странным в Ваших устах, что Вы его хорошо знали. После его смерти в его столе были найдены негативы любительских фотографий одного из Ваших сыновей, которые моя мать[4] передала Вам. А в 1931 г. Вы подарили его осиротевшей семье[5] переведенную Вами книгу «Сказок» Р. Киплинга с надписью: «Любящий Вас К. Чуковский».

Теперь о дровах. Обеспечение сотрудников «Всемирной литературы» дровами, равно как и удовлетворение их прочих бытовых нужд, являлось служебной обязанностью Д. С. Левина. В этом отношении он помогал А. М. Горькому, деятельность которого по спасению литературной интеллигенции в голодном Петрограде Вы так живо описали на стр. 204—205 Вашей книги.[6] Конечно, современному читателю, особенно молодому, может показаться странным, что хозяйственник, находящийся на государственной службе, достает дрова для личных нужд писателя, и поэтому действия Левина в Вашем изложении наводит на мысль о каких-то своекорыстных махинациях. Но Вы-то знаете, как тогда обстояло дело. Все усилия хозяйственника были направлены на то, чтобы в условиях голода и разрухи добыть какие-то крохи и тем обеспечить жизнь и работоспособность писателей.

Позволю себе процитировать одну запись из альбома Д. С. Левина (кстати сказать, это отнюдь не «альбомчик»; его размеры 21 × 14 см, толщина 3 см; вряд ли его можно было «извлечь из кармана»):

«Вашим заботам, многоуважаемый Давид Самойлович, мы обязаны тем, что члены редакторской коллегии “Всемирн<ой> Лит<ературы>” становятся людьми работоспособными, людьми, могущими выявить свои духовные свойства, не происходящие от “еды”; но обусловленные, чтобы обнаружиться, всем необходимым для мало-мальски сносного существования. Великое Вам спасибо. Ф. Батюшков.[7] 17 февраля 1920 г.».

О том, что Д. С. Левин должен был доставать дрова для сотрудников, свидетельствует и шутливый упрек, которым начинается одно из стихотворений в альбоме:

«Левин, Левин, ты суров,
Мы без дров...»[8]

Что же касается Блока, то он, видимо, был расположен к моему отцу, тогда еще молодому человеку и в мае 1919 г. (стихотворение о дровах датируется 21 ноября 1919 г.) подарил ему «на добрую память» 4-е издание своих «Стихотворений» (Пб., 1918). И если уж Вы упомянули Левина в воспоминаниях о Блоке, то было бы уместно вспомнить также (а Вы этого не могли не знать), что после смерти Александра Александровича мой отец с огромными трудностями достал гипс, благодаря чему только и удалось снять маску с лица умершего поэта.

Еще одно уточнение, Я не знаю, когда и по какому поводу Вы написали шуточную инвективу в адрес Блока, которая приведена на стр. 404—405,[9] но в альбом Д. С. Левина, когда, по Вашему выражению, «очередь дошла» до Вас, Вы написали нечто иное.[10] Поэтому Ваше объяснение к стихотворению Блока «Чуковскому» («Нет, клянусь, довольно Роза...»)[11] не вполне правильно: Вам, а не Блоку принадлежала подмена «романтической розы» «тучной торговкой» Розой Васильевной; Блок только отвечал Вам. Позволю себе напомнить Вам Ваше стихотворение:

«О Розе (Васильевне)
(По прочтении стихов Гумилева и Блока,
написанных в этом альбоме)

О, милые поэты!
Ужель не стыдно Вам
Фабриковать куплеты,
И оды, и сонеты
Березовым дровам?
А я, презревши прозу, —
Подобно соловью —
Не жалкую березу,
Но сладостную Розу
Влюбленно воспою.

Царица благовоний,
О, Роза без шипов!
К тебе и Блок, и Кони[12]
И Браун,[13]
И Гидони,[14]
И я, и Гумилев,

И Горький, и Волынский,
И пламенный Оцуп,
И Гржебин,[15] и Лозинский,[16]
И даже Сологуб —

Мы все к тебе толпою
Летим, как мотыльки,

Открывши пред тобою
Сердца и кошельки.

Твое благоуханье
Кого не приманит?
И кто из заседанья
К тебе не убежит?

О, этот дивный запах,
Его забуду ль я?
В его нежнейших лапах
Досель душа моя.

То запах керосина
И мыла, и колбас,
В том запахе свинина
С селедкою слилась!

То запах шоколада,
Грибов и папирос... —
Вот нынешнего сада
Сладчайшая из роз!

К. Чуковский
Декабрь 1919.

Примечание: Роза Васильевна — Наркомпрод Вселита».

Заканчиваю свое затянувшееся письмо. Ввиду того, что Ваша книга, изданная 150-тысячным тиражом, получила самое широкое распространение, я просил бы Вас выступить в печати с уточнением Ваших воспоминаний в части, касающейся моего отца, потому что в настоящем их виде они бросают незаслуженную тень на его память.

Жду Вашего ответа.

С уважением
Левин Юрий Давидович,
Кандидат филологических наук,
Научный сотрудник Института
Русской литературы АН СССР.
Ленинград Д—28, Моховая 36, кв. 10.

---

[1] Это письмо хранится в архиве К. И. Чуковского (ОР РГБ. Ф. 620, карт. 66, ед. хр. 81 (см. коммент. Е. Ц. Чуковской к «Дневнику» Чуковского. С. 487)).

[2] Ю. Д. Левин родился 11 февр. 1920 г.

[3] Это удостоверение воспроизведено в упомянутой в предисловии статье Ю. Д. Левина «Поэты о дровах» (с. 419).

[4] *Ида Юльевна Левина* (1894—1969).

[5] В семье Левиных было двое сыновей: *Юрий Давидович* (1920—2006) и его младший брат *Сергей Давидович* (1924—1999).

[6] К. И. Чуковский писал о Горьком: «В первые годы революции мы, петроградские писатели, встречались с ним особенно часто. Он взвалил на себя все на-

ши нужды, и когда у нас рождался ребенок, он выхлопатывал для новорожденного соску; когда мы заболевали тифом, он хлопотал, чтобы нас поместили в больницу; когда мы выражали желание ехать на дачу, он писал в разные учреждения письма, чтобы нам предоставили Сестрорецкий курорт» (*Чуковский К.* Из воспоминаний. М.: Советский писатель, 1959. С. 204).

[7] *Батюшков Федор Дмитриевич* (1851—1920) — внучатый племянник поэта К. Н. Батюшкова; филолог, ученик А. Н. Веселовского, приват-доцент Петербургского университета, преподавал также на Высших женских курсах. Участвуя в деятельности «Всемирной литературы», подготовил ряд изданий классиков европейской словесности (Вольтера, Бальзака и др.). Чуковский записал 20 марта 1920 г. в «Дневнике» весть о кончине Батюшкова 18 марта: «...Бедный, вежливый, благородный, деликатнейший, джентльменнейший изо всей нашей коллегии» (Дневник Чуковского. М.: Советский писатель, 1991. С. 62).

[8] Ю. Д. Левин приводит начальные строки помещенного в альбоме стихотворения Н. С. Гумилева, которое полностью и с упоминанием автора было опубликовано только в 1996 г. в статье «Николай Гумилев и Федор Сологуб о дровах» (см. вступительную статью).

[9] Речь шла о стихах Чуковского:

За жалкие корявые поленья,
За глупые сосновые дрова
Вы отдали восторги вдохновенья
И вещие бессмертные слова.

Ты ль это, Блок? Стыдись! Уже не роза,
Не Соловьиный сад.
А скудные дары из Совнархоза
Тебя манят.

Поверят ли влюбленные потомки.
Что наш магический, наш светозарный Блок
Мог променять объятья Незнакомки
На дровяной паек. <...>.

Это стихотворение не входило в альбом Д. С. Левина, но оно сохранилось в архиве А. А. Блока, а также было включено в журнал «Чукоккала» (с. 216—217) под названием «Мое гражданское негодование при чтении стихов Блока и Гумилева, посвященных дровянику Давиду Самойловичу Левину» с датой 22 нояб. 1919 г. (подробнее см.: Ежегодник, 2009. С. 764—765). Чуковский ошибочно привел текст этого стихотворения вместо того, которое было включено в альбом и текст которого приводит Ю. Д. Левин в своем письме (см.: Там же. С. 761).

[10] А. А. Блок, вслед за Н. О. Лернером и Н. С. Гумилевым, 21 нояб. 1919 г., написал в альбом стихотворение «Enjambement»:

Давид Самуилович! Едва
Альбом завели, — голова
Пойдет у Вас кругом: не раз и не два
Здесь будут писаться слова:
«Дрова».

[11] Стихотворение А. А. Блока «Чуковскому» («Нет, клянусь, довольно Роза / Истощала кошелек...»), в котором речь шла о буфетчице Розе Васильевне Рура, было написано для журнала «Чукоккала» (с. 218—220). Публикуя его в своих воспоминаниях, Чуковский представлял его как ответ на свое шутливое стихотворе-

ние «За жалкие корявые поленья...». Чуковский писал: «Уже в первой строке своего стихотворения он самым причудливым образом подменяет романтическую розу, упомянутую в моем обращении к нему, другой Розой, чрезвычайно реальной: Розой Васильевной, тучной торговкой, постоянно сидевшей на мраморной лестнице нашей “Всемирной” с папиросами и хлебными лепешками, которые она продавала нам по безбожной цене» (*Чуковский К.* Из воспоминаний. С. 405). Однако в альбоме Д. С. Левина вслед за стихами Блока было помещено другое стихотворение Чуковского, которое и приводит Ю. Д. Левин в своем письме. В комментариях Д. М. Климовой подробно рассмотрена история создания и публикации стихотворения Блока «Чуковскому» («Нет, клянусь, довольно Роза / Истощала кошелек...»), получившему затем название «О предметах первой необходимости» (Ежегодник, 2009. С. 766—768). Вместе с тем исследовательница полагает, что Ю. Д. Левин в своем письме Чуковскому ошибался, когда писал: «...Вам, а не Блоку принадлежит подмена “романтической розы” — “тучной торговкой” Розой Васильевной» (С. 769). Тем не менее, высказанное в письме Ю. Д. Левина уточнение может быть подтверждено несколькими соображениями. Важно обратить внимание на самое заглавие стихотворения Чуковского, которое было включено в альбом: «О Розе (Васильевне). По прочтении стихов Гумилева и Блока, написанных в этом альбоме)» («О милые поэты! / Ужель не стыдно вам...»). Здесь важны слова: «По прочтении стихов Гумилева и Блока, *написанных в этом альбоме*» (курсив мой. — *Н. К.*), то есть имеются в виду именно стихи Гумилева («Левин, Левин, ты суров, / Мы без дров...») и Блока «Enjambements». Между тем, как известно, стихи Блока «Нет, клянусь, довольно Роза...», не входили в альбом Д. С. Левина, то есть не Чуковский отвечал Блоку, а Блок Чуковскому. Обращает также на себя внимание, что Чуковский счел необходимым пояснить заглавие своего стихотворения в примечании: «Роза Васильевна — наркомпрод Вселита». Таким образом, в стихах Блока начатая Чуковским тема и получила свое продолжение. Обращая внимание на отдельные датировки, Д. М. Климова выстраивает возможную последовательность шутливой стихотворной полемики, однако допускает предположение, «что Блок ответил сразу на оба стихотворения» (Ежегодник, 2009. С. 768—769). Это тем более вероятно, что далеко не все датировки могут быть приняты безоговорочно, поскольку сочиненные стихи не всегда сразу записывались, возникали не все дошедшие до нас варианты. Важно различать дату создания стихотворения и дату ее записи. Показательно, что, вписывая свое стихотворение в альбом, Чуковский, в отличие от своих предшественников, указывавших точную дату, указал лишь месяц: декабрь. По поводу стихотворения Блока, начинавшегося словами «Нет, клянусь, довольно Роза...», Чуковский писал: «Отдавая мне эти стихи для Чукоккалы, Блок сказал, что он сочинил их по пути из “Всемирной”, но, когда стал записывать их, многое успел позабыть и теперь уже не может припомнить» (Чукоккала. С. 220). Поэтому дату 28 дек. 1919 г. при публикации стихотворения Блока «Чуковскому» в «Чукоккале» можно считать не ошибочной (Ежегодник, 2009. С. 767), но соответствовавшей записи в журнале, где Чуковским указано: «*Получено* 28 декабря 1919 г.» (курсив мой — *Н. К.*).

[12] *Кони Анатолий Федорович* (1844—1927) — знаменитый юрист, общественный деятель, талантливый оратор, писатель, почетный член Петербургской академии наук. В 1920-х гг. читал курсы лекций в различных петроградских учреждениях, как и участники «Всемирной литературы».

[13] *Браун Федор Александрович* (1862—1942) — филолог-германист, декан и профессор Петербургского университета. Член Коллегии экспертов «Всемирной литературы», заведовал изданием немецкой литературы совместно с А. А. Блоком и Ф. Д. Батюшковым.

[14] *Гидони Григорий Иосифович* (1895—1937) — художник, драматург, переводчик. В 1937 г. был репрессирован и расстрелян, в 1957 г. реабилитирован.

[15] *Гржебин Зиновий Исаевич* (1877—1929) — художник, издатель. Заведующий издательской частью «Всемирной литературы», член издательской группы, возглавлявшейся М. Горьким.

[16] *Лозинский Михаил Леонидович* (1886—1955) — поэт, переводчик, один из создателей школы поэтического перевода. Член Коллегии экспертов и Поэтической коллегии «Всемирной литературы».

2

К. И. Чуковский — Ю. Д. Левину.
19/XI 1959

Многоуважаемый Юрий Давидович!

Я сейчас лежу в клинике — и чуть только вернусь домой (надеюсь, это будет очень скоро) сейчас же приму все меры, чтобы исправить свою — верьте, невольную — ошибку.

Мне думается, что «Литературная газета» согласится напечатать мое письмо, разъясняющее, что Давид Самойлович Левин отнюдь не был «мелким хозяйственником», хотя я и не вижу ничего обидного в том, что он помогал таким людям, как Блок и Батюшков, раздобыть дрова, и не думаю, чтобы кто-нибудь увидел здесь своекорыстные цели.

Мне скоро восемьдесят,[1] память у меня стала дырявая, и я теперь же внесу в текст своих воспоминаний о Блоке соответствующие поправки, чтобы в дальнейших изданиях книжки (если таковые будут)[2] была восстановлена полная правда о Д. С. Левине.

Уважающий Вас
К. Чуковский

---

[1] К. И. Чуковский родился 19 (31) марта 1882 г.

[2] Эта поправка была сохранена во всех последующих прижизненных изданиях: *Чуковский К.* 1) Люди и книги. 2-е изд., доп. М.: Гослитиздат, 1960. С. 541—542; 2) Современники: портреты и этюды. М.: Молодая гвардия, 1962. С. 475—477; 3) Собр. соч.: в 6 т. М.: Художественная литература, 1965. Т. 2: Современники. С. 300—302.

3

Ю. Д. Левин — К. И. Чуковскому.
21 ноября 1959. Ленинград

Глубокоуважаемый Корней Иванович!

Сегодня получил Ваше письмо от 19.11 и хочу искренне поблагодарить Вас за него и за Ваше обещание послать письмо в «Литератур-

ную газету» и внести исправления в Ваши воспоминания о Блоке в части, касающейся Д. С. Левина.

Вся эта история была для меня тем более неприятна, что я с детских лет привык относиться к Вам с глубоким уважением и любовью. Когда-то я был даже знаком с Вами лично: я был один из трех школьников — авторов фантастической повести о Пушкине «Дантес выстрелил»,[1] которая Вам настолько понравилась, что Вы в 1937 г. писали о ней в «Известиях». Я сожалею, если мое письмо Вас огорчило, но, согласитесь, что я не мог поступить иначе.

Посылаю Вам вырезку из газеты «Смена»,[2] которая, возможно, представит интерес для Вас как крупнейшего исследователя Некрасова.[3] Если отвлечься от «красот» стиля и того, что я назван «молодым» (что, к сожалению, не так), то суть дела в основном изложена правильно: мне удалось реконструировать некрасовскую правку. Насколько я знаю, это первые сведения такого рода, потому что, хотя и было известно, что Некрасов правил материалы, печатавшиеся в его журналах, но образцов его правки никто не видел. В связи с этим открытием я написал совместно со своим коллегой-полонистом статью в двух вариантах: для 3-го «Некрасовского сборника»[4] и для «Slavia orientalis»[5] (Польша). Когда у меня будут оттиски, я, если Вы разрешите, пошлю статью Вам; мне было бы очень ценно узнать Ваше мнение.

Желаю Вам здоровья и бодрости.

С искренним уважением

Ю. Левин

---

[1] Об этой повести и первом знакомстве Ю. Д. Левина с К. И. Чуковским см. во вступительной статье.

[2] В ленинградской газете «Смена» (1959. 3 сент. № 208 (10249). С. 3) была помещена статья И. Пиккиева «Ю. Словацкий и Н. Некрасов: найдена рукопись перевода трагедии польского поэта». В статье сообщалось, что Ю. Д. Левин обнаружил в Театральной библиотеке имени А. В. Луначарского рукопись трагедии Ю. Словацкого «Мазепа» в переводе Н. Л. Пушкарева (1841 или 1842—1906). Эту рукопись переводчик представил в дирекцию императорских театров одновременно с передачей своего перевода в «Отечественные записки». Благодаря этой находке можно было сопоставить текст, опубликованный Некрасовым в журнале, с первоначальным вариантом перевода и определить, что редакторская правка (в не дошедшей до нас корректуре) коснулась почти 400 строк, причем Некрасов как редактор уделял главное внимание звучанию стиха и передаче художественных удач подлинника.

[3] К. И. Чуковский в течение многих лет, начиная с 1920-х годов, занимался изучением творчества Некрасова. Это был любимый поэт Чуковского. Неоднократно переиздавалась его книга «Мастерство Некрасова» (1952). В 1962 г. этот труд был удостоен Ленинской премии.

[4] *Левин Ю. Д., Рабинович Г. Б.* Некрасов и первый русский перевод «Мазепы» Ю. Словацкого // Некрасовский сборник. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. Т. 3. С. 179—207.

[5] Pierwszy rosyski przeklad “Mazepy” J. Slowackiego // Slavia Orientalis. 1959. Rocz. 8, nr. 4. S. 3—22. Отзыв: *Mazon A.* // Revue des études slaves. Paris, 1960. T. 37, fasc. 1/4. P. 227—228 (Chronique).

4

К. И. Чуковский — Ю. Д. Левину.
[Конец ноября — начало декабря 1959 г.]

Спасибо, дорогой Ю<рий> Д<авидович>, за письмо и за очень важную газетную вырезку. Когда мы говорим, что Некрасов был отменным редактором, мы обычно имеем в виду, что он умел отбирать сотрудников, умел браковать ненужный ему материал. Но как он работал над чужими рукописями (особенно в 70х годах), нам почти неизвестно.

Крепко жму Вашу руку.

Корней Чуковский

5

К. И. Чуковский — Ю. Д. Левину.
[Конец ноября — начало декабря 1959 г.]

Дорогой Ю<рий> Д<авидович>,

Простите, что пишу не письмо, а открытку: нездоровится, лежу.

Я с большим вниманием прочитал Вашу (и Рабиновича) статью о редакторском вмешательстве Некрасова в текст Пушкарева[1] — и вполне оценил тот высокий научный уровень, какой достигнут Вами в этой статье. Самый метод изучения некрасовских поправок очень остроумен и самобытен (учитывая отсутствие рукописи, которая была представлена в «От<ечественные> Зап<иски>». Когда я переписывался с Вами по поводу Вашего отца, мне и в голову не приходило, что у нас так много интересов. Счастья Вам еще в полном смысле слова открытиях.

Во втором издании Воспоминаний о Блоке (в «Людях и книгах», только что вышедших),[2] я устранил неверные строки о Вашем отце.

Ваш К. Чук-й

---

[1] В упоминавшейся в предыдущем письме статье Ю. Д. Левина и Г. Б. Рабиновича «Некрасов и первый русский перевод “Мазепы” Ю. Словацкого» рассматривался русский перевод поэмы «Мазепа» польского поэта Ю. Словацкого (1809—1849), осуществленный переводчиком Н. Л. Пушкаревым. См. также примеч. 2 к п. 3.

[2] Речь идет об издании: *Чуковский К.* Люди и книги. 2-е изд., доп. М., 1960. С. 541—542.

6

К. И. Чуковский — Ю. Д. Левину.
18 февраля 1960

Дорогой Юрий Давидович!

Не думайте, что я забыл о своем обещании.

Сейчас мои воспоминания о Блоке печатаются в составе книги «Люди и книги». Там я перестроил всю фразу, относящуюся к Вашему отцу.

Лит<ературная> газета не согласилась напечатать поправку, и я думаю, что она права: это фиксировало бы внимание на моей опрометчивой фразе. Лучше будет, если эта фраза незаметно будет изменена в новом издании «Воспоминаний» и в «Книгах и людях».[1]

«Книги и люди» появятся в начале лета.

Ваш К. Чуковский

---

[1] *Чуковский К. И.* Люди и книги. 2-е изд., доп. М., 1960. С. 541—542.

7

Ю. Д. Левин — К. И. Чуковскому.
22 февраля 1960. Ленинград

Глубокоуважаемый Корней Иванович!

Ваше письмо, посланное 18.2, получил и от всей души благодарю Вас за него. Вы совершенно правы: поправка в «Лит<ратурной> газете» привлекла бы внимание к этой злосчастной фразе, какого она не заслуживает, и это было бы неприятно и Вам, как я понимаю, и мне. Я сам об этом думал еще до получения Вашего письма, но после всего, что было, почел неудобным писать Вам об этом.

Очень рад, что наши мнения совпали.

К сожалению, еще не могу послать Вам обещанную статью о Некрасове и переводе «Мазепы» Словацкого. Некрасовский сборник (3-й), в который она отдана, только недавно пошел в набор, а Вы знаете наши издательские темпы. Возможно, что раньше смогу послать Вам польский вариант статьи, который был послан в варшавский журнал «Slavia orientalis».

Возможно, Вам как теоретику и практику перевода будет небезынтересно узнать, что этим летом должен выйти сборник «Русские писатели о переводе».[1] Этот сборник уже давно готовится под редакцией А. В. Федорова[2] и моей, но, к сожалению, издательство заставило нас сильно сократить собранные материалы (раза в полтора). Но все-таки, хоть в урезанном виде, он, наконец, двинулся, и сейчас я уже читаю корректуры.

Желаю Вам всего наилучшего, а, главное, здоровья и бодрости.
С искренним уважением
Ваш Ю. Левин

---

[1] Русские писатели о переводе, XVIII—XX вв. / под ред. Ю. Д. Левина и А. В. Федорова. Л.: Советский писатель, 1960. 696 с. Эта книга вызвала многочисленные положительные отклики как в России, так и за рубежом. См.: Библиография трудов Ю. Д. Левина / сост. Н. Д. Кочеткова // Res traductorica: перевод и сравнительное изучение литератур: к восьмидесятилетию Ю. Д. Левина. СПб.: Наука, 2000. С. 321. В частности, французский исследователь А. Меньё писал: «Перед нами книга, поистине исключительная по своему интересу и значению. Прежде всего, следует пожалеть, что ничего подобного еще не создано в других цивилизованных странах, в частности, во Франции» (*Меньё А.* Пример, достойный подражания // Мастерство перевода, 1963: сб. статей. М.: Советский писатель, 1964. С. 225).

[2] *Федоров Андрей Венедиктович* (1906—1991) — один из основоположников советской теории художественного перевода; доктор филологических наук, профессор кафедры немецкой филологии Ленинградского (Санкт-Петербургского) гос. университета; преподавал в 1956—1992 гг. Среди его лекций был курс «Теория перевода». Книга А. В. Федорова «Основы общей теории перевода: (лингвистические проблемы): учебное пособие» 5-м изданием вышла в 2002 г.

8

Ю. Д. Левин — К. И. Чуковскому.
8 августа 1960. Ленинград

Дорогой Корней Иванович!

Искренне благодарю Вас за теплый и весьма лестный для моего соавтора и меня отзыв о нашей статье о Некрасове и первом русском переводе «Мазепы» Ю. Словацкого. Простите, пожалуйста, что пишу Вам с опозданием: Ваша открытка пришла накануне моего отъезда в туристское турне по Германской Демократической Республике, и я не успел Вам ответить сразу. На днях вернулся из этой поездки переполненный впечатлениями.

Я уже видел новое издание Вашего сборника «Люди и книги» и прочел в воспоминаниях о Блоке исправленное место о моем отце.[1]

Большое Вам за это спасибо.

С сердечным приветом и пожеланиями здоровья и творческих радостей

Искренне Ваш <Ю. Левин>

---

[1] *Чуковский К. И.* Люди и книги. 2-е изд., доп. М., 1960. С. 541—542.

9

К. И. Чуковский — Ю. Д. Левину
<октябрь 1960>

Спасибо, дорогой Юрий Давидович, за прекрасную книгу и за приветливую надпись на ней. Прошу Вас передать мою дружескую благодарность всем — кто вслед за Вами и А. В. Федоровым — удостоили меня высокого звания: «Нестор». Крепко жму руку Л. Н. Назаровой,[1] Л. А. Гессен,[2] И. З. Серман<у>.[3] А С. И. Налба<н>дьян (которую знал еще Эткиной)[4] без всяких церемоний целую в обе щеки, пользуясь привилегией старости.

Вы и А. В. Федоров (которому особый поклон!) — новаторы. Никому и в голову не приходило собрать в одной книге высказывания критиков и художников слова — о переводе и научно прокомментировать их. Эта книга — Ваше изобретение. Я знаю почти весь материал, входящий в нее. И все же читаю ее как новую — так много значит скопление и систематизация фактов.

Воображаю, сколько труда вложили Вы в эту книгу. И этот труд не напрасен: книга насущно нужна каждому переводчику, каждому теоретику литературы, каждому словеснику и т. д. — и не дико ли, что «Советский писатель» выпустил ее в 2.500 экз.!!

Не сомневаюсь, что в скором времени потребуется 2-ое изд. В этом новом издании, я уверен, Вы исправите некоторые невольные промахи, восстановите пропуски, неизбежные в такой большой и трудоёмкой работе.

Я только что закончил повесть для 10—12-летних ребят. Повесть пойдет в Детгизе.[5] Корплю над книгой «Чехов и его мастерство».[6] Если доживу до будущего года, подготовлю к новому изданию свою забытую книгу «Высокое искусство»[7] (о художественном переводе), и конечно, Ваша книга будет для меня большим подспорьем.

Всего доброго. Над чем Вы теперь работаете?

Ваш К. Чуковский

---

[1] *Назарова Людмила Николаевна* (1910—2005) — сотрудник Института русской литературы (Пушкинский Дом) с 1939 г.; с 1957 г. старший научный сотрудник; с 1960 г. — заведующая Группой по подготовке Полного собрания сочинений и писем И. С. Тургенева. Для труда «Русские писатели о переводе» подготовила разделы о Н. В. Гоголе и И. С. Тургеневе.

[2] *Гессен Евгения Иосифовна* (род. в 1900 г. — год смерти неизвестен) работала переводчицей в Московском всесоюзном обществе культурной связи с заграницей; в 1934—1936 гг. сотрудник Института русской литературы (Пушкинский Дом). Подготовила разделы об А. А. Фете, А. А. Григорьеве, А. Н. Островском, Л. Н. Толстом.

[3] *Серман Илья Захарович* (1913—2010) — доктор филологических наук, один из крупнейших специалистов по русской литературе XVIII в.; с 1956 по 1976 г. работал в Институте русской литературы (Пушкинский Дом), затем после вынужденной эмиграции — в Иерусалимском университете. Подготовил разделы об

А. Д. Кантемире, В. К. Тредиаковском, М. В. Ломоносове, А. П. Сумарокове, В. И. Лукине, М. И. Попове, А. Н. Радищеве, В. В. Капнисте, Н. М. Карамзине.

[4] *Налбандьян, Налбандян (Эткина) Серафима Израилевна* (род. 1922) — издательский редактор. Работала над «Полным собранием сочинений и писем» Н. А. Некрасова (М.: Гослитиздат, 1948—1953. Т. 1—12 / под общ. ред. В. Е. Евгеньева-Максимова, А. М. Еголина, К. И. Чуковского). Сохранились письма Чуковского к С. И. Эткиной 1948 и 1949 гг. (*Чуковский К. И.* Собр. соч.: в 15 т. М.: Агентство ФТМ, Лтд., 2013. Т. 15: Письма 1926—1969. 2-е изд., электр., испр. № 267 и 269). Для книги «Русские писатели о переводе» подготовила разделы о Н. А. Полевом, И. И. Введенском, В. С. Курочкине, Д. Д. Минаеве, П. И. Вейнберге.

[5] Очевидно, имеется в виду готовившаяся К. И. Чуковским в 1960-е гг. книга для детей «Вавилонская башня», пересказ Библии. Тираж книги, вышедший в 1968 г., был уничтожен, и лишь в 1990 г. под редакцией К. И. Чуковского появилась книга М. С. Агурского и В. Д. Берестова «“Вавилонская башня” и другие древние легенды».

[6] Книга К. И. Чуковского «О Чехове» вышла в 1967 г.

[7] На протяжении многих лет Чуковский на основе собственного переводческого опыта и опыта других писателей занимался проблемой художественного перевода. Еще в 1919 г. появилась его брошюра «Принципы художественного перевода»; он существенно расширил эту тему в книге «Искусство перевода» (1930; 1936), затем — «Высокое искусство» (1941, 1964; 1968). В 1965—1970-х гг. был главным редактором сборников «Мастерство перевода».

10

Ю. Д. Левин — К. И. Чуковскому.
18 октября 1960. Ленинград

Дорогой Корней Иванович!

Большое Вам спасибо за Ваше теплое письмо и похвалу книге «Русские писатели о переводе». Я показал Ваше письмо всем заинтересованным лицам, и все просили Вас благодарить, что я и делаю с удовольствием.

Вы пишете, что дико выпускать такую книгу тиражом 2500. Если бы только это было дико! Пользуясь Вашей любезностью, хочу Вам поплакаться немного. Книга готовилась с 1955 г., причем не столько времени ее делали, сколько уродовали.

Не знаю, заметили ли Вы фразу в предисловии «От редакции», которую я контрабандно вставил в корректуре: «Ограниченный объем издания заставил редакторов значительно сократить предварительно собранные материалы» (стр. 3—4). За этой скупой фразой скрывается чуть ли не трехлетняя борьба за объем издания. Достаточно сказать, что первоначально составители набрали около 80 листов материала, а первый вариант подготовленного издания содержал 60 лл. одних текстов и включал более 60 авторов. Сейчас книга имеет объем 43 лл., из них тексты около 35. Выкинуто 20 авторов, среди них: Ф<еофан> Прокопович,[1] Поповский,[2] Петров (переводчик «Энеиды»),[3] Батюшков,[4] А. Одоевский,[5] Струговщиков,[6] Гербель[7] и др. Оставшиеся авто-

ры иной раз сокращены до неузнаваемости. Словом, знал бы я, так вряд ли бы затевал это дело. И сейчас книга не вызывает радости, потому что кто-кто, а я то знаю, где она изуродована.

Между прочим, за книгу ходатайствовали (за увеличение объема) ленинградская секция переводчиков, московские переводчики, ученые ИРЛИ и ИМЛИ, мы с Федоровым ездили к Лесючевскому,[8] — и все напрасно. В Чехословакии вышла аналогичная книга (а у чехов ведь литература беднее) большего объема, — ну, не обидно ли?

Если бы Вы смогли отозваться об этой книге в «Литературной газете». Не смею Вас просить о рецензии, я имею в виду просто письмо в газету с указанием значения книги, а также с критикой ее объема и тиража. Я думаю, что такое Ваше письмо сыграло бы большую роль в дальнейшей судьбе книги.

Вы спрашиваете о моей работе. Сейчас на основной своей работе (в ИРЛИ) занимаюсь темой «Шекспир в России»,[9] в частности в этом году изучал переводы Шекспира Кюхельбекера, до сих пор неизвестные.[10] Между прочим, работа над «Русскими писателями...» натолкнула меня на мысль о статье об эволюции переводческой мысли в России (в существующих работах обычно подчеркиваются постоянные, стабильные ее элементы, а не изменчивые). Эта статья пойдет в сборнике нашего института. —[11] Должен составлять отдел Англии в хрестоматии по эстетике (изд. «Искусство»)[12] и переводить стихи В. Скотта для Гослитиздата.[13] Вот мои занятия в настоящее время.

Искренне желаю Вам всего наилучшего и, главное, здоровья.

С сердечным приветом

Ваш <Ю. Левин>

---

[1] *Феофан*, архиепископ (в миру Елисей Прокопович) — один из ближайших сподвижников Петра I, политический деятель, проповедник, писатель; владел древними и несколькими новыми европейскими языками, часть его сочинений написана на латинском языке: «Поэтика» (1705), «Риторика» (1706—1707) и др. Перевел с латинского языка сочинение испанского литератора Ф. Д. де Сааведра «Изображение христиано-политического властелина, символами объясненное»; много внимания уделял стилистическим принципам перевода.

[2] *Поповский Николай Никитич* (1726 или 1728—1760) — поэт, ученик М. В. Ломоносова. Перевел «Письмо Горация Флакка о стихотворстве к Пизонам», оды Горация, поэму А. Попа «Опыт о человеке», труд Дж. Локка «О воспитании детей» и др. С большой похвалой о «стихотворстве» Поповского отзывались Ломоносов, Н. И. Новиков, М. Н. Муравьев и др.

[3] *Петров Василий Петрович* (1736—1799) — поэт, автор од, вызвавших одобрение Екатерины II и, вместе с тем, критику со стороны некоторых современников. Перевел стихами «Энеиду» Вергилия («Еней, героическая поэма», 1781—1786) и прозой — три песни из поэмы Дж. Мильтона «Потерянный рай» (1777). М. Н. Муравьев писал о Петрове: «Это тот из наших стихотворцев, который знает наибольшее число языков, ибо он читает в подлинниках Гомера, Вергилия, Мильтона, Вольтера, без сомнения, Тасса и, помнится мне, Клопштока» (*Муравьев М. Н.* Полн. собр. соч. СПб.: в тип. Российской Академии, 1820. Ч. 3. С. 317).

[4] *Батюшков Константин Николаевич* (1787—1855), один из ближайших предшественников А. С. Пушкина. В 1808—1809 гг. опубликовал свои переводы из поэмы Т. Тассо «Освобожденный Иерусалим». Переводил элегии Тибулла, стихи «Из греческой антологии». В своих «Подражаниях древним» мастерски воспроизводил антологический стиль. Подражания и вольные переводы Батюшкова (стихи Л. Ариосто, Ф. Петрарки, Дж. Б. Касти и др.) открывали новые возможности русского поэтического языка.

[5] Очевидно, речь идет не о поэте-декабристе *Александре Ивановиче Одоевском* (1802—1839), а о его двоюродном брате *Владимире Федоровиче Одоевском* (1804—1869), который вместе с В. К. Кюхельбекером издавал альманах «Мнемозина» (1824—1825) и публиковал там свои переводы некоторых произведений немецких писателей-романтиков: Жана Поля (Рихтера), Ф. В. Шеллинга и др.

[6] *Струговщиков Александр Николаевич* (1808—1878) — переводчик произведений И. В. Гете («Фауст», «Римские элегии», «Страдания молодого Вертера» и др.). О Струговщикове и его переводческой деятельности см.: *Левин Ю. Д.* Русские переводчики XIX века. Л.: Наука, 1985. С. 72—96.

[7] *Гербель Николай Васильевич* (1827—1883) — переводчик Ф. Шиллера, И. В. Гете, В. Шекспира, Дж. Г. Байрона. О Гербеле см.: *Левин Ю. Д.* Русские переводчики. С. 162—180.

[8] *Лесючевский Николай Васильевич* (1907/1908—1978) — писатель, журналист, критик; главный редактор издательства «Советский писатель» (1951—1957), председатель правления (1958—1964), с 1964 г. — директор издательства «Советский писатель». Его отзывы о некоторых писателях, в том числе Б. П. Корнилове и Н. А. Заболоцком, способствовали возбужденным против них репрессиям.

[9] Этой теме Ю. Д. Левин посвятил значительное число своих исследований 1960-х гг., включая ряд глав в коллективной монографии «Шекспир и русская культура / отв. ред. М. П. Алексеев» (М.; Л.: Наука, 1965), и докторскую диссертацию «Шекспир в русской литературе XIX века: (от романтизма к реализму)», защищенную в 1968 г. Позднее его исследования по этой теме были объединены и дополнены в монографии «Шекспир и русская литература XIX века» (Л.: Наука, 1988).

[10] Результаты этого исследования были опубликованы в статье Ю. Д. Левина «В. К. Кюхельбекер — переводчик Шекспира» (Шекспировский сборник, 1967. М.: [Всерос. театр. об-во], 1968. С. 44—59).

[11] Статья Ю. Д. Левина «Об исторической эволюции принципов перевода: (к истории переводческой мысли в России)» была опубликована в книге «Международные связи русской литературы: сб. статей / под ред. акад. М. П. Алексеева» (М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 5—63). Позднее это исследование, вызвавшее много положительных откликов, вошло в книгу: *Левин Ю. Д.* Переводы из европейской поэзии и прозы: исследования по истории и теории перевода / изд. подгот. Н. Д. Кочеткова. СПб.: Петрополис, 2013. С. 309—373.

[12] Речь идет о работе по составлению разделов, вступительных заметок и библиографии для труда «История эстетики: памятники мировой эстетической мысли: в 5 т. М: Искусство, 1967. Т. 3: Эстетические учения Западной Европы и США (1789—1871)». Ю. Д. Левиным (совм. с М. А. Шерешевской) был подготовлен раздел «Английская эстетика 1830—1860-х годов» (с. 848—907).

[13] Для Собрания сочинений В. Скотта в 20 томах в издании «Художественной литературы» Ю. Д. Левин составил раздел «Поэмы и стихотворения» (М.; Л.: Гослитиздат, 1965. Т. 19. С. 381—746), где был помещен его перевод поэмы «Поле Ватерлоо», а также раздел «Статьи и дневники» (Т. 20. С. 447—721), включавший его перевод отрывков из дневников писателя.

11

К. И. Чуковский — Ю. Д. Левину.
<Без даты. Предположительно: осень 1960 г.>

Дорогой Юрий Давидович,

Какую вкусную, аппетитную тему избрали Вы для своей докторской. Я немножко знаком с этой темой — изучал переводы и Аполлона Григорьева,[1] и потому мне яснее, чем кому-нибудь другому, как громадна Ваша работа и какую тяжесть должны бы Вы поднять. Но тяжесть приятную, лакомую. Заранее поздравляю с успехом.

Пишу это в больнице, лежа, — поэтому простите за корявый почерк. Сердечный привет Михаилу Павловичу.[2]

Ваш К. Чуковский

---

[1] *Григорьев Аполлон Александрович* (1822—1864) — поэт, переводчик, критик мемуарист. Перевел ряд пьес Шекспира: «Сон в летнюю ночь», «Ромео и Джульетта» и др. Анализировал творчество Шекспира в критических статьях и рецензиях на театральные постановки. См.: *Левин Ю. Д.* Шекспир и русская литература XIX века. Л.: Наука, 1988. С. 140—145; 299—303.

[2] *Алексеев Михаил Павлович* (1896—1981) — академик, создатель Сектора (затем Отдела) взаимосвязей русской и зарубежных литератур в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, заведующий этим Отделом. Ю. Д. Левин — ученик М. П. Алексеева с университетских лет. В 1942—1944 гг. они вели переписку, когда М. П. Алексеев был в эвакуации в Саратове, а Ю. Д. Левин воевал на Ленинградском фронте; позднее работал в Пушкинском Доме под руководством М. П. Алексеева.

12

К. И. Чуковский — Ю. Д. Левину.
<Начало 1967 г.>

Тороплюсь послать Вам «рекомендацию» в Союз <писателей>.[1] Простите, что нелепо составлена: я не умею сочинять такие бумаги.

Не участвовал я в Сборнике в честь М<ихаила> П<авловича> А<лексеева>[2] по безалаберности: у меня «в портфеле» много статей, которые я мог и хотел бы посватать. Но весь этот год наполнен у меня смертями и болезнями близких, да и я около полугода прохворал, и врачи то и дело отрешали меня от пера и чернил, а также от чтения книг (из-за мозговых спазм), так что я не был хозяином своих стремлений и планов. Даже вести корреспонденцию было мне запрещено.

Сейчас мне полегче, но надолго ли? Ведь в марте мне 85 лет. Этим всё сказано.

Прошу передать М<ихаилу> П<авловичу> А<лексее>ву мой почтительный привет, и примите самые лучшие мои пожелания.

Ваш К. Чуковский

[1] В Союз писателей СССР (позднее Союз писателей Санкт-Петербурга) Ю. Д. Левин вступил лишь в апреле 1984 г.

[2] Речь идет о книге «Русско-европейские литературные связи: сб. статей к 70-летию со дня рождения академика М. П. Алексеева» (М.; Л.: Наука, 1966). Ответственным секретарем этого издания был Ю. Д. Левин. После празднования своего 70-летнего юбилея Михаил Павлович писал: «Дорогой Юрий Давидович! <...> пишу Вам первому, потому что едва ли кому-либо обязан более, чем Вам во всем этом моем “дне рождения”, — размахом, который получило это торжество, а также его сердечностью...» (Из переписки М. П. Алексеева и Ю. Д. Левина / публ. Н. Д. Кочетковой // Художественный перевод и сравнительное изучение культур. СПб.: Наука, 2010. С. 655).

13

Ю. Д. Левин — К. И. Чуковскому.
17 февраля 1967. Ленинград

Глубокоуважаемый и дорогой Корней Иванович!

По предложению редактора альманаха «Прометей» Ю. Н. Коротк[1]кова[1] я написал прилагаемую заметку-публикацию «Поэты о дровах», посвященную альбому моего отца.[2] В связи с этим обращаюсь к Вам с просьбой разрешить мне опубликовать Ваше стихотворение, содержащееся в альбоме (см. стр. 6—7).[3]

Поскольку, как Вы понимаете, я не могу помнить описываемое время (я родился в феврале 1920 г.), я постарался ограничить собственный текст минимумом фактических сведений, необходимых, чтобы читатели поняли стихотворения и повод их написания. Может быть, при этом вкрались какие-либо ошибки; был бы Вам крайне признателен, если бы Вы указали мне на них.

Рад, что способствовал Вашей переписке с И. С. Чистовой.[4] Ваше письмо ее очень ободрило и побудило к дальнейшей работе.

Вы мне не писали, дошли ли до Вас посланные мною сборник «Русско-европейские литературные связи»[5] и оттиск заметки об «Обидаге».[6]

С сердечным приветом и наилучшими пожеланиями здоровья и бодрости

Искренне Ваш Ю. Левин

[1] *Коротков Юрий Николаевич* (1924—1989) — с 1957 г. старший редактор издательства «Молодая гвардия»; с 1958 г. заведующий редакцией серии «Жизнь замечательных людей» в этом издательстве.

[2] Текст своей статьи Ю. Д. Левин послал К. И. Чуковскому до публикации и затем учел основные замечания, сделанные им. Об этой публикации см. во вступительной статье.

[3] Речь идет о включенном в альбом Давида Самуиловича Левина стихотворении К. И. Чуковского «О Розе (Васильевне) (По прочтении стихов Гумилева и Блока в этом альбоме)» (О милые поэты!...»).

[4] *Чистова Ирина Сергеевна* (1937—2023) — литературовед, работала в Пушкинском Доме с 1964 г.; основные научные интересы были связаны с изучением русской литературы первой половины XIX в.

[5] Русско-европейские литературные связи: сб. статей к 70-летию со дня рождения академика М. П. Алексеева. М.; Л.: Наука, 1966. Ю. Д. Левин был ответственным секретарем и одним из участников этого издания.

[6] В своей статье «Кто автор “восточной” повести “Обидаг”?» (Известия АН СССР. Серия лит. и яз. 1966. Т. XXV, вып. 5 (сент.-окт.). С. 431—433) Ю. Д. Левин установил, что автором этой повести был С. Джонсон, крупнейший английский критик XVIII в. В статье указаны многочисленные русские переводы этой повести.

14

К. И. Чуковский — Ю. Д. Левину.
1967. Февраль

Дорогой Юрий Давидович,

Ваша статья «Поэты о дровах» написана отлично, и я рад, что она пойдет в «Прометее».[1]

Жаль, что Вы не процитировали моего экспромта, обращенного к Блоку и Гумилеву:

За жалкие корявые поленья

См. II том моего Собр. соч. М., 1965, стр. 300.[2]

Там же и дана характеристика Д. С. Левина. Не лучше ли сослаться на это издание — позднейшее.

Кстати, Коротков печатает сейчас новое издание «Современника».[3]

И еще: почему Вы называете Оцупа — акмеистом?[4] И Кузмина? Кузмин ненавидел акмеистов, хотя они и стремились причислить его к своей партии.[5]

Книгу, о которой Вы пишете, я получил — бесконечно Вам благодарен! Всего доброго

Корней Чуковский

---

[1] *Левин Ю. Д.* Поэты о дровах // Прометей. М.: Молодая гвардия, 1967. Т. 4. С. 414—421.

[2] Стихотворение К. И. Чуковского «За жалкие корявые поленья...» не входило в альбом Д. С. Левина. Оно сохранилось в бумагах А. А. Блока, а также было записано в «Чукоккале». Учтя пожелание К. И. Чуковского, Ю. Д. Левин процитировал это стихотворение при публикации своей статьи «Поэты о дровах» (с. 417—418).

[3] Журнал «Современник» (1836—1866), основанный А. С. Пушкиным, в 1960-е гг. переиздавался издательством «Молодая гвардия»

[4] Публикуя включенное в альбом стихотворение *Николая Авдеевича Оцупа* (1894—1959) «Пророчески поэта / Сбываются слова...», Ю. Д. Левин назвал его «поэтом-акмеистом» и сохранил эти слова при публикации.

[5] В опубликованном тексте статьи Ю. Д. Левина приведено стихотворение *Михаила Алексеевича Кузмина* (1875—1936) «Я не любим “литературой”...», но акмеистом он не назван: очевидно, это слово снято после получения письма К. И. Чуковского (п. 13).

15

К. И. Чуковский — Ю. Д. Левину.
<Без даты, предположительно декабрь 1968 г.>

Дорогой Юрий Давидович,

Обнимаю Вас — и от всей души поздравляю с Новым Годом, с новым счастьем. Простите, что шлю Вам такую нелепую открытку. Других здесь в деревне у меня нет под рукой.

Ваш К. Чуковский

16

К. И. Чуковский — Ю. Д. Левину.
17 февраля 1969

Дорогой Юрий Давидович!

С восхищением прочел в Oxford Slavonic Papes Вашу прелестную статью «Tolstoy, Shak<espeare> and Russ<ian> Writers of the 1860-s».[1] В ней множество открытий, остроумных сопоставлений, основанных на абсолютном знании и (главное!) понимании материала. Мое восхищение началось с той минуты, когда я прочитал у Вас о параллельности двух одинаковых ситуаций (в «Макбете» и «Власти тьмы»), потом возросло, когда по дневникам Чернышевского, Дружинина, по письму Алексея Толстого установлено их частичное единомыслие со Львом Толстым в оценке Шекспира, и дошло до апогея, когда Вы, анализируя стиль дружининского перевода «Лира», доказали на основе этого анализа, что Дружинин (до известной степени) предъявлял к Ш<експи>ру те же стилистические требования, что и Толстой. В статье разбросано множество тонких замечаний, — и вообще я и представить себе не могу лучшей статьи на эту тему. В ней для меня обнаружилась зрелость Вашего дарования — и я впервые ощутил во всей мере крупный калибр Вашего научного мышления. Мне весело писать Вам об этом и приветствовать Вас на пороге широкого литературного поприща.

Чтобы доказать Вам, как внимательно читал я Вашу статью, укажу на страницу 96-ю, где я нашел две крохотные опечатки:

«B. P. Botkin» — нужно V. P. Botkin, или он Basil?

«published at St. Petersburg in 1865—76» нужно: publ. at St.P-g in 1865—67.

Над чем Вы сейчас работаете? Мне совестно посылать Вам такую азбучную (слишком азбучную!) книжку, как «Высокое искусство»,[2] но ничего не поделаешь: и «Чукоккола»,[3] и «Вавилонская башня» (библия для детей)[4] и VI том моих сочинений[5] находятся в нетях — надеюсь, до поры, до времени.

Ваш К. Чуковский

[1] Статья Ю. Д. Левина «Tolstoy, Shakespeare and Russian Writers of the 1860-s» была опубликована в английском журнале: Oxford Slavonic Papes. 1968. New ser. Vol. 1. P. 85—104. Позднее материалы этой статьи в существенно расширенном виде вошли в книгу Ю. Д. Левина «Шекспир и русская литература XIX века» (Л.: Наука, 1988. С. 208—214).

[2] К. И. Чуковский в течение многих лет занимался проблемами художественного перевода: начиная с брошюры «Принципы художественного перевода» (1919) он продолжал развивать эту тему в книгах «Искусство перевода» (1941; 1964) и, наконец, «Высокое искусство» (1968).

[3] Рукописный журнал К. И. Чуковского «Чукоккала» впервые был издан фототипическим способом лишь в 1979 г.

[4] Тираж книги «Вавилонская башня» был уничтожен в 1968 г.

[5] К. И. Чуковский имел в виду в виду свое «Собрание сочинений в шести томах» (1965—1969). 6-й том, вышедший в 1969 г., включал «Статьи. 1906—1968».

17

Ю. Д. Левин — К. И. Чуковскому.
24 февраля 1969. Ленинград

Дорогой Корней Иванович!

Получил Ваше письмо, а затем пришла книга от Вас — новое издание «Высокого искусства». За то и за другое великое Вам спасибо, особенно за письмо. Оно меня очень подбодрило, а то я, сказать по правде, последнее время приуныл: как-то не клеится работа, я стал уж подумывать, что выхожу в тираж. Но после Вашего письма стало стыдно так думать, особенно, когда видишь перед глазами пример такого неутомимого и несгибаемого труженика, как Вы.

Конечно, я понимаю, что высота Вашей оценки в известной степени обусловлена Вашим добрым отношением ко мне. Тем не менее, мне приятно, что Вы обратили внимание именно на эту статью, потому что мне самому кажется, что это — наиболее значительное из того, что я сделал за последнее время.

Любопытна судьба этой статьи. Дело в том, что когда писалась книга «Шекспир и русская культура», которую Вы, верно, знаете, я там писал о Толстом лишь вскользь, говоря о его позиции в 60-е годы.[1] Подробно же о нем писал другой автор, которому принадлежала глава о начале 20 века.[2] Но летом 65-го года Франклин Рив[3] (Вы его, конечно, помните: Вы о нем как-то писали, и он был у Вас с Робертом Фростом)[4] попросил меня написать статью о Толстом и Шекспире для американского толстовского сборника. Из сборника потом ничего не вышло, но я благодарен Риву, потому что после его предложения я «заболел» этой темой и не успокоился, пока не написал ее. Статья два года провалялась в «Вопросах литературы»,[5] пока, наконец, не вышла там в урезанном виде и почти без ссылок, чем я был поставлен в неловкое положение к своим предшественникам. Англичане в этом отношении более щепетильны.

В варианте, который я послал им в мае 63-го года, они ничего не выбросили. Правда, в переводе есть не выправленные ошибки, но не так много.

Вы спрашиваете, над чем я работаю. Сейчас готовлю стихотворения Михайлова для «Библиотеки поэта» (б. серия, 2-е изд.).[6] Предполагаю написать небольшую статью о «Гренадерах» Гейне в переводах Михайлова.[7] Должен еще сделать работу об английском журнале «Московит» (1714);[8] о нем никто ничего не знает; мне с трудом удалось раздобыть его микрофильм из Бодлеанской библиотеки в Оксфорде. В более отдаленных планах — хочу написать книжку о русском поэтическом переводе эпохи романтизма.[9] Тут много напутано, и хотелось бы в этом разобраться. Не знаю только, разрешит ли это мне институтское начальство (я работаю в Пушкинском доме); а написать книжку сверх институтского плана вряд ли удастся.

Только бегло успел посмотреть Вашу книгу. Просто поразительно, как Вы никогда не успокаиваетесь на достигнутом; каждое новое издание — почти новая книжка, вбирающая в себя все, что только появилось нового, интересного, полная свежих наблюдений и глубоких мыслей.

К сожалению, не имею ничего равноценного, чем бы мог отблагодарить Вас. Посылаю Вам две небольшие статьи, вышедшие в последнее время: может быть, Вы найдете в них что-нибудь для себя любопытное.

Простите, пожалуйста, за нескромность, но мне очень хотелось бы с Вами встретиться, когда мне доведется быть в Москве. Возможно ли это, или Вы все время находитесь в Переделкине?[10]

Еще раз благодарю Вас за все.

С сердечным приветом и наилучшими пожеланиями

Искренне Ваш Ю. Левин

---

[1] В книге под редакцией М. П. Алексеева «Шекспир и русская культура» (М.; Л., 1965) Ю. Д. Левину принадлежали главы «Пушкинская пора», «Русский романтизм», «На путях к реалистическому истолкованию Шекспира», «Шестидесятые годы». В последней из упомянутых глав шла речь о критическом отношении Л. Н. Толстого к Шекспиру уже в 1960-е годы. В связи с этим Ю. Д. Левин ссылался также на статью К. И. Чуковского «Дружинин и Лев Толстой», вошедшую в сборник «О людях и книгах», многократно переиздававшийся (1958, 1960, 1967). Первый вариант статьи имел заглавие «Толстой и Дружинин в шестидесятых годах» (1934).

[2] Глава «Между двумя революциями», в которой говорилось о трактате Л. Толстого «О Шекспире и о драме», в книге «Шекспир и русская культура» принадлежала Э. П. Зиннеру (1912—1987), проректору Иркутского гос. педагогического института.

[3] *Рив Франклин* (Reev; 1928—2013) — американский профессор, славист; писатель.

[4] *Фрост Роберт* (Frost; 1874—1963) — один из крупнейших американских поэтов; в сопровождении Ф. Рива в 1962 г. посетил Россию; был в гостях у К. И. Чуковского в Переделкино. Эту встречу Ф. Рив описал в статье «Фрост в России» (Иностранная литература. 2000. № 5).

[5] *Левин Ю. Д.* Лев Толстой, Шекспир и русская литература 60-х годов XIX века // Вопросы литературы. 1968. № 8. С. 54—73.

[6] Речь идет о книге: *Михайлов М. Л.* Собрание стихотворений / вступ. статья, сост., подгот. текстов и примеч. Ю. Д. Левина. Л.: Советский писатель, 1969. (Библиотека поэта. Большая серия. 2-е изд.).

[7] Публикуя перевод стихотворения Г. Гейне «Гренадеры» в «Собрании стихотворений» М. Л. Михайлова (с. 294; 556), Ю. Д. Левин впервые исправил ошибку, допущенную в других публикациях.

[8] Статья Ю. Д. Левина «Английский журнал “Московит”» была опубликована в книге «Восприятие русской культуры на Западе» (Л.: Наука, 1975. С. 7—23).

[9] Этой теме была посвящена работа Ю. Д. Левина «Прижизненная слава Вальтера Скотта в России» в сборнике «Эпоха романтизма: из истории международных связей русской литературы» (Л.: Наука, 1975. С. 5—67).

[10] В то время К. И. Чуковский постоянно жил в Переделкине. Несмотря на частые болезни, он продолжал свою активную литературную деятельность и переписку с широким кругом лиц. См: *Чуковский К. И.* Собр. соч.: в 15 т. М., 2013. Т. 15.

ПЕРЕПИСКА Ю. Д. ЛЕВИНА С Е. Ц. ЧУКОВСКОЙ

1

Ю. Д. Левин — Е. Ц. Чуковской.
29 января 1991. Ленинград

Глубокоуважаемая Елена Цезаревна!

Посылаю Вам, как обещал, копию последнего письма ко мне Корнея Ивановича от 17 февраля 1969 г. Письмо это написано по поводу статьи (даю библиографическое описание):

Yu. D. Levin. Tolstoy, Shakespeare and Russian Writers of the 1860s. — Oxford Slavonic Papers, new series, vol. 1, 1968, p. 85—104.

Русский вариант статьи печатался в том же году в журнале «Вопросы литературы» (1968, № 8, с. 54—73). Корней Иванович сам обратил внимание на мою статью: я ему оттиска не посылал. К этому могу добавить, что крайне лестное для меня (и как мне тогда казалось, преувеличенное) предсказание Корнея Ивановича неожиданно для меня сбылось, как Вы можете судить по прилагаемой брошюре.[1]

На всякий случай повторяю свои уточнения к опубликованным Вами в «Новом мире» фрагментам дневника Корнея Ивановича (с. 164).

Фамилия генеральши не Хирина, а Харина. Упомянутый «меланхоличный Антон» был швейцаром (фамилии его не помню), а «седовласый Михаил Яковлевич» — дворником; фамилия его — Зинин.

Дом, где размещалась «Всемирная литература», находится на Моховой улице № 36.[2]

Желаю Вам всего доброго.

С искренним уважением

Ю. Д. Левин

---

[1] 22 июня 1988 г. Юрий Давидович Левин был избран почетным доктором Оксфордского университета. Русские переводы латинских похвальных речей оратора Оксфордского университета Г. Бонда по поводу избрания Ю. Д. Левина (1988) и А. Д. Сахарова (1989) были опубликованы отдельной брошюрой известным славистом доктором Дж. С. Г. Симмонсом в Оксфорде в 1990 г. в количестве 250 экземпляров. Здесь же был помещен «Список русских и советских деятелей, почетных докторов Оксфордского университета с 1763 по 1989 г.», в котором было и имя К. И. Чуковского, избранного в 1962 г. Эту брошюру, очевидно, и послал Ю. Д. Левин Е. Ц. Чуковской.

[2] В «Дневнике» К. И. Чуковского при описании собраний участников «Всемирной литературы» была следующая запись от 19 нояб. 1919 г.: «Теперь мы собираемся уже не на Невском, а на Моховой, против Тенишевского училища. Нам предоставлены два этажа барского особняка генеральши Хириной. Поднимаешься по лестнице — усатый меланхоличный Антон, и седовласый Михаил Яковлевич, бывший лакей Пуни <...>» (*Чуковский К. И.* Дневник. М.: Советский писатель, 1991. Ч. 1: (1901—1929). С. 54).

2

Е. Ц. Чуковская — Ю. Д. Левину.
9 марта <19>91

Глубокоуважаемый Юрий Давидович!

Простите, что с опозданием отвечаю на Ваши щедрые подарки — Ваше письмо, список русских членов Оксфорда и письмо К. И.

К сожалению, мне уже не удастся исправить ошибки в фамилиях, на которые Вы указываете в Вашем письме. 1-й том Дневника 1901—1929 набран в «Сов<етском> писателе», переведен на пленку (!) и лежит в таком виде, т. к., разумеется, нет бумаги.

Если будет когда-нибудь следующее издание, непременно всё поправлю. И если выйдет книга и Вы там обнаружите ошибки, заранее прошу Вас мне о них написать.

С опозданием на два года поздравляю Вас с оксфордской степенью.

Уважающая Вас

Е. Чуковская

Приложение

ПИСЬМО Ю. Д. ЛЕВИНА К Е. Ю. <ГЕНИЕВОЙ?>[1]

18 марта 1991, Ленинград

Дорогая Екатерина Юрьевна!

Решаюсь Вас побеспокоить в связи с Вашим любезным откликом на мое желание издать факсимильное воспроизведение альбома моего отца (с моим пояснительным предисловием, конечно).

Полагаю целесообразным сообщить Вам сведения о его полном составе, поскольку моя публикация в альманахе «Прометей» (т. 4, М., 1967. С. 414—421) в виде текстов, включенных в статью «Поэты о дровах» далека от полноты (по разным причинам). Поэтому перечисляю Вам авторов, как включенных в статью, так и не включенных.

Включены

Стихи: Н. О. Лернер, А. А. Блок, К. И. Чуковский, Н. А. Оцуп, А. В. Амфитеатров, М. А. Кузмин, И. К. Прутков (Б. В. Жиркевич), А. д'Актиль (А. А. Френкель).
Проза: Ф. Д. Батюшков.
Рисунки: Ю. П. Анненков, Н. Э. Радлов.

Не включены

Стихи: Н. С. Гумилев, Ф. К. Сологуб, В. А. Рождественский.
Проза: А. Волынский, Е. И. Замятин, В. К. Шилейко.
Рисунок: Я. Шапиро.

На всякий случай сообщаю Вам, что содержащиеся в альбоме тексты и рисунки занимают 20 стр. После некоторых стихотворений, занимавших лицевую сторону листа, оборотная сторона оставалась свободной; таких «пустых» страниц 12. Захотят ли издатели воспроизводить такой порядок записей или пренебрегут этим ради экономии бумаги — это уже их дело.

Если у Вас возникнут какие-либо вопросы, напишите, пожалуйста, — сразу же отвечу.

В любом случае заранее Вас благодарю и надеюсь, что, может быть, и я смогу быть Вам полезным, чего от души желаю.

Всего Вам доброго

Ваш

---

[1] Хотя фамилия адресата не названа, можно полагать, что письмо обращено к *Екатерине Юрьевне Гениевой* (1946—2015). С 1989 г. она была первым заместителем директора Всероссийской гос. библиотеки иностранной литературы имени М. И. Рудомино, с 1993 г. — генеральным директором. Е. Ю. Гениева — филолог, специалист по английской литературе, библиограф; занимала ряд ответственных постов, в том числе была президентом Российского совета по культуре и искусству. К сожалению, известий об ответе Е. Ю. Гениевой на письмо Ю. Д. Левина не сохранилось, и издание, о котором он писал, не осуществилось.

Однако, благодаря этому письму, выявляется имя автора одного из рисунков, помещенных в альбоме Д. С. Левина, — художника Я. А. Шапиро (см. вступительную статью).

Библиографический список

1. Альбом Д. С. Левина как элемент литературного быта Петрограда в первые годы советской власти / публ. Д. М. Климовой // Ежегодник Рукописного Отдела Пушкинского Дома на 2005—2006 годы. СПб.: Дмитрий Буланин, 2009.
2. Библиография трудов Ю. Д. Левина / сост. Н. Д. Кочеткова // Res traductorica: перевод и сравнительное изучение литератур: к восьмидесятилетию Ю. Д. Левина. СПб.: Наука, 2000.
3. Дневник Чуковского. М.: Советский писатель, 1991.
4. Из переписки М. П. Алексеева и Ю. Д. Левина / публ. Н. Д. Кочетковой // Художественный перевод и сравнительное изучение культур. СПб.: Наука, 2010.
5. *Левин Ю. Д.* Лев Толстой, Шекспир и русская литература 60-х годов XIX века // Вопросы литературы. 1968. № 8.
6. *Левин Ю. Д.* Николай Гумилев и Федор Сологуб о дровах // Труды Отдела древнерусской литературы. СПб.: Дмитрий Буланин, 1996. Т. 50.
7. *Левин Ю. Д.* Переводы из европейской поэзии и прозы: исследования по истории и теории перевода / изд. подгот. Н. Д. Кочеткова. СПб.: Петрополис, 2013.
8. *Левин Ю. Д.* Поэты о дровах // Прометей: историко-биографический альманах. М.: Молодая гвардия, 1967. Т. 4.
9. *Левин Ю. Д.* Шекспир и русская литература XIX века. Л.: Наука, 1988.
10. *Левин Ю. Д., Рабинович Г. Б.* Некрасов и первый русский перевод «Мазепы» Ю. Словацкого // Некрасовский сборник. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. Т. 3.
11. *Меньё А.* Пример, достойный подражания // Мастерство перевода: сб. статей, 1963. М.: Советский писатель, 1964.
12. *Михайлов М. Л.* Собрание стихотворений / вступ. статья, сост., подгот. текстов и примеч. Ю. Д. Левина. Л.: Советский писатель, 1969. (Библиотека поэта. Большая серия. 2-е изд.).
13. *Пинес Б., Левин Ю., Френкель И.* Дантес выстрелил: фантастическая повесть // Звезда. 1994. № 8.
14. Русские писатели о переводе, XVIII—XX вв. / под ред. Ю. Д. Левина и А. В. Федорова. Л.: Советский писатель, 1960.
15. *Чуковский К.* Люди и книги. 2-е. изд., доп. М.: Гослитиздат, 1960.
16. *Чуковский К.* Собр. соч.: в 6 т. М.: Художественная литература, 1965. Т. 2: Современники.
17. *Чуковский К.* Современники. Портреты и этюды. М.: Мол. гвардия, 1962.
18. *Чуковский К.* Из воспоминаний. М.: Советский писатель, 1959.
19. Чукоккала. М.: Искусство, 1979.
20. Шекспир и русская культура / под ред. [и с предисл.] акад. М. П. Алексеева. М.; Л.: Наука, 1965.
21. *Mazon A.* Revue des études slaves. Paris, 1960. T. 37, fasc. 1/4. P. 227—228 (Chronique).
22. Pierwszy rosyski przeklad “Mazepy” J. Slowackiego // Slavia Orientalis, 1959. Rocz. 8, nr. 4. S. 3—22.

DOI: 10.31860/978-5-918680-384-298-378

«...СЛОВНО ТЫ ВЫХОДЕЦ С ТОГО СВЕТА, ИЛИ, НАПРОТИВ, ЗАЖИВО СТРАНСТВУЕШЬ ПО ЕЛИСЕЙСКИМ КРАЯМ»: Андрей Николаевич Егунов как филолог после 1956 года

(Вступительная статья, подготовка текста и комментарии М. Э. Баскиной)

Аннотация: Публикуемая поздняя статья А. Н. Егунова, сохранившаяся в его архиве, представляет собой исследование влияния западноевропейской литературы на раннее творчество Н. И. Гнедича. Статья предваряется вступительной статьей публикатора с описанием «елисейского», т. е. после освобождения в 1956 г. из лагеря, периода филологической деятельности Егунова — его службы в Пушкинском Доме.

Ключевые слова: А. Н. Егунов, архив, Пушкинский Дом, раннее творчество Н. И. Гнедича, сравнительное изучение русской и западноевропейской литературы.

Abstract: The published article by A. N. Egunov from his archive is a study of the influence of West-European literature on the early works of N. I. Gnedich. The article is introduced with the preface that outlines the "Elysian", i. e. after his release from the labour camp in 1956, period of Egunov's philological work, primarily his employment at Pushkin House.

Keywords: A. N. Egunov, archive, Pushkin House, the early works of N. I. Gnedich, comparative study of Russian and West-European literature.

Судьба филолога-классика, поэта и прозаика Андрея Николаевича Егунова (литературный псевдоним Андрей Николев; 1895—1968), по замечанию Геннадия Шмакова (1940—1988), одного из молодых друзей Егунова середины 1960-х гг. и первого публикатора его стихов на Западе, «тривиальна» для его поколения и круга:[1] блестящее начало в 1920-е, последующие годы ссылки, плена, лагеря и возвращение в середине 1950-х с ощущением, по словам самого Егунова, «словно ты выходец с того света, или, напротив, заживо странствуешь по елисейским краям».[2] Впрочем, сам Егунов, по воспоминаниям А. К. Гав-

[1] Часть речи (Нью-Йорк). 1980. № 1. С. 102.

[2] Письмо А. Н. Егунова А. И. Доватуру от 6 авг. 1956 г. цит. по: Выбранные места из переписки друзей-филологов: А. И. Доватур — А. Н. Егунов — Я. М. Боровский / публ. и примеч. А. К. Гаврилова и В. В. Зельченко // Древний мир и мы:

© Баскина М. Э., 2023

рилова, свою судьбу не воспринимал как трагическую и даже считал себя ее «баловнем».[3] Здесь речь пойдет только о ее филологической составляющей (творчество Егунова-поэта и прозаика достаточно известно)[4] и преимущественно поздней, «елисейской», с опорой на материалы его архива. Мы искренне признательны хранителям архива Ирине Валентиновне и Вадиму Валерьевичу Сомсиковым за разрешение работать с его материалами и подготовить настоящую публикацию.[5]

В 1920-е — начале 1930-х гг. Егунов — блестящий молодой античник, ученик С. А. Жебелева, оставленный при университете для подготовки к профессорскому званию, автор до сих пор дефинитивного перевода «Законов» Платона для новейшего издания «Academia»,[6] в котором впервые показал Платона-поэта, оригинального стилиста; а также выполненных вместе с друзьями по кружку АБДЕМ[7] переводов позднегреческого романа[8] — по оценке С. В. Поляковой, это был

классическое наследие в Европе и России. Пб.: Bibliotheca Classica Petropolitana, изд-во «Алетейя», 2000. Вып. II. С. 174.

[3] *Гаврилов А. К.* Журфиксы на Весельной // Тыняновский сборник. М.: Книжная палата, 1998. Вып. 10. С. 667 (первая публ. в изд.: Греко-латинский кабинет. 1997. Вып. 2. С. 84—88).

[4] См. основные издания: *Андрей Николев* (*Андрей Н. Егунов*). Собрание произведений / под ред. Глеба Морева и Валерия Сомсикова. Wien, 1993 (Wiener Slawistischer Almanach. Sonderband 35); *Маурицио М.* «Беспредметная юность» А. Н. Егунова: текст и контекст. М.: Изд-во Кулагиной, 2008; *Николев А.* По ту сторону Тулы: советская пастораль / статья Д. М. Бреслера и К. Е. Константиновой; коммент. А. А. Агапова, Д. М. Бреслера и К. Е. Константиновой. М.: Носорог, 2022.

[5] Архив был завещан Егуновым ближайшему другу его последних лет Валерию Ивановичу Сомсикову (ум. в 1994 г.), который хранил и изучал его материалы, написал очерк «Жизненный и творческий путь А. Н. Егунова» и составил библиографию работ Егунова (сведения из очерка Сомсикова использованы во вступительной статье к «Собранию произведений» Егунова, отдельно опубл. в 1997 г. альманахе «Греко-латинский кабинет»), а также библиографию публикаций о Егунове, новейших изданий и переизданий его сочинений (Архив Егунова). Сомсикову и его потомкам мы обязаны тем, что архив не только тщательно сохранен, но все эти годы был доступен для тех, кто интересовался творчеством Егунова, что позволило подготовить целый ряд публикаций из него: помимо перечисленных в примеч. 4 изданий, это новейшие публикации платоновских штудий Егунова, подготовленные в рамках проекта «Интеллектуальное наследие А. Н. Егунова как исследователя и переводчика античной философии и культуры» (2021; руководитель Р. В. Светлов); в частности, общий очерк состава архива: *Федоров Д., Колмакова М., Андерсен О.* Архив Андрея Николаевича Егунова // Платоновские исследования. 2022. № 17 (2). С. 126—136. В настоящее время архив Егунова передан в РО ИРЛИ и проходит научно-техническую обработку.

[6] Полн. собр. творений Платона: в 15 т. / новый пер. под ред. С. А. Жебелева, Л. П. Карсавина, Э. Л. Радлова. Пб.: Academia, 1923. Т. 13, 14.

[7] См.: *Бударагина О. В.* К истории АБДЕМ (по материалам петербургских архивов) // Philologica classica. 2019. Т. 14, № 12. С. 299—309.

[8] *Ахилл Татий Александрийский.* Левкиппа и Клитофонт / пер. А. Б. Д. Е. М., под ред. Б. Л. Богаевского; со вступ. статьей А. В. Болдырева. М.: Гос. изд-во, 1925

филологически фундированный и при этом «смелый и даже дерзкий эксперимент воссоздания стиля оригинала», его ритмизованной и рифмованной прозы.[9] После первого ареста, в начале 1933 г., Егунов, с небольшими перерывами, в течение более четверти века находился в неволе (в ссылке, плену, на принудительных работах, в лагере) и практически не имел возможности заниматься научной работой, не смог опубликовать ни строчки и, как он сам любил говорить, превысил сроки странствий, которые судьба уготовила гомеровскому Одиссею.[10] Незадолго до освобождения из десятилетнего лагерного заключения (которое он отбыл практически полностью, с 12 окт. 1946 г. по 26 апр. 1956 г.) в письмах к Анне Николаевне Гипси́, сестре его умершего в блокаду гимназического товарища Николая Васильева и вдове Михаила Гипси,[11] Егунов повторял, что ему время «уходить со сцены» и остается только как-нибудь «доживать свой век»: «О своем ближайшем будущем не хочу думать, отгоняю эту мысль — во всяком случае это будет жуткий психологический кризис» (письмо 13 марта 1956 г.).[12] Необходимость начинать жизнь заново, без родных и дома, представлялась пугающей:

> «В 60 лет не начинают жизнь и нелегко бывает найти работу с такой приятной справкой на руках, как инвалидное свидетельство о нетрудоспособности. Так что для меня это “прыжок в неизвестное”» (3 июня 1955 г.).
>
> «Для конторской работы я не гожусь: кроме слабости зрения, этот безнадежный почерк, объясняемый каким-то нервным поражением кисти руки. Ну, и т. д. Да и до сих пор ведь не изжито, что “по платью встречают”, а оно у меня аховое. Так что, учитывая всё, на должность выше сторожа не рассчитываю. С другой стороны, о доме инвалидов думаю, как о могиле. Но всё это скучно, оставим это. Что-нибудь будет, хотя и неважненькое. Раз кому не было суждено вовремя уйти со сцены, тот поневоле играет жалкую роль, сколько бы он ни избегал “жалких слов”» (2 окт. 1955 г.).

(сер. «Всемирная литература»); *Гелиодор*. Эфиопика / вступ. статья, ред. пер. и примеч. А. Егунова. М.; Л.: Academia, 1932.

[9] *Полякова С. В.* А. Н. Егунов как переводчик древних авторов // *Андрей Николев (Андрей Н. Егунов)*. Собрание произведений. С. 353.

[10] *Сомсиков В. И.* Жизненный и творческий путь А. Н. Егунова // Греко-латинский кабинет. 1997. Вып. 2. С. 75.

[11] О М. М. Гипси, поэте, актере ТЮЗа, см. разыскания А. Л. Соболева: Летейская библиотека-37 // URL: https://lucas-v-leyden.livejournal.com/82117.html (дата обращения: 10.11.2023) (включено в изд.: *Соболев А. Л.* Летейская библиотека: биографические очерки: в 2 т. М.: Трутень, 2013. Т. 2). Гипси смогла связаться с Егуновым благодаря ранее вступившему с ним в переписку товарищу по университету латинисту Я. М. Боровскому (1896—1994), см. о нем: *Боровский Я. М.* Opera philologica / изд. подгот. А. К. Гаврилов, В. В. Зельченко, Т. В. Шабурина. СПб.: Bibliotheca classica Petropolitana; Дмитрий Буланин, 2009.

[12] Здесь и далее письма Егунова к Гипси цитируются по материалам из архива Егунова.

За месяц до освобождения Егунов признавался:

> «...если б меня спросили, хочу ли я сейчас вернуться в Питер, я должен был бы по чистой совести ответить: нет, не хочу, мне слишком жутко, Питер для меня кладбище, а кому же охота жить на кладбище. <...> В этом же смысле, т. е. отрицательно <...> отвечал я и Якову Марковичу <Боровскому> на его предложение через факультет хлопотать о моем возвращении в Питер. Какой уж там Ун<иверсите>т, если я привык ложиться спать в 9 часов вечера и не могу читать при электричестве. Унив<ерситетска>я работа, даже минимальная, потребовала бы зарыться в книги, чтобы наверстать эти 15 лет, между тем как умственное напряжение, внимание и т. д. — ну, да что об этом говорить, оно и так понятно. Так что видишь, с какой радостью я приближаюсь к моменту своего выхода отсюда — эта радость почти равна радости поступления сюда. Да и не я один так, это ощущают многие из бездомных. Ведь с 1953 г. лагерь постепенно перешел в свою полную противоположность (вот она диалектика-то!): "обращение тонкое и деликатное", за куском хлеба не надо стоять, его приносят в секцию. Никакой заботы ни об отоплении, ни об освещении. Душ, стирка белья, бреют, стригут, ни одного клопа, 4 раза в месяц кино, лекции, радио, школа грамоты, курсы ремёсел и т. д. (всё это я совершенно всерьёз). <...> От освободившихся приходят и такие письма, которые напоминают "я о тюрьме своей вздыхаю" ("Шильонский узник"). Я уже 3-й год сочетаю в себе черты Обломова и Шильонского узника. Впрочем в мои годы естественно "лежать на печке". Я бы так и лежал и полёживал, предаваясь "мечтам и снам" и страдая только психологически, а тут вдруг неприятность: выходи. А от мира отвык, ни кола ни двора, т. е. ни одеяла, ни ложки, ни плошки. И — самое главное — никакой охоты жить. Надоело до смерти, даже восход и закат солнца, наступление весны и прочие якобы хорошие вещи» (24 марта 1956 г.).

Комиссия, рассматривавшая дела заключенных, дала Егунову направление в Караганду с указанием председателю местного совета народных депутатов приютить освободившегося лагерника, ввиду его «престарелости и бездомности, в доме инвалидов, с использованием вместе с тем на преподавательской работе» (письмо Егунова Гипси, 14 мая 1956 г.). Однако Егунов решил поехать в Ухту к младшему брату Александру, также недавно освободившемуся из лагеря.[13] Путешествие поездом, весенние пейзажи за окном, остановки на станциях, где продавали пасхальные куличи и яйца, долгожданная встреча с братом, — все это, о чем Егунов сообщал в письмах Гипси, подтолкнуло его перебраться к ней в Ленинград, чтобы выхлопотать пенсию:

> «Как бы мала она ни была, всё же мое положение определилось бы до самой смерти. К самому Л<е>н<ин>гр<а>ду мое отношение не измени-

[13] Александр Николаевич Егунов (лит. псевд. Александр Котлин; 1905—1980) — геофизик, моряк, прозаик, см. о нем на сайте «Бессмертный барак»: URL: https://bessmertnybarak.ru/books/person/1729252/ (дата обращения: 10.11.2023); РГАЛИ, ф. 1348, оп. 7, ед. хр. 23.

лось. <...> Л<е>н<ин>гр<а>д для меня кладбище, мне тяжело и мучительно его вновь увидеть, но здесь все уверяют, что я должен попытать счастья (какое уж тут “счастье”!). Вся эта попытка — пытка» (14 мая 1956).

Появившись в Ленинграде летом 1956 г. и живя вначале у А. Н. Гипси, с которой заключил фиктивный брак, Егунов все еще воспринимал свое пребывание здесь как временное и прощальное, о чем писал своему другу и коллеге по АБДЕМу А. И. Доватуру (который сам не так давно, освободившись из десятилетнего заключения, сомневался, сможет ли вернуться к филологической работе: «...балерина, не танцевавшая десяток лет; фехтовальщик, не бравший в руки рапиру, etc., etc., etc.»[14]):

«У меня здесь нет чувства оседлости. И все поумирали, и нет своей жилплощади. <...> так что мое пребывание я рассматриваю как временное, конечно.

Еще год назад я никак не предполагал, что мне доведется побывать в родном городе. Нынешнюю побывку рассматриваю как прощание с ним — а с ним за день не простишься, нужны месяцы. К числу таких прощальных развлечений относится и посещение былых квартир, т. е. не квартир, конечно — кто меня туда пустит? — а дворов, подъездов, и подъем по лестнице до былой нашей квартиры. За всю жизнь, начиная с детских лет, таких мест накопилось немало, в разных частях города. Ощущение не скорбное, а какое-то странное, словно ты выходец с того света, или, напротив, заживо странствуешь по елисейским краям».[15]

Справки для пенсии — «а это и было причиной моего приезда сюда, иначе я, пожалуй, и не решился бы приехать»[16] — собиранием которых занимался Егунов («Будет незаслуженно, если дадут пенсию по самой низшей норме, т. е. 300 р. А вот если бы 400—500, то можно было бы, покинув “блеск и суету большого света”, т. е. вообще всю эту Северную Пальмиру, устроить себе где-нибудь житие в пустыньке — совершенно серьезно»[17]), не дали необходимых 25 лет стажа («“деятельность” на юге, в степях»,[18] т. е. в лагере в карагандинской области, зачесть оказалось невозможно), и Егунов был вынужден искать службу.[19] По рекомендации старых университетских друзей-ан-

[14] Письмо Доватура Боровскому из лагеря от 31 марта 1947 г., цит. по: Выбранные места из переписки друзей-филологов. С. 168. Доватур отбывал срок в ИТЛ в 1937—1947 гг., освободился с запретом проживать в крупных городах, вернулся в Ленинград только в 1954 г. См. о нем: *Васильев А. Н.* Аристид Иванович Доватур: документальное наследие ученого в архиве Санкт-Петербургского филиала Института российской истории РАН. СПб.: Дмитрий Буланин, 2000.

[15] Письмо Егунова Доватуру от 6 авг. 1956 г., цит. по: Выбранные места из переписки друзей-филологов. С. 174.

[16] Там же. С. 173.

[17] Там же. С. 174.

[18] Там же.

[19] Сразу после освобождения Егунов смог, с помощью старых коллег, найти только внештатную работу в Ленинградском отделении Института истории есте-

тичников и известного историка В. В. Струве[20] осенью 1956 г. он был принят М. П. Алексеевым в незадолго перед тем основанный, на месте уничтоженного в ходе «борьбы с космополитизмом» Западного отдела Пушкинского Дома, Сектор взаимосвязей русской и зарубежных литератур.

В Пушкинском Доме Егунов прежде всего работал над монографией «Гомер в русских переводах XVIII—XIX веков» (М.; Л.: Наука, 1964).[21] Также он участвовал в подготовке тома «Неизданные письма иностранных писателей XVIII—XIX веков из ленинградских рукописных собраний» (под ред. акад. М. П. Алексеева. М.; Л.: Наука, 1960) и академического собрания сочинений И. С. Тургенева.[22]

ствознания и техники Академии наук СССР, как говорилось в выданной ему в 1961 г. для начисления пенсии архивной справке, «по переводу статей научного содержания с латинского, английского и немецкого языков и по изысканию материалов о Ломоносове в иностранной периодике 1741—1761 гг.» (эта договорная работа продолжалась с 6 июля по 25 нояб. 1956 г.).

[20] Указ. в статье: *Сомсиков В. И.* Жизненный и творческий путь А. Н. Егунова. С. 82.

[21] Филиациями монографии «Гомер в русских переводах» являются, помимо публикуемой ниже поздней работы о Гнедиче и западноевропейской литературе, статьи: 1) «Ломоносов — переводчик Гомера» (в сб.: Литературное творчество М. В. Ломоносова: исследования и материалы. М.; Л.: Наука, 1962. С. 197—218), 2) «В. К. Кюхельбекер — читатель Гомера» (Русско-европейские литературные связи: сб. статей к 70-летию со дня рождения акад. М. П. Алексеева. М.; Л.: Наука, 1966. С. 68—74) и 3) «“Плоды уединения” Н. И. Гнедича» (Роль и значение литературы XVIII века в истории русской культуры: к 70-летию со дня рождения члена-корр. АН СССР П. Н. Беркова (XVIII в.; сб. 7). М.; Л.: Наука, 1966. С. 312—319). Вероятно, сюда же можно отнести и занятия Егунова переводческим наследием И. А. Крылова (в монографии о русском Гомере Егунов атрибутировал Крылову перевод фрагмента «Одиссеи») — статью «Басня Крылова “Комар и Пастух” и “Culex” Вергилия» (Россия и Запад: из истории литературных отношений: сб. статей / под ред. акад. М. П. Алексеева. Л.: Наука, 1973. С. 184—188) и пока не разысканную небольшую (7 маш. страниц) работу «Крылов — переводчик Плутарха и Платона», о которой упоминает В. И. Сомсиков в перечне неопубликованных работ Егунова с пометой «единственный экземпляр статьи хранится в ИРЛИ» (Архив Егунова).

[22] Из комментирования Тургенева выросло несколько опубликованных отдельно заметок: 1) «Тургенев и Мёрике» (И. С. Тургенев (1818—1883—1958): статьи и материалы. Орел: Орловское книжное изд-во, 1960. С. 228—239); 2) «Об эпиграмме Гомера: студенческая работа Тургенева на латинском языке» (Тургеневский сборник: материалы к Полн. собр. соч. и писем И. С. Тургенева. М.; Л.: Наука, 1964. Т. 1. С. 200—211); 3) «Weilevorder Hagerose: Тургенев и Маттисон» (Там же. С. 229—232); 4) «Письменные ответы Тургенева на магистерском экзамене» (Там же. 1966. Т. 2. С. 89—108); 5) «“Вешние воды”: латинские ссылки в повести Тургенева: 1. Тургенев и “Энеида” Вергилия; 2. Taedium vitae» (Там же. 1968. Т. 4. С. 182—188). Сохранившаяся в архиве Егунова большая статья «Литературные реминисценции в “Вешних водах”» опубликована в качестве приложения в: *Кукуй И. С.* Литературоведческий комментарий и литературный перевод как непрямое высказывание: (к «маргиналиям» А. Н. Егунова) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2018. Т. 15, вып. 1. С. 47—55.

Егунов не оставлял занятий античностью — Платоном и позднегреческим романом — которые связывали его с началом научной жизни.[23] В начале 1960-х он переработал для переиздания перевод Гелиодора, снабдив его новой вступительной статьей,[24] а также сотрудничал с С. В. Поляковой как переводчик и редактор переводов позднегреческой прозы.[25] В последние годы жизни Егунов работал над монографией «Греческий роман в русских переводах XVIII века» — как он писал Поляковой, «[п]рощаясь с греч<еским> романом (это входит в прощание с миром) <...>».[26] Материалы к этой незаконченной работе сохранились в архиве Егунова: в книгу входят главы о переводах «условно-греческого» романа «Карита и Полидор», а также Гелиодора, Ксенофонта Эфесского, Харитона и Ахилла Татия.[27] Егунов был привлечен для редактирования переводов в однотомнике «Избранные диалоги» Платона (сост. В. Ф. Асмус. М.: Художественная литература, 1965) и также выполнил для него перевод диалога «Федр», о котором 40 лет назад писал с нежностью: «...там собеседники, разувшись, идут

Кроме того, после смерти Егунова в изданиях Пушкинского Дома вышли его заметки «Немецкая “Пиковая дама”» (Временник Пушкинской комиссии, 1967—1968. Л.: Наука, 1970. С. 112—113) и «Erotici scriptores в древнерусской “Пчеле”» (Труды Отдела древнерусской литературы. Л.: Наука, 1969. Т. 24. С. 101—104). В некрологе Егунову указано, что первой его пушкинодомской работой стал прочитанный в октябре 1957 г. на заседании Сектора взаимосвязей русской и зарубежных литератур доклад «Чернышевский и античные эстетические теории» (*Алексеев М. П., Левин Ю. Д., Полякова С. В.* Памяти А. Н. Егунова // Русская литература. 1969. № 1. С. 255), его текст нам обнаружить не удалось.

[23] См. также статью Егунова «Атрибуция и атетеза в классической филологии», подготовленную к печати В. И. Сомсиковым, А. К. Гавриловым и В. В. Зельченко, в изд.: Древний мир и мы: классическое наследие в Европе и России. 1997. № 1. С. 83—138. Тезисы этой статьи были опубл. в сб.: О принципах определения авторства в связи с общими проблемами теории и истории литературы. Научная сессия: (тезисы докладов и сообщений). Л.: Наука, 1960. С. 16—17. Также см.: *Егунов А. Н.* 1) Трагедия Еврипида «Елена» // Древний мир: сб. статей, посвященный акад. В. В. Струве. М.: Восточная литература, 1962. С. 501—512; 2) Письма Еврипида // Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья: к 100-летию со дня рождения акад. С. А. Жебелева. Л.: Наука, 1968. С. 121—129.

[24] *Гелиодор*. Эфиопика / ред. пер., вступ. статья и коммент. А. Егунова. М.: Художественная литература, 1965 (сер. «Библиотека античной литературы. Греция»).

[25] Поздняя греческая проза: пер. с др.-греч. / сост., вступ. статья и примеч. С. Поляковой. М.: Гослитиздат, 1961; Византийская любовная проза / пер., вступ. статья и коммент. С. В. Поляковой. М.; Л.: Наука, 1965 (сер. «Литературные памятники»); Византийские легенды / изд. подгот. С. В. Поляковой. Л.: Наука, 1972 (сер. «Литературные памятники»).

[26] Открытка Егунова Поляковой от 10 июня 1968 г. (материалы С. В. Поляковой в РО ИРЛИ, включающие письма к ней Егунова 1963—1968 гг., в настоящее время проходят научно-техническую обработку).

[27] Из этой незавершенной монографии была отдельно опубл. статья «“Исмений и Исмена”, греческий роман Сумарокова» (Международные связи русской литературы: сб. статей / под ред. М. П. Алексеева. М.; Л.: Наука, 1963. С. 135—160).

в зной по руслу речки, сладко беседуя; все юно, безоблачно и солнечно <...>».[28] Когда-то Егунов перевел для издания «Academia» поздние, «старческие», «Законы» Платона, а 40 лет спустя, уже сам будучи стариком, переводил «юного» «Федра». В последние годы жизни Егунов также работал над переводом «Государства» Платона (Егунов считал правильным освежить для отечественного читателя его заглавие и именовал «Политией»),[29] который увидело свет уже после смерти переводчика.[30]

В Пушкинском Доме Егунов оказался в среде хотя и филологической, но не античников («...литературоведческого вокруг меня бывает ежедневно в изобилии, но собственно филологического, по нашей части, общения я не имею и живо ощущаю эту недостачу», — писал он Доватуру[31]) и между сравнительно благополучными академическими учеными, где из его сверстников даже лучшие «все знали, но ничего не понимали».[32] Тогда как на самого Егунова, вспоминает его младший коллега по сектору П. Р. Заборов (род. 1931), достаточно было только взглянуть, чтобы увидеть безошибочный след иной судьбы:

> «Значительная, благородная внешность и голова, втянутая в плечи, изуродованные ногти, дрожащие руки, какая-то особая походка, которая скорее всего выработалась у него от долгого хождения под конвоем. Не

---

[28] *Егунов А.* Введение // Полн. собр. творений Платона: в 15 т. Пб.: Academia, 1923. Т. 13: Законы, кн. 1—6. С. 5.

[29] См.: Выбранные места из переписки друзей-филологов. С. 182, 186.

[30] *Платон.* Сочинения: в 3 т. / под общ. ред. А. Ф. Лосева и В. Ф. Асмуса. М.: Мысль, 1971. Т. 3.

[31] Письмо Егунова Доватуру, 31 янв. 1959 г. // Выбранные места из переписки друзей-филологов. С. 176—177. Из составленного В. И. Сомсиковым биографического очерка также известно, что в последние годы жизни Егунов общался с друзьями своей молодости Я. М. Боровским, А. М. Шадриным (1911—1983), вдовой К. К. Вагинова А. И. Вагиновой (урожд. Федорова; 1902 или 1903—1993) и вдовой Ю. И. Юркуна О. Н. Гильдебрандт-Арбениной (1897/1898—1980), его посещали молодые московские филологи С. С. Аверинцев, С. П. Маркиш и др. Взаимная симпатия и общий интерес к позднегреческому роману его связывали с С. В. Поляковой (1914—1994). Кроме того, в 1960-е гг. вокруг Егунова сложился круг молодых друзей, в который входили, помимо упоминавшихся А. К. Гаврилова, Г. Г. Шмакова, В. И. Сомсикова, также М. Б. Мейлах, Л. Н. Чертков, Т. Л. Никольская, см.: *Никольская Т. Л.* Из воспоминаний об А. Н. Егунове // Звезда. 1997. № 7. С. 231—234 (доп. вар.: в ее книге «Авангард и окрестности». СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2002. С. 267—268).

[32] Запись в дневнике филолога-слависта С. Б. Бернштейна 24 авг. 1960 г.: «Про ленинградских филологов в шутку говорят — все они делятся на три группы. Одни все знают и все понимают. Представителем их является Жирмунский. Другие все знают, но ничего не понимают. Их блестяще представляет Алексеев. И, наконец, ученых, которые ничего не знают и ничего не понимают, ярко возглавляет Пиксанов. Сказано зло, но в отношении Алексеева и Пиксанова верно» (*Бернштейн С. Б.* Зигзаги памяти: воспоминания, дневниковые записи. М.: б. и., 2002. С. 264).

менее впечатляли его потрепанная одежда и странная (возможно, еще лагерная) шапка-ушанка, а также его более чем скромный быт <...>».[33]

Ср. сходное впечатление Симона (Шимона) Маркиша от встречи с Егуновым в Пушкинском Доме: «...на парадной лестнице <...> показалась странная фигура. Точнее — странно одетая: штаны и пиджак — бумажные, какие можно было увидеть разве что в деревне <...>. Нищета платья кричала особенно вызывающе не столько даже из-за парадно-помпезного фона, сколько в бесстыдном контрасте с лицом старика, крупные и резкие черты которого обозначали <...> некое высокое, а может быть, и высшее понимание, а потому достоинство и покой».[34]

Конечно, поступление на седьмом десятке лет на службу в Пушкинский Дом младшим научным сотрудником без степени для Егунова было вынужденным. Известно также, что в последние годы он, уже больной, тяготился хождением в институт, в письме к Доватуру иронически именовал это «заведение» «застенком»[35] и оставил его сразу, как только набрался достаточный стаж для пенсии. Впрочем, справедливо, вероятно, и мнение П. Р. Заборова, что за десять лет в институте Егуновым «было сделано необычайно много <...>. Это был, несомненно, самый благополучный период его жизни — впервые он получил возможность заниматься наукой без помех и препятствий, он был окружен уважением и любовью <...>».[36] Так же оценивает последний период жизни Егунова знавший его ближе других Валерий Сомсиков — как «вполне благополучный и продуктивный для его филологической деятельности».[37]

Публикуемая статья Егунова «Гнедич и западноевропейская литература», как поясняет Егунов в зачеркнутом вводном пассаже, является «развернутым экскурсом» к главам его монографии «Гомер в русских переводах XVIII—XIX веков» (1964), посвященным Н. И. Гнедичу как переводчику «Илиады»:

«...представляется нелишним подробнее остановиться на значении западноевропейских литератур для подхода Гнедича к Гомеру, на его осведомленности в них, что послужило фоном и своего рода пропедевтикой для усвоения им древнего эпоса, то есть проследить здесь психологиче-

[33] Из выступления П. Р. Заборова на заседании памяти Егунова в Пушкинском Доме в 1995 г. Я искренне благодарна Петру Романовичу за предоставление текста его сообщения.

[34] *Маркиш Ш.* Об Андрее Николаевиче Егунове // Иерусалимский журнал. 2004. № 18, цит. по: URL: https://new.antho.net/wp/jj18-markishs5/ (дата обращения: 10.11.2023).

[35] Письмо Егунова Доватуру от 29 июля 1959 г., цит. по: Выбранные места из переписки друзей-филологов. С. 178.

[36] Из выступления П. Р. Заборова на заседании памяти Егунова в Пушкинском Доме в 1995 г.

[37] *Сомсиков В. И.* Жизненный и творческий путь А. Н. Егунова. С. 82.

ский и стилевой путь Гнедича от новой европейской литературы к Гомеру, который благодаря Гнедичу появился в русском обличьи» (Архив Егунова).

Несмотря на то, что статья датирована 1965—1968 гг., т. е. была написана уже после выхода Егунова на пенсию со службы в Пушкинском Доме (в ИРЛИ Егунов служил с 19 нояб. 1956 г. по 1 марта 1963 г.),[38] ее можно отнести к «пушкинодомскому» периоду филологического творчества Егунова, когда он, по обязанностям работы в Секторе взаимосвязей русской и зарубежных литератур, занимался темой рецепции античной литературы в России. Учитывая большой объем статьи (4 а. л.), кажется возможным предположить, что она предназначалась для очередного тома серии «Из истории международных связей русской литературы» — «От классицизма к романтизму» (отв. ред. М. П. Алексеев. Л.: Наука, 1970): эти тома в те годы составлялись из небольшого числа объемных монографических работ, — однако по каким-то причинам в него не вошла.[39]

В течение полувека, прошедшего со времени написания статьи, творчество молодого Гнедича продолжало оставаться малоисследованной темой — положение изменилось только в 2019 году с выходом раннего романа Гнедича «Дон-Коррадо де Геррера», а также повести «Мориц, или Жертва мщения» и драмы «Вольф, или Преступник от презрения» в серии «Литературные памятники» с подробными комментариями и вступительной статьей Е. О. Ларионовой. Однако даже на фоне этого фундаментального труда работа Егунова сохраняет элементы новизны и оригинальности.

Статья Егунова закончена, но не отделана и представляет собой черновую машинопись с большим числом опечаток, отчасти исправленных автором. Для настоящей публикации сверены все цитаты, ошибки в них, а также очевидные описки и опечатки в тексте статьи исправлены без оговорок, библиографические описания уточнены.[40]

---

[38] См.: *Алексеев М. П., Левин Ю. Д., Полякова С. В.* Памяти А. Н. Егунова // Русская литература. 1969. № 1. С. 252—254.

[39] Статья «Гнедич и западноевропейская литература» давно была известна близкому к Егунову кругу исследователей. Еще в 1979 г. А. К. Гаврилов предлагал включить ее в том работ Егунова в серии «Классики советского литературоведения» под ред. А. П. Чудакова. Чудаков охотно согласился («совершенно несомненно, что он <Егунов> достоин войти в список — по времени рождения где-то около В. Л. Комаровича, В. В. Гиппиуса и С. Д. Балухатого»), однако замысел серии не был осуществлен (письмо Гаврилова и ответ Чудакова сохранились в архиве Егунова). Другой ленинградский античник, университетский профессор А. И. Зайцев (1926—2000), пользовался статьей «Гнедич и западноевропейская литература» при написании послесловия к переизданию «Илиады» в сер. «Литературные памятники», указав давно умершего Егунова своим соавтором: *Егунов А. Н., Зайцев А. И.* «Илиада» в России // *Гомер.* Илиада / пер. Н. И. Гнедича; изд. подгот. А. И. Зайцев. Л.: Наука, 1990. С. 417—427.

[40] Пока настоящая публикация готовилась к изданию, 1—4 главки раздела «Ранний Гнедич» статьи Егунова были напечатаны в «Вестнике Русской христиан-

Мы сохранили манеру Егунова давать в рамках одного цитатного блока пассажи, часто крайне далеко отстоящие в источнике, разделяя их многоточиями без ломаных скобок. Также оставлено без исправления ошибочное именование Егуновым незавершенной драмы Гнедича «Вольф, или Преступник от презрения»: Егунов один раз, приводя из нее цитату (вероятно, по автографу: ОР РНБ, ф. 197, ед. хр. 6), дает верное заглавие, но ошибочно полагает, что Гнедич предпочел вариант «Преступник от любви»[41] и далее везде так ее именует (эта ошибка восходит к статье Ю. М. Лотмана).[42]

Статья Егунова включает шесть приложений, часть из которых сейчас легко доступна,[43] однако мы сочли правильным воспроизвести здесь весь их корпус, так как он составляет неотъемлемую часть статьи, сверив все тексты с первыми публикациями и архивными рукописями, с которыми работал Егунов.

ской гуманитарной академии» (2022. С. 173—187; публ. В. С. Минака), однако не как научный текст, а как литературный памятник, т. е. «как есть», без исправления описок и опечаток, сверки цитат и проч.

[41] Ср. примеч. к переизданию драмы: *Гнедич Н.* Дон-Коррадо де Геррера / изд. подгот. Е. О. Ларионова. М.: Наука, Ладомир, 2019 (сер. «Литературные памятники»).

[42] *Lotman Yu.* Neue Materialen über die Anfänge der Beschäftigung mit Schiller in der russischen Literatur // Wissenschaftliche Zeitschrift der Ernst Moritz Arndt-Universität Greifswald. Gessellschaft- und sprachwissenschaftliche Reie. № 5/6. Jahrgang VIII. 1958/1959. S. 419—434. Егунову была доступна машинопись статьи Лотмана по-русски (она сохранилась в архиве ученого и была опубликована после его смерти, с сохранением ошибки в заглавии «Вольфа»: *Лотман Ю. М.* Новые материалы о начальном периоде знакомства с Шиллером в русской литературе // Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение. IV (Новая серия). Тарту, 2001. С. 9—51; URL: https://www.ruthenia.ru/document/476565.html (дата обращения: 10.11.2023)). Лотман, вероятно, просто допустил описку — в другой статье он дает правильный вариант заглавия драмы Гнедича (*Лотман Ю. М.* Писатель, критик и переводчик Я. А. Галинковский // XVIII век. 1959. Сб. 4. С. 248, примеч. 6), однако его ошибка оказалась влиятельной (воспроизведена, напр., в статье: *Данилевский Р. Ю.* Шиллер и становление русского романтизма // Ранние романтические веяния. Л.: Наука, 1972. С. 83, примеч. 168).

[43] Стихотворения Гнедича «Несогласие» и «Стон при гробе М-ва» из сборника «Плоды уединения» (1802) (приложения 1 и 2 к статье Егунова) доступны в репринтных переизданиях этого сборника в электронной библиотеке ImWerden (URL: https://imwerden.de/publ-2196.html (дата обращения: 10.11.2023)) и в бумажном издании (СПб.: Свое издательство, 2013). Фрагмент из романа Гнедича «Дон-Коррадо де Геррера» (приложение 5) — в переиздании в серии «Литературные памятники» (2019). Приложение 6 — письмо З. А. Буринского Гнедичу от 4 июня 1803 г. — было напечатано еще в «Отчете Императорской Публичной библиотеки за 1895 год» (СПб., 1898. Прил. С. 46—48), о чем Егунову, видимо, не было известно, так как он пользовался архивным источником.

А. Н. Е г у н о в

ГНЕДИЧ И ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Содержание

Ранний Гнедич
1. «Плоды уединения»
2. «Мориц, или Жертва мщения»
3. «Вольф, или Преступник от любви»
4. «Абюфар, или Арабская семья»
5. «Дон-Коррадо»
6. «Заговор Фиеско»
7. Литературная неудача
8. Переводы Мильтона, Оссиана, Тома. «Перуанец к испанцу»
9. «Леар»
«Троил и Кресида»
10. «Танкред»
11. Переход на гекзаметрический размер
12. «Андромаха»
13. Байрон, Шенье, новые греки
14. «Литературный манифест»

Приложения:

№ 1. «Плоды уединения» — «Несогласие»
№ 2. «Плоды уединения» — «Стон при гробе М-а»
№ 3. Перевод отрывка с явлением тени Патрокла
№ 4. Отрывок из «Инков» Мармонтеля
№ 5. «Дон-Коррадо де Геррера»
№ 6. Письма З. А. Буринского

В работах, посвященных специально Гнедичу и его переводу «Илиады», справедливо утверждается, что «Илиада» Гнедича создавалась на преромантической основе.[1] Занятия Гнедича западноевропейской литературой в основном предшествовали его труду над «Илиадой», поэтому преимущественно подлежит рассмотрению ранний период творчества Гнедича, в исследовании которого до сих пор имеются пробелы и которое никогда не анализировалось стилистически.

В Московском Университете, где Гнедич пробыл два года (1800—1802), греческую и латинскую словесность преподавал проф. П. А. Сохацкий. По своим эстетическим воззрениям он был противником мрачного колорита и туманности новейшей европейской поэзии, однако не замыкался в кругу односторонне понимаемого классицизма

[1] См.: *Кукулевич А. М.* «Илиада» в переводе Н. И. Гнедича // Ученые записки ЛГУ. 1939. Филол. науки. № 33. № 2; *Медведева И. Н.* Н. И. Гнедич // Гнедич Н. И. Стихотворения / вступ. статья, подг. текста и примеч. И. Н. Медведевой. 2-е изд. Л., 1956 С. 14, 22, 35 (Библиотека поэта. Большая серия). В дальнейших ссылках: Медведева. Библ. поэта.

и, как редактор (в 1802—1809 гг.) журнала «Новости русской литературы», примыкал к карамзинскому направлению. При всей своей политической благонамеренности, Сохацкий утверждал в печати (Политический журнал. 1790. № 1), что «дух свободы учинился воинственным при конце XVIII, как дух религии при конце XI века. Тогда вооруженною рукою возвращали святую землю, ныне святую свободу».[2] Выражение «святая свобода», употребленное впоследствии Гнедичем в переводе «Илиады» вопреки гомеровским представлениям и так подошедшее тогда к историческому моменту в смысле передачи преддекабристской политической атмосферы, Гнедич мог, следовательно, слышать еще на студенческой скамье из уст профессора, очень далекого от политического радикализма. Впрочем, это выражение входило во фразеологию просветительства и не свидетельствовало об оригинальности Сохацкого.

С новейшими литературными влияниями Гнедич мог ближе ознакомиться благодаря бакалавру Московского университета Мерзлякову, бывшему лишь на 6 лет старше его (род. в 1778 г.). В кружке Мерзлякова Шиллер ценился как поборник прав личности и певец свободы. Собрания «Дружеского литературного общества» с участием Андрея Тургенева, Кайсарова, Буринского, Федора Иванова, Мерзляков открыл в 1801 году чтением — по-немецки — шиллеровского гимна «К радости», очевидно, не удовлетворяясь уже имевшимся русским его переложением у Карамзина («Песнь мира», 1794 г.) и еще не располагая в законченном виде новым переводом Андрея Тургенева. В своем дневнике Андрей Тургенев писал: «Из всех писателей я обязан Шиллеру величайшими наслаждениями ума и сердца. ... ни в какой трагедии французской не найду я того, что нахожу в “Разбойниках”». В Карле Море Тургенев чувствовал «совершенно себя».[3]

Близкий друг и ровесник Мерзлякова Федор Иванов (род. в 1777 г.) в 1794 г. был капитаном морского полка, участвовал в войне со шведами, побывал в Финляндии. В русском историческом прошлом ищет он следы вольнолюбивого духа (трагедия «Марфа Посадница»), несколько позднее (к 1809 году), несмотря на наличие на русском языке шиллеровских «Разбойников» в переводе Сандунова (1793 г.), он «перевел с французского трагедию “Роберт, или Атаман разбойников”, переделанную из известной немецкой Шиллера, под названием “Разбойники”. ... их не пустили на сцену по неизвестным некоторым причинам, — говорит Мерзляков. — О сей ... сказать нечего: ибо, кроме слога, русскому писателю ничего не принадлежит».[4] В противополож-

---

[2] Цит. по: *Орлов Вл.* Русские просветители 1790—1800 годов. Изд. 2-е. М., 1953. С. 56.

[3] Цит. по: *Лотман Ю. М.* Мерзляков как поэт // Мерзляков А. Ф. Стихотворения. Библ. поэта. 2-е изд. Л., 1958. С. 18.

[4] *Мерзляков А.* Воспоминание о Федоре Федоровиче Иванове (1816 г.) // Иванов Ф. Ф. Сочинения и переводы: в 4 ч. М., 1824. Ч. 1. С. 14—15.

ность мнению Мерзлякова, нас именно может интересовать рецепция Шиллера через французское посредство[5] и русский слог переводчика, передающий шиллеровскую дикцию, что как раз и входит — применительно к Гнедичу — в нашу тему. Предпочтение французского посредства для усвоения Шиллера не свидетельствует о вкусе переводчика, но совершенно понятно, учитывая подавляющее культурное влияние Франции в начале XIX века. Ф. Иванов перевел пьесу Ламартельера (Lamartelière) «Robert chef des brigands» (1786 г.). Немецкая поэзия была открыта французами главным образом после книги мадам де Сталь (1810—1813 г.); до той поры, за исключением единичных явлений, как успех идиллий Геснера, во Франции господствовало мнение, что немцы — народ, чуждый поэзии. Ламартельер, переделавший пьесу Шиллера еще в 1786 году, был, следовательно, одним из ранних предтеч «открытия» Германии. Этому способствовало и то, что он происходил, собственно, из немецкого рода, этимологически переведшего свою фамилию, Schwingdenhammer, на французский язык. Пьеса Ламартельера была поставлена в Париже лишь после революции и пользовалась большим успехом. В «Роберте» Ламартельера дело происходит в замке, среди Богемских лесов. Старший сын графа — Роберт — благородный разбойник, впрочем, он занимается в сущности не разбоем, а возглавляет тайное общество карателей неправды. Его злодейский брат — Мориц — кончает с собой, бросившись с башни в реку, а Роберт и его приверженцы получают прощение от императора и возвращаются к мирной жизни. В переводе пьесы, как справедливо указывает Мерзляков, русский слог принадлежит переводчику и выглядит в таком роде: «Роберт. Все благополучно в природе ... один я страдаю, я один ношу ад в душе моей! ... (он плачет) ... О злоба, о тираны! ... (Вопиющим голосом). Предвечный порядок нарушен!.. человечество лишилось прав своих... природа разорвала связь... сын растерзал отца своего!»[6]

Мерзляков и Андрей Тургенев относились к Шиллеру более почтительно — они непосредственно с подлинника перевели «Коварство и любовь» (не будучи напечатан, этот перевод до нас не дошел). У Мерзлякова Андрей Тургенев встречался с Нарежным, драмы которого «Мертвый замок» (1801 г.) и «Димитрий Самозванец» (1800—

[5] В чрезвычайно содержательной статье Ю. М. Лотмана «Neue Materialen über die Anfänge der Beschäftigung mit Schiller in der russischen Literatur» (Wissenschaftliche Zeitschrift der Ernst Moritz Arndt-Universität Greifswald. Gessellschaft- und sprachwissenschaftliche Reie. № 5/6. Jahrgang VIII. 1958/1959. S. 419—434) этот случай рецепции Шиллера через французскую литературу не рассматривается; Ф. Иванов упоминается поименно лишь в его отношении к Московскому университету (S. 430).

[6] <*Ламартельер Ж.-А.-Ф.*> Разбойники, трагедия в пяти действиях. Пер. с фр. // Иванов Ф. Ф. Сочинения и переводы. М., 1824. Ч. II. С. 19, 71—72. Ср. передачу последней фразы у Гнедича.

1804 гг.) носят резкие следы усиленного чтения Шиллера.[7] «Димитрий Самозванец» Нарежного написан прозой, преувеличенно передающей шиллеровский слог. Инфернальный колорит достигается частым упоминанием нечистой силы: «...настал тот час, когда цепи ада тают как воск и рыкающие тени блуждают», «все дьяволы бездны ревели ... в моем сердце», «поднялись умершие трупы; проклятые начали завывать на распутьях, и кладбища сделались местом хоровода теней», «дьявол злобы и мщения буду я на сей раз», «адские хамелеоны», «тысяча превращений, и везде дьявол» — так восклицают герои пьесы Нарежного, все равно, будет ли это Басманов, Игнатий, католический монах, сам Димитрий или дворянин Отрепьев, отец Гришки, некогда убивший царевича, а в конце пьесы убивающий своего сына-самозванца. Им не уступает и героиня пьесы — Ксения, дочь Годунова: «...дьяволы радуются своей добыче, — говорит она, — слышишь, слышишь радостные их восклицания, торжественные грохоты над моею головою!»

Самозванец у Нарежного то восклицает с блаженством: «Га! что мне делать? ... Последний червь моей области спит; а я — скрежещу зубами ... . Придите сюда, вы, воющие тигры, души буйные, сердца окаменелые ... стая волков погребет нас в своих чревах и завывающие совы воспоют нам надгробные песни...», то лишается чувств в избытке эмоций.[8] Марина (у Нарежного она — Мариянна, 19 лет) говорит: «...что значит быть на троне и при том чувствительной женщине подле бесчувственного злодея», а Басманов обнаруживает неожиданную образованность: «Бруты и Катоны, вы знаменитые полубоги баснословия, ужели мне идти по следам вашим?» Димитрий на протяжении пьесы именуется тираном.[9]

Приведенные примеры из русской шиллерианы 1800—1809 гг. имеют целью показать, что «шиллеровские» опыты молодого Гнедича вовсе не были его открытием, неслыханным новшеством, ни по содержанию, ни по слогу, но, напротив, составляют лишь одно из звеньев в ряду подобных явлений. Гнедич «на рубеже XVIII и XIX веков ... пережил увлечение “ужасной” литературой с центральным героем-злодеем, кровавыми страстями и т. д. Именно тогда появился у Гнедича интерес к Шиллеру».[10]

---

[7] См.: *Лотман Ю. М.* Указ. соч. S. 425—426.

[8] Рецензия в «Галатее» (1830. Ч. 17. № 35. С. 191) отмечает, что Лжедмитрий списан с Карла Моора (?), а Басманов — с Франца.

[9] Димитрий Самозванец: Трагедия в пяти действиях. Сочинение Василия Нарежного. 1800 года. М., 1804.

[10] *Лотман Ю. М.* Шиллер и русская литература конца XVIII — первых лет XIX в., 1958 (машинопись). С. 16—17. Там же Ю. М. Лотман справедливо критикует работу И. Н. Медведевой «Н. И. Гнедич и декабристы» (в сб. «Декабристы и их время». М.—Л., 1951), говоря: «Исследователи творчества Н. И. Гнедича обычно рассматривают начало его литературной деятельности суммарно. Ранний период,

Мемуарист, знавший Гнедича лично, свидетельствует, что в студенческие годы у Гнедича была страсть к некоторым трагедиям Шекспира и Шиллера — особенно к «Гамлету» и «Заговору Фиеско». В «Гамлете» Гнедичу особенно нравилась сцена с привидением (т. е. момент не философски-идейного порядка, а в сущности не характерный для Шекспира, но отвечавший вкусам романтиков. — *А. Е.*), а в «Фиеско» — преувеличенно патетический монолог Веррины, «в котором этот беспощадный заговорщик ... говорит, что он "готов распороть себе брюхо, вымотать кишки, свить из них веревку и на ней удавиться"!»[11]

Соответственно юному возрасту Гнедича и большинства участников Дружеского литературного общества в круг их идей и переживаний входил ранний период творчества Шиллера — от «Разбойников» до «Дон Карлоса» включительно. Дальше они не шли; иными словами, то было увлечение «штурм и драгом» в его шиллеровской версии, т. е. в его завершающем этапе.[12]

Юный Гнедич не сразу выбрал для себя литературное поприще: для штюрмеров характерно презрение к «чернильному веку» — Tintenkleksenden Sekulum (слова Карла Моора) — и стремление к активности. В условиях русской действительности на рубеже XIX века подобные настроения могли найти себе выход в романтических представлениях о военной службе. Сохранилось письмо Гнедича к отцу, недатированное, но, судя по его содержанию, оно написано в ранней юности, когда даже 20-летний возраст представлялся уже солидным. «...я чувствую себя, — пишет Гнедич, — способным лучше управлять оружием, нежели пером. ... Скажу вам, что я рожден для подъятия оружия. ... Я не могу видеть воина, не чувствуя некоего сладостного удовольствия в душе своей ... . Жаль мне прервать союз с музами, но ... я должен стремиться со всею пылкостью вступить на то поприще жизни, по которому шествуя, надеюсь оказать услуги Отечеству. Если протечет мне 20 лет, дух бодрости ослабнет, желание уменьшится. До 20 лет может быть я буду не без имени человек. ... Может быть дове-

---

в который включают все творчество до начала работы над переводом "Илиады", безоговорочно связывается с просветительскими идеями конца XVIII века». Ю. М. Лотман первый ввел рассмотрение раннего творчества Гнедича в большую тему «Шиллер в России». У Чижевского (*Tschižewskij Dm.* Schiller in Russland // Ruperto-Carola / Mitteilungen der Vereinigung der Freunde der Studentenschaft der Universität Heidelberg. 1960. Bd. 27. S. 111—120) Гнедич даже не упомянут.

[11] *Жихарев С. П.* Записки современника. М.—Л., 1955. С. 190. Имеется в виду монолог в V акте 16 явл. трагедии Шиллера, когда Веррина выражает свой ужас перед изменой Фиеско республиканским идеалам.

[12] Исторически «штурм и дранг» вырос из немецкого Просвещения как его новая, повышенная фаза (см.: «Sturm und Drang» // Erläuterungen zur deutschen Literatur. Berlin, 1958. S. 502), но это не значит, что он может быть к нему сведен — в этом и заключается ошибка И. Н. Медведевой в трактовке раннего периода творчества Гнедича, ср. выше примеч. 10.

дется мне быть в отдаленных частях света, *увидеть различных народов, образ их правления, образ их жизни...*»[13] Автор письма, вероятно, не подозревал, что здесь — под конец — он пересказывает начальные строки «Одиссеи». Желание юного Гнедича было несбыточно[14] как по имущественному положению его отца, так и вследствие физического недостатка Гнедича (потеря одного глаза от перенесенной в детстве оспы), но оно нашло свое осуществление в другой форме: героические порывы и ознакомление с другими народами переключились в литературный план. Гнедич «предпринял ... сочинение какой-то драмы в 15 действиях», утверждая, будто «большие пьесы, в которых сюжет разделяется на несколько суток, совсем не диковина, что, не говоря уже о народных немецких представлениях, каковы, например, "Русалка" и проч., состоящих из трех и более частей, так же как и у Шекспира "Король Генрих" в трех; а наконец, в подтверждение своей мысли, он откопал в какой-то старой, завалявшейся книге, что в Италии (помнится, в Генуе) была представлена пьеса "Генрих IV" в 15 действиях и 3 частях; ее давали по три дня кряду и каждую часть под особым названием: 1) "Генрих, король наварский, при французском дворе", 2) "Генрих в лагере, или Сражение при Иври" и 3) "Генрих IV на престоле, или Торжественное вступление его в Париж"». Замысел Гнедича остался, конечно, неосуществленным, но он характерен для его юношеского задора — уверенности в своих силах для выполнения такой грандиозной задачи. Мы ничего не знаем о тематике замышленного им небывалого в России литературного гиганта — формально он был ориентирован на некоторые явления западноевропейской литературы.

1

В 1802 году, в год выхода из Университета, восемнадцатилетний Гнедич дебютирует в печати сразу тремя публикациями, подготовленными им еще в студенческое время, т. е. в 16—17-летнем возрасте. Одно из этих изданий — прозаическое, непереводное, — повесть, или небольшой роман: «Мориц, или Жертва мщения» (Москва, 1802, 44 стр.). Другое — стихотворный перевод с французского: «Абюфар,

[13] Цит. по: *Тиханов П.* Николай Иванович Гнедич. Несколько данных для его биографии по неизданным источникам. К столетней годовщине со дня его рождения (1784—1884). СПб., 1884 (СОРЯС. Т. 33). С. 8—9. Курсив наш.

[14] Пережитое в юности увлечение военным делом не прошло психологически бесследно для будущего переводчика такой военной поэмы, как «Илиада», хотя он сам по образу жизни оставался всегда человеком кабинетным. Показательно, что из всех задуманных Гнедичем примечаний к переводу «Илиады» он развил в виде статьи только одно: «О тактике Ахеян и Троян, о построении войск, о расположении и укреплении станов (лагерей) у Гомера» (Сын Отечества. 1826. № 20), где, кроме непосредственной своей темы, касается и нравственной стороны войны: она «почтенна и священна тогда наиболее, когда защищаются, когда защищают отечество и сограждан».

или Арабская семья», трагедия (Москва, 1802, 103 стр.). К ним надо прибавить еще и третью публикацию, еще никогда не привлекавшую внимания исследователей Гнедича, это — анонимно выпущенный сборник, состоящий из 14 пьес, прозаических, стихотворных и драматических, под заглавием «Плоды уединения» (Москва, 1802, 212 стр.), литературно крайне беспомощный и обличающий в его авторе некоторую самонадеянность, раз он считал возможным выступить с подобными «плодами уединения» перед публикой, отказываясь тем самым от уединения — впрочем, это происходило от полудетской наивности; по сборнику видно, о чем мечталось его 17-летнему составителю.

Тема уединения не была нова ни в европейской, ни в русской поэзии. Так, например, в карамзинском альманахе «Аониды» (кн. I. 1799 г.) было помещено стихотворение «Уединенные часы» от лица женщины, рисующее прелести уединения:

О часы уединенья!
Не спешите протекать;
Сила вашего теченья
Сладость мне дает вкушать.

В «Плодах уединения» имеется и два стихотворения: «Несогласие» — на тему падения царств — общее место, начиная с Библии. Стихотворение это крайне несовершенно метрически. Более интересно стихотворение «Стон при гробе М-а», хотя безвкусица, столь свойственная творчеству юного Гнедича, и произвольные ударения в словах — что можно отнести за счет его украинского происхождения — дают себя знать на протяжении этого стихотворения. Тем не менее беспомощные строки гнедичевского «Стона при гробе М-а» проникнуты искренностью. Стихотворение отражает какую-то подлинную утрату, неизвестную нам из биографии Гнедича — обстоятельство, позволяющее понять, почему впоследствии (в 1815 году, при переводе отрывка из «Илиады») Гнедич вложил так много лирического в передачу эпизода явления тени Патрокла тоскующему Ахиллу (Илиада, XXIII, 58 сл.).[15] В «Стоне над гробом М-а» (собственно говоря, не над гробом, а у могилы) личное переживание не нашло себе другого выражения, как в виде вульгаризированных перепевов ходячих «общих мест» европейской лирики. Тоска по рано умершему любимому другу — частая тема на рубеже XIX века. У Шиллера три стихотворения посвящены этой теме: 1. «Могильная фантазия» (1780 г.) на смерть 19-летнего юноши; лунный свет и жуткие картины кладбища чередуются с лирическими призывами к покойнику утопить в Валгалле свою страсть к высшему стремлению. 2. «Элегия на смерть юноши» (1781); уверенность в свидании с почившим, хотя и не в раю, в который верит чернь, и не на небе, воспетом поэтами. 3. «Дружба» (1781 г.), где

[15] Сильно переправлено в смысле приближения к подлиннику для издания 1829 г.

только предполагается смерть друга: поэт говорит, что в таком случае он наполнил бы все воплем жалоб; любовь к другу подымает человека от монгола до провидца грека, выше которого лишь серафим, этой любовью человек входит в сонм богов. Отзвуком подобной темы и было юношеское стихотворение Гнедича.

Идущие с Запада сентименталистские настроения, перераставшие в преромантическое штюрмерство, составляли литературную атмосферу на рубеже XIX века — Гнедич отдал им дань и в «Плодах уединения».

2

Определенно шиллеровским является его роман «Мориц». Автор обращается к воображаемому читателю: «Я имел удовольствие чувствовать — и писать, сладостное удовольствие! — но оно еще увеличится, оно сделается бесценно, естьли твое сердце — сердце чувствительное — одобрит его, естьли разделит его вместе со мною». Сентиментальная нотка усилена еще и эпиграфом из «Аглаи» Карамзина: «Мы живем в печальном мире, где часто страждет невинность». Имеется и посвящение, формулированное лаконически: «Посвящаю Ивану Владимировичу Лопухину» (Лопухин — известный просветитель, масон и филантроп).

Весь роман («микророман» — 44 страницы) — сколок с «Разбойников» Шиллера, чрезвычайно наивный — впрочем, как и Шиллеру, когда он создавал «Разбойников», так и Гнедичу, его русскому подголоску, было лет по 17. Поскольку на русском языке в исследованиях по Гнедичу этот роман не разбирался,[16] даем его содержание, отмечая характерные моменты повествования.

У богемского графа Моргона два сына: добрый, откровенный Мориц, 18 лет, «его важное лицо, густые брови, черные поражающие глаза показывали что-то величественное», и Густав, чья «душа ... была мрачна, его сердце не чувствовало ни гласа нещастных, ни гласа дружбы: он был горд и презирал всех; ... с наморщенным лбом, с глазами, наполненными яростного огня», он всегда искал уединения. Моргон однако более любил хитрого Густава, нежели Морица, голова Морица, говорил он, «вскружена романтическими вздорами». «Га! — восклицает автор, — он не знал, что при смерти прострет хладные руки к Густаву и обнимет одну только тень», эта фраза повторяется в романе дважды и только она выделена курсивом.

Граф Моргон воспитал, как свою дочь, девицу Сигизбету — «низкого состояния, но благородной души». — Развитие фабулы легко угадать: два брата и Сигизбета образуют «любовный треугольник». Пока Мориц был дома, он с Сигизбетой вел идиллическую жизнь: «Часто,

[16] На немецком языке содержание романа дано у Ю. М. Лотмана: Указ. соч. S. 424—425.

сидя у ручья, проводили они время в невинных играх; Мориц, убив или поймав птицу, подносил Сигизбете, и она накладывала на него венок, сплетенный ею из цветов; Мориц стрелял иногда из пистолета, говоря: за здоровье Сигизбеты! — и красавица благодарила его поцелуем. ... Когда он возвращался с охоты, Сигизбета прыгала, обнимала его, отирала с его лица пот (sic), брала его меч и смывала запекшуюся на нем кровь убитых Морицем зверей».

Мориц уезжает в полк. Все время военных действий, «когда с лица и с груди его пот лился ручьями, когда силы его ослабевали, то любовь подкрепляла их — и он с саблею в руках прочищал себе дорогу».

В отсутствие Морица Густав, естественно, приступает к Сигизбете. «Прочь! — восклицает та, — ... я знаю, ты хочешь обольстить меня, твоя клятва подобна следам маленьких насекомых, заносимым ливийским песком».

Отвергнутый Густав заточает Сигизбету в башню и уверяет своего отца, будто она бежала с каким-то своим обольстителем. Повествование Гнедича местами принимает драматическую форму, с прямыми заимствованиями из пьесы Шиллера, например:

> Моргон. Что с тобою сделалось?
> Густав. Сигизбета... ах! я боюсь поразить вас ударом!
> Моргон. Сын мой! Ударом?
> Густав. Она, забыв ваши благодеяния и допустив обольстить себя...
> Моргон. Удержись, сын мой... Удар!.. Пощади меня... Удар! (Бросается в креслы).

Густав, обобрав отца, бежит, захватив с собой Сигизбету. Вернувшийся с войны Мориц, узнав об этом, падает без чувств. В своих поисках он нападает на след Сигизбеты и ее похитителя. На постоялом дворе «рука его рубит всех, ему сопротивляющихся, и он с поражающим взором, с подымающеюся от ярости грудью является в комнату и видит бледную, как будто в смертном сне лежащую на софе Сигизбету, ибо варвар [Густав], видя ее сопротивление, дал ей опиум, чтобы скорее совершить свое злодеяние...».

Считая Сигизбету мертвой, Мориц «с отчаяния бежал три дни на своей лошади, которая, не имея отдыха, пала мертва». Тут в романе Гнедича следует страница, наиболее характерная, центральная по своему романтическому настроению — ее стоит привести целиком: Мориц «шел пешком и, ведомый отчаянием и бешенством, испускал ужасные стенания. Пища его не занимала, и естьли он ел, то коренья и плоды, какие ему попадались, пожирал с бешенством. Он пришел в густоту Богемских лесов, где сыскал пещеру и остановился в ней. Тут, в этих дремучих лесах, в этой пустыне он искал своей смерти, хотел окончать жизнь — жизнь, которая без Сигизбеты была ему тягостна. Иногда он испускал глухое стенание, иногда погружался в страшное безмолвие; он изливал горесть свою в молчании, в каменном бесчув-

ствии, ибо сильная горесть сделала его сердце каменным. Ни одна слеза не орошала лица его; горесть и отчаяние точили его сердце и сделали его человеконенавистным. В одну бурную ночь сидел он при входе пещеры и любовался (sic) свирепством и ужасами Натуры: — они питали его душу; он любил предметы, подобные его душе, сходные с мрачною печалию, стесняющею его сердце; он любил, когда вихри с страшным свистом волновали и крутили воздух; или — когда бледная луна проглядывала из-за седых облаков; или — когда молнии, предтечи разрушительных громовых ударов, вырываясь из черных туч, вились по небу. Долго сидел он в мрачной задумчивости; наконец вскричал: — Жестокие существа! — вы, которые называетесь человеками, которых я так любил — человеки! что я вам сделал? ... Так! все люди недостойны моей любви; я вас ненавижу, жестокие люди! я вас оставляю — я удаляюсь от вас и хочу жить в пустыне; — а вы свирепствуйте в своих исступлениях, терзайте — умерщвляйте невинность! отныне между вами и мною прерываются все связи ... . Теперь, когда я смотрю на свирепствующую Природу, вижу, как вихри быстро гонят грозные облака по синему небу, — слышу опустошительные их свисты, и уподобляю их страстям человеческим, которые мучат нашу душу. ... Как всё мрачно — пусто для меня! Вечная ночь! окружи меня».

Однако тут же в лесах, в другой пещере, оказывается, скрывается Густав. Мориц «прибегает к пещере, берет саблю и входит скоро (sic). — Так, я пойду, — говорит он, — сыщу это чудовище ... я вырву злодейское его сердце! Потом упаду к гробнице ее [т. е. Сигизбеты] и буду стенать, пока и сам сделаюсь бесчувственен и хладен, как мрамор». В пещере, при свете лампады, Мориц видит гроб и бледную, дрожащую Сигизбету в руках Густава, который «одною рукою держал Сигизбету, другою заносил шпагу». Здесь Гнедич, нарушая высокий характер своего повествования, спускается чуть ли не до натурализма: «грудь изувера была голая, платье его всё распахнулось; он готов был совершить злодеяние — готов был оскорбить невинность, или — умертвить, как вдруг видит перед собою Морица — Морица всего обрызганного кровию — с поражающим взором — с дрожащим от ярости телом...» Густав бросается на Морица «со шпагою — ... падает на шпагу, и конец ее выходит в хребет. — Далеко брызнула кровь — он страшно хрипит...» Точность описания здесь напоминает подобные же места в «Илиаде» — Гнедич встретил в них нечто такое, что он уже предварил в своем юношеском творчестве, хотя и мимоходом. Вслед за этим вновь вступает в свои права стиль «жестокого романа ужасов»: «Адским взглядом посмотрел Густав на Морица, заскрежетал зубами, черная кровавая пена заклубилась из его рта, и мрачная душа его излетела». Мориц все-таки три раза поражает саблей грудь Густава. Теперь ничто не мешает влюбленной чете: «Ах! я тебя боготворю как любовницу! — вскричал наконец упоенный Мориц. — Я тебя обожаю как любовника! — сказала Сигизбета, бросившись в объятия Мо-

рица». Они поженились. Сигизбета уже ожидает ребенка, но Мориц становится все мрачнее: «Где удовольствия? Га! они были одна минута, одно мгновение». Он видит страшные сны, и в бреду называет себя убийцей: «Тени убитых мною, — говорил он, — не мучьте меня, ваша кровь будет отомщена — ужасно». «Воображение несчастного, — поясняет автор, — вошло в узкие пределы ... он говорил без связи, без смыслу».

Наконец, Морица находят с размозженной головой в саду под любимым его дубом, «теплый пар исходил еще из струящейся крови». Нашли и его предсмертное письмо: «Убийце засыпать в объятиях Ангела — нет! — это невозможно! такого мщения требовали души убитых мною». Сигизбета умирает: «Смерть не была для нее страшным остовом; она пришла к ней в образе кроткого, улыбающегося младенца, с маковым цветком в руках, усыпляла — и усыпила ее — навеки!»

В отличие от Шиллера, повесть Гнедича лишена, следовательно, социального содержания, в ней нет направленности «против тиранов», ее герой — Мориц — не разбойник. Гнедич смотрит на Шиллера — сквозь призму карамзинизма и «черного» романа.[17]

3

В бумагах Гнедича сохранились наброски пьесы «Вольф, или Преступник от любви».[18] В подзаголовке видно колебание Гнедича в определении жанра своего произведения: сперва было проставлено «мещанская трагедия» (следовательно, Гнедич уже был знаком с шиллеровской пьесой «Коварство и любовь», имевшей такое же обозначение); затем «российское (хотя действие не в России. — *А. Е.*) сочинение. По расположению г. Шиллера» и наконец «драматическая картина». Пьеса Гнедича представляет собой переработку рассказа Шиллера «Преступник из-за потерянной чести» («Der Verbrecher aus verlorener Ehre» 1786 г.). Что Гнедич не довел своей попытки до конца, объясняется, можно думать, тем, что новелла Шиллера уже в 1802 году появилась в русском переводе,[19] так что ее «инсценировка» не привлекала бы новизною. Шиллер в своей новелле, полной социального протеста, коснулся сложного психологического вопроса: человек с неплохими природными задатками становится преступником вследствие жестокости общества: «властители и судьи спешат заглянуть в книгу законов, но не в душу обвиняемого», что ставил себе задачей автор новеллы.

---

[17] *Лотман Ю. М.* Указ. соч. S. 424.

[18] ОР РНБ XIV, о. № 119. Также: Ф. 197, № 6.

[19] Преступник от бесславия. Истинное происшествие / Из Шиллеровской «Талии» / Перевел Д. // Пиерида, собрание разных сочинений в прозе и стихами. СПб., 1802. За 7 лет (1801—1809) этот рассказ был 4 раза напечатан в разных переводах в русских периодических изданиях, см.: Цветник. 1809. Ч. II. С. 84, примеч.

Как и в «Морице», Гнедич сильно снижает шиллеровскую проблему. Это видно уже из заглавия: у Шиллера «преступник из-за потерянной чести», у Гнедича — «преступник от любви» или «преступник от презрения», причем Гнедич снабдил свою переработку эпиграфом из Монтеские (sic): «Надобно смотреть не на тяжесть преступления, но на причину оного». Причина осталась у Гнедича невскрытой — задача психологического анализа была ему не по силам, дело свелось у Гнедича к патетической декламации, как и в предшествовавших его литературных опытах. «... обидели меня все люди, — восклицает вслед за шиллеровским и гнедичевский Вольф, — ... потрясая цепями своими, я поклялся ... непримиримою вечною злобою ко всему тому, что имеет вид человека». Вольф у Гнедича — это «человек, который уже выступил из пределов человечества». Что Вольф по происхождению крестьянин, а не графский сын, как Карл Моор или Мориц, и что собранная им «шайка» (хор разбойников) состоит из крестьян — все это не получает достаточного развития в гнедичевском наброске.[20]

В увлечении Шиллером Гнедич не задумывался над тем, что он, собственно говоря, делает, перелагая драматическое произведение в повествовательное («Разбойники» — «Мориц») и драматизируя повествовательное («Вольф»).[21] Перед ним не вставали те теоретико-литературные вопросы, которые должны были бы вызвать подобные операции. В отсутствии бережного и почтительного отношения к своему образцу, к своему излюбленному автору, сквозит наследие старых воззрений, еще XVIII века, на полномочия переводчика как адаптора.[22] Чтобы судить о качестве гнедичевского «Морица», следовало бы сравнить его с другими переложениями шиллеровских «Разбойников» в повествовательную прозу. Нам известен только один такой пример, хронологически относящийся еще ко времени жизни Гнедича, но оставшийся ему неизвестным, это новелла Гофмана «Die Räuber», 20-х годов, напечатанная уже посмертно. Поскольку она никогда не была переведена на русский язык, рассмотрим вкратце ее содержание, чтобы иметь материал для сравнения с «Морицем».

Два молодых человека — Гартман и Виллибальд, жители Берлина, в свободное от службы время любили путешествовать. Они уже объездили южную Германию, побывали на Рейне. На этот раз их путь лежал в Италию, через Дрезден, Прагу и Вену. По дороге, в богемских

[20] Мне представляется преувеличением делаемое Ю. М. Лотманом (Указ. соч. S. 426) сопоставление с лермонтовским «Вадимом» и подчеркивание демократического и социального характера гнедичевского наброска, который и по своей краткости (всего две сцены) и по своей наивности не дает материала для таких утверждений.

[21] В дальнейшем — в своем романе «Дон-Коррадо» — Гнедич совмещает обе стороны изложения: внутри повествования попадаются десятки страниц, расписанные по ролям, как в пьесах — см. далее, стр. 331.

[22] Еще более это сказалось в подходе Гнедича к Шекспиру, в сценической переделке «Короля Лира» — см. далее, стр. 345—347.

лесах, на них напали разбойники, в стычке с ними Гартман был ранен в руку. Неподалеку находился замок графа Максимилиана фон К..., который пригласил к себе и раненого Гартмана, и Виллибальда. Граф — человек приветливый и бодрый, хотя ему уже под 70. При нем живет его сын Франц и племянница Амалия.

«Го-го, — говорит Гартман своему другу, — разве ты не замечаешь, что мы обеими ногами стоим посреди шиллеровских "Разбойников"? Карл, может быть, атаман напавших на нас разбойников. Меня очень радует возможность столкнуться наконец в действительности с тем случаем, который дал повод к шиллеровской трагедии, чтобы наверняка узнать, какой конец постигнет Карла Моора, — будет ли он заколот Швейцером, или отдастся в руки правосудия».

У Шиллера Швейцер нисколько не собирался убивать Карла, напротив, он закалывает Шпигельберга, подговаривавшего расправиться с Карлом. Швейцер кончает с собой в 1-м явлении V акта. Тут память изменила Гофману. Русского читателя поражает другое: как раз такой конец был придан «Разбойникам» в первом русском переводе — Сандунова (1793 г.): Швейцер (у Сандунова Швейцар) закалывает Карла кинжалом, чтобы Карл умер свободным человеком, а не от руки палача, если он, как у Шиллера, выдаст себя властям.

Переработка Сандунова шла по линии подчеркивания «героического» — намерение Карла рассматривалось как его малодушие.

Поскольку гнедичевский Мориц не разбойник, героический момент снижается — Мориц гибнет от угрызений совести, прибегает к самоубийству.

Франц в новелле Гофмана не соответствует шиллеровскому персонажу: это хорошо сложенный юноша, с благородной осанкой. Он сообщает Гартману и Виллибальду, что его старший брат Карл обокрал воинскую кассу, был заключен в крепость, но бежал оттуда и, как говорят, стал во главе шайки разбойников. Амалия замкнута и грустна. Во всем этом друзьям чудится какая-то тайна. В парке они застают Франца и Амалию в шиллеровской ситуации: Амалия сопротивляется домогательствам Франца, она любит отсутствующего Карла и зовет на помощь. При виде Гартмана и Виллибальда Франц падает в обморок. Придя в себя, он говорит, что они заставили его обратить внимание на странное сходство здешних обстоятельств с ужасной трагедией Шиллера. Амалия просит увезти ее из замка, она предлагает Виллибальду свою любовь в случае, если Карла нет в живых.

Разбойничья банда Карла нападает на замок. Франц без намерения, случайным выстрелом убивает Карла; в раскаянии он отказывается от всего наследства и покидает родные места. Амалия сходит с ума и бродит по лесам и т. д. — словом, у Гофмана характерное для романтиков сплетение разных планов: литературные персонажи входят в якобы действительную жизнь, сон и явь неразличимы, все овеяно таинственностью и мистицизмом.

Учитывая разницу эпох создания «Морица» и гофмановских «Разбойников» — самое начало XIX века и 20-е его годы и возрастную разницу их авторов, — один только начинающий, другой — уже с огромным литературным опытом, все же можно сказать, что у Гнедича в «Морице» мало изобретательности, фантазии; он не творит, а движется по уже проторенным путям литературных штампов и — что надо особенно отметить — нигде не доходит до романтизма, оставаясь лишь на подступах к нему.

4

У нас нет свидетельств, которые позволяли бы установить, в какой последовательности писались Гнедичем его три первых книги, вышедшие одновременно в 1802 году. По внутренним признакам можно полагать, что №№ 1—13 «Плодов уединения» составили произведения наиболее ранние, полудетские, за ними идет «Мориц» и всего ближе к моменту издания — сравнительно наиболее зрелый «Абюфар», перевод которого был предпринят Гнедичем, вероятно, по совету Мерзлякова.

В отличие от лаконического — и тем самым более официального посвящения «Морица» Лопухину, перевод — трагедия Дюсиса — «Абюфар» предваряется патетическим посвящением, начинающимся словами «Великий муж!» (имя при этом не названо). Даже если принять, что посвящение обращено к некоему воображаемому идеальному покровителю, его можно все же отнести к И. А. Дмитревскому как к исходному пункту для идеализации: «...вот человек! ... Он любит изображение чувств благородных и великих (это подходит к знаменитому актеру. — *А. Е.*); оне суть изображение собственных чувств его, — подумал я, переводя Абюфара. ... в некоторых чертах души Абюфаровой найдет он подобие великой, небесной души своей. О! естьли перевод мой извлечет хоть одну сладкую слезу, вольет в великое его сердце одно сладкое чувство восхищения: о! тогда — тогда буду им гордиться. Я ослепляюсь. Но ты знаешь сердце человеческое: ему свойственно самолюбие».[23]

Вероятность посвящения «Абюфара» И. А. Дмитревскому подкрепляется еще и следующими соображениями. Известно, что, будучи в Университете, Гнедич «в свободное от учения время» пленял студентов «одушевленным, сильным чтением писателей, особливо драмати-

[23] В. А. Бочкарев (Драматические переводы Н. И. Гнедича // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. 1958. № 2. С. 97—106; то же: Русская историческая драматургия начала XIX века. Ученые записки Куйбышевского Гос. Пед. Инст. 1959. Вып. 25, 4 глава) безо всякого обоснования считает посвящение «Абюфара» обращенным к Н. С. Мордвинову, либеральному деятелю той эпохи (см. стихотворение Рылеева «Гражданское мужество»). В 1802 г., с образованием министерств, Мордвинов был назначен министром морских сил и тем самым не мог находиться в поле зрения Гнедича с его интересами к театру.

ческих ... и за представление на университетском театре некоторых трагических лиц осыпаем бывал единодушными похвалами».[24] И. А. Дмитревский с 1787 года покинул сцену, но в качестве инспектора, историка театра, наконец просто артиста по призванию, продолжал интересоваться театральным делом, изредка выступая и сам. Он мог слышать чтение Гнедича или прослышать о нем. От кого, как не от И. А. Дмитревского, который посещал Державина, мог знать Державин о декламаторском уменьи Гнедича, когда тот был ему представлен? И. А. Дмитревский оказывал покровительство тем, кого он находил способными.[25] Вполне возможно, что среди них был и юный Гнедич, иначе трудно объяснить, чтобы 17-летний студент имел издателей для этих своих опытов.

Гнедич не опустил в своем переводе «Абюфара» и дюсисово посвящение Флориану, уже покойному. Оно не имело отношения ни к самой трагедии, ни к тому «великому мужу», к которому обращался Гнедич в своем посвящении, но оно тематически стояло близко к тем переживаниям, которые Гнедич пытался выразить в стихотворении «Стон при гробе М-а». Дюсис вспоминает блаженное время своей дружбы с Флорианом: «Где девалось (так переводит Гнедич вместо «куда девалось» — возможно, украинизм. — *А. Е.*) сладкое то время, когда бывало я готовлюсь к тебе ехать, ... приближаюсь, вижу селение, удивляю тебя собою, чувствую тебя в своих объятиях: ты с восторгом произносишь мое имя! Чувствительное и непорочное перо ... валится от радости из руки твоей...».

На титульном листе перевода «Абюфара» не указан автор трагедии, очевидно, предполагалось, что он общеизвестен (французское издание «Абюфара» — 1795 г.). Дюсис, автор этой трагедии, был проводником Шекспира во Франции и приверженцем Гомера — это обстоятельство не могло остаться неизвестным его русскому переводчику и, быть может, имело значение как одно из слагаемых, способствовавших в дальнейшем привлечению внимания Гнедича к этим двум литературным исполинам. «Гамлет» в переделке Дюсиса был поставлен на сцене еще в 1769 году, несмотря на противодействие Вольтера и отказ актера играть такую «дикую» роль, «Король Лир» — в 1785 году. «Илиада» составляла любимое чтение Дюсиса, от которого он отказался, однако, под впечатлением войн эпохи Наполеона. Французская критика высказывала мнение, что наивный, величественный, неукротимый и совершенно не светский Дюсис и сам походит на потомка Гомера.

Выбор для перевода трагедии Дюсиса характеризует направление молодого Гнедича: хотя «Абюфар» формально, по композиции и сти-

---

[24] *Лобанов М.* Биография Николая Ивановича Гнедича // Сын Отечества. 1842. Кн. 11. С. 1.

[25] Про Крылова, например, известно, что он в юности обращался к Дмитревскому — см.: Русские люди. Ч. 1. 1866. С. 414 сл.

ху, принадлежит еще к классицизму, но по характеру и переживаниям главного героя он может быть отнесен к преромантизму. Достаточно указать, что «психологический тезис» всей пьесы сводится к тому, что для человека

Пространство мало всё, мир тесен для него.[26]

В своем центральном монологе герой пьесы говорит:

...нестерпимое и пылкое желанье
Вселили Небеса ... в меня,
Чтоб зреть вселенную, чтоб выйти из себя...
(...un désir furieux
De sortir de moi-même et de voir d'autres cieux).

...на вершинах гор, когда близ неба был,
О бесконечности и вечности судил,
И там-то целою Природою владея...
(C'est là que m'emparant de la nature entire...).[27]

Так чувствует герой пьесы — Фаран, он, как и Мориц, хотя и по другой причине, пережил свой момент отъединения и бегства от людей. Подобные романтические переживания могут быть драматургически обоснованы самыми различными ситуациями и фабулами. У Дюсиса идеализируется первобытное состояние: дело происходит среди неиспорченных жителей пустынь:

...чистоту Арабы нравов чтят,
Свободу сладкую тем в сих степях хранят.

Исступление Фарана — его стремление «выйти из себя», его слияние с природой и скитания по чужбине были вызваны, однако, не идейными или социальными мотивами, а борьбой с преступной страстью к своей собственной сестре — Селиме, которая в свою очередь его любит.

Такая сцена между ними, как следующая:

Селима. ... брат! — Небеса! падите на меня?
Фаран. Разите нас!.. Сестра!

[26] В. А. Бочкарев, указ. соч., считает основным в «Абюфаре» мысль о благотворительности и связывает эту идею с задачами Вольного Общества любителей словесности, наук и художеств. Такое понимание противоречит и содержанию пьесы, где благотворительность Абюфара является мотивом второстепенным, и даже хронологии: пьесы переведены Гнедичем или еще в студенческий период или сразу после выхода из Университета (1802 г.), когда Гнедич не мог быть причастен к основанному в 1801 году Вольному Обществу и вряд ли знал о нем.

[27] Приведенные примеры показывают переводческое уменье Гнедича уже в 18-летнем возрасте, хотя это были его первые шаги в области стихотворного перевода.

Селима. Мой брат! О, преступленье!
Разверзися земля! скрой люто поношенье.
Минута страшная!.. (стр. 97—98), —

были бы нестерпимы для читателя, а тем более для зрителя в театре, если бы уже в первом акте не давалось намека на то, что на самом деле Селима не дочь Абюфара, а подобранный им в пустыне ребенок, чего не знает ни сама Селима, ни Фаран; в конце пьесы это открывается, и, следовательно, их страсть не преступна: «трагедия» имеет счастливый исход.

Слова Фарана

Я степи посещал, был во дворцах царей,
Законы замечал, обычаи людей,
Богатства, войски их, их нрав, происхожденье...[28]

напоминают начальные стихи «Одиссеи», а проклятие Абюфара — дикцию Шиллера:

...Нет сына у меня! ...
Твой взор, лице твое, меня все уверяет,
Что вид преступника Природу ужасает. ...
Беги отсель! Тебя я вижу с отвращеньем,
К злодеям, ко зверям; не будь лишь мне мученьем.

Проблематика трагедии Дюсиса:

...невинность, преступленье
Какое меж собой имеют отношенье?
Не может ли влиять Природа в нашу кровь
Злу ненависть к добру, к злодействию любовь? —

была близка гнедичевскому упрощенному пониманию Шиллера: при исключении из раннего творчества Шиллера мятежно-социального момента у Гнедича получались «преступники от любви» или прирожденный злодей Густав (в «Морице»).

5

Публикация в 18-летнем возрасте сразу трех книг, видимо, окрылила Гнедича: год спустя он выступает с *грандиозным* романом «Дон-Коррадо де Геррера, или Дух мщения и варварства гишпанцев. Российское сочинение» (ч. I. Москва, 1803, 204 стр., ч. II. Москва, 1803, 209 стр.), с эпиграфом из «Разбойников» (Слова Карла Моора в IV акте, 5-м явлении): «Посмотрите, посмотрите! все законы света наруше-

[28] Терпкое звучание этого стиха (ки-их-их) можно приписать неопытности начинающего стихотворца. Но отсутствие музыкальности стиха сохранилось у Гнедича и в переводе «Илиады», как на это указывали его критики. У зрелого Гнедича это была сознательно занятая позиция в противоположность «итальянщине» Батюшкова.

ны, узы природы прерваны; древняя вражда из ада возникла! Шиллер».

Роману предпослано предисловие, в котором переплетаются две темы: автобиографическая и историческая. Автор говорит, что, окончив страшную картину страшных дел Коррадо, он сам трепетал в душе своей. Очевидно, автор предполагает тем самым, что его роман так же подействует и на читателей. Поражает следующее признание автора: «Знаю, как трудно писать драматически; но зато более льщуся, что труд мой будет награжден, то есть что мой Коррадо удостоится внимания публики, и тогда-то я получу всё, чего желал. Горе же мне, естьли надежда обманет меня и труд мой останется напрасен, презрен! Презрен? Нет! люди, умеющие прямо ценить знания и таланты, ценили уже и мои.[29] Ободрись, молодой Автор!» — восклицает Гнедич, обращаясь сам к себе — «и естьли Факиры (?) будут шипеть позади тебя — презри их. Первое перо Волтера, Шакеспира и Шиллера, конечно, было не без слабостей; так почемуж не простить их молодому Русскому автору Николаю Гнедичу». Сравнивая себя с великими писателями «молодой русский автор» выказал необыкновенную наивность, переходящую в зазнайство, и недостаточную осведомленность в истории литературы: что мы знаем о первых и якобы слабых попытках творчества Шекспира? У Шиллера же его юношеская пьеса сопровождалась успехом.

Аналогией к горделивым притязаниям молодого Гнедича может служить гоголевское предисловие к «Гансу Кюхельгартену», «произведению восемнадцатилетней юности», но там автор говорит все же не от себя, а от лица якобы издателя: «мы гордимся тем, что по возможности споспешествовали свету ознакомиться с созданием юного таланта».

Гнедич утверждает в своем предисловии, что «история Дон-Коррада де Герреры не есть вымысел и игра воображения; она есть истина, но истина — как часто случается — украшенная, и потому увидят в ней некоторые отступления от самой точности», «основание ее, — говорит Гнедич, — взял я из одной повести, где сочинитель, желая сделать Коррада героем оной, знакомит его с читателем так, как он знаком с жителем луны, и, выставляя дела его, показывает одну только тень их, сказав между прочим, *что Дон-Коррадо был живою гробницею, пожирающею человечество*» (курсив Гнедича. — *А. Е.*).

О какой повести упоминает здесь Гнедич, остается невыясненным[30] — быть может, он мистифицирует читателя. В самом деле, к чему сводится *история*, как выражается Гнедич, Дон-Коррадо? Он усмиря-

[29] Явный намек на покровительство и помощь некоторых лиц — по нашему предположению — Дмитриевского — при издании первых опытов Гнедича.

[30] Ср.: *Белозерская Н.* Василий Трофимович Нарежный. Историко-литературный очерк. Изд. 2. СПб., 1896. С. 36: «К сожалению, нам не удалось отыскать подлинника, и самое имя героя повести повидимому, вымышленное...». Н. Белозер-

ет каких-то мятежников, под конец и сам становится жертвой инквизиции. В этом виде его история слишком обща, лишена конкретно-исторических черт. Если же под «историею» разуметь бесконечный ряд насилий, убийств и мошенничеств, изображенных в романе Гнедича, то это явно относится к беллетристике. Гнедич бракует упомянутую им повесть своего предшественника как недостоверную, но не указывает источника своей, якобы истинной, истории о Коррадо. Все это не более как дань наивному читательскому воззрению, по которому быль лучше художественной фантазии.

Историчность романа Гнедича только в изображении религиозного фанатизма, но и его Гнедич сводит к национальному признаку: «кто не знает Гишпанцев, — говорит он, — образцов суеверия и бешенства? Гишпанцев — где не только чернь, ослепленная *ложными истинами*,[31] блуждается (sic) во мраке суеверия, неистовствует и искажает Бога; но самые Вельможи, самые Государи показывают нам примеры, из которых лучшим может быть Государь Филипп II, коего вся жизнь есть великая цепь злодейств. Бог, попустивший его царствовать 42 года, конечно, хотел показать Свое долготерпение. 50 000 невинных сделались жертвами суеверия и ярости Филипповой; 8000 пали от руки его любимца — Вельможи Альбы; и кто после этого усумнится о делах де Герреры?»

Из упоминаний Филиппа II и Альбы следует, что действие романа протекает в XVI столетии, иначе по ходу повествования было бы затруднительно определить эпоху, настолько роман лишен исторического колорита. Кроме того, тем самым обозначен и один из источников романа Гнедича: это шиллеровская «История отпадения объединенных Нидерландов от испанской короны» (1788 г.).

С испанскими именами Гнедич поступает вопреки традиции: Дон-Жуан у него здесь не Дон-Жуан, а престарелый отец Дон-Коррадо,[32] голодающий в заточении, куда вверг его, совсем как в шиллеровских

ская, по наведенным ею справкам, указывает, что два Геррера числятся среди жертв инквизиции.

[31] Гнедич, вероятно, по недосмотру, допустил такой смелый оксиморон (соединение несоединимого).

[32] Имя «Коррадо» Гнедич, как интересующийся театром, мог встретить и в тексте одной оперы того времени: «Редкая вещь, опера комическая в двух действиях переложена с Италианского на Российский язык под музыку Г. Мартини.* Представлена в СПб. Российскими придворными актерами в окт. 1792». Это тем более вероятно, что текст оперы был переведен на русский язык не кем иным, как Дмитриевским (см.: Сын Отечества. 1821. № 45. С. 227 — некролог Дмитриевского). В этой опере Коррада не злодей — это пожилой испанский вельможа, пристающий к женщинам.

* Итальянизированный испанский композитор Висенте Мартин-и-Солера, служивший одно время в Петербурге. Его «Cosa rara», впервые в Вене 1786 г., имела больший успех, чем «Свадьба Фигаро» Моцарта. В последнем акте «Дон Жуана» Моцарт наряду с цитатой из «Свадьбы Фигаро» процитировал и мелодию из «Cosa rara».

«Разбойниках», его бесчеловечный сын. Инфант у Гнедича — не наследник престола, а имя собственное — так зовут гробокопателя: рытьем могил он «доставлял себе хлеб». Кроме «гишпанцев» в романе выведены и представители других наций: невольница грузинка, еврей Вооз, аглинский милорд, немка — Шарлотта фон Райдриф. Действие романа разыгрывается в разных странах Европы и Алжире.

Просветительская тема обличения фанатизма получает свое развитие в романе: «Но что же причиною зверства Дон-Коррада? — задает вопрос повествователь и отвечает: ... адское суеверие, искажающее божество — представляющее его разгневанным и мнящее кровию умилостивить его». Дон-Коррадо «смотря на трупы, смотря на кровь, думал угодить Инквизиции и вместе раздраженному Божеству, по мнению Гишпанцев» (I, 13—15) или в другом месте: «кто не знает Гишпанцев, имеющих дух ненависти и мщения, почитающегося у них первою добродетелию!» и т. п.

Подобные выпады против «гишпанцев» у Шиллера отсутствуют. Они очень близки к тому, что говорится в предисловии к русскому переводу знаменитого некогда романа Мармонтеля «Инки»:[33] «Неистовое суеверие ... дух ненависти и мщения, ополчающийся на Бога, коего чтут раздраженным, и коего орудиями себя поставляют. Таковый дух властвовал тогда в Гишпании...» Поэтому возникают «целые воинства человеков, зверствующих для того токмо, что находят удовольствие в лютости; целые селения людей, тиграми ставших, преходят пределы естества».

В романе Мармонтеля описано ауто-да-фе в Севилье: на кострах гибнут и «старец, обличенный в хранении Иудейских обрядов», и христианин юноша, по ложному доносу, и мавр, и целая «толпа юношества обоего пола», мусульмане, обманутые ложным обещанием, что их помилуют, если они примут христианство. В конце романа Мармонтеля «неистовое суеверие, среди развалин и праха, сидя на грудах мертвых тел, простирая взоры на обширное опустение, похвалилось соделанным; и возблагодарило небеса за таковое увенчание его подвигов».[34]

Что Гнедич знал роман Мармонтеля, доказывается его стихотворением «Перуанец к испанцу», написанным в 1805 г. (см. далее, стр. 340—343).

Сочетание просветительски-вольтерьянских (Мармонтель — друг и единомышленник Вольтера) воззрений с шиллеровщиной определяет идейную сторону романа Гнедича.

В духе патетических монологов Карла Моора выдержаны в «Дон-Коррадо» обличения богачей: «Люди! посмотрите на Инфанта — на

---

[33] Инки, или Разрушение Перуанской империи. I—II (218 + 257 стр.), перевела М. Сушкова. М., 1778. Русский перевод вышел немедленно после появления подлинника (1777 г.). См. Приложение № 4.

[34] Инки. I. С. 1—2; II. С. 214—225, 424.

бедного, доброго, человеколюбивого Инфанта, который, вырабатывая кусок хлеба в поте лица своего, разделяет его с неимущим; а вы! — вы — пресыщаетесь дарами фортуны, богачи — дремлющие в сладкой неге — проснитесь! ... и посмотрите на человечество! ... имея тысячу способов благотворить, вы отказываете нищему, ожидающему от вас копейки (копейки — хотя действие романа происходит в «Гишпании». — *А. Е.*) ... сребролюбцы! вы страждете посреди ваших богатств, лежа на кучах золота; вы не чувствуете того удовольствия, какое чувствует лежащий на склоне и с покойным духом утоляющий голод куском хлеба, стоящего ему крупных потовых капель! Лежа на кучах золота — вы повелеваете народами, но сами рабы его».

Наиболее социальное — притом единственное — место в романе Гнедича следующее: «Бедный народ — гнетомый игом рабства, отягченный ужасными налогами, сделавшийся игрушкою Инквизиции, лишился куска хлеба, лишился средств обработывать поля, и они сделались пусты, как степи Ливийские. Не уже ли народу смотреть на ужасную нищету, обитавшую в их хижинах? Не уже ли им смотреть на сребролюбие, похищающее у них последнюю овцу, их питавшую, — похищающее за то, что они не в состоянии заплатить великих податей? Нет! — чувство негодования родилось в сердцах их; они ожесточились, и захотели уменьшить тяжесть ига общими силами; — все приступили к Правительству; это назвали бунтом и велели усмирять их не правосудием, не крепкими законами — но мечом». Гнедич не разрабатывает, не конкретизирует эту тему.[35] Народ изображен им лишь в виде трупов, как жертва злодейств Коррада: «... луна ... увидя страшную картину — побледнела, и скрылась во мраке. Представьте глубокую, пространную долину, и она вся покрыта пеплом и грудами мертвых тел, и река, ее орошающая, смешалась с кровию и остановилась в течении своем, спершись от трупов; вопли и стенания потрясают воздух: там — пронзенный мечом и заваленный трупами, имея еще в груди искру жизни, просит умертвить его; там — с растерзанным телом, ломая руки, просит прекратить мучительную жизнь его...»

Луна, как уверяет Гнедич, не могла вынести такого зрелища, но автор романа почти что любуется эффектным своим пассажем. И так на протяжении всего романа. Когда Радищев взглянул окрест себя, душа его страданиями человеческими уязвлена стала: он увидел подлинные, русские страдания. Юный Гнедич видит «окрест себя» только литературу: рисуемые им страдания не более как «литературщина», поэтому непременно здесь пронзающие мечи, заламывание рук.[36] Гне-

[35] Поэтому нельзя согласиться с И. Н. Медведевой (Библ. поэта. С. 10), будто не только злодейство Коррадо, но и «страдания народные ... составляют основную тему романа». Будь это так, роман Гнедича высоко ценился бы и посейчас. Ю. М. Лотман (указ. соч. С. 425) справедливо предостерегает против преувеличенной оценки социального момента в романе Гнедича.

[36] «Пейзаж с трупами» в качестве начала романа, как это наблюдается в «Дон-Коррадо», вряд ли был самостоятельной литературной находкой Гнедича. Такой

дич не умел наблюдать окружавшую его действительность, не ради иносказания уносился он в «Гишпанию»: для ее изображения уже были готовы идейно-литературные клише, ими и пытался он выразить свою юношескую неудовлетворенность и обуревавшую его мятежность, для которой не было никакого исхода в реальной жизни коллежского регистратора, занимавшего в год выхода его романа в свет (1803 г.) должность писца в Департаменте Народного Просвещения. Былые мечты о военных подвигах заставляют 19-летнего романиста следующим образом рисовать зверских «гишпанских» солдат: «иной из них хвалился, что умеет с одного разу вонзить штык так, что конец его выдет в хребет; иной, что может с одного разу перерубить пополам человека; иной, что он имеет такую руку, которая может отделить голову от туловища», а самого себя соотносить, конечно, с положительным героем своего романа — Алонзо, — который говорит почти то же, что и Мориц: «Сражаясь, я узнал, как приятно проливать свою кровь за тех, коих любишь; когда пот мешался с кровию, текущею из ран моих — я вспоминал супругу меня любящую, и чувствовал сладостное, неизъяснимое удовольствие — такое удовольствие, которое, проходя сквозь все кости и мозг, оживляло весь состав мой, напрягало ослабевшие силы, и я, взяв меч в левую руку, прорубливался сквозь неприятелей» (II, 42—43).[37] Но положительным героям уделено в этом романе гораздо меньше места, чем в «Морице». Главный герой, сам Дон-Коррадо, не прирожденный злодей — он стал злодеем, не имея перед собой хороших примеров, уверяет автор, делая шаг в сторону психологизма (если только можно говорить о психологизме в таком произведении, как роман Гнедича): «...душа Дон-Коррадо, смотря на примеры, сделалась душою разбойника, но вместе могла бы быть и душою героя; видя добрые примеры, могла бы быть для пользы полвселенной» (I, 111). Внешность Дон-Коррадо свидетельствует о его титанизме: это «мущина, величественного росту, с огненными, поражающими глазами, с мужеством и благородною гордостию, изображающеюся на лице его, коего красоту и важность увеличивают черные усы, прекрасно расстилающиеся по смугло-розовым губам; словом, мущина, родившийся для дел великих, для дел, удививших,[38] может быть, всю вселенную...» (II, 15).

пейзаж восходит к первому греческому роману Гелиодора («все побережье было покрыто телами, одни уже умерли, другие, полумертвые, еще корчились... лежали люди, кто секирою пораненный, кто камнем пораженный...»), с которым Гнедич мог познакомиться по переводу Мошкова 1769 года.

Рисуя реку, заваленную трупами и остановившуюся в своем течении, Гнедич предвосхитил черты своего будущего перевода из Гомера — описание реки Ксанфа, вышедшей из берегов (Илиада, XXI, 8 сл.)

[37] Ср. выше стр. 317.

[38] Грамматически редкое явление: причастие прошедшего времени употреблено в смысле будущего или конъюнктивно.

Этого не случилось: деятельность Коррадо — «собор ужасных злодейств». Он безбожник и материалист: для его очернения автор влагает в его уста слова Франца Моора о зависимости сновидений от желудка.[39] Несмотря на весь свой титанизм, он в патетическом месте падает без чувств (I, 83). Его речи и поступки излагаются автором в таком роде: «...я сделаю такую мастерскую шутку, такую шутку, что ад треснет со смеху, что природа будет дрожать от ужасу ! ... [Коррадо] с яростию кровожаждущего тигра, с сверкающим мечем, но еще более с сверкающими глазами летит к людям; и первые, попавшиеся ему, валятся мертвыми. Кровопийца с адскою улыбкою смотрит, как трепещут члены убиенных, как кровь клубится из ран их. "... это еще щекотание для ада. Я — ха! ха! ха! ... крови — крови хочу я! — трепещите, исчадия природы!" — заревел изверг, и побежал в замок» (II, 144—147).[40]

Если в идейном смысле «Дон-Коррадо» стоит выше «Морица», так как включает в себя тему народных страданий и отрицание фанатизма, хотя внимание автора и сосредоточено на авантюрно-уголовной стороне изображаемого, то в отношении художественности второй роман Гнедича явно уступает первому. Достоинство «Морица» в его краткости — в нем всего 44 страницы. «Дон-Коррадо» в 10 раз длиннее и композиционно не собран: происшествия нанизываются одно за другим без всякого организующего их в одно целое художественного принципа — их количество можно произвольно уменьшить или увеличить.[41] В «Дон-Коррадо» Гнедич весьма неудачно соединяет повествование с очень длинными, на 10 страниц, диалогами, расписанными как в театральных пьесах, т. е. выделяется имя говорящего и затем следует его прямая речь, без вводных от автора «сказал он», «отвечал» и т. п. Шиллеровская дикция преувеличена до степени гримас: «терзая вас на части, буду плавать в крови вашей», — так-таки прямо заявляет Дон-Коррадо своим жертвам. Кроме излюбленного Гнедичем «Га!» встречается и простое «А!». Русизмы «братцы» (обращение

---

[39] Противоречит действительности утверждение И. Н. Медведевой (Библ. поэта. С. 8): «мировоззрение Гнедича-студента, сказавшееся в первых пробах пера, характеризуется материалистическими идеями просветительской философии конца XVIII века. Этих идей Гнедич придерживался всю свою жизнь (*? — А. Е.*)».

[40] Именно это место романа Гнедича вызвало у одного из его читателей следующую эпиграмму:

Коррадо говорит,
Что *штуку* он такую сотворит,
Что лопнет ад со смеху.
Он сделает потеху:
Все грешники лишатся ада,
Кроме читателей Коррада.
(*Жихарев*. Указ. соч. С. 191)

[41] См. у Н. С. Тихонравова (Сочинения. Т. III. Ч. 2. М., 1898. С. 106—108) подробный пересказ содержания романа.

Дон-Риберо к «гишпанским» солдатам), «скотина» не вяжутся с якобы красивыми надуманными оборотами вроде «улыбка Педра плавала в слезах». В вводном романсе, якобы трогательном, который поет в романе Олимпия, стихотворный слог, уже удававшийся Гнедичу в «Абюфаре», изменяет ему и своей вульгарностью напоминает стихотворение из «Плодов уединения» (что служит стилистическим доводом в пользу принадлежности «Плодов» Гнедичу):

Сокрылось, улетело время,
Исчезли радости мои,
Глубока пропасть их пожрала
И не воротит никогда...[42]

Вследствие большого объема романа «Дон-Коррадо» все недостатки предшествующих творческих опытов Гнедича выказываются в нем как бы в увеличенном масштабе: недостаточно назвать этот роман слабым — он подлинно чудовищен,[43] — так оценивали его уже современники Гнедича: «Вот роман так роман... Во-первых, одно имя героя уже приводит в трепет ... . А эпиграф? ... У-у! у-у! так мороз и подирает по коже! и однако ж этот роман — сочинение очень доброго, миролюбивого и умного человека, бывшего нашего студента — Гнедича».[44]

По мнению автора этого суждения — Жихарева — «Дон-Коррадо» «появился» как результат страсти Гнедича к «Гамлету» и «Фиеско». Однако в романе Гнедича нет и следа гамлетовских раздумий или политических тенденций «Фиеско». Вообще шиллеровского в этом романе не много, лишь отдельные ситуации (например, заточение родного отца в башню), «Дон-Коррадо» был скорее отходом Гнедича от Шиллера в сторону неприкрытого, вульгарного «черного романа». Прав был М. Дмитриев, говоря, что «Дон-Коррадо» «написан в роде тех ужасных романов, которые были тогда в моде, но не в подражание г-жи Анны Радклифф, а более в роде романов немецких».[45] От романов Анны Радклиф и вообще типического готического романа «Дон-Коррадо» и «Мориц» отличаются тем, что, несмотря на нагромождение подземелий, башен, шпаг и лунного света, в них все же недостает готической атмосферы, элемента таинственности — иррациональ-

[42] Ср. Приложение № 2.

[43] История литературы не может ограничиться изучением одних лишь первоклассных произведений: посредственные и прямо плохие произведения иногда еще более показательны для эпохи, жанра или хода развития данного автора. Ю. М. Лотман справедливо отозвавшись ранее о «Морице»: «Роман написан еще в высшей степени наивно и беспомощно», не дает никакой оценки роману «Дон-Коррадо» с художественной стороны (Указ. соч. S. 425). Немецкий читатель его статьи может подумать, что речь идет о романе, не лишенном достоинств и даже, может быть, значительном.

[44] *Жихарев*. Указ. соч. С. 190.

[45] *Дмитриев М*. Мелочи из запаса моей памяти. Изд. 2-е. М., 1869. С. 206.

ность была чужда Гнедичу[46] и в этом смысле он из штюрмера никогда не делался романтиком. Аппарат поэзии широко использован им в его романах, но самой поэзии в них нет. Потому в наши дни читатель коротенького гнедичевского «Морица» — для «Дон-Коррадо» вряд ли найдется читатель[47] — выносит впечатление, что перед ним остроумная пародия на модную литературу начала прошлого века.

6

В письме к отцу (см. выше, стр. 313) Гнедич выражал опасение, что с наступлением двадцатилетнего возраста «дух бодрости» у него «погибнет». Там он говорил о служении отечеству на поле брани, хотя и жалел о возможном разрыве «союза с музами». К 18 годам он определился как поэт, притом с большими притязаниями (ср. предисловие к «Дон-Коррадо»), но словно опасаясь, что и в литературе его может покинуть дух бодрости, он спешит, нисколько не откладывая, ознаменовать себя: к тем публикациям 1802 года прибавилось еще две в 1803-м, все это до двадцатилетнего возраста, — поразительная продуктивность, и не менее поразительное отсутствие критического чутья.

В самом начале литературной деятельности Гнедича переводы идут у него рука об руку с оригинальным творчеством — эта особенность сохранится у него на всю жизнь, с изменением лишь соотношения этих двух видов творчества.

В 1803 году Гнедич, отдав щедрую дань черному роману в своем «Дон-Коррадо», выступил и как переводчик Шиллера. «Разбойники» уже имелись в русском переводе, «Коварство и любовь» переводили Андрей Тургенев и Мерзляков (см. выше, стр. 311), оставалась вакантной третья пьеса Шиллера периода «штурм и дранга» — «Заговор Фиеско». Ею увлекался Гнедич еще в Университете (см. выше, стр. 313), она вполне отвечала его мятежным исканиям. Перевод был им осуществлен в сотрудничестве с одним из его друзей.[48]

Переводчики не опустили предисловия Шиллера; его слог в переводе выглядит примерно так: «...меня укоряли, что я в своих “Разбойниках” принес жертву слишком воспаленному воображению... вели-

---

[46] Между тем, именно эта сторона вызывала на Западе своеобразную реабилитацию Анны Радклиф в наше время. См.: *van Tieghem Philippe*. Les influences etrangères sur la littérature française. Paris, 1961. P. 180.

[47] Особняком стоит мнение Н. Белозерской (указ. соч. С. 16) об этом романе: «Гнедич лишил свое “сочинение” всякого правдоподобия, хотя ему нельзя отказать в живости и даже талантливости рассказа».

[48] Заговор Фиэска в Генуе. Трагедия г. Шиллера. В 5 д. Пер. с нем. Г. и А. М., 1803 (248 стр.).

До сих пор не раскрыто, кто был этот А., помогавший Гнедичу в переводе. См.: *Лотман Ю. М.* Указ. соч. S. 426. [Имя соавтора Гнедича — С. И. Аллер. — *Примеч. публ.*]

кий дух может приметить, как нежная паутина какого-нибудь деяния продолжается через все пространство системы мира и наконец, может быть, повиснет на отдаленнейших пределах будущего и прошедшего времени — между тем как простой человек видит одно только плавающее в воздухе деяние...» Ремарки Шиллера, характеризующие действующих лиц, Гнедич передает следующим образом: «Джианеттино Дорий, заражен подлою гордостью, весь вид его неприятен», «Веррина, заговорщик, республиканец, угрюмый, важный и пасмурный. Черты его разительны», «Бургонимо, заговорщик. Благороден и приятен... натурален («натурален» — означает «непосредственен» — этого слова еще не существовало во времена Гнедича)», «Калкано, заговорщик... вид его приятен и предприимчив (т. е. любезен и вкрадчив. — *А. Е.*)», «Мулей — злодейская удалая голова». «Ленора — очень приманчива, но не так блистательна (т. е. очаровывает, но не ослепляет. — *А. Е.*)», «Юлия — блистательна. Но не приманчива».

Перевод текста сделан внимательно и добросовестно, без отсебятин и произвольных опущений. Порою дает себя знать преувеличенный слог «Морица» и «Дон-Коррадо», например: «Фиэско (устремляется на него с страшною радостию). Га! добро пожаловать!...», «Фиэско изумляется и безмолвно меряет его выпученными глазами». Или: «некоторые люди ходят через сцену с фонарями. Потом идет рунт (sic) и патрули. Все спокойно, море несколько волнуется».

Собственные имена Гнедич русифицирует: «Андрей Дорий» (вместо Андреа Дориа) и склоняет их: «заговор Фиэска».

Чтобы перевод произведения, в котором изображается убийство узурпатора, легче прошел через цензуру, переводчики сняли из подзаголовка подлинника слова «республиканская», оставив только «трагедия». Все же цензура не пропустила слов Веррины о деспотах, одетых в пурпурные мантии (V акт, 16 явл.). На стр. 246 перевода Гнедича после призыва Веррины «Брось этот пурпур, и я буду твоим другом» следуют четыре строчки многоточия до слов «Слушай Фиэско» и т. д.

Не дозволенные цензурой строки заключали следующее: «Первый владыка был убийцей и ввел пурпур, чтобы скрывать пятна своего деяния при помощи этого кровавого цвета».[49] В 1803 году это звучало для русских читателей не столько призывом к республиканским формам правления — ведь пропустила же цензура все остальные, в достаточной мере республиканские места этой трагедии — сколько указанием на еще свежие «пятна деяний», сопровождавших воцарение Александра I, а ранее Екатерины.[50]

---

[49] *Шиллер Ф.* Собр. соч.: В 8 т. Т. 2. Academia, 1936. С. 325.

[50] Позднее Добролюбов в своей рецензии на собрание сочинений Шиллера, давая разбор «Фиеско», писал, что причина искажения текста в русском переводе «вовсе не филологическая, а заключающаяся в степени участия нашего общества к литературным произведениям такого рода, как “Фиеско”...» (*Добролюбов Н. А.* Полн. собр. соч. СПб., 1912—1913. Т. 3. С. 407).

Издание перевода «Фиеско» имело успех: книга продавалась «по цене неслыханной».[51] Шиллер — по крайней мере ранний Шиллер — становился популярен: в Университетском пансионе в 1805 г. разыгрывали «Коварство и любовь» в переводе С. А. Смирнова, впоследствии юриста.[52] В глазах старшего поколения Шиллер — поэт молодежи. Мемуарист приводит слова одного из переводчиков Вольтера, обращенные к студенту: «...у вашего Шиллера — я говорю “вашего”, потому что он считается теперь любимым автором нового поколения наших писателей».[53]

7

«Дон-Коррадо» Гнедича не встретил сочувствия среди современников. Единственный известный нам положительный отзыв о нем принадлежит другу Гнедича З. А. Буринскому, который признается, однако, что он не читал романа. «Досадую на себя, — писал Буринский Гнедичу в 1803 году, — что не читал еще вашего Дон-Коррадо (не достал. — *А. Е.*) ... это творение, которое покажет и немцам, что не у них одних писали пером Мейснера, Лессинга и Шиллера. Слава вам, и языку русскому. ... Мужайтесь, Ричардсон, и покажите нам и нациям другие зрелые плоды вашего дарования...»[54]

За исключением упоминания Шиллера немало курьезного в этом письме: Мейснер (1753—1807) плодовитейший автор (56 томов сочинений), наибольшей известностью пользовался его роман «Алкивиад», выдержанный еще в традиции классицизма; у Лессинга вообще нет романов; стремление «показать немцам» можно понять как отнесение гнедичевского романа к типу немецких романов (что в общем правильно), но упоминание Ричардсона как нарицательное имя романиста уже архаично для начала XIX века.

Ударом для молодого автора, которого прочили в Ричардсоны и который сам в предисловии к своему роману сопоставлял себя ни много ни мало с Вольтером, Шекспиром и Шиллером, была уничижительная рецензия в журнале П. И. Макарова «Московский Меркурий»[55] — то был орган карамзинского направления, в своих рецензиях ставивший себе задачей ориентировать «любителей чтения», рекомендуя или бракуя литературные новинки.[56] Его «рецензия» на роман Гнедича начинается с иронии над заглавием: «...гишпанец осердился бы за такой титул, а нам какое дело? Автор определяет характер целой нации по характеру лица не исторического, но им самим вы-

[51] *Жихарев С. П.* Указ. соч. С. 191.

[52] Там же. С. 11.

[53] Там же. С. 63—64.

[54] См. Приложение № 6.

[55] Московский Меркурий. 1803. Ч. IV. Кн. 10. С. 53 сл.

[56] См.: *Мордовченко Н. И.* Русская критика первой четверти XIX века. М.—Л., 1959. С. 63.

мышленного... Дон-Коррадо режет, душит, давит — сам не зная для чего — всех, без разбору возраста и пола, родных и сторонних, врагов и друзей — всех, до которых рука его может достать. От первой страницы до последней сей роман представляет только картины убийств, отравлений, злодеяний, *рассказанных с удивительным хладнокровием*. Жаль, что такому прекрасному сочинению недостает *цели, плана, слога и занимательных приключений*». Далее рецензент выписывает «неправильные» выражения, встречающиеся в романе Гнедича, как то: «от желудка», «суя ему в зубы палку», «раздавливать цвет», «поблажка», «циркум-станции».[57]

Рецензия «Московского Меркурия» была тем убийственнее для Гнедича, что она не выделяла его «российское сочинение» (обозначение, не без цели проставленное на титульном листе «Дон-Коррадо») из ряда переводных романов и пьес такого же типа.[58]

Для сторонников же классицизма весь «черный» жанр, будь то в романе или в драматургии, был, конечно, неприемлем.

«Северный Вестник», издававшийся И. И. Мартыновым, приверженцем эстетических теорий Баттё и Лагарпа, был журналом также с развитым отделом рецензий. Трагедия Нарежного вызвала там в 1804 г. следующий отзыв:[59] «Я читал, — говорит рецензент, — две Шиллеровы трагедии почти в этом же роде и скажу, что *они не моего вкуса, хотя и имеют свои достоинства*. Но "Самозванец" г-на Нарежного никогда не может равняться ни с трагедией "Разбойники", ни с трагедией "Заговор Фиеска в Генуе"». Приводя из трагедии Нарежного такие «шиллеровские» выражения, как «все дьяволы бездны ревели тогда в моем сердце» или «легионы демонов вопиют, рыкают над моим проклятым составом», рецензент замечает: «Не знаю, могут ли все сии выражения произвести в зрителях *ужас*, что нужно в трагедии. — Они могут только драть уши». Рецензия заканчивается призывом обратиться к эстетике французского классицизма: «Вообще видно, что если г. Нарежный *забудет расположение немецких трагедий* ... реже будет говорить о дьяволах и сатанах, то напишет прекрасную трагедию».

Полемизируя с «Московским Меркурием», «Северный Вестник» придирается и к слогу помещенной там рецензии на «Дон-Коррадо»:

---

[57] Слово «циркумстанции» употреблено в романе Гнедича (стр. 171) как юридический термин, вводящий латинскую цитату.

[58] Напр.: Разбойники в подземелье Кутанского замка. Англинское сочинение. Пер. с франц. Ч. 1—3. М., 1802 (Рец.: Московский Меркурий. 1803, февр. С. 144—146); Полночный колокол, или Таинства Когенбургского замка. Аглинское сочинение. Пер. с франц. Ивана Рослякова. СПб., 1802 (Рец.: Там же. С. 158, в тех же выражениях, что и о романе Гнедича: «...без цели, без хорошего плана, без характеров, ... без цветов слога: убивства, похищения, страхи, разбои, даже пытки!! — и более ... ничего! Сей роман хуже всех Радклифиных»).

[59] Северный Вестник. 1804. Ч. IV. № 11. С. 139 и сл. «Письмо от неизвестного».

«...Дон-Коррадо режет “*без разбору возраста и пола”* и проч.... Кажется, следовало бы сказать: “*не разбирая ни возраста ни пола*” и проч.».[60]

Если в стихах «черные» темы завоевали себе место главным образом благодаря Жуковскому — «дядька всех чертей и ведьм», как он себя называл — то в прозаической художественной литературе этого не случилось: нет ни одного русского «черного» романа, обладающего литературными достоинствами. Они все время оставались «низовой» литературой, имевшей успех у невзыскательного читателя.[61] Журналы продолжали их отметать, и свою собственную неудачу Гнедич мог еще более чувствовать, видя, какой уничтожающей критике подвергается облюбованный им жанр «черного» романа.

В 1809 году журнал «Цветник» (№ 4, стр. 133 сл.) рецензировал роман «Ринальдо де Саргино, или таинства подземелья замка Сангоссы». Пер. с немецкого. С эпиграфом из стихотворений г. Карамзина:

Надежда! ты моя Богиня,
Надежда! луч души моей,
Мне жизнь — печаль, мне свет — пустыня,
Дышу отрадою твоей
СПб 1809

Рецензия близко подходила к тому, что не так давно пришлось читать по поводу «Дон-Коррадо». Относительно этого «Ринальдо» журнал писал: «Сколько прав имеет сей роман на вечное забвение! — мы показали только два (зато важнейшие): *содержание*, выкраденное по большей части в *Шиллеровой* трагедии “Разбойники” и *слог* обезображенный немецкими оборотами и французскими словами, как то: *сценами*, *суриозностями*, *фантомами*, *фантазиями*, *фигурами* и т. д., всегда не у места находящимися, — ежели сии слова имеют еще *какое-нибудь место* в нашем языке».

В 1815 году «Сын Отечества» писал по поводу чувствительных романов для детей: «Они то же, что для взрослых Ридилиф (sic — опечатка вместо Радклиф. — *А. Е.*) и Дюкредюмениль — чтение пустое, обременяющее память и сердце романическими нелепостями *хижинками*, *пастушками*, *козочками*, *овечками*, *ручейками*, *замками*, *подъемными мостами*, *грошами* (sic—опечатка вместо гротами. — *А. Е.*), *пещерами, разбойниками* и тому подобными средствами, которые употребляются романистами для опустошения карманов и голов читателей».[62]

В противовес «черному» роману журнал рекомендовал читать госпожу Жанлис, потому что «в ее романах можно найти гораздо более пищи уму и сердцу, нежели в уродливых похождениях разбойников,

[60] Северный Вестник. 1804. Ч. III. С. 312.

[61] См.: *Козмин Н. К.* О переводной и оригинальной литературе конца XVIII и начала XIX века в связи с поэзией В. А. Жуковского. СПб., 1902. С. 8 и сл.

[62] Сын Отечества. 1815. № 42. С. 150

бандитов и т. п., которые, выслужив урочное время в Германии, переселяются к нам».[63]

Трагедия Нарежного не была забыта и спустя четверть столетия: «Галатея» в 1830 году отзывается о ней так: «эта трагедия есть сколок с шиллеровских “Разбойников”: почти та же завязка (?) почти те же характеры».[64]

Все эти отзывы Гнедич мог читать и они все время должны были напоминать ему о его литературном фиаско.

В том сплаве шиллеровской мятежности с готической «черной» темой, который характерен для рецепции раннего творчества Шиллера в России, мало-помалу улетучивалось все собственно шиллеровское,[65] и роман ужасов, первоначально англо-немецкий, к 30-м годам входит в русло новейшей французской литературы.

«Кровавый бандурист» — глава исторического романа, над которым Гоголь работал в 1830—1832 гг., содержит в себе обычные компоненты «черных» романов: пещера, «адские гномы», человеческие кости, жабы, летучие мыши, узник — узница, пытки, человек с содранной кожей. Как известно, этот отрывок был запрещен цензурой, указывавшей, что он написан «в духе новейшей Французской школы» и что такие картины вызывают «не ужас эстетический, а просто омерзение». Между тем, в 1803 году «Дон-Коррадо», про которого можно было бы сказать, что он написан в духе новейшей (тогда) немецкой школы, беспрепятственно прошел цензуру.

8

Неудача с «Дон-Коррадо» подействовала отрезвляюще на Гнедича: его горделивые мечты разлетелись. Публикации 1803 года были его последней данью шиллеровщине. Более того, в течение всей своей жизни он уже не писал ничего в жанре повести или романа. Этому самоограничению способствовало постепенное расширение его литературного горизонта в 1803—1809 годы. У Гнедича наступает разочарование в его прежних литературных увлечениях. К 1806 году относится следующее его высказывание: «Вот более десяти лет, как немцы соблазняют нас, и я первый приношу покаянную в прежнем безотчетном моем удивлении и подражании немецким драматургам-философам».[66]

---

[63] Сын Отечества. 1815. № 49. С. 149.

[64] Галатея. 1830. № 35. С. 191.

[65] Б. Я. Гейман (Шиллер и наследство просветителей XVIII в. // Уч. записки ЛГУ. Т. 158. 1958. С. 95 и 125) справедливо указывает, что «история рецепции Шиллера в России ... не так проста, как это кажется на первый взгляд». У Ю. М. Лотмана (указ. соч.), при исключительном охвате материала, не всегда подчеркивается момент искажения Шиллера, его вульгаризации, недопонимания, иного акцентирования и т. п. Уже гнедичевский «Дон-Коррадо» требует значительных оговорок.

[66] *Жихарев.* Указ. соч. С. 467.

Его не увлекает пример его друга Батюшкова, переводившего из «Мессинской невесты». В письме к тому же Батюшкову он шутит над «благородными разбойниками», обокравшими его по дороге из Гатчины: «...распороный (sic) мой чемодан всякому скажет, что в нем осталась половина только его внутренностей, а половину в Гатчине добрый человек вырезал — спасибо за честность! верно этот благодетель читал Шиллеровых Разбойников трагедию, где говорится, что у человека ненадобно всего отнимать, а только половину, — а ты бранишь Шиллера!»[67]

Сохранилась авторизованная писарская копия «Дон-Коррадо» (с которой, можно думать, он и печатался), где в конце предисловия Гнедич приписал отрицательно-шутливый приговор своему юношескому произведению: «Простить можно, а посечь бы надобно». Под этим, другим почерком, стоит: «Рука Н. И. Гнедича. М. Л.»[68] — это Михаил Лобанов, друг Гнедича, заверил его подпись. Тот же Лобанов в составленной им биографии Гнедича рассказывает, что Гнедич перед смертью на вопрос Лобанова, который был его душеприказчиком: «не позволите ли перепечатать некоторых прозаических ваших сочинений?» — отвечал: «Я сам не мог выбрать из них ничего удовлетворительного для меня; впрочем отдаю их на вашу волю, делайте что хотите».[69]

Удовлетворительного в них — в художественном отношении — в самом деле ничего нет. Спрашивается, какое значение имели проделанные Гнедичем литературные упражнения (иначе как упражнениями, нельзя назвать эти его юношеские опыты) для Гнедича — переводчика «Илиады»? Не был ли это очень окольный путь для перехода к древнейшему эпосу или даже прямо уводящий прочь от него? Известно, однако, что в искусствах окольный путь дает иногда лучшие результаты, чем непосредственно и узко направленный к цели. Если бы Гнедич под воздействием своего университетского преподавателя античной литературы обратился тогда к Гомеру, могла бы возникнуть опасность школьно-схоластического подхода к «Илиаде». Между тем, Гнедич сперва нисколько и не думал о Гомере — он увлекался литературой новейшей, нарушавшей каноны традиционных поэтик. Это предохранило его от педантизма и расширило его литературный кругозор.

Потерпев в 1803 году неудачу в области беллетристики, Гнедич все же не бросил «служенья Музам». На годы 1804—1809 приходятся его опыты в области стихотворной поэзии, причем количество его оригинальных стихотворений не превышает переводных — впрочем, разница между ними стирается тем, что в переводных он допускает добавле-

[67] РО ИРЛИ, р. I, оп. 5, ед. хр. 56, л. 13.
[68] ОР РНБ, ф. 197, оп. 1, ед. хр. 8.
[69] *Лобанов М.* Указ. соч. С. 31.

ния и перемены, а в оригинальных явно находится под воздействием иностранной лирики. Заметно его стремление расширить свой литературный кругозор: в 1805 году он переводит из «Потерянного рая», но не с подлинника, так как не знал по-английски, а с французского переложения Делиля. Веяния эпохи заставляют его обратить внимание на Оссиана. Здесь он мог пользоваться талантливым прозаическим переводом Кострова. Гнедич перелагает Оссиана русским народным стихом, утверждая, что песням Оссиана «никакая гармония стихов» так не подходит, как эта[70] — взгляд, явившийся следствием превратно примененного понятия о народности. Впоследствии, когда Капнист с этих же позиций пробовал передавать Гомера русским народным стихом, Гнедич уже отошел от переряживания инонационального эпоса на русский язык.[71]

В тот же год, что и перевод Оссиана (1804 г.), приходится и перевод из Тома, поэта рационалистического, близкого к энциклопедистам, который в своем стихотворении касался морального долга человека перед обществом и осуждал эгоистическое отъединение. Тематически, следовательно, стихотворение Тома — в переводе Гнедича озаглавленное «Общежитие»[72] — совершенно противоположно бегству от людей и Фарана в «Абюфаре», и Морица, и «Плодам *уединения*» самого Гнедича. Выбор этого стихотворения для перевода свидетельствует о некотором психологическом сдвиге Гнедича. Для него наступает период поисков, своего рода литературных метаний. Наиболее значительным из произведений этого времени надо признать «оригинальное» стихотворение «Перуанец к испанцу» 1805 года. Его западноевропейские истоки очевидны: роман Мармонтеля «Инки», использованный Гнедичем для «Дон-Коррадо» в отношении обличения фанатизма, давал идеальный образ перуанцев в духе идей просвещения. Это вошло теперь в стихотворение Гнедича: упоминаются «святые права природы»; и испанец (уже не «гишпанец», хотя всего два года отделяют это стихотворение от «Дон-Коррадо»), и перуанец, хотя он и черен (по Гнедичу перуанцы — черные), такой же человек, как и испанец; перуанец «в простоте души, пороков ... не зная, любил жену, детей, и, больше не желая, в свободе и любви ... счастье находил». Также, как у Мармонтеля, в стихотворении Гнедича испанцы представлены как хищные угнетатели. Их бог немилосерд, его лик окроплен кровью невинных, но тема изуверства развернута значительно меньше, чем в «Дон-Коррадо».

---

[70] Северный Вестник. 1804. Ч. I. № 1. С. 65.

[71] См.: *Егунов А. Н.* Гомер в русских переводах. Гл. V.

[72] В издании И. Н. Медведевой (Библ. поэта) на стр. 63, строка 19-я сверху имеется опечатка: «*Взгляд*, как камчадал...». Надо: «Взгляни, как камчадал».

Кстати можно отметить еще одну опечатку на стр. 167, 7-я строка сверху: «к полям, бывшие Пелидовы следов...». Надо: «где бытия Пелидова следов».

Новое в этом стихотворении, чего нет ни у Мармонтеля, ни в «Дон-Коррадо», это — сознание перуанцев, что они имеют *право мстить*. Мечтая о вольности, перуанец говорит:

...некогда придет тот вожделенный час,
Как в сердце каждого раздастся мести глас;
Когда рабы твои, тобою угнетенны ...
На всё отважатся, решатся предпринять
С твоею жизнию неволю их скончать.
И не толпы рабов, насильством ополченных,
Или наемников, корыстью возбужденных,
Но сонмы грозные увидишь ты мужей,
Вспылавших мнением за бремя их цепей. ...
Я знамя вольности развею пред друзьями...

Здесь мармонтелевская тема страдания угнетенных перуанцев переходит у Гнедича в шиллеровское «in tirannos» — недаром термин «тиран» три раза встречается в стихотворении. О Перу, как о стране несчастной от дурного правления, говорится в «Разбойниках» (V, 1). Карл Моор обличает духовенство такими словами: «Они поносят скупость, и они же в погоне за золотыми слитками опустошили страну Перу и, словно тягловый скот, впрягли язычников в свои повозки» (II, 3).

Гражданский пафос вышеприведенных слов несомненен. Гнедич, в своем «Морице» и «Дон-Коррадо» удаливший или снизивший тираноборческую линию Шиллера, здесь впервые отдает ей должное. Сюжет общеизвестного в ту эпоху романа Мармонтеля приобрел в новой трактовке Гнедича шиллеровскую заостренность. Для сравнения можно привлечь написанную несколько позднее на тот же сюжет трагедию Державина «Атабалибо, или Разрушение Перуанской империи»,[73] оставшуюся неоконченной за смертью поэта и бывшую любимым его произведением.[74] Атабалибо, император перуанский, говорит там гишпанцам:

...плывя кровей в потоке
Вы собрали себе и злато и сребро;
А заплатили чем? Злодейством за добро...
для злата все преобратили в прах...
И бездны вы преплыть решились, не страшась,
Чтоб из-под наших ног увезть блестящу грязь...[75]

Пизар (sic) так рисует порядки в Испании:

---

[73] *Державин Г. Р.* Сочинения. Издание Императорской Академии наук. Т. IV. СПб., 1867. С. 473—512.

[74] *Аксаков С. Т.* Семейные и литературные воспоминания. СПб., 1886. С. 230.

[75] Этот стих особенно ценился Державиным.

Склонна всегда к тем власть, где, угождав ей, лгут...
Зачем же бед в жерло лететь нам на крылах
И изуверам сжечь себя дать на кострах?

Сравнительно с испанцами свой народ, т. е. перуанцев, Атабалибо характеризует так:

Вы белы, мы черны (sic), мы просты, вы лукавы.

Но, оказывается, и среди перуанцев есть изуверство, по крайней мере среди жрецов, по словам Кацика:

Измена, огнь, ад, мор, вред всякий для врагов,
Жрец главный говорит, приятен для богов.

Итак, хотя в трагедии Державина имеются те же тематические элементы, что и в стихотворении Гнедича, но они не акцентированы, тогда как в строках Гнедича сквозит настроение еще не изжитого им «штурм и дранга».

Тот текст стихотворения, который мы читаем сейчас, прошел правку Жуковского.[76] Но она носила лишь стилистический характер. Следовательно, Жуковский не нашел в стихотворении Гнедича ничего «опасного». Также беспрепятственно прошло оно и цензуру и появилось в печати в 1809 году. Его понимали, очевидно, как относящееся только к латиноамериканскому миру и не предусматривали возможности его «применения» — как тогда говорили — к положению вещей в России.

Поэтому нельзя согласиться с утверждением И. Н. Медведевой: «...нет сомнения (?), что читатели журнала “Цветник”, где это стихотворение было напечатано, думали не столько о судьбах перуанцев под гнетом испанских колонизаторов, сколько о судьбах русских рабов, конец терпению которых должен был наступить».[77]

Высказывание И. Н. Медведевой антиисторично. Стихотворение Гнедича появилось в печати в 1809 году. Социальный состав читателей «Цветника» был тогда почти исключительно помещичье-дворянский; вопрос о ликвидации крепостного права вообще, а в частности снизу, путем крестьянского восстания, не вставал непременно перед читателем светского круга. А память о пугачевщине уже подернулась забвением. Ни по замыслу Гнедича, ни в восприятии читателей, стихотворение не могло иметь в 1809 году того значения, которое ему приписывает И. Н. Медведева — для этого тогда было еще слишком

[76] См.: *Батюшков К. Н.* Сочинения. Т. III. СПб., 1886. С. 112, письмо Гнедичу, 1811 год: «Я отдал *Перувианца* (sic) Жуковскому, который тебя истинно любит». Там же (с. 115), по поводу высмеивания Гнедичем перевода Батюшкова из Парни: «этак можно и *Перуанца* выворотить наизнанку. *Изможда*я, *тигры*, *варвары*, *пей кровь*, *грызи зубами* и прочее, конечно, очень смешно».

[77] *Медведева И. Н.* Библ. поэта. С. 10.

рано.[78] Проходит десяток лет, и при быстром росте общественного сознания в ту эпоху, в атмосфере преддекабристских настроений стихотворение приобретает то звучание, о котором говорит И. Н. Медведева. Известно, что «первый декабрист», майор В. Ф. Раевский, арестованный в 1822 году, заставлял юнкеров, находившихся под его началом, учить «некоторые примеры стихов наизусть» и в том числе и данное стихотворение Гнедича.[79] Но и здесь необходимо внести ограничение. В. Ф. Раевский не мог давать, с революционизирующей целью, все стихотворение целиком, по той простой причине, что в нем перуанец, взятый как криптоним для восставшего народа — изображен Гнедичем, вопреки своей перуанской невинности и простоте, в неприглядных чертах. Так, перуанец говорит испанцу:

...в правом мщении тебя я превзойду;
До самой подлости, коль нужно, низойду;
<вариант: до гнусной подлости>
Яд в помощь призову и хитрость, и коварство...
Видал ли тигра ты, горящего от гладу? ...
По грудам мертвых тел к тебе я притеку
И из души твоей свободу извлеку!

Стихотворение Гнедича не годилось в качестве политической прокламации, он остается в пределах «жестокого» стиля «Дон-Коррадо».

Оно примечательно еще и в другом отношении: написанное в 1805 году, к которому относится и свидетельство Жихарева об увлечении Гнедича Шекспиром (см. выше стр. 313), оно в самом деле подтверждает знакомство Гнедича с Шекспиром, а именно с «Гамлетом», и притом не только со стороны сцены с привидением, о чем упоминает Жихарев. Парафразой известных строк из знаменитого монолога Гамлета являются следующие строки гнедичевского стихотворения:

...сей мир, в котором беспрестанно
Невинность попрана, злодейство увенчанно;
Где слабость есть порок, а сила — все права!
Где поседевшая в злодействах голова
Бессильного гнетет, невинность поражает
И кровь их на себе порфирой прикрывает!

Последняя строка любопытна еще и тем, что в ней Гнедичу удалось провести через цензуру почти ту самую фразу, которая не была допущена в переводе «Фиеско» 1803 года (см. выше, стр. 334).

Стихотворение «Перуанец к испанцу», написанное рифмованным александрийским стихом, которым Гнедич овладел еще в «Абюфаре», похоже, если бы не его длина, на театральный монолог.

---

[78] Ср. мнение Кукулевича (Указ. соч. С. 21): «эта гражданственность еще не могла питаться декабристскими настроениями, поскольку Гнедич как поэт созрел задолго до декабристского движения».

[79] *Медведева И. Н.* Библ. поэта. С. 795.

9

К 1807 году относится и другое свидетельство Жихарева о занятиях Гнедича Шекспиром: он советовал Жихареву приняться за перевод какой-нибудь хорошей пьесы, например «Гамлета»:[80] «Тут Гнедич с жаром распространился о достоинстве этой трагедии и начал превозносить Шекспира, который, по мнению его, один только мог создать подобный характер. Выхватив из шкапа Шекспировы сочинения во французском прозаическом переводе,[81] он начал декламировать сцену Гамлета с привидением, представляя попеременно то одного, то другого, с такими странными телодвижениями и таким диким напряжением голоса, что ласкавшаяся ко мне собачка его, Мальвина, бросилась под диван и начала прежалобно выть. ... Кажется, сцена появления привидения — одна из фаворитных сцен Гнедича: он от ней в восторге и удивляется искусству, с каким она подготовлена, ибо, по словам его, иначе привидение не могло бы производить такое поразительное впечатление на зрителей. По всему заметно, что переводчик “Илиады” изучает и Шекспира: он говорит о нем дельно и убедительно, и, несмотря на свои странности, внушает доверие к своим суждениям».[82]

К сожалению, Жихарев не приводит суждений Гнедича и можно сильно сомневаться, что у Гнедича была своя, продуманная и оригинальная, концепция Шекспира и что Шекспир действительно вошел, так или иначе, в творческое сознание Гнедича. Это не подтверждается фактами его литературной деятельности. Прежде всего у Гнедича, вслед за французскими переводчиками, не было не только благоговейного, но хотя бы почтительного и бережного отношения к Шекспиру. Переводил он его, конечно, с французского и — надо сказать это прямо — не из внутренней потребности, а наспех и выбрал пьесу, в главной роли которой могло бы сказаться дарование знакомого ему актера, человека уже не первой молодости. Мемуарист приводит разговор Гнедича по этому поводу с одним из незначительных стихотворцев той эпохи, который напомнил Гнедичу его слова, что не будь Шушерина для роли Леара и Семеновой для роли Корделии, ему бы и в голову не вошло переводить эту трагедию.

— «*Это правда*, — отвечал Гнедич, — но я перевожу или, лучше, *переделываю* “Леара” собственно для бенефиса Шушерина, по *его просьбе*, и если бы не был уверен, что он хорошо его сыграет, то, конечно, *не стал бы тратить время попустому*; но автор, который предпринимает труд не *случайный* и заботится о художественной его от-

[80] У И. Н. Медведевой (Библ. поэта. С. 12) ошибочно утверждается, будто Гнедич «переводил “Гамлета”».

[81] Очевидно, речь идет о переводе П. Летурнера (1776—1782). В стихотворном переводе «Гамлета», сделанном автором «Абюфара» Дюсисом, сцена с привидением отсутствует.

[82] *Жихарев.* Ук. соч. С. 422.

делке собственно для своей славы, не имеет в предмете ни Шушерина, ни Семеновой, а только характеры выводимых им на сцену персонажей и не станет соображаться с средствами тех сюжетов, которые их играть должны, а предоставит соображаться им самим с его творением. Автор трагедии или комедии — не капельмейстер какой-нибудь, который обязан сочинять музыку заказанной ему оперы, соображаясь с голосами, находящимися в распоряжении его импрессарио».[83]

Поставленный для бенефиса Шушерина «Леар» Гнедича в следующем году появился в печати[84] и, надо признаться, совершенно напрасно: то, что на сцене в парадном спектакле, когда даровитый актер — и таким, по видимому, как раз и был Шушерин, — при полном напряжении своих сил (недаром то был его бенефис) подкреплял своей игрой, выглядит весьма плачевно в виде печатного текста. Вся пьеса дана в прозе, причем реплики действующих лиц отличаются своей длиной: иные занимают по целой странице и даже более, что явно не сценично и сближает «Леара» с юношескими романами Гнедича. Эдгар, наподобие положительных героев «черного» романа или «Разбойников» Шиллера, следующим образом повествует о положении Корделии: «...камни, пещера и все ее окружающее казалось участвовало в ее горести. Что же я должен был чувствовать, взирая на её божественное чело, отчаянием преклонённое долу, на уста, где и самая горесть не помрачила осклабляющейся (?) невинности, на её глаза, на капляющие (sic) слезы... ... В молчании исторгшися из пещеры, я спешил собрать достойных единомышленников: “Британцы, говорил я им, чудовище отягчает нас узами рабства, и праведный гнев ваш доселе не пылает? Все его царствование есть великая цепь преступлений, и вы в безмолвии только исчисляете имена жертв его ярости? (ср. подобное в «Дон-Коррадо». — *А. Е.*) ... Пойдем, нападем на тирана ...”. Так я говорил им, и сверкающие их взоры изобразили чувства их душ. Здесь, в сих лесах, я рассеял друзей моих...» и т. д. (стр. 16).

Подобные места в «Леаре» показывают, как нелегко было Гнедичу отбросить, несмотря на постигшее его литературное фиаско, вкоренившийся в нем «шиллеровский» склад речи. «Тиран» и «варвары» не раз встречаются на протяжении гнедичевского «Леара». Предположение, что, быть может, только Эдгар, молодой наподобие Морица и благородных повстанцев («разбойников»), изъясняется таким слогом, отпадает, если сравнить с его речами слова самого Леара — старика-страдальца.

Он тоже выходит, по своей дикции, чем-то вроде отца Карла Моора: они «искали меня, — говорит он, — чтоб услаждаться моими слезами. Чудовище сие, улыбаясь, готовило мне яд; но яд не умерщвляю-

[83] *Жихарев*. Указ. соч. С. 426—427.

[84] *Н. Г.* Леар, трагедия в пяти действиях, взятая из творений Шекспира. Представлена в первый раз на Санктпетербургском придворном театре ноября 28 дня, 1807 года. СПб., 1808 (103 стр.).

щий, не прекращающий мучений, а усугубляющий оные. ... я каплями пил отчаяние из сей страшной чаши и наконец исторгся из тех адских для меня мест...» (стр. 29).

Шиллеру — не называя, однако, его — следовал Гнедич и в изменении завязки трагедии. По Шиллеру, допущенное Лиром в самом начале легкомыслие вредит нашему состраданию. Гнедич так говорит об этом в своем предисловии: «Рассудя, что человек в сумасшествии дающий и отнимающий царство, благословляющий и проклинающий детей своих, не может возбудить сострадания в зрителях,[85] я осмелился не подражать в этом ни Шекспиру, ни Дюсису, а оставил Леару здравый рассудок, чтобы не в мечтах беспрерывного исступления, но истинно ощущая всю гордость отца, гонимого неблагодарными детьми, и восторги радости при нечаянном возвращении нежной и добродетельной дочери, возмог он сообщить их сердцам зрителей. В третьем только действии, когда все чувства Леара возмущены горестию и изнурены свирепствующею бурею, почел я возможным представить его в кратковременном исступлении...»

Гнедич берет как нечто доказанное и очевидное, что «Шекспир, дабы возбудить сострадание зрителей своих, представил Леара совершенно сумасшедшим» и, следовательно, вопрос сводится к зрителям — т. е. современникам Шекспира — и зрителям эпохи Гнедича: то, что достигало цели во времена Шекспира, то не годится теперь, а следовательно, возможно и следует переправить Шекспира. Ошибка Гнедича здесь в том, что он изменяет текст шекспировской пьесы, тогда как, по существу дела, замечание Гнедича касается режиссерской стороны дела, т.е. постановки пьесы — и не меняя текста можно было бы осуществить гнедичевскую трактовку Лира путем соответствующей игры исполнителя этой роли. Но бесцеремонное отношение к переводным авторам было в традиции XVIII века и Гнедич здесь не стоит выше своей эпохи. Он и сам называет второй источник своего «Леара» — это Дюсис («Le roi Léar», 1783 г.), от Дюсиса идет прежде всего чтение «Леар», хотя Гнедич мог бы справиться об английском произношении этого имени у лиц, знающих по-английски. У Дюсиса третья, незамужняя дочь Леара названа Гельмондой (Helmonde), в этом Гнедич ему не последовал, но в именах остальных действующих лиц он беззаботен: Норклет, Вольвик, Струмор.

К Дюсису Гнедич отнесся с той же свободой, что и к Шекспиру. В предисловии Гнедич указывает, в чем и как он отступил от Дюсиса: «...французский драматический писатель Дюсис ... изобразил Леара легкомысленным, возмутительным, властолюбивым», — т. е. последовал Шекспиру, у обоих, следовательно, Лир — сумасшедший. Далее

[85] Ср. у Льва Толстого: «... зритель или читатель не может ... разделять чувства лиц, участвующих в этой неестественной сцене» (О Шекспире и драме. М.: Т-во И. Д. Сытин, 1907. С. 10).

Гнедич говорит: «...не находя разительными положения, в которых Дюсис поставил Леара и дочь его Корделию, должен я был как в сем, так и в четвертом действии *прибегнуть к изобретению*. Также осмелился я в трагедии Дюсисовой, которой *более, но свободно подражал* (курсив мой. — *А. Е.*), переменить некоторые явления во многих местах преобразовать ход самого действия. Заимствовав из Шекспира некоторые положения и переделав развязку трагедии, не почел я нужным увенчать любовную страсть Эдгара к Корделии, которою Дюсис, по мнению моему, унизил благородные чувства и великодушный подвиг сего рыцаря, защитника своего государя и несчастной царевны».

В заключение Гнедич просит читателей простить ему ту смелость, с которой он отклонился от своего образца, которым был все-таки Шекспир. В результате у Гнедича не получилось ни перевода трагедии Дюсиса, с чем он так удачно справился в «Абюфаре», ни Шекспира.[86] Во всем гнедичевском «Леаре» чувствуется, что это было литературное изделие именно для бенефиса: в конце «трагедии», под занавес, Леар (он у Гнедича, в противоположность Лиру, остается в живых), обнимая Корделию (она также не умирает), т. е., иначе говоря, Шушерин, в чью пользу давался бенефис — важное подспорье при скудном актерском заработке — обнимая Семенову (так предполагал Гнедич, но, по театральным интригам, она была заменена другой актрисой), восклицал: «Правосудные и милосердые боги! Пошлите мне силу не роптать на судьбы ваши, лишившись трех моих нежнейших дочерей!» Трогательная картина счастливого конца предполагала взрыв «плесканий», как тогда говорили, т. е. аплодисментов.

Печатные экземпляры «Леара» были посланы Гнедичем и Шушерину, и Семеновой с одной и той же надписью: «Прийми, о Шушерин, Леара своего» и «Прийми, Семенова, Леара своего» (последнее было развито Гнедичем и в виде стихотворения).[87] Шушерин в благодарность за пьесу подарил Гнедичу эстамп на оссиановскую тему. Все эти подробности показывают, что гнедичевские занятия Шекспиром были не чисто литературные, а, так сказать, прикладного характера.

Среди публики «Леар» имел успех, как об этом свидетельствует Батюшков, позволивший себе, в качестве близкого друга Гнедича, отпустить ему «комплимент» весьма сомнительного свойства: «Леар твой всем нравился, ибо *посредственность* (курсив мой. — *А. Е.*) не убивает сердца зависти...»[88]

Было несколько журнальных рецензий, касающихся больше спектакля, чем пьесы, отзывы о которой носили сдержанный характер.

---

[86] Относительно соотношения Гнедича с другими переводчиками Шекспира и места его «Леара» в ряду прочих русских переделок — см.: Шекспир и русская культура. М.—Л., 1965. С. 90 и сл.; 107—108.

[87] См.: *Медведева И.* Екатерина Семенова. М., 1964. С. 169 и сл.; Шекспир и русская культура. С. 122—123.

[88] *Батюшков К. Н.* Сочинения. Т. III. СПб., 1886. С. 90.

«Вестник Европы», не протестуя против счастливой развязки, приданной у Гнедича шекспировской трагедии, все же привел мнение Аддисона о том, что больше действует трагическая развязка: «ужас и жалость» оставляют по себе приятную скорбь в душе зрителя.

Спустя пять лет, в 1812 году, будучи уже всецело занят работой над «Илиадой», Гнедич еще раз вернулся к Шекспиру, но опять-таки он воспользовался им с «прикладной» целью. В тревожные дни, предшествовавшие назначению Кутузова, Гнедич публикует отрывок из «Троила и Крессиды» — I действие, 3-я сцена, беседа Агамемнона, Улисса и Нестора,[89] с открытым указанием, что перевод сделан с французского перевода Летурнера: «с перев. Ле Тур. Г-чъ». В примечании Гнедич указывает на свои публицистические намерения при публикации этого отрывка: «не красот трагических должно искать в нем: чистое нравоучение, глубокие истины, коими он исполнен, заслуживают внимание (sic), а всего более превосходные мысли о необходимости терпения и твердости в важных предприятиях и в бедствиях, происходящих от нарушения порядка и повиновения начальству».

Выбор «Троила и Крессиды» показывает, что Гнедич, в работе над «Илиадой», заинтересовался и шекспировской пьесой о гомеровских героях, построенной, впрочем, на материале средневековых баллад, но крайне наивно было, не давая никакой своей концепции этой трудной для понимания — «загадочной» — пьесы, полной насмешек над персонажами «Илиады», выбрать из нее нравоучительное место и применить его к грозной ситуации 1812 года.[90] Перевод Гнедича, поскольку он сделан с уже сглаженного перевода Летурнера, конечно, нисколько не передает шекспировского слога.

Если увлечение Гнедича Шиллером и «черным» романом составило целый период его творчества, так что можно говорить о своеобразном гнедичевском шиллеризме, то к Шекспиру Гнедич остался равнодушен; обе «шекспировские» работы Гнедича носят случайный характер. Эта невосприимчивость Гнедича к Шекспиру сужала его литературный кругозор, но она же предохранила его в дальнейшем, при работе над «Илиадой», от распространенного в ту эпоху взгляда, что Гомер, Шекспир — и Оссиан — составляют как бы единый комплекс поэтов, близких к природе, безыскусственных, «простецких» — у Гнедича ни в его статьях, ни в предисловии к «Илиаде» нет объединения Гомера с Шекспиром — в этом отношении Гнедич избежал веяний эпохи, неверных по существу уже и по отношению к Гомеру, но исторически бывших полезными для преодоления французского классицизма.

---

[89] Отрывок из Шекспировой трагедии «Троил» // Санкт-Петербургский вестник, издаваемый Обществом Любителей Словесности, Наук и Художеств. 1812. Ч. 3. № 8. С. 131.

[90] См.: Шекспир и русская культура. С. 92.

10

С французским классицизмом Гнедич так или иначе не порывал в течение всей своей деятельности, даже в 20-е годы (см. далее стр. 358—359). В первом десятилетии XIX века классицизм — особенно в драматургии — оставался все еще живым явлением — что доказывается и борьбой с ним и возникновением в нем промежуточных формаций, вроде «Фингала» и других трагедий Озерова. Гнедич, одновременно с работой над «Леаром», подготовлял перевод вольтерова «Танкреда» — именно эта одновременность показательна как для Гнедича, так и для его эпохи.

Ближайшим побудительным мотивом могло быть для Гнедича желание дать для руководимой им артистки — Семеновой — выигрышную роль, но этим не исключалась и чисто литературная задача — продолжить линию стихотворного перевода, удачно им начатую в «Абюфаре» — ведь Гнедич находился все еще в периоде поисков и литературных колебаний.

Шиллеровский узурпатор Фиеско неожиданно осуществился в Наполеоне, лозунг «против тиранов» приобрел вместо социального патриотическое звучание в годы войн против тирана — Наполеона. Строки из «Танкреда» в переводе Гнедича 1809 года очень подходили к историческому моменту:

> Против тиранов сих, колеблющих вселенной...
> Умрем, не потерпев властителя над нами! ...
> Как нам несущих брань тиранов отразить,
> И славу и покой отчизне возвратить.

В это же контексте следует понимать и стих

> ...народ, за вольность ополченный...

Такие или им подобные выражения, встречающиеся в «Танкреде», звучали по-разному в различные эпохи и при различной обстановке. Вольтер написал свою трагедию в 1760 году: при русском дворе она беспрепятственно исполнялась французской труппой; актер, игравший Танкреда, получал подарки даже от самой императрицы.[91]

В 1801—1802 годах Гете перевел «Танкреда» для постановки в Веймарском театре в противовес мещанской драматургии Коцебу и др. 8 апреля 1809 года состоялось первое представление «Танкреда» в переводе Гнедича.[92] В 1812 году в бенефис Семеновой был дан опять-таки «Танкред», и Нелединский писал, что под влиянием игры Семеновой «всяк зритель был Танкред».[93] Героическая мелодрама «Танкред»

---

[91] *Жихарев*. Указ. соч. С. 33—34.

[92] Нам неизвестно, почему в издании И. Н. Медведевой (Библ. поэта. С. 241) жирным шрифтом стоит: «Представлена в первый раз 1810 года».

[93] См.: *Медведева И.* Екатерина Семенова. С. 109—119.

с музыкой Россини (1813 г.) шла накануне миланской революции 1814 года. В печати перевод Гнедича появился лишь в 1816 году, причем Гнедич тщательно выправил текст. К. Ф. Рылеев на экземпляре, принадлежавшем ему, одобрительно отчеркнул строки, где говорилось о готовности к подвигу. «Танкред» в переводе Гнедича шел на сцене и в 1820-е годы.

Приведенные факты из «жизни» трагедии Вольтера более чем за 60 примерно лет (1760—1820-е годы) были бы совершенно излишни, так как само собой разумеется, что любое литературное произведение, вступая в различные культурно-исторические «контексты», приобретает различные оттенки своей значимости, если бы это явление не игнорировалось бы в единственной, специально «Танкреду» посвященной, статье некоего Х. Шмидта,[94] который из самых лучших побуждений дает однако методологически недопустимую трактовку произведения Гнедича. Статья Х. Шмидта содержит ряд новых текстологических наблюдений и справедливо подчеркивает общественную роль этой трагедии в эпоху наполеоновских войн, а затем и в атмосфере преддекабристских настроений. Возражения вызывает дальнейший ход его анализа. Шмидт категорически и без всякого обоснования утверждает, что термин «état» употребляется Вольтером в значении «государство народа, живущего в республике», указанном в «Словаре Французской академии 1762 г.» (как будто Вольтер непременно был обязан считаться со словарем), и добавляет, что это «не находится в противоречии с республиканской направленностью трагедии». В чем усмотрел Шмидт республиканскую направленность «Танкреда», остается неизвестным. Далее статья содержит ряд не менее голословных утверждений, касающихся Гнедича, который, по Шмидту, «должен был (?) переводить слово “état” с учетом его политического звучания и в соответствии с положением и общественным строем России. ... У*потребляя* слово “état” в значении “государство” (где и когда? В «Танкреде» Гнедича это слово не встречается. — *А. Е.*), Гнедич переводит его русским словом “страна”, учитывая военное положение своего отечества. ... Призыв (в тексте Вольтера. — *А. Е.*) “любить государство” означал в русских условиях — любить самодержавную империю Александра I. ... Гнедич ... видит различие между благом государства и благом родины».[95] Таким образом, Шмидт приписывает Гнедичу чуть ли не пораженческие стремления: чем хуже для самодержавного государства, тем лучше для родины, и сознательную, умышленную правку текста всего перевода в сторону избегания термина «государство» как могущего обозначать в русских условиях якобы лишь государственность времен Александра I. Все это совершенно

[94] *Шмидт Х.* «Танкред» Вольтера в переводе Н. И. Гнедича // Ученые записки ЛГУ. Сер. Фил. наук. Вып. 49. № 261. Русская литература XIX века. Л., 1958. С. 142—154.

[95] Там же. С. 146—147.

антиисторично и искажает образ Гнедича, который, при всем своем поэтическом свободолюбии, никогда не был систематическим проводником политических тенденций (вспомним к тому же его стихотворение «На французские революционные знамена» и верноподданническое посвящение «Илиады» императору). Что Гнедич в своем переводе «Танкреда» не применял слова «государство», можно проще всего объяснить тем, что оно не вошло в уже обозначившуюся тогда лексику русской трагедии (у Озерова мы его не встретим ни разу) как затруднительное для рифмовки (царство? барство? коварство?) и не всегда удобное метрически. В смысле же политическом это слово вовсе не было закреплено за наличествовавшим строем: в проектах декабристов постоянно речь шла о государстве — это слово вовсе не было одиозным, как это изображает Х. Шмидт. За недостатком места мы не можем дальше следовать за статьей Шмидта, где справедливые суждения и верные наблюдения перемешаны с крайними преувеличениями и модернизацией.

«Танкред» Гнедича 1809 года тесно связан с предшествовавшим ходом его литературного развития. Как и в случае с «Абюфаром» Гнедич берет из драматургии классицизма пьесу, предвосхищавшую черты романтизма — таков «Танкред» Вольтера. «Чтобы взволновать своих зрителей, Вольтер часто разрабатывает современные сюжеты... “Заира” и “Танкред” вызывают больше слез, чем все греческие и римские шедевры нашего театра, — писала М-м де Сталь. — В “Танкреде” можно найти отклики “Ромео и Джульетты”».[96] Танкред имеет сходство с Абюфаром:

С младенчества гоним, в напастях возрастая
И с мужеством одним скитаясь в край из края,
Я зрел, как зависти везде шипят уста;
Я зрел от юных лет, что мрачна клевета
Равно в республиках, как в царствах, обитает...
(III, 3)

Героиня трагедии, Аменаида, также принадлежит к числу «уединенных» и гонимых. Она говорит о себе:

...злополучие познала с юных лет ...
Училася терпеть изгнанных рок печальный...

Я в мире с ужасом одну себя узрела,
Как трость пустынная, защиты не имела!
(I, 4)

---

[96] *Смирнов А. А.* Художественное творчество Вольтера // Вольтер. Статьи и материалы. Под ред. ак. В. П. Волгина. М.-Л., 1948. С. 114.

* Таких слов в статье Смирнова, на которую ссылается Егунов, нет. Процитированные слова мадам де Сталь — из ее книги «О Германии» (*Madame de Staël.* De l’Allemagne. Nouvelle éd. Paris, 1958—1960. T. II. P. 242). — *Примеч. публ.*

Эмоциональные места, сильные в подлиннике, еще более акцентированы в переводе Гнедича. Это достигается разложением синтаксически-спокойного стиха, как например,

Laisse au moins dans le doute un père au désespoir

на взволнованные отрезки:

Скажи, ах, нет! молчи, когда отца жалеешь.

Или же другой пример:

...все, что не Танкред, — я все то ненавижу;
Я в мире ничего, кроме его, не вижу;
Танкред один везде, всегда в моих очах.

Салонные выражения заменяются более искренними:

je n'avais rien promis — я не была твоя.

Междометия текста подчеркиваются:

О! до чего она меня уничижала!

Ах! существо небес мечтал я обожать...

О вероломная... но все еще любима!

О ты, которою душа моя жила,

Ах, если б быть могло, ах, если б ты была

То, чем казалася очам моим прельщенным...

Нет, с смертью призрак сей лишь может быть забвенным...

Или вводятся слова, отсутствующие в подлиннике:

Весь яд моей любви, весь ужас мук моих.

Вы, тигры, вы, его изгнавшие со света!
(Vous, cruels, vous, tyrans).

Таковы черты прежнего, «абюфаровского», стиля, не так далеко отстоящего от патетики Шиллера в гнедичевском преломлении. Но в «Танкреде» есть и стилистически новое, чем Гнедич был обязан Озерову, прославившемуся в те годы («Дмитрий Донской» — 1806 г.):

...Озеров невольны дани
Народных слез, рукоплесканий
С младой Семеновой делил.

По мнению кн. Вяземского, великолепное начало трагедии Озерова «Дмитрий Донской» напоминает красоту первых явлений «Танкреда» и «Брута».[97] Проверим на «Танкреде» это утверждение. Трагедия на-

[97] *Вяземский П. А.* О жизни и сочинениях Озерова // Сочинения Озерова. СПб., 1828 Ч. 3. С. 149. Ср.: *Бочкарев В. А.* Русская историческая драматургия начала XIX века (1800—1815 гг.) // Ученые записки Куйбышевского Гос. Пед. Ин-та. 1959. Вып. 25. С. 189.

чинается большой (46 стихов) речью Аржира в собрании рыцарей: он призывает соединиться, чтобы отразить иноземцев, в частности мусульман, несущих Сицилии иго рабства; момент удобен, так как мусульманский мир уже ослаблен. Очень близка, по своему плану и изложению, к речи Аржира речь Димитрия в начале трагедии Озерова. Можно сказать, что Озеров подражал здесь Вольтеру. Гнедич, переводя «Танкреда», имел, следовательно, перед собой уже готовый образец передачи по-русски высокого витийства, отличающего вольтеровскую трагедийную дикцию. Поэтому неудивительны совпадения в лексике монологов Димитрия Донского у Озерова и Аржира у Гнедича. Оба они начинаются обращением к собранию:

Российские князья, бояре, воеводы (Озеров)

Вожди и рыцари, Сицилии сыны... (Гнедич; текст в окончательной редакции 1816 года. Первоначально было: «О славны рыцари, усердные сыны...»[98]).

Выпишем из этих монологов слова и выражения, важные по их идейному и общественному значению:

Озеров	Гнедич
свобода	тираны, тиранство
насильствия ярем	отечество
отечества	свобода, святая
униженная доля	рабство, рабские узы
рабы	боги народных прав
алчные тираны	
властитель злочестивый	

Совпадение словаря, как мы видим, здесь очень значительно.

В пяти первых явлениях «Димитрия Донского» Озерова слово «свобода» повторяется 10 раз, «беды отечества» — 6 раз, «рабы» — 4 раза, встречаются такие выражения, как «насильствия ярем», «алчные тираны», «искать свободы», «свободу защитить и отражать насильство», «народные права», — т. е. словарь, естественный для Озерова, воспитанного в идеях просветительства. Если не знать сюжета трагедии Озерова, можно было бы усматривать во всей этой терминологии революционизирующий уклон. Между тем перед нами пьеса архимонархическая по своей тенденции и так и воспринимавшаяся зрителями. Такой же словарный состав возможен и в пьесе противоположного направления, но той же эпохи, что и в «Димитрии Донском». Отсюда надо сделать вывод, что в данном случае очень шаткими будут социологические выводы, сделанные на основании одного только лексического анализа, без привлечения других данных. Журнал, издававшийся весьма благонамеренным Гречем, и тот носил название «Сын Отечества». Поэтому неверны утверждения Шмидта, что Гнедич при

[98] Писарский список. Писал Киньдяков. Архив Лен. Гос. театр. библ.

правке «Танкреда» ставил перед собой какие-либо иные задачи, кроме стилистических.

Для прослеживающих развитие художественных средств Гнедича на его пути к переводу Гомера важно отметить, что Гнедич в своем «Танкреде» усвоил слог озеровской драматургии. Это и не удивительно — Озеров был влиятельным явлением той эпохи: «Успех Озерова возбудил поревнование (sic) во многих Сочинителях ... . Со времени Озерова также очень много переведено Трагедий стихами. К лучшим переводам принадлежат: “Танкред” Гнедича, “Гофолия” Шапошникова и Потемкина...» и т. д.[99] Пушкин, невысоко ставивший Озерова как художника, признавал, что «Озеров сделал шаг вперед в слоге». Вслед за Озеровым и Гнедич сделал шаг вперед в слоге, и его «Танкред» был первой его литературной удачей. Батюшков писал ему в 1809 году: «Ты нажил завистников? ... “Коррадо” их не родит, а переводы “Илиады” и “Танкреда” имеют сильные требования на зависть и злобу», а в вышеприведенном своем отзыве о «Леаре» (см. стр. 347) говорил, что «посредственность не убивает сердца зависти, но “Танкред” должен был быть для нее пятном». И спустя шесть лет Батюшков, получив уже печатный текст перевода «Танкреда», писал Гнедичу: «Перевод в иных местах превосходен. Я это и прежде тебе говорил».[100]

Журналы отмечали не только театральный успех прежнего представления[101] — что можно было бы приписать игре актеров, но и достоинства перевода, который «не только что нимало не ослабил подлинника, но и придал ему новые красоты, по крайней мере ощутительные для Русских, знающих свой язык ... . “Танкред” переведен очень хорошо, а перевести очень хорошо стихами очень трудно и небольшое сочинение в стихах, не только что лучшую (sic) трагедию Вольтера. Г. Переводчик получил сим трудом своим полное право на признательность любителей отечественной словесности. В доказательство, что перевод его очень хорош, что не слабее подлинника, и даже в иных местах лучше и сильнее, мы приведем здесь некоторые стихи, замеченные нами во время представления.

Ко Богу страшному кто на ответ стремится
Пред человеками тот в речи не смутится...[102]

---

[99] *В. С<оц>.* О драматических писателях // Сын Отечества. 1820. № 42. С. 50—51.

[100] *Батюшков К. Н.* Сочинения. Т. III. 1886. С. 90 и 408.

[101] Как сатирическую картину нравов, все же показательную для культурного уровня публики, «Цветник» (1809. Ч. II. С. 140) описывает, что «несколько знатоков» стали вызывать автора «Танкреда», и когда показался переводчик, то «брадатый судия» сказал сидевшему подле него в партере молодому человеку: «Ваше благородие! это не автор, я видел автора ныне зимою, он совсем не таков; это кто-нибудь другой», в ответ молодой человек разъяснил бородачу, что автор этой пьесы — Расин (sic).

[102] В издании 1816 г. первая строка переправлена: «Кто Богу на ответ без трепета стремится», вторая строка — без изменения. Обе строки соответствуют *одному* стиху подлинника (III, 6): «Qui va répondre à Dieu parle aux hommes sans peur».

Единоборцев честь с их жизнью погибает;
Но слуг Отечества бессмертна слава ждет...[103]
Да устыдимся мы Героя угнетая.
Страдает в мире сем заслуга, честь прямая;
Но кто их ведает, тот должен их почтить...[104]

Затем II, 2:

Ужели правда то? ... Ты отвечать не смеешь;
Скажи... ах! нет, молчи, когда отца жалеешь.[105]

Не лучше ли переведены сии два стиха, нежели каковы они в подлиннике?».[106] Рецензент, видимо, не допускал мысли, что улучшение подлинника надо считать недостатком перевода. Можно согласиться с тем, что последний из двух переведенных стихов передан Гнедичем живее и психологичнее, т. е. «лучше», чем это было у Вольтера: «оставь по крайней мере в сомнении отчаивающегося отца».

Тут любопытно, однако, другое: данная во 2-м явлении II акта «Танкреда» ситуация совпадает с ситуацией 2-го явления V действия «Коварства и любви» Шиллера. Это неудивительно, так как такая ситуация — одна из обычных в европейском театре и встречается не только у Вольтера и Шиллера, но еще и у множества других драматургов. Она сводится к следующему: невинной девушке инкриминируется написанное ею письмо. Допрашивающий девушку любит ее (у Вольтера это ее отец, у Шиллера — возлюбленный), он не хочет лишить себя последней, хотя и слабой надежды, что, может быть, письмо написано не ею. Признание девушки нанесет рану его сердцу. Гнедич, переводя данный стих Вольтера, непроизвольно, под влиянием неосознанной реминисценции передал его больше на шиллеровский лад, поэтому то он и вышел живее. В «Коварстве и любви» Фердинанд говорит Луизе: «Rede mir wahr, Luise, — oder nein, nein, tu es nicht, du könntest ja sagen, und ich wär verloren».

В том же 1809 году, в октябре, был дан Семеновой ее первый бенефис. «Гнедич желал доставить ей роль, в которой мог бы ярко блеснуть ее талант. Кн. Шаховской предложил перевести Вольтерову “Заиру”. Оказалось, что первый акт оной уже был переведен Юр. Александр.

---

[103] Вторая строка в издании 1816 г.: «Одна прямая честь — отечеству служить». В подлиннике (III, 6): «D'un combat singulier la gloire est périssable, / Mais servir la patrie est l'honneur véritable». Гнедич не срифмовал этих двух стихов и тем ослабил их запоминаемость, на которую они явно рассчитаны (так называемые vers à retenir).

[104] Без изменения в издании 1816 г.: «Un grand homme opprimé doit nous faire rougir. / On condamna souvent la vertu, la mérite; / Mais, quand ils sont connus, il les faut honorer» (V, 1).

[105] «И так, все истинно?» (1816) и т. д. «Ma fille!.. Il est donc vrai?.. Tu n'oses me répondre. / Laisse au moins dans le doute un père au déssespoir».

[106] Цветник. 1809. Ч. II. С. 140, 144—146.

Нелединским-Мелецким; надобно было дополнить перевод: Гнедич, Мих. Евстаф. Лобанов, князь Шаховской и в их товариществе Ст. Пет. Жихарев, взялись перевести каждый по акту. Русская трагедия-скороспелка в 5 недель была готова и срепетирована».[107] Перевод «Заиры» напечатан не был. Гнедичу, который перевел II акт, мог быть близок сюжет «Заиры» — соприкасаясь с содержанием его «Дон-Коррадо», трагедия проникнута протестом против религиозной нетерпимости: рабыня Заира любит султана иерусалимского Оросмана. Разница их вероисповеданий и социального положения приводит к трагической развязке — Оросман убивает и Заиру и себя.

11

И «Леар», и «Танкред» приходятся на те годы, когда Гнедич уже приступил к работе над Гомером. Его гомеровский дебют в печати состоялся в 1808 году (Драматический Вестник. Ч. V) — отрывки из VII песни «Илиады», затем вся VII песнь выходит отдельным изданием в 1809 году, с посвящением вел. кн. Екатерине Павловне. Эти переводы сделаны александрийским стихом, так же как и VIII песнь, появившаяся в печати несколько позднее — в 1812 году.

За годы 1809—1812 появляются и его переводы гомеровских гимнов, выполненные нерифмованным своеобразным ямбическим размером. Александрийским стихом Гнедич овладел вполне уже со времен перевода «Абюфара».

Приняться за такое грандиозное предприятие, как перевод «Илиады», склонил Гнедича, по-видимому, Капнист.

С 1807 года Гнедич стал вхож в державинский кружок, преобразованный позднее в Беседу любителей российской словесности, а затем познакомился с А. Н. Олениным. Трагедия Озерова «Димитрий Донской» до постановки на сцене предварительно была читана и у Державина, и у Оленина. Гнедич, который считался «одним из лучших чтецов того времени ... руководил артистов в произношении стихов».[108] Занятия театральным делом и причастность к его закулисной стороне, полной соперничества и интриг, несколько заслоняли для Гнедича переживаемый им кризис крушения своих литературных начинаний, но не могли заполнить его целиком. Настояния Капниста и «благословения» стариков Беседы толкнули Гнедича на продолжение перевода Гомера, предпринятого за 30 лет до того Костровым (1787 г.). Приступая к этому, Гнедич еще не имел твердо принятого решения посвятить этому делу всего себя целиком и на всю жизнь. К переводу «Илиады» он пришел вследствие своей литературной неудачи и стесненного материального положения. Пенсион в размере тысячи рублей, назначенный ему после поднесения Екатерине Павловне, через

[107] *Арапов П.* Летопись русского театра. СПб., 1861. С. 194.
[108] *Арапов.* Указ. соч. С. 177.

влиятельных своих покровителей, перевода VII песни, обязал его — морально, если не юридически — продолжить начатое предприятие. Здесь возник новый, уже второй в жизни Гнедича, литературно-психологический кризис: продолжать перевод Кострова, это значило подделываться под его стиль, полный славянизмов, которые до той поры были чужды Гнедичу, и писать языком, явно устарелым для начала XIX века, на радость литературным староверам и шишковистам — противникам слога Озерова, которым только что овладел Гнедич в своем «Танкреде» и который имел горячего приверженца в лице Батюшкова, ближайшего друга Гнедича.

Достаточно уже натренированный в литературе, Гнедич мог, т. е. был способен, стилизовать свой перевод под Кострова, но этим он делал насилие над собой, так как пережитый им ход литературного развития вел его от шиллеризма к высокому витийству Озерова. Костров с этим никак не вязался. Если появление гнедичевских «продолжений» Кострова уже в 1808—1809 году было стилистическим анахронизмом, то при продолжении этого дела, которое, учитывая объем «Илиады», могло затянуться на десятилетие, появление «костровской» «Илиады» накануне 20-х годов обращалось в полную бессмыслицу. Гнедич сознавал обреченность своего предприятия: сделанные им в костровской манере переводы Гомера александрийским стихом производят, стилистически, впечатление труда, выполненного без одушевления.[109]

Переход на гекзаметрический размер явился для Гнедича выходом из положения, избавлением от грозившей ему мертворожденности его перевода. Тут для Гнедича был открыт путь для творчества и, как известно, тут и обнаружилось дарование Гнедича — он создал свой, небывалый стиль для передачи Гомера. Это далось ему не сразу — лет 7 пошло на его выработку, пока, наконец, к началу 20-х годов Гнедич не почувствовал себя в нем вполне уверенным. Компонентами этого гнедичевского стиля стали как декламационный слог Озерова, так и славянизмы Кострова (количество их Гнедич сильно уменьшил) и старинного русского перевода Екимова; пресловутое же эпическое спокойствие Гомера дается у Гнедича на подтексте внутренней взволнованности (наследие пройденного Гнедичем «шиллеровского» этапа), что придает его переводу мужественную энергию, столь отличающую его от вялого благодушия «Одиссеи» Жуковского. Иными словами, проделанный Гнедичем путь через Шиллера, «черный» роман, преромантические трагедии, как французские, так и русские, был совершен им недаром и принес свои плоды в переводе Гомера, к которому Гнедич подошел не от школьной рутины, но от новейшей литературы своей эпохи.

---

[109] См.: *Егунов А. Н.* Гомер в русских переводах. Гл. V.

12

Поглощенный трудом над гекзаметрическим переводом «Илиады», Гнедич десять лет не переводил ничего из западноевропейской литературы. Театра он, однако, не бросил.

В 1819 году для Семеновой была переведена — так же коллективно, как за десять лет до того «Заира» — трагедия Лонжепьера «Медея» (Гнедичу принадлежит 3-е действие).[110] Лонжепьер (Longepierre, 1659—1721) — второстепенный драматург, осмеянный в одной эпиграмме Расина, переводил греческих поэтов — Анакреона, Сафо, Феокрита, Биона, Мосха. Его трагедия «Медея» представляла собой переделку «Медеи» Еврипида применительно к требованиям французской сцены. Следует отметить, что Гнедич, так много отдавший сил театру, никогда не выражал интереса к античной трагедии — впрочем, в этом он был сыном своего времени — греческая трагедия была «открыта», т. е. дошла до сознания образованного европейского общества, много позже.

Для Семеновой предпринял Гнедич в 1820 году и перевод расиновой «Андромахи». К Расину у Гнедича всегда было положительное отношение. В 1814 году, касаясь «гердеровского» тезиса о «языке природы», который слышится в поэзии греков, Гнедич писал: «Разве Расин не говорил этим языком ...? Но у кого он учился ему, если не у Греков?»[111] Гнедич отмечал плодотворное влияние гуманистов на французскую словесность: «...казалось возник новый Геликон, на который стеклись все Греческие Музы, чтобы образовать писателей Франции. Там-то их питомцами были Расин, Паскаль...»[112]

Расин писал, говорит Гнедич, для потомства, для человечества, как и Гомер и Вергилий.[113] Поэтому Гнедич — в юности последователь

---

[110] См.: *Катенин П.* Сочинения и переводы в стихах. Ч. I. СПб., 1832. Примеч. издателя (с. 189): «“Медея”, Трагедия Лонжепьера, играна в первый раз на С.-Петербургском Театре, в пользу Актрисы Г-жи Семеновой большой, 15-го Мая 1819-го года. Первое действие оной было еще прежде переведено Мариным и И. А. Озеровым, братом известного Трагика; к сему первому действию дополненье: второе Бароном Дельвигом, третье Г. Гнедичем, четвертое Г. Катениным, и пятое Г. Поморским».

Также: *Лонгинов М.* Материалы для полного издания сочинений Н. И. Гнедича // Русский Архив. 1863. Вып. 10 и 11. С. 847.

Рукопись перевода «Медеи» хранится в Библиотеке Архива Моск. Ак. Малого театра.

[111] *Гнедич Н. И.* Рассуждение о причинах, замедляющих успехи нашей словесности // Описание торжественного открытия Императорской Публичной Библиотеки. СПб., 1814. С. 80.

[112] Там же. С. 69—70.

[113] Записная книжка Н. И. Гнедича, цит. по: *Тиханов П.* Николай Иванович Гнедич. Несколько данных для его биографии по неизданным источникам. СПб., 1884. С. 56. Общечеловеческое значение Расина Гнедич ставит в связь с тем, что Расин в своем творчестве опирался на древних. В этом отношении Гнедич проти-

крайних новшеств германской литературной школы — в зрелом возрасте, напротив, не сочувствует отрицательному отношению к французскому классицизму и выдвигает следующее объяснение: «Подражание образцовым писателям поэзии французской было несчастливо в Германии. Лессинг почувствовал опасность упорствовать в усилиях, до его времени бесплодных; он получил отвращение к образцам, с которыми не могли у них сравняться, и уничижил их, чтобы отвратить соотечественников. Как лисица басни, он уверил их, что виноград зелен и не стоит труда, чтобы доставать его».[114]

К этому можно было бы добавить, что Шиллер, так много значивший для Гнедича, хотя устами Карла Моора и выказал пренебрежение к французскому театру («Французский драматург поставит великих мужей древности на ходули и начнет дергать за веревочки, корежить их в трагедиях»), однако, сам, как известно, перевел «Федру» Расина. Правда, отказавшись от александрийского стиха и сделав свой перевод пятистопным «шекспировским» ямбом, Шиллер тем самым перевел Расина в совершенно другой литературный план. Гнедич ему в этом не последовал, передав Расина рифмованным александрийским стихом. Почтительное отношение Гнедича к Расину выражалось еще и в том, что в этом случае Гнедичу и на мысль не могло прийти передавать Расина прозой или как-нибудь переделывать его — между тем с Шекспиром, как мы видели, Гнедич обошелся очень вольно («Леар»).

«Андромаха» Расина уже существовала в русском переводе гр. Дм. Хвостова (1794 г.), поэтому перевод Гнедича естественно рассматривать, кроме соответствия подлиннику, еще и в соотношении к этому предшествовавшему опыту. Семенова имела успех, играя Андромаху по тексту Хвостова; Гнедич, очевидно, хотел дать ей лучший текст. Полностью осуществить свое намерение ему не удалось. В печати были опубликованы лишь отрывки из перевода Гнедича, а именно: акт IV, сцена 5-я и акт V, сцена 3-я.[115]

К 1820-му году Гнедич уже вполне определил свою дикцию для перевода «Илиады», но это стилистическое решение не подходило для перевода Расина: передача гомеровского эпического диалекта путем включения славянизмов и вульгаризмов в русскую речь декламационного характера удалась Гнедичу внутри гекзаметрической формы, но возврат к александрийскому стиху создавал новые, чрезвычайные трудности: то был стихотворный размер, который в свое время был им преодолен и которым он не пользовался уже с десяток лет. Нако-

---

вопоставляет ему Лопе де Вега: «Славный Лопе де Вега признавался, что он держал за ключом творения древних, дабы не стыдиться их так часто в нарушении правил вкуса, когда сей сочинитель принужден был сообразоваться с обычаями *своего* времени. За то Лопе де Вега был славен только в *свое* время и в *своем* народе» (Там же. Курсив Гнедича. — *А. Е.*).

[114] Там же. С. 56.

[115] Сын Отечества. 1820. № 41. С. 31—38.

нец и то, что пьесы Дюсиса и Вольтера, которые он некогда переводил этим размером, носили черты преромантизма, тогда как в «Андромахе» Расина Гнедич впервые соприкоснулся с классицизмом в чистом виде. Батюшков находил, что переводить Расина невозможно.[116] Гнедич все же отважился на это, но признать его опыт удавшимся вряд ли возможно. Самое большее, что можно сказать, что его перевод лучше перевода Хвостова, который может служить выгодным для него фоном. Возьмем, например, следующее место из трагедии, не только не изящное, но с трудом понятное в переводе Хвостова:

Иду с Троянкой в брак, признаюсь велегласно,
Что обещал тебе, то сердце, что ей страстно.
Иной бы возразил, в предлог сего венца,
Что узл такой сплели под Троей два отца,
Что нас не вопрося, как чувства воспалены.
Мы были без любви друг с другом обрученны.
Довольно ежель я приял сии узлы,
Коль сердце за меня мои несли послы.

В переводе Гнедича эти слова Пирра становятся понятнее:

Так, Гермиона, я с Троянкой в брак вступаю;
Сужденное тебе, ей сердце посвящаю. —
Быть может, скажут мне: что у Пергама стен
Отцами нашими союз наш заключен,
Что мы, хотя своих сердец не вопрошали,
Друг другу, без любви, с тех пор принадлежали;
Но сделал много я, безмолвие храня,
Послы мои наш брак решили без меня...

Переводить лучше Хвостова еще не составляет, конечно, заслуги. Приведем несколько примеров, доказывающих, что Гнедич внимательно отнесся к стихам Расина, в которых выражена характерная для этого поэта тонкость психических переживаний и игра антитез:

Теперь обрушь твой гнев ты надо мной бессловным;
Я чувствую вину и быть хочу виновным. ...

Любимым должно быть, что счесть себя неверным
(Il faut se croir aimé pour se croire infidel)

Но как поверить мог любви ты исступленной?
Зачем ты не прочел души моей смятенной?
И как не видел ты в забвении моем,
Что сердце каждый миг сражалось с языком?
(...mon coeur démentait ma bouche à tous moments?)

Последний стих уже снижает высокую дикцию, — в переводе Гнедича здесь попадаются почти что вульгаризмы: «*пробрался* меж толпами» и «мой замысл роковым *казавший* мне в мечтах».

[116] *Батюшков К. Н.* Сочинения. Т. III. СПб., 1886. С. 319.

Крайней оплошностью Гнедича является следующий неловкий стих:

Злодей себя узрел кругом в рядах Ореста;
Я, поразить его, не находил и места.

Это должно означать, по смыслу контекста, что злодей узрел Ореста (не себя же он узрел!) в рядах кругом себя (не в рядах Ореста). Исправление этого стиха легко напрашивается само собою путем перестановки слов:

В рядах кругом себя злодей узрел Ореста.

Гнедичевский перевод «Андромахи», весьма неровный и неуверенный, стоит много ниже его же переводов «Абюфара» и «Танкреда». Между тем, как уверяют, этот перевод встретил полное одобрение Пушкина; ссылаются при этом на письмо Пушкина от 4-го декабря 1820 года из Каменки. Приведем его полностью: «Некоторые №-ра Сына доходили до меня — Видел я прекрасный перевод Андромахи, которого (sic) читали вы мне в вашем Эпикурейском кабинете, и вдохновенные строфы: “Уже в последний раз приветствовать я мнил” и проч. Они оживили во мне воспоминанья об вас и чувство прекрасного, всегда драгоценное для моего сердца ...»[117] Пушкин цитирует стихотворение «К Провидению» (Сын Отечества. 1820. Ч. 64. № 40. С. 324), состоящее из 11 четверостиший. Приведенный Пушкиным стих начинает 8-ую строфу, а так как Пушкин прибавкой «и проч.» одобряет и дальнейшее, то приведем здесь строфы 8 и 10 (они принадлежат к удачнейшему, что создал Гнедич, и настолько контрастируют с топорным переводом «Андромахи», что, не знай мы наверное, что оба они принадлежат Гнедичу, их можно было бы приписать различным авторам):

Уже в последний раз приветствовать я мнил
Великолепную природу.
Хвала тебе, мой Бог! ты жизнь мне возвратил,
И сердцу радость и свободу!

Спасительная длань, почий еще на мне!
Страх тайный все еще со мною:
От бури спасшийся пловец и по земле
Ступает робкою стопою;

А я еще плыву и бездны подо мной!
Быть может, вновь гроза их взроет,

[117] *Пушкин А. С.* Письма. Под ред. и с примеч. Б. Л. Модзалевского. Т. 1. М.—Л., 1926. С. 14. «Стих, приведенный Пушкиным, взят из переведенной Гнедичем “Андромахи”», — ошибочно указывает редактор (с. 217). Негласно исправлено Томашевским в примечаниях к изданиям Пушкина.

Синеющийся брег вновь отуманен мглой,
И свет звезды моей сокроет.

Здесь слабая рифма «мне — земле», и в целом стихотворение страдает от своей длины. Пушкин выделил строфы «пушкинские», т. е. те, что больше всего похожи на него, да и навеяны, лексически и фразеологически, его поэзией. Отзыв же о переводе «Андромахи» — «прекрасный» — остался в письме Пушкина неразвитым и представляет собою не более как дань вежливости: ведь из «прекрасного» перевода Пушкин не привел ни одной строчки, а сразу перешел к дальнейшему. Недоразумение комментаторов вызвано непринужденной сжатостью первой фразы пушкинского письма (не повторен глагол «видел» перед «вдохновенные строфы»).

13

Одобренное Пушкиным стихотворение Гнедича не было оригинальным: это был перевод очень известной в свое время «Оды в подражание псалмам» («L'ode imitée de plusieurs psaumes») Жильбера (Gilbert, 1751—1780), поэта преимущественно сатирического, которого постигло, как и Батюшкова, сумасшествие. Может быть, именно это обстоятельство, конечно, известное Гнедичу, привлекло его внимание к унылой элегии Жильбера в 1819 году при появлении первых симптомов заболевания Батюшкова.

Пятилетие 1819—1824 богато в творчестве Гнедича переводами из западноевропейских поэтов. Это теперь уже не поиски литературного материала, как было у Гнедича в начале века. Путь Гнедича уже твердо определился, он знает, что «Илиада» — дело его жизни. Но что-то на дне души оставалось все же неудовлетворенным и, не будучи продуктивен в своем оригинальном творчестве, Гнедич обращается к западным поэтам, беря из них созвучное его настроениям, преимущественно горестным. В 1819 году он переводит из Байрона, написанное всего за шесть лет до того стихотворение, озаглавив его «К NN» и доказывая тем самым, что занятия «Илиадой» не мешают ему следить за новинками европейской поэзии, «чтоб в просвещении стать с веком наравне». Стихотворение это угрюмо:

...Мое страдание свое жилище знает;
Оно сойдет опять во глубину души,
Где, нераздельное, безмолвно обитает.

В 1821 и 1824 году опять Байрон, взятый с элегической его стороны (1) «Рыдайте, рыдайте! На арфе Давида разорваны струны» и 2) «Душе моей грустно, спой песню, певец» — еврейская мелодия, общеизвестная потом по Лермонтову). Переводы из Байрона перемежаются элегией из Шенье (1822), привлекшей внимание Гнедича, быть может, и потому, что в ней возникает из бездн морских Фетида, правда,

не гомеровская: она выносит в объятиях своих утопленницу. Заключительные строки этой элегии:

Увы! напрасно ждал тебя жених печальный;
Ты не украсилась одеждою венчальной;
Твой перстень с женихом тебя не сочетал,
И кудрей девственных венец не увенчал! —

вызвали известный отзыв Пушкина: «непростительно прелестно». «Гнедич у меня перебивает лавочку ... . Знал бы своего Гомера, а то и нам не будет места на Парнасе» (30 янв. 1823 г., Кишинев). Пушкин шутил — несколько удачных строк не могут характеризовать творчество Гнедича, который и сам сознавал, что его стихи — «дары небогатые строго-скупой моей музы». Элегия Шенье и другие переводы из западноевропейских поэтов, сделанные в разгар работы над «Илиадой», показательны в смысле удивительной стилевой разносторонности Гнедича: они до такой степени не совпадают с лексикой и дикцией его «Илиады», что могли бы быть приписаны другому автору. Это лишний раз доказывает, что слог гнедичевской «Илиады» — сознательно применяемый прием, которого Гнедич придерживался для перевода Гомера (частично и для Феокрита): это не язык Гнедича вообще, это только стиль его «Илиады»; в других своих переводных произведениях он умел быть на уровне обычной поэзии своего времени.

Из Байрона Гнедич переводит в 1821 году не только элегические мотивы, но и «Военный гимн греков, сочинение Риги» (Байрон перевел стихотворение новогреческого поэта Ригаса), с четверократным припевом:

И пусть тиранов кровь — рекою
Кипит у наших ног!

Фразеология и лексика перевода выдержаны в духе Просветительства и трагедий Озерова: отечество святое, свобода и честь, рабство. Стихотворение с трудом прошло цензуру. Свидетельством интереса переводчика «Илиады» к потомкам древних греков и их борьбе за освобождение является перевод «Простонародных песен нынешних греков», 1824 года. Тут возникает вопрос, относится ли занятие Гнедича новогреческими песнями к моей теме «Гомер и западноевропейская литература».[118]

Фольклор славянских народов Балканского полуострова, конечно, в нее не входит. Нужно ли сделать исключение для греков? Думается, что данная работа Гнедича отчасти может рассматриваться в контексте западноевропейских литературных явлений, поскольку Гнедич переводил с французского[119] перевода Фориеля, сохранив его преди-

[118] См. выше замечание на стр. 309.

[119] У И. Н. Медведевой (Библ. поэта. С. 43) ошибочно: «Гнедич... перевел с греческого текста, а не с французского». Новогреческого языка, тем более его диалек-

словие, и лишь отчасти дополнил сборник Фориеля вариантами, предложенными Константином Экономосом. Песни клефтические могли быть дороги Гнедичу еще и потому, что клефты — партизаны, борющиеся против тиранов, турок, — осуществляют шиллеровский идеал «благородных разбойников». Здесь, как видим, творческий путь Гнедича сомкнулся: начав с Шиллера, он к нему же и вернулся, спустя 20 лет и несмотря на занятия «Илиадой». В своей статье «Академия художеств» Гнедич выразил свои чувства при виде бюста Шиллера работы Даннекера: «У окна колоссальный бюст, прекрасно освещенный, поражал взоры зрителей необыкновенным величием мужеского образа. Какой вид и какая жизнь! На этом лице вдохновение, в этих чертах и во взгляде что-то высокое, в этом повороте лица что-то поразительное! Почти каждый из зрителей любопытствовал узнать, какого это необыкновенного человека изображение? Это бюст Шиллера. Истинный Царь певцов Германских».[120]

14

Образ идеальной Греции встретил юный Гнедич еще в стихотворениях Шиллера, Амалия в «Разбойниках» поет о прощании Гектора с Андромахой. Шиллеру же принадлежит высказывание, что стоит жить на свете хотя бы для того, чтобы прочесть 23-ю песнь «Илиады». От Шиллера был естественен путь к занятиям искусствами, археологией и филологией, что было необходимо переводчику Гомера. Следует отметить странный факт, что Гёте, конечно известный Гнедичу и мимоходом им упоминаемый, не играл никакой роли в развитии Гнедича. Шиллер открыл Гнедичу доступ в тот культурно-исторический комплекс, куда входит и Винкельман, и Гердер, и Вольф, и т. д., и где совершилось своеобразное новое «открытие Эллады», до той поры заслоненной Римом и французским классицизмом. Но дальше Гнедичу было уж не по пути с немцами — чисто романтическая поэзия с ее мистицизмом была ему чужда. Гнедич резко называет метафорическую поэзию «язвой» нашего века,[121] поясняя свою мысль в примечании: «Предмет поэзии никогда не состоял в том, чтобы отвлечениям метафизическим давать образы, ибо они не имеют ничего существенного; а поэзия творит существа и ими говорит чувствам; но некоторые в Германии новейшие стихотворцы из цветущих полей Аонии начали переносить поэзию в дикие и мертвые пустыни отвлеченности; где они, блуждая по безмолвным пространствам, и сами ничего в них не понимая, ничего изображать не могут, кроме непонятных отвлечен-

тов, Гнедич не знал и ориентироваться в греческом подлиннике мог лишь с помощью древнегреческого, что, как известно, бывает далеко не достаточно.

[120] Сын Отечества. 1820. Ч. 64. № 38. С. 229.

[121] *Гнедич Н. И.* Рассуждение о причинах, замедляющих успехи нашей словесности. С. 77.

ностей, которые изъясняя таинственными словами, ничего не открывают разуму и ничего не говорят сердцу».

Гнедич приходит к мысли, что «германцы гораздо лучше судят об искусствах, чем их производят в действо. У них все впечатления искусств прежде анализируют, чем истинно их почувствуют. Таким образом — вкушая от плода познаний, они теряют невинность дарования. Вообще германцы сильнее в теории, чем в практике. ... По свойству их правительства, не предоставляющего им великих и знаменитых случаев к славным делам — они во всех родах предаются умозрению и, не находя ничего в настоящем положении вещей, что бы говорило их воображению, они все занимаются идеалами и в пределах метафизического мира ищут того, в чем скупая к ним судьба — на земле им отказывает».[122] Такие суждения Гнедича показывают, что в зрелом возрасте он относился критически ко всему тому, чем он так увлекался в молодости.

Во французской литературе Гнедич отметает произведения развлекательного характера и призывает «отречься от раболепства перед вкусом гостиных» (предисловие к «Илиаде»). Он патетически протестовал против преобладания любовных сюжетов в литературе: «...кроме любви, единственной страсти, какую поэты наших времен возвысили до энтузиазма ... кроме любви сей или нет уже ничего более в сердце человека столь же благородного, столь же необходимого для его благополучия? Думы высокие, восторги пламенные, святое пожертвование самим собою для блага людей, вы, которые напечатлеватесь и в делах и в помыслах душ благолюбивых и из существа земного делаете существо небесное — где вы? Ужели сердце наше не питает их более?» От отрицания романтического содержания литературных произведений Гнедич таким образом переходит к обличению общества; он отвергает «литературу света», поставляемую теми писателями, которые «приобрели ... легкость в слоге», угождают прихотям моды и духу времени и являются «рабами мнения».[123]

Как пример таких писателей, Гнедич, однако, приводит, очевидно, по дипломатическим соображениям, таких авторов, которые, хотя действительно угождали духу моды, но вовсе не были распространенным чтением в русских светских кругах. Это Марино (Марини), 1569—1625, в свое время «князь поэтов», автор прециозных стихотворений, цитируемый Руссо в «Новой Элоизе», Вуатюр, 1598—1648, автор любовных писем, и также автор писем королевский историограф Жан Бальзак, 1594—1654. В противовес таким писателям, говорит Гнедич, — «да будет же первою страстию, нас одушевляющею, ...

[122] Записная книжка Н. И. Гнедича. С. 72—73.

[123] Речь, произнесенная Гнедичем 13 июня 1821 года в собрании Вольного общества любителей российской словесности // Труды Вольного общества любителей российской словесности. Ч. XV. Кн. 2. СПб., 1821. С. 129—147. То же: Соревнователь Просвещения и Благотворения. 1821. № VIII, Т. 15. С. 125 сл.

любовь к человечеству ... . Чтобы имя писателя переживало веки, и народы, да посвящает он перо свое предметам, которые составляют неизменную пищу ума и сердца во всех веках, у всех народов! Пусть он пишет не для человека, но для человечества. Платоны и Омеры, Шакспиры и Данты, Расины и Шиллеры, в какие бы новые краски и новые формы ни облекалось искусство словесное, будут вечными питателями ума, воображения и чувства ... нужнее чрезмерить величие человека, нежели унижать его; лучше подражать тем ваятелям древности, которые произведениям своим дали образы благороднейшие и величество, превосходящее природу земную, чем поэзию уподоблять Цирцее, превратившей в животных спутников Одиссея».[124]

Эти слова Гнедича — своего рода литературный манифест: на примере иностранных поэтов он определяет цели литературы, какими они должны быть, и облик писателя, каким он должен быть. Склонность Гнедича к страстному витийству сказывается в этой речи, напоминая страницы его юношеских романов.

Перечень великих, общечеловеческих поэтов, данный здесь Гнедичем, обращает на себя внимание: сначала идут греки, из римских поэтов не приведен никто, затем названы поэты четырех культурных наций Европы — Англии, Италии, Франции и Германии. Характерно, что для Германии не назван Гёте. Соединение имен поэтов попарно, вероятно, случайность. Все же в одной паре оказались Шекспир и Данте — поэты, не имевшие значения для Гнедича как творца русской «Илиады», и Расин и Шиллер, составившие значительное содержание литературной жизни Гнедича, в особенности если под «Расином» разуметь вообще театр французского классицизма: с ним все время был связан переводчик «Илиады» и на русском, озеровском претворении классической драматургии образовывал свой слог Гнедич. То, что Гнедич отдал дань и шиллеризму, и французским классикам, предохранило его от односторонней приверженности к какому-либо из этих противоположных направлений. Впрочем, есть одна особенность, которая сближает театр Шиллера и театр классицизма, это — их ритористичность:[125] действующие лица подчас становятся просто рупором автора, который через них высказывает свои сентенции. Вдобавок и там и там четко, без полутеней, разграничиваются положительные и отрицательные персонажи, не оставляя места для сомнений зрителя. Эти черты сходства классического театра с театром, который его отрицал и шел ему на смену, могли облегчить Гнедичу переходы от шиллеризма к классицизму и ценить высокое в них. Но театр 20-х годов

[124] Речь, произнесенная Гнедичем 13 июня 1821 года в собрании Вольного общества любителей российской словесности. С. 127 сл.

[125] Ср. суждение Стендаля: «Шиллер унаследовал у театра Расина манеру заставлять героев спрашивать и отвечать тирадами в 80 стихов» (*Stendhal.* Racine et Shakespeare: études sur la romantique. Paris, 1854. P. 94).

XIX века, театр интриги, а не декламации и патетики, встречал осуждение со стороны Гнедича так же, как и романтическая поэзия. Современник отмечает, что «поборники классицизма» — Катенин, Лобанов, Гнедич «соболезновали о жалком упадке современного вкуса» по поводу успеха таких пьес, как “Тридцать лет, или Жизнь игрока” Дюканжа».[126] Именно такой театр имеет в виду Гнедич, высказываясь против «последователей французских драматических правил», которые полагают, что «интерес драмы не может более существовать, как скоро нет уже более неизвестности или сомнения для зрителя».[127]

К французскому классическому театру высказывание Гнедича не может относиться,[128] так как там сюжет пьесы часто бывал заранее известен зрителю по одному заглавию, например: «Федра», «Медея», и внимание зрителя или читателя приковывалось к разработке — психологической и словесной — общеизвестного. Это ясно и из дальнейших утверждений Гнедича: «Но почему не могут быть так же занимательны чувства лиц, которые они испытывают, как и происшествия, которые с ними случаются? Можно также с удовольствием видеть положение, оконченное как происшествие, но которое продолжается еще как страдательное. Должно иметь гораздо более поэзии, более чувствительности, более истины в выражениях, чтоб колебать сердца в покое действия, нежели тогда, как оно возбуждает беспокойство, беспрестанно возрастающее. Едва обращают внимание на слова в то время, когда действие держит нас в недоумении; но когда все молчит, кроме страдания, когда мы не ожидаем никаких уже перемен и когда весь интерес истекает единственно из того, что происходит в душе, тогда самая легкая тень принужденности, неуместное слово поразит нас как фальшивый звук в простом голосе задумчивой песни. Тогда все должно стремиться прямо к сердцу».

Тут Гнедич ставит в пример все того же излюбленного им Шиллера, но на этот раз не раннего (единственное свидетельство о знакомстве Гнедича с творчеством Шиллера зрелого периода): «...в 5 действии «Марии Стуарт», трагедии Шиллера, где целое это действие основано на положении уже решенном — сие спокойствие горести, которое рождается от лишения самой надежды, производит движения самые истинные и самые глубокие. Сие торжественное спокойствие заставляет зрителя, как и жертву, войти в самого себя и испытывать в себе все то, что возбуждает несчастие».[129]

Западноевропейская литература была тем фоном, на котором Гнедич воспринимал античность, а его литературные «упражнения»

---

[126] *Каратыгин П. А.* Записки. Т. 1. Л., 1929. С. 296.

[127] Записная книжка Н. И. Гнедича. С. 70.

[128] И. Н. Медведева (Библ. поэта. С. 12) пишет: «...но было бы ошибкой в порицаемых классиках видеть Корнеля или Расина». Это действительно было бы ошибкой, так как у Гнедича речь идет не о них и вообще не о классиках.

[129] Записная книжка Н. И. Гнедича. С. 70.

в том или ином стиле западноевропейской литературы являлись для него хорошей тренировкой при выработке самобытного слога своей русской «Илиады».

Ленинград 1965—1968 гг.

Приложение 1

«Плоды уединения»

Несогласие

Под ветвями густого вяза,
Спустивши кудри черны вниз,
Стояща на холме высоком,
Я отдыхаю часто здесь.
Сидя́ один — в вечерне время,
Прошедши веки я смотрел;
Добра я мало-мало видел,
Но только бедствия одни.
Там, вижу, царство возникает,
Встает — подъемлется — цветет,
Ни в чем препоны не находит,
Главу возносит к облакам;
И се — трясется, упадает!
Поверглось царство, и собор
Всех бед вокруг его обвился;
Поверглось, и его уж нет!
А там я вижу царство сильно,
Трепещет коего полсвет,
И дики, лютые народы
Целуют знамена его.
Где войско ступит — там победы,
Где ступит — царство под пятой,
И славы блеск — победы славны
На латах, на мече горят.
Вселенна на шаги взирает,
Идет — и вдруг печальный вид:
Знамены все покрыты пылью,
Глава склонилася к земле,
И царство сильно вмиг ничто!
Ничто! — где ж меч его блестящий?
Где сила, власть? где славы гром?
Где все веселия, триумфы?
Победа где? — Исчезло все.
О несогласье, мать раздора!
Толиких бед виною ты.
Мы взглянем на прошедши веки,
Посмотрим прежние дела,
Увидим: «где живет коварство,

Где несогласие одно,
Где Царь, Вельможа — мыслят разно,
Творят лишь для страстей своих:
Там вечны брани, неустройства,
Внутрь царства лишь раздор живет
Друг друга давят; — нет согласья —
И нет спокойства никогда. —
Но где живет одно согласье,
Где просты, чистые сердца:
Там царствует всегда спокойство,
Любезна кротость, тишина.
Там царство мирно, безмятежно
В величестве цветет всегда;
Столбов его — ничто не двинет,
И солнца славы не затмит.

Приложение 2

«Плоды уединения»
Стон при гробе М-а

Поля покрылись черной тенью,
Настала ночь — и тишина.
Луна сребриста из-за облак
Выходит грусть делить со мной.
Приди, царица бледна ночи,
Луна, печальных томный друг!
Приди грустить о друге,
О нежном и нещастном М-е.
Луна! — ты одного находишь,
Без друга — с томною душой.
Я, вспомня вечера приятны,
Рекою слезы лишь лию.
А там слеза будь мой свидетель,
Что нежно я его любил —
Любил... но ах! — уж все исчезло,
Увял цвет щастья навсегда.
Среди цветущих юных лет
Любовной страстью наслаждался,
Любил он страстно милу Со...
Любил, и был любим взаимно;
Но так угодно было року,
Прервать чтоб щастье их навек.
Нещастный Ма... ты не приметил,
Что под цветами нежной страсти
Скрывался ядовитый змий;
Ты думал сделаться щастливым,
Но вдруг удар — ты умираешь,
Как цвет весенний ты увял!

Сражен ты острою косою,
Вот здесь в могиле погребен.
Тебя уж нет! — мне жизнь несносна,
Ты все, ты все был для меня,
Тебя лишился — ах! на веки;
Мне все несносно без тебя.

Приложение 3

Вестник Европы. 1855. Ч. 79, № 1. С. 20 сл.

Гнедич предпосылает отрывку (Илиада, XVIII, 58 сл.) необходимое пояснение: «Гектор убит; Ахиллес терзается печалию о смерти Патрокла»

58 Все для покоя *вожди* уклонились в *высокие* кущи;*
Но *печальный* Пелид — на бреге шумящего моря,
Мрачный, стенящий, лежал средь *безмолвных* рядом Мирмидонян,
Ниц, на *сырой* земле, где вздымалися *черные* волны. —
Вскоре ж, когда его сон, усмиритель тревожного сердца,
63 Сладкий объял ...
65 ... *внезапно* явилась душа несчастливца Патрокла,
Призрак — и станом и взором и *всем* ему *дивно* подобный,
Те ж и одежды, и глас его тот же, *сердцу знакомый*!
Стала душа над главой и, *склонясь* к Ахиллесу, вещала:
Спишь, Ахиллес! и забыл ты Патрокла, *несчастного друга*?
70 Пекся о мне ты живом, — мертвеца ли меня оставляешь?
Труп мой предай ты земле, да вступлю я во двери Аида.
Гонят от них меня души, *толпящиесь* призраки мертвых,
В сонм их вступить не дают и воды преплыть воспрещают;
Тщетно везде я влачусь пред вратами Аидова дома. —
75 Дай мне, молю, твою руку! Уже бо от мест преисподних
Вновь не приду я, когда вы *мой труп* огню предадите;
Боле с тобой мы не будем, вдали от возлюбленных другов
В *тайных* беседах сидеть: поглотил меня рок ненавистный,
С первого дня моей жизни меня на погибель обрекший!
80 Ждет сей рок и тебя, о Пелид, небожителям равный!
Так же погибнешь и ты под священной стеной Илиона!
Но реку я *завет* и молю, если мне еще внемлешь: —
Кости мои, Ахиллес, да не будут с твоими в разлуке!
84 Пусть они вместе лежат, как мы вместе в дому возрастали
...
91 Пусть же и *прах* наш в земле одна сокрывает гробница
Урна златая, которую в дар тебе матерь вручила!
С дола подъемлясь Пелид, воззвал к нему *быстро*, вещая:
Ты ли, *о сердцу* возлюбленный! ты ли *предстал мне пред очи*?

* Курсивом выделены слова, отсутствующие в подлиннике и характерные для подхода Гнедича к тексту на этой начальной стадии его работы.

Ты ли творишь мне *завет*? Совершу его, *друг злополучный*!
Скоро я все совершу и *завет* свой исполню *священный*!
Но приближься ко мне; хоть на миг мы друг друга обымем!
Вместе с тобой хоть на миг насладимся горьким мы плачем!
Рек и *любимца* обнять простер дружелюбные руки;
Но коснуться не мог: как дым — его призрак под землю
С воем и *шумом* низшел; и воспрянул Пелид пораженный,
И руками всплеснув, он воскликнул *болезненным гласом*:
Боги! так истинно есть и в подземных обителях ада
Дух человека и призрак, но суетный призрак бесплотный!
...
Так он вещал и всех воев подвиг на плач и рыданье:
В плаче их всех и заря, предвестница солнца, застигла...

В приведенном отрывке два раза не соблюден перенос (enjambement) — в стихах 78—79 и 80—81, — имеющийся в подлиннике. Для издания 1829 года это было исправлено Гнедиичем:

1) ...рок ненавистный,
Мне предназначенный с жизнью, меня поглотил невозвратно

2) Рок — и тебе самому, Ахиллес, бессмертным подобный,
Здесь, под высокой стеною троян благородных погибнуть!

В последнем примере Гнедич допустил синтаксический грецизм: «рок погибнуть», т. е. суждено погибнуть.

Романтическую луну Жуковский не раздумывая ввел в свое стихотворение «Ахилл». Гнедич в переводе наиболее романтической сцены в «Илиаде» (явление призрака!) на это не пошел — луна вообще ни разу не упомянута в его «Илиаде», как не упоминается она и у Гомера.

Приложение 4

Мармонтель. Инки, или Разрушение Перуанской империи.

Перевела М. Сушкова. Ч. I. 1778. С. 171—175

(Алонзо де Молина, прекрасный собою юноша, наделенный безмерно чувствительным сердцем, впал в руки индейцев-людоедов)

«...О жены Индианские! поверьте мне. Я друг вам, друг чад ваших и самих супругов. Неужели хощете съесть тело друга и упиться кровию брата?»

Удивленные женщины, внимая таковым словам, устремляли взоры на Алонза. Лютые сердца их, помалу возмущаясь, умягчались от его гласа. Для всех очей природа имеет непреоборимые прелести, сопрягая красоту с юностию. С той минуты, когда Молина начал вещать, бледность его исчезла: розы лица и уст восприяли прежнее блистание. Прекрасные черные очи, хотя не кидали тех огненных стрел, коими

бы сияли среди радости или любви, но являя томность, тем более нежности казали. Извившиеся длинные власы, развеваясь по связанным рукам, подобным чистейшей слоновой кости, усугубляли чрезмерную их белизну. Стан, коего стройность, величество и благородство составляли восхитительное сопряжение совершенств, не допускал и вообразить ничего превосходнее. Словом, при Дворе Гишпанском, среди прекраснейшего юношества, Молина помрачил бы всех. Колико же толь чудесная красота долженствовала быть редка меж дикими, и поразить их удивлением! Женщины сии не явились к ней бесчувственными. За удивлением последовала жалость, а за жалостию восхищение. Младенцев, приведенных ими для упоения его кровию, восприемлют они на руки и подъемля к Алонзу проливают слезы; видя, что он с нежностию улыбался и их целовал.

В сию самую минуту Индиане собрались в величайшем числе. Вооруженные посекающими камнями, кои умеют они изощрять, уже кидались на жертву, желая нетерпеливо растворить ее жилы и зреть льющиеся токи крови. Но жены, трепеща более самого Алонза, окружают его и простирая руки к диким, испускают пронзительный сей вопль: «Постойте, пощадите злосчастного юношу! Он друг ваш и брат. ... Оставьте его в живых: ибо он для нас живет». Сей вопль и странная речь удивляет Индиан. Но зверская склонность властвует над ними. Уже взоры их пожирают Алонза: они тщатся исторгнуть себя из рук подруг своих, дабы кинуться на нещастного. «Нет, тигры, — воскричали тогда жены, — не упиетесь вы его кровию или купно с нею и нашу пролиете». При гласе сем лютые Индиане остановились; взирали друг на друга, быв неподвижны от удивления и вещая: «В коликое безумие погрузил узник сей наших жен? Или вы лишились рассудка? И не зрите ли, что он вам польстил, дабы укрыться от наших рук? Отдалитесь отселе и оставьте нас свободно пожирать добычу нашу». — «Нет, — рекли жены, — коль скоро коснетесь до него, то все мы клянемся сердцем льва, от коего вы рождены, заклать чад наших, растерзать при ваших очах и поглотить их». При сих словах лютейшие из Индианок, подъемля за власы детей, держали висящих единою рукою, скрежеща зубами и испуская рев. Мужья устрашились. «Да будет он жив, — рекли они, — естьли вы хощете сего!» И немедленно сложили узы с Алонза.

Приложение 5

«Дон-Коррадо де Геррера». Часть II

Она ... смотрела на пожелтелый упавший лист — и сравнивала его с отлетевшими от нее радостями. Она брала в руки иссохший цветок, долго на него смотрела, и слеза навертывалась на глазах ее. ... приподымает голову и видит ... на одном ветвистом дереве сидящую горлицу. Вдруг трепетание крыл ее означает радость, встречу своего подру-

га (sic); маленькие их носики сходятся вместе и дают друг другу поцелуи нежной любви. Долго-долго смотрела на них Олимпия, и слеза блеснула на щеке ее. ... <она видит> человека, лет двадцати пяти, спящего под деревом. Лицо его было покрыто потом и пылью; маленькая котомка лежала под его головою; какая-то симпатия влечет Олимпию к этому незнакомцу....

— Молодой странник, — говорит Олимпия, — что заставило тебя спать в этом месте? Неужели ты не мог сыскать лучшего убежища?

Неизвестный. Убежища! Может ли быть лучшее место, как не под тенью дерев?

Олимпия. А хижина?

Неизвестный. Хижина! В хижине живут люди.

Олимпия. А здесь змеи и лягушки.

Неизвестный. Но не люди.

Олимпия. Понимаю! И ты всех почитаешь змеями?...

Неизвестный. Сударыня! не заставьте меня почитать вас змеею — вы уже извиваетеся подобно ей; вы хотите вкрасться в мое сердце, хотите похитить то, что погребено в нем. ...

Олимпия. Скрытность, скрытность, молодой человек! Ах! естьли б ты знал мое сердце! (*Слеза покатилась по щеке ее*).

Неизвестный. Что это? Вид крокодила; перемени его; прими лучше вид сирены, или я сей час уйду!

Олимпия (*смотря на него с слезящимися глазами*). Так молод — и так жестоко обижен!

Струна, к которой коснулась Олимпия, отозвалась.

Неизвестный с сухими огненными глазами вскричал:

Кто — кто обижен? Кто это говорит? Нет, нет! я не обижен — я — я только несчастлив! ... Я искал души, которая бы выслушала меня ..., искал, но находил души холодные, железные, которые, выслушав меня, смеялись, а иные не хотели меня даже слушать и отталкивали с равнодушием камня. Но нет! Камень по крайней мере не может оттолкнуть от себя. Горесть одолела меня; я не сыскал я в мире места, куда бы спрятаться; хотел оставить злобный род человеческий и вместе — мир. ...

Олимпия. Тяжко-тяжко бремя горести, а еще тягостнее, естьли не разделяем ее! Разделяем ее вместе, любезный нещастливец; раскроем друг перед другом сердца наши и будем детьми нещастия.

Молодой человек с горестною улыбкою подает свою руку. Олимпия просит его в замок; он соглашается, но с условием, чтобы завтра, как свет, отпустить его. ...

Я, моя супруга и мнимой друг из одной чаши пили Нектар щастия. ... Слушай, женщина! — вскричал неизвестный с сухими, огненными глазами. — Слушай! И естьли твое сердце не обольется кровию, то и ты такая же змея! Этот друг поразил меня прямо в сердце — этот друг насильно увез жену мою!

Страшное молчание последовало за этими словами. Олимпия трепетала; члены неизвестного дрожали, лицо его помертвело; он вдруг ослабевает и упадает без чувств; крупные потовые капли покатились по лицу его... .

Приложение 6

Письма З. А. Буринского

Милостивый Государь
Николай Иванович!

Я буду очень рад, когда вы простите меня за письмо, которым вас беспокою; хотя и имею причину опасаться, что вам не понравится моя смелость; но личное почтение мое к вам решило меня, и я похищу несколько дорогих минут ваших.

Вы живете в стране живописной и важной для писателя драмматического, всякой предмет почти питает дух ваш воспоминанием о Петре I и летах протекших; — воспоминанием великим и незабвенным; в шумных же собраниях столичного города, в многочисленных обществах вы верно собираете черты характеров, резкие и занимательные, и после передадите нам пером своим.

Досадую на себя, что не читал еще вашего Дон-Коррада; правда, я не виноват, ибо все усилия и старания, какие только можно, употребил для того, чтобы достать это творение, которое покажет немцам, что не у них одних писали пером Мейснера, Лессинга и Шиллера. Слава вам и языку русскому. Я, как чистосердечный и усердный почитатель нашей словесности<,> радуюсь этому произведению так, как радуются приобретению друга! Мужайтесь, Ричардсон, и покажите нам и нациям другие здравые плоды вашего дарования; не бойтесь критики; нет, она далеко отстанет от вас, так, как отставали в бегании любовники Аталанты, манившей их золотым плодом красоты своей! —

Естьли видели мои стихи, то будьте не жестоки, хотя и должно быть таким к слабостям этой пиэсы — слабостям тем более очевидным, что оригинал — Виргилий — почитается неподражаемым и выше всякого перевода лучших поэтов; так что уж мой перевод? —

Но вы, милостивый Государь! — выбрали себе дорогу славную, хотя и невозможную для другого. О! естьли читая творение ваше, я буду плакать или затрепещу от ужаса, то скажу: дарование писателя, владыко души моей, буди благословенно! — Примитесь за трагедию, напишите для представления, и мы, — мы, тронуты до сердца, станем благодарить доброго и редкого сочинителя.

Простите, естьли я беспокою может быть скромность вашу! Божусь вам, что вы простите меня: ибо все, что сказал я, сказало сердце мое. А ему извиняют! Такой болтун по крайней мере не ненавистен.

Прошу сказать, смею ли надеяться, что вы почтете меня вам преданным и чистосердечным другом; почитателем же ревностным осмеливаюсь быть сам собою. — Когда Дар Муз трогает мою чувствительность, тогда душа моя обожает благословенного их любимца! — Вот аксиома, и доказательство нелицемерности слов моих.

Честь имею быть с истинным почтением

вашим

милостивый государь
покорным слугою
Захар Буринский

1803
Июня 4

Правда, у нас много нового, да все не так-то занимательно, кроме приезду и отъезду попечителя.

ОР РНБ, ф. 197, № 39

Призывание Цезаря

Перевод из первой книги Виргилиевых Георгик

И ты, в какой совет, о Цезарь, вступишь Вышний? —
Не знаем, будешь ли Защитник ты градов?
Иль миртом матерним главу свою покрывши,
Плодов земных творец, царь мощный бурь, громов?
Иль власть на бездну вод рука твоя положит —
И мореходцы все единого почтут;
Фетида дщерь во брак и в дар моря предложит,
И крайние брега их Бога призовут.
Или желаешь ты звездой светлоблестящей,
В знак новый месяцов, на высоте сиять? —
се! уклоняется уж Скорпион горящий
И часть Небес спешит тебе он уступать!
Но чем ни будешь ты (лишь столь жестокой страсти
Быть Тартара Царем твой дух не мог иметь;
Пускай полям его, где век в блаженной части
Все добрые живут, дивится целый свет!)
Даруй, чтоб щастлив был путь мыслей дерзновенных;
О Цезарь! мирной Бог! со мною сострадай
Над бедной участью селян непросвещенных;
Наставь их, и к мольбам слух кроткий приучай!

Захар Буринский

ОР РНБ, ф. 197, № 55

4 майя 1806 года

Благодарю тебя, любезный и почтенный друг мой, за твое сердечное письмо. Божусь тебе, что имею нужду в таких чувствах, на которые отзывается мое сердце, которые прямо говорят ему и оживляют его теплотою, благодатною теплотою прямой дружбы. Ах! мой друг, я имел горестный опыт узнать, что те люди, с которыми дружбу я почитал всегдашнею, те, которые взрасли со мною в одних стенах, в глазах друг у друга, которых целые девять лет беспрестанного общения и тесной связи учили быть друзьями — эти люди, для первого сорванца, с которым они знакомы только три месяца, могли охолодеть, перемениться, позабыться и пр. и пр. — мне больно договоривать. — Ты, думаю, нескоро догадаешься, об ком я пишу: доброе сердце твое этому не верит, но это в самом деле правда — Я говорю об Семене Смирнове. — Впрочем я все еще знаком с ним для того, что не могу разучить сердце мое не чувствовать того, что оно привыкло и полюбило чувствовать. —

Ты говоришь о себе: quo fata trahunt — так, друг мой! — видно, что удел наш носиться долго — долго — бедствовать много по непостоянному морю, покуда судьбе вздумается принести нас к какому-нибудь бедному, но спокойному пристанищу! По крайней мере этого желаю, к этому стремится дух мой. O utinam...

Надобно терпеливо принимать и невзгоду и бедность, милостыни щастия! — Но, признаюсь, что мне терпение несвойственно. Нетерпеливость — живость моего характера, которая скоро может довести и до отчаяния, естьли рок будет упорно мне неблагоприятствовать — требует советов и сладких утешений дружбы! Друг мой! Наш взаимный долг не забывать друг друга...

Скажу тебе о моих планах. Я хочу, непременно хочу приехать в Петербург и надеюсь быть там, радуюсь наперед, что увижу тебя, обойму тебя, наговорюсь с тобою — и потом, естьли удастся мне поворотить обстоятельства в свою пользу — поехать в Англию — далеко от тебя и моего отечества — и потом — куда Богу или людям угодно! — А естьли нет, то ворочусь в Москву — с полным удовольствием, что не даром ездил: потому что виделся с тобою. — Теперь я готовлюсь взять магистерскую степень. — Без этого к тебе не приеду. —

Впрочем, друг мой, я еще не знаю, что из этого выйдет: люди нашего состояния живут в рабстве обстоятельств и воли других. — Может быть, мы и никогда не увидимся! —

Сколько чувств и идей должны мы у себя отнять. Как должны переиначить и образ мыслей — и волю желаний — и требований своих самых невинных, даже благородных склонностей. — Мы должны исказить самих себя, естьли хотим <u>хорошо</u> жить в этой свободной тюрьме, которую называют светом. — У турок есть обыкновение тех невольников, которым удается понравиться Господину, заставлять в саду садить цветы! — О! естьли бы судьба доставила нам хоть такую неволю! —

Где-то в Библии сказано: от избытка сердца уста глаголют! — Я пишу много — и желал бы написать еще более: мое сердце полно того отрадного чувства, которую (sic) называют дружбою! Так я люблю тебя, друг мой — и уверен, что и ты меня любишь. —

Ты пишешь очень мало, но я и так тем доволен — письмо твое наполнено поклонами, которые ты препоручаешь мне исполнить. — Я бы желал, чтобы оно наполнено было тем, что для нас обоих гораздо занимательнее.

Поздравляю тебя с первый днем мая...

Прости, милой и почтенной друг мой; ты еще можешь переписываться целый май и несколько июня. — Не потеряем в молчании такого времени, которое растворяет душу для добрых и нежных ощущений! —

Я было зарекся писать стихи, но весна — и все ее приятности заставляют меня воскликнуть с Томсоном — с чувством самого кроткого восторга...

Come, gentle Spring, ethereal Mildness, come! —

или с Клейстом! —

ihr heilige Schatte, ihr haben belanten Gewölbe,
... haucht mir Lied ein zum Ruhm der verjüngten Natur! —

О как я люблю весну и Природу! Прости, друг милой! —
вечно твой — Буринский. —

ОР РНБ, ф. 197, № 39.

Библиографический список

1. *Алексеев М. П., Левин Ю. Д., Полякова С. В.* Памяти А. Н. Егунова // Русская литература. 1969. № 1.
2. *Ахилл Татий Александрийский.* Левкиппа и Клитофонт / пер. А. Б. Д. Е. М. под ред. Б. Л. Богаевского, со вступ. статьей А. В. Болдырева. М.: Гос. изд-во, 1925 (сер. «Всемирная литература»).
3. *Бударагина О. В.* К истории АБДЕМ (по материалам петербургских архивов) // Philologica classica. 2019. Т. 14, № 12.
4. *Васильев А. Н.* Аристид Иванович Доватур: документальное наследие ученого в архиве Санкт-Петербургского филиала Института российской истории РАН. СПб.: Дмитрий Буланин, 2000.
5. Выбранные места из переписки друзей-филологов: А. И. Доватур — А. Н. Егунов — Я. М. Боровский / публ. и примеч. А. К. Гаврилова и В. В. Зельченко // Древний мир и мы: классическое наследие в Европе и России. Пб.: Bibliotheca Classica Petropolitana; изд-во «Алетейя», 2000. Вып. II.
6. *Гаврилов А. К.* Журфиксы на Весельной // Тыняновский сборник. М.: Книжная палата, 1998. Вып. 10.
7. *Гелиодор.* Эфиопика / вступ. статья, ред. пер. и примеч. А. Егунова. М.; Л.: Academia, 1932.

8. *Егунов А.* Введение // Полн. собр. творений Платона: в 15 т. Пб.: Academia, 1923. Т. 13: Законы. Кн. 1—6.
9. *Егунов А. Н.* Гомер в русских переводах XVIII—XIX веков. М.; Л.: Наука, 1964.
10. *Егунов А. Н., Зайцев А. И.* «Илиада» в России // *Гомер.* Илиада / пер. Н. И. Гнедича; изд. подгот. А. И. Зайцев. Л.: Наука, 1990.
11. *Кукуй И. С.* Литературоведческий комментарий и литературный перевод как непрямое высказывание (к «маргиналиям» А. Н. Егунова) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2018. Т. 15, вып. 1.
12. *Лотман Ю. М.* Новые материалы о начальном периоде знакомства с Шиллером в русской литературе // Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение. IV (Новая серия). Тарту, 2001.
13. *Маркиш Ш.* Об Андрее Николаевиче Егунове // Иерусалимский журнал. 2004. № 18.
14. *Маурицио М.* «Беспредметная юность» А. Н. Егунова: текст и контекст. М.: Изд-во Кулагиной, 2008.
15. *Андрей Николев* (*Андрей Н. Егунов*). Собрание произведений / под ред. Глеба Морева и Валерия Сомсикова. Wien, 1993 (Wiener Slawistischer Almanach. Sonderband 35).
16. *Николев А.* По ту сторону Тулы: советская пастораль / статья Д. М. Бреслера и К. Е. Константиновой; коммент. А. А. Агапова, Д. М. Бреслера и К. Е. Константиновой. М.: Носорог, 2022.
17. *Никольская Т. Л.* Из воспоминаний об А. Н. Егунове // Звезда. 1997. № 7.
18. Полн. собр. творений Платона: в 15 т. / новый пер. под ред. С. А. Жебелева, Л. П. Карсавина, Э. Л. Радлова. Пб.: Academia. 1923. Т. 13, 14.
19. *Соболев А. Л.* Летейская библиотека: биографические очерки: в 2 т. М.: Трутень, 2013. Т. 2.
20. *Сомсиков В. И.* Жизненный и творческий путь А. Н. Егунова // Греколатинский кабинет. 1997. Вып. 2.
21. *Федоров Д., Колмакова М., Андерсен О.* Архив Андрея Николаевича Егунова // Платоновские исследования. 2022. № 17 (2).

DOI: 10.31860/978-5-918680-384-379-382

Материалы конференции
«Чтения, посвященные 150-летию со дня рождения
Федора Дмитриевича Крюкова
(14 февраля 2020 г.)»

Александр Васильевич Лавров,
академик РАН

ВЫСТУПЛЕНИЕ НА ОТКРЫТИИ ЧТЕНИЙ В ЧЕСТЬ 150-ЛЕТИЯ ФЕДОРА КРЮКОВА
Пушкинский Дом. 14 февраля 2020 г.

Начну с цитаты из обзорной нелицеприятной статьи Иванова-Разумника о советской литературе, написанной в 1943 г.:

> «...Остается Шолохов, автор хорошего романа “Тихий Дон” и плохой “Поднятой целины”. Я очень уважаю автора-коммуниста за то, что он в конце романа отказался от мысли (предписывавшейся ему из Кремля) сделать своего героя, Григория Мелехова, благоденствующим председателем колхоза, а предпочел погубить его нераскаянным. Но не в этой частности дело, а в том, что “Тихий Дон” представляет собою наклонную плоскость с вершиной в первом томе; дальше от тома к тому письмо слабеет, образы повторяются и выветриваются, интерес падает. У Шолохова много поклонников, считающих его вершиной советской литературы; может быть, оно и так, но не в обиду им будь сказано — сорок лет тому назад выходили сборники “Знания”, в которых вполне мог быть напечатан и “Тихий Дон”. Печатался там Кондурушкин — кто его теперь помнит? На те же “казачьи темы” писал свои очерки Федор Крюков, и писал совсем не плохо, — боюсь, что теперь никто не вспомнит и его имени. И если Шолохов подлинно “вершина советской литературы”, то надо сказать, что вершина эта далеко не Эльбрус и не Монблан, а гора значительно более скромной высоты»
>
> (*Р. Иванов-Разумник.* Писательские судьбы. Нью-Йорк, 1951).

Напомню, что Иванов-Разумник — крупнейший литературный критик первых десятилетий XX столетия, при этом совершенно не ограниченный советскими идеологическими шорами. Поэтому примечательны в вышеприведенных словах, во-первых, сдержанная оценка «Тихого Дона», который в СССР принято было прославлять едва ли не как вершину отечественной литературы пореволюционного времени, и, во-вторых, указание на соразмерность Федора Крюкова с «Тихим Доном». Обычно те шолоховеды, которые ниспровергали

© Лавров А. В., 2023

посягательства на шолоховское авторство, указывали на «дистанцию огромного размера», которая разделяет прозу Крюкова и Шолохова. Этой дистанции для Иванова-Разумника не существовало.

Сомнения в авторстве шолоховского романа возникли, как известно, еще в конце 20-х гг., затем последовали идеологические вердикты по этой части, весьма грозные, и сомневающиеся замолчали на несколько десятилетий. Однако вопрос, конечно, остался лишь заглушенным, но не разрешенным. При этом те, кому доводилось встречаться с Шолоховым, указывали на полное несоответствие его личностного потенциала тексту знаменитого романа. Сошлюсь на собственное воспоминание. Я десять лет работал вместе с академиком Михаилом Павловичем Алексеевым. Когда раз или два заходила речь о «Тихом Доне», он горячо и безапелляционно говорил: «Я не верю, что Шолохов мог написать “Тихий Дон”. Я его, Шолохова, видел и уверен, что он не мог этого написать». Вот такие краткие, без дополнительной аргументации, индивидуальные, но четко зафиксированные в моей памяти суждения. Добавлю, что академик Алексеев не раз наблюдал академика Шолохова вблизи на сессиях Академии Наук.

В 1974 г. появилось исследование неизвестного автора «Стремя “Тихого Дона”», подписанное латинским инициалом «D», с предисловием и послесловием Александра Исаевича Солженицына. Именно там Солженицын указал на Федора Крюкова как на наиболее вероятного автора романа. Как мы теперь знаем, некто D — это наша коллега, одно время работавшая в Пушкинском Доме, Ирина Николаевна Медведева-Томашевская, вдова крупнейшего пушкиниста и авторитетнейшего текстолога русской литературы Бориса Викторовича Томашевского. При ее участии в 30—40-е годы готовилось Большое академическое издание Пушкина, а также полное академическое издание собраний сочинений Гоголя. Ею в серии «Библиотека поэта» были выпущены в свет тома Баратынского, Батюшкова, Грибоедова и Гнедича. Таким образом в данном случае мы имеем дело не с дилетантом, падким на «загадки» и «разгадки», а с высоким профессионалом, представителем пушкинодомской текстологической школы. В этой работе, которая, к сожалению, осталась незавершенной из-за кончины автора, впервые было указано на несообразности в тексте романа и стилевую чересполосицу, на механическое соединение в тексте исходных и добавленных фрагментов.

С тех пор вслед за работой Медведевой-Томашевской появились десятки работ со скрупулезным анализом текста романа. Появились и новые «претенденты на престол». Так, Зеев Бар-Селла выдвинул фигуру Виктора Севского (псевдоним донского писателя Краснушкина), назывались и другие имена. В монографии А. В. Венкова (объемом около девятисот страниц) фигурируют уже четыре автора, стараниями которых, по аргументации исследователя, был изготовлен тот скомпонованный текст романа, с которым сейчас имеет дело читатель.

Я не берусь претендовать на выражение сколько-нибудь выношенного и взвешенного собственного мнения по этой проблеме. Вопросом авторства «Тихого Дона» я не занимался и даже освоил далеко не все из того, что по этой теме написано. Но то, что в основе «Тихого Дона» лежал исходный текст (или несколько исходных текстов), не вышедший из-под пера Шолохова, мне представляется вполне убедительно доказанным. Наиболее наглядные и убийственные примеры присутствия в романе чужого текстового слоя исследователи обнаружили в первопечатной версии романа, публиковавшейся в журнале «Октябрь» с января 1928 года. После этого в результате редактур, которые продолжались от переиздания к переизданию, текст все более и более очищался от признаков первичного его состояния.

Безусловно, Федор Крюков закономерно прежде всего возникает в перечне «претендентов». Это обстоятельство и вызвало сегодняшний пристальный интерес к литературной фигуре, которая не была особенно известной и при жизни писателя. И все же, вопреки мнению Иванова-Разумника, он не был забыт теми, кто пристально следил за литературным процессом. Писатель он был исключительно даровитый, но при этом всегда оставался в тени. Он издал всего две авторские книги рассказов и очерков. Большинство его произведений было рассеяно по журналам, газетам и альманахам, многие из них подписаны псевдонимами. Держался Крюков очень скромно и мало был известен в широких литературных кругах. Иванов-Разумник упомянул о «Сборниках товарищества “Знание”», в одном из которых, рядом с прозой Горького и Бунина, была опубликована повесть «Зыбь», одна из наиболее крупных вещей Крюкова.

Но «Знание» не было главным пристанищем для этого писателя. Крюков вышел из «Русского богатства». Именно в этом петербургском журнале народнического направления он постоянно печатался. И наряду с суждениями о нем как о писателе из казачьей среды правомерно говорить о Крюкове как о писателе с петербургской Басковой улицы, на которой в доме № 9 с 1876 до 1918 г. располагалась редакция «Русского богатства», где его всячески примечали и опекали В. Г. Короленко, А. И. Иванчин-Писарев, Н. Ф. Анненский, П. Ф. Якубович и другие литераторы традиционного народнического направления. Можно провести прямую линию от Н. Г. Помяловского с его «Очерками бурсы» через прозу Короленко до Крюкова как автора очерков и разоблачительных статей на темы гимназической жизни. Вспомним в этой связи хотя бы «Неопалимую купину» — один из самых известных крюковских рассказов. Крюков — писатель, вышедший из казачества и много писавший на темы «тихого Дона», но в той казачьей среде, которая считалась опорой монархического режима, он был сугубым отщепенцем. Он входил во фракцию трудовиков и был одним из организаторов партии народных социалистов, всегда придерживался либерально-демократических установок, что особен-

но сильно сказывается в его публицистике. Будучи депутатом от Области войска Донского в 1-й Государственной Думе, он подписал резко оппозиционное «Выборгское воззвание» и за это отсидел три месяца в «Крестах».

Следует подчеркнуть, что большинство крюковских сочинений — невидимая часть айсберга. Это то, что осталось рассредоточенным по журналам и газетам и, не будучи собранным в авторские, достаточно репрезентативные книги, не было по достоинству оценено современниками. В последние годы появилось несколько изданий его избранной прозы, причем особенно следует отметить сборник Крюкова «Обвал», в котором представлена его публицистика периода революции и гражданской войны; в этих статьях и очерках он последовательно выступает как писатель демократических взглядов и приверженец Белого движения.

Для того чтобы лучше знать и понимать этого писателя и для того чтобы, может быть, приблизиться к разрешению так называемых загадок «Тихого Дона», думается, необходимо в первую очередь издание достаточно полного и квалифицированно подготовленного многотомного собрания его сочинений. Спасибо.

DOI: 10.31860/978-5-918680-384-383-432

ПЕРЕПИСКА Ф. Д. КРЮКОВА С СОТРУДНИКАМИ И КОРРЕСПОНДЕНТАМИ ЖУРНАЛА «РУССКОЕ БОГАТСТВО» (1905—1915 гг.)

(Вступительная статья, подготовка текста и комментарии А. В. Дубровского)

Аннотация: Публикуемая переписка «первого певца Тихого Дона» Ф. Д. Крюкова с сотрудниками и корреспондентами журнала «Русское богатство» за 1906—1907 и 1915 гг. приоткрывает малоизвестные страницы биографии самого Федора Дмитриевича. Наибольший интерес представляют шесть писем Крюкова к А. И. Иванчину-Писареву из станицы Глазуновской, куда он вернулся после подписания знаменитого «Выборгского воззвания». В этих письмах он сообщает о созыве Думы с учредительными функциями, но вместе с тем и упоминает о черносотенной пропаганде, которая «разлилась» в низовых Донских округах. Интерес к революционной литературе соседствует в это время у него с собственными литературными замыслами и подготовкой сборника рассказов «Казацкие мотивы».

Следующий блок писем Крюкова относится уже гораздо более позднему периоду, когда он окончательно утверждается как редактор «Русского богатства». Письма Ф. Д. Крюкова дополняют обращенные к нему письма других корреспондентов: А. Лукьянова, И. Малютина, А. Серафимовича и др., относящиеся преимущественно к 1909, 1912 и 1913 гг.

Ключевые слова: Ф. Д. Крюков, «Русское богатство», издательская практика.

Abstract: The published correspondence of the «first singer of the Quiet Don» F. D. Kryukov with the staff and correspondents of the magazine *Russian Wealth* for 1906—1907 and 1915 reveals little-known pages of the biography of Fyodor Dmitrievich himself. Of the greatest interest are six letters of Kryukov to A. I. Ivanchin-Pisarev from the village of Glazunovskaya, where he returned after signing the famous *Vyborg Proclamation*. In these letters, he reports on the convocation of the Duma with constituent functions, but at the same time mentions the black-hundred propaganda that has «spread» in the lower Don districts. At this time, his interest in revolutionary literature is side by side with his own literary plans and the preparation of a collection of short stories *Cossack Motives*.

The next block of Kryukov's letters belongs to a much later period, when he was finally confirmed as the editor of *Russian Wealth*. The letters of F. D. Kryukov complement the letters addressed to him by other correspondents, A. Lukyanov, I Malyutin, A. Serafimovich, etc., relating mainly to 1909, 1912 and 1913.

Keywords: F. D. Kryukov, magazine *Russian Wealth*, editoring.

© Дубровский А. В., 2023

Обычно имя Федора Крюкова вспоминается в контексте разговоров и споров об авторстве романа «Тихий Дон». О нем говорят и как об одном из возможных (со)авторов романа, и как о писателе, чьи материалы так или иначе могли быть использованы М. Шолоховым при работе над казачьей эпопеей. О том, что в рассказе «Шульгинская расправа» Ф. Крюкова, опубликованном в октябрьской книжке «Исторического вестника» за 1894 г. (с. 653—677), уже проигран сюжет казака (будущего шолоховского Григория Мелехова), участвующего в карательной экспедиции против донского казачества, но прощенного восставшими станичниками. И о том, что песня, которую поют шульгинские казаки у Крюкова перед восстанием («Ой, да чем наша славная земелюшка распахана...»), станет позже эпиграфом к «Тихому Дону».

В настоящее время достаточно подробно воссоздана биография Ф. Д. Крюкова, хотя по-прежнему в ней остается немало белых пятен. Конечно, основной, интригующей и его исследователей? и просто читателей загадкой остается финал его жизни: его загадочная смерть и история утраты (потери, кражи?) его рукописей. Воссозданы и начальные страницы биографии того, кого на Дону называли «совестью казачества», «Гомером казачества», «первым певцом Тихого Дона», описывавшего жизнь не придуманную, но у которого все «настоящее», «трепещет живое, как выдернутая из воды рыба», как писал ему в одном из писем Серафимович.[1]

Гораздо менее известен срединный период жизни и творчества Крюкова, когда он, избранный членом Государственной Думы 1-го созыва от казачьего населения Донской области (Дума просуществовала всего 72 дня, с 27 апреля (10 мая) по 9 (22) июля 1906 г.), подписывает на следующий день после ее роспуска 10 (23) июля 1906 г. в городе Выборге в гостинице «Бельведер» знаменитое «Выборгское воззвание», обращенное к «Народу от народных представителей».[2] Возвратившись. уже после ее роспуска в свою родную казачью станицу Глазуновскую Усть-Медведицкого округа земли Всевеликого войска Донского, он ведет активную политическую работу. В июле 1907 г. в станице Глазуновской он был обвинен в «революционной пропаганде», его дом обыскали, а в августе распоряжением наказного атамана Крюков был выслан за пределы Области войска Донского. Редчайший в российской истории случай ссылки из провинции в Петербург оказывается для Крюкова серьезным испытанием, поиском места работы, заканчивающимся его сближением с редакцией народнического журнала

[1] Переписка между Ф. Д. Крюковым и А. С. Серафимовичем / вступ. статья, подгот. текста и коммент. В. М. Проскурина // Волга. 1988. № 2. С. 149. Оригинал письма: Дом русского зарубежья им. А. И. Солженицына, ф. 14, оп. 2, д. 78.

[2] 16 (29) июля против подписавших «Воззвание» бывших членов Государственной думы было начато уголовное преследование: 167 бывших депутатов были преданы суду Особого присутствия Санкт-Петербургской судебной палаты.

«Русское богатство», соиздателем которого он становится в 1912 г. И соредактором Короленко по отделу прозы.

Вместе с тем эти годы ознаменованы для Крюкова активной литературной деятельностью, которая в определенной степени подпитывает и его политическую деятельность. Так, публикации своего рассказа «Встреча» в журнале «Русское богатство» он радуется как тому, что «может сослужить даже некоторую службу в предстоящей выборной кампании (в наших местах меня охотно читают)» (письмо от 1 дек. 1906 г.).

Представленный в данной публикации корпус писем самого Крюкова относится на самом деле к двум периодам. Периоду 1906—1907 гг., когда из родной станицы он адресует письма А. И. Иванчину-Писареву (1849—1916), деятелю народнического движения, с 1892 по март 1913 г. работавшему в редакции журнала «Русское богатство».

Первое из публикуемых писем, датированное 22 авг. 1906 г., относится уже к периоду после роспуска Государственной думы. Положение Крюкова в это время двойственное: с одной стороны, как он утверждает в письме, в станице он чувствует себя в безопасности: «всякая попытка арестовать меня встретит ожесточенный отпор. <...> Гарнизоны здесь составлены из казачьих частей и ни одного выстрела ими не было сделано».

Положение дел в Усть-Медведицком округе представляется ему в это время «вполне удовлетворительным» («если бы хоть приблизительно то же было и в остальной России, что здесь, то успех освободительного движения в какой угодно форме был бы обеспечен»). Своему корреспонденту он сообщает о «приговорах о скорейшем созыве Думы с учредительными функциями», но вместе с тем и упоминает о черносотенной пропаганде, которая «разлилась» в низовых донских округах.

Казалось бы, литература в это время его интересует в основном революционная: он просит Иванчина-Писарева присылать ему «воззвания к армии и флоту и воззвания к казачьим войскам, задает вопрос о положении дела народно-социалистической партии и лишь в конце письма делает приписку, касающуюся его собственных литературных замыслов. Последние касаются нового сборника рассказов, который он намеревается назвать «Казацкие мотивы», полагая, что ранее написанные им очерки «На тихом Дону» «устарели и требуют значительных дополнений и коренной переделки».

Собственно, это и следующее письмо Крюкова тому же корреспонденту, датированное 23 октября 1906 г., фиксирует момент, когда всерьез начинается сотрудничество Крюкова с журналом «Русское богатство»: помимо сборника рассказов он посылает Иванчину-Писареву рукопись рассказа «Встреча», просит передать ее на рассмотрение П. Ф. Якубовича или В. Г. Короленко в надежде, что она «подойдет

для “Рус<ского> Бог<атства>”» («Вымышленного в моем рассказе нет ни полслова»).

О том, что в литературном мире он чувствует себя пока еще весьма неуверенно, свидетельствует его вопрос, «где бы <...> можно было тиснуть» рассказ, если для журнала он не подойдет: ни одной знакомой редакции газеты у него пока нет.

То, что Крюков сообщает Иванчину-Писареву о положении дел в станице, о работе его кружка, который потерпел разгром («человечка три попали в тюрьму, преданных нам лиц из персонала правлений выгнали, <...> двух офицеров, деятельных членов кружка, услали в первоочередные полки до истечения срока их льготы), о посулах местного начальства отдать казакам «не только войсковые, но и частновладельческие земли», выселив всех “русских” (иногородних) из пределов области», о населении, «которое бродит сейчас в большом недоумении», о мобилизованных полках, из которых «казаки десятками убегают» «и возвращаются по собственному усмотрению, или совсем не возвращаются», — все это, помимо собственно исторического интереса, представляет собой очевидный историко-литературный интерес, с очевидностью коррелируя, а где-то и проясняя те события, что будут затем описаны в романе «Тихий Дон» (вне зависимости от того, кого мы будем считать его автором).

Собственно, сам Крюков пишет, как он сообщает корреспонденту, о настроении казаков рассказ. А также «Небольшую статейку о казаках» для газеты «Трудовой Народ».

Лейтмотив его писем 1906 г. — «нет оснований для пессимизма. Лично я, по крайней мере, гляжу в будущее с упованием», «мы в будущее (не очень близкое, но и не самое отдаленное) смотрим с упованием» (см. с. 000 и 000 наст. изд.).

По-видимому, в конце ноября Крюков получает от Иванчина-Писарева известие о том, что книга его рассказов «Казацкие мотивы» будет напечатана издательским домом «Русское богатство». «Когда-то, очень давно, когда я был еще студентом историко-филологического института, — пишет он в благодарственном письме от 1 дек. 1906 г. — я мечтал, останавливаясь перед витринами книжных магазинов, о том, как хорошо бы, если бы на какой-нибудь из выставленных книг я увидел бы свое имя... Соблазнительная была мечта и утопическая! И вот теперь она, благодаря Вашему доброму содействию, сбывается, и я по-детски рад и особенно рад тому, что литературные грехи мои выходят под высокочтимым мною флагом “Русского Богатства”».

На Святках, как Крюков сообщал в начале декабря Иванчину-Писареву, он собирался быть в Петербурге. Но уже из следующего его письма от 26 янв. 1907 г. явствует, что в Петербург на Святках он не поехал, поскольку решил провести избирательную кампанию в своем округе. В начале 1907 г. его письма еще исполнены эйфории: «Без всякой похвальбы можно сказать, что мы одолели. Не знаю точно, ка-

ковы результаты выборов во всей области, но думаю, что они благоприятнее для левых, чем в прошлый раз.

Настроение населения — превосходное. Жить здесь сейчас очень интересно...»

Впрочем, вслед за тем следует приписка: «...но... все-таки надо искать заработка. Предлагают мне службу в частной гимназии в Н.-Александрии (“по вольному найму”). Ничего более подходящего. Скрепя сердце, думаю поехать. Сперва всё-таки решил понюхать, чем пахнет в Питере».

Политическая ситуация на Дону, как явствует из писем, существенно меняется к середине лета 1907 г. А вместе с ней меняется и тон писем Крюкова. Теперь он уже сообщает, что «протест на словах — сильный, но... на словах...», «выясняется склонность к бойкоту выборов». Но главное — случившийся с ним обыск: «Существенного ничего не нашли, но забрали рукописи (в числе прочих бумаг), из коих более всего жаль одного военного рассказа. <...> Думаю, что уцелею, а впрочем, с уверенностью ничего сказать не могу» (письмо от 9 июля 1907 г.).

А 10 августа он уже сообщает о том самом предписании наказного атамана — немедленно выехать за пределы Донской области, которое собственно и стало новым этапом его биографии. «Местожительством» он избирает Петербург и уже непосредственно к Иванчину-Писареву обращается с просьбой найти «работишки» к его приезду: «...а то положение аховое. При обыске захватили и рукописи, — теперь сижу безо всего, как рак на мели».

Последующие публикуемые в данном разделе письма, относящиеся к 1907 г., обращены уже не к Иванчину-Писареву, а к М. К. Лемке. Активные поиски Крюковым работы происходят на фоне провидимых им в отношении него репрессий. «До разбора дела о Выборгском воззвании (т. е. до казенных хлебов) еще не близко, и я не знаю, куда деться», — пишет он Лемке. А в декабре 1907 г. Петербургская судебная палата действительно приговаривает Крюкова, как и других депутатов, подписавших «Выборгское воззвание», к трехмесячному заключению. Срок он отбывал в петербургских «Крестах» в мае—августе 1909 г., после чего, лишенный возможности вернуться к педагогической деятельности, служил до 1912 г. помощником библиотекаря в Горном институте.

Следующий блок писем Крюкова относится уже к гораздо более позднему периоду, а именно к 1915 г., когда он окончательно утверждается как редактор «Русского богатства», выходившего с 1914 до марта 1917 г. под названием «Русские записки» (товарищем-соиздателем «Русского богатства» Крюков был избран в ноябре 1909 г.). Среди этих писем, которые Крюков в качестве редактора адресует потенциальным и реальным авторам журнала, особый интерес представляет его письмо к Н. С. Русанову, старому народовольцу, бывшему с 1914 г.

главным редактором журнала «Русские записки». Обсуждение с ним журнальных дел и присланных в редакцию журнала рукописей (среди них — рассказ «Панна Теофилия» А. Даманской, «скучный, сырой, но приличный», как его характеризует Крюков; рассказ в итоге был опубликован в «Русском богатстве» в ноябрьском номере того же года) заканчивается на печальной ноте: «Я за время пребывания в Глазуновке не написал ни строки. С завтрашнего дня сажусь. Но никакого заряда нет. Дела плохи, лишь вздыхаем. Пять дней назад получено предписание приготовить к мобилизации годы присяги (призыва) до 1886-го включительно. Я присягал царю отечеству в 1889-м году, значит — вхожу в наряд. Скоро ли прикажут нам явиться на сборные пункты — неизвестно. Надо думать, что не ранее, чем месяца через два, потому что на сборных местах войска еще много, ждут отправки». В ноябре 1915 г. в должности помощника думского уполномоченного при 3-м имени Государственной думы санитарном отряде Красного Креста Крюков выехал на Галицийский фронт.

В дополнение к письмам Ф. Д. Крюкова в настоящем издании также публикуются обращенные к нему письма других корреспондентов, относящиеся преимущественно к 1909, 1912 и 1913 гг. В отличие от писем самого Крюкова, они расположены не в хронологическом порядке, а по адресатам.

ПИСЬМА Ф. Д. КРЮКОВА РАЗНЫМ ЛИЦАМ

1. А. И. Иванчину-Писареву[1]

Станица Глазуновская О<бласти> В<ойска> Д<онского>[2]
22-го августа 1906 г.

Многоуважаемый Александр Иванович.

На днях зайдет к Вам мой брат[3] и расскажет о положении дел в Усть-Медведицком округе Донской области. В общем, положение здесь вполне удовлетворительное и если бы хоть приблизительно то же было и в остальной России, что здесь, то успех освободительного движения в какой угодно форме был бы обеспечен. Чувствую я себя здесь в совершенной безопасности, так как уверен, что всякая попытка арестовать меня встретит ожесточенный отпор. Все политические арестованные в наших местах были освобождены посредством взятия в плен местных властей в виде заложников. Гарнизоны здесь составлены из казачьих частей, и ни одного выстрела ими не было сделано. Часть офицеров вошла в наш союз, часть сочувствует; не сочувствующие робко прячутся. Митинги идут здесь беспрепятственно. Станичные и волостные сходы поставляют приговоры о скорейшем созыве Думы с учредительными функциями. К сожалению, в низовых Дон-

ских округах широко разлились черносотенная пропаганда, которая здесь носа показать не смеет.

У нас чувствуется недостаток в литературе — в особенности революционной. Небольшие средства у нас есть, но куда обратиться, — не знаем. Если бы Вы могли нам сделать указание на сей счет, мы были бы чрезвычайно благодарны. Требуется хоть сотня, а если можно, то и больше Выборгского воззвания.[4] Если найдутся воззвания к армии и флоту и воззвания к казачьим войскам (казачьей группы членов гос. думы), то будьте добры прислать. Адрес сообщит Вам мой брат. В каком положении дела народно-социалистической партии?

Мой брат занесет Вам те мои рукописи, об издании которых я помышлял. Если у Вас найдется время, будьте добры посмотреть их и решить по своему усмотрению, стоит ли издавать их или нет. Очерки «На тихом Дону» устарели и требуют значительных дополнений и коренной переделки[5]. Над этим я думаю позаняться, когда у меня будет свободное время от текущих дел (а его почти и нет). Если, паче чаяния, Вы признали бы стоящими издания мои рассказы, то заглавие я предполагаю такое: «Казацкие мотивы». Рассказы Ф. Крюкова. Порядок их размещения укажет брат.

Мой нижайший поклон всей Вашей редакции. Крепко жму Вашу руку и желаю Вам всего наилучшего.

Искренне уважающий Вас

Ф. Крюков.

---

[1] РО ИРЛИ, ф. 114, оп. 2, ед. хр. 241, л. 1—2 и далее см.: А. Дубровский, А. Чернов «Шесть писем Федора Крюкова к Александру Иванчин-Писареву». URL: https://wp.me/p2IpKD-4hJ (дата обращения: 12.11.2023). *Иванчин-Писарев Александр Иванович* (1849—1916) — журналист, деятель народнического движения. С 1892-го по март 1913 г. работал в редакции журнала «Русское богатство»; с 1912-го по август 1914 г. — один из редакторов народнического журнала «Заветы».

[2] Казачья станица Глазуновская Усть-Медведицкого округа земли Всевеликого войска Донского — родина Ф. Д. Крюкова.

[3] *Крюков Александр Дмитриевич* — младший брат Федора Дмитриевича, закончив в Орле гимназию с серебряной медалью, служил лесоводом в Брянске. Трагически погиб в 1918 или 1920 г. По одной версии, замучен сотрудниками ЧК слободы Михайловка из-за широкой популярности старшего брата; по другой — был расстрелян красноармейцами на железнодорожной станции ввиду своего благородного происхождения.

[4] «Выборгское воззвание» — обращение к «Народу от народных представителей», подписанное значительной группой депутатов Государственной думы первого созыва через 2 дня после ее роспуска указом Николая II. Воззвание призывало к гражданскому неповиновению правительству.

[5] Очерки Крюкова «На тихом Дону (Летние впечатления и заметки)» были опубликованы в «Русском богатстве» (1898. № 8. С. 36—59; № 9. С. 120—138; № 10. С. 111—154).

2. А. И. Иванчину-Писареву[1]

Станица Глазуновская.
23-го октября 1906 г.

Многоуважаемый Александр Иванович.

Обращаюсь к Вам с покорнейшею просьбой: прилагаемую при сем рукопись[2] передать на рассмотрение Петра Филипповича[3] или Владимира Галактионовича,[4] или кого это касается. Если она подойдет для «Рус<ского> Бог<атства>» — я буду очень рад; если не подойдет, то передайте ее моему брату, который зайдет за ответом, и посоветуйте, где бы ее можно было тиснуть. На мой взгляд, она больше подходит для газетного фельетона, но у меня нет ни одной знакомой редакции газеты, а посылать так, на «авось», — не хочется. Вымышленного в моем рассказе нет ни полслова. Занимаемся здесь пока «малыми делами». В августе работа шла бойчее, но с усилением здесь гарнизона и сыска, пришлось сократиться. Некоторый разгром, хотя и не столь страшный, пришлось потерпеть нашему кружку: человечка три попали в тюрьму, преданных нам лиц из персонала правлений выгнали (это был самый полезный для нас народ) и двух офицеров, деятельных членов кружка, услали в первоочередные полки до истечения срока их льготы. Однако духом не падаем и количество работников у нас даже прибавилось.

Местное начальство в борьбе с нами вступило, кроме обычных путей, на путь посулов характера ультра-революционного: казакам обещают не только войсковые, но и частновладельческие земли, а также выселения всех «русских» (иногородних) из пределов области. Все посулы завершаются, конечно, увещанием не верить агитаторам. Обласканное начальством (теперь начальство стало необычайно ласковым) население бродит сейчас в большом недоумении. Мы теперь заняты своеобразной «легальной» деятельностью: всюду составляем приговоры о земле в смысле этих посулов. Конечно, начальство похерит все эти приговоры, но нам пока большего не нужно. В мобилизованных полках, по-видимому, дело обстоит не особенно гладко: казаки десятками убегают из полков домой и возвращаются по собственному усмотрению, или совсем не возвращаются. В 3-м сводном (в том самом, в котором состоял знаменитый Аврамов)[5] недавно целая полусотня отдана под суд. Единственно, что мешает казакам (по их словам) сделать что-нибудь существенное для выражения протеста, это то, что они разбросаны по губерниям полусотнями и взводами, постоянно перетасовываются и не успевают выработать определенного общего плана. Кроме того есть в их среде шпионы и доносчики из их же братии, но это, по их заявлению, не столь существенно. Главное — разобщенность и невозможность сношений.

В общем тихо, но нет оснований для пессимизма. Лично я, по крайней мере, гляжу в будущее с упованием.

О настроении казаков (не в самый последний момент, а так с год назад) пишу рассказ, но не вполне им доволен и еще с месяц поработаю над ним. Небольшую статейку о казаках хотел бы написать для «Трудового Народа»,[6] но не знаю, когда это сделаю.

Не хватает у нас здесь литературы. Собираем некоторую сумму для трудовой партии и намерены присоединить просьбицу о партийной литературе.

Передайте мой низкий поклон всем членам редакции «Рус<кого> Бог<атства>. Если бы у Вас нашлось время, многоуважаемый Александр Иванович, — черкнуть мне слова два, — я был бы Вам чрезвычайно благодарен. Адрес: Глазуновская станица Дон<ской> обл<асти>. Писем на почте здесь не читают. Все присылаемое до сих пор получал аккуратно.

Жму Вашу руку, желаю Вам всего наилучшего. Искренне уважающий Вас

Ф. Крюков

---

[1] РО ИРЛИ, ф. 114, оп. 2, ед. хр. 241, л. 3—4.

[2] Крюков имеет в виду рукопись рассказа «Встреча».

[3] П. Ф. Якубович.

[4] В. Г. Короленко.

[5] *Аврамов Петр Федорович* — есаул 3-го Сводного Донского казачьего полка Старогригорьевской станицы. Обвиненный в надругательстве над террористкой Марией Спиридоновой, был убит эсерами 21 марта (3 апр.) 1906 г.

[6] «Трудовой Народ» — ежедневная газета, являвшаяся органом трудовой группы, выходившая в Петербурге с 15 (28) марта по 4 (17) апр. 1907 г., под редакцией члена Государственной думы В. А. Беляева. После закрытия была заменена «Народной Правдой». Крюков входил в состав трудовой группы.

3. А. И. Иванчину-Писареву[1]

Станица Глазуновская О<бласти> В<ойска> Д<онского>
1-го декабря — 06 г.

Многоуважаемый Александр Иванович.

Глубоко благодарен Вам за Вашу любезную заботу о книжке моих рассказов. Когда-то, очень давно, когда я был еще студентом историко-филологического института,[2] я мечтал, останавливаясь перед витринами книжных магазинов, о том, как хорошо бы, если бы на какой-нибудь из выставленных книг я увидел бы свое имя... Соблазнительная была мечта и утопическая! И вот теперь она, благодаря Вашему доброму содействию, сбывается, и я по-детски рад и особенно рад тому, что литературные грехи мои выходят под высокочтимым мною флагом «Русского Богатства». Не сумею Вас поблагодарить, как следует, дорогой Александр Иванович, за доставленную мне радость.

Насчет «Встречи» я, разумеется, вполне полагаюсь на Ваше усмотрение. Я и не предполагал, что этот рассказ так скоро пойдет в печать.[3] А теперь он может сослужить даже некоторую службу в предстоящей выборной кампании (в наших местах меня охотно читают).

У нас здесь дела идут не дурно, особенно в последнее время. Растет сознание и интерес к политике. В прошлом году у нас в это время было совсем тихо и темно, несмотря на то, что в остальной России революция достигла своего кульминационного пункта. Теперь казаки сделали огромный шаг вперед. Усть-Медведицкий округ теперь, без преувеличения, одно из самых серьезных мест в России по революционному настроению. Мы теперь делаем попытку вклиниться в очень реакционный округ — Хоперский. Работа идет медленно, но верно, и я думаю, что за год тут многое переменится.

Офицеры, примыкающие к нашей группе, деятельно работают над вопросами своей специальности, и вообще мы в будущее (не очень близкое, но и не самое отдаленное) смотрим с упованием.

Думаю на Святках быть в Петербурге.

Передайте мой нижайший поклон Владимиру Галактионовичу,[4] Николаю Федоровичу,[5] Петру Филипповичу,[6] Алексею Васильевичу,[7] Венедикту Александровичу[8] и вообще всей редакции «Русского Богатства».

Еще раз глубоко благодарю Вас, дорогой Александр Иванович, за Вашу трогательную заботливость обо мне. Крепко жму Ваши руки и остаюсь искренне Вас уважающий и сердечно преданный

Федор Крюков.

---

[1] РО ИРЛИ, ф. 114, оп. 2, ед. хр. 241, л. 5—6.

[2] Крюков окончил Императорский Санкт-Петербургский историко-филологический институт по разряду истории и географии.

[3] Рассказ Крюкова «Встреча» был опубликован в журнале «Русское Богатство» (1906. № 11).

[4] В. Г. Короленко.

[5] Н. Ф. Анненский.

[6] П. Ф. Якубович.

[7] А. В. Пешехонов.

[8] В. А. Мякотин.

4. А. И. Иванчину-Писареву[1]

Станица Глазуновская. 26-го января 1907 г.

Многоуважаемый Александр Иванович.

Я получил вчера посылку с «Казацкими мотивами». Сперва даже глазам не верилось: Боже мой, неужели это — моя книга? — Моя: на

самом верху полностью имя автора — Ф. Крюков[2]... И радостно, и жутко: как-то встретит ее публика? Целый рой предположений, ожиданий, опасений... А сегодня уже поостыл и взираю на нее спокойным оком.

Не сумею достаточно поблагодарить Вас, дорогой Александр Иванович, за Ваши хлопоты по изданию книжки. Думаю числа 1-го или 2-го февраля быть у Вас лично и принести Вам мою самую глубокую, самую искреннюю благодарность. Предполагал поехать в Петербург на Святках, но решил провести избирательную кампанию в своем округе и остался.[3]

Без всякой похвальбы можно сказать, что мы одолели. Не знаю точно, каковы результаты выборов во всей области, но думаю, что они благоприятнее для левых, чем в прошлый раз. Усилия администрации, кажется, всюду терпят поражение. Настроение населения — превосходное. Жить здесь сейчас очень интересно, но... все-таки надо искать заработка. Предлагают мне службу в частной гимназии в Н.-Александрии («по вольному найму»).[4] Ничего более подходящего. Скрепя сердце, думаю поехать. Сперва все-таки решил понюхать, чем пахнет в Питере. А здесь, у нас, дело налажено очень недурно, и в надежных руках, так что в моем дальнейшем проживании в родных местах нет особой настоятельности.

До свидания, дорогой Александр Иванович. Мой поклон редакции «Русского Богатства». Крепко жму Вашу руку.

Глубоко уважающий Вас

Ф. Крюков.

---

[1] РО ИРЛИ, ф. 114, оп. 2, ед. хр. 241, л. 6—7.

[2] Книга Ф. Крюкова «Казацкие мотивы. Очерки и рассказы» была издана редакцией журнала «Русское богатство» в 1907 г.

[3] В апреле 1906 г. Федор Крюков был избран депутатом Первой Государственной думы от Области Войска Донского.

[4] Новая Александрия (польское название Пулавы) — уездный город Люблинской губернии, на реке Висле; название Новая Александрия (*Новоалександрия*) получил в память пребывания там императрицы Александры Федоровны. В 1906 г. там открылась частная гимназия П. Н. Шеймина.

5. А. И. Иванчину-Писареву[1]

Станица Глазуновская. 9-го июля — 07

Дорогой Александр Иванович.

Маршрут такой: Петербург — Москва — Грязи — Себряково Ю.-В. ж. д. (Грязе-Цар<ицынская> лин.) Если по Волге, то до Царицына, а затем от Царицына до Себряково. Глазуновская станица от Себрякова отстоит <на> 40 верст, извозчикам плата 4 рубля.

Пишу Вам, дорогой Александр Иванович, что называется — на бегу. Был все время в разъездах, хотелось определить положение вещей — ничего определенного всё-таки не вынес. Протест на словах — сильный, но... на словах... Выясняется склонность к бойкоту выборов. Сегодня опять должен выехать.

Помаленьку выхватывают кое-кого у нас. Меня на днях обыскивали. Существенного ничего не нашли, но забрали рукописи (в числе прочих бумаг), из коих более всего жаль одного военного рассказа.

Думаю, что уцелею, а впрочем, с уверенностью ничего сказать не могу. Если уцелею, то в конце июля и август буду непременно дома и буду рад видеть товарищей по журналу. Есть много вопросов, которые хотелось бы выяснить.

Низкий поклон Вашему семейству,[2] Ал-ю Вас-чу,[3] Николаю Федчу,[4] Венед. А-чу,[5] Алкдру Г-чу,[6] Петру Ф-чу[7] и всем в «Русском Богатстве». Как-нибудь соберусь написать подробную реляцию, а сейчас спешу кончить.

Крепко жму Вашу руку, дорогой Александр Иванович, желаю Вам доброго здоровия и всего наилучшего. Сердечно любящий Вас Ф. Крюков.

---

[1] РО ИРЛИ, ф. 114, оп. 2, ед. хр. 241, л. 10—11.

[2] Вероятно, Крюков имел в виду жену Александра Ивановича — *Софью Абрамовну Иванчину-Писареву* (урожд. *Брагинскую*; 1861—1946). С апреля 1912 до сентября 1914 г. она занималась изданием петербургского журнала «Заветы».

[3] А. В. Пешехонов.

[4] Н. Ф. Анненский.

[5] В. А. Мякотин.

[6] Возможно, Крюков, имея в виду *Аркадия Георгиевича Горнфельда,* перепутал имя.

[7] П. Ф. Якубович.

6. А. И. Иванчину-Писареву[1]

Глазуновская станица Дон<ской> Обл<асти>
10-го авг. — 07 г.

Дорогой Александр Иванович.

Сейчас я получил предписание наказного атамана — немедленно выехать за пределы Донской области.[2] Избрал местожительством Петербург. Не найдете ли какой работишки к моему приезду (числу к 17—18-му), а то положение аховое. При обыске захватили и рукописи, — теперь сижу безо всего, как рак на мели.

До свидания. Крепко жму Вашу руку.

Сердечно преданный Вам Ф. Крюков.

[1] РО ИРЛИ, ф. 114, оп. 2, ед. хр. 241, л. 9.

[2] За агитационные выступления 20 авг. 1906 г. в станице Усть-Медведицкой Крюкову — вместе с будущим командармом Второй Конной Ф. К. Мироновым — было на несколько лет запрещено проживание в пределах Области Войска Донского. Казаки станицы Глазуновской отправляли прошение войсковому наказному атаману о снятии позорного запрета. Но тщетно. Как следует из письма от 10 авг. 1907 г., согласно предписанию наказного атамана, Крюков был выслан за пределы Области Войска Донского.

7. М. К. Лемке[1]

1907, авг. 18

Многоуважаемый Михаил Константинович.

Не найдется ли у Вас какой работишки?

Волею наказного атамана В. Донского я выслан из родного края и приехал теперь в Петербург.[2] До разбора дела о Выборгском воззвании (т. е. до казенных хлебов)[3] еще не близко, и я не знаю, куда деться. Не знаете ли чего-нибудь подходящего? Как бывший учитель истории и русск. яз. — я мог бы давать и уроки в частных учебных заведениях. Нет ли у Вас связей с этим миром? Был бы очень благодарен.

Мой адрес: *Суворовский пр.*, 37, 22. Федору Дмитр. Крюкову

Крепко жму Вашу руку.

Уважающий вас Ф. Крюков

Спбрг. 18-го авг. — 07.

[1] РО ИРЛИ, ф. 661, ед. хр. 602, л. 1. *Лемке Михаил Константинович* (1872—1923) — историк, публицист. С 1906 г. — управляющий типографией и книжным складом в издательстве М. М. Стасюлевича; способствовал изданию многих ценных книг.

[2] См. п. 6.

[3] 10 (23) июля 1906 г. в г. Выборге в гостинице «Бельведер» Крюков подписал знаменитое «Выборгское воззвание», обращенное к «Народу от народных представителей». 16 (29) июля против подписавших «Воззвание» бывших членов Государственной думы было начато уголовное преследование: 167 бывших депутатов были преданы суду Особого присутствия Санкт-Петербургской судебной палаты. Подавляющее большинство были осуждены на три месяца тюремного заключения и лишены избирательных прав. Крюков отбывал срок в петербургской тюрьме «Кресты» в мае-августе 1909 г. и воссоздал ее быт в рассказах «У окна» (Бодрое слово. 1909. № 24), «Полчаса» (Русское богатство. 1910. № 4), «В камере № 380» (Там же. 1910. № 6). Из-за приговора Крюков не смог вернуться к педагогической деятельности. См. об этом во вступ. статье, на с. 000.

8. Б. А. Рославлеву[1]

1915 г., марта 9
Борису Александровичу Рославлеву.

Все рукописи, поступающие в редакцию «Р. Записок»,[2] прочитываются редакционным комитетом. В случае непригодности для журнала всенепременно возвращаются автору.

Ф. Крюков

---

[1] РО ИРЛИ, ф. 266, оп. 3, ед. хр. 284, л. 1. *Рославлев Борис Александрович* (1883—1960) —писатель, режиссер, актер.

[2] С 1914 до марта 1917 г. «Русское богатство» выходило под названием «Русские записки». В 1918 г. журнал вновь принял старое название, однако в том же году был закрыт декретом Советской власти как издание, начавшее активно бороться против диктатуры пролетариата. Крюков заведовал в журнале отделом литературы и искусства.

9. Д. И. Колесникову[1]

1915 г., авг. 24.
Дмитрию Ильичу Колесникову

Редакционный комитет «Р. Записок» не нашел, к сожалению, возможным воспользоваться Вашим рассказом «Земля зовет». Рукопись высылается Вам.

Ф. К.

---

[1] РО ИРЛИ, ф. 266, оп. 3, ед. хр. 283, л. 1. Никаких сведений о Д. И. Колесникове найти не удалось.

10. Н. С. Русанову[1]

1915 г., августа 24

Дорогой Николай Сергеевич.

Посылаю рукописи А. Даманской[2] и А. Андреевского.[3] Письмо Андреевскому при сем излагаю. От «Панны Теофилии»[4] я не в особом восхищении, но против принятия возражать не буду. Скучно, сыро, но прилично. Хотя, если бы был иной «средний» материал, я не прочь бы и отказаться от Даманской.

Я за время пребывания в Глазуновке не написал ни строки. С завтрашнего дня сажусь. Но никакого заряда нет. Дела плохи, лишь вздыхаем. Пять дней назад получено предписание приготовить к мо-

билизации годы присяги (призыва) до 1886-го включительно. Я присягал царю отечеству в 1889-м году, значит — вхожу в наряд. Скоро ли прикажут нам явиться на сборные пункты — неизвестно. Надо думать, что не ранее, чем месяца через два, потому что на сборных местах войска еще много, ждут отправки.[5] Рассчитываю, что недели в две я окончательно устрою свои местные дела и затем выеду в Питер.

Привет товарищам. Жму руки. Черканули бы слов пару — нет ли чего утешительного.

Ваш Ф. Крюков.

---

[1] РО ИРЛИ, ф. 266, оп. 3, ед. хр. 284а, л. 1. *Русанов Николай Сергеевич* (1859—1939) — политический деятель, публицист, мемуарист. Участник народнических кружков конца 1870-х — начала 1880-х гг., сотрудник журналов «Дело», «Русское богатство». В 1882—1905 гг. в эмиграции. Входил в группу старых народовольцев, один из создателей партии эсеров, член ее ЦК. С 1914 г. — главный редактор журнала «Русские записки». С 1918 г. в эмиграции. С 1928 г. — член Заграничного союза партии эсеров. Умер в Берлине.

[2] *Даманская Августа Филипповна* — писательница, переводчица, литературный критик. В печати выступила в 1900 г. в газете «Петербургская жизнь» под псевдонимом А. Филиппов. Печатала свои переводы польских и французских поэтов и прозу. Первый очерк Даманской «В Америке» появился в «Русском богатстве» (1903. № 12). Печаталась в журналах «Мир Божий», «Русская мысль», «Образование», «Новое слово», «Аполлон», «Современный мир», «Солнце России», в газетах «Столичное утро», «Утро России», «Час» и др. Во время Первой мировой войны была лондонским корреспондентом газеты «Биржевые ведомости». В 1917 г. сотрудничала в эсеровском «Деле народа». Объездила почти всю Западную Европу от Италии до Скандинавии, что нашло отражение в ее путевых очерках, рассказах и повестях, изображающих жизнь русских за границей. В России вышли ее сборники рассказов: «Рассказы» (М., 1908), «Где-то там» (Пг., 1918) и «Стеклянная стена» (Пг., 1918; 2-е изд.: Берлин, 1921). Свободно владея многими европейскими языками, Даманская знакомила русского читателя с новинками французской, немецкой, итальянской, английской, польской литературы. Ей принадлежат переводы произведений Ромена Роллана, Г. Гауптмана, А. Шницлера, Г. Уэллса и др. Как переводчица была привлечена к работе в издательстве «Всемирная литература». Захват большевиками власти в октябре 1917 г. Даманская восприняла как угрозу культуре. В 1920 г., получив в Петроградском университете командировку в Псков для чтения лекций на летних курсах для народных учителей, Даманская нелегально перешла эстонскую границу. Обосновавшись в Ревеле, выступала с лекциями о положении в советской России. Некоторое время прожила в Берлине, была членом берлинского Союза русских писателей и журналистов и с февраля 1923 г. членом правления Профессионального союза русских переводчиков в Германии. В сент. 1923 г. уехала в Париж, вступила в парижский Союз русских писателей и журналистов. С 1923 г. она постоянный сотрудник «Последних новостей» (Париж), печаталась в «Новом русском слове» (Нью-Йорк). В послевоенные годы Даманская писала рассказы, посвященные движению Сопротивления. Подробнее см.: *Чуваков В. Н.* Русская литература XX века. Прозаики, поэты, драматурги: биобиблиографический словарь. М.: Олма-Пресс, 2005. Т. 1.

[3] *Андреевский А. А.* См. его неопубликованную статью в ф. 181 (Михайловского).

[4] Рассказ Даманской «Панна Теофилия» был опубликован в «Русском богатстве» (1915. № 11. С. 1—24).

[5] В ноябре 1915 — феврале 1916 г. Крюков в качестве помощника думского уполномоченного при третьем санитарном отряде Красного Креста имени Государственной думы пребывал на Галицийском фронте.

11. М. В. Ватсон. (Телеграмма)[1]

Б. д.

Шлю наилучшие пожелания: сто лет здравствовать <так!> и куль червонцев.[2]

Крюков.

---

[1] РО ИРЛИ, ф. 402, оп. 2, ед. хр. 302. *Ватсон* (урожд. *де Роберти де Кастро де ла Серда*; 1848—1932) *Мария Валентиновна* — переводчица, поэтесса, автор книг и статей о писателях. С середины 1870-х гг. печатала стихотворения и переводы в «Вестнике Европы», «Русской мысли», «Русском богатстве» и др. журналах. В 1905 г. ее стихотворения вышли отдельной книгой. Ей принадлежит первый полный русский перевод романа М. Сервантеса «Остроумно-изобретательный идальго Дон-Кихот Ламанчский» (1907). Архив М. В. Ватсон (1218 ед. хр.) хранится в РО ИРЛИ (ф. 402).

[2] Неточная цитата из комедии Н. В. Гоголя «Ревизор»: «Поздравительный гул; слышнее других голоса: Частного пристава. Здравия желаем, ваше высокоблагородие! Бобчинского. Сто лет и куль червонцев!» (д. V, явл. VII).

ПИСЬМА РАЗНЫХ ЛИЦ К Ф. Д. КРЮКОВУ

1. Письмо С. В. Аникина[1]

Редакция журнала «Бодрое Слово»[2]
С.-Петербург, Саперный пер., 2.

1908 г., ноября 8

Многоуважаемый Дмитрий Федорович[3]

Вы обещали нам дать рассказец, и у Вас даже было кое-что для нас подходящее. Не пришлете ли теперь? Я все собираюсь завернуть к Вам, чтобы сделать нападение на Ваши запасы, но совсем заметался, времени нет. Думается, что Вы не погнушаетесь нашим «сугробом»? Присылайте, чем скорее, тем лучше.

Ваш С. Аникин.

---

[1] РО ИРЛИ, ф. 266, оп. 3, ед. хр. 442, л. 1. *Аникин Степан Васильевич* (28 дек. 1868 г. (8 янв. 1869 г.) — 1919) — прозаик, публицист, общественный деятель.

С 1905 г. член Саратовского комитета партии эсеров. В 1906 г. был избран в Государственную думу I созыва. Один из лидеров Трудовой группы. В 1906 г. делегирован Трудовой группой в Лондон на социалистическую конференцию Междупарламентского союза. Во время роспуска Думы отсутствовал в Санкт-Петербурге, поэтому не участвовал в составлении и подписании «Выборгского воззвания». Сотрудничал в журнале «Русское богатство», где опубликовал очерк «По родным местам (из наблюдений бывшего депутата)» (1906. № 11; 1907. № 1), рассказ «Гараська-диктатор» (1907. № 3). Колебания в отношении к партии кадетов привели к разрыву с редакцией «Русского богатства». В 1908 г. выпустил в свет в Петербурге книгу «Мордовские народные сказки». В 1908 г. Аникин стал негласным редактором журнала «Бодрое слово», где опубликовал цикл своих очерков «В глубине России» (1908. № 1—5; 1909. № 1, 3—6, 8, 11, 15). Вскоре был арестован по обвинению в принадлежности к Крестьянскому. союзу; освобожденный под залог, эмигрировал в 1909 г. в Швейцарию. См.: Русские писатели, 1800—1917: биографический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1989. Т. 1. С. 76 (статья Е. В. Войналович, М. А. Кармазинской).

[2] «Бодрое слово» — литературный, общественно-политический и популярно-научный журнал. Выходил дважды в месяц в Санкт-Петербурге в 1908—1910 гг. Издатель и главный редактор И. М. Бикерман. Журнал содержал в основном беллетристику, драматургию и стихотворения.

[3] Аникин перепутал имя Крюкова с отчеством.

2. Письмо С. В. Аникина[1]

Редакция журнала «Бодрое Слово»
С.-Петербург, Саперный пер., 2.

1909 г., февр. 21

Многоуважаемый Федор Дмитриевич

В понедельник 23 февраля назначено совещание сотрудников Бодрого Слова. Вас просят быть непременно к 8 час. вечера в квартиру I. М. Бикермана.[2] 4 Рождеств. д. 31 кв. 18.

Степан Аникин.

---

[1] РО ИРЛИ, ф. 266, оп. 3, ед. хр. 442, л. 3.

[2] *Бикерман Иосиф Менассиевич* (1867—1842) — историк, писатель и публицист. Выступал с политическими комментариями и статьями о русской литературе в «Сыне Отечества», «Нашем дне», «Бодром слове», «Всеобщем ежемесячнике», «Русском богатстве», «Восходе», «Еврейском мире», «Дне» и других периодических изданиях. Был постоянным сотрудником «Сына Отечества» и газеты «Наша жизнь». В 1908 г., совместно с С. В. Аникиным, учредил журнал «Бодрое слово», в котором вел рубрику «Очерки русской жизни». В 1909 г. принял участие в дискуссии о сборнике «Вехи», критически оценив его в статье «“Отщепенцы” в квадрате». Автор публицистико-социологических книг, в том числе о современном экономическом положении евреев России и их роли в экономике страны: «Российская революция и Государственная дума» (1907), «Черта еврейской оседлости» (1911), «Материалы к законопроекту об отмене черты еврейской оседлости: экономическая деятельность евреев» (1911), «Роль евреев в русской хлебной торгов-

ле» (1912), «Роль евреев в рыбном деле» (1913). С 1912 г. под редакцией Бикермана выходила серия «Библиотека обществознания: современное человечество» (издательство «Брокгауз и Ефрон»). После Октябрьской революции эмигрировал в Берлин, впоследствии в Париж.

3. Письмо И. М. Бикермана[1]

1909 г., сентября 4

Многоуважаемый Федор Дмитриевич,

Пишу Вам наугад, не зная, вернулись ли в Петербург и тот ли Ваш адрес, что прежде. Нет ли у Вас, Федор Дмитриевич, кое-чего готового или на корню для «Бодрого Слова»? Размером стеснять Вас теперь не будем. Уезжаю сегодня вечером и вернусь к 20-му числу. Был бы очень рад, если бы к тому времени оказался у Вас рассказ для нас.[2] Если бы возник у Вас вопрос, помешавший Вам весной отдать нам свой рассказ, то будьте добры после моего приезда справиться по телефону, лично или письменно; авось, на этот раз наличность окажется.

Уважающий Вас
I. Бикерман.
4/9 909 г.
СПб, 4-Рождественская 31, кв. 18.
Обратите внимание на новый адрес редакции:
Невский просп. 100, кв. 14.

---

[1] РО ИРЛИ, ф. 266, оп. 3, ед. хр. 443, л. 1.

[2] Рассказ Ф. Д. Крюкова «У окна» был вскоре опубликован в «Бодром слове» (1909. № 24).

4. Письмо А. Г. Горнфельда[1]

Schlachtensee b Berlin 29/16 VIII. 913
Kurhaus Hubertus

Дорогой Федор Дмитриевич,

Вы, верно, знаете, что я было дурно себя повел: заболел — говорят, нервами, — очень мучился тошнотой и бессонницей, вызвал знакомую барышню, она меня перевезла сюда, здесь все возобновилось. Три дня назад болезнь также быстро и нелепо, как появилась, стала ослабевать; я там с жадностью сплю, вернулась жизнеспособность — и я теперь должен начать лечиться от чего-то гнусного, очевидно, сидящего во мне. На днях буду у врачебных авторитетов, которые, надеюсь, скажут, что со мной было и есть, и как мне надлежит поступить. Из-

мучался я, родных растревожил, летнюю поправку потерял, разорился и так далее; полный разгром — и ради чего? Ну, будем надеяться на лучшее, благо погода великолепная и настроение недурное. Всего хорошего. От Ал. Вас.[2] вчера получил большое письмо. Какой он хороший. До свидания,

Ваш А. Горнфельд.

---

[1] РО ИРЛИ, ф. 266, оп. 3, ед. хр. 444, л. 1. *Горнфельд Аркадий Георгиевич* (1867—1941) — литературный критик, переводчик публицист, журналист. В начале 1895 г. П. П. Перцов познакомил Горнфельда с редакцией «Русского богатства», где он начал публиковаться. С 1904 г. до закрытия журнала в 1918 г. состоял членом редакции, помощником В. Г. Короленко по отделу беллетристики и критики. Любая статья или рецензия Горнфельда (только в «Русском богатстве» их более 500) строилась на теоретической базе, в стремлении избежать легковесности и импрессионизма. Короленко писал: «Вы положили начало и русско-бог<атенской> критике» (Письма В. Г. Короленко к Горнфельду. Л.: «Сеятель» Е. В. Высоцкого, 1924. С. 22). В 1925 г. Горнфельд передал в Пушкинский Дом архив «Русского богатства» (*Иванова Т. Г.* Рукописный отдел Пушкинского Дома: исторический очерк. СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. С. 80, 134).

[2] Вероятно, имеется в виду Алексей Васильевич Пешехонов.

5. Письмо А. Б. Дермана[1]

1913, авг. 17

Многоуважаемый Федор Дмитриевич,

Простите за промедление с высылкой корректуры. Я, во-первых, не думал, что корректура для сентябр. книги потребуется так скоро, а, во-вторых, пережил ряд передряг, не давших мне возможности написать своевременно даже это письмо.

У меня две покорнейшие просьбы: к конторе — прислать 100 рублей и если можно — немедленно, по адресу: Симферополь, Лазаревская ул., дом Макурина,[2] Н. Ф. *Петрушевской*;[3] вторая просьба к Вам, о корректуре 2-ой части «Камеры Галлея». В Алуште я пробуду до 5-го сентября и туда (на дачу Педдакаса) до указанного срока надеюсь прислать корректуру, если же она будет послана позднее (в чем сомневаюсь), то в Симферополь, Лазаревская ул., д. Макурина.

Когда Вы ждете возвращения А. Г. Горнфельда?

Если редакция получит какие-нибудь книги (для отзыва) об Италии, то присылайте их, пожалуйста, мне. Так, недавно вышел путеводитель по Флоренции[4] — нет ли его у Вас? Я с удовольствием буду давать рецензии, ибо все равно хочу, в собственных видах, заняться Италией.

До свидания. Жму Вашу руку.

А. Дерман.

[1] РО ИРЛИ, ф. 266, оп. 3, ед. хр. 285, л. 1. *Дерман Абрам Борисович* (1880—1952) — писатель, критик, редактор, историк литературы и театра. Литературную деятельность начал в 1903 г. В это же время познакомился с В. Г. Короленко, который давал начинающему писателю советы и переписка с которым продолжалась вплоть до смерти Короленко. Первый рассказ при содействии и с поправками Короленко был опубликован в «Русском богатстве» в 1903 г. Работал в газете «Южные ведомости» и журналах «Русское богатство», «Заветы», «Полтавщина», «Мир Божий», «Русская мысль», «Современник» и других периодических изданиях.

[2] В 1907 г. Дерман после закрытия газеты «Полтавщина» был выслан из Полтавы и до начала 1920-х гг. жил в Симферополе.

[3] *Петрушевская Надежда Федоровна* (1880 — после 1952) — выпускница физико-математического отделения Высших женских курсов по химическому разряду (1899), помощница библиотекаря в библиотеке Высших женских курсов (1902—1906). Дочь физика Ф. Ф. Петрушевского. Жена А. Б. Дермана.

[4] Флоренция и ее окрестности: II: Храмы; III: Музеи; IV: Окрестности города / сост. Ек. Долгова. М.: тип. т-ва И. Д. Сытина, 1913.

6. Письмо И. В. Игнатьева[1]

Многоуважаемый Федор Дмитриевич,

Тщетно ждали все это время обещанных Вами «Петербургских писем». Быть может, после летнего отсутствия Вы еще не в курсе петербургских дел и первые дни осматривались, но теперь, может быть, и начнете. Как Вы могли видеть, обе оставленные статьи мы уже поместили.

Мне очень бы хотелось, если бы Вы нашли возможность писать «Петербургские письма» раз в неделю или чаще. Как думаете, возможно ли это.

Уважающий Вас

И. Игнатьев.

[1] РО ИРЛИ, ф. 266, оп. 3, ед. хр. 445, л. 1. *Игнатьев Иван Васильевич* (наст. фам. *Казанский*; 1892—1914) — поэт, критик, теоретик футуризма, возглавлявший петербургское футуристическое движение начала 1910-х гг. В 1912 г. основал издательство «Петербургский глашатай», которое выпускало одноименную газету, альманахи: «Оранжевая урна», «Орлы над пропастью», «Стекляные цепи» (1912); «Дары Адонису», «Засахаре кры», «Развороченные черепа» и др. (1913) и книги эгофутуристов: В. Гнедова, П. Широкова, Д. Крючкова и др. С 1913 г. возглавил группу «Ассоциация эгофутуризма», провозгласив себя «председателем Ареопага». Самим Игнатьевым было выпущено всего три книги. В начале 1914 г. был опубликован его поэтический сборник «Эшафот. Эго-Футуры. Моим любовникам посвящаю», куда вошли практически все написанные им стихотворения, печатавшиеся ранее в различных изданиях эгофутуристов. 20 янв. 1914 г. Игнатьев, на следующий день после своей свадьбы, покончил жизнь самоубийством, зарезавшись бритвой. Причины его самоубийства, равно как и имя его жены, дочери купца первой гильдии И., остались неизвестными (Санкт-Петербургские ведомости. 1914. 22 февр.). Подробнее см.: Русские писатели, 1800—1917: биографический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1992. Т. 2. С. 398—399 (статья А. Е. Парниса).

7. Письмо И. В. Игнатьева[1]

Многоуважаемый Федор Дмитриевич,

Ваш рассказ «В сумерках»[2] по своим размерам превышает самую высокую предельную норму фельетона. Если бы Вы позволили значительно сократить его, то он вошел бы в пасхальный нумер. Некоторые места легко поддаются сокращению. Для сокращения некоторых мест есть кроме технических и цензурные соображения.

Будьте добры, черкануть поскорее, разрешите ли Вы сделать довольно *значительные* сокращения.

Уважающий Вас

И. Игнатьев.

---

[1] РО ИРЛИ, ф. 266, оп. 3, ед. хр. 445, л. 3.

[2] Рассказ Крюкова «В сумерках» был напечатан в газете «Русские ведомости» (1910. 18 апр.).

8. Письмо И. В. Игнатьева[1]

Многоуважаемый Федор Дмитриевич,

Еще просьба. Может быть, у Вас найдется время и возможность начертить к пасхальному нумеру небольшой очерк, характеризующий современную жизнь с какой-нибудь известной Вам стороны. Настроение ли это какого-нибудь слоя населения, положение ли его, терзания ли или еще что-нибудь, — зависит от Вас. Указания от нашей стороны могут быть только очень неопределенные. Ваша статья (размером в 200—250 или меньше строк)

должна будет войти в отдел «Жизнь, как она есть», кроме Вашей там предполагается такого же рода статьи 5—6-ти авторов. Доставить статью надо будет к 15-му 20-му *декабря*.

Прошу об ответе.

Уважающий Вас,

И. Игнатьев.

---

[1] РО ИРЛИ, ф. 266, оп. 3, ед. хр. 445, л. 5.

9. Письмо А. А. Лукьянова[1]

1909 г., декаб. 24

Редакция Еженедельного Журнала «Северные Зори».

СПБ., Шпалерная ул., д. 7, кв. 13.

Телефон № 111—37.

24/XII 1909.

Милостивый Государь, Федор Дмитриевич!

Не пожелаете ли Вы принять участие в журнале «Северные Зори» и не найдете ли возможности прислать нам небольшой рассказ, за что мы будем весьма Вам благодарны. (Строк на 300).

Журнал предназначается для широкого круга читателей и продается по 5 к. за №.

С наилучшими пожеланиями,
А. Лукьянов.

---

[1] РО ИРЛИ, ф. 266, оп. 3, ед. хр. 446, л. 1. *Лукьянов Александр Александрович* (1871—1942) — поэт; стихотворения его, большей частью на общественные темы, печатались в «Мире Божьем», «Русском богатстве», сборниках «Знания» и др. Собрание его стихотворений вышло в Санкт-Петербурге в 1908 г. В 1909 г. Лукьянов издавал собственный еженедельный литературно-художественный и общественный журнал «Северные зори», который был задуман как альтернатива модернистским изданиям того времени. Им были приглашены М. Горький, А. С. Серафимович, Е. Н. Чириков и др. писатели-знаньевцы, которые, однако, сдержанно отнеслись к его предложениям. В ноябре 1909 г. Горький писал Лукьянову: «...сначала позвольте мне ознакомиться с вашим журналом, а потом мы и решим вопрос о сотрудничестве... времена-то очень уж запутанные» (ИМЛИ, ПГ-рл. 23—47—2). Хотя «Северные зори» имели успех у читателей (тираж их достигал 15 000 экз.), из-за слабой финансовой базы в 1910 г. они примкнули к журналу «Жизнь для всех».

10. Письмо И. П. Малютина[1]

1912, янв. 8. Барнаул.

Дорогой Федор Дмитриевич!

Ваше письмо произвело на меня очень тяжелое впечатление. Благодаря сообщенным в нем известиям я до сих пор не могу привести свои мысли в порядок.

Уж очень невыносимо, обидно становится, когда таких людей, которые всей душой стараются как можно лучше устроить жизнь человеческого общества, убирают с дороги, прячут за каменные стены под спуд. Я даже никак не могу себе представить, чтобы, наконец, такого человека как В. Г. Короленку могли назвать преступником и судить, и осудить.[2] Да что он, убил, что ли, кого-нибудь, замучил? Ведь это же какое-то нахальство.

И против всего этого надо защищаться, надо ломать голову, доказывать очевидную истину, между тем как все это допускается только для виду. Ведь неловко же прийти и взять человека без всякого процесса, ты, мой голубчик, мешаешь нам жить в свое удовольствие,

так пожалуйте в каменный мешок! Нет, этого допустить нельзя. Ведь мы все-таки цивилизованная нация, Конституционное Государство, и притом — христианское. Не чета каким-нибудь язычникам — Японцам.

И вот невольно вспомнил гоголевского Городничего: «Так вот, право, чем больше думаешь... черт его знает, не знаешь, что и делается в голове; просто, как будто или стоишь на какой-нибудь колокольне, или тебя хотят повесить...»[3]

Вот что-то вроде этого происходило и со мной... И после всего этого я вспомнил, что «все собаки имеют право лаять, и большие и маленькие», то я и подаю свой голос, — голос маленькой собачки: за то, что — никоим образом не отступайте от издания журнала, какие бы препятствия ни встретились на этом тернистом пути! Пусть выхватывают из вашего лагеря закаленных старых бойцов — не падайте духом, вербуйте новых и гордо несите свое знамя вперед к светлому будущему! — Знайте, что во всех концах земли, вам, от всей души сочувствуют многие и многие, и глубоко негодуют на все тормозы и препятствия.

Знайте, что и Я, маленький человек, но насколько позволяют возможности и силы, работаю на пользу вашего журнала, и к тому же побуждаю других.

Суть моей работы выражается лишь в том, чтобы иного подписчика с какого-нибудь бесформенного, многообещающего журнала направить на ваш — и цель достигается в большинстве случаев.

Когда это письмо дойдет до Вас, то суд уже (скорый и милостивый) над В. Г. совершится. Мне, конечно, очень хотелось бы знать результаты. Но если я не встречу в газетах?.. То будьте так добры, черкнуть малость. Да еще большая просьба: вы, вероятно, встречаетесь с А. Петрищевым?[4] Я еще в 1906 г. читал его книжки «Триста лет» и «Церковь и школа» кажется? Мне они очень нравятся. Тогда их много распродал между знакомыми. Но теперь давно не встречаю их нигде. То нельзя ли попросить их у автора хоть по 1 экз. для меня. Я денег не пошлю, скажу откровенно. Но у меня есть еще несколько стишков с Курганских домов, в кот. жил П. Ф. Якубович.[5] То их могу послать и посылаю. Большое Вам спасибо за письмо и за хлопоты. Буду ждать, когда Роза Фед.[6] поправится! От всей души желаю всего лучшего!

Ваш, И. Малютин.

Очень и очень извиняюсь перед Вами, дорогой Федор Дмитриевич, что сие письмо вышло бестолково и длинно, но около праздников было очень много работы в магазине, закрутился и потом — такие вести от Вас.

Жду более лучших.

Сердечно любящий Вас, И. Малютин,

P. S.

Да, вот еще, что я не знаю, имеются ли с Вами какие-либо карточки в продаже? И не будете ли Вы добры послать мне 1 ш., очень бы хотелось иметь.

И. М.

Об.

Прилагаю Вам свое новейшее произведение. «К молодежи».

К молодежи

Жизни не бойтесь — идите
Бодро и смело вперед,
Знанье и правду несите
В бедный и темный народ!

Пользуйтесь жизнью умело
Честно старайтесь прожить,
Ждет нас великое дело,
Родине бедной служить!

Время давно уж настало,
Сон вековой отряхнуть,
Все удалить, что мешало
Выйти на правильный путь.

С верой в победу — идите,
Чуткие к правде святой,
Знамя науки несите
В темный народ трудовой!
И. Малютин.

---

[1] РО ИРЛИ, ф. 266, оп. 3, ед. хр. 447, л. 1—2. *Малютин Иван Петрович* (1873—1962) — прозаик, поэт, мемуарист. С 1892 г. жил в Ярославле: работал землекопом, сторожем, переплетчиком, библиотекарем в читальне при фабрике «Большая мануфактура» (с декабря 1897 г.). Начал сотрудничать с редакциями газет. В конце 1890-х гг. примкнул к социал-демократам. За распространение запрещенной литературы был арестован и после трех месяцев заключения выслан в с. Спасское Томской губ. Долгое время жил в Сибири, в 1907—1911 гг. — в Кургане, где собрал материал о ссыльном Якубовиче-Мельшине, сделал фотографии дома, где тот проживал, и все это, вместе со своими стихами, выслал В. Г. Короленко. Так началась их переписка. Первое стихотворение «Бедная Настя» опубликовал в 1895 г. в газете «Северный край». С 1910 г. его стихи регулярно публиковались в периодических изданиях. Современники называли Малютина «писателем из народа», «поэтом-самородком, собирателем и неутомимым пропагандистом книги».

[2] 12 янв. 1912 г. за напечатание статьи С. Я. Елпатьевского «Люди нашего круга» Короленко был приговорен к двухнедельному аресту. «Вчера меня судили, — известил он младшую дочь Наталью Владимировну. — Весь день мне пришлось провести в суде, так как назначено было в 11, а началось мое дело в 7 вечера.

Я сначала было стал уставать и нервничать. Потом прошло, и уже во время самого суда я был совершенно спокоен. К приговору относился совершенно равнодушно, хотя ждал тюрьму месяца на 4. Оказалось — две недели. По-видимому, двое судей были за полное оправдание, и судейское совещание длилось больше часу. Один был не то что злющий, а вообще — враждебный. Это некто Кессель; он был обвинителем по делу Засулич (в 70-х годах), причем присяжные Засулич, стрелявшую в Трепова, оправдали. Говорят, с этих пор он упорно воюет с политическими и литерат<урными> подсудимыми. Он был докладчик и, должно быть, старался внушить судьям, что статья зловредная. Защищал Грузенберг. Я сказал небольшую речь. На суде была публика (немного, но все-таки места для публики заполнены, зал небольшой) <...> Из всех знакомых я волновался всех меньше, так как в сущности, если бы даже назначили месяца 4, то... ведь еще будут процессы посерьезнее, и это наказание будет поглощено» (*Короленко В. Г.* Избранные письма: в 3 т. М.: Художественная литература, 1932. Т. 2. С. 290.).

[3] Цитата из комедии Н. В. Гоголя. «Ревизор» (д. III, явл. IX).

[4] *Петрищев Афанасий Борисович* (1872—1951) — публицист, учитель и политик. В 1904 г. в журнале «Русское богатство» было опубликовано его первое большое произведение — «Заметки учителя», а в период 1905—1906 гг. — еще ряд статей острого политического содержания. Помимо работы в журнале, опубликовал ряд брошюр: «Из истории кабаков в России», «300 лет: 1606—1906», «Из эпохи государственного бреда», «Крестьяне-крамольники» и др. За публикацию последней он даже привлекался к суду, но был оправдан. В 1907 г. вошел в редакционный совет центрального печатного органа этой партии — журнала «Русское богатство». С 1908-го и вплоть до закрытия журнала большевиками в 1918 г. он вел в этом журнале раздел «Хроника внутренней жизни».

[5] См. примеч. 1.

[6] *Якубович Роза Федоровна* (урожд. *Франк;* 1861—1922) — жена П. Ф. Якубовича (с 1894 г.). Их сын Дмитрий Петрович Якубович (1897—1940) — литературовед-пушкинист.

11. Письмо И. П. Малютина[1]

Барнаул. 14 марта 1914

Дорогой Федор Дмитриевич!

Обремененный физической и разной работой по отпуску и приемке маслодел. принадлежностей я мало нахожу времени для писанья, но постоянно думаю о вас, независимо от того, пишете вы мне или нет.

Таких радостных, таких счастливых дней в моей жизни, как те, в которые я получил ваше первое письмо и книгу «Казацкие мотивы», у меня еще никогда, кажется, не было, и этого радостного, граничащего с чем-то сверхъестественным и непонятным для других чувства я никогда не забуду.

Может быть, как-нибудь выберется у Вас минутка свободного времени — то черкните о своем здоровье и здоровье вашей семьи и вообще о вашей жизни.

Мне очень интересно все это и близко моему сердцу.

Я все с нетерпением жду ваших сочинений в отдельном издании.

Получаю «Ниву» и не знаю, уже в который раз перечитываю В. Г. Короленко.

Моя семья и я сам здравствуем и живем в материальном отношении хорошо.

У меня есть кой-чего отпечатано в местных газетах, но нет свободных №№, как-нибудь достану, тогда пошлю вам. Помещаю больше в «Алтайском крестьянине».

Не смею утруждать... и т. д. Шлю вам мой сердечный привет и пожелания всего лучшего.

Ваш Ив. Петр. Малютин.

Адрес: *г. Курган.* Союз артелей.

Посылаю «Бродягу».

<К письму приложен листок с машинописным текстом стихотворения «Бродяга».>

Бродяга

И мать была... и был отец...
Теперь их нет... они в могиле.
Я долго плакал — наконец
Мои мне силы изменили...
Упал я духом, я ослаб.
Нашлись друзья — меня жалели
И стал я их послушный раб
Со мной творили, что хотели.
Я с ними шел в кабак, в трактир,
Веселья в водке мы искали.
И я узнал тот грязный мир,
Где честь и правда погибали.
Где властно царствовал разврат,
Бесцельно тратилися силы,
Откуда труден был возврат,
Как к новой жизни из могилы.
Мне было больно вспоминать
В часы безумства и разгула
Отца умершего и мать
И в жизнь иную потянуло
С какой-то силой вдруг меня,
И совесть чуткая проснулась
В душе упреками звеня,
И мысль невольно ужаснулась,
Но был я этой мысли рад.
И я решил неотменимо,
Чтоб позабыть тот гнусный ад
Уйти — оставить край родимый
...Ушел, и вот я много лет
По свету вольному скитаюсь.

Искал я правды — правды нет.
Повсюду зло царит и зависть.
Знаком я с тюрьмами, с тайгой,
В горах скрывался недоступных,
Бывал в немилости людской,
Немало дел видал преступных.
Мне страшно жить среди людей
Среди бесцельного страданья.
Мне звери кажутся милей —
В них больше чувств и состраданья.
И я опять уйду туда
От этой жизни бестолковой
Дожить последние года
Под сень тайги многовековой.
Я там умру, найду приют.
Там человек меня не тронет.
Там птицы песню мне споют,
Бураны зимние схоронят...
Ив. Малютин.

<Ниже приписано чернилами: «Напечатано в «Алт. кр-не».>

[1] РО ИРЛИ, ф. 266, оп. 2, ед. хр. 210, л. 1—3.

12. Письмо И. П. Малютина[1]

<1914 г.>

Многоуважаемый Федор Дмитриевич!

Вы, вероятно, уже меня совсем позабыли — но оказывается еще «курилка» жив, пишу кое-где понемножку. Но не писательские мотивы вынудили меня писать сейчас Вам — нет, я махнул рукой на свои писанья, а вынудило меня то, что мне страшно захотелось узнать о Вашем здоровье, делах и пр.

С самой весны я собирался писать Вам, но все боялся — не смел. А теперь вот закрытие «Русс. Богат.»[2] меня поразило как громом, и я не утерпел, пишу...

В августе месяце меня выбрали в О-во попечения о начальном образов. в г. Барнауле для приведения в надлежащий порядок 3-х библиотек этого О-ва в качестве инструктора по библиотечному делу, и теперь я роюсь в разных библиографических справочниках и журналах, напр. «Библиотекаре», «Бюллетенях Л-ры и жизни» и др., пополняя библиотеку новыми книгами, я беру на себя огромную моральную ответственность, чтобы не допустить какой-либо плохой книги. Поэтому предстоит немало кропотливого труда при справках и перечитывании разн. рецензий. Но я это дело страстно люблю, люблю просматривать новенькие каталоги и читать отзывы о книгах. Между

прочим, читал отзыв о Вашей новой книге рассказов, в «Ежемесячном журнале». Я многих членов нашей библиотечной комиссии — которая мне помогает в работе — познакомил с Вашими писаниями чрез «Русс. Богатство», напр. всем очень нравится «Офицерша»[3] и «Мать».[4] Ваши р<ассказ>ы постановлено выписать во все три библиотеки.

Я хотя и сказал выше, что махнул рукой на свои писанья, но у меня есть, как говорится, в портфеле рассказов пять, которые отлеживаются по-гоголев<с>ки и понемногу исправляются, когда будет что-либо напечатано, пошлю немедленно Вам.

Жалованье мне пока назначили 50 р. в месяц, все же остальные члены работают бесплатно. Это дало мне возможность оставить Союз Сибир. Масл. Артелей пока до улучшения в нем порядков, о чем будет речь впереди.

Итак, прошу у Вас благословения на новое дело, и если, дорогой Федор Дмитриевич, подвернется под руку какой-либо новый каталог о хороших книгах и будет минутка, то пошлите мне или сообщите тому издательству мой адрес, буду искренне Вам благодарен.

А теперь скажу несколько слов о Союзе Сиб. Масл. Артелей.[5] Я думаю, что судя по его отчетам и «Народной газете», которая издается на крестьянские деньги для особенных целей, чтобы успокаивать артельщиков ложными отчетами и т. д., то по этим сведениям, вероятно, думают, что дела этого Союза блестящи. Но если заглянуть в его нутро, если присмотреться поближе к его заправилам, к самому основателю Союза, бывшему маслозаводчику А. Н. Балакшину,[6] к его сыну, А. А. Балакшину (теперь директору) и к А. И. Грудзинскому (бывшему волостному писарю) и т. д., и т. д., в руках которых находится верховная власть Союза, то получится несколько иная картина. (Я мог бы несколько подробнее охарактеризовать вышеупомянутых лиц, если бы знал, что это будет для Вас интересно.)

Даже мне, прослужившему в Союзе 5 лет с самого его возникновения и знающего до последних его дней существования, с трудом верится, что все в нем не так, как сами они о себе пишут в «Народной газете» и показывают в своих отчетах. Удивительные престидижитаторы. Я давно собирался кое-что написать по этому поводу А. В. Пешехонову, но так и не собрался, мне хотелось хоть отчасти предупредить его от ложного взгляда на чрезвычайно идеализированное состояние Союза такими кооператорами как Н. В. Чайковский[7] и т. д., которые писали о Союзных делах по Союзным отчетам и со слов членов Правления Союза. А это только одна сторона медали.

Но мои опасения, к счастью, были напрасными, кажется, ничего в «Русс. Богат.» не появлялось такого. А в «Заветах» № 6 1914 г. даже немножко ругнули А. А. Балакшина, за известное направление.

Если бы не те дефекты, какие присущи настоящему Правлению Союза (явная узурпация и беззастенчивое, наглое скрывание всякой правды, которую видят сами мужики своими глазами и т. д.), если бы

не все это, то вся Сибирь давно бы объединилась в одну целую организацию. Но этот Союз не дает того, что мог бы он дать. Он умышленно задерживает свое умственное развитие — боится света. Нет ни в одном отделении (из 11-ти) ни одной библиотеки для служащих и артельщиков.

Впрочем, есть у них в Кургане при «Народн. Газете» книжный склад, и даже пишут в «Народн. Газете», какие имеются книги с отзывами Рубакина и т. д., но как это все далеко от жизни, потому что тех, кто читает, да узнает все, тех-то они и изгоняют из союза... Тяжела-печальна и позорна повесть этого Союза, но никто ее не узнает по «Народной Газете» и Союзным отчетам. Следует заглянуть в другие. Хотя бы в «Алтайский Крестьянин».[8]

Я сам лично не имею ничего против Союза, т. е. тех кооперативных начал, которые положены в его основу. Но я возмущаюсь профанацией этих принципов, того святого зародыша, который должен бы сделать всех людей братьями и т. д. Я возмущаюсь тем, что мужики-то начали понимать значение кооперации, и, как бабочки на огонь, летят в Союз и обжигаются, и в бессилии и возмущении летят обратно с обожженными крыльями, и опять попадают к экспортерам. Но скажут те, которые остались в Союзе, почему не выходят из него все, почему остаются в нем? Да потому, почему остаются мухи на сладком липком листе бумаги — и рады бы, да ноги завязли, должны Союзу — хотя в сущности-то и не должны, но такой вексель дали, что должны, и вексель этот заложен в Банк «Сибирский», конечно (другие банки таких векселей не берут), и таких векселей на сотни тысяч в одном отделении, да в другом тоже и т. д.

Я помню, как хорошо начато было это Союзное дело, как в конторе Союза всякому артельщику, состоящему членом Союза, объясняли значение Союза, его задачи и его будущее, светлое идеальное будущее, особенно старался в этом отношении А. Н. Балакшин, основатель Союза. И мы, работники Союза, заряжались энтузиазмом основателя, считая его чуть ли не Робертом Оуэном,[9] работали безо всяких определенных часов, с раннего утра до позднего вечера, не исключая никаких праздников.

Я помню, как в 1909 г., с утра до вечера работали Троицу и Духов день, только счеты гремели, а на дворе распускались березы, и было благорастворение воздухов. Но никто не роптал, у всех, точно у верблюдов, идущих через пустыню, был подвешен клочок сена. <...>

Характерна картинка объяснения завед. Барнаул. о<тделе>ния Союза со мной. Дело было так:

25 марта 1914 г. заведующий Барнаульск. отделения Союза Сиб. Масл. Арт., Андрей Филипп<ович> Меринов,[10] призывает меня к себе в контору и говорит:

— Знаете что?

— Нет, не знаю, а что?

— Мы с вами должны расстаться?

— Как это так, почему?

— Да так, знаете ли... Ну, да сами знаете...

— Разве я что-нибудь неладно наделал?

— Да нет, Боже сохрани, дело не в этом...

— Ну, так в чем же, говорите скорее.

— А в том, что много разговариваете с мужиками, да и вообще, много видите и слышите.

— Ну, я этого никак не ожидал, Андрей Филиппович, неужели вам нужны такие люди для союза, которые ничего не видят, не слышат и не говорят?

— Ну да, вот мы таких и подбираем!

После тако<го> объяснения мне только пришлось раскланяться и пожелать ему успеха...

Ну, пока будьте здоровы. Крепко жму Вашу руку. Искренне уважающий Вас,

Ив. Петр. Малютин.

Адрес мой г. Барнаул Том. губ. Пушкинская ул. 53.

Ив. Петр. Малютин.

P. S. Большой привет Вашей семье! А. В. Пешехонову и проч.

---

[1] РО ИРЛИ, ф. 266, оп. 3, ед. хр. 447, л. 1—3.

[2] В марте 1911 г. состоялся суд над А. В. Пешехоновым и В. А. Мякотиным, они получили по полтора года крепости и надолго выбыли из редакционной работы. С сентября 1914 г. до марта 1917 г., в связи с очередным запретом, журнал назывался «Русские записки».

[3] Опубликовано: Русское богатство. 1912. № 4, 5.

[4] Опубликовано: Там же. 1910. № 12.

[5] Союз сибирских маслодельных артелей (ССМА) — крупнейшее кооперативное объединение в дооктябрьской России. Союз учрежден в Кургане в ноябре 1907 г. на собрании уполномоченных 12 артелей первоначально для совместного приобретения продуктов питания, сельскохозяйственных орудий и получения ссуд. Основной деятельностью стал сбыт масла. Союз занимался также снабжением маслоартелей инвентарем и оборудованием для переработки молока. В 1910 г. в составе Союза насчитывалась 181 артель (14% всех маслодельных кооперативов), в 1913 г. — 563 артели (29%). В условиях жесткой конкуренции с частным капиталом и ограниченности внутреннего рынка ССМА сориентировался на экспорт масла в европейские страны, что потребовало концентрации значительных финансовых и материальных ресурсов, создания сети зарубежных представительств. В 1912 г. ССМА открыл контору в Берлине, в 1913 г. совместно с английскими предпринимателями образовал акционерное общество на паях «Союз сибирских кооперативных товариществ» («Юнион»). В дальнейшем число представительств ССМА достигло 16. Они располагались в Западной Европе, Китае, а также во всех крупных городах и торговых пунктах Западной Сибири.

[6] *Балакшин Александр Николаевич* (1844—1921) — купец, промышленный деятель, гласный Курганской городской думы. В 1907 г. по инициативе и при его непосредственном участии был создан ССМА, где он занимал должность директора. К 1913 г. оборот достиг 14 миллионов рублей. Из этой суммы 9 миллионов падало

на сбыт сибирского масла за границу, более 500 тысяч рублей на заготовку для артелей припасов и материалов для маслоделия и более 4 260 000 рублей на потребительские товары для лавок. В начале мая 1913 г. предприниматель отказался от поста директора ССМА и перешел на работу представителем этой организации в Лондоне — акционерного общества «Юнион», а его место занял сын — Андрей.

[7] *Чайковский Николай Васильевич* (1850—1926) — с 1869 г. член революционного народнического кружка, который вошел в историю как «кружок чайковцев». Подвергался арестам. В 1874 г. эмигрировал. В 1890-х гг. — один из основателей «Фонда Вольной русской прессы», с начала 1900-х гг. — член Аграрной Социалистической лиги, с 1904 г. — эсер. В 1907 г. вернулся в Россию, арестован, около года содержался в Петропавловской крепости, порвал с эсерами, от политической деятельности отошел. Активно участвовал в российском кооперативном движении, в разработке кооперативного законодательства. На I Всероссийском съезде по делам мелкого кредита и сельскохозяйственной кооперации (Петербург, 1912) был избран товарищем председателя комиссии по доработке проекта закона о кооперации под названием Положения о кооперативных товариществах и их союзах. В 1913 г. Чайковский посетил Урал, где обследовал состояние и деятельность нескольких артелей и кооперативов. Результатом исследования им кооперативного маслоделия в Западной Сибири явился научный труд «Союз сибирских маслодельных артелей», изданный в Петербурге в 1914 г. Его автор большое внимание уделил не только артелям, но и потребительским лавкам при маслодельных заводах. В частности, он писал, что, вступая в артель, ее член давал обязательство покупать все нужные товары для себя и своей семьи в артельной лавке (за исключением базарных дней) под угрозой иначе быть оштрафованным. Паев в артельных лавках не было, но паевой капитал у лавки имелся: он создавался за счет отчислений из прибылей на забор товаров.

[8] *«Алтайский крестьянин» — журнал-газета;* издавалась с 1912 по 1918 г. Редактор — М. О. Курский, первый заведующий барнаульским Народным домом, активный член Общества попечения о начальном образовании и любителей исследования Алтая. С 1912 г. издание выпускалось местным союзом кредитных и ссудосберегательных товариществ, а с 1917 г. — кооперативным союзом Алтайского края. Основные темы публикаций касались широкого спектра вопросов по сельскохозяйственной деятельности, печатались статьи по общественно-экономической тематике.

[9] *Роберт Оуэн* (1771—1858) — английский философ, социальный реформатор, основатель утопического социализма и кооперативного движения. Он стремился улучшить условия труда на фабриках, пропагандировал экспериментальные социалистические сообщества и стремился к коллективному подходу к воспитанию детей, включая государственный контроль за образованием.

[10] *Меринов Андрей Филиппович* (ок. 1885 — после 1933) — с 1916 г. председатель Алтайского союза кооперативов.

13. Письмо Н. П. Морозова[1]

<Б. д.>

Многоуважаемый Федор Дмитриевич,

Обращаюсь к Вам с маленькой просьбой, исполнить которую, я надеюсь, вы не откажете. Не будете ли добры прислать мне вашу фотографию по указанному ниже адресу.

Фотография нужна мне не для какой-либо печатной работы.

Я хотел бы иметь портрет писателя в высшей степени дорогого и симпатичного.

Буду Вам очень благодарен.

Примите уверение в совершенном уважении.

Морозов.

Адрес г. Богородск Моск. Губ.

Рогожская улица.

Дом И. О. Титова № 136

Николая Петровичу *Морозову*

---

[1] РО ИРЛИ, ф. 266, оп. 3, ед. хр. 286, л. 1. Сведений о Н. П. Морозове найти не удалось.

14. Письмо В. А. Мякотина[1]

14/II- 912.

Дорогой Федор Дмитриевич,

Представьте, на этот раз я долго думал — писать или не писать Вам. Но вот сейчас получил письмо от жены[2] и в нем читаю: «“Сеть мирская”[3] это такая прелесть, простота, искренность и так тепло». То же чувство и у меня. Читая Ваш рассказ, я видел милый Киев, Подол и Лавру, и Днепр, видел и героев Ваших, монаха и его старушку-мать, и богомольцев, и вагонных спутников. И так близки стали душе эти люди, так внятны картины природы, такая светлая и вместе щемящая сердце грусть охватила, что захотелось написать Вам и поблагодарить за наслаждение этой грустью. Но потом подумалось: что Вам в моем впечатлении? А теперь опять передумал и думаю, отчего же Вам не узнать, что кроме многих неизвестных (о числе которых может дать справку контора Р. Богатства) Вы дали испытать радость и двум известным Вам людям. Вот и пишу Вам об этом.

Крепко жму Вашу руку.

Ваш В. Мякотин.

---

[1] РО ИРЛИ, ф. 266, оп. 3, ед. хр. 448, л. 1. *Мякотин Венедикт Александрович* (1867—1937) — историк, писатель и общественный деятель, сотрудник Энциклопедического словаря Брокгауза и Эфрона, глава Трудовой народно-социалистической партии. Сотрудничал в журнале «Русское богатство» (с 1893 г.), член редколлегии (с 1904 г.). Здесь Мякотин поместил ряд исторических и публицистических статей, а в 1900—1904 гг. вел «Хронику внутренней жизни». В 1906—1911 гг. печатал в этом журнале и временно заменивших его «Современных записках» публицистические статьи под общим заглавием «Наброски современности». В 1906 г. участвовал в организации народно-социалистической партии. В 1911 г. был приго-

ворен за брошюру «Надо ли идти в Государственную думу?» (Русское богатство. 1906. № 1) к годичному заключению в Двинской крепости, где находился вместе с А. В. Пешехоновым. Освобожден в 1912 г. В 1912—1915 гг. печатал в «Русском богатстве» и «Русских записках» «Очерки социальной истории Малороссии».

[2] *Мякотина Анна Евгеньевна* (урожд. *Феодосьева*).

[3] Рассказ Крюкова «Сеть мирская» был опубликован в журнале «Русское богатство» (1912. № 1).

15. Письмо В. А. Мякотина[1]

15/V 912.

Дорогой Федор Дмитриевич,

Большое спасибо Вам за письмо. Поздно собрался я отвечать Вам, но Вы ведь знаете о досадной случайности, надолго лишившей меня возможности писать. И теперь, чувствуя, что мое письмо захватит Вас уже на озере, я пишу не с тем, чтобы говорить о питерских делах, а только чтобы сказать, что мы оба пребываем благополучно, и пожелать Вам хорошего лета, удачного путешествия и богатого улова лиц и сюжетов. Крепко обнимаю Вас.

Ваш В. Мякотин.

---

[1] РО ИРЛИ, ф. 266, оп. 3, ед. хр. 448, л. 3.

16. Письмо В. А. Мякотина[1]

«Русское Богатство»
С.-Петербург
Баскова ул., 9. Телеф. 20—83.

9/VII 1913 г.

Дорогой Федор Дмитриевич,

Пишу Вам, можно сказать, на озере — 14-го собираюсь уезжать отсюда. И то сказать, пожил в степи, попил кумыса, — пора и восвояси, а то, пожалуй, обопьешься. Нынче, правда, степь была не чересчур благосклонна к кумысникам. Настоящей степной погоды — сухой жар днем и прохлада ночью — до сих пор было мало, зато много было дождей, гроз, даже холодов: но, как бы то ни было, я кумысом обпился — больше 300 бут. выпил, здоровьем, кажись, запасся и удираю. Пойду, вероятно? Волгой, т<ак> ч<то> 21-го буду дома, а 22 смогу быть на понедельнике.

Думал я было привезти с собою историческую статью на август (что сдается? о Ник. Фед.[2] у меня сорвалось здесь, — я писал ведь Ал. В-чу[88]), но как буду в лучшем случае привезу только начало. Ну, там

видно будет: если места в августе много, я допишу ее к 25-му на Северской, а нет — отложим до сентября. О Ваших планах и расчетах пока не спрашиваю, т. к. недавно узнаю об них только при свидании, теперь, к счастью, уже недалеком. В ожидании его крепко жму Вам руку и шлю привет Ал. В-чу.

Ваш В. Мякотин.

---

[1] РО ИРЛИ, ф. 266, оп. 3, ед. хр. 448, л. 4.

[2] Н. Ф. Анненский.

[3] А. В. Пешехонов.

17. Письмо В. А. Мякотина[1]

Русское Богатство
С.-Петербург.
Баскова ул., 9. Телеф. 20—83.

10/12 1913 г.

Дорогой Федор Дмитриевич,

Вы сетуете, что я Вам не пишу. Вполне признаю свою вину, но есть у меня маленькое извинение. Перед самым переездом в город, когда я свалил с плеч статью и планировал несколько дней быть посвободнее, меня подцепил бронхит и свободные-то дни я прохворал. На мое счастье, бронхит оказался не очень злым и скоро меня отпустил.

Теперь вот сажусь писать Вам, но больших новостей не сообщу. А. Г., как Вы знаете, приехал и уже впрягся в лямку.[2] Выглядит он не очень хорошо, но на здоровье не жалуется: «все-таки ем», — говорит. Давал он мне читать рассказ Скитальца,[3] — и он, и я решили, что никуда сей рассказ не годен. Давал еще посмотреть рассказ Абрамовича (автора «В придун. городке»),[4] — так что-то слабо теплится в нем. Среди хороших вещей можно бы еще, пожалуй, напечатать, но хороших-то вещей нет. И будет этот рассказ ждать Вашего приезда.

В нашем отделе нас огорчил Белоруссов.[5] Прислал статью на октябрь слабую-преслабую, да еще совпадающую и по теме, и по материалу со статьей Сталинского,[6] помещенной в сентябре. А вот что любопытно: прислал нам статью Туган[7] против Струве[8] и пишет, что чувствует себя все ближе к Р. Б.

Как времена-то меняются! Давно ли Туган и Струве вместе громили «Р. Б.», а теперь вот какой, с божьей помощью, поворот.

Еще одно неожиданное известие: Миролюбов[9] получил свой залог обратно и принес нам всю 1000 р. Вы не краснеете?

Это приход, а теперь о расходе. Ал. Вас.[10] предлагает внести от Р. Б. пожертвование в фонд Р. Вед-тей. Принципиальных возражений у нас

не возникало и вопрос в сумме. Ал. Вас. считает минимум... от 100 р. Н. С.[11] и я полагаем, что этой суммы и предостаточно. Как Ваше мнение?

Крепко жму Вашу руку. Анна Евг.[12] шлет Вам привет.

Ваш В. Мякотин.

---

[1] РО ИРЛИ, ф. 266, оп. 3, ед. хр. 448, л. 5.

[2] А. Г. Горнфельд.

[3] *Скиталец* — псевдоним писателя *Степана Гавриловича Петрова* (1869—1941). Речь, вероятно, идет о его рассказе «Метеор», напечатанном в «Русском богатстве» (1913, № 1—2). В том же году отдельным изданием вышла книга: *Скиталец*. Избранные рассказы. СПб: изд. ред. журнала «Пробуждение», 1913.

[4] *Абрамович Николай Яковлевич* (1881—1922) — литературный критик, прозаик, поэт и публицист. Его рассказ «В придунайском городке» был напечатан в «Русском богатстве» (1913. № 8).

[5] *Белоруссов* — псевдоним. Настоящая фамилия — *Белевский Алексей Степанович* (1859—1919), писатель, журналист, публицист. В своих статьях высказывал взгляды, представлявшие смесь народнических и полумарксистских идей. В 1896 г. был арестован по делу *Лахтинской типографии* и после отбытия тюремного заключения выслан в Восточную Сибирь на 8 лет. Из ссылки Белоруссов эмигрировал за границу и поселился в Париже. Впоследствии он стал видным сотрудником кадетских «Русских ведомостей».

[6] *Сталинский Евгений Степанович* (1837—1912) — журналист и переводчик. С 1872 по 1877 г. редактировал газету «Кавказ»; с 1877 г. состоял редактором и издателем газеты «Харьков»; в 1882—1883 гг. издавал в Москве еженедельный художественно-литературный журнал «Москва». Отдельно напечатал: «Кольцов и Серебрянский» (Воронеж, 1868); «Барсова кожа: грузинская поэма Шота Руставели» (Тифлис, 1888); «Бродячие идеи и граф Толстой» (М., 1892). В «Русском богатстве» были напечатаны его статьи «Кризис французской демократии» (1912. № 6) и «Аграрный вопрос в современном социализме» (1913. № 12).

[7] *Туган-Барановский Михаил Иванович* (1865—1919) — экономист, социолог, историк, видный представитель «легального марксизма», приват-доцент Санкт-Петербургского университета; преподавал в нем с перерывом с 1895 до 1913 г. (за участие в манифестации в марте 1901 г. ему было запрещено несколько лет находиться в Санкт-Петербурге). Также он был профессором на Высших женских курсах (1906—1917) и читал лекции в Санкт-Петербургском политехническом институте (1907—1914). В 1897—1899 гг. вместе с П. Б. Струве редактировал журналы социал-демократического направления «Новое слово» и «Начало». А. В. Тыркова-Вильямс, гимназическая подруга жен Туган-Барановского и Струве, писала об их тесном сотрудничестве в 1890-е гг.: «Они были неразлучны, вместе давали битвы в полузакрытых собраниях Императорского Вольного экономического общества, где со времен Екатерины II баре, чаще всего помещики, обсуждали вопросы русского хозяйства, где сто лет спустя после образования общества зашумела новая городская интеллигенция. Эти два Аякса марксизма вместе составляли программы и манифесты, явные и тайные, вместе затевали и губили журналы, вместе шли приступом на народников, вели бесконечную полемику с Михайловским, яростно нападали на другого, менее зубастого народника, на В. В. Воронцова, писавшего в “Русском богатстве” довольно невинные, но расходившиеся с Марксом рассуждения об общине и о крестьянском землевладении» (*Тыркова-Вильямс А. В.* На путях к свободе. М.: Московская школа политических исследований, 2007. С. 54—55).

[8] *Струве Петр Бернгардович* (1870—1844) — общественный и политический деятель, экономист, историк, социолог, философ, теоретик «легального марксизма», один из лидеров кадетов, редактор журналов «Освобождение» и «Русская мысль», участник сборника «Вехи».

[9] *Миролюбов Виктор Сергеевич* (1860—1939) — журналист, редактор, издатель «Журнала для всех». После его закрытия пытался издавать журналы «Трудовой путь», «Наш журнал», но в связи с возбуждением против него уголовного преследования эмигрировал в Европу. Здесь был привлечен М. Горьким к редакции «Сборников товарищества “Знание”», заведовал литературным отделом журнала «Заветы», вместе с А. В. Амфитеатровым редактировал журнал «Современник». Возвратившись после амнистии в связи с 300-летием Дома Романовых в Петербург, некоторое время был редактором издававшегося В. А. Поссе журнала «Жизнь для всех» (1913), в 1914—1915 гг. — «Ежемесячного журнала литературы, науки и общественной жизни». До революции был товарищем председателя Общества редакторов петроградских журналов.

[10] А. В. Пешехонов.

[11] Н. С. Русанов.

[12] Анна Евгеньевна Мякотина. См. примеч. 2 к п. 14.

18. Письмо А. В. Пешехонова[1]

1912 г. мая 16

Доверенность

Дорогой Федор Дмитриевич!

Прошу Вас принять на предстоящее лето в свое заведывание моего сына, Бориса Алексеевича Пешехонова, и пользоваться по отношении к нему всеми моими родительскими правами, как прирожденными, так и благоприобретенными, а именно: требовать от него быстрого ума, доброго сердца и деяний, достойных его возраста и звания; если же он их не окажет в надлежащим случае, то взирать на него грозно (так, чтобы душа у него в пятки уходила), а равно объявлять ему предостережения, замечания и выговоры, как в совместных письма<х> к нам, так и без оного;

подвергать его простому и строгому аресту, на срок, какой Вашему чину присвоен; (далее зачеркнутая строка. — *А. Д.*), вообще пользоваться всеми правами, какие полагаются при усиленной охране, вплоть до высылки находящихся у Вас под надзором в столицу или в Двинск. Если признаете это нужным, то предоставленные Вам права можете передоверить другим лицам. Всему, что по сей доверенности законно учинить, верю, спорить и прекословить не буду. Доверенность сия принадлежит статскому советнику (лишенному кое-каких прав) и великому писателю Земли Донской, Федору Дмитриевичу Крюкову.

Алексей Васильевич Пешехонов

16 мая 1912 года. Доверенность сия явлена в камере моей № 8, находящейся в Двинской крепости-складе, лично мне известным Алек-

сеем Васильевичем Пешехоновым с удостоверением, что она им собственноручно подписана. Нотариус Двинской Крепости

В. Мякотин.

---

[1] РО ИРЛИ, ф. 266, оп. 3, ед. хр. 449, л. 1—2. *Пешехонов Алексей Васильевич* (1867—1933) — экономист-народник из земских статистиков, постоянный автор, а с 1904 г. литературный пайщик и член редакции «Русского богатства». В 1922 г. был выслан большевиками из России.

19. Письмо А. В. Пешехонова[1]

6/VI 12 г.

Дорогой Федор Дмитриевич!

Всегда я Вам говорил, что вы не умный человек, а теперь мне еще больше хочется Вас бранить. Зачем Вы обо мне даже в Двинске понаписали, да еще с такими насмешками. Погодите, покажитесь только нам, уж я Вам задам!

Ну, а все-таки Вы хороший, я думаю, Борьке с Вами хорошо, да только Вам уж очень много заботиться приходится о нем.

Мы теперь иногда собираем у Короленко, т. е. Кор., Мокиевский[2] и я — вся богатсткая публика уехала, а кто остался, с тем неинтересно проводить время. Все время сегодня меня преследует мысль, что Вы учитель русского языка и очень внимательно относитесь к стилю и орфографии, а у меня как раз не письменное настроение, может быть, всему виной поздний час — уже почти можно обходиться без лампы, а м. б. немалую роль играет, что казак ко всему, не связанному непосредственно с его домом, относится бесстрастно, и значит толковать с Вами о том, что меня теперь интересует, значит отнимать у Вас дражайшее время. Ну, а Вы напишете мне о том, что скоро ли Вы начнете свое путешествие и не надоел ли Вам Борис и каков он теперь, да вообще, пишите обо всем, мне так нравится Ваше письмо!

Конец Вашей «Офицерши»[3] мне гораздо больше нравится, чем начало. А только все-таки лучше Вам не писать статей по гинекологии.

Мы свою докторшу из ваших казачек прозвали офицершей; она сначала не одобряла это название, а потом примирилась. Видите, какие Вы слова пускаете в обиход!

До свидания, дорогой Федор Дмитриевич. Крепко жму Ваши руки и с самыми хорошими чувствами вспоминаю Вас.

Ваш А. Пешехонов.

Бориску поцелуйте за меня крепко-крепко и скажите ему, что меня очень интересует узнать от него, как он живет, как понравились ему Ваши истории (?). Мой сердечный привет Мар. Дм.[4] и поцелуй Петеру.[5]

Посылку для Бориса высылать нет денег.

[1] РО ИРЛИ, ф. 266, оп. 3, ед. хр. 449, л. 3—4.

[2] *Мокиевский Павел Васильевич* (1856—1928) — врач, писатель, социолог; работал заведующим отделом философии журнала «Русское богатство». В этом журнале напечатаны его статьи: «Эволюционная патология» (1892), «Вундт о гипнотизме и внушении» (1893), «Добро Владимира Соловьева» (1897), «В борьбе со смертью» (1900), «Герберт Спенсер» (1903), «Н. К. Михайловский и западная наука» (1904), «Монистическая философия Эрнста Геккеля» (1906), «К вопросу о крестьянстве, как общественной категории» (1906), «Счастливая книга несчастного автора» (1908), «Философия Анри Бергсона» (1909), «Прагматизм в философии» (1910). Отдельным изданием редакция журнала «Русское богатство» выпустила его книгу «Ценность жизни» (1894).

[3] Опубликовано: Русское богатство. 1912. № 4, 5.

[4] *Крюкова Мария Дмитриевна* (после 1882—?) — сестра писателя.

[5] Петер (Петр) — приемный сын Федора Дмитриевича. После его смерти отступил с белоказаками, был эвакуирован из Крыма в Турцию, но жизнь его на чужбине не сложилась. Казакоман, поэт, журналист и издатель, он всегда тосковал по родине, умер в эмиграции.

20. Письмо А. В. Пешехонова[1]

11/X 12 Двинск-крепость

Дорогой Федор Дмитриевич!

Ваше последнее письмо мне пришлось дважды процитировать. Был даже соблазн без кавычек кое-что оттуда взять, за свое выдать. Но совесть загрызла, да и боязно: а вдруг уличат. Очень уж хорошо Вы это описали: «как усядется по <нрзб> на дне этой самой <нрзб> нирваны, так мудрено шевельнуть рукой, ногой, головой, носом»... Как раз к нашему месту подходит. Не в пример лучше, чем к Вашему... Вы, вот, очерк в 2-х частях написали, фельетонов столько настрочили, в поездке были. А я два месяца ничем не шевелю... Ну и подлец же наш брат писатель! Жалуемся: некогда все, <нрзб> мысли разбивают И мечтает: вот кабы спокойное времечко выдалось, чтоб сосредоточиться можно было, то-то бы написал. А пошлет ему Господь-Бог укромное местечко... И он, мятежный, жаждет бури, как будто в буре есть покой (немножко переврал, но не беда). А дело просто: все лень. В этом я давно убедился, — что не мешает мне вновь и вновь проверять свое убеждение. Для писателя, хотя и плохонького, нужно нервное напряжение. От него и отлениваешь. Писать нужно, — и вот я начинаю готовиться: надо со свежими силами начинать, выспаться нужно хорошенько. Ну и завалишься спать пораньше, да еще днем уснешь. Нервное напряжение-то и не приходит. Сколько раз замечал: помешают выспаться, — и начнешь. А. Ф.[2] хорошо уж это знает. Иной раз даже предлагает: да ты на Бориса рассердись, — вот настроение и явится. И верно: если рассердишься на кого, это помогает.

Хотя бы Вы такого подлеца-писателя изобразили. Натура у Вас под рукой, — с себя писать можете. Как это Вы летом-то — а? Пойдете фельетон писать, а через полчаса появляетесь: «Ну-ка, Борис, в шахматы двинем, что ли?» А фельетон так и ждет. Право, изобразите-ка подлеца этого-самого. Не дурная ведь, бытовая картина получится, если даже в психологию и не проникать. Но кто знает? А может быть, нашему писательскому самосознанию и поможете...

А «Русскому богатству» как раз беллетристика нужна. Совсем было в уныние наши теперешние редакторы пришли: нет ничего в портфеле. Октябрь Муйжель[3] выручил. Неважная, говорят, вещь, но все-таки. На ноябрь Тан[4] обещал. А и Крюковы что-то ничего не пишут. Между тем пора бы... В этом году Вы, кажется, дали меньше обычного. А размахивались на большое... Вы тоже все готовитесь: я перед статьей отоспаться стараюсь, а Вы перед беллетристикой деньгами стараетесь запастись, чтобы хватило. Но, может быть не с того конца начинаете.

Не знаю, держит ли Вас кто в курсе наших редакц. дел. Там сейчас орудуют А. Г., А. Б. и П. В.[5] Пишут, что все идет более или менее гладко. И типографию (пришлось переменить ведь) пока одобряют. В. А. в Ялте.*[6] На днях получил, наконец, от него письмо. Пишет, что t° нормальная и даже прибавился на 4 к в весе за неделю. Рассчитывает в начале ноября быть в Питере. Но мне, казалось бы, нужно ему и ноябрь пробыть в Крыму, — очень уж это пакостный месяц в Петербурге. В. Г.[7] только что вернулся с Кавказа в Полтаву. С. Я.[8] сейчас в Питере, но уже борется с повышенной t°. Для октября он дал о Н. Ф.,[9] а дальше имеет в виду целый ряд публицистиче... (письмо не закончено. — *А. Д.*)

---

[1] РО ИРЛИ, ф. 266, оп. 3, ед. хр. 449, л. 5—6.

[2] А. Ф. — неустановленное лицо.

[3] *Муйжель Виктор Васильевич* (1880—1924) — прозаик. Публиковался в журналах «Русское богатство», «Современный мир», «Журнал для всех», «Новое слово», «Солнце России», «Огонек», «Мир Божий», «Правда» и др., в сборниках «Знание», «Вершины» и др. Издания: «Рассказы» (т. 1—4, СПб., 1908—1910), «С железом в руке, с крестом в сердце» (Пг., 1915), «Враги» (Пг., 1916), «В пути» (Пг., 1916). Собрание сочинений (т. 1—11, СПб., 1911—1912). В 1912 г. Муйжель в Печорах Псковской губернии работал над двухтомным романом «Год» и повестями «Дом на площади» и «Учительница». Повесть «Опустошение» (Русское богатство. 1913. № 10) была возвращена автору с требованием радикального сокращения, что чуть было не привело к разрыву Муйжеля с редакцией «Русского богатства» (см.: Русские писатели, 1800—1917: биографический словарь. М.: «Большая российская энциклопедия», Научно-внедренческое предприятие ФИАНИТ, 1999. Т. 4. С. 148 (статья А. А. Носова).

[4] *Тан* — псевдоним. Настоящая фамилия — *Богораз Владимир Германович* (1865—1936) — писатель, этнограф и лингвист. Один из организаторов «Кре-

---

* На всякий случай его адрес: Гимназическая, д. Москвиной, кв. Охрименко.

стьянского союза», в 1906 г. принимал участие в организации «Трудовой группы» в Первой Государственной думе (не будучи депутатом Думы). В это время написал ряд очерков и публицистических произведений народническо-пропагандистского характера.

[5] А. Г. Горнфельд, А. Б. Дерман, П. В. Мокиевский.

[6] В. А. Мякотин.

[7] В. Г. Короленко.

[8] С. Я. Елпатьевский.

[9] О Н. Ф. Анненском.

21. Письмо Л. Я. Полякова[1]

<1913>, авг. 23

Дорогой Федор Дмитриевич.

После бешеной скачки через Испанию с ее грациозными прелестными созданиями, после прелестницы Ниццы, сумбурного Монте-Карло, гордой Генуи, коллонадного Турина, после чаровницы Женевы с ее Монтре, Веве и мрачным Шильоном, после массивно-тюремного, как вагнеровские великаны, Берлина, после 5-ти дневного наслаждения отдыхом в Балычине,[2] наконец, после 2-х дневного пребывания на берегах несравненной и ни с чем несравнимой красавицы Волги, (Н.-Новгороде), я опять водворился на Суворовском, опять за тем столом, за которым и Вы творили, воплощая мысль в балетные строки. Встретил меня Питер хмуро и сердито: осенним дождем, холодом и сыростью. И так стало серо на душе, так обострила свое лезвие мысль о тщетности и бренности всей этой бестолковой житейской сутолоки, что в пору снова бежать за тридевять земель, в тридесятое царство. После такого калейдоскопа впечатлений, красотой колоритности, тончайшей культуры — и вдруг строчишь никому, собственно, не нужных статей. Провались совсем... А, главное, во всей этой белиберде, названной работой во имя каких-то высших общественных интересов, заложен самообман, да и самообман-то не возвышенный, а мелкий, эгоистичный, пляшущий перед Мамоной.

Нет, положительно вредно ездить в чужестранные земли, отдыхать и освобождаться от ярма. Пройдет месяц-другой, и эта мозоль в мозгу перестанет жить со следующего «отпуска раба».

В Балычине прочел «Со зверями».[3] Ну, знаете, бывали у Вас, в «Р. Б.», неудачные вещи, а сие произведение перещеголяло, рекорд побило. Уж больно сердце то у Вас податливое — не будь станичником, поплыла бы рукопись под бандеролькой обратным маршем. Хотя, черт знает, на зверей мода пошла в литературе: в «Сов. М.», в июльской тоже книжке, первый рассказ «Не ровен час» — про медведей,[4] в последнем Лет<учем> Альманахе рассказ Куприна про слона.[5] Очевидно, человечество теряет в глазах современной литературы, достойное и привлекательное.

Мысль о Распопине[6] успешно оседает в моем мозгу, и я уверен, что донские сазаны, чекамасы[7] и чехонь начнет уже трепетать, предчувствуя нашествие такого рыбака, как я. Написал отцу, чтобы мне арендовали озеро «Царица»[8] (в озере у нас без сего ставить сети не разрешается), купили бы лодку-баркас.

Словом, манит наказать голавлей и пожалеть водное население Дона. Смотрите, еще рассказ напишу из рыбьей жизни — то-то и криминально и занятно будет, потому все герои без слов, немы как рыбы. Вы своим письмом положительно раздразнили меня — покупался бы и я в лучах нашего горячего солнышка, послушал бы задумчивый шелест пшеничного колоса (он особенный — прислушайтесь когда-нибудь), налопался бы, что называется, арбузов, да тех, которые известны у нас под именами «красноярские». А Иван Яков., которого я обещал взять с собой, кажется, уже и удочки готовит.

А ведь все-таки странно как-то складывается жизнь — не успел прожить лето, как мечтание о будущем. Может быть, и лучше — легче будет перешагнуть 8 месяцев томительной скуки, серой бестолковой жизни. Может быть, мечтание, конечно, значительно приукрашено и спасает от окончательного погрязания в болото житейское. Словом, все «может быть», а что действительно есть и будет на самом деле — сие, Господи, веси...

В деревне у меня не все удачно — неурожай и придется нашим стрячком поползать. За 5 дней последнего пребывания написал в «Сев.-Зап. Гол.»[9] открытое письмо Земству о надвигающемся голоде, губернатору письмо о стараниях уездной администрации замолчать действительность. Что из этого выйдет — не знаю. Видимо, ничего и репутация беспокойного человека укрепится еще более. Выборы в Думу еще свежи в их памяти, и тот, который шел со мной, понес уже кару. Ну, а меня им придется глотать «ерша с хвоста», боятся подавиться. Стараются теперь взять катанием — в мое отсутствие оштрафовали Яшу на 25 руб. за неразрешенное хранение револьвера, хотя от СПб. Градоначальника есть заверение «Нам СПб. градоначальник не указчик — у нас свое обязательное постановление». Строчу предерзкое письмо губернатору, пусть подавится моими 25 руб.

Будьте здоровы, не забывайте обещание приехать прямо ко мне, иначе ни сундука не получите, ни заграничного подарка.

Обнимаю Вас, привет М. Дм., а Петера поздравляю с началом серьезных <?> занятий.

Любящий Вас Л. Пол.

Завтра постараюсь навести у Геделина справку насчет Вашего единоутробного.

---

[1] РО ИРЛИ, ф. 266, оп. 3, ед. хр. 455. Корреспондент Крюкова, подписавший свое письмо Л. Пол., вероятно, *Поляков Лазарь Яковлевич* (1851—1927) — действи-

тельный статский советник, гражданский инженер. Происходил из дворян Области Войска Донского.

[2] Балычина — возвышенное место в деревне Неглюбка Ветковского района (Гомельская область, Беларусь), между озером и Хутором.

[3] Рассказ А. С. Серафимовича «Со зверями» (Русское богатство. 1913. № 7).

[4] Рассказ Н. М. Матвеева «Не ровен час» (Современный мир. 1913. № 7). *Матвеев Николай Петрович* (1865—1941) — поэт, прозаик, журналист.

[5] Рассказ А. И. Куприна «Слоновая прогулка» (Летучие альманахи. М.: Книгоизд-во «Рубикон», 1913. Вып. V).

[6] Имеется в виду станица Распопинская Усть-Медведицкого округа или, скорее, озеро Распопино.

[7] Чекамас — местное названия речного окуня на Дону.

[8] Вероятно, речь идет не об озере, а о Донской Царице — левом притоке Дона.

[9] «Северо-западный голос» — ежедневная политическая, научно-литературная и общественная газета, выходившая с1905 по 1914 г.

22. Письмо А. П. Попова[1]

7 мая 1915 г.

Многоуважаемый Ф. Д. (имени-отчества Вашего, к сожалению, не знаю). Приношу большую благодарность за Ваше внимательное и доброжелательное письмо, по поводу возвращенного мне редакцией очерка «Жалость. Народная *сатира*». Конечно, я воспользуюсь и Вашими советами, и дозволением еще раз попробовать свои силы в редакции дорогого мне журнала.

Если память Ваша сохранила, хоть в общих чертах, содержание моего очерка, уделите мне, пожалуйста, 10 минут Вашего времени и позвольте объясниться. Вы писали мне, что «сатира должна иметь объектами явления в общественном отношении более значительные, чем мужицкая толстокожесть»... И это меня очень задело, потому что я в очерке совсем не имел в виду обличение народа в тупоголовости, а *совершенно наоборот*. Я озаглавил очерк — «народная сатира» не в смысле: сатира для народа, как у нас пишут народные рассказы для народа, а как литературную обработку подлинного народного повествования... Хотелось отметить зарождающиеся сознательные отношения народа к явлениям для крестьян совсем не незначительным: к всевозможным бестолковым сочувствованиям, слащавым проповедям, поучениям; литературным, религиозным, толстовским (только вчера прочитал воззвание Петроградского родительского кружка к молодежи: использовать каникулы для помощи солдаткам *в страду*! Ведь кто знает условия крестьянской страды, тот поймет значение *помощи* молодежи, «с попутной записью песен и сказаний»). И в наше ужасное время народу приходится на каждом шагу встречаться с назойливыми сочувственниками, сделавшими из сочувствия забаву и спорт.

Если б мне удалось выразить свою мысль в более совершенной форме, может быть, мой очерк имел бы некоторое литературное значение... И я не «мудрствовал лукаво», как Вы заметили. Я пользовался материалами, взятыми из современных народных бесед, рассказов, разговоров, в будничной обстановке, между собой и по душам. Три раза переписал я свой очерк, воздерживаясь от посылки в журнал целый год и проверяя каждое предложение, работая над взятым мною слогом, примитивно-грубоватой, наивно-прямолинейной (поэтому, конечно, с подчеркиванием, с точками над и, но едва ли с утрировкой) народной *сатиры,* как сумел подметить ее в современной народной речи. И язык очерка не народный разговорный язык, а именно повествовательный, язык народных рассказчиков, кстати, мастеров своего дела.

Если б я, как хотел сначала, сопроводил свой очерк пояснениями, думается мне, уважаемая редакция, несмотря на несовершенство очерка, уделила бы моей работе уголок, хотя бы в летних книжках журнала, так как, конечно, и редакцию интересует, и дорога ей каждая искра, малейший проблеск сознательности в духовной жизни народа.

Дорогой учитель Владимир Галактионович, в тех случаях, когда труд маленького писателя оказывался не совсем безнадежным, часто предлагал свою помощь и, каюсь, я лично бессовестно пользовался такой помощью большого человека. И от лица многих литературных чернорабочих обращаюсь к членам редакции бывшего Русс. Бог. с искренней просьбой в требуемых случаях не стесняться исправлением получаемых очерков и др. работ. Без такой помощи нам, затерянным в беспросветной глуши, не прожить. Мы не только не обижаемся, как и самыми огорчительными письмами, но очень ценим всякое участие.

Искренно преданный А. П. Попов

Шумовка. Симб. г.

---

[1] РО ИРЛИ, ф. 266, оп. 3, ед. хр. 450, л. 1—2.

23. Письмо П. Г. Саломатина[1]

<19 13/2 13 г.>

Многоуважаемый Федор Дмитриевич!

Я мог получить Ваше любезное письмо только три дня назад... «Добрые слова — лучше мягкого пирога», — всякая досада на вторичную неудачу в «Русск. Бог.» Балабана испаряется от Вашего письма. Я, впрочем, и не хотел «без драки попасть в большие забияки»,[2] с меня уже достаточно и того, что глубоко уважаемая мной редакция «Русск. Бог.» терпеливо и внимательно отнеслась к первому моему опыту.

Я сам не закрываю глаз на свои недочеты в своих литературн. занятиях и пока прихожу к заключению, что я был пригоден как публицист, — в этой области я уже дебютировал в «Шк. и Жизни», «Своб. Воспит.», «Семейн. Воспит.», «Народн. Учителе» — педагог и, пожалуй, рецензент о книгах — «Вестн. Воспит.». Педагогика мне знакома по моей профессии и глубоко меня интересует, и вышеупомянутые редакции очень лестно отзывались о моих статьях. За публицистику я и уволен с должности народного учителя — № 40 «Шк. и Ж.» 1911 г. «Донской», «Народный учитель и священник», — сдан в солдаты без предварительной отставки и до сего дня не могу получить прочного заработка и мн. др., — за литературный блуд меня уволили без права поступить в школы Тульской губ., а потом оказалось, и по всей России, ибо обо мне не дают удовлетвор. отзыва с места моей прежней службы, — поэтому мне ничего не остается как грешить прежним грехом. Возможно, я овладею и беллетристикой, но для этого нужно время, спокойная работа и. и... обеспеченное положение, а мне приходится благодарить своих гонителей, хоть жену еще держат на должности учительницы. Сжатые картинки с натуры мне удаются, а о большой литературе «мы лучше помолчим» пока. «Балабан» был написан поспешно, в промежутке между большой работой по борьбе с пьянством, которая, к сожалению, отняла у меня очень много времени, но вероятно не явится на свет, ибо глава «Посредника» Ив. Ив. Горбунов-Посадов,[3] — с которым я лично знаком, был и жил в Москве у него, — *третий год* обнадеживает меня напечатать мою работу «Противоалкогольный задачник», который сам одобрил и вызвался печатать, но пока ничего не доставляет мне кроме расходов по переписке с ним и личных свиданиях. У него милые манеры давать кучу обещаний при личном свидании, не сдерживать ни одного, и отвечать однажды из десяти писем к нему. В конце концов он превосходный человек, только едва не до самоубийства довел меня, и пока не отвечает на седьмое мое письмо, после радушного гостеприимства, оказанного мне в октябре прошедш. года, и я не знаю ничего о судьбе своих рукописей — около 20 тетрадей: задачник, хрестоматия, статьи для «Своб. Вос.», книжка в противоалк. литер. — все одобренное уже им и только несколько мною по его указ. переправленное. Весь этот нелепый труд, как я провижу, придется мне положить сверху «Балабана», а это отняло у меня, ах как много... ... всего! Я разнылся, как питерская селедочница, но считаю своим долгом доложить свою биографию, чтобы Вы убедились, какой я неунывающий россиянин. Как видите, я «не робею», но только «ищу себя», и терплю убытки пока. Я останавливаюсь на публицистике и недели через две закончу... новую книгу о народном учителе! «Как живет и работает н. у.». Сюда вошли мои личные наблюдения почти за восемь лет, и все я подкрепил газетными фактами, собранными за несколько лет. Получился обвинительный акт на гонителей просвещения. Эту вещь я желал бы

издать отдельной книжкой, и буду искать издателя — только не вроде Ив. Ив. Горбунова! — пока еще не решил, к кому обратиться — Сытин[4] заранее уже мне отказал, хотя я только сделал запрос, совершенно не упоминая, что за вещь у меня. — Если удастся пристроить, получить мзду за вдохновение, тогда возьмусь за работу специально для «Русск. Бог.»: у меня, за время моих скитаний по деревням накопилось много впечатлений о правовом положении провинциального обывателя, и мне хотелось бы дать ряд картинок об этом. План у меня уже накидан: «Без законов», «Слухи», Урядник, Предводитель, и т. п. небольшие вещички, срисованные мною с натуры непосредственно, без всякого вымысла, где фигурирует «униженный и оскорбленный» обыватель, вынужденный молчать страха ради. В деревне нашими властями творится так много неправды, что сердце обливается кровью. Закон так нахально попирается, что родится мысль о полном отсутствии его для людей подвластных. — Если же не удастся пристроить об учителе, придется на неопределенное время сгинуть и увязнуть «в заботах суетного света»[5]...

На что я все это наболтал Вам, Федор Дмитриевич... Я был очень доволен ободряющим тоном Вашего письма, вот и выболтал. Потом в некотором отношении мы с Вами «родня»: Вы педагог и я, Вы с Дона снизу, я сверху. Епифань[6] стоит на самом Дону, а «Иван-озеро»,[7] откуда он вытекает, в тридцати верстах от города.

Я бывал здесь дважды и шлю Вам привет от него, от батьки *Тихого Дона* (притом же и благонамеренного не в братца Шата, что течет отсюда же).

Кланяюсь в лице Вашем и всей Редакции глубокоуважаемого мною «Русского Богатства». Я давно читаю последнее, хотя еще ни разу не был Вашим подписчиком. Простите за хлопоты, что доставил Вам, а равно и за поспешное изложение, обусловленное случаем на почте. — Я живу в деревне в 15 в. от города и почты.

Остаюсь с благодарностью и уважением

П. Саломатин

19 13/2 13 г.

---

[1] РО ИРЛИ, ф. 266, оп. 3, ед. хр. 451, л. 1—2. Известно полное имя автора — Пантелеймон Григорьевич.

[2] Цитата из басни И. А. Крылова «Слон и Моська» (1808).

[3] *Горбунов-Посадов* (наст. фам. *Горбунов) Иван Иванович* (1864—1940) — писатель, педагог, редактор и издатель книг и журналов для детей. Также известен как один из ближайших сподвижников Л. Н. Толстого.

[4] *Сытин Иван Дмитриевич* (1851—1934) — предприниматель, книгоиздатель и просветитель, основатель первого издательства литературы массовыми тиражами «Посредник». В сферу его издательских интересов входили все сегменты книжного рынка — от учебников и книг для детей до энциклопедий и собраний сочинений классиков художественной литературы. Выпускал как популярные периоди-

ческие издания — «Вокруг света», «Искры», так и малоизвестные — «Хирургия», «Правда Божия»; был владельцем общероссийской газеты «Русское слово».

[5] Цитата из стихотворения А. С. Пушкина «Поэт» (1827).

[6] Епифань — поселок на левом берегу Дона, в 78 км к юго-востоку от Тулы.

[7] Иван-озеро — село в 49 км от Тулы, располагалось на берегу одноименного озера, из которого вытекали две реки, Дон и Шат.

24. Письмо А. С. Попова (Серафимовича)[1]

1912 г., февр. 14
Новочеркасск Атаманская 44

Здравствуйте, дорогой Федор Дмитрич, так мне и не удалось повидаться, перед отъездом.

Засел я теперь в Новочеркасске.[4] Валит снег вот уж сколько суток бесперечь. Знаете, как бывает у нас иной раз в феврале, что завалит все курени под крыши.

Сыны мои[3] радуются, ибо таскаемся на лыжах, а народ дивуется чуду и покатывается со смеху.

В Петербурге буду, вероятно, в марте. Приходится ехать, ругаться с «Шиповником»,[4] — зарезали они меня; об одном молю судьбу — выбраться из их лап.

Как Вам ездилось на Дон? Черкнули ли материалу?

Я все время бездельничал, только теперь принимаюсь за работу.

Если не затруднит, могу попросить Вас узнать в «Русск. Бог.», в каком положении рассказ брата.[5] Молчат, как воды в рот набрали. Простите, что затрудняю.

Крепко жму руку.

Ваш А. С. Попов.

---

[1] РО ИРЛИ, ф. 266, оп. 3, ед. хр. 452, л. 1. *Попов* (псевдоним *Серафимо́вич) Александр Серафимович* (1863—1949) — писатель, журналист, во время Первой мировой войны с 1914 г. — военный корреспондент газеты «Русские ведомости». Соученик Крюкова в Усть-Медведицкой гимназии (выпуск 1883 г.). В 1933 г. станица Усть-Медведицкая переименована в Серафимович.

[2] Серафимович жил в Новочеркасске с 1892 г., работал в газетах «Приазовский край» и «Донская речь».

[3] Серафимович был женат на коренной казачке *Ксении Александровне Петровой*. В семье воспитывались два сына: *Анатолий* (1899 — погиб на Гражданской войне) и *Игорь* (1903—1981).

[4] «Шиповник» — издательство, основанное в Санкт-Петербурге в сентябре 1906 г. скрипачом С. Ю. Копельманом (1881—1944) и художником-карикатуристом З. И. Гржебиным (1877—1929). С 1910 г. располагалось в квартире № 1 доходного дома А. Я. Барышникова (ныне ул. Марата, 31). Пик его деятельности приходился на 1911 — начало 1912 г.

[5] *Попов* (псевдоним — *Дубовской*) *Вениамин Серафимович* (1874—1942) — младший брат А. С. Серафимовича. Печататься начал в 1901 году. Первые его произве-

дения были опубликованы в газете «Донская речь». Позже сотрудничал с журналами «Русское богатство» и «Современный мир», на страницах которых стали появляться его рассказы. В 1904—1905 гг. участвовал в революционных газетах, в 1906—1907 гг. сотрудничал с большевистскими изданиями, с 1914 г. — в «Правде». В письме речь идет о рассказе «Волки», который будет опубликован в «Русском богатстве» (1912. № 4).

25. Письмо Н. С. Русанова[1]

<На бланке журнала «Русское богатство»>

26 июня/9 июля 1914 г.

Дорогой Федор Дмитриевич, не беспокойтесь за судьбу архива: он у меня с квартиры никуда не пропадет. Телеграфирую другому, менее «молодому другу» о немедленном же переносе его в редакцию. В случае, если к тому времени, когда это письмо будет получено Вами, архив еще не будет в Р. Б., попрошу Вас, милый Федор Дмитриевич, малость потрудиться и, явившись к моему швейцару с прилагаемой карточкой, войти ко мне в квартиру и забрать архив, равно как статью (лежащую на нем) о бельгийском школьном законе.[2] Архив Вы сейчас же найдете: он находится в моем кабинете на полке за канапе и бросится Вам в глаза своими папками, их целый ряд. Всем вам простираю дружеские объятия.

Черт бы побрал Майского:[3] охоты знакомиться с ним нет никакой, да делать нечего. Мюнхен километров 250 от Киссингена, — наверное приедет лично жаловаться о порче «гармонии стиля». А насчет либерализма на себя не могу взять ответственности, что ему ответить. Как думает редакция? Я боюсь, что он, сближая немецкий либерализм, ввахнет что-нибудь непотребное.

Преданный Вам Ник. Русанов.

Текст на визитной карточке: «Николай Сергеевич Русанов (Н. Е. Кудрин)»

Александр, прошу Вас впустить моего товарища по редакции «Русского Богатства», Федора Дмитриевича Крюкова, или кому он поручит, чтобы взять нужные бумаги на моей квартире.

Ник. Русанов. Киссинген. 26 июня / 9 июля 1914. Широкая, 9, кв. 12.

На обороте: Передать Шветухру... Александру. Широкая, д. № 12.

---

[1] РО ИРЛИ, ф. 266, оп. 3, ед. хр. 409, л. 1. Визитная карточка — на л. 2. О Н. С. Русанове (псевдоним Н. Е. Кудрин) см. письмо Крюкова ему (№ 10), примеч. 1.

[2] Имеется в виду закон от 19 мая 1914 г. об обязательном начальном образовании в Бельгии.

[3] *Майский Иван Михайлович* (наст. имя и фам. — *Ян Ляховецкий*; 1884—1975) — дипломат, историк и публицист. Учился на историко-филологическом факультете Петербургского университета (в 1902 г. исключен). В 1903 г. вступил в РСДРП, меньшевик. Участвовал в революционной работе в Самаре и Саратове. В 1908 г. эмигрировал в Швейцарию, а затем в Германию, окончил экономический факультет Мюнхенского университета. В 1912 г. уехал в Великобританию. В мае 1917 г. вернулся в Россию, работал в аппарате Петроградского совета. В 1918 г. во время существования «Самарской директории» занимал пост управляющего ведомством труда. В сентябре 1918 г. выведен из состава ЦК и исключен из РСДРП.

26. Письмо В. Н. Цеховской[1]

19 27/1 12

Исполняю свое обещание и посылаю Вам, многоуважаемый Федор Дмитриевич, рецензию Киевской мысли. Хоть это и неловко, — угощать автора. —

Да еще и избалованного хвалами, подобными отзывами, — но давший слово, держись.

Всего хорошего

В. Цеховская

[1] РО ИРЛИ, ф. 266, оп. 3, ед. хр. 453, л. 1. *Цеховская* (урожд. *Меньшикова;* псевдоним — *Ольнем*) *Варвара Николаевна* (1872—1942) — прозаик. Ее рассказы печатались в «Киевском слове», «Образовании», «Вестнике Европы» (1910), «Русской Мысли» (1910) и больше всего в «Русском богатстве» (1899—1914). Современники соотносили перо В. Н. Цеховской с творчеством писателей чеховского направления. Однако она сама считала себя ученицей и литературной крестницей В. Г. Короленко.

27. Письмо Варвары Ш.[1]

1915 г., июля 19

Федор Дмитриевич!

Наверное, вы удивитесь, когда получите мое послание. Давно уже с вами не болтала, вы мне не ответили на последнее письмо, а я, конечно, рассердилась и все время хотела вас поругать, а потом забыла, так и пошло. Нечаянно вспомнила и пишу. Расскажу вам подробное свое житье, кончив курсы в Туле, я была некоторое время без места и без гроша денег, но место мне все время обещали, потом получила от вас деньги, за что вам очень благодарна, было чем расплатиться за квартиру. Конечно, самочувствие было не завидное, целыми днями слоняться по городу и просить место, а там так получилось, кто на курсах работал больше всех, тому места не оказалось, а разные ба-

рыньки, которые там толкались, флиртовали, и только портили репутацию другим, тем нашлись места и на хорошее жалованье, страшно было обидно, что у нас все так делается, кто действительно ходил работать и всецело поглощен был этим делом, тот жди, ходи проси, кланяйся этим проклятым мироедам. Но все это прошло в область преданий. Я, конечно, из Тулы не уехала бы до тех пор, пока не получила места, но вдруг получаю от Алеши телеграмму, что Лиза умирает, я сейчас же уехала к ним, она, конечно, не умерла, а выздоровела, а я осталась у них. Он, т. е. Алекс., служит на Руднике Парамонова в больнице смотрителем, получает 50 р., стол и квартиру. А я покамест тоже пристроилась здесь сестрою при больнице, хотя здесь в больнице сестер не полагается, но за неимением фельдшера я работаю, получаю 25 р., стол и комнату, материально я вполне обеспечена, а нравственно — нет. Мне до страсти хочется на войну, я даже не знаю, что это за желание, и зачем оно на все время оно меня мучает, почему-то, мне кажется, я должна там быть. Хочется работать, хочется хоть капельку принести пользу.

Подавала прошение в Ростов на имя Начальн. распределительного пункта, он мне ответил — не имеет права, еще подала врачебному инспектору, этот уже месяц ничего не отвечает, и вот сижу и кисну, жду у моря погоды. Работы здесь мне очень мало, с восьми и до 2-х я занята, а остальное время свободна и не дежурю, время много свободного, да девать некуда, скучища страшная, каждый день вспоминаю Глазуновскую, ваш сад, конечно, и вас, хотя не знаю, где вы, пишу в Петрог., а вы, может быть, дома блаженствуете и распеваете песни, хоть бы один вечер побыть там, тянет страшно. Если можно, то напишите, как поживаете.

Адрес: Алек.-Груш. Власовская больница. Мне напишите, буду ждать.

Варя Ш.

19/7 15.

---

[1] РО ИРЛИ, ф. 266, оп. 3, ед. хр. 287, л. 1—2. *Ш. Варвара*, как следует из письма, — знакомая Крюкова по Глазуновской станице.

28. Письмо Р. Ф. Якубович[1]

Б. г., 27-ое февраля

Глубокоуважаемый
Федор Дмитриевич!

Спасибо вам за память и за книжку, которую мне очень приятно иметь у себя и которой я желаю полного успеха.

Дима[2] просит передать Вам поклон от него.
Жму руку.
Искренне уважающая Вас,
Р. Якубович.

---

[1] РО ИРЛИ, ф. 266, оп. 3, ед. хр. 454, л. 1. *Якубович* (урожд. *Франк*) *Роза Федоровна* (1861—1922) — революционерка, народница. Из семьи адвоката. Слушательницей женских врачебных курсов в Санкт-Петербурге познакомилась с П. Ф. Якубовичем в 1881 г. Была арестована в ноябре 1884 г. Жандармским дознанием было установлено, что она получила телеграмму от Петра Якубовича, в отношении которого велось следствие. Этого было достаточно, чтобы Розу после долгого содержания в тюрьме административно сослали в 1888 г. на три года в Якутскую область. Участница Якутской трагедии 22 марта 1889 г. Военно-судебной комиссией приговорена к 15 годам каторжных работ. Затем 15 лет каторги были уменьшены до 4 лет. Срок отбывала в вилюйской тюрьме. В 1894 г. она получила возможность поселиться вместе с П. Ф. Якубовичем. В 1894 г., в Горном Зерентуе, вышла за него замуж. С того времени уже не расставалась с Петром Филипповичем и была неутомимым помощником в его литературном труде. В 1918 г. ввиду болезни переехала с сыном из Петрограда на юг к родственникам, где и умерла.

[2] Сын ее — *Якубович Дмитрий Петрович* (1897—1940), впоследствии известный литературовед, текстолог, пушкинист, доктор филологических наук, ученый секретарь Пушкинской комиссии.

Библиографический список

1. *Иванова Т. Г.* Рукописный отдел Пушкинского Дома: исторический очерк. СПб.: Дмитрий Буланин, 2006.
2. *Короленко В. Г.* Избранные письма: в 3 т. М.: Художественная литература, 1932. Т. 2.
3. Переписка между Ф. Д. Крюковым и А. С. Серафимовичем / вступ. статья, подгот. текста и коммент. В. М. Проскурина // Волга. 1988. № 2.
4. Письма В. Г. Короленко к Горнфельду. Л.: «Сеятель» Е. В. Высоцкого, 1924.
5. Русские писатели, 1800—1917: биографический словарь. М.: Советская энциклопедия (Большая российская энциклопедия) [и др.], 1989—1999. Т. 1—4.
6. *Тыркова-Вильямс А. В.* На путях к свободе. М.: Московская школа политических исследований, 2007.
7. *Чуваков В. Н.* Русская литература XX века. Прозаики, поэты, драматурги: биобиблиографический словарь. М.: Олма-Пресс, 2005. Т. 1.

DOI: 10.31860/978-5-918680-384-433-458

О ПИСЬМЕ П. И. ШКУРАТОВА А. В. ХРАБРОВИЦКОМУ ОТ 16 ИЮЛЯ 1970 г.

(Вступительная статья, подготовка текста и комментарии И. Е. Шапа)

Аннотация: Публикуемое письмо проливает свет на некоторые события из жизни писателя Ф. Крюкова и его родных. Уточняются детали «отступа» семейства Крюковых осенью 1919 — зимой 1920 года. Устанавливаются предварительные обстоятельства смерти писателя и его захоронения.
Ключевые слова: Ф. Крюков, арест, «отступ», болезнь, похороны.

Abstract: The published letter sheds light on some events in the life of the writer F. Kryukov and his family. The details of the "retreat" of the Kryukov family in the fall of 1919 — winter of 1920 are being clarified. The preliminary circumstances of the writer's death and his burial are established.
Keywords: F. Kryukov, arrest, "retreat", funeral.

Хранящееся в Санкт-Петербурге, в Рукописном отделе Пушкинского Дома (р. I, оп. 36, ед. хр. 207), письмо А. В. Храбровицкому[1] в свое время безуспешно пытался найти шолоховед и директор ИМЛИ РАН Феликс Кузнецов:

> «"Воспоминания" Шкуратова, на которые опирается, как обычно, без всякой ссылки, Р. Медведев, нами не обнаружены. Его письмо Храбровицкому найти также не удалось».[2]

Письмо с воспоминаниями о Федоре Дмитриевиче Крюкове написано Прохором Ивановичем Шкуратовым (1889—1973), когда ему было 80 лет. Из уважения к преклонному возрасту сделаем скидку на довольно низкий уровень грамотности письма, хотя корреспондент причислял себя к сонму литераторов — сообщается, что он работает над 4-томным автобиографическим романом «Павел Курганов».

---

[1] *Храбровицкий Александр Вениаминович* (1912—1989) — журналист, литературовед, исследователь творчества В. Г. Короленко. Посмертно опубликована книга: *Храбровицкий А. В.* Очерк моей жизни. Дневник. Встречи. М.: Новое литературное обозрение, 2012.

[2] См.: *Кузнецов Ф. Ф.* Судьба и правда великого романа. М.: ИМЛИ РАН, 2005. Глава «Писал ли Крюков "большую вещь"?».

© Шап И. Е., 2023

Кем Шкуратов приходился Крюкову? Пока сказать трудно, хотя в одном случае мелькнуло слово «племянник». Видимо, если он и был каким-то реальным родственником писателя, то это «седьмая вода на киселе».

Слова «племянник» и «дядя» у Шкуратова на бумаге нигде не проскакивают, он произносил их устно в беседах с будущим литературоведом, кинодокументалистом Виктором Ивановичем Лысенковым (1936—2012), тогда еще студентом 3-го курса университета, в Душанбе в 1957 г. И даже показывал студенту поздравительную открытку 1907 г., подписанную розовыми чернилами якобы Крюковым:

> «Дорогого племянника поздравляю с Рождеством Христовым. Ф. Крюков».[3]

Не видя эту открытку, судить о ее подлинности мы не можем, особенно если знать, что имеем дело со столь неоднозначной личностью, как Прохор Шкуратов. Отметим, что в присутствии других людей и при других обстоятельствах в словах Шкуратова факт родства с Крюковым не фигурирует, о «племяннике и дяде» больше нигде не упоминается. Да и сам Федор Дмитриевич не торопится записывать Шкуратова в родственники. В статье «Делегат-просветитель» (Вольный Дон. 1917. 24 мая. № 38) Ф. Крюков вспоминает о событиях прошлых лет (судя по контексту, это 1907—1908 гг.) и пишет следующее:

> «Помнится, один молодой станичник, любитель чтения, взял из моей библиотеки переплетенный комплект “Журнала для всех” за старые годы. Прочитал и расписался на обложке, по слабости к перу (как это бывает) у иных читателей-самоучек. — *“Сию книгу читал Прохор Шкуратов, станичный социалист”*. Так эта крамольная надпись годы оставалась незамеченной, пока книга не попалась из рук другого юного читателя в руки тогдашнего станичного атамана Ананьева, зоркий глаз которого сразу усмотрел на обложке “станичного социалиста”».

Так что более точное определение связи Шкуратова с Крюковым можно сформулировать так — «духовный воспитанник», что подтверждается словами самого Прохора Ивановича:

> «...начал свою работу под руководством Донского Народника — писателя Федора Дмитриевича Крюкова...»;[4] «Я станичник, друг, ученик, соратник Крюкова, такой же как и он — народник, “старой формации”, человек...»[5]

---

[3] *Лысенков Виктор.* «Тихий Дон» // Спецназ. 2000. № 3 (42). URL: http://www.philol.msu.ru/~lex/td/?pid=0231 (дата обращения: 11.11.2023).

[4] Из заявления П. Шкуратова в Московский комитет Политического Красного Креста (МПКК) от 28 дек. 1922 г. // ГАРФ, ф. 8409, оп. 1, д. 5, л. 311—312.

[5] *Шкуратов П. И.* Федор Дмитриевич Крюков. Отрывок воспоминаний // ОР РГБ, ф. 838, оп. 20, ед. хр. 9.

Немного о самом Шкуратове. Он родился в Глазуновской станице Области Войска Донского (ОВД) в семье староверов. Судя по всему, Прохор был сыном местного беспоповского начетчика (проповедника). Начального образования не получил — очевидно, семья придерживалась традиций старообрядчества и не отдала ребенка в государственную школу или училище. Кстати, в Глазуновской станице около $^{2}/_{3}$ жителей были староверами (эхо раскола после церковной реформы Никона, когда староверы бежали на Дон). В начале XX века в Глазуновской станице существовала старообрядческая школа, только вот когда она открылась, мне выяснить не удалось. Почему-то Шкуратову пришлось заниматься самообразованием.

В 1908 г. он вступил в Партию народных социалистов, «сотрудничал в эсеровской газете "Голос Донской земли"» (издавалась в Ростове-на-Дону с 7 окт. 1917 г., ред. С. П. Швецов). В 1920 г. участвовал в поволжских восстаниях, затем перешел на нелегальное положение и жил по чужим документам. В марте 1922 г. хотел перейти границу с Польшей, но в последний момент передумал, вернулся и добровольно явился в киевскую ЧК. Свое возвращение он аргументировал так:

> «Учитывая Правительственные декреты, воззвания и распоряжения, в которых определенно говорится о полном забвении увлечений повстанцам, добровольно явившимся, я думал, что работа в России для меня найдется, и что ни в какой мере Советская Власть за прошлое мстить не намерена. Вот главные причины, заставившие меня добровольно отдаться в руки Советской Власти».[6]

Справедливости ради отметим, что в 1921—1923 гг. тысячи и тысячи эмигрантов «клюнули» на официальные «примиренческие посулы» большевиков и вернулись на родину. Большинство из них сразу же подверглось репрессиям.

Шкуратова после ареста отправили в Москву, где заключили в Сокольническую тюрьму. 5 окт. 1922 г. его приговорили к пяти годам тюремного заключения. По сумме пяти арестов он отсидел в советских тюрьмах и лагерях 18 лет. Реабилитирован в 1957 г. Про личную жизнь Шкуратова мало что известно — якобы имел пятерых детей от нескольких женщин. Умер в 1973 г. в доме престарелых инвалидов в поселке Большаково Калининградской области.

К слову, в заявлении в МПКК весьма сомнительно сообщение Шкуратова:

> ...за свою социалистическую и партийную работу я сидел по царским и деникинским тюрьмам.

---

[6] Из заявления Шкуратова в Московский комитет Политического Красного Креста (МПКК) от 28 дек. 1922 г. (см. сноску 4).

Очевидно, это было сказано, дабы показать, что ему «досталось на орехи» как от царского режима, так и от «белых» администраций.

Проведу обзор имеющихся воспоминаний Прохора Ивановича Шкуратова с остановкой на «проблемных» и заслуживающих внимания местах. Цитаты будут приведены с сохранением орфографии. Особенностью этой машинописи является множество кавычек, расставленных через пробелы, что мешает точному пониманию их принадлежности; также присутствует большое количество многоточий, которые, видимо, из-за подслеповатости Шкуратова нередко набраны запятыми. Эти недочеты при цитировании будут убраны. Все другие написания сохраню, как в оригинале.

В письме Храбровицкому на первой странице Шкуратов сообщает о беде, случившейся с родным братом Федора Крюкова — Александром, ученым-лесоводом:

> «В 18 году семья получила из Брянских лесов телеграмму — СОС: «— Немедленно выезжайте — с Сашей случилось несчастье».

Очевидно, телеграмма была отправлена его женой. А. И. Солженицын, читавший эти воспоминания Шкуратова, позаимствовал для своей работы сей эпизод:

> «Но постучал коридорный — и подал ему другую телеграмму. Из Брянска: “Александр убит взбунтованными рабочими. Шура”».[7]

П. Шкуратов со своим братом (был ли с ними Ф. Крюков?) отправились на Брянщину и по приезду на место застали такую картину:

> «Лесной Кардон — дом разграблен — сожжен, посреди двора разбитая рояль и обстановка: поработал “народ богоносец” — “революционные мужички”, в сарае ютятся помешавшийся Саша, его жена — фребеличка Шура и их сын 4-х лет Митя (он жив до сих пор)».

Странно, что Прохор Шкуратов упоминает только одного ребенка — Дмитрия, а младшую Веру не называет. Есть известное фото из газеты «Донская волна» (1918. 18 нояб. № 23), где Крюков держит на коленях девочку. Под снимком подписано: «Ф. Д. Крюков с племянницей (последняя фотография)».[8] Так вот это и есть Вера.

«Фребеличка Шура» (жена Александра Дмитриевича Крюкова) — это Александра Григорьевна Крюкова, урожденная Чебакова (ум. в 1953 г.). Фребелички — термин, которым называли воспитательниц детей дошкольного возраста по методу немецкого педагога

---

[7] *Солженицын А. И.* Собр. соч.: в 30 т. М.: Время, 2009. Т. 16: Красное колесо. Узел IV, кн. 2. С. 314.

[8] «Донская волна»: URL: http://elib.shpl.ru/ru/nodes/73357-23-18-noyabrya#mode/inspect/page/3/zoom/4 (дата обращения: 11.11.2023).

Фридриха Фребеля (фактически советские и российские «детские сады» — это воплощение его теории дошкольного воспитания).

Далее в письме идет информация, которая ранее нигде не звучала:

> «Тихо помешанный Александр умер через полтора года в Усть-Медведицком монастыре на руках старшей сестры глухо-немой Дуни».

Здесь Шкуратов не совсем точен: назвать Евдокию Крюкову глухонемой можно с определенной натяжкой — она разговаривала «своим особым, понятным только ее семейным, да близким соседям, языком».[9] В семилетнем возрасте во время масленицы ее сбила и переехала санями перепуганная тройка лошадей. По другой версии:

> «Ей было пять лет, и она попала под телегу. Колесо переехало через ее голову. С тех пор она попортилась языком и оглохла».

Развивая тему расстройства психического здоровья Александра Крюкова, автор делает намек, что здесь не последнюю роль сыграла семейная наследственность:

> «Тут надо бы коснуться и семейной трагедии — наследственности от отца Дмитрия Ивановича (ум. в январе 1894 г. — *И. Ш.*), но это заведет слишком далеко в сторону и оставляю для романа или — воспоминаний, но сразу-же надо сказать: Федор был очень здоровый и весь в мать...»

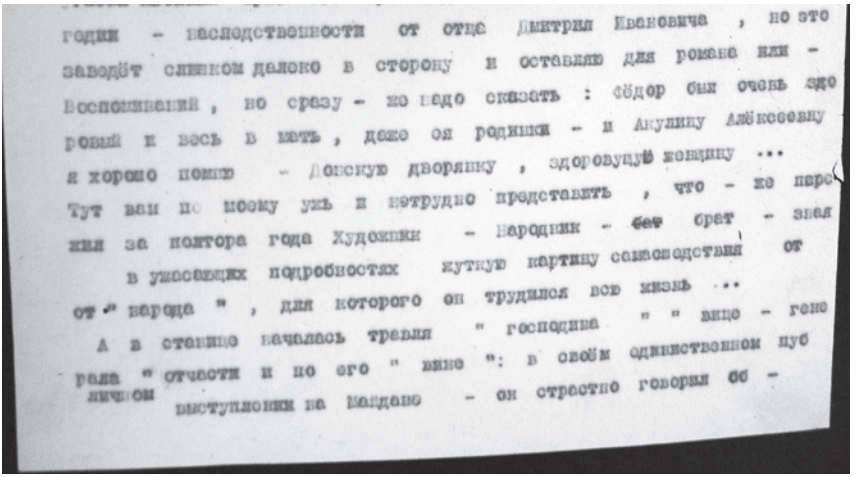
И в почтенном своем возрасте Шкуратов все еще планировал писать роман и воспоминания. Объясню читателю, почему я решил не приводить его письмо (19 страниц машинописи) целиком. Язык изложения этих воспоминаний во многих местах «тарабарский». Не всегда понятно, что к чему соотносится, о ком и о чем идет речь. Поэтому возьму на себя труд «профильтровать» содержание и попытаюсь отделить зерна от плевел.

Для понимания читателем степени замусоренности текста приведу фрагмент концовки 1-й и начала 2-й страниц письма:

> «Тут вам по моему ужь и нетрудно представить, что-же пережил за полтора года Художник — Народник — брат — знал в ужасающих подробностях жуткую картину сумасшедствия от “народа”, для которого он трудился всю жизнь...
>
> А в станице началась травля “господина” “вице-генерала”[10] отчасти и по его “вине”: в своем единственном публичном выступлении на Майда-

[9] См.: *Крюков Петр*. Два ареста Ф. Д. Крюкова / публ. Андрея Чернова // URL: https://wp.me/p2IpKD-2MT (дата обращения: 11.11.2023). См. также сноску 12.

[10] Почему такое звание Крюкову «присвоил» Шкуратов, непонятно, впрочем, он и Лысенкову «говорил о хаотическом отходе белой армии, когда никому ни до кого не было дела, даже до *полковника* (по словам Прокоп Ивановича, такое звание было в то время у Ф. Крюкова)».

не — он страстно говорил об — обязанностях перед Россией и РУССКОЙ Революцией, предостерегая от “заморских” лозунгов — чуждых Русскому народу... А.. “народ безмолствовал” и распоясалась станичная “крещеная сволочь” тяжелая это и длинная история и коснусь главного:

Был такой переходный период когда он должен был скрываться и он ушел в степь к своему гумну. Приехавший отряд красных с пулеметом кликнул кличь “добровольцам” — розыскать Крюкова. “Крещеных” вызвалось около десятка на лошадях, розыскали его на хуторке в степи — “именем революции” арестовали — погнали в станицу, — по дороге совещались в открытую:

“— А не прикончить-ли нам тут «контру»?”

Нашелся защитник и “не прикончили” пригнали в станицу. Сидел ночь в той Тюгуле (разг. “тюрьма”. — *И. Ш.*), где когда-то “набрасывал” разсказ “В родные места” что вы читали в “Казацких мотивах”... Пешком 45 верст в Михайловку с “крещеными” встреча с Кузмичём, Здобновым[11] и случайно с каким-то комисаром, с которым вместе сидели в “Крестах”... Пустили!»

Крайне невнятное изложение. Но оставим в стороне стилистику и попробуем разобраться с фактами, приведенными в концовке этого фрагмента. Там идет речь об эпизоде ареста Ф. Крюкова в 1918 г. Этот арест упомянут не только в письме Храбровицкому. Начнем со статьи Лысенкова, где Шкуратов сообщает, что вел переписку с издательством «Художественная литература», которое выпустило десятитомное издание В. Г. Короленко (работодатель Ф. Крюкова в «Русском богатстве»): «Завязалась переписка, и в издательстве начали готовить

[11] Кузмич — *Миронов Филипп Кузьмич* (1872—1921), красный командарм, друг молодости Ф. Крюкова. Здобнов — правильно: *Сдобнов Илларион Александрович*, начальник штаба 23-й стрелковой дивизии красных.

к изданию однотомник Ф. Крюкова. Но тут закончилась хрущевская “оттепель”...» Подготовленные материалы не пропали и «вынырнули» в подходящие времена уже в издательстве «Советская Россия» в 1990 г. (Так что Крюкова при СССР все-таки успели издать.)

Лысенков пишет:

> «...в предисловии к однотомнику писателя, вышедшему в девяностом году, <...> есть описанный эпизод с арестом Ф. Крюкова в станице Глазуновская <...>. Есть там такая деталь: “В июле (? правильно: в апреле. — *И. Ш.*) 1918 года, когда красногвардейцы вошли в Глазуновскую, ему лично, как «буржую» пришлось уйти в поле с подростками — сыном и племянником. Поймали, привели в станицу, посадили как арестанта в дом станичного атамана, затем повезли в революционный центр на Дону — Михайловку”».

И далее:

> «Более чем за тридцать лет до выхода однотомника Ф. Крюкова Прокоп Иванович (странно, что он представился В. Лысенкову как Прокоп, а не Прохор. — *И. Ш.*) так рассказывал об этом эпизоде (а племянник-“подросток” был он: только вот совсем взрослый человек, видный деятель своей партии): “Нам сообщили, что в Глазуновскую идет красная сотня *под командованием Михаила Шолохова,* чтобы арестовать Ф. Крюкова. Мы переехали на отдаленный хутор. Когда вернулись, в доме все было перевернуто вверх дном, но ничего из вещей не взяли, даже пишущую машинку. Пропала только рукопись «Тихого Дона»”».

После таких фантасмагорий Шкуратова можно себе представить — какой бред нам предстоит «профильтровать». Знал бы Прохор Иванович, что в начале 1918 г. Миша Шолохов еще учился (но так и недоучился) в третьем классе гимназии города Богучара Воронежской губернии, то придумал бы что-нибудь более реальное.

И вот спустя 13 лет он пишет А. В. Храбровицкому, который пытался прояснить у него отдельные детали из жизни писателей Ф. Д. Крюкова и В. Г. Короленко. Для полноты понимания картины «адекватности свидетеля» продолжу цитировать статью Лысенкова:

> «Естественно, я задал вопрос, большая ли была рукопись (мы же знаем, что шолоховская эпопея состоит из четырех книг). “Тысяча двести страниц”, — ответил он. “Так много? — удивился я. — И вы не посмотрели рукопись?” — “Нет, не успел, — ответил мой собеседник. — Я приехал только накануне вечером из Питера, очень устал и только заметил на столе рукопись и посмотрел, сколько страниц. Думал, полистаю завтра, если, конечно, дядя разрешит. Но вот как получилось”».

Можно представить, что Шкуратов сообщил о себе Лысенкову, если тот пишет:

«Но за первые месяцы нашего знакомства я уже знал биографию моего нового знакомого, историю отсидок, встреч, бесед и споров с разными лидерами дореволюционной поры, некоторые из которых, как *Л. Троцкий,* были известны, что называется, по устной молве, но ни в каких справочниках прочесть ни о нем, ни о других, ничего было нельзя. <...> П. И. Шкуратов — один из лидеров эсерского движения, принадлежал к его центру. В силу своего положения в революционном движении он хорошо знал всех лидеров разных партий. Сам П. И. Шкуратов был идеологом центристов и резко полемизировал с коллегой по партии *Б. Савинковым,* отвергая идею террора как метод политической борьбы».

И еще ряд «побасенок», которые наговорил «свидетель» студенту Лысенкову в 1957 г.:

«Прокоп Иванович уцелел во время различных “мясорубок” 20—30-х годов, устраиваемых большевиками, не случайно его забирали всякий раз, когда начиналась очередная кампания “чистки”, будь это в период коллективизации, в тридцать четвертом после убийства Кирова, в 37—38 годах во время борьбы с троцкизмом.

Расстреляны были куда менее значимые фигуры из противников большевиков. Но Прокоп Иванович уцелел, поскольку на его деле, открытом еще в годы революции, один из ее наиболее чтимых вождей *Ф. Дзержинский* начертал на титульном листе крупными буквами: “Ликвидации не подлежит” — так высоко он ставил личные качества своего политического оппонента. “Железный Феликс” понимал, что кого-то из национальной элиты оставить России необходимо».

Прочитав эти опусы, наговоренные в 1957 г., можно заканчивать чтение более поздних воспоминаний постаревшего Шкуратова уже на первой странице... но мы, как исследователи, обязаны все проштудировать и понять — где сказана правда, а где вымысел. Ну и не все же подряд им выдумано...

Вернемся к аресту Федора Крюкова. О происходивших тогда событиях есть рассказ (публикация 1959 г. в Париже) не мнимого, а настоящего очевидца, приемного сына писателя — Петра Федоровича Крюкова, которому в 1918 г. шел 13-й год. (Петю подкинули младенцем к дому Крюкова в день рождения писателя 2 февр. 1906 г., в его метриках записана дата рождения: 30 авг. 1905 г.)

Судя по рассказу Петра Крюкова, никакого «племянника» там и близко не было. Вот выдержки:

«Отец пошел в сад, который был в долине старого рукава Салвы <...> Посередине сада был устроен летний курень — “беседка”, в одну комнату, с большой крытой террасой. Здесь летом мы ночевали с отцом. <...> С колокольни раздались крики: “Скачут в станицу конные, а с ними броневик” (т. е. броневой автомобиль-броневик). Я стоял в толпе казаков и казачек около почтового отделения, с угла на угол от нашего куреня на другой стороне майдана. <...>

С винтовками “наизготовку”, <...> с огромными красными бантами на груди, кое-кто с красной звездой на шапках, другие с красными лентами вместо кокард <...>. Лихо доскакали до почты и, увидя миролюбивую, заинтересованную толпу, красногвардейцы спешились. Подошедший открытый броневик “Грохот”, без башен, остановился против почты. Толпа окружила красных, со всех сторон сыпались вопросы и ответы, так что мне, стоявшему несколько позади, ничего нельзя было понять. Вскоре ко мне подошла одна жалмерка и, глядя в сторону, еле слышно спросила: “Батяня дома ай не?” Я ответил также тихо, что — дома.

— Беги скарейча к нему, няхай уходить иде-нибудь, за ним приехали — убить хочуть».

О развитии дальнейших событий изложено по ссылкам на историческом портале поэта Андрея Чернова «Несториана».[12] Отмечу, что во время конвоирования Ф. Крюкова в станицу ничего подобного из сказанного Шкуратовым («— А не прикончить-ли нам тут “контру”?»), не было. И даже наоборот — с Крюковым обходились вежливо:

«Глазуновцы спешились, и, ведя коней в поводу, пошли с отцом пешком к своей станице. Впоследствии отец говорил, что *относились они к нему очень вежливо* и время от времени говорили: — Федор Митревич! Ежели Вы устали, то давайте трошки присядем — подохнем.

Подходя к станице, казаки сели на коней и, держа винтовки на изготовку — “по уставу” — по два с боков и двое сзади отца, ввели его в станицу, как раз по переулку к церковному майдану по направлению к Правлению, мимо нашего куреня. Нас уже предупредили об аресте отца, и вся семья вышла ему навстречу на церковный майдан».

Вернемся к письму Шкуратова:

«Сидел ночь в той Тюгуле <...> Пешком 45 верст в Михайловку с “крещеными” встреча с Кузмичём, Здобновым и случайно с каким-то комисаром, с которым вместе сидели в “Крестах”... Пустили!»

В действительности же перед отправкой в Михайловку ни в какой тюрьме Крюков ночь не провел. В воспоминаниях Петра Крюкова об этом сказано так:

«На другой день очень рано утром на тройке почтовых лошадей к нашему куреню подъехал Назаров (урядник, выбранный станичный комиссар. — *И. Ш.*), *поздно ночью проводивший отца спать домой*. <...> С намерением же Назаров приехал за отцом, что называется “ни свет, ни заря”, чтобы никто не видал чтобы наши “большаки” не вздумали бы увязаться следом, в качестве непрошеного конвоя. Все это Назаров рассказал отцу, <...> что пока вынужден действовать скрытно».

---

[12] *Крюков Петр*. Два ареста Ф. Д. Крюкова // Казачий исторический сборник. Париж. 1959. № 9. С. 27—30; № 10. С. 16—19. URL: https://nestoriana.files.wordpress.com/2018/02/9-10.pdf (дата обращения: 11.11.2023).

Теперь о том человеке, благодаря которому Федора Крюкова освободили в Михайловке. Петр Крюков пишет:

> «Приехавши в Михайловку, Назаров с отцом пришли в штаб революционных войск и Назаров сдал “отца под расписку” в “сопроводительной книге” Глазуновского правления. Но сам он остался ждать результатов при выходе из штаба. Отца ввели к “командующему революционными войсками”, и тут произошло неожиданное: командующим оказался прежний односум по “Крестам” — Каменов.
>
> — Федор Митревич!.. Какими судьбами?!..
>
> Отец рассказал все, что с ним случилось и почему он очутился тут. Каменов тотчас же написал пропуск “Гражданину Крюкову Федору Дмитриевичу, Глазуновской станицы, для свободного передвижения по территории, занятой революционными войсками”».

Очевидно, Петр Крюков ошибся в фамилии «командующего», вместе с которым писатель сидел в петербургских «Крестах».[13] Это не Каменов, а Ковалев. Равное количество слогов в фамилии, набор одинаковых букв (автор даже не уверен в последней гласной букве) оправдывают за давностью лет такую ошибку. Но в остальном сын Ф. Крюкова не ошибся, написав следующее:

> «В “Крестах” он познакомился с казаком Кременской станицы Камен*е*вым (кажется его звали Виктором), служившим в Лейб-гвардии Атаманском полку. <...> Камен*о*в, вскоре после свидания с отцом, пропал без вести».

На Виктора Семеновича Ковалева указывает исследователь «Тихого Дона» Георгий Малахов:

> «В книге под общей редакцией академика А. Н. Яковлева “Филипп Миронов и Тихий Дон в 1917—1921 году, Документы”, в разделе “Именной комментарий” на с. 731, в биографической справке по Крюкову Ф. Д. указано: “Несколько месяцев провел в «Крестах» (Вместе с В. С. Ковалевым)”».

Далее из того же источника Малахов приводит справку. Вот ее фрагменты (на с. 730):

> «Ковалев Виктор Семенович (1883—1919), из казаков ст. Кременской, нестроевой (сотенный кузнец) лейб-гвардии Атаманского полка. <...> С 14 апреля 1918 года председатель президиума ЦИК Донской советской республики, главком вооруженных сил, член Чрезвычайного штаба обороны. С мая 1918 года в казачьей секции Царицынского Совета, организа-

[13] В декабре 1907 г. Ф. Крюков был приговорен Петербургской судебной палатой вместе с другими депутатами (166 человек), подписавшими «Выборгское воззвание», к заключению на три месяца. Он отбывал срок в петербургской тюрьме «Кресты» в мае-августе 1909 г.

тор советских воинских частей в Усть-Медведецком округе. <...> Умер от туберкулеза».

Не остается никаких сомнений в личности человека, освободившего писателя из-под ареста в Михайловке, — это В. С. Ковалев. А то, что Шкуратов приписал там встречу Крюкова с Мироновым («Кузмичём») — это больше похоже на «художественный» вымысел, как и многое другое им сказанное. Правда, фантазии Шкуратова хватило лишь на «Приехавший отряд красных с пулеметом...», хотя Петру Крюкову запомнилось даже название броневика («Грохот»), на котором красные приехали в Глазуновку.

Завершу тему ареста Ф. Крюкова цитированием Прохора Шкуратова, но без комментариев — надеюсь, читатель сам сделает вывод:

> «Тут надо-бы коснуться и того, что-же делал я и Мария (младшая сестра Ф. Крюкова. — *И. Ш.*). Но это тоже длинно. Поздно вечером пришел из Михайловки и мы ждали, Совещание — что-же делать?!
>
> Сидели двое с вином и вдруг в парадную дверь — выстрел... Вот это "совещание" было просто — страшным и он говорил — говорил — разрыдался, разсказывая мне как "крещеные" тоже — "совещались"... "прихлопнуть контру"...
>
> Прокопав у соседа крышу сарая — ушли на зорьке в У-Медведицу. Вот эти два случая тоже были причиной смерти... Не могли не быть принимая в расчет художника... Я отлично понимаю что слишком куцо пишу трагические моменты жизни Крюкова, но ВРЕМЯ?!..»

Итак, мы прошли две страницы воспоминаний Шкуратова. На третьей странице идет речь об отступлении Крюкова из Новочеркасска в начале 1920 г. Напомню, что писатель был редактором новочеркасской правительственной газеты «Донские ведомости», и последняя его редакционная статья «Единое на потребу» вышла в № 290 от 21 дек./3 янв.[14] 1919/1920 года:

> «Мы преклоняемся пред этим честным, мужественным, единственно достойным сейчас призывом — не отдавать батюшки Тихого Дона, единым сердцем и единою мыслью биться за него до конца и — победить или умереть у родного порога...»[15]

Мы даже пока точно не знаем, откуда Федор Дмитриевич уходил в «отступ» — из Новочеркасска или Глазуновской станицы. Народная

---

[14] Сторонники белых не приняли в 1918 г. переход красных на григорианский календарь, и потому даты в их печатных изданиях проставлены по старому стилю. Это касается и новой орфографии — в некоторых белоэмигрантских изданиях старое правописание сохранялось вплоть до конца 1950-х гг.

[15] *Крюков Ф.* Единое на потребу // URL: http://fedor-krjukov.imwerden.de/Publicist_1917/zametki_1919_part2.htm#edinoe (дата обращения: 11.11.2023).

молва утверждает, что «от *красных гадов*»[16] писатель ушел с родного крыльца, но было это еще в октябре 1919 г. Сложившаяся позднее фронтовая обстановка не позволяет говорить, что у Крюкова была возможность вернуться домой за ценными для себя вещами в декабре. Вероятней всего, он эвакуировался из Новочеркасска. (Столица «белого Дона» была взята частями Красной армии 7 янв. 1920 г.)

Воспоминания Шкуратова по большому счету мало что проясняют, хотя есть отдельные интересные моменты. Да и доверия такому свидетелю-фантазеру мало.

> «Отступали мы с Ф. Д. три раза, но это тоже опускаю. Последний его приезд к семье был после перехода границы Донской Области. От Марии Акимовны я узнал, что из Новочеркасска он бежал в станицу Раздорскую на ДОНУ, куда уже бежал Н. П. Асеев[17] с племянницей, тогда еще 10-летней Марусей».

Разберемся в этом абзаце. Автор «капслоком» акцентирует название реки, на которой стоит станица Раздорская, так как существовала одноименная станица (сейчас это хутор Раздоры) на реке Медведице в 35 верстах на северо-восток от слободы Михайловки. Раздорская, что на Дону, находится в 40 верстах на северо-восток от Новочеркасска.

Красные наступали с запада (Ростово-Новочеркасская операция 6—10 янв. 1920 г.), поэтому с направлением бегства здесь всё логично.

Как понимать «Отступали мы с Ф. Д. три раза»? Это разные этапы его пребывания вместе с Крюковым в «отступе»? И что означает «Последний его приезд к семье был после перехода границы Донской Области»? Крюков возвращался в Глазуновскую с территории Кубани? Это очень сомнительно. Или же семья уже находилась на Кубани, а Крюков, перейдя границу Области Войска Донского, там воссоединился со своими женщинами? Пожалуй, второй вариант более правдоподобен. И такое предположение подтверждается следующими словами Шкуратова о Крюкове:

> «Скрывался с братом Маруси (Марии Акимовны Асеевой. — *И. Ш.*) и еще одним офицером, стал выходить и его узнал один Комиссар, долго с ним говорили и он — Комиссар, провел их всех троих через линию красных...»

«Скрываться» можно только на территории, занятой врагом. Значит, Крюков все же попал под «оккупацию» красных, и ему пришлось

---

[16] Из редакционной статьи Ф. Крюкова «Свидетельство документов» // Донские ведомости. 1919. 11/24 мая. № 109. С. 2.

[17] *Асеев Николай Пудович* (1871—1952) — ученый-металлург, друг и дальний родственник Ф. Крюкова; бежав от большевиков из Петрограда в Новочеркасск, более трех месяцев замещал Крюкова на посту редактора «Донских ведомостей» в 1919 г.

оттуда выходить при помощи «комиссара». И только после этого он воссоединился с семьей на еще не занятой красными Кубани.

«Всех троих» провел комиссар через линию красных. Если подразумеваются Ф. Крюков, брат Маруси и какой-то офицер, то тогда куда подевались 10-летняя Маруся с дядей Николаем Асеевым?

Почему Шкуратов пишет «*мы с Ф. Д.*», если его самого в отходе из Новочеркасска в Раздорскую не было?

То, что Ф. Крюков первоначально «бежал в Раздорскую», где уже находился Н. П. Асеев, говорит о том, что именно туда эвакуировалась редакция газеты «Донские ведомости». Это важная информация, на которую раньше внимания не обращали. Сотруднику «Донских ведомостей» П. Ф. Маргушину было неизвестно «как проводилась эвакуация газеты». Процитирую фрагмент письма американского профессора Петра Федоровича Маргушина (1895—1988) в редакцию нью-йоркской газеты «Новое русское слово»:

> «Но наступила катастрофа на фронте, и Новочеркасск должен был эвакуировать “Донские ведомости”. В те бурные дни начинавшейся тыловой разрухи эвакуация донских станиц происходила хаотически.
>
> Как проводилась эвакуация газеты, какова была участь ее архива, где Ф. Д. Крюков хранил все свои рукописи, мне не было известно, так как я получил его распоряжение отступать с частями войскового снабжения через Кубань к Новороссийску».[18]

Вернемся к абзацу из письма Шкуратова. Весьма странны его слова: «От Марии Акимовны я узнал, что из Новочеркасска он бежал в станицу Раздорскую». Если Шкуратов утверждает, что был вместе с Крюковым в нескольких «отступах» (в последнем он якобы даже похоронил писателя), то почему о первом «отступе» Крюкова в Раздорскую станицу он узнает от Марии Асеевой, а не от самого писателя, сопровождая его дальше на юг? Объясняться это может так — Шкуратовым выдумано его постоянное сопровождение Крюкова в отступе. Предположу, что мы имеем дело с неким симбиозом — в «отступе» Шкуратов с Крюковым пересекался часто, но постоянно рядом с ним не был. (Крюковы отступали в составе большой группы глазуновцев.)

Продолжим чтение письма П. Шкуратова о Крюкове в «отступе»:

> «Вот тут вскрылись и мои “семейные” отношения с семеею Крюковых: отступал я с женою — учительницей, но она отказалась ехать дальше и я перешел отступать с Крюковыми да и по ходу “отступа” это просто ИМ было нужно до зареза, Ф. Д. догадывался о наших отношениях с “бабами”, а тут он ужь увидел как я “хозяйничаю” — взбеленился: это была последняя вспышка... “Атаманского” гонора против “нахала пейзана”... В острокизме я был несколько дней — ушел к отцу брату и беженцам».

[18] Новое русское слово. 1974. 28 сент. С. 5; цит. по тексту на портале «Несториана»: URL: https://wp.me/p2IpKD-2Ji (дата обращения: 11.11.2023).

Итак, Шкуратов отступал с женой (потом она вернулась назад в Глазуновскую), отцом и братом. Где, когда и как он встретил семью Крюковых — непонятно. Как к «бабам» (очевидно, к сестре Марии и снохе Шуре) присоединился Ф. Крюков — тоже неясно.

Затем Шкуратов описывает похороны какого-то старца и поминки. То и другое с участием Ф. Крюкова. Далее приведу пространный фрагмент из воспоминаний Шкуратова:

«Пришел он уже поздно: когда все разошлись, сразу ушел в свою комнату, буркнул мне: “Ты никуда неуходи”...

Ночью сказала мне Шура: “— Сидит пишет и... плачет”...

...Думаю что и это было причиной его смерти...

Примерно две недели, до самой болезни он уже невылезал от беженцев и потом мне говорили что он уже убеждал их остаться и не бежать дальше, что и было заметно: беженцы все больше редели... Атаману приказал продать жеребцов кубанцам и не в Добровольческую армию...

...Заболел Ф. Д. примерно *в середине марта* и несколько дней перемогался на ногах, а потом слег. Отступали мы неспеша и часто останавливались на хуторах на день-два, от врачей он категорически отказался: “— ужь если я неодюжу тем что во мне есть мамино, «кухня» мне непоможет!”

Первые две недели болезни он — молчал и думал-думал... Потом был какой-то кризис и он стал вставать, ходил и все тянул меня к ветрякам, которые были на самом высоком месте откуда далеко просматривалась степь и вот тут он заговорил:

“— Заграницу! Да будь она проклята, уехать ото всего этого?!.. Ты посмотри вот на тот Курган — ведь это-же наш Пустынный! (Полагаю, курган Пустынный, с которым шло сравнение, мог быть в 9 верстах к северу от Глазуновской — на старых картах там отмечен хутор Пустынный, а на топографической карте в том районе гористая местность — до 166 м над уровнем моря. В Глазуновской 65 м. — *И. Ш.*) А помнишь как мы с тобою ходили в «походки» и у тебя ДНЕМ «полыхали зарницы» в твоем «сочинении» — импровизации «для ребятишек»? И то все бросить? Ты говорил что-нибудь с бабами? Их-то планты я знаю: французят! но ты? Мне нет дороги заграницу, да я и рылом невышел... А может и ты тоже — может «французишь», как твой друг Лева... у свиней?”

У меня небыло никаких “плантов”, да и у “баб” были разные: Маруся — за границу, а Шура в Петроград... Но я даже и задумывался: был уверен, что за границу — я тоже... “рылом невышел”... Я тогда ему ничего не сказал но меня тоже тянул Петроград и лично и партийно... Там рядом в Малой-Вишере была... “любовь-сказка”... И там было много друзей...

На другой день у тех-же ветряков он мне сказал на прямую:

“— я останусь в Екатеринодаре, директор гимназии меня хорошо знает и останусь там учителем, и Маруся останется со мною, а эту «французскую» дурь я у нея из головы выбью...” и с этого вечера у нас с Ф. Д. завелись “секреты” от баб, но чуть не через день Шура мне сказала:

“— Федя останется в Екатеринодаре и с ним останется Маруся — а мы с тобой — в Петроград? Или ты еще ничего не надума...”

А я почему — ничего небоялся и “думал” только о том как-же Ф. Д. останется?...

Так мы в несколько вояжей к ветрякам и развивали свои мечты-планы, но было и противоречие: зная его не геройский характер, я заговорил о “расплате” чего он конечно — боялся... А он заговорил о Мамонтове:

“— Надо скорее папасть в Екатеринодар: мы сговорились с Мамонтовым и он организует Казачью оборону и порвет с Добр Армией...” Когда он уезжал на фронт, говорил мне когда я собирался бежать в Раздорскую:

“— На фронте я соберу хороший «кулак» всех трех казачьих Областей (имеется ввиду территории Дона, Кубани и Терека. — *И. Ш.*), а Декларация Казачьего Командования о разрыве с Добрармией быстро долетит до большевиков и создав оборону — я с ними поторгуюсь о мире, почетном для казачества мире”...

И Крюков спешил в Екатеринодар... с двумя планами...»

Обратим внимание на следующую фразу: «Заболел Ф. Д. примерно в середине марта...» Шкуратов может ошибаться с датировкой начала болезни Крюкова, пусть это и новый стиль исчисления (плюс 13 дней от старого стиля). Получается нонсенс, ведь «красные» захватили Екатеринодар 4 (17) марта и ворвались в Новороссийск 14 (27) марта. И даже по новому стилю «середина марта» слишком далека от всех версий даты смерти Крюкова (принято считать, что это случилось 20 февр. / 4 марта 1920 г.). Шкуратов взял с потолка «середину марта», как время начала болезни Крюкова? Или нет?

Согласно воспоминаниям Шкуратова, Крюков говорил о Мамонтове во время болезни, но генерал умер в Екатеринодаре 17 янв. / 1 февр. (то ли от тифа, то ли был отравлен). Другими словами, в воспоминаниях Шкуратова есть хронологические и событийные неувязки.

На 6-й странице письма, вспоминая прошлое, Шкуратов рассказывает о приезде Мамонтова в Глазуновку в гости к Крюкову:

«Однажды я дежурил по Станичному Правлению, рано утром сидел на рундуке (ящик-сиденье. — *И. Ш.*), к коновязи напротив подскакал генерал с ординарцем, по портретам я узнал — Мамонтов. Передав коня — ординарцу он быстро пошел ко мне и я встал, Спросив кто я он сказал: “— Мне нужно видеть Секретаря Воскового Круга и я уже знаю что — Федор Дмитриевич в Станице, пошлите кого-нибудь ему сказать, что его хочет видеть Мамонтов”.

Я послал Сидельца. Мы о чем-то поговорили и я увидел что быстро бежит Крюков, бледный как-бы испуганный — быстро пошел на встречу Мамонтова, громко “по Атамански” отчеканил: “— Здравия желаю Ваше Превосходительство”... Хотя самим Кругом было отменено “Превосходительство”... Они пошли и я смотрел им вслед и мне показалось, что — Крюков перед Мамонтовым — “— петушком-петушком”... Мамонтов с большим отрядом кавалерии казачьих полков шел в свой знаменитый “рейд”».

По слову «рейд» можно определить примерное время визита Мамонтова в Глазуновку: «Конный рейд Мамонтова» — рейд 4-го Дон-

ского корпуса Донской армии Вооруженных сил Юга России был совершен 10 августа — 19 сент. 1919 г. (по нов. ст.). Хотя возникает вопрос — что делать Мамонтову у Крюкова, если свой рейд по тылам Красной армии он начал в 130 верстах к северо-западу от Глазуновки? Пить вино («батарея бутылок, прием был на много персон») с писателем, как описывает далее Шкуратов?

В конце седьмой страницы и далее следуют такие пассажи:

> «После смерти Крюкова по дороге на Екатеринодар разнеслась весть: Мамонтов умер в тот-же день что и Крюков... В Екатеринодаре я узнал от С-Р-а (эсера. — *И. Ш.*) полковника-кубанца Макаренко следующее:
>
> Мамонтов таки выступил на Активе всех трех Кругов, которые назывались "Кругами Спасения", опять потребовал разрыва с Добрармией и зачитал Декларацию от имени Командования и Кругов. Вэто заседание небыло ничего решено и Мамонтов ушел в Гостинницу, где утром и нашли его мертвым... Макаренко-же мне говорил что это дело рук "Добрармейца" генерала Покровского (очевидно, Виктор Леонидович. — *И. Ш.*), кот. ужь нельзя было повесить Мамонтова, как он повесил здесь в Екатеринодаре, Председателя Рады Рябовола[19] и священника Калабухова[20]... за призыв к "сепаратизму"...
>
> В газетах было сообщение, что Мамонтов умер от разрыва сердца, но при той почти воровской спешке, как хоронили Мамонтова — ужь никто несомневался: он был отравлен!..
>
> Там-же в Екатеринодаре я получил письмо от жены через ея знакомую Учительницу и в письме она писала что доехала в станицу и ее не только нетронули но и поселили в доме Крюковых и она уже учительствует... Письмо вызвало надежды Марии Дмитриевны (сестра Ф. Крюкова. — *И. Ш.*) и они к сожалению не оправдались... Но об этом — в другом месте, хотя если судить по роману она М. Д. была женщина более чем околоисторическая и она МНОГО сделала "по книжкам" и не только для П. К. (**П**авел **К**удинов — псевдоним П. И. Шкуратова. — *И. Ш.*)... Федор Дмитриевич слег опять, начался "возврат" Но он проходил какими то шквалами то лучше то хуже и когда было лучше он одевался потеплее и опять тащил меня на "самое высокое место" и мы говорили».

Совершенно непонятная чехарда изложения фактов — Крюков умирает, Шкуратов уже в Екатеринодаре получает от жены письмо, и оно вызвало какие-то надежды Марии Дмитриевны. Затем Крюков слег опять... И возникает вопрос — это сколько же времени Шкуратов просидел с «бабами» в Екатеринодаре, что его жена успела вернуться из «отступа» в Глазуновскую станицу, смогла поселиться в доме Крюковых, начала учительствовать и затем отправила письмо мужу через

[19] *Рябовол Николай Степанович* (1883—1919) на самом деле был убит неизвестными лицами 27 июня 1919 г. двумя выстрелами из револьвера.

[20] *Калабухов Алексей Иванович* (1880—1919), член Кубанской Рады, действительно был повешен 7 нояб. 1919 г. по решению деникинского военно-полевого суда.

свою знакомую? А ведь от Глазуновской до Екатеринодара по дорогам не менее 700 км. (Попробуй-ка доберись в то время на телегах.)

Но цитирую далее:

«Однажды он заговорил о В. Г. Короленко и Алексее Васильевиче Пешехонове:[21] "— Любил я В. Г. и... боялся! Ведь кого боишься — или презираешь или ненавидишь, а тут «любил и боялся»!.. По работе редактора беллетристического отдела я неопытный, да пожалуй и не мое это было дело — я часто делал промашки. А он?? Ты понимаешь — как он это умел — бог весть — но все разговоры оканчивались тем что у меня создавалось впечатление что он меня... похвалил за промашку... Но эта «похвала» стоила мне безсонных ночей, я спрашивал «его»: — «Кто-же ты — святой или ты ужь очень ЧЕЛОВЕК, что обычному уму просто непостижимо... Я-бы тебе много привел примеров служебных и личных и ограничусь одним: В редакции работала одна женщина замужняя и у меня с нею начался что-то вроде романа — работала она в моем отделе. Мы это скрывали и как он уловил незнаю но однажды между разговоров о чем-то он мне по «деловому» прямо смотря в мои глаза сказал:

«— Я думаю Ф. Д. перевести Н. Н. в корректорскую, так будет лучше и вам и ей»... Про меня говорят что я «замкнутый» но он В. Г. меня «разомкнул»: и я расплакался и как «на духу» ему сказал: «— Я вам В. Г. недам переводить Н. Н. но клянусь — вам матерью все будет в порядке и я сам скажу Н. Н.»...

Люди в редакции вообще были какие-то а Н. Н была особенная из особенных и она сама пошла к В. Г. Призналась во всем и благодарила что он «нас обоих — излечил и излечил так простецки»..."

...Небольшой отступ для А. В. (А. В. Храбровицкого. — *И. Ш.*): В одном из писем В. М. (В. М. Проскурин, московский журналист, земляк Крюкова. — *И. Ш.*) я писал что В. Г. Короленко проездом был в станице и В. М. мне ответил: "— А. В. день за днем проследил всю жизнь Короленко и категорически возражает: В станице даже «проездом» он — небыл"![22] Вспомнив теперь я хочу разсказать вам эту... "брехню": В одном из писем мне в Вильно (Вильнюс. — И. Ш.) Мария Дмитриевна мне писала: "— В станице проездом был Короленко и я-бы хотела что-бы ты только на него ПОСМОТРЕЛ... Я тоже почти на него «только посмотрела», но понимаешь, у меня осталось такое впечатление, будто я жила с ним годы и от этого «посмотрела» я очистилась от всякие скверны и мне кажется ужь ненадо ждать и — никакого ИДЕАЛА"...

Мне этого потом не удалось проверить, но так-ли вы уверены что В. Г. небыл в станице? Писала это мне М. Д. в 13—14 г.г. ДЛЯ МЕНЯ М. Д. уже необратимо "сложилась" как Человек и Женщина и за долгие годы я ее УЗНАЛ включая и ея как и у брата "мамины родинки", но она органически не могла быть как я "сочинительницей" и я допускаю тут только одно: Она

---

[21] О Пешехонове см.: *Шап Игорь*. Федор Крюков и редколлегия журнала «Русское богатство»: атрибуция снимка // URL: https://wp.me/p2IpKD-4lf (дата обращения: 11.11.2023).

[22] В письме стоит пометка рукой Храбровицкого со сноской: «*Так уверенно сказать не могу*».

несколько раз была в Петербурге у брата и там возможно когда “посмотреть” и Короленко и утешая меня в то время тоскующего по Идеалу ЧЕЛОВЕКА, и перенесла это “посмотрела” из Петербурга на станицу, по которой она со мною тоже тосковала...

С Марией Акимовной (ум. в 1990. — *И. Ш.*) мы в Ленинграде “пошумели” о Крюковых, но если о Федоре мы “шумели” в унисон, о Марии мы далеко разошлись: она прямо мне сказала что — не любила М. Д. и на мой прямой вопрос “ЗА ЧТО”, прямо и ответила: “— НЕСКАЖУ”!..

...Простите уже за большой “отступ” — возвращаюсь:

“То лучше, то хуже”. Сэтого времени он стал жаловаться на **боли** *в области печени* и шутя говорил:

“— Это болезнь «писательская» и как потом получилось — он неошибся... В какой-то станице, кажется это была *Ново-Корсунская* он Слег совсем, из двух подвод одна была полуфурка похожая скорее на арбу и предохраняя от толчков мы настелили все <что> можно было настелить и ехали тихо, стало уже пригревать и он все требовал: «— ПИТЬ»! Воду мешали с вином и он возбуждался и требовал меня: «— Иди рядом и нам надо поговорить” и я шел рядом».

Добавлю к этому цитату из книги исследователя Леонида Доды, где он сообщает о записях Н. А. Кручининой,[23] сделанных для А. Солженицына (она читала письмо П. Шкуратова М. Асеевой и кратко пересказала его):

«В другом отрывке из письма Н. А. Кручининой говорится: “*В Ново-корсунской 2 недели болела печень* (?), но Ф. Д. еще ходил. Поговаривали женщины о Франции. Крюков, Шкуратов хотели оставаться в России. С ними ехало несколько сундуков. Но ничего Крюков о них не говорил при болезни Шкуратову”».[24]

То есть Шкуратов не только Храбровицкому писал про боли в печени у Крюкова. Заглянув в «Википедии» в статью «Сыпной тиф», можно обнаружить, что печень там не упоминается ни разу, и наоборот, в статье «Возвратный тиф» есть следующее: в разделе «Течение болезни. Патогенез» — «Токсикоз сопровождается лихорадкой, а в селезенке и печени возникают очаги некроза»; в разделе «Клиническая картина» — «На высоте приступа появляются различной формы высыпания на коже, увеличиваются селезенка и печень, иногда развивается желтуха».

Слова Шкуратова о самочувствии Крюкова «То лучше, то хуже» можно прокомментировать цитатой из того же раздела «Клинической картины» возвратного тифа: «Приступ продолжается от двух до шести дней, после чего температура падает до нормальной или субфе-

[23] *Кручинина Наталья Алексеевна* — ленинградский терапевт, помощница А. И. Солженицына.

[24] *Дода Л. Н.* Судьба Донских архивов Пушкина и Крюкова. М.: Артегер, 2021. С. 47.

брильной и самочувствие больного быстро улучшается. Однако через 4—8 суток развивается следующий приступ с теми же симптомами».

Другими словами, есть все основания полагать, что *Федор Крюков умер от возвратного тифа.*

Далее ничего существенного Шкуратов не пишет, и его воспоминания все больше напоминают бред больного человека. Но на 12-й странице появляется некое «просветление»:

> «Но тут была и одна странность: он ниразу незаговорил о документах — рукописях, письмах — Архиве: везли мы несколько сундуков и их пришлось много таскать и однажды мы с Марией тащили один небольшой но тяжелый сундук и я спросил Марусю: "— Что это?" "— Да это тут все Федино!"
>
> Когда у М. А. (Марии Акимовны Асеевой. — *И. Ш.*) я столкнулся со стар<ым> архивом[25] и сказал о маленьком сундуке, она наговорила мне об этом — столько дедективно-фантастического, что будто-бы он<а> говорила М. Д. (сестре Крюкова. — *И. Ш.*) / Она к ней приезжала в 29 году[26] / что просто ужь для меня непонятно... Кстати сказать — Марию Дмитриевну сразу по приезде из Ленинграда в Чигонаки (хутор в семи верстах от Глазуновской станицы. — *И. Ш.*) к родным схватили — Игнатки "Куцые"[27] и отправили в Кулацкий поселок, где она вскоре и сошла с ума и ее забрали родные с Кумылженского хутора где она и умерла».

Мария Акимовна Асеева про приезд в Ленинград сестры Ф. Крюкова сочинять не будет, не тот она человек. И если такой приезд действительно имел место, то многое в описании Шкуратовым смерти писателя летит в тартарары.

В последнем процитированном абзаце очевидная ошибка или в цифре 29, или в самом факте «схватили» и последующих событиях. В обоснование приведу начало одной заметки Андрея Чернова:

> «Работая с той частью архив Федора Крюкова, которая хранится в РГБ, Михаил Михеев обнаружил, что в конце тридцатых Мария Дмитриевна Крюкова (младшая сестра писателя) находилась в полном здравии. Обнаружилось ее письмо Николаю Пудовичу Асееву, крюковскому другу, который и сохранил архив Федора Дмитриевича. Послано письмо было из города Серафимовича (так стала называться Усть-Медведицкая станица). 14 мая 1939 Мария Дмитриевна благодарит за присланные Асеевым 50 рублей и сообщает, что получила письмо от невестки (Опись ф. 654, картон 4, № 33)».[28]

---

[25] Имеется ввиду так называемый «Петербургский архив», который Крюков оставил на хранение у Николая Асеева. Последнее внесение в архив сделано весной 1917 г.

[26] Число 29 пропечатано бледно и прописано поверху рукой Храбровицкого.

[27] Очевидно, здесь «Куцые» — это прозвище жителей Вешенской станицы.

[28] *Чернов Андрей*. Найдено письмо Марии Крюковой, датированное маем 1939 года // URL: https://wp.me/p2IpKD-2XA (дата обращения: 11.11.2023).

Продолжим чтение воспоминаний:

«Так мы ехали и приехали в одну станицу. Ухало где-то далеко и Крюков воспрянул: "— Это там держит Мамонтов, давайте здесь отдохнем побольше и мне как-будто стало лучше и авось"! Отдыхали мы около недели и Крюкову правда — стало лучше и он ходил-ходил и тут произошел какой-то кризис душевный и патологический: он замкнулся и замолчал а лицо, руки стали желтеть и мы его уже "приговорили" да будто и сам себя он приговорил: все ему было безразлично и даже переменить белье была задача: "— Зачем это мне"?»

По Шкуратову получается, что генерал Мамонтов еще воевал, а Крюков уже умирал. Напомню, что генерал скончался в Екатеринодаре 17 янв. / 1 февр. 1920 г.

«И никуда ужь меня нетянул и было только две слабости: много пил воды и все требовал "подбавить" вина и всегда держал в кармане флакон хороших французских духов и то и дело на себя брызгал... случайно мне удалось открыть этот "секрет": я близко оказался к лицу Ф. Д. и он — как раз выдохнул и изо рта пахнуло страшным зловонием тлением. <...>

В белогвардейских газетах я потом читал как "много там беспокоились Крюкова и друзья принимали меры".. За всю дорогу только один раз прискакал на коне член В. К. (**В**ойскового **К**руга. — *И. Ш.*) — Синев с врачём "пришли-понюхали и ушли"... Прискакали по "ахали" и... ускакали! Да ОН с ними и нехотел говорить ужь зная свою обреченность...

В станице он сам дошел до арбы и сам и влез, а потом пришло и тряское, так мы и доехали до последняго хуторка.

Проскурин потом сбитый с толка белогвардейскими газетами — в которых "очевидцы" писали что Крюков умер в Екатеринодаре "оплакиваемый друзьями"... И долго Проскурин мне неверил.. Как и потом мне неверил, а верил белогвардейским газетам — когда писал свою статью поливая дегтем человека-деятеля — которого он СОВСЕМ незнал... А поверить мне? *Ведь я-же "беллетрист—сочинитель"*!

Я по просьбе М. А. (М. А. Асеевой. — *И. Ш.*) написал ей подробно дорогу Крюкова к смерти, написал женщине по "вопроснику" и пишу вам и говорю: По разному я написал ей и вам и если-бы кто-то еще попросил меня написать я-бы и третьему и четвертому писал... по разному... Только м. б. если "поторопит бог" в "Курганово" или Воспоминание я напишу НАСТОЯЩЕЕ...»

На 15-й странице воспоминаний:

«И так — Хуторок и... отступ! Проскурин излагал мне свое недоверие мне подсовывал мне и белогвардейские газеты: "Вот читайте точно названы координаты: «Ново-Корсунская и Екатеринодар» а вы даже неможете назвать какого-то «хуторка»". Проскурин поверил печатному.. "документу"! Ковыряя потом память я спрашивал Марусю и Шуру: — "А как называется этот хуторок"? Ни я, ни они даже и недодумали узнать его название: нам было не до ХУТОРКА!..

В хуторке имя-рек, Ф. Д. пролежал два дня небольшая комната с большим окном на юг а солнышко сияло “во всю лепоту”, хотели зашторить — отказался: “— Пусть будет солнышко”! А Ф. Д. заговорил опять... о политике! “Бабы” напустились на меня: “— Не лезь ты к нему, дай хоть умереть спокойно”! А он гнал “баб” и требовал — что-бы я к нему “лез”.. До самого последнего вздоха Ф. Д. были в памяти и памяти довольно ясной и мы говорили.

В “книжках” я где-то читал — вопервых — желания умирающего должно быть безспорным и вовторых.. вино! Хорошего “Цымлянского” мы везли порядочно а вода была с ледяного хозяйского погреба. В последний день — как это часто бывает перед смертью — ему стало значительно лучше — и он шутил: “— Я с тобою стал настоящий С-Р-болтун”... Наконец сказал: “— Налей-ка по маленькой чистого и давай стукнемся... за литературу”... И “стукнулись”! “— Чистый” ли или пришла пора но он стал угасать и та-же ясная память... А вот последние его слова были не литературные а политические: “— Как мы ошиблись в народе или народ ошибался нам доверяя”... Фразу эту он тянул долго почти по складам и ВСЕ!

Это “все” было в 11 часов дня. Гроб заказанный хозяину уже давно ждал и я взяв трех казаков-кубанцев и две бутылки цымлянского пошел искать место “Над вечным покоем” а оно ужь было намечено: *дом крайний на юг по дороге к Екатеринодару* и Ф. Д. — приподнимаясь иногда смотрел на дорогу. Что он там видел — это его тайна но выйдя за хутор я сразу определил и место: в разломистом буераке между двумя склонами виднелся как мне сказали *женский монастырек — новенький* и было сначала сунулся в этот монастырек и видимо игуменья мне — сказала: “— Мужчин мы неможем хоронить здесь, а если — хотите отпеть — отпоем”... Соблазнило меня последние но когда мы шли по дороге нас обгоняли, какие-то войска и некоторые с оружием: “— Отпевать” отставил. Нашел бугорок вернулся и всего-то я проходил видимо час-полтора, но застал посмертную трагедию: То что было писателем — Федором Дмитриевичем Крюковым — разлагалось! <...>

Солнце уже палило напрямую в окно и его распахнули и те-же казаки что копали могилу вынули Ф. Д. в большое окно и положили в гроб плотно забили гвоздями и небыло никакого “последнего целования” “Святый Боже” — “Вечная память”... СПЕШИЛИ!

А поведение “баб” Мое? Мне “наблюдать” было некогда и только мельком их видел: они были страшные, растерянные — убитые и даже небыло никаких слез. Надо было суетиться т. к. по Шляху валил народ и войска и “ухало” уже нетолько сзади но и по сторонам и им ужь наверное мерешилась “ловушка”: они ЖИВЫЕ смертельно боялись! Устьмедведицкий возчик “Григорич” уже стоял навыезде с двумя подводами но гроб поставили на дроги — хозяина — тронулись: впереди подводы а сзади дроги с гробом и... процессия — Маша, Шура и я! И эту “процессию” — обгоняли, снимали шапки — крестились и скакали в намет: гроб видимо напоминал что там сзади и по бокам тоже... гроб!..

Но вот она и могила! “Григорич” свернул с Шляха то<.>но в сторону и не поехал к монастырьку, держал подводы на “взводе” — бежать... У могилы бабы прорвались: упали на бугор земли — разрыдались, что-то голосили “по мертвому”, а рабочие стояли “наизговке” с лопатами и указывали

на Шлях: надо спешить! Маруся и Шура поднялись сцепились отошли в сторону *присели на траву* — опустив в колени головы — растрепанные жалкие "сиротки" всхлипывали иногда смотрели на меня а мне их было замечать — некогда: Хозяин привез две краски — черную и красную и — пока зарывали могилу я писал на кресте, по верхней прямой — перекладине креста — написал красною краской: "Ф. Д. Крюков". На заранее прибитой полосе жести написал: "Ненавидя и любя слезами горькими — оплакивал я тебя — МОЙ Край Родной"! (Из стихотворения в прозе "Край Родной").[29]

Рабочие закопали поставили крест — подняли лопаты уходить. Я дал им "колокольчиков" и они пошли — почти бежали... Я подошел к "бабам" и они сидели так-же об<...>шись и опустив головы в колени безмолвно рыдали — вздрагивали... Я их поднял сказал Марусе: "Пойдем с тобой к Монастырьку"! Шура бросилась к могиле заголосила... "Фребеличка"! — "Генеральская дочка"...

А у меня как и всегда в таких случаях удивительное спокойствие и ДЕЛО! По дороге к Монастырьку Маруся было разрыдалась: "— Что-же мы будем делать... без него"?!... Я почти заорал на нее: "— ЖИТЬ, понимаешь — Жить а теперь делать дело"! Она опешила и даже как будто обрадовалась: "— Какое-же мы с тобою будем делать дело в Монастырьке"? Видимо инстинктивно смотрела на Шлях где все бежало... Я ей рассудительно об'яснил наше дело и она страшная и прекрасная поняла в этом какую — надежду...

От угла цементного фундамента монастырька мы отмеряли — чуть-ли не как в Строю 90 шагов до могилы и я им обоим сказал: "— Оглядитесь кругом и запомните приметы и мы когда-нибудь увезем ЕГО в станицу и там мы пропоем Ему «Вечную ПАМЯТЬ"!.. Постояли "огляделись" и Маруся уже спокойно сказала: "— Да тут почти все такое как у НАС у Ближнего и Монастырек"! А Григорич уже что-то махал фуражкой — кричал и Шура побежала к подводам и они подводы тихо поехали. Мы с Марусей шли молча *по зеленой траве* (какой же это был месяц? — *И. Ш.*) — наизволок и наметили самую высокую точку взгорья и шли — иногда останавливались — оглядывались на крест и он крест — становился все меньше и меньше... А подводы остановились на намеченной нам "точке" откуда уже спуск с изволока по Шляху на Екатеринодар... Догнали подводы, а Шура стояла — во весь рост на каком-то сундуке — плакала и смотрела ТУДА, где под крестом лежал ОН "Строгий деверь"... Она ведь только и всего "— Сноха" и "грешная сноха", но "весь рост" стояло прекрасное изваяние ВЕЛИКОЙ СКОРБИ о НЕМ — "строгом девере" которого иногда в шутку называла и "брюзгою Свекром"... А ОН подконец тоже — понял... "Обвал" а при Обвале позволено... многое ей здоровущей женщине за 30 лет... Он который тоже много — любил "по грешному"... Маруся стояла рядом со мною и тоже смотрела ТУДА, стояла положив мне на плечо руку, почти — "узаконенная"... А я смотрел На Шуру — Великую Скорбь — и она выростала во что-то ужь совсем "по ту сторону — добра и зла" и хотелось

[29] Полная фраза: «Во дни безвременья, в годину смутную развала и паденья духа, я, ненавидя и любя, слезами горькими оплакивал тебя, мой край родной...» (Донская волна. 1918. 26 авг. № 12. С. 1).

ей крикнуть как Марусе: "— Будем ЖИТЬ Шура и нет никакого греха когда ты такая прекрасная в этой твоей ВЕЛИКОЙ СКОРБИ"...

Стояли мы на второй подводе в сторонке от Шляха и нас — обгоняли-спешили и Григорич что-то показывая на зад где что-то "ухало".. Посмотрели в ПОСЛЕДНИЙ раз едва маячащий крест: "—ПРОЩАЙ"!..

Григорич соскочил тронул лошадей на Шлях... и Под горку ВСЕ скрылось и уже поскакали и мы... КОНЕЦ!

П. И. Шкуратов».

Далее шариковой ручкой (зеленая паста) написано: «21. 7. 70 г.».

И ниже рукой Храбровицкого (синяя паста): «(гор. Михайловка, Волгоградской области)».

* * *

Итак, какие могут быть противоречия с известными фактами? Приведу самые очевидные. Почему Шкуратов в последнем отступе не упоминает двух малолетних детей Шуры? Она ушла в «отступ» без детей? Младшей дочери Вере в то время было около шести лет,[30] а сын Дмитрий был первенцем, значит постарше. А ведь Шура планировала оказаться со временем в Петрограде. Однако есть версия, что дети остались под присмотром сестры Ф. Крюкова Евдокии в Усть-Медведицком женском монастыре.

Следующий вопрос — неужели уже выросшему Дмитрию Александровичу Крюкову его мать (Шура) не рассказала все про обстоятельства смерти дяди Феди? А ведь у него в Ростове-на-Дону вплоть до 1974 г. хранились картонные коробки с бумагами писателя (в дальнейшем они попали в различные госархивы). Нам известно, что Д. А. Крюков активно общался с ленинградскими родственниками Николая Пудовича Асеева, пытавшимися узнать обстоятельства смерти Ф. Крюкова, но так ничего и не прояснилось.

Есть еще одна заслуживающая внимания деталь — Шкуратов, описывая похороны Крюкова, дважды упоминает «траву», причем не прошлогоднюю — «шли молча по зеленой траве». Решил заглянуть в архив погоды.[31] Оказывается, в Краснодаре в феврале 1920 г. средняя температура была минус 7,1°С, что является аномально низким значением для тех мест. Но ни о какой морозности в воспоминаниях речь не идет даже косвенно.

Резюмируем. Свидетель из Шкуратова получается ненадежный. Его воспоминания оставляют больше вопросов, чем ответов. Ничего не проясняется, а только запутывается. Создается впечатление, что

---

[30] Из статьи Петра Крюкова «Два ареста Ф. Д. Крюкова», где события происходят в 1918 г.: «Отец обнял нас всех, потом взял на руки пятилетнюю племянницу Верочку, свою крестницу, младшую дочь своего меньшего брата Александра, последнего по рождению в семье, и дошел до куреня».

[31] См.: Летопись погоды в Краснодаре // URL: http://www.pogodaiklimat.ru/history/34927.htm (дата обращения: 11.11.2023).

автор хочет поднять собственную «значимость», сделав себя человеком, похоронившим Федора Крюкова. Но отметать эти «воспоминания» ни в коем случае нельзя, ибо они основаны на реальных событиях. И в этом их ценность. Другое дело — в какой степени и в каких местах они «додуманы» автором. Это все еще предстоит выяснить.

При большом желании местным краеведам следует по «приметам» Шкуратова проверить — существовал ли в описанных местах (от Новокорсунской станицы «по дороге на Екатеринодар») в то время «женский монастырек», и при положительном результате можно даже попытаться вычислить «бугорок», где был захоронен Федор Крюков. Если, конечно, Шкуратов все это не сочинил...

Благодарю за предоставленные материалы и оказанную помощь при подготовке этой публикации сотрудника Рукописного отдела Пушкинского Дома Александра Владимировича Дубровского (хранитель пушкинианы) и поэта Андрея Юрьевича Чернова.

P. S. На портале Андрея Чернова «Несториана» будет размещена обширная публикация о различных версиях смерти Федора Крюкова, о моих разысканиях в интернете на «базе» воспоминаний Шкуратова потенциального места захоронения писателя, о вероятном времени его кончины.[32]

P. P. S. В ОР РГБ (ф. 838, карт. 20, ед. хр. 9) обнаружились воспоминания П. Шкуратова (без концовки, ровно на 100 страницах), видимо, написанные параллельно с подготовкой аналогичных «мемуаров» для журналиста Виталия Матвеевича Проскурина, который собирал материалы о своем земляке писателе Ф. Крюкове. Там Шкуратов называет свой возраст — 74 года, а значит, можно датировать эти записи 1963 годом. Вот ряд заслуживающих внимания уточнений и дополнений, вынесенных оттуда.

1. Высказанное сомнение, что П. Шкуратов доводился племянником Ф. Крюкову, подтвердилось, ибо на стр. 3 автор пишет:

> «Я станичник, друг, ученик, соратник Крюкова, <...> Я был близок к Крюкову с девяти лет, сначала как, “читатель” его “книжек” из Библиотеки, а затем уже взрослый и всячески выросший, под большим его влиянием».

О «племяннике» упоминания нет, то есть Шкуратов в общении с Виктором Лысенковым выдумал про свое родство с Крюковым.

2. Шкуратов сообщает, что закончил «полстароверской “гимназии”» (на с. 5). Закавыченное последнее слово означает, что это была

[32] Когда данная публикация прошла редакционно-техническую подготовку и должна была отправиться в верстку, мы получили от автора, И. Е. Шапа, письмо от 11 ноября 2023 г. с важным дополнением к его материалу, которое приводим ниже. — *Ред.*

все-таки глазуновская старообрядческая школа. Значит, учился он от силы год-полтора.

3. На с. 46—47 есть упоминание о приездах в гости к Крюкову в Глазуновскую ряда писателей:

> «Большой фурор произвел в станице приезд постоянного сотрудника «Русского Богатства», живущего в Лондоне русского еврея, писавшего под псевдонимом *Дионено* (Исаак Владимирович Шкловский. — *И. Ш.*) <...> Одно лето долго жил *Н. Ф. Анненский,* и я один раз видел его только мельком... <...> Часто бывал *Серафимович,* и Мария Дмитриевна особенно за ним ухаживала, что видел и я один раз...»

4. На с. 49 Шкуратов называет Крюкова редактором областной газеты «Вольный Дон», что говорит о плохой информированности или памяти «мемуариста». (Крюков возглавлял «Донские ведомости».)

5. На с. 60 есть довольно «туманная» информация об уходе Крюковых в отступление:

> «Раннею осенью 1919 года я опять оказался на Царице (что это? — *И. Ш.*). В этот раз в отступ пошло уже гораздо меньше, но какое-то время на Царице сложился тот же привычный быт, правда уже без браги и хождения по дворам. Крюковы первое время “отступили” в Усть-Медведицу и жили у своих родных. Выехали они на двух парных подводах, с громоздким багажом и ребятишками, Петушком и Митей. Но Усть-Медведица вскоре стала обстреливаться, и они тоже пробрались на Царицу. Но Петушка и Митю они туда не привезли: Петра Крюков забрал в Новочеркасск, а Митя, как я догадываюсь, попал к Дуне в Монастырь. Через некоторое время я узнал, что Александр умер, и Дуня осталась в монастыре...»

6. На с. 64 Шкуратов передает слова, сказанные ему Крюковым:

> «— Кажется, я один там “в верхах” не научился играть “в клетки”, может быть потому, что я — “шпак”. *Деникин* был в Новочеркасске, и я сам брал у него интервью. Принял меня в каком-то стареньком халате, за чаем, один, и на столе стоит большой глобус. Простенькое лицо, седенькая бородка клинушком, очень красивые, пухлые, белые, женские руки. Ну, как говорят у нас, “истованный” директор гимназии Антон Иванович. У меня были подготовлены вопросы, и я было вынул блокнот. А он замахал руками:
>
> — Давайте лучше просто поговорим! Вы ведь учитель, а я всю жизнь мечтал быть учителем, а вот в третий раз — главнокомандующий.
>
> Поговорили с ним просто, по-интеллигентски, по-русски, со старинным шумом — обо ВСЕМ, но ушел я от него с тяжелым чувством: он тоже “играет в клетки”...»

7. Судя по воспоминаниям Шкуратова, путь Крюковых в отступе пролегал из Усть-Медведицкой в южном направлении через Обливскую станицу (воспоминания обрываются в том месте) на Цымлу

(ныне город Цимлянск) и далее планировалось идти на запад через Семикаракорскую станицу.

Библиографический список

1. *Крюков П.* Два ареста Ф. Д. Крюкова // Казачий исторический сборник. Париж, 1959. № 9—10.
2. *Крюков Ф.* Свидетельство документов // Донские ведомости. 1919. 11/24 мая. № 109.
3. *Кузнецов Ф. Ф.* Судьба и правда великого романа. М.: ИМЛИ РАН, 2005.
4. *Солженицын А. И.* Собр. соч.: в 30 т. М.: Время, 2009. Т. 16: Красное колесо. Узел IV, кн. 2.
5. *Храбровицкий А. В.* Очерк моей жизни. Дневник. Встречи. М.: Новое литературное обозрение, 2012.

DOI: 10.31860/978-5-918680-384-459-473

К БИОГРАФИИ О. Ф. БЕРГГОЛЬЦ: ПИСЬМО Я. Л. БАБУШКИНА К Г. М ФРИДЛЕНДЕРУ (1941)

(Вступительная статья, подготовка текста и комментарии Н. А. Прозоровой)

Аннотация: Впервые публикуется письмо радиожурналиста Я. Л. Бабушкина, написанное из блокадного Ленинграда своему другу, историку литературы, тогда — преподавателю Архангельского государственного педагогического института — Г. М. Фридлендеру. В письме содержится просьба помочь О. Ф. Берггольц устроиться в Архангельске, куда она собиралась вывезти из осажденного города своего больного мужа, Н. С. Молчанова. Документ добавляет важные детали к безуспешной попытке Берггольц покинуть Ленинград в декабре 1941 г. и содержит ее портрет — поэта и человека. Письмо Бабушкина может быть прочитано как автохарактеристика радиожурналиста, не теряющего самообладания в «смертное время» Ленинграда. Публикуемый документ добавляет штрихи к биографии Г. М. Фридлендера военного времени, а также свидетельствует о взаимном доверии и внутренней близости будущего академика и Я. Л. Бабушкина.

Ключевые слова: О. Ф. Берггольц, радиожурналист Я. Л. Бабушкин, Г. М. Фридлендер, блокада Ленинграда, Н. С. Молчанов, эвакуация.

Abstract: For the first time, a letter by radio journalist Ya. L. Babushkin, written from besieged Leningrad to his friend, a literary historian, then a teacher of the Arkhangelsk State Pedagogical Institute, G. M. Friedlander, is published. The letter contains a request to help O. F. Bergholz get settled in Arkhangelsk, where she was going to take her sick husband, N. S. Molchanov, out of the besieged city. The document adds important details to Bergholz's unsuccessful attempt to leave Leningrad in December 1941 and contains her portrait — a poet and a man. Babushkin's letter can be read as the autocharacteristics of a radio journalist who does not lose his composure in the «mortal time» of Leningrad. The published document adds touches to the biography of G. M. Friedlander during the war and also testifies to the mutual trust and inner closeness of the future academician and Ya. L. Babushkin.

Keywords: O. F. Bergholz, radio journalist Ya. L. Babushkin, G. M. Friedlander, the siege of Leningrad, N. S. Molchanov, evacuation.

Письмо Я. Л. Бабушкина к Г. М. Фридлендеру содержит сведения о блокадной биографии Ольги Федоровны Берггольц (1910—1975). Оно написано в декабре 1941 г., когда поэтесса надеялась вывезти в Ар-

© Прозорова Н. А., 2023

хангельск своего ослабевшего от голода и болезней мужа — Николая Степановича Молчанова (1909—1942).

Автор публикуемого письма — Яков Львович (Лейбович) Бабушкин (1913—1944) — радиожурналист, художественный руководитель Ленинградского радиокомитета.[1] Берггольц познакомилась с ним в июне 1941 г., когда пришла работать на радио, а сблизилась с Бабушкиным и Г. П. Макогоненко в начале сентября, когда они оказали ей поддержку в связи с предполагавшейся высылкой из Ленинграда ее отца, Ф. Х. Берггольца, за «немецкое происхождение».[2] 5 сентября поэтесса написала в дневнике: «Но за эти три дня хлопот за отца очень сблизилась (кажется) с Яшей Бабушкиным, с Юрой Макогоненко...»[3]

Когда Ленинград был взят в кольцо, Берггольц не собиралась уезжать. Ю. Герману, уговаривавшему ее покинуть город, она объясняла, почему это невозможно, и говорила, что именно «сейчас все подводится, проверяется».[4] У Берггольц была возможность вылететь на самолете в Москву с А. Ахматовой, которая просила сопровождать ее. Но Ольга Федоровна осталась с мужем, страдавшим эпилепсией еще с начала 1930-х гг. «Я не поехала, — писала она 1 октября 1941 г. — Я не могу оставить Кольку, мне без него все равно не жизнь, несмотря на его припадки, доставляющие мне столько муки... Я не поехала из-за Кольки, из-за того, что здесь Юра, Яшка и другие».[5]

В конце октября после очередного припадка Молчанов настойчиво уговаривал Берггольц эвакуироваться. Она уже стала было склоняться к этой мысли, но одновременно инстинктивно ощущала: «...надо быть в Ленинграде. Почему? Точно сказать не могу. Надо — и все».[6]

Друзья поэтессы, встретившие ее с мужем 7 ноября на Невском проспекте, были поражены переменой, произошедшей в Молчанове. «Когда я видел его последний раз, — вспоминал Л. Левин, — это было еще до войны, — он производил впечатление полного сил, цветущего молодого человека. Я знал, что он серьезно болен — у него была эпи-

---

[1] Подробнее о нем см.: *Биневич Е. М.* Свидетельства о Якове Бабушкине // Звезда. 2015. № 12. С. 218—229; см. также в кн.: *Рубашкин А. И.* Голос Ленинграда: Ленинградское радио в дни блокады. 4-е изд., испр. и доп. СПб.: Петрополис, 2012. 232 с.

[2] В сентябре 1941 г. город был взят в кольцо, и высылка не состоялась. В марте 1942 г., во время весеннего этапа высылки горожан немецкой национальности, Федор Христофорович был отправлен из Ленинграда в Красноярский край. Подробнее см.: *Прозорова Н. А.* Ольга Берггольц: начало (по ранним дневникам). СПб.: Росток, 2014. С. 139—165 (глава «Путь к отцу»).

[3] *Берггольц О. Ф.* Блокадный дневник (1941—1945) / сост., текстол. подгот. Н. А. Стрижковой; статьи Т. М. Горяевой и Н. А. Стрижковой; коммент. Н. А. Громовой и А. С. Романова. СПб.: Вита Нова, 2015. С. 24.

[4] Там же. С. 15.

[5] Там же С. 41.

[6] Там же. С. 51 (запись от 27 окт. 1941 г.).

лепсия, — но на щеках его всегда играл румянец, он казался бодрым и даже физически сильным. Сейчас в лице его не было, что называется, ни кровинки, глаза потухли, он улыбался вялой улыбкой, больше похожей на гримасу».[7]

1 декабря в дневнике поэтессы появилась запись о возможном отъезде. Внутренняя борьба была жестокой: один голос, «сильный и властный», говорил Берггольц: «Я должна быть здесь, голодать, так же как все, писать и поддерживать их дух», [8] а другой — убеждал спасать исхудавшего и одряхлевшего мужа: «Я ДОЛЖНА для него сделать все, что надо». [9]

Первоначально отъезд был назначен на 10—12 декабря. На руках Берггольц была командировка в Архангельск с характеристикой, выданной В. К. Кетлинской. Отъезд устраивал предприимчивый А. Г. Розен (одно время работавший на радио) и делал это, по словам Берггольц, «по блату, видимо, просто за взятку Армвоенторгу».[10] Затем отъезд отодвинулся до 14 декабря. «Мы не уехали 14/XII. Это со всех почти сторон к лучшему — мы бы измытарились только, и Колька наверняка погиб бы.

Дорога на Новую Ладогу, как говорят, ужасна. Но ленинградцы идут по ней пешком, с детьми и саночками, падают, умирают, а кто может — идет дальше».[11]

Еще одна надежда — уехать 19 декабря — вновь не оправдалась. «Не знаю, уедем ли мы, — писала Берггольц 20 декабря. — Эвакуация на самолетах отложена, — налаживается железная дорога. <...> А вообще все это почти миф».[12]

Между тем состояние Молчанова продолжало ухудшаться: припадки мучали его уже не только ночью, но и днем. Берггольц продол-

---

[7] *Левин Л.* Жестокий расцвет // Вспоминая Ольгу Берггольц. Л.: Лениздат, 1979. С. 69.

[8] *Берггольц О. Ф.* Блокадный дневник (1941—1945). С. 64.

[9] Там же. С. 91.

[10] Там же. С. 95. Отношение Берггольц к Розену и свидетельство о том, что он предлагал ей вывезти Молчанова за деньги, зафиксированы в дневнике Е. А. Вечтомовой. «Вчера я была у Ольги, — писала Вечтомова в мае 1945 г. — Говорили о жизни <...>. Ольга рассказала мне умилительную историю о том, как, еще работая в "Лит<ературном> Л<енингра>де", она обнаружила в своем столе донос Розена на нее и полный отчет о том, что делалось в редакции <...>. Рассказала и еще прямо-таки грязную историю с предложением Ольге эвакуировать умирающего Колю Молчанова в хамармеровской машине за... четыре тысячи. Тогда-то он (Розен. — *Н. П.*) и ко мне приставал с эвакуацией. Это было зимой 41—42 г. Потом он ходил колесом, упрашивая Ольгу не рассказывать об этих махинациях Хамармеру. Опять-таки понятно, почему он ее не выносит» (Дневник Е. А. Вечтомовой // Семейный архив Инге-Вечтомовых. Цитируется с разрешения наследников). Упоминается *Хамармер Исаак Павлович* (1896—1966) — военный комиссар Управления тыла 42-й армии Ленинградского фронта зимой 1941—1942 гг.

[11] *Берггольц О. Ф.* Блокадный дневник (1941—1945). С. 99.

[12] Там же С. 107.

жала надеяться «дотащить» его до Архангельска и положить там на лечение в госпиталь. Последняя попытка — улететь 27 декабря — сорвалась. Ольга Федоровна написала в дневнике: «...в самую последнюю минуту, когда уже надо было брать посадочные талоны, — из Смольного звонок — самолет отменен». [13]

Недатированное письмо Бабушкина к Фридлендеру с просьбой помочь устроиться Берггольц с Молчановым в Архангельске было написано именно в эти — декабрьские — дни: возможно, накануне 10 декабря (первая дата предполагаемого отъезда), но не позднее 26 декабря — последнего дня перед вылетом. Берггольц прощалась с Бабушкиным перед несостоявшимся отъездом, об этом свидетельствует ее надпись на подаренной ему фотографии: «Милому, родному Яше в знак красивой дружбы и любви. Оля. Июнь-декабрь, 1941. Ленинград». [14]

Публикуемое письмо Бабушкина по сути своей — рекомендательное: оно содержит характеристику поэтессы, данную коллегой-журналистом. К декабрю месяцу имя Берггольц уже было знакомо ленинградцам, хотя настоящая слава и признание пришли к ней после знаменитых блокадных поэм «Февральский дневник» (1942), «Ленинградская поэма» (1942), «Памяти защитников» (1944) и «Твой путь» (1945). К началу первой блокадной зимы голос Берггольц только набирал силу: она вела передачи по радио, читала свои стихотворения, среди которых особой популярностью пользовались «Сестре» («Машенька, сестра моя, москвичка!», написано 12 сент. 1941 г.), «Разговор с соседкой» («Дарья Власьевна, соседка по квартире...», написано 5 дек. 1941 г.), «Письмо на Каму» («Я знаю — далеко на Каме...»), написано 19 дек. 1941 г.).

Бабушкин отмечал в письме, что Берггольц «без сомнения очень способный» поэт, и подчеркивал, что она «понимает задачу писателя не в кропании произведений изящной словесности». Действительно, Берггольц отрицала литературный эстетизм (в интерпретации Бабушкина — «изящную словесность») и декларировала простоту языка и стиля: в ее эстетике «простое» означало «великое». [15] Блокадный радиожурналист верно подметил не только особенность ее творческой ориентации, но сообщил своему другу об «искреннем общественном темпераменте» поэтессы. И это была очень точная характеристика: авторская стратегия Берггольц, изначально направленная на «душевную помощь людям», совпадала с задачами военного времени: ее поэзия поддерживала ленинградцев во время блокадных испытаний.

---

[13] *Берггольц О. Ф.* Блокадный дневник (1941—1945). С. 103.

[14] Цит. по: *Герасимова Л. А.* Рожденные Отечественной...: к 70-летию Победы. Симферополь: ГБУК РК «Молодежная библиотека», 2015. С. 20.

[15] Подробнее: *Прозорова Н. А.* Поэтология Ольги Берггольц: рефлексия и авторская стратегия // Проблемы исторической поэтики. 2021. Т. 19, № 2. С. 353—372.

Отзыв Бабушкина о своей коллеге по Радиокомитету как о человеке был также очень сочувственным. «Она — безусловно, незаурядный человек, — писал Яков Львович. — В общежитии и товариществе абсолютно честна, порядочна...» Важная доминанта письма — указание причины, по которой Берггольц решилась на отъезд. Сообщая Фридлендеру о болезни ее мужа, объясняя, что Молчанов «дошел до очень тяжелого состояния», Бабушкин констатировал: «потому вывозим».

В тех характеристиках, которые Бабушкин дает своим друзьям, просвечивает и его личность. Определяя Молчанова как «советского до мозга костей человека», он тем самым заявляет о собственных приоритетах в оценке людей. Обращает на себя внимание и то, что, несмотря на чрезвычайные обстоятельства блокады (о которых Бабушкин предпочел не писать, полагая, что всё расскажут Фридлендеру Берггольц с Молчановым), он сохранял бодрость духа и уверенность в том, что через месяц-полтора ситуация в городе изменится к лучшему. «Уверен в будущем — совершенно», — писал он другу.

Однако в январе, когда смертность в Ленинграде стала приобретать чудовищные размеры и город был завален трупами, настроение изменилось. Оптимизм Бабушкина резко поубавился к 13 янв. 1942 г., о чем свидетельствуют его слова, сказанные Берггольц: «Если такое положение, как сейчас, продлится еще 2—3 недели, мы должны будем все застрелиться». [16]

Жившие на казарменном положении радиокомитетчики поддерживали друг друга как могли. По воспоминаниям Фадеева, побывавшего в Доме радио в мае 1942 г., Берггольц показывала ему записку Бабушкина, написанную в янв. 1941 г. Она извлекла из письменного стола «клочок бумажки, на котором было нацарапано карандашом: “Оля! Я достал тебе кусок хлеба и еще достану. Я тебя так люблю!”». [17]

В январе положение Николая Молчанова стало безнадежным. Сначала он был помещен в военный госпиталь № 861 (Песочная ул., д. 35), а затем, в середине января, переведен во 2-ю психиатрическую больницу (в городском обиходе — «Пряжка»). «Он лежит без сознания, весь в моче, — писала Берггольц о муже в дневнике 25 янв. 1941 г., — еще более похудевший и страшный, чем был, ни на что не реагирует, даже на меня, хорошо еще, что, механически открывая рот, — поел <...>. Позор, позор — вот что значит вся эта ленинградская героика. Так нельзя, так нельзя, как с Колей и с другими... ТАК НЕЛЬЗЯ». [18]

В сложившейся ситуации Берггольц корила себя за то, что не вывезла мужа. Зайдя на квартиру за одеялом, Ольга Федоровна увидела,

---

[16] *Берггольц О. Ф.* Блокадный дневник (1941—1945). С. 124.

[17] *Фадеев А.* «Хорош блиндаж, да жаль, что седьмой этаж» // Вспоминая Ольгу Берггольц. С. 157.

[18] *Берггольц О. Ф.* Блокадный дневник (1941—1945). С. 144—145.

«как у Коли заботливо все было собрано к отъезду, и закричала».[19] Вырвать мужа «из цепенеющих, мертвых рук Ленинграда» ей не удалось. 29 янв. 1942 г. Молчанов умер.

Судьба Бабушкина сложилась драматично. Несмотря на самоотверженный труд Якова Львовича в осаде[20] — напомним, что он был инициатором и организатором исполнения в блокадном Ленинграде Седьмой симфонии Д. Д. Шостаковича в Большом зале Филармонии 9 авг. 1942 г., — радиожурналист был уволен из Ленрадиокомитета 16 апр. 1943 г. без объяснения причин. «Яшку безобразно, гнусно выгнали из Радиокомитета, — писала Берггольц в дневнике, — безо всяких мотивировок и оснований, просто вдруг решили, что не ко двору». [21] В письме к Фадееву от 11 мая 1943 г. Берггольц хлопотала о Бабушкине, предполагая устроить его с помощью Фадеева в газету «Труд» или «Литература и искусство». Она писала:

> «Все-таки с коммунистом так поступать нельзя, тем более что Яшка не щадил жизни в полном и самом серьезном смысле слова на этой работе <...> и так как его теперь разбронируют — то он должен идти на военную службу рядовым, если возьмут. Опять-таки не думай, что он боится передовой, — у нас ли ее бояться, а глупо это, не нужно, ведь в сто раз больше пользы может он принести на своем месте. И вот (не посоветовавшись, правда, с ним, а по своей инициативе) — я хочу спросить тебя, нельзя ли что-нибудь сделать?» [22]

Но Фадеев помочь не смог. Не исключено, что причиной увольнения Бабушкина был донос, исходящий из Москвы.[23] В июне 1943 г. Бабушкин был призван в действующую армию. Он погиб на фронте 1 февр. 1944 г. и захоронен в дер. Падога Кингисеппского района Ленинградской области (могила № 211). [24]

---

[19] *Берггольц О. Ф.* Блокадный дневник (1941—1945). С. 146.

[20] См., в частности, очерк Вечтомовой, которая называла Бабушкина душой коллектива, сделавшего радиокомитет «как бы огромной фронтовой газетой» (*Вечтомова Е.* Это не прошлое // В редакцию не вернулся...: [сб.]. М.: Политиздат, 1970. Кн. 3. С. 263—268).

[21] *Берггольц О. Ф.* Блокадный дневник (1941—1945). С. 354.

[22] Александр Фадеев: письма и документы из фондов Российского государственного архива литературы и искусства. М.: Изд-во Литературного ин-та им. А. М. Горького, 2001. С. 242.

[23] См. об этом примечание С. В. Березкиной в обстоятельной работе: «Трудармеец Фридлендер Г. М.»: (письма из Коми АССР, 1942—1945) / вступ. статья С. В. Березкиной, подгот. текста и коммент. С. В. Березкиной и А. С. Лагурева // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2018—2019 годы. СПб.: Дмитрий Буланин, 2019. С. 473.

[24] Извещение о смерти, воспроизведенное на сайте «Памяти Якова Бабушкина»: URL: https://vk.com/club185709966 (дата обращения: 8.11.2023). Напомним, что задуманную еще в дни блокады книгу «Говорит Ленинград» (Л., 1946) о работе радио в осажденном городе Берггольц посвятила «прекрасной памяти Якова Бабушкина» и других погибших во время войны радиожурналистов.

Адресат письма — историк литературы, специалист по творчеству Ф. М. Достоевского, академик Георгий Михайлович Фридлендер (1915—1995). Дружба Бабушкина и Фридлендера началась со студенческих лет, при этом последний занимал в кругу молодых филологов, куда входили А. Г. Выгодский, О. И. Ильинская, Г. Е. Тамарченко, А. В. Эмме-Тамарченко и др., главенствующее положение. По мнению О. И. Ильинской, многие друзья Фридлендера обязаны ему своими научно-философскими познаниями и мировоззренческой «закваской». Она писала Георгию Михайловичу: «...тебе было очень немного лет, когда ты в духовном смысле создал Яшку (а это, честное слово, неплохо) и помог вырасти Шуре (А. Г. Выгодскому. — *Н. П.*). Можешь помянуть и меня, хотя это и не столь большая заслуга — испечь такую меня». [25] А. В. Тамарченко также отмечала судьбоносное значение встречи с Фридлендером, его влияние на формирование общественного поведения друзей и их профессиональной этики.

После окончания аспирантуры при кафедре истории русской литературы ЛГУ Георгий Михайлович был направлен на работу в Архангельский государственный педагогический институт и 26 авг. 1940 г. был принят на должность и. о. доцента кафедры литературы. [26] Он преподавал в АГПИ до 5 февр. 1942 г., после чего был уволен в связи с призывом в РККА. [27] 24 февр. Фридлендер принял присягу и служил в строительном батальоне в пригороде Архангельска Бакарице, а по сути был мобилизован в Трудовую армию как причисленный к гражданам «немецкой национальности», и в июле 1942 г. был отправлен в Коми АССР, где работал в Жешартской рабочей колонне № 3а Военно-строительного управления до июля 1945 г. [28]

Семья Фридлендера — мать Анжель Морисовна и больной прогрессирующим параличом отец Михаил Васильевич — находились в Ленинграде. Бабушкин навещал их сообразно возможностям сурового блокадного быта, а зимой 1942—1943 гг. привлек Анжель Морисовну к работе машинисткой в Доме радио, где она поселилась в общежитии (Михаил Васильевич умер в 1942 г.) и получала карточку 1-й рабочей категории. [29]

---

[25] О. И. Ильинская в воспоминаниях Г. М. Фридлендера и письмах к нему в Коми АССР (1942—1945 гг.) / вступ. статья, подгот. текста и коммент. С. В. Березкиной // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2020 год. СПб: Родник, 2020. С. 501—502.

[26] *Макаров Н. А.* Выдающийся литературовед Георгий Михайлович Фридлендер // Вестник Поморского ун-та. Сер.: Гуманитарные и соц. науки. 2006. № 1 (9). С. 113—114.

[27] Там же. С. 114.

[28] Подробнее биографию Фридлендера см.: «Трудармеец Фридлендер Г. М.»: (письма из Коми АССР, 1942—1945). С. 443—505.

29 Подробнее см. примечание С. В. Березкиной в работе: О. И. Ильинская в воспоминаниях Г. М. Фридлендера и письмах к нему в Коми АССР (1942—1945 гг.). С. 519.

Публикуемое письмо свидетельствует о том, что друзья понимали друг друга с полуслова, жили на одной «волне». Так, Яков Львович упоминал в тексте своего письма имя Андрея, родного брата, арестованного и расстрелянного по сфабрикованному обвинению. Пользуясь эзоповым языком, корреспондент сообщал другу о перенесенных страданиях Берггольц «по Андрюшиной линии», т. е. о репрессиях поэтессы (по обвинению в контрреволюционной деятельности, аресте и тюремном заключении с 14 дек. 1938 г. по июль 1939 г.).

Письмо Бабушкина, не дошедшее до адресата по причине невыезда Берггольц, сохранилось в ее архиве в Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (ф. 870).[30] Текст публикуется по автографу. Сокращения раскрыты в угловых скобках. Подчеркнутые автором слова даны при публикации аналогичным способом.

Публикатор выражает благодарность главному библиографу Центральной городской библиотеки им. А. С. Пушкина г. Евпатории Янине Станиславовне Грошевой за помощь в разыскании сведений о семье Я. Л. Бабушкина.

Я. Л. Бабушкин — Г. М. Фридлендеру

1941 г., Ленинград

Милый Юрка! Вот и оказия подвернулась, да еще прямо в Архангельск, да еще с людьми, которые меня и мою жизнь за последние полгода (и, вообще, жизнь Ленинграда) хорошо знают и смогут тебе все рассказать... Это очень приятно. Ощущениями осады я нахлебался вдоволь, а так, при возможности встречи хотя бы через других, — теплее на душе. Ничего тебе поэтому о себе и Ленинграде писать не буду. Все расскажут. Дома у вас я не был последние 1½—2 недели. Отъезд Оли[1] настолько быстр, что специально связаться с А<нжелью> М<орисовной>[2] я не успел. Должен поэтому только сказать, что мама[3] твоя очень хорошо держится и переносит, действительно, необычайно суровое время (которое, конечно, никто себе представить, не пережив, не может), несмотря на все специфические трудности, связанные с М<ихаилом> В<асильевичем>.[4] Всей душой хотел бы помочь ей, но реальная помощь здесь, сейчас, это — миф. Это никто не может... Так и живем надеждами, которые начали последние дни сбываться. Думаю, что чрезвычайность нашего положения теперь дело 1—1½ месяцев. Потом останется только чрезвычайность последствий. Но здесь уж вся страна будет с ленинградцами не только помыс-

[30] Фонд 870 находится в научно-технической обработке. Другие, неопубликованные письма Бабушкина из блокадного Ленинграда к Георгию Михайловичу, также находятся в Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН — в фонде 929 Г. М. Фридлендера.

лами. Обо всем остальном и писать не стоит. С Шурой[5] — по-старому, с Лялей[6] связь не регулярная.[7] С Лизой[8] — потерял (она по адресу — пишу второй раз тебе на всякий случай —Красноярский край. Советский район, село Березовка. Школа. Кискачи Т. И.[9] для Лизы. Установи, если можешь, связь и, в случае чего со мной, — поддержи политико-моральное состояние), тетя и папа, очевидно, застряли в Крыму...[10] Об Анке[11] и Грише[12] ничего не знаю, о Генрихе[13] — тоже. И, несмотря на все, я пребываю в постоянном состоянии деловой бодрости и имею еще достаточный запас физических сил. Уверен в будущем — совершенно.

Теперь о людях, которые тебе передадут это письмо. Девушка эта — Ольга Федоровна Берггольц — ленинградская писательница, поэт, без сомнения очень способный и, главное, с настоящим искренним общественным темпераментом, который <так!> понимает задачу писателя не в кропании произведений изящной словесности. Это делает ее очень приличным журналистом, во-первых, и очень выделяет из среды братьев-писателей, во-вторых. Она — безусловно, незаурядный человек.

В общежитии и товариществе абсолютно честна, порядочна, интересна той суммой малых талантов, которая свойственна и Лялюшке.[14] Член партии. Очень много перенесла вообще в жизни (по Андрюшиной линии, м<ежду> пр<очим>, тоже[15]). Сейчас, за эти последние месяцы, она очень много перенесла, очень устала, истощилась. Помимо всяких душевных и идеологических потрясений, которые принесла война, помимо остроты, с которой она (чисто по-писательски и по-женски) переживала испытания, выпавшие на долю ленинградского народа, ей очень трудно было из-за болезни мужа. Николай Иванович Молчанов,[16] очень хороший парень, кандидат литературовед[17] (из Герценовского[18]), советский до мозга костей человек, заболел эпилепсией во время борьбы с басмачами в Ср<едней> Азии.[19] Поэтому демобилизован из армии в начале этой войны.[20]

В здешних радостных условиях дошел до очень тяжелого состояния и потому вывозим.

Очень прошу тебя, хотя уверен, что для тебя даже и просьбы не надо, помочь Оле всем, абсолютно всем, что будет в возможностях и невозможностях. Она очень самостоятельный, взрослый, работоспособный человек, так что многого она на тебя не возложит. Но дать осмотреться, помочь установить связи в городе, даже приютить на первых порах, если невозможно будет сразу устроиться с каким-либо жильем, — это необходимо, п<отому> ч<то> с болью в сердце, я представляю себе, как им придется добираться до Арх<ангельска>, а она уже здесь почти без сил. Я так настойчиво пишу об этом, не только в силу личных, очень дружеских отношений, но и потому, что уверен — это нужный советской власти человек, который массу пользы принесет в пору нашей будущей мирной деятельности.

Ветер уже подул в новую сторону, милый старик... Так приятно сознавать, что дожил до той поры, когда непоколебимая, но абстрактная уверенность одевается реальными фактами! И горько, и больно за Шуриньку.[21] Все другие, страшные жертвы — я не могу принять, но я верю, что они уже взяты врагом и войной, а в эту я не могу поверить...

Я думаю о будущем. Все время — чего оно от нас потребует и что мы должны ему дать. И не верю, не понимаю, что это будет без Шуры...

Целую тебя крепко, мой дорогой и милый. <1 сл. зачеркн.> Уже чувствуется приближение того часа, когда опять будет вместе наша милая «альма-матерная» семья[22] — и Лялюшка, и ты, и не «альма-матерный» Изя.[23] От одного предчувствия такой радости заходится сердце...

<Подпись-росчерк>: Я. Бабушкин

Я тебе, честное слово, писал несколько писем. Не могу понять, почему ты их не получил, как, впрочем, и я — твоего.

Твой Яша.

На конверте:

<*Куда*:> Архангельск Областной педагогический институт[24] **(**кажется, он помещается на улице (проспекте) К. Маркса**)**

Преподаватель Фридлендер Георгий Михайлович

Дом<ашний> адрес: ул. Внучейского 4

<*Откуда*:> Ленинград Пролеткульта[25] 2 <текст утрачен>шкину

<На об. конверта, рукой М. Ф. Берггольц, сестры О. Ф. Берггольц: «Тут же письмо Яши Баб<ушкина> к Юре Ф<ридлендеру».>

---

[1] О. Ф. Берггольц.

[2] *Фридлендер* (урожд. Гессе) *Анжель (Анжелика) Морисовна* (1886—1956) — мать Г. М. Фридлендера. Анжель Морисовна окончила в 1904 г. гимназию Л. С. Таганцевой; училась на юридическом факультете Высших историко-литературных и юридических женских курсов (не окончила); работала в Библиотеке Академии наук СССР (1934—1948). Здесь и далее сведения о членах семьи Г. М. Фридлендера даются на основании: «Трудармеец Фридлендер Г. М.»: (письма из Коми АССР, 1942—1945). С. 443—505.

[3] См. примеч. 2.

[4] *Фридлендер Михаил Васильевич* (Вильгельмович; 1879—1942) — отец Г. М. Фридлендера. Уроженец Петербурга. Учился в Петришуле, Технологическом институте (окончил в 1904 г.), служил в Русском акционерном обществе «Сименс-Шуккерт». После революции преподавал в различных вузах Ленинграда. Подробнее см.: «Трудармеец Фридлендер Г. М.»: (письма из Коми АССР, 1942—1945). С. 445—446. В декабре 1941 г. Михаил Васильевич был тяжело больным человеком и страдал прогрессивным параличом. По словам Г. М. Фридлендера, он находился в «чисто растительном состоянии» последние десять лет своей жизни. Именно эти «специфические трудности» имел в виду Бабушкин, когда писал своему другу о матери, ухаживавшей за больным.

[5] *Шурой* и далее *Шуринькой* Бабушкин называл общего с Фридлендером студенческого друга по ЛИФЛИ, историка *Выгодского Александра Гавриловича* (1915—1941), ушедшего добровольцем на фронт и пропавшего без вести в октябре 1941 г. Фразой «с Шурой — по старому» Бабушкин, вероятно, дает понять, что с Шурой по-прежнему связи нет.

[6] Имеется в виду *Ильинская Ольга (Ляля) Игоревна* (1911—1986) — филолог, педагог. Вторым браком была замужем за Бабушкиным. Во время войны находилась в эвакуации в Иркутске. Подробнее о ней см.: О. И. Ильинская в воспоминаниях Г. М. Фридлендера и письмах к нему в Коми АССР (1942—1945 гг.). С. 479—556.

[7] Переписка с Ольгой Ильинской, эвакуированной в авг. 1941 г. из Москвы в Иркутск, действительно, была нерегулярной. Бабушкин посылал жене короткие телеграммы и редкие письма, написанные в оптимистическом тоне. Позднее, в 1943 г., Ильинская жаловалась Фридлендеру: «Столько пережили мы отдельно друг от друга, и теперь нам трудно столковаться, как людям с разных планет. Печальны все попытки найти в письмах общий язык. Я ему одно, а он мне совсем другое на свой героический военный ленинградский лад. И все-таки я его, этого замученного, злого, твердокаменного Яшку, очень люблю и боюсь за него» (О. И. Ильинская в воспоминаниях Г. М. Фридлендера и письмах к нему в Коми АССР (1942—1945 гг.). С. 522). Два письма Я. Бабушкина от 26 июня и от 10 окт. 1943 г. к Ильинской воспроизведены на сайте «Памяти Якова Бабушкина»: URL: https://vk.com/club185709966 (дата обращения: 8.11.2023).

[8] *Серман* (урожд. *Бабушкина*) *Элиза Львовна* (<1917?>—2012) — младшая сестра Бабушкина, жена крымского поэта Б. Е. Сермана. Сведения о годах жизни приводятся по статье: *Герасимова Л. А.* Помнят ли Бориса Сермана в Крыму? // Литературная газета + Курьер культуры: Крым—Севастополь. 2013. № 3. 8—28 февр. С. 7 (источник указан Я. Грошевой). Муж Элизы Львовны был автором очерка о Я. Бабушкине под названием «Симфония его судьбы», опубликованном в изд.: *Серман Б. Е.* 1) Восхождение: [док. повествования]. Симферополь: Таврия, 1977. С. 65—103; 2) Сквозь годы: проза и стихи / сост. Э. Л. Серман. Хайфа: Салгир, 2010. С. 27—64. В последнем издании очерк «Симфония его судьбы» имеет посвящение: «Дорогим Асе и моей жене Эле — сёстрам Яши Бабушкина» (Там же. С. 27). Из надписи следует, что у Бабушкина была также сестра Ася, сведений о которой отыскать не удалось. В 1993 г. семья Серманов с дочерью Ириной эмигрировала в Израиль.

[9] *Кискачи Татьяна И.* — студенческая подруга Элизы Львовны, уехавшая из Ленинграда после окончания института на работу в с. Березовка Советского района Красноярского края по распределению. Элиза с сестрой Асей вскоре перебралась в Красноярск, где работала инспектором районо, а затем прошла по конкурсу в радиокомитет. См. об этом в воспоминаниях ее дочери*: Явчуновская И.* И крутится памяти кинолента...: воспоминания о поэте Борисе Сермане // Брега Тавриды. 2013. № 5/6. С. 273.

[10] Семья Бабушкина проживала в Евпатории, и беспокойство сына за судьбу родных было обосновано. В письме от 30 нояб. 1941 г к эвакуированным в Сибирь сестрам, он писал: «...Очень я беспокоюсь о наших стариках. Судьба Евпатории решилась уже пару недель тому назад. Страшно будет, если они не успели или не смогли уехать. Наш милый город останется нашим, но для судьбы отдельных людей это может оказаться решающим. Если вы что-нибудь от них получите, сразу же сообщите» (*Серман Б. Е.* Восхождение. С. 91). Немцы заняли Евпаторию 31 окт. 1941 г., а с 23 ноября начались расстрелы еврейского населения. По сообщению Я. Грошевой, в просмотренных ею списках погибших и расстрелянных оккупанта-

ми евпаторийцах фамилии Бабушкиных не обнаружено. Однако дочь Серманов, И. Явчуновская, пишет, что Э. Л. Серман говорила ей о том, что «родители были расстреляны фашистами под Евпаторией» (*Явчуновская И.* И крутится памяти кинолента... С. 270).

Известно, что отец Бабушкина до войны был репрессирован. О тете сведения также скудны. Ирина Борисовна Явчуновская писала, что в 1939 г. после окончания в том же году Ленинградского педагогического института им. А. И. Герцена Элиза Львовна вернулась в Евпаторию и ухаживала за перенесшей инсульт тетей и слепнувшим дядей (Там же.).

[11] *Тамарченко* (урожд. *Эмме*) *Анна (Анка) Владимировна* (1915—2015) — литературовед, критик, театровед, педагог; жена Г. Е. Тамарченко. Училась с Бабушкиным и Фридлендером на вечернем отделении ЛИФЛИ, а затем в аспирантуре ЛГУ. «Детей интеллигенции на вечернем отделении было очень мало, — вспоминала Тамарченко. — Поэтому сразу были заметны для меня двое — Юра Фридлендер и Яша Бабушкин» (*Тамарченко А. В.* Студенческие годы Георгия Михайловича Фридлендера // Pro memoria: [сб. материалов междунар. конф., 28—30 мая 2000 г., Петербург]: памяти акад. Г. М. Фридлендера (1915—1995). СПб.: Наука: 2003. С. 323). Когда Фридлендер познакомил Тамарченко со своим альбомом «Dell'arte», содержащим его штудии эстетической концепции Маркса и Энгельса, Анна Владимировна показала альбом Бабушкину. На почве интереса к разысканиям в области марксистской эстетики был создан сначала «триумвират» друзей — Фридлендер, А. Тамарченко, Бабушкин, а затем круг интересующихся расширился. Их работу поддержал М. А. Лифшиц, а в дальнейшем Фридлендер и А. Г. Выгодский стали авторами комментариев к двухтомной хрестоматии «К. Маркс и Ф. Энгельс об искусстве» (со вступительной статьей М. А. Лифшица), вышедшей в 1937 г. и имевшей несколько переизданий. О студенческом кружке см. также: *Тамарченко Г. Е.* Судьба одного семейства: (на крутых поворотах советской истории). Киев: журн. «Радуга», 2001. С. 65—71.

[12] Имеется в виду *Тамарченко Григорий Евсеевич* (1913—2000) — литературовед, педагог; муж А. В. Тамарченко. Во время войны А. В. Тамарченко находилась с дочерью в Татарстане. В середине декабря 1941 г. Г. Е. Тамарченко был эвакуирован из Ленинграда в Омск вместе со 2-й Военно-морской школой, в которой преподавал. Ему удалось съездить за дочкой и женой и перевезти их в Омск. В сентябре 1943 г. Григорий Евсеевич был призван в действующую армию, где служил по 1945 г. После войны преподавал в Черновицком, Уральском, Тартуском университетах и в Новгородском педагогическом институте. В 1978 г. семья Тамарченко эмигрировала в США.

[13] Имеется в виду старший брат Фридлендера — *Генрих-Андрей-Виктор Михайлович Фридлендер* (1911—1938). С. В. Березкина отмечает, что сначала его называли в семье Генри, а затем Андреем, как в быту, так и по документам («Трудармеец Фридлендер Г. М.»: (письма из Коми АССР, 1942—1945). С. 446). В 1937 г. брат Георгия Михайловича — Генрих-Андрей — был обвинен в шпионаже и расстрелян. Семья не знала об этом и надеялась, что он жив.

[14] Бабушкин сравнил Берггольц со своей женой, Ольгой Ильинской («Лялюшкой»), обаятельной женщиной, производившей чарующее впечатление на окружающих. Фридлендер вспоминал об Ильинской: «Обладая исключительно богатым воображением, она обладала блестящим талантом рассказчицы и умела завладеть всеобщим вниманием и очаровать всех участников этих вечеров» (О. И. Ильинская в воспоминаниях Г. М. Фридлендера и письмах к нему в Коми АССР (1942—1945 гг.). С. 497).

[15] См. примеч. 13. Используя отсылку («Андрюшина линия»), Яков Львович дает понять адресату, что и Берггольц была репрессирована.

[16] У Бабушкина ошибка в отчестве Молчанова. Правильно: *Молчанов Николай Степанович* (1909—1942) — литературовед, второй муж О. Ф. Берггольц. Биографическую справку о нем см.: *Башурова О. А.* Молчанов Николай Степанович // Сотрудники Российской национальной библиотеки — деятели науки и культуры: биогр. словарь. Т. 3: гос. публ. б-ка в Ленинграде — гос. публ. б-ка им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, 1931—1945. СПб.: Изд-во РНБ, 2003. С. 397—398.

[17] Защита диссертации Н. Молчанова состоялась 31 марта 1938 г. См.: *Молчанов Н. С.* К проблеме Пушкина в 60-е годы: тезисы к диссертации на степень кандидата филологических наук. [Л.], 1938. 5 с. Берггольц писала в дневнике: «Сегодня Коля защищал диссертацию. Защита прошла очень хорошо: тепло, очень благожелательно, по-советски, народу было немного, но все такой народ, который к Коле расположен <...>. Его много хвалили, за то, о чем я знала всегда и что знаю и сейчас больше — за смелость, за талант, за свежесть» (*Берггольц О. Ф.* Мой дневник. Т. 2: 1930—1941. С. 543).

[18] Упоминается Ленинградский государственный педагогический институт им. А. И. Герцена.

[19] В 1932 г. Молчанов «вернулся из Армии, где служил на границе, в Средней Азии, в Мерве и Кушке, в условиях еще не до конца ликвидированного басмачества, коллективизации, бандитизма. Условия там были тяжелые. <...> Он приехал из Армии с тяжелой эпилепсией» (*Берггольц О. Ф.* Автобиография // *Берггольц О. Ф.* Собр. соч.: в 3 т. Л.: Худож. лит., 1990. Т. 3. С. 485—486). 27 марта 1934 г. Берггольц записала в дневнике: «Узнала от Торы, что будто бы Николай говорил своей матери о том, что его в армии контузили ручной гранатой. <...> Но знает ли обо всем этом врач — о контузии (если это было сказано не в утешение матери), о травме, которая у него была в армии, — он глухо упоминал о том, что пришлось участвовать в какой-то операции, в подавлении восстания или в ликвидации бандитской шайки...» (*Берггольц О. Ф.* Мой дневник. Т. 2. С. 263). Упоминаемая Тора — *Андреева* (урожд. *Молчанова*) *Виктория Степановна* (1905—1978) — сестра Н. С. Молчанова.

[20] Летом 1941 г. Молчанов воевал под Лугой. Через час после объявления войны, по словам Берггольц, «Коля засобирался в военкомат, и мне совсем уже было не выговорить, что ему, с его припадками и пти-малями это нельзя. Он был младшим лейтенантом, командиром в частях, прикрывавших наше отступление, уходивших последними. Он получил две благодарности от командования и — к концу августа — его демобилизовали с белым билетом как инвалида... Он вернулся в Ленинград, подавленный демобилизацией» (*Берггольц О. Ф.* Автобиография. С. 488).

[21] См. примеч. 5.

[22] Имеется в виду учеба в Ленинградском институте истории, философии и лингвистики (ЛИФЛИ), где с 1932 г. на вечернем отделении учился Бабушкин, а с 1934 г. — О. И. Ильинская (Лялюшка), Г. М. Фридлендер и А. В. Тамарченко. ЛИФЛИ существовал как отдельный гуманитарный вуз с 1931 по 1937 г., затем был реорганизован и слит с ЛГУ. Таким образом, сокурсники Фридлендера оканчивали филологический факультет ЛГУ.

[23] *Верцман Израиль Ефимович* (1906—1992) — литературовед, критик, педагог; общий друг Бабушкина и Фридлендера. Во время войны — рядовой московского ополчения, корреспондент газеты «За Советскую Родину», военный переводчик. В дальнейшем занимался преподавательской деятельностью; был редактором издательства «Советская энциклопедия» (1954—1970).

[24] В описываемое время название вуза: Архангельский государственный педагогический институт (АГПИ). В 1991 г. преобразован в Поморский государственный педагогический университет им. М. В. Ломоносова; в 1996 г. переименован в Поморский государственный университет им. М. В. Ломоносова; в 2011 г. ПГУ вошел в состав Северного (Арктического) федерального университета.

[25] Бабушкин жил в Доме радио на углу улиц — Итальянской, д. 27 и Малой Садовой, д. 2, в здании бывшего Санкт-Петербургского Благородного собрания, построенном в 1912—1914 гг. братьями Вас. А., Вл. А. и Г. А. Косяковыми. С сентября 1918 г. по 28 июня 1948 г. Малая Садовая называлась улицей Пролеткульта. С 1918 по 1930-е гг. в особняке располагалась культурно-просветительская и литературно-художественная организация «Пролетарская культура», а с 1933 г. здесь разместился Дом радио, где во время блокады жили и работали ленинградские радиожурналисты.

Библиографический список

1. Александр Фадеев: письма и документы из фондов Российского государственного архива литературы и искусства. М.: Изд-во Литературного ин-та им. А. М. Горького, 2001.
2. *Берггольц О. Ф.* Автобиография // Берггольц О. Ф. Собр. соч.: в 3 т. Л.: Худож. лит., 1990. Т. 3.
3. *Берггольц О. Ф.* Блокадный дневник (1941—1945) / сост., текстол. подгот. Н. А. Стрижковой; статьи Т. М. Горяевой и Н. А. Стрижковой; коммент. Н. А. Громовой и А. С. Романова. СПб.: Вита Нова, 2015.
4. *Берггольц О. Ф.* Мой дневник. Т. 2: 1930—1941 / сост., текстол. подгот., подбор илл. Н. А. Стрижковой; вступ. статьи Т. Ю. Красовицкой, Н. А. Стрижковой, коммент. Н. А. Громовой, Н. А. Стрижковой. М.: Кучково поле, 2017.
5. *Биневич Е. М.* Свидетельства о Якове Бабушкине // Звезда. 2015. № 12.
6. *Вечтомова Е.* Это не прошлое // В редакцию не вернулся... [сб.]. М.: Политиздат, 1970. Кн. 3.
7. *Герасимова Л. А.* Рожденные Отечественной...: к 70-летию Победы. Симферополь: [б. и.], 2015.
8. *Герасимова Л. А.* Помнят ли Бориса Сермана в Крыму? // Литературная газета + Курьер культуры: Крым—Севастополь. 2013. № 3. (8—28 февр.).
9. *Левин Л.* Жестокий расцвет // Вспоминая Ольгу Берггольц. Л.: Лениздат, 1979.
10. *Макаров Н. А.* Выдающийся литературовед Георгий Михайлович Фридлендер // Вестник Поморского университета. Сер. «Гуманитарные и социальные науки». 2006. № 1 (9).
11. О. И. Ильинская в воспоминаниях Г. М. Фридлендера и письмах к нему в Коми АССР (1942—1945 гг.) / вступ. статья, подгот. текста и коммент. С. В. Березкиной // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2020 год. СПб.: Родник, 2020.
12. *Рубашкин А. И.* Голос Ленинграда: Ленинградское радио в дни блокады. 4-е изд., испр. и доп. СПб.: Петрополис, 2012.
13. *Серман Б. Е.* Симфония его судьбы // Серман Б. Е. Восхождение: [док. повествования]. Симферополь: Таврия, 1977. С. 65—103.
14. *Серман Б. Е.* Симфония его судьбы // Серман Б. Е. Сквозь годы: проза и стихи / сост. Э. Л. Серман. Хайфа: Салгир, 2010.

15. *Тамарченко А. В.* Студенческие годы Георгия Михайловича Фридлендера // Pro memoria: [сб. материалов междунар. конф., 28—30 мая 2000 г., Петербург: памяти акад. Г. М. Фридлендера (1915—1995)]. СПб.: Наука, 2003.
16. *Тамарченко Г. Е.* Судьба одного семейства: (на крутых поворотах советской истории): воспоминания. Киев: журн. «Радуга», 2001.
17. «Трудармеец Фридлендер Г. М.»: (письма из Коми АССР, 1942—1945) / вступ. статья С. В. Березкиной, подгот. текста и коммент. С. В. Березкиной и А. С. Лагурева // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2018—2019 годы. СПб.: Дмитрий Буланин, 2019.
18. *Фадеев А.* «Хорош блиндаж, да жаль, что седьмой этаж» // Вспоминая Ольгу Берггольц. Л.: Лениздат, 1979.
19. *Явчуновская И.* И крутится памяти кинолента...: воспоминания о поэте Борисе Сермане // Брега Тавриды. 2013. № 5/6.

DOI: 10.31860/978-5-918680-384-474-514

К 130-летию со дня рождения
Б. В. Шергина

Б. В. Шергин

ДНЕВНИК 1942 ГОДА (21 ЯНВАРЯ — 13 МАЯ)

Часть I

(Вступительная статья, подготовка текста
и комментарии Е. Ш. Галимовой, М. В. Никитиной)

Аннотация: Дневниковые записи Бориса Викторовича Шергина (1893—1973) — русского писателя, сказителя, фольклориста и художника, сделанные им в январе—мае 1942 года, представляют собой свидетельство духовной жизни православного христианина, сохранившего верность вере отцов в атеистическом государстве, ценителя, знатока и продолжателя традиций русской народной культуры. Их основным содержанием становится духовное состояние, религиозный опыт автора, а также те ценности, которые оставались для него важнейшими на протяжении всего творческого пути: культура русского народа и основы русской национальной жизни.

Ключевые слова: Борис Шергин, вера, христианство, святость, Церковь, русская культура.

Abstract: The diary entries of Boris Viktorovich Shergin (1893—1973) — Russian writer, storyteller, folklorist and artist, made by him in January—May 1942, represent evidence of the spiritual life of an Orthodox Christian who remained faithful to the faith in Christ in an atheistic state, a connoisseur and continuer traditions of Russian folk culture. Their main content becomes the spiritual state, the religious experience of the author, as well as those values that remained the most important for him throughout his entire career: the culture of the Russian people and the foundations of Russian national life.

Keywords: Boris Shergin, faith, Christianity, holiness, Church, Russian culture.

Значительную часть литературного наследия Бориса Викторовича Шергина (1893—1973) — русского писателя, сказителя, фольклориста и художника, составляют дневниковые записи, которые он вел на протяжении многих лет.

Дневники Бориса Шергина почти не содержат упоминаний о событиях политической, государственной, социально-общественной

 © Галимова Е. Ш., Никитина М. В., 2023

жизни. Они раскрывают то, чем он жил, характер его мировосприятия, сущность его «внутреннего человека». Для Шергина дневник — это еще и своего рода возможность «откровения помыслов», компенсация отсутствия у него опытного старца-духовника, о чем он часто сокрушается на страницах дневника.

О существовании дневников Бориса Шергина широкому читателю стало известно только после смерти писателя. Впервые часть дневниковых записей Шергина была опубликована в 1976 году в журнале «Север» писателем Ю. Ф. Галкиным,[1] в 1978 г. выпустившим в серии «Писатели о творчестве» небольшую книжку выдержек из шергинских дневников. При этом публикатор был вынужден ограничиваться лишь теми записями, где речь шла о культуре, искусстве, языке, истории, природе, не включая в подборки размышления Шергина о вере, о сути христианства, о жизни Церкви. То есть главное содержание дневников Шергина десятилетия оставалось нераскрытым.

Впоследствии Ю. Ф. Галкин продолжил публикацию в периодике принадлежавшей ему части дневниковых записей.[2]

Наследники Б. В. Шергина (Ю. М., Е. А., М. Ю. и Л. Ю. Шульман) также, начиная с 1988 г., осуществляли публикацию дневников писателя.[3]

Научное издание дневников Шергина, хранящихся в составе его фонда в Рукописном отделе ИРЛИ, было начато в 1998 г. публикацией А. Н. Мартыновой и И. А. Красновой (Ежегодник на 1994 год)[4] и затем продолжено ими же в 2002 г.[5] В 2009 и 2014 гг. в Ежегоднике были опубликованы дневники Шергина, подготовленные Е. Ш. Галимовой и М. В. Никитиной.[6]

---

[1] Из дневника Б. В. Шергина: [1946—1949 гг.] / публ. и вступ. ст. Ю. Ф. Галкина // Север. 1976. № 6. С. 119—128.

[2] [Из дневников] / публ. Ю. Ф. Галкина // Поэзия: Альманах. М., 1983. Вып. 36. С. 122—125; «Я ли не богат?» / публ. Ю. Ф. Галкина // Северный комсомолец. 1988, 20—26 авг. № 34. С. 8, и другие.

[3] Из дневников / публ., подгот. текста и вступ. ст. Л. Ю. Шульман // Новый мир. 1988. № 1. С. 134—148; Жива душа моя: [Дневниковые записи 40 — 50-х годов] / предисл. и публ. Л. Шульман // Литературная газета. 1990. 12 дек. С. 6; и другие.

[4] Дневник 1945 года (18 января — 12 апреля) / вступ. ст. А. Н. Мартыновой; публ. И. А. Красновой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1994 год. СПб.: Академический проект, 1998. [Ч. 1]. С. 248—301.

[5] Дневник 1945 года: (13 авг. — 23 сент.) / вступ. ст. А. Н. Мартыновой; публ. И. А. Красновой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1997 год. СПб.: Дмитрий Буланин, 2002. Ч. 2. С. 431—457.

[6] Дневник 1939 г. (ноябрь—декабрь) / публ. Е. Ш. Галимовой и М. В. Никитиной // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2005—2006 гг. СПб.: Дмитрий Буланин, 2009; Из дневников Б. В. Шергина за 1940 и 1949 годы / публ. Е. Ш. Галимовой, М. В. Никитиной // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2013 гг. СПб.: Дмитрий Буланин, 2014.

Подготовка к изданию дневников Б. В. Шергина требует учитывать многие особенности авторских рукописей: неразборчивость почерка, обусловленную как плохим зрением Шергина, так и зачастую низким качеством бумаги и плохой сохранностью переданных в РО ИРЛИ рукописей; широкое использование Шергиным тайнописи — простой литореи; написание не только церковнославянских, но иногда и русских слов под титлами, в том числе буквенными; обозначение цифр, прежде всего дат, церковнославянскими буквами; включение в текст греческих, латинских и др. слов; обилие цитат из Священного писания, святоотеческих творений, церковных служб, произведений русской и зарубежной литературы; разного рода умолчания, иносказания, требующие пояснения публикаторов.

Хранящаяся в Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (ф. 278, оп. 1, ед. хр. 233) рукопись дневника Б. В. Шергина за 1942 год содержит записи с 21 января по 20 ноября. Материал настоящей публикации — первая часть записей 1942 года (с 21 января по 13 мая).

21 января *(3 февраля)* 42[1] года

Вмале и впусте исчезают злые дни мои. Зренье все под гору идет. Отчаиваюсь. Хотя иногда и приходит в голову, м<ожет> б<ыть>, справедливое изречение: человек никогда ни так счастлив, ни так несчастен, как он думает.

Мне скоро, через год, полста годов. Пора уж убывать здоровью и дряхловать. У кого ведь что. У всякого свое страдание. Но тяжело на сердце, не в силах выжать из себя никакого силлогизма для самоутешения. Сжалась душа в мерзлый комочек. И... нет помогающего.

...Всю жизнь, а уж я полвека живу почти, всю жизнь жить исключительно впечатлениями извне, всю жизнь (а я рано, с отроческих лет, например, начал страстно увлекаться рисованием, картинками; с 15 лет началась страсть к старине) отражать лишь то, что поразит извне, всю жизнь освещаться лишь отраженным светом, страстно выискивать всякие источники света (иногда сомнительные), в частности, всю жизнь любить картиночки, рисуночки и самому производить эти картиночки и рисуночки, любить нарядные книжечки и самому их мастерить; всю жизнь сознательно и бессознательно услаждаться и забавляться лишь приходящим извне, всю жизнь искать <1 нрзб>. И, оказывается, ничего, ничим ничего от всех этих красот и увлечений, от всех этих «богатств» не осело в душе. Все эти сокровища, которыми увлекался весь век свой, шаткими, валкими, легкими оказались...

Положим, я это давным-давно заметил. При любом страхе сжигал, трясясь, как заячий хвост, все, чему поклонялся. Но воз все равно и ныне там оставался.

И вот теперь, когда внешний-то свет начал меркнуть в глазах и уж не можешь глазами-то набирать тех впечатлений, которыми привык безотказно насыщать свою алчную, несытую «художническую» душу, когда и читать не могу, и картинки только узнаю, теперь поневоле заглядывать начал украдкой в душу, заглядывать внутрь себя. И вижу там такой хаос, такую пустоту и холод.

Ни... <Запись обрывается>

22 января, среда

Откуда вот это: иной день и праздник, и в хором[2] пойдешь, а и с пущим даже прямо сказать отчаянием день провожаешь. Сегодня, проводив моих в деревню, всплакнув один, пополз <1 нрзб> по хлеб. Обратно полдороги греб пеш.

...Сегодня светло. Долго теперь светло. Скоро февраль бокогрей. Зима, а инде капало. Греб переулками-то, что-то московское предпредвесеннее, видно, садилось на душу. Во дворе у нас со всего фасада соседского корпуса такая музыка капель... Подумалось: Господи! Неужели в самом деле и весна придет... В этом году 27 января нач<ало> Масляной. В Сретенье заговенье. Ранняя Пасха. Теперь уж так: единственными подпорами радости или оживания, оживления какого-то праздники эти для меня стали: как снежок запоносит, Рождества ждешь, Святки проводишь, не хочешь пустовать-то, а как-никак Христово-то всего уж полнее да краше, дак по Крещении-то мозгуешь, велико ли межговение... Больно уж любо: Помощник и Покровитель[3] запоют... Дорогое дело пойдет — пост Великий. Пойдут недели «сестра сестры старше». Пойдет «мост на семь верст, на конце моста золотая верста»...[4] Там вдали Пасха Христова — синтез всего, что дает великий и глубокий смысл страданиям, болезням.

Полста лет мне скоро, а все еще долу пресмыкаюсь, все еще на земле низу́, все еще, как свинья в калу,[5] все еще толсты, дебелы, дряблы, тундроваты,[6] рыхлы, вялы чувства-те мои.

Полста лет скоро, а все еще ежечасно в отчаяние падаю, что здоровье не как у молодого человека. Чуть что, о зрении падаю духом, как живая могила сижу в углу, мрачу брателка[7] и мальчугана.[8] А у людей не то ли самое в другой болезни. Кто с легкими, кто с сердцем, кто с почками, кто...

Вполне ведь возможно, что и мне дожить зрения хватит. Ведь весь век я только близорук. Это естественное у меня... А сам я здоров, нигде мне не загорожено. Иные и зоркие, а прикованы лежат или сидят. А у меня много извне нахватано, надо в душу поглядеть. Вот с приятностью в душе шевелится искорка, что пост Велик скоро. Предначатие радости в слове, в понятии, в разуме того, что есть Великий пост.

Господь сказал: мир Мой даю вам... радость Мою даю вам, которую ничто не отымет от вас. Ничто, никакая лжа, никакое несчастье, ни-

какая болезнь.[9] Это сказано не в форме прогноза, что, может быть, ничто не отымет, а как нечто безусловное, как факт. Заработай, приобрети это свойство, привей, посей его в свое сердце, в себя, и еще здесь, на земле, живя в бренном больном теле, ты уже начнешь ощущать себя гражданином небесного Иерусалима.

Иоасаф царевич[10] царство свое отдал, чтоб получить это царство, эту радость, это состояние духа, которое никакая скорбь и болезнь не поколеблет.

И вот, горе, когда видишь себя в годах зрелых, уже впадшего в болезнь, но еще ничего от сокровищ некрадомых не приобретшего.

Иные добрые люди считают меня имеющим «упование»... Хорошее «упование» я стяжал... только и делаю, что обмираю над своими глазами: тошно смотреть на улицу днем, все перекажённым видишь... Дак и не смотри! Неуж не насмотрелся за 50-то лет! Ну-ка глянь в душу, там-то что есть?! Много ли запасено, надежен ли запас, добротен ли он?

И еще скажу: ты плюй, что люди те ахают над тобой. Ничего не стоит оценка физических состояний со стороны мира. Людей, которые были сосудами истиной радости: затворников, схимников, юродов блаженных, — мир часто считал изгоями, полумертвецами, несчастными, выброшенными из жизни; их существование, монастырь многим каким-то кладбищем казался, а мнихи — заживо похороненные люди...

Помню, с ногой я еще лежал в лазарете: «Что уж... он уже не человек...» С тех пор прошло 22 года.[11] А что, помешал чему-нибудь протез? Личному счастью? Творческой работе? Двигался я меньше?.. Никогда ничему утлые ноги мои не помешали. Протяну, Господу помогающу, и с утлыми глазами. Довольно спать, пора царство Божие запасать.

Ослабла, упала душа-та, заболотилась. Охладело сердце, закоруз-ло. Вот это воскресенье было: Неделя блудного сына. И про тебя пели на утрени: «Объятия Отча...».[12] Не твоя ли это молитва, не твой ли это вопль: «Ныне обнищавшее мое сердце не презри»? Блудный-то забыл про отца, не помнил про дом-от отеческий. Без просыпу, слышь, гулял и с собаками уже ел, до того дожил. А как опомнился, дак ту же минуту бросился, не раздумывая, в отеческо-ет дом прибежал да отцу-то на шею напал, плачася и рыдая... А я ведь свиней чужих пасу, свинопасом называюсь, а в дом отеческий, где ждут меня, тоскуют по мне, письма откуда пишут, зовут домой со слезами, сыном именуют любимым, я туда из чужой поганой свинарни не иду. Привык ко свининой-то еде. Вишь, больше мне нравится подстольным псом быть у пленивших мя, лучше у *врагов*[13] куски выманивать, лучше после них блюда лизать да мочалки сосать, нежели со отцем, в дому отчем, как сын, как чадо дорогое, желанное за столом на пире *веры* сидеть.

Отец-то любимый разыскивает, зовет и созывает нас, детей своих, по чужим углам валяющихся. Братия-то моя, единодумная, едино-

мысленная, давно, зов отеч слыша, отца видя любящего, зовущего, прощающего, объятья к детям простирающего, давно братия-то моя к отцовым ногам припала, в охапке у отца согрелась, иные здесь радуются (в объятьях-то отчих сидящим скорбь земная сладка живет), другие овамо царствуют. Но об оном царстве не мне, грязи худой, распытывать. Я то довольно знаю, что еще здесь, еще с этими болезнями неисцельными[14] можно к отцу-то припасть, и окажется твоя боль тебе на здоровье. Еще вот эти слезы обидливые, соленые он отрет, это обнищавшее, истерзанное, кровью скорбно истекающее сердце усладит любовию своею.

С братом моим крестовым я так-то обозлюсь, оборьянею, губу-ту закушу, как пес зубы-ти сцеплю. Уж он отойдет, уж он зовет меня, прощается, рученьки протягивает. Я как окостенею... Дале заоттаиваю. Иное, еще губами только, еще сердцем пустым молитву Иисусову сотворю. Далее и заплачется. И уж брателка обымаю, каюсь и слезами его обливаю, простить прошу. Ведь нету у меня в жизни, да и не было дороже его. Кто после матери меня так жалел, кто так трясся надо мной? И обымем друг друга за головы. И любо в то время звать: «Христе, Свете истинный, просвещающий и освещающий всякаго человека, да знаменается на нас свет лица Твоего!»[15]

Свет Христос с нами! Христос с нами уставися!

И вот: не поэтический образ, не риторический прием, не картинность изложения это, ныне певаемое «Объятия Отча». Нет, это реальность, это действительность.

Мы наемники бегающие, нерадящие, мы рабы, талант зарывающие, мы бездомовники, не помнящие родства, забывшие, что каждый из нас образ есмь неизреченной славы Его, аще и носит язвы греха,[16] мы, продавшие боголепное отечество, не видим этих простертых всем страдающим и обремененным рук, не слышим вечного зова: «Придите ко Мне, и Аз упокою вы».[17]

А ведь се ныне время благоприятно для спасения. Жир-от сбавили с тела, ну-ко, не попробуем ли оборотить это на пользу душе? Хорошо ведь, благодарное это дело, когда она утончится-то. И сице,[18] Господу помогающу, и все чувства утончатся.

Глубиною мудрости человеколюбно все строящий и еже на пользу вся подавающий,[19] животворящею Своею десницею положил бы Ты нам на сердце дражайшие хлеба насущного оные слова: «Объятия отча отверзти ми потщися! Блудно иждих мое житие, на богатство неиждиваемое щедрот Твоих взираю, Спасе. Ныне обнищавшее мое сердце не презри. Тебе, Господи, со умилением зову: согрешил на небо и пред Тобою».

(А сие поистине надобно, чтоб, очистив чувствия, узреть Христа, непр<иступным> светом блистающего, и рекущего ясно: «Радуйтеся»).[20]

Гомер каждому, и дитяти, и мужу, и старцу столько дает, сколько кто может взять.

Это тем более можно отнести к экклисии.[21] Это сокровищница неисчислимая, преизобильная всяким богатством, преизбыточествующая веселием духовным. Каждый день в экклисии праздник. И это помимо праздников великих. Вот завтра и великого, небесного Григория Богослова. Завтра и суббота Вселенская пред Масляной. Это праздники вселенские. А вот и местное наше радование. За Москвой-рекой завтра празднуют Богородице «Утоли моя печали», у Николы, что в Пупышах[22] (родная, милая, старая Москва). Завтра и пресветлая память, преставление старца Оптинского Анатолия.[23] Преставися в лето 1894. Четыре праздника в один день. Каждый родит свои особые переживания, свои ощущения. Вот солнце церковное Григорий, один из столпов Церкви; он весь величие, весь мощь, весь сила и красота. То что у древних были Платон, Сократ, Аристотель, то у нас Василий В<еликий>, Григорий Феолог,[24] Иоанн Хризостом.[25]

В чине православного иконостаса он.

3 февраля. Понедельник 1-й седмицы Великого поста

Насколько они значительные, эти вот службы, часто значительнее самодельщинных, наскоро и вкратце «отделываемых» (и зачем они?) концовок молебнов.

Пришел к часам, тихий, золотой, мягкий свет лампад и свещей еще господствовал в полумраке, хотя в окно уже глядело светлое утро. Читались часы 3-й, 6, 9... Желтое пламя огней больше и больше уступало свету дня, несколько холодно-голубоватому... Как значительны, как своевременны, до чего нужны, и именно сегодня, до чего для меня вопли и мольбы царя-пророка. А бывало ведь по дурости вроде «принудительного ассортимента» псалмы-те выстаивал. Ничто не льнуло: кафизмы, часы, даже евсапсалмы[26] ни уму, ни сердцу ничего не говорили. Все мимо шло. Теперь стал слушать, и спасибо, если раздельно читает какой-либо доброхот. Мало того, что псалмы — хлеб насущный для души, мало того, что тут все, что нужно для потребы и цельбы умученной, голодной, больной душе, тут ведь и высокая поэзия. Псалмы, как и творения греческих гимнографов (и славянских), — это классика, античность. Высококачественной пищей питает церковь своих чад.

Дико и стыдно признаться, но неясна со стороны драматургической формы мне была структура часов (а вечеря, а утреня ясны?). А ведь часы древние, как церковь греческая. Говорю — со стороны драматургической, хотя часы и не представляют собой целиком «драмы», как *литургия*. Проще и правильнее тут было бы сказать — со стороны формы. Часы I, III, VI, IX. Каждый час — это гроздья псал-

мов. Кафизма — гроздь псалмов, гроздь винограда. В каждом часе, как бриллиант в жемчуге, сияет тропарь. Как они знакомы с детства...

Точно сейчас стою в гимназической нашей церкви. Точно вижу о. Зосиму,[27] бледное его, худощавое, тонкое лицо. Точно как будто и не прошло тридцати лет...

Иже пресвясвятаго Твоего Духа в третий час апостолам Твоим ниспославый...[28]

Иже в шестый день же и час на кресте пригвождей Христе Боже.[29]

Иже в девятый час на кресте плотию смерть вкусивый...[30]

И сияющее утро, льющееся в окна гимназической церкви, и трогательно печальные напевы, и дымок от кадила, нестерпимо голубой в солнечном луче, всё сейчас, как тогда...

Только я не тот... Охладел, ослаб, годы далеко...

Да... Золотое детство, но не из-за воспоминаний детства надо любить великопостные службы. Надо любить и надо жить ими, потому что тут все, что нужно нам для истинной нашей потребы.

«Когда же стал я мужем, младенчество оставил».[31] Тогда за этими самыми службами стоял я мальчик, всему радующийся безотчетно. Теперь почти уже старик... измятый, искалеченный, обремененный. Но не меня ли такого и зовет Он: «Придите ко Мне, труждающиеся и обремененные».[32] Все мы дети для Него. Правда, море житейское столь бурно, что часто считаешь себя безвозвратно «на дне». Но сказано у святых, что в последние времена уж не постом, не молитвой, а лишь бедами да напастями спасаться будут люди... Но я вот легкий путь люблю. Мне радоваться о Бозе нравится. А за что будет Господь подавать именно мне утешения, неизвестно. Как-то тут разгоревался: голодовка, да неудачи, да слепота, да брателко болен. Корить начал Бога, наедине-то сидя, что де не пособит, а я ли де не стою за Него... (Вот как бес-то мной играет!!). А потом и опамятовался, свойства и качества свои выложил перед собою на среду, дак и очухался. Такие вот слабые, бесхарактерные, жалкие люди, как я, только роняют идею, только позорят Божье дело. Ведь не на слова люди смотрят, а на дела. А дела мои... Ох!..

И все-таки, где раз подали сладкого пряничка, опять туда иду. В Церкви пряники-ти всех слаще. Но «море даст, что возьмешь».[33] Царство Божие нудится.[34] А я без труда люблю. Ну и выходит, что «сама себя раба бьет, коли худо жнет»... Брателко бьется, кусок хлеба мне добывает, а я лежу, как байбак, да с небеси утешения жду. А по пути ем, грызу истинного ангела хранителя моего, брателка. Бес мною играет на пагубу мою. Воздыхаю иное: «Где Ты Христос, сияющий лучами» (Надсон!!).[35] Вот так сейчас к тебе, с боку на бок перекатывающемуся от обеда до чая, Он и явится! А тогда как же бесчисленное множество замерзающих, бездомных, как же миллионы истерзанных войной, в страшных муках умерших, как же в *лагерях* гибнущие без числа? А я утешения требую. Бесстыжая харя, паразит, дармоед...

Но я начал говорить о рисунке часов, ритм и архитектурную четкость дают, повторю, тропари, занимающие едва ли не центральное место в рисунке часа. Затем молитва «Господи Владыко». Эта молитва, равно как и «аллилуйя» певцов, разделяют здание службы на части, оживляют однообразный ритм псалмов.

Я обратил сегодня внимание на час IX. Содержание часа о «иже в девятый час на кресте смерть вкусивший». И чудные тропари поведают миру о на кресте распростершем руки, как бы собирающем в объятия все народы. Тут и разбойник видит Начальника жизни на кресте висяща и вопит: «Иже за всех терпиши, помяни мя во Царствии Своем».

На IX часе чудно со сладкопением звучит этой молитвой разбойника, как жемчужными слезами или как бы слезными перлами унизаны и осияны певаемые на IX часе заповеди блаженства. Как чудно, со сладкопением умиленным припадает и умоляет род человеческий: «Помяни нас, Святый, помяни нас, Владыко».

4 февраля. Вторник 1-й седмицы Великого поста

Днем уж капели на пригреве. Февраль бокогрей. К Мефимону[36] пошли, закуфетался в сто одежек, да и напрасно. Но морозно в хоромах в эту зиму. В Петра Павла[37] еще милостивые. Всенощную начинают в 3, в 4-м часу. В 6, в 7-м кончают. После вечерни уж укутают окна. Старухам удобно стоять: платков намотают на голову. Мне вот горе. Я дома в шапке хожу ведь. Все зябнет голова. Надо, пора, пора черную шапку завести.[38]

А мое большое лишение то, что нет у меня даже не то, что отца духовного, но даже хорома избранного, куда бы ходил постоянно, знал бы свое место. Это великое дело. А то болтаешься, сегодня сюда, завтра инде...

А в хоромех теперь по стенам, по окнам икон нанесено из разоренных хоромов и наставлено в два ряда. Распятий по простенкам больших.

Мефимон сегодня не застал, повечерие идет. Я отупевший и опустошенный человек, оравнодушевший, но хорошо было. Полумрак, день догорает в окнах. И великопостные напевы и молитва многократно, «которую священник повторяет во дни печальные великого поста»[39]... Повечерие, затем утреня.

Вчера стоял у часов: день начинал покорять свет лампад... Сегодня дневной свет начинал малиться, углы и своды темнеть, но ярче и ярче разгоралось сияние свещ и лампад.

Бывало, как эстет, я тоже стаивал долгие службы. Я выстаивал и долгие кафизмы. Я наслаждался, абсолютно не вникая в журчание чтецов. Вроде как бы геройство было, что вот устал, уморился, а выстоял долгую службу. Дома зато во умилении за самовар на два

часа сядешь, да с булками, да с вареньем. Пока пар из-за голенища не пойдет.

Теперь ходи да *оглядывайся*, а и нет не то что варенья, а и куска *хлеба*.

Но эстетское, любительское этакое отношение к церковным службам — его тоже не осталось почти. Не до услаждений: Иисусе, Наставниче, погибаю. Уж ясно, что если не в екклисии, то нет, нет мне спасения. И уж искусством не проживешь, эстетизмом даже церковным не пробавишь долго.

Отказываются очи телесные, здешние сего дня красоты смотреть. Надо, надо запасать богатство неиждиваемое, пора внутрь себя красоты запасать, надо на камень скорбей недвижимый ставать, чтоб люди не застали неготового, беспомощного, неимущего. Вот и ловлю теперь, и уразуметь стараюсь то, что Церковь та Христова говорит, и дышит, и внушает.

11 февраля, вторник

Вот уж мы и жалеем друг друга, и добра хотим во всем, и уж мы с братишком душу друг за друга положим. И Михайло редкостный парень, милый, добрый, честный, искренний, чистый. А какой содом, чуть что, подымается. Причина: голодны все, и впереди темно. Ниоткуда ничего не идет. И по этой причине, что изголодались, любой повод к брани и ссоре ведет. Ну, погорячимся, да и опять сомкнемся, как ни в чем не бывало, да силы-то нервные уходят, тощатся. А се, ведь, и бродим уж худо.

Но мы, особенно мы с Тоськой, вместе живем и умираем. И Миша хороший мальчик. Живо вскипит да и отойдет. А вот если равнодушные друг другу люди живут. Их некому связать. Их, в случае ссор и взаимных неудовольствий, ничто не связывает. С чужими людьми: ты от них отпрянешь на пядень, они от тебя отпрянут на сажень. У людей, безразличных друг к другу, после нескольких ссор наступает охлаждение, расхождение, если не вражда. В лучшем случае не встречаются и забывают одни о других, а нередко злословят, оговаривают, клевещут, мстят и детям своим вражду к тем-то и тем-то внушают бывшие друзья.

Как частные семьи и люди, так и общества, так и государства живут. Тут-то уж совсем не на любви, не на жалости любовной, не на милости взаимной, не на заботе и тревоге друг о друге отношения складываются. Тут исключительно своя выгода, своя польза. Дипломаты одного государства подсаживают дипломатов другого государства, ловят друг друга, караулят друг друга, вернее — враг врага. Официально клянутся в дружбе, подписывают акты дружбы, но на деле лишь момента ждут, чтоб всадить нож в спину один другому. Сейчас готовы, и сейчас кроворазлитие и ненависть тупая.

Так вот, что же частных людей, не связанных взаимной любовью и сердечной жалостью, что же и целые общества людей, чужих друг другу, не связанных ни родством, ни дружбой, что же их связать может?? Ведь мы видим, что в естественном состоянии «человек человеку волк»! Мы видим, как теперь стало: все за себя! У всякого, чуть что, камень за пазухой. Каждый боится, что другой у него кусок хлеба попросит. Чуть что, и в глотку друг другу вцепятся. Чуть что, и взаимное равнодушие ненавистью сменяется. А там убить друг друга караулят... И выхода нет. Равнодушие родит холодность сердечную друг к другу, холодность переходит моментально во враждебность, а там и ненависть. И уж не имеют люди сытости ненавидеть друг друга и губить друг друга. Губит человек человека, и масса убивает, ненавидя, массу.

Что же множащуюся и саморастущую ненависть, ненависть всепожирающую, всезаполняющую может остановить, победить, уничтожить? Ныне уж для ненависти неустанно, не щадя сил работают и науки, и искусства, и племена, и народы, и все, все человечество. Еще ребенку, еще в колыбели укачивая, внушают ненависть. Смерть и ненависть вкладываются в сердца миллионов людей. Злоба, ненависть, месть, вражда, алчность — вот что стало альфой и омегой воспитания. С этим живут дети и вырастают, и уж ничем считают никакое примирение. И уж захлебнулся мир в крови. Не от внешних, а еще до войны, задохнулись от ненависти одни к другим. Грызли за горло друг друга единомышленники много уж лет в мире, — грызут и съедают друг друга люди в городах, в квартирах. Грызут люди друг друга, люди в деревнях. Губят и съедают друг друга ремесленники, топчут друг друга, ненавидя несытно, ученые, художники. И злоба и ненависть ширится и заливает людей. И тонут без числа, как в яду, в этой всепожирающей, выпущенной на свободу, ярящейся и торжествующей вражде и ненависти.

Что же остановит, что же победит ненависть, пожирающую человека и общество? Что может убить ее зародыши проклятые в сердце несчастном человеческом? Ответ один — учение Христово.

3-й седмицы Великого поста вторник. 18 февраля.

Блаженна ты и преблаженна и присноблаженна святая *обител*ь Оптина! В дни безнадежности, уныния, в часы отчаяния о болезни, о нужде, о своей беспомощности протянута уныло рука к этому заветному свертку с видами пустыни, к пожелтевшими уже карточками ее святых *иноков*, и тихая радость покрывает скорбь и печаль...

О горе Афоне поют: «Не знаю я твоих красот, ни твоего земного рая, ни под тобой шумящих вод». Так и я не видал красот, не лобызал тленными устами святынь, не лицезрел земного рая возлюбленной мне пустыни Оптиной, не видал святых старцев ее, но «желает и скончавается душа моя во дворы Господни», но «коль возлюбленна селения Твоя, Господи сил»![40]

Уж который раз в жизни, который раз в году радуется сердце и душа веселится о том, чего глаза не видели, куда ноги не ходили. Но жива для меня святая *обитель*, живы ее благословенные старцы. Особенно в минуты, когда удается «упразднiться».

Перебираю открыточки, карточки... И дали развертываются за этими скромными картинками.

Блестит река Жиздра, и отразился в ней заветный и заповедный мой Китеж. Горит золотая заря, и вечерний благовест тихогласно и редко плывет над лесами, над тихою речкой... Белеют стены, возносятся в тихое вечернее небо главы храмов. И я узнаю́ их: высокая колокольня и за нею Введенский собор. А в правой руке у меня храм Казанский... Там почивает отченька мой Антоний,[41] житие которого и письма которого я так люблю...

Это все — создание мечты моей. Это все — «уверенность в невидимом как бы в видимом и в ожидаемом и желаемом как бы в настоящем».[42] Это — вера. Но глядят на меня, сияя, финифти, десять образков из Оптиной пустыни, свидетельствованных, имеющих прямое отношение к великим и любимым моим старцам о. Моисею,[43] Антонию...

И снова, и снова дивлюсь я и радуюсь. Как будто цветы из рая, во свидетельство несумненное, яко близ есть царство небесное, принесены мне ангелом Божиим эти священные, бесценные, драгоценные мне образки из Оптиной пустыни. Случайно ли эти именно иконки, на примечательность которых и художественную, и в смысле принадлежности благословенным братьям Путиловым указывают даже книги? Тут опять и опять ликую я о свидетельстве древних патериков: как только возгорела твоя душа любовью, как только зачал ты радоваться и стремиться к которому-либо старцу, живущему еще здесь или уже царствующему со Христом, с той минуты и оный святый старец начинает знать тебя.

В год, когда достались мне эти вожделенные образки, я уже знал и любил по рассказам, по книгам и еще сам не ведаю, по чему, святую оную пустынь. Но и мыслить я не дерзал, и мечтать не смел, и не думал, и не домогался какую вещественную «память» оттуда получить. И вот путями окольными пришли ко мне эти иконки, которые, несомненно, часто лобызали уста святых братьев о. Моисея и о. Антония и других великих превожделенных отцев оптинских. На этих сияющих иконках останавливались молитвенные взоры святого моего старца Антония, на своих притрудненных ногах он молился пред этими «праздниками», поминая доброго строителя иконы брата Василия.

И эти «праздники» недоведомыми путями попадают ко мне, унылому и поверженному, но давно «пригорновавшему»[44] к Оптиной. Не благословение ли это мне, нищему и недостаточному, лишенному, от любвеобильного о. Антония? Не весть ли, не залог ли это оттуда? Да,

несомненно, так, я должен считать эти «праздники» благословением старца Антония, благословением святой Оптиной пустыни. Есть она, и живет, и радуюсь о ней, о ее святых старцах.

Слабыми глазами, теряющимся зрением вглядываюсь я без конца в эти картинки.

Вот дорога в скит. Стены леса. Я словно сам иду туда, в скит, столь прославленный, о котором столько читал, скит, освященный пребыванием Льва-Леонида,[45] Макария,[46] Антония, великого Амвросия,[47] отцев знаменитейших, облагодатствованный пребыванием и отцев Иосифа,[48] Илариона,[49] Исаакия,[50] Анатолия,[51] Нектария[52] и иных, коих и не знаю.

Вижу на картинке деревянную церковь святого Предтечи, невысокую, с круглым шатром. Я читал о ней и люблю ее. Как бы я постоял здесь у литургии, поглядел бы, послушал пренебесного служения блаженных скитских отцев. В этой невеликой зданием, но небесной и пренебесной церквице, служил и отец Антоний, и лице его, по свидетельству очевидцев, было как лице ангела Божия.

Так бы зашел сюда и умер бы тут.

А вот келлия отца Амвросия. И вспоминается описание низенького старинного покойчика о. Зосимы в «Бр<атьях> Карамазовых».[53]

Вот на совершенно выцветшей фотографии и великий старец о. Амвросий. Он полулежит, белый балахон, мантия на плечах, четки. Живые, в душу глядящие глаза, скорбные складки бровей. Вот о. Амвросий сидит во дворе, прекрасное благостное лицо, посох, широкая ряса, высокая камилавка. Очевидно, вышел погреться на весеннем солнышке. Весна, видимо, ранняя, травы еще нет. Из-за забора глядит пустынная дебрь — высокие, могучие деревья.

А вот о. Анатолий в схиме. Добрые светлые детские глаза, у младенцев да у святых старцев только и бывает это благодатное выражение благостности, кротости...

Какая радость, что сохранились эти снимки, что остался нам вот этот облик о. Анатолия! Как трогательно и умилительно сочетание схимы, с крестами, письменами, и этого прекрасного, сияющего младенческой кротостью старческого лика...

Вот расцвеченная открыточка — фасад Предтеченского скита. Надвратный храм-колокольня, врата; столь знакомые келлии по сторонам: галерейки и ступеньки, где сиживал благословенный о. Амвросий, утешая и ободряя приходящую Русь святую.

Благословенны вы, старцы оптинские, благословенна ты, святая *обитель*; жива ты, и есть, и будешь, и вечно, и неиждиваемо твое благословение, живут и дышут молитвы святых твоих *иноков*.

20 февраля, четверг.

Сокрушаясь, изнывая о том, что не могу уж читать и рисовать, тщусь ухватиться за благую мысль, к счастью, нередко касающуюся

разума: тужишь, что не можешь наслаждаться более книгами, которые так жадно искал... Но ведь можно и до смерти копить библиотеку и скопить тысячи томов. Да разве количество книг вводит в сердце мир, вящий всякого мира, радость неотымаемую? Разве только в результате штудировки сотен книг приходит в сердце Царствие Божие?!

Знаю, что нет, знаю, что собирать надо ум, а не рассеивать. Несомненно знаю, что будь у меня отец, старец, руководитель, отсек бы он от меня это жадное паданье на многие книги. П<отому> ч<то> это мешает углубиться в себя. Много лет я сбирал древние *иконы*, древние книги, а лучше я ни на йоту не стал, близким моим ничем не посветил. Стал капризнее, злее, раздражительнее. Болезни пришли, а у меня, оказывается, ничего в запасе нету. Отсюда ясно опрометывается,[54] что прежде всего надо искать Царствия Божия, а остальное приложится. А я задумывал сначала собрать музей книг и икон, а потом, когда-либо, наигравшись, нахваставшись редкими изданиями, редкими произведениями древней живописи, портретами, и начать собирание Царствия Божия в душу.

Вот ведь чем отвести от прямого-то пути может лукавый! Уж не доброе ли это дело — старинные книги да *иконы*, но самозванство, самочинство, беспастырность, безотцовщина. Самовольство, самоуправство в пустошь как будто самые добрые мои стремления положили. И не могло быть иначе. Истина Господня пребывает в век.[55]

А она, во-первых, в том, что духовная жизнь, а тем более когда человек еще только путей к этой жизни ищет, без опытного духовного руководства неосуществима, противузаконна, противуестественна. Приступая к духовной жизни, шагу нельзя ступить без благословения отеческого. Этим не только человек приучается к дисциплине. По свидетельству отцев, с отсечением своей воли у иных с первых шагов спасенного пути уже начинают восходить в душе зори царствования, зори радования.

Слава Богу, все-таки я вынес из книг эту для меня самонужнейшую истину, что без опытного старческого руководства будешь век скитаться вокруг да около. И теперь уж горький опыт всей моей жизни подтверждает мне старую церковную правду о великом, исключительном значении старчества (духовного руководства, послушания, отсечения воли). То, что некогда казалось чем-то отвлеченным, встало вдруг как первостепеннейшая необходимость, единственный выход, единственное условие счастья, радости и успокоения.

Да, нельзя жить без старца, а я ведь и без священника — отца духовного живу и многие годы о сем в ус не дую. А что книги собирал (подразумеваю духовные), так уж ныне ясно мне, что «глупому сыну не в помощь богатство».[56] Но милостив Господь, и я, как мотылек несмысленный, порхая по цветам сим, все же увидел я несумненно твердые, прямые и правильные пути. Опыт жизни сошелся с указаниями отеческими. Где свет и радость моя, где мне счастье, и мир, и успокое-

ние, я твердо знаю. Твердо и несумненно знаю, и какими путями туда идти. И, хоть стою еще у зачал пути, но уж знаю и верую, что как пойду по нему с добрым руководителем, так и утешит меня Господь. И уж предначание радости, радость в душу убогую низводит.

Корю себя и ругаю, что всю жизнь неиграемым играл. «Сама себя раба бьет...»[57] Кто увлекался театром и актерами, кто музыкой и Собиновыми, кто литературой, кто поэзией в суд себе и поэтами. Так я «развлекался» разговорами (праздными) об *иночестве*, о старцах, а все это было поверхностным, было эстетством. «Поэзия ему любезна, приятна, сладостна, полезна, как летом вкусный лимонад».[58]

Добывал редкие издания Исаака Сирина, Лествичника, мечтал достать Филокалию, но все это лишь в суд себе. И сомнительные поэты, и романы, и книги об искусстве, и 1001 ночь, и Боккаччио, и Федр, и «Симпозион».[59] И «Часовник»,[60] и «Устав»,[61] и «Лествица»,[62] и «Словеса постнические»[63] — все на одной полке стояло, и жил я, мягко выражаясь, «чего-то нет, чего-то жаль, куда-то сердце мчится вдаль».[64] Все страсти на моем хребте работали.[65]

И, может быть, даже если бы в мои молодые годы и старец на пути моем встретился, я, как пес, продолжал бы возвращаться на блевотину свою.[66] Блудно иждих молодые годы.[67] А се и в годы страха отрекся бы не три, а 33 раза и от отца руководяща, и от братии помогающей.

Может быть, в те годы сердцеведец Господь и не давал своей святыни псу, не метал бисера пред свиньею. Разумею старца бисером неоцененным, а святынею духовную единодумную братию. Попятившись страха ради, я попрал бы их копытами своими. Так что, м<ожет> б<ыть>, всякому овощу свое время.

Глубиною мудрости человеколюбно все строяй и еже на пользу есть подаваяй,[68] м<ожет> б<ыть>, когда надо, и человека пошлет.

Как было книгам праздно не лежать, когда я кокетничал столько лет. Прихаживали люди, могущие, как я теперь понимаю, быть полезными. Живы были старцы некоторые Оптинские (в 20-х годах). А я, как бешеный, кидался от древностей к блядству, козыряя австрийскими еретиками (?).[69]

Так что, будучи (на языке) благочестия древлего, а жития прохладного, не созрел я тогда для следования старцу, ни для послушания, ни для отсечения воли, ни для *иночества*. И уж так, верно, тому быть, что «пустовали» святые книги. Пусть я сый без руля и без ветрил вилял, имея эти книги (и даже делая выписки из них!!!) и в десную, и в шуюю, я так был ползок и охотен до всякого греха, что не повести бы старцу меня царским-то путем. Но вот люта година настала, пришли болезни, ушли страсти, а истина Господня пребывает в век.

Дало плод и то, что в свое время читал, как литературу. Многое читал, и без разбору, но осело на сердце единое на потребу. Но «человека не имам»,[70] а книг читать не могу. О если бы послал Ты, Господь,

старца, отца духовного, наставника, который бы и меня, и семью мою упас в пажити Господней.

О книгах говорил, но велика мне печаль и лишение еще о том, что ведь, всю жизнь будучи художником, любя писать иконы, рисовать то, что мне любо, лишен я теперь возможности любимым делом заниматься. Пригорновав к *Оптиной*, к ее старцам, мечтая об *обителях*, как бы я хотел комнату свою портретами старцев, мною сделанными, украсить. Как лик Господа Христа списать бы хотел...

О еже пиши в сердце.

21 февраля, пятница

Сегодня достал я образ святителя Димитрия Ростовского. Радуюсь о сем не менее, чем бывало о древности какой. Образ большой, на красках, XVIII века, хорошего письма.

В день Суда, по выражению одной северной крестьянки, «земля сбежится в одно место», то есть сконденсируется поверхность земли на площади одной долины (Иосафатовой). Я уж поминал, что все святые книги «сбежались» во мне, сели в душе чем-то мне нужным. (Теоретически еще все это во мне). Я уж вижу, что мне не под силу, со что меня не будет,[71] не хватит. Но если суживаются горизонты, если я не смогу, по вине болезни, брать широко, то мне остается брать глубоко. Это выход неплохой. Окончить дни в тиши монашеской келлии, о как бы я это страстно хотел! Впервые я стал жить этой думой годов одиннадцать назад. Общение с м. Евфросинией[72] помогло дифференцироваться, определиться этому желанию стать *монахом*. Но потом все отбило *страхом*, потом отупением и грехом. В эту пору, вспоминая желание пострига, я облегченно вздыхал: как хорошо, что это не произошло. Бесплодное долгое отупение, бывшее следствием *страха*, стало откатываться, но ударила болезнь зрения. Опять упал духом и опять временем оттаиваю: ино в кою пору заоттаивает сердце, опять то же желание, та же мысль: сопричесться чину *иноческому* великому. Слава Господу моему, что не оставляет Он, благой, звать меня. Я Его оставлял, но Он меня никогда. Я уходил от Него, Он выходил навстречу мне. Слава Тебе, благодетелю моему, в веки веком.[73]

Радуюсь сегодня о пришедшем ко мне святителе Димитрии. Много лет я блуждал возле раскола. Потом Господь милосердный, иже льна курящегося не угасит и трости надломленной не переломит,[74] вышел навстречу мне. И я, вседушно, и всем сердцем, всем умом, всем дыханием верую, и люблю, и припадаю, и исповедую единую святую Церковь Православную. В ней живу и умираю, Господу помогающу. И потому я люблю святителя Димитрия, боровшегося во имя единой святой соборной Церкви с схизмой, с отщепенством, с омертвчением, с узостью раскола.

Светлое, радостное православие! Чудны были XIV, XV века, века Сергия, Никона, Кирилла Белозерского, Александра Свирского, Зосимы и Савватия Соловецких, всех преподобных отцев Северной Фиваиды. Но благословен и ты, век XIX. Паисий Величковский, Василиск,[75] Зосима Верховский,[76] Феодор,[77] Лев, Макарий, Моисей, Амвросий, Анатолий Оптинские, и иные подобные. И святители в XIX веке прославленные: Митрофан,[78] Тихон Задонский, Феодосий,[79] Иннокентий.[80] Благословен и ты, осиявший XVIII столетие явлением своим, отец и пастырь наш, святителю отче Димитрие Ростовский!

Ряд лет безотчетно я искал его портреты, я любил увидеть в церкви его икону. Мне любо, вот и ныне в *Елохове*,[81] пройти в угол, где всегда мерцает лампада пред потемневшей его иконой.

Почему-то святитель Димитрий связан для меня с Пасхой, радостью. Он, святой, чем-то близок мне, грешному, точно светлая радостная тайна меж нас. Да и как ему, пастырю доброму, не радоваться, «яко обретеся погибшая драхма»[82] и вернулось в Христово стадо чуть было не заблудившее в дебрях расколов овча.[83]

И вот он, душу полагавший за овцы,[84] с ласковой улыбкой шепчет мне, когда я прикладываюсь к святому его образу: «Христос воскресе!» И, припадая к честному его образу, с радостными слезами вопию: «Воистину воскресе Христос! Святителю Христов, отче мой и учителю мой, истины поборниче, учителю светлый и радостный.

Для истинного, настоящего человеческого счастья все в человеке должно сбежаться, сконцентрироваться к одному. Вот уж я не хочу порхать по векам то такого, то другого «расцвета». Восхищаться изысканным стилем XV века и пренебрегать XIX веком, пусть это будет уделом эстетов и искусствоведов. Они сегодня увлечены Рублевым и древнерусским зодчеством, завтра они носятся с архитектурой Бухары и Самарканда, цитируют Гафиза и Саади. Около великих дел эти комары толкутся, но, как комар не сознает могущества могучего дуба, на листок которого присел, так и эта публика, подбирающая крохи и не задумывающаяся, от каких ковриг эти крошки падают. Интеллигентное старообрядчество тоже впадает в эстетизм и снобизм. Старообрядческие храмы XX века, почти сплошь построенные в ужасном «moderne russe», который лишее ропетовских петушков.[85]

Те же ампирные церкви наши, которых так много еще и которые так давно и чудесно увязались с русским пейзажем, гораздо органичнее, преемственнее, душевнее и любее нам, привыкшим уж по дедам еще и отцам молиться в них. Любы и церкви XVIII века. Ведь в этих церквах молились и преподобный Серафим, и оптинская присносиятельная плеяда, и все святые XVIII—XIX века. У Троицы-Сергия много барочных зданий, но разве мы позволим сломать их эстетам, чтобы заменить подделками в древнем стиле. А архитектура Киево-Печерской лавры, не барокко ли там ликует. А разве не священны ныне нам эти камни, стены XVIII века? А какова архитектура Оптиной п<усты-

ни>, Сарова, Глинской? Не барок ли и не ампир ли? Но не там ли полагает сердце свое Русь Святая.

И вот для меня, выросшего в обстановке еще XIX века, в патриархальной северной семье, от дней младенчества ходившего не в храмы древнерусские XV—XVII,[86] а в церкви XVIII века, созерцавшего лики святых икон не только древних, но и позднейших, для меня, уж в пожилых годах понявшего всю полноту святости, всю неистощаемость благодатных сокровищ Церкви Православной, для меня, ликующего о целом облаке святых, пребывающих в церкви и в XIX веке, как и в XV, для меня все «сбежалось», скажем, к отцам, старцам моего времени, к *обителям*, которые я застал, в которые мои родители ходили. Ведь какой глупостью было, какой безумной спесью, каким недомыслием, тупостью и невежеством считать, что в древности, вот, были святые старцы, а ныне этого не бывает. Я был абсолютно не в курсе. Кто жил в церкви и с церковью, тот не бредил тем, что древле только была вся полнота, а ныне де нет. Кто жил в церкви, тот ходил по монастырям, не только поклоняясь мощам преподобных основателей обители, но и благословляясь, но и учась жить, но и собеседуя лицем к лицу с живыми носителями иночества и святости.

23 февраля, воскресенье Крестопоклонное

Сегодня у меня радостный день. Ну там, на комиссии, признан негодным.

На Даниловском хорошо. А раньше как-то опускал эти конца февраля, предмартовские, сияющие солнцем, еще морозные, но уже с капелями дни. На окраинах Москвы уж чувствуешь, что конец зимы. Там блестят снега сиянием слепящим, но уж киснуть начали проезжие дороги.

Голубое небо, белизна сугробов, узоры голых еще ветвей старых деревьев и чудесная розовая ампирная, такая светлая и уютная, очевидно, крупным зодчим созданная церковь, с чудесным по архитектуре иконостасом.[87] Ну... «жатва великая бысть на люди». Легко там теперь: наше стало.[88] А тех я гнушался, и народ словесный страдал.

Величавое *Евангелие* читалось: «Ныне суд есть миру сему... князь мира сего изгнан будет вон».[89]

Давно мечталось об иконе Споручницы. Сегодня пришло мне это благословение Божией Матери — икона, которую я видал у бабушки, в детстве, радость о которой загоралась в сердце при чтении замечательных актов святителя Филарета (40-е годы XIX в.). Икона, радость о которой долго сияла в душе, когда я ходил к ней туда в Хамовники услаждать свое бедное сердце видением чудотворной иконы, сколько там цветов, снопы свещей, молитв.

Сегодня я достал маленький список. О Пресвятая, Преблагословенная! Обнови во мне зраки образа своего. О Тебе радуется всякая тварь. Слава Тебе, слава Тебе.

И богатство сегодня на богатство. Уж устав, добрел до Петропавловской. Услышал служение пассии. Слава Тебе, Господи, за *веру* Твою святую, за Церковь ту честную. С юга России принесена эта служба, этот чин. На Севере не знали этого чина, но Москве полюбился он давненько. Конечно, это не уставная «классическая» служба. Но нужны душе и сердцу, насущно нужны народу церковному это стояние при Кресте, это сраспинание со Христом, это припадание к язвам Христовым крестным.

Нам всем измученным, скорбным, больным, голодным, печальным чем удержать свое сердце в церкви, как не Крестом, на котором Распятый, как не Его пречистыми язвами. Что величавее, и дороже, и любимее и нужнее этих чтений Евангелия о Страстях Христовых. И этот Акафист Страстям.

24 февраля, понедельник

Странное свойство души человеческой — «что пройдет, то будет мило».[90] Отодвигая тяжелые впечатления, душа выискивает приятное себе. Не останавливаюсь на тяжести кладбищенских будней, а опять предначатие весны люблю. Роща кладбищенская за белой оградой уж видится весну ожидающей. Стаял снег с ветвей, и голые деревья нежными коричневыми прозрачными метелками тянутся к небу. К вечеру заморозит, а в день тают дороги. Скользко стало тебе, хрену. Дальше будет все краше да краше. Март, апрель... Надо их взять. Потщися, убогая душа, не спи, не пустуй, блюди эти месяцы, это благословенное время тайностное и святое: Великий пост. Живи этой порой, не сном отяготися.

Худой долгой «конкою» ползаю иное и на Даниловское. Уж что скареднее будней *нашей* жизни. На улице, в очередях, в «конке» один бусый безотрадный колер. Но остается, но даже незаметно для себя оседает в душу это предначание весны. Уж дни долгие. В семь утра, как ставен откроем, еще свет синий льется и мешается в комнате с светом свещи или лампады. Но уж можно бы садиться писать. И до шести вечера можно читать (люди читают).

С утра поползу куда ле.[91] Уж не рвусь так, что худо вижу. Сам-то себе твержу: «злую печаль развевай доброю мыслию». А добро у меня одно: *вера* Христова. Иначе для меня — плач и скрежет зубов.

Вишь, все еще голубизну, да белизну, да весну, да узор дерев высматриваю. А ведь гораздо насущнее, несравненно необходимее, благодарнее для меня в себя, в душу эту голубизну и белизну эту весну и свет стяжать. Я слышал сегодня (это слово напиши на сердце, обвяжи о выю!): «Царство Божие нудится и нуждницы восхищают е».[92] Хрисостомос говорит: «Через царство внутреннее и небесное приходит». Еще только на пороги оного великого здания я гляжу, около переступая. Если нет старца, дак «по совету» надо жить... Не знаю, и за

«советом» оным великим к кому идти. Но ведь, я чаю, беспризорных-то овец и не оставляет Пастырь добрый. И вот я, сущее «овча погибшее», брожу вокруг да около и вопию: «Призови мя, Спасе, и спаси мя! Охота дверь райскую обрести!»

Но редки минуты умиления и радости. Покаяния не имам, не имам слезы утешительныя.[93] А молитва моя скудна, скупа, повторяю устами по привычке. Извне, за богослужением, иное нечто тронет сердце или слово братнее умилит, а сам от себя лишь устами и кратко повторяю молитву. Нет у меня в сердце молитвы, п<отому> ч<то> нечисто сердце. Есть лишь «благие порывы»...

Молитва дает счастье, блаженны минуты эти, я помню светлые оные часы в церкви у о. Сергия *Мечева*.[94] Но то незаработанное было, а лишь восторженность молодости: не о том, дак о другом юность восторгается. «Блажени чистии сердцем, яко тии Бога узрят».[95] А моя жизнь непорядочна и беспорядочна. Братишко везет дом весь, а я размышляю о внутреннем царстве... Может, и я с какой-то стороны прав: несчастное мое зрение заставляет искать опору в самом себе. Но тело, нервы, кости, «гормоны», конечно, не это опора человеку. Больное тело, слабое, дряхлующее, жалкое, вонючее, покалеченное, беспомощное — это не опора. Иной скажет: я вот силен, молод, бодр; вся суть в физическом здоровье! Нет, друг, сегодня ты жив-здоров, завтра ты ряхнешь.[96] Сегодня ты ликуешь и надымаешься, поешь и пляшешь, завтра тебя несут, хотя с музыкой, да не с веселой...

Если кроме плоти, костей, мышц, нервов, «гормонов» нет ничего, то с увяданием всего этого, с болезнями, с упадком сил физических, значит, и все погибло. Ведь не на «гормоны» же, не на омоложение опираться!!!

Нет, друг: я вот убогой человеченко, калека. Уж ничего-то мое телешко не стоит. Но вот упадает тело, дряхлеет, болеет, малится, а нечто во мне живет, не малится, не умирает, не шагает в ночи с дряхлым телом, а летит на крыльях.

14 марта, пятница

Завтра Лазарева суббота.[97]

Дни-то какие... Завтра с вербушечками стоят. Завтра служба о неделе Ваий.[98] Но ранняя Пасха, и снегу еще сугробы. Но и водой заливает.

Болел, простудился, но больше о голоде падаем духом-то. Брателко еще добывает обед. Охудали, да бродим по его лишь милости. Уж так пришло: что там праздник, помрем ведь, конец ведь... А дня два подряд поешь, и опять опечалится душа, что ведь дни-то какие единственные, бесценные, великие настают. Велик понедельник, Велик вторник, среда Великая...[99] Каждый день года сто́ит. Драгоценны дни сии и по существу, и по воспоминаниям. По воспоминаниям, п<ото-

му> ч<то> всегда, от дней младенчества, дни сии, скажем, от Вербной субботы до конца Светлой, сладчайшими, заветнейшими, заповеднейшими днями в году были. Поморы говорят: «В промысловую-то пору два-три дня год кормят, только не упусти. Море даст, что возьмешь». И вот, как настают эти таинственнейшие, преизбыточествующие дивным богатством, насыщенные сладчайшим содержанием дни Страстные, дни Пасхи Христовой, не упускай хватать от их сокровищ! Про седмицы Святыя Четыредесятницы говорит народ: «Сестра сестры старше». И вот совершилась душеполезная четыредесятница в четверток шестой седмицы, и просит Церковь увидеть святую седмицу Страстей, воспеть величия находящих дней. Тут день дня богаче, насыщеннее, изобильнее, краше пойдет. По евангельскому чтению, если по одному Евангелию за каждым днем следить, как велик, свят каждый день. «Бе некто боля Лазарь в Вифании...»[100] Точно видишь ты эту Вифанию, точно гащивал ты в ней, точно твои друзья тут жили, точно знавал ты Лазаря.

Как маленький был, к Воскресенью, туда на высокий угор над рекой[101] с матерью ходил в эти Святые дни. И слушал вдохновенно всегда звенящий голос о. Михаила.[102] «Бе некто боля Лазарь в Вифании...» Потом в церкви гимназической тихий, тихий голос святого нашего законоучителя о. Зосимы: «Бе некто боля Лазарь в Вифании...» Из года в год ложились чудные словеса евангельских чтений на сердце. А жизнь, а быт насыщены были предначатием праздника. Словеса церковных служб, церковные чиноположения каждого дня Страстной и Светлой седмицы неразрывно были связаны с бытом домашним. Ведь иная хозяйка и к службе-то не попадет. Но эти приуготовления к празднику, начинающиеся дней за десять. Эта взволнованность предпраздничная в каждом доме всей семьи. Уборка, чистка, украшение комнат, это мытье; закупка таких особых и обильных продуктов праздничных. И, наконец, любезнейшее, сладкое дело — приготовление тест для баб и куличей. Печение куличей и баб. У каждой хозяйки свои рецепты, свой вкус куличей. Потом приготовление сырных пасок. Узоры-то эти — эмблемы Страстей на досках старых пасочниц — как любы были. И крашение яиц, и чистка образов, и... Каким праздником был каждый день и в доме, в хозяйстве, в быту. Праздник насыщал, освящал быт.

Я говорил: по одним евангельским чтениям о каждом дне Страстной седмицы как священен каждый день. Хотя б для протестанта, не признающего уставов, чинов и обрядов Церкви. Но Церковь Христова, сокровищница всякого истинного богатства, как она приумножила евангельский талант, как распространила богатство каждого Страстного евангельского дня. Службами, песньми, чтениями, чином, обрядом, правилом каждый день Страстной увенчан как бы царскою диадемою, одеян в ризы паче царской порфиры, паче парчи и виссона. Чины часов, вечерни и повечерий, утреня... Не хожу (хотя б и по бо-

лезни) к службе, не могу прочитывать ниже[103] выпевать дивных оных стихир, тропарей, канона каждого дня. Тем, о, как окрадываю себя, каким лишенцем являюсь. Литургии преждеосвященные, Василия Великого. Как обогащали всегда, как окрыляли, какую печать на душу клали вставания к ранней... Пение «Да исправится молитва моя», «Ныне силы небесные...». Да, сами себя мы нищими делаем, сами себя богатства лишаем, у себя воруем. У воды стоим, а пить просим.

(Вот церковь поет сегодня <4 нрзб>).

15 марта, суббота Лазарева

Послезавтра Алексия с гор вода.[104] А тепла еще нет. Но весна не за горами. А сегодня «общее воскресение уверяя»[105] поют. Я за немощью не мог опять пойти. А хотелось бы с вербочкой, со свечечкой постоять. Ино и утреня в хлопотню в 3 дня. Думаю, завтра в Пупыши[106] рано уйти. Там в зиму с 7 утра утреня. Я относительно мало читал и мало слышал об ὄντως'е,[107] о таинственной «силе и угодье» праздника Входа в Иерусалим. От сегодняшней службы с вербочками как-то сразу в Страстную седмицу глядишь. А Вход Господень, Воскресение Ваий — чудный праздник. И чу́дная ему служба поется. И дивно это Евангелие. Хотел выписать, но быстро догорает заря, залез на подоконник, и тут темно. А се и гром учинился. Рано налетел, а брата нету дома. Ехать ладит не то в Ростов, не то в Рязань менять. Утром он по хлеб. До 4-х по обед ездит. Вечер теперь все о поездке. А голоден бегает. Кормилец наш, брателко. Я с Мишкой по дому. Ни света, ни... Все у печки, у самоваришка.

17 марта

Алексия человека Божия сегодня. И сегодня святый Великий Страстной понедельник. Тесно уму от торжественности празднеств. Еще хочет душа хвалить, «иже нас ради на жребяти осли сести Изволившаго и со славою Вшедшаго в Иерусалим».[108] Но уж отгремела восторженная «осанна», скоро завопят: «Распни, распни Его!» Уж в отпусте сегодня: «Грядый на вольную страсть...»[109] Святый Страстной понедельник. Страстная седмица началась. День дня больше пойдет. Сегодня сряжался утром к часам, а и к вечерней не попаду службе. Вчера в *Елохове*[110] у обедни еле стоял: и давят, и службы не слышно, и сил мало. А все же ладно, что постоял. Празднично, многонародно. Много, много еще приходит ко Христу Свету.

Сверкает солнце, в тени холодно, скользко, а где солнышко — льет капель и небо синее уж по-весеннему.

А в Благовещенском соборе престол Входа в Иерусалим.[111] И храмовая икона, помню, сияет праздничными красками и золотом.

Ночь гремели пушки. Утром бродил к преждеосвященной, туда к Солянке, к Петру и Павлу. Брателко хотел меня, пока ездит по картошку, управить в Хотьков. Я и сам соблазнялся: чу́дное ведь там весны предначатие, у Радонежа оного. Но, вот, брел Колпачным переулком, брел утре Подкопаевским... Как прекрасно и тут, у нас, в старых московских переулках это начало весны. Ин переулок в гору, другой под гору. Вода вешняя вчера бежала, сегодня за северным ветром мерзнет в тени. А с крыш льет. Сосули блестят, что хрусталь. И слаще скрипок и флейт эта песнь капающей воды.

В Подкопае изумительные старые дома, экими пузами вылезли чуть не на середину переулка. Высокие крыши, оконца, как бойницы. Как крепостца загораживает узкий кривой переулок. Но сколько уюта, сколько очарования в экой древней громадине. На углах Колпашного опять поменьше ростом, но столь же древние, капитальные такие, с какими-то крепостными фундаментами и глухими каменными стенами-оградами домы: коротенькие глухие оконца. И пока идешь до церкви, за старыми стенами много старых дерев: черные искривленные стволы, узор ветвей, корневища инде уж обтаяли. А небо сверкает голубое с золотыми облаками, и снег еще инде сверкает, но много и черных луж, и льду. Что реки во льду скаты у переулочков. И тротуары там старые плиточные... Помянул старые-то дома. Греются они на солнце, жмурят подслепые оконца на вешнее солнышко. Я иду, подслепые глазишки свои тоже жмурю: и солнце блестит, и снег инде в саду блестит, и лед по утреннику блестит, и лазурь небесная, и облака — все сияет. Я подойду да прижмусь где-ка под древним оконцем или у старого неохватного дерева. Тут в заветерии греет солнышко, постою да полюбуюсь: как светло у Господа, он не гасит свет, не отымает тепла. Воробьи воюют, чирикают, небось гнезда вить пора... Родная, милая Москва. Вон купол Ивановского монастыря, вон шпиль готической кирхи. Завернешь у Николы Подкопая, у ампирных его колонн и в гору опять лепись, звеня своим железным батожком. Вот на горочке так дивно подана и старая чудесная церковь. Белая, узорная XVII века с барочной колокольней. Как она красиво стоит на горке: справа, как птичье крыло, широкие древние каменные ступени огибают храм Божий. С крыльца необъятный вид: и Яуза, и Воспитательный вдали, и Кремлевские вдали стены и главы. А под холмом церковным море крыш, и деревья опять, и переулки. С переулка идучи, и не ждешь такого кругозора, такого вида. Родная, милая Москва!

Соблазнился я уехать в Хотьков: там природа. А здесь у нас чем не природа, чем не красота? И вешнее небо, и поутру хрустящий лед, и тающие снега, и по старым переулкам сады: почки скоро будут набухать, а пока узор веток так чудесен на фоне сверкающего неба. И по-

том, как уедешь от служб Страстных!.. Полутемно в храме: только снопы свечей сияют желтыми огнями. Малолюдны эти, извивающиеся от Маросейки к Солянке, к Яузе переулки. А тут в храме тесно стоит толпа.

Вчера вслух читал Миша эти дивные страницы из «Бр<атьев> Карамазовых» — воспоминания детства старца Зосимы о том, как его мать водила на Страстной неделе в храм к преждеосвященным. Дивно там дано это настроение. И Исхода чтение, и Бытия чтение, и дым от кадила стелется, и пение «Да исправится». Уж поминал я, как люблю, как помню и по своим воспоминаниям эти службы первых дней Страстной, еще большего, еще более захватывающего и сильного от дней последующих: Великого четверга, пятка — ждал.

Много прожито и пережито с тех пор. Вот уж я и с батожком ради ледка вешнего брожу, уж и глаза худо видят. А Господь вчера и днесь той же и вовеки. А Церковь Господня вечно юнеет. А служба Божия правится и будет тут или инде по углам до скончания мира совершаться. Великие настали дни и великие образы, еже от зачала вселенной выносит на среду Церковь. И о Моисее, как его воспитала дочь фараона, и от великой, пречудной Книги Иова читал чтец. Великие, с детства родные мне и тебе, и всему роду человеческому родные образы. И Нил-река, и корзинка с младенцем Моисеем. И «От Иова»: «Приде ветер от пустыни и падеся храмина и дети и внуки твои погибли: остахся аз един и придох возвестить тебе... Огнь паде и пожже стада и пастухи твои, остахся аз един и придох возвестить тебе... И раздра Иов ризы своя, посыпал главу перстию и паде о землю и возопи: Господь даде, Господь отъя. Якоже изволися Господеви, тако и бысть. Буди имя Господне благословенно отныне и до века».[112]

В великие дни сии великие прообразы и пророчества приводит Церковь. Кажет величие за величием. То и пето в четверг шестой седмицы: «покажи нам и святую седмицу Страсти Твоя, в нейже воспети величия Твоя и неизреченное о нас смотрение Твое».[113] Не только о событиях по порядку дней Страстной седмицы повествует нам Церковь, но все величие, всю значимость, весь смысл великий, вечный, весь разум вечный, вселенский разум оных дней: Великаго понедельника, Великаго вторника, среды, четверга, пятка, субботы Великия, разум оных дней от зачала мира до конца его в чинах своих, в службах божественных показывает нам Церковь Божия, небо на земле.

И от Матфея заветы вековечные, лицо рода человеческого отражающие, судьбы навечные рода людского отображающие, притчи оные вечные: о десяти девах, о женихе, грядущем в полунощи, о скрывшем талант в землю... Великие темы и прообразы водят нас вокруг Великаго оного вторника. И далее столь заветное, столь любимое, уж столько раз в жизни слышанное: «Да исправится молитва моя...». Помню: там, на родине пели мальчики, трое, эти стихи: «Да исправится», «положи, Господи», «не уклони сердце мое». Тихо, молитвенно выводили

детские голоса нотное пение. А хор многократно подхватывает одно и то же, чу́дное: «Да исправится молитва моя». И «Свет Христов просвещает всех» над склоненными главами молящихся. И «Ныне Силы Небесныя»,[114] и опять «Господи, Владыка жизни моей».

С голодухи худо, худо ножишки ти несут, да еще ползаю на липовой ноге, на березовой клюке, а и обратно пешком побрел. И не меньше, не меньше предначатие праздника на воле. Разве не храм Господень это сверкающее небо, эти облака, это журчание воды. И ледок под ногою. Опять подойду, да постою, да полюбуюсь, инде и присяду на обтаявшей оградке... Не только в стенах храма — во всем Божием мире: в полях, в лесах, вот в тихих этих переулочках, у нас дома в маленьких, с подслепыми полузабитыми оконцами горенках (в малое низенькое оконце, у которого сижу и пишу, так много, так много высокого вешнего неба видно!) — везде стоит, везде — и над городом, и в душах человеческих совершается и происходит Страстная седмица. Слава Тебе, Богу, Благодателю нашему, во веки веков.

Я вот убог, и худ, и беден (наверное, со стороны думают: эх, какой несчастный), а иду и радуюсь и славлю Господа: есть в душе эти переживания, эти настроения, это чувство, эта радость Страстной седмицы. В этом великая милость Божия мне, убогому человеку. И уж не нищий я, а богач. Богаче, много богаче вас, сытые, денежные, здоровые, не терзающиеся печалью о близких, о куске хлеба, о голодной семье. Не оставил меня Господь. Дал мне и семью единомысленную, единоумную. И с брателком, и с «сынишком» одно у нас сердце. Пришел домой, и хоть голодную корочку сидят скут[115] с водой, но сияет лампада пред ликом Царицы Небесной и запел брателко, когда я рассказал, как хорош и свят день, запел брателко: «Да исправится молитва моя...»

Как хорошо, какой свет в душе от Христовой веры.

19 марта, Святая Великая среда

Великие, торжественные, богатые дни, дни, когда надо от величия их петь, молится и плакать, дни, в которые и можно вот ухватиться за пречистые ноги Христовы... Святая Великая среда... Свят день, а впопыхах, в тревоге, в страхе о грядущих беспомощных днях голодовки бьемся. Из столовой уж не принесешь, и поездка рухнула; в отчаянье пришел и многодеятельный братишко. Таково ли приуныли вчера: что будем делать? Уж сегодня голодный сынишко плакал. И нет на земле сильного помощи́ нам.

Утром прохватился: ведь сегодня Святая Страстная среда! Дни-то какие таинственные, всечестные. Голодовка, болезни, в темноте, в грязи мы, некому нас обиходить... Но сегодня среда Страстная.

Убогая душа, где-то там еще исполу живая, знает, какие великие дни пришли. Каковы бы ни были тревоги и заботы, а душе-то славить

Господа охота. Бьется там, в темнице, ничем ее не обманешь, знает, какие дни. Вот, будто два человека в убогом теле моем. Одному страшно и тревожно о голоде, о близких, а другое нечто во мне радуется печали сопротивно. Уж это мои дни приходят, — сердце-то говорит. Рвется сердце-то, как птица на волю. Душа та, уж как ни закоптела, а чует там, что времечко ее пришло. Великая среда... Завтра Великий четверг... Небо приникает к земле в оные великие священные дни; Творец и Украситель твари грядет на вольную страсть. В какие же дни Бог бывает так близок человеку, как не в священнейшие и заветнейшие Страстные дни?! И вот, сквозь заботу и печаль, и тревогу величит душа моя Господа и радуется дух мой о Бозе Спасе моем.[116]

И дровишек-то нет, гнильем надо на стирку хоть полдесятка самоваришков согреть, Мишка убился со стиркой. И мусёнку[117] надо варить из последней чашки муки. И калошишка залить надо сбегать найти армянина. И брата с утра нет: удастся ли где корку хлеба добыть; вот и строчки-то эти пишу больше по догадке. Писать-то пишу, читать-то в лавочку ношу.

А опомнился: Господи, сегодня ведь Святая Великая среда. С детства ведь как эти дни проводили, как переживали. В венцах царских эти заповедные дни, свят каждый час их. Ночи-то каждый час священен, спячи, сам себя окрадываешь. ...Уж днем некогда упразднитися хоть на малый час, дак ночью-то опомнись, ночью-то пободрствуй, подивись да поахай, всплесни руками, что вот какое сокровище, какое неиждиваемое богатство, какой неиссякаемый источник радости у тебя есть! Страстные дни! Великая среда, Великий четверг! Каждый час дня и ночи благ, исполнен ведения, блаженен. Поют на преждеосвященной: «Вкусите и видите, яко благ Господь». От забот, от дум, где бы урвать хоть корку хлеба, не уйдешь. Но и суетясь в делах, в хлопотне, слушай, как твое сердце бьется. Как благовест стоит над миром: Великая среда проходит, Великий четверг настает. Гаснет тихая долгая заря Святой среды, а заря, а рассвет, что после ночи сегодняшней засияет, еще царственнее, еще блаженнее, еще трепетнее... И уж кажется — не вместит душа трепетной радости и благодатности, и тихости, и света этих дивных дней.

«Вкусите и видите, яко благ Господь». Тело-то, руки-те, ноги-те в суете, в беготне, в работе, так и окунаешься ежеминутно в хлопотню. Ну а сердцу-то кто мешает слушать оный тихий, но благодатный, но вечнующий благовест, повествующий о нарастающей радости дней и часов. Ничего, что и в храм не попал: и в храме и на улице, и в полях, и у тебя в горнице эта радость, хватай ее, глотай, как воздух. И увидишь, яко благ Господь!..

К вечеру сбродил за службу. Но уж канон допевали. «Чертог Твой вижду»[118] застал. И уж пели четверговое «Егда славнии ученицы».[119] Войдешь в церковь: в полутьме снопы свеч, на ощупь в народе проле-

заешь. Как-то сердце сегодня открыто было, и стихиры, и все речи среды посильно ложились на сердце. И над толпой высится Распятие, и лампада освещает кроткий лик «наше спасение Содеявшего, на кресте распростершего Свои руки, собирая вся языцы».[120] А песнопения, исполненные величия и печали, гласят о великой жертве Сына Божия Зиждителя, об ученике, предавшем Учителя.

Храм Петра и Павла стоит на горке. В западные входные двери потоком льется свет вечерней зари.

В ночь с четверга на Святый Великий пяток, на 21 марта

Утомился, убегался, днем везде надо было успеть, а охота хоть бы и вялой, усталой строчкой хоть бы память о святом дне. Брат и Миша убрели по деревням с меной. Я проводил, да с тем, с другим и к Божественной *литургии* Великаго четверга не попал. Нать[121] в аптеку, надо по обед: и на Никольскую, и на Поварскую. Я все считал: Москва теперь не моя. А сегодня топаю, где была Китайская стена (а я теперь хожу, дак все в землю гляжу), и уж, верно, ради величия дня «согрелося сердце мое во мне».[122] И думалось: всякая святыня нетленна, неодолима. Разорены святые монастыри, нарушены храмы, но все существует, все пребывает таинственно, и живо все. Великие дни праздников внешнему глазу незаметны. Но пребывает праздник и, как роса, сходит на землю, умащает, облагодатствует тот или другой день, и сердца верные чувствуют, что вот, праздник опустился на город.

Нерушима, нетленна всякая святыня, видит или не видит ее сейчас телесное наше око. Святы были и вечны чинопоследования Страстной, Светлой седмицы в храме. Блаженны были и святы и домашние, семейные, бытовые, уличные приготовления к празднику, ожидание праздника, хлопоты, усталость оная, спех оный предпраздничный, волнение, радование. ...Иду Москвой: Господи, в эти дни (давно ли!) сколько было предпраздничной и праздничной радости, спеху, лилась толпа с праздничными покупками (дома-то радости!). И яства, и подарки и для старых, и для малых. Толпами монашки расписные, филигранные, сахарные яйца продают, а «верба» на Красной,[123] а витрины; везде радость, ожидание праздника. У всех свет, у всех веселье в душах. Что там усталость! Надо и дома праздник устроить, и в церковь сбегать, к 12 Евангелиям, к Плащанице, на погребенье. Ночью на субботу урвутся хозяйки. А там и Христова ночь, Пасхальная, о которой сдумаешь, дак сердцу от предначатия восторга тесно в груди... Этими переживаниями, этими чувствами, этими настроениями насыщена, пропитана еще Москва. Родная, степенная, древняя моя Москва «не умерла, но спит».[124] Но сонное оцепенение града, как спящую царевну, одним поцелуем разбудит Царь.

Брел переулочком к Поварской. И как наяву видится: и в подвальных квартирах, и в бельэтаже вон уж куличики уготованы с розанами, вон яйца красят пунцовые, вон творог кладут в пасочницу.

Это было вот в этих домах, за этими оконцами. ...Родная, милая Москва. И в самом деле: сколько встречных и поперечных, и идущих и едущих несут в сердце праздник. Как хоромы Божии набиты в эти дни. А это самое главное, самое важное: в сердце, в душе иметь радование о празднике. Была бы земля хлебородимая, семена живые, всхожие были бы, а там, чуть солнышко пригреет, цветы-те будут, не окинешь глазом. Надо любить, надо видеть, надо чувствовать сокровенное древнего Города: «Девица не умерла, но спит».

Самые дорогие, самые заветные, самые великие в году переживания: предначатие Пасхи. И несешь их, как сосуд драгоценный, и боишься расплескать. Тихими старыми переулочками брожу к Страстным службам. И вижу, и чувствую, что праздником упоены и эти переулочки, старые камни их, о которых стукаю я железной клюшкой, о празднике журчат ручейки в полдень, и этот хруст ледка рано по утрам. Я чувствую, что по праздничной земле иду, что земля знает праздник. Как знает праздник предвесеннее это вот, ненаглядное святое небо Страстной недели. Иное больше, чем в хороме, где за теснотой, за многолюдством нарушается молитвенная настроенность, в тихих древних улочках попутных ощущаешь, осязаешь, видишь благостную тихость некую и от тихого сияния неба, и от пробуждающейся земли, и от этих древних домов с оконцами, отражающими небо, как младенчески ясные глаза стогодовалых стариков, все это именно в эти дни таинственно благоухает умиленностью, тихим радованием. У этих любых попутных мне старых улочек, у древних камней, у плит, у старых дерев, точно благословляя, протягивающих ветви там и там над тобой идущим, одна радостная дума с небом и с тобой идущим.

У меня глазишки худые, не гляжу на людей проходящих, в землю люблю глядеть. И небесная лазурь, и облака, и тучи — любо и небо, и земля. Сейгод на 3-й день Пасхи Благовещение. Запоют: «Благовествуй, земля, радость велию». Хорошо это — ногами-то по земле ступать да палочкой тукать, <древние камни плит>[125] — это тоже мать-земля. Иду, и она мне сказывает «радость велию».

А в храме — «12 Евангелий».[126]

Великий пяток, 21 марта

Люди — кто как, а мать-землю, а небо не обманешь. От «12 Евангелий» вчера шел — точно в «смирное» платье оделось небо. И земля печальна, снега потемнели за ночь, почернели дороги. Как слезы, не просыхая, стоит по лицу земли вешняя вода, небо повито, как пеленой, облаками, и солнце не кажет сегодня своего лика земле. Тварь сегодня спостраждет Творцу своему и Зиждителю.

Но при пасмурном дне быстр ветер запад. Он летит с полей, с просторов Руси. Он снимает саван снегов. По оврагам ручьи заговорили с ветром. Говорят о пробуждении, о воскресении. «Еще в полях белеет

снег, а воды уж весной шумят. Бегут и будят сонный брег, бегут, и блещут, и гласят».

...Евангелие вчера чли перед высоким Распятием: всея твари Украситель висит, украшенный цветами, Иисусе, ума моего веселие, висит на древе, поникнув челом, смежив очи. Всея твари Украситель украшен страдальческим венцом терновым. Иисусе, красота пресветлая, наг и оставлен на кресте пригвоздися и копием прободся. Иисусе, любы неизреченная, и с креста простирает мне Свои объятия. Чередуется торжественно Евангелие за Евангелием. Каждый год, когда мать-земля просыпается от зимнего сна, таинственно и непостижимо совершаются во вселенной страсти Христовы. А видимое нам их проявление — это службы церковные Страстной седмицы. Это вынос распятия, чтение 12 Евангелий, плащаница, все эти высокоумилительные песнопения.

Ночь на Великую субботу

4-й час нощи. Устал, звон в голове; мои пришли, выходили верст сорок... Пали да спят.

Я тоже еле прибрел от Погребения. И у часов утре не был. Дела, да попыхи, да спехи. Припасть надо, приникнуть к этим дням и только ими дышать, их велегласную тишину слышать. Вот сегодня настал день Великаго пятка, день страшный и хвальный, день, когда и есть не положено.

Пасха Христова 1942 года

Как волна за волной, торжественно нарастали, сменяя друг друга, великие благодатные дни. Пяток, суббота Страстная, священная и преблагословенная. Сегодня уж праздника третий день. И Благовещение. Две радости сегодня ангел благовествует Благодатней: «Чистая Дева, радуйся! — вопиет: — Твой Сын воскресе! И паки реку: днесь спасения человеческаго начаток, днесь вечной тайны явление. Днесь Сын Божий Сын Девы бывает».[127]

Два венца носит сегодня день. Венец Пасхи и венец Благовещения. Два света днесь светят миру. Два солнца согревают человеческие души. Поют «Христос воскресе» и архангельский глас «Радуйся».

Пасха Христова... Блаженные, обрадованные дни настали и проходят. Гости дорогие, любезные сердцу, которых так жадно ждал, пребывание которых так сладко, так упоительно, сии нареченные Святые дни, ихже сотвори Господь, дни Пасхи, праздник праздников и торжество торжеств вот уж и проходят. Как солнце, не стоит ведь на небе, но по радостном восходе и сияющем полдне пойдет и солнце на запад. Так и пасхальные ненаглядные, любимые, дражайшие дни.

Всю жизнь я так: трепетно жду дней Пасхи. С восторгом (как Бог поможет) сладостно провожу Христову ночь. А потом начинаю гру-

стить: вот скоро и пройдут столь трепетно ожидаемые, вожделенные дни Светлой седмицы.

Среда Светлой седмицы

Так бы обнял, так бы припал, ухватился за дни «праздника праздников» и остался бы с ними. А это верно: остался бы с Пасхою, отверзающею толь дивно во ад настоящего жития райские двери. О, какое благодатное, сияющее чудо, какое дивное дело живет с нами на земле! Какое Солнце восходит в нас и для нас! О, Пасха велия и священная, Христе!

Вот живем мы, люди, павшие, долу поникшие, унылые, одряхлевшие телом и душою, угнетаемые заботами, обиженные, раздраженные, жадные, завистливые, и больные, и горькие, и несчастные. Влачим дни, по будням заношенные. Но вот от дней Великаго поста начинает брезжить трепетная заря. Почему радостен пост? Потому что <запись обрывается>.

13 мая, вторник по Пентикос[128]

Евангелие — не книга для назидательного чтения, не сборник повествований, не памятник еврейско-эллинистической литературы. Т. е. эти определения могут быть употреблены, но определяют они малое, незначительное, второстепенное. Евангелие — это благодатный горний ветр, всегда проносящийся во вселенной, Евангелие — это вешняя гроза, оживляющая, очищающая. Евангелие — утренний благовест, блаженный, благодатный, зовущий к вечному свету, к радости. Упразднись на малый час от суеты мира, от злоб дня, коснись сердцем тишины, которую дает Начальник тишины, и ты услышишь этот благовест, проносящийся над миром. Евангелие — река жизни, напояющая водою живою море земного нашего бытия. Если бы не Евангелие, житейское наше море было бы мертвым морем. Евангелие — луг, усеянный цветами, и благоухание евангельских лилий струится над землею, и, раз ощутив Христово благоухание, уже не хочешь смрада мира сего... Евангелие — вечная, присноюнеющая весна души человеческой, Евангелие — благоухание вечной в нас весны, сияющая вешняя лазурь над мрачным сим миром.

Не помнишь ведь, с какого времени падет в душу, напр<имер>, красота лазури небесной, поразит праздничность цветущего луга, так и евангельские благоуханные рассказы от раннего детства отпечатлеваются в памяти, в сердце. Отдельные благовествования как-то ближе становятся, любишь их больше. Евангелие — чудо, и отдельные благовествования-чтения — чудо, и на всю жизнь западают события евангельские в душу.

Евангелие — кошница благодатных семян, падая в сердце человеческое, они могут дать плод сторицею.

...Я мало жил светлым евангельским благовестием, мало вникал. Болотисто, иловато, тинисто поле души моей для святых семян евангельских. А Евангелие — жизнь. И эта жизнь — единственный свет человеком. Вечен немерцающий, нестареющий этот свет. И днесь во тьме светится, и тьма его не объят. А я как корова стою, жвачку жую, будто не мое и дело... Так поле душевное и одичало, и не вытравить мне плевел, насеянных недремлющим врагом.

Евангелие было благодатным источником, оживотворившим корни эллинистического искусства и словесности. Явилось в мир Слово Отчее, всея твари Украситель, Сам сый Красота пресветлая, Слово, имже вся быша, и отселе зодчие, живописцы, ваятели, философы, поэты вдохновлены, воодушевлены, одухотворены единственно чудом Евангелия. Облагодатствованные, оплодотворенные живоносною, животворящею *верою* Христовою, культуры Греции, Рима и Востока дали благоуханные цветы и плоды «на Севере, и Западе, и Юге, и Востоке». Христианская культура дала благословенные, благоуханные цветы и плоды не только в самой Греции и Риме, но, по слову Зиждителя: «Растите, множитесь, наполняйте землю»,[129] — благодатно расцвела и принесла сторичный плод во всех народах романских, германских, славянских, не говоря о Ближнем Востоке.

Тысячу лет Русь жила только этой культурой (а все, что не эта культура, — не культура). И века дети Руси святой, мой род, моя семья не знали иного света, кроме света *веры* Христовой, мой род, моя семья, моя среда посмеялись бы и отошли как от пустомели, как от шутника от всякого, кто стал бы говорить, что есть иные знания, иные истины (!!), иная красота, иное добро, кроме тех красот и высот, кроме того добра и света, которым учит, на которые указывает культура христианства. Жили в слабостях, в грехах, но что иных красот, иного добра, кроме красот и благ *веры* Христовой, нет и быть не может, — в этом не сомневались.

Как часто я ропщу на Бога, обижусь на свое убожество, болезни, нужду неизбывную. Но, как бы ни разорялся, в какое бы отчаяние ни впадал, в какой бы безысходности дни ни тянулись, а и холодным рассудком я всегда знаю и подтверждаю, что у человечества нет ценностей выше и нужнее Бога, Церкви и Христианства... Вспомнил последнюю строфу «стиха» о преподобном Серафиме Саровском: «Ибо все мира сокровища тленные нашей душе не заменят Христа».[130]

Живопись... Всякое событие евангельское многократно изображено художниками всех времен и народов. Но некоторые темы были излюбленными, особо любимы и художниками, и народом. Так и каждый человек индивидуально, выросший, хотя бы относительно, в стихии Церкви Христовой. Все христиане, без различия исповедания, относились к Евангелию, к текстам евангельским с уважением. И вот еще у каждого человека любы могут быть отдельные места, отдельные дни лазурные, ночи грозовые, утра благодатные, тихие зори

поздновечерние святого Евангелия... Можно любить особливо того или другого евангелиста. И уж тут дивлюся и благоговею пред сыном грома, возлюбленным учеником Христовым Иоанном, чей символ орел, кто является, в молнию себя претворяя. В светозарную, таинственную Христову ночь гремит Евангелие Иоанново о предвечном рождении Сына Божия: «В начале бе Слово. ...В нем была жизнь, и жизнь была свет человекам. И свет во тьме светится и тьма его не объят».[131] Пречудно и преславно приведена у Иоанна прощальная преблагословенная беседа Господа Иисуса Христа с учениками. Иисусе, сило непобедимая, Иисусе, милосте бесконечная, Иисусе, красото пресветлая, Иисусе, любы неизреченная, говорит здесь и о радости, которую никто не отымет, о мире, мире Христовом, который только и может уврачевать раны человечества. О любви еще и еще говорит здесь Он, Солнце Правды и Любви: «Больше сея любви никтоже имат, да кто душу свою положит за други своя».[132]

И столь знаменательная, путь Церкви и жизнь Церкви в веках являющая, в сферы вечного нас возносящая, дающая нашему сердцу коснуться вневременного — беседа господа с апостолом Петром: «Любиши ли Мя?.. Паси овцы Моя, паси агнцы Моя».[133]

Ходишь убогой мыслию своей по величиям Иоаннова Евангелия и дивишься: одно другого больше...

Четыре евангелиста, едино Евангелие. «Четыре орла одно яйцо снесли», — говорит образно народ. А как пречудно, как любо, каким благоуханием золотого детства, родною семьею, заветными праздничными днями пахнет, когда откроешь главы о Христове Рождестве: «Иисус Христово Рождество сице бе...»[134] (читается на вечери Рождества Христова и на утрени); «Иисусу рождшуся в Вифлееме иудейском во дни Ирода царя»[135] (на литургии). И у Луки: «Бысть во дни тыи, изыде повеление от кесаря Августа...»[136]

По человечеству, по заветнейшим и дорогим воспоминаниям о родном доме, сладчайшим воспоминаниям о благостной обстановке праздника, о тех временах, когда быт целого города благоухал и напоен был ароматом Рождества, — дороги и любы, сердце сладко, как в детстве, заставляют дрожать эти, во всем христианском мире излюбленные рождественские благовествования. И в православных хоромах, и в католических капеллах, и в лютеранских кирхах месяца декабря в 25 день везде сердца человеческие сладко плачут от умиления, когда звучат эти чтения от уст священника.

Чтение Евангелия — один из важных моментов утрени, *литургии.*

«Во время оно», — несется из алтаря. И затаят дыхание православные, склонив головы. А над городом или селом проносится звон «к Евангелию». И слышат плывущий над городом звон и занятые люди, и больные на своих одрах, и подымается рука для крестного знамения...

Евангельское благовествование в чине богослужения как одна из жемчужин в золотой оправе. Вот праздник двунадесятый. И уж помнишь и ждешь, любя, как зачитают в Благовещение: «В месяц шестый послан бысть Гавриил»,[137] а в Преображение гору видишь, осиянную блаженным светом Фаворским: «И лик Его был светел, яко солнце, и одежды белы, яко снег».[138] А в Вознесение, когда «все цветы расцветают, Христа Батюшку в небесные сады потаенною молитвой провожают»,[139] слушаешь Евангелие и видишь и утро весеннее там, на Масличной горе, и зелень, и камни, утреннюю росой омытые, и молодые ростки дерев масличных благоухающие. И ученики в гору подымаются, и Он среди них. Вешний ветер развевает воскрилия одежд, пряди волос.

Он особенно светел сегодня, «еже о нас исполнив смотрение, и яже на земли соединив небесным»[140]... Все выше восходят, шире дали, долина, городок. Его лик торжественен и задумчив. Он прожил жизнь человеческую на этой земле. Он рожден был в убогом вертепе, положен в ясли... Вот он отрок, мастерская плотника Иосифа... А гора выше и выше, шире и шире небесная лазурь. Но, истинный человек, Он и Бог истинный, от Отца рожденный прежде всех век. Он в начале бе, Он Отцу единосущен, чрез Него все на́чало быть.

Все, все совершено на земле. Днесь Он взойдет на небеса и сядет одесную Отца.

А день голубой: свет и лазурь. И вот Господь посылает апостолов на проповедь (это священник в алтаре читает, а ты видишь...). «И егда благословляше, отхождаше от них и возношашеся на небо».[141] Он весь лазурный, этот праздник Вознесения Христова. Весь в золоте утра и дня. Вечной лазурью овеяно евангельское чтение этого дня Господня. Да и эти благовествования, что идут после рассказа о Христовом Воскресении, уже все по ту сторону земного бытия, там уж все небо, все горнее.

N.B. После написанного об Евангелиях пасхальных, надо об Евангелиях страстных. После страстных вот об этих лазур<ных>.

---

[1] В рукописи даты, а во многих случаях и другие числа, записаны кириллицей. Даты в дневнике даны по старому стилю. Для Шергина это важно, так как он продолжал жить по православному дореволюционному календарю. Также Шергин частично сохраняет дореволюционную орфографию, используя «и десятеричное», «яти», «еры», иногда пишет в окончаниях прилагательных «-аго», а не «-ого», однако делает это непоследовательно, часто используя современные грамматические формы и орфографию. При подготовке дневников к публикации архаические формы сохранены лишь в принципиально важных случаях (цитатах и др.).

[2] *Хором* — храм.

[3] *Помощник и Покровитель.* — ирмос 1-й песни Великого покаянного канона преподобного Андрея Критского («Помощник и Покровитель бысть мне во спасение, Сей мой Бог, и прославлю Его, Бог Отца моего, и вознесу Его: славно бо прославися»).

[4] *...«мост на семь верст, на конце моста золотая верста»...* — загадка, в которой мостом на семь верст назван Великий пост (семинедельный), а золотой верстой — Пасха.

[5] *Как свинья в калу.* — Шергин применяет к себе слова из «Покаянного канона ко Господу нашему Иисусу Христу»: «Якоже бо свиния лежит в калу, тако и аз греху служу».

[6] *Тундроватый* — «некрасивый, толстый (о лице). Тундровато лицо, толсто, здорово лицо, толстоморда, а ина тонкомаза, красива. Пинеж. Арх., 1958» (Словарь русских народных говоров. Вып. 45. СПб.: Наука, 2012. С. 249).

[7] *Брателко* — так Шергин называл *Крога Анатолия Викторовича* (1895?—1959), по неподтвержденным сведениям — своего дальнего родственника по материнской линии.

[8] *Мальчуган — Барыкин Михаил Андреевич*, воспитанник Шергина, которого он называл «богоданным племянником».

[9] *Господь сказал: мир Мой даю вам ~ никакая болезнь...* — См.: Ин 14: 27; 16: 22.

[10] *Иосаф царевич.* — Преподобный Иосаф, индийский царевич, который, став христианином, покинул царство и ушел в пустыню.

[11] Шергин потерял ступню одной ноги и травмировал вторую ногу 20 авг. 1919 г., неудачно спрыгнув с подножки идущего трамвая.

[12] *«Объятия отча...»* — седален по 3-й песни в Неделю о блудном сыне: «Объятия Отча отверсти ми потщися, блудно изжих мое житие, но на богатство неизживущее взираю щедрот Твоих, Спасе: ныне обнищавшее мое сердце не презри. Тебе бо, Господи, умилением зову: согреших, Отче, на небо и пред Тобою».

[13] Здесь и далее курсивом выделены слова, при написании которых Шергин использовал тайнопись, так называемую «простую литорею» (основанную на замене согласных), известную в русской рукописной традиции с XIV в.

[15] Далее зачеркнуты слова: «и бедами неутомимыми, с этими слезами неусыхающими к отцу».

[15] «*Христе, Свете истинный ~ свет лица Твоего!*» — начало молитвы иерея во время богослужения первого часа.

[16] *...образ есмь неизреченной славы Его, аще и носит язвы греха...* — «Образ есмь неизреченныя Твоея славы, аще и язвы ношу прегрешений» (тропарь заупокойных служб).

[17] *«Придите ко Мне и Аз упокою вы».* — «Приидите ко Мне вси труждающиися и обремененнии, и Аз упокою вы» *(Мф 11: 28)*.

[18] *Сице* — так, таким образом (*ц.-сл.*).

[19] *Глубиною мудрости ~ на пользу вся подавающий...* — См.: «Глубиною мудрости человеколюбно вся строяй, и полезное всем подаваяй, Едине Содетелю, упокой, Господи, души раб Твоих: на Тя бо упование возложиша, Творца и Зиждителя и Бога нашего» (тропарь из последования панихиды и чина погребения умерших).

[20] *...узреть Христа ~ рекущего ясно: «Радуйтеся».* — См.: Песнь 1 Пасхального канона: «Очистим чувствия, и узрим неприступным светом воскресения Христа блистающася, и “Радуйтеся!” рекуща ясно да услышим, победную поюще».

[21] *Экклисия*, экклесия (*др.-греч.* ἐκκλησία) — церковь.

[22] Почитание иконы Божией Матери «Утоли моя печали» совершается 7 февр. (25 янв. по ст. стилю). Одна из наиболее почитаемых чудотворных икон Пресвятой Богородицы «Утоли моя печали» ранее пребывала в храме Николая Чудотворца, что на Пупышах. В начале 1930-х гг. церковь была закрыта (впоследствии разрушена), а образ был перенесен в храм святителя Николая в Кузнецах, где он остается и поныне.

[23] *Анатолий I* Оптинский (в миру Алексей Моисеевич Зерцалов; 1824—1894) — старец Оптиной пустыни; прославлен в лике преподобных в 2000 г.

[24] *Григорий Феолог* (*греч.* Теолог) — Григорий Богослов (ок. 325—389), святитель, архиепископ Константинопольский, один из трех Вселенских святителей и учителей наряду с Василием Великим и Иоанном Златоустом.

[25] *Иоанн Хризостом — Иоанн* Златоуст (Златоустый, *греч.* Хризостом) (ок. 347—407), один из трех Вселенских святителей и учителей.

[26] *Ексапсалмы* (*греч.*) — шестопсалмие; одна из важнейших частей утреннего богослужения Православной Церкви, состоящая из шести псалмов (3, 37, 62, 87, 102 и 142).

[27] *О. Зосима — Калашников Зосима Иванович* (1871—1939), в 1914—1917 гг. — законоучитель Архангельской мужской гимназии, где в то время учился Шергин. В 1926 г. был осужден и выслан из Архангельска на три года. В 1930 г. был вновь арестован по обвинению в «контрреволюционной агитации» и выслан в Ненецкий округ, где он и умер 7 окт. 1939 г. Реабилитирован в 1992 г.

[28] *Иже пресвясвятаго Твоего Духа в третий час апостолам Твоим ниспославый...* — Тропарь третьего часа в Великий пост: «Господи, иже Пресвятаго Твоего Духа в третий час Апостолом Твоим ниспославый: Того, Благий, не отыми от нас, но обнови нас, молящих Ти ся».

[29] *Иже в шестый день же и час на кресте пригвождей Христе Боже.* — Тропарь шестого часа в Великий пост: «Иже в шестый день же и час, на кресте Пригвождей в раи дерзновенный Адамов грех, и согрешений наших рукописание раздери, Христе Боже, и спаси нас».

[30] *Иже в девятый час на кресте плотию смерть вкусивый...* — Тропарь девятого часа в Великий пост: «Иже в девятый час нас ради плотию смерть вкусивый, умертви плоти нашея мудрование, Христе Боже, и спаси нас».

[31] *«Когда же стал я мужем, младенчество оставил».* — 1 Кор 13: 11: «Когда я был младенцем, то по-младенчески говорил, по-младенчески мыслил, по-младенчески рассуждал; а как стал мужем, то оставил младенческое».

[32] *...«Придите ко Мне, труждающиеся и обремененные».* — См. примеч. 18.

[33] *...«море даст, что возьмешь».* — Одна из пословиц, которая приводится в словаре В. И. Даля к слову «море» (*Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. 2-е изд., испр. СПб.; М.: изд. М. О. Вольфа, 1881. Т. 2. С. 346).

[34] *Царство Божие нудится.* — «От дний же Иоанна Крестителя доселе Царствие Небесное нудится, и нуждницы восхищают е». В синодальном переводе: «От дней же Иоанна Крестителя доныне Царство Небесное силою берется, и употребляющие усилие восхищают его» (Мф 11: 12).

[35] *...«Где Ты, Христос, сияющий лучами»...* — цитата из стихотворения С. Я. Надсона 1880 г. («Христос! Где Ты, Христос, сияющий лучами / Бессмертной истины, свободы и любви?»)

[36] *Мефимон* — Великое повечерие с чтением Великого покаянного канона святого Андрея Критского, совершается в понедельник, вторник, среду и четверг первой седмицы и в четверг пятой седмицы Великого поста. Великое повечерие именуется в просторечии мефимон или ефимон (*др.-греч.* μεθ᾽ ἡμών — «с нами»). Такое название служба получила потому, что на ней звучит песнопение «Яко с нами Бог!» (*др.-греч.* Ὅτι μεθ᾽ ἡμῶν ὁ Θεός).

[37] *Петра Павла* — храм святых апостолов *Петра* и *Павла* у Яузских ворот (на Кулишках). Шергин чаще всего ходил в этот храм, ближайший к его дому в Сверчковом переулке из тех, которые не закрывали в советское время.

[38] *...пора черную шапку завести.* — Шергин иносказательно говорит о своем стремлении к монашеству.

[39] *...«которую священник повторяет ~ великого поста»...* — цитата из стихотворения А. С. Пушкина «Отцы пустынники и жены непорочны...» (1836).

[40] *...«желает и скончавается душа моя во дворы Господни»...* — Пс 83: 3; *...«коль возлюблена селения Твоя, Господи сил»!* — Пс 83: 2.

[41] *...отченька мой Антоний...* — преподобный Антоний Оптинский (в миру Александр Иванович Путилов; 1795—1865), старец Оптиной пустыни.

[42] *...«уверенность в невидимом ~ как бы в настоящем».* — «По объяснению святого Апостола Павла, есть же вера уповаемых извещение, вещей обличение невидимых (Евр. 11, 1), т. е. уверенность в невидимом — как в видимом, в желаемом и ожидаемом — как в настоящем» («Пространный христианский катехизис Православной Кафолической Восточной церкви», так называемый «Филаретовский». 1-е изд.: 1823). Ср.: Евр 11: 1: «Вера же есть осуществление ожидаемого и уверенность в невидимом».

[43] *Моисей* — преподобный Моисей Оптинский (в миру Тимофей Иванович Путилов; 1782—1862), схиархимандрит, настоятель и старец Оптиной пустыни.

[44] *Пригорновать* (пригорновение — объятия, ласка), пригорнути, пригорнутися — прижаться, прильнуть (см.: Словарь русского языка XI—XVII вв. М.: Наука, 1994. Вып. 19. С. 136).

[45] *Лев-Леонид* — преподобный Лев (Леонид) Оптинский (в миру Лев Данилович Наголкин; 1768—1841), основатель старчества в Оптиной пустыни.

[46] *Макария* — преподобный Макарий Оптинский (в миру Михаил Николаевич Иванов, 1788—1860). Старец Оптиной пустыни.

[47] *Амвросий* — преподобный Амвросий Оптинский (в миру Александр Михайлович Гренков; 1812—1891), старец Оптиной пустыни.

[48] *Иосиф* — преподобный Иосиф Оптинский (в миру Иван Ефимович Литовкин, 1837—1911). Старец Оптиной пустыни.

[49] *Иларион* — преподобный Иларион Оптинский (в миру Родион Никитич Пономарев; 1805—1873), старец Оптиной пустыни.

[50] *Исаакий* — преподобный Исаакий Оптинский (в миру Иван Иванович Антимонов; 1810—1894), схиархимандрит, настоятель и старец Оптиной пустыни.

[51] В составе Собора Оптинских старцев прославлены преподобные Анатолий I, или старший (в миру Алексей Моисеевич Зерцалов; 1824—1894) и Анатолий II, или младший (в миру Александр Алексеевич Потапов; 1855—1922).

[52] *Нектарий* — преподобный Нектарий Оптинский (в миру Николай Васильевич Тихонов; 1853—1928), старец Оптиной пустыни.

[53] Преподобный Амвросий Оптинский — один из прототипов старца Зосимы в романе Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы».

[54] *Опрометывается,* опрометыватися — оборачиваться, превращаться в кого-либо, во что-либо; также образно (см.: Словарь русского языка XI—XVII вв. М.: Наука, 1987. Вып. 13. С. 49).

[55] *Истина Господня пребывает в век.* — «Яко утвердися милость Его на нас, и истина Господня пребывает во век» (Пс 116: 2).

[56] *...«глупому сыну не в помощь богатство».* — Слова Стародума из комедии Д. И. Фонвизина «Недоросль».

[57] *«Сама себя раба бьет...»* — Сама себя раба бьет, коль не чисто жнет (пословица). Шергин приводит ее полностью выше, в записи от 3 февр. 1942 г.

[58] *«Поэзия ему любезна...»* — неточная цитата из оды Г. Р. Державина «Фелица» («Поэзия тебе любезна, / Приятна, сладостна, полезна, / Как летом вкусный лимонад»).

[59] *Симпозион* — то же, что Симпозиум, — философское сочинение Платона о любви, датируемое ок. 385—370 гг. до н. э. (в России традиционно переводится под названием «Пир»).

[60] *«Часовник»* — сборник православных молитв.

[61] *«Устав»* (иначе: «Типикон») — церковно-богослужебная книга, устанавливающая порядок православного богослужения.

[62] *«Лествица»* — «Лествица, или Скрижали духовные» (кон. VI в.) — одно из самых известных христианских аскетических руководств, основное сочинение преподобного Иоанна Лествичника, игумена Синайского монастыря.

[63] *«Словеса постнические»* — творения прп. Исаака Сирина Ниневийского (2-я пол. VII в.), известные в России с 1812 г. в переводе Паисия Величковского.

[64] *...«чего-то нет, чего-то жаль, куда-то сердце мчится вдаль».* — Ср.: «Кого-то нет, чего-то жаль, / Куда-то сердце рвется вдаль» — строки из популярной песни «На последнюю пятерку» (вариант названия «Кого люблю, того здесь нет»). Впервые записана Михаилом Вавичем 5 июля 1910 г.

[65] *Все страсти на моем хребте работали.* — См.: «Делаша на хребте моем вси начальницы страстей, продолжающе на мя беззаконие их» (Великий покаянный канон прп. Андрея Критского. Песнь 2); также: «На хребте моем делаша грешницы, продолжиша беззаконие свое» (Пс 128, 3).

[66] *...как пес, продолжал бы возвращаться на блевотину свою.* — Ср.: «Как пес возвращается на блевотину свою, так глупый повторяет глупость свою» (Притч 26: 11).

[67] *Блудно иждих молодые годы.* — См. примеч. 12.

[68] *Глубиною мудрости ~ на пользу есть подаваяй...* — См. примеч. 19.

[69] *Австрийские еретики* — вероятно, Шергин имеет в виду русскую старообрядческую церковь с центром в Рогожской слободе в Москве, принимающую окормление Белокриницкой (Австрийской) иерархии.

[70] *...«человека не имам»...* — См.: «Отвеща Ему недужный: ей, Господи, человека не имам, да, егда возмутится вода, ввержет мя в купель» (Ин 5: 7).

[71] *...со что меня не будет...* — на что меня не хватит (*диал.*).

[72] *М. Евфросиния* — вероятно, монахиня Евфросиния (Баранова; 1892—1974), после закрытия Переславльского Феодоровского женского монастыря, насельницей которого она была, поселившаяся в Загорске (Сергиевом Посаде).

[73] Шергин использует вместо «во веки веков» традиционное дореформенное написание «во веки веком», которого придерживаются старообрядцы.

[74] *...льна курящегося не угасит и трости надломленной не переломит...* — См.: «Трости надломленной не переломит, и льна курящегося не угасит, доколе не доставит суду победы» (Мф 12: 20).

[75] *Василиск* — преподобный Василиск Сибирский (Туринский) (в миру Василий Гаврилович Гаврилов; ок. 1740—1824), сибирский пустынножитель; канонизирован в 2004 г.

[76] *Зосима Верховский* — преподобный Зосима (в миру Захария Васильевич (Богданович) Верховский; 1768—1833), схимонах, духовный писатель, основатель Туринского Николаевского монастыря и Троице-Одигитриевской пустыни; канонизирован в 2004 г.

[77] *Феодор* — вероятно, имеется в виду праведный Феодор Томский (Феодор Козьмич), старец (1776/77—1864); канонизирован в 1984 г.

[78] *Митрофан* — святитель Митрофан Воронежский (в миру Михаил, в схиме Макарий; 1623—1703), епископ Воронежский и Елецкий; причислен к лику святых в 1832 г.

[79] *Феодосий* — святитель Феодосий Черниговский (фам. в миру Полоницкий-Углицкий; 1630-е — 1696); канонизирован в 1896 г.

[80] *Иннокентий* — святитель Иннокентий Иркутский (в миру Иван Кульчицкий; 1680 или 1682—1731); канонизирован в 1804 г.

[81] *...в Елохове...* — Богоявленский кафедральный собор в Елохове в 1938—1991 гг. был патриаршим собором Русской православной церкви.

[82] *...«яко обретеся погибшая драхма»...* — Из песнопения православного богослужения (глас 6 Богородичен по воскресном тропаре): «Пришел еси на страсть вольным хотением, возсияв на Кресте, взыскати хотя Адама, глаголя Ангелом; срадуйтеся Мне, яко обретеся погибшая драхма...» См. притчу о потерянной драхме (Лк 15: 8—10).

[83] *заблудившее в дебрях расколов овча.* — Ср.: «Заблудих, яко овча погибшее, взыщи раба Твоего, яко заповедей Твоих не забых» (Пс 118: 176).

[84] *...душу полагавший за овцы...* — См.: «Я есмь пастырь добрый: пастырь добрый полагает жизнь свою за овец». См. притчу о добром пастыре и наемнике (Ин 10: 1—16).

[85] *Ропетовские петушки* — русский (псевдорусский) стиль в архитектуре конца XIX — начала XX в.; также иронично называли «петушиным» стилем или «ропетовским» («ропетовщиной») — по имени основоположника этого стиля *Ропета Ивана Павловича* (1845—1908).

[86] В дневнике очевидная описка: «XV—XVIII вв.». Исправлено по смыслу.

[87] Речь идет о храме Сошествия Святого Духа на Даниловском кладбище. Построен в 1832 г. по проекту архитектора Ф. М. Шестакова.

[88] *Легко там теперь: наше стало.* — На протяжении нескольких лет храм был обновленческим, а в годы войны возвращен Московской патриархии.

[89] *«Ныне суд миру сему ~ изгнан будет вон».* — Ин 12: 31.

[90] *...«что пройдет, то будет мило».* — Строка из стихотворения А. С. Пушкина «Если жизнь тебя обманет...» (1825).

[91] *С утра поползу куда ле.* — Шергин нередко использовал диалектную частицу «ле» (вместо «ли»).

[92] *...«Царство Небесное нудится, и нуждницы восхищают е».* — См. примеч. 34.

[93] *...не имам слезы утешительныя.* — См. молитву из Канона покаянного ко Господу нашему Иисусу Христу («...не имам покаяния, не имам умиления, не имам слезы утешительныя, возводящия чада ко своему наследию»).

[94] *...в церкви у о. Сергия Мечева.* — Священномученик Сергий Мечёв (1892—1942) служил в московской церкви Святителя Николая в Кленниках на Маросейке с 1919 г. После смерти отца, преподобного Алексия Мечева, был с 1923 г. до ареста в 1929 г. настоятелем храма. Расстрелян 6 янв. 1942 г.; канонизирован в 2000 г.

[95] *«Блажени чистии сердцем, яко тии Бога узрят».* — Мф 5: 8.

[96] *Ряхнешь* — рухнешь, упадешь (*диал., сев.*).

[97] *Лазарева суббота* — Суббота святого и праведного Лазаря, суббота шестой седмицы Великого поста. В этот день христиане воспоминают чудо воскрешения Иисусом Христом праведного Лазаря (Ин 11: 1—45).

[98] *Завтра служба о неделе Ваий.* — Неделя Ваий (Вербное воскресенье) — последнее воскресенье перед Пасхой, празднование Входа Господня в Иерусалим.

[99] *Велик понедельник, Велик вторник, среда Великая...* — Дни Страстной седмицы, именуемые Великими, или Страстными.

[100] *«Бе некто боля Лазарь в Вифании...»* — Ин 11: 1.

[101] *...к Воскресенью, туда на высокий угор над рекой...* — В Архангельске приходским храмом семьи Шергиных была церковь Воскресения Христова (нач. XVIII в.) на берегу Северной Двины. Разрушена в 1929 г.

[102] *О. Михаил* — протоиерей Михаил Попов, с 1892 г. служивший в Воскресенской церкви Архангельска (с 1906 г. — настоятель храма). Был арестован в 1920 г., повторно — в 1926 г.; выслан в 1927 г. Дальнейшая судьба неизвестна.

[103] *Ниже* — даже ни, и не, также не (*ц.-сл.*).

[104] *Алексия с гор вода* — народное название празднования памяти Алексия, человека Божия (17 марта по ст. стилю).

[105] *...«общее воскресение уверяя»...* — См.: «Общее воскресение прежде Твоея страсти уверяя, из мертвых воздвигл еси Лазаря, Христе Боже...» (тропарь праздника Входа Господня в Иерусалим).

[106] *Пупыши* — храм святителя Николая, что в Пупышах, разрушенный в 1930-х гг. Вероятно, Шергин имеет в виду находящийся неподалеку от него храм Святителя Николая в Кузнецкой слободе, который не закрывался.

[107] *ὄντως* — сущность вещей, субстанция (*греч.*).

[108] *...«иже нас ради на жребяти осли ~ Вшедшаго в Иерусалим».* — Ср.: «Иже на жребяти осли сести изволивый, нашего ради спасения, Христос, истинный Бог наш, молитвами Пречистыя Своея Матере, святых славных и всехвальных Апостол, и всех святых, помилует и спасет нас, яко Благ и Человеколюбец» (богослужебный отпуст в неделю Цветную).

[109] *...«Грядый на вольную страсть...»* — См.: «Грядый Господь на вольную страсть, нашего ради спасения...» (начало богослужебного отпуста вечером в неделю Цветную).

[110] *...в Елохове...* — См. примеч. 81.

[111] Престол придела Входа Господня в Иерусалим Благовещенского собора Московского Кремля был освящен в 1566 г.

[112] *«Приде ветер от пустыни ~ отныне и до века».* — Шергин вспоминает паремии из Книги Иова, читающиеся на церковных службах Страстной седмицы (Иов 1: 19—21).

[113] *...«покажи нам и святую седмицу ~ неизреченное о нас смотрение Твое».* — См.: «Душеполезную совершивше Четыредесятницу, и святую седмицу страсти Твоея, просим видети Человеколюбче, еже прославити в ней величия Твоя, и неизреченное нас ради смотрение Твое, единомудренно воспевающе: Господи слава Тебе» (церковное песнопение в Лазареву субботу).

[114] *...«Ныне силы небесныя»...* — «Ныне Силы Небесныя с нами невидимо служат, се бо входит Царь Славы, се жертва тайная совершена дориносится» (из песнопения Литургии Преждеосвященных Даров).

[115] *Скать* — здесь: замачивать, размешивать в воде (*диал.*).

[116] *...величит душа моя Господа и радуется дух мой о Бозе Спасе моем.* — «Величит душа Моя Господа, и возрадовася дух Мой о Бозе Спасе Моем» (Песнь Богородицы, песнопение утрени; см.: Лк 1: 46).

[117] *Мусёнка* — размешанная в воде мука.

[118] *«Чертог Твой вижду»...* — «Чертог Твой вижду, Спасе мой...» (богослужебное песнопение, поющееся в первые четыре дня Страстной седмицы).

[119] *...«Егда славнии ученицы».* — Поется в Великий четверг и на утрене Великой пятницы.

[120] *...«наше спасение Содеявшего ~ собирая вся языцы».* — См.: «Спасение соделал еси посреде земли, Христе Боже, на Кресте пречистеи руце Твои простерл еси, собирая вся языки, зовущия: Господи, слава Тебе» (тропарь 6-го часа Царских часов Страстной пятницы).

[121] *Нать* — надо (*диал., сев.*).

[122] *...«согрелося сердце мое во мне».* — «Согреяся сердце мое во мне, и в поучении моем разгорится огнь» (Пс 38: 4).

[123] *...«верба» на Красной...* — «Верба» — в дореволюционное время весенний базар на Красной площади в Лазареву субботу и Вербное воскресенье.

[124] *...«не умерла, но спит».* — Мф 9: 24; Мк 5: 39; Лк 8: 52 (Воскрешение Иисусом Христом дочери Иаира).

[125] *...<древние камни плит>...* — Прочтение предположительно, так как чернила размазаны, слова угадываются с трудом.

[126] *«12 Евангелий»* — Служба «Двенадцати Евангелий» — великопостное богослужение (утреня Великой пятницы), совершаемое вечером Страстного четверга.

[127] Шергин объединяет строки из церковных песнопений Благовещения и Пасхи.

[128] *...вторник по Пентикос.* — Вторник по Пятидесятнице (Pentecost — *греч.* Πεντηκοστή — Пятидесятница, День Святой Троицы).

[129] *...«Растите, множитесь, наполняйте землю»...* — «И благослови их Бог, глаголя: раститеся и множитеся, и наполните землю...» (Быт 1: 28).

[130] *...«Ибо все мира сокровища тленные нашей душе не заменят Христа».* — Неточная цитата из стихотворения Лидии Кологривовой «Памяти преподобного Серафима Саровского» (1903). Ср.: «Ибо все мира сокровище бренное / Нашей душе не заменит Христа!..»

[131] *...«В начале бе Слово ~ тьма его не объят».* — См.: Ин 1: 1, 4—5.

[132] *...«Больше сея любви ~ положит за други своя».* — См.: Ин 15: 13.

[133] *...«Любиши ли Мя?.. ~ паси агнцы Моя».* — См.: Ин 21: 11.

[134] *...«Иисус Христово Рождество сице бе...»* — См.: Мф 1: 18.

[135] *...«Иисусу рождшуся ~ во дни Ирода царя»...* — См.: Мф 2: 1.

[136] *...«Бысть ~ повеление от кесаря Августа...»* — Лк 2: 1.

[137] *...«В месяц шестый послан бысть Гавриил»...* — См.: Лк 1: 26.

[138] *...«И лик Его был светел, яко солнце, и одежды белы, яко снег».* — См.: Мф 17: 2.

[139] *...«все цветы расцветают ~ молитвой провожают»...* — См.: «К Вознесенью-ву дню все цветы весенние зацветают — Христа-Батюшку в небесные сады потаенной молитвою провожают» (*Коринфский А. А.* Народная Русь: круглый год сказаний, поверий, обычаев и пословиц русского народа. М.: изд. М. В. Клюкина, 1901. С. 271).

[140] *...«еже о нас исполнив ~ соединив небесным»...* — Из кондака на Вознесение Господне.

[141] *«И егда благословляше ~ возношашеся на небо»* — См.: «И бысть егда благословляше их, отступи от них и возношашеся на небо» (Лк 24: 51).

Библиографический список

1. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. СПб.; М.: изд. М. О. Вольфа, 1881. Т. 2.
2. Из дневника Б. В. Шергина: [1946—1949 гг.] / публ. и вступ. ст. Ю. Ф. Галкина // Север. 1976. № 6.
3. Из дневников Б. В. Шергина за 1940 и 1949 годы / публ. Е. Ш. Галимовой, М. В. Никитиной // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2013 год. СПб.: Дмитрий Буланин, 2014.
4. *Коринфский А. А.* Народная Русь: круглый год сказаний, поверий, обычаев и пословиц русского народа. М.: изд. М. В. Клюкина, 1901.
5. Словарь русских народных говоров. СПб.: Наука, 2012. Вып. 45.
6. Словарь русского языка XI—XVII вв. М.: Наука, 1987, 1994. Вып. 13, 19.
7. [*Филарет (Дроздов), митр.*]. Пространный христианский катехизис Православной Кафолической Восточной церкви. [1-е изд.]. СПб.: Синодальная типография, 1823.

8. *Шергин Б. В.* [Из дневников] / публ. Ю. Ф. Галкина // Поэзия: Альманах. М., 1983. Вып. 36.
9. *Шергин Б. В.* «Я ли не богат?» / публ. Ю. Ф. Галкина // Северный комсомолец. 1988. 20—26 авг. № 34.
10. *Шергин Б. В.* Дневник 1939 г. (ноябрь—декабрь) / публ. Е. Ш. Галимовой и М. В. Никитиной // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2005—2006 гг. СПб.: Дмитрий Буланин, 2009.
11. *Шергин Б. В.* Дневник 1945 года (18 января — 12 апреля) / вступ. статья А. Н. Мартыновой; публ. И. А. Красновой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1994 год. СПб.: Академический проект, 1998. [Ч. 1].
12. *Шергин Б. В.* Дневник 1945 года: (13 авг. — 23 сент.) / вступ. статья А. Н. Мартыновой; публ. И. А. Красновой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1997 год. СПб.: Дмитрий Буланин, 2002. Ч. 2.
13. *Шергин Б. В.* Жива душа моя: [Дневниковые записи 40 — 50-х годов] / предисл. и публ. Л. Шульман // Литературная газета. 1990. 12 дек.
14. *Шергин Б. В.* Из дневников / публ., подгот. текста и вступ. ст. Л. Ю. Шульман // Новый мир. 1988. № 1.

DOI: 10.31860/978-5-918680-384-515-547

Б. Ф. Егоров

ДНЕВНИК ЗА ДЕКАБРЬ 1964 — НАЧАЛО ФЕВРАЛЯ 1965 ГОДА

(Вступительная статья, подготовка текста и комментарии А. П. Дмитриева)

Аннотация: Дневниковые записи выдающегося ученого-гуманитария Бориса Федоровича Егорова за декабрь 1964 — начало февраля 1965 г. являют выразительную картину жизни творческой интеллигенции в переломный период заката «хрущевской оттепели». Представлены портреты видных ученых-гуманитариев, прежде всего преподавателей филологического факультета ЛГУ (Г. А. Бялый, П. С. Выходцев, С. С. Деркач, Г. П. Макогоненко, Д. Е. Максимов, А. Б. Муратов, В. Е. Холшевников и др.), сотрудников ИРЛИ (В. Г. Базанов, П. Н. Берков, Ю. Д. Левин и др.), а также других вузов и учреждений (М. С. Альтман, Я. С. Билинкис, Б. Я. Бухштаб, Б. О. Костелянец, С. А. Рейсер и др.), ленинградских писателей (С. М. Бытовой, Н. Г. Долинина, Г. А. Некрасов, В. Н. Орлов, В. Ф. Панова, А. А. Прокофьев и др.), поэта Е. А. Евтушенко, авиаконструктора Ю. И. Снешко. В дневнике содержится нелицеприятная оценка цензурного и партийного вмешательства в научно-литературную деятельность и издательский процесс.

Ключевые слова: Б. Ф. Егоров, серия «Библиотека поэта», кафедра истории русской литературы Ленинградского университета, партийный комитет, Союз писателей, Е. А. Евтушенко.

Abstract: Diary entries of the outstanding humanitarian scientist Boris Fedorovich Egorov from December 1964 to early February 1965 provide an expressive picture of the life of the creative intelligentsia during the turning point of the decline of the “Khrushchev Thaw”. The portraits of prominent humanities scholars, first of all lecturers of the philological department of Leningrad State University (G. A. Byaly, S. S. Derkach, G. P. Makogonenko, D. E. Maksimov, A. B. Muratov, V. E. Kholshevnikov, P. S. Vykhodtsev, etc.), IRLI employees (V. G. Bazanov, P. N. Berkov, Yu. D. Levin, etc.), as well as other universities and institutions (M. S. Altman, Ya. S. Bilinkis, B. Ya. Bukhshtab, B. O. Kostelyanets, S. A. Reiser, etc.), Leningrad writers (S. M. Bytovoy, N. G. Dolinina, G. A. Nekrasov, V. N. Orlov, V. F. Panova, A. A. Prokofiev, etc.), poet E. A. Yevtushenko, aircraft designer Ju. I. Sneshko, are presented. The diary contains an impartial assessment of censorship and party intervention in the scientific and literary activities.

Keywords: B. F. Egorov, “Poet’s Library” series, Department of the History of Russian Literature of Leningrad University, Party Committee, E. A. Yevtushenko.

© Дмитриев А. П., 2023

Настоящей работой продолжается последовательная публикация многолетнего Дневника выдающегося русского литературоведа, историка и культуролога Бориса Федоровича Егорова (1926—2020), который он вел, с перерывом в 1972—1978 гг., около полувека — с 1964 по 2020 год. Поскольку записи делались, как правило, ежедневно, то в трех, довольно обширных, фрагментах, которые увидели свет начиная с 2016 г., удалось поместить текст только за один 1964 год, да и то не полностью.[1]

На впервые обнародуемых страницах Дневника Бориса Федоровича (далее — Б. Ф.), датированных рубежом 1964 и 1965 гг., продолжается рассказ о событиях во многом переломного для страны времени, которое можно определить как период заката «хрущевской оттепели». Автор по-прежнему разрывается между двумя местами службы: кафедрой истории русской литературы филфака ЛГУ и редакцией «Библиотеки поэта» — и при этом неотступно стремится урвать в течение перегруженных суток хоть сколько-нибудь времени для занятий большой наукой и подготовки докторской диссертации.

Впрочем, эти места *службы* правильнее было бы назвать местами *служения* — так самоотверженно подчас относится к делу своей жизни Б. Ф., особенно если учесть, что за руководство редакцией «Библиотеки поэта» он из-за бюрократических проволочек в тот период не получал никакого денежного вознаграждения.

Неоднократно звучит в Дневнике тема житейской пошлости, унижающей человека, в особенности представителя творческой интеллигенции, призванного, по убеждению Б. Ф., всячески способствовать духовному преображению и себя, и окружающих. Поэтому, например, так неприязненно описывает он пьяный разгул в квартире своего старшего товарища Б. Я. Бухштаба, приуроченный его женой к его 60-летию. Б. Ф. записывает 20 декабря: «Господи — и ведь юбилей очень хорошего и достойного человека. Слеп он, не видит ничего — или же просто давит всё в душе на корню? <...> Господи, спаси от пошлости, сыт я по горло».

Б. Ф. в свои 38 лет остается возвышенным романтиком и нравственным ригористом и, встретившись после долгой разлуки с другом юности Ю. И. Снешко, ставшим известным летчиком-испытателем и авиаконструктором, не без горечи констатирует 30 декабря: «Боль-

[1] См.: *Егоров Б. Ф.* 1) Дневник за январь — начало мая 1964 года / вступ. заметка, подгот. текста и примеч. А. П. Дмитриева // Острова любви БорФеда: сборник в честь 90-летия Бориса Федоровича Егорова / ред.-сост. А. П. Дмитриев и П. С. Глушаков. СПб.: Росток, 2016. С. 1010—1041; 2) Дневник за май — начало августа 1964 года / вступ. статья, подгот. текста и коммент. А. П. Дмитриева // Литературный архив советской эпохи. СПб.: Росток, 2020. Кн. 2. С. 397—456; 3) Дневник за август — начало декабря 1964 года / вступ. статья, подгот. текста и коммент. А. П. Дмитриева // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2021 год. СПб.: Росток, 2021. С. 435—524.

но, когда Снешко снова проявил полную толстокожесть к вопросам морали <...> дескать, экзальтация и романтика».

Разочаровывают студенты ЛГУ, которые бойко излагают на экзамене текст партийного постановления 1946 г. «О журналах “Звезда” и “Ленинград”», клеймя за «серость и унылость» творчество «Зодченко и Ахметовой» (а то и вовсе — по созвучию имен — Беллы Ахмадулиной), а на вопрос: «А вы хотя бы одну строчку прочли этих писателей?» — решительно отвечают: «Нет, и не буду читать!» — в надежде, что именно такой ответ будет угоден экзаменатору. А тот неожиданно для студентки, но неизбежно для себя прерывает экзамен, чтоб достучаться до этой без пяти минут учительницы русской литературы: «Я ей читаю лекцию после этого о самостоятельности и о том, что Зощенко и Ахматова — большие русские писатели» (4 февраля).

В этом изживании заидеологизированности периода 1930—1950-х гг. с его преследованием подлинной культуры и попыткой ее отмены Б. Ф. видит некий прогресс, правда проявляющийся пока в уродливых протестных формах. Это и неприглядный поступок «хлестаковствующего» поэта Евгения Евтушенко, публично прочитавшего ядовито-памфлетное стихотворение «Качка», из-за чего были уволены не повинные в этом «перформансе» работники радио (5 января), и скандальное переизбрание правления ленинградской организации Союза писателей, когда чинный порядок голосования за кандидатов, выдвинутых по решению партгруппы и заранее обсужденных на ней, был в одночасье сметен властной В. Ф. Пановой (у Б. Ф. — Паниха), завладевшей трибуной, а также разгоряченными литераторами, выкрикивающими с мест ругательства в адрес членов прежнего правления и особенно бывшего председателя Александра Прокофьева (у Б. Ф. — Прокоп). Б. Ф. заключает реминисценцией из «Капитанской дочки»: «Интеллигенция, воспользовавшись передыхом, устроила бунт, довольно стихийный и беспорядочный» (15 января).

Противостояние обступающей со всех сторон пошлости для Б. Ф. — стиль его жизни, и планка тут столь высока, что он даже искренне негодует на лечащего врача, прописывающего ему регулярные в течение нескольких лет уколы для «разжижения» крови. 14 декабря он фиксирует свое возмущение: «...это унизительно для человеческого достоинства, если я всю жизнь должен просить подаяния у лекарств, — грош цена тогда моему телу, и пусть оно идет на свалку. Это не менее унизительно, чем протягивать руку за деньгами». И снова 28 января: «...уколы гепарина на меня действуют не физически, а морально — это оскорбляет мое человеческое достоинство».

Вместе с тем негативные впечатления не превалируют в Дневнике, и, например, в описаниях острых межличностных отношений в среде ученых и писателей, которым будто нравится публично демонстрировать пребывание в ситуации «на ножах» с тем или иным коллегой, у Б. Ф. постоянно ощущается интонация, исполненная добродушного

Б. Ф. Егоров с женой С. А. Николаевой у дома в Озерках. Начало 1960-х гг. (Архив Б. Ф. Егорова)

юмора, — сродни той, что преобладает в изображении Дома Грибоедова в «Мастере и Маргарите» у М. А. Булгакова (одна из любимейших книг Б. Ф.). При этом сам он старается реагировать на колкости коллег в свой адрес без гнева и пристрастия — сводя их на нет галантным каламбуром или остроумной, но безобидной репликой. 28 января Б. Ф. фиксирует такой эпизод, произошедший во время ресторанного застолья: «Мак <Г. П. Макогоненко> издевался над моей кибернетикой, все смеялись, я тоже, а в заключение я произнес тост за оппозицию структуральную: за пол, противоположный мужскому. Это примирило Мака с структурализмом».

Запечатлены в Дневнике и философические настроения автора, которым в рассматриваемое время способствовали два обстоятельства, слившиеся в одно, — расставание с домом в Озерках ввиду переезда на новую квартиру на проспекте Космонавтов и прощание с напряженнейшим 1964 годом, встреча года нового. Б. Ф. записывает 1 января: «...у меня комок в горле — последний Новый Год в этой квартире. Большой отрезок жизни. Наша жизнь — находки и утраты. Находки радуют, утраты печалят. Мы теряем эпохи, формации, сословия — и каждое имеет что-то большое и крупное. Уход такого трагичен. Дво-

рянство, особенно русское». Этот мгновенный переход от индивидуально-личного к всеобще вечному,[2] столь свойственный автору Дневника, сопровождается эмоциональным просветлением: «Конец году, скоро конец году. Тяжело. / Сидели до 2 ночи, затем пошли гулять. Удивительно хорошо. Минус четыре градуса, легкий снег».

Бытовая суета, связанная с обустройством нового жилища, тоже по большей части радует. И даже вызывает порой восторг, когда счастливый случай позволяет приобрести дефицитный товар: «Еду на “московскую” квартиру. По дороге купил давно искомый диван-кровать. Эстонский, широкий — 100 лет мечтал о таком» (15 января). Переселение в район новостроек тоже наводит на раздумья: «Думал — прелесть новых районов — в размахе. Широченные проспекты, большие интервалы между домами, перспектива — создает ощущение бескрайности, простора, размаха. В этом тоже — Россия, как и в скромных пейзажах Озерков. Хотя стандартность домов очень и очень грустна» (16 января).

И как всегда — что представляет дополнительную ценность — на страницах Дневника Б. Ф. встречаем изложение впечатлений от театральных постановок, вернисажей, кинопремьер и прочитанных книг. Интересны его оценки авангардного балета «Двенадцать» по поэме Блока, выставки рисунка и акварели художников начала века из частных коллекций, кинокартины «Председатель» с неоднозначным главным героем, роль которого исполнил Михаил Ульянов, «Дневника» Марии Башкирцевой.

Текст печатается аутентично подлиннику, случайные описки исправлены по умолчанию. Материалы для публикации предоставлены дочерью ученого Татьяной Борисовной Миллер, которой приносим сердечную благодарность за помощь в работе и консультации.

11.XII.

Мне записка — с 4 час<ов> нужно дежурить в общежитии на Шевченко.[1] Подробности у Муратова.[2] Звоню, затем встречаемся у общежития — еще Деркач[3] (те пришли, у кого телефоны!!). Оказывается, решили организовать дежурства по дням — каждый вечер к<акая>-либо кафедра дежурит. Сегодня — наш вечер. Перспектива приятная — именно в этот вечер обещано бить негров.[4] Ничего себе обязанности... А какие права? — Понятия не имеем.

---

[2] Пользуемся выражением, которое Б. Ф. незадолго до кончины дал в качестве названия своей новой книге: «Личное и внешнее на пути к всеобще вечному», ее он предполагал издать к маю 2021 г., к своему 95-летию. Увы, эта книга до сих пор не вышла в свет.

Насмотрелся я начальства за этот вечер. Представители милиции. Затем из КГБ (приезжали и забирали в Большой дом наиболее горластых — на небольшое собеседование, затем выпускали). Из Обкома комсомола. Участковый уполномоченный. Маслов.[5] Звонки из большого парткома. При таком внимании драка абсолютно невозможна, и мы спокойно — если это можно так назвать — провели вечер.

Урывками читал взятую у Муратова книгу — дневник Марии Башкирцевой.[6] Давно слышал, да всё недосуг был. Любопытно. Этика чужая: много от рассудочности, от головы. И поразительно честолюбие — вся жизнь, все поступки — ради славы, успеха.

Впрочем, я читал урывками и отрывками — м<ожет> б<ыть>, всё и не так, как отпечатлелось кусками.

Убрались в 11 ночи...

12.XII.

Встретился с Соней[7] у мебельных магазинов на Москов<ском> проспекте — искали меблю, купили — почти вечер ушел на эту муру.

На новой квартире.[8]

13.XII.

Несколько часов — на доставание машины для перевозки. Как только дал на четвертинку — сразу сообразили, нашлась машина, нашлось место.

После обеда — домой.

14.XII.

Утром — у Ирины Вячеславовны,[9] врача, пила мою кровь. Уже почти месяц Соня мне вкалывает в задницу гепарин — против моей жирной крови. Узнаю, что, м<ожет> б<ыть>, придется несколько лет вкалывать. Бунтую. Гл<авным> обр<азом> про себя — я не хочу огорчать внимательного врача. Но думаю: это унизительно для человеческого достоинства, если я всю жизнь должен просить подаяния у лекарств, — грош цена тогда моему телу, и пусть оно идет на свалку. Это не менее унизительно, чем протягивать руку за деньгами.

В 17.00 — партсобрание факультета. Разумеется, опять всё о неграх. Маслов сделал хитрый доклад, где признал неумение зарыть трещину, признал ошибки начальства на собраниях, но нажимал и на воспитание. Каждое слово было рассчитано...

Прения. Начальство (секретарь парткома Колесов[10] и инструктор Горкома Федоров[11]) пыталось всё свалить на преподавателей факультета — плохо воспитывали — однако за эти дни что-то произошло: и Маслов, и Колесов много говорили о необх<одимости> усилить строгости и к неграм.

Народ же выдал всё, что думает, — помянули и глупое обещание Селезневой,[12] и то, что 2 месяца тому назад уже говорили о провокациях негров, и проч.

Удивительно яркую и прочувствованную речь произнесла дуреха Морозова:[13] ее, верно, здорово проняло. А м<ожет> б<ыть>, заговорило «русское» сердце. Могу судить об этом в связи с Выходцевым:[14] он внес поправку к резолюции: «Усилить интернациональное воспитание» — требуя добавить «и национальное»... Я крикнул: «Правильно!», а потом пожалел — этак ведь я с черносотенцами заодно буду. Но искренность (если только так) Морозовой мне по душе — лучше иметь дело с честной дурой, чем с подлюгой. Проговорили 5 часов...

15.XII.

«Биб<лиотека> поэта». Обсуждение Никитина.[15] Ир<ина> Влад<имировна> Исакович[16] разнесла примечания — справедливо. Киселев[17] был как индюк — напрасно, он много недоглядел...

18.XII.

Снова «Биб<лиотека> поэта». Неясно, едем в М<оск>ву или нет. Обсуждение 1-й корректуры Катенина.[18] Докладывает Бухмейерша[19] — объект критики опять Киселев (его книга). Бухм<ейерша> говорила значительно мягче, чем Исакович, поэтому Киселеву очень понравилось. Возможно, Катенин оказался благополучнее Никитина (Плоткин[20] всё же большой халтурщик).

По окончании «Биб<лиотеки> поэта» — на 60-летие Б. Я. Бухштаба (отмечают в Библиотечном институте).[21] Народу много. Но, как во всяком юбилее, есть что-то кукольное, театральное. Стандарты выступлений, стандартные поцелуи. Только с Хватовым[22] Б<ухшта>б не целовался... Из телеграмм — интересна от Каверина[23] (признание в любви) и от Гудзия[24] («поздравляю с наступлением мужской зрелости»). Из выступлений — девочка, ученица, ныне — в Пуш<кинском> Доме (забыл фамилию, внучка акад. Карпинского[25]): «Мы огорчали вас своим легкомыслием, но оно нам нравится, хотя мы и раскаиваемся».

Мы званы домой на воскресенье. Как я узнал от С. А. Рейсера[26] (кот<орый> в конце зачитывал публике письма и телеграммы), пьянка будет 3 дня подряд. Мальвина[27] сказала, что юбилей и всё прочее — организовали по инициативе Галины.[28] Действительно, нужно быть пошлой бабой, чтобы желать такого. Нужно не иметь глаза, юмора, возвышенного — чтобы не видеть гнусности таких мероприятий.

19.XII.

Последняя лекция в семестре. Слава богу. Начались зачеты. Их у меня — на 200 человек!

20.XII.

Весь день ныло сердце — не хотелось к Бухштабам, коего я очень люблю, но Галина меня раздражает. Однако действительность превзошла ожидание. Пожалуй, такого постыдного сборища я не видал со времен войны, со времен деревенских пьянок в Аркадаке.[29]

Во-1), очень разношерстная публика: Мак с женой,[30] Путиловы,[31] Раскины,[32] Шоры,[33] Холшевниковы,[34] Орлов,[35] Саша Кушнер с женой,[36] некие Портновы[37] — и еще какие-то лица. Что общего?!

Затем совсем плохо. Красная и пьяная Галина <...> спотыкаясь на каждом слове, по своей инициативе, стала зачитывать приветствия — почти все ведь были на чествовании — и всё это уже слышали! Мак орал и цыганил водку, бесстыдно и грубо. Пил много, пьян мало, но пошлости — 1000 тонн. Мне пришлось сидеть с ним и с Женей Путиловой, которая своим выскакиванием, болтовней и пошлостями (она сильно была пьяна) тоже меня доводила до белого каления. Терпел, однако, и Соне велел терпеть. Но около полуночи мы всё же сбежали — не знаю, как это будет воспринято. Ощущение — страшная моральная тошнота, объелся дерьма.

Господи — и ведь юбилей очень хорошего и достойного человека. Слеп он, не видит ничего — или же просто давит всё в душе на корню? Дай бог, чтобы первое, иначе это ведь должна быть жуткая душевная драма.

Господи, спаси от пошлости, сыт я по горло.

21.XII.

Пошла последняя декада года. Мощный годик. Много выпил нервов и крови.

Партбюро, где я отчитываюсь о работе за семестр — и не только за себя, а за все русское отделение. За 6 минут отбарабанил, думал — будут ругать, нет, ничего. Упрекнули только за недовыполнение плана.

Обсуждение длилось 2 часа. Тут было много познавательного: Маслов рассказал, например, что африканский вопрос отнюдь не улучшился: одному негру в ду́ше кто-то ошпарил спину, другому на вечеринке подсунули рюмку нашатыр<ного> спирту, и тот обжег рот; на остановке такси в присутствии членов комитета дружбы или еще какого-то официал<ьного> комитета — шофер такси наотрез отказался сажать негра.

И всё же решили прекратить дежурство в общежитии по часам — слишком уж опека раздражает студентов...

Развернулся Выходцев — наговорил с три короба о том, как они наметили разные планы реорганизации и проч. Особенно любопытны его заявления: 1) необходимо кафедре советской лит<ерату>ры включиться в курс поэтики и стилистики, 2) необходимо сделать для всех студентов обязательными спецкурс и спецсеминар по советской ли-

т<ерату>ре. Так что еще предстоят бои. А я, впрочем, думаю, что чем хуже, тем лучше: так студенты от них просто бегут (и не потому, что нет интереса к совет<ской> лит<ерату>ре — это чушь, а нет интереса к бездарным преподавателям) — а так будут слушать муру и бунтовать против муры — это покажет факультету уровень кафедры.

22.XII.

Изнурительный зачет на целый день. Лишь к вечеру забежал в «Биб<лиотеку> поэта». Событий нет — говорят, что на днях приедет или позвонит Лесючевский[38] относительно нашей с Орловым зарплаты. Дай бог. В Москву не едем... Это и к лучшему — я так отстал со статьей для «Воплей»,[39] что дай бог мне к Новому году разделаться хоть с половиной ее. Завтра приступаю, освободил себе 2 дня отдыху.

23.XII.

Первые страницы статьи поехали — лиха беда начало.

24.XII.

За два дня сплошной работы всего 13 страниц рукописи — не густо. Но теперь я не могу интенсивнее работать. Годы. С каждым пятилетием я чувствую градацию: в 30 не то, что 25, в 35 — не то, что 30. Дальше — еще хуже. Остановиться бы на 30 и так бы лет 30—40 — без старения...

Теперь с неделю — без работы над статьей, т. к. сплошные зачеты и дела.

25.XII.

Зачеты, зачеты. Пришел на консультацию негр из Бурунди, Бвакира.[40] Вполне цивилизован, по-русски знает плохо, лучше по-французски. Объяснял ему, чем отличается социалист<ический> реализм от критического и фабула от сюжета.

26.XII.

Сразу после зачета — за покупками, чтобы везти на новую квартиру. В Доме Книги[41] столкнулся с Пугачевым[42] — недавно приехал. Дал мне корректуру моей статьи о Пиотровском,[43] с часик потолковали о разных делах. В Москве — неопределенность, ничего не понять. Договорились встретиться во вторник.[44]

Весь вечер ковырялись с Соней на новой квартире.

27.XII.

Рассчитывал заниматься — чорта с два. Пока прочел корректуру да написал серию поздравлений на Новый Год — прошел день.

28.XII.

Зачеты опять. Нужно было зайти в партбюро, отдать план работы на след<ующий> семестр, и я всё думал — как бы передать через кого-либо, а то зайдешь — тут же прищучат на какое-нибудь никому не нужное дежурство. С кем передать — не нашел, и на этом поплатился. На секунду заглянул и хотел бежать — и тут же схватили — «А дежурства?!» Когда узнал я, что дежурить нужно вечером с 31 по 2-е, то меня чуть кондрашка не хватила — это ломать всю многолетнюю традицию, если заставят 31-го. К счастью, оказалось, что 31-го будет Зернов,[45] который дежурит почти ежедневно — он рядом живет. 1-е пало на совет<скую> лит<ерату>ру, а нам досталось 2-е. После часу бешеных поисков я, наконец, сунулся на квартиру к Герасимову,[46] которого взяли на $^1/_2$ ставки на полгода, с 1 января. Слава богу, согласился дежурить (всего-то 2 часа: с 20 до 22 — но ведь ему это 2 часа, а мне больше четырех!). Живет Герасимов у Акад<емии> Художеств.[47] Зовут его во Владивосток. И хочется (место прочно, квартиру дают) — и колется: очень туго в научном смысле; отцы города устраивают постоянные проверки обществ<енных> кафедр, считаются знатоками и лезут во все дела. Не развернуться. С «Уч<еными> зап<исками>» плохо.

29.XII.

Последний раз в этом году — в «Биб<лиотеке> поэта». Орлов купил хорошие гравюры — Пушкин и Лермонтов, сам прибивал. Доволен. Деньги нам не платят, и неизвестно, когда заплатят. Ощущаю сейчас себя в «Биб<лиотеке> поэта», как на вокзале, — временно.

Пугачев не появился.

Познакомился впервые с проходимцем Рахлиным, директором книжного магазина,[48] который, однако, великолепно поставил торговлю. Устраивал с ним продажу тартуских изданий.

Рахлин сетовал, что забыл (!) меня пригласить сегодня на генеральную репетицию «12» по Блоку (балет).[49] Но там, кажется, Петруха уже 13-й, а в конце вместо Христа идет впереди Ленин.[50] Если так — то это чудовищная профанация и Блока, и Ленина. Наверное, можно крупную историческую фигуру ввести в балет — но для этого нужен особый смысл и особые формы изображения.

Таниному классу недавно директор школы[51] сделал выговор: почему в других классах висит Ленин — а у вас Пушкин? Опять чудовищная профанация.

Сколько у нас еще головотяпства. На заседании партбюро, где меня поймали, сообщили решение парткома: на вечер (новогодний) в общежитие можно вносить виноградные вина, но только с разрешения парткома!! К счастью, в партбюро поняли весь абсурд такого приказа и весело хохотали. Это очень приятно.

30.XII.

Кажется, меня уже теперь до Нового Года никуда не притянут — впрочем — тьфу, тьфу!! Не зарекайся.

Сижу снова за статьей. Дай бог мне сегодня побольше сделать!

1.I.1965.

Вот и конец. И тетради конец.[52]

31-го с утра немного работал, но как-то не идет на ум. Ведь этап целый. Единственный праздник, кроме личных рождений, который так действует на душу.

Сборы. Вечером неожиданно без гостей, своя семья (у Билинкисов[53] приехал из армии сын,[54] а Рейсеры идут к Бухштабам). Только Мария Алексеевна.[55] Таня рыдала навзрыд — страдала от безгостья.

А у меня комок в горле — последний Новый Год в этой квартире.[56] Большой отрезок жизни. Наша жизнь — находки и утраты. Находки радуют, утраты печалят. Мы теряем эпохи, формации, сословия — и каждое имеет что-то большое и крупное. Уход такого трагичен. Дворянство, особенно русское.

И в своей жизни потери тяжелы. Особенно — дома́. Я терял оскольский дом, тартуский.[57] Теперь будет оставлен дом, где прожили 7 лет. Сколько в него вложено. Да будет ему счастье, да достанутся ему хорошие хозяева. Долгих лет тебе жить, наш дом.

Конец году, скоро конец году. Тяжело.

Сидели до 2 ночи, затем пошли гулять. Удивительно хорошо. Минус четыре градуса, легкий снег.

Каков-то будет год?

30-го разговор с Пугачевым по телефону. Я желаю ему меньше огорчений. Он возразил: лучше больше радостей! Если огорчений будет больше в $1^1/_2$ раза, а радостей — в 2 раза, то это перекроет. Верно!

Да больше нам радости!

3.I.1965.

Первый выезд в город. Зачет в ЛГУ. Затем — к Адамовне,[58] отдал бóльшую часть статьи для «Воплей»,[59] не удалось уйти от рюмки водки и салата — семья завтракала. Адамовна — хороший человек.

Затем — к Билинкисам.[60] Миля грустно сообщила, что «у Яши плохое настроение и он куда-то ушел». И так 20 лет их жизни!

Выпили за разные хорошие дела. Невестка.[61] Показалась лучше, чем прежде. Мишу на Новый Год нелегально вывезли в штатском из Выборга (он получил сутки вольной, но без выезда из Выборга).

5.I.

Впервые в году в «Биб<лиотеке> поэта»: Орлов позвонил — «болен, не приду». Жук! Ирина Влад<имировна>[62] — из Москвы. Гово-

рят, сняли Ильичева.[63] Евтушенко хлестаковствует. Написал прозрачное стих<отворение> «Качка» — корабль в жуткой качке, всех рвет, и поэт блюет, разбиты все портреты и т. п. Читал перед новым годом по радио. В результате — сняли четырех человек с работы...[64]

В ЛГУ. Дм<итрий> Евг<еньевич> — ему был юбилей (60 лет) перед Новым Годом.[65] Т. к. он всячески распространял, что никакого юбилея, что он не выносит — то многие (в т. ч. я и Яша[66]) и не поздравили, а теперь он смертельно надулся — даже не скрывая этого. Чорт знает что. Прямо глупое бабство.

Наконец кончена и отослана статья в «Вопли» (об «эстетич<еской>» критике).

Завтра нужно приниматься за рецензию на Герценовский семинарий...[67]

Невероятно неуютно на душе. Всюду вокзал — и в «Биб<лиотеке> поэта», и в ЛГУ — только дома еще крепость, да и та гнила.

7.I.

Заседание каф<ед>ры — сплошной балаган.

Прислана нам на отзыв доктор<ская> диссерт<ация> Вильчинского о Станюковиче.[68] Наш Вася[69] с автором — на ножах, в ИРЛИ при голосов<ании> Вася воздержался (мотивировка — т. к. на отзыв пришлют на каф<ед>ру ЛГУ, где я заведую, то, чтобы не связывать себя, я воздерживаюсь... — ничего себе объяснение!).

Чтобы унизить Вильчинского, дал на отзыв... мне и Соколову.[70] Я пожал плечами. Чорта с два буду читать — напишу страницу какой-либо муры. Что́ там написано, мне и так ясно, достаточно прочесть любой опус Вильч<инско>го.

Берков[71] потребовал объяснения, почему Вася воздержался от голосования в ИРЛИ. Вася повторил. Тогда Берков, улыбаясь: «Все правильно. Я был там на Уч<еном> Совете и могу подтвердить».

Вася дошел, покраснел, но сдержался и, тоже улыбаясь: «Только я могу такое терпеть».

На заседании — доклад Холшевникова о его занятиях по стиховедению (эксперимент<альная> фонетика). Васе начхать, не слушал, а только показывал время, что, дескать, пора кончать. Бог знает что.

На душе гадко невероятно.

После заседания — семейный поход на выставку рисунка и акварели конца XVIII — нач<ала> XX в. из частных коллекций Ленинграда. Много интересного. Например, я совсем не знал манеры Альберта Бенуа.[72] Интересен XX век. Добужинский, Петров-Водкин, Шухаев. Серебрякова[73] — кое-что ничего, но много антиэстетического, с моей точки зрения. Вообще нарочитый антиэстетизм, что идет явно с Запада, очень интересное явление в иск<усст>ве и лит<ерату>ре XX века.

8.I.

В «Биб<лиотеке> поэта». Орлов — говорит — болен. Все настроены против него — он настукал внизу начальству о промахах Киселева по Никитину (еще ведь 1-я корректура), и Киселева лишили премии. Киселев — не идеал, но бегать жаловаться — последнее дело. Я не выдержал и сказал всем, что я об Орлове думаю. На душе легче. Женщины пошли его защищать, я им ответил, что умом понимаю его заслуги, но сердце мое на дыбы встает от его этики.

С Таней на уроке музыки. За 2—3 года она дошла до сложных вещей Баха и Бетховена. Приятно.[74]

Забыл еще записать, что пришла Л. Я. Гинзбург, принесла свою новую книгу «О лирике»,[75] и мы говорили, как бы ее отрецензировать. Заодно Л<идия> Я<ковлевна> просила меня — рец<ензию> на Кормана в «Рус<ской> лит<ературе>».[76] Поговорю с Базановым, хотя смертельно не хочу.

Вечером — дома. День рождения Тат<ьяны> Ал<ексеев>ны.[77] Целый день у нас, оказывается, толклись гости. Я застал последних: Миру,[78] Аню.[79]

Забыл сказать, что 6-го вечером у нас — Билинкисы. Очень хорошо поговорили.

9—10.I.

На своей квартире. В поте лица оборудовал. Каждая мелочь занимает минуты и часы — а потом незаметно...

11.I.

Ура-ура! Кончил рецензию на Герценовский семинарий. Неск<олько> дней работы позади — а главное, теперь кончились срочные задания. Очень рад...

12.I.

«Биб<лиотека> поэта». Как-то внутренне почувствовал себя легко и свободно — поэтому вел разговор на заседании тоном, как будто я — главный. Смешно, конечно. Балаган.

Утром принимал экзамен за Деркача — из 12 пришло лишь 5 студентов: оказывается, меня боятся... Тоже смешно. Это я-то страшен!

15.I.

«Биб<лиотека> поэта». Всеобщий ажиотаж по поводу вчерашнего собрания ленинградских писателей. Интеллигенция, воспользовавшись передыхом, устроила бунт, довольно стихийный и беспорядочный.[80] Громили Прокопа[81] и в хвост и в гриву — и слева, и справа. Все

его клевали, никто не защищал (если не считать Костелянца[82]). (У К<остелян>ца свой ход мысли: «Я бы голосовал против, если бы был уверен, что два года дадут спокойной жизни».) В конце концов Прокоп был вынужден снять свою кандидатуру в правление. Шум стоял невообразимый. Долинина[83] кричала: «Чепуров[84] лизал Прокофьеву — не скажу что́», Македонов[85] упрекал обком за снятие «Дракона» из Театра комедии[86] и т. д.

Эпизод с Выходцевым. Когда записали список правления, предложенный партгруппой (37 чел.), и должен был выступить С. Бытовой[87] для предложения подвести черту, то встала из президиума Вера Панова[88] и двинулась без спросу на трибуну, куда из зала шел Бытовой. Она буквально надвинулась на него, и он отступил. Паниха торжественно произнесла чуть ли не десяток дополнительных имен. Затем народ стал из зала называть, и лишь потом Бытовой вылез со своим предложением. Под конец дополнительно был назван и Выходцев.

Затем — самоотводы. Отвели себя все члены партии (подчиняясь партийной дисциплине — ибо они не были выдвинуты партгруппой). Выходцев молчит. Одна женщина тогда прямо: «А тов. Выходцев не подчиняется партийной дисциплине?» Председательствующий Георгий Некрасов[89] дает слово. Выходцев поднялся и начал что-то мямлить: «Я не понимаю, что здесь происходит...» — уклоняясь от прямого ответа. «Здесь происходят выборы в правление», — отчеканил Некрасов и... неожиданно поставил на голосование — кто за то, чтобы оставить Выходцева в списке? За — 1 голос!! Против — лес рук, почти единогласно. И сразу — шквал аплодисментов и рев всего зала.

Голосовали до 2 ночи. А т. к. многие ушли раньше, то доголосование будет потом, завтра.

Еду на «московскую» квартиру.[90] По дороге купил давно искомый диван-кровать. Эстонский, широкий — 100 лет мечтал о таком.

16.I.

Приехала Соня. Ходили пешком в Автово,[91] оттуда — в «Синтетику» на Ново-Измайловском проспекте.[92]

Думал — прелесть новых районов — в размахе. Широченные проспекты, большие интервалы между домами, перспектива — создает ощущение бескрайности, простора, размаха. В этом тоже — Россия, как и в скромных пейзажах Озерков. Хотя стандартность домов очень и очень грустна.

17.I.

Звоню Цуриковой,[93] чтобы узнать результаты. 2—3 сволочей всё же провалили (Авраменко,[94] в частности), кое-кого и из «либералов» (Нинов[95]). Но правление выбрали не в 37, как раньше, а в 46 чел<овек>. В последнюю девятку по результатам голосования вошли Ше-

стинский,[96] Торопыгин[97] и др. шушера, коей не место, конечно, в правлении.

18.I.

Работал немного в БАН'е.

19.I.

Созвал к себе домой народ, в честь выхода 100-й моей работы (комментарии к 8 т. Добролюбова[98]). Были — Рейсеры, Яша, Тамарченки,[99] Мира с Игорем.[100] Последняя пара принесла мне гипсовый слепок Нефертити[101]. Рад. И народу я рад. Но в компании стоял шум несусветный, толком не поговорили.

20.I.

Вчера заседание правления, где избран секретариат. Как раз туда вошли Шестинский и Торопыгин. Первый секретарь — Дудин,[102] второй — Гранин.[103] Еще — наш Орлов, Панова, Капица[104] — еще 2 человека, забыл кто.

У нас в ЛГУ — кафедра. Масса всякой муры. Базанов ведет себя как паяц, а Соколов и Тотубалин[105] подхихикивают подхалимски.

Мне опять навешали всяких поручений, из коих большее — выступать на защите докт<орской> дисс<ертации> Курляндской.[106] Этого еще недоставало... Совсем нет времени работать.

22.I.

«Биб<лиотека> поэта». Еще поручение — должен прочесть Ломоносова, подготовл<енного> Морозовым для Бол<ьшой> серии.[107] Орлов едет в Москву на пленум правления Союза писателей СССР — где надеется устроить наши денежные дела. Иначе — он специально и моим согласием заручился — предъявляем «ультиматум» — работаем до 1 февраля... Убежден, что еще протянут полгода — а работать мы будем.

Вечером — на новой квартире. Занимался Анненковым.[108]

23.I.

Весь день — на новой кв<артире>, 1-ую пол<овину> дня — Анненков, 2-ую — хозяйство (ездили в магазин, привезли кучу вещей).

26.I.

«Биб<лиотека> поэта». Орлов еще в Москве. Разные слухи о Паперном, которого обругали в «Правде».[109] Одни гов<орят>, что ругал Грибачева[110] за «доносы» в ЦК, другие — что ругал Ильичева и политику Хрущева в области лит<ерату>ры.

Уламывал Эвентова на разные сокращения в Демьяне Бедном.[111] Убедился, что он — дурак набитый, хотя с важностью и претензиями. Малограмотен до чертиков.

27.I.

Читаю автореферат Курляндской и готовлюсь к отзыву. Она приходила ко мне в «Биб<лиотеку> поэта» вчера, чувствуется — еле жива. Жалко ее.

28.I.

Я у Ирины Вячеславовны, врача. Она принадлежит, так сказать, к «химикам», — вместе с Викт<орией> Мих<айловной> Лотман[112] — поэтому думают, что, чем больше давиться таблетками и уколами, тем мы будем здоровее. Я ей в противовес развил свое: жить на химии все равно что просить милостыню по кусочку, по копеечке. Чем нищенствовать — лучше грабить на большой дороге. Безнравственно, но не унизительно. С лекарствами то же — понимаю львиные дозы, радикальные операции — чтобы убить, пресечь болезнь. Но питаться гомеопатическими копеечками — унизительно. Поэтому уколы гепарина на меня действуют не физически, а морально — это оскорбляет мое человеческое достоинство. Ирина Вяч<еславовна> не согласилась, но дала месячный отпуск.

В 17 — защита Курляндской. Народу мало. Самый мрачный отзыв — Л. Гроссмана,[113] затем Федорова.[114] Бялого[115] — самый либеральный, затем — мой. Курляндская, похоже, ничего этого не поняла, держалась очень провинциально. Ей, однако, всего 3 черняка подбросили. Очень хорошо! Любопытно, что никто из тургеневской группы ПушДома не выступил (хотя все пришли на защиту).

В Восточном ресторане[116], маленький зальчик: с Курляндской двое ее девиц, затем — Мак (где без Мака обойдется?!?), Бялый, пассия Бялого,[117] я, Яша, Груздев[118] — и Алик Муратов, которого не звали, но Бялый его, кажется, затащил. Вот уж я бы повесился, но не пошел!!!! Алик молод, его тянет в «общество». Порок достоин снисхождения.

Ничего поговорили. Мак издевался над моей кибернетикой,[119] все смеялись, я тоже, а в заключение я произнес тост за оппозицию структуральную: за пол, противоположный мужскому. Это примирило Мака с структурализмом.

29.I.

«Биб<лиотека> поэта». Орлов еще в Москве. Проводим обсуждение Ломоносова. Книга хорошо подготовлена Бухмейершей,[120] но статья Морозова очень плоха — одно голое барокко, без учета всей сложности XVIII века. Бухмейер не согласна. Придется брать арбитром Орлова.

Приехал Снешко[121] (вошел в комнату не поздоровавшись и не сняв шапки). У меня опять двойственное чувство: и приятно, и больно — чужие в общем люди — как у меня с братьями.[122] Позвал его на новую квартиру (придет с женой, привез ее посмотреть Питер).

К вечеру — на новой квартире. Занимался, вкручивал люстру и проч.

30.I.

Приехали Таня, Соня, а вечером — Снешки. Жена его постарела (я ведь ее лет 5 не видал), по-прежнему мещанская самовлюбленность, умный вид и — «мы пахали» — вмешивалась в рассказ мужа о его испытаниях. Он очень интересно говорил о испытаниях Ту-104,[123] о смертельной опасности для летчиков, о джек-лондонских героях, а она раздражала своими вставками. Больно, когда Снешко снова проявил полную толстокожесть к вопросам морали — похихикал насчет Белы, ее ответственности за судьбу двоюродной сестры — дескать, экзальтация и романтика.

Ушли — веселые и довольные собой, — а мне очень тяжело и противно. Плохо, когда связи остаются, а моральной основы нет.

31.I.

В кино — по сценарию Ю. Нагибина «Председатель».[124] Колхоз после войны. К искусству фильм имеет дальнее отношение. Герой — сплошная фальшь, мечта, а не реальность.[125] Но много умного, и — для народа — фильм будет иметь познавательно-воспитат<ельное> значение. Впрочем, и для истории — например, что поднимать колхоз можно было только культом личности, угрозами, подачками, матом и страхом; что моральный уровень народа чрезвычайно низок — оскорбления, унижения в общем прощались ради «сильной личности» — так оно и было и есть еще...

2.II.

Пошел февраль... С утра — изнурительный экзамен заочников. Запомнился один журналист, корр<еспондент> по Ленинграду от «Советской торговли» — он сейчас пишет отчет о новой Панаме[126] — Пушкинский промкомбинат. 152 человека — под судом, 4 млна растрат.[127]

Затем — в «Биб<лиотеку> поэта». Из Москвы приехал довольный Орлов. У Романова,[128] нач<альника> Комитета по делам печати («в ранге министра»), было совещание, с участием Воронкова,[129] Г. Маркова[130] и Орлова, где он отбивался от доноса редакции худ<ожественной> лит<ерату>ры Комитета, что якобы «Биб<лиотека> поэта» выпускает декадентов и не обращает внимания на революц<ионную>

поэзию. Якобы убедил. Любопытно, что Лесючевского не пригласили на заседание! Якобы обещали нам деньги, обещали автономию и проч. Между прочим, решили не выпускать «живых» поэтов.[131] Это очень хорошо. Исаковский,[132] верно, на этом погорит...

В гостях у М. С. Альтмана[133], у которого остановился Пугачев. Час с лишним составляли список (списки!) — кому дарить Добролюбовский сборник, вышедший в Горьком: десяток авторов-участников,[134] со своими симпатиями каждый — поэтому будут несколько списков — кому в какой компании дарить...

Затем Альтман демонстрировал свои уникальные картотеки прототипов, составлявшиеся 40 лет: 1) [135] писателей, ученых, госуд<арственных> деятелей и т. д., явившихся прототипами худ<ожественных> образов в лит<ерату>ре, очерках, сатире, мемуарах; 2) образной картотеки, т. е. самих[136] образов, имеющих прототипы; 3) картотеки прототипов у героев Гоголя, Достоевского, Л. Толстого и т. д.; 4) городов, явившихся прототипами вымышл<енных> названий в худ<ожественной> лит<ерату>ре, сатире и т. д.; 5) периодич<еских> изданий — то же.

Это, действительно, необычайно дорого и ценно.

Затем — великолепные уникумы русских поэтов XX века, особенно Вяч. Иванова.[137]

Рукописные сборники стихов самого Альтмана — это не интересно (комичны подробные комментарии к этим стихам, алфавитные указатели и т. д.).

Интересный рассказ Альтмана об обыске и аресте в 37 году. Роются в книгах, картотеке; Альтман: «Вы все равно у меня ничего не найдете». А следователь на допросе: «Вы, значит, сказали, что у вас уже ничего не найдут». Одно из главных обвинений: в письме Альтмана к Каменеву[138] фраза: «Пора уже давно кончить эту “войну мышей и лягушек”». — «Кого вы подразумевали под мышами и лягушками?» — Альтман объяснил, что это в изд<ании> «Academia» — его перевод «Батрахомиомахии»...[139]

Старый болтун, дурак — но очень интересные вкрапления и воспоминания. Наиболее ценное в его рукопис<ном> наследии — à la Эккерман — записи бесед с Вяч. Ивановым.[140]

4.II.

С утра — опять нуднейший экзамен в помощь Деркачу. Ответы. Одна — работница Куйбышевского телецентра (журналистка) — о постановлении ЦК 1946 года — «критика Ахмадуллиной». — Какой Ахмадуллиной??? — «Белы...» — А вы представляете, сколько ей было лет в 1946 году?!?[141]

Другая — из Закарпатья, хитрая хохлушка. «В постановлении были разоблачены Зодченко и Ахметова...» (Поправляю имена.) — «А вы

хотя бы одну строчку прочли этих писателей?» (Она перед этим — о серости, унылости их творчества.[142]) — «Нет, и не буду читать!» Сволочь! Я ей читаю лекцию после этого о самостоятельности и о том, что Зощенко и Ахматова — большие русские писатели.

В ПушДоме с Левиным[143] уточняем список адресатов на Добролюбова.[144] Затем — идем с ним до Гостиного Двора. <...>

На выходе из ПушДома столкнулся с Могилой,[145] кот<орый> познакомил тут же с московским Безъязычным[146] — язык у него подвешен, с элементами подхалимажа, — ему очень хочется печататься в «Биб<лиотеке> поэта». Было очень противно, особенно потому, что еще нужно с ним впредь беседовать — придет в «Биб<лиотеку> поэта»!![147]

---

[1] Общежитие ЛГУ № 4 было построено в 1959 г. в Василеостровском районе на Симанской улице (д. 25, лит. А), в 1961 г. переименованной в ул. Шевченко. Сюда было заселено около 800 студентов-филологов.

[2] *Муратов Аскольд Борисович* (1937—2005) — тургеновед, кандидат (1964) и доктор (1982) филологических наук; выпускник ЛГУ (1960), ученик Г. А. Бялого; с 1964 г. сотрудник кафедры истории русской литературы филфака ЛГУ, с 1970 г. доцент, с 1983 г. профессор, зав. кафедрой; племянник библиографа *Муратовой Ксении Дмитриевны* (1904—1998).

[3] *Деркач Самуил Самуилович* (1906—1986) — доцент кафедры истории русской литературы, заместитель декана филфака ЛГУ (1947—1948). В 1949 г. по ложному обвинению был репрессирован и до 1954 г. находился в лагере; на кафедре поддерживал Б. Ф., который 6 марта 1964 г. отметил в своем дневнике: «Деркач звезд не хватает, но работяга и берет интересные проблемы (Белинский и петрашевцы)» (*Егоров Б. Ф.* Дневник за январь — начало мая 1964 года. С. 1028).

[4] О волнениях среди студентов, вызванных агрессивным поведением четырех нигерийских студентов («нахально избивают наших студентов»), Б. Ф. рассказывал в своем Дневнике за конец октября — начало декабря 1964 г. (см.: *Егоров Б. Ф.* Дневник за август — начало декабря 1964 года. С. 475—489).

[5] *Маслов Виктор Сергеевич* (1923—2017) — некрасовед, преподаватель ЛГУ (с 1953 г.), кандидат филологических наук (1956), заместитель декана филфака ЛГУ (1961—1962, 1969—1971, 1973—1975, 1979—1981), зав. кафедрой русского языка для иностранцев (1962—1969); партийный деятель, проводник официальной политики.

[6] Имеется в виду одно из семи дореволюционных изданий книги «Дневник Марии Башкирцевой», вышедших с 1893 по 1916 г. в переводе с французского. *Башкирцева Мария Константиновна* (1858—1884) — талантливая русская художница, с 12 лет жившая с матерью в Европе, большей частью во Франции. В 25 лет умерла от туберкулеза. Ее, по определению В. В. Розанова, «гениально-порочный» дневник произвел громадное впечатление на современников. В СССР он не издавался, в постсоветское время увидел свет в 1991 г. и в разном составе переиздавался еще 9 раз.

[7] *Соня* — жена Б. Ф. *Николаева София Александровна* (1924—2008) — ученый-химик, по окончании аспирантуры химического факультета ЛГУ преподаватель Тартуского университета (1951—1958), позднее сотрудник ленинградских НИИ. Много помогала мужу в его научно-литературных работах. См. брошюру: *Его-*

ров Б. Ф. Жизнь С. А. Николаевой (типичное и личное). СПб.: Нестор-История, 2008. 33 с.

[8] 21 нояб. 1964 г. Егоровы получили ключи от квартиры № 7 в новой кооперативной панельной пятиэтажке в Московском районе на пр. Космонавтов, 52, корп. 2, куда начали перевозить вещи из своего дома в Озерках в ноябре 1964 г. и где поселились в июле 1965 г.

[9] *Ирина Вячеславовна* — предположительно, врач-терапевт поликлиники ЛГУ.

[10] *Колесов Николай Дмитриевич* (1925—2012) — в рассматриваемый период (1963—1995) зав. кафедрой политической экономии ЛГУ. В 1964 г. стал доктором экономических наук, в 1965 г. — профессором. В 1963—1965 гг. избирался секретарем парткома ЛГУ.

[11] Сведений о Федорове, инструкторе Ленинградского горкома (КПСС или ВЛКСМ) выявить не удалось.

[12] *Селезнева Ольга Ивановна* — секретарь Василеостровского райкома КПСС. 7 дек. 1964 г. Б. Ф. рассказывал о собрании студентов в общежитии № 4, на котором «Селезнева по глупости, чтобы утишить страсти, пообещала, что суд будет скорый и 7-го студенты всё узнают» (*Егоров Б. Ф.* Дневник за май — начало декабря 1964 года. С. 488).

[13] *Морозова Инна Алексеевна* (1918—?) — кандидат филологических наук, доцент кафедры советской литературы филфака ЛГУ, неоднократно избиралась в партком факультета. Б. Ф. дал ей нелицеприятную характеристику в записи от 4 июня 1964 г.: «...Морозова с сов<етской> каф<ед>ры, совершенная дура и стерва, — она шумела, что мне не место в ЛГУ, что у меня целая система взглядов (еще бы!), что я модернист (это все равно, что меня обвинить в гомосексуализме — та же истина!)» (*Егоров Б. Ф.* Дневник за май — начало августа 1964 года. С. 412).

[14] *Выходцев Петр Созонтович* (1923—1994) — литературовед, критик, публицист, общественный деятель; автор 14 монографий; научный сотрудник ИРЛИ (1949—1963, 1973—1986), член Союза писателей СССР (1962); зав. кафедрой советской литературы филфака ЛГУ (1962—1972); профессор с 1968 г.; специалист по советской поэзии, творчеству А. Т. Твардовского и П. Н. Васильева.

[15] *Никитин И. С.* Полн. собр. стихотворений / предисл. Н. И. Рыленкова, вступ. статья и примеч. Л. А. Плоткина, подгот. текста М. И. Маловой. М.; Л.: Советский писатель, 1965. 613 с. (Б-ка поэта. Большая сер.). *Никитин Иван Саввич* (1824—1861) — поэт, прозаик.

[16] *Исакович Ирина Владимировна* (1917—1999) — редактор «Библиотеки поэта» в 1960—1970-х гг.; литературной редакцией заведовала до 1968 г. 4 янв. 1964 г. Б. Ф. записал в дневнике: «Ирина Владимировна Исакович — самая близкая мне. Человечная, тяжело переживающая каждую подлость, комок нервов, болезненная, одинокая. Женщина во всем. Жалко ее» (*Егоров Б. Ф.* Дневник за январь — начало мая 1964 года. С. 1017).

[17] *Киселев (Киселев-Сергенин) Владимир Сергеевич* (1928—1995) — литературовед. Б. Ф. дал ему такую характеристику в дневниковой записи от 4 янв. 1964 г.: «...редактор самый амбициозный <...> придирчивый, недалекий, но очень трудолюбивый и честный» (Там же). Киселев редактировал этот том Никитина, сданный в набор 26 нояб. 1964 г.

[18] *Катенин П. А.* Избранные произведения / вступ. статья, подгот. текста и примеч. Г. В. Ермаковой-Битнер. М.; Л.: Советский писатель, 1965. 742 с. (Б-ка поэта. Большая сер.). *Катенин Павел Александрович* (1792—1853) — поэт, драматург, литературный критик, переводчик.

[19] *Бухмейерша — Бухмейер* (по мужу *Троицкая*) *Ксения Константиновна* (1923—2016) — литературовед, редактор серии «Библиотека поэта». Известный филолог

Е. Г. Эткинд вспоминал: «...Ксения Бухмейер, редактор, радовавший вдумчивой добросовестностью; она сверяла стихи с их первыми публикациями — в журналах, альманахах, сборниках XVIII и XIX веков, обращала внимание на небрежности и противоречия в статье и примечаниях, заставляла уточнить или изменить неловкие выражения и темные формулировки» (*Эткинд Ефим.* Записки незаговорщика. London: Overseas Publications Interchange, 1977. С. 182—183).

[20] *Плоткин Лев Абрамович* (1905—1978) — литературовед, доктор филологических наук, доцент, затем профессор кафедры советской литературы филфака ЛГУ (1945—1971); в 1935—1949 гг. был сотрудником ИРЛИ.

[21] *Бухштаб Борис Яковлевич* (1904—1985) — текстолог, библиограф, книговед, историк литературы; с 1945 г. доцент, затем профессор кафедры библиографии Ленинградского государственного библиотечного института им. Н. К. Крупской, в 1964 г. переименованного в Ленинградский государственный институт культуры им. Н. К. Крупской.

[22] *Хватов Александр Иванович* (1919—2003) — литературовед, критик, специалист по творчеству М. А. Шолохова. В 1958—1986 гг. возглавлял кафедру литературы в Ленинградском институте культуры им. Н. К. Крупской, с 1986 г. зав. кафедрой советской литературы в Ленинградском педагогическом институте им. А. И. Герцена.

[23] *Каверин* (наст. фам. *Зильбер*) *Вениамин Александрович* (1902—1989) — прозаик, драматург и сценарист. Каверин и Бухштаб дружили с университетских лет. Каверин посвятил ему прочувствованный очерк в своей книге «Литератор» (М.: Советский писатель, 1988), где опубликовал наиболее интересные письма из их обширной переписки. Из филологов старшего поколения Бухштаб, наряду с С. А. Рейсером, был наиболее близок к Б. Ф.

[24] *Гудзий Николай Каллиникович* (1887—1965) — литературовед и педагог, первый декан филфака МГУ (1941—1945), академик АН УССР (1945). Возглавлял Отдел древнерусской литературы в ИМЛИ (1938—1947), Отдел русской литературы (1945—1952) и Отдел украинской древней литературы (1952—1961) в Институте литературы им. Т. Г. Шевченко АН УССР. В последние годы Гудзий был председателем Комиссии по истории филологических наук при Бюро Отделения литературы и языка АН СССР.

[25] *Карпинский Александр Петрович* (1846—1936) — «отец русской геологии», палеонтолог и горный инженер, профессор, директор Геологического комитета (1885—1903), академик (1896) и первый выборный президент Академии наук (1917). У него было два внука. Возможно, речь идет о правнучке академика *Елене Александровне Толмачевой* (1933—2008).

[26] *Рейсер Соломон Абрамович* (1905—1989) — библиограф, литературовед, текстолог, доктор филологических наук (1956); с 1931 г. работал в Публичной библиотеке, с 1946 г. — в Ленинградском библиотечном институте им. Н. К. Крупской. В мемуарном очерке «Несколько черт к портрету С. А. Рейсера» (2005) Б. Ф. отмечал: «...из питерских друзей мужского пола С<оломон> А<брамович> был мне самым близким, я удостоился знать самые его интимные душевные глубины» (*Егоров Б. Ф.* Воспоминания-2. СПб.: Росток, 2013. С. 191). Сам Рейсер за два года до смерти, в письме к Б. Ф. от 18 дек. 1987 г., завещал ему библиотеку и рукописи, определив: «Я обращаюсь к Вам с просьбой — разобрать мои бумаги, что сочтете нужным отдать в архивы, оставить себе и т. д. <...> больше просить мне некого и не хочется» (Архив Б. Ф. Егорова). В январе 2004 г. Б. Ф. сдал 147 адресованных ему писем Рейсера в ОР РНБ.

[27] *Мальвина — Штерн Мальвина Мироновна* (1903—1992), литературовед; жена С. А. Рейсера.

[28] *Галина — Шаповалова Галина Григорьевна* (1918—1996), фольклорист; вторая жена Б. Я. Бухштаба. В 1947 г. научный сотрудник ИРЛИ, с 1968 г. сотрудник Ленинградской части Института этнографии АН СССР.

[29] *Аркадак* — рабочий поселок в Саратовской области (город с 1963 г.). Когда летом 1942 г. возникла опасность немецкой оккупации Старого Оскола, где жила семья Б. Ф., его отец решил бежать за 400 км в Аркадак к теще и свояченицам. Там семья Егоровых и провела военное время.

[30] *Мак — Макогоненко Георгий Пантелеймонович* (1912—1986) — литературовед, зав. кафедрой русской литературы ЛГУ (1965—1982), сотрудник ИРЛИ (1959—1976). Его жена с 1962 г. (после развода с О. Ф. Берггольц) — *Макогоненко (*урожд. *Пайкина*) *Людмила Семеновна*.

[31] *Путилов Борис Николаевич* (1919—1997) — выдающийся фольклорист, в тот период (1957—1967) зав. Сектором фольклора ИРЛИ; его жена *Путилова Евгения Оскаровна* (урожд. *Костелянец*; 1923—2018) — литературовед и литературный критик, историк русской детской литературы; с 1957 г. преподавала в ЛГПИ им. А. И. Герцена. В 1993 г. она защищала докторскую диссертацию, и Б. Ф. был одним из ее оппонентов.

[32] Предположительно, *Раскин Наум Михайлович* (1906—1986) — ленинградский историк науки и архивист, доктор исторических наук, профессор, и его жена.

[33] *Шор Владимир Ефимович* (1917—1971), переводчик, литературовед, специалист по теории и истории перевода, и его жена *Шафаренко Инна Яковлевна*, переводчица. В. Е. Шор с 1946 г. вплоть до кончины преподавал на кафедре иностранных языков Горного института им. Г. В. Плеханова, а также в разные годы в ЛГПИ им. А. И. Герцена.

[34] *Холшевников Владислав Евгеньевич* (1910—2000) — литературовед, стиховед; доцент (позднее профессор) филфака ЛГУ; руководитель стиховедческого семинара при ИРЛИ (1965). Его жена — *Ломан Ольга Владимировна* (1910—1993) — литературовед; сотрудник Литературного музея ИРЛИ (1945—1953), ученый хранитель мемориального Музея-квартиры Н. А. Некрасова (1946—1973).

[35] *Орлов* (наст. фам. *Шапиро*) *Владимир Николаевич* (1908—1985) — литературовед, сотрудник ИРЛИ в 1938—1941, 1944—1951 гг.; специалист по Серебряному веку и творчеству А. А. Блока, главный редактор серии «Библиотека поэта» (1956—1970). Б. Ф. вспоминал об Орлове: «Он был талантливым и всесторонним литературоведом <...>. Однако у нас совершенно не возникло человеческой близости, мне был очень неприятен тип советского барина, довольно бесцеремонно эксплуатирующего подчиненных, и эстета, абсолютно чуждого партийным идеалам и установкам, но цинично подделывающегося под нужный начальству дух» (*Егоров Б. Ф.* Воспоминания-2. СПб.: Росток, 2013. С. 197).

[36] *Кушнер Александр Семенович* (род. 1936) — лирический поэт, эссеист, и его первая жена — *Кушнер* (урожд. *Никитина*) *Татьяна Николаевна* (1937—1998). Они учились в Ленинградском государственном педагогическом институте им. М. Н. Покровского (до его соединения в 1957 г. с ЛГПИ им. А. И. Герцена), где преподавали, в частности, Б. Я. Бухштаб и Д. Е. Максимов. В это время и возникли дружеские связи талантливого студента, начинающего поэта не только с названными профессорами, но и с Б. Ф., на 90-летие которого в 2016 г. поэт посвятил ему стихотворение «Медузы-горгоны, драконы, грифоны...». (Благодарю за консультацию А. В. Кулагина.)

[37] *Портновы* — неустановленные лица.

[38] *Лесючевский Николай Васильевич* (1907—1978) — критик, журналист; главный редактор издательства «Советский писатель» (1951—1957), председатель правления этого издательства (с 1958 г.), его директор (с 1964 г.). Печально изве-

стен негативными отзывами-доносами по запросам НКВД на творчество Н. А. Заболоцкого, Б. П. Корнилова, Б. К. Лившица и других писателей, сыгравшими роковую роль в их судьбе.

[39] *Егоров Б. Ф.* «Эстетическая» критика без лака и без дегтя (В. П. Боткин, П. В. Анненков, А. В. Дружинин) // Вопросы литературы. 1965. № 5. С. 142—160.

[40] Возможно, *Бвакира Николя* (1942—2021) — бурундийский дипломат, бывший посланником в Сомали.

[41] На Невском проспекте, 28, в Доме книги, находилась редакция Ленинградского отделения издательства «Советский писатель», в том числе и редакция книжной серии «Библиотека поэта».

[42] *Пугачев Владимир Владимирович* (1923—1998) — доктор исторических наук (1964), профессор Горьковского университета (1965—1979), затем Саратовского экономического института (1979—1998). Его с Б. Ф. связывала многолетняя дружба.

[43] *Егоров Б. Ф.* И. А. Пиотровский — ученик Чернышевского и Добролюбова // Н. А. Добролюбов: статьи и материалы / Горьк. гос. ун-т им. Н. И. Лобачевского; отв. ред. Г. В. Краснов. Горький, 1965. С. 213—243. Этот сборник, подписанный в печать 7 дек. 1964 г., вышел крайне ограниченным для того времени тиражом (1100 экз.).

[44] Упомянутый вторник приходился на 30 декабря.

[45] *Зернов Борис Евгеньевич* (1935—2004) — лингвист, специалист в области английской грамматики, впоследствии — доктор филологических наук, с 1987 г. зав. кафедрой английской филологии № 2; в рассматриваемый период член партбюро филфака ЛГУ. В записной книжке Б. Ф. не указан его адрес, только номер телефона.

[46] *Герасимов Юрий Константинович* (1923—2003) — преподаватель ЛГУ. У него была трудная судьба: после демобилизации в 1945 г. он поступил на славянское отделение филфака ЛГУ. На третьем курсе, в январе 1948 г., его арестовали по ложному обвинению, после чего 9 лет он провел в заключении, работая на шахтах Воркуты (Инта) и затем на целине. После реабилитации Ю. К. Герасимов смог в 1957 г. восстановиться в ЛГУ (на русском отделении филфака), который окончил в 1959 г. В 1960—1963 гг. обучался в аспирантуре у Д. Е. Максимова, а в мае 1964 г. защитил кандидатскую диссертацию «Вопросы театра и драмы в критике А. Блока». Б. Ф. добивался его трудоустройства на филфаке ЛГУ. Впоследствии Герасимов — доктор искусствоведения (1977); сотрудник ИРЛИ в 1979—2003 гг., где с 1980 г. заведовал Группой по изданию сочинений А. А. Блока.

[47] В записной книжке Б. Ф. зафиксирован адрес Ю. К. Герасимова: 1-я линия Васильевского Острова, д. 2, кв. 5.

[48] *Рахлин Геннадий (Гедалий) Моисеевич* (1905—1967) — директор ленинградской «Книжной лавки писателей». В 1949 г. пострадал по Ленинградскому делу — был осужден на 25 лет лагерей, но в 1955 г. реабилитирован.

[49] *«Двенадцать»* — хореографический спектакль в одном действии Б. И. Тищенко. Либретто по мотивам поэмы А. А. Блока написал балетмейстер Л. В. Якобсон. Премьера состоялась под Новый год (31 дек. 1964 г.) на сцене Ленинградского театра оперы и балета им. С. М. Кирова. «Двенадцать» считается первым авангардным балетом в СССР.

[50] Среди действующих лиц спектакля, действительно, отдельно указаны «12» и «Петька». Ленина, конечно, не было, но Христос должен был появиться в конце. Однако партийное начальство этому воспротивилось. Б. И. Тищенко писал: «Я убеждал на обсуждении: загляните в Блока! Директриса в ответ: “Блока я не знаю, зато Ленина прочитала от корки и до корки”. В общем, этот балаган продол-

жался до генеральной репетиции, потом опять всё перекроили» (Письма Дмитрия Дмитриевича Шостаковича: с комментариями и воспоминаниями адресата. СПб.: Композитор, 2016. С. 9). Балет сняли после трех спектаклей.

[51] *Таня — Егорова* (в первом браке *Морозова*, во втором — *Миллер*) *Татьяна Борисовна* (род. 1951) — магистр образования и библиотечных наук; ныне проживает с мужем Джеймсом Остином Миллером, доктором богословия, магистром искусств, в г. Даллас (США). Татьяна Борисовна в ответ на мой вопрос написала: «Я училась в Озерках в 114-й школе. Школы там давно нет, но здание стоит... Хотя наша квартира на Космонавтов была готова для переезда осенью 1964 г., родители ждали до 1965 г., чтобы не переводить меня в новую школу посреди учебного года. Я закончила 7 классов в Озерках, а 8-й начала на Алтайской улице» (письмо от 9 нояб. 2023 г.).

[52] Этой записью (от 1 янв. 1965 г.) завершалась общая тетрадь (48 л.).

[53] *Билинкис Яков Семенович* (1926—2001) — литературовед, выпускник филфака МГУ (1950) и аспирантуры ЛГПИ им. А. И. Герцена (1953); преподаватель Тартуского университета (1953—1955), доктор филологических наук (1970), профессор ЛГПИ, близкий друг Б. Ф. Его жена — *Бобровская Милица Николаевна* (1916—1998) — врач, заведующая отделением НИИ им. В. М. Бехтерева. См. дневниковую запись Б. Ф. от 3 апр. 1964 г.: «Билинкисы духовно и душевно все же самые близкие в Питере люди» (*Егоров Б. Ф.* Дневник за январь — начало мая 1964 года. С. 1032).

[54] *Билинкис Михаил Яковлевич* (1945—2007) — литературовед, доцент кафедры истории русской литературы Санкт-Петербургского университета; в рассматриваемое время проходил воинскую службу в Выборге (в 130 км от Ленинграда), откуда иногда мог приезжать к родителям. До армии, окончив школу в 1962 г., поступил в Тартуский университет, где под руководством Ю. М. Лотмана занимался русской литературой XVIII в. На втором курсе осенью Михаил был призван в армию. Возобновил он учебу после демобилизации на заочном отделении филфака ЛГУ, которое окончил в 1969 г.

[55] *Коженкова Мария Алексеевна* (1906—1997) — младшая сестра тещи Б. Ф., двоюродная бабушка Татьяны Егоровой.

[56] Осенью 1958 г. Егоровы приобрели полдома в Озерках (Озерковский пр., д. 14), поскольку София Александровна вынуждена была оставить Тарту и с осени 1957 г. работала в Ленинграде. Б. Ф. вплоть до 1962 г. преподавал на кафедре в Тартуском университете, но жил на два города.

[57] В Старом Осколе (тогда в составе Курской области, ныне — Белгородской) прошли отроческие годы Б. Ф. (1936—1942); в Тарту он жил в 1951—1962 гг.

[58] *Адамовна — Калинина Валентина Адамовна*, сотрудница машбюро НИИ «Гипроникель», выполнявшая печатные работы для Б. Ф. В его записной книжке указан ее адрес: ул. Софьи Перовской (ныне Малая Конюшенная), д. 4/2, кв. 140.

[59] *Егоров Б. Ф.* «Эстетическая» критика без лака и без дегтя (В. П. Боткин, П. В. Анненков, А. В. Дружинин). См. примеч. 39.

[60] Семья Билинкисов проживала неподалеку — на набережной реки Мойки, д. 5, кв. 110.

[61] «Невесткой» в семье Билинкисов называли в то время однокурсницу Михаила по Тартускому университету *Татьяну Александрову*, которую он представил родителям как будущую жену. Она приезжала в Ленинград погостить. Романтически настроенным Якову Семеновичу и Милице Николаевне, судя по Дневнику Б. Ф., «невестка» поначалу понравилась (возможно, их радовала мысль о налаженной в скором будущем семейной жизни сына и о рождении внуков), на Б. Ф. же она произвела неприятное впечатление. Однако вскоре настало разочарование

и у родителей: Яков Семенович в одном из писем сыну в армию неодобрительно упоминает о «художествах Александровой». Фактически это была игра 18-летних парня и девушки в «мужа» и «жену». По воспоминаниям вдовы Михаила Яковлевича, Ирины Львовны Днепровой, «пережил эту студенческую историю Миша легко, вспоминал шутя» (письмо от 10 нояб. 2023 г.).

[62] Ирина Владимировна — И. В. Исакович.

[63] *Ильичев Леонид Федорович* (1906—1990) — советский философ, академик (1962), партийный идеолог, секретарь ЦК КПСС (1961—1965). В 1951—1952 гг. главный редактор газеты «Правда». С 1962 по март 1965 г. был председателем Идеологической комиссии ЦК КПСС и заведующим Идеологическим отделом ЦК КПСС. Видимо, Исакович транслировала слухи о потере Ильичевым этих постов, что вскоре и случилось. Однако он остался у власти: в 1965—1989 гг. являлся заместителем министра иностранных дел СССР.

[64] Об этом событии иначе и, возможно, ближе к истине рассказывается в мемуарном очерке Якова Гейцера «День Поэзии» (2023): *Евгений Александрович Евтушенко* (1932—2017) «прочел только что написанное стихотворение “Качка”, еще нигде не опубликованное и не прошедшее цензуру» 21 марта 1964 г. в Москве, в актовом зале Центрального статистического управления на улице Кирова, д. 39, причем выступление снималось телевизионщиками и шло в прямой эфир. «Утром следующего дня начались разборки прошедшего вечера. Дело дошло до самого верха. Всех причастных к внеплановому выступлению уволили. <...> Евтушенко на неопределенное время запретили публичные выступления» (URL: http://www.alefmagazine.com/pub5256.html (дата обращения: 12.11.2023)). Стихотворение «Качка» было напечатано сначала за границей в сборнике: *Евтушенко Е.* Качка. Лондон: Flegon Press, 1966, а на родине — в книге стихов: *Евтушенко Е.* Я сибирской породы. Иркутск: Восточно-сибирское издательство, 1971. С. 181—182, под измененным названием «Баллада о бочке» и с «конспиративной» датой: 1967 г.

[65] Д. Е. Максимову исполнилось 60 лет 28 дек. 1964 г.

[66] *Яша* — Я. С. Билинкис.

[67] Имеется в виду внутренняя рецензия для издательства на рукопись будущей книги: *Гиллельсон М. И., Перкаль М. К., Дрыжакова Е. Н.* А. И. Герцен: семинарий: (пособие для студентов). М.; Л.: Просвещение, 1965. 340 с.

[68] *Вильчинский Всеволод Пантелеймонович* (1916—1978) — литературовед. См. монографию, по которой он защищался: *Вильчинский В. П.* Константин Михайлович Станюкович: жизнь и творчество / АН СССР. ИРЛИ; отв. ред. Ф. Я. Прийма. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1963. 336 с.

[69] *Вася — Базанов Василий Григорьевич* (1911—1981) — литературовед, фольклорист; выпускник общественно-экономического факультета Горьковского университета (1931); заведующий Отделом литературы Карело-Финского филиала АН СССР (1948—1952), сотрудник (с 1953 г.) и директор ИРЛИ (1965—1975); член-корреспондент АН СССР (1962). Базанов заведовал кафедрой на филфаке ЛГУ в 1964—1965 гг., до вступления в должность директора ИРЛИ.

[70] *Соколов Николай Иванович* (1915—2000) — литературовед; доцент, профессор филфака ЛГУ; кандидат (1954) и доктор (1968) филологических наук; был последовательно парторгом кафедры, заместителем секретаря партбюро, заместителем декана, председателем местного комитета ЛГУ, депутатом Василеостровского райсовета. Комментарий Б. Ф. (12.06.2018): «Больше известен как партийный ортодокс, распространял слухи о “несоветскости” Б. Ф. Егорова».

[71] *Берков Павел Наумович* (1896—1969) — литературовед, книговед, специалист по русской литературе XVIII в., организатор и ученый секретарь Группы XVIII в. в ИРЛИ (с 1937 г.), профессор ЛГУ (с 1938 г.), член-корреспондент АН

СССР (1960). В дневниковой записи от 9 сент. 1964 г. Б. Ф. упоминает, что Берков и Базанов были «на ножах» (*Егоров Б. Ф.* Дневник за май — начало декабря 1964 года. С. 460).

[72] *Бенуа Альберт Николаевич* (1852—1936) — художник, архитектор; с 1924 г. жил в эмиграции в Париже.

[73] Перечислены крупные художники, работы которых практически не экспонировались в СССР в 1930—1950-е гг.: *Добужинский Мстислав Валерианович* (1875—1957), в эмиграции с 1924 г.; *Петров-Водкин Кузьма Сергеевич* (1878—1939); *Шухаев Василий Иванович* (1887—1973), в эмиграции в 1920—1935 гг.; *Серебрякова* (урожд. *Лансере*) *Зинаида Евгеньевна* (1884—1967), в эмиграции с 1924 г.

[74] Т. Б. Миллер так прокомментировала эти слова (4.VIII.2021): «Училась игре на фортепиано. У меня был преподаватель из консерватории. Играла хорошо, но душа не лежала. Родители очень любили музыку, брали с собой в филармонию. Из протеста я классику возненавидела. Когда мне исполнилось 14 лет, я осмелела и попросила: “Можно больше на музыку не ездить?” Остолбеневшие родители от удивления согласились. С тех пор ни разу не села за инструмент. Как раз тогда появились Битлз, и я совершенно погрузилась в их музыку и в английский язык. До сих пор классический рок — моя любимая музыка».

[75] *Гинзбург Лидия Яковлевна* (1902—1990) — литературовед, мемуаристка; доктор филологических наук (1957). Б. Ф. дружил с нею с конца 1950-х гг. Упомянута книга: *Гинзбург Л. Я.* О лирике. М.; Л.: Советский писатель, 1964. 382 с.; 2-е изд., доп.: 1974. 407 с.

[76] *Корман Борис Ошерович (Осипович)* (1922—1989) — некрасовед, доктор филологических наук (1965), профессор (1967), заведующий кафедрой Борисоглебского пединститута, затем (с 1971 г.) Удмуртского университета. Б. Ф. дружил с Корманом с конца 1950-х гг. Л. Я. Гинзбург, очевидно, хлопотала о книге: *Корман Б. О.* Лирика Н. А. Некрасова. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1964. 390 с. В журнале «Русская литература» рецензий на какие-либо работы Кормана опубликовано не было.

[77] *Николаева Татьяна Алексеевна* (1902—1986) — любимая теща Б. Ф.

[78] *Цаплина* (урожд. *Смолякова*) *Мира Сергеевна* (род. 1937) — двоюродная сестра Софии Александровны Николаевой, жены Б. Ф.

[79] Аня — *Кириллочкина Анна Ивановна*, школьная подруга Софии Александровны. Выйдя на пенсию в конце 1970-х гг., А. И. Кириллочкина обменяла свою комнату в коммуналке на квартиру в Кишиневе и покинула Ленинград.

[80] Реминисценция из «Капитанской дочки» А. С. Пушкина. Ср.: «Не приведи Бог видеть русский бунт, бессмысленный и беспощадный!» (гл. XIII).

[81] *Прокоп — Прокофьев Александр Андреевич* (1900—1971) — советский поэт, в 1945—1948 и 1955—1965 гг. ответственный секретарь Ленинградского отделения Союза писателей РСФСР.

[82] *Костелянец Борис Осипович* (1912—1999) — литературный и театральный критик, литературовед; выпускник филфака ЛГУ (1937), с 1961 г. преподаватель Ленинградского государственного института театра, музыки и кинематографии (с 2015 г. Российский государственный институт сценических искусств).

[83] *Долинина* (урожд. *Гуковская*) *Наталья Григорьевна* (1928—1979) — филолог, педагог, писательница и драматург.

[84] *Чепу́ров Анатолий Николаевич* (1922—1990) — поэт; член Союза писателей с 1948 г. Позднее, в 1975—1990 гг., — первый секретарь Ленинградской областной писательской организации Союза писателей РСФСР.

[85] *Македонов Адриан Владимирович* (1909—1994) — литературовед, журналист, критик, историк литературы, ученый-геолог. Член Союза писателей с 1934 г.;

в 1937 г. был репрессирован и до 1946 г. находился в одном из лагерей на Крайнем Севере.

[86] *«Дракон»* — сказочная пьеса-памфлет Е. Л. Шварца (1942—1944). После первой попытки режиссера Н. П. Акимова поставить ее в Москве в августе 1944 г. она была запрещена на 18 лет. Вторично Акимов осуществил постановку «Дракона» 1962 г. в Ленинградском театре Комедии. Спектакль сохранялся в репертуаре два сезона, пока в 1964 г. вновь не подвергся запрету со стороны партийных органов.

[87] *Бытовой* (наст. фам. *Коган*) Семен Михайлович (1909—1985) — поэт, прозаик и переводчик, журналист.

[88] *Панова Вера Федоровна* (1905—1973) — писательница и драматург; трижды награждалась Сталинской премией (1947, 1948, 1950).

[89] *Некрасов Георгий Александрович* (1913—1990) — поэт; в 1963—1970 гг. был заместителем главного редактора журнала «Нева».

[90] Квартира на проспекте Космонавтов названа «московской», поскольку он пролегает в Московском районе.

[91] *Автово* — исторический район на юго-западе Санкт-Петербурга, расположенный в Кировском районе города на месте допетровской финской деревни Аутова.

[92] Универмаг «Синтетика» (Новоизмайловский проспект, д. 4) открылся в начале 1964 г. (дом был построен в 1963 г.). Это был фирменный магазин целой торговой сети, реализовывавшей товары из пластика. В 1983 г. «Синтетика» превратилась в универмаг «Юность», где появились уже разные отделы. Ныне здесь продуктовый магазин.

[93] *Цурикова Галина Михайловна* (1928—2009) — критик, литературовед; выпускница филфака ЛГУ (1951), старший редактор издательской серии «Библиотека поэта»; впоследствии главный редактор «Новой Библиотеки поэта».

[94] *Авраменко Илья Корнильевич* (1907—1973) — поэт и писатель, журналист, военный корреспондент; в 1958—1961 гг. был главным редактором Ленинградского отделения издательства «Советский писатель».

[95] *Нинов Александр Алексеевич* (1931—1998) — литературовед, критик. Его жена, литературовед *Николаева Лилия Андреевна* (род. 1931), работала редактором «Библиотеки поэта» под началом Б. Ф.

[96] *Шестинский Олег Николаевич* (1929—2009) — поэт, прозаик, публицист, переводчик. В 1971—1973 гг. председатель Ленинградского отделения Союза писателей РСФСР, в 1973—1986 гг. секретарь Союза писателей СССР по работе с московскими авторами.

[97] *Торопыгин Владимир Васильевич* (1928—1980) — писатель; главный редактор литературных журналов «Костер» (1962—1973) и «Аврора» (1973—1977).

[98] *Добролюбов Н. А.* Собр. соч.: в 9 т. М.; Л.: Художественная литература, 1964. Т. 8: Стихотворения. Проза. Дневники. 714 с. Здесь Б. Ф. готовил тексты (на с. 379—390, 403—409, 575—596) и комментировал их (с. 647, 649—651, 679—680).

[99] *Тамарченко* (урожд. *Эмме*) *Анна Владимировна* (1915—2015) — литературовед, театровед, профессор Театрального института в Ленинграде, жена *Тамарченко Григория Евсеевича* (1913—2000); супруги Тамарченко были изгнаны из Свердловского университета за открытую попытку бороться с официальным антисемитизмом, несколько лет были без работы; Б. Ф. сумел привлечь их в качестве почасовиков на кафедру русской литературы в Тарту. В 1978 г. они эмигрировали в США.

[100] *Цаплин Игорь Павлович* — муж Миры Сергеевны.

[101] Т. Б. Миллер вспоминает: «Слепок Нефертити хорошо помню. Стоял на двустворчатом шкафу в бабушкиной комнате рядом с кухней на Загородном. По-

том, когда я уехала в США, не знаю, что с ним стало. Шкаф этот теперь стоит на Загородном в темной комнате. Нефертити там нет» (письмо от 11 марта 2023 г.). По-видимому, это хрупкое изделие не сохранилось.

[102] *Дудин Михаил Александрович* (1916—1993) — прозаик, поэт, переводчик и журналист. С 1965 г. началась его общественная карьера: в 1965—1967 гг. он первый секретарь Ленинградской областной писательской организации Союза писателей РСФСР, в 1986—1991 гг. — секретарь правления Союза писателей СССР, в 1975—1985 гг. — депутат Верховного Совета СССР.

[103] *Гранин* (наст. фам. *Герман*) *Даниил Александрович* (1919—2017) — писатель, киносценарист, общественный деятель. Вступив в 1962 г. в Союз писателей, с 1965 г. был вторым, а в 1967—1971 гг. — первым секретарем Ленинградского отделения Союза писателей РСФСР.

[104] *Капица Петр Иосифович* (1909—1998) — писатель; заместитель главного редактора журнала «Звезда» (1946—1964). В 1965 г. был избран председателем правления Ленинградской писательской организации.

[105] *Тотубалин Николай Иванович* (1908—1977) — доцент филфака ЛГУ, специалист по творчеству А. Н. Островского; партийный активист: был последовательно парторгом кафедры, заместителем секретаря партбюро, заместителем декана, председателем местного комитета ЛГУ, депутатом Василеостровского райсовета.

[106] *Курляндская Галина Борисовна* (1912—2012) — тургеневед, профессор Орловского университета, где преподавала с 1957 г. Б. Ф. отметил в дневнике 20 марта 1964 г.: «Писал предварит<ельный> отзыв о диссертации Г. Б. Курляндской (Орел). Это — 2-й вариант докторской дисс<ертации> “Тургенев-романист”. Диссертация слабенькая, но человек приличный, да и работала много, есть отдельные ценные наблюдения (хотя всё и рассыпается)» (*Егоров Б. Ф.* Дневник за январь — начало мая 1964 года. С. 1031). Полное название диссертации Г. Б. Курляндской — «Метод и стиль Тургенева-романиста».

[107] Речь идет о рукописи книги: *Ломоносов М. В.* Избранные произведения / вступ. статья, подгот. текста и примеч. А. А. Морозова. М.; Л.: Советский писатель, 1965. 579 с. (Б-ка поэта. Большая сер.). *Морозов Александр Антонович* (1906—1992) — литературовед, автор ряда фундаментальных трудов о Ломоносове; фольклорист, переводчик.

[108] То есть дописывал статью: *Егоров Б. Ф.* «Эстетическая» критика без лака и без дегтя (В. П. Боткин, П. В. Анненков, А. В. Дружинин). См. примеч. 39.

[109] *Паперный Зиновий Самойлович* (1919—1996) — литературный критик, литературовед, писатель. Упомянутый разнос в газете «Правда» обнаружить не удалось.

[110] *Грибачев Николай Матвеевич* (1910—1992) — писатель, поэт, переводчик; государственный деятель, партийный ортодокс. Главный редактор журнала «Советский Союз» (1950—1954, 1956—1991), секретарь правления Союза писателей СССР (1959—1991); председатель Верховного Совета РСФСР (1980—1990).

[111] *Эвентов Исаак Станиславович* (1910—1989) — критик, литературовед, мемуарист. 8 сент. 1964 г. Б. Ф. записывал: «Утром читал “Д. Бедного” Эвентова (вступит<ельную> статью) и сокращал болтовню» (см.: *Егоров Б. Ф.* Дневник за август — начало декабря 1964 года. С. 459). Имеется в виду рукопись статьи: *Эвентов И. С.* Поэзия Демьяна Бедного // *Бедный Демьян.* Стихотворения и поэмы / вступ. статья, сост., подгот. текста и примеч. И. С. Эвентова. М.; Л.: Советский писатель, 1965. С. 5—45. (Б-ка поэта. Большая сер.).

[112] *Лотман Виктория Михайловна* (1919—2002) — врач-кардиолог, с 1967 г. зав. отделением Ленинградской клинической больницы АН СССР; старшая сестра Ю. М. Лотмана.

[113] *Гроссман Леонид Петрович* (1888—1965) — литературовед, писатель; доктор филологических наук, профессор. Вскоре после этой защиты, 15 дек. 1965 г., он скончался.

[114] *Федоров Андрей Венедиктович* (1906—1997) — литературовед, переводчик и педагог; в тот период (1963—1979) зав. кафедрой немецкой филологии ЛГУ. Известно, что он принимал участие в заседаниях редколлегии первого издания Полного собрания сочинений и писем Тургенева. (Благодарю за консультацию В. А. Лукину.)

[115] *Бялый Григорий* (при рождении — *Гирш*) *Абрамович* (1905—1987) — литературовед; сотрудник ИРЛИ (1935—1953), преподаватель ЛГУ (с 1936 г.), доктор филологических наук (1939), профессор (с 1949 г.); учитель и старший друг Б. Ф.

[116] Ресторан «Восточный» открылся в 1946 г. на первом этаже главной в Ленинграде интуристовской гостинице — «Европейской» (Михайловская ул., д. 1). Там все оставалось в том же виде, как было устроено в год постройки гостиницы в 1905 г.: большой витраж с Аполлоном, летящим на тройке по розовым облакам, концертная эстрада, кабинеты, отделенные барьерами от главного зала, рассчитанного на 300 мест (еще были антресоли, Банкетный и Красный залы). В «Восточном» собирались представители творческой интеллигенции, фарцовщики, адвокаты, интуристы. Здесь справлялись свадьбы, юбилеи и другие торжества. В 1967 г. ресторану дали новое название — «Садко».

[117] *Пассия Бялого* — по-видимому, его жена *Резниченко Ирина Григорьевна*, гистолог.

[118] *Груздев Александр Иванович* (1908—1981) — литературовед и педагог; доктор филологических наук (1971); заведовал кафедрой истории русской литературы в ЛГПИ им. А. И. Герцена в 1949—1964 гг., позже преподавал там.

[119] Г. П. Макогоненко подтрунивает над научным увлечением Б. Ф., о котором стало широко известно, когда он 17 апр. 1964 г. выступил на «Симпозиуме по комплексному изучению искусства» в ленинградском Доме ученых с докладом «Кибернетика и литературоведение». В начале 1970-х гг. Б. Ф. написал монографию под таким названием, однако издать ее не удалось (он опубликовал только ряд фрагментов из нее уже в 2004—2005 гг.).

[120] К. К. Бухмейер была издательским редактором «Избранных произведений» Ломоносова (см. примеч. 107).

[121] Комментарий Б. Ф. (15.XI.2018): «*Юрий Иванович Снешко* (1925—2011) — мой товарищ ташкентских и ленинградских студенческих лет (1943—1947); после закрытия Ташкентского авиационного института в 1945 г. мы были переведены в Ленинградский институт авиационных приборов; Юрий затем окончил Московский авиационный институт; много лет преподавал в нем и в Московском физико-техническом институте, работал в г. Жуковском в НИИ по испытаниям самолетов. Кандидат технических наук, автор известных монографий; эксперт международных авиационных организаций. Скрипач, джазист».

[122] Братья Б. Ф. — *Егоровы Александр Федорович* (1930—2011), инженер-строитель в закрытой зоне Дивеево, на пенсии живший в Москве, и *Валерий Федорович* (род. 1940), лесничий в Старом Осколе.

[123] См. монографию: *Снешко Ю. И.* Исследования в полете устойчивости и управляемости самолета. М.: Машиностроение, 1971. 328 с., чертежи.

[124] *«Председатель»* — дебютный фильм режиссера А. А. Салтыкова, вышедший на экраны в январе 1965 г. и имевший оглушительный успех. Лента, показавшая реальную послевоенную деревню, прозвучала резким диссонансом на фоне хвалебных картин того времени о сытой сельской жизни («Кубанские казаки» и др.). *Нагибин Юрий Маркович* (1920—1994) — прозаик, киносценарист, журна-

лист, мемуарист. Работая над сценарием картины, он использовал биографические сведения об одном из руководителей партизанского движения в Белоруссии К. П. Орловском, в январе 1945 г. возглавившем колхоз «Рассвет» в своем родном селе Мышковичи Могилевской области, который впоследствии стал первым в послевоенном СССР колхозом-миллионером.

[125] Главный герой, ветеран-инвалид Егор Трубников (в исполнении Михаила Ульянова), жесткий и непреклонный, действует «фронтовыми», «сталинскими» методами, стремясь поскорее вернуть односельчан к нормальной жизни, спасти их. Образ получился неотразимо привлекательным — актер снискал всенародную любовь и в 1966 г. стал лауреатом Ленинской премии. Очевидно, что и Б. Ф., несмотря на его ригористическую оценку, подпал под это обаяние («мечта, а не реальность»).

[126] Подразумевается «панамская афера» — грандиозный финансовый и политический скандал, разразившийся в 1892 г. во Франции во время строительства Панамского канала.

[127] В ежемесячном московском журнале «Советская торговля» (главный редактор Б. И. Гоголь) упомянутый очерк о растратах не появился. Очевидно, что подобная публикация в тот период была в принципе невозможна по цензурным причинам: редкие критические замечания в этом журнале касаются лишь незначительных недостатков в организации торговли.

[128] *Романов Павел Константинович* (1913—1992) — советский партийный и государственный деятель; начальник Главного Управления по охране военных и государственных тайн в печати при Совете Министров СССР (1957—1963, 1966—1986). В рассматриваемый период (с августа 1963-го по октябрь 1965 г.) возглавлял Государственный Комитет Совета Министров СССР по печати.

[129] *Воронков Константин Васильевич* (1911—1984) — малозначительный прозаик, драматург и сценарист; оргсекретарь и секретарь правления Союза писателей СССР (1959—1970), заместитель министра культуры СССР (1970—1978). Писатель-«невозвращенец» Анатолий Кузнецов в интервью западногерманскому журналу «Der Spiegel» 1 сент. 1969 г. заявил, что «в Союзе писателей во главе стоит Константин Федин, ему подчиняются секретари, и главным из них является Константин Воронков из КГБ, который отвечает за идеологические вопросы и ведает личными делами писателей» (цит. по: *Горяева Т. М.* Политическая цензура в СССР, 1917—1991. 2-е изд., испр. М.: Российская политическая энциклопедия, 2009. С. 354).

[130] *Марков Георгий Мокеевич* (1911—1991) — прозаик, сценарист, драматург и журналист; в тот период (1956—1971) занимал должность секретаря правления Союза писателей СССР, затем — первый секретарь правления (1971—1986) и председатель правления (1986—1989).

[131] В. Н. Орлов и Б. Ф. всячески боролись с навязываемой «Библиотеке поэта» сверху идеей печатать так называемых «живых классиков», не без оснований опасаясь, как бы не пришлось в томах серии публиковать малохудожественные произведения авторов, обладающих административным ресурсом.

[132] *Исаковский Михаил Васильевич* (1900—1973) — поэт, прозаик, переводчик. Уникальный случай для книжной серии — том здравствующего автора был утвержден к выходу в 1965 г. и увидел свет: *Исаковский М. В.* Стихотворения / вступ. статья, сост. и примеч. В. С. Бахтина. М.; Л.: Советский писатель, 1965. 510 с. (Б-ка поэта. Большая сер.). Исаковский дважды получал Сталинскую премию, был депутатом Верховного совета РСФСР четырех созывов; к 1965 г. имел по два ордена Ленина и Трудового Красного Знамени. Впрочем, выходу книги в престижной серии посодействовал земляк и друг Исаковского А. Т. Твардовский (член редколле-

гии). См.: Из переписки двух поэтов: А. Т. Твардовский — М. В. Исаковский (1932—1970) / публ. М. И. Твардовской // Дружба народов. 1976. № 7—9.

[133] *Альтман Моисей Семенович* (1896—1986) — филолог, автор трудов по истории античной и русской литературы и сравнительному литературоведению; поэт. В записной книжке Б. Ф. зафиксирован его адрес: ул. Пестеля, д. 13/15, кв. 27. Друживший с ним В. В. Пугачев позднее опубликовал прочувствованный очерк о нем: *Пугачев В. В., Динес В. А.* Моисей Семенович Альтман: «В России не важно, кто император, важно, кто городовой» // *Пугачев В. В., Динес В. А.* Историки, избравшие путь Галилея: статьи, очерки. Саратов: Издат. центр Саратовской гос. экономической академии, 1995. С. 204—207.

[134] Речь идет об изданном в Горьком сборнике статей о Добролюбове (см. примеч. 43). В нем 15 авторов, в том числе и хозяин квартиры М. С. Альтман, поместивший в Приложении к сборнику ценную источниковедческую работу «Русские писатели и ученые в русской литературе XIX века (материалы для словаря литературных прототипов)» (с. 287—340). Статья самого В. В. Пугачева — «К вопросу о политической тактике Добролюбова в годы революционной ситуации» (с. 94—121).

[135] Далее зачеркнуто «прототипов».

[136] Далее зачеркнуто «прототипов».

[137] В 1920 г. Альтман, уроженец Баку, поступил на историко-филологический факультет Азербайджанского университета, где в то время Вяч. И. Иванов возглавлял кафедру классической филологии. В течение без малого четырех лет они дружески встречались и беседовали, и Альтман вел записи этих разговоров. Под руководством Иванова в 1923 г. он защитил выпускную работу «Дремлющие мифы в “Илиаде” Гомера: 1) конский миф, 2) Одиссей в “Илиаде”, 3) числительные в “Илиаде”». Иванов в апреле 1923 г. посвятил Альтману цикл из 3 сонетов.

[138] *Каменев Лев Борисович* (семейная фам. *Розенфельд*; 1883—1936) — революционер, соратник Ленина; советский партийный и государственный деятель. В декабре 1933 г. был назначен директором научного издательства «Academia», но уже через год, после убийства С. М. Кирова, арестован, а впоследствии расстрелян.

[139] Война мышей и лягушек (Батрахомиомахия) / пер. с др.-греч., ввод. статья и коммент. М. С. Альтмана. М.; Л.: Academia, 1936. Приведем тот же рассказ Альтмана о его первом аресте в 1936 г. по его воспроизведению в мемуарном очерке В. В. Пугачева и В. А. Динеса об Альтмане: «Он сдал в печать в Соцэгиз свой перевод знаменитого древнегреческого пародийного произведения “Война мышей и лягушек”. Публикация затягивалась. Переводчик написал директору издательства Л. Б. Каменеву: “Пора кончать «Войну мышей и лягушек»”. Альтман был арестован (вскоре после ареста Каменева), и следователь НКВД орал на него: “Кого Вы подразумеваете под «лягушками» и «мышами»? Нас или оппозицию?” Моисей Семенович пытался пояснить, что это перевод с древнегреческого, но следователь на особом жаргоне (восходящем к матриархату) отрицал подлинность древнегреческого оригинала. И все же, продержав около полугода, Альтмана тогда отпустили. А “Война мышей и лягушек” в его переводе выдержала около 40 изданий» (*Пугачев В. В., Динес В. А.* Моисей Семенович Альтман: «В России не важно, кто император, важно, кто городовой». С. 205).

[140] Издано посмертно: *Альтман М. С.* Разговоры с Вячеславом Ивановым / сост. и подгот. текстов В. А. Дымшица и К. Ю. Лаппо-Данилевского; статья и коммент. К. Ю. Лаппо-Данилевского. СПб.: ИНАпресс, [1995]. *Эккерман Иоганн Петер* (1792—1854) — немецкий писатель, литературовед и поэт. Был другом и секретарем И.-В. Гете, после кончины которого, в 1836—1848 гг., издал трехтомный

труд «Разговоры с Гете в последние годы его жизни, 1823—1832» в жанре застольной беседы.

[141] В 1946 г. поэтессе *Ахмадулиной Белле (Изабелле) Ахатовне* (1937—2010) исполнилось 9 лет.

[142] То есть студентка пересказала текст Постановления оргбюро ЦК ВКП(б) «О журналах “Звезда” и “Ленинград”» от 14 авг. 1946 г., в котором, в частности, упоминались стихотворения А. А. Ахматовой, «пропитанные духом пессимизма и упадочничества» (Правда. 1946. 21 авг. № 198. С. 1).

[143] *Левин Юрий Давидович* (1920—2006) — литературовед, доктор филологических наук (1968), переводчик, член-корреспондент Британской академии (1993), сотрудник ИРЛИ в 1956—1998 гг. Сближению Б. Ф. с Ю. Д. Левиным способствовало то, что его первая жена *Дикман Минна Исаевна* (1919—1989) работала старшим редактором Ленинградского отделения издательства «Советский писатель» под началом Б. Ф.

[144] Речь идет о сборнике статей о Добролюбове (см. примеч. 43). Ю. Д. Левин поместил в нем работу «Статья И. С. Тургенева “Гамлет и Дон-Кихот” (к вопросу о полемике Добролюбова и Тургенева)» (с. 122—163).

[145] *Могила* — дружеское прозвище *Могилянского Александра Петровича* (1909—2001), литературоведа, специалиста по творчеству И. А. Крылова и А. Ф. Писемского, автора работ по теории литературы, эстетике, истории русского литературного языка. Он работал в ИРЛИ в 1931, 1934—1941, 1951—1970 гг.

[146] *Безъязычный Владимир Иосифович* (1925—1996) — доцент, кандидат филологических наук, краевед; преподавал общую библиографию.

[147] В. И. Безъязычный не принимал участия в подготовке книг «Библиотеки поэта».

Библиографический список

1. *Альтман М. С.* Разговоры с Вячеславом Ивановым / сост. и подгот. текстов В. А. Дымшица и К. Ю. Лаппо-Данилевского; статья и коммент. К. Ю. Лаппо-Данилевского. СПб.: ИНАпресс, [1995].
2. *Горяева Т. М.* Политическая цензура в СССР, 1917—1991. 2-е изд., испр. М.: Российская политическая энциклопедия, 2009.
3. *Евтушенко Е.* Качка. Лондон: Flegon Press, 1966.
4. *Евтушенко Е.* Я сибирской породы. Иркутск: Восточно-сибирское издательство, 1971.
5. *Егоров Б. Ф.* Воспоминания-2. СПб.: Росток, 2013.
6. *Егоров Б. Ф.* Дневник за август — начало декабря 1964 года / вступ. статья, подгот. текста и коммент. А. П. Дмитриева // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2021 год. СПб.: Росток, 2021.
7. *Егоров Б. Ф.* Дневник за май — начало августа 1964 года / вступ. статья, подгот. текста и коммент. А. П. Дмитриева // Литературный архив советской эпохи. СПб.: Росток, 2020. Кн. 2.
8. *Егоров Б. Ф.* Дневник за январь — начало мая 1964 года / вступ. заметка, подгот. текста и примеч. А. П. Дмитриева // Острова любви БорФеда: сборник в честь 90-летия Бориса Федоровича Егорова / ред.-сост. А. П. Дмитриев и П. С. Глушаков. СПб.: Росток, 2016.
9. *Егоров Б. Ф.* Жизнь С. А. Николаевой (типичное и личное). СПб.: Нестор-История, 2008.

10. Из переписки двух поэтов: А. Т. Твардовский — М. В. Исаковский (1932—1970) / публ. М. И. Твардовской // Дружба народов. 1976. № 7—9.
11. *Каверин В. А.* Литератор. М.: Советский писатель, 1988.
12. О журналах «Звезда» и «Ленинград»: из постановления ЦК ВКП(б) от 14 августа 1946 г. // Правда. 1946. 21 авг. № 198.
13. Письма Дмитрия Дмитриевича Шостаковича: с комментариями и воспоминаниями адресата. СПб.: Композитор, 2016.
14. *Пугачев В. В., Динес В. А.* Моисей Семенович Альтман: «В России не важно, кто император, важно, кто городовой» // *Пугачев В. В., Динес В. А.* Историки, избравшие путь Галилея: статьи, очерки. Саратов: Издат. центр Саратовской гос. экономической академии, 1995.
15. *Эткинд Е.* Записки незаговорщика. London: Overseas Publications Interchange, 1977.

DOI: 10.31860/978-5-918680-384-548-553

А. Ю. Чернов

О ГОРБИ
(история одного автографа и прочие заметки)

Его звали «Минеральный секретарь». Считалось, что за антиалкогольную кампанию середины 80-х. (Только он не был ее инициатором — это лигачевский проект.) Говорят, что прозвище это в узком кругу партийной верхушки пошло раньше: до перевода в Москву Горбачев был ставропольским первым секретарем, и в Минводах (Минеральных Водах!) в неофициальной обстановке принимал всю верхушку Политбюро. Когда в 1996 г. опальный Горбачев выставил свою кандидатуру на пост президента России, питерские власти во главе с Собчаком не допустили его ни на один завод, кроме завода минеральных вод и безалкогольных напитков «Полюстрово». Это был жест унижения, но он поехал. Я тогда был в Питере одним из его доверенных лиц. После того лета мы стали общаться.

А вот слово «генсок» до него не доходило. Услышав его от меня, он на секунду замер, а потом выдал тираду. Она мне так понравилась, что я извлек из сумки папку, а из папки чистый лист. И попросил перенести сказанное на бумагу. Расписаться и поставить число.

— А зачем тебе?

— Так, может, книжку писать стану...

— И ты тоже?.. (Вздохнул.) Ну, давай...

> «Андрей! Ты не прав! Никакой я не ГенСок! Ты — совок, а я, получается, Генсовок! Вот так! М. Горбачев. 21.02.01».

— Опубликовать могу?

— Валяй, если надо.

Автограф передан мною в Рукописный отдел Пушкинского Дома. Пока это единственный горбачевский автограф в собрании ИРЛИ РАН.

* * *

В 96-м мы с режиссером Николаем Беляком стали его доверенными лицами на выборах в президенты России: так вышло, что в Питере все статусные персоны под разными предлогами отказались, ну и уперлось в нас, нестатусных, но желающих помочь ему в безнадежной этой затее. (Юрий Черниченко тогда мне сказал: мол, это все равно, что се-

© Чернов А. Ю., 2023

годня поддерживать Екатерину II.) Но, прежде чем принять его предложение, написали письмо, спросили, мол, сможет ли он сказать, что не собирался демонтировать постройку, но, став генсеком, скоро убедился, что стена грозит обрушиться даже от прикосновения малярной кисти.

Горби позвал нас в Москву, в свой фонд, и поинтересовался: «А вы откуда это знаете?»

Так это ж было видно...

Летом 1996-го, за несколько дней до проигранных им выборов, Горбачев в аэропорту «Пулково» сказал о главном своем политическом сопернике: «Чудище косматое. Ни ума, ни морали. Один звериный инстинкт». Сказал шепотом перед тем, как выйти на взлетное поле.

* * *

Он поставил на свободу. И дал ее. Понимая силу тоталитарной системы, он шел очень осторожно. Делал шаг вперед, когда ситуация позволяла. И зубы заговаривал. И отступал, если аппарат начинал кипеть. И с Сахаровым на съезде тот же случай. Дал ему слово, съезд начал улюлюкать, но Андрей Дмитриевич продолжал говорить. Когда зал накалился до критической массы (не раньше!), Горби отключил микрофон. Но чем дальше, тем движение всё более замедлялось, и он всё чаще отступал. Уход Шеварднадзе и Яковлева был уже бедой. Аппарат пересиливал. Рассчитывал поквитаться с реакционерами в Ново-Огареве. Но грянуло 19 августа. Его уникальность в том, что он был и то, и другое одновременно. Он считал себя ленинцем, но при этом остался честным и совестливым, с неубитой душой человеком из народа. Система проморгала своего могильщика.

* * *

Простоквашино — не только деревня из сказки Эдуарда Успенского, но и названный в честь нее самый дальний микрорайон Питера. Здесь, в ближайшем к Москве ленинградском доме (огромное, как белый корабль, общежитие, которое хорошо видно из поезда Москва — Петербург), проживал некто гражданин Шмонов, член Колпинского народного фронта.

7 ноября 1990 года на Красной площади, во время демонстрации трудящихся (последней при советской власти), он из дальнего ряда, почти от ГУМа, стрелял в Горбачева. Дробью из обреза. (Говорят, одна дробина даже ухитрилась попасть в мавзолей.)

Я работал тогда корреспондентом «Московских новостей» по Ленинграду. Утром 8 ноября ребята из Колпинского народного фронта (а было их всего-то человек двадцать) рассказали мне, что Шмонов куда-то пропал еще полгода назад. И пообещали достать его фотографию. Я спросил, вызвали ли их уже «на беседу»? Они удивленно пожали плечами: «Нет, из органов никто не объявлялся...»

Всё стало ясно и до жути просто.

Я написал заметку «Террорист из Простоквашина». Про то, что теперь Шмонова объявят сумасшедшим и судить, конечно, не будут. А еще опубликовал фотографию (колпинцы не подвели), снятую ровно за год до того выстрела: слесарь Шмонов на колпинской демонстрации несет плакат в поддержку перестройки. Я писал, что Горбачев повторяет ошибку Александра II — медлит и рискует не вписаться в поворот истории.

Через несколько лет я спросил у Горбачева, видел ли он с трибуны эту стрельбу, и услышал:

— Ну, конечно, они так показательно его скрутили... Это они на меня давили, чтобы показать, как они мне нужны.

Я спросил, читал ли он тогда мою заметку в «МН»?

Он удивился:

— Нет, Болдин мне не показал.

До сих пор Михаил Сергеевич считает,[1] что виной всему слишком быстрый темп реформ:

— Надо было идти медленней. Как в Китае...

(А простоквашинский чебурашка из психушки освободился. За распадом Союза. И опять ходит на демократические митинги, где всем желающим раздает брошюру: *Шмонов А. А.* Как и почему я стрелял в главаря тоталитарного государства М. Горбачева. Выпущена в 2001-м. Тираж 30 тысяч экземпляров. Википедия о нем пишет: «Ныне бизнесмен и правозащитник».)

* * *

31 августа 2022 г. украинский полковник, бывший актер, спикер, психолог и т. д. Алексей Арестович в эфире у Фейгина заявил: мол, он, еще шестнадцатилетний, понял, что МС в Форосе «был в сговоре или в полусговоре с гекачепистами».

...Ну да, а инсульт у РМ случился потому, что муж даже ей о своем сговоре с путчистами не рассказал.

Три десятилетия назад тот мальчик был очень наивным. С годами вино наивности превратилось в уксус амбициозной, но рутинной конспирологии, игнорирующей весь расклад информации, начиная с того факта, что через день в Новоогареве должно было состояться подписание нового Союзного договора, а это ставило крест на карьере заговорщиков. И они про то знали.

* * *

Я спрашивал у него, что значили его слова, сказанные журналистам у трапа самолета, на котором он вернулся из Крыма. Слова эти попали в программу «Время»: «Всего я вам всё равно не скажу».

---

[1] Очерк был получен редакцией Ежегодника до кончины М. С. Горбачева. — *Ред.*

— Так я права не имею. Я же носитель гостайны.
— Но поняли-то как «не вашего ума дело!»
Он удивился.

* * *

Странный какой-то имперец. Говорит: «Мол, я отдал Прибалтику, Германию, Чехословакию?.. Так кому я отдал Германию? Немцам и отдал...»

* * *

Однажды он спросил: «А можешь мне Галича достать? А то мне Андропов только Визбора ставил...» В студии «Московские окна» мне скопировали шесть парижских кассет. Через несколько дней в Горбачев-фонде я их передал. Он быстро извлек откуда-то из-под стола свой кейс, раскрыл его и инстинктивно оглянулся за закрытую дверь кабинета. Мне показалось, что мне это показалось. Но через несколько дней в том же кабинете по какому-то поводу он нарочно громко произнес в направлении потолка: «Мы ничего противозаконного не замышляем!..» Он знал, что его слушают.

* * *

Нельзя сказать, что голос масс верхи совсем не слышали. Слышали, но своеобразно. Когда в разговоре о кремлевских похоронах начала 80-х я употребил выражение «гонки на лафетах», он заметил: «У нас в Политбюро говорили “едешь на лисапеде”». В моем стихотворении о мавзолейных старцах обратил внимание на строку «Ветеранов ондатровых лики на заднике данном...» и дал справку: «При мне ондатровых шапок уже не было».

* * *

Когда Ельцин назначил преемника, Горби был в Индии. Вернулся через несколько дней. Первой же его фразой было: «Ну что? Не худший вариант?.. Но ме-е-е-лкий...» Я заспорил: «Стратегическая ошибка. Мелкий на этом месте — это и есть самый худший». Он перевел тему на Ладогу.

* * *

О Берестове и Горбачеве. Когда во время перестройки литфондовское начальство делало все, чтобы дача Чуковского в Переделкине не стала музеем, Валентин Берестов написал письмо Горбачеву. Через несколько дней ему позвонили из ЦК КПСС и сказали, что письмо получено, но есть некоторые сомнения, поскольку родственники Пастернака тоже ходатайствуют о музее. И вообще, почему надо начинать именно с Чуковского? Далее разговор был таким:

— Скажите Михаилу Сергеевичу, что Пастернака в СССР знают все грамотные люди, а Чуковского все грамотные и все неграмотные.

— Как, разве в нашей стране есть неграмотные?

— Ну, конечно, есть. Дети от двух до пяти.

Трубка захрюкала. Берестов понял, что помощник так и доложит генсеку.

Я не проверял, но, судя по результатам этого собеседования, он так и доложил.

Через несколько лет мне повезло познакомить ВБ и МГ. Но про то письмо мы так и не вспомнили.

* * *

Шея — замужняя дама, если верить народному рассуждению про то, что мужчина — голова, а женщина — шея, которая этой головой вертит. М. С. Горбачев однажды заметил нам с Димой Крымовым: «Только частая смена партнеров может помешать шее выполнять ее функцию».

* * *

Однажды он спросил, мол, правда ли летописи подделаны, как это доказывает... ну тот, забыл фамилию... тот академик-математик? И древних актов нет? Я понял, что речь о Фоменко и предложил хоть завтра поехать на Фрунзенскую к Сергею Владимировичу Мироненко. Мол, на территории его архива стоит трехэтажный особняк Архива древних актов. МГ задумался, а я, дурак, сообщил, что все мы становимся дураками, когда переходим порог своей компетенции. «И относится это и к дворнику, и к президенту, и к генеральному секретарю». — «Нет, в генеральному секретарю не относится». — «Почему?» — «А потому что у него полномочия неограниченные».

* * *

А свела нас Старая Ладога. «Русское видео» устраивало прием в честь кандидата в президенты России, и я со стаканом в руках вместо тоста рассказал про Олегову могилу на берегу Волхова. Ну рассказал и рассказал. А когда стали расходиться, в коридоре кто-то набежал сзади и под руку увлек меня вперед (так школьники делают на переменках). И я услышал: «Что, правда тот самый Вещий Олег, про которого у нас в тетрадках было стихотворение на задней обложке?» И он продекламировал: «Как ныне сбирается...» Когда с Сергеем Мировым снимали очередной (второй или третий) фильм о Старой Ладоге, первой русской столице, Горби помогал собирать деньги на финансирование археологической экспедиции Евгения Рябинина и согласился сняться в фильме. И даже надеть большие черные очки ювелира (чтобы в кадре его сразу нельзя было узнать). Рассматривая рябининские

находки, охнул, увидев любшанские пружинные ножницы VIII века: «Я же такими в войну овец стриг!..»

После съемки состоялся такой диалог:

Миров: — Ой, спасибо, Михал Сергеевич, как вы здорово нам подыграли!

М. С. Г.: — Так ведь сорок лет в театре.

Мы с Мировым: — В каком-таком театре?

М. С. Г.: — В театре абсурда. В политическом.

* * *

Мой сын Сашка сегодня вспомнил слова, которые МГ сказал ему, школьнику: «Оставаться человеком можно при любых обстоятельствах». Не знаю, было ли это парафразом булатовских строк «...Может, и не станешь победителем, / Но зато умрешь, как человек».

III. ТЕКСТОЛОГИЯ

DOI: 10.31860/978-5-918680-384-557-676

К 200-летию со дня рождения
А. Н. Островского

ТРАГЕДИЯ «АНТОНИЙ И КЛЕОПАТРА» У. ШЕКСПИРА В ПЕРЕВОДЕ А. Н. ОСТРОВСКОГО (ИЗ ФОНДОВ ПУШКИНСКОГО ДОМА)

(Вступительная статья, подготовка текста и комментарии Н. К. Ильиной и И. А. Овчининой)

Аннотация: Публикация текста чернового автографа А. Н. Островского призвана ввести в научный оборот незавершенный перевод трагедии У. Шекспира «Антоний и Клеопатра». Изучение автографа дает возможность выявить, как проходила работа над переводом, как прозаический текст начинал обретать стихотворную форму, как подбирались русские слова и выражения, адекватные подлиннику.
Ключевые слова: У. Шекспир, «Антоний и Клеопатра», А. Н. Островский, перевод, автограф, рукопись А.

Abstract: The publication of A. N. Ostrovsky's chirograph containing the draft variant of his unfinished translation of W. Shakespeare's *Antony and Cleopatra* is intended to make it available to scholars. The interlinear translation study might reveal the translation process, the way the prosaic text is turned into poetic lines, as well as the choice of the Russian words and expressions which are adequate to the original text.
Keywords: W. Shakespeare, *Antony and Cleopatra*, A. N. Ostrovsky, translation, chirograph, manuscript A.

В фондах Рукописного отдела ИРЛИ (Пушкинский Дом) хранится черновой автограф А. Н. Островского с незаконченным переводом трагедии Уильяма Шекспира «Антоний и Клеопатра».[1] В качестве переводчика Островский дважды обращался к творчеству Шекспира: в начале литературной деятельности, в 1850 г., он сделал прозаический перевод комедии Шекспира «The Taming of the Shrew», назвав его «Укрощение злой жены», а через 15 лет на его основе создал про-

[1] «Антоний и Клеопатра», трагедия У. Шекспира. Перевод с англ. яз. А. Н. Островского // РО ИРЛИ, фонд А. В. Никитенко, архив М. С. Шателен, № 23039, л. 1—44.

© Ильина Н. К., Овчинина И. А., 2023

зиметрический перевод под названием «Усмирение своенравной».[2] Когда готовилось четвертое издание полного собрания произведений У. Шекспира в переводах русских писателей, в письме к А. Ф. Дамичу от 28 июля 1885 г. Островский попросил оставить за ним перевод трагедии «Антоний и Клеопатра» Шекспира: «Я английский язык знаю порядочно и перевесть всякую пьесу могу легко; но с Шекспиром очень осторожен: для каждой английской фразы можно найти десяток русских фраз, но я стараюсь выбрать из этого десятка самую подходящую».[3]

Работа над переводом длилась около месяца с перерывами: с 1 окт. по 18 дек. 1885 г., а затем 14 марта, 4, 8, 9 и 10 апр. 1886 г. в Москве; последний раз драматург работал над переводом 31 мая в имении Щелыково под Костромой. Известно, что 2 июня, «в это последнее утро своей жизни он просматривал прозаический перевод пьесы “Антоний и Клеопатра” Шекспира, думая впоследствии переложить его в стихи».[4]

Драматург назвал свой перевод «Уроками английского языка». Дело в том, что к переводу шекспировской трагедии он привлек двух англичан в качестве консультантов: Фанни Дэмери (Fanny Damery), которой было заплачено 300 рублей,[5] и актера Василия Фомича Ватсона. Островский специально оговорил в письме А. Ф. Дамичу дополнительные 100 рублей для уплаты консультанту, чтобы перевод был «безукоризненным».[6]

Островский успел перевести три действия трагедии, а также первую и начало второй сцены 4-го действия. На рукописи, в левой части л. 2, Островский записал: «Мой перевод». Характерно, что драматург каждый раз, когда занимался переводом, ставил дату. Все, что записано справа, на том же л. 2 отмечено: «Пересмотр и разбор перевода с В. Ф. Ватсоном». Чтобы создать точный подстрочник, он взял 13 уроков у Дэмери и Ватсона, отмечая на полях справа номер урока и дату. Даты перевода и записей, сделанных справа, не совпадают, так как первоначально переведенный текст Островский позже просматривал вместе с консультантом, выверяя его на точное соответствие подлиннику, проясняя отдельные трудные места. Перевод предваряется указанием Островского на оригинальные издания произведений Шекспира, которые он использовал в своей работе.[7]

---

[2] *Шекспир У.* Усмирение своенравной: комедия в пяти действиях / перев. А. Н. Островского // Современник. 1865. Т. 111, № 11/12. Отд. I. С. 25—120.

[3] *Островский А. Н.* Полн. собр. соч.: в 12 т. М.: Искусство, 1978. Т. 12. С. 371.

[4] *Ревякин А. И.* А. Н. Островский в Щелыкове. М.: Всероссийское театральное общество, 1978. С. 225.

[5] *Яковлев Н. В.* Островский — переводчик «Антония и Клеопатры» Шекспира // А. Н. Островский: Новые материалы. Письма. Труды и дни. Статьи. Л.: Гос. изд-во, 1924. С. 179.

[6] *Островский А. Н.* Полн. собр. соч.: в 12 т. Т. 12. С. 371.

[7] «Антоний и Клеопатра» Шекспира. Перевод с экземпляров: 1) The works. William Shakespeare; containing his plays and poems, from the text of the editions by

Текст перевода трагедии «Антоний и Клеопатра» написан карандашом на 22 двойных листах большого формата разного цвета. Левая часть каждого листа предназначена для основной работы, а правая сторона — для исправлений, дополнений, различных помет. Исключение составляет последний двойной лист, где текст перевода записан справа. В нескольких местах рукописи справа есть стихотворные наброски — первые попытки превратить прозаический подстрочник в стихи. Кроме этого автографа в Рукописном отделе Пушкинского Дома хранится писарская копия 1-го урока (рукопись Б), а также беловой автограф (рукопись В), содержащий список действующих лиц и начало первого действия (две ремарки и первые 7 стихов монолога Филона), и черновой автограф, представляющий собой стихотворный перевод XI и XII сцен третьего действия (рукопись Г). Вероятно, именно эти две сцены рукописи Г Островский планировал напечатать в юбилейном сборнике Московского Общества любителей российской словесности (1811—1886), так как в письме от 6 мая 1886 г. он просил у А. Ф. Дамича разрешение поместить в этом сборнике сцену из своего перевода трагедии Шекспира «Антоний и Клеопатра»: «Я думаю, что это не только не повредит Вашему изданию, а еще будет хорошей рекламой».[8] Переведенные стихами сцены были напечатаны только в 1891 г., о чем упоминает Н. В. Яковлев в статье «Островский — переводчик “Антония и Клеопатры” Шекспира»: «По-видимому, с перебеленного списка с этой рукописи эти сцены были напечатаны в “Сборнике Общества Любителей Российской Словесности на 1891 год” (М., 1891. С. 77—82). На это указывает, помимо сходства текстов, повторение допущенной самим Островским ошибки в нумерации сцен: он первоначально правильно обозначил первую в рукописи сцену как XI, но затем почему-то взял цифру XI в скобки и рядом поставил цифру IX. Из-за этого при переписке и затем в печати следующая сцена была обозначена как X, хотя у самого Островского здесь не стоит никакого обозначения, а оставлен пропуск. Сверка этого печатного текста с рукописью обнаруживает очень много грубых ошибок, возможных только при самом невнимательном отношении к оригиналу, что делает безусловно необходимым его переиздание. Параллельное сличение этого стихотворного перевода с соответствующим местом прозаического перевода (листы 18—19 рукописи А) и дает нам наглядную картину работы Островского, как переводчика-перелагателя».[9]

Charles Knight. London: H. G. Born, York street, Covent Garden. 1862; 2) The handy-volume. W. Shakespeare, vol. IX. Bradbury, Evans and co. 11. Bonverie street, London. E. C. 1867 // РО ИРЛИ, № 23039.

[8] *Островский А. Н.* Полн. собр. соч.: в 12 т. Т. 12. С. 477.

[9] *Яковлев Н. В.* Островский — переводчик «Антония и Клеопатры» Шекспира // А. Н. Островский: Новые материалы... С. 181.

Отдельные стихи так и остались набросками будущего стихотворного текста: например, слова Филона в самом начале трагедии о любви Антония к Клеопатре (действие I, сцена 1-я), начало диалога Клеопатры с евнухом Мардианом (действие I, сцена 5-я), а также песня, прославляющая Вакха (действие II, сцена 7-я).

Стремление к точности в передаче оттенков смысла лексических единиц и выражений, а также структуры предложений приводит к тому, что подстрочник получается подчас излишне многословным. Однако, судя по тем исправлениям, которые Островский успел сделать, можно с уверенностью говорить о том, что он стремился в немногих фразах передать как смысл, так и конструкцию предложений, близкую той, которая употреблена на языке оригинала.

Рукопись В[10]

АНТОНИЙ И КЛЕОПАТРА

Перевел А. Островский

Действующие лица

Марк Антоний, Октавий Цезарь М. Эмилий Лепид	триумвиры
Домиций Энобарб Вентидий, Эрос, Скар, Дерцета, Д<е>метрий, Филон	сторонники Антония
Меценат, Агриппа, Долабелла, Прокулей, Тирей, Галл	сторонники Цезаря
Мена, Менекрат, Варрий	сторонники Помпея

Тавр, военачальник под командой Цезаря
Кан<и>дий, военачальник под командой Антония
Силий, центурион в войске Вентидия
Эйфроний, посол Антония к Цезарю

[10] Антоний и Клеопатра», трагедия У. Шекспира. Перевод с англ. яз. А. Н. Островского // РО ИРЛИ, № 23039, л. 49—50.

Алексас
Мардиан, евнух
Селевк
Агамед
} придворные Клеопатры
Колдун.
Шут.
Клеопатра, царица Египта
Октавия, сестра Цезаря, жена Антония
Хармиан
Ира
} прислужницы Клеопатры
Центурионы, воины, гонцы и разная дворцовая прислуга

Действие происходит в разных странах Римской Империи.

Действие I

Сцена I

Александрия. Комната во дворце Клеопатры.
Входят:[11] *Деметрий и Филон.*

Ф и л о н

Сказать по правде, наш великий вождь
Любовью ослеплен превыше меры.
Его глаза, которые, бывало,
Пред стройными рядами войск, как Марс,
Блистающий оружием, сверкали,
Теперь рабы смуглянки и не смеют
Свести с нее свой раболепный взгляд.

[11] *Слово исправлено из первоначального*: Выходят

У. ШЕКСПИР. АНТОНИЙ И КЛЕОПАТРА

Пер. А. Н. Островского. <Черновая редакция>

<Действие I>

Сцена I

Александрия в Египте. Зала во дворце Клеопатры.
Входят: Деметрий и Филон.

Филон

Сказать по правде, эта слепая[1] любовь нашего генерала превосходит всякую меру.[2] Его воинственные глаза перед войсками, поставленными в боевой порядок,[3] блистали, как вооруженны<й>[4] бог Марс, теперь рабы смуглого лица, они не смеют отвлечь от него своих рабских взглядов.[5]

Глаза героя[6]
Пред стройными рядами войск, как Марс,
Блистающий оружием, сверкали,
Теперь рабы смуглянки и не смеют
Свести с нее свой раболепный взор.[7]

Это боевое сердце, которое, в жару сражения, не могли сдерживать пряжки лат, утратило свой могучий закал; и теперь для цыганки[8] оно служит веером и мехами,[9] чтобы утишать ее похотливый жар.

Утратив свой жар, мехами стало
И веером для утоленья жара
Цыганки.[10]
Глядите, вот они идут.

Трубы. Входят Антоний и Клеопатра, за ними свита, евнухи машут веерами перед царицей.

Филон
(продолжает)

Рассмотрите повнимательнее и в одной из трех колонн, поддерживающих мир, вы увидите игрушку развратной женщины.[11] Глядите и увидите.

Клеопатра

Если это любовь, то скажи мне, в какой степени.[12]

Антоний

Жалка та любовь, которой можно сделать точную оценку.
О, тщетна, тщетна[13] та любовь, коль можно
Учесть[14] ее.[15]

Клеопатра

Я[16] назначу[17] границу любви,[18] как далеко она может простираться.
Твоей любви границы
Определю сама я, далеко ли
Идет она.[19]

Антоний

В таком случае тебе надо будет открыть новое небо и новую землю.

Входит слуга.

Слуга

Новости из Рима, господин мой.

Антоний

Какая досада! В чем дело?[20]

Клеопатра

Выслушай их[21] Антоний. Может быть, Фульвия разгневалась, или, кто знает, не безбородый ли Цезарь, объявляющий тебе свои высочайшие повеления,[22] послал сказать тебе: «Делай то, или другое; покори такое-то государство, освободи такое-то, повинуйся, или мы устроим тебе погибель».[23]

Антоний

Что ты,[24] моя[25] милая.[26]

Клеопатра

Может быть, и[27] еще[28] вероятнее,[29] он запрещает тебе[30] оставаться здесь долго; Цезарь посылает тебе[31] отставку,[32] выслушай,[33] Антоний. Где же приказ[34] Фульвии[35] с Цезарем, хочу я сказать, ну обоих?[36] Позови[37] послов.[38] Ты краснеешь, Антоний, это так же верно, как то, что я царица Египта, и эта краска в лице[39] есть твое благоговение[40] перед Цезарем, или,[41] так[42] щека твоя отвечает стыдом,[43] когда визгливый голос Фульвии тебя ругает. Гонцов![44]

Антоний

Пусть Рим провалится в[45] Тибр, пусть громадный[46] свод[47] государства[48] рухнет. Вот моя вселенная; все царства не что иное, как глина: и грязная[49] земля питает безразлично человека и скота. Самое высокое назначение жизни — это делать то, что я делаю теперь[50] *(обнимает Клеопатру)*. Когда натура соединила такую пару, как мы,[51] и[52] я ручаюсь страхом наказанья, что эта пара не имеет[53] себе равных.

Клеопатра

Усладительная[54] ложь! Зачем муж[55] Фульвии не любил ее? Я не так глупа,[56] я должна казаться[57] глупее, чем я есть.[58] Антоний останется всегда самим собою.

Антоний

Да; пока он будет наэлектризован[59] Клеопатрой. Но, во имя любви и ее сладких часов, не станем терять время в[60] резких спорах.[61] Теперь[62] ни одна[63] минута нашей жизни[64] не протечет[65] без[66] удовольствия.[67] Какая[68] забава[69] сегодня вечером?

Клеопатра

Выслушай гонцов.[70]

Антоний

Фи! Царица спорщица,[71] к[72] которой идет[73] все: и упреки[74] и смех и слезы; и у которой все страсти заставляют любить себя и[75] восторгаться[76] ими. Никаких гонцов.[77] Твой и ничей больше,[78] сегодня вечером, мы с тобой обойдем улицы[79] и будем[80] наблюдать[81] обычаи[82] обывателей. Пойдем, моя царица, вчера вечером ты сама[83] желала этого.[84] Не[85] <говори>[86] ничего.

Антоний, Клеопатра и свита уходят.

Деметрий

Неужели Антоний[87] так относится[88] к Цезарю?

Филон

С ним случается иногда, когда он сам не свой, т. е. когда он перестает быть Антонием,[89] у него не хватает тех качеств, которые должны быть всегда с ним.[90]

Деметрий

Мне прискорбно, что он оправдывает ненавистные толки, которые ходят[91] на его счет в Риме; но я буду надеяться[92] завтра он будет вести себя с бóльшим достоинством. Прощайте, будьте счастливы.[93]

Уходят.

Сцена II

Другая комната во дворце.
Входят Хармиан, Ира, Алексас и колдун.

Хармиан

Господин Алексас, прекрасный Алексас, несравненный Алексас, олицетворенное совершенство, где колдун,[94] которого вы так хвали-

ли[95] царице? Ой! Не желала бы я знать этого мужа,[96] у которого,[97] как вы говорите, будут[98] разрастаться рога.[99]

А л е к с а с

Колдун!

К о л д у н

Что вам нужно от меня?

Х а р м и а н

Это ты[100] — все-то знаешь?[101]

К о л д у н

В[102] книге таинств природы я могу[103] прочесть кой-что.

А л е к с а с
(Хармиан)

Покажи ему руку.

Входит Э н о б а р б.[104]

Э н о б а р б

Принесите скорее сластей[105] и побольше вина.[106] Мы будем пить за здоровье Клеопатры.

Х а р м и а н
(колдуну)

Пошли[107] мне счастья.[108]

К о л д у н

Я этого не могу,[109] я только предсказываю.

Х а р м и а н

Ну, хорошо, так постарайся предсказать хорошую <будущность>.

К о л д у н

Вы будете еще красивее, чем вы теперь.

Х а р м и а н

В отношении наружности.[110]

И р а

Нет, он хочет сказать, что ты станешь[111] румяниться, когда будешь старухой.

Х а р м и а н

От морщин меня избавь.[112]

Алексас

Не перетолковывайте его предсказания.[113] Будьте внимательны.

Хармиан

Тс, тише!

Колдун

Ты будешь[114] достойна большей любви,[115] чем тебя будут любить.

Хармиан

Я предпочту горячить свою[116] печень[117] вином.

Алексас

Слушайте его!

Хармиан

Ну,[118] предскажи мне какую-нибудь будущность[119] обольстительную.[120] Пусть[121] выйду[122] замуж за трех царей в одно и то же утро и[123] овдовею от всех.[124] Пусть[125] <буду> иметь в пятьдесят лет ребенка, которому Иудейский Ирод станет[126] поклоняться,[127] отыщи у меня, что я[128] <смогу> выйти замуж за Октавия Цезаря и сравняться с моей повелительницей.

Колдун

Ты последуешь за госпожой, которой служишь![129]

Хармиан

О, превосходно. Для меня лучше долгая жизнь, чем фиги.

Колдун

Ты видела и испытала[130] дни более счастливые, чем те, которые тебя ожидают.

Хармиан

Так, может быть, мои дети будут без имен.[131] Скажи, прошу тебя, сколько мальчиков и девочек я должна иметь.

Колдун

Если бы каждое твое желание имело[132] чрево[133] и каждое[134] твое помышление[135] имело[136] оплодотворяющую[137] силу,[138] ты бы имела их миллион.

Хармиан

Пошел,[139] глупый! Как колдуна я тебя прощаю.

А л е к с а с

Ты думаешь, что только одни простыни служат поверенными твоих желаний?

Х а р м и а н

Ну, теперь[140] скажи Ире ее будущее.

А л е к с а с

Мы все хотим знать свою судьбу.

Э н о б а р б

Моя судьба да и других многих заключается в том, что мы сегодня вечером пойдем спать пьяными.

И р а

(протягивая руку)

Вот рука, которая[141] означает непорочность.

Х а р м и а н

Да, так же как разлив Нила предсказывает голод.

И р а

Молчи ты,[142] буйная товарка,[143] ты не умеешь[144] предсказывать.

Х а р м и а н

Если мокрые руки не предвещают плодородия, так я точно ничего не знаю.[145] Предскажи ей счастье[146] будничное.[147]

К о л д у н

Ваша судьба одинакова.

И р а

Но в чем, в чем? Скажи мне подробности.

К о л д у н

Я сказал.

И р а

Как же, я не буду иметь счастья и на[148] дюйм[149] больше ее.

Х а р м и а н

Ну, а если б ты имела счастья на палец больше,[150] где бы ты его желала?[151]

И р а

Конечно, не в носу[152] моего мужа.

Х а р м и а н

Небо, исправь наши дурные помыслы. Алексас, теперь твой черед. *(Колдуну)* Ну, скажи ему его будущее. Пусть он женится на полене! Благая Изида, я умоляю[153] тебя, пусть умрет у него эта жена, а потом пошли ему[154] другую еще хуже первой, а после нее еще хуже до тех пор, пока худшая из всех проводит со смехом в могилу своего мужа, пятьдесят раз рогатого. Благодетельная Изида,[155] услышь мою молитву,[156] лучше откажи мне в чем-нибудь гораздо более важном. Молю тебя, благая Изида.[157]

И р а

Да будет! Внемли[158] молитвам народа, дорогая богиня,[159] потому что, если неприятно видеть хорошего человека, женатого на неверной жене,[160] еще печальнее[161] видеть негодного повесу[162] не рогатым;[163] итак, добрая Изида, будь справедлива и пошли[164] ему участь[165] такую, которую он заслуживает.

Х а р м и а н

Да будет!

А л е к с а с

Ну, вот подите! Если б зависело от них сделать меня рогатым, так они бы сделали, хотя бы им пришлось пуститься в распутство, только бы достигнуть цели.

Э н о б а р б

Тише! Вот Антоний?

Х а р м и а н

Это не он. Это царица.

Входит Клеопатра.

К л е о п а т р а

Вы не видели моего повелителя?

Э н о б а р б

Нет, царица.

К л е о п а т р а

Разве он не был здесь сейчас?

Э н о б а р б

Нет, царица.

Клеопатра

Он был весел, и вдруг римская мысль пришла ему в голову. Энобарб!

Энобарб

Государыня.

Клеопатра

Поди сыщи его и приведи сюда. Где Алексас?

Алексас

Здесь, государыня, что угодно приказать.[166] Господин идет.

<Антоний> входит со свитой и послом.

Клеопатра

Я не хочу смотреть на него. Идите со мной!

Клеопатра, Энобарб, Алексас, Ира, Хармиан и колдун уходят.

Посол

Фульвия, ваша супруга, первая начала войну.

Антоний

Против моего брата Луция?

Посол

Да, но эта война скоро кончилась; обстоятельства[167] их примирили, и они соединили свои силы против Цезаря, который, при первом столкновении, разбил их и выгнал из Италии.

Антоний

Очень хорошо. Ну,[168] а что еще хуже этого ты можешь мне сообщить?

Гонец[169]

Носитель худой вести не нравится тому, кто его слушает.[170]

Антоний

Да, когда тот дурак или трус. Новости.[171] Продолжай: что свершилось, то кончено для меня.[172] У меня вот так,[173] того, кто говорит мне правду, хотя бы даже в его рассказе[174] была смерть,[175] я выслушаю,[176] как бы он мне льстил.[177]

Гонец

Лабин — это прискорбное известие — во главе парфянских армий покорил Азию до Евфрата, его победное знамя пронеслось повсюду от Сирии до Лидии и Ионии; тогда как...

Антоний

Тогда как Антоний, хотел бы ты сказать...[178]

Гонец

О, мой повелитель.

Антоний

Говори мне[179] без обиняков;[180] не[181] сглаживай,[182] говори[183] мне со всей энергией, выражай недовольства народа,[184] брани меня языком,[185] величай Клеопатру, как ее величают в Риме, воспроизведи мне обидные упреки Фульвии[186] и упрекай[187] мои[188] проступки с полной свободой и силой,[189] какую[190] могут[191] иметь истина и ненависть.[192] В праздном покое наши богатые[193] души находятся в залеже; голос, обличающий нашу вину, есть благодетельный плуг, который нас поднимает и оплодотворяет. Оставь меня на время.[194] Прощай.[195]

Гонец

К твоим услугам.[196]

Уходит.

Антоний

Какие новости[197] из Сикиона? Отвечайте!

1-й придворный
(за кулисами)

Гонец из Сикиона! Есть такой?

2-й придворный

Он ждет ваших приказаний.

Антоний

Пусть войдет. Надо разорвать[198] египетский дым,[199] чтоб[200] совсем не потеряться[201] в страданиях любви. *(Входит другой гонец.)* Ты кто?

2-й Гонец

Твоя жена Фульвия умерла.

Антоний

Где она умерла?

2-й Гонец

В Сикионе. Это письмо объяснит тебе ход ее болезни и очень важные вещи, которые тебе нужно знать. *(Подает письмо.)*

Антоний

Удались!

Гонец уходит.

Вот пыл одной великой души.[202] Я желал этого. Что мы часто[203] отталкиваем[204] с презрением, — а после опять хотим владеть. Эта радость[205] ослабляется[206] противодействием,[207] и она[208] кончается[209] и становится[210] противной. Она хороша,[211] когда ее уже нет.[212] Та рука, которая толкнула на погибель, могла бы выручить.[213] Мне надо вырваться от очаровывающей[214] власти царицы. Моя праздность вынашивает тысячи бедствий более важных, чем те, которые я знаю.[215] Эй, Энобарб!

Входит Энобарб.

Энобарб

Что тебе угодно, вождь?

Антоний

Надо удалиться[216] немедленно.

Энобарб

В таком случае мы убьем всех наших женщин; и[217] мы видим, как[218] помыслом[219] нелюбезным[220] наносим[221] им[222] смертельный удар,[223] если они допустят[224] наш отъезд, для них верная смерть только и будет слышна.[225]

Антоний

Мне надо ехать.

Энобарб

Если это необходимо, пусть женщины умирают; было бы жаль пожертвовать ими и женой, но иногда нужно сделать выбор между ними и важным делом; они не должны стоить для нас ничего. Клеопатра при первом слухе об этой новости умрет сейчас же, я двадцать раз видел, как она умирает[226] от гораздо менее важных причин. Должно быть, смерть имеет какую[227]-нибудь прелесть,[228] судя по той[229] торопливости, с которой она собирается умирать.

Антоний

Она хитра невообразимо.

Энобарб

Увы, повелитель, нет; ее страсти составлены не из чего другого, чем из самых тонких частиц чистой любви. Нельзя дать имя вздохов и слез этим вихрям и ливням, которые она проливает, это бури и ура-

ганы, из самых[230] свирепых,[231] как предсказывает альманах: это не может быть противоречивым; в противном случае надо сознаться, что она может предвидеть потоки дождя так же хорошо, как Юпитер.

А н т о н и й

О кабы мне ее не[232] видеть никогда.

Э н о б а р б

О[233] повелитель, вы потеряли бы случай видеть[234] совершенное[235] создание[236] и неимение[237] этого счастия[238] опозорило бы твое[239] путешествие.[240]

А н т о н и й

Фульвия умерла.

Э н о б а р б

Повелитель?[241]

А н т о н и й

Фульвия умерла.

Э н о б а р б

Фульвия?

А н т о н и й

Умерла.

Э н о б а р б

Принеси жертвы[242] богам[243] за это. Когда же божеству угодно лишить человека жены, они ему дают средства для утешения;[244] показывают, кто портные земли, подтверждая этим, что[245] старое платье изнашивается, но остаются портные, чтобы сшить новое. Если б на земле не было других женщин, кроме Фульвии, это был[246] бы[247] фасон дурной,[248] вы бы имели причины печалиться, но у вас остается утешение.[249] Ваш старый балахон[250] уступил место новой юбке[251], и слезы,[252] которые смоют эту печаль, это лук,[253] который должен их произвести.[254]

А н т о н и й

Дела, которые она начала в государстве,[255] не терпят моего отсутствия.

Э н о б а р б

И дела, которые вы начали здесь, не могут идти без вас, особенно дела Клеопатры, для которых ваше присутствие необходимо.

Антоний

Без легкомысленных ответов. Чтобы[256] начальники[257] были предупреждены о моем решении. Я скажу царице причину моего отъезда и добьюсь ее согласия. Потому что не одна смерть Фульвии с важными <*нрзб.*> вопросами[258] делают мой отъезд крайне необходимым,[259] письма наших[260] измышляющих[261] друзей[262] в[263] Риме[264] убеждают[265] меня поспешить[266] возвращением. Секст Помпей бросил вызов Цезарю и держит море в своей власти. Непостоянный народ, который отдает свою[267] любовь заслуженному человеку только тогда, когда его заслуги[268] исчезли,[269] начинает переносить на сына Помпея всю славу и все величие его отца. Грозный своим именем и могуществом, а еще больше своими[270] стремлениями,[271] он ставит себя первым воином Рима,[272] и если он не будет остановлен вовремя,[273] судьбы мира в опасности. Многое[274] зарождает<ся>, которое,[275] как волосы лошади, начинает оживать, и пока не имеет еще змеиного яду. Дай знать всем моим подчиненным, что мое желание требует быстрого отъезда отсюда.

Энобарб

Исполню.[276]

Уходят.

Сцена III

Там же. Другая комната.
Входят Клеопатра, Хармиан, Ира и Алексас.

Клеопатра

Где он?

Хармиан

Я его после не видала.

Клеопатра
(Алексасу)

Посмотри, где он, кто с ним и что он делает, не говори, что я тебя послала; если ты найдешь его печальным, скажи, что я пляшу, если он весел, объяви ему, что я вдруг захворала, — исполни скорей и возвращайся.

Алексас уходит.

Хармиан

Царица, мне кажется, что любя его нежно, вы не употребляете тех средств, которыми можно заставить его платить вам так же.

Клеопатра

Что же мне нужно делать, чего я не знаю?

Х а р м и а н

Уступайте ему во всем и не противоречьте ни в чем.

К л е о п а т р а

Ты[277] учишь как дура.[278] Это средство потерять его.

Х а р м и а н

Не[279] искушая его очень много,[280] усмиряй себя, я тебя прошу; часто, чего мы боимся, то мы потом ненавидим.

Входит Антоний.

Вот и Антоний.

К л е о п а т р а

Я и больна и не в духе.[281]

А н т о н и й

Мне прискорбно, что я должен[282] сообщить тебе причину,[283] которая[284]...

К л е о п а т р а

Помоги мне уйти, Хармиан; я упаду;[285] дело так продолжаться не может, силы природы не выдержат.

А н т о н и й

Милая царица.

К л е о п а т р а

Уйди[286] от меня, я прошу тебя.

А н т о н и й

Да что такое?

К л е о п а т р а

Я читаю[287] в твоих глазах, что[288] есть хорошие вести. Что говорит твоя[289] <за>конная жена?[290] Ты можешь идти. О кабы[291] она тебя не отпускала![292] Пусть не говорит, что я тебя удерживаю здесь; я не имею никакой власти над тобой, ты[293] ее.

А н т о н и й

Боги свидетели.

К л е о п а т р а

О! Никогда еще царица[294] не была так недостойно предана; хотя с самого начала <ты> измену взращивал.[295]

Антоний

Клеопатра.

Клеопатра

Зачем[296] мне верить тебе, что ты можешь быть моим и верен, хотя бы[297] твои клятвы потрясли богов,[298] тебе, который изменил[299] Фульвии? Какое[300] чудовищное[301] сумасшествие[302] быть запутанным клятвами, которые только на языке[303] и которые сейчас же нарушаются тем, что[304] произносятся.

Антоний

<*Нрзб.*> прелестная[305] царица!

Клеопатра

Сделай милость, не ищи предлога, чтобы при<у>красить твой отъезд. Скажи мне: прощай и ступай. Когда ты выпрашивал милости оставаясь[306] здесь,[307] тогда было время говорить[308] слова, ты не говорил, что меня оставишь, вечность была на моих губах и в моих взорах, счастье в изгибе моих бровей; во мне не было ничего,[309] в чем бы ты не находил[310] небесного[311] происхождения,[312] какова я была, она[313] и теперь такова же,[314] или ты, величайший вождь в мире превратился в величайшего врун<а>.[315]

Антоний

Что ты, царица?

Клеопатра

Я бы желала иметь твой рост,[316] чтобы ты узнал, что у египетской[317] царицы[318] есть душа.[319]

Антоний

Послушай меня, царица. Крайняя важность обстоятельств требует на некоторое время моих услуг; но все мое сердце останется с тобой. Повсюду в нашей Италии сверкают мечи гражданской войны, Секст Помпей угрожает воротам Рима! Равенство двух тупоумных[320] властей питает беспокойство враждующих[321] партий. Те, которых презирали, сделавшись могущественными, снова[322] завоевали любовь,[323] Помпей, изгнанный, но богатый славою своего отца, вкрадывается[324] быстро[325] в сердца всех тех, которым не везет при настоящем правлении.[326] Их число становится[327] угрожающим,[328] и спокойствие[329] начинает болеть от[330] праздности[331] и[332] хотело бы[333] очиститься[334] в отчаянных[335] переменах.[336] Главное побуждение, которое должно оправдать перед тобой мой отъезд, это смерть Фульвии.

Клеопатра

Если года не освободили меня от глупостей, они по крайней мере предостерегли меня от[337] ребячества.[338] Может ли Фульвия умереть?

Антоний

Она умерла, моя царица; взгляни на это письмо и рассуди на досуге о всех волнениях, какие она возбудила; и в конце[339] самое лучшее; посмотри время и место ее смерти.

Клеопатра

О![340] Лживая любовь![341] Где те священные[342] сосуды, которые ты должен был наполнить слезами своей горести? Ай! Я вижу, я вижу теперь в смерти Фульвии, как ты примешь мою смерть.[343]

Антоний

Оставь упреки и приготовься узнать мои намерения, которые или оставлю, или исполню, смотря по тому, что ты мне посоветуешь. Клянусь жаром,[344] который одушевляет и оплодотворяет долину[345] Нила, я отправлюсь из этих мест твоим воином, твоим слугой, устраивая мир или войну по твоему приказанию.

Клеопатра

Разрежь мне шнурок, Хармиан. Поди, милая, оставь меня; я хвораю и выздоравливаю вдруг, так же как любит Антоний.[346]

Антоний

О, возлюбленная царица, успокойся,[347] докажи свою любовь, которой предстоит благородное испытание.[348]

Клеопатра

Пример Фульвии меня учит, как я должна верить твоей любви. Отвернись,[349] я тебя прошу, и оплакивай ее, потом скажи мне прощай и поклянись,[350] что ты проливаешь слезы о царице египетской; сделай милость, сыграй мне сцену совершеннейшего притворства и пусть оно[351] представится[352] благородством.[353]

Антоний

Ты меня рассердишь; довольно![354]

Клеопатра

Ты можешь сделать что-нибудь еще лучше, но и это недурно.

Антоний

Клянусь мечом...

Клеопатра

И щитом.[355] Он становится все лучше[356] и лучше; но и это еще не самое лучшее; посмотри, прошу,[357] Хармиан, как гнев идет[358] этому[359] римскому[360] Геркулесу.[361]

Антоний

Я тебя[362] оставляю, царица.

Клеопатра

Учтивый господин, одно лишь слово.[363] Нам нужно расстаться; но я не то хотела сказать. Мы с тобой любим друг друга; опять не то; ты это знаешь хорошо,[364] что я что-то[365] хочу[366] сказать. О, моя[367] память, ты так же не веришь мне, как Антоний, я[368] все забыла.

Антоний

Если бы я не знал, что легкомыслие[369] также находится в числе твоих подданных, я бы признал, что ты само легкомыслие.[370]

Клеопатра

Тяжело такое безумие держать около сердца, и я клянусь <*нрзб.*>.[371] Но, повелитель, извини меня, меня убивают мои свойства, которые[372] нехороши[373] и в твоих глазах. Честь[374] тебя призывает; останься глух[375] к моей глупой блажи,[376] которой тебя не жаль.[377] И пусть все боги тебе сопутствуют. Пусть победа украсит лаврами твой[378] меч[379] и пусть успех будет рассыпать <триумфы> перед твоими ногами.[380]

Антоний

Пойдем! Такова природа нашей разлуки; что ты, хотя остаешься здесь, будешь мне сопутствовать, и я, удаляясь, остаюсь подле тебя. Пойдем!

Уходят.

Сцена IV

Рим. Комната во дворце Цезаря.
Входят: Октавий Цезарь, Лепид и свита.

Цезарь

Ты можешь видеть, Лепид, и в будущем знать,[381] что не в характере Цезаря ненавидеть[382] великого соперника.[383] Вот что мне пишут из Александрии: он удит[384] рыбу, пьет, и сжигает масло священное в оргиях,[385] он не более мужчина, чем Клеопатра, и вдова Птолемея не более женщина, чем он. Он насилу[386] выслушал[387] посланного[388] и удостоился вспомнить, что у него есть товарищи.[389] Ты тут найдешь человека, который соединил[390] все недостатки[391] других людей.[392]

Л е п и д

Я не могу[393] верить,[394] что его недостатки настолько[395] многочисленны, что могут затемнить[396] его хорошие[397] качества;[398] его слабости, как пятна на небе, которые горят еще светлее от ночной темноты;[399] они скорее наследственные, чем благоприобретенные; они менее произвольны, чем присущи его природе.

Ц е з а р ь

Ты очень снисходительный; я согласен, что небольшая беда валяться на постели Птолемея; отдать царство за одно веселье[400] чередоваться в питье[401] с рабами; ходить, шатаясь,[402] по улицам среди белого дня; соперничать в грубых остротах с презренными, от которых воняет потом: положим, что такое поведение его не марает, впрочем, это должна быть очень редкая натура, коли такие выходки не оставляют на ней пятна;[403] но он[404] не может извинить свои,[405] когда мы вместе с ним должны будем страдать[406] от[407] его легкого поведения.[408] За то, что он жертвует[409] временем[410] для своей[411] похоти, пресыщения и сухотки, его накажут; но за то, что он тратит дорогое время, тогда как в его и наших интересах должен разбудить его и отвлечь от удовольствий — это уж заслуживает порицания, как поведение тех молодых людей, которые, уже находясь[412] в таком[413] возрасте, что должны знать свои обязанности, приносят в жертву удовольствиям свои познания и так восстают[414] <против> законов[415] рассудка.

Входит гонец.

Л е п и д

Вот[416] еще вести.[417]

Г о н е ц

Приказания твои исполнены, и каждый час, благородный Цезарь, к тебе будут приходить вести о всем случившемся. Помпей силен на море, и кажется, любим теми, которые только боялись Цезаря, недовольные бегут в порта, — и народный[418] слух[419] <распространяется>, что он много[420] обижен.

Ц е з а р ь

Нечего и ждать другого.[421] Исстари[422] известно, что того, кто властен, хотят, пока он не был властен,[423] что сходящий, не пользовавшийся любовью, когда ее стоил, делается предметом поклонения, когда исчезает. Простой[424] народ похож на водяное растение, плавающее[425] по воде, которое движется туда и сюда по воле волн и гниет в своем бесконечном движении.

Г о н е ц

Цезарь, я тебя извещаю, Менекрад и Менас, славные пираты, подчинили[426] себе море и бороздят его бесчисленными килями всякого

рода; они произвели много набегов на Италию; прибрежные[427] жители бледнеют при мысли о них; и пылкая юность возмущается, лишь покажется[428] лодка в море и она во мгновение взята; имя Помпея страшнее[429] бьет людей, чем сопротивление ему на войне.

Ц е з а р ь

О, Антоний, оставь сладострастные попойки! Когда ты бежал из Модены, убив Гирция и Пансу, консулов, преследуемый голодом, ты несмотря[430] на изнеженное[431] воспитание,[432] ты переносил его терпеливее, чем могли бы это сделать дикари, видели, как[433] ты пил лошадиную мочу и позлащенную воду[434] болотистых[435] луж, от которой скоты отворачиваются с отвращением, твои губы[436] не презирали грубых ягод грубых кустарников; да, даже[437] как олень, когда снег покроет пастбища, ты ел древесную кору; говорят, что на Альпах ты ел странное[438] мясо, один вид которого заставлял умирать воинов, и все это[439] ты переносил так, что твои щеки не похудели.

Л е п и д

Жаль его.

Ц е з а р ь[440]

Пусть стыд торопит[441] его в Рим. Время нам[442] выйти в поле; поэтому соберем сейчас совет. Бездействием мы усиливаем Помпея.

Л е п и д

Завтра я приведу в известность, что я могу выставить[443] на море и на земле в настоящих[444] обстоятельствах.[445]

Ц е з а р ь

К тому времени[446] я займусь тем же. Прощай!

Л е п и д

Прощай, Цезарь! Какие[447] в это время ты[448] получишь новые известия,[449] прошу[450] мне их сообщить.

Ц е з а р ь[451]

Не сомневайся, я считаю это[452] своей[453] обязанностью.

Уходят.

Сцена V

Александрия. Комната во дворце.
Входят Клеопатра, Хармиан, Ира и Мардиан.

К л е о п а т р а

Хармиан.

Х а р м и а н

Царица.[454]

К л е о п а т р а

Ха! Ха![455] Дай мне выпить мандрагоры.

Х а р м и а н

Зачем, царица?

К л е о п а т р а

Чтобы я могла проспать все время до возвращения Антония.

Х а р м и а н

Ты очень много думаешь о нем.

К л е о п а т р а

О, это измена?

Х а р м и а н

Надеюсь, что нет, царица.[456]

К л е о п а т р а

Ты, евнух! Мардиан!

М а р д и а н

Что вашему высочеству угодно.

К л е о п а т р а

Нет, не пойте: евнух ничем мне угодить не может. Ты очень счастлив своим бессилием,[457] твоя[458] свободна мысль[459], не летает далеко от Египта. Имеешь ты страсти?

М а р д и а н

О[460] да, прелестная царица.

К л е о п а т р а

В самом деле?

М а р д и а н

Нет, не в деле; потому что я не могу сделать ничего непристойного.
Да чем же, евнух, угодить мне можешь?
Как счастлив ты бессилием своим,
Любовь твоя свободна, не летает
Она далеко от Египта. Страсти
Тебя волнуют ли когда?

Мардиан

О, да, прелестная царица.

Клеопатра

В самом деле?

Мардиан

Не в деле, нет. Я делать не могу
Дурного ничего.[461]
Но я имею сильные страсти и думаю, что делала Венера с Марсом.

Клеопатра

О, Хармиан, как ты думаешь, где он теперь? Стоит он или сидит? Идет пеший или едет на коне? О, как счастлив конь, несущий Антония! Будь умнее,[462] добрый конь! Ты знаешь ли, кого ты несешь? Полу-Атласа, который поддерживает треть земли, руку и шлем человечества. В эту минуту он шепчет: «Где моя змея старого Нила?» Так он зовет меня. Но я питаю себя обольстительным ядом, — будет ли он думать обо мне, черной[463] от любовных щипков[464] Феба, покрытой глубокими морщинами времени; широколобый Цезарь, когда ты был жив, я была царский кусочек, и великий Помпей,[465] бывало, стоял и заставлял свои глаза прирасти к моему лицу и умер бы,[466] глядя на свою жизнь.

Входит Алексас.

Алексас

Привет повелительнице Египта!

Клеопатра

Как много отличаешься ты от Марка Антония! Но ты приходишь от него, и он как...[467] своим светом озолотил тебя. Как живет,[468] что делает мой храбрый Марк Антоний?

Алексас

Последним делом его, прекрасная царица, был поцелуй, последний из многих, которыми он осыпал этот восточный жемчуг; его слова прильнули к моему сердцу.

Клеопатра

Мои уши должны[469] вырвать их оттуда.

Алексас

Добрый друг, сказал он, скажи ей, что верный римлянин посылает великой Египтянке эту драгоценность устрицы; что у ног ее,[470] что-

бы[471] исправить малый подарок, я могу доплатить ее роскошному трону царствами; весь восток, скажи ты, назовет ее госпожой. Сказав это, он кивнул[472] и серьезный[473] сел на боевого коня, которого ржанье заглушило мой голос.

Клеопатра

Он был печален или весел?

Алексас

Как время года, среднее между крайностями, между жаром и холодом он был ни печален, ни весел.

Клеопатра

О счастливое равновесие духа. Заметь это, заметь это, милая Хармиан, вот человек, заметь это, он не был грустен, потому что хотел блеснуть перед теми, которые смотрят так же, как и он,[474] он не был весел, он хотел этим сказать им, что его воспоминания и радость в Египте: только между этим и другим; о божественное смешенье! Но будь ты печален или весел, та и другая крайность идет к тебе, как никому в мире. Встретил[475] ты моих гонцов?

Алексас

Да, царица, двадцать разных гонцов. Зачем посылать[476] так много?

Клеопатра

Да[477] умрет в нищете,[478] кто родится в тот день, когда я забуду послать к нему. Чернил и бумаги, Хармиан. Поздравляю тебя с приездом, Алексас. Так ли любила я, Хармиан, Цезаря?[479]

Хармиан

О, храбрый Цезарь!

Клеопатра

Чтоб тебя задушило[480] другое такое восклицание! Говори, о храбрый Антоний.

Хармиан

Храбрый Цезарь!

Клеопатра

Клянусь Изидой, я тебе выбью зубы, если ты еще сравнишь с Цезарем моего мужа из мужей.

Хармиан

Я повторяю твою песню.[481] Позволь сказать.[482]

Клеопатра

Песню моей весны, когда мои суждения были зелены; холод в крови говорит то, что я тогда говорила.[483] Пойдем, дай мне бумаги и чернил. Я хочу, чтобы он каждый день имел от меня нового гонца, хотя бы пришлось[484] обезлюдить Египет.

Уходят.

Действие II

Сцена I

Мессина. Комната в доме Помпея.
Входят Помпей, Менекрат и Мена.

Помпей

Если[485] великие боги справедливы, они помогут делу более правого человека.

Менекрат

Знай, достойный Помпей, что они медлят, — еще не отказывают.

Помпей

Но покуда мы просителями перед их тронами, чахнет дело, о котором мы просим.

Менекрат

Мы, не зная самих себя, часто просим вредного для нас же, и они по своей премудрости отказывают для нашего добра; так бывает на пользу и тщета наших просьб.

Помпей

Я должен иметь успех: народ любит меня, море мое, могущество мое[486] в полумесяце и есть предзнаменование, что оно будет в полнолунии. Марк Антоний сидит в Египте за обеденным столом, желает вести войну до порога,[487] и для этого[488] не перешагнет порога, Цезарь собирает деньги и теряет сердца: Лепиду льстят оба, и он льстит обоим; но не любит ни того, ни другого, и ни тот, ни другой не любят его.

Мена

Цезарь и Лепид вышли в поле и с большим войском.

Помпей

От кого ты слышал?[489] Это вздор.[490]

Мена

От Сильвия, повелитель.

П о м п е й

Он бредит. Я знаю, что они оба в Риме ждут Антония. Да украсятся всеми прелестями любви твои губы, сладострастная Клеопатра! Пусть волшебство соединится с красотой, сладострастие с тем и другим; опутай сластолюбца[491] пиршествами, держи его мозг в угаре, повара Эпикура возбуждайте его аппетит неприедающимися соусами, чтобы сон и обжорство, как воды Леты, уничтожили в нем память о чести.

Входит Варий.

Ну, Варий?

В а р и й

Я должен объявить тебе самое верное известие: Марка Антония с часу на час ждут в Риме; с того времени, как он уплыл из Египта, прошло больше времени, чем нужно на переезд.

П о м п е й

Я бы охотнее выслушал новость менее важную — я не думал, Мена, что влюбленный обжора наденет шлем для такой незначительной войны, его храбрость сильнее вдвое остальных двух. Тем более мы выиграем в их мнении, что мы вырвали из объятий египетской вдовы вечно ненасытного Антония.

М е н а

Я не думаю, чтобы Цезарь и Антоний встретились дружно, его жена причинила неприятности Цезарю, а брат воевал с ним, хотя я думаю, без побуждения от Антония.

П о м п е й

Я не знаю, Мена, но меньшая вражда уступает большей. Не восстань мы против всех их, у них была бы война между собою, потому что они дали друг другу достаточные причины для обнажения мечей; теперь же кто поручится, что, боясь нас, они не примирятся и не прекратят несогласия; будь то, что угодно богам. Во всяком случае, спасение нашей жизни возможно только при напряжении всех наших сил. Пойдем, Мена.

Уходят.

Сцена II

Комната в доме Лепида. Входят Энобарб и Лепид.

Л е п и д

Любезный Энобарб, было бы достойное и приличное дело, если бы ты убедил своего начальника говорить мягко и учтиво.

Э н о б а р б

Я буду[492] убеждать[493] его говорить так, как ему следует; если Цезарь его заденет, пусть Антоний смотрит свысока и говорит громко, как Марс. Клянусь Юпитером, если б я имел бороду Антония, для нынешнего дня я бы не обрился.

Л е п и д

Теперь не время для частных... раздоров.[494]

Э н о б а р б

Всякое время пригодно для того дела, которое оно породило.

Л е п и д

Но маловажные должны уступать более важным.

Э н о б а р б

Нет, если маловажные идут впереди.

Л е п и д

Ты говоришь под влиянием страсти. Но не разрывай рукой[495] пепла.[496] Вот идет благородный Антоний.

Входят Антоний и Вентидий.

Э н о б а р б

А вот и[497] Цезарь.

Входят Цезарь, Меценат и Агриппа.

А н т о н и й

Если мы уладим здесь, то в Парфию. Слушай, Вентидий!

Ц е з а р ь

Я не знаю, Меценат, спроси у Агриппы!

Л е п и д

Благородные товарищи![498] То, что соединило нас, имело великую важность,[499] и недопустимо,[500] чтобы маловажное разъединило; про ошибки[501] выслушаем кротко; когда от наших споров поднимается пошлый крик,[502] это убийство,[503] а не леченье ран. Итак, благородные товарищи, тем более, что я убедительно вас[504] прошу[505] касаться горьких вопросов в сладких[506] словах, и[507] пусть неприятности не пристали к делу.[508]

А н т о н и й

Хорошо сказал;[509] если б мы стояли перед войсками, готовыми сражаться, я поступил бы так же.

Ц е з а р ь

Поздравляю тебя с приездом в Рим.

А н т о н и й

Благодарю.

Ц е з а р ь

Садись!

А н т о н и й

Ты садись...

Ц е з а р ь

Нет,[510] а впрочем...

А н т о н и й

Я получил сведения, что ты сердишься[511] <на то>,[512] в чем нет обиды, по крайней мере, для тебя.[513]

Ц е з а р ь

Я был бы смешон, если б из ничего или из пустяков обижался, и особенно[514] на тебя,[515] и был бы еще смешнее, если б порицал тебя за такие дела, которые меня не касаются.

А н т о н и й

А мое пребывание в Египте разве касалось тебя?

Ц е з а р ь

Так же, как и мое пребывание в Риме касалось тебя в Египте. Но если бы[516] ты затевал[517] что-нибудь против меня, это твое пребывание в Египте касалось бы меня.

А н т о н и й

Что ты понимаешь под словами: затевал бы?

Ц е з а р ь

По тому, что здесь произошло со мной, тебе нетрудно понять мои слова. Твоя жена и брат подняли войну против меня,[518] и их распря была поводом идти тебе:[519] ты был кличем[520] войны.

А н т о н и й

Ты ошибаешься в своих предположениях; мой брат не выставлял меня причиной,[521] я узнавал об этом и имею верные сведения от тех, которые сражались за тебя. Нет, он подрывал мой авторитет вместе

с твоим; разве он не вел войну против меня, так как у нас <с> тобой общее дело? Об этом я объяснял тебе в письмах. Если[522] ты[523] по неимению материи[524] для ссоры хочешь скроить ее из лоскутков,[525] так поищи другого чего-нибудь.

Цезарь[526]

Ты превозносишь себя, показывая недостаток моего понимания, и хочешь из лоскутков[527] скроить себе оправдание.

Антоний

Не так, не так.[528] Я знаю, я уверен, что ты не мог не понять, что, участвуя в том деле, против которого он воевал, <я> не мог благоприятствовать[529] войне, которую он начал против меня. Что же касается далекой жены, то я желал бы, чтоб ты имел такую же. Треть мира твоя, и ты на уздечке легко управляешь,[530] а жены поистине[531] не сдержал[532] бы.

Энобарб

Ай, кабы[533] у нас у всех были такие жены, так уж мы могли начинать войну с женщинами.[534]

Антоний

Невозможно и обуздать[535] сварливость ее, Цезарь, проистекающую[536] из ее нетерпеливости (хотя не лишенную[537] политической прозорливости[538]). Я сознаюсь,[539] <она> причинила тебе много неприятности; но я тут ни в чем не виноват.[540]

Цезарь

Я писал тебе во время твоей гульбы в Александрию, ты прятал в карман мои письма и[541] выгнал моего посла насмешками.

Антоний[542]

Он ворвался ко мне без доклада; я только что угощал[543] трех царей и был не таков, каким бываю утром; но на другой день я ему объяснил это, а это все равно что просить извинения. Пусть[544] он[545] не[546] будет[547] иметь значения[548] в нашем споре.[549] Если нам спорить, то выкинь его из нашего вопроса.[550]

Цезарь

Ты нарушил[551] твою[552] клятву,[553] такого упрека ты никогда не можешь мне сделать.

Лепид

Помолчи, Цезарь.

Антоний

Нет, Лепид, пусть он говорит. Если я нарушил клятву, как он говорит, это дело священно для меня,[554] продолжай, Цезарь, я нарушил клятву...

Цезарь

Ссудить мне войско[555] и, по[556] моему требованию оказать мне помощь,[557] когда я потребую,[558] и ты[559] отказал в том и другом.

Антоний

Скорее, не позаботился,[560] и к тому же[561] отрава тогда[562] сковала мое[563] сознание.[564] Поскольку я могу,[565] я готов тебе покаяться,[566] моего величия[567] не унизит моя честь,[568] в моем высоком положении мне нельзя обойтись без чести.[569] Это правда, что Фульвия, чтобы вызвать меня из Египта, затеяла[570] здесь войну, и таким образом, я был без ведома[571] причиной ее, за что и прошу у тебя извинения, насколько мне позволяет моя честь.

Лепид

Благородные речи.

Меценат

Сделайте одолжение не пускайте дальше разборки ваших неудовольствий. Забудьте их и помните, что настоящие обстоятельства требуют мира между вами.

Лепид

Справедливо[572] сказано, Меценат.

Энобарб

На это время вам можно и призанять любви.[573] Когда покончите с Помпеем, можно и опять возвратить. Для ваших ссор придет время, когда вам нечего будет делать.

Антоний

Твое дело только воевать; ты молчи!

Энобарб

Я забыл, что правда должна молчать.

Антоний

Ты[574] оскорбляешь[575] собрание, поэтому[576] молчи.[577]

Энобарб

Ну, пусть,[578] камень.

Цезарь

Я не могу выразить неудовольствие смыслу его речей, мне не нравится только форма,[579] потому что невозможно, чтобы с такими разными характерами, как наши, мы долго оставались друзьями; но если б я знал, какой обруч может нас сковать, я бы прошел весь свет.

Агриппа

Позволь[580] мне, Цезарь!

Цезарь

Говори, Агриппа!

Агриппа

У тебя есть сестра по матери, чудная Октавия; великий Марк Антоний теперь овдовел...

Цезарь

Не говори этого, Агриппа; если бы это слышала[581] Клеопатра, она бы осудила[582] по заслугам за твою опрометчивость.[583]

Антоний

Я еще не женился, Цезарь; позволь мне дослушать, что Агриппа дальше скажет.

Агриппа

Чтобы утвердить вас в постоянной дружбе, чтобы сделать вас братьями и соединить ваши сердца постоянной связью, пусть Антоний женится на Октавии, которая по красоте достойна лучшего из людей; и по добродетели и другим прекрасным[584] качествам выше всякой похвалы.[585] И этим браком все мелкие раздоры, которые теперь[586] кажутся крупными, и все большие опасения, которые теперь действительно представляют опасность, тогда бы[587] исчезли. Правда[588] сделается тогда сказкой, между тем как теперь и полу-сказки принимаются за правду. Любовь Октавии к обоим произвела бы любовь между вами, и всех к вам обоим. Извините меня за мою речь; она[589] обдумана, а не сейчас мне пришла в голову, и соображена с долгом.

Антоний

Что скажет Цезарь.

Цезарь

Ничего, пока не услышит, как Антоний принял эту речь.

Антоний

Но какую власть имеет Агриппа, если бы я сказал: «Пусть будет так»,— осуществить это?

Ц е з а р ь

Власть Цезаря, и его власть над Октавией.

А н т о н и й

От такого хорошего, такого честного предложения я и во сне не отказался бы.[590] Дай мне твою руку; устрой это прекрасное дело; с этого часа пусть братская любовь соединит нам[591] сердца и управляет нашими[592] великими помыслами.

Ц е з а р ь

Вот рука моя; я отдаю тебе сестру, которую люблю, как ни один брат еще не любил. Пусть живет она для соединения наших владений и сердец; и пусть никогда не улетит любовь наша.

Л е п и д

В добрый час.[593] Да будет!

А н т о н и й

Я не думал обнажать меча против Помпея; он оказал мне особые и большие услуги в последнее время,[594] я должен засвидетельствовать ему благодарность, чтобы не получить упрека в забывчивости, и потом сейчас же сделаю ему вызов.

Л е п и д

Время не терпит, мы должны теперь же искать[595] Помпея, или он[596] нас отыщет.[597]

А н т о н и й

Где он теперь?

Ц е з а р ь[598]

У мыса Мессенского.

А н т о н и й

Сколько у него сухопутных войск?

Ц е з а р ь

Много и все увеличивается. Но над морем он властвует совершенно.[599]

А н т о н и й

Такова молва. Жаль, что нам не удалось переговорить,[600] поторопимся сделать это; но прежде чем взяться за оружие, кончим дело, о котором говорили.

Ц е з а р ь

С большой[601] радостью,[602] я приглашаю тебя[603] к сестре[604] сейчас, куда я[605] же и поведу тебя.[606]

А н т о н и й

Лепид,[607] не лиши нас твоего общения.[608]

Л е п и д

Благородный Антоний, даже болезнь не остановит меня.[609]

Трубы; Цезарь, Антоний и Лепид уходят.[610]

М е ц е н а т[611]

Поздравляю с приездом из Египта.

Э н о б а р б

Половина великого[612] Цезаря, почтенный Меценат! Мой уважаемый друг, Агриппа!

А г р и п п а

Добрый Энобарб.

М е ц е н а т

Как мы рады, что все так хорошо уладилось! А вы весело жили в Египте.

Э н о б а р б

Да, день мы пристыжали сном, а ночь мы освещали пьянством.

М е ц е н а т

Вы жарили на завтрак по восемь кабанов и всего на двенадцать человек: правда ли это?

Э н о б а р б

Ну, это муха в сравнении с орлом; у нас бывали более[613] чудовищные пиры, более достойные,[614] действительно замечательные.[615]

М е ц е н а т

Великолепная женщина, если рассказы о ней справедливы.

Э н о б а р б

При первой встрече с Марком Антонием она прибрала[616] его сердце, это было на реке Цидне.

М е ц е н а т

Уж там она действительно[617] показала себя,[618] или кто так передавал хорошо сведущий?[619]

Э н о б а р б[620]

Я расскажу вам: барка, на которой она находилась, как полированный трон, блистала на воде, корма была кованого золота; паруса пурпурные и так пропитаны благовониями, что ветер истомился от любви и пыла; весла были[621] серебряные[622] и[623] рассекали воду мерно, и под музыку флейт[624] волны, следуя за ними, приставали к ним, как бы влюбленные в их удары. Что касается до самой, то она пустила по миру всякое описание: она лежала в палатке из золотых узорных[625] тканей, она помрачала даже нарисованную Венеру, где мы видим, что искусство превзошло природу; по бокам сидели[626] мальчики,[627] похожие на смеющихся купидонов, с разноцветными опахалами, которых движение, освежая ее нежные щеки, казалось, еще усиливало их жар и само уничтожало свое действие.

А г р и п п а

Какая находка[628] для Антония!

Э н о б а р б

Ее прислужницы, подобно нереидам или сиренам, ловили ее взгляды[629] и красиво опускали свои...;[630] одна нереида правила рулем; шелковые шнурки натягивались от прикосновения нежного соцветия[631] рук, которые ловко делали свое дело; с галеры странное невидимое благоухание распространялось по соседним[632] <берегам>. Город выбросил весь свой народ перед ней, и[633] Антоний, восседая на троне посреди площади, остался один и присвистывал на[634] ветер, который тоже, если б возможна была пустота,[635] ушел бы посмотреть на Клеопатру, и образовал бы двери[636] в природе.

А г р и п п а

Дивная Египтянка!

Э н о б а р б

Только она вышла на берег, Антоний послал к ней пригласить ее на ужин; она отвечала, что лучше ему быть ее гостем, и пригласила его,[637] наш учтивый Антоний, который никогда не говорил женщинам «нет», десять раз побрился и отправился на пир, и, в общем, заплатил сердцем за то, что ели его глаза.

А г р и п п а

Царица[638] прелестница! Она заставила уснуть[639] меч Цезаря; он пахал, она жала.

Э н о б а р б

Я видел раз, она[640] проскакала на одной ноге[641] сорок шагов по городской[642] улице и задохнулась, что едва могла говорить, но и этот не-

достаток был совершенством, и, почти бездыханная, она дышала силой.

Меценат

Теперь Антоний должен оставить ее совершенно.

Энобарб

Никогда, он ее не оставит.[643] От старости она не вянет,[644] и привычки не уменьшают ее бесконечного разнообразия; другие женщины, удовлетворяя желания, пресыщают, а она возбуждает голод, удовлетворяя его. Самое дурное в ней становится прелестным, и святые жрецы благословляют ее распутство.

Меценат

Если красота, ум, скромность могут остепенить[645] сердце Антония, Октавия будет для него счастливым жребием.

Агриппа

Пойдемте.[646] Добрый Энобарб, будь моим гостем на все время, пока пробудешь здесь.

Энобарб

Покорно благодарю.

Уходят.

Сцена III

Там же. Комната в доме Цезаря.
Входят Цезарь, Антоний, Октавия (одну руку ее держит Цезарь, другую Антоний), прислужники и прорицатели.

Антоний

Мир и мои великие обязанности иногда заставят меня вырываться из твоих объятий.

Октавия

В это время перед богами на[647] коленях[648] я буду воссылать за тебя молитвы.

Антоний

Доброй ночи, Цезарь. Моя Октавия, не читай о моих недостатках в народных слухах; я не всегда держал себя в порядке,[649] но вперед я буду жить правильно. Доброй ночи, моя милая! Доброй ночи, Цезарь.[650]

Ц е з а р ь

Доброй ночи, Антоний!

Цезарь и Октавия уходят.

А н т о н и й

Ну, плут, не хочешь ли опять в Египет?

П р о р и ц а т е л ь

О если бы я не выезжал оттуда, а ты туда не приезжал[651] никогда.[652]

А н т о н и й

Не можешь ли[653] сказать причину?

П р о р и ц а т е л ь

Я вижу это, но[654] у меня нет этого на языке. Но что бы ни было, спеши[655] в Египет.

А н т о н и й

Скажи мне: кого счастье поднимет выше, меня или Цезаря?

П р о р и ц а т е л ь

Цезаря. Поэтому, о Антоний, не оставайся подле него. Твой демон[656] благороден, храбр, возвышен, бесподобен, когда нет Цезаря; но подле него твой дух становится страшен, будучи покорен; поэтому отделяй себя от него большим расстоянием.

А н т о н и й

Не говори[657] больше[658] этого![659]

П р о р и ц а т е л ь

Кроме тебя никому; только тебе одному. Если ты будешь играть с ним в какую бы то ни было игру, ты наверное проиграешь; и, по врожденному счастью, он побьет тебя; твой блеск меркнет,[660] когда он сияет подле тебя. Я повторяю: при нем твой гений боится[661] руководить тебя; вдали от него он благороден.

А н т о н и й

Поди отсюда! Скажи Вентидию, что я хочу говорить с ним. *(Прорицатель уходит.)* Отправить его в Парфию. По науке, или случайно, он говорит[662] правду; даже игральные кости повинуются ему; и в игре мое уменье уступает его счастью; если[663] вынимаешь[664] жребий, ему[665] удача; его петухи всегда побивают моих; хотя и моих можно поставить все против ничего;[666] его перепела всегда побивают моих, и при неравенстве.[667] Я хочу в Египет, хотя я заключил этот брак для покоя.[668]

Входит Вентидий.

Моя радость на востоке. О, Вентидий, ты отправляешься в Парфию, полномочие готово, иди за мной и получи его.

Уходят.

Сцена IV

Там же. Улица.
Входят Лепид, Меценат, Агриппа.

Лепид

Не беспокойтесь более.[669] Прошу вас, поспешите[670] за вождями.

Агриппа

Марк Антоний[671] только[672] поцелует[673] Октавию,[674] мы последуем за ним.

Лепид

Итак, до свидания с вами в воинских доспехах, которые так идут к вам обоим, прощайте!

Меценат

Как я полагаю, мы будем у мыса[675] (...) прежде тебя, Лепид.

Лепид

Ваша дорога короче;[676] условия мои меня оттянут;[677] я предполагаю отправиться кругом и приеду через два дня после вас.

Меценат и Агриппа

Счастливого успеха!

Лепид

Прощайте!

Уходит.

Сцена V

Александрия. Комната во дворце.
Входят Клеопатра, Хармиан, Ира и Алексас.

Клеопатра

Дай мне какую-нибудь музыку, музыку; печальную пищу, для нас заняться любовью.[678]

Прислужник

Эй, музыку!

Входит Мардиан.

Клеопатра

Оставь его в покое! Пойдем играть на бильярде, пойдем, Хармиан.

Хармиан

У меня болит рука; играй лучше с Мардианом!

Клеопатра

Да для женщины все равно, что с евнухом, что с женщиной играть: пойдем; ты хочешь со мной играть?

Мардиан

Буду играть так хорошо, как умею.[679]

Клеопатра

Когда делают, насколько умеют,[680] хотя бы делали и плохо, заслуживают снисхождения. Я не хочу теперь. Дайте мне удочку, — пойдем на реку, там, под звуки отдаленной музыки, я хочу обманывать золотых рыбок, мой изогнутый крючок будет пронзать их слизистые челюсти; и когда я поймаю какую-нибудь, я буду думать, что поймала Антония; и скажу: «А, а, попался!»

Хармиан

Как было весело, когда вы в уженьи[681] с ним бились об заклад; и когда твой водолаз нацепил ему соленую рыбку, которую он с горячностью вытащил.

Клеопатра

Вот время! О время! Я смехом вывела его из терпения; и в ту же ночь я смехом успокоила его; и на следующее утро я напоила его до усыпления; потом надела на него свои одежды, а сама опоясалась филиппийским мечом. О, ты из Италии.

Входит гонец.

Начиняй[682] же плодоносными вестями мои уши, которые так долго были пусты.

Гонец

Царица, царица.

Клеопатра

Антоний умер?
Если ты это скажешь, ты убьешь свою царицу.
А что здоров и весел —
Если ты скажешь, вот тебе золото

И вот рука моя для поцелуя; рука,
Которую целовали цари и, целуя,
Трепетали.

Гонец

Прежде всего, царица, ему хорошо.

Клеопатра

Вот тебе еще золото. Но заметь,[683] что и про мертвых говорят, что им хорошо; если ты говоришь так, то я растоплю это золото и залью твое зловещее горло.

Гонец

Добрая царица, выслушай меня!

Клеопатра

Хорошо, говори, я слушаю; но я не вижу добра по твоему лицу; если Антоний весел и на свободе,[684] зачем же у тебя кислое выражение[685] лица[686] при[687] радостной вести! Если он нездоров, ты должен был прийти, как фурия, коронованный змеями, а не как обыкновенный человек.

Гонец

Не угодно ли тебе выслушать меня?

Клеопатра

Мне хочется прибить тебя прежде,[688] чем ты будешь говорить, но если ты скажешь, что Антоний жив и здоров,[689] что он друг Цезаря, а не в плену у него, я осыплю тебя золотым дождем и градом дорогих перлов.

Гонец

Царица, он здоров.

Клеопатра

Прекрасно

Гонец

И друг Цезарю.

Клеопатра

Ты честный человек.

Гонец

Цезарь и он даже более друзья, чем когда-нибудь.

Клеопатра

Я тебя обогащу.

Гонец

Но, царица...

Клеопатра

Я не люблю «но», оно портит хорошее предыдущее; я ненавижу «но»; «но» есть тюремщик, который выводит какого-нибудь чудовищного преступника. Сделай милость, друг, высыпай весь тюк известий в мои уши,[690] и дурное, и хорошее вместе.[691] Он друг с Цезарем, в добром здоровье, говоришь ты; и ты говоришь, свободен.

Гонец

Свободен, царица! Нет, я этого не говорил. Он закабален[692] Октавией.[693]

Клеопатра[694]

Как же это?[695] Для какого доброго дела?[696]

Гонец

Для общего ложа.[697]

Клеопатра

Я бледнею, Хармиан.

Гонец

Царица, он женился на Октавии.

Клеопатра

Чтоб тебе околеть от самой жестокой чумы *(сшибает его с ног)*.[698]

Гонец

Успокойся, добрая царица!

Клеопатра

Что ты сказал? *(Еще бьет его.)* Вон от меня, величайший негодяй! Или я пинками ног вытолкну твои глаза, как мячики; я обезволошу твою голову[699] *(таскает за волосы)*.[700] Я велю бить тебя железными прутьями и сварить[701] в рассоле,[702] и ты будешь томиться в подвале и...[703]

Гонец

Я только передаю, что сделалось,[704] но не[705] я устроил свадьбу.[706]

Клеопатра

Скажи, что это не так, и я дам тебе целую провинцию; я сделаю твои богатства завидными,[707] удары, которые ты получил, искупят ту вину, которой ты меня привел в бешенство и я вознагражу тебя всеми дарами, насколько позволит тебе[708] потребовать твоя скромность.

Гонец

Он женился,[709] царица.

Клеопатра

Бездельник, ты живешь слишком долго.[710]

Гонец

Нет, я убегу;[711] чего ты хочешь, царица? За мной нет вины.

Уходит.

Хармиан

Добрая царица, приди в себя; он невинен.

Клеопатра

И самых невинных гром побивает. Исчезни же Египет в Ниле и кроткие создания превратитесь в змей. Вороти этого раба; как я ни зла, я не укушу его. Вороти!

Хармиан

Он не смеет[712] прийти.

Уходит.

Клеопатра

Я не прибью его. Руки мои уже замараны тем, что я била человека такого низкого звания в сравнении со мной, тогда как я сама виновата.

Гонец входит.

Поди сюда![713] Хоть и[714] честно, всегда не[715] хорошо[716] приносить дурные вести; хорошие говори хоть в тысячу голосов,[717] а дурные пусть скажутся сами, когда дадут себя почувствовать.

Гонец

Я исполнил свой долг.

Клеопатра

Так он женился? Я уж не могу тебя больше ненавидеть, если ты скажешь: «Да».

Гонец

Он женился, царица.

Клеопатра

Да покарают[718] тебя боги! Ты все еще настаиваешь на своем?

Гонец

Разве я должен лгать, царица?

Клеопатра

О! Лучше бы ты солгал,[719] и пусть бы половина Египта затонула и превратилась в пруд для чешуйчатых змей! Убирайся вон отсюда! И будь ты Нарцисс лицом, ты мне все-таки покажешься безобразным. Так он женился?

Гонец

Извини, великая царица!

Клеопатра

Так он женился?

Гонец

Не гневайся на то, что я не хочу прогневить тебя: наказывать меня за то, что сама принуждаешь делать, величайшая несправедливость. Он женился на Октавии.

Клеопатра

О, если б[720] его вина[721] сделала[722] и тебя мошенником![723] Пошел вон; товар, который ты привез из Рима, слишком дорог для меня; пусть[724] он останется у тебя на руках и будь ты проклят![725]

Гонец уходит.

Хармиан

Великая[726] царица, имей терпение.[727]

Клеопатра

Превознося Антония, я унижала Цезаря.

Хармиан

Много раз, царица.

Клеопатра

И теперь[728] наказана за это. Ведите меня отсюда. Мне дурно:[729] о Ира, Хармиан! Нет, не надо![730] Поди к гонцу, добрый Алексас, рас-

спроси его об лице Октавии и об ее летах,[731] характере; не забудь спросить и о цвете волос; принеси мне ответ скорее.

Алексас уходит.

Пропади он навек,[732] нет, не отказываюсь,[733] Хармиан. Пусть он с одной стороны похож на Горгону, с другой — все-таки похож на Марса. (*Мардиану*)[734] Скажи Алексасу, чтоб принес сведения о ее росте.[735] Пожалей меня, Хармиан; но не говори со мной. Сведите меня в мою комнату.

Уходят.

Сцена VI

Близ мыса Мессенского.
Входят: Помпей и Мена, с одной стороны, с барабанами и трубами; с другой — Цезарь, Лепид, Антоний, Энобарб, Меценат с войском.

Помпей

У меня ваши заложники, у вас мои, и мы поговорим прежде битвы.

Цезарь

Да, благоразумнее начать переговорами; для этого мы послали тебе прежде наши предложения в письме; если ты[736] обсудил их, дай нам знать, согласен ли ты вложить в ножны свой недовольный меч и отпустить в Сицилию множество бравых[737] юношей, которые иначе должны здесь погибнуть.

Помпей

Я обращаюсь к вам троим, единственным сенаторам обширного света, главным комиссионерам[738] богов, — я не знаю, почему мой отец не должен иметь мстителей, имея сына и друзей, тогда как Юлий Цезарь, явившийся так[739] к доброму Бруту при Филиппе, видел, как вы сражались за него: что заставило бледного Кассия быть заговорщиком? Что заставило всеми уважаемого, честного Брута с другими вооруженными поклонниками[740] прекрасной свободы обагрить кровью Капитолий? Одно желание, чтобы человек не становился выше человека. Это также было и для меня причиной вооружить флот, под тяжестью которого волнуется негодующее море; и тем я хотел показать несправедливость злобного Рима, оказанную моему благородному отцу.

Цезарь

Знай[741] время!

Антоний

Не думай,[742] Помпей, испугать нас своим флотом; мы еще поговорим с тобой[743] на море; а на земле, ты знаешь сам, сильно мы превосходим тебя.

Помпей

На суше ты, конечно, богаче меня домом отца моего, но, подобно кукушке, которая не вьет гнезда, оставайся там, пока можешь.

Лепид

Это нейдет по настоящему делу, скажи, нравятся ли тебе[744] наши предложения.

Цезарь

Вот суть дела.

Антоний

Мы нисколько не упрашиваем[745] тебя, принимай в расчет только свою пользу.

Цезарь

И последствия, если ты погонишься за[746] бóльшим.

Помпей

Мне была предложена Сицилия и Сардиния, и я должен очистить море от разбойников; и присылать[747] в Рим[748] пшеницу: и когда соглашусь, то разойтись с незазубренными мечами и с неисцарапанными щитами.

Цезарь, Антоний, Лепид

Таковы наши предложения.

Помпей

Знайте, что я явился к вам, готовый принять ваши предложения; но Марк Антоний вывел меня из терпения; хотя я уменьшаю цену услуги, говоря о ней; но ты должен знать,[749] когда Цезарь и твой брат воевали, твоя мать прибыла в Сицилию и[750] получила дружеский прием.[751]

Антоний

Я слышал об этом, Помпей, и я[752] вполне обсудил, какою щедрою благодарностью я тебе обязан.[753]

Помпей

Дай мне руку! Я не ожидал встретить тебя здесь.

Антоний

Постели на востоке очень мягки; благодарю тебя, что ты вырвал меня, прежде чем я рассчитывал; я только выиграл через это.

Цезарь

С тех пор, как я тебя видел, ты много переменился.

Помпей

Ну; я не знаю,[754] какие следы[755] жестокая фортуна оставила на моем[756] лице,[757] но она никогда не залезет[758] мне за пазуху, и не сделает[759] мое сердце своим вассалом.

За пазуху ко мне не забралась
И сердца моего своим вассалом
Не сделала.[760]

Лепид

Рад видеть тебя.[761]

Помпей

Я надеюсь, Лепид. Мы теперь в согласии: я просил[762] бы[763] наши условия изложить на бумаге[764] и скрепить.[765]

Цезарь

Это первое дело.

Помпей

Нужно нам почтить друг друга пиром до расставанья; кинем жребий, кому начинать.

Антоний

Я начну, Помпей.

Помпей

Нет, Антоний, по[766] жребию,[767] но[768] будешь ли ты первым или последним, твое такое поваренное искусство[769] египетское получило[770] славу. Я слышал, что на тамошних кушаньях[771] растолстел и Цезарь.

Антоний

Ты много слышал.

Помпей

Я с добрым намерением.[772]

Антоний

И[773] добрыми[774] словами[775] выражаешься.

Помпей

Я слышал все это, я слышал еще, что Аполлодор приносил.[776]

Л е п и д

Довольно. Это верно.

П о м п е й

Что?[777]

Э н о б а р б

Царицу[778] в матрасе.

П о м п е й

Я только теперь узнал тебя. Как поживаешь, солдат?[779]

Э н о б а р б

Хорошо, и вероятно[780] буду жить хорошо;[781] впереди четыре пира.

П о м п е й[782]

Дай пожать твою руку; я никогда не имел к тебе ненависти; я тебя видел в сражении и завидовал твоей храбрости.

Э н о б а р б

Я[783] никогда тебя[784] очень-то не любил; но я тебя хвалил, когда ты заслуживал похвалу в десять раз бóльшую, чем моя.

П о м п е й

Наслаждайся[785] своей откровенностью; это идет к тебе; я приглашаю вас на палубу моей галеры. Пожалуйте вперед.

Ц е з а р ь, А н т о н и й и Л е п и д

Показывай дорогу.[786]

П о м п е й

Идет!

Уходят Помпей, Цезарь, Антоний, Лепид, солдаты и слуги.

М е н а

(про себя)[787]

Твой отец, Помпей, никогда не заключил бы такого договора. *(Энобарбу)* Мы с тобой были знакомы когда-то.[788]

Э н о б а р б

На море, мне кажется.

М е н а

Именно там.

Э н о б а р б

Ты отличился на море.

М е н а

А ты на суше.

Э н о б а р б

Я готов хвалить человека,[789] только бы и он меня хвалил; хотя нельзя отрицать, что я действовал хорошо на суше.

М е н а

Также и того, что я делал[790] на море.

Э н о б а р б

Да, но кой что, для своей пользы, ты должен и отрицать; ты был великим грабителем на море.

М е н а

А ты на суше.

Э н о б а р б

От этих заслуг я отказываюсь, но дай мне руку, Мена; о если б глаза наши были власть имеющие,[791] здесь[792] бы увидали,[793] как целуются[794] два[795] вора.[796]

М е н а

Лица честных[797] людей.[798]

Э н о б а р б

Но нет ни одной хорошенькой женщины, у которой бы было честное лицо.[799]

М е н а

Правда,[800] не во гнев им сказать,[801] они воруют сердца.

Э н о б а р б

Мы пришли сюда драться с вами.

М е н а

Что касается меня, я признаюсь, мне досадно, что пришлось[802] пировать.[803] Помпей просмеивает[804] сегодня свое счастье.

Э н о б а р б

Если так, то уж он не выплачет его обратно.

Мена

Ты правду сказал. Марка Антония мы не ожидали здесь встретить. Скажи, женился он на Клеопатре?

Энобарб

Сестру Цезаря зовут Октавией.

Мена

Верно, она была женой Кайя Марцелла.

Энобарб

А теперь жена Марка Антония.

Мена

Что ты говоришь?[805]

Энобарб

Это верно.

Мена

Итак, Цезарь и он связаны навеки.

Энобарб

Если б мне пришлось предсказывать об этой связи, то я напророчил бы не то.

Мена

Я думаю, что политика в этом браке имела бóльшую долю, чем любовь.

Энобарб

Я то же думаю, но ты увидишь, что связь, которая должна бы закрепить их дружбу навеки, будет настоящей удавкой их дружбы.[806] Октавия чиста, холодна и скромна[807] в разговорах.

Мена

Кто же не захочет иметь такую жену?[808]

Энобарб

Тот, кто сам не таков, и это Марк Антоний. Он возвратится к своему блюду в Египет; тогда вдали Октавии раздуют огонь в Цезаре; и, как я сейчас сказал, то, что послужило к скреплению их дружбы, должно непосредственно быть причиной их разрыва. Антоний будет любить[809] там, где его любовь, и здесь его[810] женитьба[811] — случай.[812]

М е н а

И все это может быть.[813] Пойдем, хочешь на галеру? Я хочу выпить за тебя.[814]

Э н о б а р б

Я[815] принимаю[816] его.[817] Мы к тому приготовили наши горла в Египте.

М е н а

Пойдем,[818] идем отсюда.

Сцена VII

На палубе галеры Помпея[819] у мыса Мессенского. Музыка. Входят двое или трое слуг[820] со столом.

1-й с л у г а

Они сейчас придут сюда; некоторые так слабо держатся,[821] что малейший ветер свалит их на землю.

2-й с л у г а

Лепид сильно разрумянился.

1-й с л у г а

Его заставляли пить и в угоду богам.[822]

2-й с л у г а

Наговорят[823] они друг другу колкости,[824] он сейчас кричит: «довольно», улаживает[825] тех просьбами, а себя вином.

1-й с л у г а

И тем еще больше увеличивает свой[826] разлад[827] с рассудком.

2-й с л у г а

Вот что значит попасть в общество могу<ще>ственных[828] людей; для меня дрянная тростинка лучше копья, которого я не могу поднять.

1-й с л у г а

Быть приглашенным в высшие[829] сферы[830] и не[831] вращаться в них,[832] все равно, что дыры, где глаза должны быть, которые жалким образом выказывают вид щек.

Музыка. Входят: Цезарь, Антоний, Помпей, Лепид, Агриппа, Меценат, Энобарб, Мена и другие предводители.

Антоний

Так у них заведено; *(Цезарю)* они узнают[833] разлив[834] в Ниле по известной метке на пирамидах; по подъему высокому или низкому воды они узнают, последует ли голод или урожай. Чем более[835] Нил поднимается, тем более он обещает,[836] когда он спадет, земледелец бросает семена в ил[837] и тину и скоро дозревает жатва.[838]

Лепид

У вас там страшные змеи.

Антоний

Да, Лепид. [839]

Лепид

Ваши египетские змеи выводятся из вашей грязи[840] от действия вашего солнца; также и ваши крокодилы.

Антоний

Так.

Помпей

Садитесь, — и выпьем[841] вина за здоровье Лепида.

Лепид

Я хоть и не таков, как надо,[842] но я всегда не прочь[843] от вас.[844]

Энобарб

Не прочь[845] от нас,[846] пока не заснешь;[847] мне кажется, что до тех-то пор ты будешь здесь.[848]

Лепид

Ну, и конечно, я слышал, что пирамиды Птолемеев очень замечательны,[849] бесспорно, я это слышал.[850]

Мена
(тихо)

Помпей, одно слово.

Помпей

Говори мне на ухо: что там такое?

Мена
(тихо)

Прошу тебя, встань, я умоляю тебя встать, предводитель, и позволь мне сказать слово.[851]

П о м п е й

Скажешь после: что ж,[852] кубок за[853] Лепида.

Л е п и д

А что такое этот ваш крокодил?[854]

А н т о н и й

Он станом похож сам на себя; и такой же толщины,[855] как он толст,[856] роста он совершенно такого, как есть, и движется на своих членах; он живет[857] тем, что его питает,[858] и когда жизненный элемент в нем исчезает, он переходит в другое состояние.

Л е п и д

Какого он цвету?

А н т о н и й

Своего собственного.

Л е п и д

Странный змей.

А н т о н и й

Да, и слезы у него мокрые.

Ц е з а р ь

Удовлетворится ли он этим описанием?[859]

А н т о н и й

Еще бы, после заздравного-то кубка[860] Помпея,[861] иначе он[862] настоящий эпикуреец.

П о м п е й
(Мене, тихо)

Поди удавись, удавись! Что там за дело? Убирайся! Делай, что приказывают. Где кубок, который я велел подать?

М е н а
(тихо)

Если за мои заслуги ты хочешь выслушать меня, встань![863]

П о м п е й

Мне кажется, ты с ума сошел. В чем дело?

(Встает, разговаривая про себя.)

М е н а

Я всегда снимал[864] шапку перед твоим счастьем.[865]

П о м п е й

Ты всегда служил мне очень верно. Что еще хочешь сказать? Веселей, господа!

А н т о н и й

Берегись песчаной косы, Лепид, держись крепче, утонешь.[866]

М е н а

Хочешь быть господином всего мира?[867]

П о м п е й

Что говоришь ты?

М е н а

Хочешь быть господином всего мира? Я повторяю.

П о м п е й

Как это может быть?

М е н а

Согласись только, и каким бы бедным ты меня не считал, я могу подарить тебе мир.

П о м п е й

Ты много выпил?

М е н а

Нет, Помпей, я не подносил кубка к губам.[868] Ты будешь, если осмелишься, великим Юпитером, все, что объято океаном и окружено небом, твое, если ты[869] возьмешь.[870]

П о м п е й[871]

Но каким образом? Скажи, как?

М е н а

Эти три соучастника[872] во владении[873] миром, эти соправители[874] на твоем корабле: вели мне обрезать[875] канат; и когда мы будем в открытом море, перерезать им горло; и все твое.

П о м п е й

Ты должен был сделать это,[876] не говоря[877] мне об этом. Во мне это была бы подлость, в тебе самая лучшая услуга. Ты должен знать, что

во мне не выгода управляет честью, а честь выгодой. Жалей, что твой язык выдал твой замысел: выполни его без моего ведома, я бы его одобрил, а теперь я не могу не осудить его. Перестань и пей!

М е н а
(про себя)[878]

С этих пор я не пойду за твоим бледнеющим счастьем. Кто ищет и не хочет брать, когда ему дается в руки, тот никогда уж более не найдет.

П о м п е й

За здоровье Лепида!

А н т о н и й

Снесите его на берег. Помпей, я пью за его здоровье!

Э н о б а р б

Я пью за тебя, Мена.

М е н а

Благодарю тебя.

П о м п е й

Наливайте кубок[879] с краями.

Э н о б а р б

Какой силач, Мена! *(Показывает на служителя, который уносит Лепида.)*

М е н а

Почему?

Э н о б а р б

Он несет третью часть мира. Разве не видишь?[880]

М е н а

Третья часть пьяна. Если так, я желал бы того же и остальным,[881] тогда все пойдет колесом.

Э н о б а р б

Пей, увеличивай[882] круговращение!

М е н а

Идет.

П о м п е й[883]

Но это все же не Александрийский пир.

А н т о н и й[884]

Близко подходит.[885] Чокайтесь бокалами! За здоровье Цезаря!

Ц е з а р ь

Пожалуй бы и не надо.[886] Ведь это чудовищная работа: полоскать свой мозг, когда он становится грязнее от этого.

А н т о н и й

Будь дитя времени!

Ц е з а р ь

Будь по-твоему,[887] я тебе отвечу. Но я скорее не[888] пил бы[889] четыре дня, чем выпить столько водки.

Э н о б а р б

О, мой храбрый повелитель![890] Не протанцовать ли нам Египетские вакханалии и прославить наше[891] вино?[892]

П о м п е й

Ну, давай,[893] храбрый воин![894]

А н т о н и й

Идет, возьмемтесь все за руки: пока победоносное вино не утопило наших чувств в нежной и приятной Лете.

Э н о б а р б

Беритесь за руки! Пусть громкая музыка бьет в наши уши: в это время я вас расставлю. Этот юноша должен петь, и все повторят припев так громко, как только хватит силы в боках.[895] *(Музыка играет. Энобарб соединяет руки.)*

ПЕСНЯ

Приди ты, царь вина,
Толстый Вакх с веселыми глазами;
В твоих бочках[896] мы топим заботы.
Твоим виноградом венчаем головы.
Подчуй нас, пока свет пойдет кругом. (2 <раза>)
О, монарх вина, явись пред нами. [897]
Толстый Вакх с веселыми глазами.
Напои нас так, чтоб мир вертелся.[898]

Ц е з а р ь

Ну, не[899] довольно ли? Прощай, Помпей. Пойдем, любезный[900] брат, прошу тебя: наши[901] важные обязанности сердятся на такое легкомыслие. Благородные господа, расстанемтесь; вы видите, как разгорелись наши щеки; даже сильный[902] Энобарб[903] слабее[904] вина,[905] и мой язык заплетается, когда я говорю: дикое пьянство сделало[906] из[907] нас почти не людей.[908] Что говорить еще? Такое вино![909] Доброй ночи! Любезный[910] Антоний, руку!

П о м п е й

Мы еще померяемся на суше.

А н т о н и й

Так и будет: дай руку.

П о м п е й

О, Антоний, у тебя дом моего отца, — но да[911] что об этом[912]... Мы теперь друзья, сойдем в лодку.[913]

Э н о б а р б

Берегитесь,[914] как бы не упасть. — Мена, я не могу на берег.

Уходят Помпей, Цезарь, Антоний и слуги.

М е н а

Пойдем в мою каюту. Гремите барабаны, звучите трубы, флейты! и что еще! Пусть Нептун слышит, как громко наше прощание с этими[915] великими.[916] Играйте! Черт вас возьми![917] Играйте!

Гремят[918] трубы и барабаны.

Э н о б а р б

Ура, говорю я. Вот моя шапка!

М е н а

Ура!

Уходят.

Действие III

Сцена I

Долина в Сирии.
Входят торжественно: Вентидий, Силий и другие римские предводители; впереди несут труп Паркора.[919]

В е н т и д и й

Теперь летучая[920] Парфия, ты поражена; и благосклонное счастие сделало меня мстителем за смерть Марка Красса. Несите труп царского сына перед войском: Паркором, Ород, ты заплатишь за Марка Красса.

Силий

Благородный Вентидий, пока кровью парфян дымится твой меч, преследуй бегущих парфян и пройди Мидию, Месопотамию, по всем местам, куда[921] они бросятся;[922] и Антоний, твой великий повелитель, возведет тебя на триумфальную колесницу и возложит венок на твою голову.

Вентидий

О, Силий, Силий, я сделал довольно: подчиненный, заметь хорошенько, не должен совершать слишком[923] великих подвигов; вот тебе урок, Силий, лучше не доделывать дела, чем приобретать слишком[924] высокую славу в отсутствии того, кому ты служишь; Цезарь и Антоний всегда одерживали[925] побед больше[926] подчиненными им предводителями, чем сами; Сосий, подчиненный Антонию, занявший ту же должность,[927] которую теперь я занимаю, впал в немилость[928] за то, что в короткое время слишком прославился; кто на войне делает более, чем его начальник, тот становится вождем своего вождя; и честолюбие, эта добродетель воина, всегда[929] предпочитает проигрыш победе, которая затемняет его. Я могу сделать более для пользы Антония, но это оскорбит его; и этим погублю все свои заслуги.[930]

Силий

У тебя, Вентидий, есть качества, без которых воин не отличается от своего меча.[931] Ты будешь писать Антонию?

Вентидий

Я ему нижайше засвидетельствую, что мы сделали его именем, этим волшебным кличем на войне. Как[932] его знаменами и хорошо оплаченными войсками[933] Парфянскую конницу, доселе непобедимую, мы прогнали с поля.[934]

Силий

Где он теперь?

Вентидий

Он хотел быть[935] в Афинах; туда мы и отправимся к нему со всею поспешностью, какую дозволит нам наш обоз.[936] Вперед, идемте.

Уходят.

Сцена II

Рим. Передняя в доме Цезаря.
Входят Агриппа и Энобарб (навстречу друг другу).

Агриппа

Ну, что, расстались ли братья?

Э н о б а р б

Помпея сбыли с рук, и он ушел,[937] а остальные трое скрепляют договор. Октавия плачет, что уезжает из Рима, Цезарь печален, и Лепид, с пира Помпея, как говорит Мена, страдает бледною немочью.

А г р и п п а

Благородный человек Лепид.

Э н о б а р б

Прекрасный человек: о, как он любит Цезаря!

А г р и п п а

Да, но как он обожает Марка Антония!

Э н о б а р б

А Цезаря? Это для него Юпитер между людьми.

А г р и п п а

А Антоний? Он бог над Юпитером.

Э н о б а р б
(голосом Лепида)

Вы говорите о Цезаре? О, ему нет подобных.

А г р и п п а
(тоже подражает Лепиду)

О, что такое[938] Антоний! Аравийская птица!

Э н о б а р б

Хочешь похвалить Цезаря, — скажи: «Цезарь» и довольно.

А г р и п п а

Действительно, он им обоим расточал[939] самые лестные похвалы.

Э н о б а р б

Но Цезаря любит больше: однако он любит и Антония. О! Ни сердце, ни язык, ни рисунок[940], ни писатели, ни барды, ни поэты не могут вздумать, сказать, сосчитать[941], описать, исчислить, выпеть, о, какова его любовь к Антонию; что же касается Цезаря, то на колена, на колена, и удивляйся.

А г р и п п а

Обоих любит.

Э н о б а р б

Они его крылья, а он жук! *(Трубы.)* Так![942] Это сигнал[943] садиться[944] на коней.[945] Прощай, благородный Агриппа.

А г р и п п а

Желаю счастья, храбрый воин, и прощай.

Входят Цезарь, Антоний, Лепид и Октавия.

А н т о н и й

Не ходи далее!

Ц е з а р ь

Ты берешь от меня большую долю меня самого; ублажай[946] меня в ней. Сестра, будь такой женой, какой я[947] тебя воображаю, и оправдай[948] высокое мнение, которое я имею о тебе.[949] Благороднейший Антоний, пусть сокровище добродетели, которое находится между нами,[950] как цемент нашей любви,[951] охрана строения, не будет тараном для разрушения его крепости: лучше было бы не иметь этой новой связи для любви нашей, если мы с обеих сторон не будем ее лелеять.

А н т о н и й

Не оскорбляй меня недоверием.

Ц е з а р ь

Я кончил.[952]

А н т о н и й

Ты не найдешь, будь ты самый разборчивый человек,[953] малейшей причины к тому, чего ты, кажется, боишься: итак,[954] боги да хранят тебя и сделают сердца римлян готовыми служить твоим целям. Расстанемся здесь!

Ц е з а р ь

Прощай, моя милая сестра, прощай! Да благоприятствуют тебе стихии и дают твоей душе отраду![955] Прощай!

О к т а в и я

Мой благородный брат!

А н т о н и й

Апрель в ее глазах: это весна любви и слезы <—> дождь, возвращающийся. Будь веселее.

О к т а в и я

Береги хорошенько дом моего мужа.

Ц е з а р ь

Что, Октавия?

О к т а в и я

Я тебе скажу на ухо.

А н т о н и й

Ее язык не повинуется сердцу, и ее сердце не оживляет языка.[956] Пушистое[957] перо лебедя колеблется на верху волны,[958] не склоняясь ни в ту, ни в другую сторону.

Э н о б а р б
(тихо Агриппе)

Не заплачет[959] ли Цезарь?

А г р и п п а

У него темное облако на лице.

Э н о б а р б

Темное пятно нехорошо и на лбу у лошади, а у человека еще хуже.

А г р и п п а

Отчего же, Энобарб? И Антоний чуть не в голос выл над трупом Цезаря; и плакал при Филиппи над[960] телом[961] Брута.

Э н о б а р б

В том году он страдал насморком; он готов был[962] плакать[963] и над теми,[964] которых сам поражал,[965] верь тому,[966] пока[967] я не[968] заплачу.

Ц е з а р ь

Нет, милая Октавия, ты будешь иметь от меня известия; время не изгладит тебя из моей памяти.

А н т о н и й

Довольно, довольно! Я поспорю[969] с тобой в моей способности любить. Вот я обнимаю тебя, теперь я оставляю тебя и поручаю богам.

Ц е з а р ь

Прощай! Будь счастлива!

Л е п и д

Пусть все звезды неба освещают твой путь!

Ц е з а р ь

Прощай, прощай! *(Целует Октавию.)*

А н т о н и й

Прощай!

Трубы. Уходят.

Сцена III

Александрия. Комната во дворце.
Входят Клеопатра, Хармиан, Ира и Алексас.

К л е о п а т р а

Где же этот?[970]

А л е к с а с

Он войти боится.

К л е о п а т р а

Смелей! Иди! Поди сюда!

Входит г о н е ц.

А л е к с а с

Царица,
И Ирод Иудейский не посмеет поднять на тебя глаз, когда ты в дурном расположении.

К л е о п а т р а

Я[971] достану[972] голову этого Ирода. Но как? Я потеряла Антония, который мог бы мне ее доставить. Подойди поближе!

Г о н е ц

Всемилостивая царица.

К л е о п а т р а

Видел ты Октавию?

Г о н е ц

Да, величественная царица.

К л е о п а т р а

Где?

Г о н е ц

В Риме, я ее видел в лицо, я видел, как она шла между своим братом и Марком Антонием.

К л е о п а т р а

Она такого же роста, как и я?

Гонец

Нет, царица.

Клеопатра

Слышал ты ее разговор? У нее громкий[973] голос или тихий?

Гонец

Царица, я слышал ее разговор; она говорит тихо.

Клеопатра

Это нехорошо. Долго любить ее он не может.

Хармиан

Любить ее? О, Изида![974] Это невозможно.

Клеопатра

И я то же думаю, Хармиан: глухой голос и небольшой рост! Есть величие в ее походке? Припомни; если ты видел когда-нибудь величие.

Гонец

Она ползет: движется она или стоит, это одно и то же: она более тело, чем жизнь; скорее статуя, чем человек.

Клеопатра

Да это верно?

Гонец

Или я совсем не имею наблюдательности.[975]

Хармиан

В Египте[976] не найдешь трех человек, таких наблюдательных, как он.

Клеопатра

Он знающий человек, я вижу это. В ней нет ничего особенного. Этот малый со смыслом.

Хармиан

И очень.

Клеопатра

Сколько ей лет, скажи.[977]

Гонец

Она была уже вдова.

Клеопатра

Вдова? Хармиан, слушай![978]

Гонец

Я думаю, ей лет тридцать.

Клеопатра

Помнишь ты ее лицо? Длинное оно или круглое?

Гонец

Круглое[979] выше меры.[980]

Клеопатра

Большая часть тех, которые имеют такие лица, глупы. Какого цвета волосы у ней?[981]

Гонец

Русые,[982] царица. И лоб такой малый,[983] как только можно[984] захотеть.[985]

Клеопатра

Вот тебе золото! Не сердись за мои прежние резкости, я хочу тебя[986] опять туда послать.[987] Я нахожу, что ты очень ловкий человек: поди, сбирайся; мои письма готовы.

Гонец уходит.

Хармиан

Способный человек!

Клеопатра

Да, это так. Мне жаль, что я прибила его. Судя по его словам, в ней[988] нет ничего особенного.

Хармиан

Ничего, царица.

Клеопатра

Этот человек видал величие и поймет.[989]

Хармиан

Видал ли он величие? О, Изида, еще бы! Служа-то столько времени тебе!

Клеопатра

Мне надо бы его еще спросить, милая Хармиан; ну, да это неважно, ты приведешь его ко мне, чуть я буду писать. Еще дело-то, пожалуй, поправится.

Хармиан

Я в этом даже[990] не сомневаюсь.[991]

Уходят.

Сцена IV

Афины. Комната в доме Антония. Входят Антоний и Октавия.

Антоний

Нет, нет, Октавия, это еще не все, — я извинил бы ему это и тысячу еще подобных вещей, — но он начал войну против Помпея, он написал завещание и прочел его публично: обо мне говорил вскользь;[992] там, где он <не мог> не отозваться обо мне с честью, он тихо[993] и вяло[994] говорил,[995] он уменьшал меру моих похвал, когда нужно было говорить о них, ему напоминали,[996] он не смотрел,[997] или говорил сквозь зубы.

Октавия

О мой друг, не верь всему, а если[998] веришь, не принимай к сердцу. Я буду очень несчастная женщина, если такой разрыв случится; поставленная между враждующих сторон и молящаяся за обоих: боги насмеются надо мной, когда я скажу: «Пошлите счастье моему господину и мужу», — и произнеся такую молитву, я закричу им громко: «пошлите счастье моему брату». Молить мужу победы и брату победы — уничтожать молитву; нет середины между этими крайностями.

Антоний

Благородная[999] Октавия, обрати свою любовь к тому, кто более старается сохранить ее; если я погублю честь, я погублю самого себя. Лучше бы я не был твой, чем твой так...[1000] Но как ты просила, будь нашей посредницей. В это время я сделаю приготовления к войне, которая запятнает твоего брата, делай это проворнее, чтобы твои желания исполнились.

Октавия

Благодарю тебя. Да даст Юпитер мне, слабейшей, силу вас примирить! Война меж вами это все равно, если б мир треснул и нужно было эту щель наполнить трупами, чтобы ее забить.[1001]

Антоний

Когда ты увидишь, где[1002] этому начало,[1003] туда и обрати свое неудовольствие; вины наши не могут быть так одинаковы,[1004] чтобы любовь твоя[1005] в равновесии[1006] колебалась[1007] между нами.[1008] Приготовляйся к отъезду; выбери себе провожатых и производи издержки, какие вздумаешь.

Уходят.

Сцена V

Другая комната в том же дворце.
Входят[1009] *Энобарб и Эрос с разных сторон.*

Энобарб

Что нового, друг Эрос?

Эрос

Пришли странные новости.

Энобарб

Какие?[1010]

Эрос

Цезарь и Лепид начали войну с Помпеем.

Энобарб

Это старо; что произошло далее?

Эрос

Цезарь, воспользовавшись услугами Лепида в войне против Помпея, отказался тотчас же признавать его товарищем; не захотел, чтобы тот разделял с ним славу этого похода, и, не удовлетворившись этим, он обвинил его в прежней[1011] переписке с Помпеем и, по самоличному обвинению,[1012] арестовал его: таким образом бедный третий в тюрьме, из которой только смерть освободит его.

Энобарб

Итак, мир, у тебя только два[1013] рта,[1014] не больше; и если ты бросишь им всю пищу, какая у тебя есть, они все же будут пожирать[1015] друг друга. Где Антоний?[1016]

Эрос

Он гуляет в саду; таким образом: и отшвыривает ногой попадающиеся ему сучья; кричит: «Дурак Лепид!»; и грозит[1017] тому[1018] из начальников в войске, кто убил Помпея.

Энобарб

Наш многочисленный флот готов к отплытию.

Эрос

Против Италии и Цезаря. Еще, Домиций, наш повелитель желает тебя видеть немедленно; я мог бы рассказать новости и в другое время.

Э н о б а р б

Ничего не выйдет.[1019] Но будь что будет. Проводи меня к Антонию.

Э р о с

Пойдем!

Уходят.

Сцена VI

Рим. В доме Цезаря.
Входят: Цезарь, Агриппа и Меценат.

Ц е з а р ь

Из презрения к Риму он сделал все это; и больше:[1020] в Александрии вот как дело происходило: на торговой[1021] площади, на посеребреных[1022] подмостках, Клеопатра и он на золотых седалищах были всенародно возведены на престол; у их ног сидели и[1023] Цезарион, которого они называют сыном моего отца, и все незаконное поколение, происшедшее с того времени[1024] от их разврата. Он вручил[1025] ей[1026] Египет;[1027] назначил ее самодержавной царицей нижней Сирии, Кипра, Лидии.

М е ц е н а т

И это всенародно?

Ц е з а р ь

Посреди площади, назначенной для игр. Ее сын был объявлен царем царей; великую Мидию, Парфию и Армению отдал[1028] Александру, Птоломею назначены Сирия, Киликия и Финикия: она явилась в этот день народу в одежде богини Изиды; да также, говорят, выходила[1029] часто и раньше[1030] при аудиенциях.

М е ц е н а т

Надо, чтоб Рим знал все это.[1031]

А г р и п п а

Рим, который уже и так[1032] раздражен[1033] его наглостью, потеряет[1034] к нему уважение.[1035]

Ц е з а р ь

Народ знает об этом, и теперь получил от него[1036] обвинения.

А г р и п п а

Кого же он обвиняет?

Ц е з а р ь

Цезаря: он жалуется, что, выгнав Секста Помпея из Сицилии, я не дал ему части в этом острове; он говорит, что он мне[1037] ссудил корабли, и я их[1038] не возвратил;[1039] наконец, он негодует, что Лепид исключен из триумвирата, и что я конфисковал все его имущество.

А г р и п п а

Надо отвечать на эти обвинения.

Ц е з а р ь

Ответ уже[1040] сделан и посол послан. Я ему ответил, что Лепид стал очень жесток; что он злоупотреблял своей высокой властью и что низложение его заслужено. Что касается до моих завоеваний, то я уступаю ему его часть; но в Армении и в других завоеванных им царствах я требую свою часть.

М е ц е н а т

Он на это никогда не согласится.

Ц е з а р ь

В таком случае и мы не должны[1041] соглашаться[1042] на его требования.

Входит Октавия.

О к т а в и я

Здравствуй, мой повелитель, Цезарь; здравствуй, мой возлюбленный[1043] Цезарь!

Ц е з а р ь

И мне-то[1044] довелось[1045] называть тебя покинутой.

О к т а в и я

Тебе не приходилось[1046] так называть меня, у тебя нет причины.[1047]

Ц е з а р ь

Зачем являться так украдкой?[1048] Это не пристало сестре Цезаря; жене Антония должна предшествовать целая армия, ржание лошадей должно задолго возвестить ее прибытие; деревья по дороге должны быть отягощены[1049] зрителями, должны томиться от[1050] долгого[1051] ожидания[1052] увидеть ее; нет, до свода небес должна подниматься пыль, поднятая твоей свитой; а ты пришла в Рим, как рыночная торговка; ты предупредила тщеславие нашей любви, которая[1053] без него часто бывает непризнана;[1054] мы бы тебя[1055] встретили[1056] на море и на берегу и приветствовали тебя, приготовляя[1057] на каждой остановке[1058] все возрастающие встречи.

Октавия

Любезный брат, я явилась сюда таким образом не по принуждению, а по собственному желанию; мой повелитель, Марк Антоний, узнав, что ты готовишься к войне, сообщил мне тогда же этот печальный слух; почему я и испросила у него позволения вернуться сюда.

Цезарь

Которое он дал охотно; потому что ты стояла помехой между его распутством и им.

Октавия

Не говори так!

Цезарь

Я не спускаю с него глаз; слухи о его делах доносятся до меня по ветру. Где он теперь?

Октавия

В Афинах.

Цезарь

Нет, моя горько обиженная сестра, Клеопатра выманила его к себе. Он отдал свою власть распутной. И теперь поднимают всех царей земли войной на меня; они[1059] подняли царя Бокха, царя Ливии; Архелая Кападокийского; Филадельфа, царя Пафлагонии; фракийского царя, Адалла, Малха царя Аравии, царя Понтийского, Ирода Еврейского, Митридата Комагенского, Полемона и Аминта, царей Мидии и Ликаонии, и завербовали много других скиптров.

Октавия

Ай я несчастная, я разделила сердце между двумя друзьями, которые враждуют между собой. [1060]

Цезарь

Добро пожаловать к нам; только твои письма замедляли наш разрыв;[1061] пока я не узнал, что тебя обманывают[1062] и что я бездействую,[1063] находясь в опасности. Развесели свое сердце. Не сокрушайся.[1064] Не возмущайся этим обстоятельством,[1065] которое сокрушает[1066] твое довольство по необходимости,[1067] пусть все, что назначено судьбой, совершается неоплаканно. Милости просим в Рим; ты меня[1068] очень обрадовала. Ты обижена выше меры; и великие боги для совершения правосудия избрали[1069] исполнителей из нас и тех, кто тебя любит. Утешься. Мы все всегда рады тебе служить.[1070]

А г р и п п а

Поздравляю тебя с приездом!

М е ц е н а т

Добро пожаловать! Все сердца в Риме любят и жалеют тебя, только прелюбодей Антоний, очень великий[1071] в своих гнусностях, бросил[1072] тебя, и передал свою власть проститутке, которая шумит на нас.

О к т а в и я

Так ли это?

Ц е з а р ь

Совершенно верно. Милости прошу, сестра; я умоляю тебя, будь терпелива,[1073] моя возлюбленная сестра.

Уходят.

Сцена VII

Лагерь Антония у мыса Акциума. Входят: Клеопатра и Энобарб.

К л е о п а т р а

Я еще тебе отплачу,[1074] ты не сумневайся.

Э н о б а р б

За что, за что, за что?

К л е о п а т р а

Ты был против моего присутствия на войне, говорил, что это нейдет.

Э н о б а р б

А что же, идет, идет? [1075]

К л е о п а т р а

Да, если это не запрещено, так[1076] отчего мне не[1077] быть здесь лично?

Э н о б а р б
(про себя)

Я знаю хорошо, что нужно ответить:[1078] если ты возьмешь на войну вместе с конями кобыл, то кони будут бесполезными, потому что кобылы увлекут за собой всадников вместе с конями.

К л е о п а т р а

Что ты говоришь?

Энобарб

Твое присутствие непременно помешает[1079] Антонию; ты займешь его сердце, его мозг, его время, которые[1080] должны быть у него.[1081] Его уж порицают за легкомыслие, и говорят в Риме, что Фотий евнух и твои служанки[1082] управляют на войне.

Клеопатра

Сгинь Рим, и пусть отсохнут языки, которые говорят против нас! Эта война касается и меня, и я, как глава царства,[1083] хочу здесь показать себя за[1084] мужчину.[1085] Не говори против,[1086] я не останусь позади.

Энобарб

Я свое сказал.[1087] Вот идет наш полководец.

Входят: Антоний и Канидий.[1088]

Антоний

Не странно ли это, Канидий, что его войско из Тарента и Брундузиума могло в такое короткое время переплыть Ионийское море и захватить Торину? Ты слышала это, душа моя?

Клеопатра

Скорость больше всего удивляет ленивых. Никто так не восторгается чужой быстротою, как нерадивые.[1089]

Антоний

Вот упрек,[1090] какого не сделал бы и лучший из мужчин, за нашу распущенность.[1091] Канидий, мы сразимся с ним на море.

Клеопатра

На море! Еще что?[1092]

Канидий

Зачем же это, мой повелитель?

Антоний

Затем, что он вызывает[1093] нас[1094] на морское сражение.

Энобарб

Но ведь ты вызывал его на единоборство.

Канидий

Да, и полем сражения избрал долину в Фарсалии, где Цезарь сражался с Помпеем: но так как это предложение не представляло для него выгоды, он стряхнул[1095] его; так и ты должен.

Э н о б а р б

Твои корабли нехорошо снаряжены народом,[1096] твои матросы — погонщики мулов, жнецы, народ, нахватанный в службу[1097] на скорую руку; на флоте Цезаря люди, часто сражавшиеся с Помпеем: его корабли легки на ходу, твои тяжелы. Для тебя нет бесчестия отказаться от морского сражения, когда ты приготовился[1098] <к> сражению на земле.

А н т о н и й

На море, на море!

Э н о б а р б

Достойнейший полководец, этим ты сведешь на ничто то несравненное мужество, которое ты имеешь на суше; приводишь в отчаяние[1099] войско, которое большею частью состоит из[1100] опытных в военном деле пехотинцев; ты отнимешь у себя возможность показать твое признанное искусство; совершенно обегаешь путь,[1101] который[1102] обещает[1103] тебе верный успех...[1104]

А н т о н и й

Я сражусь с ним на море.

К л е о п а т р а

У меня шестьдесят парусов,[1105] цезаревы не лучше.

А н т о н и й

Лишние корабли мы сожжем и с[1106] остальными[1107] укомплектованными[1108] разобьем[1109] у[1110] Акциума приближающегося Цезаря. Если не удастся, *(входит гонец)* то мы можем сделать это[1111] на суше. Что тебе?

Г о н е ц

Слухи справедливы, это дознано. Цезарь взял Торину.

А н т о н и й

Как ему лично[1112] быть там?[1113] Невозможно. Странно, что его войско[1114] там. — Канидий,[1115] девятнадцатью нашими легионами[1116] ты будешь командовать[1117] на суше и двенадцатью[1118] тысячами[1119] коней; а мы отправимся на корабли. *(Входит воин.)* Пойдем, моя Фетида. Ну, что,[1120] достойный[1121] воин?

В о и н

Благородный полководец, не сражайся на море; не вверяй себя гнилым доскам: ужели ты не[1122] доверяешься[1123] этому мечу и этим ра-

нам? Предоставь египтянам и финикиянам нырять в воду,[1124] мы привыкли побеждать на земле, драться нога к ноге.

А н т о н и й

Хорошо, хорошо, идем!

Уходят: Антоний, Клеопатра и Энобарб.

В о и н[1125]

Клянусь Геркулесом, я думаю,[1126] что я прав.

К а н и д и й

Воин ты прав, но он основывает свои действия не на том, где его сила.[1127] Итак,[1128] нашего[1129] вождя[1130] ведут,[1131] и мы слуги[1132] у женщин.

В о и н

Не тебе ли поручено на суше все целиком[1133] начальство над легионами и конницей?

К а н и д и й

Марк Октавий, Марк Юстей, Публикола и Целий начальствуют на море, а мы остаемся[1134] на земле. Быстрота Цезаря превосходит вероятие.

В о и н

Когда он был еще в Риме, его[1135] войско отправлялось такими[1136] небольшими отрядами, что[1137] не могли уследить[1138] лазутчики.

К а н и д и й

Кто у него подручный, не слыхал ты?

В о и н

Говорят, какой-то[1139] Тавр.

К а н и д и й

Я его знаю.

Входит гонец.

Г о н е ц

Полководец зовет Канидия.

К а н и д и й

Время чревато новостями[1140] и рождает их ежеминутно.

Уходят.

Сцена VIII

Равнина близ Акциума.
Входят: Цезарь, Тавр, начальники отрядов и ...

Ц е з а р ь

Тавр!

Т а в р

Повелитель?

Ц е з а р ь

Избегай столкновения на суше; сохраняй[1141] войско; не начинай сражения прежде, чем мы кончим на море. Соображайся с предписаниями, изложенными в этом свитке; наше счастие зависит от[1142] точности.[1143]

Уходят.

Сцена IX

Другая часть равнины[1144] *близ Акциума.* [1145]
Входят: Антоний и Энобарб.

А н т о н и й

Расположим нашу эскадру[1146] по ту сторону[1147] горы против боевой линии[1148] Цезаря: с того[1149] места мы можем видеть число кораблей и сообразно тому поступать.

Уходят.

Сцена X

Новая местность в той же равнине. [1150]
По одной стороне сцены проходит Канидий, предводитель,[1151]
следуя <за> войском, по другой Тавр с войсками Цезаря, по их уходе
слышен шум морской битвы. Смятение. Возвращается Энобарб.

Э н о б а р б

Погибло, погибло, все погибло. Я больше не могу видеть этого.[1152] Антониад, египетский адмиральский корабль и за ним все шестьдесят повернули борта и бежать; глядеть больно[1153] на это.

Входит Скар.

С к а р

О, боги и богини и весь собор!

Э н о б а р б

Что с тобой?[1154]

Скар

Лучшая треть света погибла от истинного невежества,[1155] мы процеловали[1156] с царствами.

Энобарб

Как идет битва <?>[1157]

Скар

Разит наших как чума, смерть неизбежна.[1158] Эта бесстыжая египетская проститутка, порази ее проказа, в самой средине[1159] битвы, когда наши успехи были еще так равны, как два схожих близнеца, если наши не лучше, Клеопатра, как укушенная в июне оводом корова,[1160] подняла паруса и побежала.

Энобарб

Я это видел, — у меня заболели глаза, зрелище было для меня непереносимо.[1161]

Скар

Только что она побежала, и благородная руина ее чар, Антоний, развернул[1162] крылья своих судов и, покинув сражение в решительную минуту,[1163] как разгоряченный селезень бросился за ней. Я никогда не видал ничего позорнее этого, никогда опытность, мужество, честь так себя не унижали.

Энобарб

Увы, увы!

Входит Канидий.

Канидий

На море наше счастье задышалось[1164] и плачевно идет ко дну. Если б наш вождь показал[1165] себя таким, каким он был до сих пор; то все бы было хорошо: О, он бесчестно показал нам пример бегства.

Энобарб

А, так вот вы о чем,[1166] в таком случае доброй ночи.

Канидий

Они побежали к Пелопоннесу.

Скар

Туда добраться не трудно; я пойду ожидать дальнейших событий.

К а н и д и й

Я передамся[1167] Цезарю с легионами и конницей: уже шесть царей мне показали пример.

Э н о б а р б

Я пойду за раненым счастьем Антония,[1168] хотя разум отдувает меня в противную сторону. [1169]

Уходят.

Сцена XI

Александрия. Во дворце Клеопатры.
Входят Антоний и начальники отрядов.

А н т о н и й

Слушайте! Земля требует, чтобы я более не попирал ее; она стыдится носить меня! Друзья, подойдите. Меня захватила жизни ночь, и я навсегда[1170] потерял дорогу: у меня есть корабль, нагруженный золотом, я отдаю вам его; разделите,[1171] бегите миритесь[1172] с Цезарем.

В с е[1173]

О нет.[1174] Бежать? О,[1175] никогда.

А н т о н и й

Я сам бежал; учил трусов показывать спину неприятелю. Друзья, удалитесь; я решился на дело, в котором вы мне не нужны, удалитесь, мои сокровища в пристани, возьмите их. О,[1176] я последовал за той, на которую мне стыдно будет взглянуть.[1177] Мои волосы враждуют;[1178] седые упрекают черные за опрометчивость;[1179] черные за пугливость и слабость упрекают седые. Друзья, удалитесь. Я дам вам письма к моим друзьям, они разметут[1180] вам дорогу к Цезарю. Я вас прошу, не горюйте, не выказывайте[1181] нежелания меня оставить,[1182] примите намек,[1183] который[1184] предлагает вам мое отчаяние,[1185] оставьте то,[1186] что[1187] само себя оставило.[1188] Прямо[1189] к морскому берегу[1190]: я хочу, чтобы вы взяли в свое владение корабль и сокровища. Оставьте меня, прошу вас, на минуту. Ну,[1191] я вас прошу. Ну, сделайте![1192] Я прошу,[1193] потому что потерял право приказывать. Потом увидимся.[1194] *(Садится.)*

Входят: Клеопатра, поддерживаемая Хармиан и Ирой, и Эрос.

Э р о с

Подойди к нему, царица, утешь его!

И р а

Да, утешь его, милая[1195] царица.

Хармиан

Утешь! Что ж тебе еще делать?

Клеопатра

Дайте мне сесть. О, Юнона!

Антоний
(про себя)

Нет, нет, нет, нет, нет. [1196]

Эрос

Взгляни сюда, повелитель!

Антоний
(про себя)

О, фи, фи, фи!

Хармиан

Царица!

Ира

Царица, добрая царица!

Эрос

Повелитель, повелитель!

Антоний

Да, да; при Филиппах он держал меч, как фигляр,[1197] пока я поражал худого[1198] и морщинистого Кассия; я же покончил и с сумасшедшим Брутом; он воевал[1199] посредством подчиненных военачальников и <*нрзб.*> и не имеет никакой опытности в битвах: а теперь — ну, что ж [1200] все равно —

Клеопатра

Подойдите![1201]

Эрос
(Антонию)

Царица, повелитель, царица.

Ира

Поди к нему, царица, поговори с ним: он уничтожен стыдом.

Клеопатра

Хорошо, — поддержи меня: — О!

Эрос

Благородный повелитель, встань; подходит царица;[1202] голова[1203] ее клонится,[1204] смерть готова поразить ее; но[1205] утешение, ласковое слово твое оживит ее.

Антоний

Я оскорбил[1206] свою славу: мое бесчестно поведение.[1207]

Эрос

Повелитель, царица!

Антоний

О,[1208] до чего довела ты меня, Египтянка? Я отвращаю свой стыд[1209] от твоих глаз,[1210] обращаясь[1211] назад на следы[1212] моего погрома и бесчестия.[1213]

Клеопатра

О повелитель, прости мне мои трусливые паруса,[1214] я не предвидела, что ты за мной последуешь.

Антоний

Египтянка, ты хорошо знала, что мое сердце приковано к твоему рулю и что ты меня потащишь за собой; ты знала твою совершенную власть над моей душой; и что один твой кивок[1215] заставит меня ослушаться самих богов.

Клеопатра

Прости меня!

Антоний

Теперь я должен послать[1216] молодому[1217] человеку[1218] унизительные переговоры, должен прибегать к тупым уверениям торгашей,[1219] я, который играл[1220] как хотел[1221] половиной мира, создавая и разрушая счастье людей.[1222] Ты знала, до какой степени ты меня поработила и что мой меч, раб моей страсти, повинуется ей во всяком случае.

Клеопатра

Прости, прости!

Антоний

Ни одной слезы![1223] Одна твоя слеза стоит всего того, что я[1224] выиграл и проиграл.[1225] Поцелуй меня. Вот[1226] это вознаграждает[1227] все. — Я послал нашего учителя; воротился он? Любовь моя, я наполнен свинцом.[1228] Вина мне[1229] и чего-нибудь поесть. Счастье знает, что чем более оно преследует меня, тем более я его презираю.

Уходят.

Сцена XII

(Лагерь Цезаря в Египте.)
Входят: Цезарь, Долабелла, Тирей и другие.

Цезарь

Велите войти посланному Антония. Вы знаете его?

Долабелла

Это учитель детей его: вот и[1230] доказательство, до чего он ощипан. Он посылает перо из своего крыла, тогда как посылал своими посланниками царей несколько месяцев тому назад.

Входит Эйфроний.

Цезарь

Подойди и говори![1231]

Ейфроний

Таков как я есмь, я прихожу от Антония: до сих пор я был так ничтожен[1232] для его дел, как капля росы на миртовом[1233] листе[1234] в сравнении с океаном.

Цезарь

Будь так: объявляй свое поручение.

Ейфроний

Властителю[1235] судьбы своей он шлет привет[1236] и просит позволения жить в Египте; если не пожалуешь его, он умаляет свою просьбу: он просит, чтобы дозволено ему было жить между небом и землею простым гражданином[1237] в Афинах, это об нем. Потом, Клеопатра признает твое величие; подчиняется твоему могуществу и умоляет для своих детей венца Птолемея, теперь проигранного[1238] тебе.

Цезарь

Что касается Антония, я не имею ушей для его просьб. Царице я не откажу ни[1239] во внимании к[1240] просьбам, ни в исполнении,[1241] если она выгонит вон из Египта своего совершенно опозоренного друга или лишит его жизни. Если она сделает так, ее просьбы будут услышаны. Вот ответ обоим.

Эйфроний

Да будет с тобой счастье!

Цезарь

Проводите его за[1242] наши войска.

Эйфроний уходит.
(Тирею)

Теперь для твоего красноречия настало время; спеши; отвлеки[1243] Антония от Клеопатры; обещай, и от нашего имени, все, чего она желает; и[1244] даже больше, что сам придумаешь:[1245] женщины не крепки[1246] даже на высоте счастья; в несчастии соблазнится[1247] и целомудренная весталка: употреби свое уменье, Тирей, и потом сам себе назначь награду за труды; твое слово подтвердим как[1248] закон.[1249]

Т и р е й

Цезарь, я иду.

Ц е з а р ь

Рассмотри, как Антоний переносит свое несчастие и старайся по каждому мельчайшему выражению узнать[1250] и, что можно, судить.[1251]

Т и р е й

Исполню, Цезарь. *(Уходит.)*

Сцена XIII

Александрия. Комната во дворце Клеопатры.
Входят: Клеопатра, Энобарб, Хармиан и Ира.

К л е о п а т р а

Что делать, Энобарб?

Э н о б а р б

Думать и умирать.

К л е о п а т р а

Антоний или я виноваты в этом?[1252]

Э н о б а р б

Один Антоний. Он позволил своей страсти овладеть рассудком. Что за дело, что ты побежала от серьезного вида битвы, когда страх перебегает от одного ряда к другому?[1253] Зачем ему было следовать за тобой? Зуд страсти не должен был надломить[1254] его предводительского долга; и в это время, когда одна половина свиты сражалась против другой и когда все дело было в нем,[1255] так же позорно было, как и бедственно[1256] гнаться[1257] за твоими бегущими знаменами[1258] и оставить свой изумленный флот.[1259]

К л е о п а т р а

Прошу тебя, молчи.

Входят: Антоний и Эйфроний.

Антоний

Таков его[1260] ответ?

Ейфроний

Да, такой, мой[1261] повелитель.

Антоний

И царица будет помилована, если выдаст меня.[1262]

Ейфроний

Он так сказал.

Антоний

Передай ей[1263] и пошли мальчику Цезарю эту седую голову, и он до краев наполнит твои желания царствами.

Клеопатра

Эту[1264] голову, повелитель?

Антоний
(Ейфронию)

Возвратись к нему: скажи, что у него на лице розы юности; и[1265] свет должен[1266] что-нибудь[1267] заключить[1268]: его богатства, корабли, легионы могут принадлежать[1269] и трусу,[1270] вожди которого, служа ребенку, могут побеждать, как будто бы ими командовал Цезарь; и потому я[1271] вызываю его отложить все свои прикрасы,[1272] *<нрзб.>* сразиться со мной отживающим мечом к мечу, один на один. Я напишу ему это: иди за мной.

Антоний и Эйфроний уходят.

Энобарб
(в сторону)

Да, как же, так вот[1273] вознесенный победами[1274] Цезарь и откажется от своего счастья[1275] и решится[1276] дать представление, сражаясь с гладиатором. Я вижу, что и ум людей есть часть несчастья; внешнее[1277] влечет за собою и внутреннее,[1278] все страдает[1279] одинаково. Как можно, сообразив отношения,[1280] подумать, что полный[1281] по горло Цезарь примет вызов этого опорожненного! Цезарь, ты победил у него и разум.[1282]

Входит служитель.

Служитель

Посланный от Цезаря.

Клеопатра

Нет, так запросто? Видите, вы женщины? Перед увялой розой затыкают нос преклонявшиеся перед ее бутоном. Введи его!

Служитель уходит.

Энобарб
(в сторону)

Моя честность и я начинают разногласить. Верность в преданности глупцам делает и преданность глупою; однако постоянная преданность побежденному вождю побеждает и того, кто победил вождя и завоевывает место в истории.

Входит Тирей.

Клеопатра

Воля Цезаря?

Тирей

Выслушай наедине.

Клеопатра

Здесь только друзья. Говори смело.

Тирей

Они могут быть также друзьями и Антония.

Энобарб

Ему нужно[1283] друзей столько же, сколько[1284] у Цезаря,[1285] а без того и[1286] мы ни[1287] при чем. Если угодно Цезарю, наш вождь с радостью готов быть его другом: что до нас; мы друзья тех, кому он друг и, следовательно, будем друзьями[1288] Цезаря.

Тирей

Так. В таком случае вот что, знаменитейшая жена: Цезарь просит, чтобы ты[1289] <не> помышляла о своем положении[1290] как побежденной, а знала о человеке[1291], что он Цезарь.

Клеопатра

Это по-царски, продолжай.

Тирей

Он знает, что ты обнимаешь Антония не по любви, а от страха перед ним.

Клеопатра

О!

Тирей

Поэтому раны твоей чести возбуждают в нем жалость, как вынужденный позор, а не произвольный.

Клеопатра

Он бог и знает, что справедливо: моя честь не дана,[1292] а отнята.

Энобарб
(про себя)

Так ли это, я спрошу у Антония. — Повелитель, повелитель, в тебе такая течь, что нам надо тебе дать утонуть;[1293] самое драгоценное[1294] покидает тебя. *(Уходит.)*

Тирей

Не[1295] должен ли я сказать Цезарю, что ты желаешь от него? Он уже[1296] хочет сделать тебе угодное. Для него будет приятно, если ты его счастьем[1297] подопрешься,[1298] им тоже; но будет еще приятнее, если он услышит от меня, что ты оставила Антония и отдаешься под покровительство господина всего мира.

Клеопатра

Как твое имя?

Тирей

Мое имя Тирей.

Клеопатра

Приятнейший из послов, скажи великому Цезарю; через твое посредство я целую его победоносную руку: скажи ему, что готова сложить корону к ногам его, преклонить колена; скажи ему, из его всемогущих уст я услышу судьбу Египта.

Тирей

Это для тебя лучшая дорога. Когда в борьбе благоразумие[1299] и счастие[1300] заодно, и[1301] первое решится только на то, что возможно, никакая случайность не поколеблет его. Позволь мне, во исполнение долга, поцеловать твою руку.

Клеопатра

Отец твоего Цезаря часто, когда он задумывал завоевание царства, склонял губы к моей недостойной руке и осыпал[1302] ее поцелуями.

Входят: Антоний и Энобарб.

Антоний

Нежности, клянусь Юпитером громовержцем! Кто ты, негодяй?

Т и р е й

Исполнитель повелений человека совершеннейшего и достойнейшего приказывать.

Э н о б а р б
(про себя)

Ему быть сеченым.

А н т о н и й

Подойди, плут! Ах ты коршун! Что же это, боги и дьяволы! Власть моя тает: давно ли, крикни я только: Эй! и как мальчики[1303] на игру, цари сбегались ко мне с криком: что угодно? Есть ли уши у вас? Я все еще Антоний.

Входят служители.

Взять отсюда этого плута и высечь его!

Э н о б а р б
(про себя)

Лучше играть со львенком молодым, чем со старым, уже умирающим.

А н т о н и й

Месяц и звезды! Высечь его! Да будь тут двадцать великих данников, признающих[1304] Цезаря и застань я их так нагло распоряжающихся рукой этой, как[1305] ей[1306] имя, с тех пор, как она уже не Клеопатра? Сечь его, вы, сволочь, пока он, как мальчишка, не будет искривлять лица и криками[1307] молить о пощаде; уведите его.

Т и р е й

Марк Антоний, ...

А н т о н и й

Тащите его вон; когда высечете, приведите его сюда.

Уходят служители и Тирей.

Ты была уже наполовину отцветшей, когда я узнал тебя. А! затем ли я оставил несмятым мое ложе в Риме, отказался от приобретения законного потомства и от перла между женщин, чтобы быть обманутым презренной, нисходящей до прислуги.

К л е о п а т р а

Добрый властитель.

А н т о н и й

Ты всегда была порочна; но когда порок укореняется в нас крепко, то нам,[1308] несчастным,[1309] премудрые боги залепляют глаза; нашей

грязью затемняют блеск нашего ума, заставляют нас обожать пороки и смеются над нами, когда мы погружаемся в стыд.

Клеопатра

Неужели дошло до этого?

Антоний

Я нашел тебя как застывший кусок на столе умершего[1310] Цезаря; нет, ты была объедками Кнея Помпея; не считая других,[1311] не занесенных в реестр народной молвой, похождений твоего распутства: я уверен, что ты и догадывалась, что такое воздержание, но ты никогда не знала его.

Клеопатра

Зачем это?

Антоний

Позволить негодяю, который берет подачки и говорит: бог вам заплатит за это; обращаться так свободно с подругой игр моих, с рукой твоей; с этой царской печатью[1312] и обетом великих сердец![1313] О зачем я не на горах Басанских, я перекричал бы рогатое стадо! я имею причину свирепствовать; объявлять ее учтиво было бы то же, что висельнику благодарить палача за то, что он его ловко повесил.

Служители и Тирей возвращаются.

Высекли его?

Служитель

Крепко, повелитель.

Антоний

Кричал,[1314] просил пощады он?[1315]

Служитель

Просил[1316] он[1317] милости!

Антоний

Коли[1318] отец твой[1319] жив, он пожалеет, что вместо тебя не родилась дочь; пожалей и ты, что последовал за Цезарем в его триумфе, за то тебя и высекли, что ты последовал за ним: отныне белая рука женщины будет бросать тебя в лихорадку, дрожи от взгляда на них. — Ступай к Цезарю и скажи, как тебя приняли! Смотри, до какой степени он сердит меня, он своим высокомерием и презрением намекает на то, что я теперь, и забывает, чем я был: он раздражает меня оттого, что это теперь просто, когда мои добрые звезды, которые руководили

моей судьбой, вышли из своих орбит и бросают свой свет в бездны ада. Если мои слова и дела ему не понравятся, скажи, что у него Гиппарх, мой отпущенник, которого он[1320] может сечь, мучить, пытать, как ему угодно, чтобы сквитаться со мной:[1321] теперь ступай; уходи с своими рубцами, вон!

Тирей уходит.

Клеопатра

Ты кончил?

Антоний

Луна моя затмилась, и это предсказывает падение Антония.

Клеопатра

Я несколько выжду время.

Антоний

Чтобы польстить Цезарю, ты делаешь глазки тому, кто застегивает его пояс?

Клеопатра

И до сих пор не знать меня?

Антоний

А сколько холодна сама ко мне?

Клеопатра

Ах, милый, если я такова, пусть заморозит град моим холодным сердцем и пусть отравит его при самом начале;[1322] и пусть первая градина упадет мне на шею и умертвит,[1323] когда растает. Вторая пусть убьет Цезариона, и так далее, вся память моего чрева и все мои храбрые Египтяне лежат непогребенными,[1324] пока не погребут их мухи и комары Нила.

Антоний

Я удовлетворен. — Цезарь идет на Александрию, здесь я выступлю против его судьбы. Наше сухопутное войско держалось благородно; и разделенные корабли собрались опять и имеют грозный вид. Где же было ты, мое сердце? Слушай, моя милая, царица? Когда я возвращусь с поля битвы целовать эти губы, я явлюсь в крови: я и меч мой напишем хронику: надежда еще живет.

Клеопатра

Я узнаю моего храброго полководца.

Антоний

Я усилю втрое дух, сердце, мышцы и буду драться злобно,[1325] прежде, когда дни мои текли счастливо и спокойно, люди покупали у меня жизнь шутками; теперь я буду скрипеть зубами и повергать во мрак все, что мне противустоит. — Пойдем, проведем еще радостную ночь: позовите ко мне всех моих надувшихся полководцев, налейте кубки; еще раз посмеемся над ночным колоколом.

Клеопатра

Сегодня[1326] день моего рожденья: я думала, что пройдет он тихо, без торжеств, но мой повелитель опять Антоний, и я хочу быть Клеопатрой.

Антоний

Мы проведем его отлично.

Клеопатра

Собрать всех благородных полководцев к[1327] повелителю.

Антоний

Исполняйте, я буду с ними говорить; и ночью я силой вина пропитаю их раны.[1328] Пойдем, царица; во мне еще довольно силы. Завтра в битве я влюблю в себя смерть; потому что буду гибельнее ее чумовой косьбы.

Уходят все, исключая Энобарба.

Энобарб

Он с молнией готов теперь сразиться, быть бешеным, испугать себя из боязни; в таком разе и голубь заклюет ястреба; я тут вижу, что по мере ослабления мозга усиливается сердце[1329] нашего полководца;[1330] когда храбрость живет за счет разума, она пожирает и меч, которым сражается. Я подумаю, как оставить его.

Уходит.

Действие IV

Сцена I

Лагерь Цезаря у Александрии.
Входят: Цезарь, читая письмо, Агриппа, Меценат и другие.

Цезарь

Он называет меня мальчишкой, порицает меня, как будто может выгнать меня из Египта; моего посланного он высек розгами; вызывает меня на единоборство, — Цезаря — Антоний: пусть же знает старый

распутник, что у меня много других путей к смерти, что мне[1331] смешон[1332] его вызов.[1333]

М е ц е н а т

Цезарь должен знать, что такое сильное возбуждение неистовства показывает падение. Не давай ему дышать, употреби в пользу его расстройство; сильная злость всегда плохая охрана для самого себя.

Ц е з а р ь

Дайте знать лучшим начальникам, что завтра мы желаем дать последнюю из многих битв, в нашем войске много таких, которые прежде служили у Марка Антония, ему не увернуться. Вот что: сделать пир для войска; у нас много припасов, и оно ст ит <того>, чтобы мы израсходовали их. Бедный Антоний.

Уходят.

Сцена II

Александрия. Комната во дворце Клеопатры.
Входят: Антоний, Клеопатра, Энобарб, Хармиан, Ира, Алексас и другие.

А н т о н и й

Он не хочет драться со мной, Домиций?

Э н о б а р б

Нет.

А н т о н и й

Что[1334] же это?

Э н о б а р б

Он думает, что так как он в двадцать раз счастливее тебя, то это будут двадцать против одного.

А н т о н и й

Завтра, воин, я сражусь на море и на земле; и буду ли жив, или убит, выкупаю мою умирающую честь в крови, которая оживится. И ты будешь биться?

Э н о б а р б

Я буду драться и кричать: Забирай все!

А н т о н и й

Хорошо сказано. Поди.[1335] Позвать ко мне служителей. Для пира нынешней ночью не пожалеем ничего. *(Входят слуги.)* Дай мне твою

руку; ты всегда служил мне честно — и ты тоже, и ты, и ты, и ты, вы всегда служили мне хорошо, и короли были вам приятелями.

Клеопатра
(Энобарбу тихо)

Что это?[1336]

Энобарб
(Клеопатре тихо)

Это одна из старых уловок, которыми[1337] грусть выталкивает[1338] из ума.

Антоний

И ты тоже, ты честный слуга. Я хотел бы разделиться на столько частей, сколько вас, а вы чтобы соединились в одном Антонии, чтобы я отслужил вам так, как вы мне служили.

Слуги

Боги да сохранят!

Антоний[1339]

---

[1] *Слово вписано над строкой. Было:* [глупая]

[2] *Между строк записан новый вариант фразы:* Ну, что, безумная любовь вождя выходит из границ.

[3] *Далее:* [из-под шлема]

[4] *Слово вписано над строкой.*

[5] *Между строк записан набросок фразы, впоследствии использованный в стихах:* Глаза героя [блестящие пред стройным рядом войск] [из-под забрала, словно очи Марса]

[6] *Слова вписаны над строкой как начало стихотворного перевода, помещенного справа на полях.*

[7] *Последние четыре стиха вписаны справа на полях л. 2.*

[8] *Слово вписано над строкой. Было:* [Египтянки]

[9] *Слово вписано над строкой, а также повторено на полях л. 2.*

[10] *Эти три стиха вписаны справа на полях л. 2.*

[11] *К словам:* игрушку развратной женщины — *на полях л. 2 записан вариант, оставшийся незачеркнутым:* шута развратницы

[12] *К словам:* в какой степени — *на полях л. 2 записан оставшийся незачеркнутым вариант:* как она сильна

[13] *Слово вписано над строкой.*

[14] *Над строкой записан вариант:* подсчитать

[15] *Эти два стиха вписаны на полях л. 2.*

[16] *Далее:* [хочу]

[17] *Слово исправлено из первоначального:* назначить

[18] *Далее:* [и определить]

[19] *Вариант стихотворного перевода фразы под знаком вопроса вписан на полях л. 2.*

[20] *Реплика Антония вписана на полях л. 2 об. Было:* [Ты мне надоедаешь, говори короче!] — *Над строкой начато:* Какая д

[21] *На полях написано слово:* его

[22] *Слово вписано над строкой. Было:* [приказы]

[23] *Против зачеркнутого фрагмента:* [устроим тебе погибель] — *на полях л. 2 об. поставлен знак вопроса, означающий, вероятно, необходимость заменить окончание фразы.*

[24] *Далее:* [любовь]

[25] *Далее:* [моя]

[26] *Слово вписано на полях.*

[27] *Далее:* [что]

[28] *Далее:* [более]

[29] *Слово исправлено из первоначального:* вероятно

[30] *На полях написаны слова:* ты не должен

[31] *Далее:* [приказ возвратиться]

[32] *Слово вписано на полях. Там же записан вариант:* увольнение

[33] *Над строкой написано неразборчивое слово. Далее:* [этот приказ]

[34] *Далее:* [подписанный]

[35] *Слово исправлено из первоначального:* Фульвией

[36] *Слово исправлено из первоначального:* обоими

[37] *Слово вписано на полях. Было:* [Вели войти]

[38] *Слово исправлено из первоначального:* послам

[39] *В автографе слова:* в лице — *заключены в круглые скобки.*

[40] *На полях написано слово:* дань

[41] *Далее:* [лучше, это признак твоего смущения]

[42] *Слово вписано над строкой.*

[43] *Слова:* щека твоя отвечает стыдом — *вписаны на полях.*

[44] *Слово вписано на полях. Было:* [Вели войти послам.]

[45] *На полях написаны слова:* растает в

[46] *На полях написаны слова:* широкий, благоустроенный

[47] *Далее:* [который поддерживает республику]

[48] *Слово вписано на полях.*

[49] *На полях написано слово:* навозная

[50] *Слова:* это ~ теперь — *в автографе подчеркнуты. На полях записан вариант:* поступить так

[51] *К словам:* когда натура ~ как мы — *на полях л. 2 об. записан вариант, оставшийся незачеркнутым*: это могут сделать двое таких, как мы

[52] *Далее:* [пусть мир узнает под]

[53] *На полях написаны слова:* не знает

[54] *Над строкой написано слово:* отличная

[55] *Над строкой написаны слова:* он женился на

[56] *Далее:* [как это кажется]

[57] *Слова:* я должна казаться — *вписаны на полях. Было:* [Тогда буду]

[58] *Слова:* глупее, чем я есть — *вписаны на полях.*

[59] *На полях записан вариант:* возбуждаем

[60] *Далее:* [нелепых претензиях <*нрзб.*>]

[61] *Слова:* резких спорах — *вписаны на полях.*

[62] *Слово вписано над строкой. Было:* [Пусть] [каждая]

[63] *Слова:* ни одна — *в автографе заключены в круглые скобки.*

[64] *Далее:* [чтобы не быть) ознаменованной каким-нибудь новым]
[65] *Слова:* не протечет — *выделены круглыми скобками. Над строкой написаны слова*: должна <*нрзб.*>
[66] *Слово вписано над строкой.*
[67] *Слово исправлено из первоначального:* удовольствием
[68] *Слово исправлено из первоначального:* какому
[69] *Далее:* [мы отдадимся]
[70] *Фраза вписана на полях. Было:* [Дай аудиенцию послам]
[71] *Слово подчеркнуто волнистой линией.*
[72] *Слово исправлено из первоначального*: в
[73] *Слово вписано на полях. Было:* [заключается]
[74] *Слово вписано над строкой. Было:* [<*нрзб.*>]
[75] *Далее:* [удивляться]
[76] *Слово вписано на полях. Было:* [поклоняться]
[77] *Фраза вписана на полях. Было:* [Оставим здесь послов]
[78] *Слова:* ты и ничей больше — *вписаны на полях.*
[79] *Далее:* [Александрии]
[80] *Далее:* [на свободе обозревать про]
[81] *Слово вписано на полях.*
[82] *Далее:* и [лица]
[83] *Далее:* [звала меня на эту прогулку]
[84] *Слова:* желала этого — *вписаны на полях. Далее:* [(*Слуге*)] [Послов бы]
[85] *Далее*: [говори с нами]
[86] *Слово зачеркнуто. Но, очевидно, Островский предполагал его восстановить.*
[87] *Далее:* [всегда]
[88] *На полях написано слово:* пренебрегает
[89] *Далее:* [забывает уважение к самому себе, а этого забывать не должно]
[90] *Фраза:* у него не хватает тех качеств, которые должны быть всегда с ним — *вписана на полях.*
[91] *На полях написаны слова*: подлого лгуна, который мог говорить
[92] *Слова:* буду надеяться — *вписаны на полях. Было:* [думаю]
[93] *На полях написана фраза:* Счастливо оставаться
[94] *Далее:* о котором вы с таким [восторгом говорили]
[95] *Слова:* которого вы так хвалили — *вписаны на полях.*
[96] *Над строкой записано слово:* суженого
[97] *Слово исправлено из первоначального:* который
[98] *Слово исправлено из первоначального:* будет
[99] *Слова*: разрастаться рога — *вписаны на полях. Было:* [гордиться тем, что носит рога]
[100] *Слово исправлено из первоначального:* он?
[101] *Слова*: все-то знаешь? — *вписаны на полях. Было:* [И ты знаешь будущее?]
[102] *Перед началом реплики поставлен знак вопроса. Далее:* [огромной]
[103] *На полях записан вариант:* умею
[104] *Здесь и далее в I действии было:* Енобарб
[105] *Над строкой записан вариант, оставшийся незачеркнутым:* яств
[106] *На полях автографа поставлен знак вопроса.*
[107] *Слово вписано над строкой. Было:* [Друг мой!] [Предскажи]
[108] *Было:* счастливую [будущность]
[109] *На полях записан вариант:* посылаю
[110] *Слово вписано на полях. Было:* [полноты, конечно?]
[111] *Слово вписано над строкой. Было:* [будешь]

[112] *Фраза вписана на полях. Было:* [Морщины меня предохранят от этого]
[113] *На полях записан вариант*: Не раздражайте предсказания
[114] *Далее:* [любить больше]
[115] *Слова*: достойна большей любви — *вписаны на полях.*
[116] *Далее:* [кровь]
[117] *Слово вписано на полях.*
[118] *Было начато:* [Посмо]
[119] *Далее:* [очень]
[120] *Далее начато:* [Напр]
[121] *Слово вписано на полях.*
[122] *Слово исправлено из первоначального:* выйти
[123] *Далее:* [носить траур по всем троим]
[124] *Слова:* и овдовею от всех — *вписаны на полях.*
[125] *Слово вписано над строкой. Было:* [или]
[126] *Слово вписано над строкой. Было:* [придет]
[127] *Далее:* [найди средство мне]
[128] *Слова:* отыщи у меня, что я — *вписаны на полях.*
[129] *На полях записан вариант:* переживешь
[130] *Слова*: и испытала — *вписаны на полях.*
[131] *Фраза вписана на полях. Было:* [На этот счет по всей видимости мои дети не подымают большого шума в свете]
[132] *Слова:* желание имело — *вписаны над строкой. Было:* [желание давало отпрыски] [хотение]
[133] *Слово вписано над строкой.*
[134] *При дальнейшей правке форма слова:* каждая — *осталась без изменения.*
[135] *Слово исправлено из первоначального:* мысль
[136] *Слово вписано над строкой. Было:* [была]
[137] *Слово исправлено из первоначального:* плодородие
[138] *Слово вписано над строкой.*
[139] *Слово вписано на полях. Было:* [Молчи]
[140] *Слово вписано на полях.*
[141] *Далее:* [во всяком случае]
[142] *Далее:* [глупая]
[143] *Слова:* буйная товарка — *вписаны на полях.*
[144] *Было:* имеешь [понятия о счастии].
[145] *К словам:* ничего не знаю — *на полях л. 4 об. записан вариант, оставшийся незачеркнутым:* не умею почесать себе ухо
[146] *Далее:* [только по]
[147] *Слово исправлено из первоначального:* будням
[148] *Далее:* [палец]
[149] *Слово вписано на полях.*
[150] *Далее:* [чем я, куда же бы ты его дела]
[151] *Реплика вписана на полях.*
[152] *Слова:* конечно не в носу — *вписаны на полях. Было:* [Это было бы не в пользу]
[153] *Слово вписано над строкой. Было:* [прошу]
[154] *Далее:* [еще]
[155] *Далее:* [низпошли мне эту милость] [выслушай]
[156] *Слова:* услышь мою молитву — *вписаны на полях.*
[157] *Фраза вписана на полях.*
[158] *Далее:* [нашим]

[159] *Слова:* народа дорогая богиня — *вписаны на полях.*

[160] *Над строкой записан вариант:* имеющего неверную жену

[161] *Часть слова зачеркнута, но, очевидно, Островский предполагал его восстановить.*

[162] *Над строкой записан вариант:* подлеца

[163] *К словам:* если неприятно ~ нерогатым — *на полях л. 4 об. записан вариант, оставшийся незачеркнутым:* так как разрывает сердце видеть, когда красивому мужу изменяет жена, то это тоже смертное горе

[164] *Слово вписано над строкой. Было:* [дай]

[165] *Далее:* [по нем]

[166] *На полях записан вариант:* к вашим услугам

[167] *Слово вписано над строкой. Было:* [политика]

[168] *Слово вписано над строкой.*

[169] *Здесь и далее в сцене слово исправлено из первоначального*: П о с о л

[170] *На полях записан вариант реплики:* Худые вести имеют свойство заражать того, кто передает

[171] *Слово вписано на полях.*

[172] *Далее:* [так мне отвечай]

[173] *Слова:* У меня вот так — *вписаны на полях.*

[174] *Слова:* его рассказе — *вписаны над строкой. Было:* [каждом его известии]

[175] *Далее:* [мне]

[176] *Далее:* [с такой же благосклонностью и вниманием, с каким слушают голую лесть]

[177] *Слова:* как бы он мне льстил — *вписаны на полях.*

[178] *Слова:* хотел бы ты сказать... — *вписаны над строкой. Далее:* [Продолжай!]

[179] *Над строкой записан вариант:* со мной

[180] *Далее:* [передай]

[181] *Далее на полях:* [мельчи языком]

[182] *Слово вписано на полях над строкой.*

[183] *Слово вписано на полях.*

[184] *Далее на полях:* [упрекай

[185] *Слова:* брани меня языком — *вписаны на полях над строкой.*

[186] *Слово повторено на полях.*

[187] *Слово вписано над строкой. Было:* [брани]

[188] *Над строкой записан вариант:* за мои

[189] *Слово вписано над строкой.*

[190] *Далее:* [в праве]

[191] *Слово вписано под строкой.*

[192] *К словам:* могут иметь истина и ненависть — *на полях л. 5 об. записан вариант, оставшийся незачеркнутым:* производит истина

[193] *Над строкой записан вариант:* плодовитые

[194] *Слово вписано над строкой. Было:* [минуту]

[195] *Слово вписано на полях.*

[196] *Слова*: к твоим услугам — *вписаны на полях. Было:* [Слушаю, повелитель]

[197] *Далее:* [получены]

[198] *Слово исправлено из первоначального:* разбить

[199] *Далее:* [так] крепкого [затянуться]

[200] *Под строкой записан вариант:* иначе я

[201] *Слово вписано над строкой. Было:* [обезуметь]

[202] *Слова:* Вот пыл одной великой души — *вписаны над строкой. Было:* [Энергичная душа оставила этот мир].

[203] *Слово вписано над строкой.*
[204] *Слово исправлено из первоначального:* оттолкнули
[205] *Слова:* эта радость — *вписаны над строкой. Было:* [Удовольствие настоящего время]
[206] *Слово исправлено из первоначального:* ослабляет
[207] *Слово вписано над строкой. Было:* [<*нрзб.*>]
[208] *В ходе дальнейшей работы форма слова:* оно — *осталась без изменения.*
[209] *Далее:* тем, [что делается]
[210] *Слова:* и становится — *вписаны на полях.*
[211] *Слово вписано над строкой. Было:* [<*нрзб.*>]
[212] *Далее:* [Я желал бы опять взять руку, которую оттолкнул]
[213] *Фраза:* Та рука ~ могла бы выручить — *вписана на полях.*
[214] *Слова:* вырваться от очаровывающей — *вписаны над строкой. Было:* [освободиться из-под магической]
[215] *Слово вписано над строкой. Было:* [испытываю]
[216] *Слово вписано под строкой. Было:* [уехать отсюда] [спешить]
[217] *Далее:* [небольшое неудовольствие наносим им]
[218] *Слова:* мы видим, как — *вписаны над строкой.*
[219] *Слово вписано под строкой.*
[220] *Слово вписано на полях.*
[221] *Слово, очевидно, ошибочно осталось зачеркнутым.*
[222] *Слово вписано на полях.*
[223] *Слово, очевидно, ошибочно осталось зачеркнутым.*
[224] *Слова:* если они допустят — *вписаны между строк.*
[225] *Слова:* только и будет слышна — *вписаны на полях.*
[226] *Над строкой записан вариант:* умирала
[227] *Слово вписано над строкой. Было:* [что]
[228] *Слово вписано над строкой. Было:* [привлекательность для нее]
[229] *Слова*: судя по той — *сначала зачеркнуты, затем восстановлены.*
[230] *Слова:* из самых — *вписаны над строкой. Было:* [более]
[231] *Слово исправлено из первоначального:* свирепые
[232] *Слова:* О кабы мне ее не — *вписаны над строкой. Было:* [Не дай бог мне]
[233] *Далее:* [мой]
[234] *Далее:* [чудо]
[235] *Слово исправлено из первоначального:* совершенство
[236] *Слово вписано на полях.*
[237] *Слово вписано над строкой.*
[238] *Далее:* [составило бы в вашем путешествии печальной пробел]
[239] *Слово исправлено из первоначального:* ваше
[240] *Слова:* опозорило бы твое путешествие — *вписаны на полях.*
[241] *Было начато:* [О]
[242] *Слова*: принеси жертвы — *вписаны над строкой. Было:* [Моли]
[243] *Слово исправлено из первоначального:* богов
[244] *Слова*: дают средства для утешения — *были вычеркнуты, затем восстановлены.*
[245] *Слова:* показывают, кто портные земли, подтверждая этим, что — *вписаны на полях.*
[246] *В ходе дальнейшей работы форма слова:* была — *осталась без изменения.*
[247] *Далее:* [потеря ужасная]
[248] *Слова:* фасон дурной — *вписаны на полях.*

[249] *К словам:* остается утешение — *на полях л. 6 об. записан вариант, оставшийся незачеркнутым:* горе увенчано

[250] *Слово было зачеркнуто, позже восстановлено.*

[251] *Слово вписано под строкой. Было:* [*<нрзб.>*]

[252] *Слово подчеркнуто.*

[253] *Против слова справа на полях поставлен знак вопроса.*

[254] *К словам:* и слезы, которые смоют эту печаль, это лук, который должен их произвести — *на полях л. 6 записан вариант, оставшийся незачеркнутым:* и оплакивать это горе находится и луковица

[255] *Слова:* в государстве — *вписаны над строкой.*

[256] *Далее:* [центурионы]

[257] *Слово вписано над строкой.*

[258] *Фраза*: и важные ~ вопросы — *вписана над строкой.*

[259] *Слова*: делают мой отъезд крайне необходимым — *подчеркнуты. На полях записан вариант:* так *<нрзб.>* зовет меня

[260] *Было:* [многих]

[261] *Слово вписано на полях.*

[262] *Далее:* [очень преданных]

[263] *Слово вписано над строкой.*

[264] *Слово исправлено из первоначального:* Риму

[265] *Слово вписано на полях. Было:* [торопят]

[266] *Слово зачеркнуто, но, очевидно, Островский предполагал его восстановить.*

[267] *Слова*: отдает свою — *вписаны над строкой.*

[268] *Далее:* [начинают]

[269] *Слово исправлено из первоначального:* исчезать

Слова: который отдает свою любовь ~ заслуги исчезли — *заключены в круглые скобки.*

[270] *Слово исправлено из первоначального:* своей

[271] *Было:* [деятельностью и своей энергией]

[272] *Было:* [империи]

[273] *К словам:* и если он не будет остановлен вовремя — *на полях автографа набросок:* чьи качества разрастаясь, [могут ра] ставят

[274] *Было:* [Будущее таит улов]

[275] *Слово подчеркнуто. Над строкой записан вариант:* что

[276] *Было:* [Иду исполнить твое приказание]

[277] *Далее:* [сама не знаешь, что говоришь]

[278] *Слова*: учишь как дура — *вписаны на полях.*

[279] *Далее:* [заходи очень далеко]

[280] *Слова:* искушая его очень много — *вписаны на полях.*

[281] *Было:* [тоскую]

[282] *На полях вписано неразборчивое слово, возможно:* должен.

[283] *Слово вписано над строкой. Было:* [решение]

[284] *При дальнейшей правке форма слова:* которое — *осталась без изменения.*

[285] *Слово вписано на полях. Было:* [падаю]

[286] *На полях л. 7 об. записан вариант, оставшийся незачеркнутым:* отойди

[287] *Слово зачеркнуто, но, очевидно, Островский предполагал его восстановить.*

[288] *Далее:* [ты получил хорошие]

[289] *Далее:* [жена]

[290] *На полях л. 7 об. записаны варианты, оставшиеся незачеркнутыми:* замужняя жена *и* за>конная жена

[291] *Слова:* О кабы — *вписаны над строкой. Было:* [Лучше] бы

[292] *Далее:* [чтобы]
[293] *Далее:* [весь]
[294] *Было:* [женщина]
[295] *Слова:* измену взращивал — *вписаны над строкой. Было:* [я предвидела] твое [предательство]
[296] *Было:* [Когда]
[297] *Фраза*: Зачем мне верить тебе, что ты можешь быть моим и верен, хотя бы — *вписана на полях со знаком вставки (галочка)*.
[298] *Слова:* потрясли богов — *вписаны над строкой. Было:* [колебали] троны [богов, как было верить тебе]
[299] *Слово вписано над строкой. Было:* [клялся]
[300] *В ходе дальнейшей работы форма слова:* какая — *осталась без изменения.*
[301] *В ходе дальнейшей работы форма слова:* чудовищная — *осталась без изменения.*
[302] *Слово вписано над строкой. Было:* [глупость]
[303] *Слова:* быть запутанным клятвами, которые только на языке — *вписаны на полях. Было:* [давать веру клятвам]
[304] *Слова:* тем, что — *вписаны над строкой. Было:* [чуть только]
[305] *Над строкой написано неразборчивое слово, возможно:* сжалься
Было: [Прекрасная]
[306] *Слово исправлено из первоначального:* остаться
[307] *Слово вписано на полях.*
[308] *Слова:* тогда было время говорить — *вписаны над строкой. Было:* [это были пустые]
[309] *Далее:* [что бы не носило на себе]
[310] *Слова:* в чем бы ты не находил — *вписаны на полях.*
[311] *Слово исправлено из первоначального:* небесной
[312] *Слово вписано над строкой. Было:* [печати]
[313] *Слово вписано над строкой. Было:* [таковая я]
[314] *Слова:* такова же — *вписаны над строкой.*
[315] *Слово вписано над строкой. Было:* [лгуна]
[316] *Слово вписано над строкой. Было:* [сложение]
[317] *Слово исправлено из первоначального:* в Египте
[318] *Слово вписано на полях.*
[319] *Слово вписано над строкой. Было:* [женщина с сердцем]
[320] *Слова:* двух тупоумных — *вписаны над строкой. Было:* [домашних]
[321] *Слово вписано на полях.*
[322] *Слово вписано над строкой. Было:* [<*нрзб.*>]
[323] *Далее:* [народа]
[324] *Слово вписано на полях.*
[325] *Слово вписано над строкой. Было:* [проникает незаметно]
[326] *Слова*: при настоящем правлении — *вписаны на полях.*
[327] *Далее:* [значительным, а умы расслабленные]
[328] *Слово вписано на полях.*
[329] *Слово вписано на полях. Далее:* [немощною] [нач]
[330] *Слова:* начинает болеть от — *вписаны над строкой.*
[331] *Слово исправлено из первоначального:* праздностью
[332] *Слово вписано над строкой.*
[333] *Далее:* [снова, закалиться в дерзких предприятиях]
[334] *Слово вписано на полях.*
[335] *Слова:* в отчаянных — *вписаны над строкой.*

[336] *Слово вписано на полях.*
[337] *Далее:* [детской доверчивости]
[338] *Слово вписано на полях.*
[339] *Слова:* и в конце — *вписаны над строкой. Было:* [последнее известие]
[340] *Далее:* [Самое] лживое [из сердец!]
[341] *Слово вписано над строкой.*
[342] *Слово было зачеркнуто, а позже восстановлено.*
[343] *Слова:* ты примешь мою смерть — *вписаны над строкой. Было:* [будет получено тобой известие о моей]
[344] *Слова:* Клянусь жаром — *вписаны над строкой. Было:* [Под звездой]
[345] *Над строкой записан вариант:* ил
[346] *На полях записан вариант:* меня Антоний любит
[347] *Далее:* [предложи моей любви испытание, и она выйдет из него торжествующею]
[348] *Слова:* докажи свою любовь ~ испытание — *вписаны на полях с двумя вопросительными знаками.*
[349] *Слово вписано над строкой. Было:* [Возвращайся]
[350] *Слово зачеркнуто, но, очевидно, Островский предполагал его восстановить.*
[351] *Слова:* пусть оно — *вписаны над строкой.*
[352] *Было:* представь [натурально выражение верности]
[353] *Слово вписано под строкой.*
[354] *Было:* [перестань]
[355] *Далее:* [Нет, вот что]
[356] *Слова:* Он становится все лучше — *вписаны над строкой.*
[357] *Слово вписано над строкой.*
[358] *Слово вписано над строкой. Было:* [разбирает]
[359] *Слово исправлено из первоначального:* этого
[360] *Было:* римского
[361] *Было:* Геркулеса
[362] *Слово вписано над строкой. Было:* [вас]
[363] *Далее:* [Повелитель, ты и я]
[364] *Далее:* [я не знаю]
[365] *Слово вписано над строкой.*
[366] *Слово исправлено из первоначального:* хотела
[367] *Слово вписано над строкой.*
[368] *Далее:* [забыла]
[369] *Слово вписано над строкой. Было:* [ребячество]
[370] *Справа на полях стоит большой вопросительный знак.*
[371] *Фраза вписана на полях. Было:* [Этим подданным трудно управлять]
[372] *На полях в круглые скобки заключен вариант:* если они
[373] *Слова:* меня убивают мои свойства, которые нехороши — *вписаны над строкой. Было:* [я не могу видеть без смертельного горя, что мое поведение, которое и мне самой кажется неприличным, таково же]
[374] *Слово вписано над строкой. Было:* [Слава]
[375] *Далее:* и [непоколебим]
[376] *Слово вписано над строкой. Было:* [страсти]
[377] *Слова:* которой тебя не жаль — *вписаны над строкой.*
[378] *Слово исправлено из первоначального:* твоего
[379] *Было:* меча
[380] *Слова:* успех будет рассыпать перед твоими ногами — *вписаны над строкой. Было:* [всегда] [победа усыпает твои шаги своими триумфами]

[381] *Слова:* и в будущем знать — *вписаны над строкой и на полях. Было:* [последствия тебе покажут]
[382] *Далее:* [заслуж<енного> товарища]
[383] *Слова:* великого соперника — *вписаны на полях.*
[384] *Слово вписано над строкой. Было:* [ловит]
[385] *Слова*: сжигает масло священное в оргиях — *вписаны над строкой. Было:* его [оргии продолжаются далеко за <пол>ночь]
[386] *Далее:* [согласился]
[387] *Далее:* [вашего]
[388] *Далее:* [или]
[389] *Далее:* [Он соединил в одном себе]
[390] *Слова:* Ты тут найдешь человека, который соединил — *вписаны на полях.*
[391] *Далее:* [рассеянные в]
[392] *Слово исправлено из первоначального:* людях
[393] *Слово вписано над строкой. Было:* [уверен]
[394] *Слово исправлено из первоначального:* верю
[395] *Слово вписано над строкой.*
[396] *Далее:* [блеск]
[397] *Слово исправлено из первоначального:* хороших
[398] *Слово исправлено из первоначального:* качеств
[399] *Слова:* горят еще светлее от ночной темноты — *вписаны над строкой и частично на полях. Было:* [делают более целительным его блеск]
[400] *Слова:* одно веселье — *вписаны над строкой. Было:* [удовольствие блефовать и пить]
[401] *Слова:* чередоваться в питье — *вписаны на полях.*
[402] *Слова:* ходить, шатаясь — *вписаны на полях. Было:* [бегать вприпрыжку]
[403] *Далее:* [однако же ничто]
[404] *Слова:* но он — *вписаны над строкой.*
[405] *Слово вписано над строкой. Далее:* [слабостей Антония с того момента]
[406] *Слова:* вместе с ним должны будем страдать — *были зачеркнуты и позже восстановлены.*
[407] *Было:* [вследствие]
[408] *Слова:* легкого поведения — *вписаны над строкой. Было:* [слабостей]
[409] *Слово вписано под строкой.* Было: [дает волю своей] [тратит]
[410] *Слово исправлено из первоначального:* время
[411] *Слова*: временем для своей — *вписаны над строкой.*
[412] *Слово вписано над строкой. Было:* [придя]
[413] *Слово вписано над строкой.*
[414] *Слова:* так восстают — *вписаны над строкой. Было:* [не повинуются]
[415] *В ходе дальнейшей работы форма слова:* законам — *осталась без изменения.*
[416] *Слово вписано над строкой. Было:* [Вот]
[417] *Было:* [новые известия]
[418] *Слово исправлено из первоначального:* народ
[419] *Слово вписано над строкой. Было:* народ [распускает слухи]
[420] *Слово вписано над строкой. Было:* [напрасно]
[421] *Слова:* Нечего и ждать другого — *вписаны над строкой. Было:* [Я и так должен был знать об этом]
[422] *Слово вписано над строкой. Было:* [Давно]
[423] *Слова:* что того, кто властен, хотят, пока он не был властен — *вписаны на полях. Было:* [что ищущего власти любят, пока он не достиг ее]
[424] *Слово вписано над строкой.*

[425] *Слово вписано над строкой. Было:* [движущееся]
[426] *Слово исправлено из первоначального:* покорили
[427] *Над строкой записан вариант:* береговые
[428] *Слова:* лишь покажется — *вписаны над строкой. Было:* [вышла]
[429] *Слово вписано над строкой. Далее:* [поражает]
[430] *Слово вписано на полях и заключено в косые скобки.*
[431] *Слова:* на изнеженное — *вписаны над строкой.*
[432] *Слово исправлено из первоначального:* воспитанный. *Было:* воспитанный [в роскоши]
[433] *Слова:* видели, как — *вписаны над строкой.*
[434] *Слово зачеркнуто, но, очевидно, Островский предполагал его восстановить.*
[435] *Слово вписано над строкой.*
[436] *Слово подчеркнуто волнистой линией, на полях поставлен вопросительный знак.*
[437] *Слова:* да, даже — *вписаны над строкой.*
[438] *Слово вписано над строкой. Было:* [испорченное]
[439] *Далее в скобках:* — стыд тебе, что я говорю об этом теперь
[440] *В автографе реплика ошибочно приписана Антонию.*
[441] *Слово вписано над строкой. Было:* [воротит]
[442] *Слово вписано над строкой. Было:* [тебе и мне]
[443] *Слова:* что я могу выставить — *вписаны на полях. Было:* [какими силами я могу располагать]
[444] *Слова:* в настоящих — *вписаны над строкой. Было:* [чтобы стать лицом к]
[445] *В ходе дальнейшей работы форма слова:* обстоятельствам — *осталась без изменения.*
[446] *Слова:* К тому времени — *вписаны над строкой с двумя знаками вопроса слева. Было:* [До того времени]
[447] *Слово вписано над строкой. Было:* [Если]
[448] *Слово исправлено из первоначального:* вы
[449] *Далее:* [ты]
[450] *Слово вписано над строкой.*
[451] *В автографе ошибочно:* Антоний
[452] *Слова:* считаю это — *вписаны над строкой. Было:* [знаю]
[453] *Слово исправлено из первоначального:* свои
[454] *Было начато:* [Королев]
[455] *Слова:* Ха! Ха! — *вписаны над строкой. Было со знаком вопроса справа:* [Ай! Ай!]
[456] *Фраза вписана на полях. Было:* [Я не думаю так, царица]
[457] *Далее:* [по крайней мере]
[458] *Слово вписано над строкой.*
[459] *Сверху цифрами указан новый порядок слов. Было:* мысль свободна
Далее: [у тебя] [и]
[460] *Слово вписано над строкой.*
[461] *Стихи:* Да чем же, евнух ~ дурного ничего — *вписаны на полях автографа рядом с прозаическим переводом.*
[462] *Над словом поставлены два вопросительных знака.*
[463] *Слово вписано над строкой. Было:* [загоревшей]
[464] *Слово вписано над строкой. Было:* [поцелуев]
[465] *Далее:* [остолбеневший]
[466] *К словам:* бывало стоял ~ умер бы — *на полях л. 6 об. записан оставшийся незачеркнутым вариант:* остолбенев, впился в него глазами и умер бы...

[467] *К словам:* и он как... — *над строкой записан со знаком вопроса на полях оставшийся незачеркнутым вариант:* от этого лекаря, который

[468] *Слова:* Как живет — *вписаны на полях.*

[469] *Слово вписано над строкой. Было:* [хотели бы]

[470] *Сверху цифрами указан новый порядок слов. Было:* у ее ног

[471] *Слово вписано над строкой. Было:* [он]

[472] *Слово вписано над строкой. Было:* [поклонился]

[473] *Слово вписано над строкой. Было:* [покойно]

[474] *Слова:* так же, как и он — *подчеркнуты волнистой линией.*

[475] *Слово вписано над строкой. Было*: [видел]

[476] *Слово вписано над строкой.*

[477] *Слово вписано над строкой.*

[478] *Сверху цифрами указан новый порядок слов. Было:* Кто родится в тот день, когда я забуду послать к нему, умрет в нищете

[479] *Сверху цифрами указан новый порядок слов. Было:* Любила ли я, Хармиан, так Цезаря?

[480] *Над строкой записан вариант:* подавилась

[481] *Слова:* повторяю твою песню — *вписаны под строкой. Было:* [Прошу у вашей] [твоей великой милости извинения] [тебе же вторю] [пою твою песню]

[482] *Слова:* Позволь сказать — *вписаны на полях. Было:* [С твоего позволения]

[483] *Слова:* холод в крови ~ говорила — *подчеркнуты волнистой линией; на полях поставлен вопросительный знак.*

[484] *Слова:* хотя бы пришлось — *зачеркнуты. На полях поставлен вопросительный знак. Над строкой записаны слова, меняющие смысл и нарушающие структуру фразы*: иначе я

[485] *Слово вписано над строкой.*

[486] *Далее:* [возрастает]

[487] *Слова:* желает вести войну до порога — *вписаны на полях.*

[488] *Слово вписано под строкой. Было:* [войны]

[489] *Было:* [Кто сказал тебе?]

[490] *Над строкой записан вариант:* ложь

[491] *Над словом поставлены два вопросительных знака.*

[492] *Было:* [должен]

[493] *Слово исправлено из первоначального:* убедить

[494] *Слово вписано на полях с пометой:* NB

[495] *Слово вписано над строкой.*

[496] *Над строкой записан вариант:* огня

[497] *Слово вписано над строкой.*

[498] *Было:* [друзья]

[499] *К словам:* имело великую важность — *на полях л. 14 записан вариант, оставшийся незачеркнутым:* было великое дело

[500] *Слово исправлено из первоначального:* пусть

[501] *Слово подчеркнуто, справа на полях помета:* NB

[502] *Было:* [если возвышаешь голос разбирая <*нрзб.*> в спорах]

[503] *На полях л. 14 записан вариант, оставшийся незачеркнутым:* мы убиваем, стараясь

[504] *Слова:* тем более, что я убедительно вас — *вписаны на полях. Далее оставшееся незачеркнутым слово:* я

[505] *Над строкой вписан вариант:* умоляю вас

[506] *Слово вписано над строкой. Было:* [мягких]

[507] *Далее:* [придирками не раздувать дела]

[508] *Слова:* пусть неприятности не пристали к делу — *вписаны на полях.*

[509] *Было:* [Ты говоришь дело]

[510] *Далее:* [прошу]

[511] *Слово сначала было зачеркнуто, позже восстановлено. Было:* [обижаешься]

[512] *В автографе:* тем

[513] *К словам:* ты сердишься ~ для тебя — *на полях л. 14 записан вариант, оставшийся незачеркнутым:* тебе кажется дурным то, что недурно, а если и так, то тебя не касается

[514] *Слова:* и особенно — *вписаны над строкой.*

[515] *Слова:* на тебя — *сначала были зачеркнуты, позже восстановлены.*

[516] *Слово вписано над строкой.*

[517] *Слово исправлено из первоначального:* затеваешь

[518] *Далее:* [и предмет этой войны был ты]

[519] *Слова:* и их распря была поводом идти тебе — *вписаны на полях.*

[520] *На строке в круглые скобки заключен вариант:* словом

[521] *Слова:* не выставлял меня причиной — *вписаны на полях со знаком вопроса. Было:* [начал войну не за меня]

[522] *Слово вписано над строкой.*

[523] *Далее:* [хочешь скроить ссору, ища]

[524] *Слова:* по неимению материи — *вписаны над строкой.*

[525] *Слово вписано над строкой. Было:* [этого]

[526] *Рядом с именем:* Цезарь — *в круглых скобках помета:* проза

[527] *Слово вписано над строкой. Было:* [этого]

[528] *На строке в круглые скобки заключен вариант:* Ну, нет, ну, нет.

[529] *Слово зачеркнуто, но, очевидно, Островский предполагал его восстановить; на полях поставлен вопросительный знак.*

[530] *Слова:* легко управляешь — *вписаны над строкой. Было:* [сдерживаешь ее в покое]

[531] *Слово вписано над строкой.*

[532] *Слово исправлено из первоначального:* держал

[533] *Слова:* Ай, кабы — *вписаны над строкой. Было:* [Дай бог, чтобы]

[534] *Слова:* мы могли начинать войну с женщинами — *вписаны над строкой. Было:* [мы могли брать их отвагу]

[535] *Слова:* Невозможно и обуздать — *вписаны на полях. Было:* [Неисправимая]

[536] *В ходе дальнейшей правки форма слова:* проистекающая — *осталась без изменения.*

[537] *В ходе дальнейшей правки форма слова:* лишенная — *осталась без изменения.*

[538] *Слово вписано на полях. Было:* [тонкости]

[539] *Слова:* я сознаюсь — *вписаны на полях со знаком вставки.*

[540] *К словам:* но я тут ни в чем не виноват — *на полях л. 15 записан вариант, оставшийся незачеркнутым*: что касается этого, ты должен сознаться, я не мог помочь

[541] *Далее:* [не выслушав]

[542] *Было:* [Цезарь]

[543] *Слова:* только что угощал — *вписаны на полях. Было:* [вышел из-за стола, где обедал с]

[544] *Слово вписано на полях со знаком вставки.*

[545] *Над строкой записан вариант:* эта мелочь не

[546] *Далее:* [может]

[547] *Слово исправлено из первоначального:* быть

[548] *Слова:* иметь значения — *вписаны над строкой.*

[549] *Слова:* в нашем споре — *вписаны на полях.*

[550] *Фраза:* Если нам ~ нашего вопроса. — *вписана на полях. Было:* Он не [может быть] [причиной нашего раздора, так не поднимай разговора из-за него]

[551] *Далее:* [часть]

[552] *В ходе дальнейшей правки форма слова:* твоей — *осталась без изменения.*

[553] *В ходе дальнейшей правки форма слова:* клятвы — *осталась без изменения.*

[554] *Слова:* священно для меня — *вписаны над строкой и частично на полях. Было:* [важное]

[555] *Слова:* Ссудить мне войско — *вписаны над строкой. Было:* [Ты должен был]

[556] *Далее:* [первому].

[557] *Далее:* [войсками]

[558] *Слова:* когда я потребую — *вписаны на полях.*

[559] *Далее:* [мне]

[560] *Слова:* не позаботился — *вписаны над строкой. Было:* [пренебрег, когда]

[561] *Слова*: и к тому же — *вписаны над строкой.*

[562] *Слово вписано на полях.*

[563] *Слова:* сковала мое — *вписаны над строкой. Было:* [лишила меня]

[564] *Далее:* [Если я виноват]

[565] *Слова:* поскольку я могу — *вписаны на полях.*

[566] *Слова:* тебе покаяться — *вписаны над строкой. Было:* [извиниться]

[567] *Слова:* моего величия — *вписаны над строкой. Было:* [меня]

[568] *Слова:* моя честь — *вписаны над строкой. Было:* [правда, от которой я никогда не откажусь]

[569] *Слова:* в моем высоком ~ без чести — *вписаны на полях.*

[570] *Было:* [начала]

[571] *Слова:* без ведома — *вписаны на полях. Первоначальный вариант:* [не] без ведома

[572] *На строке в круглые скобки заключен вариант:* умно

[573] *Далее:* [где-нибудь]

[574] *Было:* [Не]

[575] *Слово исправлено из первоначального:* оскорбляй

[576] *Слово вписано над строкой. Было:* [и]

[577] *Слово исправлено из первоначального:* замолчи

[578] *Далее:* [вы увидите]

[579] *К словам:* Я не могу ~ форма — *на полях л. 15 об. записан вариант, оставшийся незачеркнутым*: Смысл его речей мне нравится, но манера говорить — нет

[580] *Было начато:* [Д]

[581] *Слово исправлено из первоначального:* слушала

[582] *Слово вписано над строкой. Было:* [обругала] [отделала тебя]

[583] *К словам:* по заслугам за твою опрометчивость — *на полях л. 16 записан вариант, оставшийся незачеркнутым*: вполне заслуженны твоей опрометчивостью

[584] *Слово вписано над строкой.*

[585] *Слова:* выше всякой похвалы — *заключены в круглые скобки. Было:* [выше всего, что можно сказать]

[586] *Слово вписано над строкой.*

[587] *Слова:* тогда бы — *вписаны над строкой. Было:* [скоро бы]

[588] *Слово вписано над строкой. Было:* [Истина]

[589] *Далее:* [очень]

[590] *К фразе:* От такого ~ не отказался бы. — *на полях л. 16 записан вариант, отмеченный волнистой вертикальной линией:* Да не приснится мне ставить препятствия такому доброму делу, которое обещает так много хорошего

[591] *Слово вписано над строкой. Было:* [наши]
[592] *Слово вписано над строкой. Было:* [<*нрзб.*>]
[593] *Далее:* [Счастливо!]
[594] *Слова:* в последнее время — *вписаны над строкой.*
[595] *Слово вписано над строкой со знаком вставки. Было:* [выступить против]
[596] *Далее:* [выступит против нас]
[597] *Слово вписано на полях.*
[598] *Было:* [Л е п и д]
[599] *Фрагмент:* А н т о н и й. Где он ~ совершенною — *объединен скобкой с пометами справа от реплик Цезаря:* Проза
[600] *Слова:* жаль, что нам не удалось переговорить — *вписаны на полях. Было:* [Я желал бы прежде поговорить с тобой] [тотчас]
[601] *Слово исправлено из первоначального:* большим
[602] *Слово вписано над строкой. Было:* [удовольствием]
[603] *Далее:* [идти]
[604] *Далее:* [и]
[605] *Слова:* куда я — *вписаны над строкой.*
[606] *Слова:* же и поведу тебя — *вписаны на полях. Далее:* [представить ей]
[607] *Было:* [Пусть и] Лепид [нам сопутствует]
[608] *Слова:* не лиши нас твоего общения — *вписаны на полях.*
[609] *Далее в круглых скобках:* идти за вами
[610] *Было:* [Уходят]
[611] *На полях справа помета:* Проза
[612] *Слово вписано над строкой.*
[613] *Слово вписано над строкой.*
[614] *Слово вписано над строкой. На полях записан вариант:* [которых мы не стоили]
[615] *Слова:* более действительно замечательные — *были зачеркнуты, позже восстановлены.*
[616] *Слово вписано над строкой. Было:* [покорила]
[617] *Слова:* Уж она действительно там — *вписаны над строкой, сверху цифрами указан новый порядок слов. Было:* [Что там происходило, мне передавали с гонцом]
[618] *Было:* [появилась]
[619] *Слова:* показала себя, или кто так передавал хорошо сведущий — *вписаны на полях.*
[620] *На полях справа помета:* Стихи.
[621] *Слово вписано над строкой.*
[622] *Сверху цифрами указан новый порядок слов в начале фразы. Было:* серебряные весла
[623] *Слово вписано над строкой.*
[624] *Слова:* и под музыку флейт — *вписаны над строкой.*
[625] *Слово вписано над строкой.*
[626] *Далее:* [два]
[627] *Слово исправлено из первоначального:* мальчика
[628] *Слово вписано над строкой. Было:* [редкость]
[629] *Слова:* ловили ее взгляды — *вписаны над строкой. Было:* [не спускали с нее глаз]
[630] *Фраза не закончена.*
[631] *Слово исправлено из первоначального:* цветущих
[632] *Слово вписано над строкой. Было:* [ближним берегам]
[633] *Слово вписано над строкой со знаком вставки.*

[634] *Слово вписано над строкой. Было:* [себе]
[635] *Слова:* если б возможна была пустота — *вписаны над строкой.*
[636] *Слово вписано над строкой. Было:* [пустоту]
[637] *К словам:* и пригласила его — *над строкой записан вариант:* чего она просила
[638] *Было:* [Королева]
[639] *Слово зачеркнуто, но, очевидно, Островский предполагал его восстановить.*
[640] *Далее:* [пробежала около]
[641] *Слова:* проскакала на одной ноге — *вписаны на полях.*
[642] *Слово вписано над строкой.*
[643] *Слова:* он ее не оставит — *были зачеркнуты, позже восстановлены. Далее ошибочно повторенное слово:* ее — *осталось незачеркнутым. Справа на полях в круглых скобках помета:* неполный стих
[644] *Слова:* От старости она не вянет — *вписаны над строкой. Было:* [Возраст не старит ее]
[645] *Слово вписано над строкой. Было:* [устроить]
[646] *Было:* Пойдем [ко мне!]
[647] *Слово вписано над строкой со знаком вставки.*
[648] *Сверху цифрами указан новый порядок слов. Было:* на коленях перед богами
[649] *Было:* [вел пор]
[650] *На полях справа в круглых скобках помета*: проза
[651] *Было:* [возвращался]
[652] *Слово вписано на полях.*
[653] *Слова:* можешь ли — *вписаны над строкой. Было:* [угодно ли]
[654] *В ходе дальнейшей работы форма слова:* не — *осталась без изменения.*
[655] *Слово вписано над строкой. Было:* [возвращайся]
[656] *На строке в круглые скобки заключен вариант:* дух, хранящий тебя
[657] Было: [повторяй]
[658] *Слово было зачеркнуто, позже восстановлено.*
[659] *Слово вписано над строкой.*
[660] *Было:* [померкнет]
[661] *Слово вписано над строкой. Было:* [не может]
[662] *Над строкой записан вариант:* сказал
[663] *Над строкой записан вариант:* когда
[664] *Слово исправлено из первоначального:* вынимать
[665] *Далее:* [будет]
[666] *Слова*: хотя и моих ~ ничего — *подчеркнуты; на полях справа поставлены два знака вопроса.*
[667] *Слова:* и при неравенстве — *вписаны над строкой. Было:* [гораздо лучших]
[668] *Слово вписано над строкой. Было:* [мира]
[669] *Слово вписано над строкой. Было:* [о дальнейшем]
[670] *Слово вписано над строкой. Было:* [следуйте]
[671] *Далее:* [пришел проститься с]
[672] *Слово вписано над строкой.*
[673] *Слово вписано на полях.*
[674] *Слово исправлено из первоначального:* Октавией
[675] *Далее в скобках оставлено пустое место. В подлиннике употреблено слово:* Mount
[676] *Слова:* ваша дорога короче — *вписаны над строкой. Было:* [Отправиться прямо]
[677] *Слова:* условия мои меня оттянут — *вписаны на полях.*

[678] *Слова:* для нас заняться любовью — *вписаны на полях. Было:* [которой мы питаемся в любви]

[679] *Слово вписано над строкой. Было:* [могу]

[680] *Слова:* насколько умеют — *вписаны над строкой. Было:* [как могут]

[681] *Слова:* в уженьи — *вписаны над строкой со знаком вставки.*

[682] *Слово исправлено из первоначального:* Наполняй

[683] *Далее:* [плут]

[684] *Слова*: на свободе — *вписаны над строкой. Было:* [здоров]

[685] *Слово вписано над строкой со знаком вставки.*

[686] *Слово было зачеркнуто, позже восстановлено.*

[687] *Слово вписано над строкой. Было:* [для]

[688] *Далее на полях:* [чем заговоришь]

[689] *Слово было зачеркнуто, позже восстановлено.*

[690] *К фразе в круглых скобках:* скажи мне все, что хочешь сказать — *над строкой приписан вариант:* высыпай весь тюк известий в мои уши

[691] *Слово было зачеркнуто, позже восстановлено. Далее на строке в круглые скобки заключен вариант:* разом

[692] *Слово вписано над строкой. Было:* [связан с]

[693] *Справа на полях поставлены два вопросительных знака.*

[694] *Было:* [Г о н е ц]

[695] *Фраза*: Как же это? — была *зачеркнута, позже восстановлена. Далее на строке и на полях:* [Зачем?] [Каким узлом?]

[696] *Фраза вписана на полях.*

[697] *Фрагмент: Как же ~* Для общего ложа. — *отмечен волнистой вертикальной чертой на полях. К реплике:* Для общего ложа. — *на полях л. 20 об. записан оставшийся незачеркнутым вариант:* Самым лучшим, каким связывает ложе.

[698] *Ремарка вписана на полях. Было:* [*(бьет его)*]

[699] *К словам*: обезволошу твою голову — *над строкой записан вариант:* оплешивлю тебя

[700] *Ремарка вписана над строкой. Было:* [*(преследует его с яростью)*]

[701] *Далее:* [в соленом едком]

[702] *Далее:* [на медленном огне]

[703] *Фраза:* и ты будешь томиться в подвале и...— *вписана на полях.*

[704] *Далее:* [я не виноват в том, что сделалось]

[705] *Слово вписано над строкой.*

[706] *Слова:* устроил свадьбу — *вписаны на полях.*

[707] *Слова*: твои богатства завидными — *вписаны над строкой. Было:* [тебя гордым от счастья]

[708] *Слова:* насколько позволит тебе — *вписаны над строкой. Было:* [которые может]

[709] *Над строкой записан вариант:* женат

[710] *Справа на полях л. 20 об. к реплике в круглые скобки заключен вариант:* надоела жизнь

[711] *Над строкой: <2 нрзб.>*

[712] *К словам*: не смеет — *над строкой записан вариант*: боится

[713] *К словам:* Поди сюда! — *на полях л. 21 записан вариант, оставшийся незачеркнутым:* Пожалуй же сюда!

[714] *Слова*: хоть и — *вписаны над строкой.*

[715] *Слово вписано над строкой.*

[716] *Было:* [не] всегда [можно]

[717] *Слово вписано над строкой. Было:* [языков]

[718] *Слово исправлено из первоначального:* погубят
[719] *Слово исправлено из первоначального:* лгал
[720] *Слова*: О если б — *вписаны над строкой. Было:* [О, пусть]
[721] *Слово вписано над строкой. Было:* [обман]
[722] *Слово исправлено из первоначального:* сделает
[723] *На полях справа дважды отмечено знаком:* NB
Далее: [Да это так и будет]
[724] *Слово вписано над строкой со знаком вставки.*
[725] *Слова:* будь ты проклят — *вписаны над строкой. Было:* [разрушит тебя]
[726] *В начале реплики оставлено свободное место для перевода слов:* Good your highness
[727] *Слова*: имей терпение — *вписаны над строкой и частично на полях. Было:* [успокойся]
[728] *Слово вписано над строкой.*
[729] *Слова:* мне дурно — *вписаны над строкой. Было:* [Я лишаюсь чувств]
[730] *Слова:* не надо — *вписаны над строкой. Было:* [прошло]
[731] *Слово вписано над строкой. Было:* [глазах], [об ее]
[732] *Было:* [Я навсегда отказываюсь от него]
[733] *Слова:* не отказываюсь — *были зачеркнуты, позже восстановлены. На полях в круглые скобки заключен вариант*: Он мне чужой
[734] *Ремарка вписана на полях со знаком вставки.*
[735] *Фраза вписана на полях со знаком вставки.*
[736] *Далее начато:* [р]
[737] *Слово вписано над строкой.*
[738] *Над строкой записаны еще два варианта*: исполнителям, факторам
[739] *Слово вписано над строкой.*
[740] *Слово вписано над строкой. Было:* [любителями]
[741] *Слово вписано над строкой. Было:* [Сообрази]
[742] *Было:* думаешь [ли ты]
[743] *Далее:* [и]
[744] *Далее:* [посланные]
[745] *Слово исправлено из первоначального:* убеждаем
[746] *Далее:* [счастьем]
[747] *Слово исправлено из первоначального:* прислать
[748] *Далее:* [хлеба]
[749] *Слова:* но ты должен знать — *вписаны на полях.*
[750] *Далее:* [была там хорошо принята]
[751] *Слова:* получила дружеский прием — *вписаны на полях.*
[752] *Далее:* [готов засвидетельствовать тебе благодарность, как я должен]
[753] *Слова*: вполне обсудил ~ обязан — *вписаны на полях.*
[754] *Далее оставшееся незачеркнутым слово:* хотя
[755] *Слова*: какие следы — *вписаны на полях со знаком вставки. Справа на полях помета:* NB
[756] *Слова*: оставила на моем — *вписаны над строкой. Было:* [избороздила]
[757] *Было:* лицо [мне]
[758] *Слово исправлено из первоначального*: залезала
[759] *Слово исправлено из первоначального*: сделала
[760] *Эти три стиха вписаны на полях л. 22 об.*
[761] *В круглые скобки заключен вариант реплики:* Наша встреча к добру. — *На полях записан стихотворный вариант реплики:* Тебя я видеть рад.
[762] *Слово вписано над строкой. Было:* [хотел]

[763] *Далее:* [чтобы]
[764] *Слова*: изложить на бумаге — *вписаны над строкой. Было:* [были записаны]
[765] *Было*: скреплены [нашей подписью]
[766] *Слово вписано над строкой. Было:* [бросим]
[767] *Слово исправлено из первоначального*: жребий
[768] *Далее слова:* будешь ли ты — *заключены в круглые скобки.*
[769] *К словам:* твое такое поваренное искусство египетское — *на строке и частично на полях записан вариант:* твоя такая кухня
[770] *Слово вписано над строкой. Было*: [имеет]
[771] *Слово вписано над строкой. Было:* [блюдах]
[772] *Фраза вписана на полях. Было:* [Я не сделал ничего дурного] [Я не желаю сказать ничего неприятного]
[773] *Слово вписано над строкой. Было*: [И имеешь]
[774] *Слово исправлено из первоначального*: добрые
[775] *Слово исправлено из первоначального*: слова
[776] *Далее:* [к нему]
[777] *Далее:* [Не он приносил?]
[778] *Было начато:* [Известно,]
[779] *На строке записан вариант:* воин
[780] *Слово вписано над строкой со знаком вставки.*
[781] *Слово вписано под строкой. Было:* [еще лучше]
[782] *В автографе ошибочно:* А н т о н и й
[783] *Было начато:* [Господин,]
[784] *Слово вписано над строкой. Было:* [вас]
[785] *Слово вписано над строкой. Было:* [Пользуйся]
[786] *Фраза вписана на полях. Было:* [Иди ты вперед!]
[787] *На полях справа помета:* Проза
[788] *Слова:* были знакомы когда-то — *вписаны над строкой и частично на полях. Было:* [уже познакомились]
[789] *Над строкой записан вариант:* всякого
[790] *Слова:* также и того, что я делал — *вписаны над строкой. Было:* [И я]
[791] *Слова:* были власть имеющие — *вписаны над строкой. Было:* [имели]
[792] *Слово вписано под строкой. Было:* [они]
[793] *Далее:* [двух]
[794] *Слово исправлено из первоначального*: целующихся
[795] *Слово вписано над строкой.*
[796] *Сверху цифрами указан новый порядок слов. Было:* как два вора целуются
[797] *Слово исправлено из первоначального*: честные
[798] *Сверху цифрами указан новый порядок слов. Было:* [Но ведь у всех] людей честные лица, [каковы бы ни были их руки]
[799] *Реплика вписана на полях. Было:* [Но этого нельзя сказать про хорошеньких женщин, имеющих честные лица]
[800] *Слово было зачеркнуто, позже восстановлено.*
[801] *Слова:* не во гнев им сказать — *вписаны на полях со знаком вопроса.*
[802] *Слово выделено круглыми скобками.*
[803] *На полях автографа справа поставлен знак вопроса.*
[804] *Слово исправлено из первоначального*: просмеял
[805] *Было:* [Правда ли это]
[806] *Слово вписано на полях. Было:* [любви]
[807] *Было:* [тиха]

[808] *На полях л. 24 записан вариант, оставшийся незачеркнутым:* Кто бы не желал, чтобы его жена была такова?
[809] *Слова:* будет любить — *вписаны на полях. Было:* [останется]
[810] *Слово исправлено из первоначального:* он
[811] *Слово исправлено из первоначального:* женился
[812] *Далее:* [из выгоды]
[813] *Слово вписано над строкой. Было*: [случиться]
[814] *К словам:* выпить за тебя — *на строке в круглые скобки заключен вариант:* твое здоровье
[815] *Далее:* [должен]
[816] *Слово исправлено из первоначального:* принять
[817] *Слово вписано над строкой. Было*: [это]
[818] *Далее:* [пой<дем>]
[819] *Далее:* [близ]
[820] *В автографе:* два или три слуги
[821] *Слова:* слабо держатся — *вписаны на полях. Было:* [нетверды на ногах] [разбиты]
[822] *Перевод реплики первого слуги вписан на полях после знака:* NB
[823] *В автографе описка:* Заговорят
[824] *Слово вписано над строкой. Было*: [неприятности]
[825] *Слово исправлено из первоначального:* успокаивает
[826] *В ходе дальнейшей правки форма слова:* свою — *осталась без изменения.*
[827] *Слово исправлено из первоначального:* разладицу
[828] *Над строкой записан вариант:* великих
[829] *В ходе дальнейшей правки форма слова:* высший — *осталась без изменения.*
[830] *Слово вписано над строкой. Было:* [ярус]
[831] *Далее:* [быть в состоянии]
[832] *В ходе дальнейшей правки форма слова:* в нем — *осталась без изменения. На полях справа помета:* NB
[833] *Над строкой записан вариант:* берут
[834] *Слово вписано над строкой. Было:* [подъем]
[835] *Над строкой записан вариант:* выше
[836] *К словам: он обещает — на полях л. 24 об. записан вариант:* ожидается
[837] *Слово вписано над строкой. Было:* [грязь]
[838] *Фрагмент:* так у них ~ жатва — *на полях объединен скобкой с пометой:* стихи
[839] *Фрагмент:* У вас ~ Лепид. — *на полях объединен скобкой с пометой:* проза
[840] *Слово вписано над строкой. Было:* [тины]
[841] *Слово вписано над строкой. Было:* [какого-нибудь]
[842] *Над строкой записан вариант:* следует
[843] *Над строкой записан и позже зачеркнут вариант*: откажусь
[844] *На полях справа поставлен знак вопроса.*
[845] *К словам:* не прочь — *над строкой вписан и позже зачеркнут вариант со знаком вставки*: откажешься
[846] *Слова:* от нас — *вписаны над строкой.*
[847] *Далее:* [но я боюсь, что ты заснешь раньше, чем откажешься]
[848] *Слова:* мне кажется, что до тех-то пор ты будешь здесь — *вписаны на полях.*
[849] *Слово вписано на полях. Было:* [хороши]
[850] *Справа на полях поставлен знак вопроса.*
[851] *К словам:* позволь мне сказать слово — *на полях л. 25 записан вариант:* выслушай меня
[852] *Слово вписано над строкой. Было:* [этот]

[853] *Слово вписано на полях.*

[854] *К словам:* эти ваши крокодилы? — *над строкой вписан согласующийся с ответной репликой Антония вариант:* этот ваш крокодил?

[855] *Слово вписано над строкой. Было:* [длины]

[856] *Слово вписано над строкой. Было:* [длинен]

[857] *Слово вписано над строкой. Было:* [кормится]

[858] *Слова:* его питает — *вписаны над строкой. Было:* [ест]

[859] *Первоначальный вариант реплики:* Удовлетворит ли его это описание?

[860] *Далее в круглых скобках:* который подносит

[861] *Слово исправлено из первоначального:* Помпей

[862] *Далее:* [был бы]

[863] *Фрагмент:* Где кубок ~ встань! — *объединен круглой скобкой на полях с пометой:* Стихи

[864] *На полях записан вариант*: бросал

[865] *Фрагмент: Мне кажется* ~ счастьем. — *объединен круглой скобкой на полях с пометой:* Проза

[866] *Слово вписано над строкой. Было:* [ты сядешь тяжело]

[867] *Слово вписано над строкой. Было:* [света]

[868] *К словам:* не подносил кубка к губам — *над строкой записан вариант:* отстранялся

[869] *Далее:* [хочешь]

[870] *Фрагмент:* Согласись только ~ возьмешь — *объединен круглой скобкой на полях с пометой:* стихи

[871] *В автографе ошибочно:* А н т о н и й

[872] *Над строкой:* [правителя]

[873] *Слово вписано на полях со знаком вопроса. Было:* [управлении]

[874] *Слово исправлено из первоначального:* соперники

[875] *Над строкой записан вариант:* перерезать

[876] *Далее:* [и]

[877] *Над строкой записан вариант:* говорить

[878] *Ремарка вписана над строкой. Было:* [*(тихо)*]

[879] *Далее в круглых скобках:* полный

[880] *Реплики Мены и Энобарба: Почему* ~ не видишь? — *объединены круглой скобкой с пометой:* Проза.

[881] *Слово вписано над строкой. Было:* [другим]

[882] *Над строкой записан вариант:* умножай

[883] *Было:* [Энобарб]

[884] *В автографе ошибочно, с двумя знаками вопроса:* М е н а

[885] *На полях в круглые скобки заключен вариант:* Еще дойдет

[886] *Слова:* Пожалуй бы и не надо — *вписаны на полях. Было:* [Я попросил бы уволить меня]

[887] *Слова:* Будь по-твоему — *вписаны на полях. Было:* [Изволь!] [Одолей это и] [Ну вот]

[888] *Далее:* [буду]

[889] *Слово исправлено из первоначального:* пить

[890] *В подлиннике далее ремарка: (To Mark Antony)*

[891] *Слово исправлено из первоначального:* нашу

[892] *Слово вписано над строкой. Было:* [попойку]

[893] *Слова:* Ну, давай — *вписаны на полях под строкой. Было:* Да, [<*нрзб.*>]

[894] *Слова:* храбрый воин! — *вписаны на полях.*

[895] *На полях справа поставлены два знака вопроса.*

[896] *Над строкой записан вариант:* чанах

[897] *Стих вписан над строкой на полях. Было:* [Царь вина, приди, явись пред нами]

[898] *Текст песни вписан на полях л. 26 об.*

[899] *Слово вписано над строкой.*

[900] *Слово вписано над строкой.*

[901] *Слово вписано над строкой.*

[902] *Слово исправлено из первоначального:* сильного

[903] *Слово исправлено из первоначального:* Энобарба

[904] *Слово вписано над строкой. Было:* [обессилило]

[905] *Слово исправлено из первоначального:* вино

[906] *Слово вписано над строкой. Было:* [почти превратило]

[907] *Слово вписано над строкой.*

[908] *Слова:* почти не людей — *вписаны над строкой. Было:* [в шутов]

[909] *Слова*: Такое вино! — *вписаны на полях.*

[910] *Слово вписано над строкой. Было:* [Милый]

[911] *Слово вписано над строкой.*

[912] *Слова:* об этом — *вписаны над строкой. Было:* [за важность?]

[913] *Слова:* в лодку — *вписаны над строкой. Было:* [на берег]

[914] *Слово исправлено из первоначального:* берегись

[915] *Слово вписано над строкой.*

[916] *Далее:* [друзьями]

[917] *Фраза вписана над строкой. Было:* [Дай руку!]

[918] *Было:* [Играют]

[919] *В подлиннике имя царского сына* — Пакор.

[920] *Слово вписано над строкой. Было:* [стреляющая]

[921] *Над строкой записан вариант:* где

[922] *Над строкой записан вариант:* скрываются

[923] *Слово вписано над строкой.*

[924] *Слово вписано над строкой.*

[925] *Слово исправлено из первоначального:* одержали

[926] *Сверху цифрами указан новый порядок слов. Было:* больше побед

[927] *Слово вписано над строкой. Было:* [область]

[928] *Слова:* впал в немилость — *вписаны на полях вместо:* потерял милость

[929] *Слово выделено круглыми скобками.*

[930] *Фраза перечеркнута вертикальной линией, вероятно, случайно, так как переведена точно.*

[931] *На полях справа поставлены два знака вопроса.*

[932] *Далее:* [с]

[933] *Далее:* мы [разбили]

[934] *К словам:* прогнали с поля — *над строкой записан вариант:* разбили

[935] *Слова:* Он хотел быть — *вписаны над строкой. Было:* [Я думаю,]

[936] *Слова:* наш обоз — *вписаны над строкой. Было:* [тяжесть нашей добычи]

[937] *Слова:* и он ушел — *вписаны над строкой.*

[938] *Слова:* что такое — *вписаны над строкой.*

[939] *Слово исправлено из первоначального:* расточает

[940] *Над строкой записан вариант:* цифры

[941] *Слово вписано над строкой.*

[942] *Слово вписано над строкой. Было:* [Что это?]

[943] *Слово зачеркнуто, но, очевидно, Островский предполагал его восстановить.*

[944] *Слово было зачеркнуто, позже восстановлено.*

[945] *На полях справа поставлен знак вопроса.*
[946] *Слово вписано над строкой. Было:* [чти]
[947] *Слово вписано над строкой вместо:* моя любовь
[948] *Далее:* [мо<е>]
[949] *На полях справа поставлен вопросительный знак.*
[950] *Слова:* находится между нами — *вписаны над строкой. Было:* [соединяет нас]
[951] *Далее:* [будет]
[952] *На строке в круглые скобки заключен вариант:* Я же сказал
[953] *Слова:* будь ты самый разборчивый человек — *вписаны над строкой и частично на полях. Было:* [несмотря на твою проницательность]
[954] *Слово вписано над строкой со знаком вставки.*
[955] *На полях справа поставлены два вопросительных знака.*
[956] *На полях в круглые скобки заключены слова:* не справится?
[957] *Слово вписано над строкой со знаком вставки.*
[958] *Слова:* верху волны — *вписаны над строкой. Было:* [волнистом потоке]
На полях в круглые скобки заключены слова: при приливе
[959] *Слово исправлено из первоначального:* плачет
[960] *Далее:* [убитым]
[961] *На полях л. 29 записан оставшийся незачеркнутым вариант:* когда нашел убитого
[962] *Слова:* готов был — *вписаны над строкой.*
[963] *Слово исправлено из первоначального:* плакал
[964] *Далее:* [чья смерть ему очень приятна]
[965] *Слова:* которых сам поражал — *вписаны на полях.*
[966] *Слово вписано на полях. Было:* [слезам]
[967] *Слово вписано над строкой. Было:* [когда]
[968] *Слово вписано над строкой.*
[969] *Над строкой записан вариант:* борюсь
[970] *Далее:* [друг то]
[971] *Слово вписано над строкой.*
[972] *Слово исправлено из первоначального:* Достать бы
[973] *Слово вписано над строкой. Было:* [чистый]
[974] *Далее:* [<*нрзб.*>]
[975] *К словам:* не имею наблюдательности — *на полях л. 30 в круглые скобки заключен вариант*: без глаз
[976] *Далее:* [и трое не имели бы]
[977] *Слово вписано на полях. Было:* [я тебя спрашиваю]
[978] *Слово исправлено из первоначального:* слышишь
[979] *Было:* [Совершенно] круглое
[980] *Слово вписано на полях. Над строкой записан вариант:* и чересчур
[981] *Сверху цифрами указан новый порядок слов. Было:* Какого цвета у ней волосы?
[982] *Слово вписано над строкой. Было:* [Черные]
[983] *Справа на полях в круглые скобки заключен вариант*: доне́льзя низкий
[984] *Слово исправлено из первоначального:* можешь
[985] *На полях подчеркнутый знак:* NB
[986] *Слово исправлено из первоначального:* тебе
[987] *Слова:* опять туда послать — *вписаны над строкой и частично на полях. Было:* [дать] тебе [новое поручение]
[988] *Слова:* в ней — *подчеркнуты. На полях справа поставлен знак вопроса.*
[989] *Над строкой и на полях записан вариант:* должен понять

[990] *Слово вписано над строкой.*
[991] *К словам:* в этом не сомневаюсь — *над строкой записан вариант:* за это поручусь
[992] *Слово вписано над строкой. Было:* [мелко?] [мало]
[993] *Слово вписано над строкой. Было:* [холодно]
[994] *Слово вписано на полях. Было:* [хило?]
[995] *Над строкой записан вариант:* выходило
[996] *Слова:* ему напоминали — *вписаны над строкой со знаком вставки.*
[997] *Слова:* не смотрел — *вписаны над строкой. Было:* [или только поминал]
[998] *Далее:* [не]
[999] *Над строкой записан вариант*: Нежная
[1000] *Фраза не закончена. На полях поставлен знак вопроса.*
[1001] *Слова:* чтобы ее забить — *вписаны на полях.*
[1002] *Над строкой записан вариант:* кто
[1003] *Над строкой записан вариант:* виноват
[1004] *Далее:* [как твоя любовь могла одинаково разделиться]
[1005] *Слова*: чтобы любовь твоя — *вписаны над строкой. Далее:* [была]
[1006] *Слово вписано на полях. Над строкой записан вариант:* поровну
[1007] *Слово вписано на полях.*
[1008] *Слова:* между нами — *были зачеркнуты, позже восстановлены.*
[1009] *Было:* В[ы]ходят
[1010] *Фрагмент: Что нового? ~ Какие? — объединен вертикальной чертой на полях с пометой:* проза
[1011] *Слово вписано над строкой.*
[1012] *Слова:* по самоличному обвинению — *вписаны над строкой. Было:* [без всякого суда]
[1013] *Слово исправлено из первоначального:* две
[1014] *Слово вписано над строкой. Над строкой записан вариант:* челюсти
[1015] *Слово вписано над строкой. Было:* [грызть]
[1016] *Реплика Энобарба:* Итак ~ Антоний? — *отмечена на полях волнистой вертикальной чертой с пометой:* стихи
[1017] *Слово подчеркнуто. На полях поставлен знак вопроса.*
[1018] *Над строкой записан вариант:* горлу
[1019] *Справа над строкой поставлен знак вопроса. Второй знак вопроса стоит на полях.*
[1020] *На полях справа поставлен знак вопроса.*
[1021] *Слово выделено круглыми скобками.*
[1022] *Слово исправлено из первоначального:* серебряных
[1023] *Слово вписано над строкой.*
[1024] *Слова:* с того времени — *вписаны над строкой.*
[1025] *Над строкой записан вариант:* отдал
[1026] *Далее:* [управление]
[1027] *Слово исправлено из первоначального:* Египтом
[1028] *Слово исправлено из первоначального:* отдает
[1029] *Было*: выходит [и]
[1030] *Слова:* часто и раньше — *вписаны над строкой.*
[1031] *Слова:* все это — *вписаны над строкой. Было:* [об этом]
[1032] *Слова:* уже и так — *вписаны над строкой.*
[1033] *Слово вписано под строкой. Было:* [утомленный]
[1034] *Слово исправлено из первоначального:* потерял
[1035] *На полях справа помета:* NB

[1036] *Далее:* [от него]
[1037] *Слова:* он мне — *вписаны под строкой. Было:* [я ему потом]
[1038] *Слова:* и я их — *вписаны на полях.*
[1039] *Сверху цифрами указан новый порядок слов. Было:* он говорит, что ссудил мне корабли, которых [я ему потом] не возвратил
[1040] *Слово вписано над строкой.*
[1041] *Слова:* мы не должны — *вписаны над строкой. Было:* [я не]
[1042] *Слово исправлено из первоначального:* соглашусь
[1043] *Далее:* [<*нрзб.*>]
[1044] *Слова:* И мне-то — *вписаны над строкой. Было:* [О, зачем]
[1045] *Под строкой записан вариант*: пришлось
[1046] *Слово исправлено из первоначального:* пришлось
[1047] *Справа на полях поставлен знак вопроса.*
[1048] *Слово вписано над строкой. Было:* [неожиданно]
[1049] *Слово подчеркнуто. На полях поставлен знак вопроса и помета:* NB
[1050] *Слова:* должны томиться от — *вписаны над строкой. Было:* [утомленными]
[1051] *Слово исправлено из первоначального:* долгим
[1052] *Слово исправлено из первоначального:* ожиданием
[1053] *Слово вписано над строкой. Было:* которую
[1054] *На полях справа помета:* NB
[1055] *Слова:* бы тебя — *вписаны над строкой. Было:* [должны были]
[1056] *Слово исправлено из первоначального:* встречать [тебя]
[1057] *Далее:* [запасы]
[1058] *Далее:* [пышный и]
[1059] *Далее:* [он]
[1060] *На полях слева поставлен знак вопроса. Справа на полях л. 33 — слова:* целятся больно
[1061] *Далее:* [до той минуты]
[1062] *Слово вписано над строкой. Было:* [оскорбляют]
[1063] *В ходе дальнейшей работы форма слова:* бездействуем — *осталась без изменения.*
[1064] *Слова:* не сокрушайся — *вписаны на полях. Было:* [будь бодра]
[1065] *Слова:* этим обстоятельством — *вписаны над строкой. Было:* [временем]
[1066] *Слово вписано над строкой. Было:* [принижает]
[1067] *Слова:* по необходимости — *вписаны на полях. Было:* [это крайняя необходимость]
[1068] *Слова:* ты меня — *вписаны над строкой. Было:* для меня [нет ничего дороже тебя]
[1069] *Слово исправлено из первоначального:* изберут
[1070] *Слова:* всегда рады тебе служить — *вписаны над строкой. Было:* [приветствуем твой приезд]
[1071] *Слово вписано над строкой. Было:* [размашистый]
На полях записаны варианты: широкий, неудержимый
[1072] *Слово вписано над строкой. Было:* [покинул вас]
[1073] *К словам:* будь терпелива — *на полях л. 33 об. записан оставшийся незачеркнутым вариант:* всегда знакома с терпением
[1074] *Далее:* [за это]
[1075] *Фрагмент:* Ты был против ~ идет, идет? — *отмечен на полях вертикальной линией с пометой:* стихи
[1076] *Слова:* Да, если это не запрещено, так — *вписаны над строкой. Было:* [Что же ты не скажешь]

[1077] *Далее:* [должно]

[1078] *К словам:* что нужно ответить — *на полях л. 33 об. записан оставшийся незачеркнутым вариант:* Я бы мог ответить

[1079] *Под строкой записан вариант:* озадачивать

[1080] *Далее:* [он]

[1081] *Слова:* быть у него — *были зачеркнуты, позже восстановлены. Далее:* [<*нрзб.*> в сохранности]

К словам: быть у него — *над строкой и на полях записаны варианты*: беречь; он не должен лишиться, без чего <*нрзб.*>

[1082] *Слово записано на полях как вариант к слову:* горничные

[1083] *Было начато:* [кор<олевства>]

[1084] *Слово вписано над строкой.*

[1085] *Слово исправлено из первоначального:* мужчиной

[1086] *К словам:* не говори против — *на строке записан вариант*: не возражай

[1087] *Слова:* свое сказал — *вписаны над строкой. Было:* [замолчал]

[1088] *Здесь и далее в 7-й сцене в автографе:* Кандид

[1089] *Фраза:* Никто ~ нерадивые — *вписана на полях.*

[1090] *Слово вписано под строкой. Было*: [выговор]

[1091] *Слово вписано под строкой. Было:* [неповоротливость]

[1092] *Было:* [А как же]

[1093] *Слово вписано над строкой. Было:* [предлагает]

[1094] *В ходе дальнейшей правки форма слова:* нам — *осталась неизменной.*

[1095] *Слово вписано над строкой. Было:* [отказался] его [принять]

[1096] *Слово вписано над строкой.*

[1097] *Слова:* в службу — *вписаны на полях. Слева на полях поставлен знак вопроса.*

[1098] *Слово исправлено из первоначального:* предлагал

[1099] *Слова:* приводишь в отчаяние — *вписаны над строкой. Было:* [отвлечешь]

[1100] *Слово вписано над строкой.*

[1101] *Слова:* совершенно обегаешь путь — *записаны над строкой как вариант к словам:* откажется от средств, которые обещают

[1102] *В ходе дальнейшей правки форма слова осталась неизменной. Было:* которые

[1103] *При дальнейшей правке форма слова:* обещают — *осталась неизменной.*

[1104] *Далее в переводе Островского пропущены две строки:*

and Give up yourself merely to chance and hazard,

From firm security — и предаешь себя лишь случаю и риску, а не надежной безопасности

[1105] *Слово вписано над строкой. Было:* [кораблей]

[1106] *Слово вписано над строкой. Было:* [усиливши]

[1107] *Слово исправлено из первоначального:* остальные

[1108] *Слово вписано над строкой.*

[1109] *Слово исправлено из первоначального:* отобьем

[1110] *Слово вписано над строкой. Было:* [от мыса]

[1111] *Слова:* то можем сделать это — *вписаны над строкой. Было:* [попытаем]

[1112] *Слово вписано над строкой.*

[1113] *Далее:* [Это]

[1114] *Слово написано неразборчиво. Возможно:* войско

[1115] *Здесь и далее имя:* Кандид, Кандидий — *приводится так, как в подлиннике:* Канидий

[1116] *Слова:* девятнадцатью нашими легионами — *исправлены из первоначального:* девятнадцать наших легионов

[1117] *Слова:* будешь командовать — *вписаны над строкой. Было:* [удержишь]

[1118] *В ходе дальнейшей правки форма слова:* двенадцать — *осталась неизменной.*
[1119] *В ходе дальнейшей правки форма слова:* тысяч — *осталась неизменной.*
[1120] *Слова:* Ну, что — *вписаны на полях. Было:* [Что нового,]
[1121] *Слово вписано над строкой. Было:* [почтенный]
[1122] *Слова:* Ужели ты не — *вписаны над строкой.*
[1123] *Слово исправлено из первоначального:* доверься
[1124] *Слова:* нырять в воду — *вписаны на полях. Было:* [купаться] (по-утиному)
[1125] *Было:* [С о л д а т]
[1126] *К словам:* я думаю — *на полях в круглые скобки заключен вариант:* по-моему
[1127] *Фраза:* он основывает свои действия не на том, где его сила — *вписана на полях. Было:* [теперь правда не имеет власти над нашим вождем]
[1128] *Слово вписано над строкой.*
[1129] *Слово исправлено из первоначального:* наш
[1130] *Слово исправлено из первоначального:* вождь
[1131] *Слово вписано над строкой. Было:* [позволяет вести себя]
[1132] *Слово вписано над строкой. Было:* [под командой]
[1133] *Слова:* все целиком — *вписаны над строкой.*
[1134] *Слова:* а мы остаемся — *вписаны над строкой. Было:* я [имею приказание] остаться
[1135] *Слово вписано над строкой.*
[1136] *Слово вписано над строкой. Было:* [по назначению]
[1137] *Слово исправлено из первоначального:* чтобы
[1138] *Слова:* не могли уследить — *вписаны на полях. Было:* [таким образом обмануть бдительность самых тонких]
[1139] *Слово вписано над строкой.*
[1140] *Слово вписано над строкой. Было:* [событ]
[1141] *Слово вписано над строкой. Было:* [сдерживай]
[1142] *Слова:* зависит от — *вписаны под строкой. Было:* [почиет на]
[1143] *Слово вписано над строкой.*
[1144] *Слово вписано над строкой. Было:* [поля]
[1145] *Слова:* СЦЕНА IX ~ *Акциума. — вписаны на полях со знаком вставки.*
[1146] *Слово вписано над строкой. Было:* [конницу у]
[1147] *Слова:* по ту сторону — *вписаны над строкой.*
[1148] *Слова:* боевой линии — *вписаны над строкой. Было*: [войск]
[1149] *Было*: [этого]
[1150] *Слова:* СЦЕНА X ~ *равнине. — вписаны на полях со знаком вставки.*
[1151] *В подлиннике этого слова нет.*
[1152] *Слова:* видеть этого — *вписаны над строкой. Было:* [смотреть]
[1153] *Слово вписано над строкой. Было:* [погубить глаза]
[1154] *Рядом на строке в круглые скобки заключен вариант:* О чем страдаешь?
[1155] *На полях справа поставлен знак вопроса.*
[1156] *Слово исправлено из первоначального:* расцеловались
[1157] *Рядом на строке в круглые скобки заключен вариант:* сражение
[1158] *Над строкой записан вариант:* верная
[1159] *На полях в круглые скобки заключен вариант:* посреди
[1160] *Слово заключено в круглые скобки.*
[1161] *Слова:* зрелище было для меня непереносимо — *были зачеркнуты, позже восстановлены.*
[1162] *Далее*: [свои]
[1163] *Слова:* покинув сражение в решительную минуту — *вписаны над строкой и частично на полях.*

[1164] *Слово вписано над строкой. Было:* [ослабевает]
[1165] *На полях л. 36 записан вариант*: сознавал.
[1166] *К словам:* о чем — *на полях л. 36 записан вариант*: куда
[1167] *Слово исправлено из первоначального:* передам
[1168] *Слово вписано над строкой. Было:* [Цезаря]
[1169] *К словам:* отдувает меня в противную сторону — *на полях л. 36 об. записан вариант:* [своим] ветром против меня
[1170] *Слово вписано над строкой со знаком вставки*.
[1171] *Слово вписано над строкой со знаком вставки*.
[1172] *Слово исправлено из первоначального:* и примиритесь
[1173] *Было:* [один из]
[1174] *Слова:* О нет — *вписаны над строкой.*
[1175] *Слово вписано над строкой.*
[1176] *Далее:* [<*нрзб.*>]
[1177] *Слова:* я последовал ~ взглянуть — *вписаны на полях.*
[1178] *Далее:* [восстают против меня]
[1179] *Слово вписано на полях. Было:* [бесстыдство]
[1180] *Слово исправлено из первоначального:* разгладят
[1181] *Слово исправлено из первоначального:* показывайте
[1182] *Над строкой записан вариант:* покинуть
[1183] *Слово вписано над строкой. Было:* [то, что]
[1184] *Слово вписано под строкой.*
[1185] *К фразе:* примите намек, который предлагает вам мое отчаяние — *на полях л. 36 об. записан оставшийся незачеркнутым вариант:* пусть мое отчаяние служит вам намеком
[1186] *Слово исправлено из первоначального:* того
[1187] *Слово исправлено из первоначального:* кто
[1188] *Во фрагменте:* примите намек ~ оставило — *сверху цифрами указан новый порядок фраз. Было:* оставьте то, что само себя оставило; примите намек, который предлагает вам мое отчаяние.
[1189] *В автографе:* прям
[1190] *Слова:* Прям<о> к морскому берегу — *вписаны на полях со знаком вставки.*
[1191] *Слово вписано над строкой.*
[1192] *Фраза:* Ну, сделайте! — *вписана на полях.*
[1193] *Фраза:* Я прошу — *вписана над строкой. На полях справа поставлен знак вопроса.*
[1194] *Слова:* Потом увидимся — *вписаны на полях. Было*: [Я сейчас присоединюсь к вам]
[1195] *Слово вписано над строкой*.
[1196] *Реплика вписана на полях.*
[1197] *Слово вписано над строкой. Было:* [танцовщик]
[1198] *Слово исправлено из первоначального:* худощавого
[1199] *Слово исправлено из первоначального:* воюет
[1200] *Далее на строке в круглых скобках:* за важность
[1201] *Было начато в круглых скобках:* Посторонитесь
[1202] *Далее:* [она преклонила]
[1203] *Слово исправлено из первоначального:* голову
[1204] *Слово вписано над строкой. Было:* [руками]
[1205] *Далее:* [приятное]
[1206] *Слово вписано над строкой. Было:* [погубил]
[1207] *Слово вписано на полях. Было:* [поведение]

Сверху цифрами указан новый порядок слов в конце фразы. Было: мое поведение бесчестно.

[1208] *Слово вписано над строкой. Было:* [Вот]

[1209] *Слова:* свой стыд — *вписаны над строкой. Было:* [глаза]

[1210] *Слова:* твоих глаз — *вписаны над строкой. Было:* [тебя]

Далее: чтобы [скрыть стыд, мои взоры]

[1211] *Слово исправлено из первоначального:* обращаются

[1212] *Слово заключено в круглые скобки. Над строкой поставлен вопросительный знак.*

[1213] *К словам:* обращаясь назад на следы моего погрома и бесчестия — *на полях л. 37 об. записан оставшийся незачеркнутым вариант:* оглядываясь назад на мой погром...

[1214] *Слова:* мои трусливые паруса — *записаны на полях л. 37 об. как оставшийся незачеркнутым вариант к словам:* что (я побежала с кораблями)

[1215] *Слова:* твой кивок — *вписаны над строкой. Было:* [знак твоих глаз]

[1216] *Слово вписано над строкой. Было:* [вести с]

[1217] *Слово исправлено из первоначального:* молодым

[1218] *Слово исправлено из первоначального:* человеком

[1219] *Слово вписано над строкой. На полях записан вариант:* мелюзги

[1220] *Слово вписано под строкой. Было:* [царствовал над]

[1221] *Слова:* как хотел — *вписаны над строкой.*

[1222] *Слово вписано над строкой.*

[1223] *Фраза вписана над строкой. Было:* [Не плачь!]

[1224] *Слово подчеркнуто Островским. Было:* [иной]

[1225] *К словам:* выиграл и проиграл — *над строкой записан вариант:* выиграно и проиграно.

[1226] *Слово вписано над строкой. Было:* ты [этим]

[1227] *Слово вписано над строкой. Было:* [поправишь]

[1228] *К словам:* я наполнен свинцом — *на полях л. 37 об. записан оставшийся незачеркнутым вариант:* у меня каменная грудь

[1229] *К словам:* Вина мне — *над строкой записан вариант*: Эй, вина

[1230] *Слово вписано над строкой.*

[1231] *Слово вписано над строкой. Было:* [говори объяви свое поручение]

[1232] *Слово вписано над строкой. Было:* [мал]

Над строкой записан вариант: далек

[1233] *Слово исправлено из первоначального:* миртовой

[1234] *Слово вписано над строкой. Было:* [ветке]

[1235] *Было начато:* [Он]

[1236] *Слово вписано над строкой. Было:* [поздравление]

[1237] *К словам:* простым гражданином — *на полях л. 38 в круглые скобки заключен вариант:* частным человеком

[1238] *Слово вписано над строкой. Было:* достав[шегося]

[1239] *Слово вписано над строкой.*

[1240] *Далее:* [ее]

[1241] *Слова:* ни в исполнении — *вписаны над строкой.*

[1242] *Над строкой записан вариант:* сквозь

[1243] *Слово исправлено из первоначального:* оторви

[1244] *Слово вписано над строкой. Над строкой записан вариант:* или

[1245] *Слова:* что сам придумаешь — *вписаны над строкой. Было:* [если признаешь нужным]

[1246] *Над строкой записан вариант:* стойки

[1247] *Над строкой записан вариант:* нарушит обет
[1248] *Слова:* подтвердим как — *вписаны над строкой. Было:* [будет для меня]
[1249] *Слово исправлено из первоначального:* законом
[1250] *Слова:* каждому мельчайшему выражению узнать — *вписаны над строкой. Было:* [внешности проникнуть в его тайные замыслы]
[1251] *Слова:* и что можно судить — *вписаны на полях.*
[1252] *К фразе:* Антоний или я виноваты в этом? — *на полях автографа в круглые скобки заключен вариант*: Виноваты я или Антоний
[1253] *На полях справа в круглых скобках помета:* Отличная мысль
[1254] *Слово вписано над строкой. Было:* [дурачить]
[1255] *Слова:* дело было в нем — *вписаны над строкой. Было:* [зависело от него]
[1256] *Над строкой записан вариант:* пагубно
[1257] *Слово вписано над строкой. Было:* [бежать]
[1258] *Слова:* бегущими знаменами — *вписаны над строкой и частично на полях. Было:* [кораблями]
[1259] *Слова:* и оставить свой изумленный флот — *вписаны над строкой. Было:* [перед глазами внимательно следящего за ним флота]
[1260] *Слово заключено в круглые скобки.*
[1261] *Слова:* такой, мой — *вписаны над строкой со знаком вставки.*
[1262] *Было:* [?]
[1263] *Далее:* [это]
[1264] *В ходе дальнейшей правки форма слова:* Это — *осталась без изменения.*
[1265] *Далее:* [что потому]
[1266] *Далее:* [ожидать от него]
[1267] *Слово исправлено из первоначального:* чего-нибудь
[1268] *Слово вписано над строкой. Было:* [особенного]
[1269] *Слово вписано над строкой. Было:* [быть] и [у]
[1270] *Слово исправлено из первоначального:* труса
[1271] *Далее:* [забывая (невзирая) на неравенство наших отношений]
[1272] *Слова:* вызываю его ~ прикрасы — *вписаны над строкой и на полях. Было:* [предлагаю ему]
[1273] *Далее:* [гордо]
[1274] *Слова:* вознесенный победами — *вписаны на полях. Было:* [победивший]
[1275] *На полях в круглые скобки заключен вариант:* удачи
[1276] *Слово вписано над строкой. Было:* [пойдет на]
[1277] *Над строкой вписано слово:* потеря
[1278] *Далее:* [чтоб]
[1279] *Слово исправлено из первоначального:* страдало
[1280] *Слова:* сообразив отношения — *в автографе заключены в круглые скобки.*
[1281] *Над строкой записан вариант:* полный
[1282] *На полях фрагмент:* Да, как же ~ разум. — *отмечен вертикальной линией и комментарием Островского:* Превосходно.
[1283] *Слова:* Ему нужно — *вписаны над строкой. Было:* [У него]
[1284] *Слова:* столько же, сколько — *вписаны над строкой. Было:* [теперь так же мало, как]
[1285] *Далее:* [много]
[1286] *Слова:* а без того и — *вписаны над строкой со знаком вставки.*
[1287] *В автографе описка.*
[1288] *Слова:* будем друзьями — *вписана над строкой и на полях.*
[1289] *Далее:* [не столько]
[1290] *Далее* [<*нрзб.*>], *возможно:* [даже]

[1291] *Слова:* а знала о человеке — *вписаны над строкой. Было:* [но о том]
[1292] *Слово исправлено из первоначального:* отдана
[1293] *Слова:* нам надо тебе дать утонуть — *вписаны над строкой и частично на полях. Было:* [и мы с тобой потонем]
[1294] *Над строкой записан вариант:* близкие
[1295] *Слово вписано над строкой.*
[1296] *Слово вписано над строкой. Было:* [отчасти]
[1297] *Слова:* его счастьем — *вписаны на полях со знаком вставки. Было:* [на его счастие]
[1298] *Слово исправлено из первоначального:* обопрешься
[1299] *В ходе дальнейшей правки форма слова:* благоразумия — *осталась без изменения.*
[1300] *Слово исправлено из первоначального:* со счастием
[1301] *Слова:* заодно, и — *вписаны над строкой со знаком вставки.*
[1302] *Слово вписано над строкой. Было:* [покрывал]
[1303] *Слова:* как мальчики — *вписаны над строкой. Было:* [цари бежали]
[1304] *Слово вписано над строкой.*
[1305] *Слово вписано над строкой. Было:* [таково]
[1306] *Слово исправлено из первоначального:* ее
[1307] *Слово вписано над строкой.*
[1308] *Слово исправлено из первоначального:* нас
[1309] *Слово исправлено из первоначального:* несчастных
[1310] *Слово вписано над строкой со знаком вставки. Было:* [покойного]
[1311] *Далее:* [распутств]
[1312] *Далее:* [с]
[1313] *На полях справа помета:* непонятно
[1314] *Далее:* [он? И]
[1315] *Слово вписано на полях.*
[1316] *Слово вписано на полях.*
[1317] *Слово вписано под строкой. Было:* [Он просил]
[1318] *Слово вписано над строкой со знаком вставки. Было:* [Если]
[1319] *Сверху цифрами указан новый порядок слов. Было:* твой отец
[1320] *Далее:* [в возмездие]
[1321] *Слова:* чтобы сквитаться со мной — *вписаны над строкой.*
[1322] *Слова:* его при самом начале — *вписаны над строкой. Было:* [источники]
[1323] *Над строкой записан вариант:* унесет жизнь
[1324] *Над строкой записан вариант:* погибнут
[1325] *Слово вписано над строкой. Было:* [отчаянно]
[1326] *Над строкой записан вариант:* нынче
[1327] *Слово вписано над строкой. Было:* [моего]
[1328] *На полях слева написаны и подчеркнуты слова:* бабья пагуба.
[1329] *Слово вписано над строкой. Было:* [геройство]
[1330] *Сверху цифрами указан новый порядок слов. Было:* сердце нашего полководца усиливается по мере ослабления мозга
[1331] *Слово вписано над строкой. Было:* [я]
[1332] *Слово исправлено из первоначального:* смеюсь [над]
[1333] *В ходе дальнейшей правки форма слова:* вызовом — *осталась без изменения.*
[1334] *Слово вписано над строкой. Было:* [Почему]
[1335] *Слово исправлено из первоначального:* Подите
[1336] *Слово вписано над строкой. Было:* [Чего он хочет]
[1337] *Слово исправлено из первоначального:* которые

[1338] *Над строкой записан вариант:* стреляет
[1339] *Далее рукопись обрывается.*

Библиографический список

1. «Антоний и Клеопатра», трагедия У. Шекспира. Перевод с англ. яз. А. Н. Островского // РО ИРЛИ, № 23039.
2. *Шекспир У.* Усмирение своенравной: комедия в пяти действиях / Пер. А. Н. Островского // Современник. 1865. Т. 111, № 11/12. Отд. I.
3. *Островский А. Н.* Полн. собр. соч.: в 12 т. М., Искусство, 1978. Т. 12.
4. *Ревякин А. И.* А. Н. Островский в Щелыкове. М.: Всероссийское театральное общество, 1978.
5. А. Н. Островский: Новые материалы. Письма. Труды и дни. Статьи. Л.: Государственное издательство, 1924.
6. The works. William Shakespeare; containing his plays and poems, from the text of the editions by Charles Knight. London: H. G. Born, York street, Covent Garden. 1862.
7. The handy-volume. W. Shakespeare, vol. IX. Bradbury, Evans and co. 11. Bonverie street, London. E. C. 1867.

DOI: 10.31860/978-5-918680-384-677-738

«ТРУД ОГРОМНЫЙ, НО СЛАДКИЙ». «ДОН КАРЛОС» Ф. ШИЛЛЕРА: НЕИЗДАННЫЙ ПЕРЕВОД А. КУПРИНА (продолжение): Варианты сохранившихся источников текста

(Вступительная статья и подготовка текста вариантов В. Н. Быстрова)

Аннотация: В работе отражены все варианты сохранившихся источников текста перевода драматической поэмы Шиллера «Дон Карлос», осуществленного А. И. Куприным. Он опубликован в «Ежегоднике Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2022 год». Наиболее обширна первоначальная редакция (черновой автограф ИРЛИ). Привлечены также авторизованный список третьего акта драмы, сделанный предположительно женой писателя, Е. М. Куприной (хранится в ОР РНБ), и машинописные фрагменты разных актов, хранящиеся в РО ИРЛИ. Во вступительной статье кратко охарактеризованы все эти источники. Особое внимание при описании и сравнении источников уделено динамике изменения текста в процессе его доработки.

Ключевые слова: Куприн, Шиллер, Дон Карлос, драматическая поэма, перевод, история текста, автографы, варианты.

Abstract: The work reflects all the variants of the surviving sources of the text of the translation of Schiller's dramatic poem *Don Carlos*, carried out by A. I. Kuprin. It is published in the *Yearbook of the Manuscript Department of the Pushkin House for 2022*. The most extensive is the original edition (draft autograph of IRLI). Attracted also an authorized list of the third act of the drama, presumably made by the writer's wife, E. M. Kuprina (stored in the RNB OP), and typewritten fragments of various acts stored in the RO IRLI. The introductory article briefly describes all these sources. Particular attention in the description and comparison of sources is paid to the dynamics of changes in the text in the process of its completion.

Keywords: Kuprin, Schiller, Don Carlos, dramatic poem, translation, text history, autographs, variants.

Текст переведенной А. И. Куприным драматической поэмы Шиллера «Дон Карлос» опубликован в предыдущем «Ежегоднике Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2022 год».[1] Основой его послу-

[1] См.: Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2022 год. СПб.: Росток, 2022. С. 270—518.

© Быстров В. Н., 2023

жила полностью сохранившаяся машинописная копия перевода.[2] Кроме нее до нас дошли достаточно обширные фрагменты: два рукописных текста и один машинописный.

Черновой автограф черными чернилами, хранящийся в РО ИРЛИ, представляет собой первоначальную редакцию перевода.[3] Авторская дата окончания работы: «10 марта 1919 г.». Куприн пронумеровал чернилами страницы каждого акта отдельно. Рукопись сохранилась не полностью: отсутствуют ст. 1000—1096 (первый акт); ст. 557—1103 (второй акт); ст. 390—778, 1209—1302, 1747—1917, 2200—2246 (четвертый акт); ст. 1—263, 334—500, 741—821 (пятый акт). Некоторые листы имеют повреждения (л. 24 об., 57—58, 60, 81, 84 и др.).

Следует обратить внимание на архивную нумерацию: в ряде случаев она не соответствует реальному порядку страниц в рукописи. К примеру, текст III акта разделен другим текстом в «выходе 4-м» со слов: «Тогда она повинна будет. С ней...» (л. 59 об., с. 16 в авторской нумерации) до слов: «Инфант пойдет на казнь, но — не забудьте —» (л. 69, с. 17 в авторской нумерации); вкрапленный тут текст представляет собой заключительную часть 4-го акта: окончание «выхода 20-го», «выходы 21-й, 22-й, 23-й», начало «выхода 24-го»; IV акт («первый выход») начинается на л. 65 об. (с. <1> в авторской нумерации), продолжение («второй выход» и «третий выход») следует на л. 65 (с. 2 в авторской нумерации).

В тексте нет строгой упорядоченности в обозначении структурных элементов драмы; к примеру: «**Первый акт**», «*Первый выход*», «*Выход четвертый*», «**Действие второе**», «*Выход первый*», «*Третий выход*» и т. д. (в *Вариантах* они не отмечаются).

Следует обратить внимание на ст. 1012 четвертого акта (двенадцатый выход): «Насколько здесь осведомлен монарх?..» В других источниках текста: «Насколько здесь осведомлен монах?..» Это, судя по всему, основной вариант, искаженный в базовой машинописи.

Существенны маргиналии Куприна в тексте пятого акта, сделанные фиолетовым и простым карандашами. Так, ст. 964—965 (л. 94) подчеркнуты с пометой на полях: «В. А. Эти две строки у Вас уже есть. Здесь они иначе. Надо переделать. А. К<уприн>». «В. А.» здесь, возможно, инициалы Ноенкирхена, который готовил для Куприна подстрочник.[4] Ст. 1082—1167 (со слов: «Д о м и н г о: Двое часовых // Пришли с поста и доложили...» до слов: «О, кардинал, тем больше был он счастлив»; л. 96—96 об., с. 27—28 в авторской нумерации), ст. 1220—1241 (со слов: «Бесславное, преступное убийство!» до слов: «(*негодующе трясет головой*)» включительно; л. 97 об., с. 30 в авторской нумерации) перечеркнуты крест-накрест с пометой: «не надо» (текст,

[2] Подробнее о ней см.: Там же. С. 280.

[3] Подробнее о нем см.: Там же. С. 277—278.

[4] См. об этом: Там же. С. 271.

однако, затем был сохранен); так же перечеркнуты ст. 1175—1215 (со слов: «Я это знаю» до слов: «Мы жертвуем?»; л. 97, с. 29 в авторской нумерации) с пометами на полях: «Д. С. П.», «до сих пор. Это всё нужно».

Огромное количество вариантов (нередко в три слоя) свидетельствует о кропотливой работе писателя над первоначальным текстом. Обильная правка (иногда карандашная) была, судя по всему, в основном синхронной, но в ряде случаев и более поздней. Заметно, что значительно меньше других подвергался правке в творческом процессе 1-й акт (особенно первые «пять выходов»).

В подавляющем большинстве поправки приводили к окончательному тексту (в *Вариантах* они обозначены справа на полях знаком ◊). Иногда писатель правил основной текст, но потом вновь возвращался к нему. Ср., например:

2-й акт:

ст. 20: *было*: На краткий срок (*основной текст*)
исправлено: Всего на час ◊
ст. 1829: *было*: был он здесь? (*основной текст*)
исправлено: он уж был ◊
ст. 1973: *было*: Кто иначе (*основной текст*)
исправлено: Кто еще ◊
ст. 2003: *было*: Она чиста. (*основной текст*)
исправлено: Она добра. ◊

Нередко Куприн исправлял основной текст на вариантный и лишь в последней редакции перевода все же возвращался к нему. Ср., например:

1-й акт:

ст. 217: *было*: Утихло вдруг. (*основной текст*)
исправлено: Утихло и
ст. 249: *было*: Да, Фландрия (*основной текст*)
исправлено: О, Фландрия
ст. 371: *было*: Нуждаюсь я в любви. (*основной текст*)
исправлено: Нуждаюсь в дружбе я.

2-й акт:

ст. 177: *было*: Но сам его мне не́ дал никогда. (*основной текст*)
исправлено: Но мне его ты не́ дал никогда.

3-й акт:

ст. 301: *было*: любви, но получила (*основной текст*)
исправлено: любви и получила

4-й акт:

ст. 172: *было*: *письмо*) (*основной текст*)
исправлено: *записную дощечку*) и т. д.

Очевидно, что немало внимания Куприн уделял ремаркам, добиваясь семантической точности их перевода. Ср. некоторые репрезентативные отличия вариантов рукописи от основного текста:

1-й акт:

ст. 67: (*опомнившись, слегка касается рукою лба*) (**ЧА**)
(*опомнившись, проводит рукой по лбу*) (*основной текст*)
ст. 637: *...пронизывающим взглядом*) (**ЧА**)
...долгим взором) (*основной текст*)
ст. 922: (*преклоняясь перед королевой*) (**ЧА**)
(*бросаясь на колени пред королевой*) (*основной текст*)

2-й акт:

ст. 151: *...обращенный в себя. После паузы* (**ЧА**)
...углубленный в себя) (*основной текст*)
ст. 1134: (*сильно захваченный*) (**ЧА**)
(*сильно взволнованный*) (*основной текст*)
ст. 1270: *...тупого* (**ЧА**)
...краткого (*основной текст*)
ст. 1344: *а. ...его позвать*)
б. ...его возвратить) (**ЧА**)
...его вернуть) (*основной текст*)
ст. 1742—1743: (*обращаясь веско к принцессе*) (**ЧА**)
(*после некоторого раздумья, обращаясь к принцессе*) (*основной текст*) и т. д.

Некоторые ремарки в рукописи отсутствовали; напр.:

1-й акт:

ст. 133: (*изумленный*)
ст. 165: (*берет его за руку*)
ст. 633: (*вставая*)

2-й акт:

ст. 305: (*прерывающимся голосом*)
ст. 1691: (*изумленная*) и т. д.

Сохранился фрагмент перевода, представляющий собой 3-й акт драмы. Это авторизованный список (*АС РНБ*; ф. 405, ед. хр. 5, 44 л.), предположительно сделанный, по новой орфографии, Е. М. Куприной (в девичестве Гейнрих), второй женой писателя.[5] Он не датирован. Вероятно, был выполнен в 1919 г. Немногие карандашные исправления и пометы принадлежат Куприну (см. ст. 75, 498, 705—706, 829, 872, 1022, 1113, 1118). Текст в основном соответствует тексту 3-го акта ЧА ИРЛИ (по верхнему слою правки). Однако есть ряд расхождений; укажем некоторые из них:

ст. 12: Ее неверность — факт. (**ЧА**)
Измена — налицо. (**АС**; отличается и от основного текста);
ст. 58: С тревогой на лице у вас. (**ЧА**)
С тревогой у вас в лице. (**АС**; отличается и от основного текста);
ст. 72: Подойдите, граф. (**ЧА**)
Граф, поближе. (**АС**; отличается и от основного текста);

[5] См. об этом источнике текста: Там же. С. 273.

ст. 81: (*отшатнувшись*) (**ЧА**)
отсутствует (**АС**; отличается и от основного текста);
ст. 106: Что волосы и у меня седые? (**ЧА**)
Что волосы белы и у меня? (**АС**; отличается и от основного текста);
ст. 117—118: Лучше? // И ваша лучше? Видно, королева (**ЧА**)
Лучше // По-вашему? Как видно, королева (**АС**; отличается и от основного текста) и т. д.

Наконец, еще один источник перевода — машинописный текст с авторской правкой по старой орфографии (РО ИРЛИ, ф. 242, оп. 1, ед. хр. 34, л. 102—141).[6] Он также не датирован. Сохранилось лишь 40 страниц разных фрагментов. Первый начинается со слов Карлоса: «Что ты юнцом в матросской куртке сделал... и т. д.» (**1-й акт**, *выход 2-й*; л. 102, с. 10), заключительный — кончается словами Королевы: «Вот мы снова вместе» (**5-й акт**, начало «*последнего выхода*»; л. 141, с. 211). Отсутствуют: ст. 1—23; в **1-м акте** — ст. 24—305, 344—465, 509—811, 1214—1508; целиком нет **2-го акта**; в **3-м акте** — ст. 1—1331; в **4-м акте** — ст. 385—494, 862—905, 951—996, 1045—1749, 1836—1879, 1920—1965, 2004—2077, 2130—2246; в **5-м акте** — ст. 1—337, 388—430, 522—1150, 1209—1344, 1397—1521.

Возможно, эти сохранившиеся фрагменты представляют собой компиляцию двух машинописных текстов, что явствует из их нумерации: в правом верхнем углу пронумерованы стр. 10, 14, 22—30, 129 (судя по отпечатку, первый экземпляр, без копирки), по центру — стр. 134—141, 144—151,153,155, 171—172, 174, 176, 178, 189, 191—192, 207, 211 (судя по отпечатку, второй экземпляр).

Коррективы, вносившиеся Куприным в данный машинописный текст, — один из промежуточных этапов работы. На 40 страницах (включая пунктуационные расхождения) содержится более 150 поправок. Примерно половина их приводила к основному тексту. Важно отметить варианты, которые не зафиксированы в других источниках:

в **1-м акте**:
ст. 983: ...сильно я боролся,
ст. 1097: Покойного велеть предать огню,
ст. 1098: Низвергнуть статуи его...
ст. 1099: ...мумию его,
ст. 1102: Его развеять...
ст. 1107: Затем на матери своей жениться.
в **4-м акте**:
ст. 555: Давал мне раньше... Значит, при свиданье
ст. 593: ...к другу проявлял
ст. 749: Знаком язык, сударыня, мне этот. И т. д.

Есть основания предполагать, что был еще какой-то текст, послуживший основой при создании окончательного.

[6] См. о нем: Там же. С. 278—280.

ВАРИАНТЫ ПЕРВОНАЧАЛЬНОЙ РЕДАКЦИИ (ЧА ИРЛИ)

Подзаголовок: Инфант Испанский. Драматическая поэма в 5 действиях / Наследный принц Испанский / Драматическая повесть

Посвящение: отсутствует / Федору Ивановичу Шаляпину, давшему[1] мне мысль о переводе, этот скромный труд посвящаю. А. Куприн.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

7 ГЕРЦОГИНЯ ОЛИВАРЕЦ — обергофмейстерина королевы. / Герцогиня ОЛИВАРЕЦ — старшая [дама]

12 АЛЬБА — герцог Толедо / Герцог АЛЬБА

13 ГРАФ ЛЕРМА — командир лейб-гвардии / Граф де ЛЕРМА

22–23 Дамы, гранды, пажи, офицеры, стража и различные лица без речей. / Дамы и гранды. Пажи. Офицеры. Телохранители и различные немые лица.

Первый акт

29–31 Конец прекрасным дням в Аранжуэце. ~ Тщетно мы / Прекрасным летним дням в Аранжуеце // Пришел конец. Но вы, как прежде, ваше // Высочество, грустны. Напрасно мы

40 Я был в тот день, когда в стенах Толедо / Я видел лично, как в стенах Толедо

42 Толпой князья к его руке теснились, / Как гордые князья к его руке толпились,

43 И вот в одном / И как в одном

44 Шесть королевств легли к его ногам. / Семь королевств легли у властных ног.

45 гордой кровью / юной кровью

48 Сияли дивным упоеньем власти... / Восторгом всемогущества сияли...

52–54 Вы всё печальны, принц. ~ Уже полгода / А ваша скука, принц, // Серьезная печаль, что мы читаем // Полгода слишком

62–63 О, Боже, дай мне зла тому не сделать, // Кто в матери ее мне дал. / Всевышний, помоги мне зла не сделать[2] // Тому, кто в матери ее мне дал.

67 (*опомнившись, проводит рукой по лбу*) / (*опомнившись, слегка касается рукою лба)*

68–71 Святой отец, с моими матерями ~ Причиной смерти было. / Святой отец, я был весьма несчастлив // С моими матерьми.

[1] *Было:* подавшему

[2] *Было начато:* О, небо,

Мой первый шаг, // Который я свершил на божьем свете, // Был смертью матери.

78–79 Меня он лишь терпел... ~ я был? / Меня он лишь терпел. Моя заслуга // Вся заключалась в том, что я единый.

80 Кто угадает, / Кто может знать,

83 Вы надо мной смеетесь, принц. / Не смейтесь надо мною, принц.

84–85 Но почему ж // Вы на нее один с враждой глядите, / О, неужели // Вы на нее с одной враждой глядите

86 холодного рассудка? / холодного ума?

Между 87 и 88: отсутствует / На королеву — даже без короны?

89 На королеву? Нет. Невероятно! / Немыслимо! Невероятно! Нет!

90 нет места гневу Карла. / там Карл не ненавидит.

109 за врачами», — / за врачом»

110 переводя дыханье. / и глубоко вздыхает...

114 Мне так забавно, / Я удивляюсь,

122 Трудились вы напрасно. / Трудились вы впустую.

126 Но есть различье! / Но есть границы.

132 Пурпурной мантии. / Епископства.

133 (*изумленный*) / *отсутствует*

134 Что слышу? / Что слышу я?

136 Да. / Ну, да.

144 Над мужем власти, что причислить волен / Над тем всесильным мужем, что способен

145 К блаженных лику моего отца / К святым причислить моего отца[1]

155 преступленье скрыто / преступленья скрыты

163 Принц, вашу недоверчивость откиньте. / Немилость ваша, принц, несправедлива.

165 (*берет его за руку*) / *отсутствует*

167 человек святой, / человек святейший

168 Все знают это, для меня ж, признаюсь, / На целый мир. Признаться ль: для меня

169 Вы святы чересчур. / Вы слишком благостны.

170 к самым высшим целям, / чересчур высóко,

172 Вам вредно много знать. / Знать много вредно вам.

173 Вы королю, который подослал вас. / Вас подославшему сюда монарху.

177 Да. Я сказал. Я знаю / Довольно. Знаю я

178–179 Давно, что при дворе я окружен // Предательством. / Прекрасно знаю нравы и интриги // Придворные.

187 Я слишком много / *было начато:* И так ◊

198 в твоей душе / в его душе ◊

[1] *Было начато:* Над

217 Утихло вдруг. / Утихло и[1]
224 Какой нежданный ветер / Какой попутный ветер ◊
226 подарком этим / сюрпризом этим
241–242 к которому меня // Послал измученный народ геройский. / к кому меня послал // Измученный народ геройский.
249 Да, Фландрия / О, Фландрия[2]
261 Ты говорил / Ты говоришь
274 О, милый, дай мне плакать! / О, друг, позволь мне плакать. ◊
276 Мой верный друг! / Единый друг! ◊
277 Один я на земле, / Один на всей земле,
287 Из состраданья на пороге трона. / Из состраданья у своих дверей.
293 Во мне чудесно повторить Родриго, / Родриго чудно повторить в Карло́се,
314 Но ты — гордец, — со мной был сухо вежлив. / Ты ж для меня — гордец! — знал только холод.
315 Нередко я / Как часто я
334 Играли как-то мы в волан — и вот ~ К королю / Играли как-то мы, и вот твой мяч[3] // Богемской королеве возле глаза // Попал довольно сильно. Показался // Ей в том злой умысел, и к королю
342 Хотя б свершил его и сам инфант, — / Хотя б пришлось и на самом инфанте,
345 Вперед я выступил и в ноги / Вперед я выступил и в ноги королю ◊
355 Ловя твой взор, молчал я, но от боли / Ты видел, я не плакал, но от боли
359 И — ни слезы. А вечером, рыдая, / Но я не плакал. Ты пришел, рыдая,
362 «Я долг верну, как станешь королем!» / «А долг отдам тебе, как королю».
369 Этот час пришел. / Этот час настал. ◊
370 Теперь ты / Когда ты ◊
371 Нуждаюсь я в любви. / Нуждаюсь в дружбе я.[4]
372 Но она / Но должна ◊
373 Должна открыться, и хочу я видеть / Должна открыться. [*2 нрзб.*] ◊
376 Я мачеху люблю безумно. / Свою я мать люблю безумно.
389 Ведет к безумью, или эшафоту. / Ведет к безумию, иль эшафоту.
391 с вечным опасеньем... / с вечным риском жизни...

[1] *Было*: *как в основном тексте*
[2] *Было*: *как в основном тексте*
[3] *Было:* и твой неловкий мяч
[4] *Было*: *как в основном тексте*

392 Всё знаю — / Всё вижу — ◊
399 И государыня в своей стране! / И королева над своей страной.[1]
403 месяцев в томленье адском / месяцев, тяжелых адски,
404–405 Прошло с тех пор, ~ Каждый день ее я вижу, / Прошло, как взял меня из высшей школы // Отец мой, и осужден я каждый день[2] ◊
411 Но, робкое, ползет обратно в сердце. / Но прячется, дрожа, обратно в сердце.
418 ты говори, / мне говори, ◊
434 Пять смертных приговоров он. / Пять смертных [казней] он.[3]
436 О, Боже, / Мой Боже![4] ◊
437 Ах, долой, / Нет, долой —[5]
442 Вы облегчи́те непомерный груз. / Хоть облегчите груз непомерный сердца.
450 страшную загадку: странную загадку:
452–453 Дала мне этого, ~ быть может, лучших?.. / Дала мне этого, а я достался // Ему из тысячи, быть может, лучших?[6]
454 отыскать / совместить ◊
456 Понять нельзя, зачем она скрепила / Так для чего ж она соединила ◊
459 так сплелось? / так случилось? ◊
460 столь несхожих, / столь враждебных, ◊
461 В одном желанье грозно так столкнулись? / Встречаются в одном жестоком чувстве?
463 Созвездия, / *было начато:* Враждебных, ◊
464 соприкоснулись / соединились ◊
469 Ужасные минуты. / Ужасные моменты.
474 Слабеет перед страшною мечтой. / Слабеет пред преступною мечтой. ◊
477 к краю жуткой, / к краю страшной
485 Я Карлоса усердно попросить: / Карлоса моего я попросить?
498 Всего Аранжуэц. / Всего Аранжуэц избрать. ◊
500 Помогут вам... / Благоприятствуют.
502–503 Я сам питал надежды, // Но неудачно. / Я сам так думал... // Но нет возможности.
505 Нет, не всё пропало. / Совсем напротив.[7]

---

[1] *Было:* И королева здесь, в стране Испанской.
[2] *Было:* ежедневно
[3] *Было:* Четыре смертных приговора он.
[4] *Было:* Мой Бог!
[5] *Было:* Долой, долой —
[6] *Было:* Дала мне этого, и почему достался // Из тысячи, быть может, наихудший?
[7] *Было: а.* [*2 нрзб.*]
б. начато: Совсем
в. Но не совсем

509–510 а там сумею // Прочесть в глазах / и, как сумею, // Прочту в глазах
511 И склонность / Готовность ◊
515–516 Из них ко мне любезна ~ моего пажа. / Благоволит мне Мондекар чрез сына, // Который служит мне пажом.
525 Я ухожу, а встретимся мы там. / Мы там, мой принц, ◊
557 Что у траппистов мы. / Что мы в Ла Траппе.
559 Совсем напротив, / О, совсем напротив,
564 мненье лишь одно: / мнение одно:
567 В столице же зимою — / А зиму жить в столице — ◊
575 Уж приготовлена / Уже готовится
587–589 Ваше Величество, ~ Чем Мондекар. / Я христианка — и не хуже, Ваше // Величество, чем Мондекар.
591–592 Забыла я совсем, // Где нахожусь. Но переменим тему... / Да... Я // Забыла, где я. Переменим тему.
594 Как незаметно месяц пролетел! / Казалось, этот месяц пролетел! ◊
597 чего искала. / того, чего искала. ◊
599 Найти желаньям нашим исполненье. / *начато:* Желаньям нашим ◊
609 тот должен / обязан ◊
614 всем известно — / известно всем — ◊
615 милостью дари́т. / милостью счастливит. ◊
619–620 И сам любви достоин. Эболи, // Я спрашиваю вас. / И Эболи любви[1] насколько стоит, // Вот в чем вопрос.
623 Земной наш ангел, / О, ангел наш земной,
633 (*вставая*) / *отсутствует*
637 *долгим взором*) / *пронизывающим взглядом*)
638–639 Но серьезно ль вами // Продумано решенье? / Но серьезно ль вы // Продумали отказ свой?[2] ◊
643 На это сто причин! / На то есть сто причин![3]
646 Он не по вас — зачем нам больше знать? / Он вам не нравится — зачем нам больше знать?[4]
647 Мы этот разговор оставим. / И перестанем говорить об этом. Сегодня ◊
649 Не видела я дочери. / Инфанты я не видела.
650 Вы приведете мне инфанту. / Ее сюда мне принесите.
655 Так! Не время, / Ага, не время, ◊
658 оно наступит. / оно настанет. ◊
664–666 К о р о л е в а // Поза? // О л и в а р е ц / *отсутствует*

---

[1] *Было:* руки
[2] *Было:* Продумали причины для отказа?
[3] *Было:* Причин на то есть сотни — никогда!
[4] *Было:* Он вам не нравится — чего же больше?

678 Испанской — и в ее / Испанской[1] — в ее
682 Я на себя ответственность. / На собственный свой страх я это дело.
684–686 Но Ваше ~ Уйти на это время? / Ваше Величество, позвольте мне // Уйти на это время.
689 Как вам угодно, / Как будет вам угодно, ◊
690–691 (*Оливарец удаляется; ~ выходит*) / *отсутствует*
696–697 Вам, // Маркиз, привет мой / Шлю, // Маркиз, привет вам
724 Я смею, / Осмелюсь ◊
725 тем громче, / так громко, ◊
731 любимых братьях? / многолюбимых братьях?
740–741 и память юных дней, // Которых не забыть... / а также юных дней // Воспоминанья...
753 не может похвалиться / не могут похвалиться ◊
756 Говорят... / Что-то я слыхала...
757 от дел житейских, / от дел земных,
758 Что, кажется, о них совсем забыла. / Что, наконец,[2] о них совсем забуду.
781 приключения искать, / приключения встречать,
789 Над беззащитными — тот же великан. / Для слабого есть тот же великан.
797–798 Она через святые узы дружбы // Моей душе близка. Но я боюсь, / Которая обет священной дружбы // Моим законом сделала. Боюсь,
809–810 Веками длившейся в эпоху Гвельфов // И Гибеллинов, порешили мир / Еще с эпохи Гвельфов-Гибеллинов // Веками длившейся, решили мир
820 Но до поры возлюбленной невестой / Фернандо лишь в портрете любовался ◊
824–826 Научные занятия Фернандо ~ он ждал / Обремененный в Падуе делами, // Фернандо с пылким нетерпеньем ждал
855 ангел восседал, / ангел восседает,
857 Предстали вдруг с живой, чудесной силой. / Вдруг ожили с волшебной новой силой.
861 Как жалко мне Фернандо. / Фернандо бедный, бедный.
865 И свой конец. / И эпилог. ◊
884 Принцесса, будьте так добры... / Принцесса, принесите мне ее. ◊
918 Он здесь. / Смотрите.
922 (*бросаясь на колени пред королевой*) / (*преклоняясь перед королевой*)
923 Настал момент счастливый! Наконец-то / Вот он, момент счастливый! Наконец

---

[1] *Было:* Испании
[2] *Было:* кажется,

932 окаменев. / укоренясь.
936–937 Я ваша королева, // Я ваша мать, и смели вы ко мне / Мне, вашей королеве, // Мне, вашей матери, решились вы
939 Что тотчас же / Что я сама ◊
951 О, как страшно, мать, / Страшно, мать,[1]
952 Играете вы мною! / Играете со мной вы. ◊
953 звук нежный ваших уст — / дыханье ваших уст — ◊
962 Боже! / Одно, о - - - - Боже! ◊
975 Чтобы пред ложным / Чтоб перед ложным
978 До случая счастливого такого. / До случая, подобного как ныне.[2] ◊
983 долго я боролся! / сколько я боролся,
984 Так смертному / Как смертному
990 Пред целым миром / Перед всем светом ◊
991 Пред Богом с вами мы обручены, / Пред <*1 нрзб.*> двумя обречены, ◊
992 Любовь и небо нас благословили, / Бог и природа нас благословили, ◊
993 И вот Филипп вас у меня похитил! / И у меня похитил вас Филипп. ◊
997 Ваш муж. / Он ваш супруг. ◊

Ст. 1000—1096 / отсутствуют

1097 Покойного велит предать огню, / Покойного вы предали огню,
1098 Низвергнет статуи его и даже — / Вы свергнули его статýи. Даже —
1099 Кто помешает? — Самый труп его, / Кто вам мешает? Мумию его,
1100 Из склепа темного / Из склепа мрачного ◊
1101 Извлекши и над прахом надругавшись, / На солнце извлекли, и, обесчестив, ◊
1102 Его рассеет на четыре ветра! / Его пустили на четыре ветра.
1103 Затем, чтоб всё достойно завершить... / Затем, чтобы достойно увенчать...
1107 Он женится на матери своей! / На матери вы женитесь своей[3]
1112 Всему! / Конец. ◊
1113 Всё, что до сей поры таилось в мраке. / Что до сих пор скрывалось во мраке. ◊
1118 Такой же ад. Я ничего не знаю, / Такой же ад. Нет, я не понимаю[4]
1119 И каждый нерв во мне готов порваться. / Здесь ничего, и струны нервов рвутся! ◊

---

[1] *Было:* Мать, о, мать!
[2] *Было:* До случая, подобного такому.
[3] *Было:* На матери он женится своей
[4] *Было:* Ад вдвое страшный. [*2 нрзб.*]

1123 В груди у вас бушуют. / Теперь вас раздирают.
1125 И доблесть — / И слава —
1126 Смелей же, мой герой! / Достигнет же ее герой! ◊
1127 Достойна будет сильного борца, / Достойна сильного, отваж<ного> борца, ◊
1129 Кровь стольких / Так много крови ◊
1131 Великого там начинает бой, / Великого вступает храбро в бой, ◊
1136–1138 Поздно сильным // Вам быть? О, Карл! Пусть разобьется сердце // На части, — долг наш выше сердца. / Мужем быть // Вам поздно? Тем[13] возвышеннее подвиг, // Чем больше жертв от сердца мы приносим.
1154–1155 влекут безумно ваши // Желанья к матери. / влекут желанья ваши // Безумно к матери.
1159 призванье. / призванье ваше. ◊
1160 Она ко мне, / Теперь она ко мне, ◊
1164 Была любовью первой, / *начато:* Пусть вам ◊
1168 вели́ки вы, / высо́ки вы ◊
1204 И эти слезы ваших Нидерландов. / И вот из Нидерландов слезы...
1213 Что вижу? Королева здесь. Одна... / Одна вы, государыня?
1217 О, добрый мой супруг... / Мой дорогой супруг...
1228 Принцесса Эболи сейчас ушла. / Принцессы Эболи сейчас здесь нет.[2] ◊
1235 И вы за ней одну из дам послали? / *начато:* И оттого ◊
1240–1241 Я знаю, государь, // Что заслужила кару. / Ваше величество, // Я заслужила кару.[3]
1243 Я об этом / И об этом
1249 О чем вы плачете, / О ком вы плачете,
1258 Иль страх порукой здесь для женской чести? / Блюдущие лишь честь испанских женщин?
1273–1274 Любви // Упрек вас мог ли опечалить? / Упрек, // любовью вызванный, вас опечалил. ◊
1275 Иль огорчить то слово, / Или оскорбить то слово,
1277 (*оглядывается на грандов*) / (*оборачивается на грандов*) ◊
1282 До самых отдаленнейших краев. / До самых отдаленных горизонтов. ◊
1283 Но больше ли о троне мне заботы, / И все ж о троне меньше я забочусь,
1284 о подруге / о супруге ◊
1286–1287 лишь глаза на страже // Любви моей супруги. / лишь глаза вот эти — // В любви моей супруги.[4]

---

[1] *Далее несколько слов густо зачеркнуты.*
[2] *Было:* Принцесса Эболи ушла отсюда.
[3] *Было:* Я заслужила наказанье.
[4] *Было:* лишь вот этот глаз // В любви моей жены.

1289–1290 Если только // Могла я вас прогневать... / Если я // Могла вас оскорбить... ◊

1292 Числюсь я / Я называюсь[1] ◊

1296 А вслед за мной владеть другие будут... / Лишь то — мое,[2] где места нет другому,

1297 Но это — лишь мое. Власть короля / Мое совсем. Богатства короля

1305 Считаю я / Пересчитав ◊

1306 Свой двор, но где среди него главнейший? / Своих вельмож — первейшего не вижу. ◊

1307 Где Карлос, мой инфант? / *начато:* [*1 нрзб.*] двора, ◊

1310 Внушать мне начинает опасенье. / Мне начинает становиться страшным.

1312 Когда из Алькала к нам возвратился. / Когда из высшей школы возвратился. ◊

1313–1314 зачем же странный холод // В его глазах и весь он так напыщен? / но странен взор такой холодный, // Умеренно и важно поведенье? ◊

1317 Я здесь! / *начато:* Пока об ◊

1318 об эти латы / об эту броню

1319 Король Филипп пусть спит себе спокойно. / Король Филипп спокойно может спать. ◊

1326 Я чту его величье, чтоб инфанта / Я преклоняюсь пред его величьем, ◊[3]

1332 Речь ваша подкупить могла б отца, / Словами вашими отец подкуплен, ◊

1333 Но трону щит надежный — герцог Альба. / Щитом же трона будет герцог Альба.

1334 Теперь в Мадрид я еду, / Теперь в Мадрид спешу я.[4] ◊

1349 Решился я и Фландрию спасу. / Решился я. Дам Фландрии свободу.[5]

1352 Скорей же, / Притом,

1353 Не медля / Не медлить ◊

1354 По назначенью кабинета занял / Занял, по назначенью кабинета,[6]

1361 Давно я / Давно уж ◊

1363 Простой предлог держать меня подальше. / Удобный случай для почетной ссылки! ◊

1379 Вот и приказ его. / Вот приказанье. ◊

---

[1] *Было:* Меня считают

[2] *Было:* Но то — Мое,

[3] *Вместо* “инфанта” *сначала было* “принца”

[4] *Было:* Теперь спешу в Мадрид.

[5] *Было:* Будь, Фландрия, свободна.

[6] *Было:* Вступил, по предложенью кабинета,

1381 Прекрасно, граф. / Хорошо, граф Лерма. ◊
1382 Сейчас я еду. / Я вместе с королем приеду. ◊
1388 Потом услышу / Хочу услышать[1] ◊
1402 Ты взял костюм раба, / Оделся ты рабом, ◊
1403 Облекся в царский пурпур. / Облекся в пурпур. И долго ◊
1404 мы лжем исправно, / почтенно, исправно, ◊
1406 Чтоб шумное веселье не нарушить. / Чтобы мираж толпы нам не разрушить,[2]
1407 Карлос шлет улыбку / Карл тебе кивает
1409 И мы друг друга понимаем. / И поняли друг друга мы... ◊
1411–1412 Сла́дки // Мечты, пока не рухнут. / Сладко мечтам, пока не рухнут. ◊
1416 твердый дух, / смелый дух, ◊
1422 вне вечности законов. / всех добра законов.
1423 человечество само — / ЧЕЛОВЕЧЕСТВО само —
1426 В нем состраданье к горю угасает, / В нем жалость гаснет, глядя на страданье,
1428 на прихоть / на игры
1429 А на потеху черт скликает двор. / Двор поставляет праздных подлецов,
1430 Он сладко спит в земном раю, который / И, одурманенный, он спит в блаженстве,
1431 Ему созда́ли хитрые рабы. / Что сотворили вкруг него рабы.
1435 Смела, резка. / Пряма, резка. ◊
1437 не снесли бы, / не стерпели, ◊
1438 Я — вашей гордости. / Я гордости не снес бы короля.[3] ◊
1443 К пороку открывает двери сердца. / Пороку открывает двери сердца.[4]
1449 Кто / *Что*
1456 Нет, быть того не может! / Это не случится.
1458 Просящие подачки? / Что подаянья просят?
1471 Ты мой? / Моя!
1473–1474 Навеки // И в самом смелом смысле этих слов. / Навеки! // В смелейшем смысле этих кратких слов.
1477 к государю? / к королю?
1482 Лесть сквозь ограду проползет мне в сердце, / Лесть проползет мне сквозь ограду в сердце,
1484 и эти уши / и это ухо
1485 Закроются к мольбе — возьмешься ль ты, / Закроется к мольбе — захочешь ты,
1492 Еще прошу я: / Еще лишь просьба:

---

[1] *Было начато:* Потом
[2] *Было:* не нарушить.
[3] *Было:* Я б гордости не вынес короля!
[4] *Было:* К пороку двери сердца открывает.

1493 я тем избра́нным, / я тем счастливцам,[1]
1494 Кому доступно было это счастье. / Что это преимущество имели.
1495 Так братски / По-братски ◊
1497 Не возражай. Твои я мысли вижу. / Не возражай! Я помыслы ◊
1498 мне же, сыну // я же, сын
1499 Филиппа, это много. Хочешь быть / Филиппа,[2] делюсь богаче: хочешь
1500 Мне братом? / Мне братом быть?
1502 Я — твой брат. / Твой брат!
1504 Теперь к монарху! / И к королю ◊
1505 Мой страх исчез. — Я об руку с тобой / Пойду без страха я ◊

Второй акт

17 Довольно для отца вещей найдется / Найдется[3] многое сказать отцу ◊
18 Ненужных посторонним. / Ненужных третьему.[4] ◊
20 На краткий срок / Всего на час[5] ◊
22 Здесь друг его стоит. / Стоит здесь друг его.
25 Я думать, что он также друг и мой? / Я думать также,[6] что он друг и мой? ◊
29 Друзей по вкусу. / Друзей отдельно.
35–36 Проникнувшись насквозь ~ вот так стоять — / В ничтожестве своем ища поддержку, // К позору пригвоздив себя, стоять —
40 Вы удалитесь, герцог. / Вы подождете, герцог.[7]
48 глубокого / высокого ◊
50 Теперь отец со мной! / Ну, вот... отец со мною,[8]
53 сладкий миг! / сладкий день. ◊
58 эти речи. / эти штучки.
60 К а р л о с / К а р л о с (*встает*)
61 Да, так и есть — / Да, так и знал я. ◊
62 О, отец мой, / О, отец, своей ◊
63–65 Не всё, клянусь вам, истина, не всё // Добро и свет, что говорит священник // И что твердят наперсники его. / Нехорошо, клянусь, нехорошо. // Не всё, что говорит священник, правда // И что твердят священников друзья.[9]

---

[1] *Было:* тебе я равным,
[2] *Было:* Монарха,
[3] *Было начато:* Есть
[4] *Было начато:* Для
[5] *Было: как в основном тексте*
[6] *Было начато:* Я так же
[7] *Было:* На время удалитесь, герцог
[8] *Было:* Ну, вот... отец мой снова
[9] *Было:* священников клевреты.

68 Во мне дурного мало, / *начато*: Я не дурной ◊
69 владели бури, / владели часто бури,
72 Ты сердцем, Карлос, чист, / Ты сердцем чист, я знаю,[1]
73 Как и твои молитвы, это знаю! / *отсутствует*
80 Небо к нам нисходит, / Всё я небо вижу, ◊
82 с умиленьем сам Господь / с умилением Трисв<ятый> ◊
83 На радостное дело! / На доброе святое дело! ◊
90 *отстранить / оттолкнуть* ◊
91 Твое притворство / Твое фиглярство ◊
96 Прочь с глаз! Уйди! / Прочь с глаз! Долой![2]
100 Приди, стыдом покрытый, / Приди, покрытый срамом,
101 я вот эти руки / и вот эти руки
102 Раскрою, чтоб тебя обнять. / Раскрою я тебя обнять.[3]
105 Кто не краснея кается, тот снова / Кто не стыдится каяться, тому[4] ◊
106 Придет на путь раскаянья. / Придется снова каяться. ◊
108 Кто он? / Кто это? ◊
110 Не вечно ли слеза / Всегда ведь слезы ◊
111 Души служила знаком? Иль с сухими / Служили высшим знаком человечьим. ◊
113 Принудьте ж вы глаза свои скорее, / Принудьте ж вы бесслезные глаза, ◊
114 научиться плакать, / плакать приучиться, ◊
118 Сомнений тяжесть хочешь красноречьем / Сомнений мрак ты хочешь красноречьем
122 Я подавить / Я устранить
125 Чтобы кора их, / Изгнившая кора их, ◊
130 Бездетной жизни, всех надежд лишенной? / Отцовских радостей лишенной жизни? ◊
131 Любви вы ищете? / Хотите ль вы любви?
132 чище и живее / светлый и живой ◊
136 Клеветник, / Тише, дерзкий! ◊
138 Людей давно мне преданных и верных, / Моих испытанных избра́нных слуг.
141 Никогда! / Нет. Не буду.
142 то, на что способен Альба, / то, что делает ваш Альба,[5]
143 Свершит не хуже — Карлос. Что за дело / Свершит не хуже — Карл. Но что за дело[6]
146 дряхлость подкрадется. / старость подкрадется. ◊

---

[1] *Было начато:* Ты сердцем чист,
[2] *Было:* Прочь с глаз моих!
[3] *Было:* Раскроются тебя обнять.
[4] *Было:* Кто не краснеет каяться, тому
[5] *Было:* то, что могут ваши Альбы,
[6] *Было:* Свершит, свершит и Карл и даже лучше.

147 Но я любил бы вас! Страшна мне мысль / Но Карл любил бы вас. О, страшно мне[1]
148 Холодная: одним и одиноким — / Сознанье быть одним и одиноким.
149 Одним на троне быть. / Одним быть на престоле!
151 *углубленный в себя*) / *обращенный в себя. После паузы*)
152 Да, я — один. / Я — один.
154 Одним вы *были*. Гнев свой позабудьте, / Таким[2] вы были. Бросьте отчуж<денье>[3]
158 Знать, что твой успех / Знать, что вам радость ◊
160 Твой смелый шаг страшит другое сердце, / Ваш смелый шаг страшит другую грудь, ◊
161 От мук твоих глаза другие плачут. / От ваших мук глаза другие плачут! ◊
164 свершать вторично. / свершая снова. ◊
165 видеть / видя, ◊
166 в доблести сыновней / в творчестве сыновнем
169 Посеять тот посев, что соберет / Сажать посев, который сын пожнет. ◊
172 Об этом рае мудро умолчали / О рае этом мудро умолчали
175 Сын мой, без опоры / О, мой сын, мой сын! ◊
176 Ты соблазняешь счастьем, / Ты мне рисуешь счастье, ◊
177 Но сам его мне не́ дал никогда. / Но мне его ты не́ дал никогда.[4]
179 Всеведущий / Всезнающий
184 Испании чужой был, / В Испании чужим был,[5]
185 В стране, где суждено мне стать владыкой. / В стране, где мне господствовать придется.

Ст. 186—244 / отсутствуют

255 и вот плоды / и вот весь плод
256 Моих великих, долгих ожиданий!.. / Моих нетерпеливых ожиданий!..
259 Меня во гневе. / Вы так меня. ◊
262 О, будьте / Так будьте
264 Я всё не понимаю / Нет, я не понимаю
266 Сносить / Снести
273 Монахов мрачных рой — все очевидцы / Монахов мрачных цех — все — очевидцы[6]
279 Но если / И если[7]

---

[1] *Было:* Но Карл любил бы вас. О, как ужасно
[2] *Было:* Каким
[3] Бросьте отчуж<денье> *затем приведено к основному тексту.*
[4] *Было: как в основном тексте*
[5] *Было:* Был здесь чужим,
[6] *Было:* Монахов грязный цех — вот очевидцы
[7] *Было:* А если

284 Пред гневом / *начато*: Ты этой ◊
288 Мне здесь живется / Здесь жизнь моя ◊
290 давит тяжко, / тяжко давит, ◊
291 Лишь другое небо / Надо мне как можно ◊
292 Меня способно исцелить. О, если / Меня способно исцелить. О, если вы[1]
298 Ты остаешься здесь, / Тебе остаться здесь.[2]
301 на помощь! / ко мне на помощь! ◊
305 (*прерывающимся голосом*) / *отсутствует*
331 вы тоже вне себя, / инфант был вне себя
332 Вы кажетесь взволнованным глубоко. / И мне казался очень потрясенным.
338 Мне приятно знать, / Я охотно слышу, ◊
349 Кто из придворных был, кто мне впервые / Кто из придворных[3] был, который первый
350 Намек подал на злые козни принца? / Мне указал на злые козни принца?
353 К престолу ближе станет он. / К престолу он приблизится.
363 Ты кем был послан? / Кем был ты послан?
371 кто же? / кто такой? ◊
373 Я — из свиты / Я паж ◊
378 *распечатывает письмо / распечатывает печать* ◊
385 Сама дала письмо? / Сама ль она дала письмо?
387 Собственноручно. / Да, лично.
389 Хитрить не думай! / Не насмехайся![4]
392 сознайся прямо, / сознайся сразу,
393 Не издевайся надо мной. / Не дли насмешки надо мной.
396 *на письмо / в письмо*
400 На королевской службе? Здешний родом? / Наверно служит королю? Испанец родом?
402 офицером / был полковник ◊
407 Письмо от короля? / Тебя послал король!
410 За что обида? / За что обида эта? ◊
412 «Этот ключ от задних / Ключ отпирает ◊
413 Покоев павильона королевы. / Покоев в павильоне королевы.[5]
432 ураган безбрежный / ураган безумный ◊
436 Кем был я и кем стал? / Чем был я и чем стал? ◊

---

[1] *Было: а.* Скорей уехать под другое небо.
б. Меня способно быстро исцелить.

[2] *Было: а. начато:* Ты должен
б. Останешься ты здесь

[3] *Было начато:* Кто был

[4] *Было:* О, не шути!

[5] *Было:* Одну из задних комнат в павильоне.

442 Ах да, король, отец... / Про короля... отца...
448 блаженства столько / блаженства море
452 Похорони, как гроб, в своей груди. / Пускай в тебе потонет, как в могиле.[1]
453 Иди. Я путь найду. Иди. Опасно, / Иди! Я сам дойду. Иди! Нельзя
454 Коль нас здесь встретят. Подожди. Послушай. / Чтоб нас здесь встретили. Постой. Послушай.
467 Весьма умно, избрав посла любви. / Умно, избрав тебя послом любви.
468 Здесь подозреньям короля нет места. / *отсутствует*
474 смешной юнец! / смешной глупец!
484 по изъезженной / по истоптанной ◊
489 И слышать могут нас глухие стены... / И им подкуплены глухие стены... ◊
490 Сюда идут! / Идут!..
498–499 (*п а ж у*) Нет... не бойся... Сам я // Найду. / Нет... не бойся... нет же! // Найду
502 *загородив / загораживая*
508 Но, быть может, / Если Ваше
509 Угодно Вашему Высочеству меня / Высочество, угодно будет вам
510 Принять у вас в особом помещенье?.. / Меня принять в особом помещенье...
520 От вас? Не понимаю, герцог Альба. / За что? И почему от вас, от вас?[2]
523 Оставили, он отдал приказанье / Оставили, то он отдал приказ ◊
539 Зачем? К кому? / Зачем? К чему?

Ст. 557—1103 / отсутствуют

1108 чтоб довершить победу, / чтоб усладить победу,
1109 Непониманья маску носит? / Застенчивости маску носит?
1114 И все / Но все
1124 Доверия достойный принц и рыцарь, / Вы благородный муж, вы принц, вы рыцарь — ◊
1125 Бросаюсь я с мольбой — / Бросаюсь я на грудь с мольбой —[3]
1127 тогда оплачьте. / тогда меня оплачьте.
1134 (*сильно взволнованный*) / (*сильно захваченный*)
1139 Но дальше / Нет, дальше
1146 в добродетели защитой, / в добродетели щитом,
1159 Она подобна / Она похожа ◊
1160 Ее могу я / Ее возможно ◊

---

[1] *Было:* Пускай лежит как гроб в твоей душе.
[2] *Было:* от вас, о, герцог?
[3] *Было:* Я прибегаю к вам с мольбой —

1174 и навеки. / но навеки[1].
1175 блаженство, / восторги — ◊
1176 как бог! / как Богу!
1180 Все одного луча родные краски, / Все это одного луча лишь краски, ◊
1182 я ль буду / их буду ◊
1183 цветочной чаши? / прекрасной чаши? ◊
1185 И дивный образ / Прекрасный образ ◊
1186 Чтоб сластолюбца / Чтобы кутилы
1189 Жила в Мадриде, / Живет в Мадриде, ◊
1192 Давно уж / Давно я ◊
1195 прочней оков / прочней всех уз ◊
1202 Любимы страстно вы! / Любимы крепко вы! ◊
1206 Поклялся Карлос — / Раз Карлос поклялся́ —
между 1212 *и* 1213*: отсутствует /* Под этим небом кто тебя увидел,
1216 Эта почва / Этот климат ◊
1222 ангелом твоим! / ангелом тебе!
1226 Как щедро платит гордая душа / Как безгранично платит ваше сердце ◊
1236 Два драгоценных дара: диадема / Два самых драгоценных[2] клада — сердце
1237 И сердце Карлоса. Для одной, / Дон Карлоса с короною — и оба
1238 Быть может, смертной? Оба для одной! / Одной, быть может, смертной? Все — одной?
1240 Для смертной женщины. / Зараз для смертной женщины!
1241 Придется вам решиться на раздел. / О, если б вы решились на раздел? ◊
1243 корон носить не могут. / не знают толк в коронах.
1252 ты, средь многих, / ты достойна — ◊
1253 способна / достойна ◊
1257 Жестокий Карлос! / Как зол ты, Карлос![3]
1263 Что это значит? / Что это?
1265 Так со мной шутить? / О, сыграть такую шутку!
1270 *краткого / тупого*
1276 Ужасно! / Мне дурно!
1282 Боже, что я слышу! / Что я открываю!
1287 *отстраняет его / отталкивает его* ◊
1292 в этом состоянье / в этом потрясенье[4]
1296 Мне ненавистны вы! / Мне гадко видеть вас!
1309 Вы его сейчас лишь получили. / Только что его вам отдала я. ◊
1317 Кому же? Вам? / К кому же? К Вам? [О, небо!]

---

[1] *Было:* навек.
[2] *Было:* дорогих
[3] *Было:* Злой человек.
[4] *Было:* в страшном потрясенье

1323 С кого-то маска сорвана? Не это ль? / Обличена чужая совесть? Это?
1325 Я умираю! Дайте же! / (*в отчаянье ломает руки*)[1] ◊
1329 безумная, / несчастная,
1332 Всё положенье / Всё дело ◊
1340 я погибла! / я проп<ала> ◊
1344 *его вернуть*) / *его возвратить*)[2]
1389 Ключ он принял, / Принимает ◊
1391 Его прислала. / Его послала. ◊
1393 Считал он королеву / Считал жену Филиппа[3] ◊
1394 Способной на безумье. Эта дерзость / Способной на безумство. Вот дерзость ◊
1397 святая эта знает страсть. / святая эта страсти знает![4]
1398 Но как хитра! Ведь я сама дрожала / Но как тонка! Ведь я сама дрожала[5]
1400 Она стояла / Она сияла[6] ◊
1401 При ней / Пред ней ◊
1404 Обманчивый покой! / О, призрачный покой! ◊
1407 Ты все-таки дерзала втихомолку / И лакомясь пороком втихомолку ◊
1409 Ты смеешь? / Ты смела? ◊
1411 Ах, клянуся, / Нет, я Богу,
1414–1415 (*после минуты раздумья*) ~ к его душе. / К его уму известна мне дорога.[7]
1438 Его рука упала. Мне на шею / Его рука дрожит... Ко мне на шею ◊
1443 Да, такие / В этом роде
1449 Гораздо их труднее разгадать. / Гораздо тяжелей их разгадать.
1456 Летит назад в стрелка. / Летит в стрелка.
1471 Где их легко сумели бы поймать. / Где мы легко сумеем их накрыть.
1474 Прием у короля и целый час / Прием у короля. В теченье часа ◊
1478 от плача были красны / то были слишком[8] красны
1480 Сияющий, в восторге от того, / Он — радостный, ◊
1487 Я теряюсь, / Что же должен ◊
1488 Мне кажется мой новый пост похожим / Я думать, мой новый сан походит ◊ ТАК?

---

[1] *Было начато:* Я умираю
[2] *Было: его позвать*)
[3] *Было:* Ее он счел любовницей
[4] *Было:* святая эта чувства знает!
[5] *Было:* Но как тонка! Как часто я <дрожала>
[6] *Было:* Она парила
[7] *Было начато:* Король
[8] *Было:* очень

1489 Скорей на удаленье из страны, / Скорее на изгнанье из страны ◊
1495 верно незнаком / значит незнаком ◊
1498 Давно заботы тяжкие грызут / Давно другие замыслы грызут ◊
1499 Мне голову: / Мою бессонницу: ◊
1500–1501 Но, Толедо, — // Я знаю душу принца. Втайне он / Но инфант // (Я знаю: мне душа его открыта)
1502 Лелеет страшный замысел: насильно / Лелеет страшный план: отнять Толедо, ◊
1505 Всем сердцем предан он тому ученью, / Пылает сердцем он к другим святыням, ◊
1506 Что, дерзновенно в мыслях возносясь, / Что дерзко, гордо, зная лишь себя,
1507 Не хочет покориться. / Не хочет снисхожденья.[1]
1510 Годится ли он в короли? / Годится ль нам он в короли?
1512 Мечты! / Фантаст!
1516 Когда он власть в законный срок получит. / Едва он доберется до престола. ◊
1521 Нам на престол? Кипучий дух размечет / Нам на престол? Гигантский дух размечет[2]
1524 Расслабить негой похоти, / Расслабить сладострастием, ◊
1525 и́скус выдержал. / испытанье выдержал. ◊
1526 Ведь Филиппу / А Филиппу
1533 в них скрытая / в обоих тай<ная> ◊
1538 Когда король Филипп ослабнет. / Когда Филипп проявит слабость.
1545–1546 Не можем // Мы не открыть великих тайн, когда мы / Не можем // Мы не открыть больших[3] вещей, когда мы[4]
1547 Уверены, что их должны открыть. / Прекрасно знаем, что должны открыть.[5]
1549 Еще один / Теперь еще ◊
1559 я тайно в то же время / и в то же время
1580 Да. Я позову. / Хорошо. Я позову вас. ◊
1586 Услугам как всегда готов, / Услугам, честь имею быть,
1589–1590 Я вижу, что у вас // С собой свидетель? / У вас свидетель есть. // Еще один?
1592 Что? / Еще?
1594 Кто был с вами? / Кто был это, ◊
1595 Он только что / Что только что ◊
1597 А! Герцог / То Герцог

---

[1] *Было:* Иной не хочет веры знать.
[2] *Было:* На трон? Его гигантский дух разрушит
[3] *Было:* и большего,
[4] *Было:* Не может // Нам не открыться многое, когда мы
[5] *Было:* Вперед уверены, что мы должны открыть.

1598 Он просит милости у вас, принцесса, / Он просит милости его принять, ◊
1599 Принять его за мною, / За мною вслед ◊
1609 Столь ценное, / Столь редкое,
1612 Не без причины ль / Не справедливо ль ◊
1624 Смягчить ответ... / Его смягчить ◊
1646 Вы не участник, так же как и церковь. / Вы не участник, уверяю вас, ◊
1647 Хотя знаком мне взгляд, / Хоть знаю тот ваш взгляд,[1] ◊
1648 где церковь / в которых ◊
1649 Покорными телами дочерей / Телами юными покорных дочерей ◊
1650 Располагает ради высшей цели. / Располагала ради высших целей. ◊
1663 возмутясь, / со стыдом
1674 Конец! Ее я больше не щажу. / Конец всему. Ей больше нет пощады. ◊
1679 вот Бог — / клянусь! — ◊
1683 Я плачу за это / Заплатить готова[2] ◊
1684 неслыханной, огромной. / неслыханно огромной.
1691 (*изумленная*) / *отсутствует*
1696 Вести / Известья ◊
1698 Открыла нам ту тайну, что должна / Открыла[3] нам ту тайну, что должна бы
1703 Но я себе не верю. / Но я глазам не верю.
1708 Мы желаем, / Мы желали б,
1712 Я согласна. / Да, и это.
1736 То дело / И дело
1738 Но быстро! / Но скоро!
1742–1743 (*после некоторого раздумья, обращаясь к принцессе*) / (*обращаясь веско к принцессе*)
1746 Толчок. / Большой толчок. ◊
1754 в замках? / в ключах? ◊
1757 (*размышляя*) / *отсутствует*
1764 За деньги, / Червонцы, ◊
1776 доказать легко. / доказать нетрудно. ◊
1787 Здесь дело неспроста. / Нет, это неспроста. ◊
1791 Детские... Проказы... / Бросьте же. Проказы —
1793 Об этом. / Я это знаю. ◊
1794 До короля. / Еще до короля. ◊
1797 Надеяться ль монарху? / Монарху есть надежда?
1807 Прекрасно! / Счастливо!

---

[1] *Было:* Хотя ваш помню взгляд,
[2] *Было:* Пусть мне это стоит
[3] *Было:* Откроет

1811 Меня зовут. / Звонок. Зовут.[1]
1829 был он здесь? / он уж был[2] ◊
1831 Сегодня он с утра был раза три. / Сегодня он с утра уж в третий раз.
1835 Он вам не говорил?.. / Он не велел сказать? ◊
1842 Ландшафт приятный / Ландшафт прекрасный ◊
1843 И всё молчит, / Вокруг всё тихо, ◊
1854 никто не знал / никто на свете ◊
1855 Про то лицо, / О том лице ◊
1858 вашу клятву? / в чем клялись нам? ◊
1867 Что в этой тайне, что в моей тревоге / Что в этой осторожности, в тревоге
1872 Святой отец, / О, мой отец, ◊
1879 иль к дурным / иль дурным
1891 Пред тем, как мне идти в великий путь. / Готовый ежечасно в путь великий ◊
1892 перед отходом, / перед отъездом,
1920 Беседу тайную, / Аудиенцию,
1923 Сильней, чем прежняя. / Еще страшней, чем прежняя. ◊
1933 в этот срок / в эти дни ◊
1941 скажи мне, где могу я / скажи, где[3] я могу
1951 перед светом, / пред людьми, ◊
1954 (*открыв письмо*) / (*открывает*[4] *письмо*)
1961 Дня два тому назад паж королевы / Три дня тому назад явился паж ◊
1962 Принес письмо мне — почерк незнаком — / Из свиты королевы и принес мне ◊
1963 А с ним и ключ. / От незнакомой дамы ключ с письмом ◊
1972 Одну я знаю даму, / Одну я знаю[5]
1973 Кто иначе / Кто еще[6] ◊
1974 Себе присвоит Карлоса любовь? / Себе припишет обожанье Карла? ◊
1986 обманута невольно / бедняжка обманулась ◊
1990 Смущенная тоской / Растрогана ◊
1995 ее любовь. / ее душа. ◊
1997 Верь мне, / Верь же,[7]
2003 Она чиста. / Она добра.[8] ◊

---

[1] *Было:* Постойте! Голос.
[2] *Было: как в основном тексте*
[3] *Было:* как
[4] *Было: читает*
[5] *Было:* Я только знаю
[6] *Было: как в основном тексте*
[7] *Было:* Знай же,
[8] *Было: как в основном тексте*

2005 Чиста? / Добра[1] ◊
2006 Чистоты подобной / Доброты подобной ◊
2007 Я опасаюсь. / Боюсь. Ее я знаю. ◊
2009 на почве плодотворной, / на почве материнства[2],
2010 В природной прелести, / *начато*: Без помо<щи?> ◊
2013 Отросток слабый, привезенный с юга, / Чужой отросток, в подражанье югу ◊
2015 правила — / принципы —
2017 Обереженная от пылкой крови / Отня́тая от воспаленной крови,
2019 Поставленная хладнокровно / Поставленная аккуратно
2020 Подумай только! Разве королеву / Подумай сам![3] Разве королеве
2021 Она простит, что эту драгоценность, / Она простит, что ты, ее кумир,[4]
2022 Предмет забот и тягостной борьбы, / Невинность ту, что стоила так много,[5]
2023 Отверг ты, чтобы пред женой Филиппа, / Отверг, чтоб пред супругой дон Филиппа,
2024 Надежд не видя, пламенем зажечься? / Надежд не зная, пламенем сгорать[6]?
2030 Сказать еще немного. / Сказать еще два слова. ◊
2031 Она легко скользит в борьбе с пороком / Что ей легко лавировать с пороком ◊
2034 нашел! / заметил! ◊
2039 Она геройски-сдержанно идет / Она геройским, твердым шагом[7] ◊
2046 была взаимность. / была любовь. ◊
2047 Награды нет — паденье. / Награды ты не дал — и вот паденье. ◊
2052 Нейдет тебе, Родриго, / Когда бы знал, Родриго, ◊
2054 Единственный отрадный светоч — веру / *начато*: Главнейшее блажен<ство> ◊
2057 И это мне? / И это я? ◊
2065 Все доводы ее / Что у нее в запасе
2066 Лишь для нее позорны и постыдны! / Из доказательств, кроме ей постыдных?

---

[1] *Было: как в основном тексте*
[2] *Было:* материнской
[3] *Исправлено:* Подумай только!
[4] *Было: а.* Она простит, что Карлос, ей любимый,
б. Она простит, что ты, ее любимый,
[5] *Было:* Невинность ту, что стоит много так,
[6] *Исправлено:* зажечься
[7] *Было:* Идет она геройским, твердым шагом

2070–2072 Многие отдали ~ Ошибку прежнюю. / Чтобы свою ошибку[1] // Восстановить, как многие отдали // Позору честь свою. ◊

2075 горда, добра... / горда, смела... ◊

2078 с мачехой / с матерью

2097 В твоем лице / В твоих глазах ◊

2098 Мне до сих пор чужой. / *начато*: Чуж<ой> ◊

2101 верно угадал? Дай мне письмо! / верно прочитал? Дай посмотреть![2]

2105 Право — в самом деле... / Нет... на самом деле

2114 Нашел ты в брачном королевском ложе / Меж оскверненным королевским ложем ◊

2115 С твоею, Карл, любовью? / И Карлоса святой любовью?

2116 Что за связь / Что за узы ◊

2117 Скрепляет согрешившего супруга / Связуют долг порушенный супруга ◊

2118 смелыми мечтами? / честными мечтами?[3]

2119 Иль там он погрешил, где любишь ты? / Где грех и где любовь? Нет, правда, друг,[4] ◊

2121 Я раньше изучил твою любовь. / Я раньше думал о твоей любви. ◊

2127 ты очень был богат. / ты был таким богатым. ◊

2129 разверзнутой груди. И всё / расширенной груди. Всё это ◊

2135 Как стал ты жалок, как ты, бедный, нищ / Как стал ты беден, как ты бедный нищ[5]

2136 лишь себя. / только лишь себя. ◊

2145 Но отнята вдруг / И [вот] вдруг отнята

2148 думал ты, / Так ты думал, ◊

2149 Но про себя / Лишь про себя ◊

2150 решило дело. / решило всё. ◊

2151 Ты видишь с гордой радостью судьбу / Ты с гордой радостью узрел[6] судьбу

2156 и сердце снова / но сердце тайно

2157 всё я знаю. / как я знаю, ◊

2167 я стараюсь / я тогда стараюсь,[7]

2169 Пусть так и будет: / Пусть будет так: ◊

2188 прикажут ты / прикажешь ты

2202 Король читает. Будь же осторожен. / Бывают распечатаны. Смотри же!

---

[1] *Было:* правдивость

[2] *Исправлено: как в основном тексте*

[3] *Было:* пылкими мечтами?

[4] *Было:* [Нет *2 нрзб.*] Где грех и где любовь? Нет, принц мой, правда,

[5] *Было:* Как стал ты беден, и какой ты нищий

[6] *Было:* клеймил

[7] *Было:* я каждый раз

2204 Приказы. / *начато*: Ук<азы> ◊
2211–2212 Письма отсылать // Кругом через Германию придется. / Так. И это? // Придется чрез Германию, кругом.

Третий акт

05 *к о р о л ь, полураздетый, / к о р о л ь сверху, полураздетый,*
11 И все ж она несчастной не казалась. / Но в чем она терпела недостаток?
12 Да, ясно — всё в ней ложь. / Ее неверность — факт.[1]
13–14 *в себя; оглядывается / в себя. Он оглядывается*
15 Но что со мной? / Где я [*1 нрзб.*] Что со мною? ◊
17 Как? / Что? ◊
18 Исчез / Пропал ◊
20 пропавшей ночи. / бессонной ночи. ◊
24 *перед ними; над ними;* ◊
26 Так кто-нибудь еще в передней? / Там кто-нибудь в моей[2] передней?
31 Не худо ль, государь? / Нездоровится, король? ◊
33 Как будто в левом / Там в левом
35 Тревоги вы? / Набата вы? ◊
40 Иль эти звуки мне приснились только? / Иль эти звуки только мне приснились?[3]
42 Во флигеле обычно королева? / В том флигеле обычно королева? ◊
46 Мне дорог сон ее. / Мне сон ее так дорог,
47 Там надобно удвоить караулы. / Что надобно удвоить караул.[4]
49 Я не хочу... / Я не хочу... [(*внезапно:*)]
62 Сон я найду лишь в Эскурьяле. Если / Сон — только в Эскуриале. Если долго
64 А муж жены теряет сердце. Нет! / Муж — сердце верное жены. Нет, нет!
65 Всё это ложь! Не женские ли губы / Всё — ложь, всё только женские наветы.
66 Мне эту нашептали тайну? Имя / Не женщина ль мне ревность[5] нашептала.
67 Всем женщинам на свете — ложь. И в грех, / Ей имя — клевета. Ужасный грех —
68 Мужчиной не доказанный, не верю. / Не грех, пока не подтвердит мужчина.

---

[1] *Было:* Доказана неверность.
[2] в моей *исправлено: как в основном тексте.*
[3] *Было:* Иль это, значит, только мне приснилось?
[4] *Было:* Что надобно удвоить стражу там.
[5] *Было:* злобу

70 Где герцог Альба? / Войдет пусть герцог Альба!
84 Чем этот гулкий отзвук. Как в скалу / Чем этот [*1 нрзб.*] гулкий отзвук. Бью я ◊
85 Стучусь я и кричу: «Воды!» Но люди / Как в камень и кричу — воды! воды мне[1] ◊
98 Женаты и на всю рискнули ночь / Женаты вы и на всю ночь рискнули[2]
102 Скорей домой! Как раз ее найдете / Домой идите. Там вы ◊
104 Но вы изумлены? / Чем вы изумлены? ◊
111 Найдется ль, государь, / Кто ж смеет, государь, ◊
118 Она всех лучше? / И ваша лучше?
120 Должно ей много это стоить. / Пожалуй, это дорого ей стоит. ◊
126 Граф, сказали / Граф, вы раньше ◊
129 Всё, чем я бредил наяву. Смотрите, / Всё, что я бредил наяву. Слыхали?[3]
140 *схватил медальон / взял медальон* ◊
146 (*с изумлением*) / (*с изумлением останавливает*)
148 Как же ускользнуло это / И сумело ускользнуть
163 Многое могло б / Многое сумеет[4] ◊
167 Докладов мне? / Известий мне?[5] ◊
170 Вы, государь, вручили / Вы вручили, государь, ◊
178 скрыть. / утаить. ◊
182 Не как король. / Меня не как король.[6] ◊
186 Кто, безумный, / Кто же этот ◊
187 Осмелился несчастный этот лист / Безумный несчастный этот лист ◊
197 (*после некоторого раздумья*) / *отсутствует*
203 Так явно, / Как громко, ◊
204 Так громко всем известна эта связь, / Как громко стал известен их союз, ◊
205 Что даже не нуждается в проверке, / *начато:* Что в ней ◊
212 король мой. / монарх мой. ◊
216 Пусть все молчат, / Когда вокруг,[7] ◊
217 Пусть красоты волшебной обаянье / *начато*: Молчат [*1 нрзб.*] Волшебной ◊
218 Связало языки у всех мужчин, / Связало крепко языки мужчин, ◊
226 И говорите смело. / И говорите без страха.

---

[1] воды мне *исправлено на:* но вместо
[2] *Было:* Женаты и рискнули на всю ночь
[3] *Было:* Что здесь я бредил наяву. Слыхали?
[4] *Было:* Многое в нем может
[5] *Было: как в основном тексте.*
[6] *Было:* Не как властитель мой.
[7] *Было:* Когда кругом

230 Королеву / Вы нашли ◊
231 Застали вы тогда без дам придворных. / Застали вы покинутой двором, ◊
235 Помню. Что же / Помню. Да. Что же ◊
239 изгнали из Испании / изгнали из столицы ◊
240 решила вдруг собой / решилась вдруг собой[1]
241 Пожертвовать для королевы. / Пожертвовать за королеву. ◊
242 что маркиза в этот раз / что маркиза поступила[2] ◊
243 Так поступила лишь по приказанью. / Великодушно так по приказанью. ◊
246 Он был там? / Инфант? ◊
249 След на песке мужской ноги, / След мужской ноги в песке,
251 Окончился у грота, где нашли мы / Потерян был у грота, где был найден[3]
253 Возникли подозрения. Садовник / Он подозренья возбудил. Садовник ◊[4]
256 Сейчас, как только, государь, в беседку / Тогда, когда вы, государь, в беседку ◊
257 Вступили вы. / Вот-вот вошли. ◊
259 Как плакала она, / О, как плакала она,[5]
260 Краснеть был должен / Меня краснеть ◊
263 Стоял перед обиженной женой. / Стоял я пред обиженной женой.[6]
267 Ужасно кончиться... Меня оставьте / Дойти до страшного...[75] Меня оставьте
268 Вы на минуту одного... / Меня вы на минуту одного. ◊
274 И это? И вот это? И весь хор / И это? Это и весь громкий хор ◊
275 Звучащих так согласно доказательств? / Согласно так звучащих доказательств? ◊
279 Ее в Мадриде принял. / Ее принял в Мадриде. ◊
285 явилась мать. / осталась мать. ◊
287 И знали пламень нежности взаимной... / И знали пламенность взаимных чувств... ◊
290 Признанья друг. Смелей заговорил / Признанья спутник[8] — и смелей заговорил
291 в картинах, сохраненных / в картинах столь знакомых ◊

---

[1] *Было:* осмелилась собой
[2] *Было:* это сделала маркиза
[3] *Было:* Потерян был у грота, где нам<и> найден
[4] Возникли подозрения. *вписано сверху красным карандашом.*
[5] *Было:* И она рыдала,
[6] *Было: а.* Стоял я близ обиженной Мадонны
б. Стоял я пред обиженной святой.
[7] *Было:* Дойти до страшного конца. Оставьте
[8] *Было:* Сопутник близости.

292 Воспоминанием. / Воспоминаний. ◊
294 жаждут всё сильнее / жаждут тем смелее
297 чтоб любовь / чтоб они
298 Признала / Признали
299 И посчиталась, поборов огонь, / И посмотрели, поборов огонь,[1]
300 Внимательней с решеньем кабинета? / Внимательно на выбор кабинета?
301 любви, но получила / любви и получила[2]
302 Престол. / Корону. ◊
304 Вы разбираете весьма / Вы размышл<яете> весьма ◊
305 Глубóко, герцог. / Весьма глубóко, герцог. ◊
306 Я поражен. / Я удивлен.
310 и в том, / и мне ◊
317 Вы мне больше, / Вы теперь мне больше, ◊
322 Посмел не угодить вторично? / Не угодил вторично? ◊
324 Пусть / Там... велите ◊
325 Войдет Доминго. / Придет Доминго. ◊
329 В теченье двух минут я опасался, / Что вы в теченье целых двух минут ◊
330 ведете к преступленью, / толкнете к преступленью, ◊
332 (*Альба уходит*) / (*Альба удаляется*)
335 (*несколько минут ходит взад и вперед,* / (*несколько раз ходит взад и вперед по комнате,*
336 *чтобы собраться с духом*) / *чтобы прийти в себя*)
338 *долго* / *некоторое время*
355 (*мрачно*) / *отсутствует*
357 Желанье поделиться ею с вами? / *начато*: Желанье ею поделиться ◊
361 Монарх мой, / Король мой, ◊
363 ее секрета — / ее открытья —
373 Неужели так? / Да? На самом деле? ◊
374 О, сердце доброе, вы угадали, / Добряк! Вы очень верно угадали,[3]
375 велел позвать. / велел призвать.
378 будьте же со мной / будьте вы со мной
387 От вниканья / Не вникайте ◊
388 В глубь этой тайны лучше отказаться, / В глубь тайны лучше будет отказаться. ◊
395 Сотрет — и навсегда — те злые сплетни, / Убьет[4] — и навсегда — те сплетни,
396 повсюду сеет. / злорадно сеет.

---

[1] *Было:* И, поборов влеченье, посмотрели
[2] *Было: как в основном тексте*
[3] *Было:* О, сердце доброе! Вы верно угадали,
[4] *Исправлено*: Сотрет

417 (*он пристально смотрит / он смотрит пристально*
421 плохие слухи / плохие вещи ◊
424 от муки этой долгой пытки. / от дрожи в этой долгой пытке.
433 Что? Иль мне / Что? Должен я
434 Приходится *молить* о капле яда? / Так долго вас просить о капле яда?
436 помнит тяжкий год, / помнит месяц,
437 Который Вас, / В который Вы ◊
448 *обмениваются / обменялись*
454 Что ж он? Бастард? Так, значит, / Ублюдок он? Так, значит,
463 Чему — хотите вы — чтоб я поверил? / Чему — вы требуете — чтоб я верил?
478 наслаждались? / восторгались?
482 план свой / гнев свой ◊
498 Что остается мне? Позор развода? / Что мне осталось кроме страшной боли?
516 Чиста она — пойдете вы... Хотите / Чиста она — *вы сами*. Что ж? Хотите
519 Хотите? Нет? / Так нет? О, вы! ◊
525 Что вы собой в ожесточенных битвах / Что вы в ожесточенных битвах жизнью ◊
529 Угроза смерти? / Потеря жизни? ◊
530 Я не пролью из-за безумца, что, / Я не отдам безумному, который ◊
532 жертву вашу / вызов ваш
541 Ты, единый в мире. / Ты — господь единый, ◊
548 Велю им так служить высоким целям, / Служить велю моим высоким целям,
550 Но правды ключ укромный / Ее источник тихий ◊
551 Сыскать / *начато:* Най<ти> ◊
552 Так пошли / Дай же мне ◊
556 Бросаю я. Меж тысячи людей, / Бросаю я: средь многих тысяч, [дай] что[1] ◊
565 вижу я, / вижу здесь, ◊
567 Проступок / Поступок
568 память мести / память мщенья ◊
588 тот верно знает правду. / не скажет ли он правды?
615 На милость короля. / Мой друг, на справедливость короля. ◊
618 Потерян мною флот, / Я потерял весь флот, ◊
620 против десятков / против семи десятков

[1] *Далее было записано и перечеркнуто крест-накрест:* Что [вьются возле] кишат вкруг ореола [власти,] // Величества, единого мне дай. (*он открывает шкатулку и вынимает записные дощечки; некоторое время перебирает их*)

623 Терзает сердце... / Рвет сердце мне.[1]
625 *в полном одеянии; / одетый.*
629 *весь полукруг / весь круг*
630 Накройтесь. / Наденьте шляпы. ◊
632 *довольно приветлив / несколько приветлив*
638 ей расскажет / пусть[2] расскажет ◊
639 где я буду / где сражусь я
645 (*преклонив перед королем колено*) / *отсутствует*
651 Знак этот / Крест этот
659 А, вот мой адмирал. / Мой адмирал! ◊
661 *встав на колени перед королем, / на коленях перед королем,*
662 Король великий, / *начато*: О, мой ◊
672 Что вы в своем лице нам сохранили / За то, что вы в своем лице мне сохранили[3]
688 совсем в живых? / давно в живых? ◊
692 из долгих / из дальних ◊
705 Внезапно он / Добрался он[4]
706 Явился в Ла-Валетту. / До башен Ла-Валетты.
710 с Гасаном / с Гассемом
712 До полдня отстояли. Но когда / [К полуд<ню>] До полдня отстояли. Наконец ◊
713 и пали под стенами / и вкруг него Мальтийцы
714 Все рыцари, то прыгнул мальчик в море / Легли, то прыгнул мальчик в море[5]
721 Который Каталонский заговор / Что после Каталонский заговор ◊
742 Нет, — больше! / Нет — выше...
743 Таким он был ко мне! / Таким ко мне он <был>. ◊
748 И я... / Я также. ◊
758 Два слова — и богаты вы друзьями. / Два слова лишь — и как вы вдруг богаты.
765 верно, есть ошибка. / может быть, ошибка?
770 Коль это любопытство — / Когда из любопытства — ◊
775 Звезде вверяю вашей. Случай вам / Звезде счастливой поручаю. Он
776 Благоволит. / У вас в руках.
777 но только / но после ◊
788 И не в придворном смысле, то в моем. / Не в собственной оценке, то в моей.[6]

---

[1] *Было:* Терзает сердце мне.
[2] *Было: как в основном тексте*
[3] *Было:* За то, что вы слугу мне сохранили
[4] *Было:* Явился он
[5] *Было:* Легли, то бросился он храбро в море
[6] *Было:* Не в собственном сужденье, то в моем.

789 (*пройдясь несколько раз взад и вперед*) / (*несколько раз ходит взад и вперед*)
790 Не вздорной ли причуде, / Слепому ли упрямству, ◊
791 так захотелось, / угодно было, ◊
799 Рок бросил случай. / Судьба шлет случай. ◊
807 Так, или нет, / Быть, или нет —
808 Мне все равно. И с этой верой — к делу! / Пустяк. И с этой верой прямо к делу!
820 *с удивлением*) / *с изумлением*) ◊
821 Со мною вы видались? / Со мной вы говорили? ◊
826 Услуги есть короне. Отчего / Услуги трону есть. Но отчего ◊
829 Всеведущ лишь Один. И надо было / Всезнающий — один лишь. Надо было
837 Но я не склонен быть / Я вовсе быть не склонен[1] ◊
839 Назначьте. / Просите вы. ◊
843 Убийца всякий — также. / Убийца каждый также. ◊
848 Самолюбив и очень смел, ей-Богу. / Самолюбив и смело горд, ей-Богу!..
850 Я люблю, чтоб пена / Нравится мне, если[2]
851 Переливала через край. <*М а р к и з у*> Вы службу / Бьет пеной кубок![3] <*М а р к и з у*> Я слыхал, вы службу
860 Вас не совсем достойную? / Для вас немного тесную?[4]
863 ловец великий, / знаток великий, ◊
874 Сейчас я / Я должен ◊
875 Не в силах, государь, облечь в слова / Признаться, государь, — не подготовлен,[5] ◊
878 Со дня, / В тот день, ◊
879 С коронной службой, почитал себя я / С коронной службой, я себя поставил[6]
883 Так стра́шны / Так плохи ◊
886 Лишь время дайте мне / Нет. Время дайте мне ◊
887 рискну я жизнью! / рискну всей жизнью!
889 Не захотите слушать. Мне меж вашей / Откажете мне в этом. Между вашей ◊
890 Немилостью или презреньем выбор / Немилостью и отвращеньем выбор[7]

---

[1] *Было начато:* Но я совсем
[2] *Было:* Нравится мне это
[3] *Было: а.* И перельется кубок!
б. Наполнен пеной кубок!
[4] *Было:* Для вас неподходящую?
[5] *Было начато:* Признать,
[6] *Было:* С делами трона, я считал себя
[7] *Было:* Немилостью [*2 нрзб.*] выбор и презреньем

891 Остался. Если должен я решать, / Остался,[1] и, коль должен я решать — [2]
892 предпочту скорее, / предпочту я лучше ◊
893 как глупец уйти отсюда. / как дурак уйти отсюда.[3]
894 (*с ожидающим лицом*) / (*с выжидающим лицом*) ◊
901 тем грозите вы / вы хотите тем ◊
902 Вы берете / Вы хотите ◊
906 Моею станет целью. Для меня / Моею стала б целью. Для меня же
907 Есть в доблести своя цена. То благо, / Цена поступка — сам он. То добро,
908 Что чрез меня монарх посеять хочет, / Что государь через меня б посеял,[4]
909 Свершу я сам, и сладко будет мне, / Хочу свершить я сам. Мне думать сладко,[5]
912 Снесете близ себя творца иного? / В свой мир допустите творца иного?[6] ◊
913 Я должен быть резцом послушным там, / И должен быть я только долотом,
914 Где мог бы быть художником? / Где[7] быть бы мог художником.
915 но в монархии должен / но даже близ монарха смею
916 Любить себя — и только. / Себя любить всех выше.
918 Этот пыл / Вот огонь
919 Хвалы достоин. / Достойный чести.
920 Но где ваш путь — / Но где[8] лежит ваш путь —
923 Который вашим доблестным мечтам / Который ваши светлые порывы[9] ◊
928 Как странно... / Мне странно.[10] ◊
930 То счастье, / То благо, ◊
931 не счастье миру. / не радость миру.
934 Величество дрожит. Иные блага / Величество дрожит.[11] Иное счастье ◊
936 И в человечестве плодит стремленья / И в человечестве родит желанья ◊

---

[1] *Было начато: а.* Мой выбор
б. Оставлен
[2] *Было:* и, коль должно мне решать —
[3] *Было:* как дурак уйти от ваших глаз.
[4] *Было:* посеет,
[5] *Было:* Мне будет сладко,
[6] *Было:* чужого?
[7] *Было начато:* Мог
[8] *Было:* как
[9] *Рядом записано и зачеркнуто:* гражданским
[10] *Было:* Что ж так.
[11] *Было начато:* Дрожит вели<чество>

940 Которые с ее клеймом не схожи. / Которые с чеканкой их не схожи. ◊
941 то / мне ◊
947 Я отказаться прямо, государь. / Простите — отказаться, государь. ◊
948 властителям / властителю.
954 (*после паузы*) / *отсутствует*
957 Кто вам поручится, что для меня / *начато*: [Своей] Моей рукой. ◊
958 священно то, *чего* / священно и чего
960 сам с собой, / над собой,
964 Смешная страсть / Смешная злоба[1]
966 Сломать не в силах, груз их только множит, — / Сломать не может и растет в насильи, —
967 Моей не зажигает крови. Век наш / Не зажигает кровь мою. Наш век ◊
968 от идеала. / до идеала.
970 Мираж покою вашему не страшный. / Картина вашему покою не страшна.
983 почему бы нет? / почему же нет? ◊
995 отреклись, шутя, / отреклись, давно, ◊
996 на низшую / на низкую ◊
999 Безличные — / И нищие — ◊
1001 Нося их / Что носят ◊
1007 Правду / Верность
1011 перл созданья, / перл творенья,
1013 И новому творению явили / И новой креатуре объявили
1019 Приносят вам / Вам подлежат
1023 Гармонию разделит с вами? / Услышит ваш прекрасный гимн?
1025 Право, / Ей-Богу,
1029 Значенье потеряли жертвы. Вы есть / Значенье жертвы потеряли. Вы есть[2]
1037 Меня простите, государь. / Меня уволить, государь.
1062 Вы правы! Вы должны! И мысль, что вам / Вы можете. Вы смеете. Должны.
1063 В сознанье долга всё возможно — страхом / О, да, вы поняли ваш долг, и это
1064 И восхищением меня объемлет. / Меня проникло страшным удивленьем.
1070 Век кроткой мудрости. Сознанье граждан / Век спокойствия и счастья граждан
1071 с величием князей, / с величьем королей, ◊

---

[1] *Было: а.* То бешенство
б. Смешная озлобленность

[2] *Было:* Значенья в этой жертве нет. На то вы

1076 В тот день, когда я задрожу, услышав / Скорей, коль я затрепещу пред страхом
1077 Проклятья / Проклятий
1079 в благодатном мире. / в сладостном покое. ◊
1080 Такой покой / Такого счастья ◊
1082 Покой могил! Но сможете ли вы / Покой гробов![1] И вот в надежде вы
1083 Вы хотите / Вы в надежде[2] ◊
1090 На всем бегу их удержать за спицы? / На всем ходу ее схватить за спицы? ◊
1093 Потерянный монархом / Потерянный страною ◊
1097 Гренада ж в запустенье / Гренада в запустенье[3]
1098 Без трудолюбья новых христиан, / Без рук трудолюбивых христиан,[4]
1099 И, к радости Европы, враг ее, / И, к радости врагов, исходит кровью
1100 Пронзив себя мечом, исходит кровью. / Испания, себя смертельно ранив.
1103 Вы вечное намерены взрастить, / Вы вечное желаете пожать,[5] ◊
1106 Неблагодарный труд! Зачем напрасно / Неблагодарные труды — напрасно ◊
1110 Ах, / Нет!
1111 он оковы сбросит / узы он сломает ◊
1118 Уверил в том? / Уверил так?
1128 *пристальные, / твердые*
1130 О, если / О, если б ◊
1131 Обиженных / Страдающих ◊
1134 Глазах, зажегся б в пламя! / Глазах, костром бы взвился. ◊
1135 От мысли Богом быть, — она людей / Кумиром быть и станьте образцом[6] ◊[7]
1136 Образцом нам станьте / Станьте образцом нам ◊
1137 Смертный ни один / Смертный никогда ◊
1142 и сотворится / преобразует ◊
1143 Опять земля, как в первый день! / Картину мира навсегда. ◊
1146 *отворачивается, / отворачивает лицо,*
1155 Росы / Воды ◊
1158 Так тесно / Как тесно
1160 каждым помышленьем / каждым проявленьем

---

[1] *Было:* Покой кладби́ща!
[2] *Было: как в основном тексте*
[3] *Было:* Гренада опустела
[4] *Было:* Без [сильных] [мощных] крепких рук гонимых христиан,
[5] *Было:* сажать,
[6] *Было:* От фальши обоготворенья! Нас
[7] *Концовка фразы при правке была иной*: она на всех людей

1163 буйствовать по свету / в своей вселенной ◊
1167 И вольнодумец видит лишь закон, / А вольнодумец, видя лишь закон, ◊
1168 От века сущий — не Его. / *начато*: Но не Его
1181 Что слишком долго одному служили — / Что — ах как долго — одному служили — ◊
1189 Проснется к правде, то — дары свободы, — / Проснется к счастью и дары свободы[1] ◊
1192 И первый / Тогда
1205 О том, что / Про то, что ◊
1209 Хочу — мне так угодно. Яд ужасный / Хочу — и всё тут. Даже яд ужасный
1216 *глядя на него*) / *глядит на него*)
1218 Не видал / Не видывал
1219 Впрочем, вы, маркиз, / Только — нет, маркиз, ◊
1220 Нет, не хочу я / Я не хочу ◊
1224 Должны вы сметь у короля в глазах / Должны вы сами у меня в глазах ◊
1225 Остаться человеком. / Сметь оставаться[2] человеком. ◊
1229 Забочусь так, не за себя прошу, / Забочусь, дело не свое веду, ◊
1233 Известно вам, как в будущем потомство / Вам хорошо <известно>, как в будущем меня ◊
1234 Меня осудит, то пускай на вас / Меня осудит, пусть учится на вас ◊
1235 Оно научится, как к человеку / Оно[3] научится тому, как к людям
1240 не станет / пускай не станет
1242 Есть лучших тысячи. Впервые вы — / Есть лучших тысячи, чем я. Но только вы ◊
1244 Увидели в моем изображенье / В моем умеренном изображенье
1245 Умеренном свободу! / Увидели свободу. ◊
1248 Об этом, юноша. Ручаюсь, вы / Об этом, юноша. Я знаю, вы[4] ◊
1251 Не видеть больше вас. / *начато*: Расстать<ся> ◊
1259 Мне неприятна. / Мне не по сердцу. ◊
1260 и всё. / и всё. Конец. ◊
1263 Но все-таки чего же / Но от него чего же[5]
1264 Искал я? / Хотел я?
1265 Маркиз, узнали / Теперь узнали ◊

---

[1] *Было:* Проснется к подвигам — дары свободы —
[2] *Далее 1 нрзб.*
[3] *Было начато*: Увидит
[4] *Было:* Об этом, юноша, нам говорить.
[5] *Было:* Но что же от него

1266 Вы положенье моего престола, / Маркиз, вы положенье моего престола, ◊
1268 (*заметив, что маркиз задумался*) / (*так как маркиз задумался*)
1269 Да, вас я понимаю... / Я понимаю вас. ◊
1270 Но если даже я из всех отцов / Но если б был я изо всех отцов
1274 Да, если сын / У вас есть сын ◊
1275 И обладанье редкою супругой / Прекрасная, любимая жена
1281 с такой тоскою, / так глубоко, ◊
1286 Я другим его не видел. / Я не знал его другим. ◊
1288 Он отнял у меня / Он у меня отня́л
1289 все царства / все троны ◊
1296 Лежит здесь много доказательств, / Здесь есть такое донесенье,[1] ◊
1297 Которыми она бесповоротно / Которыми совсем неоспоримо ◊
1299 Они меня бояться заставляют / *начато*: Страшнейшие ◊
1304 То я легко поверил бы тому, / Как было бы поверить мне легко, ◊
1305 О чем принцесса Эболи клевещет. / Что дама, вроде Эболи, клевещет!
1308 Моя супруга стоит больше их! / Моя жена достойнее их всех! ◊
1316 как шипят / как твердят ◊
1322 Но видите в сердцах. / Но знаете вы свет. ◊
1324 (*изумленно, испуганно*) / *отсутствует*
1329 Для самого себя / *начато*: Не попросили ◊
1333 Вам / Вам я ◊
1334 Я выдам полномочье говорить с ней / Доставлю полномочье говорить с ней.[2] ◊
1339 Свершится — будет лучшим этот день / Исполнится, то лучшим будет этот день ◊

Четвертый акт

15 (*немного лукаво*) / (*немного ехидно*)
26 Как? И всегда... / Как и всегда.[3]
35 Удобней сесть / Скорее сесть
37 На воздухе оправлюсь я. / На воздухе пройдет скорей.
97 Не из мечтателей. Вы не возьметесь / Не из глупцов, которые берутся[4]
98 За то, чего не кончить. / За то, что им не кончить.
107 Двуличность. — Может быть. / Двуличность? Может быть.[5]

---

[1] *Было:* Здесь факты есть. Неоспоримо
[2] *Было:* Даю права наедине с ней быть.
[3] *Было:* Я радуюсь
[4] *Было:* Не из мечтателей, которые берутся
[5] *Было:* Двуличность, может быть.

131 о, мой судья, / что очень скоро
132 Я скоро оправдаюсь перед вами. / Я оправдаюсь пред моим судьей:
133 Не очень тороплюсь я сообщить / Не очень тороплюсь я передать[1]
134 О том, что — как мне показалось, Ваше / О том, что [*2 нрзб.*] ◊
138 французского посла / французскому послу
139 Сегодня у себя не принимали. / Аудиенцию сегодня не давали.
146 По крайней мере, всё, / Всё, приблизительно,
154 я посвятил бы / я поспешил бы ◊
162 Но не за этим я сюда вернулся, / И не оно меня прийти сюда толкнуло.
168 в тяжкий грех / в преступленье ◊
169 Стремленье к правде: — также храбро Карлос / То, что пред правдой преклонился он. ◊
170 Из-за любви готов на смерть. / На смерть готов из-за любви.
172 *письмо*) */ записную дощечку*)[2]
176 И должен. / И даже должен. ◊
178 Разве будет счастлив / Разве осчастливится ◊
179 что сама я / что и я ◊
180 Несчастна? / Несчастлива? ◊
183 Решительней он станет... / Решительней, взглянув на вас, он станет...[3]
184–185 К о р о л е в а: Почему же? / *отсутствует*
193 Но невозможно здесь остаться принцу, / Конечно, здесь нельзя остаться принцу,[4]
194 Никак нельзя... И Фландрией мы тоже / Нельзя, нельзя... Но Фландрией мы тоже
198 Как здесь / Чем здесь
203 Не знаю о другом. / Других не знаю. ◊
208 Одной, о королева, смею я / Одной вам, королева, ◊
220 Фландрия на зов / Нидерланды встанут ◊
221 Его восстанет, / На зов его. ◊
235 Хочется мне думать, / И хочу я думать,[5] ◊
250 В сражениях и мудрых в кабинете. / В сражениях и *<1 нрзб.>* на совете. ◊
273 И взял с меня он клятву, / И я поклялся[6]
275 *записную книжку* / *записную таблетку*

---

[1] *Было:* [*2 нрзб.*] не слишком я спешу
[2] *Было: как в основном тексте*
[3] *Было:* Решительней от этого он станет...
[4] *Было:* Но ведь и здесь нельзя остаться принцу,
[5] *Было:* Да, я понимаю
[6] *Было:* Ему сказал я

281 Вам стоит приказать лишь... / Лишь только прикажите.[1]
283 Лишь приказать? Скажите мне, маркиз, / Ах, скучно мне приказывать! Маркиз,
284 Как я должна понять свободу эту? / *а.* Но как же объяснить свободу эту? *б.* Но как же мне понять свободу эту? ◊
292 Откроется свободе, наконец, / Останется свободным наконец,
297 я буду понят! / поймут меня! ◊
299 (*холодно маркизу*) / (*отчужденно маркизу*)
302 Уверьте / Идите ◊
309 Никто не помешает нам. / Никто здесь не мешает нам.
315 Его не знал я. / Имел? Какого?
316 Что этим вы сказать хотите, граф? / Не понимаю! Как? Что вы хотите?
322 Точней / *начато*: Вер<ней> ◊
324 О ком здесь / О ком же ◊
332 Я этого боюсь. / Боюсь я этого.
334 Как? / Да? ◊
347 Да, этому я верю. / Вот этому я верю.
355 Нынче поутру / Также поутру ◊
365 Да, это дело / На самом деле
366 Серьезное. / Серьезно это.
368 Единственный пример / Берегитесь, принц!
369 С тех пор, мой принц, как я служу монарху. / Вы знаете, давно я при монархе.
371 Великий знак! / Давным-давно.
382 А во втором был долг пред государем. / А во втором был я монарху должен.

Ст. 390—778 / отсутствуют

787 Для королев есть высший трибунал, / Есть высший трибунал для королев, ◊
791 потому, — / потому, что
792 Что так желала. Не хочу обычай / Желала так. Обычай не хочу
794 И от вас я / И пред вами ◊
795 Свиданье скрыла, так как не могла, / Сокрыла это, ибо не могла[2] ◊
797 Оспаривать пред челядью придворной. / Оспаривать перед [придворной] дворцовым сбродом.
802 Могу еще прибавить, что / Еще — добавлю, — что
811 И раньше он к тому ж носил другое, / Который некогда носил другое,
812 близкое мне имя. / близкое названье.[3]

---

[1] *Было:* Всегда, когда угодно // Приказывать

[2] *Было:* Я это скрыла. Нет, я не могла

[3] *Было: а. как в основном тексте*
б. близкое мне званье.

816 дороже всех. / других дороже. ◊
821 если мне судьба / если жребий мой ◊
822 Прикажет выбирать, / Прикажет говорить,[1] ◊
831 В причину гнева может обратиться. / И ярости причиной может быть. ◊
836 А *это* есть, / А есть оно, ◊
847 Тогда прольется кровь... / Тогда пусть льется кровь... ◊
852 Перестаю я быть / Тогда не узнаю
853 Самим собой. Что мне теперь законы, / Я сам себя. Тогда долой законы,
855 Народов договоры... / Права народов...[2]
857 Государь, / О, мой государь,
858 Как я жалею вас! / Я сожалею вам. ◊
868 Ребенка / Дитя[3] ◊
870 Пойдем со мной. / Иди ко мне!
873 в преданных друзьях / преданных друзей, ◊
879 *хочет пройти к двери, но на пороге / хочет пройти в двери*[4] *и на пороге*
890 будет это созерцать? / должен этим любоваться? ◊
902 В слезах Ее Величество, и кровь / В слезах ее величество, и кровью[5] ◊
903 Течет... / Обагрено лицо... ◊
905 Но разве это удивляет / Что ж удивляет ◊
907 Натравливали? / Науськивали? ◊
912 Налгали мне, чтоб в бешенство пришел я, / Наврали мне, чтоб в бешенство пришел я,[6]
926–927 *быстро встает и делает / оживленно делает*
929 Мне не нужны. / Не нужны мне.
942 стали / были ◊
946 сияет ясно, / сияет ярко, ◊
978 (*перелистывает бумаги* / (*перелистывает их*
985 Из Тацита... А это что такое? / Слова Таци́та... Это что такое?
988 *то про себя*) / *то тихо*) ◊
991 «Здесь может / «Здесь смеет
993 Измена адская! / Измена, черт возьми!
999 Нет! Эболи! / [Да.] Нет — Принцессы. ◊
1003 В чем юный паж недавно мне признался? / В чем мне признался юный Генорец! ◊
1004 Он передал / Он перенес

---

[1] *Было:* Мне [говорить] выбирать дозволит
[2] *Было:* Международные права.
[3] *Было:* Мой Бог!
[4] *Было: хочет подойти к двери*
[5] *Было:* Ее величество в слезах. [Ее лицо] И след
[6] *Было:* Наврали мне, чтоб ярость возбудить,

1009 я сознаю́сь, маркиз... / я должен вам признаться — ◊
1012 осведомлен монарх?.. / осведомлен монах?...[1]
1013 Интригой подлой я кругом опутан! / Интригою проклятой я обманут![2]
1019 сомненьем! / напрасно! ◊
1022 Меж королевою и принцем были / Меж ней и принцем тайные свиданья[3] ◊
1025 Чем то, в котором обвинили их. / Чем то, что им желают навязать. ◊
1026 что стремленье / что желанье ◊
1034 разлетелись / обманулись ◊
1036 Принц юный быстро посвятил всю пылкость / Принц юный пылко предложил себя ◊
1037 широким планам... / честолюбивым планам... ◊
1040 Не мне дрожать пред планами ее... / Ее мне планы вовсе не страшны.
1045 бдительность потребна. / бдительность нужна. ◊
1059 вести я должен. / свершить я должен.
1062 и буду я всегда / и я у вас в долгу ◊
1063 Вам благодарен. / За ваше рвенье. ◊
1067 Слаба она еще до этих пор. / Ах, до сих пор она еще слаба. ◊
После 1069: отсутствует / Еще одну принять здесь надо меру:[4] // Боюсь, предупредить успеют принца...[5] // Друзья его повсюду. Может быть, // И в Генте связи есть с бунтовщиками?
1071 Вот потому-то я даю совет: / Вот оттого-то я даю совет:[6] ◊
1073 Тревожный случай / Опасный случай
1075 Что же?... / Как же?...
1082 *что король задумался*) / *что, кажется, <король> задумался*)
1083–1084 Пусть это будет тайной // До времени... / Пусть это будет тайной // До времени, пока... пока...[7]
1087 Поставлена на карту / На карте
1097 (*оба уходят* / (*уходят*
1112 обнажил он кинжал? / обнажил кинжал он?
1142 у вас в руках / в руках у вас
1149 И, кажется, на переплете / И, кажется, что на обложке ◊
1150 в овале из жемчужин? / *было начато*: в жемчуж<ном> ◊

---

[1] Вероятнее всего, этот вариант является основным текстом. Под монахом подразумевается Доминго.
[2] *Было:* Я подлою интригою обманут!
[3] *Было:* тайные сношенья
[4] *Было:* Еще нужна одна предосторожность.
[5] *Было:* Боюсь, что принца могут остеречь.
[6] *Было: а.* И я советую теперь, сейчас
б. И я советую предупредить
[7] *Было:* тайной // Пока непроницаемой.

1156 Бумажник этот / Ваш именно портфель
1158 *короткого молчания, / глубокого молчания,*
1168 *пред графом*) / *перед герцогом*)
1174 Вы, добрый принц, / Вы, вижу, принц, ◊
1181 ясно фразу короля: ясно, что сказал король: ◊
1188 а Рюи Гомец, принц, / а принц Рюи Гоме́ц
1193 Он мне об этом не сказал... / Об этом не сказали мне.

Ст. 1209—1302 / отсутствуют

1306 Связали вы маркиза с этим делом? / Связали вы его с презренным делом? ◊
1315 Ей-Богу, странно! Здесь я нахожу / Ей-Богу, странно мне. Я нахожу ◊
1316 Врагом того, кто раньше был мне другом, / Врага такого, что мне и не снился.
1321 что мне / что мне оказали ◊
1333—1335 Сама я короля просить решила, ~ Представлен. / Еще с утра[1] я короля решила // Просить о том, чтоб был мой обвинитель // Представлен им. ◊
1355 Но можно и монарху впасть в ошибку. / Король бывает и несправедливым...
1356 Что, если он несправедлив? / Что, если он таков теперь?
1359 пока другим / пока таким ◊
1367 чудовищная весть, / чудовищная мысль, ◊
1373 Не ожидала... / Какой сюрприз мне.
1380 В обиде? Да? Так долго? / Обижены? Скажите. ◊
1384—1385 Вы потеряли что-нибудь? Что надо // Вам от меня? / Что у меня вы ищете?[2]
1386 *с жаром*) / *с живостью*)
1387 О, девушка моя, / Дитя,
1389 Иль мне простить не можешь ты? / Любви так свойственно прощать!
1392 Напоминаете вы, принц? / Вы говорите, принц? ◊
1411 (*П р и н ц е с с а отворачивается*) / *отсутствует*
1418 любви позволь / любви, дитя, позволь ◊
1425 этой *тени* ты пожертвуй тем, / прошлой[3] тени ты пожертвуй то,
1426 Чем мне пожертвовать не можешь. / Что жертвовать так трудно!
1436 О, дай мне, / Дай мне, ◊
1443—1444 *становится между ними*) / *разделяет их*)
1447 *на коленях, повышенно*) / *на коленях*)
1448 Ради всех / Ради неба! ◊

---

[1] *Было:* Еще сегодня
[2] *Было:* Что у меня хотите вы найти?
[3] *Исправлено*: этой

1456 (*насильно тянет / силою тянет*
1458 вы принца слушать. / его вы слушать
1472 Ни с кем! — Под страхом смерти. / И даже с вами — под угрозой смерти. ◊
1478 А также принцу... / А также вам. ◊
1480 *без признака / без знака* ◊
1481 *бросает тусклый / бросает 1 нрзб.* ◊
1487 Позвольте мне уйти. О, ради Бога! / О, ради Бога, дайте мне отсюда // Уйти скорей. ◊
1492 Пустите... Я не знаю... / Пустите же... Ни слова! ◊
1498 Как понять вас? / Что хотите<?> ◊
1509 *в ее грудь*) / *на ее грудь*)
1516–1517 (*опускается перед ним на колени вплотную / (ist an ihm nieder gesunken*[1]
1543 Кто? / Кто же? ◊
1559 Маркиз де Поза! / Он! Маркиз Поза! ◊
1569 Верно, за проступок, / За проступок, ◊
1570 Один из тех, что вспыльчивой натуре / Из тех, что вспыльчивой его натуре[2] ◊
1582 Умрет он? / Он умрет? ◊
1586 Он умирает? / Зачем он умирает? ◊
1590 Вы вне себя еще. / Еще вы вне себя.
1591 чтобы не спеша, / чтобы вы могли ◊
1603 Раздавлена стыдом, самопрезреньем... / *начато*: В стыде, раскаянье ◊
1619 Я отнесла монарху... / Отнес монарху...
1623 И вас / Тот вор, который
1624 Я оскорбить посмела обвиненьем... / Дерзнул грязнить вас обвиненьем...
1626 Как вы могли?.. / И вы могли...
1640 (*подает ей руку*) / (*поддерживает ее*)
1650 Соблазны... / Паденье...
1651 омерзенье... / отвращенье... ◊
1659 *как безумная*) / *как бешеная*)
1699 не станет слушать? / не будет слушать? ◊
1733 Карлос в этом / Для него ◊
1734 Не пострадал. / Нет страшного. ◊
1736 Что слышу я! О, Боже! / Что я услышу! Боже
1740 И так вести / И так играть ◊
1745 Впрочем, для чего / Но зачем теперь ◊
Ст. 1747—1917 / отсутствуют
1920 Это чувство / Эту веру

[1] *Буквально*: опустился на колени (*нем.*)
[2] *Было:* Который вспыльчивой его натуре

1923 Ни страх людей, ни ложное геройство, — / Пусть ни боязнь людей, ни фальшь геройства —
1932 (*принимает* / (*принимая*
1934 Окончен день работы... / Окончен весь мой день...
1939 (*возвращается назад, повернув лицо в сторону*) / (*возвращается назад, лицо поворачивая в сторону*)[1]
1940 Когда / Конечно ◊
1952 Вы к этому давно / Вы этому давно ◊
1963 Нет. / Никакого. ◊
1966 Подумайте. / Придумайте.
1983 *бросается перед ней на колени*) / *перед ней на коленях*)
2002 Доложите, / Но скажите, ◊
2009 Короля / Говорить ◊
2015 Не удосужились вы разрешенье / Не умудрились вы взять разрешенье ◊
2035 Это дело / Это очень ◊
2061 Король вас хочет видеть. / *начато*: Король сейчас ◊
2078 Не произнес. / Не говорил. ◊
2081 Тише! Крик! / Тише! Шум!
2086 Что там за шум? / Что вышло там?
2094 В приемной. / В передней.
2100 Переменилось?! / Вокруг переменилось! ◊
2107 Ковры двойные / Обои эти ◊
2111 О, как мне жутко, герцог! / О, как мне боязливо,
2112 Я трепещу. / Как трепетно.
2126 без сомненья? / верно? ◊
2133 Мадрид весь в ужасе. / Весь в ужасе Мадрид.
2142 Но почему же? Но что случилось? ◊
2144 Почему же? / Почему?[2]
2160 Кто в кабинет за мной? К ногам я брошусь / Кто в кабинет пойдет за мной? Я брошусь ◊
2161 Монарха... / К его ногам. ◊
2176 (*хочет бежать* / (*хочет поспешить*
2178 Сам дьявол! / Чертовски. ◊
2185 Сам дьявол! / Чертовски! ◊

Ст. 2200—2246 / отсутствуют

Пятый акт

Ст. 1—263 / отсутствуют
278 *сильному волнению*) / *оживленной подвижности*)
280 пред неизвестной / перед несчастьем ◊
283 и вдобавок / Наконец ◊

[1] *Было:* (*возвращается с отвернутым лицом*)
[2] *Было: как в основном тексте*

285 В тебе смутило сердце. / Тебе терзало сердце.
306 Тут пала ночь над мыслями моими... / Тут стала ночь пред мыслями моими...
307 Нигде / Одни
308 Во всей вселенной. / Мы в целом мире!..
313 Введу я сам, прикинувшись виновным? / Сумею я ввести, сам прикинувшись виновным? ◊
327 Из тени подозрения, которым / В том ложном подозренье, ◊
328 создать защиту / найти себе защиту ◊
330 Чрез государя самого возможность / Чрез самого монарха путь свободный
331 Быть к королеве близким. / Видаться с королевой. ◊

Ст. 334—500 / отсутствуют

502 Которая важней / Которая ценней ◊
512 Кем этот мертвый / Чем этот мертвый
513 Скажи ж ему скорей, приди на помощь / Скажите же скорее, помогите
514 Его всезнанью в тягостной загадке. / Его всезнанью разрешить загадки.
521 что тайну оскверню / что оскверню я тайну ◊
531 когда его доверьем / когда вы уваженьем ◊
532 Гордились вы, когда игривый ум / Его гордились, когда изящный ум ◊
542 умер за меня. / для меня. ◊
544 был в его руках / был в руках его
553 Вы дружбы у него искать дерзнули / Осмелились вы от него ждать дружбы
556 не ваш. Он это знал / не ваш и это знал
557 Когда отверг и вас, и вашу власть. / Когда отверг с коронами он вас.[1]
562 *следил за волнением, / следил за его движениями,*
570 Наверно / Быть может ◊
573 дарить веселье. / вам дать веселье. ◊
576 Чем хотите / Что хотите
577 Вы заменить теперь такую душу, / Вы предложить взамен такой души,
592 необычайной / необычной
593 Вот вам мой меч. / Возьмите меч![2]
594 что мести / пред местью
595 Я не боюсь. / Я не дрожу.
604 *гул голосов / шум голосов* ◊
610 Вот мой приговор!.. / Мною объявлен приговор: ◊

[1] *Было начато:* Когда он вас
[2] *Было:* Возьмите меч мой!

631 толпятся в раздраженье / толпою раздраженной ◊
632 ходят толки, / ходит слух, ◊
634–635 Народ желает видеть // Дон Карлоса, а если нет — грозится / Народ его увидеть // Желает,[1] если ж нет — грозит предать ◊
637 (*в волнении*) / (*с воодушевлением*)
651 чтоб от меня отхлынуть. / чтобы отпасть от власти. ◊
658 Пред юным, / Цветущим, ◊
659 Цветущим королем склонитесь! / И юным королем вы преклоняйтесь. ◊
663 Дошло! Испанцы! / Доходим мы![2] ◊
677 Он без чувств! / Без сознанья!
680 А в это время / А я в то время[3] ◊
702 Ничто теперь не важно мне / Нет больше для меня вещей
703 На целом свете. / На свете важных.
709 Он?.. Иду! / Что?.. Сейчас!
716 пробраться. / проникнуть. ◊
729 Средь народа / С давних пор ◊
730 легенда, что / легенда, будто ◊
735 Всегда идет / *начато*: Идет на ◊
736 Но, если / И, если
738 свободно, незаметно / свободно, невредимо
Ст. 741—821 / отсутствуют
826 в ужасном / в страшнейшем
827 Он заперся и отдал приказанье: / Он заперся. И что бы ни случилось, ◊
828 Что б ни случилось — в кабинет к нему / Он отдал приказанье не пускать[4] ◊
829 нет доступа. / нет допуска.
830 весь его характер / сразу весь его характер ◊
848 принес бумаги / хранит бумаги ◊
849 которые покойный / которые марк<из> ◊
862 Что корабль, / И что корабль, ◊
880 Он хотел / Цель была
886 И к этим письмам был приложен / Приложен к этим письмам был ◊
889 Отторгнет / Отнимет ◊
890 Защита с нападеньем / Удар, сопротивленье ◊
891 Размерены. / Рассчитаны.
892 отмечены. Готовы все / отмечены детально, все ◊
893 Даже договоры / Все договоры

---

[1] *Было:* Народ его желает // Увидеть,
[2] *Было: как в основном тексте*
[3] *Было:* Меж тем
[4] *Было начато*: Он никого

910 что ни одной минуты / нельзя мне ни минуты ◊
916 Грядущая опасность / Растущая опасность ◊
920 Король! / *отсутствует*
925 *присутствующих грандов, / присутствующих*,
Между 929 и 930 отсутствует / Верни,[1]
930 Опять / Я должен
931 Он нужен мне... / Ему сказать...[2]
938 (*приближается, робко*) / (*приближаясь, неуверенно*)
941 Кто это? / Кто это? Разве ◊
944 Не на коленях тварь? Ведь я еще / Не на коленях, [твари?] смертный? Я еще
945 Я *подданных* хочу здесь видеть! / И подданных хочу я видеть![3]
964 Что до могилы удлинить не может / Что удлинить своей руки не может[4] ◊
965 Своей руки и в жизни человека / До гроба и ничтожную ошибку[5] ◊
967 И нет / Кто мне ◊
968 Мне больше радостей. / На свете счастья, нет. ◊
973 И умер. / И умирает. ◊
978 (*садится, подпирая голову рукой*) / *отсутствует*
980 Ведь я любил, любил его. / Любил ведь я его, любил. ◊
984 И пускай Европа / [Проклинал меня][6]
985–986 Мне слала бы проклятье. Лишь бы только // Он был доволен... / *отсутствует*
991 Жертва! Для кого же? / И кому та жертва? ◊
992 О, никогда / Не верю я![7] ◊
993 не умер бы мой Поза. / не умирает Поза.
994 Ничтожной / Невин<ной?> ◊
995 Большое сердце не насытит. / Не наполняет это сердце.[8]
998 Что ж? Иль в забаву им, найдя престол, / В забаву им он отыскал престол ◊
1001 Себе простить. Я знаю: не Филиппа / Простить себе! О, нет, он <не> таков.[9] ◊

---

[1] *Было:* Верните

[2] *Было:* Его иметь...

[3] *Было:* И видеть я хочу вассалов!

[4] *Было:* Которая не может дотянуться

[5] *Было начато:* До гроба

Ст. 964–965 в рукописи (л. 94) подчеркнуты карандашом с пометой на полях: В. А. Эти две строки у Вас уже есть. Здесь они иначе. Надо переделать. А. К<уприн>.

[6] *Напротив данной строки помета карандашом*: P. S. Тут еще пропуск (про Европу. Но это умышленно).

[7] *Было: как в основном тексте*

[8] *Было:* Не заполнит эту д<ушу?>.

[9] *Было:* Его я знаю лучше.

1004 он не оживит / Ему не оживить ◊
1007 Он ждал лишь моего конца... / Ждут только моего конца.
1010 Читайте. В них найдете подтвержденье. / В них есть и подтвержденье вашей мысли. ◊
1012 И все же он ошибся!... / Он, может быть, ошибся.
1013 Живу! Сильна природа! / Я жив! Благодарю <природу!> ◊
1014 Хочу: / Хочу я: ◊
1017 Пусть смерть его была глупца уделом, / Пусть умер он глупцом. Его паденье ◊
1023 Там, где я сжег, не снимет ничего / После меня, в десятках поколений, ◊
1036 Дон Карлосу. / Инфанту Карлосу. ◊
1038 *пристально следят / строго следят*
1039 *ходит / ходит взад и вперед* ◊
1040 Хочу сейчас же видеть / Сейчас же позовите[1] ◊
1041 Я кардинала-инквизитора. / Мне кардинала-инквизитора. ◊
1042 Пусть он придет ко мне для совещанья. / Прошу его на час я для беседы.
1045 Так, этой ночью. / Так в эту ночь?
1047 Ровно / Да, ровно
1049 Агенты, / Шпионы,[2]
1056 Банкиров. / Агентов. ◊
1058 Где оставили / Как оставили
1062 Свет у королевы / Свет еще горит ◊
1068 Уйдя последней, видела ее / Дежурная, которая последней[3] ◊
1070 *(офицер лейб-гвардии / (офицер телохранителей*
1079 Ему едва ли / Ему нельзя ◊
1080 Ф е р и а <...> Поверить можно. / Ф е р и а <...> Поверить можно. [Двое часовых[4] // Пришли с поста и доложили. Это]
1092 от сторожей, / от стражей тех,[5] ◊
1097 Но в каком же / Но какой же ◊
1098 Он показался виде? / Имел он вид? ◊
1102 Живым в монастыре Святого Юста. / В последние года в монастыре.
1129 Что вы там сказали? / Что вы говорите? ◊
1134 Вооружившись, тотчас запереть / В оружье стать и тотчас запереть ◊
1135 Хочу два слова / Я сильно жажду ◊

---

[1] *Было:* Пусть позовут
[2] *Было:* И люди,
[3] *Было: а.* Которая последняя ушла
б. Которая оставила последней
[4] *Было:* Только что швейцару
[5] *Было: как в основном тексте*

1136 Сказать я привиденью. / Два слова молвить с этим привиденьем. ◊

1137 *сейчас же входит / тотчас же входит* ◊

1140 Здесь кардинал. / [Там прибыл кардинал] Приехал кардинал. ◊

1142 Оставьте нас. / Вы все свободны. ◊

1144–1145 *на жезл; когда он проходит ~ все они опускаются / на жезл; его ведут два доминиканца; когда он проходит [все гранды] мимо грандов, все они опускаются*

1146 *до его платья. / до полы его платья.*

1162 Позвал учителя, просить совета. / Пришел к учителю, искать совета. ◊[1]

1175 Я это знаю. / О нем я знаю. ◊

1180 Давно о том я знаю, / Уж много лет ◊

1181 Что вы узнали нынче, на закате. / Что вы[2] узнали лишь сегодня.[3] ◊

1182 (*с отчаянием*) / *отсутствует*

1195 Он жил и вне черты / Но был он вне черты ◊

1197 Где б он ни жил / Где б ни был он

1198 (*с негодованием, ходит взад и вперед*) / *отсутствует*

1210 Да! Если / И если[4]

1225 Прав ордена великого касаться? / Имущества священного касаться? ◊

1227 его, чтоб, в назиданье веку, / его для утвержденья веры, ◊

1228 Торжественно унизив / Чтоб осквернив, унизив ◊

1232 И у вас? Что — кроме / А у вас что —[5]

1238 Чьи слова я слышу? / Кто мне отвечает? ◊

1239 Филиппа — юноши? Один я разве / Инфанта — юноши?[6] Да разве я один[7]

1246 Прошу, имей терпенье / Имейте же терпенье ◊

1247 Со мною вы! / Со мною ты! ◊

1251 Здесь был не тот Филипп, / Где был тогда Филипп, ◊

1261 в слабый миг / в добрый миг ◊

---

[1] *Ст. 1082—1168 (л. 96—96 об.) перечеркнуты фиолетовым карандашом крест-накрест с пометой*: не надо

[2] *Было:* ты

[3] *Было: а.* Я знал о том, что ты узнал сегодня.
б. Что вы узнали нынче на закате солнца.

[4] *Ст. 1175—*1215 *(л. 97) перечеркнуты простым карандашом крест-накрест с пометами на полях:* Д. С. П. *(слева, простым и фиолетовым карандашом*); до сих пор. Это всё нужно. (*справа, фиолетовым карандашом*)

[5] *Было:* Что у вас есть, кроме

[6] *Было:* Инфант Филипп?

[7] *Ст. 1216—1241 перечеркнуты фиолетовым карандашом крест-накрест с пометой слева на полях:* Не надо

1266 подошел. / возвращусь...[1] ◊
1267 Владеет мир / Имеет мир ◊
1270 Что значит он для вас? / Что значит для тебя он? ◊
1272–1273 знаком // Язык мечтателя, / знакома // Душа мечтателя, ◊
1277 От слов одних, / От слов его, ◊
1282 Но одни / А вокруг ◊
1283 Доминго здесь... / Доминги [лишь] здесь...
1292 вровень с миром? / людям ровней? ◊
1307 Был вам уроком. Научились вы. / Вот вам урок. Теперь вы обучились.
1320 погублен / потерян ◊
1343 Я дам ему бежать, коль не смогу я / Дадут ему бежать,[2] коль не могу я
1344 Послать его на казнь. / Велеть его казнить. ◊
1346 Так, государь. / Ну, государь?
1355 Ты можешь укрепить во всей Европе? / Ты хочешь насаждать по всей Европе?
1367 права судьи. / обязанность судьи. ◊
1373 Единственный мой сын... кому я / Единый сын мой... Для кого я ◊
1376–1377 Пусть лучше тленью, чем // Свободе. / Скорее пусть для тленья, // Чем для свободы. Решено. Пойдемте. ◊
1379 Решено. Идем. / Решено. Пойдемте. // <1380> Из рук моих должны принять вы жертву.[3]
1380–1384 И н к в и з и т о р: Куда же? ~ (*уводит его*) / *отсутствуют*
1398 вместе. / вместе. (*молчание*)
1399 (*стараясь успокоиться; молчание*) / *отсутствует*
1405 за нас. / за *вас*.
1406 Купил он вашу... Верьте, эта кровь / Он вашу искупил... Ведь эта кровь[4]
1412 (*вдохновенно*) / *отсутствует*
1414 Воздвигну я, / Поставлю я,
1432 всем желаю... / я желаю... ◊
1440 Сквозь пламень очищенья / Огонь чистейший выжег
1441 Прошла душа, а страсти все остались / Всё существо мое, а страсть осталась
1447 Что счастье есть прекраснее и выше / Что благо есть прекрасней и *<1 нрзб.>*[5] ◊
1455 Но вы не говорите / Мать, не говорите ◊

---

[1] *Было:* возвращаюсь
[2] *Исправлено: как в основном тексте*
[3] *На этом кончается «десятый выход».*
[4] *Было:* Но эта кровь
[5] *Было: а.* Что есть прекрасней и *<1 нрзб.>* добра
б. Что *<2 нрзб.>*. Одна сплошная ночь

1463 Названье это / И это имя ◊
1469 Престол мне даст судьба. / Престол мне дать судьбе угодно будет. ◊
1471 *всеми грандами, / своими грандами,*
1476 Его не уважаю я. Безмолвна / [К нему я] Его не уважаю я. Молчит ◊
1480 народ, / народ свой, ◊
1481 Придавленный рукой тирана. / Придавленный из рук тирана.
1488 Величье ваше / Величье мужа ◊
1497 В объятьях вас держал / Я вас держал в объятьях ◊
1498 Я без волненья. / Я не колеблясь. ◊
1508 поединке, я хочу, / поединке,
1509 Чтоб не было меж нами тайн. И это / И пусть отныне тайны никакой // <1510> Не будет здесь. Вам глаз скрывать не надо[1]
1510 Пусть мой обман последний будет. / Ни перед кем...[2] Лишь... этот вот... последний // <1511> Обман.
1511 *надеть маску; / взять маску*;
1513 твой последний будет! / твой *последний*.
1514–1515 *падает в обморок; К о р о л ь бежит к ней и подхватывает ее*) / *падает без чувств*) *К а р л о с* (*спешит к ней*) Умирает! // <1511> О, небо и земля!
1518 (*холодно и спокойно / холодно и тихо*
1519 Свое я сделал дело. / Я, кардинал,
1520 Теперь черед за вами, кардинал. / Исполнил долг свой. Исполняйте свой.

ВАРИАНТЫ АС РНБ
(Третий акт)

11 И все ж она несчастной не казалась. / Но в чем она терпела недостаток?
12 Да, ясно — всё в ней ложь. / Измена — налицо.
33 Как будто в левом / Там, в левом
40 мне приснились только? / только мне приснились?
41 Здесь места нет случайности. Не спит ли / Здесь места нет ошибке. Почивает
46 Мне дорог сон ее. / Мне сон ее так дорог,
47 Там надобно удвоить караулы. / Что надобно удвоить караул.
58 С тревогой на лице у вас. / С тревогою у вас в лице.
62 Сон я найду лишь в Эскурьяле. Если / Сон только в Эскурьяле. Если долго
64 А муж жены теряет сердце. Нет! / Муж — сердце верное жены. Нет, нет!

[1] *Было:* Вам опускать не надо
[2] *Было начато*: Правдив

65 Всё это ложь! Не женские ли губы / Всё ложь, всё только женские наветы
66 Мне эту нашептали тайну? Имя / Не женщина ль мне ревность нашептала?
67 Всем женщинам на свете — ложь. И в грех, / Ей имя — клевета. Ужасный грех —
68 Мужчиной не доказанный, не верю. / Не грех, пока не подтвержден мужчиной.
70 Где герцог Альба? / Войдет пусть герцог Альба.
72 Подойдите, граф. / Граф, поближе.
75 О, когда б на миг кратчайший / Лишь на миг биенья пульса[1]
81 (*отшатнувшись*) / *отсутствует*
98 рискнули ночь / ночь рискнули
106 Что волосы и у меня седые? / Что волосы белы и у меня?
117–118 Лучше? // Она всех лучше? Видно, королева / Лучше // По-вашему? Как видно, королева
129 Смотрите, / Слыхали?
140 *схватил медальон* / *взял медальон*
148 Как же ускользнуло это / И сумело ускользнуть
190 Так, значит, / Так, верно,
197 (*после некоторого раздумья*) / *отсутствует*
201 (*встает в ужасном волнении*) / *отсутствует*
249 След на песке мужской ноги, / След мужской ноги в песке,
267 Ужасно кончиться... / Дойти до ужаса...
279 Ее в Мадриде принял. / Ее принял в Мадриде.
294 жаждут всё сильнее / жаждут тем безумней
299 И посчиталась, / И посмотрела,
300 Внимательней с решеньем кабинета? / Внимательно на выбор кабинета?
301 любви, но получила / любви и получила
306 Я поражен. / Я удивлен.
335–336 (*несколько минут ходит взад и вперед, чтобы собраться с духом*) / (*несколько раз ходит взад и вперед, чтобы прийти в себя*)
337 *через некоторое время* / *через несколько минут*
338 *долго* / *некоторое время*
355 (*мрачно*) / *отсутствует*
374 О, сердце доброе, вы угадали, / Добряк, вы очень верно угадали,
378 будьте же со мной / будьте вы со мной
396 повсюду сеет. / злорадно сеет.
424 Меня от муки этой долгой пытки. / Меня от дрожи в этой долгой пытке.

[1] *Данный вариант, наряду с основным, приведен с пометой на полях*: Вар<иант>

433 Что? Иль мне / Что? Должен я
434 Приходится *молить* о капле яда? / Так долго вас просить о капле яда?
436 помнит тяжкий год, / помнит месяц,
438 Тридцать две недели / Тридцать три недели
454 Что ж он? / Ублюдок он?
463 Чему — хотите вы — чтоб я поверил? / Чему — вы требуете — чтоб я верил?
498 Что остается мне? Позор развода? / Что мне осталось? Скорбный путь развода?[1]
516 Чиста она — пойдете вы... Хотите / Чиста она — вам гибель... Что ж? Хотите
532 Нет, жертву вашу / Нет, вызов ваш
567 Проступок / Поступок
574 *на дощечке / на другой дощечке*
588 тот верно знает правду. / не скажет ли тот правды?
607 *смотрел на герцога / смотрел на него*
623 Терзает сердце... / Рвет сердце мне...
625 *выходит в полном одеянии; / выходит одетый.*
632 *он довольно приветлив / он [несколько] приветлив*
639 где я буду в первый раз. / где сражусь я в первый раз.
651 Знак этот / Крест этот ◊
659 А, вот мой адмирал. / А, вот [мой] наш адмирал!
667 Посланы вы были / Посланы вы мною были
672 Что вы в своем лице нам сохранили / За то, что вы в себе мне сохранили
705–706 Внезапно он // Явился в Ла-Валетту. / Пробрался он // Отважно к Ла-Валетте.[2]
710 с Гасаном / с Гассамом
713–714 и пали под стенами // Все рыцари, / и вкруг мальтийцев трупы // Легли,[3]
742 Нет, — больше! / Нет — выше!
758 Два слова — и богаты вы друзьями. / Два слова лишь — и как вы вдруг богаты.
764 Это странно! / Быть не может!
775–776 Звезде вверяю вашей. Случай вам // Благоволит. / Звезде счастливой поручаю. Он // У вас в руках.
788 И не в придворном смысле, то в моем. / Не в собственной оценке, то в моей.
802 Что *от него* мне нужно. Если б только / Чего хочу я сам. О, если б только

---

[1] *Было:* Что мне осталось, кроме страшной боли?
[2] *Было:* Добрался он // До башен Ла-Валетты.
[3] *Было:* и вкруг него мальтийцы // Легли,

808 Мне все равно. И с этой верой — к делу! / Мне все равно — пускай судьба свершится.
829 Всеведущ лишь Один. / Всеведущий — один лишь![1]
850–851 Я люблю, чтоб пена // Переливала через край. <*М а р к и з у*> Вы службу / Нравится мне, если // Бьет пеной кубок. <*М а р к и з у*> Я слыхал, вы службу
860 Вас не совсем достойную? / Для вас немного тесную?
872 Что же вы задумались? / Что же вы остановились? ◊
879 почитал себя я / я себя поставил
890 или презреньем / и отвращеньем
891 Остался. Если должен я решать, / Остался, и, коль должен я решать —
893 Чем как глупец / Чем как дурак
906–907 Для меня // Есть в доблести своя цена. То благо, / Для меня же // Цена поступка — *сам он*. То добро,
908 Что чрез меня монарх посеять хочет, / Что государь через меня посеет,
909 Свершу я сам, и сладко будет мне, / Хочу свершить я сам. Мне думать сладко,
913 Я должен быть резцом послушным там, / И должен быть я только долотом,
914 Где мог бы быть / Где быть бы мог
915–916 но в монархии должен // Любить себя — и только. / но даже близь монарха смею // Себя любить всех выше.
918–919 Этот пыл // Хвалы достоин. / Вот огонь, // Достойный чести.
920 где ваш путь — / где лежит ваш путь —
934 Величество дрожит. / Величества дрожат.
952 (*после некоторого раздумья*) / *отсутствует*
954 (*после паузы*) / *отсутствует*
958 Еще священно то, *чего* давно я / Еще священно и *чего* давно я
960 сам с собой, / над собой,
964 Смешная страсть / Смешная злоба
966 Сломать не в силах, груз их только множит, — / Сломать не может и растет в насилье, —
970 Мираж покою вашему не страшный. / Картина вашему покою не страшна.
971 и нет его. / <и> нет ее.
1007 Правду смелой мысли / Верность смелой мысли ◊
1011 перл созданья, / перл творенья,
1013 И новому творению явили / И новой креатуре объявили
1022 Ваш струнный инструмент, / Ваш рабский инструмент,[2]
1023 Гармонию разделит с вами? / Услышит ваш прекрасный гимн?

[1] *Было:* Всезнающий — один ведь!
[2] *Было: как в основном тексте.*

1025 Право, / Ей-Богу,
1029 Значенье потеряли жертвы. / Значенье жертвы потеряли.
1037 Меня простите, / Меня уволить,
1062–1064 Вы правы! Вы должны! ~ И восхищением меня объемлет. / *Вы* можете. *Вы* смеете. Должны! // О, да, вы поняли ваш долг, и это // Меня проникло страшным удивленьем.
1076–1077 В тот день, когда я задрожу, услышав // Проклятья настоящего? / Скорей, коль я затрепещу пред страхом // Проклятий настоящего?
1082 Покой могил! Но сможете ли вы / Покой гробов! Но сможете ли вы[1]
1098 Без трудолюбья новых христиан, / Без рук трудолюбивых христиан,
1099–1100 И, к радости Европы, ~ исходит кровью. / И, к радости врагов, исходит кровью // Испания, себя смертельно ранив.
1110 Ах, вы не знали / Но вы не знали
1113 К злым именам / К злым временам ◊
1118 Уверил в том? / Уверил так? ◊
1119 (*пылко*) / *отсутствует*
1128 *пристальные, / открытые,*[2]
1160 каждым помышленьем / каждым проявленьем
1180 государя мощь, / царственную мощь,
1209 Хочу — мне так угодно. Яд ужасный, / Хочу — и всё тут. Даже яд ужасный,
1217–1218 Я // Не видал такого человека / Не видывал такого человека
1240 не станет вдруг / пускай не станет вдруг
1264 Искал я? / Хотел я?
1268 (*заметив, что маркиз задумался*) / (*так как маркиз задумался*)
1270 Но если даже я из всех отцов / Но если б был я изо всех отцов
1288 Он отнял у меня / Он у меня отня́л
1301 Мне только одному поверить трудно... / Лишь одному мне очень трудно верить...
1324 (*изумленно, испуганно*) / *отсутствует*

ВАРИАНТЫ МАШИНОПИСНОГО ТЕКСТА ИРЛИ

Ст. 1–23 / отсутствуют

Первый акт

Ст. 24–305 / отсутствуют
314 Но ты — гордец, — со мной был сухо вежлив. / Ты ж для меня — гордец, — знал только холод. ◊

[1] *Было:* гробов! И вот в надежде вы
[2] *Было:* смелые

315 Нередко я — / Как часто я — ◊
336–337 Показалась // Ей в том обида злая. К королю / Показался // Ей в том злой умысел, и к королю ◊
Ст. 344—465 / отсутствуют
469 Ужасные минуты. / Ужасные моменты. ◊
477 к краю жуткой, / к краю страшной, ◊
503 Но неудачно. / Но понапрасну. ◊
Ст. 509—811 / отсутствуют
821 Фернандо любовался лишь в портрете, / Фернандо лишь в портрете любовался, ◊
824 Научные занятия Фернандо / Обремененный в Падуе делами,
825–826 Из Падуи уехать не давали. // И с пылким нетерпением он ждал / Фернандо с пылким нетерпеньем ждал
855 ангел восседал, / ангел восседает,
861 Как жалко мне Фернандо. / Фернандо бедный, бедный.
918 Он здесь. / Смотрите. ◊
922 (*бросаясь на колени / преклоняясь* ◊
923 счастливый! Наконец-то / счастливый. Наконец ◊
951 Коль вам угодно. / Коль вы велели. ◊
975 Чтобы пред ложным страхом / Чтоб перед ложным страхом ◊
983 долго я боролся, / сильно я боролся,
1002 А вас дал в матери. / И вас мне матерью.
1004 Как вы безумны! / О, как вы безумны! ◊
1014 Чтоб погасить / Чтоб осквернить
1016 Мысль отвратительна! / Вот низменная мысль!
1018 О, я знаю, / О, мне известно,
1019 Кто этот брак устроил. / Как этот брак свершился. ◊
1026 Отдавши сердце, / Жена владеет
1027 Жена одна владеет сердцем мужа, / Супруга сердцем, дав ему свое,
1028 А он у трона, у своих седин / А он пред скипетром, пред сединáми[1]
1030 Случайно оброненной им в пылу. / Оброненной случайно им в пылу.
1033 Достойна жалости? / Достойна слез?
1035 Моя душа! / Мое лишь сердце. В нем
1036 Горит в ней мысль, / Горит та мысль,
1040 мне твердит иное? / мне иное говорит?
1041 Коль нежная почтительность Филиппа / А если скромная любовь Филиппа,[2]
1042 И сдержанный язык его страстей / Когда немой язык его желаний ◊
1048 о том и думать, / о том я думать,

[1] *Было:* А он пред скипетром и сединáми
[2] *Было:* Когда покорная любовь Филиппа,

1076 Торжественным / Значительным ◊
1083 переменить законы, / поколебать законы,
1090 Никто не гибнет, мертвые лишь гибнут! / Ничто не гибнет, кроме мертвецов!
1092 Вы на меня надеетесь? На мать? / И вы на мать надеялись свою? ◊
1096 Осмелится на многое: указы / Посмеет даже большее: указы
1097 Покойного велит / Покойного велеть
1098 Низвергнет / Низвергнуть
1099 Самый труп его, / мумию его
1102 Его рассеет / Его развеять
1107 Он женится на матери своей! / Затем на матери своей жениться.
1125 И доблесть — / И слава —
1136–1138 Поздно сильным ~ выше сердца. / Сильным быть // Вам поздно? Тем возвышеннее подвиг, // Чем больше жертв от сердца мы приносим.
1153–1154 безумно ваши // Желанья / желанья ваши // Безумно ◊
1197 взять на память? / взять с собою? ◊
1213 Что вижу? Королева здесь. Одна... / Одни вы, государыня?

Ст. 1214—1508 / отсутствуют

Второй акт

Ст. 1—2213 / отсутствуют

Третий акт

Ст. 1—1331/ отсутствуют

Четвертый акт

15 (*немного лукаво*) / (*немного зло*) ◊
37 На воздухе оправлюсь я. (*уходит*) / На воздухе скорей пройдет.[1] ◊
97 Не из мечтателей. Вы не возьметесь / Не из глупцов, которые берутся ◊
98 чего не кончить. / что им не кончить. ◊
131 кажется, о мой судья, / кажется, что очень скоро ◊
132 Я скоро оправдаюсь перед вами. / Я оправдаюсь пред моим судьей. ◊
133 я сообщить / я передавать ◊
134 О том, что / Вам то, что[2] ◊

[1] *Было:* На воздухе мне станет лучше.
[2] *Было:* Того, что

138 французского посла / французскому послу ◊
139 Сегодня у себя не принимали. / Аудиенцию сегодня не давали. ◊
146 По крайней мере, всё, / Всё, приблизительно, ◊
162 Но не за этим я сюда вернулся. / И не за этим я сюда явился.[1]
172 *письмо*) / *записную дощечку*) ◊
183 Решительней он станет... / Решительней, взглянув на вас, он станет... ◊
193 Но невозможно здесь остаться принцу, / Конечно здесь нельзя остаться принцу, ◊
194 И Фландрией / Но Фландрией
198 Как здесь / Чем здесь ◊
275 (*подает свою записную книжку* / (*подает свои записные книжки*[2]
281 Вам стоит приказать лишь... / Лишь только прикажите... ◊
283 Лишь приказать? Скажите мне, маркиз, / Ах, скучно мне приказывать... Маркиз ◊
299 (*холодно маркизу*) / *(отчужденно маркизу*) ◊
315 Его не знал я. / Имел. Какого<?> ◊
316 Что этим вы сказать хотите, граф? / Не понимаю. Что? Что вы хотите? ◊
332 Я этого боюсь. / Боюсь я одного. ◊
365–366 Да, это дело // Серьезное. / На самом деле — // Серьезно это. ◊
368 Единственный пример / Берегитесь, принц. ◊
369 С тех пор, мой принц, как я служу монарху. / Вы знаете, давно я при монархе. ◊
371 Великий знак! / Давным-давно. ◊
373 (*отступая*) / *отсутствует*
382 А во втором был долг пред государем. / А во втором мой долг пред государем.[3]

Ст. 385—494 / отсутствуют

544 Пугать тебя — / Я не имел в виду — ◊
545 Поверь мне, я совсем о том не думал. / Поверь — того, чего ты испугался. ◊
554 Ты много мне давал / Не более, чем ты[4]
555 И раньше. Всё, что нужно, при свиданье / Давал мне раньше...[5] Значит, при свиданье
556 Скажу тебе... / Подробности...
566 Остальное / возьми[6] ◊

---

[1] *Было:* И не оно меня прийти сюда толкнуло.
[2] *Было:* (*подает свою записную таблетку*
[3] *Было:* А во втором был я монарху должен.
[4] *Было: как в основном тексте*
[5] *Было:* Гораздо раньше...
[6] *Было:* и бери

567 Возьми... / С собой.[1] ◊
570 Я повинуюсь против воли. / <570> [Бедный Карлос!] Я повинуюсь против воли, Карл.[2]
571 Оно / Письмо ◊
573 Прощай же. / Прощай. ◊
590 его виню — / его вина —
593 в дружбе проявлял / к другу проявлял
594 И как он был взволнован! / И был так растревожен! ◊
677 меня избавьте от придворных, / меня избавьте вы от штата, ◊
678 Среди которых — вор. / Среди которого есть вор. ◊
680 Но все же встаньте! / Вставайте. ◊
697 К вам? / Вам?
699 Ко мне. / Да. Мне.
726 Красиво как! / Вот прелесть! ◊
728 Что это? / Как же сыну... ◊
738 Боюсь я, чтоб невинный / Боюсь, чтобы невинный[3]
739 Не пострадал от этих подозрений, / Я не хочу, чтоб пострадал невинный.[4] ◊
740 И если на грабеж был ваш приказ... / Итак, на воровство был ваш приказ... ◊
749 Знаком язык мне этот. Королева! / Знаком язык, сударыня, мне этот.[5]
750 он меня не проведет, / меня уж не обманет,
756 Что это значит? / Что это? ◊
758 К делу, / Ближе к делу, ◊
759 Ваше Величество! Всю правду! Что ж / Сударыня, и без уловок. Что ж?[6]
760 Иль скажете, / Вы скажете,
791–792 потому, — // Что так желала. Не хочу обычай / потому, что // Желала так. Обычай не хочу ◊
797 Оспаривать пред челядью придворной. / Оспаривать перед дворцовым сбродом. ◊
802 Могу еще прибавить, / Еще я добавляю, ◊
808 скрываться? / скрывать? ◊
852 Перестаю я быть / Я перестану быть
853 Что мне теперь законы, / Тогда долой законы,
855 Народов договоры... / Права народов...
857 Государь, / О, мой государь,

---

[1] *Было:* Назад всё остальное.
[2] *Было:* против воли. Это
[3] *Было: а.* Из-за моей потери
б. Не надо, чтоб невинный
[4] *Было:* Мог пострадать от этих подозрений.
[5] *Было:* Знаком язык мне этот. Но, Мадам,
[6] *Было:* Мадам, и без уловок. Что ж? Опять

Ст. 862—905 / отсутствуют

912 Налгали мне, / Наврали мне, ◊

926–927 *быстро // встает и делает / быстро // встает и оживленно делает*[1]

929 Мне не нужны. / Не нужны мне. ◊

Ст. 951—996 / отсутствуют

1012 монарх?... / монах?...

Ст. 1045—1749 / отсутствуют

Ст. 1836—1879 / отсутствуют

1886 луч прекрасный, / луч невинный,

1887 чище, лучше, / лучше, чище,

Ст. 1920—1965 / отсутствуют

Ст. 2004—2077 / отсутствуют

2094 В приемной. / В передней.

2111 О, как мне жутко, герцог! / О, как мне жутко, Альба![2]

2112 Я трепещу. / Как трепетно. ◊

Ст. 2130—2246 / отсутствуют

Пятый акт

Ст. 1—337 / отсутствуют

Ст. 388—430 / отсутствуют

445 Обнять тебя противно... / Обнять тебя не в силах...

452 Отметил. / Пометил.

458 задерживает меч, / задевает меч,[3]

468 Безумным я кажусь? / Я не в своем уме? ◊

473 Почтительность — / Услужливость — ◊

477 По пальцам этим. Да! Смотрите все! / По пальцам этим милым. Да! Смотрите. ◊

483 Чего вы испугались? / Зачем вы все в испуге.

488 Не признаю! / Природы нет.

489 Людской толпы. Всё доброе ты сам / Давно святые чувства ты же сам

512 Кем этот / Чем этот

513 Скажи ж ему скорей, приди на помощь / Скажите же скорее, помогите

514 в тягостной загадке. / разрешить загадку.

Ст. 522—1150 / отсутствуют

1197 Где б он ни жил — / Где б ни был он — ◊

Ст. 1209—1344 / отсутствуют

Ст. 1397—1521/ отсутствуют

---

[1] *Было: оживленно делает*

[2] *Было:* О, как мне боязливо,

[3] *Было: как в основном тексте*

IV. ИНФОРМАЦИЯ

DOI: 10.31860/978-5-918680-384-741-746

ЗЕНКЕВИЧ МИХАИЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ
Фонд 773

Михаил Александрович Зенкевич (1886—1973) родился 9 (21) мая 1886 г. в с. Николаевский Городок (сегодня — Октябрьский Городок) Саратовской губернии в семье учителей (после революции поэт стал указывать годом рождения 1898 или 1899, а позднее 1891 г.). После окончания Первой Саратовской гимназии (1905) в течение одного семестра Зенкевич обучался в Новороссийском университете (г. Одесса).[1] В апреле 1906 г. он уехал в Германию, где изучал философию в университетах Берлина и Йены. С осени 1908 г. Зенкевич продолжил обучение в Санкт-Петербургском университете, юридический факультет которого окончил в 1912 г. До 1916 г. работал в Счетной части Управления по сооружению железных дорог при Министерстве путей сообщения.

Первые стихотворения Зенкевича были опубликованы в 1906 г. в саратовском журнале «Жизнь и школа» (№ 1 и 3). С 1908 г. стал печататься на страницах петербургских журналов («Весна», «Образование», «Современный мир» и др.). В 1909 г. состоялось знакомство поэта с Н. Гумилевым, который способствовал публикации его стихотворений в «Аполлоне» (1910. № 9). С образованием первого «Цеха поэтов» в октябре 1911 г. Зенкевич стал его активным участником, а также членом кружка акмеистов, из которых тесно общался с В. Нарбутом. В конце февраля — начале марта 1912 г. издательским товариществом «Цеха поэтов» была выпущена в свет первая книга стихов поэта — «Дикая порфира», имевшая большой резонанс.

В конце декабря 1917 г. Зенкевич возвратился на родину, в Саратов, и вскоре издательством «Гиперборей» (Петроград) была выпущена его вторая книга — «Четырнадцать стихотворений» (1918). С 1918 г. работал в газете «Саратовские известия».

В период 1919—1922 гг. служил в Красной Армии секретарем полкового суда, а затем секретарем ревтрибунала Кавказского фронта.

[1] ЦГИА СПб, ф. 14, оп. 3, д. 53446 («Личное дело М. А. Зенкевича»), л. 1. В имеющихся биографических описаниях, в которых из-за недостатка документальных источников встречаются искажения и неточности, ошибочно указывается, что М. А. Зенкевич, закончив гимназическое обучение, отправился за границу в 1904 г., что противоречит датам окончания гимназии и отъезда за границу. Аттестат Первой Саратовской гимназии выдан 31 мая 1905 г. (Там же, л. 5).

© Кощиенко И. В., 2023

Читал просветительские лекции на пехотно-пулеметных курсах. В начале 1923 г. Зенкевич переехал на постоянное жительство в Москву и вступил в ряды «Всероссийского союза писателей». С 1925 г. — секретарь журнала «Работник просвещения», в 1925—1935 гг. — редактор отдела иностранной литературы в издательстве «Земля и фабрика», в 1934—1936 гг. — заведующий отделом поэзии в журнале «Новый мир».

Осенью 1926 г. Зенкевич женился на актрисе Александре Николаевне Гусиковой (1899—1979), которая приехала из Крыма в Москву по вызову театра Мейерхольда. После свадьбы актерская карьера была оставлена и А. Н. Зенкевич посвятила себя семье. У супругов родилось двое сыновей: Сергей (1929—1964), выпускник МВТУ им. Баумана, работавший в секретной лаборатории конструктора С. П. Королева, где получил облучение и заболел лейкемией, и Евгений (1939—2008), переводчик.

До начала Великой Отечественной войны М. А. Зенкевич написал биографический роман «Мужицкий сфинкс» (1921—1928), не изданный при жизни,[2] опубликовал несколько поэтических сборников («Под пароходным носом», 1926; «Поздний пролет», 1928; «Избранные стихи», 1932; «Набор высоты», 1937), поэму «Машинная страда» (1931), биографическую книгу «Братья Райт» (1933) в серии «Жизнь замечательных людей». Являлся одним из основателей советской школы поэтического перевода: переводил современных ему поэтов Европы и США, а также У. Шекспира, В. Гюго, У. Уитмена, Ф. Фрейлигграта. Особенное внимание уделял переводам американской поэзии, был соредактором антологии «Поэты Америки, XX век» (М., 1939).

В начале Великой Отечественной войны два с половиной месяца находился в эвакуации в г. Чистополь вместе с семьей, а затем один возвратился в Москву. Его семья вернулась из эвакуации в начале 1943 г. Во время войны продолжал переводческую деятельность, а также писал статьи и очерки. С 1947 г. вступил в ВКП(б). Работал в бюро секции переводчиков зарубежных литератур Союза советских писателей. Известны его многочисленные рецензии на книги переводов, статьи об авторах, опубликованные в газетах и журналах. Сам он много переводил с болгарского, венгерского, литовского, эстонского и сербо-хорватского языков. Выпустил книги переводов «Из американских поэтов» (1946), «Поэты XX века: стихи зарубежных поэтов в переводах М. Зенкевича» (1965), «Американские поэты в переводах М. Зенкевича» (1969), сборники стихов «Сквозь грозы лет» (1962) и «Избранное» (1973). В 1971 г. был награжден орденом Трудового Красного знамени.

М. А. Зенкевич умер 14 сент. 1973 г. и похоронен на Хованском кладбище в Москве.

---

[2] Впервые: Волга. 1991. № 1—3.

Сведения о родственниках:

Зенкевич Александр Осипович (1854—1906) — отец М. А. Зенкевича, сын священника, преподаватель математики Мариинского земледельческого училища, коллежский советник. В 1903 г. после студенческих волнений был переведен за сочувствие бунтовавшим в Горецкое земледельческое училище (с. Горки под Могилевом).

Зенкевич (урожд. Нещеретова) Евдокия Семеновна (1861—1938) — мать М. А. Зенкевича, преподаватель русского языка в Саратовской женской гимназии; в 1920-х гг. переехала к сыну Михаилу в Москву.

Зенкевич Борис Александрович (1888—1972) — средний брат М. А. Зенкевича, живописец, график, книжный иллюстратор. В 1907 г. был арестован за вооруженное нападение и принадлежность к организации социал-демократов, вынужден был эмигрировать в Бельгию. Учился в Льежском университете, работал в газетах, в мастерской Ф. Марешаля. В 1914 г. вернулся в Россию, после суда в г. Саратове был оправдан. Участник Первой мировой войны: служил в 9-м авиационном истребительном отряде. После революции 1917 г. учился в саратовском Боголюбовском рисовальном училище у А. О. Никулина и А. И. Савинова. В начале 1920-х — руководитель и педагог Саратовской художественной школы. Член Ассоциации художников революции (1928—1931). Работал тушью, сангиной, сепией и акварелью. Принимал участие в международных выставках советского искусства в Европе, Англии, США и Японии. Был дважды женат: первым браком на Раисе (Асе) Ильиничне Вегер, вторым — на Татьяне Борисовне Кедровой. Детей не имел, умер в Москве.

У Бориса был брат-близнец Андрей (1888—1893), о котором практически ничего не известно, кроме упоминания в романе М. А. Зенкевича «Мужицкий сфинкс» о том, что няня водила Мишу и Борю «на могилу умершего от дифтерита пятилетнего брата Андрюши».

Зенкевич Сергей Александрович (1892—1915) — младший брат М. А. Зенкевича, математик (студент Московского университета). Ушел добровольцем на Первую мировую войну, в артиллерию (3-я артиллерийская бригада, 4-я батарея: входила в состав 3-й пехотной дивизии (17-й армейский корпус) Московского военного округа), погиб в бою в 20 авг. (2 сент.) 1915 г.

Ульянова (урожд. Нещеретова) Антонина Ивановна (1882—1968) — единоутробная сестра Евдокии Семеновны Зенкевич, тетя М. А. Зенкевича, первая жена Дмитрия Ильича Ульянова (брата В. И. Ленина). Родилась в Екатеринославской губернии, закончила епархиальное училище и фельдшерские курсы. В 1902 г., работая в земской грязелечебнице на Хаджибейском лимане под Одессой, познакомилась с Д. И. Ульяновым. В ноябре 1902 г. они поженились, в сентябре 1903 г. переехали в Киев. Здесь Ульянова училась на акушерских курсах при городской больнице. В 1905 г. пара переехала в Симбирск, а затем

в село Липитино под Москвой. Осенью 1907 г. Антонина Ивановна окончила медицинские курсы в Москве. С 1911 по 1918 г. работала в Феодосии, позднее — в Севастополе и Москве. В 1916 г. брак распался, детей у супругов не было. О дальнейшей судьбе Ульяновой известно только, что жила она и умерла в Москве.

Нещеретов Антон Иванович (1870—1953) — единоутробный брат Евдокии Семеновны, доктор. После выступлений в защиту М. М. Бейлиса, обвиняемого в ритуальном убийстве христианского мальчика, был сослан в Закавказье. С 1912 г. жил в Баку. Был большим ценителем литературы, помог племяннику в издании книги стихов «Дикая порфира». Жена — Берта Моисеевна Дашевская, известный детский врач.

Архив приобретен Пушкинским Домом 25 октября 1976 г. (см.: Кн. пост. 1976 г., № 66) у жены переводчика А. Н. Зенкевич. Следом пришли два дополнения: № 44 в 1977 г. и № 36 в 1978 г. К началу научно-технической обработки основная часть архива была предварительно разобрана, остальная — находилась в россыпи. Материалы, в первую очередь творческие, представлены практически в полном объеме и в хорошей степени сохранности. Небольшая часть рукописей и газетных вырезок, требующая восстановления, была отреставрирована после поступления в Рукописный отдел.

К фонду была присоединена единица хранения из Разряда I, оп. 24, № 407 (пост. 1963, № 7): письмо М. А. Зенкевича Ровде Кириллу Иосифовичу. Она помещена в раздел «Документы и переписка по деятельности».

Немногочисленные материалы М. А. Зенкевича имеются в фондах Рукописного отдела: А. Е. Бурцева (Ф. 123), В. В. Гиппиуса (Ф. 47) и П. Е. Щеголева (Ф. 627). Материалы поэта также имеются в РГБ и РГАЛИ. Часть семейного архива хранится в Москве, у внука М. А. Зенкевича Сергея Евгеньевича Зенкевича.

В результате научно-технической обработки сформировано 255 ед. хр. за 1890-е — 1973 гг. Они включены в две описи: опись 1 «Творческие материалы. Документы к биографии», опись 2 «Документы и переписка по деятельности. Переписка М. А. Зенкевича с разными лицами. Материалы родственников. Материалы других лиц».

Первый раздел *описи № 1*, включающий творческие материалы, состоит из пяти подразделов, систематизированных по жанрам. Зенкевич был известен главным образом как поэт и переводчик, поэтому поэтическое творчество и переводы помещены в начало описи.

Подраздел 1.1 включает поэмы и стихотворения, разделенные обработчиком на две группы: «Подборки стихотворений, сборники, сформированные М. А. Зенкевичем» и «Отдельные стихотворения». Во второй группе единицы хранения сформированы из россыпи и систематизированы по хронологии создания стихотворений. За *** вы-

несен список стихотворений, составленный М. Зенкевичем для включения в издание.

В *подразделе 1.2* «Переводы» документы расположены в алфавите авторов.

Материалы *подраздела 1.3* систематизированы по жанровому принципу (романы, повесть, пьеса, поэмы), внутри жанров документы расположены в хронологическом порядке. Биографический роман о братьях У. и О. Райт представлен только предисловием.

В *подраздел 1.4.* включены доклад, статьи и очерки. Единицы хранения расположены по хронологии. За *** вынесена запись калужских частушек, сделанная М. А. Зенкевичем.

В подразделе 1.5 «Рецензии» материалы расположены в хронологическом порядке.

В *разделе 2* «Документы к биографии» имеется пять подразделов:

В *подразделе 2.1* «Личные документы: зачетная книжка, диплом, членские билеты и др.» материалы расположены в хронологическом порядке: документы об учебе в Германии, членские билеты ВСП и др.

В *подразделе 2.2* представлены записи, заметки и подборки газетных вырезок. В конце подраздела находятся поздравительные письма и телеграммы с юбилеями М. А. Зенкевича. Все материалы систематизированы в хронологическом порядке.

В *подразделе 2.3* «Материалы к юбилеям: поздравительные письма, статья» документы расположены по хронологии.

Подраздел 2.4 «Документы о фондообразователе» составляют рецензии и статьи о творчестве М. А. Зенкевича, посвященное ему стихотворение и письма с соболезнованиями после его смерти. Единицы хранения этого подраздела систематизированы по тематическому признаку. В каждой группе материалов соблюдена хронология.

В *подразделе 2.5* «Фотографии и другие изобразительные материалы» представлены портреты М. А. Зенкевича: индивидуальные, групповые, из рабочих поездок, а также фотоальбом М. А. Зенкевича, посвященный конференции переводчиков в Болгарии, фотографии с дарительными надписями Зенкевичу, гравюры текстов стихотворений М. А. Зенкевича и обложки сборника «Поздний пролет» с рисунком А. И. Кравченко, видовые открытки. Материалы в каждой тематической группе расположены по хронологии.

Опись № 2 «Документы и переписка по деятельности. Переписка М. А. Зенкевича с разными лицами. Материалы родственников. Материалы других лиц» делится на четыре соответствующих раздела.

Материалы *раздела 1* «Документы и переписка по деятельности» систематизированы по трем подразделам: 1.1 «Документы по деятельности», 1.2 «Письма М. А. Зенкевича по переводческой деятельности» и 1.3 «Письма М. А. Зенкевичу по переводческой деятельности».

В *подраздел 1.1* вошли материалы, связанные с работой в бюро секции переводчиков зарубежных литератур Союза советских писателей,

с рабочими поездками, пригласительные билеты. Материалы расположены тематическими блоками в соответствии с порядком описания биографических документов, внутри тематических блоков — по хронологии.

В *подразделах 1.2 и 1.3* содержится переписка по переводческой деятельности. В *подраздел 1.2* включены письма Зенкевича, представленные черновиками или машинописными и рукописными копиями. Они адресованы М. Голду, Э. Робинсону, Г. Хэслопу, К. Чуковскому и др. В *подраздел 1.3* включены письма к Зенкевичу из издательств, редакций журналов, от зарубежных авторов, коллег-переводчиков, расположенные в алфавите адресатов и корреспондентов. За *** вынесена единица хранения со списками писем иностранных корреспондентов, составленными М. Зенкевичем.

Раздел 2 состоит из трех подразделов: письма М. А. Зенкевича к разным лицам и письма к нему разных лиц, а также дарительные надписи М. А. Зенкевичу на книгах. *Подраздел 2.1* включает письма Зенкевича к родным и коллегам, замыкает его дарительная надпись М. А. Зенкевича А. А. Ахматовой на титульном листе его книги «Сквозь грозы лет» (М., 1962). В *подразделе 2.2* находятся письма к Зенкевичу родных, друзей и коллег. Единичные поздравительные открытки с праздниками объединены в две единицы хранения: от разных лиц и от организаций. Единицы хранения выстроены в алфавите адресатов и корреспондентов.

Подраздел 2.3 содержит дарительные надписи М. А. Зенкевичу на книгах, единицы хранения расположены в алфавите авторов.

Документы родственников представляют *раздел 3*, который делится на два подраздела, где материалы расположены по степени родства. В *подраздел 3.1* включены материалы к биографии родителей М. А. Зенкевича, А. О. и Е. С. Зенкевичей, переписка Е. С. Зенкевич. В *подразделе 3.2* находятся письма и фотографии братьев Бориса и Сергея, а также письма и фотографии тети А. И. Ульяновой (урожд. Нещеретовой). Материалы родственников выстроены по принципу систематизации архивного фонда: документы к биографии, документы по деятельности, переписка в алфавите адресатов и корреспондентов.

Документы *раздела 4* «Материалы других лиц» систематизированы по авторскому признаку и представлены в алфавите персоналий. Среди документов: фотографии П. Г. Антокольского, визитная карточка В. Гнедова, стихотворения С. Нерис, К. Сэндберга, приветствие русскому народу Л. Хьюза и др.

И. В. Кощиенко

DOI: 10.31860/978-5-918680-384-747-752

КОЗМИН НИКОЛАЙ КИРОВИЧ
Фонд 684

Козмин (также Козьмин) Николай Кирович (10 (22) дек. 1873, Казань — 28 февр. 1942, Ленинград) — российский и советский историк литературы, пушкинист, представитель так называемой «культурно-исторической школы», член-корреспондент АН СССР по Отделению русского языка и словесности (с 6 дек. 1924 г.).

Родился в Казани в дворянской семье Козминых, насчитывавшей три поколения священников. Отец — Кир Васильевич Козмин (1841, Архангельск — после 1917, СПб) — статский советник, личный дворянин, потомственный дворянин Казанской губернии (с 1884 г.). Окончил Архангельскую духовную семинарию в 1863 г., служил по Министерству государственных имуществ. В 1893 г. семья переехала в Санкт-Петербург.[1]

Сведения о матери к настоящему времени не обнаружены.

Николай Кирович Козмин начальное образование получил в Казани. В 1896 г. окончил историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета. Обучаясь в университете, работал под руководством академика Александра Николаевича Веселовского; члена-корреспондента Академии наук Ивана Николаевича Жданова и академика Леонида Николаевича Майкова. Под руководством Л. Н. Майкова и В. И. Саитова занимался в так называемой «семинарии», организованной для молодых ученых в Публичной библиотеке. Среди участников: П. К. Симони, Н. К. Кульман, Б. Л. Модзалевский, В. В. Сиповский и др.[2]

Трудовую деятельность начинал преподавателем русского языка в Коломенской женской гимназии Мариинского ведомства (СПб, с 1898 г.), в Павловском женском институте благородных девиц (СПб), в Екатерининской женской гимназии СПб (1901—1909). Как член Комиссии об учреждении народных училищ принимал участие в обсуждении законопроекта о «Временных правилах об управлении высшими учебными заведениями ведомства Министерства народного просвещения» (1905).

---

[1] *Паршева Ж. А.* Поколенная роспись Козминых // Генеалогия на Русском Севере: история и современность: сб. статей / сост. и отв. ред. Л. Д. Попова. Архангельск: Правда Севера, 2003. С. 173—181.

[2] См.: *Михеева Г. В.* Владимир Иванович Саитов. СПб: РНБ, 2022. С. 67.

© Агамалян Л. Г., 2023

В 1907 г. Н. К. Козмин баллотировался кандидатом во Вторую Государственную думу в Петербурге, однако в ее состав не прошел. В 1908 г. он был произведен в статские советники со старшинством. В 1910—1917 гг. состоял чиновником собственной канцелярии Его Императорского Величества по учреждениям Императрицы Марии; советником при президенте Петербургской академии наук, соредактором журнала «Собеседник любителей российского слова», членом Ученого комитета Министерства народного просвещения и Пушкинской комиссии при Академии наук. Как член Ученого комитета Министерства народного просвещения в 1915 г. принимал участие в подготовке реформы среднего образования и даже представил на обсуждение свои соображения «По вопросу о преподавании древнерусской письменности: о программах курса истории и литературы и русскому языку».[3]

В первые послереволюционные годы — профессор Петроградского университета, действительный член Дома литераторов.

С 1919 г. началась его служба в Пушкинском Доме: 15 августа он был принят научным сотрудником 1-го разряда. С октября 1924 г. совмещал службу с работой в НИИ сравнительной истории литератур Запада и Востока при Ленинградском университете, созданном в 1919 г. при Петроградском университете как Институт имени А. Н. Веселовского («бывший институт Веселовского»).

6 дек. 1924 г. Козмин был избран членом-корреспондентом Академии наук СССР по Отделению русского языка и словесности (литературоведение). С октября 1929 г. — ученый хранитель Пушкинского Дома; в ноябре 1929 г. назначен временно исполняющим обязанности заведующего Музейным отделением, в сентябре 1930 г., после внезапной смерти академика П. Н. Сакулина, принял временное директорство Пушкинского Дома; с 16 нояб. 1930 г. — старший ученый-хранитель. В архиве Козмина сохранились следы его неосуществленных замыслов. Так, в 1929—1930 гг., в связи с поступлением в Пушкинский Дом архива и, в частности, большого корпуса писем А. Н. Веселовского, Козминым была подготовлена «Записка об издании переписки А. Н. Веселовского», намечен план работ, составлены «алфавитный перечень архивов и корреспондентов» и даже списки членов редколлегии (себя он предлагал секретарем) и участников, допущенных до обработки писем.[4] Столь обширный и амбициозный проект не мог быть реализован и даже не был начат. В эти же годы он набрасывает заметки о построении музейной экспозиции в ПД (разделы «Пушкин» и «Декабристы»), а также экспозиции музея в последней квартире А. С. Пушкина.[5]

---

[3] РО ИРЛИ, ф. 684, оп. 1, ед. хр. 94.

[4] Там же, ед. хр. 96.

[5] Там же, ед. хр. 99, 100.

Н. К. Козмин числился в Пушкинском Доме до 1 сент. 1933 г.

В 1900-е гг. появились первые публикации Н. К. Козмина: в сборнике «Памяти А. С. Пушкина» он выступил со статьей «Взгляд Пушкина на драму» (СПб., 1900), за которой последовал ряд статей о Пушкине и романтизме. В 1900-е гг. он активно сотрудничает в «Журнале Министерства народного просвещения» (12 публикаций). Основные работы Н. К. Козмина посвящены исследованию корней русского и европейского романтизма, а также русской литературе, критике и журналистике 1820—1840-х гг. В 1902—1904 гг. одна за другой появляются три его публикации: «Из истории русской литературы 30-х годов (Н. А. Полевой и А. И. Герцен)»; «О переводной и оригинальной литературе конца XVIII и начала XIX века в связи с поэзией В. А. Жуковского» и «Очерки из истории русского романтизма: Н. А. Полевой как выразитель литературных направлений современной ему эпохи». В 1901 г. для «Русского биографического словаря» им были написаны статьи о Н. и К. Полевых (см. письмо к Б. Л. Модзалевскому от 8 окт. 1901 г.; опубликованы в 1905 г.: том «Плавильщиков — Примо»). Это время тесного сотрудничества с Б. Л. Модзалевским, в фонде которого сохранилось 55 писем Н. К. Козмина за 1900—1922 гг.,[6] касающихся, в основном, вопросов пушкинистики.

Начиная с 1905 г. выходит ряд статей Н. К. Козмина о Николае Ивановиче Надеждине. Эта работа потребовала изучения имеющихся архивных источников и выявления новых. В частности, благодаря активности Н. К. Козмина Императорской Академии наук удалось обогатить собрание автографов Н. И. Надеждина, получив важные документы, записи лекций, переписку и пр. из собрания учителя русского языка Рязанского духовного училища, протоиерея (1899) М. И. Лебедева. 30 янв. 1905 г. Козмин пишет хранителю Отделения славянских рукописей БАН В. И. Срезневскому, прося его содействия: «Мне необходимо вступить в переговоры с протоиереем Рязанского собора Михаилом Ивановичем Лебедевым, который является в данный момент владельцем многих автографов Н. И. Надеждина».[7] 17 февр. благодарит Срезневского за содействие в своих «розысках надеждинских бумаг», просит сообщить, когда бумаги поступят, и назначить умелого переписчика.

Юбилейный для Н. И. Надеждина 1905 год (100-летие со дня рождения) становится началом восьмилетней работы Н. К. Козмина, завершившейся в 1912 г. выходом монографии «Николай Иванович Надеждин: жизнь и научно-литературная деятельность, 1804—1836». Этот труд, остающийся до сегодняшнего дня единственным монографическим исследованием о Н. И. Надеждине, удостоился положительной оценки современников: в 1913 г., перед Первой мировой вой-

[6] РО ИРЛИ, ф. 184. Фонд в обработке.

[7] РО ИРЛИ, ф. 684, оп. 1, ед. хр. 110, л. 2.

ной, Н. К. Козмину от имени Академии наук была вручена последняя Макариевская академическая премия в области гуманитарных наук (учреждена митрополитом Московским и Коломенским Макарием (Булгаковым) в 1882 г. для «поощрения отечественных талантов, посвящающих себя делу науки и общеполезных занятий...»). Правила предусматривали присуждение ее «самостоятельным ученым трудам, которые существенно обогащают науку, внося новые факты, наблюдения и воззрения». Кандидатуру Козмина поддержал академик Н. А. Котляревский: 19 сент. 1913 г. он писал: «права (Козмина) на премию стоят, конечно, вне всякого спора».[8]

С 1909 г. Н. К. Козмин начал работать над IX томом Собр. соч. А. С. Пушкина (Издание Императорской Академии Наук / Академии Наук СССР). К этому времени вышли в свет 3 тома начатого в 1899 г. издания: т. I под ред. Л. Н. Майкова (2-е изд. 1900), т. II под ред. В. Е. Якушкина (1905) и т. III под ред. В. Е. Якушкина и П. О. Морозова (1912). В 1912—1914 гг. Козмин уже правил корректуру отдельных глав IX тома. В архиве Б. Л. Модзалевского сохранилась короткая авторская аннотация Н. К. Козмина о работе над примечаниями к IX тому: «По условиям переживаемого времени, работа осложнилась вследствие отсутствия нужных иностранных исследований в обл<асти> франц<узской> лит<ературы> XIX в. и больших затруднений при печатании заготовленных листов. Несмотря на это, редактору удалось привести к концу составление примечаний IX тома и набрать их до 6 листов, а также начать подготовку материала для комментариев V тома (стихотворения 1828—1830 гг.), находившегося ранее под ред. покойного П. О. Морозова».[9]

Революция надолго прервала эту работу. Первое академическое собрание сочинений Пушкина осталось неполным: «Было совершенно ясно, — писал позже Б. В. Томашевский, — что продолжать это издание не было никакого смысла: томы его, выходившие с 1899 г., совершенно устарели как по материалу, так и по научному методу издания».[10] С задержкой на 16 лет издание завершилось в 1928—1929 гг. выходом в свет двух частей подготовленного Н. К. Козминым IX тома: «Историко-литературные, публицистические и полемические статьи».

В начале 1920-х гг. Козмин принял участие в подготовке сборника «Неизданный Пушкин. Собрание А. Ф. Онегина» (Пб.: Атеней, 1922). В издании под редакцией М. Л. Гофмана, Н. К. Козмина и Б. Л. Модзалевского также работали Н. В. Измайлов, Б. И. Коплан, Б. В. Томашевский, Б. М. Энгельгардт, Н. В. Яковлев. Раздел «Критическая проза» редактировал Н. К. Козмин.

---

[8] РО ИРЛИ, ф. 684, оп. 1, ед. хр. 93, л. 1, 8

[9] Датируется 1920-ми гг. РО ИРЛИ, ф. 184. Фонд в обработке.

[10] *Томашевский Б. В.* Д. П. Якубович // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. Л.: Изд-во АН СССР, 1941. Вып. 6. С. 8.

В 1930-е гг. вышли вторым изданием его работы о Н. А. Полевом и В. А. Жуковском. Сохраняя приверженность теме, ученый публикует еще ряд статей, касающихся Пушкина и его эпохи. Последние дошедшие до нас его работы датируются 1939 годом.

С началом Великой Отечественной войны Н. К. Козмин остался в блокадном Ленинграде. Он умер от голода в 1942 г. Место захоронения Н. К. Козмина неизвестно.

Место хранения личного дела Н. К. Козмина: СПбФ АРАН, ф. 2, оп. 11, д. 188 (АРАН, ф. 411, оп. 4б, д. 1).

Материалы личного архива Н. К. Козмина в ИРЛИ РАН (фонд 684) состоят из двух поступлений. 22 мая 1951 г. в РО ИРЛИ по акту № 11 были переданы документы из архива АН СССР (передаточный акт находится в СПбФ Архива РАН). 11 авг. 1952 г. в РО ИРЛИ по акту № 32 поступило дополнение к личному архиву Н. К. Козмина, согласно которому зам. директора Архива АН СССР П. Н. Корявов и ст. н.-техн. сотрудник Архива А. В. Цветникова передали, а м. н. сотрудник Архива (РО) ИРЛИ (ПД) АН СССР М. И. Малова приняла поступившие материалы.

В результате научно-технической обработки личного архива Н. К. Козмина (ф. 684) сформировано 144 ед. хр. за 1830—1939 гг.

Они включены в одну опись и систематизированы по 4 разделам.

В *первом разделе* «Научные труды, подготовительные материалы к ним» выделены 3 подраздела:

1) работы о Н. И. Надеждине и подготовительные материалы к ним; раздел включает научные статьи и диссертацию Н. И. Надеждина «De poesi romantica. De origine, natura et fatis poeseos, duae romantic audit. Dissertatio historic-critico-elenctica»; собранные Н. К. Козминым копии биографических материалов о Надеждине из архива Министерства народного просвещения, из собрания протоиерея М. И. Лебедева, копии публикаций Н. И. Надеждина и о нем (1830—1912), сопровождаемых пометами и примечаниями Н. К. Козмина;

2) работы о А. С. Пушкине и подготовительные материалы к ним, в частности 10 тетрадей копий автографов Пушкина (из собраний П. В. Анненкова; Л. Н. Майкова; А. Ф. Онегина; И. А. Шляпкина; из Остафьевского архива; из собрания Публичной библиотеки; Румянцевского музея; и др.);

3) статьи Н. К. Козмина разных лет и подготовительные материалы к ним. Материалы каждого раздела расположены в тематико-хронологическом порядке.

Второй раздел «Документы к биографии и по деятельности» включает два подраздела. В начале *подраздела 2.1* находятся документы о фондообразователе, в частности отзывы о научных трудах Козмина за 1906—1912 гг. В *подраздел 2.2* включены материалы о деятельности Н. К. Козмина в годы службы в Ученом комитете Министерства на-

родного просвещения и в Пушкинском Доме, расположенные в хронологическом порядке.

Третий раздел «Переписка Н. К. Козмина с разными лицами» (<1896>—1933) включает два подраздела: 3.1 «Письма Н. К. Козмина к разным лицам (1909—1933)», которые следуют в алфавите фамилий адресатов; 3.2 «Письма к Н. К. Козмину разных лиц (<1896>—1909)», расположенные в алфавите корреспондентов. Переписка касается, в основном, профессиональной деятельности Н. К. Козмина.

В *четвертый раздел* включены «Материалы родственников Н. К. Козмина и других лиц»: переписка жены Н. К. Козмина Екатерины Сергеевны Козминой с его дядей Константином Васильевичем Козминым и другими родственниками, а также материалы неустановленных лиц.

Л. Г. Агамалян

DOI: 10.31860/978-5-918680-384-753-755

СВЕДЕНИЯ О МАТЕРИАЛАХ М. ГОРЬКОГО В СОБРАНИИ М. С. ЛЕСМАНА Фонд 840. Опись 17

По свидетельству вдовы М. С. Лесмана Н. Г. Князевой, особое внимание коллекционер уделял приобретению редких книжных изданий М. Горького, а также изданий с его дарительными надписями. После смерти Моисея Семеновича вместе с другими книгами из его коллекции все горьковские издания, в том числе с автографами писателя, Наталья Георгиевна передала в Музей А. А. Ахматовой.

В рукописной части собрания М. С. Лесмана находились немногочисленные документы по деятельности Горького с его автографами, небольшая переписка и несколько иконографических материалов, которые были переданы на хранение в Рукописный отдел Пушкинского Дома.

В опись № 17 включены документы М. Горького из четырех поступлений. В 1994 г. в составе первого поступления материалов из коллекции библиофила на хранение был передан комплекс газет и газетных вырезок с подборками статей советских и зарубежных литераторов, ученых, деятелей культуры и членов правительства в связи с юбилейными датами жизни и творчества писателя, а также его смертью (см.: Кн. пост. 1994, № 20). В 1995 г. на хранение принято письмо автора книги об Аргентине Н. Д. Ильина, отправленное Горькому из Австралии на о. Капри (см.: Кн. пост. 1995, № 35). В 1999 г. в Пушкинский Дом поступила основная часть рукописных материалов Горького из собрания М. С. Лесмана — небольшая переписка, несколько биографических документов и фотопортрет (см.: Кн. пост. 1999, № 36), а в 2006 г. переданы фото писателя работы нижегородского фотографа М. П. Дмитриева и групповое фото: Горький на чествовании его 50-летия с сотрудниками издательства «Всемирная литература» (см.: Кн. пост. 2006, № 70).

В Рукописном отделе ИРЛИ есть личный фонд М. Горького № 83, который состоит из копийных материалов. Автографы произведений, письма и другие материалы писателя, поступившие в Пушкинский Дом при его жизни, по постановлению Президиума ЦИК СССР от 24 февр. 1937 г. передавались по актам в Москву в Музей А. М. Горького при Институте мировой литературы РАН (см.: РО ИРЛИ, дело

© Аксененко Е. М., 2023

фонда № 83 (А. М. Горького)). Исключение составляют единичные автографы писателя, находящиеся в составе коллективных документов, например, его запись в альбоме Н. М. Гариной в фонде С. А. Гарина (ф. 736, № 57). В личных фондах других лиц — М. В. Аверьянова, С. А. Венгерова, Л. Я. Гуревич, П. А. Ефремова, Н. А. Котляревского, А. И. Куприна, М. К. Лемке, Е. А. Ляцкого, В. И. Немировича-Данченко, вел. кн. Олега Константиновича, А. Ф. Онегина (Отто), Л. Ф. Пантелеева, Э. Л. Радлова, Ф. Сологуба, М. М. Стасюлевича, Ф. Ф. Фидлера, О. Д. Форш, М. А. Цявловского, С. Н. Шубинского и др. (см.: Личные фонды Рукописного отдела Пушкинского Дома: аннотированный указатель. СПб.: Русско-Балтийский информационный центр «Блиц», 1999. Указатель имен) — хранятся копии документов Горького по деятельности, писем его и к нему отдельных лиц, дарительные надписи, фото, воспоминания о нем. Копии отдельных материалов о биографии и творчестве писателя отложились также в Разряде I (см.: оп. I, 32, 34, 35, 37; оп. IV, 152, 158; оп. V, 102, 103, 208, 216—221, 235, 236, 387, 508, 513, 540, 545, 577; оп. X, 160; оп. XII, 167; оп. XVII, 634; оп. XXII, 513, 235—238; оп. XXIV, 454; оп. XXV, 160а, 239; оп. XXVII, 324; оп. XXXV, 230, 248, 249; оп. XLII, 63)

Личные фонды М. Горького хранятся также в ИМЛИ, 76 590 ед. хр., 1868—1961 и РГАЛИ, ф. 140, 133 ед. хр., 1889—1952.

В результате НТО оп. 17 — «Максим Горький (наст. имя и фам. Алексей Максимович Пешков; 1868—1936). Биографические документы и материалы по деятельности; переписка в собрании М. С. Лесмана (1898—1954)» — сформировано 17 ед. хр., включенных в одну опись и систематизированных по двум разделам.

В *разделе 1* объединены документы биографические и по деятельности ввиду их малочисленности. В него вошли 5 ед. хр. с подборками газетных публикаций за 1932—1954 гг. в связи с 40-летием литературной деятельности, смертью А. М. Горького, 70-летием со дня его рождения и 18-летней годовщиной со дня кончины. Далее следуют 3 ед. хр. за 1898—1919 гг. с фотоматериалами: двумя фотопортретами писателя и единицей хранения с переснимком фото М. Горького на чествовании его 50-летия в группе с А. Блоком, К. Чуковским и др. сотрудниками издательства «Всемирная литература». Затем — 3 ед. хр. за 1919—<1930-е> гг. с материалами по деятельности: подлинники типового уведомления об избрании членом «Дома Искусств» за подписью Горького, письма в редколлегию издания «История завода “Красный выборжец”» г. Ленинграда и записки по производственному вопросу. Внутри каждого комплекса документы расположены в хронологическом порядке.

Раздел 2 «Переписка» состоит из двух подразделов.

В *подраздел 2.1* «Письма М. Горького к разным лицам» 1911—1933 гг. включены письма писателям С. А. Гарфильду (псевд. Гарин), Е. В. Святловскому и П. Н. Сурожскому (наст. фам. Шатилов) и кон-

верт от письма Т. П. Синицыну (псевд. Пэля Пунух) с адресом, надписанным Горьким.

В *подраздел 2.2* «Письма М. Горькому разных лиц» вошли письма 1912—1914 гг. писателя Н. Д. Ильина и поэта А. А. Микульчика, причем последнее, обнаруженное М. С. Лесманом в его сборнике «Стихи» (Киев: тип. И. М. Розета, 1914), сопровождало посылку книги Горькому из Киева в Санкт-Петербург. В каждом подразделе письма расположены в алфавите фамилий адресатов и корреспондентов.

Е. М. Аксененко

DOI: 10.31860/978-5-918680-384-756-758

МАТЕРИАЛЫ Ф. В. ГРОШИКОВА В СОБРАНИИ М. С. ЛЕСМАНА Фонд 840. Опись 19

Федор Васильевич Грошиков родился 2 (15) июня 1894 г. в Санкт-Петербурге, в семье кондуктора конки, происходившего из крестьян Тверской губернии. По сведениям из «Автобиографии» Грошикова, «мать промышляла торговлей “в разнос” апельсинами и ... селедкой!». Раннее детство Федора прошло в деревне Малеево, куда его отдали «на воспитание и прокормление» бабушке Афимье — матери отца.

В 1898 г. отец получил должность «сидельца казенной винной лавки № 721» в Гатчине, куда перевез семью, забрав четырехлетнего сына из деревни. В 8 лет Федор поступил в 3-классную начальную школу, в 1905 г. — в 5-й класс средней школы, а в 1914 г. закончил 7 классов Гатчинского реального училища.

Стихи Грошиков начал писать в 14 лет. Его первые поэтические опыты появились в 1911 г. в газетах «Царскосельское дело», «Гатчина», журнале Н. Г. Шебуева «Весна» и столичном журнале «Сиделец». «Первые литераторы, с коими мне пришлось в Гатчине увидеться и даже близко познакомиться, — писал Грошиков в “Автобиографии”, — были: поэт Константин Михайлович Фофанов, писатель Александр Иванович Куприн, Алексей Николаевич Будищев, и более молодые: Игорь Северянин, Петр Гаврилович Гаврилов-Лебедев». В 1912 г. стихотворение Грошикова «Бородино» одобрил А. И. Куприн и поместил в журнале «Огонек». До 1915 г. начинающий поэт публиковался в ряде гатчинских изданий, в журналах «Огонек», «Пробуждение».

С 1914 г. Грошиков пробыл три года на фронте. «Это были тяжелые для меня годы: 1914—1917, — вспоминал он в «Автобиографии», — двукратное ранение, пребывание в госпиталях и мокрые и холодные окопы войны».

Значимым событием этих лет поэт считал знакомство с великим певцом Л. В. Собиновым, к которому он попал в квартирный лазарет в Москве в конце 1915 г. Знакомство их продолжалось до самой кончины певца, последовавшей 14 окт. 1934 г.

Февральскую и Октябрьскую революции Грошиков встретил на Рижском фронте. В 1918 г. он вернулся в Петроград и встал на учет

© Аксененко Е. М., 2023

в штабе Петроградского военного округа, а «по линии литературы» примкнул к группе пролетарских поэтов. О своей редакторской работе Федор Васильевич писал в «Автобиографии» следующее: «Номинально числясь взводным командиром одного из Военных училищ (окончил Владимирское Военное училище), я стал штатным работником редакции популярной в первые годы Революции “Красной газеты”, в которой печатались не только мои стихи, но и многочисленные заметки и очерки, преимущественно из жизни молодой тогда Красной армии». Литературная работа прерывалась выполнением воинских обязанностей. Так, в октябре 1919 г., во время наступления на Петроград войск Юденича, Грошиков был назначен помначштаба Невского укрепленного района. В марте 1921 г. его мобилизовали для участия в боевых действиях по подавлению Кронштадтского мятежа.

Весной 1926 г. вышла первая книжка его стихов «С винтовкой» (Л., 1926), предисловие к которой написал К. С. Еремеев, революционер, партийный и военный деятель, журналист, редактор журнала «Красная нива» (1929—1931).

До 1929 г. Грошиков был сотрудником журнала «Бегемот». В «Гатчинской правде» печатались также его статьи об истории родного города.

Федор Васильевич обладал красивым голосом и в 1931 г. начал петь в Ленинградском Малом оперном театре. Он выступал также в Ленинградской филармонии и в оперном театре Баку. В последние годы жизни работал в ряде ленинградских изданий.

Ф. В. Грошиков был знаком с М. С. Лесманом и незадолго до смерти передал библиофилу хранящиеся у него материалы из архива редакции «Красной газеты». Умер он в 1975 г.

В опись включены материалы Ф. В. Грошикова из двух поступлений, переданных в Рукописный отдел ИРЛИ РАН Н. Г. Князевой. Основной комплекс документов был принят на хранение в 1994 г. (см.: Кн. пост. 1994, № 20), в следующем году поступила «Автобиография» поэта (см.: Кн. пост. 1995, № 35).

В коллекциях Рукописного отдела ИРЛИ личного фонда Ф. В. Грошикова нет, как и в других архивохранилищах Санкт-Петербурга и Москвы. В Разряде I, оп. XI, № 155 хранятся два его письма за 1967 г. к М. В. Минскому по поводу повести В. В. Иванова «Бронепоезд 14-69».

В результате НТО оп. 19 — «Грошиков Федор Васильевич (1894—1975), журналист, поэт, певец. Документы к биографии и о нем; материалы по деятельности в редакции “Красной газеты” в собрании М. С. Лесмана (1918—1975)» — сформировано 31 ед. хр., включенных в одну опись и систематизированных по 2 разделам.

В *раздел 1* «Документы к биографии и о нем» вошли 2 ед. хр. 1970—1975 гг. с автобиографией Ф. В. Грошикова и его распиской о продаже материалов М. С. Лесману, единицей хранения со стихо-

творным посвящением ему В. М. Гейштора 1918 г. и 11 ед. хр. за 1921—<не позднее 1975> гг. с подборкой документов, преимущественно поэтических текстов, собранных фондообразователем.

Раздел 2 «Материалы по деятельности в редакции “Красной газеты”» включает 17 ед. хр. за 1919—<1920-е> гг. с поэтическими текстами поэтов, писателей, журналистов, присылавших свои произведения для публикации в газете, сохраненными Грошиковым: В. Е. Гущика, В. В. Казина, А. В. Китаева, В. В. Князева, Б. П. Корнилова, А. П. Крайского (наст. фам. Кузьмин), А. И. Маширова (псевд. Самобытник), И. А. Оксенова и др. Документы расположены в алфавите имен авторов.

Е. М. Аксененко

DOI: 10.31860/978-5-918680-384-759-762

МАТЕРИАЛЫ Н. О. ЛЕРНЕРА В СОБРАНИИ М. С. ЛЕСМАНА
Фонд 840. Опись 31

Николай Осипович Лернер родился 19 нояб. 1877 г. в Одессе в семье еврейского писателя и историка (на идише и иврите), сотрудника редакции «Одесского вестника» Осипа Михайловича (Иосифа Иегуды, Иосифа-Лейба) Лернера (1849, Бердичев — 1907, Одесса), руководителя театральной «труппы Лернера» в Одессе. Мать его, прозаик и драматург Мария Лернер (урожд. Марьям Рабинович; 1860, Кишинев — 1927, Германия), была одной из первых женщин-литераторов, писавших на идише.

После окончания юридического факультета Императорского Новороссийского университета в 1899 г. Лернер работал присяжным поверенным, а с 1904 г. перешел в адвокатуру. Одновременно с основной работой он с большим энтузиазмом занимался русской литературой XIX в., активно сотрудничая в одесской печати, и со временем его литературное увлечение победило юриспруденцию.

Главным и любимейшим предметом изучения Лернера стали жизнь и творчество А. С. Пушкина. В том же 1899 г. небольшие заметки начинающего ученого, посвященные дружеским и литературным связям Пушкина, печатаются в «Русском архиве» П. И. Бартенева («Письмо А. С. Пушкина к А. И. Осиповой» (1899. № 9. С. 172—173), «Еще о стихах Пушкина “Земля и море”» (Там же. № 12. С. 612)) и др.[1]

Лернер был едва ли не первым, кто вплотную занялся изучением хроники жизни, знакомств и историей большинства произведений Пушкина. В 1903 г. в Москве вышла отдельным изданием небольшая его книжка «А. С. Пушкин. Труды и дни: хронологические данные, со-

[1] Подробнее о жизни и работах Н. О. Лернера см.: *Богомолов Н. А.* К переписке В. Я. Брюсова и П. И. Бартенева с Н. О. Лернером // Валерий Брюсов — историк литературы. Переписка с П. И. Бартеневым и Н. О. Лернером / статьи, подгот. текста и коммент. Н. А. Богомолова, А. В. Лаврова. М.: Литфак, 2019. С. 109—124; *Оксман Ю. Г.* Николай Осипович Лернер / вступ. статья и публ. С. И. Панова // Пушкин и его современники: сб. науч. трудов / под ред. Е. О. Ларионовой. СПб.: изд-во Санкт-Петербургского института истории РАН «Нестор-История»; Академический проект, 2005. Вып. 4 (43). С. 164—214.

© Аксененко Е. М., 2023

бранные Николаем Лернером» (М.: Скорпион, 1903. 144 с.). Разработкой этой темы он занимался всю свою жизнь.

С 1906 г. пушкинист переехал в Санкт-Петербург, где С. А. Венгеров привлек его к изданию шеститомного собрания сочинений А. С. Пушкина в качестве автора статей и комментариев (см.: *Пушкин А. С.* Полное собрание сочинений: в 6 т. / под ред. проф. С. А. Венгерова. СПб.: Изд. Брокгауз-Эфрон, 1907—1915. (Серия «Библиотека великих писателей»).

В 1910 г. вышло второе издание главной книги Лернера под названием «Труды и дни Пушкина» (2-е изд., испр. и доп. СПб.: Имп. Акад. наук, 1910. 577 с.), объем которой по сравнению с первым увеличился в три раза. Хронологически книга включала в себя события с 1146 г. (сведения о предках Пушкина) до 1906 г. Пушкинисты считают, что основная часть издания, касающаяся жизни Пушкина (1799—1837), не утратила своего значения даже после выхода в 1951 г. «Летописи жизни и творчества А. С. Пушкина» М. А. Цявловского и, по признанию Б. В. Томашевского, оставалась «настольным справочником пушкиноведов» (*Томашевский Б. В.* Пушкиноведение // 50 лет Пушкинского дома. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1956. С. 60). За книгу «Труды и дни Пушкина» автор получил полную премию Лицейского Пушкинского общества.

Литературные интересы Лернера не ограничивались лишь Пушкиным. Ему принадлежат многочисленные исследования, публикации текстов, комментарии, статьи, заметки, рецензии на произведения многих русских писателей XIX в. — Е. А. Баратынского, К. Н. Батюшкова, В. Г. Белинского, А. С. Грибоедова, А. А. Григорьева, Н. В. Гоголя, В. А. Жуковского, Н. С. Лескова, А. И. Полежаева, Л. Н. Толстого, И. С. Тургенева, А. А. Фета, П. Я. Чаадаева, Н. Ф. Щербины и др.

Работы пушкиниста печатались практически во всех периодических изданиях его времени — как в научных журналах («Русский архив», «Русская старина», «Журнал Министерства народного просвещения», «Голос минувшего»), так и в ориентированных на широкий круг читателей («Вестник Европы», «Русская мысль», «Столица и усадьба», «Северные записки», «Нива», «Биржевые ведомости»), а также во многих провинциальных ежедневных газетах, перепечатывавших материалы из столичных изданий.

После выхода в свет 2-го издания «Трудов и дней Пушкина» автор продолжал собирать материалы для 3-го издания, дополняя и перерабатывая книгу вплоть до конца своей жизни, но издать ее так и не успел.

Н. О. Лернер редактировал последние двенадцать номеров журнала «Столица и усадьба» (см.: Столица и усадьба. 1917. № 77/78. 30 марта. С. 21), прекратившего свое существование 30 сент. 1917 г.

В 1918—1920 гг. пушкинист работал в литературном отделе Наркомпроса; с 1920 г. был профессором кафедры истории литературы

Педагогического института им. А. И. Герцена. Он редактировал переводы произведений П.-Ж. Беранже, А. Доде, Э.-Д. Парни и А.-М. Шенье, Ж. де Сталь, К. Фаррера и др., в его переводе изданы книги Р. Дэвиня «Атлантида, исчезнувший материк» (1926), Ги де Мопассана «Сильна как смерть» и «Доктор Ираклий Глосс» (1927). В середине 1920-х гг. — был членом коллегии издательства «Всемирная литература», где принимал участие в подготовке собрания сочинений Ф. Шпильгагена, написав к нему предисловие (1929).

В 1920-е гг. увидели свет еще несколько «пушкинских» книг Лернера: 2-е изд. «Прозы Пушкина» (1923), «Няня Пушкина» (1924), «В селе Михайловском» (1929) и «Рассказы о Пушкине» (1929).

19 марта 1931 г. Лернера арестовали, обвинив в контрреволюционной агитации среди писателей, в скупке и нелегальной переправке музейных ценностей за границу. Однако 13 мая ученого освободили, так как следствием данные обвинения не подтвердились.

Умер Н. О. Лернер 14 окт. 1934 г., успев подготовить свою последнюю книгу — «Пушкинологические этюды», которая увидела свет уже после смерти пушкиниста (см.: Звенья: сб. материалов и документов по истории литературы, искусства и общественной мысли XIX века / под ред. В Бонч-Бруевича. М.; Л.: Academia, 1935. Т. V. С. 44—187).

В опись № 31 включены материалы Н. О. Лернера из двух поступлений, переданных в Рукописный отдел ИРЛИ Н. Г. Князевой. Основной комплекс документов был принят на хранение в 1994 г. (Пост. 1994, № 20), в следующем году поступили рецензии ученого на произведения французских и итальянских авторов, для рекомендации их переводов к изданию на русский язык, и его письма к разным лицам (Пост. 1995, № 35).

В коллекциях Рукописного отдела ИРЛИ имеется личный фонд Н. О. Лернера (ф. 813), поступивший в 1934 г. после смерти ученого (не обработан). Отдельные творческие материалы, документы по деятельности, письма отложились в разрядных описях (см.: Разряд I, оп. III, 67; оп. XI, 93; оп. XV, 24, 25; оп. XXVII, 209).

Личные фонды Н. О. Лернера имеются также в РГАЛИ: ф. 300, 518 ед. хр., 1815—1934, и в ОР РНБ: ф. 430, 313 ед. хр., 1775; 1857—1936.

В результате НТО оп. 31 — «Лернер Николай Осипович (1877—1934), историк литературы, пушкинист. Научные труды и другие творческие материалы; документы к биографии и по деятельности; переписка; материалы жены, Лернер Минны Михайловны, и других лиц в собрании М. С. Лесмана (1899—1934)» — сформировано 59 ед. хр., включенных в одну опись и систематизированных по четырем разделам.

Раздел 1 «Научные труды и другие творческие материалы» состоит из двух подразделов. В *подраздел 1.1* на первое место вынесены 2 ед. хр. с черновыми автографами вступительной статьи и примеча-

ний Н. О. Лернера к тексту народной повести XVIII в. «Жизнь и похождения Ваньки Каина...» (<1929>), за которыми следуют 20 ед. хр. со статьями, рецензиями и очерками, преимущественно печатными, за 1899—1934 гг. В *подраздел 1.2* вошли 7 ед. хр. с подготовительными материалами к работам 1907—1934 гг., отсутствующим в фонде. В обоих подразделах материалы расположены в хронологическом порядке.

В *раздел 2* вошли 8 ед. хр. с документами к биографии и по деятельности ученого за 1913—1957 гг., расположенные по схеме личного фонда в хронологической последовательности.

Раздел 3 «Переписка» включает 3 ед. хр. с письмами Лернера 1926—1927 гг. к издателям и редакторам А. Н. Горлину (псевд. Н. Л. Логрин), К. Ф. Некрасову и З. А. Никитиной и 13 ед. хр. с письмами 1906—1934 гг. разных лиц к нему, среди которых: В. Д. Бонч-Бруевич, М. О. Гершензон, В. И. Саитов, Н. С. Тихонов, К. А. Федин, К. И. Чуковский, А. А. Шахматов и др. Документы расположены в алфавите имен адресатов и корреспондентов.

Раздел 4 состоит из 4 ед. хр. за 1908—1940 гг. с материалами жены Лернера, М. М. Лернер, и 2 ед. хр. с материалами других лиц.

Е. М. Аксененко

DOI: 10.31860/978-5-918680-384-763-765

К 150-летию со дня рождения
Ф. И. Шаляпина

ИСТОРИЯ ИЗДАНИЯ КОМПЛЕКТА «ИСКУССТВО ШАЛЯПИНА (ПРОБЛЕМЫ, ЗАГАДКИ, ГИПОТЕЗЫ)»

Разбирая свой литературный архив, я обнаружила забытый мною замечательный комплект грампластинок «Искусство Шаляпина», некогда подаренного мне коллегой по Пушкинскому Дому Людмилой Николаевной Назаровой.

В комплект грампластинок, изданный Всесоюзной фирмой грамзаписей «Мелодия» (Л., 1967; тираж 5000 экз.), входят: 8 долгоиграющих пластинок с записями сценического репертуара Шаляпина за 1901—1936 гг. и сопроводительная анонимная брошюра (20 с.); она состоит из краткого предисловия около 2 страниц, в котором обозначены основные факты биографии и сценической карьеры Ф. И. Шаляпина (1873—1938), вплоть до его отъезда за границу в 1921 г., списка сценического репертуара певца и заключительной статьи с общей оценкой творческого наследия Шаляпина.

Брошюра поражает своей загадочной и подчеркнутой анонимностью, так как речь в ней идет о прославленном певце, кумире его многочисленных почитателей. В ней отсутствуют информация об участниках издания «Искусства Шаляпина», фотографии и иллюстрации. Тем не менее брошюра является своеобразным ключом для разгадки тайнописи издания «Искусства Шаляпина».

Загадки начинают отчасти рассеиваться на с. 13 брошюры, в центре которой появляется напечатанная типографским шрифтом запись «Ираклий Андроников. К “Искусству альбома Шаляпина”». На этой же странице дарственная надпись Ираклия Андроникова, адресованная В. А. Мануйлову (1903—1987). Приведу и прокомментирую эту остроумную подпись.

> «Дорогой мой Маноль.[1]
>
> Ты похвалил эту мою работу — я рад. Благодарю тебя за то, что я был оппонентом на твоей защите, на которой у оппонента не было возражений, а соискатель защищался только от моих мощных объятий.

[1] «Манолем» называл Мануйлова не только И. Андроников, но и другие друзья Виктора Андрониковича.

© Буданова Н. Ф., 2023

Твой Ираклий Андроников */подпись/*, на дружбу коего ты всегда можешь положиться. 24 декабря 1967. Ленинград. Отдых после защиты и печень после банкета. И. А.».[2]

Слова «Эту мою работу» с приведенной дарственной надписи относятся к только что вышедшему из печати комплекту пластинок «Искусство Шаляпина»,[3] подаренному Мануйлову в день защиты докторской диссертации его официальным оппонентом Ираклием Луарсабовичем Андрониковым (наст. фам. Андроникашвили; 1908—1990). Защита докторской (по совокупности работ, посвященных Лермонтову) состоялась в ЛГУ 24 дек. 1967 г.

Слова «Эта моя работа» свидетельствуют о непосредственном участии Андроникова в создании альбома «Искусство Шаляпина».

Выскажу также некоторые соображения по поводу печатной записи «Ираклий Андроников. К альбому “Искусство Шаляпина”» на той же странице 13. Скорее всего, это авторское название заключительной статьи, которая начинается на следующей после приведенной записи странице. В этой обстоятельной итоговой статье Шаляпин интерпретируется как уникальное явление не только отечественной, но и мировой культуры, в силу многогранности своего дарования и особенностей творческой индивидуальности.

«Все, что обнимает собой имя Шаляпина в пении, — пишет автор, — продолжает оставаться живым фактом искусства. <...> Все современно и все совершенно в его искусстве, поистине легендарном, ибо оно являет собою высочайшее слияние в одном лице талантов певца, музыканта и актера. <...> Шаляпин создает характеры в пении — и в романсах, и в ариях. Не говоря уже о целых сценах из опер, в которых мы “слышим”, как он играет, как лепит могучие образы. <...> Шаляпин не мог бы достигнуть этого, если бы не был наделен даром гениального музыканта. Этот дар заключается в умении передавать не один лишь музыкальный текст, а заложенное внутри его содержание» (брошюра, с. 15).

В статье содержится высокая оценка рецензируемого издания 1967 г. Цитирую:

«Это самое полное собрание исполнений Ф. Шаляпина. <...> Что касается представленного здесь репертуара Шаляпина, то с такой полнотой его не знали, вероятно, даже самые ревностные его поклонники. Здесь собраны музыкальные сочинения, которые певец не исполнял в России, и в то же время такие, которые вряд ли могла слышать заграничная публика. <...> Тут собрана музыка народная и профессиональная. Русская и зарубежная. Светская и духовная. Разные школы, стили и направления. Века XVIII, XIX и XX» (брошюра, с. 19).

---

[2] Надпись сделана синими чернилами и хорошо сохранилась.

[3] На оборотной стороне обложки отмечено, что она подписана к печати 21 нояб. 1867 г.

Предполагаю, что обнародование творческого наследия прославленного русского певца, издание комплекта грампластинок с сопроводительным научным аппаратом, было давним желанием Ираклия Андроникова. Подобное издание можно было приурочить к одному из юбилеев Шаляпина. Однако реализовать этот замысел в жестких цензурных условиях советского времени при негативном отношении власти к эмиграции и эмигрантам было трудно, хотя в данном случае речь шла не о политическом оппозиционере, а об известном представителе русского национального искусства.

Выскажу гипотезу, что издание альбома 1967 г. было приурочено к 90-летию певца (февраль 1963 г.). Но по различным причинам откладывалось и вышло с запозданием только в конце 1967 г. По существу это первое наиболее полное издание наследия Шаляпина. Подтверждением моей гипотезы может служить тот факт, что в заключительной статье брошюры оно заслужило высокую оценку именно как *издание итогового характера*.

150-летний юбилей Шаляпина, широко отмечающийся в России в 2023 г., — бесспорное свидетельство всенародной любви к певцу и признание его заслуг. Шаляпин навсегда вернулся на Родину, в Россию, чтобы занять принадлежащее ему по праву место в ряду выдающихся представителей русской национальной культуры.

Что касается дальнейшей судьбы уникального экземпляра комплекта «Искусство Шаляпина» с упоминанием имен замечательных ученых, талантливых и разносторонне образованных людей В. А. Мануйлова и И. Л. Андроникова,[4] то, полагаю, что достойным местом для хранения этого ценного экземпляра будет Рукописный отдел Пушкинского Дома.

Н. Ф. Буданова

[4] Имена их вошли в список сотрудников Пушкинского Дома. См.: Пушкинский Дом: материалы к истории, 1905—2005. СПб.: Дмитрий Буланин, 2005.

DOI: 10.31860/978-5-918680-384-766-803

ОПИСАНИЕ ПОСТУПЛЕНИЙ ДАРОВ Б. Я. ФРЕЗИНСКОГО В ИРЛИ

В настоящем Ежегоднике завершается публикация описания даров, пожертвованных в ИРЛИ выдающимся библиофилом, историком литературы, специалистом по творчеству И. Е. Эренбурга Б. Я. Фрезинским. К сожалению, подаренные им ценные и редкие издания не образовали единый фонд, а согласно воле дарителя разошлись по разным отделам: часть книг была передана в Рукописный отдел, часть — в Музей, а часть — в Библиотеку ИРЛИ. В настоящей публикации мы представляем последний перечень поступивших от исследователя материалов высокой культурной ценности. Комментарий к инскриптам Эренбургу помещен в первой статье с описанием книг, переданных в РО, с предисловием самого Фрезинского: Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2018—2019 годы. СПб.: Дмитрий Буланин, 2019. С. 766—771.

В настоящей публикации приведены перечни книг, поступивших в Библиотеку и Музей ИРЛИ. Книги, вошедшие в состав библиотечного фонда, имеют дарственные надписи И. Е. Эренбурга его друзьям, владельческие надписи семьи Эренбургов, инскрипты других авторов, посвященные Эренбургу. Среди книг, поступивших в Музей, преобладают экземпляры с дарственными надписями Эренбургу и членам его семьи. Многие издания произведений И. Е. Эренбурга превосходно подготовлены и откомментированы Б. Я. Фрезинским. К его трудам мы отсылаем за сведениями о книжных раритетах, включенных в публикуемый ниже список.

Выражаем искреннюю признательность за помощь с прочтением и переводами иностранных инскриптов Н. П. Генераловой, В. А. Лукиной, В. Е. Багно, К. С. Корконосенко, Е. М. Куликовой, А. В. Романовой. Последние поступления в Музей датируются 2021 г.

Разделы «Книжные раритеты Б. Я. Фрезинского, подаренные им в библиотеку ИРЛИ» и «Материалы Б. Я. Фрезинского в собрании Литературного музея» подготовлены Н. Н. Колесовой, Н. Н. Лавровой, К. А. Чудаковой, Е. В. Кочневой.

Раздел «Памятные вещи И. Г. Эренбурга» подготовлен Л. Е. Мисайлиди.

Разделы «Скульптура и нумизматика из собрания Б. Я. Фрезинского», «Фонд портретной гравюры» подготовлены Е. В. Кочневой.

© Колесова Н. Н., Лаврова Н. Н., Чудакова К. А., Кочнева Е. В., Мисайлиди Л. Е., Монахова Е. Н., Александрова М. О., Герасимова Е. Ю., Маркосян Д. С., 2023

Составители раздела «Оригинальная графика и документы из собрания Б. Я. Фрезинского»: Е. Н. Монахова, Е. В. Кочнева, М. О. Александрова, Е. Ю. Герасимова.

Раздел«Фонд портретной фотографии» подготовлен Е. В. Кочневой и Д. С. Маркосян.

Книжные раритеты Б. Я. Фрезинского, подаренные им в библиотеку ИРЛИ

Эренбург И. Е.

1. А все-таки она вертится. — М.; Берлин: Геликон, 1922. — 140 с.
   Экз. № 32 (личный экз. Эренбурга).
2. Бубновый валет и К°: рассказы. — М.; Л.: Изд-во «Петроград», 1925 (на обл. 1924). — 62 с.
3. Будни: стихи. — Париж: imp. «Union», 1913. — [56] с.
4. В звездах: роман [в стихах]. — Киев: тип. Школы-мастерской печатного дела, 1919. — 57 с.
   Влад. надпись: *Г. Мельников*.
5. В Проточном переулке: роман. — Париж: Геликон, 1927. — 196 с.
6. В смертный час: (Молитва о России): стихи. — 2-е изд. — Киев: Летопись, 1919. — 54 с.
7. Виза времени: [путевые очерки]. — Берлин: Петрополис, [1929]. — 373 с.
   Инскрипт: *«Валериану Савельевичу Довгалевскому[1] с сердечным приветом Илья Эренбург».*
8. Люди, годы, жизнь: в 3 т. — Т. 1: Под колесами времени (1891—1934). Кн. 1—3. 2017. — 654 с. [32 с. фот.]. — Т. 2: Тревога за будущее (1934—1945). Кн. 4—5. 2018. — 591 с. [32 с. фот.]. — Т. 3: Не жалею о прожитом (1945—1960). Кн. 6—7. 2020. — 638 с. [32 с. фот.]. — М.: АСТ, 2017—2020.
9. Дай оглянуться: письма. — М.: Аграф, 2004. — Т. 1: 1908—1930. — 621 с.
10. 10 л<ошадиных> с<ил>: хроника нашего времени. — Берлин: Петрополис, 1929. — 152 с.
    Инскрипт: *«Известному американцу Греминку (?)* <нрзб.; возможно, Benjamin Gremink, секр. ПЕН-клуба. — *Н. К., Н. Л.> дружески Илья Эренбург».*
11. Дороги Европы. — М.: Советский писатель, 1946. — 147 с.
    Инскрипт: *«В. А. Мильман.[2] На добрую память. Илья Эренбург».*
12. Единый фронт: роман. — Берлин: Петрополис, 1930. — 295 с.

---

[1] *Довгалевский В. С.* (1885—1934) — полпред СССР во Франции в 1927—1934 гг.

[2] *Мильман Валентина Ароновна* (1900—1968) — секретарь И. Г. Эренбурга в 1932—1949 гг.

Инскрипт: *«Дорогому Саве на память о виноградных листьях, об осенних листьях, кот. опадают, как дружба, милому Дравкину, на память об ушах, кот. чешутся и отвисают, кот. кусают и не кусают и т. д. и т. п. Илья Эренбург + Б. Визионер. А мне нравится Ольсен... А мне — визионер. Help! Help!»* <уголок оборван. — *Н. К., Н. Л.*>.

13. Единый фронт: роман. — Берлин: Петрополис, 1930. — 295 с.
    Инскрипт: *«Михаилу Андреевичу Перлину* (?) <нрзб. — *Н. К., Н. Л.*> *от проработанного и, следовательно, мрачного автора. И. Эренбург»*.[3]
14. Жизнь и гибель Николая Курбова; Любовь Жанны Ней / послесл. и коммент. Б. Я. Фрезинского. — М.: Текст, 2002. — 490 с.
15. Заговор равных. — Берлин; Рига: Петрополис, [1928]. — 183 с.
16. Запомни и живи...: стихи, переводы, статьи о поэзии и поэтах / Вступ. статья, коммент. Б. Я. Фрезинского. — М.: Время, 2008. — 608 с.
17. Звериное тепло: [стихотворения]. — М., Берлин: Геликон, 1923. — 42 с.
18. Кануны: (стихи 1915—1921 гг.). — Берлин: Мысль, 1921. — 16 с. — (Книга для всех; № 60).
19. Ленинграду. — Л.: Воениздат, 1943. — 78 с.
20. Лето 1925 года. — М.: Артель писателей «Круг», 1926. — 206 с.
21. Лик войны: воспоминания с фронта, 1919, 1922—1924; газетные корреспонденции и статьи, 1915—1917 / подгот. Б. Я. Фрезинский; Европейский ун-т в Санкт-Петербурге. — СПб., 2014. — 350 с.
22. Лик войны: (во Франции). — София: Рос.-болгар. кн-во, 1920. — 145 с.
23. Лик войны. — М.: Пучина, 1924. — 145 с.
24. Людоеды. — Казань: Татгосиздат, 1942. — 32 с.
25. Молитва о России. — [М.], 1918. — 45 с.
26. Москва слезам не верит: роман. — М.: Советский писатель, 1933. — 192 с.
27. На цоколе истории: письма, 1931—1967.— М.: Аграф, 2004. — Т. 2: Письма 1908—1967. — 635 с.
28. Необычайные похождения. — СПб.: Кристалл, 2001. — 1150 с. — (Б-ка мировой лит.).
29. Необычайные похождения Хулио Хуренито и его учеников... — 3-е изд. — М.; Л.: Госиздат, 1927. — 269 с.
30. Необычайные похождения Хулио Хуренито и его учеников... — М.; Берлин: Геликон, 1922. — 277 с.
31. Неправдоподобные истории. — Берлин: Изд-во С. Ефрон, [1922]. — 47 с.

[3] Роман «Единый фронт» был предложен Эренбургом в издательство «Федерация», где получил отрицательную внутреннюю рецензию Н. Огнева и был возвращен автору; на этот, вышедший в издательстве «Петрополис», роман была опубликована разгромная рецензия Г. Адамовича в «Последних новостях».

32. О жилете Семена Дрозда. Молитва: [стихотворения] / фронт. Диего Ривера. — Париж: imp. Rirachovsky, 1917. — 16 с.
33. Одуванчики: стихи. — Париж, 1912. — 57 с.
34. Опустошающая любовь. — Б. м., 1922. — 46 с.
35. Повесть о жизни некоей Наденьки и о вещих знамениях, явленных ей / портр. авт.; ил. Диего Ривера. — [Париж], 1916. — Литогр. изд. — 30 ненумер. стр. с ил.
    Влад. надпись: *Ирина Эренбург. Экз. № 2 И. Эренбурга*.
36. Полное собрание сочинений. — М.; Л.: Земля и Фабрика, 1928. — Т. 2: Трест Д. Е. История гибели Европы: роман. — 216 с.
37. Полное собрание сочинений. — М.; Л.: Земля и Фабрика, 1928. — Т. 3: Любовь Жанны Ней. — 396 с.
    Влад. надпись: *Л. Глоба. 1928 г. 12/IV*.
38. Полное собрание сочинений. — М.; Л.: Земля и Фабрика, 1928. — Т. 4: Тринадцать трубок. — 181 с.
39. Полное собрание сочинений. — М.; Л.: Земля и Фабрика, 1928. — Т. 8: Лик войны. — 123 с.
40. Портреты русских поэтов / [с прил. их стихов]. — Берлин: Аргонавты, 1922. — 163 с.
41. Раздумия: [стихотворения]. — Рига: Дзинтарс, 1921. — 31 с.
42. Рвач: роман. — Одесса: Светоч, 1927. — 364 с.
43. Стихи. — Париж, 1910. — 76 с.
44. Стихи о канунах. — М.: скоропечатня А. А. Левенсон, 1916. — 169 с.
    Влад. надпись: *Илья Эренбург*.
45. Сто писем. — М: Мол. гвардия, 1943. — 122 с.
    Чистые листы с корректурной правкой текста автором.
    Инскрипт оборван: *«...ксии 24 VI—43»*.
46. Трубка коммунара. — [Харьков]: Гос. изд-во Украины, 1924. — 32 с.
47. Фабрика снов: хроника нашего времени. — Берлин: Петрополис, 1931. — 244 с.
48. Французские тетради: эссе, стихотворения / сост., примеч., коммент. Б. Я. Фрезинского. — СПб.: Азбука, 2012. — 320 с.
49. Черная переправа: рассказы. — М.; Л.: ГИЗ, 1927. — 64 с. — (Универсальная б-ка; № 184).
50. Четыре повести о легких концах. — М.: Земля и Фабрика, 1923. — 96 с.
51. Шесть повестей о легких концах. — Рязань: Госполиторг, 1925. — 141 с.

Издания других авторов, в том числе в переводах И. Эренбурга, совместные издания и сборники

52. Акмэ: первый сборник Тифлисского цеха поэтов. — Тифлис: Слово, 1919. — 64 с.

53. Альманах артели писателей «Круг». — М.; Пб.: Круг, 1923. — [Вып.] 1. — 281 с.
54. *Бухарин Н. И.* Революция и культура: статьи и выступления 1923—1936 гг. / сост., вступ. статья, коммент. Б. Я. Фрезинского. — М.: изд. Фонда Н. И. Бухарина, 1993. — 352 с.
55. Венок Илье Эренбургу: стихи (1910—1990) / сост., вступ. статья и коммент. Б. Я. Фрезинского. — СПб.: Бельведер, 2007. — 178 с.
56. *Вийон Фр.* Отрывки из «Большого завещания». Баллады и разные стихотворения / пер. и биогр. очерк И. Эренбурга. — М.: Зерна, 1916. — 54 с.
57. *Жамм Фр.* Стихи и проза / пер. И. Эренбурга и Е. Шмидт. — М.: Т-во скоропечатни А. А. Левенсон, 1913. — 138 с.
Влад. надпись: *Вейцман. 16 марта 18 г.*
58. Колокольчики: сб. стишков для маленьких / сост. А. М. Калмыкова; рис. Т. Н. Гиппиус. — Пг.: Огни, 1918. — 40 с.
59. *Мореас Ж.* Стихи. — Гомель: Изд-во «Века и дни», 1919. — 16 с.
60. Париж Ильи Эренбурга: фотовыставка из собрания Б. Я. Фрезинского / Музей Анны Ахматовой в Фонтанном доме. — СПб.: Серебряный век, [2006]. — 11 с.
61. Поэзия революционной Москвы / под ред. И. Эренбурга. — Берлин: Мысль, 1922. — 128 с. — (Книга для всех; № 57—58).
62. Поэты Франции, 1970—1913 / пер. И. Эренбурга. — Париж: Гелиос, 1914. — 141 с.
63. *Савич О. Г., Эренбург И. Г.* Мы и они. Франция. — Берлин: Петрополис, 1931. — 295 с.
64. Советские евреи пишут Илье Эренбургу, 1943—1966 / ред.: М. Альтшулер и др. — Иерусалим: Prisma-press, 1993. — 539 с.
65. Современная русская критика (1918—1924): сб. / сост. И. Оксенов; предисл. В. Лебедева-Полянского. — Л.: Госиздат, 1925. — 332 с.
66. *Фрезинский Б. Я.* Все это было в XX веке: заметки на полях истории. — М: Глобус- пресс, 2006. — 766 с.
67. *Фрезинский Б. Я.* Илья Эренбург с фотоаппаратом, 1923—1944 / Музей истории фотографии Санкт-Петербурга. — Иерусалим: Гешарим; М.: Мосты культуры, 2007. — 149 с.
Инскрипт: *«Библиотеке Пушкинского Дома Б. Фрезинский. 20.02.2017».*
68. *Фрезинский Б. Я.* Мозаика еврейских судеб, XX век. — М.: Книжники, 2008. — 464 с.
69. *Фрезинский Б. Я.* Наш жестокий XX век: страницы истории культуры. — М.: Аграф, 2016. — 660 с.
70. *Фрезинский Б. Я.* Писатели и советские вожди. — М.: Эллис Лак, 2008. — 672 с.
71. Черная книга / под ред. В. Гроссмана и И. Эренбурга. — М.: Act. Corpus, 2015. — 767 с.

72. *Эзоп*. Эзоповы басни с жизнеописанием этого баснописца / изд. Жумелем. — 2-е изд. — М.: [Шарапов], тип. Л. Степанова, 1858. — 92, [4] с. (Эзоповы басни на фр. и рус. яз. для наставления юношества во фр. яз. с картинками).
Инскрипт: *«И. Г. Эренбургу для дальнейшего совершенствования в эзоповском языке по первоисточнику. Б. Слуцкий»*.
73. *Попов В. Л., Фрезинский Б. Я.* Илья Эренбург: хроника жизни и творчества в документах, письмах, высказываниях и сообщениях прессы, свидетельствах современников). — СПб.: Лина Любавич, 1993. — Т. 1. — 382 с.
Инскрипт: *«Библиотеке Пушкинского Дома Б. Фрезинский. Янв. 2017»*.

Книги на иностранных языках

74. *Erenburg I.* Neobyčejna dobrodružstvi Julia Jurenita a jeho žaku. — Praha: Klub Čtenárů, 1966. — 206 p.
75. *Meyer A.* Il'ya Erenburg: the early years (1891—1921): diss. — Stanford, 1999. — 414 p.
Дарств. надпись И. Эренбургу: *«С признательностью за помощь и дружеское расположение. С наилучшими пожеланиями Ангелика Майер»*.
76. *Rubenstein J.* Tangled loyalties: the life and timers of Ilya Ehrenburg. — New York: Basic books, 1996. — 482 p.

Журналы

77. Вечера: ежемесячник стихов. — Париж, 1914. — № 1 (май).
78. Вещь: междунар. обозрение соврем. искусства / под ред. Эл. Лисицкого и И. Эренбурга. — Берлин. 1922. — Вып. 3 (май).
79—80. Гелиос. — Париж, 1913. — № 1 (нояб.), № 2 (дек.).
81. Ипокрена. — Пг., 1919. — [Вып. 4].
82—96. Новая русская книга: ежемес. крит.-библиогр. журн. / под ред. А. С. Ященко. — Берлин, 1922. — № 1—12; 1923. — № 1—6.
97—98. Россия: ежемес. обществ.-лит. журн. — М.; Л., 1924. — № 1 (10), февр.; № 2 (11).
99—100. Русская книга: ежемес. крит.-библиогр. журн. — Берлин, 1921. — № 7/8 (июль-авг.); № 9 (сент.).
101. Современник: журн. лит., обществ. жизни, политики, истории, науки и искусства. — 1914. — Авг.

Материалы Б. Я. Фрезинского в собрании Литературного музея

В 2017 г. литературовед и коллекционер Борис Яковлевич Фрезинский (1941—2020) передал в дар Литературному музею ИРЛИ обширную коллекцию документальных и изобразительных материалов,

посвященных жизни, творчеству и увековечению памяти И. Г. Эренбурга (1891—1967). Среди них — личные вещи писателя, его графические и скульптурные портреты, произведения нумизматики, собрание прижизненных афиш и плакатов, связанных с насыщенной общественно-политической деятельностью Эренбурга в 1950—1960-е гг. Отдельного внимания заслуживает великолепная коллекция книг из библиотеки Эренбурга с инскриптами известнейших отечественных и зарубежных писателей и ученых первой половины XX века, ставшая настоящим украшением музейного собрания Пушкинского Дома. Также Б. Я. Фрезинским были подарены материалы фотовыставки «Илья Эренбург — фотограф, 1923—1938: из собрания Б. Я. Фрезинского», состоявшейся 24 мая — 1 июля 2001 г. в Музее Анны Ахматовой в Фонтанном Доме; они пополнили научно-вспомогательный фонд музея.

В 2021 г. после смерти коллекционера по его завещанию в Литературный музей поступила ценная коллекция оригинальных портретов И. Г. Эренбурга и принадлежавшей ему графики, выполненная такими яркими представителями отечественного и эмигрантского искусства, как Р. Р. Фальк, Л. М. Козинцева-Эренбург, Маревна (М. Б. Воробьева-Стебельская), И. А. Пуни, С. Фотинский (А. Ш. Айзеншер) и др., а также документы, связанные с научными интересами Б. Я Фрезинского: автографы М. А. Кузмина, А. К. Лядова, А. И. Цветаевой, И. Г. Эренбурга и др. В числе памятных вещей пришли траурные ленты от погребальных венков с похорон писателя, возложенных от советских и зарубежных организаций и известных деятелей культуры. В фонд портретной фотографии поступило прекрасное собрание групповых портретов И. Г. Эренбурга с известными писателями и художниками, а также редкие фотографии И. А. Бродского, выполненные в конце 1960-х — начале 1970-х гг., незадолго до его эмиграции из СССР.

Фонд редкой книги

В 2017 г. Б. Я. Фрезинский передал в Литературный музей уникальное собрание книг из библиотеки И. Я. Эренбурга с инскриптами писателю, его жене Л. М. Козинцевой-Эренбург и их дочери И. И. Эренбург — выдающихся русских и европейских писателей, ученых и деятелей культуры, включающее 11 книг на русском и 65 на иностранных языках.

Книги на русском языке:

1. *Берков П. Н.* О людях и книгах: (из записок книголюба) / худ. Н. В. Колли. — М.: Книга, 1965. — 144 с.
   Инскрипт: *«Глубокоуважаемому Илье Григорьевичу Эренбургу с приветом от автора. 24.X.65»*.
   ПД КП-6664/1, РК-261.

2. *Броневский Владислав*. Избранное: стихи. / пер. с польск. — М.: Правда, 1951. — 40 с. — (Б-ка «Огонек»; № 52).
   Инскрипт: *«Илье Григорьевичу Эренбургу братски. Praha 20 II 52. W. Bronevcki»*.
   ПД КП-6664/8, РК-268.
3. *Гильен Николас*. Избранное: стихи / пер. с исп.; предисл. И. Эренбург. — М.: Правда, 1955. — 32 с. — (Б-ка «Огонек»; № 19).
   Инскрипт: *«Para Ilya con el carino. Guillen. Helsinki, Junio 20/55» (Илье с нежностью. Гильен. Хельсинки. Июнь 20/55)*.
4. *Меве Е. Б*. Страницы из жизни А. П. Чехова: (труд и болезнь писателя-врача) / Харьковское мед. об-во. — Харьков, 1959. — 110 с.
   Инскрипт: *«Дорогой Илья Григорьевич! Вы знаете, чувствуете и очень любите Чехова. Поэтому я позволил себе послать Вам эту книгу. Расцените ее как небольшой знак внимания одного из тех, кто очень предан Вам за Ваш гуманизм и Вашу правдивость. 3/I 1960 г. Е. Меве. г. Харьков, пл. Р. Люксембург, дом 5, кв. 13. Меве Евгений Борисович»*.
   ПД КП-6664/4, РК-264.
5. *Неруда Пабло*. Птицы Чили / пер. с исп. О. Г. Савича. — М.: Прогресс, 1967. — 80 с.
   На шмуцтитуле справа внизу зелеными чернилами дарительная надпись И. Г. Эренбургу на испанском языке: *«A Ilya & Luba su siempre fiel. Pablo Neruda. 1967 mayo» (Илье и Любе с сердечной привязанностью Пабло Неруда. 1967 май)*.
   ПД КП-6664/10, РК-270.
6. *Низан Поль*. День мертвых / пер. с фр. Э. Шлосберг. — М.: ГИХЛ, 1935. — 148 с.
   Инскрипт: *«Pour Ilya Ehrenbourg avec toute l'amitié de Paul Nisan» (Илье Эренбургу со всей дружбой от Поля Низана)*.
   ПД КП-6664/11, РК-271.
7. Париж Ильи Эренбурга: фотовыставка из собрания Б. Я. Фрезинского, 18 мая — 14 июня 2006. Музей Анны Ахматовой в Фонтанном доме. — СПб.: Серебряный век, [2006]. — 11 с.
8. Полтавский государственный литературно-мемориальный музей В. Г. Короленко: путеводитель / вступ. статья С. В. Короленко. — Харьков: Изд-во Кн. палаты УССР, 1955. — 91 с.
   Инскрипт: *«Глубокоуважаемый Илья Григорьевич. Шлем Вам сердечный привет и просим принять эту книжку как приглашение побывать в Полтаве в музее В. Г. Короленко. 3/X — 60 г. Работники музея В. Г. Короленко»*.
   ПД КП-6664/6, РК-266.
9. Русские писатели в Томске: очерки: к 350-летию г. Томска. — Томск: Томское обл. лит. объединение, 1954. — 112 с.
   Инскрипт: *«Илье Григорьевичу Эренбургу с глубоким уважением и искренним приветом. Б. Беляев. Ноябрь 1954»*.
   ПД КП-6664/5, РК-265.

10. *Теплинский М. В., Бурятов Б. Н.* А. П. Чехов на Сахалине. — [Южно-Сахалинск]: Кн. ред. «Советский Сахалин», 1957. — 96 с.
Инскрипт: *«Глубокоуважаемому Илье Григорьевичу, автору замечательной работы о Чехове. М. Теплинский. 28.VI.59. Южно-Сахалинск»*.
ПД КП-6664/2, РК-262.
11. *Толлер Эрнст.* Юность в Германии / авториз. пер. с нем. В. И. Стенича. — М.: Гослитиздат, 1935. — 231 с.
Инскрипт: *«À Ilya Ehrenbourg amicalement. Ernst Toller. 23 juin 36. London»* (*Илье Эренбургу дружески. Эрнст Толлер. 23 июня <19>36. Лондон*).
ПД КП-6664/12, РК-272.
12. *Фрид Я. В.* Стендаль: очерк жизни и творчества. — М.: ГИХЛ, 1958. — 287 с.
Инскрипт: *«Уважаемому Илье Григорьевичу Эренбургу — 4 ноября 1958 г. Я. Фрид»*.
ПД КП-6664/7, РК-267.
13. *Фризман Л. Г.* Творческий путь Баратынского. — М.: Наука, 1966. — 142 с., 2 л. портр.
Инскрипт: *«Дорогому Илье Григорьевичу в знак глубокого уважения и с наилучшими пожеланиями автора»*.
ПД КП-6664/3, РК-263.

Книги на иностранных языках

14. *Alberti Rafael.* Revenances du vivant lointain. Autour du monde / traduit de l' espagnol A. Awreiler. — Paris, 1955. — 109 p.
На шмуцтитуле дарственный автограф переводчицы Алис Аврейлер И. Г. и Л. М. Эренбургам на французском языке: «*Pour Louba et Ilya Ehrenbourg cette Espagne toujours proche, avec toute l'amitié de la traductrice Alice Awreiler*». (*Любе и Илье Эренбургам эта Испания, всегда близкая, со всею дружбой от переводчицы. Это Алис Аврейлер*) <шуточный автопортрет А. Аврейлер>.
ПД КП-6664/14, РК-274.
15. *Aragon <L.>.* Les communistes: roman (Février — Septembre 1939). — Paris: La bibliothèque française, 1949. — 265 p.
Инскрипт: *«à Ilya Gregoritch son ami et éditeur désormais, ce livre qui a vu le jour avec La Tempête. Aragon» (Илье Эренбургу его друг и отныне издатель, эта книга, которая увидела свет вместе с «Бурей». Арагон)*.
ПД КП-6664/16, РК-276.
16. *Aragon <L.>.* Élégie à Pablo Neruda: poème. — [Paris]: Gallimard, 1966. — 43 p.
Инскрипт: *«à Ilya Gregoritch pour toute l'Espagne et tout le Chili qui mieux que les unes de Bonaparte, affectueusement. Louis» (Илье Эренбургу от всей Испании и всего Чили которые стоят теперь гораздо больше, чем при Бонапарте,*[4] *сердечно. Луи*).

[4] Имеется в виду Жозеф Бонапарт, король Испании (1808—1813), в управлении которого находились Испания и Чили (как ее колония).

ПД КП-6664/19, РК-279.

17. *Aragon* <*L.*>. En français dans le texte: Ides poetiques. — Neuchâtel: Ides et calendes, 1943. — 65 p. (exempl. № 41).
Инскрипт: *«à Ilya et Liouba Ehrenbourg leur ami d'an de là, le accident de la vie. Aragon» (Илье и Любе Эренбург их друг о происшествии в жизни за год до этого*).
ПД КП-6664/17, РК-277.

18. *Aragon* <*L.*>. Le fou d'Elsa: poème. — [Paris]: Gallimard, 1963. — 458 p.
Инскрипт: *«à L. M. et I. G. Ehrenbourg, leur ami qui ne les avais pas oubliés, et ne croit pas utile pour eux d'ajouter à cette folie le second lexique, peut être à d'autres nécessaire pour saisir la contemporaineté de ce réalisme-ci —affectueusement. Louis» (Л. М. и И. Г. Эренбургам от их друга, который их не забывал и не считает полезным для них добавить к этому безумству другое лексическое, может быть, необходимое для иных, чтобы почувствовать современность этого реализма, с любовью. Луи*).
ПД КП-6664/18, РК-278.

19. *François la Colère*.[5] Le musée Grévin: poème. — Paris: Aux éditions de minuit, MCMXLIII [1943]. — 138 p.
Инскрипт: *«à Ilya Ehrenbourg pour lire en avion avec toute la sentimentalité des anneés, où il était pour nous un nom à la radio, amicalement Aragon»* (*Илье Эренбургу для чтения в самолете, со всей сентиментальностью лет, когда он был для нас именем, звучавшим по радио, дружески. Арагон*).
ПД КП-6664/15, РК-275.

20. *Bloch J.-R.* Destin du siècle: second essais pour mieux comprendre mon temps. — Paris: Les éditions Rieder, 1931. — 317 p. — («Collection Europe»).
Инскрипт: *«à mon cher Ilia Ehrenbourg, avec mon admiration J.-R. Bloch à la Meigote, le 7 mais 1931»* (*дорогому Илье Эренбургу с моим восхищением. Ж.-Р. Блок в Мейготе, 7 мая 1931*).
ПД КП-6664/21, РК-281.

21. *Bloch J.-R.* ... Et compagnie: éd. définitive 13-e éd. — [Paris]: Librairie Gallimard, 1925. — 455 p.
Инскрипт: *«Pour Ilya Ehrenbourg, en affectueuse complicité d'esprit et parceque la somme des souvenirs communs est déjà coquette, mon viel ami, J.-R. Bloch» (Илье Эренбургу с уважением и духовным сродством, и потому, что говорить о сумме общих воспоминаний уже кокетство, мой старый друг. Ж.-Р. Блок*).
ПД КП-6664/20, РК-280.

22. *Bloch J.-R.* Toulon: chronique française en trois époques 1942—1943. — Moscou: Éd. en langues étrangères, 1944. —150 p.

---

[5] *Francois la Colère* (*фр.* Франсуа Яростный, Гневный) — псевдоним Луи Арагона; книга вышла подпольно в оккупированном фашистами Париже.

Инскрипт: «*À Ilya Ehrenbourg, à Liouba, cet air de France, — en attendant d'aller auger une bouillabaisse avec un petit rouge de S. Tropez dans un pays nettoyé. — J.-R. Bloch. à Moscou, le 9 mai 1944*» (*Илье Эренбургу, Любе этот воздух Франции — в ожидании, когда пойдем пожирать буйабес*[6] *со стаканчиком красного из Сен-Тропе в очищенной стране. — Ж.-Р. Блок, в Москве, 9 мая 1944*).
ПД КП-6664/22, РК-282.

23. *Bontempelli M.* Le fils de deux mères / traduit de l'italien par E. Audisio. — Paris: Librairie Gallimard, 1930. — 220 p.
Инскрипт: «*À Ilya Ehrenbourg son ami Massimo Bontempelli*» *(Илье Эренбургу от его друга Массимо Бонтемпелли*).
ПД КП-6664/23, РК-283.
24. *Cassou J.* Cervantes. — Paris: Éd. Sociales internationales, 1936. — 245 p. — (Socialisme et culture).
Инскрипт: «*à Ehrenbourg très cordialement. Jean Cassou*» (*Эренбургу очень сердечно. Жан Кассу*).
ПД КП-6664/33, РК-293.
25. *Cassou J.* Quarante-huit. — 5-e éd. — Paris: Gallimard, [1939]. — 254 p. — (Anatomie des révolutions).
Инскрипт: «*à Ilya Ehrenbourg amicalement. Jean Cassou*» *(Илье Эренбургу дружески. Жан Кассу)*.
ПД КП-6664/34, РК-294.
26. *Cendrars B.* Dix-neuf poèmes élastiques / avec un portrait de l'auteur par Modigliani. — Paris: Au sans pareil, 1919. — 55 p. [ненумер.].
Инскрипт: «*à Ehrenbourg cordialement и съ поклономъ Blaise Cendrars le 22/21/22*» *(Эренбургу сердечно и с поклоном Блез Сандрар 22/21/22)*.
ПД КП-6664/52, РК-312.
27. *Chamson A.* Les hommes de la route: roman. — Paris: Bernard Grasset, 1927. — 250 p.
Инскрипт: «*Pour Ilya Ehrenbourg, pour Julio Jurenito, en témoignage de mon sympathie André Chamson*» *(Илье Эренбургу, за Хулио Хуренито как свидетельство моей симпатии, Андре Шамсон*).
ПД КП-6664/61, РК-321.
28. *Chamson A.* Le crime des justes: roman. — Paris: Bernard Grasset, 1949. — 161 p.
Инскрипт: «*Pour Ilya Ehrenbourg avec sympathie. André Chamson*» *(Илье Эренбургу с симпатией. Андре Шамсон*).
ПД КП-6664/62, РК-322.
29. *Chamson A.* Retour d' Espagne: rien qu'un témoignage. — Paris: Bernard Grasset, 1937. — 132 p.
Инскрипт: «*Pour Ilya Ehrenbourg en souvenir de la nuit de Madrid fraternellement. André Chamson*» *(Илье Эренбургу на память о ночи в Мадриде, братски. Андре Шамсон)*.
ПД КП-6664/63, РК-323.

[6] *Буйабес* — средиземноморский рыбный суп.

30. *Chamson A.* Le Puits des miracles: roman. — Paris: Gallimard, 1945. — 238 p.

    Инскрипт: *«Mon cher Ylya Ehrenbourg, voilà huit mois que nous sommes rentrés dans la guerre pour de bon, heureux d'avoir rejoint sur le front de combat nos camarades de l'Armée Rouge. Je suis allé de la Dordogne au Rhin, plus proche de vous maintenant que je ne l'ai été pendant ces cinq années de malheurs. J'espère vous revoir bientôt, peut-être au centre de l'Allemagne. Je vous envoie ce livre, ce* <линия к печатному названию книги. — *Н. К., Н. Л.*>*: «Le puits des miracles», écrit pendant les années de la servitude, pour conjurer les maléfices de la défaite. Je vous salue, Ylya Ehrenbourg, en espérant vous voir bientôt. André Chamson. Ancien Commandant F. T. P. F.* <*Franc-Tireurs et Partisans français*[7]>*, Chef de bataillion à la 1-ère Armée Française» (Мой дорогой Илья Эренбург, вот уже 8 месяцев как мы серьезно ввязались в войну, мы были счастливы присоединиться на фронтах боев к нашим товарищам из Красной армии. Я дошел от Дордони до Рейна, теперь я ближе к вам, чем был в эти 5 лет несчастий. Надеюсь вскоре увидеть вас, возможно, в центре Германии. Я посылаю вам эту книгу «Кладезь чудес»* <линия проведена к печатному заглавию книги. — *Н. К., Н. Л.*>*, написанную в годы порабощения, чтобы заговорить пагубу поражения. Я приветствую вас, Илья Эренбург, и надеюсь на скорую встречу. Андре Шамсон. Старший командир Ф. Ф. Т. П.* <*французских франтиреров и партизан*> */ Командир батальона 1-ой Французской армии)*.

    ПД КП-6664/64, РК-324.

31. *Cocteau J.* Le grand écart: roman. — 19 éd. — Paris: Librairie Stock, 1923. — 205 p.

    Инскрипт: *«à E. Ehrenbourg ce témoignage très amical de Jean Cocteau. 1923» (И. Эренбургу это дружеское свидетельство от Жана Кокто. 1923*).

    ПД КП-6664/36, РК-296.

32. *Cocteau J.* Le cordon ombilical: souvenirs. — Paris: Librairie Plon, 1962. — 81 p.

    Инскрипт: *«Salut affectueux à Ilya Ehrenbourg. Jean*»* (*Сердечный привет Илье Эренбургу. Жан*)*.[8]

    ПД КП-6664/37, РК-297.

33. *Cocteau J.* Le requiem. — Paris: Gallimard, 1962. — 177 p.

    Инскрипт: *«à Ilya Ehrenbourg avec mon respect amical et fidèle. Jean Cocteau. 1962» (Илье Эренбургу с преданностью и дружеским уважением. Жан Кокто. 1962)*.

    ПД КП-6664/38, РК-298.

34. *Cocteau J.* Thomas l'imposteur: histoire — Paris: Éd. de la Nouvelle revue française, 1923. — 185 p.

---

[7] Франтиреры и французские партизаны — крупнейшая военная организация Движения Сопротивления во Франции в 1941—1944 гг.

[8] Звездочка нарисована Ж. Кокто.

Инскрипт: *«à E. Ehrenbourg. Ce petit essai de Clarté a double fond. Jean Cocteau. 1923» (И. Эренбургу. Это маленькое эссе о Свете с двойным дном. Жан Кокто. 1923*).
ПД КП-6664/35, РК-295.

35. *Druon M.* Rendez-vous aux enfers: roman. — Paris: Julliard Sequana, 1951. — 285 p.
Инскрипт: *«Pour Ilya et Liouba Ehrenbourg en souvenir des trop brefs, mais inoubliables instants passés avec eux, et en leur donnant* **rendez-vous**[9] *à Moscou ou à Paris celon vos voeux. Druon. 1952» (Илье и Любе Эренбург в память об очень коротких, но незабываемых мгновениях, проведенных с ними и в ожидании встречи в Москве или Париже по их желанию. Дрюон. 1952)*.
ПД КП-6664/29, РК-289.

36. *Dürrenmatt F.* La panne / texte français par Armel Guerne. — Paris: Éd. Albin Michel, 1958. — 156 p.
Инскрипт: *«An Ilia Ehrenburg in Verehrung. Friedrich Dürrenmatt. 31.5.67 Moskau» (Илье Эренбургу с почтением. Фридрих Дюрренмат. 31.5.67 Москва)*.
ПД КП-6664/30, РК-290.

37. *Éluard P.* Au rendez-vous allemand / portrait de l'auteur par Picasso. — Nouvelle éd. revue et augmentée. — Paris: Aux éditions de minuit, MCMXLVI [1946]. — 90 p.
Инскрипт: *«à Ilya Ehrenbourg qui fut une de nos raisons d'espérer. Paul Eluard» (Илье Эренбургу, которыйбыл для нас одним из вестников надежды. Поль Элюар.)*
ПД КП-6664/66, РК-326.

38. *Éluard P.* Au rendez-vous allemand. — Genève: Trois collines, 1945. — 85 p.
Инскрипт: *«à Louba très affectueux hommage, Paul Éluard» (Любе с сердечным почтением, Поль Элюар)*.

39. *Éluard P.* Corps mémorable. — Paris: P. Seghers, 1947. — XII, [4] p. — (Poésie 48).
Инскрипт: *«Pour mon grand ami Ilya Ehrenbourg qui dessine avec des mots les hommes et les événements, Paul Eluard. 23 avril 49» (Моему большому другу Илье Эренбургу, который рисует словами людей и события, Поль Элюар. 23 апреля <19>49)*.
ПД КП-6664/68, РК-328.

40. *Éluard P.* Hommages. — Namur: Vérité, 1950. — 23 p. — (Cahiers de la poésie nouvelle).
Инскрипт: *«à Louba, à Ilya, leur ami fidèle Paul Eluard» (Любе, Илье их верный друг Поль Элюар)*.
ПД КП-6664/69, РК-329.

---

[9] *Rendez-vous* (*фр.* свидание) — часть печатного названия книги на фронтисписе.

41. *Éluard P.* Poèmes politiques / préface d'Aragon. — 3-e éd. — Paris: Gallimard, 1948. — 59 p.
Инскрипт: *«Pour Irène Ehrenbourg les souvenir d'un séjour heureux dans la capitale de l'espoir, Paul Éluard. Mai 52» (Ирине Эренбург в память счастливого пребывания в столице надежды. Поль Элюар. Май <19>52)*.
ПД КП-6664/67, РК-327.
42. *Éluard P.* Pouvoir tout dire: poèmes / illustrés par Françoise Gilot. — Paris: Raison d'être, 1951. — 89 p.
Инскрипт: *«à mes amis Louba et Ilya de leur dévoué Paul Eluard» (Моим друзьям Любе и Илье от их преданного Поля Элюара)*. На листке, вложенном в книгу, инскрипт П. Элюара: *«Pour Louba et Ilya Ehrenbourg. Merci et tendrement. Paul El.» (Любе и Илье Эренбургам. Благодарно и с нежностью. Поль Эл.)*.
ПД КП-6664/70, РК-330.
43. *Gary R.* Tulipe. — Paris: Calmann-Lévy 1946. — 173 p.
Инскрипт: *«Pour Ilya Ehrenbourg, avec toute mon admiration et mon espoir, fraternellement Romain Gary. Sofia 3/11/46» (Илье Эренбургу со всем моим восхищением и надеждой, братски Ромен Гари. София. 3/11/<19>46)*.
ПД КП-6664/25, РК-285.
44. *Guillen N.* Élégies Antillaises / traduction de Claud Couffon. — Paris: Pierre Seghers, 1955. — 94 p. — (Autour du monde).
Инскрипт: *«Para Ilya Ehrenburg pequeño testimonio de mi grande cariño y primo amistad. Nicolás /Guillén/. Paris — 1 — XII 55» (Илье Эренбургу малое подтверждение моей большой любви и верной дружбы. Николас /Гильен/. Париж — 1 — XII <19>55)*.
ПД КП 6664/27, РК-287.
45. *Guilloux L.* Le sang noir: roman. — [Paris]: Librairie Gallimard, 1943. — 433 p.
Инскрипт: «*À Ilya Ehrenbourg amicalement. Louis Guilloux*» *(Илье Эренбургу дружески Луи Гийу)*.
ПД КП-6664/26, РК-286.
46. *Gómez de la Serna, R.* Gustave l'incongru / traduit de l'espagnol par Jean Cassou et André Wurmser. — Paris: Simon Kra, 1927. — 246 p.
Инскрипт: *«Para mi admirado Ilya Ehrenburg con Antigua devoción Ramón Gómez de la Serna» (Моему обожаемому Илье Эренбургу с неизменной давней преданностью Рамон Гомес де ла Серна)*.
ПД КП-6664/28, РК-288.
47. *Hellens F.* Bass Bassina-Boulou. — Paris: F. Rieder et C°, 1922. — 269 p. — (Prosateurs français contemporains).
Инскрипт: *«À Elie Ehrenbourg son ami, Franz Hellens» (Илье Эренбургу его друг Франц Элленс)*.
ПД КП-6664/65, РК-325.

48. *Hikmet N.* Poèmes de Nazim Hikmet / traduit du turc; introduction de Tristan Tzara; notes par Hasan Guren. — Paris: Les éditeurs français réunis, 1951. — 181 p.

На спусковой первой полосе после предисловия (на с. 1, после с. XII. — *Н. Л.*, *Н. Л.*) розовыми чернилами дарственный автограф автора И. Г. Эренбургу на русском языке: «*Как жаль мне, что эта книга не полезна как кофейная мельница. <Подпись> 1951 Москва*».
ПД КП-6664/49, РК-309.

49. Hommage des artistes espagnols au poète Antonio Machado: exposition peinture-sculpture de 4 au 24 Février 1955 / Maison de la Pensée Française 2 Rue de l'Elysée — Paris VIII. Picasso. le 3. 1. 55. — 9 p.

С печатным портретом А. Мачадо работы П. Пикассо на обложке.
ПД КП-6664/71, РК-331.

50. *Istrati P.* Domnitza de Snagov // Les récits d'Adrien Zograffi. Les Haïdoucs. — Paris: Riedere et C°, éd., 1926. — 265 p. — (Prosateurs français contemporains).

Инскрипт: «*à mon ami Ilya Ehrenbourg en toute affection amicale. Panaït Istrati. 1926*» (*Моему другу Илье Эренбургу со всей дружеской привязанностью. Панаит Истрати 1926*).
ПД КП-6664/32, РК-292.

51. *Levi C.* Le Christ s'est arrêté à Éboli: roman / traduit de l'italien par J. Modigliani. — Paris: Gallimard, 1948. — 247 p.

Инскрипт: «*à Ilya Ehrenbourg en signe de grande admiration et amitié (et avec l'espoir d'autres rencontres). Carlo Levi. Rome, le 1-er novembre 1949*» (*Илье Эренбургу в знак большого восхищения и дружбы (и с надеждой на следующие встречи). Карло Леви. Рим, 1-е ноября 1949*). Под автографом рисунок К. Леви — автопортрет в образе совы.
ПД КП-6664/39, РК-299.

52. Lutnia Puszkina / wybral i przel. J. Tuwim. — Warszawie: Sodzielnia Wydawniczo-Oswiatowa «Czytelnik», 1949. — 255 p.

Инскрипт: «*Дорогим Эренбургам их старый, верный друг Julian Tuwim Warszawa 8. III. 1950*».
ПД КП-6664/74, РК-334.

53. *Mac Orlan P.* Rue des Charrettes: un chapitre de ma vie. — Paris: Émile Hazan éd., 1927. — 89 p.

Инскрипт: «*à Ilya Ehrenbourg. Je suis heureux mon cher ami, d'écrire encore une fois votre nom en tête de ce petit livre, témoignage de mon affection votre ami P. Mc Orlan 1927*» (*Илье Эренбургу. Я счастлив, мой дорогой друг, снова написать ваше имя в начале этой небольшой книги как свидетельство моей привязанности. Ваш друг П. Мак-Орлан. 1927*).
ПД КП-664/40, РК-300.

54. *Mac Orlan P.* Rue Saint-Vincent: images italiennes et françaises. Chronique de la vie sentimentale contemporaine. Abécédaire. Étude d'A. Billy. — Paris: Éd. du Capitole, 1928. — 267 p.

На фронтисписе графический портрет П. Мак Орлана. Иллюстрации — собственные фотографии автора.
Инскрипт: *«à Ilya Ehrenbourg, mon ami. Mac» (Илье Эренбургу, моему другу. Мак)*.
ПД КП-6664/41, РК-301.

55. *Mac Orlan P.* Villes: Ruen, Montmartre, Brest, Londres, villes rhénanes, Rome. — 13 éd. — Paris: Librairie Gallimard, 1929. — 265 p.
Инскрипт: *«à Ilya Ehrenbourg à qui ce livre est dédié en temoignage d'affection profonde. Son ami P. McOrlan. 29» (Илье Эренбургу посвящаю эту книгу в знак глубокого уважения. Его друг П. Мак-Орлан. <19>29)*.
ПД КП-6664/42, РК-302.

56. *Machado A.* Obras completas de Antonio Machado. — Mexico: Laberinto editorial Seneca, 1944. — 927 p.
На шмуцтитуле красным карандашом дарственный автограф издателя Хосе Бергамина И. Г. Эренбургу на испанском языке: «*Para Ilya Ehrenburg recuerdo de su siempre amigo. José Bergamin. Mayo 1944» (Илье Эренбургу на память о преданном ему друге. Хосе Бергамин. Май 1944)*.
ПД КП-6664/76, РК-336.

57. *Malraux A.* La voie royale. — Paris: B. Grasset, 1930. — 273 p. — (Les cahiers verts 5-e série, № 4). Exempl. № 525.
Инскрипт: *«à Ilya Ehrenbourg avec le meilleur souvenir d'André Malraux» (Илье Эренбургу на добрую память. Андре Мальро)*.
ПД КП-6664/43, РК-303.

58. *Malraux A.* La condition humaine. — Paris: Gallimard, 1933. — 403 p.
Инскрипт: *«Pour Ilya Ehrenbourg avec la symphathie 51. André Malraux». (Илье Эренбургу с симпатией. <19>51. Андре Мальро)*. Ниже шуточный рисунок автора, изображающий птицу.
ПД КП-6664/44, РК-304.

59. *Malraux A.* Le temps du mépris / éd. originale. — Paris: Gallimard, 1935. — 187 p.
Инскрипт: *«Pour Louba et Ilya Ehrenbourg amicalement. André Malraux»* (*Любе и Илье Эренбургам дружески. Андре Мальро*).
ПД КП-6664/45, РК-305.

60. *Malraux A.* L'espoir: roman. — Paris: Gallimard, 1937. — 369 p. — (Nouvelle Revue Française).
Инскрипт: *«Pour Ilya Ehrenbourg son ami André Malraux» (Илье Эренбургу его друг Андре Мальро)*. Под автографом шуточный рисунок Мальро, изображающий маленького зверька.
ПД КП-6664/46, РК-306.

61. *Marcenac J.* Pablo Neruda. — Paris: P. Seghers, éd., 1954. — 221 p. — (Poètes d'aujourd'hui).
На обложке синими чернилами вкруговую по своему портрету дарственный автограф П. Неруды И. Г. и Л. М. Эренбургам на французском языке: «*Je souris pour Luba et le beafsteak. Pablo Neruda. 19 I 4*

<1954>» (Я улыбаюсь Любе и бифштексу. Пабло Неруда. 19 I 4 <1954>).
ПД КП-6664/47, РК-307.

62. *Maurois A*. Les mondes impossibles: récits et nouvelles fantastiques. — Paris: Club des libraires de France, 1957. — 354 p.
Инскрипт: *«Pour Ilya Ehrenbourg en confraternel hommage. André Maurois» (Илье Эренбургу с уважением как к собрату. Андре Моруа)*.
ПД КП-6664/48, РК-308.

63. *Nizan P*. Le cheval de Troie: roman. — Paris: Gallimard, 1935. — 248 p.
Инскрипт: *«à Ilya Ehrenbourg avec l'amitié de Nizan» (Илье Эренбургу дружески от Низана*).
ПД КП-6664/50, РК-310.

64. Pouchkine 1837—1937 / textes recueillis et annotés par J. E. Pouterman. — Nouvelle édition revue et augmentée. — Paris: Editions Sociales Internationales, 1937. — 233 p. Экз. № 2.
Инскрипт: *«À ma fille chérie, L. M. K.-E. paternellement J. E. Pouterman» (Моей дорогой дочери Л<юбови> М<ихайловне> К<озинцевой>-Э<ренбург> отечески И. Е. Путерман)*.[10]
ПД КП-6664/13, РК-273.

65. *Roy C*. Aragon: choix de poèmes, inédit manuscrit, lithographie, portraits: une étude par Claude Roy. — Clichy: Segers, 1945. — 157 с., 4 л. портр. — (Poètes d'aujourd'hui; 2).
Инскрипт: *«Pour Liouba et Ilya Ehrenbourg leur ami Aragon» (Любе и Илье Эренбургам их друг Арагон)*.
ПД КП-6664/9, РК-269.

66. *Roy C*. Stendal par lui-même / images et textes présentés par Claude Roy. — Paris: aux éd. du Seuil, 1954. 192 p. (Écrivains de toujours).
Инскрипт: «*à Ilya Ehrenbourg que je savais admirer et qui m'a appris a lumière un ami reconnaissant. Claude Roy» (Илье Эренбургу, которым я умел восхищаться и который научил меня любить его, от его признательного друга. Клод Руа*).
ПД КП-6664/51, РК-311.

67. *Sarraute N*. Le planétarium: roman. — Paris: Gallimard, 1959. — 310 p.
Инскрипт: «*Любовь Михайловне, на дружескую память о нашей встрече в ея доме. С надеждой, что Илья Григорьевич, если откроет*

[10] И. Е. Путерман, друг Эренбурга, редактор парижского еженедельника «Lu» переводил на французский репортажи Эренбурга из Испании и издал их отдельной книгой. В семейно-дружеском кругу носил прозвище «папаня». В 1937 г. издал на французском сборник произведений горячо любимого им Пушкина таким образом, чтобы дать представление обо всех гранях творчества поэта. Второй экземпляр этого сборника (тот, что в Музее ИРЛИ) он подарил Л. М. Эренбург, которую любил. См. о нем: *Фрезинский Б. Я.* Мозаика еврейских судеб, XX век. М.: Книжники, 2008. С. 48.

эту книгу, хоть может и подумает, то не скажет, что это еще хуже чем он предполагал. Натали Саррот».
ПД КП-6664/53, РК-313.

68. *Sartre J.-P.* Les chemins de la liberté. I. L'âge de raison: roman. — [Paris]: Gallimard, 1945. — 311 p.
Инскрипт: «*À Elie et Louba Ehrenbourg avec la fidèle amitié de J-.P. Sartre» (Илье и Любе Эренбургам с верностью дружбе от Ж.-П. Сартра)*.
ПД КП-6664/54, РК-314.

69. *Sartre J.-P.* Les chemins de la liberté. II. Le Sursis: roman. — [Paris]: Gallimard, 1945. — 351 p.
Инскрипт: «*À Elie et Louba Ehrenbourg en toute amitié J.-P. Sartre» (Илье и Любе Эренбургам со всей дружбой. Ж.-П. Сартр)*.
ПД КП-6664/305, РК-315.

70. *Seghers A.* Légendes d'Artémis / traduit de l'allemand par J. Stern. — Paris: P. Seghers, 1949. — 41 p. — (Poésie 49).
Инскрипт: «*Cher Ehrenburg, on t'a envoyé la légende de Paris encore une fois et toujours, avec amitié. Anna Seghers. Prague, le 16 déc. 1949» (Дорогой Эренбург, отправила тебе легенду Парижа снова и всегда дружески, Анна Зегерс. Прага, 16 дек. 1949)*.
ПД КП-6664/31, РК-291.

71. *Słonimski Antoni.* Liryky. — Warszawie: Panstwowy instytut wydawniczy, 1958. — 126 p.
На шмуцтитуле дарственный автограф поэта Ю. Тувима И. Г. Эренбургу на польском языке: *«Ilju Erenburgowi z serdeznym pozdrowieniem Tuwim Warszawa 7.10.51» (Илье Эренбургу с сердечным приветом. Тувим. Варшава 7.10 51)*.
ПД КП-6664/72, РК-332.

72. *Toller E.* Hinkemann: tragédie / traduite de l'allemand par J.-P. Samson, illustrée par G. Grosz, bois gravé par G. Belot. — Paris: éd. de la revue littéraire des primaires, 1926. — 90 p. — (Les Humbles; 11-e série, 8—10).
Инскрипт: «*Ilya Ehrenbourg amicalement — Ernst Toller Berline, 5.2.27» (Илье Эренбургу дружески — Эрнст Толлер. Берлин, 5.2.<19>27)*.
ПД КП-6664/75, РК-335.

73. *Triolet E.* L'âge de nylon. Luna-park: roman. — Paris: Gallimard, 1959. — 253 p.
Инскрипт: «*Любе, Илье Григорьевичу — вместо письма. Эльза*».
ПД КП-6664/58, РК-318.

74. *Triolet E.* L'écrivain et le livre ou la suite dans les idées. — Paris: Éd. sociales, 1948. — 107 p. — (Problèmes).
Инскрипт: «*Илье Григорьевичу, Любе, этот печальный роман. Эльза*».
ПД КП-6664/56, РК-316.

75. *Triolet E.* L'inspecteur des ruines: roman. — Paris: la Bibliothèque française, 1948. — 312 p.

Инскрипт: «*И в Париже слезам не верят... сердечно и даже нежно Любе и Илье Григорьевичу руининспектор — Эльза*».
ПД КП-6664/57, РК-317.

76. *Tuwim J.* Wybor poezji, 1914—1939. — Warszawie: Czytelnik, 1947. — 279 p.
Инскрипт: «*Erenburgovi, kochanemu, staremu przyjacielavi — z zawsze młodą miłością. Julian Tuwim 3.XI.1947 w Warszawie, naipiękniejszei na świciecie*» *(Эренбургу, любимому, старому другу — с всегда молодой любовью. Юлиан Тувим. 3.XI.1947 в Варшаве, прекраснейшей на свете)*.
ПД КП-6664/73, РК-333.

77. *Tzara T.* Une route seul soleil. — Toulouse: Comité national des écrivains; Centre des intellectuels, [1945]. — 15 p. — (Bibliothèque française).
В мягком издательском переплете графического оформления серии. Книжный блок прошит. 13,5 × 10,4 × 0,1.
Инскрипт: «*à Ilya Ehrenbourg ce modeste hommage à l'URSS. Avec le fraternel souvenir de Tristan Tzara Paris, le 8 juillet 46*» *(Илье Эренбургу эта скромная дань уважения Советскому Союзу. На братскую память от Тристана Тцары. Париж, 8 июля <19>46*).
ПД КП-6664/59, РК-319.

75. *Tzara T.* Terre sur terre / dessins d'A. Masson. — Genève; Paris: Éd. des Trois collines, 1946. — 65, [5] p.
Инскрипт: «*à Ilya Ehrenbourg. Fraternel souvenir de Tristan Tzara*» *(На братскую память от Тристана Тцары)*.
ПД КП-6664/60, РК-320.

76. *Vildrac Ch.* Russie neuve: (voyage en U. R. S. S.). — Paris: É.-P. Frères, 1937. — 254 p.
В мягком светлом издательском переплете с графическим оформлением серии. Страницы частично не разрезаны. 18,5 × 12 × 1,5.
Инскрипт: «*À Elie Ehrenbourg avec toute ma sympathie admirative et bien paternellement. Charles Vildrac*» *(Илье Эренбургу со всей моей восхищенной симпатией и по-отечески. Шарль Вильдрак)*.
ПД КП-6664/24, РК-284.

Памятные вещи И. Г. Эренбурга

Памятные вещи, принадлежавшие И. Г. Эренбургу, дают представление о жизни и бытовых привычках писателя за период 1930—1950-х гг.

Портфель — один из очевидных атрибутов журналистской и писательской профессии. По-видимому, кожаный портфель американской торговой марки «Lifton» был подарен Эренбургу кем-то из его американских друзей. На передней стенке под замком золотое тиснение латиницей заглавных букв имени и фамилии писателя «I. E.». Судя по состоянию портфеля, писатель им охотно пользовался.

На многих портретах и фотографиях 1920—1940-х гг. Эренбург изображен с трубкой в руке. В коллекции представлены две трубки, принадлежавшие писателю. Трубка старейшей французской фирмы «GBD», названной по первым буквам имен ее основателей (Ganneval, Bondier и Donninger). Фирма появилась в 1848 г., первоначально она специализировалась на производстве пенковых трубок и только постепенно стала применять бриар.[11] В 1930-е гг. одной из наиболее популярных моделей была «NEW ERA» — трубка именно этой модели и принадлежала Эренбургу.

Другая трубка изготовлена знаменитой английской компанией «BBB» (Blumfeld's Best Briars). Принято считать, что первоначально аббревиатура расшифровывалась как «Лучшие бриаровые трубки Блумфилда» (Blumfeld's Best Briars), но со временем эти буквы стали обозначать «Лучшие бриаровые трубки Британии». Производство появилось в конце 1850-х — начале 1860-х гг. Официально марка была зарегистрирована в 1867 г. и является одной из старейших в Британии. Трубка, принадлежавшая Эренбургу, относится к модельной серии «Best make hand gut».

Наручные часы знаменитой швейцарской фирмы «Longines», получили свое название по месту в Швейцарии, где в 1866 г. была построена первая фабрика. Компания неоднократно побеждала на международных выставках, обладателями часов этой марки были такие знаменитости, как А. Эйнштейн, М. С. Горбачев и др.

На фотографиях И. Г. Эренбург выглядит элегантным. Одним из атрибутов его костюма всегда был галстук. Среди памятных вещей писателя — узкий галстук из темно-синей замши итальянской фирмы «Gazzella». Подобные аксессуары вошли в моду в конце 1950-х — начале 1960-х гг. и приобрели особую популярность в 1970-е гг., благодаря участникам британской группы «The Beatles».

Также в 2021 г. в составе наследия Б. Я. Фрезинского поступили 14 траурных лент от погребальных венков — знак памяти о церемонии прощания с И. Г. Эренбургом. Последние слова на траурных лентах, обращенные к писателю, публицисту, общественному деятелю от государственных и общественных организаций, от коллег-журналистов, друзей и почитателей его таланта, свидетельствуют о масштабе личности Эренбурга, проявившей себя и в журналистике, и в писательском деле, и на общественном поприще.

1. Портфель И. Г. Эренбурга. США. 1950-е.

Кожа, металл; тиснение. 32 × 39,2. Под замком тиснение золотом латинскими буквами: «*I. E.*».

ПД КП-6635, ПБ-101.

---

[11] *Бриáр* — материал из плотного древовидного нароста между корнем и стволом кустарника эрики древовидной (*Erica arborea*). Средиземноморский бриар, выросший на сухих почвах, содержащих высокое количество кремния? дает необходимое сырье для производства трубок.

2. **Футляр для перьевых ручек И. Г. Эренбурга.** США. 1940-е.
   Металл, кожа искусственная, шелк. 2,8 × 15,3 × 7. На металлической пластине: «*Пламенному патриоту Илье Эренбургу Тегеран 5.1.45 г. А. Аджамян*».
   ПД КП-6634, ПБ-102.
3. **Трубка курительная И. Г. Эренбурга.** Франция. Фирма «Ganneval, Bondier & Donninger». 1930—1940-е.
   Бриар, эбонит. D чаши — 2,0; 14,0 × 4. На трубке гравированный лейбл фирмы: «GBD»; ниже: «NEW ERA»; ближе к соединению с чубуком «№ 289». На чубуке в овале также гравированный лейбл фирмы: «GBD».
   ПД КП-6630, ПБ-103.
4. **Трубка курительная И. Г. Эренбурга**. Англия. Фирма «Blumfeld's Best Briars». 1930-е.
   Бриар, эбонит (?). D чаши — 1,8 см; 14,0 × 3,5. На чубуке в ромбе лейбл фирмы «BBB» «BEST MAKE HAND GUT»; ниже: «Made in England» «№ 611».
   ПД КП-6631, ПБ-104.
5. **Часы наручные И. Г. Эренбурга.** Швейцария. Фирма «Longines». 1950-е.
   Сталь, эмаль, стекло сапфировое, кожа. D — 3,5. На циферблате над эмблемой фирмы надпись: «LONGINES».
   ПБ КП-6633, ПБ-105.
6. **Галстук И. Г. Эренбурга.** Италия. Фирма «Gazzella». 1950-е.
   Замша, шелк. 13,0 × 7. На подкладке более широкой части штамп фирмы: «Brevetto PERCLASS (?)», ниже изображение газели, еще ниже лейбл фирмы: «GAZZELLA».
   ПД КП-6632, ПБ-106.
7. **Лента траурная с надписью «Илье Григорьевичу Эренбургу от правления Союза писателей СССР»**. 1967.
   Шелк, бронзовая краска; роспись по трафарету. 276 × 17.
   ПД КП-6986/1.
8. **Лента траурная с надписью «Дорогому Илье Григорьевичу от семьи Фалька»**. 1967.
   Шелк, бронзовая краска; роспись по трафарету. 274 × 16.
   ПД КП-6986/2.
9. **Лента траурная с надписью «Илье Григорьевичу Эренбургу от редакции газеты «Красная Звезда»**. 1967.
   Шелк, бронзовая краска; роспись по трафарету. 250 × 16.
   ПД КП-6986/3.
10. **Лента траурная с надписью «Дорогому другу "Юности" Илье Григорьевичу Эренбургу»**. 1967.
    Шелк, бронзовая краска; роспись по трафарету. 292 × 15.
    ПД КП-6986/4.

11. **Лента траурная с надписью «Замечательному советскому писателю от коллектива Театра на Таганке»**. 1967.
Шелк, бронзовая краска; роспись по трафарету. 327,5 × 15,5.
ПД КП-6986/5.

12. **Лента траурная с надписью «Илье Эренбургу от польских писателей»**. 1967.
Шелк, бронзовая краска; роспись по трафарету. 280, × 15.
ПД КП-6986/6.

13. **Лента траурная с надписью «Дорогому Илье Григорьевичу от “Нового мира”»**. 1967.
Шелк, бронзовая краска; роспись по трафарету. 280,0 × 15,5.
ПД КП-6986/7.

14. **Лента траурная с надписью «Дорогому Илье Григорьевичу Эренбургу от редакции “Известий”»**. 1967.
Шелк, бронзовая краска; роспись по трафарету. 360,0 × 24,0.
ПД КП-6986/8.

15. **Лента траурная с надписью «Дорогому Илье Григорьевичу от Союза советских обществ дружбы и общества СССР—Франция»**. 1967.
Шелк, бронзовая краска; роспись по трафарету. 368,0 × 24,0.
ПД КП-6986/9.

16. **Лента траурная с надписью «Выдающемуся соратнику в борьбе за мир от Всемирного совета мира»**. 1967.
Шелк, бронзовая краска; роспись по трафарету. 370,0 × 23,7.
ПД КП-6986/10.

17. **«Дорогому другу испанского народа Илье Григорьевичу от ЦК Коммунистической партии Испании»**. 1967.
Шелк, бронзовая краска; роспись по трафарету. 372,0 × 23,0.
ПД КП-6986/11.

18. **Лента траурная с надписью «Илье Эренбургу от Центрального комитета КПСС, Президиума Верховного совета СССР и Совета министров СССР»**. 1967/
Шелк, бронзовая краска; роспись по трафарету. 368,0 × 24,0.
ПД КП-6986/12.

19. **Лента траурная с надписью «Президенту общества “СССР—Франция” от общества “Франция—СССР”»**. 1967.
Шелк, бронзовая краска, роспись по трафарету. 368,0 × 23,0.
ПД КП-6986/13.

20. **Лента траурная с надписью «Мудрому, доброму, смелому Илье Григорьевичу Эренбургу от Степана Щипачева, Елены Златовой и Виктора Щипачева»**. 1967.
Шелк, бронзовая краска; роспись по трафарету. 252,0 × 16,0.
ПД КП-6986/14.

Скульптура и нумизматика из собрания Б. Я. Фрезинского

В 2017 г. Б. Я. Фрезинским в музейную коллекцию Пушкинского Дома были переданы три произведения скульптуры и два — нумизматики, относящиеся к увековечению памяти И. Г. Эренбурга.

Наибольшую ценность представляет собой принадлежавшая Эренбургу бронзовая медаль VI Международного стендалевского конгресса в Парме (1967), участником которого незадолго до смерти был писатель.[12]

В составе собрания Фрезинского поступили гипсовый эскиз медали и бронзовая медаль, выпущенная Парижским монетным двором к первой годовщине смерти И. Г. Эренбурга (1968), работы известного французского скульптора-медальера середины XX в. и писательницы Дарии Гамсараган.[13] Гипсовый эскиз имеет на обороте выполненную красным фломастером подпись скульптора, что увеличивает его мемориальную и художественную ценность.

Заслуживают внимания гипсовая модель памятного медальона и бронзовый медальон в память 10-летней годовщины со дня смерти И. Г. Эренбурга (1977) работы видного советского скульптора-медальера М. Г. Сальмана.[14] Медальон представляет собой творчески переработанное скульптурное воспроизведение графического портрета И. Г. Эренбурга работы Пабло Пикассо (1948), хранящегося в собрании семьи Эренбургов в Москве. Рисунок Пикассо также воспроизведен на могильном памятнике писателя на Новодевичьем кладбище в Москве.

Как вспоминал сам Эренбург: «В 1948 году, после Вроцлавского конгресса, мы были в Варшаве. Пикассо сделал мой портрет карандашом; я ему позировал в номере старой гостиницы “Бристоль”. Когда Пабло кончил рисовать, я спросил: “Уже?” Сеанс показался мне очень коротким. Пикассо рассмеялся: “Но я ведь тебя знаю сорок лет...” Портрет Пикассо мне кажется не только очень похожим на меня (лучше сказать — я похожу на рисунок), но и глубоко психологическим».[15]

---

[12] В мае 1967 г. И. Г. Эренбург выступал на VI Международном стендалевском конгрессе в Италии в Парме, где вручил выдающемуся скульптору Дж. Манцу Международную Ленинскую премию «За укрепление мира между народами». См.: *Левенсон Д.* Последняя встреча // Наше наследие. 2012. № 103.

[13] *Гамсараган Дария* (наст. имя — *Ардемис Дора Гамсараган* (*Ardemis Dora Gamsaragan)*; 1907—1986) — египетский и французский скульптор и медальер армянского происхождения. Также писала литературные произведения под псевдонимом Анн Сараг (Anne Sarag). Входила в круг общения Эренбурга в Париже в 1920—1950-е гг.

[14] *Сальман Марк Григорьевич* (1938—2015) — видный советский и российский скульптор-медальер. С 1990 г. жил и работал в Израиле.

[15] *Эренбург И. Г.* Люди, годы, жизнь. М.: Советский писатель, 1990. С. 215.

1. Неизвестный скульптор (Corvi?). **Медаль VI международного Стендалевского конгресса в Парме, принадлежавшая И. Г. Эренбургу**. Италия. 1967.

   Бронза. D — 8,0. В картонном футляре. Аверс: В центре профильное (1/2 влево) изображение французского писателя Стендаля (Анри Бейля). По левому краю в центре надпись на французском «*HENRY*», по правому: «*BEYLE*». Справа внизу под срезом плеча подпись скульптора: «*Corvi*». Реверс: В центре изображение итальянского монастыря, в котором происходит действие романа Стендаля «Пармская обитель» (1839). Под изображением надпись на итальянском языке: «*LA CERTOSA*». По кругу надпись на итальянском языке: «*VI CONGRESSO INTERNATIONALE STENDALIANO PARMA 1967*».
   ПД КП-6640, Н-59

2. Гамсараган Дария (*Daria Gamsaragan*; 1907—1986). **Эскиз памятной медали к первой годовщине смерти И. Г. Эренбурга**. Париж. 1968.

   Гипс вощеный. D — 17,0. Погрудный, 1/2 влево. Писатель изображен пожилым, с высоким лбом с залысиной, густыми всклокоченными волосами. В костюме. Справа вверху в выступающем рельефе выдавлено имя Эренбурга на французском языке: «*ILYA EHRENBOURG*». На изображении снизу по правому краю подпись-монограмма скульптора: «*DG*». На обороте красным фломастером рукой скульптора надпись на французском языке: «*ILYA EHRENBOURG FAIT DARIA GAMSARAGAN*» *(Илья Эренбург сделано Дарьей Гамсараган)*.
   ПД КП-6638, С-90.

3. Гамсараган Дария (*Daria Gamsaragan*; 1907—1986). **Памятная медаль к первой годовщине со дня смерти И. Г. Эренбурга.** Париж. 1968. Парная к С-90.

   Бронза. D — 6,7. В синем картонном футляре. Аверс: В центре погрудное изображение И. Г. Эренбурга: 1/2 влево, пожилой, густые всклокоченные волосы, в костюме. По правому краю вверху в выступающем рельефе надпись на французском языке: «*ILYA EHRENBOURG*»; снизу по правому краю подпись-монограмма скульптора: «*DG*». Реверс: В центре изображена открытая записная книжка писателя, ниже — отдельные листы с перечислением названий произведений И. Г. Эренбурга на французском языке.
   ПД КП-6639, Н-60.

4. Сальман Марк Григорьевич (1938—2015). **Эскиз памятного медальона к 10-летней годовщине со дня смерти И. Г. Эренбурга (1891—1967).** 1977.

   Гипс вощеный. D — 14,0. На изображении в центре по правому краю подпись-монограмма скульптора: «*С. М. 77*»; справа внизу воспроизведение дарительной надписи П. Пикассо И. Г. Эренбургу на французском языке: «*Pour Toi mon Ami. Picasso 29 août 1948*» (*Для Тебя, мой Друг. Пикассо. 29 августа 1948)*. На обороте синим карандашом дари-

тельная надпись скульптора Б. Я. Фрезинскому: «*Борису Яковлевичу с пожеланием успехов М. С. 1977 г. апрель*».
ПД КП-6636, С-88.

5. Сальман Марк Григорьевич (1938—2015). **Памятный медальон к 10-летней годовщине со дня смерти И. Г. Эренбурга (1891—1967).** 1977.
Парный к С-88. Бронза. D — 13,4. На изображении в центре по правому краю подпись-монограмма скульптора: «*С. М.* 77»; справа внизу воспроизведение дарительной надписи П. Пикассо И. Г. Эренбургу на французском языке: «*Pour Toi mon Ami. Picasso 29 août 1948*» *(Для Тебя, мой Друг. Пикассо. 29 августа 1948)*.
ПД КП-6637, С-89

Оригинальная графика и документы из собрания Б. Я. Фрезинского

Связи И. Г. Эренбурга с художественным миром Советского Союза и русского зарубежья прослеживаются на примере коллекции рисунков, переданных в Литературный музей ИРЛИ РАН из собрания Б. Я. Фрезинского. Коллекция невелика, но первоклассна по качеству.

В 2017 г. от самого Фрезинского поступили четыре рисунка: созданный в 1943 г. портрет И. Г. Эренбурга работы В. Ерунова, а также шаржированные портреты писателя и его друга, журналиста и переводчика О. Г. Савича, работы неизвестного художника.[16] В 2021 г. по завещанию литературоведа в Литературный музей был передан целый ряд ценных изобразительных материалов и документов.

Значительную часть собрания составляют портреты Эренбурга, разнообразные по стилю и назначению. Так, «репортажный» рисунок Сержа Фотинского, двойной портрет Эренбурга и Андре Мальро на Международном антифашистском конгрессе писателей в защиту культуры, является ценнейшим историческим документом, запечатлевшим одну из сторон общественной деятельности Ильи Григорьевича. Общественную деятельность Эренбурга обыгрывает приуроченный к его 55-летию шарж Б. Е. Ефимова, на котором с изрядной долей иронии скрупулезно проработан орденский «иконостас» на груди юбиляра.

Совершенно иной характер имеют портреты работы Л. М. Козинцевой-Эренбург и Р. Р. Фалька. Это идеальные образы, освобожденные от наслоений времени. Но если супруга Эренбурга, Любовь Михайловна, не преминула добавить в кубистический портрет бытовую деталь, неизменный «атрибут» — курительную трубку, то Фальк отсе-

[16] Материалы из собрания Б. Я. Фрезинского, поступившие в 2017 г., были описаны тогдашним хранителем фонда оригинальной графики и документов Е. Н. Монаховой (1948—2020).

кает любые детали. Исходной точкой для создания этого рисунка стали портреты Эренбурга, исполненные А. Матиссом, которому удалось найти «древнюю античную маску вечной юности».[17]

Отдельно стоит выделить рисунок «Испанка», подаренный Эренбургу Маревной (Марией Брониславовной Воробьевой-Стебельской), художницей русско-польского происхождения, представительницей Парижской школы. Общение писателя с художницей продолжалось в течение долгих лет — Эренбург стал героем рисунка «Когда закончится война?» (1916) и полотна «Мои друзья с Монпарнаса» (1962). Вероятно, выбор испанской темы также не случаен и косвенно напоминает о работе Эренбурга в качестве военного корреспондента газеты «Известия» в годы гражданской войны в Испании 1936—1939 гг. Особое место в коллекции графики занимает эскиз суперобложки ко второму изданию знаменитой повести Эренбурга «Оттепель», выполненный художником книги Д. Б. Дараном в 1965 г. Рисунок примечателен пометами самого Эренбурга на его полях.

Фонд документов пополнился материалами из переписки И. Г. Эренбурга с В. И. и А. И. Цветаевыми, связанными с публикацией их мемуаров и увековечиванием памяти их отца, основателя ГМИИ им. А. С. Пушкина И. В. Цветаева, которое стало возможным только в постсталинскую эпоху. Также в составе наследия Б. Я. Фрезинского поступили автографы поэта М. А. Кузмина и композитора А. К. Лядова.

Музейное собрание видовой гравюры пополнилось ценным произведением из собрания Эренбурга — цветной автолитографией «На пляже» (начало 1920-х гг.) работы яркого представителя русского авангарда Жана Пуни (Ивана Альбертовича Пуни). Начинавший как ученик И. Е. Репина, в 1910—1911 гг. Пуни совершает путешествие в Париж, где открывает для себя новые художественные направления — сезанизм, кубизм и фовизм — и по возвращении в Россию становится одним из идеологов русского авангарда и ближайшим сподвижником М. Шагала. В 1920 г. художник эмигрирует из России сначала в Германию, а затем во Францию, где, вероятно, и состоялось его знакомство с Эренбургом. В начале 1920-х гг. Пуни разочаровывается в беспредметном искусстве и начинает работать в стиле «лирического примитивизма», в котором создана подписная автолитография, подаренная писателю.

Необходимо подчеркнуть, что произведения Р. Р. Фалька, С. Фотинского, И. А. Пуни, Маревны и Л. М. Козинцевой-Эренбург являются ценнейшим пополнением музейной художественной коллекции, значительно расширившим ее состав.

---

[17] *Щекин-Кротова А.* Дружба с художником // Воспоминания об Илье Эренбурге. М.: Советский писатель, 1975.

1. В. Ерунов (?—?). **И. Г. Эренбург за письменным столом**. 1943.
   Бумага глянцевая, наклеенная на картон, цветные карандаши. 17,5 × 22,7 (из.); 18,3 × 23,5 (пасп.). Внизу справа подпись карандашом: «*В. Ерун. 43 г.*».
   Рисунок, обведенный рамкой с декоративным орнаментом, по-видимому, исполнен с натуры. Писатель изображен сидящим за письменным столом (погрудно, 3/4 вправо) лицом к зрителю с пером в правой руке над листом бумаги с начатым текстом. Седые, коротко подстриженные волосы. Серый костюм, жилет, рубашка и темный галстук. На заднем плане полки с книгами и спинка кресла, край столика с вазочкой, в которой стоят карандаши.
   ПД КП-6641, ОР-442.
2. Неизвестный художник. **Портрет-шарж И. Г. Эренбурга**. 1950-е.
   Бумага, черный фломастер. 29,7 × 21,2. Внизу надпись фломастером: «*Jlia*», ниже неразборчивая подпись «*Zbi... Z.*».
   Резко выступающий массивный нос, вытянутая нижняя губа. Нахмуренный брови. Во рту зажата черная трубка.
   ПД КП-6642, ОР-443.
3. Неизвестный художник. **Портрет-шарж И. Г. Эренбурга**. 1950-е.
   Бумага, черный фломастер. 28,6 × 20. Внизу неразборчивая подпись «*Zbi... Z.*».
   Оплечный, 1/2 влево. Увеличены глаза с тяжелыми веками и острыми бровями, рот сжат, нос не до конца обозначен. Торчащее левое ухо. Несколькими штрихами намечены короткие всклокоченные волосы.
   ПД КП-6643, ОР-444.
4. Неизвестный художник. **Портрет-шарж О. Г. Савича.**[18] 1950-е.
   Бумага, черный фломастер. 28,6 × 20.
   Оплечный, 1/2 влево. Глаза с тяжелыми веками широко раскрыты и скошены в сторону, острые брови, рот сжат, нос выступает. Торчащее левое ухо. Несколькими штрихами намечены короткие всклокоченные волосы.
   ПД КП-6644, ОР-445.

Фонд оригинального рисунка

1. Даран Даниил Борисович (наст. фамилия — Райхман; 1894—1964). **Эскиз суперобложки к изданию повести И. Г. Эренбурга «Оттепель»** (М., Советский писатель, 1956).
   Бумага, тушь, перо, карандаш, акварель. 20,5 × 44 (л.); 31,6 × 54 (подложка).

[18] *Савич Овадий Герцович* (1896—1967) — русский советский прозаик и переводчик, поэт и корреспондент, друг И. Г. Эренбурга.

На полях — автографы И. Г. Эренбурга карандашом: «*Этот рисунок / собствен... подписавш... <подпись> Прошу обращаться <нрзб.> Предлагаю это на суперобложку <подпись>*».
ПД КП-6979, ОР-348.

2. Ефимов Борис Ефимович (1900—2008). **Портрет-шарж Ильи Григорьевича Эренбурга.** 1946.
Бумага, акварель, карандаш, тушь, перо. 37,1 × 29,3.
Справа под изображением подпись карандашом: «*Бор. Ефимов. 46 г.*».
ПД КП-6975, ОР-344.

3. Козинцева-Эренбург Любовь Михайловна (1900—1970). **Портрет Ильи Григорьевича Эренбурга.** 1922.
Бумага, гуашь. 34,3 × 20,8 (из.).
ПД КП-6978, ОР-347.

4. Маревна (наст. имя — Мария Брониславовна Воробьева-Стебельская; 1892—1984). **Испанка**. 1949.
Бумага, цветные чернила, перо, карандаш. 17,9 × 13,5 (из.); 25,8 × 19,3 (подложка).
В правом нижнем углу листа с рисунком подпись: «*Marevna 49*». На подложке темно-зеленой бумаги внизу слева автограф карандашом: «*Илье Эренбургу от Маревны, по дружбе. 1960. London*».
ПД КП-6976, ОР-345.

5. Фальк Роберт Рафаилович (1886—1958). **Портрет Ильи Григорьевича Эренбурга.** <1940-е>.
Бумага, цветной и графитный карандаши. 29,7 × 22 (в свету); 48,7 × 35 (паспарту).
На обороте листа с рисунком надпись ручкой по нижнему краю (рукой Б. Я. Фрезинского?): «*Увы! Матисс помешал Фальку увидеть своего Эренбурга. <подпись> 11*».
ПД КП-6980, ОР-349.

6. Фотинский Серж (наст. имя и фам. — Абрам Шулимович Айзеншер; 1887—1971). **Андре Мальро и Илья Эренбург на I-м съезде писателей в Москве.** 1935.
Бумага, карандаш. 20,8 × 17,9 (из.); 26,5 × 20 (подложка).
Справа внизу на изображении подпись карандашом: «*S. Fotinsky 1935 Paris*». На обороте подложки вверху надпись ручкой: «*Эренбург и Мальро на 1-ом С'езде писателей в Москве Рис С. Фотинского*». У нижнего края полустертая карандашная надпись: «*1935 Париж*».
ПД КП-6977, ОР-346.

Фонд документов

1. Кузмин Михаил Алексеевич (1872—1936). **Кантата на открытие ресторана-кабаре «Ягодка», посвященная художнику Борису Михайловичу Кустодиеву (1878—1927).** <1 января 1923 г.>.
Автограф.

Бумага, карандаш. 21 × 13,5.
ПД КП-6981, ДОК-40.

2. Лядов Анатолиий Константинович (1855—1914). **Стихотворение «Подражание З<инаиде> Гиппиус».** 23 апреля 1906 г. Автограф.
   Бумага, чернила, перо. 22,3 × 17,7.
   ПД КП-6982/1, ДОК-41/1.
3. **Конверт с автографом Евгения Ивановича Помазанского**[19] (1883—1948). 26 марта 1938 г.
   Бумага, чернила, перо. 12,7 × 16,2.
   ПД КП-6982/2, ДОК-41/2.
4. **Вырезка из газеты «Правда» об открытии мемориальной доски И. В. Цветаеву (1847—1913) на здании ГМИИ им. А. С. Пушкина**. 1959.
   Бумага, печать, чернила, перо, простой и цветной карандаши. 5 × 11,2 (вырезка); 5,1 × 14,4 (подложка — фрагмент открытого письма).
   На обороте вниз головой по отношению к вырезке в графе «Кому» автограф И. Г. Эренбурга (?): «*Цветаевой Анастасии Ивано<вне>*».
   ПД КП-6983/1, ДОК-42/1.
5. **Открытое письмо Анастасии Ивановны Цветаевой (1894—1993) Борису Германовичу Заксу (1908—1998).** 1965.
   Бумага, печать, чернила, перо. 14,6 × 10,6.
   ПД КП-6983/2, ДОК-42/2.
6. **Письмо Ильи Григорьевича Эренбурга Валерии Ивановне Цветаевой (1883—1966).** 28 марта 1962 г. Автограф.
   Бумага в линейку, машинопись, карандаш. 20,5 × 14,4.
   Внизу карандашом автограф И. Г. Эренбурга: «*Цветаева Москва Лялин 11—25*».
   ПД КП-6983/3, ДОК-42/3.
7. **Письмо Ильи Григорьевича Эренбурга Анастасии Ивановне Цветаевой**. 19 июня 1961 г. Авторизованная машинопись, автограф.
   Бумага в линейку, машинопись, карандаш. 20,4 × 14,4.
   ПД КП-6983/4, ДОК-42/4.

Фонд видовой гравюры

Пуни Иван Альбертович (1892—1956). **На пляже.** <1920-е>.
Автохромолитография. 21,8 × 39,8 (в свету), 27,8 × 46,2 (л.).
В правом нижнем углу изображения подпись: «*Pougny*». В нижних углах карандашом — надпись *«44/120»* и подпись: «*Pougny*».
ПД КП-6984, Эст-370.

---

[19] *Помазанский Е. И.* — племянник А. К. Лядова, директор Псковской музыкальной школы № 1 им. Н. А. Римского-Корсакова.

Фонд портретной гравюры

1. Неизвестный художник. **Портрет Ильи Григорьевича Эренбурга**. <1933>.
   Бумага, цинкография. 14,5 × 10,8.
   В левом нижнем углу монограмма художника: «*МВ* или *МЗ* (?)». На обороте по нижнему краю надписи карандашом: «*см. БСЭ т 64 М 1934, к. 583*».
   ПД КП-6985, Гр-621.
2. Сопочко Константин-Мария (*Konstanty Maria Sopoćko*; 1903—1992).[20] **Портрет И. Г. Эренбурга**. 1954.
   Бумага, ксилография, авторский оттиск. 15,5 × 11,5 (из.); 29,7 × 21 (л.).
   ПД КП-6645, Гр-444.
3. Яр-Кравченко Анатолий Никифорович (1911—1983). **Портрет И. Г. Эренбурга**. Лист из серии «Галерея советских писателей». 1947.
   Бумага, автолитография с тоном. 39,2 × 28,7 (из.); 50,6 × 35,5 (л.).
   ПД КП-6646, Гр-445.

Фонд афиши и плаката

1. **Афиша цикла лекций И. Г. Эренбурга «В старом и новом свете: Америка-Франция» в большом зале Политехнического музея.** Москва. 12 нояб. — 10 дек. 1946 г.
   Бумага, цветная печать. 84,0 × 60,3.
   ПД КП-6647, АП-24.
2. **Афиша спектакля по пьесе Ильи Эренбурга «Лев на площади» в Государственном Общем театре (Польша), режиссер — Кароль Боровский**. 11—21 нояб. 1948 г.
   Бумага, цветная печать. 100 × 69,5.
   ПД КП-6648, АП-25.
3. **Афиша лекции Ильи Эренбурга «На Парижском конгрессе» в Центральном лектории Общества «Знание»**. Москва. 25 мая 1949 г.
   Бумага, цветная печать. 59 × 84,1.
   ПД КП-6649, АП-26.
4. **Афиша лекции Ильи Эренбурга «На Варшавском конгрессе» в Обществе по распространению политических и научных знаний**. Москва. 13 дек. 1950 г.
   Бумага, цветная печать. 83,9 × 59,6.
   ПД КП-6650, АП-27.

---

[20] *Сопочко Константин Мария* (1903—1992) — польский гравер, мастер ксилографии. Создавал плакаты, рекламу, логотипы, экслибрисы и иллюстрации. Преподавал в Академии изящных искусств в Варшаве.

5. **Плакат-воззвание Постоянного комитета Всемирного конгресса сторонников мира, подписанное Ф. Жолио-Кюри.**[21] Париж. 25 февр. 1951 г.
   Бумага, цветная печать. 57 × 38,5.
   ПД КП-6651, АП-28.
6. **Плакат Конгресса народов в защиту мира с рисунком П. Пикассо «Голубь мира»**. Вена. 12—18 дек. 1952 г.
   Бумага, цветная печать. 119,5 × 80.
   ПД КП-6652, АП-29.
7. **Афиша выступления Ильи Эренбург на публичном митинге, организованном Всеиндийским комитетом мира, с речью «Опасность вооруженного мира».** Дели. 23 янв. 1956 г.
   Бумага, цветная печать. 76,5 × 51.
   ПД КП-6653, АП-30.
8. **Афиша лекции Ильи Эренбурга «О некоторых чертах французской культуры» в Центральном лектории Политехнического музея**. Москва. 22 янв. 1957 г.
   Бумага, цветная печать. 83,8 × 59,6.
   ПД КП-6654, АП-31.
9. **Афиша литературного вечера, посвященного 40-летию литературной деятельности турецкого поэта Назыма Хикмета, в Центральном лектории Политехнического музея**. **Участники: Ю. Завадский, В. Комиссаржевский, Д. Самойлов, Б. Слуцкий, И. Эренбург**. Москва. 13 янв. 1962 г.
   Бумага, цветная печать. 91,5 × 60.
   ПД КП-6655, АП-32.
10. **Афиша выставки графики Пабло Пикассо из собрания И. Г. Эренбурга в Государственном художественном музее Эстонии**. Таллин, 1967.
    Бумага, черно-белая печать. 84 × 60.
    ПД КП-6656, АП-33.
11. **Афиша выставки «Илья Эренбург и Германия» в берлинском Музее истории Второй мировой войны «Museum Berlin-Karlshorst», подготовленной при участии Б. Я. Фрезинского**. Берлин. 27 нояб. 1997 — 18 янв. 1998 гг. На нем. яз.
    Бумага, цветная и черно-белая печать. 84 × 59,3.
    С автографом Б. Я. Фрезинского: «*Выставка с моим участием*».
    ПД КП-6657, АП-34.
12. **Афиша выставки «Илья Эренбург — фотограф. 1923—1938. Из собрания Б. Я. Фрезинского» в Музее Анны Ахматовой в Фонтанном Доме**. Санкт-Петербург. 24 мая — 1 июля 2001 г.

---

[21] *Жолио-Кюри Фредерик* (1900—1958) — французский физик и общественный деятель, один из основателей и лидеров Всемирного движения сторонников мира.

Бумага, черно-белая печать, коллаж. 89 × 54.
ПД КП-6658/1, АП-35.

13. **Плакат с аннотацией выставки «Илья Эренбург — фотограф. 1923—1938. Из собрания Б. Я. Фрезинского» в Музее Анны Ахматовой в Фонтанном Доме** (с фотопортретом И. Г. Эренбурга работы Эль Лисицкого). Санкт-Петербург. 24 мая — 1 июля 2001 г.
Бумага, черно-белая печать, коллаж. 70 × 39.
КП ПД-6658/2, АП-36.
14. **Афиша фотовыставки «Париж Ильи Эренбурга. Из собрания Б. Я. Фрезинского» в Музее Анны Ахматовой в Фонтанном Доме**. Санкт-Петербург. 18 мая — 14 июня 2006 г.
Бумага, цветная печать. 29,7 × 42.
КП ПД-6659, АП-37.
15. **Рекламный плакат фотоальбома «Илья Эренбург с фотоаппаратом. 1923—1938»**. Художник — Владимир Уржумцев. Санкт-Петербург, 2006. Издание не осуществлено, вышло в 2007 г. в Москве в другом оформлении.
Бумага, черно-белая печать. 18,7 × 62,7.
КП ПД-6660, АП-38.
16. **Плакат, посвященный изданию романа И. Г. Эренбурга «Буря» во Франции**. Париж, 1949. На фр. яз.
Бумага, цветная печать. 111,5 × 71,7.
КП ПД-6661, АП-39.

Афиши неизвестных лет

17. **Афиша литературного вечера «У нас в гостях Илья Григорьевич Эренбург» в кинозале типографии газеты «Московская правда»**. Москва. <Б. г.>. 29 января в 16 часов.
Бумага, черно-белая печать. 52 × 68,4.
КП ПД-6662, АП-40.
18. **Плакат «Илья Эренбург», выпущенный региональным отделением общества «Франция—СССР» в департаменте Луара**. Франция. <1950-е>.
Бумага, смешанная техника (цветная печать, гуашь, белила). 68,8 × 45.
КП ПД-6663, АП-41.

Фотографии И. Г. Эренбурга

1. Р. Гатти. **Илья Эренбург и Пабло Пикассо в ресторане**. Ницца. 1964.
Фотография черно-белая. 18 × 23,8.
ПД КП-6987/2, Фот-1730.

2. Фотография любительская. **И. Г. и Л. М. Эренбурги в гостях у Пабло Пикассо**. Ницца. 1964.
   Фотография черно-белая. 23,5 × 29,5.
   ПД КП-6987/4, Фот-1732.
3. Фотография любительская. **И. Г. и Л. М. Эренбурги в гостях у Пабло Пикассо**. Ницца. 1964 .
   Фотография черно-белая. 11 × 17.
   ПД КП-6987/7, Фот-1735.
4. **Илья Эренбург, Альберт Эйнштейн и двое неизвестных**. США, Принстон. Май 1946 г.
   Фотография черно-белая. 19,7 × 24,5.
   ПД КП-6987/17, Фот-1745.
5. Фотография любительская. **И. Г. и Л. М. Эренбурги в интерьере парижской квартиры на улице Котантен.** Париж. 1932.
   Фотография черно-белая. 22,8 × 17,5 (фот.), 29,5 × 20,8 (пасп.).
   Снизу на паспарту автограф рукой Б. Я. Фрезинского: *«Париж. Улица Котантен И. Г. и Л. М. Эренбурги прожили здесь до 1940 г. 1932 г.»*.
   ПД КП-6987/18, Фот-1746.
6. Фотография любительская. **И. Г. и Л. М. Эренбурги у ресторана «Анри и Жозефина» на улице Шерш-Миди**. Париж. 1946.
   Фотография черно-белая. 29,7 × 22.
   На обороте наклеена этикетка: *«У ресторана “Анри и Жозефина” на улице Шерш-Миди с его владельцами после шестилетней разлуки. 1946. Ресторан описан в романе “Падение Парижа”. У букинистов. 1946»*.
   ПД КП-6987/19, Фот-1747.
7. Фотография любительская. **И. Г. и Л. М. Эренбурги в интерьере комнаты**. 1955.
   Фотография цветная. 14,8 × 23.
   ПД КП-6987/20, Фот-1748.
8. **И. Г. и Л. М. Эренбурги, Пабло Пикассо и французский писатель Клод Руа с женой**. Франция. Валлорис. 1954.
   Фотография черно-белая. 14,5 × 19,5.
   На обороте синими чернилами: *«<нрзб.> 1954»*.
   ПД КП-6987/23, Фот-1751.
9. Неизвестный фотограф. **Илья Эренбург и Пабло Пикассо**. Франция, Валлорис. 1954.
   Фотография черно-белая. 16 × 11,5.
   ПД КП-6987/26, Фот-1754.
10. Неизвестный фотограф. **Илья Эренбург и чилийский поэт Пабло Неруда**. Москва (?). 1950-е.
    Фотография черно-белая. 22,5 × 16,0.
    ПД КП-6987/28, Фот-1756.

11. Неизвестный фотограф. **Илья Эренбург вручает Пабло Пикассо медаль Международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами», полученной художником в 1962 г.** Франция, Мужен. 1966.
Фотография черно-белая. 17 × 20,5.
ПД КП-6987/29, Фот-1757.
12. **И. Г. Эренбург во время выступления на II-м Всесоюзном съезде писателей (ВСП) в Москве**. Москва. 17 дек. 1954 г.
Фотография черно-белая. 11,3 × 17,0.
ПД КП-6987/42, Фот-1770.
13. **Президиум заседания II-го Всесоюзного съезда писателей, посвященного вручению премии мира кубинскому поэту Николасу Гильену (1902—1989)**. Москва. 24 дек. 1954 г.
Фотография черно-белая. 11,5 × 15,5.
На обороте карандашом: «*Заседание 2-го съезда писателей, посвященное вручению премии мира Николаю Гильену. 24/XII — 1954 г.*».
ПД КП-6987/48, Фот-1776.
14. **И. Г. Эренбург и А. А. Сурков в кулуарах II-го Всесоюзного съезда писателей**. Москва. 17 дек. 1954 г.
Фотография черно-белая. 10,4 × 12,2.
На обороте карандашом рукой И. Г. Эренбурга (?): «*с Сурковым*».
ПД КП-6987/54, Фот-1782.
15. **И. Г. Эренбург и писатель Ф. В. Гладков в кулуарах II-го Всесоюзного съезда писателей**. Москва. 17 дек. 1954 г.
Фотография черно-белая. 12,0 × 16,2.
ПД КП-6987/56, Фот-1784.
16. **Луи Арагон, Эльза Триоле, Борис Полевой и Илья Эренбург в кулуарах II-го Всесоюзного съезда писателей**. Москва. Дек. 1954 г.
Фотография черно-белая. 11,7 × 17,4.
На обороте карандашом: «*Луи Арагон, Э. Триоле, Б. Полевой и И. Эренбург, фото Молчанова (2-ой съезд ССП) 1954*».
ПД КП-6987/58, Фот-1786.
17. А. Л. Лесс. **Илья Эренбург и Лев Никулин в кулуарах II-го Всесоюзного съезда писателей**. Москва. Дек. 1954 г.
Фотография черно-белая. 11,5 × 17,8.
На обороте синими чернилами: «*Фото Ал. Лесс*» и наклеена этикетка: «*Фото Ал. Лесс Илья Эренбург и Лев Никулин*».
ПД КП-6987/59, Фот-1787.
18. **И. Г. Эренбург, Л. В. Никулин и Ванда Василевская в кулуарах II Всесоюзного съезда писателей**. Дек. 1954 г.
Фотография черно-белая. 11 × 13,8.
На обороте карандашом: «*Сильва Капутикян, И. Г. Эренбург, Лев Никулин*».
ПД КП-6987/60, Фот-1788.

19. **Б. М. Кербабаев, И. Г. Эренбург, Николас Гильен и А. А. Сурков в кулуарах II Всесоюзного съезда писателей**. Москва. 24 дек. 1954 г.
Фотография черно-белая. 11 × 15,6.
На обороте карандашом рукой Б. Я. Фрезинского (?): *«(1894—1974) туркм<енский> писатель Берды Кербабаев, И. Г. Эренбург, Николас Гильен, А. А. Сурков / 24.12.1954»*.
ПД КП-6987/65, Фот-1793.
20. А. Стужин. **Леон Кручковский, Пабло Неруда, С. В. Гиацинтова, И. Г. Эренбург, Николас Гильен и Жоржи Амаду в кулуарах II-го Всесоюзного съезда писателей**. Москва. 30 дек. 1954 г.
Фотография черно-белая. 10,5 × 17,5.
На обороте карандашом рукой Б. Я. Фрезинского (?): *«Фотография Алексея Стужина 30 XII 1954. Кручковский, Неруда, Гиацинтова, И. Г., Гильен, Амаду»*.
ПД КП-6987/67, Фот-1795.
21. А. Л. Лесс. **И. Г. Эренбург**. Москва. 1954.
Фотография черно-белая. 22,7 × 15,5.
На обороте карандашом рукой Б. Я. Фрезинского (?): *«А. Лесс 1954»*.
ПД КП-6987/69, Фот-1797.
22. В. Егоров. **И. Г. Эренбург во время выступления на Всемирной ассамблее мира в Хельсинки.** Хельсинки. 1955.
Фотография черно-белая. 11,8 × 17,0.
На обороте карандашом рукой Б. Я. Фрезинского (?): *«В. Егоров июнь 1955 Хельсинки. Всемирная Ассамблея мира»*.
ПД КП-6987/75, Фот-1803.
23. **И. Г. Эренбург в аэропорту Будапешта**. Будапешт. Окт. 1955 г.
Фотография черно-белая. 18 × 12,6.
На обороте карандашом рукой Б. Я. Фрезинского (?): *«И. Г. Эренбург в аэропорту Будапешта»*. ПД КП-6987/80, Фот-1808.
24. **И. Г. Эренбург и Н. С. Тихонов в кулуарах встречи с писателями Венгрии**. Будапешт. Октябрь 1955 г.
Фотография черно-белая. 12,8 × 18,0.
На обороте карандашом рукой Б. Фрезинского (?): *«И. Г. Эренбург и Н. С. Тихонов»*.
ПД КП-6987/81, Фот-1809.
25. **И. Г. Эренбург и П. В. Гуляев в Праге**. 1955.
Фотография черно-белая. 12,3 × 16,8.
На обороте карандашом рукой Б. Я. Фрезинского (?): *«И. Г. Эренбург и П. В. Гуляев»*.
ПД КП-6987/82, Фот-1810.
26. **И. Г. Эренбург в русской библиотеке в Женеве**. 25 сентября 1955 г.

Фотография черно-белая. 10,5 × 13,9.
ПД КП-6987/83, Фот-1811.

27. **И. Г. Эренбург в книжном магазине.** Париж. 1950-е.
Фотография черно-белая. 13,8 × 17,5.
ПД КП-6987/86, Фот-1814.

28. **Похороны И. Г. Эренбурга**. Москва. 4 сентября 1967 г.
Фотография черно-белая. 11,6 × 17,7.
ПД КП-6987/88, Фот-1816.

29. **И. Г. Эренбург у мольберта с автопортретом М. Шагала в своей квартире**. Москва. 1962.
Фотография черно-белая. 16,4 × 22,2.
На обороте красными чернилами: *«Квартира»*, ниже карандашом рукой Б. Я. Фрезинского (?): *«1962 Илья Эренбург у автопортрета Шагала в своей квартире начало 1960-х годов»*.
ПД КП-6987/89, Фот-1817.

30. Л. Якоби. **Марк Шагал** (1887—1985). Нью-Йорк. Конец 1930-х — начало 1940-х гг.
Фотография черно-белая. 22,4 × 17,8.
На обороте карандашом рукой Б. Я. Фрезинского (?): *«М. Шагал Фото работы Лотты Якоби (подарено Эренбургу в США в 1946 г.)»*.
ПД КП-6987/90, Фот-1818.

Фонд портретной фотографии

В 2021 г. фонд портретной фотографии Литературного музея пополнился уникальным собранием изображений И. Г. Эренбурга (1891—1967) и И. А. Бродского (1940—1996).

Фотографические портреты И. Г. Эренбурга изображают как официальную, общественную, так и частную жизнь писателя, охватывая период с 1932 г. до его смерти в 1967 г. Самая ранняя фотография создана в парижской квартире писателя на улице Котантен, где Эренбург проживал со своей женой, Л. М. Козинцевой-Эренбург, до 1940 г. Изображение интерьера квартиры дает уникальный документальный материал о жизни писателя в Париже перед немецкой оккупацией.

Особое место в коллекции занимает серия портретов И. Г. Эренбурга и художника Пабло Пикассо, чье искусство писатель широко пропагандировал в СССР. *«Мне все же повезло. Я встретил в моей жизни некоторых людей, которые определили облик века. Я видел не только шторм и туман, но и тени людей на капитанском мостике. К большим удачам моей жизни я отношу тот далекий день, когда я впервые встретил Пикассо»*.[22] Знакомство писателя и художника произошло еще в 1910-х гг., когда И. Г. Эренбург из Российской империи

[22] *Эренбург И. Г.* Из воспоминаний о Пабло Пикассо: очерк о жизни и творчестве Пабло Пикассо // *Алпатов М. В., Эренбург И. Г.* Графика Пикассо. М.: Искусство, 1968.

эмигрировал во Францию. Фотографии из собрания Фрезинского посвящены периоду 1950—1960-х гг.: большое количество совместных портретов, как официальных, где Эренбург вручает Пикассо медаль Международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами», так и частных, любительских, где они сидят в ресторане или у дома художника.

Илья Эренбург был знаком со многими выдающимися деятелями советской и зарубежной литературы и искусства, что демонстрируют многочисленные совместные снимки с Алексеем Сурковым (1954), Федором Гладковым (1954), Борисом Полевым (1954), Львом Никулиным (1954), Вандой Василевской (1954), Берды Кербабаевым (1954), Альбертом Эйнштейном (1946), Клодом Руа (1954), Пабло Нерудой (1950-е), Луи Аргоном (1954), Эльзой Триоле (1954), Николя Гильеном (1954), Жоржем Амаду (1954), Марком Шагалом (1940-е) и др.

Часть фотографий посвящена рабочим и семейным поездкам И. Г. Эренбурга в Париж, Женеву, Прагу, Будапешт и Хельсинки; это серии портретов Эренбурга, созданных писателем и фотографом А. Лессом. Завершает объем материалов, связанных с И. Г. Эренбургом, фотография похоронной процессии писателя 4 сент. 1967 г. в Москве. Проститься с ним пришло около 15 тысяч человек.

Коллекция Б. Я. Фрезинского, посвященная И. А. Бродскому, начинается с 1965 г., когда после заключения в тюрьме «Кресты» поэт отправился в ссылку в Архангельскую область, где прожил полтора года (с 25 марта 1964 по 4 сент. 1965 г.). Некоторые снимки были ранее опубликованы, но до сих пор не известны широкой публике.

Фотографии 1971—1972 гг. посвящены последним годам жизни Бродского на родине и его общению с прибалтийскими писателями. Особенно интересен групповой снимок Бродского, Е. Г. Эткинда и немецкого писателя Генриха Бёлля, сделанный в 1971 г. в Ленинграде: через год поэт эмигрирует из СССР, а через три года вслед за ним последует и Эткинд. Любопытна серия снимков Бродского в кругу ленинградских и литовских деятелей культуры в Паланге (Литва), куда поэт отправился по приглашению литовского писателя Томаса Венцловы летом 1972 г., сделанная М. Е. Эткинд, дочерью ученого.

Фотографии из коллекции Б. Я. Фрезинского являются ценным дополнением к иконографии И. Г. Эренбурга и И. А. Бродского в Пушкинском Доме. Многочисленные авторские и любительские снимки посвящены как знаменательным событиям в жизни обоих писателей, так и их ближайшему кругу их родственников, друзей и единомышленников.

Фотографии И. А. Бродского

31. Фотография любительская. **Иосиф Бродский в ссылке на поселении в Архангельской области**. 1965.

Фотография черно-белая. 11,7 × 8,6.
ПД КП-6987/107, Фот-1835.

32. **Иосиф Бродский, Ефим Эткинд и Генрих Бёлль**. Ленинград. 1971.
Фотография черно-белая. 15,6 × 18,3.
На обороте карандашом рукой Б. Я. Фрезинского (?): *«Эткинд Ефим Григорьевич (1918—1999) историк лит-ры, переводчик, И. А. Бродский (1940—1996), Генрих Белль. Ленинград 1971 год»*.
ПД КП-6987/110, Фот-1838.

33. М. Е. Эткинд. **Иосиф Бродский, литовский физик Рамунас Катилюс и литовский поэт и публицист Томас Венцлова (1937)**. Паланга. 1972.
Фотография черно-белая. 13,6 × 21,0.
На обороте карандашом рукой Б. Я. Фрезинского (?): *«Ромас, Иосиф и Томас Венцлова , поэт и публицист Ромунас Катилюс, физик. Паланга. Фотогр. Марии Е. Эткинд 1972»*.
ПД КП-6987/113, Фот-1841.

34. М. Е. Эткинд. **Иосиф Бродский**. Паланга. 1972.
Фотография черно-белая. 11 × 14,2.
ПД КП-6987/117, Фот-1845.

35. М. Е. Эткинд. **Иосиф Бродский и Рамунас Катилюс**. Паланга. 1972.
Фотография черно-белая. 13,4 × 9,4.
ПД КП-6987/118, Фот-1846.

36. М. Е. Эткинд. **Эльмира Сабирова, физик Рамунас Катилюс, Иосиф Бродский, Томас Венцлова и Эра Коробова**. Паланга. 1972.
Фотография черно-белая. 14,5 × 22,9.
На обороте карандашом рукой Б. Я. Фрезинского (?): *«Эльмира Сабирова, Рамунас Катилюс, И. А. Бродский, Томас Венцлова 1972 г.»*.
ПД КП-6987/120, Фот-1848.

37. М. Е. Эткинд. **Иосиф Бродский, Рамунас Катилюс, Томас Венцлова, Эра Коробова и Ефим Эткинд**. Паланга. 1972.
Фотография черно-белая. 14,6 × 22,7.
ПД КП-6987/122, Фот-1850.

DOI: 10.31860/978-5-918680-384-804-812

ОБЗОР АРХИВНЫХ МАТЕРИАЛОВ XVIII—XXI вв., ПОСТУПИВШИХ В РУКОПИСНЫЙ ОТДЕЛ ИНСТИТУТА РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (ПУШКИНСКИЙ ДОМ) РАН в 2020 г.

За принесение в дар архивных материалов Рукописному отделу Института русской литературы выражаем глубокую благодарность Н. Ф. Будановой, М. Н. Виролайнен, Е. И. и Ж. К. Владимировым, О. Я. Гаген-Торн, В. В. Головину, А. И. Грановичу, Н. А. Звягиной, Л. Г. Ковнацкой, Н. Д. Кочетковой, Н. Н. Лавровой, Н. Р. Либерман, В. Н. Лукке, А. Г. Мецу, К. В. Мусакину, М. Л. Пименову, Н. Р. Ребер, В. Н. Сажину, В. Н. Самину, Т. М. Сотниковой, Л. А. Тимофеевой, Т. С. Царьковой, П. Н. Чейгину, А. Ю. Чернову, В. К. Четкареву.

Новые фонды

Власова Зоя Ивановна (1925—2006) — фольклорист, доктор филологических наук, сотрудник Пушкинского Дома. Фонд № 956.

Губарев Александр Васильевич (1941—1983) — искусствовед, преподаватель по русскому искусству (Институт им. М. А. Бонч-Бруевича). Фонд № 954.

Звягин Евгений Аронович (1944—2018) — прозаик, эссеист. Фонд № 955.

Лукка, братья: Валерий Николаевич (род. 1945) — художник, член Санкт-Петербургского Союза художников; Николай Николаевич (1948—2017) — поэт. Фонд № 957.

Носкович (урожд. Лекаренко) Нина Алексеевна (1911—1995) — художник-иллюстратор. Фонд № 953.

Собрание **Бирюкова** Владимира Павловича (1928—1958) — фольклориста, уральского краеведа, музееведа, архивиста, историка, археолога. Р. V. Колл. 294.

Коллекция «Материалы фольклорных экспедиций **Астраханского государственного университета**». Р. V. Колл. № 295.

Дополнения к фондам

Берггольц Ольга Федоровна (1910—1975) — поэт. Фонд № 870.

Письмо к Т. М. Хализевой (1969)

© Кощиенко И. В., 2023

Хализева Т. М. Письмо к дочери Эле и сыну Сереже Хализевым, со сведениями об отдыхе О. Ф. Берггольц в Ялте (<кон. 1960-х>).

Макогоненко Г. П. Конспекты лекций по истории русской литературы первой половины XIX в. (курс 1953 г.). Записи лекций рукой М. П. Сотниковой (1953).

Макогоненко Г. П. Фото (10). Подлинники (<1950-е>).

Волынский Аким Львович (наст. имя и фам. Хаим Львович Флексер) (1863—1926), литературный и балетный критик. Фонд № 673.

<Заметки о книге «Русские критики», «Борьба за идеализм», статье «Н. С. Лесков»>. Автографы (1900).

«Коренник. (Николай Ставрогин)». Статья. Вырезки из газ. «Биржевые ведомости» с пометами А. Л. Волынского (1914).

«Рембрандт». Монография с вступительной статьей. Машинопись с авторской правкой (1924—1925).

«Проблема русского балета». Статья. Типогр. экз. (Петроград: Жизнь искусства, 1923).

Подготовительные материалы к статье «Что такое идеализм?»: копии двух писем Ф. Ницше к Лу Андреас-Саломэ. Машинопись (<1882?>).

«Справка о литературно-научном стаже А. Л. Волынского». Машинописная копия (1922).

«Завещательное распоряжение», касающееся Почетной серебряной доски, поднесенной А. Л. Волынскому г. Миланом (1922). Копия рукой А. И. Доливо-Добровольского с приложением справки об истории этой награды (<после 1926>).

Письма А. Л. Волынского: М. Н. Дубровиной-Ясинской 1 (1898), Т. Д. Угер, жене 2 (<1888>), дочери Мэри 2 (1898, <1900-е>), А. В. Луначарскому (авторизованная машинописная копия; 1924).

Письма А. Л. Волынскому А. В. Луначарского 2 (1924).

Книги (8) из библиотеки А. Волынского:

Шлаф Йоханес «Летняя песня» («Das sommerlied»). Сборник стихотворений (Штутгарт, 1905), «Вейганд» («Weigand»). Драма (Мюнхен, 1906). С дарственными надписями автора (1906, на нем. яз.).

Тулин Григорий Никифорович. Воздушный флот: (Авиация). Сборник стихотворений. 3-е изд. СПб.: «Электропечатня» Я. Кровицкого, 1914. В переплете с гравировкой «А. Л. Волынскому. На память».

Анри де Сен-Жорж, Теофиль Готье. «Жизель, или Вилисы» (*фр.* «Giselle, ou les Wilis»). Либретто балета в двух актах. На фр. яз., с гравюрой Карлотты Гризи в роли Жизели. Типогр. экз. с пометами А. Л. Волынского.

«Библия» (2) на англ. и фр. яз. (Лондон, 1856; Париж, 1877. С владельческой печатью). «Евангелие от Матфея». С отчеркиваниями (б. д.).

«Феноменология духа по курсу профессора А. А. Фишера». Гектограф в переплете (б. д.).

Молоствов Н. Г. «Борец за идеализм (А. Л. Волынский)». Монография. Типогр. экз. (СПб., 1903).

Лу Андреас-Саломэ. Письмо к Л. Я. Гуревич (<1898(?)>).

Зеликина Мери Акимовна, дочь А. Л. Волынского. Личные документы: трудовая книжка (1931—1952), аттестат старшего научного сотрудника (1947), диплом кандидата медицинских наук (1948). Подлинники. Свидетельство о смерти (1953). Незаверенная копия.

Письма к ней: В. Бонч-Бруевича 1 (1932), Л. Я. Гуревич 10 (1929—1935), А. И. Доливо-Добровольского 3 (1929—1930).

Зеликина Клара Абрамовна, дочь М. А. Зеликиной, внучка А. Л. Волынского. Личные документы: удостоверение об окончании трудовой девятилетней школы (1929), диплом об окончании Ленинградского института точной механики и оптики (1936), диплом кандидата технических наук (1949), аттестат доцента по кафедре начертательной геометрии и графики (1962), трудовая книжка (1935—1976), паспорт СССР. Подлинники.

Добровольский Андрей Александрович, правнук А. Л. Волынского. Личные документы: свидетельство об окончании семи классов мужской школы № 123 (1953), аттестат зрелости и характеристика из школы (1956). Подлинники.

Фотографии семейные (22). Не атрибутированы. Подлинники (б. д.).

Гаген-Торн Нина Ивановна (1910—1986) — историк, этнограф, фольклорист. Фонд № 854

«Некоторые замечания А. С. Пушкина о “Слове о полку Игореве”». Подготовительные материалы к статье. В тетради. Автограф (<кон. 1960-х>).

<О «Слове о полку Игореве»>. Подготовительные материалы к статьям: заметки, выписки, наброски глав. В тетрадях (9). Автограф. (1968—1970-е).

«Литературный анализ приемов “Слова о полку Игореве”». Подготовительные материалы к статье. В тетради. Автограф (<1971—1972>).

«О поэтической структуре “Слова”». Подготовительные материалы к статье. В тетради. Автограф (<1977>).

«О сохранности древнего текста “Слова о полку Игореве ”», «О Бояне». Статьи (без окончания). Автограф, авторизованная машинопись с рукописными вставками (<1970-е>).

«“Слово о полку Игореве” и памятники Куликовского цикла» (М.—Л., 1966). Рецензия на сборник. В тетради. Автограф (<1966>).

«Слово о полку Игореве». Тезисы доклада. Автограф (<1970-е>).

Константин Константинович (Романов; псевд. К. Р.; 1858—1915), вел. кн. — поэт, переводчик, драматург, президент АН. Фонд № 137.

Романов Андрей Владимирович (1879—1956), вел. кн., внук Александра II. «Высочайшие приглашения. 1894—1898». В именном переплете. Гектограф со вставками писаря (<1894—1898>).

Пушкин Александр Сергеевич (1799—1837) — поэт, писатель, критик, издатель. Фонд № 244.

Редакторские пометы (вставки и вычеркивания) на писарских копиях писем-отчетов А. И. Тургенева кн. А. Н. Голицыну о разысканиях в парижских и римских архивах (1835—1836). Автограф (1837).

Овчинников Р. В. «Описание собранных Пушкиным рукописных источников по истории Пугачевского восстания 1773—1774 г.». Статья. Авторизованная машинопись (<2003—2007>).

Рудаков Сергей Борисович (1909—1944) — поэт, литературовед. Фонд № 803.

Стихотворения. Автографы, машинопись (1935—1942).

«Город Калинин», «<О Катенине>», «Изучение композиции (к вопросу о преподавании теории литературы в старших классах средней школы)» и другие. Статьи. Машинопись (<1930-е>—1942).

«Ритм и стиль “Медного всадника”». Статья. Оттиск (<1930-е>).

<Из дневников> (1936—1943). Выписки рукой М. С. Рудаковой, машинопись (<1980-е>).

Рисунки (3). Фотокопии (1935—1940).

Иллюстративные материалы о Петербурге, к рассказу И. С. Тургенева «Бирюк». Печатное (вырезки из газет, журналов) (<до 1942>).

Личные документы С. Б. Рудакова: диплом об окончании ЛГПИ им. А. И. Герцена (1941), квитанция о сдаче паспорта на хранение в военкомат (1941), доверенность на имя П. С. Финкельштейн на право занять его комнату и др. Подлинники, заверенные копии (1943).

С. Б. Рудаков. 2 тел. к П. С. Финкельштейн (1943, 1944).

Рудакова Мария Сергеевна, дочь. Автобиографические сведения об отце. Автограф (<1980-е>).

Книги из личной библиотеки (30), большинство с владельческой надписью С. Рудакова и Л. (П). Финкельштейн.

Личные документы Финкельштейн Полины Самуиловны, жены: матрикул студента ЛГУ (1925—1929), трудовой договор (1931), трудовой список (1932), требование и доверенность на предоставление и получение продовольственных карточек для концертной агитбригады Пушкинского общества (1941), удостоверение об эвакуации из г. Ленинграда (1942), справка о службе в Главной

Геофизической обсерватории (1946), разрешение ВАК на защиту кандидатской диссертации (1946), справка из Управления МГБ о содержании во внутренней тюрьме (1953), благодарность за активную работу (1970) и др. Подлинники.

Фотографии семейные. Не атрибутированы. Подлинники, переснимки (б. д.).

Рудакова Мария Сергеевна, дочь. Сведения о ее матери — первой жене С. Б. Рудакова. Автограф (<1980-е>).

Рылеев Кондратий Федорович (1795—1826) — поэт, декабрист. Фонд № 269.

«Думы. Сочинения К. Рылеева». В тетради. Рукой А. Макарова (1831).

Цявловский Мстислав Александрович (1887—1943) — литературовед, пушкинист. Фонд № 387.

«Советское пушкиноведение». Статья. Оттиск с правкой и рукописными вложениями на отдельных листах (<1947>).

Черткова (урожд. Дитерихс) Анна Константиновна (1859—1927) — детская писательница, общественный деятель, собирательница фольклора, мемуаристка. Фонд № 330.

«Мелодии А. Чертковой. Песни детства для маленьких детей». Вып. 1. Нотный альбом. Типогр. экз. с дарственной надписью А. К. Чертковой племянникам (1908).

Коллекция иконописных прорисей. Подлинники (XVIII—XX вв.). Коллекция Д. А. Высоцкого (Р. IV, оп. 61).

Собрание **Четкарева** Ксенофонта Архиповича (1910—1956) — этнографа, фольклориста, писателя. Р. V, колл. № 170.

«Он сказкой зажигал сердца» («Йомак дене кумылым нёлтен»). Статья о сказочнике И. И. Тупинове в газ. «Марий Эл». На марийском и рус. яз. Ксерокопия, принтерный вывод (2019).

Отдельные поступления

Айтматов Чингиз Торекулович (1928—2008) — писатель, дипломат.

Книги (2) с его дарственными надписями А. И. Битюкову (1976) и Н. А. Прозоровой (1978): «Повести и рассказы» (Кыргызстан, 1974), «Повести» (Роман-газета. 1977. № 17).

Фотографии (23) с фестиваля г. Фрунзе, Международного Иссык-Кульского форума, встреч с кинематографистами, творческих вечеров: в группе с К. Ашимовым, А. И. Битюковым, М. С. Донским, неустановленными лицами. Подлинники (1963—1986).

Асанова Динара Кулдашевна (1942—1985) — кинорежиссер, актриса.

Фотография с А. С. Кончаловским. Подлинник (<нач. 1980-х>).

Векслер Иван Иванович (1883—1954) — литературовед, критик, педагог.

«Белинский и его наследие в литературно-политической борьбе 60-х годов». Статья, машинопись с правкой (б. д.).

Владимиров Евгений Исаакович (род. 1936) — художник, график.

«Гурзуф. Усадьба герцога Ришелье. Деревья, видевшие поэта в 1820 г.». Бумага. Сепия (2006—2007).

Книги-альбомы (2): «Киммерийские игры художника. Графика десятилетий» (Феодосия, 2018). «Круговая панорама 360º Киммерия. Кара-Даг-Эчки-Даг-Меганом-Черное море» (М., 2019), с дарственными надписями автора (2018, 2020).

Воронский Александр Константинович (1884—1937) — революционер, большевик, писатель, литературный критик.

«Гоголь». Роман. Оригинал-макет: машинописная копия с правкой автора (1934). Из серии «Жизнь замечательных людей» (вып. 7—18).

Гамрат-Курек С.

«Подарок новобранцам. Патриотические стихотворения». Рукописный сборник, с рисунком автора (1877).

Жуковский Василий Андреевич (1783—1954) — поэт, переводчик.

Баллады (5) «Людмила», «Алина и Альсим», «Адельстан», «Эльвина и Эдвин», «Светлана». В тетради. Списки рукой неустановленного лица (<1830>).

Афиша празднования 100-летнего юбилея В. А. Жуковского в Большом театре. Типогр. экз. (1883).

Коварский Николай Аронович (1904—1974) — историк литературы, педагог, сценарист.

«Мелодика стиха». Статья. Литография машинописи (1926).

Крандиевская-Толстая Наталья Васильевна (1888—1963) — поэтесса, писательница, мемуаристка.

«Село Романовка». Автобиографическая заметка. Автограф (1936).

«Я вспоминаю». Воспоминания. Машинопись с пометами и правкой автора (<1950-е>).

«Наш разрыв», «Селигерский дневник». Воспоминания. Ксерокопия машинописи (1935, 1938).

«Гранатный переулок», «Конец Георга Венделя». Автобиографические очерки. Вырезки из журн. с правкой автора (б. д.).

Записи лекций по античной литературе. Автограф (<1910-е>).

Мейнеко Луиза (Meinecko Louise)

Девичий альбом с записями разных лиц и рисунками. На рус. и фр. яз. (1830—1850).

Мордвинов Николай Дмитриевич (1901—1966) — актер театра Моссовета.

Фото (2) в роли Е. А. Арбенина (драма М. Ю. Лермонтова «Маскарад», постановка Ю. А. Завадского): портрет и в группе с актером К. К. Михайловым (в роли А. П. Казарина). Подлинники (<1963>).

Неустановленный автор.

«И снова спряталися в ней». Отрывок из поэмы (?) о Кавказе. Автограф (б. д.).

Обухова Надежда Андреевна (1886—1961) — оперная певица, народная артистка СССР.

Письмо Н. Ф. Будановой. Приложение: фотография Н. А. Обуховой на паспарту с дарственной надписью Н. Ф. Будановой (1951).

Родов Семен Абрамович (1893—1968) — поэт, переводчик, критик.

«Стихи». Сборник стихотворений. Автографы, в именной записной книжке (1914).

Розов Николай Иванович (?) (1918—1994) — художник, скульптор.

«Черное и белое», «Борец». Рисунки (2). Карандаш, цветной карандаш (1937; б. д.).

Рыбников Николай Николаевич (1930—1990) — актер; народный артист РСФСР. **Ларионова** Алла Дмитриевна (1931—2000) — актриса; народная артистка РСФСР, жена Н. Н. Рыбникова.

Фотографии (13): портреты и в группе с неустановленными лицам на творческом вечере в Киргизии (<1970-е>).

Савицкий Игорь Витальевич (1915—1984) — художник, этнограф, искусствовед.

Рисунок. Чернила (1943).

Случевский Константин Константинович (1837—1904) — поэт, писатель, драматург, переводчик, тайный советник.

«Песни из уголка». Сборник стихов (СПб.: издание А. Ф. Маркса, 1902) с дарственной подписью автора Владимиру Гавриловичу Глазову (1901).

Сухова Алла Николаевна (1927—?) — житель блокадного Ленинграда.

Тетрадь по литературе ученицы 8 класса, с иллюстрациями к произведениям Д. И. Фонвизина, А. С. Грибоедова, А. С. Пушкина, и др. Автограф (1943—1944).

Тимофеев К.

«Благородному сэру Непиру». Стихотворение. Автограф (<1854>).

Тынянов Юрий Николаевич (1894—1943) — прозаик, драматург, сценарист, переводчик.

Предсмертная записка (17 июля 1941). Приложение: запись Л. Г. Ковнацкой об истории бытования автографа (2020).

Тынянова (урожд. Зильбер) Елена Александровна, жена Ю. Н. Тынянова, Тынянова Инна Юрьевна, дочь. Фотографии (3). Подлинник на паспарту и переснимки (<1917>, б. д.).

Шкларевич Василий — рославльский городничий, поручик (?).

«Сочинения Василия Шкларевича. Т. 1: Потерянный рай (из героической поэмы Иоанна Мильтона)». Переложение в стихах поэмы «Потерянный рай» Дж. Мильтона. Рукопись в переплете, с иллюстрациями (карандаш, чернила) (1880).

Красноармейский журнал «Маяк». Машинопись, обложка — рукопись с рисунком. Издание районного клуба им. К. Либкнехта г. Ярославль (1920, №№ 1 и 2). Приложение: стихотворения красноармейцев (А. Чубарова, А. Жеглова и др.), автографы (1909, 1915, б. д.); обращение к красноармейцам Клуба политуправления Московского военного округа, машинопись (б. д.).

Солдатская песня. Фрагмент. Рукой неустановленного лица (<1870-е>).

И. В. Кощиенко

АЛЛА КТОРОВА
(1926–2023)

3 июля 2023 г. на 97-м году жизни покинула этот мир писательница Алла Кторова (настоящие имя и фамилия — Виктория Ивановна Кочурова, в замужестве Сандор). Она была яркой, талантливой, говорливой и тонко остроумной.

Родилась Виктория в Москве 29 декабря 1926 г. В книге «Мелкий жемчуг» (1987) она проследила историю своего рода до XVI века, установив, что ее предки были московскими извозчиками. Среди ее родственников — писатель и редактор Н. И. Кочкуров (Артем Веселый). Отец служил в армии сначала белым, а затем красным офицером. В детстве пережила арест отца. Он был отправлен на строительство Беломорканала. Вернувшись из лагерей, которым отдал 6 лет, стал оперным певцом Саратовского театра оперы и балета. Атмосфера этого времени в стране ощущается в одном из ранних рассказов писательницы «Юрин переулок».

Во время Великой Отечественной войны эвакуировалась с матерью в город Барнаул. По возвращении в Москву окончила школу.

Девушка мечтала стать актрисой. Она отправилась в Ленинград и поступила здесь в театральный институт, позднее перевелась в ГИТИС, а еще позже разочаровалась в театре 1950-х годов, но не в своих любимых актерах — Викторе Петровиче Кторове и Алле Константиновне Тарасовой, в честь которых и взяла себе литературный псевдоним. К тому же Кторов стал для нее наставником и старшим другом. Законченное высшее образование получила в Первом московском педагогическом институте иностранных языков на отделении английского языка. Работала стюардессой на местных линиях Аэрофлота, преподавательницей английского языка в московской средней школе, а затем — переводчицей в гостинице «Москва». Первый иностранец, которого увидела Виктория в первый день своей работы в Бюро обслуживания гостиницы, — американец Джон Сандор, летчик, герой Второй мировой войны, через полтора года тайной от властей переписки стал ее мужем. В своих книгах «Лицо Жар-Птицы» (1969) и «На розовом коне» (1994) писательница рассказала необычную историю своей любви и замужества, в которой фигурируют силы КГБ и чиновники высшего государственного уровня.

© Царькова Т. С., 2023

Добиться разрешения на выезд Виктории оказалось непросто. Помог случай. Джон Сандор был приглашен на прием в индийском посольстве, где также присутствовал Н. С. Хрущев. К нему подвела Джона дочь индийского посла. Короткий разговор двух участников Второй мировой войны был драматичен, Джон заявил первому лицу государства, что, если жену не выпустят на постоянное место жительства в США, он покончит с собой. Хрущев обещал помочь. В 1958 г. Виктория получила визу за № 5. Это означало, что она была пятым лицом, не по службе, но все-таки легально выехавшим из Советского Союза в постсталинское время и сохранившим советский паспорт. С тех пор Виктория, ставшая Mrs. John Henry Sandor, жила с мужем в Роквилле (штат Мэриленд).

В США Виктория преподавала русский язык в разных университетах, была диктором и переводчиком на радио, занималась ономастикой (она была членом научного общества «American Name Society» и автором книги о русских и иноязычных именах «Сладостный дар», выдержавшей в России два издания).

Художественную прозу начала писать в США. Первая публикация — очерк «Домрабыни» — появился в альманахе «Мосты» (1961), затем журнал «Грани» напечатал рассказ «Юрин переулок», который вскоре был переведен на датский и немецкий языки. Первая книга «Лицо Жар-Птицы» — «обрывки незаконченного антиромана», по ав-

торскому жанровому определению — была доброжелательно встречена А. Т. Твардовским, предисловие ко 2-му изданию написал Б. К. Зайцев, а рисунок обложки сделал Э. Неизвестный. В США и России вышло 16 книг Аллы Кторовой, некоторые из них переведены с русского на иностранные языки, однако сама писательница мало заботилась о переводах — ее задачей и мечтой всегда было «дойти до своего читателя, который понял бы и оценил на родине, в Москве, “в ее дворе”». Все книги Кторовой — о России, довоенной, военной и современной. Их основные темы — верность себе, своей детской, пронесенной через всю жизнь дружбе («А я скажу: дружбу, особенно юную, ценю выше даже любви»), своему городу («Запомни навек, читатель: моя главная привязанность в сем мире это Москва и проза»), вера в человечество, «неразрывно связанное единым замыслом», свободное от национальных и расовых предрассудков. О чем бы ни писала Кторова: о быте перенаселенных московских коммуналок, о великих актерах русской сцены или о чаяниях именитых стариков — эмигрантов «первой волны», многих из которых ей довелось знать, записывать их рассказы, а архивы переправлять на родину, — она пишет историю своей страны. Манера повествования предельно свободная: временные пласты легко смещаются, картины детства и послевоенной молодости корректируются взглядом «отпускницы в отечество» из многолетней эмиграции.

О произведениях Кторовой писали известные литераторы и критики русского зарубежья: Н. Н. Берберова, В. В. Вейдле, Р. Б. Гуль, М. Е. Вейнбаум, А. Седых, Я. Горбов, З. Шаховская, Б. Езерская, М. Блинкова и мн. др. Критика неизменно отмечала подлинный интернационализм, гармоничную монолитность и живую стихию, виртуозность языка.

Я познакомилась с Аллой (так она сразу представилась) в конце 1980-х, когда писательница приехала в свой родной город Москву, а затем в Ленинград — город ее студенческой молодости — к подругам-однокурсницам. Одна из них стала радиожурналисткой, другая преподавала становление сценической речи. Они пришли в Пушкинский Дом. Общаться с ними было легко и просто, мы сразу подружились, гуляли по набережным, ходили друг к другу в гости. У Аллы был компанейский дар — всех перезнакомить, связать общими разговорами и делами. Впоследствии при случайных оказиях с приезжающими в Петербург она передавала через меня и, наверное, других людей своим подругам маленькие подарки и конвертики — времена у них были трудные, она это понимала — по натуре была отзывчива и щедра.

В 1990 г. меня командировали в Вашингтон на открытие выставки К. Малевича, соучредителем которой был и наш институт. В один из дней Алла приехала за мной, а еще напросились к ней в гости тогдашние директриса Театрального музея СПб и ученый секретарь Третьяковской галереи.

Кроме домашнего приема в Роквилле нас еще ждал устроенный Аллой визит к «Майкопской атаманше» — Нине Федоровне Буровой, старшей подруге Аллы; ей было за 90. Трогательная встреча, фантастический рассказ этой хрупкой женщины о событиях Гражданской войны и ее активном участии в ней, о жизни в эмиграции в Париже, об отношениях с Ф. Шаляпиным и А. М. Ремизовым.[1]

В итоге я возвращалась в Петербург с письмами Ремизова и его книгами с инскриптами, подаренными Рукописному отделу ИРЛИ, а Театральный музей получил позднее в дар портрет Ф. Шаляпина работы Н. Ф. Буровой.

В дальнейшем до самого последнего дня рождения Аллы 27 дек. 2022 г. мы с ней перезванивались и обменивались нашими вышедшими книгами.

Со временем я стала просить Аллу об образовании в РО ИРЛИ ее личного фонда. И, как всегда, она откликнулась, теперь такой фонд за номером 914 в Рукописном отделе существует, последнее поступление в него — посмертное, от 1 окт. 2023 г. Материалы отобраны и доставлены верной многолетней помощницей Аллы Ниной Николаевной Луговкиной.

Светлая память человеку широкой души и долгой жизни ее творениям.

Т. С. Царькова

---

[1] Подробнее об этом см: *Царькова Т. С.* Русское зарубежье // Санкт-Петербургские ведомости. 1991. 4 сент. № 2. С. 2.

АНТОНИНА НИКОЛАЕВНА МАРТЫНОВА (1932–2023)

23 июля 2023 года на 91-м году жизни скончалась одна из старейших сотрудниц Рукописного отдела, кандидат исторических наук, хранитель Фольклорного собрания Антонина Николаевна Мартынова.

Антонина Николаевна всегда гордилась тем, что родилась в Заонежье, в д. Кузаранда современного Медвежьегорского района Республики Карелия, «Исландии русского эпоса», и с детства была знакома с богатой традиционной культурой этих мест.

Пережив Великую Отечественную войну, она на долгие годы сохранила драгоценную память о тяготах эвакуации, своем погибшем отце и его однополчанах.

Ученица В. Я. Проппа, аспирантка Б. Н. Путилова по Институту этнографии и антропологии АН СССР, последовательница А. М. Астаховой и Г. Г. Шаповаловой в деле развития фольклорной архивистики, А. Н. Мартынова была ученым с разносторонними интересами. В ее научной деятельности воплотились лучшие черты академической фольклористики: теоретическая обоснованность и особое внимание к эстетике фольклорного слова, изысканности народного стиля.

Кроме фундаментального исследования «Русская народная колыбельная песня и народный быт» (1977), А. Н. Мартынова была автором публикаций о проблемах фольклористической текстологии, архивного хранения записей традиционной культуры, истории фольклористики, малых жанрах фольклора, пословицах, загадках, лубочных картинках; составителем антологий и сборников. Много сил и времени уделяла сохранению научного наследия своего учителя В. Я. Проппа. Совместно с Н. А. Прозоровой ею была подготовлена книга «Неизвестный В. Я. Пропп»,[1] куда вошли литературные произведения ученого, его дневниковые записи, переписка с друзьями и воспоминания учеников.

А. Н. Мартынова — участник коллективных трудов «Русский фольклор» (Л.: Изд-во АН СССР, 1964, 1972, 1975. Т. 9, 13, 15), «Из истории русской фольклористики» (Л.: Наука, 1981. Вып. 2), «Еже-

[1] Неизвестный В. Я. Пропп / предисл., сост. А. Н. Мартыновой; подгот. текста, коммент. А. Н. Мартыновой, Н. А. Прозоровой. СПб.: Алетейя, 2002.

© Нагорная Я. В., 2023

годник Рукописного отдела Пушкинского Дома» на 1994 и 1995 годы (СПб.: Дмитрий Буланин, 1998, 1999), «Былины Мезени» в академической серии «Свод русского фольклора» (СПб.: Наука; М.: Классика, 2003—2006. Т. 3—5)[2] и др. Нам остается только сожалеть, что многие замыслы ученого, в том числе каталог фольклорных фондов Пушкинского Дома, так и остались неопубликованными.

Еще во время обучения в Ленинградском государственном университете А. Н. Мартынова начала ездить в фольклорные экспедиции на Архангельскую, Вологодскую, Мурманскую, Костромскую и Пермскую области, Республику Карелию. Собранные материалы отложились

[2] Былины Мезени: Север Европейской России / отв. ред. А. А. Горелов; подгот. текстов и коммент. А. А. Горелова, Т. Г. Ивановой, А. Н. Мартыновой, Ю. И. Марченко и др. СПб.: Наука; М.: Классика, 2003—2006. Т. 3—5. — (Свод русского фольклора).

в коллекциях Фольклорного собрания РО «Фольклорные материалы диалектологических экспедиций Ленинградского государственного университета в Вологодскую область» (Р. V, колл. 223), «Материалы экспедиции ИРЛИ в Пермскую область» (Р. V, колл. 229), «Материалы экспедиции ИРЛИ АН СССР в Архангельскую область» (Р. V, колл. 266) и др.

С самого своего прихода в Отдел фольклора Пушкинского Дома в 1968 г. А. Н. Мартынова работала в Фольклорном собрании, до 1982 г. входившем в состав Отдела фольклора. Занималась комплектованием и описанием коллекций, ведением учета. За 37 лет, которые она была хранителем, количество фондов увеличилось почти в три раза. После того как Собрание вошло в состав Рукописного отдела, А. Н. Мартынова проводила научно-техническую обработку фондов фольклористов и собирателей устной поэзии: А. М. Астаховой (Р. V, ф. 724), В. Я. Проппа (Р. V, ф. 721), М. Я. Мельц (Р. V, ф. 872), писателя Б. В. Шергина (Р. V, ф. 278) и др.

Антонина Николаевна останется в нашей памяти как талантливый фольклорист, блистательный докладчик, увлеченный собиратель и хранитель произведений устной поэзии, доброжелательный, отзывчивый человек, готовый с легкостью передавать свои знания и опыт молодому поколению исследователей.

Пушкинский Дом сохранит светлую память о ней.

Я. В. Нагорная

УТОЧНЕНИЯ, ИСПРАВЛЕНИЯ

Авторы приносят извинения за допущенные неточности в ранее опубликованных в «Ежегодниках Рукописного отдела ИРЛИ РАН» работах:

1
ЕРОПД на 2016. С. 303, сн. 7

Сын отечества. 1826. Ч. 107. С. 251—263. Известные арабисты В. М. Борисов и А. А. Долинина, называя этот перевод единственным из пяти, осуществленных в России в XIX в., автор которого «сделал удачную попытку воспроизвести рифмы и ритм подлинника», приписывают его О. Сенковскому, а не Д. Ознобишину (*Борисов В., Долинина А.* Абу Мухаммед аль-Харири и его макамы // *Абу Мухаммед аль-Касим аль-Харири*. Макамы: арабские средневековые плутовские новеллы. М.: Наука, 1987. С. 11); публикуемая рукопись позволяет установить подлинное авторство перевода.

По мнению А. А. Садыхановой, с которым согласен автор, речь в публикации перевода макамы «Караван» на самом деле идет о переводе макамы «Золотая монета».

2
ЕРОПД на 2022. С. 521, абз. 3, стр 3 (снизу)

Вместо: и два ее письма к Ф. Ницше (маш., на нем. яз., 4 л.) — *следует читать*: и два письма Ф. Ницше к Лу Андреас Саломе (маш., на нем. яз., 4 л.).

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Абдул-Беха (Абдул-Баха) 196–199, 202–205, 207, 208, 211, 212, 214, 217–220, 223
Абрамович Д. И. 185
Абрамович Н. Я. 416, 417
Абызов Ю. И. 47, 50
Аверинцев С. С. 305
Аверьянов М. В. 754
Авраам Благочестивый 216
Авраменко И. К. 528, 541
Аврамов П. Ф. 390, 391
Аврейлер А. (Awreiler A.) 774
Агамалян Л. Г. 747
Агапов А. А. 299
Агурский М. С. 285
Адамович Г. В. 768
Аддисон Д. 348
Адельгейм, братья 206
Аджамян А. 786
Азеф Е. 170
Айналов Д. В. 192
Айнберг-Загряцкова (Ансберг) С. Ф. 166, 172
Айтматов Ч. Т. 808
Акимов Н. П. 541
Аксаков А. Н. 125
Аксаков С. Т. 119, 124, 125, 141, 341
Аксакова О. Г. 125, 755
Аксененко Е. М. 758, 762
Александр I, имп. 56, 57, 64, 68, 74, 103, 16, 129, 334, 350
Александр II, имп.10, 17, 34, 43, 243, 550, 807
Александр III, имп. 122
Александр Свирский, прп. 490
Александр, о. 226, 228, 229, 236, 239, 241, 243, 250, 251
Александра Федоровна, имп., жена имп. Николая I 74, 113
Александра Федоровна, имп., жена имп. Николая II 11, 13, 393
Александрова М. О. 766, 767
Александрова Т. 525, 538
Алексеев Н. А. 254
Алексеев Н. Е. 261
Алексеев А. Д. 46, 50
Алексеев М. П. 40, 50, 303–305, 307, 377, 380
Алексий Мечев, прп. 511
Алешковский А. Н. (Ильин) 242
Алиханова-Аварская З. Б. 48
Алленова В. А. 132, 140
Аллер С. И. 333
Алпатов М. В. 801
Альварес де Толедо-и-Пиментель Ф., герцог Альба 327
Альтман М. С. 532, 545, 546
Альтшуллер М. 770
Амаду Ж. 800, 802
Амвросий Оптинский, прп. 486, 490, 509
Амилахвари Н. В., кн. 48
Амфитеатров А. В. 418
Амфитеатров А. 219, 223
Анакреон 358
Ананьев, атаман 434, 455
Анатолий I Оптинский, прп. 486, 490, 508, 509
Анатолий II Оптинский, прп. 486, 509
Андерсен О. 299, 378
Андреас-Саломэ Л. 805, 806
Андреев Алексей, свящ. 49
Андреев Л. Н. 170, 187
Андреева (урожд. Молчанова) В. С. 471
Андреевский А. А. 396, 397
Андрей Критский, прп 506, 508, 510
Андрей Рублёв, прп. 490
Андроников И. (наст. имя Андроникашвили И. Л.) 763–765
Андропов Ю. В. 551
Аникин С. В. 398, 399
Аничков Е. В. 22, 167, 175

Анненков П. В. 32, 37, 38, 41, 42, 50, 529, *537*, 538, 542, 751
Анненков Ю. П. 296
Анненский Н. Ф. 381, 392, 394, 415, 416, 421, 422, 457
Антокольский П. Г. 746
Антоний Оптинский, прп. 480, 485, 486, 509
Антуанетта — см. *Блудова А. Д., гр.*
Апраксин П. Н. 126
Апухтин А. Н. 179, 187
Арагон Л. — см. *Aragon L.*
Арапов П. Н. 356
Арестович А. Н. 550
Арина Родионовна, няня Пушкина 256
Ариосто Л. 287
Аристотель 480
Арсеньев К. К. 43
Артем Веселый (наст. имя Кочкуров Н. И.) 812
Архипова Л. П. 154, 193
Асанова Д. К. 809
Асеев Н. П. 444, 445, 451
Асеева М. А. 444, 445, 450–452
Асийа-ханум (Навваб), жена Бахауллы, мать Абдул-Баха 220
Асмодей — см. *Вяземский П. А., кн.*
Асмус В. Ф. 304, 305
Асныk (Asnyk) А. 200
Астахова А. М. 816, 818
Ауя, девочка 214
Ахилл Татий Александрийский 299, 304, 377
Ахмадулина Б. А. 517, *532*, 546
Ахматова (наст. фам. Горенко) А. А. 460, 517, *533*, 546, 746, *753*
Ахмед, мальчик 214
Ахумян С. 199, 223
Ашимов К. 808

Баб 196, 199–204, 206, 209, 211, 214, 217–221, 223
Бабкин А. М. 187
Бабушкин Я. Л. 2, 459–466, 468–472
Багно В. Е. 2, 766
Бажанов В. Б., церк. деятель 14
Базанов В. Г. 515, 526, 527, 529, 539, 540
Базаров И. И. (наст. фам.; псевд. — П. Б.), церк. деятель, духовник Жуковских 13, 14
Байков А. А. 182, 189
Байрон (Byron) Дж. 44, 167, 199, 200, 309, 362, 363
Бакусов А. И. 243, 244, 253
Балакшин А. А. 410
Балакшин А. Н. 410–412
Балашев В. С. 24, 25, 27
Балобанова Е. В. 166, 173, 174, 194
Балухатый С. Д. 307
Балуцкий (Bałucki) М. (псевд. Элпидон) 200
Бальзак Ж. 365
Бальзак О. де 277
Бальмонт К. Д. 35, 51, 182
Баратынский Е. А. 380, 760, 774
Барбюс А. 45
Бар-Селла З. 380
Бартелеми Ж.-Ж. 80
Бартенев П. И. 57, 759
Барыкин М. А. 477, 483, 495, 497–500, 502, 507
Барышников А. Я. 428
Барятинская (урожд. Бутенева) М. А., кн. 31, 32, 36, 37
Баскина (Маликова) М. Э. 298
Басманов Ф. А. 312
Батте Ш. 336
Батюшков К. Н. 114, 325, 339, 342, 347, 354, 357, 360, 362, 380, 760
Батюшков Н. Л. 114
Батюшков Ф. Д. 22, 24, 26–28
Бауман Н. Э. 742
Бах И. С. 527
Бахрушин А. А. 137
Бахтин В. С. 544
Башкирцева М. К. 519, 520, *533*
Башурова О. А. 471
Бвакир Н. 523, 537
Бедный Демьян (наст. имя и фам. Е. А. Придворов) 530, 542
Безъязычный В. И. 533, 546
Бейлис М. М. 744
Белгородский (Белогородский, о. Михаил) В. М. 252, 254, 255, 258, 262
Белинский В. Г. 809, 760
Белль Г. 802, 803
Белов Н. В. 253
Белозерская Н. А. 326, 333
Белокурова Р. 234
Белоруссов (наст. фам. и имя Белевский А. С.) 416, 417
Беляев Б. 773

Беляев В. А. 391
Беляев Ф. М. 240, 242, 265
Беляева А. Ф. 240
Беляк Н. В. 548
Бенедиктов В. Г. 160, 193
Бенелли С. 206, 219, 223
Бенуа А. Н. 129, 130
Бенуа Альберт Н. 526, 540
Беранже П.-Ж. 761
Берберова Н. Н. 814
Бергамин Х. 781
Берггольц М. Ф. 468
Берггольц О. Ф. 2, 459–464, 466–468, 470–472, 536, 804, 805
Берггольц Ф. Х. 460, 472
Березкина С. В. 55, 67, 79, 85, 115, 464, 465, 470, 472, 473
Берестов В. Д. 551, 552
Беркен А. 107
Берков П. Н. 145, 152, 153, 157, 161, 186, 193, 303, 515, 526, 539, 772
Берлис А. П. 48
Бернштейн С. Б. 305
Бертен Т.-П. 107
Бертенсон В. Б. 33, 50
Берхен С. Н. 146–148
Берхен С. С. 148
Беспалова Е. К. 95
Бетховен Л., ван 527
Беха-Улла (Бахаулла) 196–198, 201, 202, 204, 205, 207, 209, 211–215, 217–223
Бехтерев В. М. 538
Бикерман И. М. 399–400
Билинкис М. Я. 525, 538
Билинкис Я. С. 515, 525, 526, 529, 530, 538, 539
Билинкисы, семья 525, 527, 538
Бильбасов В. А. 173
Биневич Е. М. 460
Бион 358
Бирон 241
Бироны, семья 49
Бирюков В. П. 804
Битюков А. И. 808
Блинкова М. 814
Блок А. А. (Блокк Г. Г.), банкир 214, 222
Блок А. А. 20, 35, 51, 146, 182, 519, 524, 536, 537, 755
Блудов Д. И. 2
Блудов Д. Н., гр. 55–117
Блудова А. А., гр. 58–59, 62–64, 68, 72, 74, 100, 106
Блудова А. В. 64, 65, 92, 95, 97–99, 101
Блудова А. Д., гр. 111–113
Бобринский А. Г. 23
Бобринский Андрей А. 22–28
Бобровская М. Н. 525, 538
Богаевский Б. Л. 299, 377
Богданов Г. Ф. 237
Богданович Е. В. 71, 115
Богданович И. Ф. 64
Боголепов Н. П. 174
Боголюбский Н. Н. 247
Богомазов Н. И. 228, 268
Богомолов Н. А. 759
Бодуэн де Куртенэ И. А. 175, 184, 189
Боккаччо Дж. 488
Боклевский П. М. 140
Болдин В. И. 550
Болдырев А. В. 299, 377
Бомарше П. 174
Бонапарт Ж., король Испании 774
Бонапарте — см. *Наполеон I Бонапарт*
Бонд Г. 295
Бонч-Бруевич В. Д. 152, 157, 161, 166, 174, 762, 806
Бонч-Бруевич М. А. 804
Борель, автор комедии 80
Борисов Ф. Б. 244, 250
Боровкова-Майкова М. С. 56, 115, 147, 173, 174
Боровский К. 795
Боровский Я. М. 298, 300–302, 305, 377
Бороздин 247
Ботезат А. И. 33, 51
Боткин В. П. 537, 538, 542
Бочкарев В. А. 322, 324, 352
Бочков В. Н. 92
Бошняк А. К. 90, 92–94
Браун Ф. А. 22, 167, 174
Бренна В. 70
Бреслер Д. М. 299, 378
Бродский И. А. 772, 801–803
Броневский В. (Bronevcki W.) 773
Брут Марк Юний 312
Брюсов В. Я. 45, 182, 759
Буало Н. 69, 71, 75, 76, 78, 80, 116, 160, 193
Буданова Н. Ф. 763, 765, 804, 810
Бударагина О. В. 299, 377
Буддо 199
Будищев А. Н. 756

Булак-Балахович С. Н. 228, 231, 233, 234
Буланин Д. М. 401, 432
Булгаков А. Я. 71, 112, 113
Булгаков К. Я. 70, 71
Булгаков М. А. 518
Булич С. К. 163, 164, 170, 175, 182, 189
Бунин И. А. 381
Бурбоны, династия 74
Буринский З. А. 308–310, 335, 374, 375, 377
Бурова Н. Ф. 815
Бурцев А. Е. 744
Бурченкова Р. В. 237, 262, 267
Бурышкин П. А. 28
Бурятов Б. Н. 774
Бутлеров М. А. 125
Бухановская Е. Я. 187
Бухарин Н. И. 770
Бухмейер (Троицкая) К. К. 521, 530, 534, 535, 543
Бухштаб Б. Я. 515, 516, 521, 535, 536
Бухштабы, семья 522, 525
Буше А. Ж. 106
Быкова Т. А. 159
Быстров В. Н. 677
Бытовой (наст. фам. Коган) С. М. 515, 528, 541
Бычков 230
Бюффон Ж.-Л.-Л. 78, 80
Бялый Г. А. 515, 530, 533, 543

Вавич М. 510
Вагин 262
Вагинов К. К. 305
Вагинова (урожд. Федорова) А. И. 305
Вагнер Р. 205
Важа Пшавела (наст. имя и фам. Л. П. Разикашвили) 45
Валуев П. А. 36
Варвик — см. *Тургенев Н. И.*
Варенцова Е. М. 40, 50
Василевская В. 799, 802
Василий Великий, свт. 480, 495
Василий, о. 234, 237, 251
Василиск Сибирский (Туринский), прп. 490, 510
Васильев 225
Васильев А. Н. 377
Васильев Н. 300, 302
Васильев П. Н. 534
Ватсон (урожд. де Роберти де Кастро де ла Серда) М. В. 398
Ватсон В. Ф. 558
Вахромеева О. Б. 147, 149, 154, 158, 159, 193
Вацуро В. Э. 68, 79, 115
Вачнадзе В. А., кн. 48
Введенский А. И. 165, 172
Вега, Лопе, де 359
Вегер Р. (А.) И. 743
Вейдле В. В. 814
Вейнбаум М. Е. 814
Вейнберг П. И. 167, 174, 175
Вейтка В. 225
Вейцман 770
Векслер И. И. 809
Венгеров С. А. 145, 151, 177, 186, 233, 754, 760
Вендель Г. 810
Венедиктова А. К. 151
Венков А. В. 380
Венцлова Т. 802, 803
Вергилий Марон, Публий 303, 358, 374, 375
Верейская Е. Н. (Кареева) 171
Веременко В. А. 47, 50
Верцман И. Е. 468
Веселитский-Божидарович Г. С. (псевд. Аргус) 208, 219
Веселова А. Ю. 186
Веселовский Александр Н. 22–29, 151, 747, 748
Веселовский Ю. А. 199, 223
Ветрова М. Ф. 151
Вечтомова Е. А. 461, 464
Виардо (урожд. Гарсиа) П. 34
Виардо, семья 46
Вигель Ф. Ф. 57, 62, 109, 111, 114, 115
Виельгорская (урожд. Бирон) Е. К., гр. 49
Виельгорская (урожд. Бирон) Л. К., гр. 49
Виельгорская (в замуж. Шаховская) А. М., гр. 33
Виельгорская С. М. — см. *Соллогуб С. М.*
Виельгорские, семья 33, 49, 51
Виельгорский Матв. Ю., гр. 49
Виельгорский Мих. Ю., гр. 49
Визбор Ю. И. 551
Вийон Фр. 770
Вильчинский В. П. 526, 539
Вильчковский С. Н. 133
Винкельман И. И. 364

Винницкий, епископ, церк. деятель 14
Виролайнен М. Н. 68, 115, 804
Витберг А. Л. 118, 127–131
Витберг Н. Ф. 123
Витберг Ф. А. 118–142
Вишняк М. В. 167
Владимир Александрович, вел. кн. 128
Владимиров Е. И. 804, 809
Владимирова Ж. К. 804
Власова З. И. 804
Воейков А. Ф. 109, 111
Воейкова А. А. 71
Войналович Е. В. 399
Волгин В. П. 351
Волечек В. С. 248
Волков В. Ф. 241, 242, 262
Волков М. А., военный архитектор 220
Волков С. В. 147, 158
Волкова (урожд. кнж. Львова) М. В. 35
Волкович Е. Д. 238, 265
Волконский М. П., кн. 97, 98
Волынский А. Л. (наст. имя и фам. Х. Л. Флексер) 805, 806
Вольман Б. Л. 67, 115
Вольпе Ц. С. 273
Вольтер (наст. имя и фам. Ф. М. Аруэ) 64, 69, 70, 174, 323, 326, 328, 335, 349–351, 353–355, 360
Вольф Х., фон 364
Воронков К. В. 531, 544
Воронский А. К. 809
Воронцов В. В. 417
Воронцов М. С., светл. кн. 49
Востриков А. В. 143, 152, 158, 170, 173, 174, 193, 194
Вощинина Ю. Н. 168
Врангель Н. Н. 119, 141
Враская Н. С. 190
Вревская (урожд. Варпаховская) Ю. П., бар. 31, 40
Вревская Е. Н. (Зизи) 229
Вревская Н. П. 149
Вревская С. Б. 226, 234, 265
Вревские, семья 229
Всеволодский-Генгросс В. Н. 78, 115
Вуатюр В. 365
Вульф Е. Н. 265
Вульф Шарлотта — см. *Рейтерн Шарлотта Е.*
Вульф Ю., фон 9
Вульфиус (в замуж. Пинская) Ек. Ан. 46, 47
Вульфиус Ек. Ал. 46
Вульфиус Ал. Ал. 46, 47
Вульфиус Ан. Ал. (псевд. А. М., А. Матюшкин) 46, 47
Вульфиус Ек. В. — см. *Соллогуб Ек. В.*
Вульфы, семья 229
Выгодский А. Г. 465, 466, 468
Высоцкий Д. А. 808
Высоцкий Е. В. 432
Выходцев П. С. 515, 521, 522, 528, 534
Вышеславцев М. М. 64
Вяземский А. И., кн. 94, 95
Вяземский П. А. 49, 109–113, 352
Вяхирев П. В. 260, 261
Вяхирева М. Н. 260
Вяхиревы 264

Гавриил, о. 236
Гаврилов А. К. 298–300, 304, 305, 307, 377, 378
Гаврилов-Лебедев П. Г. 756
Гагарин А. Е., кн.
Гагарина М. В. — см. *Соллогуб Мар. В.*
Гаген-Торн Н. И. 806
Гаген-Торн О. Я. 804
Гайдн Й. 55, 59, 67, 115, 117
Галилей Г. 545, 547
Галимова Е. Ш. 474, 475, 513, 514
Галинковский Я. А. 308
Галич А. А. 551
Галкин Ю. Ф. 475, 513, 514
Гальперин (Гальперин-Каминская; урожд. Гинцбург) Н. И. 196
Гамрат-Курек С. 809
Гамсараган Д. (наст. имя — Ардемис Дора Гамсараган, лит. псевд. Анн Сараг) 788, 789
Ганнибал О. А. 263
Ганнибалы, семья 256, 263
Гарин С. А. 754
Гарина Н. М. 754
Гарфильд С. А. (псевд. Гарин) 755
Гаршин Е. М. 26, 29
Гас, ростовщик 101, 103
Гатинье Д. М.-Л. 220
Гатти Р. 797
Гауптман Г. 397
Гафиз (Хафиз) Ш. 200, 206, 490
Гейден П. А. 244

Гейман Б. Я. 338
Гейне (Heine) Г. 199, 200
Гейцер Я. 539
Гейштор В. М. 758
Гелиодор 300, 304, 330, 378
Гельвих Н. К. 171
Генералова Н. П. 766
Гениева Е. Ю. 271, 296
Герасимов Ю. К. 524, 537
Герасимова Е. Ю. 766, 767
Герасимова Л. А. 462, 469, 472
Гербель Н. В. 285, 287
Гердер И. Г. 364
Гердер И. Ф. 358, 364
Герман Ю. П. 460
Герцен А. И. 187, 225, 526, 527, 535, 536, 538, 539, 543, 747, 748, 807
Гершензон М. О. 762
Гершкович З. И. 161, 194
Геснер С. 311
Гессен Л. А. 284
Гете (Goethe) И.-В. 8, 10, 158, 199, 349, 364, 366, 545, 546
Гиацинтова С. В. 800
Гизо П. 107
Гиллельсон М. И. 103, 117, 539
Гильдебрандт Т. 8
Гильдебрандт-Арбенина О. Н. 305
Гильем (Guillen) Николас 773, 779, 799, 800, 802
Гинзбург Л. Я. 527, 540
Гиппиус В. В. 307, 744
Гиппиус З. Н. 794
Гиппиус Т. Н. 770
Гипси А. Н. 300–302
Гипси М. М. 300
Глаголев (Волков) Н. М. 156, 158, 161
Глаголев И. М. 147, 158
Глаголев М. Ф. 155, 157
Глаголев Ф. М. 146, 147, 156, 158
Глаголева (урожд. Нелидова) О. И. 147, 155, 157
Глаголева А. М. 146, 147, 155, 156, 158, 163
Глаголева-Берхен Т. М. 2, 143–155, 158–161, 167, 168, 171–175, 180, 185–190, 192–194
Гладков Ф. В. 799, 802
Глазов В. Г. 811
Глинка М. И. 31
Глинцер К. 8
Глоба Л. 769
Глушаков П. С. 516, 540
Гнедич Н. И. 298, 303, 306–320, 322–367, 370, 371, 374, 378, 380
Гнедов В. 746
Гнедов В. И. 402
Гоголь Б. И. 544
Гоголь Н. В. 33, 34, 51, 119, 121, 122, 124, 140–142, 182, 326, 338, 380, 398, 407, 532, 760, 809
Годунов Б. Ф. 312
Годунова К. Б. 312
Гозенпуд А. А. 76
Голд М. 746
Голдсмит О. 83
Голицын А. Н., кн. 807
Головин В. В. 2, 804
Головнин А. В. 31
Гольдбах Ф. 103
Гомер 303, 306, 307, 314, 323, 330, 339, 354, 356–359, 363, 364, 366, 371, 378, 480, 545
Гораций Флакк, Квинт 286
Горбачев М. С. 548–553, 785
Горбачева Р. М. 550
Горбов Я. Н. 814
Горбунов Н. П. 270
Горбунов-Посадов (наст. фам. Горбунов) И. И. 426–427
Гордеев П. Н. 170, 194
Горелов А. А. 817
Горлин А. Н. (псевд. Н. Л. Логрин) 762
Горнфельд А. Г. 394, 400–401, 416–417, 421–422, 432
Горчинский П. А. 185, 194
Горький М. (наст. имя и фам. А. М. Пешков) 45, 187, 381, 404, 418, 753–755
Горяева Т. М. 460, 472, 544, 546
Готье Т. 805
Гофман В. В. 149
Гофман М. Л. 750
Гофман Э. Т. А. 320–322
Гранин (наст. фам. Герман) Д. А. 529, 542
Гранович А. И. 804
Грачева А. М. 185
Грачева Е. Н. 174, 193, 194
Гревс И. М. 163, 166, 167, 174, 180, 193
Грей Т. 69, 71
Греминк (<Gremink В.>) 767
Греч Н. И. 353
Гречихина 189
Грешищев Н. Е. 192

Грешищева Е. Н. 186, 188, 191, 192
Гржебин З. И. 428
Грибанов В. И. 33, 51
Грибачев Н. М. 529, 542
Грибоедов А. С. 380, 760, 811
Григорий Богослов, свт. 480, 508
Григорьев А. А. 760
Григорянц Л. А. 200
Гризи К. 805
Гримм Э. Д. 167, 174
Гриневская И. А. (урожд. Фрейдберг) 196–202, 206, 212, 217–220, 223
Гроздов Е. С. (Евсевий, арх.) 235
Громобой — см. *Жихарев С. П.*
Громов А. А. 170, 194
Громов В. В. 230
Громова Л. П. 2
Громова Н. А. 460, 473
Гроссман В. 770
Гроссман Л. П. 530, 543
Грот Я. К. 14, 20, 39
Грошева Я. С. 466, 469
Грошиков Ф. В. 756–758
Грошикова А. 756
Грудзинский А. И. 410
Груздев А. И. 530, 543
Грузенберг О. О. 407
Грузинский А. Е. 9, 21
Грякалова Н. Ю. 2
Губарев А. В. 804
Губарев В. И. 63–66, 69, 75
Гуден, братья 199
Гудзий Н. К. 521, 535
Гуль Р. Б. 814
Гуляев П. В. 800
Гумилев Н. С. 46, 52, 741
Гуревич Л. Я. 754, 806
Гуссейн (Хусейн), мученик-шиит 207, 210, 216, 217, 222
Гущик В. Е. 758
Гюбеннет А. Я. 123
Гюго (Hugo) В. М. 199, 742

Д'Аннунцио Г. 171
Давыдов Д. В. 112
Дадиани Д. К., светл. кн. 48
Д'Актиль А. — см. *Френкель А. А.*
Даль В. И. 67, 508, 513
Даманская А. Ф. (псевд. А. Филиппов) 388, 396–398
Дамич А. Ф. 558, 559
Даниил, о. 230, 233
Данилевский Р. Ю. 71, 308
Данилов А. П. 253
Даннекер И. Г., фон 364
Данте А. 171, 366
Даран Д. Б. (наст. фам. Райхман) 791, 792
Дашевская Б. М. 744
Дашков Д. В. 57, 79, 109–111, 116
Двинятина Т. М. 14
Дедюлин В. А. 171
Дей Т. 107
Делиль Ж. 73–75, 80, 85, 86, 92, 98, 99, 340
Дельвиг А. А. 358
Дэмери Ф. (Damery F.) 558
Демидова Е. П. — см. *Чичерина Е. П.*
Деникин А. И. 457
Державин Г. Р. 69, 70, 133, 323, 341, 342, 356, 509
Деркач С. С. 515, 519, 527, 532, 533
Дерман А. Б. 401, 402, 421, 422
Джонсон С. 104, 105
Дзержинский Ф. Э. 440
Дикман М. И. 546
Димитрий Ростовский, св. 185
Димитрий Ростовский, св. 489, 490
Динес В. А. 545, 547
Дмитревский И. А. 78, 79, 115, 322, 323, 326, 327
Дмитриев А. П. 515, 516, 546
Дмитриев И. И. 64, 95, 100, 101, 104, 106, 112, 114
Дмитриев М. 753
Дмитриев М. А. 332
Дмитриева Н. Л. 55, 85, 115
Дмитрий Иванович, цесаревич 312
Днепрова И. Л. 539
Добиаш-Рождественская О. А. 155, 158
Добржинский Г. В. 172
Добровольский А. А. 806
Добролюбов Н. А. 334, 529, 532, 533, 537, 541, 545, 546
Добужинский М. В. 526, 540
Доватур А. И. 298, 302, 305, 306, 377
Довгалевский В. С. 767
Дода Л. Н. 450
Додэ А. 761
Долгих Е. В. 56, 59, 99, 115
Долгова Е. М. 402
Долгова С. Р. 61, 115
Доливо-Добровольский А. И. 805, 806

Долинина (урожд. Гуковская) Н. Г. 515, 528, 540
Дондукова-Корсакова С. М. 244
Донской М. С. 808
Дороватовская-Любимова В. С. 181, 182, 188, 189
Достоевский Ф. М. 168, 187, 241, 465, 532
Драйден Дж. 75, 76
Дрейфус Барни (Dreyfus Barney) И. 219, 220
Дрейфус Кардозо Инес Софи Мария Леа (Dreyfus Cardozo Ines Sophie Maria Lea) 220
Дружинин А. В. 537, 538, 542
Дрыжакова Е. Н. 539
Дубровина-Ясинска М. Н. 805
Дубровский А. В. 383, 389, 456
Дубровский В., о. 266
Дубровский П. П. 24
Дудин М. А. 529, 542
Душечкина Е. В. 174
Дымшиц В. А. 545, 546
Дэвинь Р. 761
Дэмери Ф. (Damery F.) 558
Дюгазон Л. 74, 76
Дюканж В. 367
Дюкре-Дюмениль (Дюкредюмениль) Ф. Г. 337
Дюма А. 45
Дюма М. 31, 37
Дюсис (Дюси) Ж.-Ф. 66, 68, 75, 322–325, 344, 346, 347, 360
Дягилев С. П. 271

Евгеньев-Максимов В. Е. 285
Еврипид 304, 358
Евтушенко Е. А. 515, 517, 526, 546
Евфросиния, монахиня 489, 510
Еголин А. М. 285
Егоров А. Ф. 531, 543
Егоров Б. Ф. 515–547
Егоров В. 800
Егоров В. Ф. 531, 543
Егоров И. 239
Егоров И. В. 149, 188, 194
Егоров Ф. И. 536
Егорова *Т. Б. — см. Миллер Т. Б.*
Егунов Александр Н. (псевд. Александр Котлин) 301
Егунов Андрей Н. (псевд. Андрей Николев) 298–309, 330, 331, 340, 345, 347, 350, 351, 357, 359, 377, 378
Езерская Б. С. 814
Екатерина II, имп. 23, 161, 334, 417, 549
Екатерина Павловна, вел. кн. 356
Екимов П. Е. 357
Екшурский, учитель 265, 267
Елагин И. П. 78, 79
Елагина А. П. 109, 112
Елпатьевский К. В. 158
Елпатьевский С. Я. 406, 421, 422
Ельцин Б. Н. 551
Емельянов И. 240
Ениколопов И. К. 36, 49, 51
Епифанова Л. М. 119, 141
Еремеев К. С. 757, 758
Ермакова-Битнер Г. В. 534
Ерунов В. 790, 792
Ефименко А. Я. 158
Ефимов Б. Е. 790, 793
Ефремов П. А. 754

Жамм Фр. 770
Жан Поль (Рихтер) 287
Жанлис Ф., де 337
Жаров И. К. 259
Жданов И. Н. 747
Жебелев С. А. 299, 304, 378
Жеглов А. 811
Жекулин Н. Г. 42, 50
Жильбер (Gilebert) Н.-Ж.-Л. 362
Жиркович Б. В. 272
Жирмунский В. М. 305
Житков К. С. 253, 255
Жихарев П. С. 114
Жихарев С. П. 76, 109, 111, 114, 313, 331, 332, 335, 338, 343–345, 349, 356
Жозеф Бонапарт 774
Жолио-Кюри Ф. 796
Жордания О. 49, 51
Жукова О. 158
Жуковская Е. А. — см. *Рейтерн Э.*
Жуковская Е. Е. (урожд. Рейтерн) — см. *Рейтерн Э.*
Жуковская А. В. 13, 14, 16, 18
Жуковские 18
Жуковский В. А. 2, 7–21, 34, 49, 55–117, 121, 122, 133–136, 140, 141, 337, 342, 357, 371, 750, 760, 809
Жуковский П. В. 13, 14, 16, 18

Заболоцкий Н. А. 537
Заборов П. Р. 22, 68, 115, 305, 306

Завадский Ю. 796
Завадский Ю. А. 810
Загоскин М. Н. 161
Зайцев А. И. 307, 378
Зайцев Б. К. 814
Закс Б. Г. 794
Замятин Е. И. 296
Засулич В. И. 170
Захарова М. С. 263
Захарьина О. П. 183, 190
Зварковская Н. П. 237
Зварковские 237, 241
Зварковский Н. А. 237
Зверев С. Е. 126, 137
Звигильский А. Я. 34, 52
Звягин Е. А. 804
Звягина Н. А. 804
Зеегены Иосиф и Гермина 31, 32
Зеликина (урожд. Флексер) М. А. 805, 806
Зеликина К. А. 806
Зельченко В. В. 298, 300, 304, 372
Зензинов В. М. 168
Зенкевич (урожд. Гусикова) А. Н. 742, 744
Зенкевич (урожд. Нещеретова) Е. С. 743, 744, 746
Зенкевич А. А. 743
Зенкевич А. О. 743, 746
Зенкевич Б. А. 743, 746
Зенкевич Е. М. 742
Зенкевич М. А. 741–746
Зенкевич С. А. 743, 746
Зенкевич С. Е. 744
Зенкевич С. М. 742
Зенф К.-А. 8
Зернов Б. Е. 524, 537
Зинин М. Я. 294
Зиннер Э. П. 293
Зиновьев Г. Е. 244
Златова Е. 787
Зон К.-Ф. 18
Зорин А. Л. 81, 85, 91, 116
Зосима Верховский, прп. 490, 510
Зосима Соловецкий, прп. 490
Зощенко М. М. 517, 532, 533
Зубов М., певец 67
Зубова П. П. 229, 234, 235
Зуев С. Ф. 238, 239, 255
Зыкова Г. В. 109

Иван IV Грозный, царь 165, 189
Иванникова А. П. 13
Иванов В. 246
Иванов В. В. 758
Иванов Вяч. И. 532, 545, 546
Иванов Е. П. 248, 252, 268
Иванов К. А. 145, 156, 158
Иванов Ф. И. 238, 252
Иванов Ф. Ф. 310, 311
Иванова Т. Г. 401, 432, 817
Иванов-Разумник (наст. имя и фам. Иванов Р. В.) Р. 228, 379
Иванчина-Писарева (урожд. Брагинская) С. А. 394
Иванчин-Писарев А. И. 381, 383, 385–394
Ивиков журавль — см. *Вигель Ф. Ф.*
Игнатьев (наст. фам. Казанский) И. В. 402–403
Игорь Северянин (наст. имя и фам. Лотарев И. В.) 756
Йегер О. 225
Измайлов А. Е. 161
Измайлов В. В. 79
Измайлов Н. В. 44, 750,
Иларион Оптинский, прп. 486, 509
Илия 218
Ильин 235
Ильин Л. А. 127, 128
Ильин Н. И. 70, 71
Ильин Н. Д. 753, 755
Ильина Н. К. 557
Ильинская О. И. 465, 467–472
Ильичев Л. Ф. 526, 529, 539
Илья Прокофьевич 235, 239
Иннокентий Иркутский (Кульчицкий), свт. 490, 510
Иоанн Златоуст (Хризостом), свт. 480, 508
Иоанн Лествичник, прп. 488, 510
Иоаннесян Ю. А. 202, 221, 223
Иоасаф, индийск. царевич, прп. 478, 507
Иосиф Оптинский, прп. 486, 509
Ирина Вячеславовна, врач 517, 520, 530, 534
Исаак Сирин, прп. 488, 510
Исаак, о. 258, 264
Исаакий Оптинский, прп. 486, 509
Исакович И. В. 532, 544, 545, 547
Исаковский М. В. 532, 544, 545, 547
Истрин В. М. 64, 85, 91, 92, 115, 116

Кабанова (в замуж. Скарлато) Е. С. — см. *Кобанова Е. С.*

Кавелин Д. А. 108–111
Каверин (наст. фам Зильбер) В. А. 521, 535, 547
Казанович Е. П. 185–187, 190, 192–194
Каземзаде Фариборз 221
Казин В. В. 758
Кайсаров А. С. 57, 64, 81, 91, 94, 115, 310
Кайсаров М. С. 73, 74, 81, 91
Кайсаров Паисий С. 91
Кайсаров Петр С. 90, 91
Кайсаровы, братья 57, 64, 85, 89, 115
Какабадзе И. К. 44
Калабухов А. И. 448
Калайдович К. Ф. 112
Калашников З. И., свящ. 481, 508
Калинина В. А. 525, 538
Калмыкова А. М. 770
Каменев (Розенфельд) Л. Б. 532, 545
Каменев Г. П. 64
Каменская А. П., гр. 68
Каменский М. Ф., гр. 66, 68
Кант И. 172
Кантемир А. Д. 143, 145, 146, 156, 157, 159–161, 180, 184, 186, 188, 193, 194, 285
Капица П. И. 529, 542
Капнист В. В. 340, 356
Капутикян С. 799
Каразин В. Н. 73–74
Карамзин 315, 316
Карамзин Н. М. 56–58, 64, 68, 78, 79, 82, 85, 91, 93–96, 103, 104, 110, 113, 133–136, 177, 310, 316, 319, 335, 337
Карамзина Е. А. 95
Каратыгин П. А. 367
Карбоньер Рамон Л., де 64
Кардуччи (Carducci) Дж. 200
Кареев Н. И. 174
Карлейль Т. 225
Кармазинская М. А. 399
Карпинский А. П. 521, 535
Карпов Н. А. 79
Карпов П. Ф. 238, 263
Карпова М. А. 263
Карпова М. П. 252
Карпова Ш. (Е.) Е. 263
Карсавин Л. П. 189, 299, 378
Картвелова А. В. 48
Кассандра — см. *Блудов Д. Н.*
Касти Дж. Б. 287
Катенин П. А. 80, 358, 367, 521, 534, 807
Катилюс Р. 803
Катон Марк Порций Утический 312
Катулл Г. В. (Catullus G. V.) 200
Кауфман А. А. 172
Кауфман С. А. 179, 187
Кедрова Т. Б. 743
Кербабаев Б. М. 800, 802
Керцелли И. Ф. 65–67
Кессель К. И. 407
Кетлинская В. К. 461
Кингисепп В. Э. 234
Киньдяков 353
Киплинг Р. 274
Киреевская А. П. 9
Кирилл Белозерский, прп. 490
Кириллов И. 256
Кириллочкина А. И. 527, 540
Киров С. М. 537, 539, 545
Киселев (Киселев-Сергенин) В. С. 521, 527, 534
Кискачи Т. И. 467, 469
Кислина М. С. 189, 194
Китаев А. В. 758
Клебанов Б. И. 136
Клейгельс Н. В. 171
Клейст Г., фон 377
Климова Д. М. 271, 278
Клиш В. 241
Клопшток Ф. Г. 286
Клостерманн Г. И. 104, 106
Клочкова 162
Ключевский В. О. 225
Княжевич (урожд. Компанион) К. Ф. 227, 243, 259
Княжевич Н. 248
Княжевич Ф. О. 243, 259
Княжевичи, семья 227
Княжнин Я. Б. 64, 161
Князев В. В. 758
Князева Н. Г. 753, 758, 762
Кобанова (в замуж. Скарлато) Е. С. 238, 248
Ковалев В. С. 442, 443
Ковалев М. А. — см. *Рюрик Ивнев*
Ковалевский Е. П. 57, 58, 67, 74, 95, 98, 114, 116
Ковалевский П. Е. 34, 51
Коварский Н. А. 809
Ковнацкая Л. Г. 804, 811
Кодетовский И. 137
Коженкова М. А. 525, 538

Козинцева-Эренбург Л. М. 772–776, 779–784, 790, 793, 798, 801
Козлов А. А. 266
Козлов В. П. 112, 116
Козловский М. И. 70
Козмин Кир В. 747
Козмин Конст. В. 752
Козмин Н. К. 337, 747–752
Козмина Е. С. 752
Козмины 747
Колесников Д. И. 396
Колесов Н. Д. 520, 534
Колесова 189
Колесова Н. Н. 766
Колли Н. В. 772
Колмакова М. 299, 378
Кологривова Л. 513
Колосова И. О. 248, 252, 268
Колотилова С. И. 248, 252, 268
Колчак А. В. 228
Кольцов А. В. 119, 125, 126, 141
Комарович В. Л. 307
Комиссаржевский В. 796
Кондаков С. Н. 12
Кондурушкин С. С. 379
Кони А. Ф. 275, 278
Конопницкая (Konopnicka) (урожд. Василовская) М. 200
Константин Константинович, вел. кн. 19, 138, 807
Константинова А. А. 190
Константинова К. Е. 299, 378
Кончаловский А. С. 809
Копельман С. Ю. 428
Коплан Б. И. 750
Коренева М. Ю. 200
Коринфский А. А. 513
Корконосенко К. С. 766
Корман Б. О. 527, 540
Корнель П. 367
Корнель Т. 79–80
Корнилов Б. П. 537, 758
Коробова Э. 803
Королёв С. П. 742
Короленко В. Г. 45, 381, 385, 390–392, 401, 402, 404–408, 419, 421, 422, 425, 430, 432, 433, 438, 439, 449, 450, 773
Короленко Н. В.(в замуж. Ляхович) 406
Короленко С. В. 773
Коротков Ю. Н. 289, 290
Корсаков Г. Г. 238
Корф М. А., гр. 56, 58, 59, 99, 115
Корявов П. Н. 751
Костелянец Б. О. 515, 528, 540
Костомаров Н. И. 132, 141
Костров Е. И. 340, 356, 357
Косяков Вас. А. 472
Косяков Вл. А. 472
Косяков Г. А. 472
Котельников В. Г. 132
Котетишвили П. А. 35, 37, 44, 45, 50, 51
Котляревский Н. А. 138, 182, 189, 233, 248, 750, 754
Коцебу А. 349
Кочеткова Н. Д. 71, 81, 116, 804
Кочнева Е. В. 119, 138, 141, 766, 767
Кошен А. 104–106
Кощиенко И. В. 224, 241, 268, 741, 746, 804, 811
Кравченко А. И. 745
Крайский (наст. фам. Кузьмин) А. П. 758
Крандиевская-Толстая Н. В. 809
Краснов Г. В. 537
Краснова И. А. 475, 514
Красносельская-Максимова Т. А. 164, 171
Краснушкин (псевд. Севский В.) В. А. 380
Красовицкая Т. Ю. 472
Красуские, семья 227
Крестин А. И. 231
Крестин В. Я. 231
Крестин Я. И. 231
Крестины 231, 237
Кржижановский С. Д. 167
Кривицкая В. П. 48
Крог А. В. 477, 479, 481, 483, 493, 495, 496, 498–500, 502, 507
Кропоткин П. А. 225
Крупская Н. К. 151, 535
Кручинина Н. А. 450
Кручковский Л. 800
Крыжицкий Г. К. 147–149
Крылов И. А. 303, 323, 427, 546
Крымов Д. А. 552
Крюков А. Д. 388, 389, 436, 437, 455, 457
Крюков Д. А. 455, 457
Крюков Д. И. 437
Крюков П. Ф. 419, 420, 423, 437, 440, 441–443, 455, 457, 458
Крюков Ф. Д. 2, 379–382, 383–389, 391–404, 407, 409, 410, 413–416, 418–425, 427–458

Крюкова (урожд. Чебакова) А. Г. 436, 446, 452–454
Крюкова В. А. 433, 436, 455
Крюкова Е. Д. 437, 455, 457
Крюкова М. Д. 419, 420, 448–455, 457
Крюкова М. Ф. 443, 446
Крюковы (семья) 450, 457
Крючков Д. А. (псевд. Келейник) 402
Ксенофонт Эфесский 304
Кторов В. П. 812
Кторова А. (наст. имя Кочурова В. И., в замуж. Сандор) 812–815
Кубе Л. И. 107, 108
Куделли П. Ф. 151
Кудрявцева Е. Н. 235, 240, 248
Кузмин М. А. 772, 791, 793
Кузнецов А. В. 544
Кузнецов Ф. Ф. 433, 458
Кукуй И. С. 303, 378
Кукулевич А. М. 309, 343
Кукушкина Е. Д. 78–79
Кулагин А. В. 536
Куликова Е. М. 766
Куломзина (урожд. Шидловская) С. С. 34, 51
Кульман Н. К. 747
Куприн А. И. 2, 422, 424, 677–679, 681, 682, 725, 754, 756
Куприна (урожд. Гейнрих) Е. М. 677, 680
Купчинская Е. П. 162, 169
Купчинский Ф. П. 169, 170, 194
Курганова О. Е. 149
Курляндская Г. Б. 529, 530, 542
Куропаткин А. Н. 213, 214, 220, 221
Курочкин В. С. 285
Курский М. О. 413
Кустодиев Б. М. 793
Кутузов М. И. 348
Кушнер (урожд. Никитина) Т. Н. 522, 536
Кушнер А. С. 522, 536
Кюхельбекер В. К. 303

Лабзин А. Ф. 92
Лабицкий Й. 31
Лабрюйер Ж., де 150, 193
Лавров А. В. 2, 379, 759
Лаврова Н. Н. 766, 804
Лагарп Ж.-Ф., де 62, 78, 80–82, 116, 336
Лагривова А. И. 64
Лагурев А. С. 464, 473
Ладинский В. Н. 227
Ладинский Н. С. 227
Ламартельер (Lamarteliere) Ж.-А.-Ф. 311
Ламартин А., де 44
Ламбина А. Б. 191
Лансере Н. Е. 129, 130
Лаппо-Данилевский К. Ю. 545, 546
Ларионова А. Д. 810
Ларионова Е. О. 307, 308, 759
Ласаль А., де 23
Лауниц В. Ф., фон дер 171
Лебедев М. И. 749, 751
Лебедева О. Б. 10, 12, 20
Лебедев-Полянский В. 770
Лев (Леонид) Оптинский, прп. 486, 490, 509
Левенсон Д. 788
Левин Д. С. 269–272, 274, 275, 277–280, 289, 290, 297
Левин Л. 460, 461, 472
Левин Ю. Д. 40, 50, 68, 116, 304, 307, 377, 515, 533, 546
Левина И. Ю. 276
Левина М. С. 32
Лейбниц Г. В. 188
Лекишвили С. С. 45
Лемке М. К. 387, 395, 754
Ленин (Ульянов) В. И. 225, 239, 244, 524, 537, 544, 545, 743
Лермонтов М. Ю. 35–44, 49, 51, 52, 135, 138, 208, 219, 320, 362, 524, 764, 810
Лернер (урожд. Рабинович Марьям) Мария 759
Лернер М. М. 762
Лернер Н. О. 759–762
Лернер О. М. (Иосиф Иегуда, Иосиф-Лейба) 759
Лесков А. Н. 33, 51
Лесков Н. С. 33, 51, 761, 805
Лесман М. С. 753, 755, 757, 759–762
Лесс А. Л. 799, 800, 802
Лессинг Г. Э. 335, 359, 374
Лесючевский Н. В. 523, 532, 536
Летурнер П. 344, 348
Лжедмитрий I 312
Либерман Н. Р. 804
Либкнехт К. 811
Либман М. Я. 10, 20
Ливанова Т. Н. 66, 116
Лившиц Б. К. 537
Лигачев Е. К. 548
Линецкая Э. Л. 80

Лисицкий Эл. 771, 797
Лифшиц М. А. 470
Лобанов В. В. 62, 115
Лобанов М. Е. 323, 339, 356, 367
Лобанов-Ростовский А. Б., кн. 33, 46, 52
Лобачевский Н. И. 537
Лозинский М. Л. 275, 279
Локк Дж. 286
Ломан О. В. 536
Ломоносов М. В. 119, 138–140, 145, 157, 160, 181, 182, 186, 188, 191, 193, 194, 303, 529, 530, 542, 543
Лонгинов М. Н. 358
Лондон Дж. 531
Лонжепьер (Longepierre) И. Б. де Роклейн, барон де 358
Лопухин И. В. 66, 68, 316, 322
Лосев А. Ф. 305
Лотман В. М. 530, 542
Лотман Ю. М. (Lotman Yu.) 308, 310–313, 316, 319, 320, 329, 332, 333, 338, 378, 538, 542
Луговкина Н. Н. 815
Лукашева 261
Лукин В. И. 161, 285
Лукина В. А. 30, 51, 543, 766
Лукка В. Н. 804
Лукка Н. Н. 804
Лукьянов А. А. 383, 403, 404
Луначарский А. В. 161, 219, 223, 805
Лысенков В. И. 434, 437, 439, 440, 456
Львова (в замуж. Матвеева) Ел. В., кнж. 32
Люблинский В. С. 174
Люксембург Р. 229
Лядов А. К. 772, 791, 794
Лямина Е. Э. 92
Ляцкий Е. А. 754
Лященко А. И. 125, 141

Майдель И.-Г. 13
Майдель Ф.-Л., фон 13
Майер А. (Meyer A.) 771
Майков А. Н. 145
Майков В. В. 172, 173
Майков В. И. 161
Майков Л. Н. 747, 750, 751
Майков П. М. 7, 11, 20
Майкова М. С. 166
Майор, врач 10
Майофис М. Л. 56, 79, 116
Майский И. М. (наст. имя и фам. Ян Ляховецкий) 429, 430
Макаева Т. Г., кн. 48
Макаренко, эсер 448
Макарий (в миру Булгаков Михаил Петрович), церковный деятель, арх., епископ Винницкий 17
Макарий, богослов, историк церкви 490
Макарий Оптинский, прп. 486, 490, 509
Макарий, митрополит 750
Макаров А. 808
Макаров Н. А. 465, 472
Макаров П. И. 335
Македонов А. В. 528, 540
Макогоненко (урожд. Пайкина) Л. С. 522, 536
Макогоненко Г. П. 515, 518, 522, 530, 536, 543, 805
Макогоненко Ю. 460
Максимов В. М. 263
Максимов Д. Е. 515, 526, 536, 537, 539
Макурин В. М. 401
Макферсон Дж. 173
Малахов Г. 442
Малевич К. С. 814
Маликова А. П. 178, 186
Малиновский А. Ф. 60, 61, 115
Малова М. И. 154, 534, 751
Мальро А. — см. *Malraux A.*
Малютин И. П. 383, 404–409, 412
Мамаева А. М. 151
Мамедханлы М. А. (Нахджавани А. А.) 198, 202–205, 207, 208
Мамонов 140
Мамонтов К. К. 447, 448, 452
Мануйлов В. А. 763–765
Манц Дж. 788
Маргушин П. Ф. 445
Маревна (Воробьева-Стебельская М. Б.) 772, 791, 793
Маршаль Ф. 743
Марин 358
Марино (Марини) Дж. 365
Мария, матушка 247, 250
Мария Александровна, вел. кнж. (в замуж. герцогиня Эдинбургская и Саксен-Кобург-Готская) 43, 44
Мария Александровна, цесаревна, супруга вел. кн. Александра Николаевича 17
Мария Павловна, вел. кн. 239
Мария Николаевна, вел. кн. 14

Мария Федоровна, имп. 135
Маркиш Ш. 305, 306, 378
Марков Г. М. 531, 544
Маркосян Д. С. 766, 767
Маркс А. Ф. 811
Маркс К. 239, 417, 470
Мармонтель Ж. Ф. 309, 328, 340, 341, 371
Мартин-и-Солера В. 327
Мартынов И. И. 336
Мартынов Н. Г. 124, 125, 135
Мартынова А. Н. 475, 514, 816–818
Марченко Ю. И. 817
Масанов И. Ф. 43
Масленников 247
Маслов В. С. 520, 533
Маслова Ев. Д. 163, 170
Маслова Ел. Д. 163, 170
Матвеев Н. М. 424
Матисс А. 791
Маттисон Ф. 303
Маурицио М. 299, 378
Мацулевич Ж. А. 154
Маширов А. И. (псевд. Самобытник) 758
Маяковский В. В. 45
Меве Е. Б. 773
Медведев Р. 433
Медведева И. Н. 309, 312, 313, 329, 331, 340, 342–344, 347, 349, 363, 367
Медведева-Томашевская И. Н. 380
Мезьер А. В. 179, 187
Мейерхольд В. Э. 742
Мейлах М. Б. 305
Мейнеко Л. (Meinecko L.) 810
Мейснер А. Г. 335, 374
Мельников Г. 767
Мельц М. Я. 818
Меньё А. 283, 297
Мердер К. К. 11
Мерзляков А. Ф. 92, 310, 311, 322, 333
Мёрике Э. 303
Меринов А. Ф. 411–413
Метерлинк (Maeterlinck) М. 199
Мехтиева О. К. (Мехти О.) 202, 220–223
Мец А. Г. 804
Мещёвский А. И. 59, 108–111
Микульчик А. А. 755
Миллер (урожд. Егорова) Т. Б. 519, 525, 531, 538, 540, 541
Миллер Дж. О. 538
Миллер О. В. 43, 51
Милль Дж. С. 172
Милорадович К. М. 152, 168, 169, 185, 192, 194
Мильман В. А. 767
Мильтон Дж. 309, 811
Минаев Д. Д. 285
Минак В. С. 309
Минский М. В. 758
Мирза Али Акбер (Алекпер) — см. *Мамедханлы М. А.*
Миров С. Г. 552, 553
Миролюбов В. С. 416, 418
Мироненко С. В. 552
Миронов Ф. К. 395, 438, 443
Мирцхулава А. И. 45
Мисайлиди Л. Е. 766
Митник Е. А. 196, 217, 219, 223
Митник С. Ю. 202
Митрофан Воронежский, свт. 490, 510
Михаил, архимандрит 266
Михаил, вел. кн. 243
Михайлов К. К. 810
Михайлов М. Л. 294, 297
Михайлов Н. 238, 239
Михайловский Н. К. 417
Михеев М. 451
Михеева Г. В. 149, 747
Могилянский А. П. 533, 546
Модест (Стрельбицкий Д. К.), архиеп. 47
Модестова А. И. 241
Модзалевский Б. Л. 11, 118, 119, 122, 123, 125, 139, 141, 142, 361, 747, 749, 750
Модильяни А. 271
Моисей Оптинский, прп. 486, 490, 509
Мокиевский П. В. 419–422
Моллер Ф. А. 140
Молоствов Н. Г. 806
Молоствов П. Л. 99–100
Молчанов Н. С. 459–464, 467, 471
Молчанов, фотограф 799
Монахова Е. Н. 767, 790
Монтескье Ш. Л., де 85, 320
Мопассан Г., де 761
Мордвинов Н. Д. 810
Мордвинов Н. С. 322
Мордовченко Н. И. 335
Мореас Ж. 770
Морев Г. А. 299, 377
Морозов А. А. 529, 530, 542
Морозов Н. А. 146, 234
Морозов Н. П. 413, 414

Морозов П. О. 750
Морозова И. А. 521, 534
Москалева С. А. 162, 168
Москвина 421
Мостовская Н. Н. 34, 42, 50, 51
Мосх 358
Моцарт В. А. 327
Мошков И. К. 330
Муйжель В. В. 421
Мунира-ханум, жена Абдул-Баха 212, 220
Муравейские 240
Муравейский Г. Ф. 226, 228
Муравьев М. Н. 105
Муратов А. Б. 515, 519, 520, 530, 533
Муратова К. Д. 533
Мусабекова Р. Р. 201, 202
Мусакин К. В. 804
Мышецкая З. А. 168
Мякотин В. А. 392, 394, 412, 414–417, 419, 421, 422
Мякотина (урожд. Феодосьева) А. Е. 415, 417, 418

Нагибин Ю. М. 531, 543
Нагорная Я. В. 816–818
Надеждин Н. И. 185, 749, 751
Надсон С. Я. 481, 508
Назаров, урядник 441, 442
Назарова Л. Н. 46, 50, 763
Налбадьян (Эткина) С. И. 285
Нанина — см. *Блудова А. А., гр.*
Наполеон I Бонапарт 8, 101, 103, 323, 349
Нарбут В. И. 741
Нардуччи В. 219, 223
Нарежный В. Т. 311, 312, 326, 336, 338
Наталья Алексеевна, царевна 176, 184
Нежон Ж.-А. 68
Незеленов А. И. 43, 51
Неизвестный Э. 814
Неклюдова З. И. 168
Некрасов Г. А. 515, 528, 541
Некрасов К. Ф. 762
Некрасов Н. А. 533, 536, 540
Нектарий Оптинский, прп. 486, 509
Нелединский (Нелединский-Мелецкий) Ю. А. 349, 355, 356
Нелединский-Мелецкий Ю. М. 64, 161
Немзер А. С. 32, 51
Немирович-Данченко В. И. 754
Немчинова (урожд. Ясинская) Т. И. 148, 149, 188
Нерис С. 746
Неруда П. (Neruda P.) 773, 781, 782, 798, 800, 802
Нефертити 529, 541, 542
Нёфшато Ф., де 106
Нещеретов А. И. 744
Низан П. — см. *Nisan P.*
Никандров И. 245
Никитенко А. В. 557
Никитин И. С. 136, 137, 521, 527, 534
Никитина З. А. 762
Никитина М. В. 474, 475, 513, 514
Никифоров В. Г. 238
Никифоров М. 256
Никифоровский В. М. 232, 233, 240, 244, 248, 250, 253, 257, 267
Николадзе Н. Я. 45
Николаев С. А. 2
Николаева Л. А. 541
Николаева С. А. 518, 520, 522, 523, 528, 531, 533, 534, 540, 546
Николаева Т. А. 527, 540
Николай I, имп. 9–11, 13, 14, 16, 19, 56, 116
Николай II, имп. 214, 237, 243, 247, 389
Николев А. 298, 299, 377, 378
Николев Н. П. 161
Никольская Т. Л. 305, 378
Никон Радонежский, прп. 490
Никонова Н. Е. 10, 20
Никулин А. О. 743
Никулин Л. В. 799, 802
Нилендер В. И. 252, 253
Нинов А. А. 528, 541
Ницше Ф. 805
Новиков Н. И. 43, 51
Ноенкирхен В. А. 678, 725
Норов А. С. 14
Носкович (урожд. Лекаренко) Н. А. 804
Носов А. А. 421
Носова А. Г. 118, 119, 141
Нюня 263, 264

Обатнина Е. Р. 144
Оболенский В. В. (?), кн. 34
Обухова Н. А. 810
Овербек И.-Ф. 13
Овсянико-Куликовский Д. Н. 151, 177, 186, 194
Овчинина И. А. 557
Овчинников Р. В. 807

Огнев Н. (наст. фам. Розанов М. Г.) 768
Одоевский А. И. 285, 287
Одоевский В. Ф. 287
Озеров В. А. 70, 77, 78, 97, 98, 102, 103, 349, 351–354, 356–358, 363
Озеров И. А. 358
Озеров П. А. 69, 70
Озеровы, братья 70, 117
Оксенов И. 770
Оксенов И. А. 758
Оксман Ю. Г. 759
Окуджава Б. Ш. 553
Олег Константинович, вел. кн. 754
Оленин А. Н. 107, 108, 356
Оленина Е. М. 107, 108
Ольденбург С. Ф. 139
Ольсен 768
Омер — см. *Гомер*
Онегин (Отто) А. Ф. 12, 18, 20, 40, 750, 751, 754
Орлов (наст. фам. Шапиро) В. Н. 515, 522–525, 527, 529–531, 536, 544
Орлов Вл. Н. 310
Орлов М. Ф. 109, 111
Орлова Н. Х. 152, 194
Орловский К. П. 544
Осипов Н. П. 161
Осипова А. И. 759
Осипова-Вульф П. А. 238
Оссиан 309, 340, 348
Острая О. С. 190
Островская М. А. 156, 158, 165, 193
Островский А. Н. 2, 145, 181–183, 189, 542, 557–560, 562, 647, 649, 651, 653, 655, 657, 660, 666, 673, 674, 676
Острогорский В. П. 263, 268
Отрепьев Б. И. 312
Отрепьев Григорий 312
Оуэн Р. 411, 413
Охрименко 421
Оцуп Н. А. 275, 290, 296

Павел I, имп. 23
Павленкова Н. В. 48
Павлищевы, семья 256
Павлова М. М. 2
Паисий Величковский, прп. 490
Палладин В. И. 164, 171
Пальмовы, семья 264
Панаев С. П. 125
Панкратьев 243
Панов С. И. 59, 116, 759
Панова В. Ф. 515, 517, 528, 529, 541
Пантелеев Л. Ф. 754
Панченко Е. З. 158, 193
Паперный З. С. 529, 542
Парамонов Н. Е. 431
Парни Э.-Д. 342, 761
Парнис А. Е. 402
Паршева Ж. А. 747
Паскаль Б. 358
Паскевич Ф. И. 16
Пастернак Б. Л. 551
Педдакас И. М. 401
Перкаль М. К. 539
Перлин М. А. 768
Перовская С. Л. 538
Перцов П. П. 401
Песков А. М. 56, 71, 116
Петерсон О. М. 173
Петр I Великий, имп. 69, 70, 174, 374
Петрарка (Petrarca) Ф. 80, 81, 116, 200
Петрищев А. Б. 405, 407
Петров В. П. 161, 286
Петров Д. К. 22, 167, 171, 174
Петрова А. И. 163, 170
Петрова К. А. 428
Петров-Водкин К. С. 526, 540
Петрушевская Н. Ф. 402
Петрушевский Ф. Ф. 402
Пешехонов А. В. 392, 394, 401, 410, 412, 415, 416, 418–420, 449
Пешехонов Б. А. 418–421
Пешехонова А. В. 420
Пикассо П. (Picasso P.) 780, 788–790, 796–799, 801
Пиксанов Н. К. 151–153, 167, 181, 182, 189, 194, 195, 305
Пильщиков И. А. 81
Пименов М. Л. 804
Пинес Б. 269, 270, 297
Пинский Н. 47
Пиотровский И. А. 523, 537
Писемский А. Ф. 546
Плавильщиков П. А. 161, 749
Платон 299, 303–305, 366, 378, 480, 509
Платон (Лёвшин), митр. 92
Платонов С. Ф. 143, 145, 156, 158, 165, 166, 173, 179, 183, 187
Платонова А. М. 168
Платонова Н. С. 166, 174
Плетнев П. А. 7, 12, 13–17, 19

Плеханов Г. В. 536
Плещеева Н. Ф. 107, 108
Плоткин Л. А. 521, 534, 535
Плутарх 303
Плюшар А. А. 16
Погодин М. П. 176
Покотилова О. А. 181, 186, 188
Покровский В. Л. 448
Покровский М. Н. 536
Полевой Б. 799, 802
Полевой К. А. 749
Полевой Н. А. 749, 750
Полежаева А. И. 761
Полетика П. И. 113
Полторацкая В. А. 149
Поляков Л. Я. 422, 423
Полякова С. В. 299, 300, 303–305, 307, 377
Помазанский Е. И. 794
Поморский А. П. 358
Помяловский Н. Г. 381
Поп А. 83
Попов А. 188
Попов А. А. 238, 428
Попов А. П. 424, 425
Попов А. С. (псевд. Серафимович) 383, 384, 404, 428, 432
Попов В. С. (псевд. Дубовской) 428
Попов В. Л. 771
Попов И. А. 428
Попов Л. Д. 747
Попов М. И. 285
Попов Михаил, протоиерей 494, 511
Попова 189
Поповский Н. Н. 285, 286
Портновы, семья 522, 536
Поссе В. А. 418
Потемкин С. П. 354
Прахов А. В. 157, 161
Преображенский И. П. 258
Прийма Ф. Я. 161, 194, 539
Примо Д. П. 749
Прозорова Н. А. 459, 460, 462, 804, 808, 816
Прокопович Ф. 146
Прокофьев А. А. 515, 517, 527, 528, 540
Пропп В. Я. 816, 818
Проскурин В. М. 384, 432, 449, 452, 456
Протасова Е. Ф. 10, 16
Прусаков А. Н. 67
Прутков И. К. — см. *Жиркович Б. В.*
Пугачев В. В. 523–525, 532, 537, 545, 547
Пуни И. А. 772, 791, 794
Пупп Г. (?) 38
Пустынник — см. *Кавелин Д. А.*
Путерман И. Е. (Pouterman J. E.) 782
Путилов Б. Н. 816, 536
Путилова (урожд. Костелянец) Е. О. 522, 536
Путиловы, братья 522
Пушкарев Н. Л. 280, 281
Пушкарева В. А. 8, 20
Пушкин (начальник милиции) 262
Пушкин А. С. 34, 49, 79, 103, 116, 119, 135, 138, 139, 177, 179, 181, 182, 194, 200, 226, 228, 230–232, 238–240, 242, 243, 245–248, 253, 254, 354, 256–258, 261–265, 380, 428, 450, 471, 509, 511, 524, 540, 748–751, 759–761, 780, 782, 806, 807, 811
Пушкин В. Л. 112
Пушкин Г. А. 243, 246, 260
Пушкина М. А. 260
Пыпин А. Н. («А. Н.») 41–43, 52

Рабинович Г. Б. 280, 281, 297
Рагозин Е. И. 40
Радищев А. Н. 329
Радклиф (Радклифф) А. 332, 333, 336, 337
Радлов Н. Э. 272, 296
Радлов Э. Л. 299, 378, 754
Радовиц Й.-М., фон 13
Раев Н. П. 157, 160, 162, 163, 168, 192
Раевский В. Ф. 343
Райт У. и О. 742
Рак В. Д. 64, 70
Рамеев З. З. 201, 202
Расин Ж.-Б. 78, 80, 104, 106, 354, 358–360, 366, 367
Раскин Н. М. 536
Раскин (Ruskin) Дж. 211, 220
Раскины, семья 522
Рахлин Г. М. 524, 537
Рахманов П. А. 69, 70, 75, 77, 82
Ребер Н. Р. 804
Ревякин А. И. 558, 676
Резанов В. И. 94, 116
Резвый кот — см. *Северин Д. П.*
Резниченко И. Г. 530, 543
Рейн — см. *Орлов М. Ф.*
Рейсер С. А. 515, 521, 535
Рейсеры 525, 529

Рейтерн 7
Рейтерн Августа (Рейтерн А. Е.), дочь Е. Р. Рейтерна 9
Рейтерн Александр (Рейтерн А. Е.), сын Е. Р. Рейтерна, 8, 16, 17
Рейтерн В.-В. (Рейтерн В. Е.), сын Е. Р. Рейтерна 8, 16, 17
Рейтерн Герхард, фон (рус. имя и отчество Евграф Романович) 7–21
Рейтерн Е. Е. — см. *Рейтерн Э.-Е.*
Рейтерн Х.-Г., фон, отец Е. Р. Рейтерна 8
Рейтерн Х.-Е. (Рейтерн Е. Е.), сын Е. Р. Рейтерна 8
Рейтерн Шарлотта (урожд. Фишбах), мать Е. Р. Рейтерна 8
Рейтерн Шарлотта (урожд. Швертцелль), жена Е. Р. Рейтерна 8
Рейтерн Шарлотта Е. (в замуж. Вульф), дочь Е. Р. Рейтерна 9
Рейтерн Э.-Е., Е. Е. (в замуж. Жуковская), Е. А. Жуковская 7, 8, 12, 14, 16–19, 21
Рейтерны, семья 10
Рембрандт Х ., ван Р. 805
Ремизов А. М. 185, 194, 815
Репин И. Е. 791
Рескин — см. *Раскин Дж.*
Ржевский А. А. 161
Рив Ф. 292, 293, 294
Ривера Д. 769
Ригас Ф. 363
Ринальдо В. Л. 172
Риола Г. 39, 40, 52
Ричардсон С. 335, 374
Ришелье, герцог 809
Робинсон Э. 746
Ровда К. И. 744
Рогов К. Ю. 71, 79, 116
Роден И., фон 8
Родзянко Е. С. 92
Родзянко М. В. 231
Родзянко С. Е. 57, 73–76, 81–83, 89, 92, 105
Родов С. А. 810
Рождественский В. А. 296
Розанов В. В. 533
Розен А. Г. 461
Розен Г. В. 230
Розов Н. И. 810
Роллан Р. 397
Рольстон В. Р. Ш. 39, 40, 43, 50, 52
Рольцберг 7
Романов А. В., вел. кн. 807
Романов А. С. 460, 472
Романов К. 250
Романов К. К. (псевд. К. Р.) — см. *Константин Константинович, вел. кн.*
Романов П. К. 531, 544
Романова А. В. 766
Романовы, дом 140
Ропет И. П. 511
Рославлев Б. А. 396
Росляков И. 336
Россини Дж. 350
Ростовцев М. И. 167, 174
Руа К. — см. *Roy C.*
Рубакин Н. А. 411
Рубашкин А. И. 460, 472
Рубинштейн А. Г. 31
Рудаков С. Б. 807, 808
Рудакова М. С. 807, 808
Ружицкая И. В. 56, 114, 116
Руммель Ю. В. 132
Руммель В. В. 46
Румянцев Н. П., гр. 112
Румянцев П. А., гр. 69, 70
Румянцев С. П., гр. 107, 108
Рура Р. В. 277
Русанов Н. С. (псевд. Н. Е. Кудрин) 387, 396, 397, 417, 418, 429
Русин Т. И. 253, 257, 267
Руссо Ж.-Ж. 365
Руставели Ш. 35, 51
Рыбников Н. Н. 810
Рыдель (Rydel) Л. 200
Рылеев К. Ф. 322, 350, 808
Рыленков Н. И. 534
Рюрик Ивнев (псевд., наст. имя и фам. Ковалев М. А.) 35, 51
Рябинин Е. А. 551
Рябовол Н. С. 448

Саади 490
Сабирова Э. 803
Сабуров А. А. 34
Сабурова Е. В. см. *Соллогуб Ел. В.*
Савватий Соловецкий, прп. 490
Савинков Б. 440
Савинов А. И. 743
Савицкий И. В. 811
Савич О. Г. (Сава) 768, 770, 773, 790, 792
Савич С. Е. 190
Сажин В. Н. 804

Саитов В. И. 169, 747, 762
Сакулин П. Н. 748
Салванаренко А. В. — см. *Соллогуб Ал. В.*
Салтыков А. А. 543
Салтыков-Щедрин М. Е. 187
Сальман М. Г. 788–790
Самин В. Н. 804
Самойлов Д. 796
Самойлова К. Н. 151
Сандор Дж. 812
Сандунов Н. Н. 310, 321
Сандунова Е. С. 67
Саррот Н. — см. *Sarraute N.*
Сафо 358
Сахаров А. Д. 549
Светлана — см. *Жуковский В. А.*
Светлов Р. В. 299
Свечина М. Н. 72, 74, 80–83
Свитен ван Г. 67
Святловский Е. В. 755
Святослав Ярославич, кн. 112
Святский Д. О. 234
Сдобнов (Здобнов) И. А. 438, 441
Севенар, ростовщик 65
Северин Д. П. 109–114
Седых А. (наст. имя Цвибак Я. М.) 814
Селезнева О. И. 521, 534
Семенов О. 232, 260
Семенова В. К. 182, 189
Семенова Е. С. 344, 345, 347, 349, 355, 358, 359
Семенова М. Б. 76, 117
Сен-Жорж А., де 805
Сен-Флоран Ф. 107–108
Серафим Саровский, прп. 490, 504
Серафимович А. С. 457
Сербинович К. С. 95
Сервантес М., де 398
Сергеева П. 241
Сергеевы, семья 241
Сергий Мечёв, сщмч. 493, 511
Сергий Радонежский, прп. 490
Серебрякова (урожд. Лансере) З. Е. 526, 540
Серебрянский И. 258
Серебрянский Н. И. 258, 261
Серман (урожд. Бабушкина) Э. Л. 467, 469, 470, 472
Серман Б. Е. 469, 472, 473
Серман И. З. 284
Сиверс А. А. 70, 117
Сидоров Г. И. 248, 255
Сиййид Ахмад-афнан 221
Симанков В. И. 30
Симмонс Дж. С. Г. 295
Симони П. К. 747
Симуков Д. А. 48
Синёв, член Войскового Круга 452
Синицын Т. П. (псевд. Пэля Пунух) 755
Сиповский В. В. 143, 145, 151, 152, 156, 158–160, 164, 167, 177–182, 186–188, 191, 192, 194, 747
Скабичевский А. М. 161
Скарлато А. Н. 264
Скарлато О. А. 264
Скиталец (наст. фам. и имя Петров С. Г.) 416, 417
Скобелев М. Д. 221
Скотт В. 286, 287, 294
Скриб Э. 168
Словацкий Ю. 280
Слуцкий Б. 771, 796
Слуцкий Б. А. 771, 796
Случевский К. К. 811
Смирнов А. А. 351
Смирнов А. Т. 248, 255, 265, 267
Смирнов С. А. 335, 376
Снешко И. Б. 531
Снешко Ю. И. 515–517, 531, 543
Собинов Л. В. 756
Соболев А. Л. 146, 193, 300, 378
Собцов 262
Собчак А. А. 548
Соковнина В. М. 104
Соковнина Е. М. 104
Соковнины, семья 102–104
Соколов Н. И. 526, 529, 539
Соколова А. П. 182, 189
Соколова В. В. 182, 189
Соколова О. С. 182, 189
Сократ 480
Солженицын А. И. 380, 384, 436, 450
Соллогуб (в замуж. Вульфиус) Ек. В., гр. 30–33, 35–38, 44–48, 50–52
Соллогуб (в замуж. кн. Гагарина) Мар. В., гр. 33–35, 48
Соллогуб (в замуж. кн. Чичуа) Н. В., гр. 31–38, 45, 46, 48–50
Соллогуб (в замуж. Сабурова) Ел. В., гр. 33, 34, 51, 52
Соллогуб (урожд. Боде-Колычева) Н. М., гр. 46

Соллогуб (урожд. гр. Виельгорская) С. М., гр. 31–34, 37, 38, 49
Соллогуб (урожд. Челищева) О. Н., гр. 33, 52
Соллогуб Ал. В., гр. (псевд.: «А. В. Салваваренко») 33, 51, 52
Соллогуб Анна В., гр. 32
Соллогуб Ап. В., гр. 32
Соллогуб Матв. В., гр. 32
Соллогуб Мих. А. 48
Соллогуб Мих. В., гр. 32, 33
Соллогуб С. В., гр. 32
Соллогуб В. А., гр. 30–35, 37, 46, 47, 49–51
Соллогубы, семья 32, 33, 35–38, 49, 50
Соловьев Вл. С. 225, 420,
Соловьев Е. А. 168
Сологуб Федор (наст. имя и фам. Ф. К. Тетерников) 754
Соломатин П. Г. 425, 427
Сомов А. И. 7, 21
Сомсиков В. В. 299
Сомсиков В. И. 299, 300, 303–306, 377, 378
Сомсикова И. В. 299
Сопиков В. С. 67, 117
Сопочко К.-М. (Konstanty Maria Sopoćko) 795
Сорский Н. 147
Сотникова М. П. 805
Сотникова Т. М. 804
Сохацкий П. А. 309, 310
Соц В. И. 354
Спиридонова М. А. 391
Спрег (Спрейг С. Р.) 210, 211, 219
Срезневский В. И. 124, 749
Сталинский Е. С. 416–417
Сталь Ж., де 311, 351, 761
Станиславский К. С. 271
Станюкович К. М. 526, 539
Старикова Л. М. 78–79
Старушка — см. *Уваров С. С.*
Стасюлевич М. М. 38, 41, 42, 395, 754
Стахович М. А. 124
Стенар (Станнард Дж. Е.) 198, 203, 204, 207, 210, 211
Стендаль (Анри Бейль) 366, 774, 782, 789
Стенич В. И. 774
Степанов В. П. 70
Стивен (урожд. Биркмайр) И. 39
Стивен А. К. 30, 38–44, 52
Стивен О. Л. 39
Столяров 242
Стриевская С. И. 149, 151, 170, 187
Стрижкова Н. А. 460, 472
Строев П. М. 112
Струве Б. В. 125
Струве В. В. 303, 304
Струве П. Б. 416–418
Струговщиков А. Н.
Струков Д. П. 133
Стужин А. 800
Стуре (Стурре) Л. А. 151, 163, 170
Субботич (Суботич) Д. И. 220–222
Суворов А. В. 69, 70, 121
Сумароков А. П. 78, 79, 304
Сунчелей (Сюнчелей) С. 200–202
Сурков А. А. 799, 800, 802
Сурожский (наст фам. Шатилов) П. Н. 755
Сухова А. Н. 811
Сушкова М. В. 328, 371
Сытин И. Д. 146, 157, 161, 402, 427
Сэндберг К. 746
Сюзор П. Ю. 129, 131

Таганцева Л. С. 468
Тагор Рабиндранат (Тхакур Робиндронатх) 200
Талыбзаде А. 222
Тамарченко (урожд. Эмме) А. В. 541
Тамарченко А. В. 465, 467, 470, 473
Тамарченко Г. Е. 465, 467, 470, 473, 541
Тамарченко, семья 529
Тан (наст. фам. и имя Богораз В. Г.) 421–422
Тарасова А. К. 812
Тарле Е. В. 166, 174
Тассо Т. 287
Татищев С. С. 38
Твардовская (урожд. Горелова) М. И. 545, 547
Твардовский А. Т. 534–545, 547, 814
Теплинский М. В. 774
Тернер М. И. 253
Тибулл Альбий 287
Тиме А. 241
Тиме Э. 241
Тименчик Р. Д. 46, 47, 52
Тимофеев К. 811
Тимофеев Л. И. 161
Тимофеева (Починковская) В. В. 2, 44, 224–229, 231–243, 245–256, 259, 264, 266, 268

Тимофеева Л. А. 804
Титов И. О. 414
Тиханов П. Н. 314, 358
Тихон Задонский, свт. 490
Тихонов (Тучинский) С. 227, 228, 240
Тихонов Н. С. 762, 800
Тихонравов Н. С. 331
Тищенко Б. И. 537
Толлер Э. — см.*Toller E.*
Толмачева Е. А. 521, 535
Толстая (урожд. Бахметева, в первом браке Миллер) С. А., гр. 32, 37, 38
Толстой Л. Н. 121, 123, 124, 138, 141, 187, 208, 346, 532, 760
Толстой А. К., гр. 31, 32, 35–38, 51, 52, 179, 187
Тома А. Л. 309, 340
Томашевский Б. В. 361, 380, 750, 760
Томсон Дж. 67, 377
Топоров А. В. 32
Торопыгин В. В. 529, 541
Тотубалин Н. И. 529, 542
Тредиаковский В. К. 82, 83
Треогат Лоэзель Л. А., де 61
Трепов Д. Ф. 163, 170
Трепов Ф. Ф. 170, 407
Триоле Э. — см. *Triolet E.*
Трифонов Н. 189, 195
Троцкий Л. Д. 230, 239, 244, 440
Туган-Барановский М. И. 416, 417
Тукалевский В. 188
Тулин Г. Н. 805
Тупинов И. И. 808
Тургенев А. И. 9, 12, 13, 21, 807
Тургенев Ал. И. 62, 64, 66, 68, 91, 92, 99, 101–111, 115, 117
Тургенев Андр. И. 57, 66, 68, 74, 81–83, 85, 86, 89–92, 115–117, 310, 311, 333
Тургенев И. П. 90–92, 94, 105
Тургенев И. С. 30–32, 34–46, 49–52, 64, 119, 122, 123, 141, 177, 185, 303, 530, 533, 542, 543, 546, 760, 807
Тургенев Н. И. 98, 105, 109–111, 115
Тургенев С. И. 105
Тургенев Н. С. 31, 46
Тургенева В. П. 64
Тургеневы, братья 57, 64, 68, 85, 98, 105, 115, 116
Турчанинов П. И. 83
Тынянов Ю. Н. 811
Тынянова (урожд. Зильбер) Е. А. 811
Тынянова И. Ю. 811
Тыркова-Вильямс А. В. 417, 432
Тютчев Н. Н. 41
Тютчев Ф. И. 135
Тютчева С. И. 135

Уваров А. С. 159
Уваров С. С., гр. 79, 111, 116
Уварова П. С. 159
Угер Т. Д. 805
Уитмен У. 742
Ульянов Д. И. 743
Ульянов М. А. 519, 544
Ульянова (урожд. Нещеретова) А. И. 151, 743, 746
Ульянова О. И. 151
Ульянский А. И. 256, 268
Уоддингтон П. 39, 52
Уржумцев В. 797
Успенский Ф. И. 174
Успенский Э. Н. 549
Успенский Г. И. 45
Уэллс Г. Д. 397

Ф<о>узи — см. *Фоузи*
Фадеев 262
Фадеев А. А. 463, 464, 472, 473
Фальк Р. Р. 772, 790, 793
Фальк, семья 786
Фальконе Э. 70
Фан-дер-Флите К. П. 243
Фарахангиз-ханум, племянница Абдул-Баха 219
Фаррер К. 761
Фаттахов Ш. Л. 201, 202
Фаусек В. А. 175, 184, 194
Федин К. А. 544, 762
Федоров, инструктор горкома 520, 534
Федоров А. В. 530, 543
Федоров А. Ф. 242, 257
Федоров Д. 299, 377
Федотов А. М. 239, 245
Федр 488
Фейгин М. З. 550
Фенелон Ф. 86
Феодор Томский (Феодор Козьмич), прав. 490, 510
Феодосий Черниговский (Полоницкий-Углицкий), свт. 490, 510
Феокрит 358, 363
Феофан Прокопович 146, 285, 296

Ферран А.-Ф.-К. 81, 85–86
Фет А. А. 145, 160, 185, 193, 760
Фидлер Ф. Ф. 206, 219, 223, 754
Филарет 491, 513
Филимонов А. В. 247
Филимонов Е. И. 239, 242, 243, 245, 246
Филимонов Н. И. 239
Филипп II, король 327
Филлис-Андриё Ж. 76
Философов В. В. 260
Философов Д. В. 34, 52
Финдейзен Н. Р. 67, 75, 117
Финкельштейн П. С. 807
Фишбах Шарлотта, фон — см. *мать Е. Р. Рейтерна*
Фишер А. А. 806
Фишер К. А. 263, 268
Флориан Ж.-П. К. де 323
Фок (урожд. Осипова) Е. И. 238
Фок (урожд. Петропавловская) А. М. 238
Фок А. В. 238
Фок, семья 238, 245
Фоменко А. Т. 552
Фомин И. А. 127, 141
Фонвизин Д. И. 509, 811
Форель О. 147
Фориель (Форьель) К. Ш. 363, 364
Форш О. Д. 754
Фотиева Л. А. 151
Фотинский С. (наст. фам. и имя Айзеншер А. Ш.) 772, 790, 791, 793
Фоузи, племянник Абдул-Баха 198, 199, 207, 211–214, 216
Фофанов К. М. 756
Фребель Ф. 437
Фрезинский Б. Я. 767–773, 782, 790, 791, 796–803
Фрейлигрaт Ф. 742
Френкель А. А. 296
Френкель И. 269, 270, 297
Фрид Я. В. 774
Фридлендер (урожд. Гессе) А. М. 465, 466, 468
Фридлендер Г. М. 2, 459, 462, 463, 465, 466, 468–473
Фридлендер Г.-А.-В. М. 466, 467, 470, 471
Фридлендер М. В. 465, 466, 468
Фризман Л. Г. 774
Фриче В. М. 161
Фролов Л. А. 237, 268
Фролов Ф. И. 235
Фрост Р. 292, 294
Фуллон И. А. 171
Функ В.-Г. 17

Хаджи Абдул Хусейн 221
Хаджи Мирза Мухаммад Таки 220
Хаджи мирза сиййид Хасан 221
Хаджи Мухаммад Казем Исфахани 221
Хаджи Ниаз 214
Хализев С. 805
Хализева Т. М. 804
Хализева Э. 805
Хамармер И. П. 461
Харинский А. А. 251
Харинский А. И. 237, 251
Харинский П. И. 237, 251
Харитон 304
Харламов А. А. 123
Хасан, шиитский святой 222
Хватов 262
Хватов А. И. 521, 535
Хвостов Д. И. 64, 161, 359, 360
Хвостова, петербургская дама 102, 104
Хемницер И. И. 161
Херсонская (урожд. Куняева) Е. П. 160
Херхеулидзе М. К., кн. 48
Хикмет Н. — см. *Hikmet N.*
Хирина, генеральша 294
Хитрово Л. К. 7, 16
Холодняк И. И. 171
Холшевников В. Е. 515, 526, 536
Холшевниковы, семья 522
Хомяков А. С. 161
Хосров, араб 207
Храбровицкий А. В. 433–458
Хрущев Н. С. 515, 516, 529, 813
Хурет 208
Хьюз Л. 746
Хэслоп Г. 746

Цаплин И. П. 529, 541
Цаплина (урожд. Смолякова) М. С. 527, 529, 540, 541
Царькова Т. С. 2, 804, 812–815
Цветаев И. В. 791, 794
Цветаева А. И. 772, 794
Цветаева В. И. 791, 794
Цветникова А. В. 751
Церетели А. Р. 45
Цеховская (урожд. Меньшикова; псевд. Ольнем) В. Н. 430

Цурикова Г. М. 525, 541
Цявловский М. А. 754, 760, 808

Чаадаев П. Я. 760
Чавчавадзе А. Г. 45
Чагадаев, кн. 134
Чайковский Н. В. 410, 413
Чайковский П. И. 182
Чач Е. А. 197, 223
Чебышев, москвич 93, 94
Чейгин П. Н. 804
Челищева О. Н. — см. *Соллогуб О. Н.*
Чепуров А. Н. 528, 540
Черепнин В., о. 260
Черкасов И. П. 69, 70
Черкасский В. А., кн. 40
Черниченко Ю. Д. 548
Чернов А. А. 548
Чернов А. Ю. 389, 437, 441, 451, 456, 548, 804
Чернышев В. И. 256
Чернышевский Н. Г. 304
Чертков Л. Н. 305
Черткова (урожд. Дитерихс) А. К. 808
Четкарев В. К. 804
Четкарев К. А. 808
Чехов А. П. 773, 774
Чижевский Д. И. (Tschižewskij Dm.) 313
Чириков Е. Н. 404
Чистова И. С. 290
Чихалова Ю. М. 2
Чичерина Е. П. 69–71
Чичуа К. Н., кн. 48
Чичуа Л. Н., кн. 48–50
Чичуа М. Л. 48–50
Чичуа Н. В. — см. *Соллогуб Н. В.*
Чу! — см. *Дашков Д. В.*
Чубаров А. 811
Чуваков В. Н. 48, 51, 147, 397, 432
Чудаков А. П. 307
Чудакова К. А. 766
Чуковская Е. Ц. 273, 295
Чуковская Л. К. 273
Чуковский К. И. 551, 552, 746, 755, 762

Ш. Варвара 430, 431
Шабурина Т. В. 300
Шагал М. 791, 801, 802
Шадов Ф.-В., фон 8
Шадрин А. М. 305
Шаликов П. И. 79, 161
Шаляпин Ф. И. 205, 681, 763–765, 815
Шамбинаго С. К. 177, 185
Шап И. Е. 433–458
Шапиро Я. А. 271, 296, 297
Шаповалова Г. Г. 521, 522, 536, 816
Шапошников П. Ф. 354
Шателен М. С. 557
Шаурова (урожд. Мухина) М. К. 162, 170
Шафаренко И. Я. 536
Шах-Азиз (Шахазиз) С. С. 199
Шахматов А. А. 123, 126, 139, 183, 190, 191
Шахнова-Данилова О. М. 253
Шаховская З. А. 814
Шаховской А. А. 161, 355, 356
Шварц Е. Л. 541
Швертцелль Шарлотта, фон — см. *жена Е. Р. Рейтерна*
Шветухр А. 429
Швецов С. П. 435
Шебуев Н. Г. 756
Шеварнадзе Э. А. 549
Шевченко Т. Г. 125, 519, 533, 535
Шеймин П. Н. 393
Шекспир (Shakespeare) У. 2, 66, 68, 199, 313, 314, 320, 323, 325, 326, 343, 344–348, 359, 366, 557–560, 676, 742
Шелгунов П. Н. 263
Шелгунова А. Д. 245, 248, 250, 261, 263
Шелгуновы 227, 263
Шелли (Schelley) П. Б. 200
Шеллинг Ф. В. 287
Шендецов В. В. 187
Шенрок В. И. 33, 51
Шенье А.-М. 309, 362, 363, 761
Шепф Е. Ф. 48
Шергин Б. В. 474–476, 506–508, 510, 512–514, 818
Шерешевская М. А. 287
Шестаков Ф. М. 511
Шестинский О. Н. 529, 541
Шефер У. 220, 223
Шилейко В. К. 296
Шиллер Ф. 2, 308, 310–313, 315–317, 319–321, 324–328, 331–339, 341, 345–349, 352, 355, 357, 359, 364, 366, 367, 374, 378, 677
Шилов Д. Н. 56, 98, 100, 117
Шильдер Н. К. 173
Шильникова М. А. 153

Ширванзаде (псевд.; наст. фам. Мовсисян) А. М. 200
Ширинский-Шихматов С. А., кн. 103
Широков П. Д. 402
Ширяев О. С. 80
Шишков А. С. 102, 103, 161
Шишмарев В. Ф. 22
Шкларевич В. 811
Шкловский И. В. (псевд. Дионено) 457
Шкуратов П. И. (псевд. Павел Кудинов) 433–458
Шлаф Й. 805
Шлосберг Э. 773
Шляпкин И. А. 143, 151, 152, 159, 161, 163, 167, 170, 174–176, 179, 184, 185, 192–195, 751
Шмаков Г. Г. 298, 305
Шмеллинг Л. В. 129
Шмидт Е. 770
Шмидт Х. 350, 351, 353
Шмонов А. А. 549, 550
Шницлер А. 397
Шоги Эффенди 218, 219, 223
Шолохов М. А. 379–381, 384, 459, 535
Шопенгауэр А. 165, 170
Шор В. Е. 536
Шор, семья 522
Шостакович Д. Д. 464, 538, 547
Шпилиотова (урожд. Нилус) К. А. 189, 192
Шпильгаген Ф. 761
Штакельберг А., бар. 139
Штейнпресс Б. С. 67, 117
Штерн М. М. 521, 535
Шуберт Ф. И. 101, 103
Шубин В. Ф. 109, 117
Шубинский С. Н. 754
Шукаловы, семья 234
Шульман Л. Ю. 475, 514
Шульман М. Ю. 475
Шульман Ю. М. 475
Шулятикова (в браке Распутина) А. М. 151, 170
Шухаев В. И. 526, 549
Шушерин Я. М. 344, 345, 347

Щеглов И. 256
Щегловитов И. Г. 170
Щеголев А. И. 237
Щеголев П. Е. 744
Щеголев С. А. 168
Щекин-Кротова А. 791
Щерба Л. В. 175, 184
Щербаков 134
Щербатова А. А., кнж. — см. *Блудова А. А., гр.*
Щербатовы, семья 64, 68, 100
Щербина Н. Ф. 160, 193, 760
Щипачев В. 787
Щипачев С. 787

Эвентов И. С. 530, 542
Эдинбургская, герцогиня — см. *Мария Александровна, вел. кнж.*
Эзоп 771
Эйнштейн А. 785, 798, 802
Эйхенбаум Б. М. 76
Эккерман И. П. 532, 545
Экономос К. 364
Эльзон М. Д. 190
Эмирхан А. Р. Ф. 201
Эмме-Тамарченко А. В. — см. *Тамарченко А. В.*
Энгельгардт Б. М. 750
Энгельс Ф. 470
Эолова арфа — см. *Тургенев Ал. И.*
Эргот К. 134
Эренбург И. Г. 767–802
Эренбург И. Е. 767
Эренбург И. И. 769, 772
Эренбург Л. М. — см. *Козинцева-Эренбург Л. М.*
Эсслемонт Дж. Э. 218, 223
Эткина С. И. — см. *Налбадьян С. И.*
Эткинд Е. Г. 535, 547, 802, 803
Эткинд М. Е. 802, 803
Эттингер А. И. 148

Юденич Н. Н. 233, 235, 757
Юм Д. 172
Юнгер Г. Я. (Анатолий, архимандрит) 192, 193
Юркун Ю. И. 305
Юрш, ростовщик 65

Яшон Я. Т. 198, 199, 202, 223
Явчуновская (урожд. Серман) И. Б. 469, 470, 473
Язева К. П. 148, 154
Якименко Н. Я. 263
Якоби Л. 801
Якобсон Л. В. 537

Яковенко Н. П. 162, 170
Яковлев А. Н. 442, 549
Яковлев Н. В. 558, 559, 750
Яковлева (урожд. Ланская) Н. В. 253
Яковлева К. М. 240, 253, 254
Якубович (урожд. Франк) Р. Ф. 405, 407, 431–432
Якубович Д. П. 407, 750
Якубович П. Ф. (псевд. П. Я., Л. Мельшин, П. Ф. Гриневич и др.) 381, 385, 390–392, 394, 405–407, 432
Якушкин В. Е. 750
Якушкин И. Д. 264
Ямпольский И. М. 66
Ян (Янчевецкий) В. 221
Янович П. А. 247
Янушкевич А. С. 10, 12, 20
Яр-Кравченко А. Н. 795
Ясинский И. И. 149
Ященко А. С. 771

Abdu'l-Bahá — см. *Абдул-Беха*
Alberti R. 774
Andrieux Ph. — см. *Филлис-Андриё Ж.*
Aragon L. (псевд. Francois la Colére) 774, 775, 782, 799
Ásíyih Khánum (Navváb) — см. *Асийа-ханум*
Audisio E. 776

Báb — см. *Баб*
Bahá'u'lláh — см. *Беха-Улла*
Belot G. 783
Bloch J.-R. 775, 776
Blumfeld 785, 786
Bondier 785, 786
Bontempelli M. 776

Cassou J. 776
Cendrars B. 776
Chamson A. 776, 777
Cocteau J. 777, 778
Corvi 789
Couffon C. 779

Donninger 785, 786
Dreufus H. — см. *Дрейфус Барни И.*
Druon M. 778
Dugazon см. *Дюгазон Л.*
Dürrenmatt F. 778

Éluard P. 778, 779
Erenburg, Ehrenbourg I. G. — см. *Эренбург И. Г.*

Farahangize Khánum — см. *Фарахангиз-ханум*

Ganneval 785, 786
Gary R. 779
Gómez de la Serna R. 779
Grinevskaya (Grinevskaia) I. A. — см. *Гриневская И. А.*
Grosz G. 783
Guillen N. — см. *Гильен Н.*
Guilloux L. 779
Guren H. 780

Hellens F. 779
Hikmet N. 780, 796

Istrati P. 780

Jasion J. T. — см. *Яшон Я. Т.*

Knight Ch. 559, 676

Levi C. 780
Lotman Yu. — см. *Лотман Ю. М.*

Mac Orlan P. 780, 781
Machado A. 780, 781
Malraux A. 781, 790, 793
Marcenac J. 781
Marie, mlle — см. *Дюма М.*
Masson A. 784
Maurois A. 782
Mazon A. 281
Meyer A. — см. *Майер А.*
Modigliani J. 780
Munírih Khánum — см. *Мунира-ханум*

Nisan P. 773, 782

Picasso P. — см. *Пикассо П.*

Ralston W. R. S. — см. *Рольстон В. Р. Ш.*
Riola H. — см. *Риола Г.*
Roy C. 782, 798, 802
Rubenstein J. 771

Samson J.-P. 783

Sarrote N. 782, 783
Sartre J.-P. 783
Seghers A. 783
Słonimski A. 783
Sprague S. R. — см. *Спрег*
Stannard J. E. — см. *Стенар*
Stephen I. — см. *Стивен И.*
Stephen A. C. — см. *Стивен А. К.*
Stephen H. 39, 52
Stephen O. L. — см. *Стивен О. Л.*

Toller E. 774, 783
Tolstoy Lev N. — см. *Толстой Л. Н.*
Tourguénev I. — см. *Тургенев И. С.*
Triolet E. 783, 799, 802
Tuwim J. 780, 783, 784
Tzara T. 780, 784

Van Tieghem Ph. 333
Vildrac Ch. 784

Waddington P. — см. *Уоддингтон П.*

Zviguilsky A. — см. *Звигильский А. Я.*

СОДЕРЖАНИЕ

I. СТАТЬИ. СООБЩЕНИЯ

Хитрово Л. К. В. А. Жуковский и Герхард фон Рейтерн: «Биографии их нераздельны» 7
Заборов П. Р. Академик А. Н. Веселовский и его сиятельный ученик 22
Лукина В. А., Симанков В. И. Неизвестный адресат И. С. Тургенева: возвращаясь к напечатанному 30

II. ПУБЛИКАЦИИ

«Любезный друг Жуковский» (письма Д. Н. Блудова к В. А. Жуковскому, 1801—1817) (*Вступительная статья, подготовка и перевод текста, комментарии С. В. Березкиной и Н. Л. Дмитриевой*) 55
«С большим удовольствием согласен содействовать...» Ф. А. Витберг — инициатор, организатор, экспонент выставок (*Вступительная статья, подготовка текста и комментарии А. Г. Носовой*) 118
Татьяна Матвеевна Глаголева-Берхен и ее воспоминания о бестужевских курсах (*Вступительная статья, подготовка текста и комментарии А. В. Вострикова*) 143
И. А. Гриневская. Путешествие в Края Солнца (о виденном, слышанном и испытанном) (продолжение) (*Вступительная статья, подготовка текста и комментарии Е. А. Митник*) 196
Бытовая хроника «Пушкинского уголка» и его окрестностей (по материалам дневника В. В. Тимофеевой (Починковской) 1918—1921 гг.) (*Вступительная статья, подготовка текста и комментарии И. В. Кощиенко*) (*окончание*) 224
Переписка Ю. Д. Левина и К. И. Чуковского (*Вступительная статья, подготовка текста и комментарии Н. Д. Кочетковой*) 269
«...словно ты выходец с того света, или, напротив, заживо странствуешь по елисейским краям»: Андрей Николаевич Егунов как филолог после 1956 года (*Вступительная статья, подготовка текста и комментарии М. Э. Баскиной*) 298

Материалы конференции «Чтения, посвященные 150-летию со дня рождения Федора Дмитриевича Крюкова (14 февраля 2020 г.)»

Лавров А. В. Выступление на открытии Чтений в честь 150-летия Федора Крюкова 379
Переписка Ф. Д. Крюкова с сотрудниками и корреспондентами журнала «Русское богатство» (1905—1915 гг.) (*Вступительная статья, подготовка текста и комментарии А. В. Дубровского*) 383
О письме П. И. Шкуратова А. В. Храбровицкому от 16 июля 1970 г. (*Вступительная статья, подготовка текста и комментарии И. Е. Шапа*) 433
К биографии О. Ф. Берггольц: письмо Я. Л. Бабушкина к Г. М. Фридлендеру (1941) (*Вступительная статья, подготовка текста и комментарии Н. А. Прозоровой*) 459

К 130-летию со дня рождения Б. В. Шергина

Б. В. Шергин. Дневник 1942 года (21 января — 13 мая). Часть I (*Вступительная статья, подготовка текста и комментарии Е. Ш. Галимовой и М. В. Никитиной*) 474

Б. Ф. Егоров. Дневник за декабрь 1964 — начало февраля 1965 года (*Вступительная статья, подготовка текста и комментарии А. П. Дмитриева*) 515

Чернов А. Ю. О Горби (история одного автографа и прочие заметки) 548

III. ТЕКСТОЛОГИЯ

К 200-летию со дня рождения А. Н. Островского

Трагедия «Антоний и Клеопатра» У. Шекспира в переводе А. Н. Островского (из фондов Пушкинского Дома) (*Вступительная статья, подготовка текста и комментарии Н. К. Ильиной и И. А. Овчининой*) 557

«Труд огромный, но сладкий». «Дон Карлос» Ф. Шиллера: неизданный перевод А. Куприна (продолжение): варианты сохранившихся источников текста (*Вступительная статья и подготовка текста вариантов В. Н. Быстрова*) 677

IV. ИНФОРМАЦИЯ

Кощиенко И. В. Зенкевич Михаил Александрович. Фонд 773 741

Агамалян Л. Г. Козмин Николай Кирович. Фонд 684 747

Аксененко Е. М. Сведения о материалах М. Горького в собрании М. С. Лесмана. Фонд 840. Опись 17 753

Аксененко Е. М. Материалы Ф. В. Грошикова в собрании М. С. Лесмана. Фонд 840. Опись 19 756

Аксененко Е. М. Материалы Н. О. Лернера в собрании М. С. Лесмана. Фонд 840. Опись 31 759

К 150-летию со дня рождения Ф. И. Шаляпина

Буданова Н. Ф. История издания комплекта «Искусство Шаляпина (проблемы, загадки, гипотезы)» 763

Александрова М. О., Герасимова Е. Ю., Колесова Н. Н, Кочнева Е В., Лаврова Н. Н., Маркосян Д. С., Мисайлиди Л. Е., Монахова Е. Н., Чудакова К. А. Описание поступлений даров Б. Я. Фрезинского в фонды ИРЛИ 766

Кощиенко И. В. Обзор архивных материалов XIX—XXI вв., поступивших в Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН в 2020 г. 804

Царькова Т. С. Алла Кторова (1926—2023) 812

Нагорная Я. В. Антонина Николаевна Мартынова (1932—2023) 816

Уточнения, исправления 819

Именной указатель 820

Согласно Федеральному закону от 29.12.2010 № 436-ФЗ
«О защите детей от информации,
причиняющей вред их здоровью и развитию»,
книга предназначена для детей старше 16 лет

Утверждено к печати на заседании Ученого совета
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН
26 июня 2023 г., протокол № 3

Научное издание

ЕЖЕГОДНИК
РУКОПИСНОГО ОТДЕЛА ПУШКИНСКОГО ДОМА
НА 2023 ГОД

Ответственный редактор *Т. С. Царькова*

Выпускающий редактор: *А. П. Дмитриев*
Верстка: *С. В. Степанов*

Формат 60 × 90 $^{1}/_{16}$. Гарнитура Octava.
Тираж 1000 экз.

ООО «Издательство «Росток»
E-mail: rostokbooks@yandex.ru
URL: http://www.rostokbooks.ru
По вопросам оптовых закупок
обращаться по тел.: 8–921–937–98–70

ИП «Варваркин А. И.»
199155, Санкт-Петербург, ул. Уральская, д. 17, корп. 3, оф. 4